

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый. СЕНТЯВРЬ. 1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. О приѣмѣ подписки на журналъ «Русская Старина» изд. 1882 г. (тринадцатый годъ изданія) . . .	I	VIII. Исторія моей жизни. Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шмидова. 1802—1862 гг. [Окончаніе] . . .	137
II. Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Дѣятельность его на пользу разработки русской исторіи и археологіи. Очеркъ изъ русской историографіи. Состав. профес. В. С. Иконниковъ. . .	47	IX. Языкъ любви сто лѣтъ назадъ. Выдержки изъ писемъ неизвѣстной дамы, 1770-хъ гг. . . .	195
III. Петербургское общество въ началѣ царствованія императора Николая.—Письма М. М. Фока къ А. X. Бенкендорфу, 1826 г. . .	163	X. Москва въ 1814 г.: письмо Ѡ. В. Ростовична къ А. Д. Балашову. Сообщ. А. Колосовскій . . .	219
IV. Записки князя Н. С. Голицына. Глава VIII: событія 1828 г. . .	101	XI. Графъ Алексій Андреевичъ Араччевъ въ военныхъ поселеніяхъ. Разсказъ изъ воспоминаній. Сообщ. К. А. Измайловъ . . .	201
V. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлова: о пережитомъ и пережитованномъ съ 1803 года. Главы XVI—XIX: отъѣздъ изъ Сибири на Кавказъ.—На Волгѣ.—1840 г. . . .	1	XII. Въ Севастополѣ, въ 1855 году. Изъ записокъ очевидца. Сообщ. П. В. Алабинъ	209
VI. Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и Государство, 1850—1863 гг. Очеркъ по документамъ и свидѣтельствамъ очевидцевъ	75	XIII. Князь А. И. Барятинскій. Запѣтка. Сообщ. Ж. И. Венюковъ.	217
VII. Жизнь и труды гравера-академика Ивана Петровича Пожало-стима.—Главы V—VIII	111	XIV. Николай Ивановичъ Пироговъ. Празднованіе пятидесятилѣтія его ученой и общественной дѣятельности, 24-го мая 1881 г. . . .	221
		XV. Библиографическій списокъ русско-историческихъ книгъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ [на оберткѣ].	

ПРЕЛОЖЕНІЯ: I. Дневникъ Семена Андреевича Порошина, воспитателя великаго князя Павла Петровича, 1764—1766 гг. [стр. 405—469].—II. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1856 гг.—заглавная вѣтветка, гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.—III. Портретъ историка-профессора Сергія Михайловича Соловьева. Предсмертная гравюра Академика Л. А. Сѣрякова, окончилъ ученикъ его Н. И. Матюшинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТЯПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАСHEBA.

Екатеринскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1881.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1881 г.

Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Т. I. 387+III; т. II, 389—852+III—186. 1880 года

Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края. Приложение ко II тому 1881 года. 245+XXVI.

Рядко другой провинціальный статистическій комитетъ выступалъ съ подобнымъ богатымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу, какъ выступилъ въ настоящее время Вятскій статистическій комитетъ. Онъ наглядно убѣждаетъ въ томъ, что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи подобный комитетъ при доброй волѣ, настойчивости и участіи мѣстныхъ силъ въ разработкѣ исторіи своего края.

Статистическій комитетъ совершилъ этотъ трудъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, будучи провинкнутъ прежде всего научными цѣлями. Онъ обратился къ мѣстнымъ, правительственнымъ, городскимъ и церковнымъ архивамъ. Множество дѣлъ было рассмотрѣно имъ съ этою цѣлью. Въ его распоряженіи было до 100 плановъ и чертежей, хранящихся въ архивѣ губернскаго правленія. И хотя въ общемъ составъ, трудъ этотъ не представляетъ цѣльной работы, а лишь сборникъ отдѣльных статей, но онъ прекрасно и всесторонне знакомитъ съ исторіею и статистикою Вятскаго края. Онъ заключаетъ въ себя свѣдѣнія объ открытіи Вятскаго наместничества въ 1780 г., историческій очеркъ Вятскаго края, города Вятки и его церквей, летопись событій и законоположеній, касающихся края со времени открытія наместничества, хроникку вятской жизни за послѣдніа 25 лѣтъ, весьма обстоятельный и интересный очеркъ, составленный по губернскимъ вѣдомостямъ; рядъ очерковъ о бунтахъ крестьянъ въ XIX столѣтіи; о картофельномъ бунтѣ въ 1834 и 1842 гг.; рядъ весьма интересныхъ дѣлъ о совершеніи ламческихъ обрядовъ и жертвоприношеній; историческіе очерки учебныхъ заведеній и народныхъ училищъ въ Вятской губ., движеніе народонаселенія за послѣдніа сто лѣтъ и проч.

Изданіе обогатъ томовъ снабжено планами, картами, рисунками и гербами вятскихъ городовъ.

Въ составленіи этихъ очерковъ принимали участіе гг. Н. П. Бехтеревъ, А. А. Андріевскій, Н. Спасскій, А—ръ, А. С. В—въ, С. А. Нурминскій, Н. Н. Романовъ. Редакціонная работа была возложена на Н. А. Тройницкаго (предсѣд. статист. комитета); С. А. Нурминскаго, В. А. Ратькова-Рожнова, Н. А. Спасскаго. Губернское земство на изданіе описанія назначило 1000 р.—это не первая уже услуга нашихъ земствъ на подобныа научныа предпріятія.

Въ собраніи актовъ перепечатаны акты, находящіеся въ другихъ историческихъ изданіяхъ и 22 акта еще нигдѣ не напечатанные, заимствованные изъ архивовъ Вятскаго Успенскаго монастыря, казенной палаты и частныхъ лицъ. Всѣ акты, помещенныя въ этомъ собраніи, обнимають время за XV—XVII столѣтія. Драгоценны также перепечатки изъ мало доступныхъ изданій (губ. вѣдом. и др.). Изданіе снабжено объяснительнымъ словаремъ (старинныхъ словъ) и указателемъ именъ.

Въ заключеніе еще поблагодаримъ издателей за подобное въ высшей степени полезное и прекрасно выполненное изданіе и пожелаемъ, чтобы и другіе статистическіе комитеты послѣдовали примѣру вятскаго комитета.

Архивъ князя Воронцова. Т. XXI. М. 1881. 477. Ц. 3 р.

Недавно вышедшая книга этого изданія имѣетъ большую важность. Она заключаетъ въ себя впервые появившіяся въ Россіи Записки княгини Дашковой, правда во французскомъ текстѣ, но, благодаря этому изданію, онѣ становятся болѣе распространенными и доступными, чѣмъ прежде, и безъ сомнѣнія вскорѣ появятся въ русскомъ переводѣ, начало котораго было сдѣлано даже нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Русской Старинѣ». Давно уже существуютъ заграничныя переводы на англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, не отличающіеся точностію. Послѣдній вышелъ въ Лондонѣ и Лейпцигѣ. Записки, хранящіеся въ Воронцовскомъ архивѣ, писаны пріятельницей Дашковой мяссъ Вильмаръ и отчасти поправлены и пополнены авто-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1881

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

XXXII.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XXXII.

1881.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ 1753 г.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ

† 4-го Октября 1879 г.

ПРИЛОЖЕНЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1881 г.

СВОДЕНО ЦЕНЗУРОМ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23 АПРѢЛЯ 1881 г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Библиотека "Руниверс"

“РУССКУЮ СТАРИНУ”

Изд. 1882 г.

тринадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1882 г., тринадцатый годъ изданія, будетъ выходить, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ четыре тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати ¹⁾.

При книгахъ «Русской Старины» изданія 1882 года будутъ прилагаться портреты русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изд. 1882 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургъ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Невскій проспектъ, д. № 46), въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

(См. на оборотѣ).

¹⁾ При началѣ изданія съ 1 янв. 1870 г. — редакція обязывалась ежемѣсячными книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ издавать въ объемѣ каждую не менѣе восьми печатныхъ листовъ; съ 1874-го года—не менѣе одиннадцати листовъ; а ть 1882 года каждая книга „Русской Старины“ будетъ обязательно заключать въ себѣ не менѣе четырнадцати печатныхъ листовъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВСКОРѢ ВЫЙДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академикомъ Л. А. СЪРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе всѣхъ портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ граверовъ покойнымъ Л. А. Сѣряковымъ — для изданія „РУССКАЯ СТАРИНА“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновятъ на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ текущаго года, получатъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сѣрякова“ за одинъ рубль, который благоволятъ выслать съ подписною, **ДЕВЯТЬ** рубл., на журналъ „Русская Старина“ 1882 г. суммою.

*Можно еще получить „Русскую Старину“ изданіе 1881 года. Дѣнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, М. И. Голеницева-Кутузова (1775 г.), Хиджи-Мурти, гравера-акад. Л. А. Сѣрякова, профессора Н. Н. Широкова, историка-профессора С. М. Соловьева, архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго и дру.— ции **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.*

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

Глава XVI¹⁾.

Отъездъ на Кавказъ.

Быль мартъ мѣсяць 1840 г. и приближалось время нашего отъезда на Кавказъ. Мы были такъ счастливы общию любовью, что проводили наши предлазаванія мѣсяцъ только дней. Каждый день насъ приглашали кто куда на прощальный обѣдъ, и каждый вечеръ мы проводили гдѣ нибудь посреди всѣхъ нашихъ друзей. Въ это время пріѣзжалъ въ городъ Дмитрій Федоровичъ Ѣдажовъ, главный комиссіонеръ и компаніонъ Рязанова, о дружбѣ котораго я уже упоминалъ прежде, и у него-то, въ домѣ управляющаго откуломъ, гдѣ онъ стоялъ, мы проводили вечера, которые никогда не выйдутъ изъ памяти, такъ много было тутъ самой искренней и самой горячей дружбы.

Какъ нарочно предъ нашимъ отъездомъ Александръ Кузьмичъ Мелютинъ, отставной подполковникъ, бывший здѣсь прежде начальникомъ инвалидной роты, разыгрывалъ въ лотерею свою зимнюю повозку, и какъ разъ выиграла палъ на мой билетъ, такъ что мы съ братомъ въ этой повозкѣ доѣхали до Екатеринбурга. Впрочемъ еще много не доѣзжая до Екатеринбурга, зимняя дорога исчезла, и мы, купивши тарантасныя дроги, поставили на нихъ свою повозку, и такъ продолжали свой путь. При выѣздѣ нашемъ, насъ перевозило до десяти саней. Тутъ были всѣ наши товарищи, Колесниковъ, Илья Васильевичъ Кутузовъ, съ одними мы расстались на вѣки, съ другими увидѣлись.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—661; (декабрь), стр. 823—850. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 487—518; (апрѣль), стр. 799—838; томъ XXXI (іюль), стр. 327—370.

Отслуживъ у себя напутственный молебенъ Господу Богу, мы распрощались съ домашними, работниками и работницами нашими, учениками, сосланными черкесами, просившими насъ попросить о ихъ возвращеніи Владикавказскаго начальника, если представится возможность, что вскорѣ и устроилось, и напутствуемые добрыми и конечно искренними пожеланіями и слезами, не безъ скорби и съ нашей стороны, отправились въ путь. Дѣйствительно, эти люди такъ усердно и вѣрно служили намъ болѣе шести лѣтъ сряду, такъ были преданы намъ, что нельзя было не почувствовать сердечной скорби, разставаясь съ ними навсегда. Первая почтовая станція, 25 верстъ, скоро показалась, и при горячихъ дружескихъ объятіяхъ, причемъ нельзя было не уронить нѣсколькихъ слезинокъ, мы расстались.

Первая остановка наша по выѣздѣ изъ Минусинска была въ нашемъ губернскомъ городѣ Красноярскѣ, гдѣ мы пробыли нѣсколько дней. Тутъ мы увидѣлись съ поселенными товарищами нашими Василиемъ Львовичемъ Давыдовымъ, Михаиломъ Фотичемъ Митковымъ и Спиридовымъ, у котораго и остановились. Обѣдали и вечера проводили среди милаго семейства Давыдовыхъ. У нихъ было четверо дѣтей, еще маленькихъ, изъ которыхъ одинъ мальчикъ былъ съ замѣчательными способностями къ рисованію. Онъ еще пяти лѣтъ своими маленькими рученками нарисовалъ переправу ихъ черезъ какую-то рѣку, при переѣздѣ изъ Петровска въ Красноярскъ. Впослѣдствіи онъ уже былъ полнымъ и извѣстнымъ художникомъ и что же? мнѣ пришлось, въ Москвѣ, провожать на могилу прахъ его.

Прощаясь съ ними, невольная грусть прокралась въ сердце. Столько лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ въ заключеніи, братская любовь, соединявшая насъ всѣхъ, была такъ крѣпка, что разставаніе на вѣчную, можетъ быть, разлуку, не могло не разшевелить сердца. Къ Василию Львовичу я, сверхъ того, питалъ особенное сочувствіе. Какъ-то въ Читѣ я заболѣлъ и слегъ въ постель, помнится у меня была горячка. За мной, конечно, ухаживалъ или братъ, или другіе друзья, жившіе со мною въ одной комнатѣ; но вотъ изъ другаго отдѣленія приходитъ къ моей постели Василій Львовичъ Давыдовъ и почти не отходитъ отъ меня. Столько участія, столько чувства онъ показалъ мнѣ, что съ той самой поры сердце мое вполне предалось ему.

Михаилъ Фотичъ Митковъ, прекраснѣйшій и въ то же время очень оригинальный человекъ, жилъ совершеннымъ философомъ¹⁾.

¹⁾ Въ нашемъ распоряженіи находятся для извлеченія и напечатанія въ „Русской Старинѣ“ нѣкоторыя его письма, а также портретъ—весьма обязательно сообщенные его роднымъ племянникомъ Михаиломъ Платоновичемъ Митковымъ—извѣстнымъ и уважаемымъ общественнымъ дѣятелемъ въ С.-Петербургѣ.
Ред.

Онъ имѣлъ хорошенькую небольшую квартиру, которая содержалась въ самой педантической чистотѣ, мебелированная съ большимъ вкусомъ и комфортомъ. Тутъ буквально нельзя было найти пылинки. У него была большая бібліотека. Чтеніе было его страстью, а другою страстью, какъ и у меня, была вѣрность часовъ, которые онъ каждый день самъ повѣрялъ по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ Павломъ Сергѣевичемъ Бобріщевымъ-Пушкинымъ, который это время уже былъ переведенъ въ Тобольскъ. Объ этихъ солнечныхъ часахъ надобно сказать нѣсколько словъ. Онъ устроилъ ихъ на одномъ удобномъ мѣстѣ, провелъ меридіанальную линію около солнцестоянія, распредѣлилъ правильно, по вычисленію, часы, и кончилъ работу. Вотъ приходитъ къ Краснокутскому тамошній батальонный командиръ и, встрѣтивъ тутъ Бобріщева-Пушкина, говорить:

— «Ну, Павелъ Сергѣевичъ, какъ я вамъ благодаренъ за часы, только они стояли не на мѣстѣ, и я перенесъ ихъ противъ обвакты, тутъ самое мѣсто для нихъ».

— Что же вы это сдѣлали? вазывая его по имени говорить Пушкинъ, вѣдь теперь надо снова проводить меридіанальную линію.

— «А зачѣмъ? я вѣдь ихъ переносилъ бережно и какъ стояли, такъ и поставилъ».

Нечего было другаго дѣлать, какъ снова проводить линію времени еще было не много послѣ солнцестоянія.

Простившись съ Васильемъ Львовичемъ, Александрой Ивановной, съ Спиридовымъ и Митковымъ, мы пустились далѣе. Въ Ялutorовскѣ мы нашли другихъ нашихъ товарищей: Василья Карловича Тизенгаузена, Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Мы посѣтили всѣхъ нашихъ, и пріятно провели этотъ день у Муравьева, который не задолго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ Ялutorовскъ изъ Бухтармы, гдѣ женился на племянницѣ директора таможи, очень милой, пріятной и хорошенькой особѣ. Мы хотя лично не были знакомы съ Матвѣемъ Ивановичемъ прежде, но тутъ встрѣтившись были приняты какъ давнишніе, старые друзья!¹⁾ Тизенгаузенъ жилъ одинъ,

¹⁾ Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола—88-ти-лѣтній бодрый старецъ—нынѣ живеть съ своею достойнѣйшею супругой въ Москвѣ, гдѣ мы имѣли удовольствіе посѣтить его въ маѣ мѣсяцѣ 1881 г.—У Матвѣя Ивановича свято хранится большое собраніе портретовъ его сотоварищей и союзниковъ по пребыванію въ Сибири. — Матвѣя Ивановича — нынѣ старѣйшій изъ восьми оставшихся въ живыхъ (1881 г.) декабристовъ: П. И. Фаленбергъ, баронъ А. Е. Розень, М. А. Назимовъ, А. П. Бѣляевъ, П. Н. Свистуновъ, Толстой и Д. И. Завалишинъ.

Ред.

1*

совершеннымъ пустынноикомъ, въ большомъ домѣ, преоригинально имъ самимъ построенномъ и потому «горѣвшемъ». Обойдя всѣхъ товарищей, мы эту же ночью отправились далѣе на Тюмень, Комышловъ и Екатеринбургъ. Въ Комышловѣ мы подъѣхали къ почтовой станціи и пообщались старата почтмейстера, который такъ радушно принималъ всѣхъ нашихъ товарищей, проѣзжавшихъ въ Читту. Мы снова благодарили его за его великодушное гостепріимство, что непременно исполняли и всѣ возвращавшіеся наши товарищи.

Въ Екатеринбургѣ мы остановились у пріятеля нашего Минусинскаго золотопромышленника Мик. Григ. Брюкова, въ его большомъ домѣ. Мы прожили у него нѣсколько дней, гуляли по городу, заходили къ разнымъ экипажнымъ мастерамъ, и, при его содѣйствіи, промѣняли свою повозку съ дрогами на дорожный очень покойный тарантасъ. Онъ познакомилъ насъ съ своей женой, очень представительной и красивой женщиной; и все время, что мы у нихъ пробыли, они угощали насъ съ самымъ радужнымъ гостепріимствомъ. На дорогу снабдили насъ превосходною паюсою икрой и другими закусками. Когда мы прощались съ ними, могли ли тогда думать, что послѣ многихъ лѣтъ намъ придется еще увидѣться съ нимъ въ Саратовѣ, но уже слѣпцомъ, оцупью разпознавшимъ насъ съ братомъ.

Теперь чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ сильнѣе становилось нетерпѣніе наше, при мысли о свиданіи съ милыми и нѣжными сестрами. Одна изъ нихъ просила разрѣшенія ѣхать къ намъ, что бы разделить жизнь свою съ нами, но не получила разрѣшенія. Ближайшимъ отъ Екатеринбурга городомъ была Пермь, затѣмъ Казань, поразившая насъ своимъ величественнымъ столичнымъ видомъ: прекрасныя, величественныя зданія, многолюдство, торцевая мостовая, множество церквей, изъ которыхъ нѣкоторыя очень древнія.

Пробывъ въ Казани дня два, мы выѣхали уже прямо въ Симбирскъ. Вотъ уже 16 лѣтъ прошло, какъ мы изъ Ершова выѣхали въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ не видѣлись съ родными, а мать наша скончалась нѣсколько лѣтъ ранѣе нашего возвращенія, благословивъ насъ заочно уже на смертномъ одрѣ своемъ. Приѣхали въ Симбирскъ прямо на станцію; на станціи мы разспросили домъ Родіонова, гдѣ сестры жили по приглашенію хозяина. Мы наняли городского извозчика, сѣли на линейку, тамошній въ то время извозчикій экипажъ, и съ сильнымъ, радостнымъ біеніемъ сердца отправились разыскивать домъ; но чтобъ нетерпѣніе наше еще болѣе возрасло, то какъ нарочно немощенныя улицы были такъ затоплены грязью, что лошадь останавливалась, черезъ каждые десять, пятнадцать шаговъ, и мы болѣе часу и даже двухъ часовъ тащились до

дома. Но наконецъ остановились у воротъ и узнавъ, что квартира сестеръ на дворѣ, во флигелѣ, мы съ помощью извозчика и еще человека изъ дома понесли наши чемоданы. Дверь была заперта, но въ окно увидѣла насъ горничная сестеръ, и уже знавшая о нашемъ прѣздѣ, съ восторженно блестящими глазами, въ волненіи, подбѣжала къ намъ съ привѣтствіями самыми сердечными, и сказала, что господъ нѣтъ дома, но что она сейчасъ сбѣгаетъ за ними.

Мы вошли въ комнаты и не прошло пяти минутъ, какъ по очереди заключали въ свои объятія плачущихъ радостными слезами нашихъ, поистинѣ, чудныхъ сестеръ. Къ намъ могли выѣхать только двѣ жившія въ Самарѣ, остальные три жили; двѣ подъ Москвой, а одна—въ ивѣннѣ. Сколько утѣшенія, радости, участія дала намъ всѣмъ эта чудная минута свиданія—выразить вполне невозможно, какъ невозможно выразить всю полноту, всю прелесть той недѣли, которая съ этой минуты потекла для насъ такимъ свѣтлымъ, хотя и очень коротенькимъ ручейкомъ. Мы могли пробить тутъ только двѣ недѣли.

Въ Симбирскѣ у сестеръ было много знакомыхъ, которые, конечно, стали и нашими. Тутъ жилъ князь Юрій Сергѣевичъ Хованскій, сотоварищъ юности нашей, котораго мы еще знали въ Петербургѣ: онъ лицезрѣлъ и бывалъ у Долгоруковыхъ. Жена его была сестра нашего друга и товарища Василья Петровича Ивашева. Онъ уже на поселеніи, лишившись своей жены, которая, какъ я упоминалъ, такъ романтически прѣѣхала къ нему невѣстой, чтобы посвятить ему всю свою жизнь, хотѣлъ проситься на Кавказъ, но ровно черезъ годъ соединился съ своимъ нѣжнымъ, самоотверженнымъ другомъ, въ ивѣнности. Послѣ него остались дочь и сынъ, которые были взяты его сестрой, а ихъ теткой княгиней Хованской. Тутъ же мы видѣли и другую сестру его Языкову, которая письмомъ своимъ пробудила вновь его уснувшія чувства къ дѣвушкѣ, ставшей въ заключеніи его женой. Истинно говорить съ какимъ дружескимъ радушіемъ мы были приняты всѣми этими лицами, столь близкими намъ по чувствамъ дружбы къ ихъ единственному брату, такъ рано лишённому изъ ихъ среды, и тогда когда счастье свиданія съ нимъ было такъ близко. Сестры были очень дружны съ одной прелестной молодой дамой Софьей Львовной Каракозовой которая часто бывала у нихъ, какъ и мы у нихъ. Мужъ ея былъ очень болѣзненъ, страдалъ страшно подложечными болями, отъ чего вскорѣ и умеръ. Понятно, какимъ наслажденіемъ было для насъ это избранное общество очаровательныхъ по уму, красотѣ, изяществу дамъ, послѣ столькихъ лѣтъ отчужденія. Правда, наши благодѣтель-

ныя дамы, жены нашихъ товарищей, по своему высокому положенію въ свѣтѣ, изяществу, воспитанію, были на той же высотѣ съ тѣмъ обществомъ, которымъ мы теперь наслаждались, но мы, заключенные, очень мало изъ тюрьмы ихъ видѣли, но за то какъ много чувствовали и какъ сильно въ благодарномъ сердцѣ запечатлѣли ихъ милый образъ, хотя мимолетно уловленный сквозь щели нашего тюремнаго частокола.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Самары, гдѣ служилъ докторомъ по удѣльнымъ имѣніямъ, мужъ старшей сестры нашей Францъ Петровичъ Паузеръ, весьма искусный, ученый врачъ, а что еще лучше—прекраснѣйшій человѣкъ, съ которымъ сестра была совершенно счастлива; еще помню его совѣтъ на Кавказѣ—пить больше чаю и непременно послаще, что и исполняю до сихъ поръ. Онъ могъ пробыть только одинъ день, такъ какъ долженъ былъ ѣхать по своей обязанности.

Такіе счастливые часы, дни, недѣли летятъ быстро, а потому и срокъ нашего отъѣзда наступилъ скоро. Сестрамъ мы сдали лишнія вещи, стараясь какъ возможно облегчить для себя предстоящую намъ кочевую жизнь, и въ тарантасѣ напѣмъ стало еще просторнѣе.

День нашего отъѣзда былъ 1-го мая 1840-го года.

Мы уже простились наканунѣ со всѣми нашими знакомыми, но проводить насъ пришелъ князь Хованскій и безподобная Софья Львовна. Она пожелала намъ скорѣе возвратиться съ Кавказа и, конечно, героями. Первое ея желаніе исполнилось, такъ какъ мы возвратились послѣ семи лѣтъ, но послѣднее осталось втунѣ и мы возвратились обыкновенными изъ обыкновенныхъ. Собирались мы съ милѣйшимъ барономъ Иполитомъ Александровичемъ Вревскимъ, тогда еще капитаномъ генеральнаго штаба, по своему желанію временно командовавшимъ Куринскимъ батальономъ, отбитъ у черкесовъ, чтобъ попасть въ герои, пушку, которую ставили они на горѣ противъ лагеря, но они всегда заблаговременно ее увозили, а потомъ и вовсе перестали таскать и громить нашъ лагерь подъ Уйсъ-Унгуromъ и геройство не состоялось. Это былъ годъ несчастной Ичекирской экспедиціи генерала Грабе. Вревскій же палъ въ Мзгинскихъ горахъ генералъ-лейтенантомъ, начальникомъ отряда, уже въ 1859 г., и палъ героемъ.

Распростившись съ сестрами, мы сѣли въ свой тарантасъ и отправились на югъ—

И мы на югъ, въ страну,
Гдѣ яхонтъ нсба рдѣеть,
И гдѣ изъ розъ себѣ гдѣздо природа вѣеть.....

Стихи нашего незабвеннаго А. И. Одоевскаго, сказанныя имъ экспромтомъ, сидя съ Мих. Мих. Нарышкинымъ въ тарантасѣ на пути къ Кавказу.

На пути между Сибирскомъ и Саратовомъ мы проѣхали города Сызрань, Хвалыинскъ; первый былъ замѣчательнъ тогда превосходнымъ пшеномъ, здѣсь произрастаемымъ, другой замѣчательнъ тѣмъ, что болѣе походилъ на село, нежели на городъ. Вся эта дорога идетъ по нагорному берегу Волги и, подходя къ Вольску, представляетъ восхитительное мѣстоположеніе. Вольскъ расположенъ на самомъ берегу рѣки и съ горы видѣнъ какъ на ладони, такъ что можно пересчитать всѣ улицы и сады при каждомъ домѣ. Самъ городъ очень красивъ, имѣлъ и тогда много хорошихъ каменныхъ домовъ, между которыми особенно выдается домъ знаменитаго Алексѣя Петровича Сапожникова съ огромнымъ садомъ; имъ же выстроены тамъ великолѣпный каменный храмъ; самъ онъ принадлежалъ къ единовѣрческой церкви. Отъ Вольска до Саратова 120 верстъ и потому мы скоро пріѣхали въ Саратовъ.

Изъ Сибирска мы выѣхали 1-го мая, была полная и роскошная весна и уже вполне одѣтый лѣсъ, вечеромъ и ночью оглашаемый пѣніемъ соловьевъ, которыхъ мы уже давно не слышали. Въ Сибирь они не заглядываютъ. Вообще дорога наша была очень пріятна и по экипажу очень покойна.

ГЛАВА XVII.

На Волгѣ.

По пріѣздѣ въ Саратовъ первой заботой нашей было отыскать фабриканта Шехтель, къ жонѣ котораго мы имѣли письмо отъ нашего юноши Александра Петровича Колесникова, который письмами своими давно повнакомилъ съ нами ихъ семейство. Сыскать ихъ было не трудно; какъ только мы вошли на Московскую улицу увидѣли магазинъ братьевъ Шехтель, откуда и проводили насъ къ нимъ въ домъ. Въ этомъ домѣ мы нашли три семейства трехъ братьевъ Шехтель, жившихъ вмѣстѣ. Двое изъ нихъ женаты на двухъ сестрахъ, можно сказать красавицахъ. Когда объ насъ доложили, вышла къ намъ старшая Анна Ивановна, и мы увидѣли, что красота ея была еще выше того, какъ мы себя представляли, а умомъ, граціей, прелестью милого обращенія она совершенно плѣнила насъ. Вслѣдъ за нею вышла младшая сестра, Елизавета Ивановна, и эта была по-

ею очарованіе. Онѣ были очень похожи другъ на друга, но эта была выше ростомъ, ей было только 18-ть лѣтъ и эта юность еще болѣе придавала предести ея замѣчательной красотѣ. У Анны Ивановны тогда была дочь лѣтъ пяти, а у Елизаветы Ивановны былъ первый ребенокъ и еще грудной. Когда она держала на рукахъ своего младенца, то востигъ самый гениальный художникъ нашель бы ее достойной своей кисти. Описанные въ письмахъ Александра Перовича К.—ва можетъ быть слишкомъ пристрастно, мы были приняты съ откровеннымъ объятіемъ. Старшій братъ, мужъ Анны Ивановны, Францъ Осиповичъ, по наружности составлялъ совершенную противоположность своей предестной жемѣ, впрочемъ можетъ быть вполнѣ соответствуя ей по своимъ внутреннимъ качествамъ; они жили очень хорошо. Тогда же мы познакомились и со вторымъ братомъ Алексіемъ Осиповичемъ. Третій былъ въ отъѣздѣ, но жена его Марья Кондратьевна была съ ними. Насъ оставили обѣдать, обѣдало еще нѣсколько постороннихъ знакомыхъ. Послѣ обѣда хозяева показали намъ свою сирпинную фабрику, которая работала эту матерію и дѣла ихъ тогда были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Потомъ мы отправились по городу и на пристань, гдѣ цвѣлъ день кипѣла самая оживленная и шумная дѣятельность. По ихъ желанію, этотъ вечеръ, какъ и всѣ другіе, пока мы жили въ Саратовѣ, провели у нихъ. Всѣ дамы играли на фортепіано и обѣ сестры пѣли и мы весь вечеръ наслаждались ихъ пѣніемъ, иногда присоединялись къ нимъ въ припѣвахъ одного, еще тогда новаго для насъ, романса: «Ты не повѣришь, какъ ты мила», что вполнѣ могло и должно было относиться къ этимъ, поистинѣ, милымъ дамамъ. Давно уже не слыхавъ музыки, которую мы страстно любили, отвыкнувъ въ Сибири отъ дамскаго общества, понятно, что этотъ и другіе вечера у нихъ были для насъ очень пріятны.

Анна Ивановна была хорошо знакома съ губернаторшею Екатериной Ивановной Бибиковой, родной сестрой нашихъ несчастныхъ товарищей Муравьевыхъ-Ангостоловъ. Одинъ (Сергій) умеръ на висѣлицѣ 13-го іюля 1826 г., другой (Иполитъ) застрѣлился, а третій былъ на поселеніи въ Илутеровскѣ, котораго мы видѣли предѣемъ и который нынѣ живетъ въ Москвѣ. Она знала отъ Анны Ивановны, что мы должны были проѣхать и просила извѣстить ее когда мы пріѣдемъ, чтобы видѣться съ нами. На другой же день она прислала за нами зипиаль, приняла насъ какъ родныхъ, такъ и мы смотрѣли на нее; всѣ родные товарищи нашихъ также были родные и намъ,—такъ крѣпко связала насъ общность идей, участіи и братская любовь. Много было пролито ею слезъ, при разныхъ тяжелыхъ и горькихъ воспоминаніяхъ;

сколько разспросовъ о житьѣ оставшагоса брата, о томъ, какъ онъ переноситъ свое заточеніе и проч. Она не знала какъ выразитъ намъ свое сочувствіе; угощала насъ, сама накладывала мушанья за завтракомъ, а узнавъ, что мы куримъ, приказала подать трубки. Такъ какъ намъ странно казалось курить при ней и мы отказывались, помня, что въ наше время при дамахъ еще не курили, то она непремѣнно требовала, чтобы мы курили, утѣряя, что теперь все это измѣнилось, сами дамы и дѣвчаны курятъ и что это всадѣ принято.

Простившись съ нею съ искреннимъ и самымъ горячимъ родственнымъ чувствомъ, мы, провожаемые ея добрыми желаніями, къ ея же экипажѣ, отправились къ Шехтель, гдѣ насъ ожидали къ обѣду. Такъ какъ мы рѣшились плыть рѣкой до Астрахани, то послѣ обѣда отправились съ Алошкіемъ Осиповичемъ на пристань, гдѣ нашли хозяина большаго дощаника, плывшаго въ Астрахань, и условились съ нимъ. Проведя послѣдній день въ этомъ миломъ обществѣ, мы на другой день простившись съ ними, не скрывая истинны, простились съ пріестью. Взаимная симпатія въ короткое время сблизила насъ и обратилась въ дружбу, которая продолжалась потомъ на возвращеніи нашемъ съ Кавказа въ теченіи многихъ лѣтъ. Теперь уже многихъ лицъ изъ этихъ семействъ не стало, и въ живыхъ остается одна Анна Ивановна съ дочерью, тоже вдовою; но дружба въ нимъ въ моемъ сердцѣ жива до сей поры, какъ будетъ всегда.

Домдавшись, когда наши гребцы, которыхъ было десять, по пяти въ смѣнѣ, запасли себѣ хлѣба, пшена, масла и прочей провизіи, помѣстившись у весель, а хозяинъ, онъ же и лоцманъ, на кормѣ, мы вошли въ свою лодку.

Саратовская пристань еще и въ то время, то есть въ 1840-мъ году, представляла очень оживленную картину. Пропастъ народа суетилось всюду. Одни приготавлились плыть, другіе ихъ провожали; возгласы, прощанія, крики разнощниковъ, стукъ мелота, трѣканье рабочихъ, все это разнеслось въ воздухъ какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ. Тутъ было видно множество судовъ всякаго размѣра. Первое мѣсто тогда занимали такъ называемыя разшивы, поднимающія грузъ до 18000 пудовъ. Этотъ родъ судовъ показываетъ нѣкоторыя мореходныя притязанія. На нихъ есть одна большая, съ смоленымъ такелажемъ, мачта; въ кормѣ есть каюта, на подобіе какой нибудь корабельной каюты, только безъ претечевій; одинъ огромный парусъ внизу и небольшой топсаль вверху. Нижній парусъ такъ великъ, что его ставятъ безопасно только въ небольшой вѣтеръ, а если вѣтеръ засвѣжѣетъ, то его чрезвычайно трудно убирать съ такими первобытными приспособленіями, какія существуютъ на этихъ

судахъ. Другія волжскія суда носили разныя названія: косныя, корбасы, шитяки, тифинки, мокшаны, осланки, дощаники большіе и малые и проч. Онѣ имѣютъ и мачту, но такелажъ не смоленый. Большія вмѣщаютъ отъ 10 до 11000 пудовъ. Суда, плывущія внизъ по Волгѣ, довольно скоро совершаютъ свой путь. При обыкновенной погодѣ, изъ Саратова въ Астрахань поспѣваютъ въ недѣлю, а при хорошемъ вѣтрѣ—въ пять дней и менѣе. Вверхъ по рѣкѣ разшивы тянутся или бичевой или завозами.

На дощаникѣ для насъ отгородили въ кормѣ мѣсто и сдѣлали навѣсъ отъ солнца и дожда и тутъ мы могли сидѣть очень покойно и, сидя, спать.

Хозяинъ дощаника, онъ же и кормчій, былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти, бѣлокурый, съ голубыми выразительными глазами и съ умной фizioноміей. Одѣтый въ легкое полукафтанье, перетянутый шелковымъ кушакомъ, въ круглой съ маленькими полями шляпѣ, въ полосатыхъ шароварахъ, строгий и красивый, онъ имѣлъ видъ истиннаго лодмана, волжскаго типа. Въ теченіи нашего плаванія, мы, судя по немъ, убѣдились, что волжскіе лодмана, знаніемъ своего дѣла и смѣтливостью не уступятъ своимъ собратамъ норвежскимъ и англійскимъ лодманамъ, правда, что тѣхъ арена—океанъ.

Когда же мы вышли изъ среды судовъ, стоявшихъ у берега, на средину рѣки, по командѣ лодмана: «молись Богу», всѣ сняли шляпы и произвели краткую молитву, конечно самую искреннюю, въ которой каждый поручалъ себя храненію Всеблагаго Промисла; затѣмъ веслы упали на воду, и берегъ побѣжалъ отъ взоровъ. Долго еще намъ видѣлся Саратовъ съ своими домами, церквями и лѣсомъ мачтъ, но, наконецъ, все это слилось въ одну массу и потонуло.

Странническая жизнь, не только произвольно избираемая, но и невольная, все же имѣетъ и свою прелесть. Сколько встрѣчаешь людей, которыхъ полюбишь всѣмъ сердцемъ, которыми бываешь любимъ взаимно, среди которыхъ жидось такъ отрадно, такъ полно и пріятно! а такъ какъ человекъ живетъ чувствомъ, то вотъ онъ уже и счастливъ, хотя и мгновенно. Разлука грустна, конечно, но за то какъ сладостны самыя минуты разлуки, сладостны тою любовью, которая при этомъ всегда выражается. Притомъ чего стоятъ одиѣ воспоминанія, переносящія въ милую среду, и какъ бы возвращающія утраченное? Затѣмъ разнообразіе встрѣчаемыхъ предметовъ, прекрасныя виды, чудныя картины природы, иногда до того очаровательныя, что невольно мелькаетъ мысль: вотъ бы гдѣ пріютиться и воткнуть свой странническій посохъ. Но вотъ еще новый край, новые люди и опять такіе симпатичные, добрые, любящіе; и къ этимъ

какъ и къ прежнимъ сердце чувствуетъ влеченіе; испытываетъ сладость дружескаго общенія и такъ далѣе и далѣе и еслибъ объѣхать весь міръ и черезъ нѣкоторыя разстоянія проживать въ безчисленныхъ мѣстахъ земнаго шара, нѣтъ сомнѣнія, что эти наслажденія любить и быть любимымъ повторялись бы до самаго конца странствія и явилась бы безконечная цѣпь привязанностей, грустныхъ разставаній, радостныхъ встрѣчъ, дружескихъ союзовъ, воспоминаній и все это до той чудной страны, какъ вѣруемъ, гдѣ всѣ способные къ чистой любви, соединятся на вѣчную радость вѣчной любви, въ Томъ, кто Самъ есть безконечная любовь.

Пока эти фантастическія мысли пробѣгали въ головѣ, наша ладья быстро плыла «внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Поставили мачту, подняли парусъ и подъ водорѣвомъ еще сильнѣе закипѣла влага, бросая брызги негодованія на дерзкую, которая такъ свободно и съ такою силою раздвигала ее по обѣ стороны, пролагая себѣ путь. Пѣнистыя волны играли вокругъ рѣввою толпою, то ударяя бока нашей ладьи какъ бы со злобою, то отражаясь въ безсиліи, обдавали насъ своими брызгами. Тутъ лецманъ закричалъ: «на крюкъ парусъ!». Сначала вѣтеръ былъ нѣсколько съ боку, теперь-же, при поворотѣ по колѣву рѣки, сталъ попутнымъ, а потому и нужно было выставить большую поверхность паруса. Вѣтеръ засвѣжѣлъ еще болѣе, парусъ дрогнулъ, встрепенулся, какъ бы привѣтствуя своего могучаго гостя и наша ладья понеслась еще быстрѣе.

До сихъ поръ мы плыли при облачномъ небѣ, но съ усиленіемъ вѣтра тучи разсѣялись, засіяло солнце и освѣтило прекрасную картину. На правомъ нагорномъ берегѣ постоянно пробѣгали тѣ луга и пастбища со стадами, тѣ поля съ пшеницей бѣлотуркой, тѣ живописныя группы березовыхъ или дубовыхъ рощей. На самомъ берегу рѣки мелькали богатныя и красивыя села со многими церквами, затоны съ рыболовными снарядами, челноки рыбаковъ, скользящихъ по всему пространству рѣки; суда подъ парусами, плывшія по разнымъ направленіямъ, всюду жизнь, питаемая благодѣтельною рѣкою. Умѣренный, а далѣе и теплый климатъ, легкость сообщенія, благодарная почва дѣлаютъ Волжское народонаселеніе самымъ богатымъ и самымъ дѣятельнымъ. Нижегородская ярмарка прежде всѣхъ снабжаетъ своихъ приволжскихъ потребителей всѣми возможными товарами, почти по ярмарочной цѣнѣ. Уже въ продолженіи ярмарки, торговцы средней руки нагружаютъ суда и развозятъ товары повсюду; Астрахань также ихъ первыхъ снабжаетъ произведеніями юга; превосходныя яблоки растутъ по берегамъ Волги, изобилующими огромными фруктовыми садами; желѣзо какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ

мануфактурныхъ издѣлійхъ здѣсь получается раньше всѣхъ изъ Перми и съ ея многочисленныхъ заводовъ. Посредствомъ ея волшебнаго моста, произведенія богатой Сибири разливаются во всѣ части государства—и вотъ почему Волгу можно назвать володымъ мостомъ.

Солнце уже склонялось къ горамъ, когда въ отдаленіи открылось село Ахмать, гдѣ мы должны были на часъ остановиться, велѣть развести на берегу огонь для чайника и взять сливокъ для чая. Въ это время роскошный майскій вечеръ, радужный и благоуханный, сходилъ на землю въ потухающихъ лучахъ солнца, разливая вѣсѣть съ прохладой какую-то невыразимую кѣгу во всей природѣ. Наконецъ, солнце опустилось къ горамъ, коснулось земли и, напечатлѣвъ пламенный поцѣлуй на ея челѣ, скрылось. На мгновение какъ бы румянецъ стыдливости пробѣжалъ по ея ланитамъ; наша ладья коснулась берега и остановилась.

Когда мы напились чаю, завѣса ночи уже скрыла отъ насъ горы и опустилась на всѣ предметы, насъ окружавшіе, когда мы отвалили отъ берега. Низменный лѣвый берегъ и днемъ видѣнъ только въ отдаленіи, теперь же онъ скрылся совершенно и одна брызганная масса воды насъ окружала. Кое гдѣ мелькали огоньки на рыбныхъ тоняхъ и въ селеніяхъ, которыя проходили. Равномѣрные удары весель няти могучихъ гребцовъ, сопровождаемые ихъ тихимъ гармоничнымъ пѣніемъ, иногда лай собакъ, крикъ ночныхъ птицъ, ободрительные, по временамъ, возгласы кормчаго—вотъ все, что только нарушало тишину ночи. Ладья наша неслась незамѣтно по теченію Волги и только разсѣкаемая влага своимъ кипѣніемъ свидѣтельствовала о быстротѣ хода. Завернувшись въ шинели отъ свѣжаго ночнаго воздуха, мы долго наслаждались, прислушиваясь къ тихому и чрезвычайно пріятному пѣнію нашихъ гребцовъ и настроенные величественно, краснорѣчиво тихавою ночью, мы съ живымъ чувствомъ въ тайникѣ сердца принесли свою обычную передъ сномъ вечернюю молитву Господу Богу. Между тѣмъ незамѣтно зажглись небесныя свѣтила, какъ безчисленныя лампы въ великолѣпномъ храмѣ и отразились въ водѣ. Мы плыли какъ бы въ воздушномъ пространствѣ, въ средоточіи какого-то гигантскаго шара, имъ обхваченные со всѣхъ сторонъ. То былъ истинно нерукотворенный храмъ Божій, освѣщенный мириадами небесныхъ свѣтилъ, въ которомъ также происходило всеночное бдѣніе. Тутъ какъ будто слышался звучный голосъ, возвѣщающій величіе Творца въ шестисеалми и пророчествахъ и вдохновенныя пѣсни, славословія Его пришествіе и совершенное Имъ спасеніе человѣчества.

Съ этими молитвенными мыслями мы уснули самымъ сладкимъ

сномъ. Говоръ и колебаніе насъ разбудили, то была смѣна гребцовъ. Когда они разбѣтались, кормчій снова командовалъ: «спѣрь, Богъ на помощь, молись Богу!». Послѣ молитвы гребцы погрузили свои весла и ладья тронулась. Въ это время вошла луна и золотые лучи ея затрепетали въ струяхъ Волги и освѣтили всё окружающее насъ предметы какими-то чудными фантастическими свѣтомъ. На право опять обозначались высокія горы, но теперь уже не въ томъ удивительномъ видѣ какъ днемъ; напротивъ, онѣ стояли передъ нами какъ какіе-то великаны, съ грозными нахмуренными челоми, съ самыми неприятными выраженіемъ и непроницаемою тьмою у ихъ подошвы, куда не проникали лучи свѣта. Ладья наша, косматая кормилу, быстро поворотила и побѣжала отъ нихъ на средину, какъ бы устранившись этого грознаго явленія. «Орлики», такъ называлъ гребцовъ лодманъ, «навались, молодцы, блиска Сувать», командовалъ онъ. Сувать—это водоворотъ, образующійся отъ стремини въ большахъ камняхъ на днѣ, производящій опорное теченіе въ извилинахъ, иногда очень крутыхъ, Волги, и отъ впадающаго въ этомъ мѣстѣ горнаго потока. Удвоенныя усилія гребцовъ показавали, что они вполнѣ сознавали важность предостереженія. Не прошло минуты, какъ ладья наша повоелась съ невозможною быстротою. Вода нектово забушевала, кидалась во все стороны, кидѣла и хлопотала какъ въ котлѣ; съ воплемъ отражалась отъ берега, ударила въ бока лодки, пѣвилась, шумѣла, обдавала брызгами, какъ бы готовясь поглотить свою жертву. Чрезвычайныя усилія гребцовъ и кормчато съ кормиломъ, его возбуждающіе возгласы, показывали, что опасность была дѣйствительная. Глазъ не могъ слѣдить за быстротою этого водянаго вихря; все пространство тучины было покрыто бѣлою кипящею пѣною, и освѣщаемое луною, лучи которой дробились на миллионы искръ, представляло грозную, но въ то же время великолѣпную картину. Нѣсколько минутъ мы мчались, какъ въ водопадѣ, этою бездною, какъ вдругъ, опять все стало тихо вокругъ; ладья наша поплыла своею обыкновенною скоростью; лодманъ снова покойно сѣлъ; гребцы по прежнему безпечно и лѣниво стали погружать свои весла въ тихую поверхность; золотая полоса луннаго свѣта опять тихо затрепетала въ сонныхъ струяхъ. Тихое и поистинѣ гармоническое пѣніе бурлаковъ, смѣшанное съ журчаніемъ воды, пріятное колебаніе шлюбки и мы снова погрузились въ сладкій сонъ.

Послѣ полуночи, толчекъ и суматоха снова насъ разбудили и мы, проснувшись, увидѣли, что небеса уже были закрыты тучами, и луна не свѣтила болѣе. Темнота приняла теперь какой-то сѣроватый цвѣтъ

тумана, и смѣшала всѣ предметы въ одну общую массу, и только на нѣсколько сажень можно было различить и самую воду.

Дощаникъ нашъ сидѣлъ на мели и гребцы, упираясь веслами, употребляли всѣ усилія столкнуть его. Хозяинъ дощаника, лодманъ, имѣлъ помощника, который не имѣлъ ни его бдительности, ни его знанія Волги. Онъ, при наступившей темнотѣ, потерялъ фарватеръ и посадилъ насъ на мель, когда хозяинъ спалъ. Это положеніе во время ночи, когда ничего не было видно, въ случаѣ бури, могло быть не безопасно, потому что и днемъ надо хорошо знать Волгу, чтобы проводить суда безопасно. Къ счастью, лодманъ нашъ обладалъ въ высшей степени всѣми качествами превосходнаго лодмана; онъ тотчасъ взялся за руль, приказалъ гребцамъ выдти изъ шлюбки на мель и толкать ладью въ ту сторону, которую считалъ ближайшею къ фарватеру; быстрымъ взглядомъ онъ окинулъ непроницаемую мглу и, приказавъ грести, повелъ свою послушную ладью сквозь туманъ и мракъ, съ такою увѣренностью и съ такимъ хладнокровіемъ, какъ бы это было среди бѣлаго дня. Продолжавшееся довольно долго плаваніе глубиною, его увѣренность, выговоръ помощнику показывали, что съ такимъ лодманомъ можно было спать покойно, и видя какъ смѣшившіеся бурлаки, четверо, укладывались на двухъ аршинныхъ и вслѣдъ затѣмъ захрапѣли, мы также скоро погрузились въ фантастическій міръ сновидѣній.

Когда мы проснулись, природа уже готовилась встрѣчать восходъ солнца, этого свѣтлаго величественнаго гостя, котораго псалмопѣвецъ такъ поэтически уподобляетъ жениху, выходящему изъ брачнаго чертога. Роскошныя одежды свѣта, въ безконечномъ разнообразіи цвѣтовъ и видовъ, облакали фантастическія группы легкихъ облаковъ, рисовавшихся на горизонтѣ. Ароматическій запахъ растений наполнялъ воздухъ, и восходя къ небесамъ служилъ какъ бы благовоннымъ еиміамомъ, возносимымъ благодарною землею къ ея Творцу. Пернатая, уже пробудившіяся отъ сна, воспѣвали свои радостныя привѣтствія тому свѣту, кто единымъ своимъ присутствіемъ разливалъ на все жизнь и радость; стада, выходящія на пастбища, также по своему выражали свое участіе въ радости общей; даже рыбы безгласныя, своими вольными беззаботными движеніями и играми выражали свою любовь къ этому дивному, благому гостю, образу Творца ихъ и Творца всяческихъ! Душа ли безсмертная человѣка, Его образъ и подобіе, просвѣщенная Его свѣтомъ, не восхвалитъ Его при своемъ пробужденіи, матеріальномъ и духовномъ? О, безъ сомнѣнія, она воспоетъ Ему въ глубинѣ существа своего и чувствами сердца, и умомъ, и устами!

Вотъ на горахъ зажглись маяки, показавшіе приближеніе солнца, затѣмъ въ большомъ селеніи, на лѣвомъ берегу, засвѣтились мгновенно, какъ отъ электрической нити, кресты всѣхъ трехъ церквей; такъ церковь живаго Бога, этотъ ковчегъ спасенія человѣковъ, какъ предстательница предъ Господомъ о грѣхахъ нашихъ, первая принимаетъ свѣтъ благодати и передаетъ ее чадамъ своимъ. Такъ она же, возвышаясь надъ селеніями человѣческими, принимаетъ на себя удары молвіи, гнѣвъ Божій и уничиваетъ Его крестною жертвою Главы своего. Наконецъ, показалось и лучезарное чело; масса золота разлилась на всѣ предметы; плодотворными устами коснулось оно жаждущей его любви земли, и воспыладо въ поднебесьи! Еще нѣсколько времени мы плыли на позлащенной поверхности и потомъ пристали къ берегу не доходя Камышина, обращаясь къ вещественному отъ поэтического величественнаго зрѣлища. Тутъ мы пили чай.

Камышинъ одинъ изъ красивыхъ Волжскихъ небольшихъ городовъ. Онъ расположенъ на самомъ берегу Волги и набережная его обстроена очень хорошенькими домами съ мезонинами и балконами. Онъ имѣлъ 6-ть каменныхъ церквей и множество садовъ, придающихъ ему много прелести. Яблоки его и арбузы славятся по всей Россіи. Населеніе, какъ тогда мы слышали, пользовалось вездѣ самою доброю славой. Всѣ жившіе тамъ съ удовольствіемъ вспоминаютъ о его радушномъ гостепримствѣ, простотѣ и чистотѣ нравовъ, о его веселостяхъ и музыкальномъ настроеніи ея обитателей, что особенно выдается въ праздники. Увѣдъ этотъ большею частью заселенъ выходцами изъ Малороссіи.

Погода стояла прекрасная, днемъ уже становилось очень жарко. Вѣтеръ то стихалъ, то снова наполнялъ парусъ и тогда наша ладья, увлекаемая вѣтромъ и теченіемъ, быстро мчала насъ на югъ все дальше и дальше отъ дорогихъ сердцу родныхъ. Впереди была для насъ солдатская неволя, жизнь, которую снова намъ суждено было пройти, чтобъ этимъ путемъ смиренія и терпѣнія имѣть право возвратиться на родину. Мы тогда еще не знали, что Кавказъ встрѣтитъ насъ дружескими объятіями товарищей, чудной величественной природой, подаритъ намъ доблестныхъ благодарныхъ друзей между закаленными воинами его, введетъ въ среду милыхъ, добрыхъ, очаровательныхъ семействъ и что онъ будетъ для насъ во всю жизнь самымъ приятнымъ, сладостнымъ воспоминаемъ. Берега, которые показывались въ отдаленіи, быстро приближались и также быстро убѣгали туда, откуда мы плыли. Въ этотъ же день мы миновали нѣмецкія колоніи, останавливаясь у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Дома ихъ вообще хороши, комнаты опрятны и удобны. Постели съ безконечными перинами и

водушками. Стѣны украшены во всѣхъ домахъ разными картинами съ изображеніями католическихъ святыхъ, — эти колонны большею частью католическаго исповѣданія, — и другими видами изъ прошлой ихъ родины; у одной изъ стѣнъ швафъ съ чайной посудой и прочими приборами. Мужчины носятъ русскую одежду, но женщины и дѣвушки носятъ полесатыя нѣмецкія юбки, съ кофточкой и платкомъ на головѣ. Красотой онѣ не замѣчательны, но очень скромны, и, конечно, въкоторыя не дурны собой. Тутъ мы запасались сливками для чаю и пшеничными мягкимъ хлѣбомъ.

Въ этотъ же день миновали мы высокой курганъ, составляющій мѣжду Волгою и впадающею въ нее рѣчкою. Онъ трудно доступенъ съ трехъ сторонъ, а въ отдаленное время былъ и вовсе неприступенъ. Тутъ стоялъ станомъ знаменитый атаманъ разбойниковъ Стенька Разинъ. На Волгѣ есть мѣста, напоминающія о разбойническихъ подвигахъ двухъ атамановъ, отъ которыхъ двѣ рѣчки получили свое названіе, рѣчки Нарышка и Уляшка, изъ чего можно видѣть, что на Волгѣ это ремесло когда-то было въ большомъ ходу. Мѣстами на берегу встрѣчается уединенный крестъ надъ могилою какого нибудь умершаго въ пустынѣ бѣднаго бурлака, встрѣчались кресты съ оградой и надписью, показывавшею, что тутъ померла прахъ какого нибудь судохозяина или прикащика; простой же крестъ, обдѣланный пилоромъ, указываетъ на бѣднаго бурлака. Бѣдняга пришелъ сюда издалека, чтобъ заработать пропитаніе своей семьѣ, жёнѣ и дѣтямъ — и вотъ, вмѣсто хлѣба и радостнаго мужа, приходитъ вѣсть о его кончинѣ, вдали отъ роднаго кладбища. Здѣсь лежитъ онъ забытый повидимому, но молитва плывцовъ, всегда сердечная, а также и матери церкви, возносится и за него къ престолу Всевышняго и вмѣсто забвенія всемятеть этого забытаго труженника въ свѣтлую обитель, великолѣпнѣйшую безъ сравненія всѣхъ царскихъ чертоговъ, въ среду неумолкающаго гласа празднующихъ во вѣки!

До Царицына весь нагорный берегъ почти постоянно живописенъ. Всѣ селенія, по немъ расположенныя, сѣять пшеницу, занимаются рыбной ловлей, но преимущественно судоходствомъ. Камнишинскія яблоки развозятся повсюду, а также и камши. арбузы. Яблоки, такъ называемыя чернаго дерева, особенно хороши. Всѣ вообще селенія богаты, многочисленны, опрятны, что относится и къ станицамъ Астраханскаго казачьяго полка. Недостатокъ лѣса восполняется сплавомъ лѣса съ верховья Волги, Камы, Вятки и другихъ. Цѣлое лѣто плывутъ эти бесконечныя плоты съ лѣсомъ и все это исчезаетъ незамѣтно. Здѣсь русское народонаселеніе расположено по берегу рѣки, а на нѣкоторое разстояніе отъ берега, и далѣе въ глубь страны, тя-

нутся степи подъ названіемъ Калмыкскихъ. Здѣсь ведется порода Калмыкскихъ лошадей, красивыхъ, очень крѣпкихъ. Скотоводство есть ихъ основное хозяйство. Калмыкскіе бараны по своей крупности и курдючному салу въ огромномъ количествѣ скупаются скотопромышленниками, отовсюду наѣзающими. Рогатый скотъ мелокъ, но, говорятъ, очень молочный.

Мы приплыли къ Царицыну въ то же самое время какъ крестный ходъ съ образами, хоругвями, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, вышелъ на воду; это былъ день Преполовенія. Съ сердечною радостью мы встрѣтили священное шествіе, какъ знаменіе напутственнаго Божьяго благословенія нашему странствію; отслушали молебенъ, освященіе воды и, предоставляя свою судьбу водителству Преподобнаго Промысла Божія, мы съ отраднымъ чувствомъ пустились въ путь. На другой день, послѣ Царицына, миновали маленькій городокъ Черноярскъ, который вѣроятно получилъ свое названіе отъ Яровъ темнаго цвѣта, такъ какъ всѣ Яры, составляющіе отъ Царицына берега Волги, сыпучіе пески, тутъ уже горы уклоняются на западъ къ Дону, а Волга течетъ между низменнымъ лѣвнымъ берегомъ луговой стороны и ярами правой. Яры эти въ большую воду сильно подмываются и обрушаются съ страшнымъ трескомъ и это обрушеніе есть причина обмеленія Волги и ея устьевъ. Въ годъ холеры (1831 г.), городское кладбище было болѣе 50 сажень отъ берега, а когда мы проѣзжали въ 1840-мъ году, уже кости человѣческія торчали изъ берега. Во многихъ при-Волжскихъ селеніяхъ берегъ защищаютъ отъ воды тыномъ изъ лозы, которая, пуская корни и въ плетеніяхъ своихъ перенимая и задерживая илъ, связываетъ и предохраняетъ отъ пара воды, хотя конечно не совершенно, но все же предохраняетъ. Около этого мѣста пупучные вѣтры насъ оставили, такъ что мы пошли на веслакъ.

Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ чаще встрѣчаются рыбные промыслы. Наконецъ уже тутъ добывается такое множество рыбы, такъ называемой бѣшанка, что изъ нея добывался тогда одинъ жиръ, а остатки отъ операціи выбрасывались и собирались въ стога или кучи, отъ которыхъ зловоніе распространялось по всей окрестности, и проливать этой вонючей полосой было очень неприятно. Въ настоящее время, эта бѣшанка, подъ названіемъ тарани, составляетъ предметъ потребленія во всей Россіи, и для бѣднаго люда замѣняютъ селедку по своей дешевизнѣ.

Зъ тотъ же день послѣ обѣда мы прошли Толоконную гору, экватеръ бурлаковъ. Всѣ новички, въ первый разъ плывущіе въ Астрахань, должны проходить ее пѣше, а какъ это гора сыпучаго песку,

на которой нога погружается по колѣно, то нежелающіе мучиться должны платить выкупъ, который идетъ на выпивку экипажу въ ближайшемъ кабацѣ на берегу, къ которому и пристають нарочно для этого. Мы также должны были заплатить выкупъ по настоянію нашихъ веселыхъ бурлаковъ, хотя и не принадлежали къ экипажу.

Къ захожденію солнца мы пристали къ одной станицѣ Астраханскаго казачьяго полка, гдѣ была полковая штабъ-квартира. Большой домъ полковаго командира окруженъ былъ большимъ садомъ съ бесѣдкой и прекраснымъ цвѣтникомъ. Огромные вѣтвистые орѣшники, яблони и другія фруктовыя деревья юга, образуя тѣнистыя аллеи, придаютъ ему большую прелесть, впрочемъ это особенно было прелестью для насъ, выѣхавшихъ изъ края, гдѣ нѣтъ никакихъ фруктовыхъ деревьевъ. Яры здѣсь уже кончаются и берега мѣстами украшаются красивыми группами деревъ и зелеными полянами; но часто встрѣчаются и бесплодныя, песчанныя, или солнцеватыя пространства.

Хотя солнце закатилось ясно и великолѣпно, и вѣтеръ стихъ совершенно, но красноватый видъ заката и облаковъ показывалъ, что съ полночи или съ восхожденіемъ солнца будетъ сильный вѣтеръ. Мы не ошиблись, на зарѣ задулъ вѣтеръ, сперва переменный, такъ что временемъ могли ставить парусъ, но потомъ онъ установился, и намъ противный, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе онъ усиливался, но мы все еще подавались впередъ на веслахъ, но наконецъ онъ такъ разсвирѣпѣлъ, и волненіе развело такое сильное, что мы должны были у одной маленькой деревушки остановиться. Волга представляла видъ еще не забытаго нами бурнаго моря съ бѣлоснѣжными волнами. Ширина ее къ низовью такъ огромна, что дѣйствительно могла напомнить море. Смотри на эту величавую картину, мы увидѣли вдали стаю птицъ, которыя вились надъ однимъ мѣстомъ. Онѣ вились надъ какимъ-то предметомъ, но буря мѣшала имъ воспользоваться. Это былъ трупъ несчастнаго утопленника. Его несло теченіемъ внизъ, по волны, набѣгая противъ течения, оспаривали свою добычу и хотя медленно, но увлекали его за собою, дикою пляскою торжествуя свою побѣду. На Волгѣ каждый годъ погибаетъ много людей и часто по русской безпечности. Рабочіе, плывущіе въ Астрахань, до того загружаютъ иногда суда, что отъ воды остается одинъ вершокъ. Въ тихую погоду они счастливо достигаютъ Астрахани, но вдругъ начинается буря, волны заливаютъ судно, бѣдняки спѣшатъ къ берегу и часто, не достигнувъ еще его, погружаются на дно; хорошо плавающіе спасаются, но много погибаетъ. Съ вынѣшними благодѣтель-

ними спасательными лодками, несчастные случаи должны много уменьшиться.

Послѣ полудня вѣтеръ началъ стихать; погода разгулялась и мы плыли, быстро уносимые теченіемъ и парусомъ, безпрестанно минуя острова, изъ коихъ одинъ былъ такъ привлекателенъ, такъ манилъ къ себѣ своею яркою зеленью, своими картинными деревьями и живописнымъ видомъ, что мы пожелали пристать къ нему. Природа была здѣсь во всемъ блескѣ юной весенней красоты своей, благоуханна, очаровательна! Скрытая отъ шумнаго міра въ уединенныхъ водахъ Волги, она тѣмъ не менѣе цвѣла здѣсь и восхищала, какъ чудная раковина, въ уединеніи нечаянно открытая. Мы прогулялись по высокому берегу, любуясь заходящимъ солнцемъ, тихимъ вѣяніемъ майскаго вѣтерка, который также нѣжно прикасался къ зеленымъ молодымъ листьямъ деревъ, какъ хорошенькіе пальчики къ клавишамъ фортепіано. Въ этомъ шелестѣ также есть своя музыка, выполняемая рукою невидимаго артиста. Воздухъ оглашался пѣніемъ рыбаковъ, челноки которыхъ скользили по всѣмъ направленіямъ широкой Волги. Тутъ были загорожены обширныя садки съ рыбою всѣхъ родовъ и величинъ, гдѣ плѣнники рѣзвились безопасно и не подозревая того, что имъ уже не гулять болѣе по широкому раздолью.

Насладившись вдоволь и прелестною картиной, и тѣми сладостными чувствами, какія всегда производили на насъ красоты природы, мы отъ острова пристали къ казачьей станицѣ, гдѣ въ уютномъ опрятномъ домикѣ одной казачки напились чаю, и отправились далѣе. Отсюда уже намъ открылся гигантскій соборъ Астрахани, о которомъ слышали легенду, а можетъ быть и истинную исторію о строителѣ собора, который будто бы, сведя уже куполь, вдругъ скрылся не извѣстно куда, и только по минованіи нѣсколькихъ лѣтъ явился и увидѣвъ, что храмъ и куполь выдержали свою громадность, докончилъ зданіе. Видѣніе собора было мгновенное, потому онъ опять скрылся. Когда въ вечернее плаваніе ставили парусъ, то бурлаки наши обыкновенно напѣвали свои чудныя пѣсни. Случилось такъ, что у всѣхъ нашихъ гребцовъ были прекрасныя и чрезвычайно симпатичныя голоса, такъ что слушать ихъ, поистинѣ, было наслажденіемъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ было столько сладкой грусти и прелести, что бывало удерживаешь дыханіе, чтобъ не проронить ни одного звука. Эта чарующая русская пѣснь, какъ мнѣ кажется, есть вѣрное выраженіе души русскаго народа. Вѣдь онъ не знаетъ и не знаетъ музыкальнаго искусства, законовъ гармоніи, размѣра, такта. Почему же пѣснь его такъ чаруетъ и вызываетъ столько самыхъ сладкихъ чувствъ? Самая грусть ея такъ пріятна, что ждалъ бы

даже усвоить ее себѣ и не разлучаться съ нею, какъ съ лучшимъ наслажденіемъ.

По захожденіи солнца стали снова собираться тучи, вѣтеръ за-свѣжѣлъ и мы плыли очень быстро; но къ полночи онъ такъ «скрѣпчалъ», выраженіе моряковъ, что мы должны были по причинѣ темноты пристать къ одному рыболовному ставу, и стоять до разсвѣта, старательно прикрѣпившись къ берегу. Съ разсвѣтомъ мы пустились въ нашъ послѣдній путь на веслахъ, и вскорѣ намъ открылась Астрахань, цѣль нашего плаванія. Городъ окруженъ и перерѣзывается Волгою и представляется какъ бы на островѣ. Подходя къ нему, вѣтеръ намъ сталъ съ боку, мы поставили парусъ, ладья понеслась, какъ бы раздѣляя общее нетерпѣніе. Миновавъ множество судовъ, только что приставшихъ и другихъ отплывавшихъ, мы остановились у пристани. По командѣ: «молись Богу», всѣ сняли шляпы и возблагодарили Господа за счастливое оконченное плаваніе.

Мы остановились въ гостиницѣ, ближайшей къ пристани. Это большое каменное зданіе воелѣ караванъ-сарая. Изъ нашихъ оконъ верхняго этажа видна была старинная крѣпость съ высокою каменною стѣною и соборомъ. Соборъ замѣчателенъ своею своеобразною архитектурою и высотой. Кругомъ всего собора идетъ широкая галлерея. Мы были у обѣдни. Служба совершалась, какъ вездѣ на православной Руси въ соборныхъ храмахъ, благоговѣнно съ прекрасными пѣвчими.

Во время двухдневнаго нашего пребыванія, мы не успѣли ознакомиться съ городомъ. Военнымъ губернаторомъ былъ генераль Тимирязевъ, котораго тогда не было въ городѣ. Жена его, родная сестра нашего товарища Федора Федоровича Вадковскаго, узнавъ о нашемъ приѣздѣ, пригласила насъ къ себѣ и также какъ Биби-кова въ Саратовѣ, приняла насъ радушно и ласково, разспрашивая о братѣ и всѣхъ подробностяхъ нашей жизни въ заключеніи. Отъ нея мы отправились бродить по городу. Насъ очень занимали пестрота и густота населенія, вѣроятно приѣзжаго, потому что всѣ улицы были полны толпившимся народомъ. Тутъ встрѣчались типы и одѣяніе всѣхъ возможныхъ восточныхъ племенъ, даже до индійцевъ—поклонниковъ огня.

Безъ сомнѣнія все это здѣсь витало по торговымъ дѣламъ. Это была еще пора большаго процвѣтанія города, который въ послѣдствіи, по разнымъ, какъ говорятъ, стѣсненіямъ и измѣненіямъ административнымъ, вѣскольکو упалъ. Съ нашими нынѣшними азіатскими владѣніями, онъ безъ сомнѣнія долженъ будетъ сдѣлаться очень важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Оживленіе и разнообразіе города про-

извело на насъ очень пріятное впечатлѣніе и мы бы съ удовольствіемъ пробыли въ немъ дольше, но пора была приближаться къ цѣли нашего путешествія. Въ Тифлисѣ отъ корпуснаго штаба зависѣло наше опредѣленіе въ службу, назначеніе полка и мѣсто служенія.

На другой день послѣ обѣда наши вещи перенесли въ лодку, которая и перевезла насъ на другой берегъ, гдѣ ожидали двѣ почтовые тройки. Послѣ покойнаго и помѣстительнаго тарантаса, и покойнѣйшаго путешествія водой, намъ было не совсѣмъ пріятно возсѣсть на телѣгу съ нашими вещами, которыхъ у насъ было довольно много и потому сидѣть намъ было очень неудобно.

ГЛАВА XVIII.

Кавказъ.

Дорога отъ Астрахани къ Кизляру идетъ степями. Множество оверъ, поросшихъ камышами, плодили цѣлыя стада дикихъ гусей, безпрерывно пролетавшихъ надъ головами и оглашавшихъ воздухъ своими криками. Селеній тутъ уже нѣтъ, кромѣ рѣдкихъ хуторковъ и калмыцкихъ кибитокъ.

На первую станцію мы пріѣхали еще засвѣтло, гдѣ и напились чаю. Тутъ мы въ первый разъ услышали о тарантулахъ и даже видѣли одного пробѣжавшаго по комнатѣ. Станціонный смотритель бросился его отыскивать, но онъ уже исчезъ. Онъ указалъ намъ на масло, настоенное тарантуломъ, какъ на самое дѣйствительное средство въ случаѣ укушенія. Слѣдующую станцію мы уже пробѣхали ночью. Это была первая южная ночь въ степи. Въ тишинѣ этой ночи только слышенъ былъ конскій топотъ нашихъ двухъ троекъ, переливы колокольчиковъ и жужжаніе насѣкомыхъ, гнѣздившихся въ несмѣтномъ множествѣ въ роскошной травѣ. На слѣдующей станціи намъ совѣтовали уже заготовить воду для чая, такъ какъ далѣе будутъ двѣ станціи безводныхъ, или съ такой водой, которая негодится для чая. Тутъ уже начались песчанья озера, гдѣ можно ѣхать только шагомъ. Нѣкоторыя простирались на 7-мь и даже на 10-ть верстъ и эти переѣзды были чрезвычайно скучны и утомительны, особенно въ солнечный день. Однажды ночью намъ даже случилось потерять дорогу, какъ въ нашихъ снѣжныхъ равнинахъ, такъ что ямщикъ остановился и пошелъ отыскивать дорогу. Въ сильный вѣтеръ, особенно ночью, это даже и не безопасно, не смотря на то, что это безграничныя пространства какихъ нибудь знаменитыхъ песчаныхъ степей,

какъ сибирской Коби или Африканской Сахары, потому что никакая лошадиная сила не выдержитъ тащить повозку по этимъ цѣльнымъ сыпучимъ пескамъ, доходящимъ иногда до оси колеса.

За три станціи до Кизляра, мы уже видѣли Донскихъ казаковъ, стоящихъ здѣсь на посту на случай появленія хищниковъ, которые скрываются въ камышахъ Терека, высматривая, гдѣ можно тѣмъ нибудь поживиться. Отсюда уже начинались слухи о дѣлахъ на линіи, о набѣгахъ хищническихъ партій, о нѣкоторыхъ похищеніяхъ женщинъ около Кизляра и въ его садахъ.

Все это насъ очень занимало, какъ новичковъ, будущихъ къ тѣмъ самымъ хищникамъ, о которыхъ рассказывали такіе ужасы. Особенно воинственный видъ принимали тутъ станціонные смотрители, которые были истинными героями въ воображаемыхъ опасностяхъ. Изъ казаковъ на одной станціи случился бывший подъ Ахульго въ прошломъ 1839-мъ году. Можно себѣ представить съ какимъ любопытствомъ мы разспрашивали и съ какимъ вниманіемъ слушали рассказы объ этомъ штурмѣ, гдѣ было такъ жарко и гдѣ легло такъ много нашихъ кавказскихъ героевъ. Послѣ мирныхъ земледѣльческихъ занятій, эта повѣсть о битвахъ, гдѣ свирѣпый врагъ обдираетъ, уродуетъ свои несчастныя жертвы и ругается надъ ихъ трупами, гдѣ падаютъ солдаты отъ незримой руки незримаго врага, произвелъ на насъ различныя впечатлѣнія. Иногда онѣ были воинственны и воспламеняли насъ; но когда мы представляли себѣ нашъ высокій санъ рядовыхъ, между которыми по ихъ подвигамъ, ихъ силѣ, мы были пигмен, уже разслабленные и казематомъ, многолѣтнимъ заключеніемъ и оковами, украшавшими насъ нѣсколько лѣтъ, то, повторяю, когда мы все это представляли себѣ, то какое-то тайное чувство, не совсѣмъ воинственное, закрадывалось въ сердце. Мы еще не знали, что насъ ожидаетъ, какіе подвиги потребуются отъ насъ. Слышали мы, что солдаты тамъ, какъ безплотные духи, ходятъ безъ усталости по 70 и 80-ти верстѣ, а за себя мы могли поручиться за 20 какихъ нибудь, или много за 30 верстѣ, и то не каждый день и не съ солдатскимъ ружьемъ, патронами и сухарями.

Миновавъ Кизляръ, ибо станція въ 15-ти верстахъ отъ него, мы стали приближаться къ Тереку. Пески еще продолжались, но уже измѣняли свой сыпучій бесплодный характеръ и произращали кой-какую траву, полынь, репье и др. Кой-гдѣ показывались оазисы, съ группами деревьевъ, калмыкскими кибитками и казачьими хуторами. По пескамъ тутъ уже появляются бочки съ арбузами, дынями, огурцами и неизбѣжными здѣсь гигантскими тыквами.

Разстояніе отъ Астрахани до Кизляра 380 верстѣ, а отъ Кизляра

до Наура, гдѣ мы выѣзжали на линію, 80 версть. По мѣрѣ приближенія къ Тереку, растительность становилась болѣе цвѣтущею. Тутъ уже встрѣчали мы многочисленныя стада крупнаго и мелкаго скота, а также табуны лошадей. Погода въ это время стояла пасмурная и напрасно взоры наши искали увидѣть кавказскій хребтъ, но однажды какъ то тучи разбѣжались и намъ показались его снѣжныя вершины; но это было мимолетное видѣніе, тотчасъ же исчезнувшее. Затѣмъ открылась линія въ видѣ зеленой полосы, которую составляютъ множество станичныхъ садовъ, раскинутыхъ по Тереку, и высокій пятиглавый храмъ замѣчательной старинной архитектуры. Это была станица Науръ. Не подалеку отъ воротъ, по длинной улицѣ, ведущей на площадь, намъ отвели чистенькую уютную комнату казачьяго дома, какъ видно зажиточнаго, да впрочемъ и всѣ казаки не бѣдны и не много встрѣчаешь тамъ бѣдныхъ по какимъ нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ. Молодой хозяинъ былъ въ экспедиціи, оставались одна молодая хозяйка и отецъ его, старый казакъ. Она приняла насъ очень радушно, много говорила съ нами, проворно подала самоваръ, такъ какъ наступалъ уже вечеръ, и не отказалась съ нами выпить чаю. Мы съ чаемъ всегда курили трубки, а такъ какъ комната была небольшая, то дыму было довольно. Въ это время подошла къ окну сосѣдка за огнемъ, и какъ только открыли окно, смѣясь сказала: «да ты, кума, видно печь затопила». Послѣ чаю мы прошлись по станицѣ. По разнымъ мѣстамъ на площадяхъ, раздавались хороводныя пѣсни молодыхъ казачекъ и подростковъ, а на скамейкахъ у воротъ, важно и тихо бесѣдуя между собой, сидѣли старики. На большой главной площади стояла церковь, домъ полковаго командира, канцелярія, полковая школа, а далѣе площадь была обстроена большими домами, съ палисадниками, обѣянными огромными бѣлыми акаціями, разливавшими благоуханіе по всей площади во время ихъ цвѣтенія. Дома эти принадлежали прежнимъ начальствовавшимъ лицамъ полка, гдѣ теперь жили ихъ семейства, съ которыми впоследствии мы были связаны самыми симпатичными узами дружбы, и тутъ, могу сказать, въ числѣ многихъ другихъ мѣстностей Кавказа сосредоточиваются пріятнѣйшія воспоминанія нашей жизни на Кавказѣ, но объ нихъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Ночью пошелъ небольшой дождь, а по утру усилился до ливня. Медлить было невозможно и мы отправились далѣе; доѣхавъ до станицы Гамогаевской, остановились почевать, хотя было еще рано, но насъ такъ промокло, что нужно было обсушиться; къ тому же ночью по линіи въ это время не ѣздить, кромѣ важныхъ лицъ, на-

рочныхъ и почты, которымъ дается конвой казаковъ. Утромъ мы прїѣхали въ г. Моздокъ. Всѣ станицы расположены по Тереку. Мѣстами по рѣкѣ высовываются песчаныя отмели, а у береговъ и дальше берега, виднѣются плавучія мельницы, которыя здѣсь возможны по быстротѣ теченія. На другомъ берегу расположены аулы черкесовъ, прежде долго жившихъ здѣсь мирными соеѣдами и кунаками казаковъ и назывались мирными, а теперь уже опустѣлые, такъ какъ Шамиль въ 1839 году увелъ все ихъ народонаселеніе въ горы. Далѣе обозначаются черныя лѣсистыя горы, оплотъ хитныхъ Чеченцовъ, а за ними выказываютъ свои бѣлыя вершины снѣговыя горы Кавказскаго хребта, одѣтыя облаками какъ бы покрываломъ, скрывающимъ первоизданную бѣлизну ихъ отъ палящихъ лучей южнаго солнца.

Днемъ по большой дорогѣ непрерывно тянутся обозы или съ товарами, или съ провіантамъ. Здѣсь на Кавказѣ перевозочная повозка называется арбой: это родъ ящика, утвержденного на ось двухъ колесъ огромнаго размѣра, въ два съ половиною и слишкомъ аршина въ діаметрѣ, и потому они удивительно легки на ходу. Въ такой арбѣ пара воловъ или буйволовъ легко везетъ 80 и до 100 пудовъ. Приближеніе этихъ обозовъ еще далеко слышно по чудовищной музыкѣ, поражающей слухъ. Рѣдко и плохо смазанныя оси, при тихомъ движеніи, производятъ такой скрипъ, какого нигдѣ конечно и никогда не случалось слышать прїѣзжему. Эту музыку, какъ видно, очень любятъ воли и всѣ кавказскія племена.

По всей линіи разставлены въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, примѣрно верстахъ въ двухъ, казачьи посты съ вышкой, устроенной на четырехъ высокихъ столбахъ съ площадкой, гдѣ сидитъ постоянно часовой. На каждомъ такомъ пикетѣ находилось по три конныхъ казака. Часовому открывался Терекъ и степь по обѣ стороны рѣки. Въ двадцати верстахъ расположены большіе посты съ избой, дворомъ, стогомъ сѣна, куда на ночь съѣзжаются всѣ казаки съ единичныхъ постовъ.

По большой дорогѣ днемъ часто встрѣчались экипажи частныхъ лицъ одни, а съ начальными лицами и ихъ семействамъ — съ казачьимъ конвоемъ. Нѣтъ ничего живописнѣе казака или горца (такъ какъ отличать одного отъ другаго незнающему трудно) на своемъ лихомъ конѣ. Костюмъ его бѣлая или желтая черкеска изъ верблюжьяго сукна, родъ широкаго свободнаго полукафтаныя, безъ воротника, открытый на груди; изъ подъ черкески виднѣется пегольской бѣшметъ изъ канауса, или какойнибудь шелковой матеріи, по краямъ обшитый галунами съ низкимъ стоячимъ воротнич-

комъ. На груди по обѣ стороны черкескіе сафьяные патроны, также обшитые галунами; кожаный довольно широкій поясъ всегда съ серебряной насѣчкой стягиваетъ его станъ, тонкій и эластичный. Нога обута въ пегольской сафьянный чевякъ, также обшитый галуномъ. Поверхъ чевякъ на панталоны надѣты суконныя ноговицы, идущія снизу нѣсколько выше колѣнъ, разшитыя узорчато галунами. На головѣ папахъ, круглая обшитая мѣхомъ шапка. За спиной вшитовка въ чехлѣ изъ войлока. За поясомъ огромный кинжалъ, большею частью съ серебрянной насѣчкой. Въ кобурѣ съ правой стороны большой азіатскій пистолеть, а за поясомъ другой. Тонкая нагайка надѣта на кисть правой руки. Нагайка на концѣ своемъ имѣетъ плоскій ремень, показывающій какъ казаки и черкесы берегутъ и жалѣютъ своего коня. Мчится онъ обыкновенно пригнувшись къ шеѣ лошади, на которой сидитъ также свободно и покойно какъ бы сидѣлъ на мягкомъ диванѣ. Все это, конечно, извѣстныя вещи, но по первому ихъ впечатлѣнію, на насъ произведенному, какъ и многого другаго, я не могъ изгладить изъ моихъ воспоминаній, да вѣроятно и не каждому читателю знакомо какъ это, такъ и многое другое въ моихъ воспоминаніяхъ.

Изъ Галючая до Моздока станица Стадеревская, живописно расположенная на высококомъ берегу Терека. Не доѣзжая, тянется роща съ огромными старыми деревьями, что уже кромѣ садовъ въ станицахъ рѣдкость. Я думаю, что отъ этой рощи станица получила названіе Стадеревской. На Кавказской линіи и вообще на Кавказѣ почти каждый шагъ ознаменованъ какимъ нибудь кровавымъ событіемъ, а потому по праву принадлежитъ намъ, потому что купленъ, поистинѣ, цѣною дорогой крови. Не говоря о набѣгахъ, здѣсь безпрестанно расскажутъ вамъ о какомъ нибудь частномъ кровавомъ происшествіи, все это конечно въ 1840-хъ годахъ. Не задолго до нашего пріѣзда, около 8 часовъ вечера, изъ Стадеревъ къ Галючаю ѣхала тройка; конечно, это было рискованно, такъ какъ осенью въ это время уже темно. Въ повозкѣ сидѣло двое: одинъ — повѣренный по виннымъ откупамъ, другой — армянинъ. Ничего не опасаясь и разговаривая между собою, они вдругъ видятъ блескъ, и вслѣдъ за нимъ выстрѣлъ. Лошади шарахнулись и замялись; армянинъ, сидѣвшій по лѣвую сторону, успѣлъ выпасть изъ повозки и ползкомъ добрался до травы и спрятался. Повѣренный былъ изрубленъ и ограбленъ, ямщикъ раненъ, но на выстрѣлъ прискакали казаки, хищники скрылись въ темнотѣ ночи, а ямщикъ и армянинъ были спасены.

Другой недавній случай: между Стадеревами и Моздокомъ лѣ-

сомъ ѣхала почта. Солнце еще было въ деревья, какъ тамъ говорятъ, значить свѣтло. Вдругъ спереди выстрѣлъ, ямщикъ быстро поворачиваетъ лошадей въ гору, гдѣ настоящая почтовая дорога, а низомъ и лѣсомъ ѣздятъ для сокращенія пути. Хищники были верхами и погнались за почтой, но не могли перегнать; старались схватить почтальона, который забился подъ облучокъ, но не успѣли. У горы они ихъ оставили. Когда лошади вынесли повозку на гору въ безопасное мѣсто и они остановились, то въ ту же минуту козенная пала. Пуля попала ей въ грудь, но хомутомъ зажало рану, и пока она скакала, не оцущала ее, а какъ только остановилась кровь хлынула изъ раны и она тутъ же надохла. Съ такими разсказами ямщика мы пріѣхали въ Моздокъ часовъ въ 12-ть и, заказавши хозайкѣ обѣдъ, пошли бродить по городу.

Моздокъ городъ довольно значительный по своей торговлѣ и довольно многолюдный. Онъ имѣетъ 6 церквей русскихъ и армянскихъ; много большихъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ всегда съ садомъ изъ фруктовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Большинство жителей занимается шелководствомъ. Улицы правильныя и широкія, а лавокъ съ товарами такое множество, что рѣдко найдешь столько въ любомъ губернскомъ городѣ. Населеніе состоитъ изъ русскихъ, армянъ и осетинъ, занимающихъ весь форштатъ и всѣ ближайшія къ форштату улицы. Къ городу же примыкаетъ и станица горскаго казачьяго полка. По своему положенію на Терекѣ, слѣдовательно въ сосѣдствѣ малой Кубарды, которая въ годъ нашего пріѣзда вся почти возмutilась, городъ, извѣстный горцамъ по своему богатству, неоднократно подвергался опасностямъ отъ нападенія многочисленныхъ партій. Такъ въ тотъ самый годъ, когда мы были въ Моздокѣ, 26 іюня 1840 года, на разсвѣтѣ былъ густой туманъ, что въ тѣхъ мѣстахъ часто бываетъ, а когда онъ поднялся, жители съ ужасомъ увидѣли на томъ берегу огромную конную партію черкесовъ, которые, не находя брода и не осмѣливаясь пуститься вплавь подъ нашими выстрѣлами, колебались и не знали на что рѣшиться, хотя частію уже были разграблены ими мирные аулы князя Бекевича. Къ несчастію, они увидѣли паромъ князя, посредствомъ котораго поддерживалось сообщеніе съ другимъ берегомъ и съ городомъ и тотчасъ же завладѣли имъ; одни стали переправляться на паромѣ, другіе подъ его прикрытіемъ пустились вплавь. Въ городѣ, кромѣ гарнизонной роты, другихъ войскъ не было, но, по счастью, въ это время проходила куда-то одна рота, которая съ городской тотчасъ же заняла ворота и валъ, защищаемый колючимъ кустарникомъ, какъ это и во всѣхъ станицахъ служить превосходной защитой.

Осетины, храброе племя, взяли за оружіе и равставились по вагу, русскіе всѣхъ сословіи также вооружились и приготовились; а армяне, по своему обыкновенію, начали запираť ставни и сносить свое имущество въ подвалы и погреба, куда спустили и свои семейства и попрятались сами. Моздокскій первой гильдіи купецъ, человекъ очень богатый, Улухановъ, имѣвшій большое семейство, понадѣялся увести свое семейство, на свой хуторъ верстахъ въ двадцати отъ города, посадилъ жену и дочерей-дѣвицъ въ коляску и отправилъ ихъ изъ города. Къ несчастію, въ это самое время переродоме черкесы уже успѣли переправиться черезъ рѣку въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, и такъ какъ изъ города ихъ приняла мѣткими выстрѣлами, то одни отступили и остановились, другіе же, видя скачущую коляску, бросились за ней, догнали ее и заворотили назадъ лошадей, посадили чеченца кучеромъ и, конвоируя свою добычу, направились прямо на паромъ и перевезли ихъ на другой берегъ. Хипчанческая партія не могла сдѣлать ничего болѣе какъ разорила ближайшій хуторъ, захватила нѣсколько плѣнныхъ осетинъ, скотъ и, слыша конскій топотъ скачущихъ изъ Павлодельска, Стадеревъ и Галючая казаконъ, бросилась въ беспорядкѣ черезъ Терекъ съ значительной потерей. Казаки горскаго полка, которыхъ дома было очень немного, встрѣтили хипчанковъ еще на переправѣ, засѣвши за толстое дерево, лежавшее на берегу, а потомъ бросились въ свою станицу, отбили нападавшихъ чеченцовъ и преслѣдовали ихъ, съ ожесточеніемъ. Много тутъ было частныхъ подвиговъ неустрашимости и нѣскольکو прекрасныхъ жертвъ. Такъ, при этомъ нападеніи погибъ одинъ нашъ кабардинскій князь полковникъ нашей службы, скакавшій со своего хутора на тревогу. Встрѣченный толпой чеченцовъ, онъ долго сражался одинъ, но, окруженный со всѣхъ сторонъ, палъ героемъ на трупы враговъ; жаль, что позабылъ его фамилію. Семейство Моздокскаго гражданина было потомъ выкуплено, что, конечно, стоило большихъ суммъ; но краса этого семейства, младшая дочь, стала любимой женою Шамиля до конца его жизни, раздѣляя съ нимъ и его плѣнъ въ Калугѣ. Всѣ, читавшіе плѣненіе княгини Орбеляни, знакомы съ нею. Потомъ она, ставъ матерью, уже сама не захотѣла вернуться, хотя ее и выкупили.

Это происшествіе послужило къ тому, что городъ лучше укрѣпили и обставили пушками, такъ что онъ смѣло можетъ теперь отбить всѣ покушенія непріятеля, которыя повторялись неоднократно и въ слѣдующихъ годахъ.

Обойдя городъ, мы вышли на береговую набережную Терека, гдѣ намъ представилось очень интересное зрѣлище. Множество мальчи-

ковъ, женщинъ и дѣвушекъ всякаго возраста ловили лѣсъ, проносимый быстрою рѣкою. Терекъ и при малой водѣ имѣетъ очень быстрое теченіе, а теперь въ большую воду онъ свирѣпѣлъ ужасно. Несмотря на опасное положеніе на крутомъ берегу, который могъ безпрестанно обрушиться, подмываемый быстриной, все это стояло на самой оконечности берега и закидывало кручья за каждымъ деревцомъ, вѣткой или сучкомъ, сопровождая эти операція оглушительными криками. А уже если несло карчу или какуюнибудь массивную штуку, то они забывали обо всемъ и бросались съ такимъ неистовствомъ, что страшно было смотрѣть. Эта операція часто имѣла несчастныя послѣдствія, такъ какъ тутъ Терекъ очень глубокъ и даже были запрещенія полиціей, но въ Моздокѣ недостатокъ въ топливѣ такъ великъ, и какъ съ этими операціями уже сроднилось населеніе, то никакое запрещеніе не имѣетъ дѣйствія. Особенную ревность и живость тутъ выказывала одна осетинка лѣтъ 17-ти. Это была одна изъ тѣхъ южныхъ красавицъ, передъ которыми остановишься невольно, гдѣ бы ее ни встрѣтилъ. Осетинки вообще очень красивы, но эта передъ ними была идеаломъ. Она была въ своемъ національномъ костюмѣ довольно грубой матеріи, что показывало ея бѣдное положеніе. Жилищемъ ея была сакля на берегу Терека, куда она вошла съ другою женщиной, была ли то мать ея или другая какаянибудь родственница, мы не имѣли желанія и поводовъ узнавать. Лицо ея выражало восхищеніе, когда ей удавалось перехватить и положить возлѣ себя какойнибудь сучекъ; густые какъ смоль черные волосы ея, раскинувшіеся отъ ея усиленныхъ и въ то же время самыхъ граціозныхъ движеній, роскошными прядями падали по ея плечамъ необыкновенной бѣлизны. Она была высока, стройна и вообще прелестна.

Для сѣвернаго жителя всякій южный иноплеменный городъ представляетъ особенный интересъ: другія фисіономіи, другая одежда, другіе нравы и обычаи; но на Кавказѣ то пріятно, что не смотря на различіе племенъ и нарѣчій все же себя чувствуешь въ Россіи, потому что тутъ-же слышишь русскій говоръ, видишь русскія лица и одежды и знаешь, что и здѣсь ты у себя дома. Армяне, мушны, всѣ говорятъ по русски, но женщины въ то время почти не говорили по русски. Въ настоящее время, когда я переписываю свои воспоминанія, въ эпоху такого движенія и повсемѣстныхъ школъ мужскихъ и женскихъ, безъ сомнѣнія и кавказскій прекрасный полъ уже усвоилъ русскую рѣчь. Когда мы съ ними заговаривали, то хотя онѣ и понимали насъ, но всегда отвѣчали съ улыбкой, очень мило, искаженнымъ русскимъ словомъ, но въ то же время давали понятъ,

что говорить по русски не могутъ. Вообще армяне очень красивое племя. Мужчины по большей части имѣютъ правильныя черты. большіе черные глаза, черные волосы и прекрасные бѣлые зубы. Женщины были бы прелестны по тонкимъ чертамъ лица, матовой бѣлизнѣ и нѣжности кожи лица и по чуднымъ глазамъ, чуднымъ чернымъ и роскошнымъ волосамъ, если бы не выдающійся по величинѣ носъ отъ природы и необыкновенная бѣлизна отъ бѣлилъ и румянъ, которыя къ сожалѣнію у нихъ въ большомъ употребленіи. Онѣ вообще очень бѣлы и еслибъ не глупый обычай румяниться и бѣлиться, то красота ихъ очень бы много выиграла. Широкая одежда съ длиннымъ шлейфомъ, перехваченная до талии поясомъ и застегнутая на груди дорогими застѣжками у богатыхъ, превосходно очерчиваютъ ихъ тонкій и стройный станъ, а длинное покрывало, отброшенное назадъ, придаетъ много прелести ихъ костюму и ихъ красотѣ. Мужской полъ одѣвается или по-европейски, или по-черкески, иные же носятъ армяно-персидскій съ разрѣзанными рукавами кафтанъ и высокую изъ мерлушекъ шапку. Внутри домовъ они живутъ по восточному. Есть комнаты, гдѣ обыкновенно и принимаются всѣ посѣтители, въ каковую помѣстили и насъ, съ диванами, зеркалами, столами и стульями; но внутреннія семейныя отдѣленія всегда почти или съ нарами, покрытыми коврами, или широкими низкими диванами, на которыхъ постоянно сидитъ, поджавши ноги, прекрасный полъ за работой и всегда почти съ пѣніемъ или разговоромъ. Подумаешь, о чемъ, кажется, могутъ говорить онѣ съ однѣми и тѣми же членами семейства, и однакожъ говоръ у нихъ не прекращается и постоянно слышатся женскія, иногда очень нѣжныя и гармоничныя, голоса; но вообще пѣсни ихъ однообразны, монотонны и хотя случаются иногда нѣкоторыя варіаціи, но весьма рѣдко. Не многія изъ прелестныхъ пѣвицъ позволяютъ себѣ разнообразить ихъ своими фантазіями.

Восточные жители вообще гостепріимны и Моздокскія принимаютъ прїѣзжихъ очень радушно, особенно военныхъ. Хорошенькая хозяйка приготовила намъ кушанье изъ нашей провизіи и по нашему заказу очень хорошо. Обѣдъ подали на хорошемъ обыкновенномъ сервизѣ и съ непремѣннымъ на востокѣ судкомъ съ пряностями. Къ намъ пришли возвратившіеся изъ школы сыновья хозяевъ и очень развязно поздоровались съ нами. Армянскіе дѣти прелестны; тѣ, которыхъ мы видѣли, были красавчики, съ большими черными глазами, блестящими черными волосами, милымъ выраженіемъ умилаго лица, они были такъ милы, что мы восхищались ими. Съ дѣтскаго возраста уже проявляется тотъ коммерческій характеръ народа, кото-

раго торговля есть жизненная стихія. Общественная школа въ Моздокѣ, какъ мы могли замѣтить, въ весьма хорошемъ положеніи была въ то время. Всѣ армяне въ школахъ обучаютъ своихъ дѣтей, которые выказываютъ большія способности. Мы изъ любопытства задавали имъ нѣсколько вопросовъ изъ ариметики, географіи и русской грамматики и убѣдились, что учать ихъ или учили тогда съ толкомъ, а также давалось имъ, какъ говорили намъ, хорошее нравственное направленіе.

Изъ Моздока дорога идетъ на Павлодольскую станицу и оттуда на Екатериноградъ. штабъ-квартиру Горекачъ казачьяго полка. Здѣсь мы и остановились на квартирѣ одного австрійскаго выходца, какими-то судьбами поступившаго вольноопредѣляющимся въ линейные казаки, и тогда занимавшаго должность станичнаго писаря. Жена его полька, молодая хорошенькая брюнетка, очень развязная и пріятная, кромѣ того, что накормила насъ очень вкуснымъ обѣдомъ, очень пріятно занимала насъ своими разговорами. Всѣ проѣзжіе останавливаются у нихъ, и потому на Кавкавѣ всѣ помнятъ хорошенькую Екатериноградскую писарьшу.

Въ годъ 1840 нашего пріѣзда отъ Екатеринограда до Владикавказа еще не было правильнаго почтоваго сообщенія. Если и были лошади, то въ самомъ ограниченномъ числѣ, такъ что мы, ѣхавшіе по Высочайшему повелѣнію и по казенной подорожной, должны были ѣхать на вольныхъ. До этого времени всѣ проѣзжающіе отсюда отправлялись съ такъ называемой оказіей, т. е. съ колоной изъ двухъ ротъ пѣхоты и одного, а и иногда и двухъ орудій, но съ устройствомъ постовъ и военныхъ поселеній по всей дорогѣ, тогда уже ѣздили просто, но все же необходимо было оружіе, ибо и тогда еще случались частные случаи нападенія.

По дорогѣ до Владикавказа, мы останавливались въ казачьихъ домахъ, гдѣ намъ отводили квартиры. Первая станица Пришибная. далѣе Урюкская и за нею Николаевская. На пути къ Урюку, на другомъ берегу Терека, видѣлись развалины башни, какъ намъ сказали, древняго города Джулета. Николаевская станица была прежде военнымъ поселеніемъ и въ томъ году, когда мы проѣзжали, поселенцы были обращены въ казаковъ и причислены къ Владикавказскому казачьему полку. Кажется, года за два до 1840 года они были поселены на этомъ мѣстѣ. Мѣстоположеніе селенія безподобное, на высокой горѣ, оно окружено роскошной растительностью, съ тремя прелестными кристалльными горными рѣчками. И однакожь, не смотря на это, климатъ для переселенцевъ оказался столь губительнымъ, что болѣе половины ихъ погибло, половина же, оставшаяся въ жи-

выхъ, была похожа на мертвецовъ, такъ они были блѣдны и худы. На слѣдующій годъ, хотя смертность и продолжалась, но потому уменьшилась и остатокъ уже примирился съ несчастною мѣстностью.

По дорогѣ къ Никольской станицѣ встрѣчается такое множество магометанскихъ кладбищъ съ каменными памятниками и курганами, что невольно наводитъ на мысль о значительномъ населеніи, здѣсь обитавшемъ. Одинъ господинъ, какъ намъ рассказывали, изъ любопытства началъ раскопку одного изъ нихъ, надѣясь найти что нибудь интересное, но всѣ жители удержали его, сказавъ, что это кладбище погибшихъ отъ чумы, здѣсь не такъ давно свирѣпствовавшей, которая только и помогла намъ покорить кабарду большую и малую, уже опустошенныхъ моромъ и еслибъ раскопать эти могилы, то чума могла бы снова распространиться. На этой же дорогѣ встрѣчается Минаретскій постъ, гдѣ прежде былъ военный госпиталь. Название свое онъ получилъ отъ высокаго минарета прелестной арабской архитектуры. Это высокая круглая башня, съ спиральною лѣстницею, внутри которой музны восходили на галлерей, и призывали на молитву правовѣрныхъ. Отъ галлерей башня еще поднималась на большую высоту, но, къ сожалѣнію, эта часть была разрушена русскими ядрами по приказанію какого-то вандала въ маюрскомъ чинѣ. По рассказамъ туземцевъ, этотъ минаретъ и другія развалины были остатками города Татартука. Безчисленное множество подписей по стѣнамъ минарета показываютъ, что всѣ проѣзжавшіе здѣсь непременно посѣщали эту башню. Она точно стоитъ здѣсь какъ бы стражемъ, охраняющимъ прелестныя горныя долины. Отсюда горный кряжъ, называемый Дигорскимъ мысомъ, почти упирается въ Терекъ и почти заслоняетъ дорогу, которая огибаетъ его по самому берегу Терека, довольно широкаго тутъ и тихаго. Проѣзжая подъ этой горой, почти отвѣсно возвышающейся, вправо, въ этотъ узкій проходъ дорога постепенно идетъ въ гору почти до самаго Николаевского поселенія. Затѣмъ горы раздвигаются, удаляясь отъ Терека, и составляя отроги, которые служатъ ступенью великаго хребта, гдѣ владычествуетъ Кавбекъ, по грузински Мзинвари, и другіе соединяются съ кабардинскими возвышенностями, составляющими первую ступень отъ востока къ западу, гдѣ уже владычествуетъ Эльбрусъ за Кубанью.

Отъ Минарета начинается чудная растительность этого благоденнаго края. На роскошныхъ пастбищахъ пасутся многочисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей. Окрестныя горы одѣты богатымъ строевымъ лѣсомъ, и потому называются черными; по берегу Терека и другимъ небольшимъ свѣтлымъ рѣчкамъ и ручьямъ живописно раскинуты аулы осетинъ, карабулаковъ, а по дорогѣ непре-

ривно тянутся обозы арбъ, запряженныхъ волами и буйволами, которыхъ тутъ множество. Это большая дорога въ Тифлисъ и изъ Тифлиса, но тогда еще обозы доходили только до Владикавказа, а далѣе горнымъ ущельемъ слѣдовали на выюкахъ, смотря по времени года. Впрочемъ дорога уже была разработана, хотя мѣстами еще не была додѣлана и работа продолжалась.

До Николаевского поселенія пасмурная погода постоянно скрывала отъ насъ снѣговой хребетъ, который появлялся только изрѣдко между облаками. Неопытный глазъ съ трудомъ различаетъ отъ облаковъ эти воздушныя вершины, и только когда мы подъѣзжали къ селенію, хребетъ открылся передъ нами во всемъ своемъ величіи. Въ первый еще разъ мы его увидѣли ясно, такъ какъ облака или тучи разсѣялись. Какая то мечтательность овладѣваетъ воображеніемъ, когда смотришь на этихъ гигантовъ, подпирающихъ небеса. Кажется, что будто съ этихъ вершинъ, озаренныхъ въ эту минуту заходящимъ солнцемъ и облитыхъ золотомъ, одинъ шагъ въ ту свѣтлую страну, куда стремится душа человѣка. Кажется, что эта видимая близость къ небесамъ и имъ придаетъ что-то неземное, но когда взойдетъ человѣкъ на эти заоблачныя вершины, тогда только онъ увидитъ, что высота небесъ также неизмѣримо-безпредѣльна какъ для нихъ, такъ и для насъ, странствующихъ въ этой юдоли. Такъ-то поистинѣ, ничтожно все земное величіе и вся гордость мудрецовъ міра, которые, роаясь въ грязи матеріи, и открывая ея законы, не хотятъ видѣть, что самые законы этой матеріи болѣе всего указываютъ на недосыгаемую высоту, вѣчно стоящую надъ вершинами человѣческаго знанія.

По дорогѣ между Екатериноградомъ и Владикавказомъ надо переѣзжать множество горныхъ потоковъ, которые тихи и скромны въ обыкновенное время, но страшны и свирѣлы во время дождей и вешняго таянія снѣговъ. Изъ всѣхъ переправъ, тогда была самая опасная черезъ рѣку Бѣлую подъ самой Николаевской станицей. Эта рѣка сама по себѣ небольшая, тиха и не очень глубока въ сухое время, но намъ пришлось переѣзжать ее весной, когда она дѣлается проѣздною только утромъ, когда таянія горныхъ снѣговъ еще не началось, вчерашняя вода уже сбѣжала, а ночной холодъ въ горахъ остановилъ таявіе; но послѣ полудня уже нельзя проѣхать въ бродъ. Мы передъ вечеромъ спустились къ рѣкѣ за версту до самой переправы; но вотъ приближается мѣсто поворота черезъ рѣку; глубина увеличивается, тѣлѣга погружается болѣе и болѣе, наполняется водой; вся масса бѣшеной рѣки ударяетъ въ бокъ тѣлѣги; въ глазахъ рябитъ, лошади какъ будто впередъ не поднимаются, а ка-

жется, что ихъ самихъ мчитъ рѣка съ ужасающею быстротою, телѣга то поднимается на камни, то опускается снова и брызгами обдастъ какъ проливнымъ дождемъ; тянется время безконечно; на воду нельзя смотрѣть, чтобъ не закружилась голова; но вотъ наконецъ высокій противоположный берегъ близится, глубина уменьшается. Ускоренное бѣніе сердца утихаетъ и отраднѣйшій вѣдохъ облегчаетъ грудь.

Черезъ рѣку Бѣлую давно уже было предположено устроить мостъ и привезенные большіе камни давно лежатъ на берегу, но почему то онъ все не строится. Командовавшій войсками генералъ Гурко, однажды, тоже подвергался опасности на этой переправѣ, и помнится, что у него были утоплены чемоданы. Потомъ уже съ прїѣздомъ графа Воронцова, мостъ былъ, кажется, построенъ и, значитъ, путешественники избавились отъ этой страшной переправы.

Изъ Николаевска мы переѣхали ст. Ардонъ, гдѣ находится штабъ-квартира Владикавказскаго полка. Владикавказскій полкъ состоялъ весь изъ малороссіянъ. Казаки еще донашивали свои малороссійскіе казацкіе кафтаны, но когда были причислены къ линейному кав. войску, то стали носить обыкновенныя линейскія черкески. Женщины еще сохраняли тогда одежду малороссійскую. Казаки вообще живутъ очень опрятно и въ довольствѣ. Обиліе земли, плодородная почва, прекрасный климатъ, частые дожди, снабжаемые сосѣдними горами и лѣсами—все это вмѣстѣ дѣлаетъ здѣсь жизнь очень пріятною и льготною. Не смотря на то, любовь къ родинѣ такъ сильна въ нихъ, что всѣ они мечтаютъ о возвращеніи на родину. Полкъ этотъ былъ сформированъ патріотическимъ усердіемъ малороссійскаго дворянства для польской войны, а по окончаніи оной неожиданно былъ отправленъ на Кавказъ. Бывшіе женатыми соединились здѣсь со своими семействами, которыя были присланы на счетъ правительства. Холостые тогда еще не женились, нарочно надѣясь по истеченіи 15-ти лѣтняго срока возвратиться на родину, а въ случаѣ женитьбы они должны были оставаться навсегда въ кавказскомъ линейномъ войскѣ. Эти свѣдѣнія намъ передавали тогда сами казаки.

На послѣдней къ Владикавказу станицѣ отъ станицы Архонтской, пошелъ дождь и слышались отдаленные раскаты грома, который усиливался по мѣрѣ приближенія нашего къ горамъ. Мы успѣли прїѣхать въ Владикавказъ не сильно промоченные, но только что въѣхали на дворъ заѣзжаго дома и заняли отведенную намъ комнату, какъ гроза съ дождемъ разразилась во всей силѣ. Нѣтъ ничего величественнѣе, какъ гроза во Владикавказѣ. Каждый ударъ грома повторяется безконечными отголосками въ сосѣднихъ горахъ и ущельяхъ, и гулъ у умолкаетъ. Видишь молнію, разсѣкшую воздухъ въ гроз-

новомъ блескѣ, а отличить слѣдующій за нею ударъ можно только по новому гулу, усиленному новыми басовыми акордами. Музыка достойна этихъ гигантовъ, вершинъ которыхъ не достигають и самыя молніи! Когда гроза проходитъ и тучи разрываются, роскошныя воздушныя ткани гирляндами опоясываютъ ихъ станъ и тогда представляется взору восхитительная картина: открывается заоблачное чело этихъ гигантовъ, блестящая бѣлизна ихъ вершинъ, а у подошвы раскинуты аулы, съ бѣлыми саклями, освѣненными группою роскошныхъ деревьевъ.

Глава XIX.

Владикавказъ и Тифлисъ.

Крѣпость Владикавказъ составляетъ ключъ къ горному проходу въ Грузію и за Кавказъ. Онъ имѣетъ обширный форштатъ, съ нѣсколькими правильными и широкими улицами, красивыми домами и садами почти при каждомъ домѣ, большую площадь съ соборомъ посрединѣ, общественный садъ и бульваръ по берегу шумнаго Терека. Сверхъ собора была грузинская и полковая церковь, обширный гостинный дворъ, значительная торговля, что придавало ему видъ оживленнаго города и указывало на то, что онъ будетъ современнымъ, что и осуществилось въ настоящее время. Тутъ была прекрасная каменная гостинница, въ которой былъ залъ благороднаго собранія, гдѣ собиралось большое общество и были оживленные танцы. Площадь обстроена большими домами красивой архитектуры съ большими окнами и балконами, откуда открывались во всѣ стороны самыя прелестныя виды. Къ сѣверу разстилалась обширная равнина, обставленная къ западу черными осетинскими горами, у подошвы которыхъ и на высотахъ видѣлись частныя осетинскія аулы. Къ востоку Галаховскія горы, гдѣ въ 7-ми верстахъ отъ крѣпости обитало Галаховское враждебное и весьма воинственное племя. Эти горы, своими мрачными лѣсами и утесами, напоминали воображенію красоту Хищническихъ горъ, о которыхъ упоминается въ псалмахъ. Къ югу возвышается снѣговой хребетъ, увѣнчанный Двухъ-главымъ Казбекомъ. На нижнихъ ступеняхъ хребта и тутъ также расположены были осетинскія и карабулакскія аулы.

Во Владикавказѣ мы провели одинъ день, запаслись провизіей и на другой день поѣхали въ Тифлисъ, куда дорога идетъ Тагаурскимъ ущельемъ. До самаго ущелья верстъ 7-мъ дорога ровная, а

на 7-й верстѣ поднимались въ гору по узкой дорогѣ; одна слабая ограда отдѣляетъ отъ обрыва. Внизу Терекъ до сихъ поръ еще не очень быстрый. Отсюда начинается уже замѣтное возвышеніе его русла, гдѣ быстрота его становится водопадною. Постынный ревъ его такъ силенъ, что надо кричать у самаго уха, чтобы быть слышаннымъ. На 13-й верстѣ стоялъ Балтинскій постъ, состоящій изъ редута и нѣсколькихъ землянокъ для солдатъ. Выше выглядываютъ осетянскіе аулы и возлѣ небольшой замокъ съ круглыми башнями дома Дударовыхъ.

Около Балты Терекъ бѣжитъ по довольно просторной долинѣ и тутъ у осетянъ устроено нѣсколько небольшихъ плавучихъ мельницъ съ колесами на водѣ, движущимися силою быстрого теченія. Отсюда ущелье суживается и нѣкоторое разстояніе дороги идетъ искривленною линіей сквозъ толщю скалы, взорванной порохомъ надъ пропастью. Затѣмъ дорога опять идетъ по расширяющейся долинѣ, ровная какъ шоссе, до самаго Ларса. Тутъ уже Терекъ суживается и бѣлой пѣной мчится съ ужасной быстротой и оглушительнымъ ревомъ. Тутъ снова показываются снѣжныя вершины главнаго хребта. Вдѣво ущелье, называемое Махандавъ, на полугорѣ котораго стоялъ замокъ Джерахскаго владѣльца и живописно раскинутый аулъ. На другой сторонѣ ущелья возвышается другой замокъ у рѣчки Чси, замокъ, называемый Кайтукана, у котораго нашъ постъ и пушки, направленные въ Жирахское ущелье. Въ Ларсѣ замокъ съ сторожевою башнею, тоже Дударова офицера нашей арміи, который живетъ тутъ. Въ обстановкѣ его жизни было кое-что европейское, какъ-то: мебель, убранство комнатъ, гостепріимное угощеніе и въ то же время магометанское, какъ-то: неизбѣжный гаремъ. Въ Ларсѣ стояла гарнизонномъ рота линейнаго батальона. Тутъ выстроены казармы съ бойницами, нѣсколько каменныхъ саклей, въ которыхъ помѣщаются женатые солдаты. Нѣсколько орудій были направлены по ущелью, откуда могъ пробраться коварный врагъ. Домъ коменданта или военнаго начальника смотрѣлъ уютно, какъ убѣжище, скрытое въ глубинѣ гигантовъ, надъ нимъ воздымающихъ свои вершины. Въ противоположность этой грозной и мрачной обстановкѣ, для смягченія этой картины, глазъ пріятно пораженъ видомъ знакомаго европейскаго костюма дамъ, гуляющихъ по склонамъ этихъ великановъ, среди изумрудной зелени, подъ сѣнью огромныхъ орѣшниковъ. Тутъ ужъ я позавидовалъ этимъ уединеннымъ воинамъ, обитающимъ въ такихъ очаровательныхъ мѣстахъ, гдѣ кажется можно проводить цѣлыя дни въ созерцаніи чудныхъ красотъ природы и особенно, если можно подѣлиться ощущеніями съ доброй, нѣжной и еще хорошенькой женой.

Правда, что здѣсь потребуется отъ женщины много самоотверженія и мужества, ибо могутъ случиться небезопасныя набѣги хищниковъ. Во время нашего проѣзда тутъ опасности не было, но въ прошлое же вторженіе Шамиля, Ларсъ подвергался нападенію одной изъ отдѣльныхъ его партій. Но есть еще опасный врагъ въ этихъ мѣстностяхъ, это горныя снѣжныя лавины. Случалось, что поселеніе засыпалось ими, и разрушались дома, которые потомъ вновь выстраивались изъ тѣхъ же камней, отодвигаясь нѣсколько отъ прежняго мѣста. Но красота всего этого ущелья, его чудное величіе такъ поразительны, что можно пренебречь всѣми опасностями, ради того наслажденія, которое чувствуешь въ душѣ. Тутъ на каждомъ шагу новая картина, одна другой лучше, такъ что вся дорога въ горахъ, отъ начала до конца, есть непрерывный рядъ восторговъ для любителя природы.

За Ларсомъ ущелье болѣе суживается. На этой дорогѣ лежитъ такой огромной величины камень, что недоумѣваешь, откуда могъ онъ быть сброшенъ, такъ какъ около этого мѣста горы не представляютъ ничего такого, чтобы указывало на причину его присутствія здѣсь. Далѣе отъ этого мѣста дорога идетъ снова подъ навислыми скалами. Иногда приходилось проѣзжать подъ такою навѣсною скалою, которая, казалось, держится одной жилкой и кажется ожидаетъ вашего проѣзда, чтобы обрушиться. Терекъ бушуетъ и реветъ неистово. Тутъ переѣзжаютъ черезъ него на правую его сторону по каменному и очень прочному мосту, а чрезъ нѣкоторое разстояніе по другому такому же мосту опять на лѣвую. По всему этому пути встрѣчаются землянки для солдатъ рабочихъ ротъ. Дорога или вновь прокладывается ими или поправляются испорченныя мѣста. Вся эта мѣстность до Даріала, поистинѣ, поразительна картинами страшнаго величія и въ то же время разрушенія. Тутъ скалы и утесы, набросанные одни на другіе, огромностью своею и хаотическимъ безпорядкомъ превосходятъ всѣ другія мѣста. Вокругъ всюду лежатъ огромныя обломки, безмолвные свидѣтели гигантской борьбы. Высота горъ громадна, облака не дерзаютъ касаться ихъ вершинъ, солнце появляется на какой нибудь часъ и потомъ снова мракъ ночи, среди которой утесы представляются какъ бы тѣнями осужденныхъ янчесскаго тартара, на вѣчное заключеніе въ этомъ мѣстѣ мрака и смерти; ревъ Терека—это ихъ дикій вопль отчаянія.

Здѣсь лошади почтовые превосходны, ѣдешь по какому-то заключенному пространству, кругомъ гигантскія стѣны, подѣзжаешь вплотъ и все еще передъ вами ограда, достигающая небесъ, но только что хочешь убѣдиться въ томъ, что нѣтъ проѣзда, вдругъ глаза усматриваютъ издали что то похожее на лазейку, куда надо, кажется, про-

лѣзть съ усиленіемъ—но, къ удивленію, лошади скачутъ также быстро, стѣна раздвигается и снова цѣлты и деревья, растущія въ разщелинахъ, привѣтствуютъ васъ. По третьему мосту снова переѣзжаютъ на другую сторону до Дарьяла.

Дарьяльское ущелье, которое на пути къ станціи Кавбеку, замѣчательно на мои глаза тѣми же хаотически набросанными камнями и утесами; но исторически оно знаменито своимъ древнимъ замкомъ или, лучше сказать, его развалинами, стоявшими еще во время нашего проѣзда. Преданіе или легенда говорятъ, что это былъ замокъ царицы Дарья, бравшей дань съ проходящихъ мимо товаровъ. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь проходила чрезъ ущелье знаменитая стѣна, подъ которой пробѣгалъ Терекъ. Все это дѣло археологовъ, я же описываю только то, что видѣлъ самъ и именно, что на этомъ мѣстѣ видѣлись развалины и что еще тогда были видны ступени лѣстницы, высѣченной въ скалѣ, по которой спускались къ Тереку за водой по закрытому прежде ходу. Отъ Дарьяла до Казбека девять верстъ. На этой дорогѣ переѣзжаютъ мостъ черезъ рѣчку Кистинку. Эта дорога такая же ужасная какъ и во всемъ ущельѣ, всюду хаосъ: то проѣзжаешь по узенькой дорожкѣ, надъ ужасающею пропастью, на днѣ которой Терекъ свирѣпѣетъ какъ разъяренный звѣрь; или снова проѣзжаешь подъ навислыми скалами, изъ которыхъ одна, упавши, конечно обратила бы (расплюснула) экипажъ, сѣдоковъ и лошадей въ какой нибудь листъ бумаги. Но за то на этомъ разстояніи наслаждаешься всѣми сильными ощущеніями. Тутъ и страхъ, и изумленіе, и восторгъ и сверхъ того чувство отрадное, когда глазъ вдругъ встрѣчаетъ на высотѣ прелестную живописную кистинскую Гумтъ. Но это только пріятный и короткій отдыхъ, потому что тотчасъ же снова ѣдешь надъ пропастями, та же дикость, тѣ же препятствія и опасности. Иногда поднимаешься въ гору по крутизнѣ сажень полтора-раста, потомъ столько же спуска, а на 8-й верстѣ взбираешься еще выше, а вправо все тотъ же бѣшеный Терекъ со своимъ неумолкающимъ ревомъ. Тутъ снѣжныя вершины показываются сзади, а впереди открываются развалины Цвекляура. Подѣзжая къ станціи, еще подъемъ на крутую высоту, гдѣ обдаетъ то холодомъ, то тепломъ и по отлогой горной дорогѣ спускаешься къ станціи.

Не доѣзжая станціи, переѣхали такъ называемую бѣшеную Баму, гдѣ Терекъ во время таянія снѣговъ или сильныхъ дождей мчитъ за собой цѣлыя массы камня и разрушаетъ все встрѣчающееся на пути. Подѣзжая къ станціи вправо открывается тотъ исполнитъ, видѣнный уже болѣе нежели за 200 верстъ разстоянія. Онъ имѣетъ двѣ вершины, одна нѣсколько ниже другой. Величіе его порази-

тельно. Вѣчные снѣга составляютъ непроницаемый покровъ его. Облака одѣваютъ только станъ его, никогда не досягая вершины. Онъ здѣсь истинный владика Кавказскаго хребта, который предъ нимъ смиряется. По всѣмъ вѣроятностямъ, вѣкогда онъ извергалъ пламя; въ горахъ находятъ много признаковъ лавы и много находится горнаго хрусталя. Нынче вмѣсто лавы каждые 7 дѣтъ съ вершинъ Казбека скатываются снѣжныя массы или лавины, называемыя здѣсь завалами, которые часто совершенно преграждаютъ дорогу и запружаютъ Терекъ. Мы проѣзжали послѣ одного изъ такихъ заваловъ, по огромнымъ снѣжнымъ толщамъ, гдѣ подъ ихъ сводами бушевалъ Терекъ, прорвавшій себѣ дорогу. Кажется, при этомъ завалѣ погибло семейство одного маіора, имъ внезапно застигнутое.

Вдѣло по прелестной долиноѣ разстилается грузинская деревня Горчеты, а на вершинѣ черной горы виднѣется церковь во имя Пресвятой Троицы и монастырь, построенный царицей Тамарой еще въ XII-мъ столѣтіи. Зданіе давно уже опустѣло, но три раза въ году сюда стекаются поклонники и богомольцы и совершается богослуженіе.

Деревня Казбекъ расположена очень тѣсно. Всѣ строенія изъ шиферныхъ или аспидныхъ плитъ. Домъ владѣльца генерала Казбека обнесенъ каменной стѣной, передъ домомъ церковь, гдѣ подъ колокольней покоится его прахъ; за церковью заѣзжіи домъ, куда и примчали насъ кони.

Всѣ эти заѣзжіе дома по Тифлиской дорогѣ называются дворцами, потому что, выстроенные и устроенные для проѣзда государя, очень хороши. Вездѣ большія комнаты съ хорошею мебелью и зеркалами и покойными диванами. Тутъ у открытаго окна мы расположились пить чай, не спуская глазъ съ чернаго Казбека, освѣщаемаго заходящимъ солнцемъ, котораго вершина горитъ еще долго послѣ наступленія сумерекъ. Когда мы пустились въ путь къ станціи Коби, уже стало совершенно темно, во многихъ селеніяхъ по ущельямъ и высотамъ зажглись огоньки, что при такой дикой мѣстности, гдѣ на каждомъ шагу утесы, обрывы, пропасти и слышанъ одинъ только ревъ кипящей рѣки подъ ногами, огоньки эти чрезвычайно отрадны. Мысль уносится и проникаетъ въ эти освѣщенные пріюты мирныхъ семействъ; воображеніе рисуетъ группы мушкетеровъ съ восточными загорѣлыми лицами, прелестныхъ женщинъ съ черными, какъ смоль, волосами, съ сіяющими черными глазами, въ ихъ живописномъ костюмѣ съ откинутыми чадрами за работой, красивыхъ дѣтей и проч. Но въ дѣйствительности, когда намъ случалось посѣщать, эти жилища были не такъ привлекательны, такъ какъ бѣдность, неопрятность съ перваго же раза кололи глаза, хотя типы отъ этого не были хуже, а

можетъ были и лучше воображаемыхъ. Но все же въ этихъ освѣщенныхъ прилѣпленныхъ къ скалѣ жилищахъ дѣйствительно живутъ люди, и наслаждаются жизнью, какая выпала на ихъ долю, и наслаждаются не менѣе нашего; вѣрно то, что и тутъ бьются сердца радостью и любовью, что и тутъ тѣ же человѣческія страсти и желанія, мученія и отрада—словомъ та же, только въ различныхъ формахъ, жизнь символовъ человѣческихъ, разбѣянныхъ по лицу земли для одной и той же цѣли жить, трудиться, печалиться, радоваться, любить, ждать и надѣяться, что послѣ этой жизни наступитъ другая, вѣчно богатая и радостная.

При выѣздѣ изъ Казбека версты на двѣ встрѣчаются развалины замковъ и башенъ, что показываетъ, что нѣкогда тутъ было густое населеніе. И тогда еще отъ Казбека до Коби ущелья были очень заселены. По обѣимъ сторонамъ Казбека живутъ два племени: осетины по правую сторону, а по лѣвую гудотавры, занимающіе обширныя пространства хребта по р. Спотекали. Отъ Казбека ущелье разширяется; за нѣсколько верстъ за рѣчкой Спотекали встрѣчаются одна за другой шесть деревень, а на 9-й верстѣ на горѣ стоитъ г. Сіонъ. Около него видны стѣны, большая церковь, нѣсколько грузинскихъ домовъ и сторожевая башня надъ самой кручей. Сколько прелести и сколько интереса въ этихъ безмолвныхъ памятникахъ минувшихъ временъ, когда и здѣсь все кипѣло жизнью, дѣятельностью и обычной жизненною суетою. Смотря по многимъ развалинамъ повсюду, здѣсь было густое населеніе, потому что необходимы были и руки, и капиталы, и искусства, чтобъ возвести цѣлые города на такія высоты. Кажется, что общаго между протекшимъ и настоящимъ? И однакожь, какъ сильно интересуется мыслящаго человѣка судьба прошедшихъ поколеній! Особенно въ Грузіи, гдѣ такъ много памятниковъ глубокой древности, этотъ интересъ особенно силенъ. Грузинскій народъ занимаетъ именно то мѣсто въ нашемъ старомъ свѣтѣ, гдѣ, какъ въ ворота, проходили безчисленные народы изъ Азіи въ Европу. Что долженъ былъ испытывать въ разное время этотъ народъ, что бы удержаться въ своей прекрасной странѣ? Сколько событій проходило передъ нимъ, сколько кровавыхъ битвъ онъ долженъ былъ выдержать! Какіе роды и семьи жили въ этихъ жилищахъ на Сіонѣ? Что волновало и усаждало ихъ жизнь, на этихъ подъоблачныхъ высотахъ? Восхищались ли они чудной картиной, разстилавшейся подъ ихъ ногами? Что наблюдалъ стражъ на этой сторожевой башнѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ неприступныхъ мѣстъ для жительства, эта башня и крѣпость говорятъ ясно о непрерывныхъ опасностяхъ тѣхъ временъ. Опасности и битвы должны были питать любовь къ родинѣ!

святинѣ, воспитывать воинскую доблесть и мужество. Этотъ народъ доселѣ сохранилъ во всей чистотѣ, среди всѣхъ превратностей и мученическихъ страданій, свою православную апостольскую церковь, тогда какъ другіе изъ народовъ этихъ горъ стали отверженцами и измѣнниками Христу Богу, ставъ грубыми магометанами. Если же этотъ народъ былъ такъ мужественъ и твердъ, то женщины его, возроставшія и выкормившія своею грудью этихъ борцовъ, должныствовали быть на той же высотѣ своими качествами, своими женскими добродѣтелями, материнскою и супружескою любовью, такъ какъ воспитаніе этого народа совершалось здѣсь въ этихъ родныхъ горахъ, подъ роднымъ кровомъ. Вотъ гдѣ обширное поприще для даровитаго романиста-археолога.

Отъ станціи Коби дорога возвышается до самаго перевала черезъ хребетъ. Эта послѣдняя гора называется Крестовою по огромному каменному кресту, воздвигнутому здѣсь генераломъ Ермоловымъ и тогда стоявшему.

Мы переѣзжали Крестовую гору въ исходѣ мая и тутъ еще была зима и огромныя массы снѣга только что начинали таять. Нѣсколько ниже вершины по ту и другую сторону началась весна; трава только что покрыла землю, а хлѣба только что выходили, тогда какъ внизу у Владикавказа было лѣто въ полномъ развитіи. Какъ подъѣдешь такъ и спускъ имѣетъ нѣсколько станцій: Пасанауръ, Камануръ и наконецъ Анануръ, гдѣ находится штабъ-квартира 1-го грузинскаго линейнаго батальона.

Въ горахъ видно много древнихъ обитателей, которыхъ основаніе восходитъ къ самымъ первоначальнымъ временамъ обращенія въ христіанство Грузіи. Всѣ эти монастыри, не смотря на свое настоящее запустѣніе, посѣщаются въ извѣстные праздники безчисленными богомольцами. Намъ случилось объѣхать одну такую толпу богомольцевъ. Воадѣ свѣтлаго горнаго ключа, свѣтлою и густою струею бьющаго изъ горы, расположилась самая живописная группа мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ и дѣтей въ праздничныхъ разноцвѣтныхъ одеждахъ. Тутъ были и сѣдые старцы, и дѣти, играющія по земной муравѣ, и прелестныя женщины съ отброшенными назадъ чадрами. Одни отдыхали, собирались съ силами, тогда какъ другіе вереницами поднимались въ гору на такой высотѣ, что казались болѣе муравьями, нежели людьми.

Подъемъ на Крестовую гору простирается версты на четыре. Отъ креста начинается спускъ мѣстами очень крутой. Дорога высѣчена на краю обрыва по одному боку Год-горы на страшной высотѣ въ двѣ сажени ширины. Съ лѣва отвѣсная стѣна, отъ которой гора

возвышается до вершины. Тонкія перила ограждаютъ отъ обрыва. Если достаеъ смѣлости, чтобы взглянуть въ эту пропасть, я думаю до 600 сажень глубины, то восхищенному взору представится нижняя ступень хребта Гудовскаго ущелья, на днѣ котораго по нижнимъ уступамъ горъ видѣются столѣтніе дуби и орѣшники, сквозь гиганскія вѣтви которыхъ проглядываютъ замки съ башнями. Еще ниже, какъ муравейники, раскинуты грузинскія селенія, утопающія, такъ сказать, въ самой роскошной растительности и между ними свѣтятся Арагва, пропадающая у подошвы и вытекающая изъ горъ, свѣтлою серебряною нитью.

Здѣсь начинается спускъ съ вершины версты четыре и потомъ по ровной дорогѣ до Кошаура. Изъ Кошаура опять спускаются подъ гору тоже версты четыре въ долину Арагвы. Эта кроткая и прелестная сестра Терека бѣжитъ тутъ по чудной восхитительной долинѣ Грузіи. По обѣимъ сторонамъ также высятся горы, но долина между ними очень обширна и она, свѣтлая и голубая какъ небо ея родины, граціозно катитъ свои воды между цвѣтущими лугами и полями, гдѣ пшеницы уже въ колосу и миндаля въ цвѣту. Кой гдѣ въ уступахъ горъ видны пещеры, въ которыхъ жили нѣкогда святыя пустынники, а можетъ быть живутъ и теперь, такъ какъ глубокое религиозное чувство и животворную вѣру хранить вся Грузія.

Отъ Кашаура до Пасанаура 19 верстъ. Это укрѣпленный постъ со рвомъ, валомъ, казармами и домомъ воинскаго начальника, какъ и всѣ другіе посты, съ неизбѣжной лавкой духанчика, гдѣ можно купить все, что нужно. Отъ Пасанаура дорога идетъ по той же долинѣ до Анаура. Тутъ ущелье суживается и снова приходится проѣзжать подъ навѣсомъ скалъ, но дорога вообще хороша и вездѣ живописные виды. На 14-й или 15-й верствѣ горы по обѣимъ сторонамъ понижаются и вправо открывается замокъ съ монастыремъ.

Анауръ древній городъ. Замокъ окруженъ толстыми стѣнами, расположенными по полу горѣ. Народонаселеніе города очень небольшое. Тутъ была штабъ-квартира 1-го грузинскаго линейнаго батальона. Отсюда дорога идетъ черезъ рѣчку Аркану, впадающую въ Арагву, которая остается вправо и потомъ поднимается на небольшую гору между кустарникомъ. Подъемъ однакожъ продолжается, хотя и не круто, верстъ 6 или 7, и затѣмъ спускается къ г. Душету. Вся эта дорога идетъ между грузинскими пашнями. Тутъ мы остановились и разсматривали грузинскій плугъ и грузинскую пахоту. Плугъ, огромнаго размѣра, былъ запряженъ 8-мью парами воловъ и буйволовъ, на каждый паръ мальчишкѣ, а передъ всею упряжью передъ волами шелъ передовой и направлялъ шествіе, а плугомъ управляли

двое. Это примѣчательное орудіе отваливаетъ огромнаго размѣра пласты, а борода, имъ проводимая, скорѣе походила на канаву, нежели на борода. Не менѣе того грузины считаютъ такую глубину необходимою какъ по тяжелой глинистой почвѣ, такъ и потому, что глубоко залежшія сѣмена болѣе сохраняются отъ палящихъ лучей грузинскаго солнца. Насъ, какъ землевладѣльцевъ и еще недавнихъ фермеровъ, очень занимала эта пахота.

Въ Душетъ мы спустились около полудня. Это довольно порядочный городокъ, также съ крѣпостью. Всѣ строенія каменные и довольно красивыя. Площадь обстроена множествомъ лавокъ. Этотъ признакъ обширной торговли въ Кавказскихъ городахъ, для пріѣзжаго изъ Россіи, гдѣ въ маленькихъ городахъ увидишь весьма не много лавокъ, поражаетъ. Но надо вспомнить, что на Кавказѣ вся торговля въ рукахъ армянь, самаго торговаго, дѣятельнаго и способнаго племени. Мы пріѣхали прямо въ заѣзжій домъ, съ большими, опрятными комнатами, хорошою мебелью и зеркалами. Передъ окномъ нашей комнаты, гдѣ мы помѣстились, и по обѣ стороны крыльца, роскошно цвѣли огромные кусты розъ, усыпанные крупными благоуханными розами, разливавшими свой ароматъ въ воздухъ и по всѣмъ комнатамъ. Здѣсь намъ пришлось пробыть болѣе двухъ дней, такъ какъ всѣ почтовые лошади были сняты подѣ корпуснаго командира Головина, возвращавшагося изъ редута Кале въ Тифлисъ. Впрочемъ мы этимъ замедленіемъ были очень довольны. Сюда же пріѣхали и также остановились съ нами маіоръ Ершовъ, Николай Ивановичъ, и князь Лобановъ-Ростовскій, который кончилъ курсъ въ университетѣ, ѣхалъ поступить въ военную службу, вполнѣдствіи флигель-адъютантъ и зять фельдмаршала Паскевича. Оба наши спутники были люди очень пріятные и умные собесѣдники; приходили также къ намъ нѣкоторые офицеры, мѣстный докторъ, и все это время мы провели очень пріятно. Вечеромъ, гуляя и, встрѣтивъ все Душетское общество изъ дамъ и мужчинъ, присоединились къ нему, такъ какъ съ нѣкоторыми уже познакомились при ихъ посѣщеніи. Между гуляющими было нѣсколько прелестныхъ дамскихъ личекъ.

Изъ Душета мы выѣхали мимо гигантскихъ орѣшниковъ черезъ рѣчку Душетку и поднялись въ гору, потомъ спустились въ деревню, гдѣ было множество виноградниковъ и на 7-й верстѣ спустились къ Арагвѣ и потомъ кустарниками пріѣхали въ Гарцискарь. Изъ Гарцискара снова поднимаются въ гору по правую сторону Арагвы, а на второй верстѣ поворачиваютъ вправо подѣ обрывъ берега, идущаго гранитною стѣною и тутъ влѣво отъ впаденія Арагвы въ Куръ открываются развалины Мцхета, нѣкогда столицы Грузіи.

По преданію, Мцхеть восходитъ до временъ самыхъ отдаленныхъ, построенъ онъ Мцхетомъ, сыномъ Картулка, родоначальникомъ грузинъ, по имени котораго онъ донинѣ называется Картулка; самъ Картула считается ближайшимъ потомкомъ Ноя. Извѣстно то, что Мцхеть во времена Александра Македонскаго уже былъ цвѣтущимъ городомъ.

Нынѣшній соборъ построенъ въ XV вѣкѣ, но на этомъ мѣстѣ первая христіанская церковь, деревянная, была построена царемъ Иберіи Маріаномъ, первымъ принявшимъ христіанскую вѣру отъ святой равноапостольной Нины. вмѣсто этой церкви въ половинѣ V-го вѣка построенъ великолѣпный соборъ, потомъ разрушенный землетрясеніемъ, въ исходѣ XIII-го вѣка, вмѣсто котораго въ XV-мъ уже вѣкѣ построенъ нынѣшній соборъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Влѣво отъ дороги видна другая церковь, возлѣ которой стоитъ часовня, воздвигнутая, какъ говорятъ, св. Ниной. Упадокъ города Мцхета начался съ начала V-го вѣка, когда царь Дочи перенесъ столицу въ Тифлисъ. Потомъ его разворвали персіане и онъ остался до сихъ поръ въ развалинахъ. Между тѣмъ онъ имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе и воздухъ гораздо здоровѣе Тифлискаго. Теперь въ Мцхетѣ живетъ до сотни семействъ.

На шестой верстѣ отъ Мцхета видѣнъ древній каменный мостъ черезъ Куру, построенный по преданію Помпеемъ, во время преслѣдованія царя Митридата. Отъ моста дорога поворачиваетъ влѣво по берегу Куры, подъ гранитными стѣнами горы. По ту сторону рѣки довольно густое народонаселеніе. На 10-й верстѣ отъ Мцхета открывается Тифлисъ. Старый городъ въ котловинѣ между высокими горами, его окружающими. По мѣрѣ приближенія, умножаются селенія и повсюду сады и шпалеры съ виноградниками.

Мы вѣхали въ предмѣстіе Тифлиса, по лѣвую сторону Куры, и остановились въ гостинницѣ нѣмца Зальцмана, колониста и пивовара. Домъ прислоненъ къ высокой горѣ и всѣ зданія его постройки идутъ уступами въ гору. Мы заняли двѣ чистенькія комнаты по 1 р. 50 к. въ сутки. Обѣдъ въ трактирѣ у него же очень хорошъ и не дорогъ. Бутылка пива поль-абоза или 10 к. сер., бутылка краснаго грузинскаго вина очень хорошаго 1 р.; это, разумѣется, только въ гостинницѣ, а въ городѣ не болѣе абоза.

Пообѣдавъ и пріятно отдохнувъ послѣ обѣда, мы отправились ходить по городу. Прѣйдя мостъ черезъ быструю Куру, живописно омывающую каменный Карвандъ Сарай, котораго балконы возвышаются надъ самой пучиной, мы вошли въ грузинскую часть города, гдѣ на площади кишѣла пропасть народа, у безчисленныхъ лавокъ съ зеленью,

плодами, разными съѣстными припасами и дровами. Воду возятъ на осликахъ. Пройдя площадь, мы вошли въ ряды. Надъ каждой лавкой устроены навѣсы отъ солнца и тутъ взору представляется множество азіатскихъ и европейскихъ товаровъ самаго разнообразнаго вида. Пройдя ряды, вошли въ узкія улицы, гдѣ у каждаго дома внизу лавки всѣхъ возможныхъ ремеслъ; и всѣ ремесленники работаютъ на ихъ порогахъ. Тутъ и портные, и сапожники, и столяры, и слесари, и кузнецы. Все это стучитъ, пилитъ по среди безчисленной толпы проходящаго, покупающаго люда, какъ въ «Тысячѣ одной ночи». Съ наступленіемъ темноты лавки освѣщаются и это придаетъ этому средоточію торговли очаровательный видъ Гарунъ-Альрашидскаго города. Семейства послѣ дневнаго жара собираются на галереяхъ, окружающихъ дома, гдѣ преимущественно сидитъ все женское населеніе, такъ что, проходя дома, наверху слышится говоръ тоненькихъ женскихъ голосовъ, воображеніе рисуетъ, конечно, красоту обладательницъ этихъ нѣжныхъ гармоническихъ звуковъ, но къ сожалѣнію сокрытыхъ завистливымъ сумракомъ ночи. При свѣтѣ луны, сіявшей въ полномъ свѣтѣ, можно было впрочемъ рассмотреть откинутыя бѣлыя чадра, перехватить блестящій взоръ черныхъ глазъ, но очертаній рассмотреть было невозможно и надо было довольствоваться призракомъ воображенія. Кой гдѣ среди этой очаровательной южной ночи слышались иногда нѣжные звуки голоса пѣвшей какую нибудь монотонную грустную пѣсню.

Барабаны и трубы пробили и проиграли зорю и мы направились въ свою квартиру. За нами долго еще слышался шумъ, говоръ и пѣніе; виднѣлись ярко освѣщенные лавки, но прошли мостъ, на этой сторонѣ рѣки все было тихо и только слышалась музика въ освѣщенномъ домѣ, гдѣ въ окнахъ мелькали тѣни танцующихъ; мы завернули сюда, втерлись въ толпу, чтобы въ открытыя окна взглянуть поближе на танцующихъ, и затѣмъ вошли къ себѣ и стали пить чай, сидя на галереи, но для этого понадобилось надѣть шинели, такъ какъ тифлискія ночи бываютъ очень прохладны. Чай нашъ на этотъ разъ былъ особенно приятенъ. Мы купили себѣ превосходнаго турецкаго табаку, который и курили съ чаемъ вмѣсто Ванитоба, съ тѣхъ поръ уже навсегда оставленнаго.

Мимо нашей гостиницы ежедневно проходило множество народа изъ нѣмецкихъ колоній. Въ Тифлисѣ въ 1840 г. было трудно достать хорошихъ сливокъ и бѣлыхъ хлѣбовъ, хотя въ городѣ и были булочники, но посылать туда далеко, да намъ и не кого было и потому прислуга въ гостиницѣ, по нашей просьбѣ, покупала для насъ

превосходныя сливки и хлѣбъ отъ колонистовъ, рано утромъ прѣзжавшихъ въ городъ для распродажи своихъ произведеній.

Сидя на балконѣ мы находили большое удовольствіе наблюдать проходящихъ въ городъ и изъ города. Намъ удивляло какъ могли грузины въ своихъ туфляхъ, съ загнутыми вверхъ носками, огромными каблуками, ходить съ такою легкостью и быстротою. Однажды случилось видѣть всадника, ѣхавшаго рысцою и возлѣ него высокаго грузина пѣшехода, не отстававшего отъ него ни на одинъ шагъ и въ то же время громко разговаривавшаго съ своимъ товарищемъ. Вотъ и несостоятельность пословицы: пѣшій конному не товарищъ.

Во время нашего пребыванія въ Тифлисъ мы являлись къ начальнику штаба генералу Коцебу, который принялъ насъ очень любезно, спросилъ въ который полкъ мы желаемъ записаться: здѣсь ли за Кавказомъ или на линіи. Мы пожелали послѣдняго, такъ какъ тамъ были наши товарищи декабристы въ отрядѣ генерала Засса за Кубанью: Мих. Мих. Нарышкинъ, М. А. Назимовъ и Вигелинъ.

Мы пробыли въ Тифлисъ ровно недѣлю и намъ она показалась за одинъ день: такъ пріятно было намъ здѣсь. На сѣвернаго жителя южный край самъ по себѣ, по своей живительной теплотѣ климата, по своей роскошной растительности, всегда производитъ сильное и пріятное впечатлѣніе. Въ Тифлисъ же еще возбуждалъ особенный интересъ самъ городъ съ своею оригинальною восточною фizioноміею, съ пестрымъ населеніемъ всѣхъ возможныхъ восточныхъ народовъ, неисключая поклонниковъ Брамъ, съ его оживленною торговлею. Мы съ наслажденіемъ бродили по его узкимъ улицамъ, прислушивались къ говору, всегда очень живому на востокѣ, и восхищались, когда встрѣчали прелестныхъ грузинокъ. Армянки же, напротивъ, производили непріятное впечатлѣніе своимъ похожимъ на саванъ костюмомъ. Это просто мумія, вся сверху до низу обернутая въ бѣлую простыню. Лица ихъ, правда, открыты и глазъ часто останавливается на прелестныхъ чертахъ, но за то ужасная штукатурка бѣлилъ и румянъ уничтожаетъ всю прелесть. Еще не совсѣмъ пріятная особенность всѣхъ южныхъ странъ—это крикъ осла, который здѣсь часто слышится и который я въ первый разъ слышалъ еще въ Испаніи во время нашего плаванія въ Брестъ и Гибралтаръ.

Но что тогда было превосходно—это Тифлискія бани или, лучше сказать, купальни. Бани или ванны помѣщаются въ зданіи огромнаго протяженія, по обѣ стороны предлиннаго корридора. Каждый отдѣльный номеръ имѣетъ свой каменный бассейнъ съ кранами въ стѣнѣ холодной и горячей минеральной воды. Около стѣнъ широкія лавки, покрытыя чистыми бѣлыми простынями. Эти купанья истинное на-

слажденію. Здѣсь онѣ славятся еще искусствомъ своихъ башьциновъ, которые, говорятъ, расправляютъ всѣ восточки и суставчики, забираясь на лежащаго пациента и прохаживаясь по нему и ногами, и на колѣнахъ, расправляя руками всѣ члены, чего мы однакоже испытать не пожелаемъ.

Корпусный командиръ генералъ Головинъ еще не пріѣхалъ, и мы, получивъ всѣ нужныя бумаги, отправились въ Ставрополь по назначенію насъ въ знаменитый Кабардинскій полкъ, находившійся въ Закубанскомъ отрядѣ генерала Засса. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой южной столицей Кавказа, до сихъ поръ еще живо въ моемъ воспоминаніи, хотя мы пользовались здѣсь гостепримствомъ одного только нашего хозяина гостинницы г. Зальцмана и то за свои деньги. Впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, когда развозили парухомъ, нами устроенномъ на Волгѣ, армянскіе грузы, мы сдѣлали большее знакомство съ Тифлискими негоціантами, но въ 1840 г. еще никого не знали въ Тифлисѣ.

А. П. Вѣляевъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ РУМЯНЦОВЪ.

Дѣятельность его на пользу разработки русской исторіи и археологій.

(Очеркъ изъ русской исторіографіи).

I.

Великіе труды французскихъ бенедиктинцевъ и отдѣльныхъ ученыхъ XVII и XVIII вв., по справедливому замѣчанію Грановскаго, блѣднѣютъ передъ подобными предпріятіями нашего времени (Соч. I, 9).

Уже въ самомъ началѣ XIX в. правительства европейскихъ государствъ обратили вниманіе на приведеніе въ извѣстность историческихъ матеріаловъ, устройство архивовъ и изданіе находящихся въ нихъ памятниковъ. Первымъ государственнымъ учрежденіемъ, образованнымъ съ этою цѣлью, слѣдуетъ считать англійскую комисію архивовъ, основанную въ 1800 г. Но эта комисія стоила правительству съ 1800—1830 г. 350,000 ф. стерл. и значительнаго долга, не принеся существеннаго результата, вслѣдствіе чего были составлены новыя комисіи на другихъ уже основаніяхъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣ первая англійская комисія послужила образцомъ для французской исторической комисіи, которая вела свое дѣло болѣе успѣшно, находясь подъ руководствомъ историка Гизо. Въ Германіи, подъ ред. Пертца, появляются Monumenta historica, въ Туринѣ—*monumenta historica patriae*. Извѣстный историкъ Ранке предпринимаетъ обзоръ архивовъ Италіи, Германіи, Англій и Бельгій и

¹⁾ „Ж. М. Н. Пр.“ 1837 г., ч. III, янв. Англ. ком. архивовъ.

возбуждаетъ въ тамошнихъ ученыхъ интересъ къ изученію отечественныхъ матеріаловъ ¹⁾. Въ Германіи изученіе ихъ совпало съ общимъ національнымъ движеніемъ, возникшимъ вслѣдъ за войнами за независимость.

Въ Россіи интересъ къ историческимъ матеріаламъ, возбужденный еще въ царствованіе Екатерины II, нашель не менше ревностныхъ поборниковъ: московскій архивъ мин. иност. дѣлъ имѣлъ уже таковаго опытнаго архивиста, какъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій; а собраніе матеріаловъ и изданіе ихъ встрѣтило ревностныхъ покровителей въ лицѣ гр. А. И. Мусина-Пушкина, М. Н. Муравьева, бывшаго куратора моск. университета и члена тамошняго историческаго общества, затѣмъ митроп. Евгенія, археолога А. И. Оленина и художника-археолога А. И. Ермолаева ²⁾, служившаго конференцъ-секретаремъ при академіи художествъ. Уже въ 1809 г. была назначена особая комисія, состоявшая изъ попечителя спб. учебнаго округа К. М. Бороздина и Ермолаева, совершившая учено-историческое путешествіе въ Ладогу, Бѣлозерскъ, Вологду, Владиміръ, Ростовъ, Кіевъ и Черниговъ и составившая альбомъ древностей (4 тома), хранящійся теперь въ Имп. Публичной библіотекѣ, весьма важный для русской археологіи ³⁾. Та же комисія собрала свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ и приобрѣла списки нѣкоторыхъ изъ нихъ, а другія въ оригиналъ („Ж. М. Н. Пр.“ XXI; переписка Евгенія въ Сборн. Ак. Н., V, стр. 238—246 и переписка Восточова, ib. V, 404). Нѣсколько позже Оленинъ и Ермолаевъ предлагаютъ планъ полнаго изданія русскихъ лѣтописей съ соблюденіемъ строгой точности оригинала.

¹⁾ Такъ, подъ вліяніемъ Ранке, появились: *Relazioni degli ambasciatori Veneti al senato raccolte, annotate et edite da Eugenio Atteri* (съ 1839), *Archivio Storico* 1842 и сочиненіе итальянскаго ученаго де-Ремона: *Beiträge zur Ital. Gesch.* 1853 (Берлинъ), посвященное тому-же Ранке.

²⁾ Рус. ист. литер. въ 1-й пол. XIX в. М. Н. Муравьевъ и Карамз періодъ. Старчев. В. д. Чт. 1852, СХІ, СХІІ т. Біогр. свѣд. о жизни и учен. трудахъ гр. А. И. Мус. Пушкина: Зап. и Тр. М. О. И., II, и Запис для біогр. А. И. Мус. Пушкина, 1813, „Вѣстникъ Европы“, ч. LXXII; № 21.

³⁾ Описаніе Бороздинскаго собранія рисунковъ въ его археологическому путешествію по Россіи съ гг. Ермолаевымъ и Ивановымъ въ 1809—10 гг., см. въ Трудахъ I Археологич. Съѣзда, т. I, 63—74. В. И.

(„Сынъ отец“. 1814 г. № 7. Краткое разсужд. объ изданіи полн. собр. рус. дѣписат.)¹⁾).

Трудами всѣхъ этихъ лицъ могъ уже воспользоваться Карамзинъ. Въ такое время вполне естественно было и появленіе Мецената русской науки. Это былъ гр. Н. П. Румянцовъ, время котораго еще современники, какъ у насъ, такъ и за границею, называли „Румянцовскою эпохою“.

„Люблю ихъ душевно, писалъ Карамзинъ о братьяхъ Румянцовыхъ Дмитріеву: Это остатки стараго, лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего политическаго, ни историческаго. Кто изъ нихъ могъ бы запѣть: о Richard, о mon Roi! Нѣтъ ни чувства, ни голоса!“ (336). Какъ по своимъ средствамъ²⁾, такъ и по своей страсти къ научнымъ ислѣдованіямъ, гр. Румянцовъ могъ стать главнымъ двигателемъ на поприщѣ разысканія и изданія историческихъ

¹⁾ По поводу этого плана Калайдовичъ замѣчаетъ: „желая общей пользы въ изданіи Нестора и другихъ историческихъ источниковъ, они бросаются въ большія крайности. Къ чему ведетъ соблюденіе точности въ препинаніяхъ, когда мы знаемъ, что оно въ рукописяхъ служило только произвольнымъ отдѣленіемъ словъ и рѣченій? Къ чему послужатъ сокращенія, для которыхъ совсѣмъ не предписаны правила въ древнихъ нашихъ рукописяхъ? Они собьютъ читателя и сдѣлаютъ нестрогу большею той, какая замѣчена г-ми Оленинымъ и Ермолаевымъ въ Чеботаревскомъ Несторѣ; напротивъ, искусная разстановка словъ будетъ вести точно къ тому труду, какой назначилъ для себя проф. Тимковскій въ теперешнемъ при обществѣ изданіи древнѣйшаго лѣтописателя. Итакъ, вмѣсто двухъ трудовъ, буквального Нестора съ сохраненіемъ препинаній и сокращеній подлинника и объясненнаго Нестора, они за первымъ должны будутъ издать очищенный Несторовъ списокъ помощію вариантовъ и искусно поставленныхъ препинаній. Безъ сего труда къ чему послужитъ ихъ буквальный? Онъ собьетъ съ пути и грамотныхъ, и неграмотныхъ“.

„Оленинъ и Ермолаевъ, если хотятъ соблюсти всю точность въ рукописи (въ пространнѣйшемъ смыслѣ), то они должны будутъ издать Нестора точно такъ, какъ Англичане, по роскоши и прихотливости, напечатали много древнихъ своихъ памятниковъ, т. е. выгравировать. Но такое изданіе не есть ученое“. Записки Калайдовича, Лѣт. рус. лит. Тихонравова III, 95—96. Собственный планъ изданія рус. лѣтописей Калайдовичъ предложилъ въ 1817 г. См. біогр. его въ Рус. Бес. 1860, II, 34—35. В. И.

²⁾ Онъ владѣлъ 30,000 душъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ до 20,000 принадлежало имѣст. Гомелю (Могил. губ.), гдѣ по большей части жилъ Румянцовъ, по выходѣ въ отставку. Терещенко, II, 268. Остальныя его имѣнія находились въ Тамбов., Рязан. и Калуж. губ. Переписка съ м. Евген. 33.

матеріаловъ и покровителемъ цѣлой плеяды молодыхъ труженниковъ, которые безъ него должны были бы ограничиться слишкомъ скромнымъ кругомъ дѣятельности въ какомъ нибудь государственномъ архивѣ, или остаться авторами нѣсколькихъ, быть можетъ, цѣнныхъ изслѣдованій, но которыя не всегда нашли бы себѣ даже издателя. Самая возможность появленія въ это время труда Карамзина, въ значительной степени, объясняется дѣятельностью Румянцовскаго кружка ученыхъ ¹⁾.

Въ виду такой важности послѣдняго, мы считаемъ необходимымъ остановиться на личности Румянцова нѣсколько подробнѣе.

II.

Родъ Румянцовыхъ происходитъ отъ нижегородскихъ бояръ, упоминаемыхъ еще въ XIII вѣвѣ. Дѣдъ его былъ близкимъ лицомъ при Петрѣ В., отецъ—извѣстнымъ полководцемъ временъ Екатерины II ²⁾. Графъ Н. П. Румянцовъ родился въ 1754 г. и первоначальное воспитаніе получилъ вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ Петровичемъ, въ Москвѣ, подъ надзоромъ матери, которое было, по словамъ послѣдняго, „довольно плохо“ (Рус. Арх. 1869 г., 842) ³⁾. Въ 1772—73 гг. оба брата были приняты во дворъ Екатерины и, въ числѣ немногихъ, постоянно появляются въ ея собраніяхъ, происходившихъ въ эрмитажѣ. Здѣсь они познакомились съ извѣстнымъ барономъ Гриммомъ, который вызвался отвезти ихъ въ Голландію, для изученія наукъ въ Лейденскомъ университетѣ (Рус. Арх. 1869, 843—844). По позднѣйшимъ же справкамъ видно, что Румянцовы изучали (въ 1774 г.) въ Лейденѣ политическія науки (право) и исторію (Пекарскій, матер.

¹⁾ Въ этомъ можно убѣдиться изъ переписки Карамзина съ А. Ф. Малиновскимъ, изд. Общ. любит. Рос. Словесн., подъ ред. Лонгинова, М. 1860.

²⁾ Кромѣ множества документовъ, вошедшихъ въ „Архивъ походной канцеляріи гр. П. А. Румянцова“ (изд. Бодянскимъ въ Чтен. Моск. общ. ист.) и важныхъ для исторіи его дѣятельности въ царств. Екатерины II, ему принадлежатъ такъ называемая „Румянцовская опись Малороссіи“, подробное обзорѣніе которой недавно издано Черниговскимъ статистическимъ комитетомъ (3 книги, 1866—75 гг.).

³⁾ Третій братъ ихъ—Михаилъ Петровичъ—умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Терещенко, II, 268.

для исторіи журн. дѣят. Екатерины II, 33—34). Затѣмъ они отправились въ Парижъ, а оттуда, вмѣстѣ съ Гриммомъ, черезъ Женеву (причемъ посѣтили Вольтера) въ Италію ¹⁾. Посѣтивъ на обратномъ пути Венецію и Берлинъ, Румянцовы возвратились въ 1776 г. въ Петербургъ (автобіографія С. П. Румянцова. Рус. Арх. 1869, 843—846). Тогда отецъ ихъ просилъ Екатерину назначить старшаго сына по дипломатической части: въ 1776 году онъ былъ посланъ въ Вѣну съ извѣстіемъ о второмъ бракѣ вел. кн. Павла Петровича, а въ 1779 году онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ при германскомъ сеймѣ ²⁾. Въ этой должности Н. П. Румянцовъ усердно хлопоталъ о вліяніи Россіи на нѣмецкія дѣла, служа полнымъ выразителемъ тогдашней политики Екатерины II. Многочисленные донесенія его, хранящіяся въ Мос. арх. мин. ин. дѣлъ, даютъ незамѣнимый матеріалъ для оцѣнки русской политики въ этотъ періодъ ³⁾. Неза-

¹⁾ Вольтеръ писалъ къ г-жѣ Епиваль 8 іюля 1774 г.: „Не знаю, гдѣ теперь Гриммъ; говорятъ, что онъ путешествуетъ съ графами Румянцовыми; ему слѣдовало бы привезти ихъ въ Женеву; тѣмъ, кои рождены для того, чтобы служить опорой власти неограниченной, не мѣшаетъ взглянуть на республику“. Рус. Арх. 1869, 844.

²⁾ Политика, литература и исторія постоянно интересовали братьевъ Румянцовыхъ. Въ автобіографіи С. П. Румянцова (стр. 850) есть указаніе, что онъ сообщалъ (въ 1783 г.) свои замѣчанія на записки о Рос. исторіи Екатерины II, помѣщенные въ Собесѣдникѣ. Статья о Петрѣ В., присланная въ редакцію, слишкомъ восхваляющая его, не понравилась императрицѣ и Дашковой. Возражая „знатному автору“ этихъ статей, критикъ замѣчаетъ, что „писавъ по русски, онъ думалъ на иностранномъ языкѣ“ (Цекарскій, *ibid.* 28—34). Цекарскій, не зная еще означенной біографіи, ошибочно полагалъ, что статьи (въ „Собесѣдникѣ“ писаны гр. Николаемъ Петровичемъ. Но и Я. К. Гротъ дважды повторилъ это мнѣніе (Сбор. рус. ист. общ., XX, и Біогр. Державина, 333). Впрочемъ гр. Н. П. также любилъ преимущественно употреблять французскій языкъ. Въ воспоминаніяхъ миссъ Вильмотъ говорится о гр. Румянцовѣ, когда онъ управлялъ при Александрѣ I иностранными дѣлами: „Этотъ министръ совершенно офранцузился, такъ что всѣ свои дѣловыя распоряженія писалъ на французскомъ языкѣ, а потомъ ихъ переводили на русскій его секретари“. Переписка Петра В. съ Лейбницемъ, помѣщенная въ сборникѣ Эверса, приводила Н. П. Румянцова въ восторгъ (Переписка м. Евгенія съ Румянцовымъ. Стр. 15). Съ Гриммомъ Н. П. Румянцовъ поддерживалъ переписку (Рус. Арх. 1869, 849). В. И.

³⁾ Этими матеріалами недавно воспользовался проф. Трачевскій въ своей монографіи: „Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фрид. II и Іосифа II, 1780—1786“ („Вѣст. Европы“ 1877 г. и отдѣльно). По поводу означен-

висимо отъ того, въ теченіи пятнадцатилѣтняго своего пребыванія на дипломатическомъ поприщѣ, гр. Румянцовъ посвящалъ свободное время изученію французской, нѣмецкой и англійской литературы, наукамъ политическимъ, историческимъ и библиографіи¹⁾. Живя во Франкфуртѣ на Майнѣ, Румянцовъ близко познакомился съ тамошнею библиотекю (Терещенко, II, 272). Видя на мѣстѣ богатяя собранія по части наукъ и искусствъ, онъ сталъ уже тогда собирать цѣнные предметы и сочиненія, относящіяся къ сѣверной и славянской исторіи, такъ что его знаменитое собраніе, извѣстное теперь подъ именемъ Румянцовскаго музея — превзошло потомъ всѣ частныя собранія подобнаго рода въ Россіи²⁾. Поэтому онъ имѣлъ полное право сказать въ девизѣ своего герба, украшающаго его бюстъ и ученыя изданія: „non solum armis“³⁾. Но любовь его къ русской исторіи и древностямъ разви-лась уже позже, о чемъ онъ не разъ сожалѣлъ. „Жаль, что мой жаркій и неутомимый духъ дѣйствуетъ такъ поздно; но повсюду

ныхъ матеріаловъ авторъ говоритъ: „Его обильныя депеши проливаютъ свѣтъ даже на будничныя мелочи изъ жизни нѣмецкой имперіи и ея князей. Нѣмецкіе ученые не могли и подозрѣвать такого значенія русскаго архива для ихъ внутренней исторіи“. Послѣ того Румянцовъ состоялъ нѣкоторое время посланникомъ при французскомъ дворѣ въ самый критическій моментъ для королевской власти, но, не будучи въ состояніи продолжать свою миссію, испросилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію въ пол. 1795 г.): Терещенко, Опытъ обозр. санов. управ. иностран. дѣлами въ Россіи, II, 229—31.

¹⁾ Въ 1876 г. въ Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ поступила собственноручная т. графъ гр. Н. П. Румянцова, заключающая его замѣтки на сочиненіе Неккера о финансахъ: Очеркъ дѣятельн. комис. печат. грам. и догов. состоящей при Моск. гл. ар. м. ив. д. М. 1877, 122—23. Когда появилась (въ 1818 г.) сочин. Н. И. Тургенева: „Опытъ о теоріи налоговъ“, гр. Румянцовъ открыто выразилъ автору свое вниманіе и восхищался ясностію изложенія его труда. *La Russie*, I, 75—76.

²⁾ Калайдовичъ о его библиотекѣ въ 1814 г. сдѣлалъ такой отзывъ: „Библиотека его сіят. безспорно превзойдетъ древностію и важностію собраніе гр. Толстого: одна составила настоящимъ знатокомъ, другая — отъ случая, отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ, и я не почелъ бы за грѣхъ сотни двѣ рукописей совершенно изъ послѣдней выкинуть“. Переписка Востокова. Собрн. Акад. Н., V, 89.

³⁾ Гр. Румянцовъ состоялъ членомъ ученыхъ обществъ парижскихъ — географическаго и азіатскаго, филладельфійскаго философскаго, россійской академіи, прусской и мюнхенской академіи наукъ, московскаго, виленскаго, казанскаго и краковскаго университетовъ, варшавскаго общества наукъ, московскаго общ. исторіи и древностей, курляндскаго общества литературы и искусствъ, и мн. др.

В. И.

не давая покоя, не безъ пользы же моя въ древностямъ отечественнымъ алчность“. (Переписка съ Евгениемъ, 46). При Павлѣ I Румянцовъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, при Александрѣ I — министромъ коммерціи (1802), въ званіи котораго онъ заботился о развитіи водяныхъ сообщеній въ Россіи, отечественной промышленности и торговли въ Азіи, а потомъ мин. иностр. дѣлъ (съ 1807) и канцлеромъ (1809). Во время пребыванія своего въ Парижѣ 1809 г. по дипломатическому порученію, онъ произвелъ на Наполеона I-го впечатлѣніе чловѣка, болѣе другихъ русскихъ знакомаго съ исторіей и дипломатіей. Затѣмъ, до окончанія войны съ Франціей (1814), гр. Румянцовъ состоялъ предсѣд. государственнаго совѣта и мин. ин. дѣлъ. По отзывамъ современниковъ, въ дѣлахъ высшаго управленія, онъ отличался спокойствіемъ, сдержанностью и благородною откровенностью (Дмитріевъ, 182—183) ¹⁾. Въ иностранной политикѣ Румянцовъ извѣстенъ благосклонностью къ Наполеону I и континентальной системѣ (см. наше сочин. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, 107) ²⁾. Но вступленіе Наполеона въ Россію такъ потрясло Румянцова, что онъ подвергся апоплексическому удару и навсегда потерялъ слухъ. По окончаніи войны съ Наполеономъ, онъ снарядилъ на свой счетъ экспедицію вокругъ свѣта на корабль „Рюрикъ“, подъ начальствомъ капитана Коцебу (1815—1818), для отысканія сѣверовосточнаго морскаго прохода, описаніе которой, съ геогр. картами и рисунками, было напечатано на его счетъ въ 1821 г. (Путешествіе въ южный океанъ и Беринговъ проливъ для открытія, etc. Спб. 3 ч.), и дѣлалъ другія порученія по части открытія и приобрѣтенія рѣдкостей въ Сибири, Камчаткѣ и Сѣверной Америкѣ. Братъ канцлера, гр. С. П. Румянцовъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ за границею, былъ душою вопроса о свободныхъ хлѣбопашцахъ, поднятаго въ началѣ цар. Александра I, и самъ положилъ начало этому дѣлу (ib. 33—35) ³⁾. Увлекаясь

¹⁾ „Одаренный голосомъ благозвучнымъ, онъ говорилъ плавно, не ища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностію; противурѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостію, даже и тому, кто въ выраженіяхъ нвогда былъ колокъ“. Ibid.

²⁾ Письмо импер. Александра I, объясняющее отношеніе канцлера къ войнѣ съ Франціей въ моментъ разрыва съ Наполеономъ, см. въ Рус. Архивѣ 1869 г., стр. 609—614.

³⁾ Во время голода, постигнаго въ 1821 г. Бѣлоруссію и Черниговскую губ., гр. Н. П. Румянцовъ издержалъ до 100,000 руб. на покупку хлѣба для своихъ крестьянъ. „Письма Карамзина къ Дмитріеву“, 304. В. И.

примѣромъ брата, онъ также интересовался русскою исторіею и слѣдилъ за ея успѣхами (Записки Калайдовича, Лѣт. Тихонрав. III, 81). Оба брата состояли членами литературнаго общества, извѣстнаго подъ именемъ „Арзамасъ“ (Письма Карамз. къ Дмитріеву, стр. 93), а во время пребыванія Н. П. Румянцова въ Петербургѣ, въ его домѣ обыкновенно собирались тогдашніе ученые (ib.)¹⁾.

III.

Вступивъ въ управленіе ин. дѣлами въ Россіи, гр. Румянцовъ не могъ не обратить вниманія на архивъ ин. дѣлъ и изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи, предпринятое еще при Екатеринѣ II, а въ своихъ письмахъ онъ съ благоговѣніемъ относится въ памяти историографа Миллера. Такимъ образомъ между ними существовала какъ бы связь, своего рода преданіе.

Извѣстно, что Миллеру было поручено составленіе дипломатическаго сборника по образцу Дюмона²⁾, что часть этого труда была выполнена, но смерть помѣшала ему довести его до конца. Миллеръ просилъ назначить ему въ преемники его учениковъ — Б. Каменскаго, Стриттера и Соголовскаго: эта просьба была уважена Екатериною. Продолженіе труда Миллера въ обширныхъ фолиантахъ попрежнему отсылалось въ коллегію иностр. дѣлъ, но они оставались тамъ, пока не обратилъ на нихъ своего вниманія гр. Румянцовъ. Здѣсь впервые получаютъ практическое примѣненіе прежняя дѣятельность и научныя занятія самаго Румянцова. Такимъ образомъ, въ декабрѣ 1810 г. онъ поручаетъ уже Бант. Каменскому составить планъ изданія, по образцу Дюмона, полного

¹⁾ „Всего чаще вижу съ канцлеромъ“, пишетъ Карамзинъ въ 1816 г., „но ѣзжу къ нему болѣе съ грустью, нежели съ удовольствіемъ. Онъ видитъ мое лицо и только надобно въ разговорѣ прибѣгать къ перу (1813 г.)! Зато графъ Сергій Петровичъ бодрствуетъ и споритъ какъ обыкновенно“. Письма Карамзина къ Малицовскому, стр. 12, 18, 36, 44, 67. „Румянцовы рады ежедневно быть со мною“. Неизд. сочин. Карамзина (письма къ жемѣ), стр. 147.

Возвращенія Румянцова въ Петербургъ ожидали съ нетерпѣніемъ.

²⁾ *Corps universel diplomatique du droit des Gens*, 8 томовъ, Амстердамъ. 1726—1731 г.

Другія собранія актовъ и договоровъ въ XVIII столѣтіи были изданы Румянцовомъ (1704—1726, Лондонъ), Барбейракомъ (1739) и Мартенсомъ (1795).

собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ съ иностранными державами, съ цѣлью подготовленія опытныхъ архивистовъ, развитія политическихъ знаній, и распространенія общепользныхъ свѣдѣній въ Россіи. Планъ этотъ былъ выработанъ въ концѣ того же года, а въ маѣ 1811 г. уже составила комисія по изданію означенныхъ матеріаловъ, на которое гр. Румянцовъ назначилъ собственныя средства ¹⁾. Наука обязана Бант. Каменскому, какъ сохраненіемъ архива ин. дѣлъ, такъ и сбереженіемъ печатныхъ листовъ I тома грамотъ во время нашествія французовъ на Москву ²⁾. Онъ заявлялъ готовность слѣдовать желанію гр. Румянцова, не страшась никакой работы; но болѣзнь (въ 1813 г.) не позволила ему довести предпріятіе Румянцова до конца. Подобно Миллеру, и Б. Каменскій рекомендовалъ въ преемники себѣ—своего помощника А. Ѳ. Малиновскаго, а въ сотрудники ему—молодого ученаго Калайдовича, обратившаго на себя вниманіе Румянцова своими трудами. Впрочемъ, по причинѣ болѣзни и временнаго заключенія Калайдовича въ Пѣсношскомъ монастырѣ, о которомъ онъ успѣлъ собрать тамъ историческія свѣдѣнія (напеч. въ 1837 г., М.), это дѣло затянулось до 1817 г., когда онъ представилъ Румянцову свои описанія рукописей Новоспасскаго и Данилова монастырей. вмѣстѣ съ нимъ является на этомъ поприщѣ и П. М. Строевъ, также извѣстный уже Румянцову (Барсуковъ, 16—17) ³⁾. Первая часть собр. госуд. грам. и договоровъ

¹⁾ Расходъ на первый томъ былъ вычисленъ въ 25,000 р. Въ своемъ докладѣ императору Александру I, онъ писалъ: „Уважаю правила строгой бережливости, необходимо нужны въ расходахъ государственныхъ, я не почитаю себя въ правѣ утруждать в. и. в. ходатайствомъ, чтобы издержки для изданія оной книги были приняты на счетъ казны (Собр. госуд. грам., I, предисл., стр. IV).

²⁾ Москов. архивъ коллегіи иностр. дѣлъ въ 1812 году: Переписка Н. Н. Б. Каменскаго съ гр. Ѳ. В. Раstopчиннымъ, съ предисл. барона Ѳ. А. Бюлера. Рус. Архивъ, 1875, III, 289—296.

³⁾ Калайдовичъ род. въ 1792 г., а Строевъ въ 1796 г. Оба они были воспитанники Моск. унив., а потомъ состояли членами моск. общ. исторіи и древностей. Первый изъ нихъ говоритъ, что на него оказали большое вліяніе посѣщенія имъ проф. Р. Ѳ. Тимковскаго: „Отъ Р. Ѳ. Т. я всегда возвращался съ новыми силами, съ новыми стремленіями къ русскимъ древностямъ“. (Записки въ Лѣт. Русс. лит. III, 89) Калайдовичъ называетъ его своимъ учителемъ въ исторической критикѣ (95). Другимъ своимъ наставникомъ въ этомъ дѣлѣ онъ признаетъ Шлецера, котораго онъ называетъ даже „великимъ“ (Биограф. Калайдовича, Рус. Бесѣда 1830, II, 9). Строевъ съ уваженіемъ воспоминаетъ Тимковскаго и Каченовскаго. О вліяніи на труды Строева, Калайдовича см

была издана подъ наблюдениемъ Б. Каменскаго (1813, М.); 2, (1819), 3, (1822) и 4, (1828) подъ наблюдениемъ Малиновскаго. Въ I части этого собранія помѣщены важнѣйшіе документы, имѣющіе значеніе для внутренней исторіи Россіи съ 1265—1613 г. (актъ объ избр. ц. М. Ѳед. на престолѣ). 2-я часть заключаетъ въ себѣ грамоты рус. князей и царей и ханскіе ярлыки 1229—1612 г. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: договоръ смол. князя Мстислава; сношеніе съ сибирскимъ царемъ Кучумомъ, грамота объ учрежденіи патріаршества, слѣдственное дѣло объ убіеніи ц-ча Димитрія, акты царств. Д. Самозванца, сношенія самозванцевъ, короля Сигизмунда III и воззваніе о всеобщемъ вооруженіи противъ поляковъ. 3-я часть состоитъ изъ актовъ 1613—1655 гг. 4-я заключаетъ акты 1656—1696; пятая часть не была окончена и состоитъ изъ договоровъ съ иностр. державами, Крымомъ, Нагаями, западными государствами 1474—1584 г. (188 стр.)¹⁾.

записку о Строевѣ, Сбор. Ак. Н., XVII. Оба они были извѣстны уже въ литературѣ. Строевъ обратилъ на себя вниманіе Малиновскаго и Румянцова своими генеалогическими трудами (Барсуковъ, 1—20). Калайдовичъ въ это время занимался исторіей рус. языка, археологіей и литературою русской исторіи. Такъ, между прочимъ, онъ напечаталъ: „Извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ“, М. 1811; „Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ новгородскихъ“, „Вѣст. Евр“, 1812 г., ч. 61; „Объ ученыхъ трудахъ м. Кипріяна и о томъ, справедливо ли приписывается ему и м. Маварію составленіе Степ. книгъ“, „Вѣст. Евр“. 1813 и 1814 гг. „Записки о жизни графа А. А. Мусина-Пушкина“ (ib. ч. 70) и „Записки о жизни Б. Каменскаго“, ib., 1814, ч. 74; „Іоаннъ Федоровъ, первый москов. типографщикъ“, (ч. 71); „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражд. и церк. рос. исторію“, соч. Ад. Селиемъ, перевод. въ Волог. семин., печ. по поруч. м. Евгенія, М. 1815“. Онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Мусинимъ-Пушкинымъ, путешествовалъ по древней Владимірской и Суздальской области, гдѣ собиралъ историческія и археологическія свѣдѣнія, а также древнія книги и монеты. Въ 1815 г. онъ издалъ 1-ю книгу Рус. достопамят. моск. общ. вст. и древ. Россійскихъ. Впослѣдствіи Калайдовичъ почтилъ память Тимковскаго статьей: „О трудахъ Тимковскаго“, „Вѣст. Евр.“, 1822 г., и болѣе другихъ содѣйствовалъ появленію въ свѣтъ труда Тимковскаго по древней лѣтописи. Матер. для жизнеоп. Калайд Чт. М. О. И. 1862, III, 17—18.

Тимковскій образовался въ москов. университетѣ, подъ влияніемъ Маттеи Буле и Баузе, и въ Геттингенѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго филолога Гейне. Онъ старался приложить критику классическихъ писателей къ русскимъ памятникамъ: древней лѣтописи Патерику, Слово о полку Игоревѣ. Погодинъ, судьбы археологін въ Россіи, Труды I археолог. съѣзда, т. I, 6. В. И.

¹⁾ По первоначальному плану предполагалось во 2-й и 3-й частяхъ помѣстить, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ договоры между Россією и европейскими,

Особенно дорожилъ Румянцовъ матеріалами 2-й части, такъ какъ въ нее должны были войти акты смутнаго времени, отысканные Миллеромъ въ отдаленныхъ архивахъ Россіи. „Да не устрашаетъ васъ,—писалъ онъ Малиновскому,—обширное поприще въ собираніи актовъ для сей 2-й части, тѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ собраніе, тѣмъ болѣе принесетъ вамъ чести, а мнѣ удовольствія“. „Благословеніе памяти Миллера!—воскликаетъ онъ въ другомъ письмѣ,—за столь полезное для отечественной исторіи нашей изъ сибирскихъ архивовъ приобрѣтеніе“. Румянцовъ увлекался новыми приобрѣтеніями, о которыхъ сообщалъ ему Малиновскій, и писалъ послѣднему: „Я человекъ ненасытный, а вы трудолюбивы, любите, что послужить можетъ къ расширенію нашей словесности“. Самъ Румянцовъ тщательно прочитывалъ печатные листы актовъ, отмѣчалъ недосмотры, указывалъ необходимыя улучшенія для изданія, поспѣшалъ съ печатаньемъ, когда оно замедлялось. При этомъ необходимо знать, что въ этомъ изданіи мы находимъ множество снимковъ съ печатей и почерковъ древняго письма (XIII—XVII вв.), а также алфавитные указатели личныхъ и географическихъ именъ, не всегда встрѣчающіеся въ другихъ, даже въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Изданіе четырехъ частей столь богатаго собранія матеріаловъ обошлось Румянцову въ 66,852 р.; выручка же отъ продажи, вопреки ожиданіямъ, была весьма незначительна.

Между тѣмъ къ преданіямъ Екатериининской и Миллеровской школы вскорѣ присоединились неменѣе сильныя политическія побужденія. Какъ и въ Германіи пробужденіе національнаго духа отразилось на изученіи и изданіи отечественныхъ памятниковъ, такъ и въ Россіи отечественная война не осталась безъ вліянія на изученіе русской старины. Уже 14-го ноября 1813 г. гр. Румянцовъ представилъ въ академію наукъ 25,000 р. для изданія русскихъ лѣтописей ¹⁾; а въ своемъ письмѣ къ мин. нар. просв.,

а также азіатскими государями и народами, по 1726 годъ, съ текстомъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ они писаны и съ русскимъ переводомъ (предсл. въ I т., стр. III).

¹⁾ Древней лѣтописи по Кенигсберскому списку, хранившейся въ библиотекѣ наукъ, но изданной весьма нецѣлостно, въ 1767 г. Еще въ 1813 г. было предложено изданіе лѣтописей Кругу, но онъ отклонилъ отъ себя этотъ трудъ. Онъ совѣтовалъ поручить это дѣло Эверсу, или печатать извѣстія иностранцевъ о Россіи. А. Н. Оленинъ, получившій изъ этой суммы (въ 1815 г.) 3,000 р.,

вспоминая труды Шлецера на этомъ поприщѣ и его упреки русскимъ за пренебреженіе ихъ къ историческимъ матеріаламъ, онъ говоритъ: „Можно ли повѣрить, чтобы одна изъ величайшихъ націй просвѣщеннаго свѣта и единственная обладательница сокровища, столь важнаго не только для нея, но и для всей занимающейся исторіей публики, которымъ она можетъ и должна гордиться, чтобы эта нація не успѣшила, возвѣстить о томъ свѣту и обработать оное. Симвъ укоризнамъ уже минуло 11 лѣтъ, но онѣ до сихъ поръ не имѣли еще ниваго дѣйствія“. Побуждая къ изданію древнихъ памятниковъ, Румянцовъ указывалъ на многіе случаи истребленія ихъ пожарами и въ особенности печальный примѣръ 1812 года. Тѣмъ не менѣе ав. наука вовсе не думала объ изданіи лѣтописей, такъ что сумма, назначенная на этотъ предметъ Румянцовымъ, поступила потомъ на другое ученое предпріятіе ¹⁾.

Такимъ образомъ графъ Румянцовъ все болѣе втягивался въ интересъ начатаго имъ дѣла. „Чувствую,—писалъ онъ Малиновскому,—что страсть къ древностямъ меня совершенно охватила и въ прелонныхъ лѣтахъ моихъ всѣ прочія страсти замѣняетъ; къ счастью волненія ея не очень опасны“. (Е. Барсовъ, гр. Н. П. Румянцовъ, „Древн. Рос.“ 1877, № 5 стр. 10). Не разъ онъ заявляетъ о своей „жадности“ къ памятникамъ письменности и старается первымъ завладѣть тою или другою новостью, или узнать о томъ, что открыто при его содѣйствіи. Вотъ почему Малиновскій дѣлалъ иногда такія распоряженія: „Никакой любопытной бумаги

обѣщаль приготовить для изданія критическое сравненіе текста; но печатаніе его не начиналось, хотя трудъ его надъ собраніемъ вариантовъ пригодился впоследствии.

Недождавшись выполненія своего желанія, Румянцовъ поручилъ (въ 1818 г.) изданіе Ипатьевскаго списка лѣтописи, избраннаго Карамзинымъ и Кругомъ, со внесеніемъ всѣхъ вариантовъ изъ Хлѣбниковскаго (Полторацкаго) и Ермолаевскаго списковъ,—Анастасевичу, но это предпріятіе, стоившее ему многихъ хлопотъ (онъ прибѣгалъ и къ посредничеству м. Евгенія), также ни къ чему не привело (Переписка съ Евгеніемъ, 116 и др.), хотя копія основнаго списка была сдѣлана вѣрно и было подобрано множество вариантовъ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ LXV, отд. V, 25—26). Румянцовъ хотѣлъ издать и Лаврентіевскій списокъ, неоконченный Тимковскимъ (Матер. для жизнеопис. Калайдовича, Чтен. М. об. ист. 1862, III, 18).

¹⁾ Впослѣдствіи Румянцовскій капиталъ, вмѣстѣ съ процентами (40,000 р.), былъ переданъ на учрежденіе археогр. комисіи и изъ него же покрыты были издержки по изданію актовъ археогр. экспедиціи Записка Круга, „Журн. Мин. нар. Просв.“ (850, LXV, отд. V, 11—31).

никому не передавать, кромѣ государственнаго канцлера". (Жизнь и труды Строева, Барсукова, 28, 31, 35, 36). Возлѣ него группируется цѣлая плеяда ученыхъ и любителей старины, исполнителей его воли, какъ П. М. Строевъ, К. Θ. Калайдовичъ; П. Кешпепъ, Кругъ, Лербергъ, Берхъ, Востокъ, протоіер. Григоровичъ, Аделунгъ, А. И. Тургеневъ, Ермолаевъ, Анастасевичъ, Розенкампфъ, Моргенштернъ (дерпт. профес.); онъ вступаетъ въ ближайшія сношенія съ представителями русской исторической науки, какъ митр. Евгеній, Карамзинъ, съ польскими (Бандтке, Даниловичъ, Лелевель, Лиде) и иностранными учеными, какъ Газе, С. Мартенъ, С. де Саси, Гаммеръ, Тихсенъ и Добровскій. Переписка его съ этими лицами въ высшей степени поучительна и важна для вѣрнаго и всесторонняго представленія о ходѣ открытія важнѣйшихъ памятниковъ русской исторіи и письменности, объ изслѣдованіи множества возникавшихъ при этомъ вопросовъ, наконецъ, для характеристики тогдашнихъ научныхъ воззрѣній и пріемовъ въ области изслѣдованія древностей и исторіи.

Въ ряду ученыхъ сношеній Румянцова на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить его отношенія къ м. Евгенію. Въ бытность свою въ разныхъ епархіяхъ съ 1804 г. (въ Новгородѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Киевѣ), Евгеній ознакомился со многими сокровищами и памятниками древности, съ новгородскою Соф. бібліотекою, кіево-софійскою бібліотекою и архивомъ¹⁾, съ монастырскими епархіальными и губернскими архивами. Благодаря этому, у него собрался значительный запасъ матеріаловъ, которыми онъ отчасти воспользовался для своихъ трудовъ, какъ ист. рос. іерархіи Амвросія, въ которой онъ принималъ непосредственное участіе, ист. Псковскаго княжества, описаніе псков. монастырей, исторія Кіево-Соф. собора и исторія Кіево-Печерской лавры; онъ обратилъ вниманіе на письменныя и вещественныя древности (зырянскіе надписи и идолы, древнія монеты, кіевскія, псковскія и новгородскія древности); онъ занимался палеографическимъ изученіемъ древнихъ памятниковъ: таковы замѣчанія его на открытую и из-

¹⁾ Въ бібліотекахъ новг.-соф. и кіево-соф. соборовъ, кіево-печерской лавры и Михайловскаго мон. митр. Евгеній нашелъ много рѣдкостей. Переписка съ Рум., 62. В. И.

данную имъ грамоту вел. кн. Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Мстиславича, новгородскаго князя, пожалованную Юрьевскому монастырю, какъ древнѣйшую изъ русскихъ грамотъ, уцѣлѣвшихъ въ подлинникѣ, а потому заслуживавшую особеннаго вниманія „(Вѣстн. Евр.“ 1818. г., части 100 и 101, № 15, 16, 20 и Труды Моск. общ. ист. III). Онъ желалъ въ изданіи этого памятника дать краткое начертаніе русской дипломатии, примѣняясь къ Гаттереровой (пис. къ Румянцову, 4) ¹⁾. Эта мысль не оставляла его и потомъ. Понятно, что его дѣятельность не могла остаться незамѣченной Румянцовымъ, постоянно слѣдившимъ за иностранною и русскою литературою въ сферѣ знаній, его интересовавшихъ; но вскорѣ Евгеній дѣлается уже незамѣнимымъ для него „совѣтникомъ“. Такъ смотрѣлъ на Евгенія самъ Румянцовъ. Онъ уважалъ въ немъ „мужа ученаго, духомъ истинной критики преисполненнаго“, „учителя и наставника“. Отправляя къ нему первый экземпляръ изданнаго имъ „Іоанна, экзарха Болгарскаго“, Румянцовъ замѣчаетъ: „Кому же первому сдѣлать мнѣ такое приношеніе? Я въ васъ имѣю себѣ друга и вы у насъ лучшій судья въ семъ дѣлѣ“. (Переписка, стр. 6, 7, 10, 19, 28, 110). Румянцовъ сообщалъ Евгенію первые листы своихъ изданій, новые матеріалы (каковы: кенигсбергскіе акты, акты арх. мин. ин. дѣлъ, армитажный списокъ псков. лѣт., выписки изъ польск. и литов. метрики, рижскія грамоты, выписки изъ грузин. и армян. лѣт., сдѣланныя С. Мартеномъ, рукопись о Лжедмитріѣ, рисунки рязан. древностей и др.) и книги (напр., зырян.

¹⁾ Такимъ образомъ за текстомъ самой грамоты слѣдуетъ опредѣленіе ея времени по содержанию; объяснены неясныя выраженія текста и значеніе словъ: вѣра, дань, продажа, и ихъ происхожденіе; далѣе, описывается матеріалъ (пергамень) и чернила этой грамоты, говорится о бумагахъ, какія употреблялись для рукописныхъ книгъ и грамотъ въ древнія времена и вообще о внѣшней формѣ старинныхъ русскихъ грамотъ; о правописаніи, о почеркѣ буквъ, о строчныхъ и надстрочныхъ знакахъ; въ статьѣ же о признакахъ удовлетворенія грамоты, подробно описаны заглавныя надписи, кресты рукоприкладства и печати. Наконецъ помѣщено хронологическое описаніе 22 русскихъ великокняжескихъ и царскихъ печатей, начиная съ серебряной печати вел. кн. Михаила Ярославича Тверскаго до государственной печати Петра В.; потомъ описаны печати духовныхъ лицъ. Въ концѣ статей приложены точный снимокъ съ этой грамоты“.

Вновь она издана съ филологическими замѣчаніями И. И. Срезневскимъ въ „Извѣстіяхъ Ак. Наукъ“, т. VIII, 339—353. В. И.

грамматику Флерова ¹⁾, о черниговскихъ городахъ, опытъ историч. опис. г. Смоленска, іером. Іосиф. Шупинскаго, 1780, рус. древности, Успенскаго, Свитригаило, соч. Коцебу, ист. ересей аббата Грегуара, исторію рязан. епархіи, соч. Френа о восточ. монастыхъ, соч. Фатера: *Analekten der Sprachenkunde*, о татарахъ Клапрота, о вліяніи татаръ на Россію Наумова, соч. Броневскаго о Кавказѣ, армян. грамматика Цирбита, изслѣд. Келлера и Рауль-Рошетта, соч. Міоне, монг. грамоты изд. Шмидтомъ, соч. о пчеловодствѣ на жмудскомъ языкѣ. и жмудскій букварь); разыскивалъ для него необходимыя рукописи (напр. Кормчія 40, 41, 51), выписывалъ рѣдкія книги (хронику Луки Давида, рѣдкое соч. Конисскаго о правахъ и вольностяхъ правосл. насел. въ Польшѣ, которое онъ велѣлъ списать, опис. цареград. соборн. церкви на греч. яз.) ²⁾, снабжалъ Евгенія нѣмецкими и французскими журналами (*Вѣнск. Jahrb. d. Liter., Journal des Savants*, журн. париж. азіат. общ., *Nouvelles Annales M. Брюна*); сообщилъ ему свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ и разысканіяхъ по части древностей; дѣлился съ нимъ своею ученою перепискою (рисунки рязан. древн., о Роговолодовой надписи, о древностяхъ, найденныхъ при устьѣ Дона, объ изборникѣ Святослава 1073 г., о находкахъ Газе въ Венеціи и Миланѣ; письмо М. Брюна о славянахъ, письмо Френа о донскихъ древностяхъ, объ изслѣдованіяхъ за границую Кеппена, письма Арцыбашева и др.). Для Евгенія онъ разыскивалъ иконы св. Софіи по всей Россіи и въ Сибири. Румянцовъ совѣтовалъ Евгенію выждать съ печатаніемъ исторіи Пскова до изданія псков. лѣтописи, приготавливающейся моск. ист. обществомъ и до полученія актовъ кенигсбергскаго архива, „чтобы, усиливъ себя дипломатическими документами, оставить потомству сіе твореніе вѣчнымъ образцомъ, какъ писать и обрабатывать лѣтописи“ (Переписка съ Евгеніемъ, 111—114, и Востоковымъ, 223), и Евгеній охотно подчинился этому требованію.

Съ своей стороны Евгеній служилъ для Румянцова постояннымъ корреспондентомъ. Онъ сообщалъ послѣдному свѣдѣнія о зырянской

¹⁾ По указанію м. Евгенія, она принадлежитъ ученику вологодской семинаріи, зырянину Мезенскому. Переписка Евг. съ Румянц., в. I, 5. В. И.

²⁾ При его посредствѣ Кругъ сообщилъ Евгенію выписки изъ иностр. писателей о цареградскомъ Софійскомъ соборѣ. Переписка Евг. съ Рум., 77.

надписи, свои замѣчанія и соображенія о Никонѣ Черногорцѣ и его твореніи Тагтивонѣ, о цифровыхъ знакахъ въ рукописяхъ и древнемъ счисленіи, о „складныхъ грамотахъ“, о шестникахъ псковской лѣтописи, о псковскихъ уставныхъ грамотахъ, объ устройствѣ Пскова, о кормчихъ, о древнихъ гривнахъ и черниговской медали, о россахъ, упоминаемыхъ у арабскихъ писателей (Табари), объ употребленіи въ древнихъ рукописяхъ буквъ *шт* вмѣсто *ш* и *юсовъ*.

По указанію Евгенія, Румянцовъ дѣлалъ разысканія въ новгород. соф. библиотекѣ (о письмахъ патр. Никона и др. 21, 30, 62), въ холмогорскомъ, архангельскихъ и вологодскихъ монастырскихъ архивахъ ¹⁾, а въ могилевскомъ, полоцкихъ и мстиславскихъ гражданскихъ и духовныхъ архивахъ занимался съ этою цѣлью воспитанникъ Румянцова, протоіерей Григоровичъ (102, 108, 110), причемъ м. Евгеній настаивалъ на осмотрѣ всѣхъ бѣлорусскихъ архивовъ (въ Витебскѣ, Оршѣ и др.), тогда почти еще не тронутыхъ (61). Румянцову Евгеній служилъ посредникомъ въ приобрѣтеніи кіевскихъ древностей: (при открытіи десятинной церкви и находкахъ Лохвицкаго), хотя не всегда успѣшно, а также сообщалъ ему свои археологическія замѣтки о путешествіи по кіевской епархіи; по его желанію, онъ поручаетъ переводъ венигсбергскихъ актовъ студентамъ кіевской академіи. Наконецъ, тому же Евгенію Румянцовъ обязанъ приобрѣтеніемъ для описанія своихъ рукописей такого знатока этого дѣла, какъ Востоковъ. Вмѣстѣ съ Евгеніемъ Румянцовъ мечталъ (еще въ 1817 году) о составленіи русской палеографіи ²⁾ М. Евгеній считалъ Востокова единственнымъ настоящимъ зна-

¹⁾ Письма архангельскаго епископа Неофита о древностяхъ и рукописныхъ матеріалахъ въ перепискѣ гр. Румянцова съ м. Евгеніемъ, 122.

²⁾ „Я съ вашимъ пресвященнымъ въ полной мѣрѣ дѣлю желаніе видѣть російскую палеографію и заготовилъ уже нѣсколько матеріаловъ для сочинителей оной; но гдѣ сіи сочинители? Укажите мнѣ особъ, на то способныхъ и притомъ готовыхъ трудъ понести“ (отъ 13-го сентября 1817 г. Переписка, стр. 8). М. Евгеній отвѣчалъ: „Отвѣтствую на сіе, что нужны матеріалы, которые когда появятся, то и у насъ появятся мастера Монфоконы. Такимъ путемъ шли иностранцы и къ своей дипломатикѣ, коей до исхода XVII в. на свѣтѣ не было. Какъ скоро вездѣ уже много издано было дипломовъ, то явился Пенбровъ, отецъ сей науки, за нимъ Мабиліонъ, за нимъ Бенедиктинцы Тустейвъ и Тассявъ и потомъ многіе“. Ib. 9. В. И.

токомъ послѣдней и настаивалъ передъ Румянцовымъ на приглашеніи его къ этому труду, прибавляя, что помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ можетъ быть одинъ Ермолаевъ ¹⁾. Вслѣдствіе этихъ настояній начались переговоры между гр. Румянцовымъ и Востоковымъ. И вотъ въ 1824 году Румянцовъ уже извѣщалъ своего ученаго друга, что Востоковъ оставитъ департаментъ духовныхъ дѣлъ и, за приличное вознагражденіе (въ 3,000 р. въ годъ), займется сначала ученымъ разборомъ его рукописей, а потомъ палеографіей. „О, коль счастливъ буду, прибавлялъ онъ, если прежде смерти своей увижу появленіе хотя перваго тома сего сочиненія и свой успѣхъ къ достиженію той цѣли, о которой неуспынно домогался уже нѣсколько лѣтъ“ (Переписка, стр. 53, 56, 58, 61, 93, 95, 105) ²⁾. Но Румянцову не пришлось дожидаться описанія своихъ рукописей. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ описаніи, и въ другихъ своихъ трудахъ Востоковъ положилъ прочное основаніе палеографическимъ работамъ въ Россіи ³⁾.

Около того же времени гр. Румянцовъ познакомился съ извѣстнымъ изслѣдователемъ въ области древнѣйшей русской исторіи и географіи—А. Х. Лербергомъ. Уроженецъ Дерпта, онъ получилъ университетское образованіе въ Геттингенѣ и Іенѣ, гдѣ вращался въ кругу Шиллера, а потомъ посѣтилъ Англію. Сочиненіе его о мѣстоположеніи Саркела обратило на него вниманіе Шлецера и петербургской академіи наукъ, которая избрала его въ 1807 г. своимъ членомъ. Дѣятельность Лерберга продолжалась по 1813 г., когда тяжкая болѣзнь свела его въ могилу. „Пріятно было видѣть у постели нашего друга—канцлера, говорить біографъ Лерберга, не обнаруживающаго ничего, кромѣ своихъ познаній, кромѣ прекраснаго чувства дружбы ко вновь пріобрѣтенному другу, котораго онъ и свѣтъ должны были скоро лишиться. Это-превосходное чувство не изсякло въ душѣ графа Румянцова и по смерти Лерберга. Онъ купилъ Лербергову бібліотеку; онъ хотѣлъ

¹⁾ У Кеплена м. Евгеній не признавалъ основательныхъ свѣдѣній по палеографіи. Ibid. 61.

²⁾ Свою признку къ м. Евгенію гр. Румянцовъ выразилъ однажды тѣмъ, что купилъ для него на ярмаркѣ „бархата церазрѣзнаго на рясѣ“. Переписка, 108.

³⁾ Востоковъ своимъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ считалъ извѣстнаго Дюбровскаго. Переписка Востокова изд. Срезневскимъ, Сборн. Ак. Н., V. 100. В. И.

обратить отеческое попеченіе на его дочь; онъ препоручилъ славному русскому ваятелю Мартосу сдѣлать изъ мрамора бюстъ его, поставилъ его въ своемъ кабинетѣ и слѣпки съ него роздалъ друзьямъ Лерберга“. (Сочин. Лерберга, XLI—XLII). Смерть Лерберга, изданіе сочиненій котораго было поручено Ф. Кругу, сблизила Румянцова съ послѣднимъ. Однимъ изъ первыхъ предпріятій, внушенныхъ канцлеру Кругомъ, было изданіе византійскихъ источниковъ русской исторіи Г. Амартала и Льва діакона. По порученію канцлера Кругъ обратился въ мартѣ 1813 г. и вторично въ 1814 къ эллинисту Газе, который уже нѣсколько лѣтъ трудился надъ этимъ писателемъ, съ предложеніемъ необходимой суммы для его изданія. Когда же Газе намѣревался напечатать нѣсколько дополнительныхъ томовъ къ парижскому изданію византійцевъ, и канцлеръ согласился принять на себя расходы на него, то, по предложенію Круга, было прибавлено условіе, чтобы въ число ихъ вошло изданіе лѣтописи Г. Амартала, находившейся въ Парижѣ въ нѣсколькихъ спискахъ. Кромѣ того, гр. Румянцовъ хотѣлъ устроить поиски византійскихъ писателей въ Англіи и въ монастыряхъ Малой Азіи, а также разузнать о рукописяхъ, хранящихся въ Испаніи, позднѣйшіе поиски въ которой убѣдили въ вѣрности его предположеній на этотъ счетъ. („Ж. М. Н. Пр.“ LXIII, отд. VII, 23 и *Mélanges Russes*, T. I, Spth. 1850. *Analectes historiques* № 6). По этому поводу Кругъ вступилъ въ сношенія съ разными учеными въ Европѣ и духовными особами въ Константинополь; но смерть Румянцова остановила задуманное предпріятіе. Въ послѣдніе годы жизни Румянцовъ обращалъ вниманіе на всѣ народы, жившіе нѣкогда въ Россіи. Его интересовали памятники греческаго и римскаго происхожденія и древнія извѣстія о южной Россіи. Во время своихъ путешествій, онъ тщательно собиралъ босфорскія монеты и другія древности того края. О своихъ приобрѣтеніяхъ по этой части онъ обыкновенно обращался къ Кругу, желая предварительно знать его мнѣніе. (Переписка съ Евгениемъ, 82, 83, 89) ¹⁾.

„*Quel riche théâtre pour la science*, писалъ Кругу Румянцовъ 18-го іюня 1823 г., съ кавказскихъ минеральныхъ водъ, et quelle

¹⁾ Такъ, Кругъ доказалъ подложность медалей, вупленныхъ Румянцовымъ въ Крыму и на Кавказѣ. Переписка съ Евгениемъ, 84. В. И.

terre vierge pour les recherches que celles de ce pays-ci! La société Asiatique devrait avoir une commandite au Caucase“. По возвращеніи же съ Кавказа, узнавъ объ открытіи армянскаго перевода лѣтописи Евсевія, потерянной въ оригиналѣ, онъ желалъ получить свѣдѣнія объ ея содержаніи и предполагалъ начать разысканія о древнихъ писателяхъ въ армянской литературѣ и сдѣлать съ нихъ переводы и извлеченія, причемъ опять обращался за совѣтомъ къ Кругу. Послѣдній указалъ ему на славянскія рукописи въ парижскихъ бібліотекахъ, а Румянцовъ просилъ его освѣдомиться о рукописяхъ, хранящихся въ Генуѣ; къ нему же онъ обращался и за разъясненіемъ о лѣтописи Далмаціи.

IV.

Будучи министромъ торговли, гр. Румянцовъ желалъ, чтобы кто нибудь взялся обработать исторію древней русской торговли, и, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, хлопоталъ о собираніи извѣстій по этому предмету. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе занималъ его, что мысль о торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей черезъ Россію, задолго до нашествія монголовъ, была оспариваема многими учеными, между прочимъ и Шлецеромъ. Но она получила иное направленіе, когда обратили особенное вниманіе на восточныя монеты, находимыя въ Россіи. При этомъ Румянцовъ хлопоталъ также о собираніи и изученіи матеріаловъ по исторіи генуэзскихъ колоній въ Крыму. Вообще онъ думалъ найти необходимыя матеріалы по исторіи торговли въ нѣмецкихъ архивахъ и бібліотекахъ, причемъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ служилъ ему Кругъ, хотя безъ особенныхъ послѣдствій. Болѣе существенные результаты дали поиски о сношеніяхъ Ганзы съ сѣверною Россією. Въ 1828 г. вышло въ Копенгагенѣ сочиненіе Генриха Бермана: *De Scra van Nongarden*, обязанное своимъ происхожденіемъ вызову канцлера, которымъ могъ воспользоваться уже Славянскій въ своей книгѣ: „Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ“. (Спб. 1847 г.).

Благодаря Кругу, гр. Румянцовъ познакомился съ Х. М. Френомъ. Подъ влияніемъ бесѣдъ съ послѣднимъ, онъ заинтере-

совался извѣстіями по исторіи и этнографіи древней Россіи, находящимися у восточныхъ писателей; началъ собирать восточныя монеты; покупать арабскія, грузинскія, армянскія, китайскія, монгольскія, татарскія и другія восточныя рукописи, изъявивъ при этомъ готовность печатать нѣкоторыя изъ нихъ вполнѣ, а другія въ извлеченіяхъ. Задумаъ же составить собраніе восточныхъ извѣстій о норманахъ, славянахъ, болгарахъ, хозарахъ, монголахъ, татарахъ, грузинахъ и другихъ народахъ Кавказа, въ нѣсколькихъ томахъ (in- 4°), по образцу извѣстнаго труда Стриттера по византійскимъ писателямъ, гр. Румянцовъ возложилъ главное распоряженіе по этому предпріятію на Круга ¹⁾. Послѣдній обратился къ извѣстному парижскому ориенталисту Сень-Мартену, и вошелъ въ сношенія съ ориенталистами въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Лейденѣ, Копенгагенѣ, Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ. Онъ хлопоталъ, чтобы по крайней мѣрѣ хотя одинъ томъ этого изданія вышелъ при жизни Румянцова, для чего Сень-Мартену была впередъ выслана необходимая сумма, но гр. Румянцову не пришлось дожидаться осуществленія этого плана ²⁾.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, Румянцовъ поручилъ Кругу освѣдомиться о содержаніи арабскихъ и татарскихъ рукописей въ Генуѣ. По связи же съ исторіей черноморской торговли, его весьма занимала исторія крымскихъ татаръ. Кругъ служилъ Румянцову посредникомъ въ сношеніяхъ съ знатоками исландскихъ сагъ и извѣстными финнологами. По желанію канцлера онъ занялся изслѣдованіемъ объ Евпраксіи, дочери Всеволода Ярославича, супругѣ маркграфа штаттскаго, а потомъ импер. Генриха IV, разведшейся съ нимъ. Разысканія о ней въ разныхъ иностранныхъ библіотекахъ, порученныя Румянцовымъ, были дополнены Кругомъ (Forschungen). Уже по смерти Румянцова, когда братъ его предложилъ Кругу принять на себя завѣдываніе музеемъ, онъ отказался и рекомендовалъ на это мѣсто Востокова; наконецъ, онъ содѣйствовалъ потомъ (въ 1828 г.) и назначенію Строева въ археографическую экспедицію отъ Академіи наукъ. („Содѣйствіе

¹⁾ - Чтобы дать любителямъ отечественной исторіи новыя источники объ ней, писалъ онъ къ Евгенію. 33.

²⁾ Нѣсколько матеріаловъ, собранныхъ Сень-Мартеномъ для Румянцова, было сообщено Дефререю въ Journal Asiatique, 1849. В. И.

Круга гр. Румянцову въ пользу рус. исторіи“ А. А. Куника, ж. м. н. пр., LXV, отд. V, 1—37, и *Forschungen in der älteren Gesch. Russlands*, 2 B. Spt. 1848; рецензія Кавелина въ Собр. сочин. т. III, 69—138). Между тѣмъ гр. Румянцову предстояло обширное поле разысканій въ русскихъ архивахъ и библіотекахъ. Эти разысканія связаны съ именами Строева, Калайдовича, Григоровича, Берха и другихъ.

Еще въ 1817—20 гг. Строевъ и Калайдовичъ на средства Румянцова осмотрѣли многія монастырскія библіотеки и составили описаніе имъ, положившія основанія трудамъ подобнаго рода въ Россіи ¹⁾.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя, отысканныя ими, рѣдкости.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ они сдѣлали весьма важную находку—Сборника Святослава 1073 г.; въ волоколамской библіотекѣ Строевъ нашелъ законы вел. князя Ив. Васильевича, изданные совмѣстно съ Калайдовичемъ (М. 1819) и впервые сдѣлавшіеся извѣстными отдѣльно отъ законовъ Ивана IV; Похвалу Кагану Владиміру, переводъ съ Дамаскина, совершенный У. экз. Болгарскимъ, соч. Кирилла Туровскаго и др. памятники литературы. Вообще во время этого обозрѣнія было открыто много матеріаловъ, важныхъ для политической и церк. исторіи Россіи XV и XVI вв. Библіотека Воскресенскаго монастыря представляла богатое собраніе рукописей XIV—XVIII столѣтій: духовныхъ сочиненій, переводовъ, житій, историческихъ матеріаловъ (Соф. лѣтопись, матеріалы о соборѣ 1667 г., о п. Никонѣ и С. Медвѣдѣвѣ, синодике XVII и XVIII в., космографіи XVII в., переводъ „Аристотеля“ 1677 г. и друг ²⁾). Подробное описаніе славяно-россійскихъ рукописей Волоколамскаго мон., составленное Строевымъ, признается первымъ ученымъ описаніемъ въ этомъ родѣ (Ундольскій, Библ. разыск. М. 1846, 14) ³⁾. Затѣмъ были составлены имъ

¹⁾ Такъ были осмотрѣны монастыри: Волоколамскій, Новоіерусалимскій, Воскресенскій, Звенигородскій, Савино-Сторожевскій, Пафнутія Боровскаго, Пѣсношскій, Серпуховскій и другіе.

²⁾ Книги распредѣлялись Строевымъ по долямъ, по образцу каталога греческихъ рукописей синод. библіот., извѣстнаго Маттеи, рекомендованному Малиновскимъ и одобренному Калайдовичемъ. Ib. 46.

³⁾ Оно хранится въ библ. гр. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ; выписки изъ нея въ Рум. музеѣ. Извлеченія изъ нея были напеч. Анастасевичемъ въ Отеч. Записк. 1823, кн. 33 и 35.

описи библиотекъ Сторожевскаго, Воскресенскаго и др. монастырей ¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы выписки изъ болѣе важныхъ рукописей и описаны нѣкоторые вещественные памятники (Барсуковъ, 17—43). Самъ Строевъ справедливо приписывалъ большое значеніе этому путешествію. Между тѣмъ, въ это время онъ узналъ о варварскомъ истребленіи многихъ рукописей по невѣжеству ихъ обладателей. Такъ, часть рукоп. Воскресенскаго монастыря была отослана въ синодъ и досталась гр. Мусину-Пушкину, другая же часть ихъ была умышленно сожжена еписк. Сильвестромъ, (1785—88), который считалъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью, и еслибы не остановилъ его архиман. Аполлосъ, то и вся библиотека монастыря подверглась бы такой же участи, (Барсуковъ, 38). Подобный же случай передаетъ митроп. Евгений о рукописяхъ новгородскаго Юрьевскаго монастыря. Когда начальство обители узнало о намѣреніи его посѣтить монастырь, то распорядилось весь ненужный хламъ бросить въ Волховъ. Встрѣтивъ возъ съ инокомъ, Евгений заинтересовался, что онъ могъ везти и, къ удивленію своему, увидѣлъ порванные книжки и книжные листы. Тогда онъ возвратилъ этотъ соръ назадъ и принялся въ монастырѣ разсматривать его, причемъ нашелъ не мало кожанныхъ книгъ и тетрадей, въ числѣ которыхъ оказались драгоценныя остатки рукописей даже XI в. (Переписка Евгения, Сборн. Ав. Н., V, 23) ²⁾.

Всѣми этими открытіями гр. Румянцовъ снѣшилъ подѣлиться съ митр. Евгениемъ, а Строевъ, съ своей стороны, вступилъ въ ближайшія сношенія съ Карамзинымъ, который могъ уже воспользоваться новыми матеріалами XVI—XVII вв. въ своей исто-

¹⁾ Описаніе послѣдней помѣщено Сахаровымъ въ его рѣдкомъ изданіи: „Русскіе древніе памятники“. В. I, 1842, безъ указанія имени Строева. Черновыя же описанія были подарены авторомъ Царскому, а потомъ перешли къ гр. Уварову. Барсуковъ, 41.

²⁾ П. И. Саввантовъ съ неменьшимъ ужасомъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ сожженія Евнгіевскихъ и другихъ бумагъ въ вологодскомъ архіер. домѣ, въ 1841 г., часть которыхъ ему удалось спасти: „Морозъ подираетъ по кожѣ, говоритъ онъ, когда вспоминаю объ этомъ варварскомъ сожженіи. Какая глубокая пропасть между этими позднѣйшими иноками, собирателями глѣбныхъ сокровищъ, и тѣми иноками, которые собирали книги и страшными влѣтвами грозилъ въ своихъ припискахъ за прикосновеніе къ нимъ съ святотатственною цѣлю!“ (Ib. 44). В. И.

рін (Барсуковъ, 43) ¹⁾. Но Румянцовъ не ограничивался однѣми порученіями. Не смотря на свою дряхлость, глухоту и болѣзни, онъ самъ предпринималъ путешествія съ цѣлю разысканія и осмотра древностей: въ Новгородъ, Москву, Кіевъ, на ярмарки — Нижегородскую, Гомельскую, Роменскую, по монастырямъ, на поклоненіе Рогволодову камню (XII в.), составлявшему предметъ вниманія тогдашнихъ ученыхъ ²⁾. Въ 1822 г. ему сопутствовалъ Калайдовичъ. Румянцовъ посѣтилъ тогда Воскр. мон., Волок. м., Микулинское городище, Старицу, Ржеву Владимірову, село Ярополчъ, гдѣ осматривалъ и приобрѣлъ нѣкоторыя рукописи, монеты, надгробные камни и т. п. ³⁾. За нѣкоторыя рукописи гр. Румянцовъ платилъ весьма дорого: 200—1000 р., а за одну изъ нихъ (Кормчую, принадлежавшую патриарху Никону), какъ онъ пишетъ м. Евгенію, отпустилъ на волю сына одного крестьянина, второму принадлежала рукопись (52). Не менѣе его интересовали другія рукописныя коллекціи (напр. гр. Толстого) и онъ очень сожалѣлъ, что описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ явились прежде описанія его собранія (Барсуковъ, 114—116, Барсовъ loc. cit.) ⁴⁾.

¹⁾ Сообщенія, сдѣланныя Карамзину гр. Румянцовымъ, Бантышемъ-Каменскимъ, Малиновскимъ, Калайдовичемъ, Строевымъ и др. указаны въ его примѣчаніяхъ. См. Ключъ къ Ист. Карамзина, составл. Строевымъ, подъ означенными именами, а также переписку его съ Малиновскимъ. Подъ вліяніемъ Калайдовича образовались многіе, извѣстные въ то время, собиратели древностей и рукописей. Погодинъ, Судьбы археологии въ Россіи, стр. 8.

²⁾ Въ 19 верстахъ отъ Орши. Такъ названъ по имени Рогволода Борисовича, князя полоцкаго. О рогволодовомъ камнѣ и двинскихъ надписяхъ, П. Кеппена. Уч. Зап. Ак. Наукъ, по I и III отдѣл., томъ III, 59—70.

³⁾ „Въ Микулинѣ, какъ и вездѣ, пишетъ онъ м. Евгенію, за все про все одинъ отвѣтъ: нѣтъ да нѣтъ и никогда ничего не бываю; но мое упрямство и розданные деньги за всякіе ничто незначущіе обманы превозмогли господствующую лѣнь: стали носить, кто что ни имѣлъ давно найденнаго на поляхъ при распахиваніи ихъ.“ Стр. 61. Микулино Городище досталось ему, по наследству, отъ тетки. Ibid. 61.

⁴⁾ Быть можетъ этимъ объясняется слишкомъ рѣзкій отзывъ его объ описаніи рук. Толстого. „Строевъ, мнѣ кажется, писалъ онъ Востокову, часто обличаетъ большую самонадѣянность на себя, нежели какія либо нужная ученія свѣдѣнія.“ (Переписка Востокова, 228). Но м. Евгеній объ этомъ описаніи такъ писалъ гр. Григоровичу: „полюбопытствуйте и вы прочитайте замѣчательное предисловіе Строева“ (Переп. Григоровича, 91). Впрочемъ къ мнѣнію гр. Румянцова склоняются нѣкоторые современные и позднѣйшіе отзывы объ этомъ трудѣ. Сборн. Ак. н., XXI, стр. XXVI. Ср. Русскіе Палеологи. Древ. и Н. Рос. 1880 г. № 2—4. В. И.

Вліяющее значеніе Румянцова тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что большинство не могло еще оцѣнить тогда подобныхъ стремленій ¹⁾. „Неудивительно, что иностранцы извѣщаютъ насъ о нашихъ древностяхъ, писалъ ему м. Евгений, какъ напр. о бахмутской надписи. Я въ „Виленскомъ Денникѣ“ увидѣлъ, что въ кievскомъ николаевскомъ монастырѣ есть евангеліе письменное на бѣлорусскомъ языкѣ, а здѣсь меня никто о немъ и увѣдомить не умѣлъ. Такъ-то мало у насъ любопытства“. (Переписка, 99—100). Но люди, понимавшіе значеніе его дѣятельности, признавали за нимъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Предлагая моск. ист. общ-ству широкій планъ изслѣдованія памятниковъ рус. исторіи, Строевъ заявлялъ: „Виновникъ сего: госуд. канцлеръ, гр. Н. П. Румянцовъ... Безъ его указаній на хранилища хартій, безъ его воли, поощренія и порученныхъ мнѣ изданій, я не имѣлъ бы доступа къ многочисленнымъ памятникамъ нашихъ древностей, еще менѣе способоу дѣлать открытія и никогда не приобрѣлъ бы необходимыхъ знаній о предметѣ, о которомъ имѣлъ честь бесѣдовать съ вами“ (73 — 74, Барсуковъ). Гр. Румянцовъ не разъ являлся ходатаемъ за ученыхъ, при тогдашнихъ порядкахъ нашей печати и взглядахъ администраціи на науку, во многомъ не отличавшихся отъ знаменитаго мнѣнія св. Синода объ изданіи лѣтописей, въ XVIII вѣкѣ. Когда Магницкій, стоявшій во главѣ обскурантоу 1820 годовъ, вздумалъ гнать даже „Библиогр. листки“ Кеппена, а послѣдній хотѣлъ прекратить ихъ изданіе въ 1825 г., то Румянцовъ вотъ какъ писалъ объ этомъ Шишвову: „Защитите, пожалуйста, преполезные Библ. листы, издаваемые Кеппеномъ, отъ того гоненія, которое поднялъ на нихъ Магницкій. Ежели онъ въ своемъ представленіи успѣетъ, какому же осужденію подвергнемся мы непременно за-границею, когда ученые свѣдаютъ, что у насъ соч. Дубровскаго о Кириллѣ и Ме-

¹⁾ Въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывается о такомъ равнодушіи высшаго общества П. П. Свиньинъ, въ письмѣ къ И. М. Снегиреву, по поводу продажи своего русскаго музеума: „Увы! распродажа музеума доказала мнѣ жалкую степень нравственности и образованности нашихъ бояръ и всего перво-класснаго круга: вообразите, бывали случаи, что богачи приходили въ музеумъ звать или торговаться пзъ-за копѣйки, когда за часъ передъ тѣмъ заплатили Смурову 500 или 600 р. за устрицы и шампанское“. Евгеніевскій Сборникъ. 1871, в. I, XVI—XVII.

оодіѣ подѣ запрещеніемъ единственно потому, что сей ученый и почтенный мужъ повѣствуетъ обстоятельства жизни ихъ не такъ, какъ описаны они въ нашей Миней Четыи. Охраните насъ отъ такого стыда“! (Перепис. Востокова, 231). Не всегда однако авторитетъ и вліяніе Румянцова могли защитить отъ подобныхъ безобразій. Когда издатели законовъ вел. кн. Ивана и царя Ивана IV хотѣли присоединить къ нему вновь открытое соборное опредѣленіе 1503 г. (о мздѣ за поставленіе, о вдовыхъ позахъ, о воспрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ), то они встрѣтили противодѣйствіе со стороны архіеп. Августина, увидѣвшаго въ этомъ оскорбленіе духовенства.

По этому поводу Румянцовъ писалъ Строеву: „Я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, еслибъ Малиновскій выходилъ у преосв. Августина дозволеніе издать въ печать въ добавокъ къ законамъ опредѣленіе собора 1503 г.“ Но это не удалось Малиновскому и оно было напечатано только въ 1836 г., въ актахъ археогр. экспедиціи, т. I, (Барсуковъ, 124, 44). Еще въ 1820 г., Румянцовъ писалъ Евгенію, по поводу перевода извѣстнаго сочиненія Коцебу о Свитригайлѣ, слѣдующее: „У насъ медленность и ежедневно новое затрудненіе отымають всякую довѣренность. Свитригайлѣвъ переводъ во время печатанія опять остановленъ потому, что духовная цензура вновь затрудняется допустить появленіе извѣстныхъ вамъ палскихъ буллъ; я всѣ прежнія свои основательныя домогательства возобновилъ и не знаю чѣмъ кончится“ (35). Но, не смотря на ходатайство самаго гр. Румянцова и мнѣніе объ этой книгѣ даже Карамзина, она появилась, послѣ многихъ мытарствъ, только въ 1835 г. Дѣло же съ исторіею о монголахъ и татарахъ Абулгази, вслѣдствіе внимательства Магницкаго, тянулось съ 1820 по 1825 г., когда разрѣшено было выпустить ее самимъ Государемъ, по ходатайству того-же Румянцова (Перепис. Евгенія, 117, и дѣло объ этихъ книгахъ въ Рус. Арх. 1869 г.) ¹⁾. Подобныя дѣйствія тогдашнихъ оберегателей русской мысли могли только возмущать людей, серьезно смотрѣвшихъ на дѣло науки. Такъ, по поводу

¹⁾ Со временемъ скорбный листокъ русской науки и литературы представить интересную картину съ тою разницею, что имена Коцебу, Кеплена и др. смѣнятся въ ней именами Неймана, Финлен, Каррьера и т. п.

того же Абулгази м. Евгений писалъ Румянцову: „Жаль, что Абулгази печатается на одномъ арабскомъ безъ перевода, хотя на русскомъ и есть уже онъ (рус. перев. былъ изданъ въ 1768 г. — „плодъ трудовъ знаменитаго Татищева“, по выраженію Румянцова, Рус. Арх. 1869 г.). Погасители просвѣщенія (какъ это характеристически вѣрно) многому мѣшали въ просвѣщеніи. Но теперь имъ самимъ и на нихъ отверзають очи“ (118, 123). Евгений, подобно Румянцову, также не одобрялъ этихъ гоненій (124). Оба они высоко ставили ученый трудъ. Когда Румянцовъ разыскивалъ изданіе Нѣмцевича, то Евгений писалъ ему: „Книги Нѣмцевича, думаю, не можно достать ни въ Петербургѣ, ни въ Вильнѣ, а надобно искать въ Варшавѣ, ибо здѣшніе поляки мнѣ сказывали, что изданіе сіе запрещено за нѣкоторыя статьи о Россіи; но тѣмъ оно любопытнѣе; я все оное читалъ“ (106). Объ изданіи соч. Курбскаго въ то время, по словамъ Евгения, нельзя было и помышлять (переписка въ Собрн. Ак. Н., V, 53) ¹⁾. Впрочемъ и самому Евгению приходилось испытывать тягости цензуры; „но замѣчено вѣями, писалъ онъ по поводу затрудненій для изданія Кешпена, что строгая цензура всегда производитъ больше пасквилей письменныхъ: nitimur in vetitum“ (Собрн. Ак. Н., V, 52, 59).

Не меньшихъ хлопотъ стоило Румянцову описаніе церковныхъ и монастырскихъ рукописей. Такъ, съ большимъ затрудненіемъ ему удалось исходатайствовать разрѣшеніе Калайдовичу на описаніе рукописей синод. бібліотеки (Переписка съ Евгениемъ, 116) ²⁾. А между тѣмъ онъ прекрасно понималъ всю важность этой работы. „Взявъ во вниманіе, что каталогъ рукописей, находящихся въ бібліотекѣ гр. Толстого, уже довершенъ, что Востоковъ занятъ описаніемъ мнѣ принадлежащихъ древнихъ рукописей и что теперь Калайдовичъ готовитъ будетъ полное и ученое

¹⁾ По словамъ Устрялова, изданіе сочин. кн. Курбскаго, предпринятое имъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, казалось тогда героическимъ подвигомъ. Воспомин. Устрялова въ Древ. и Нов. Рос., 1880, № 8.

²⁾ Неоконченное описаніе бібліотеки было помѣщено въ особомъ изданіи кн. М. А. Оболенскаго, не выпущенномъ въ свѣтъ: „Архивъ разнородныхъ и преимущественно историческихъ свѣдѣній“, гдѣ заняло 64 стр. (до 10 №). Біограф. Кал.—ча, 49. Ср. неточность въ Собрн. Ак. Н. V, переписка Востокова, 433.

описаніе русскихъ манускриптовъ, находящихся въ Моск. синод. библіотекѣ, вѣжеться, можно порадоваться сему совсѣмъ новому въ Россіи появленію“ (ib). Румянцовъ предпочиталъ отдѣльныя изданія изслѣдованій, такъ какъ полагалъ, что въ общихъ журналахъ ученые статьи забываются и теряютъ свое значеніе (Шис. къ Евг., 52). Онъ даже опасался, что сотрудничество Калайдовича въ журналахъ можетъ отвлекать его отъ главнаго труда (Біогр. Калайдовича, 24). Масса вопросовъ, интересовавшихъ Румянцова, показываетъ, что онъ съ полною любовью относился къ своему дѣлу. Онъ откровенно высказывалъ свои мнѣнія и сомнѣнія въ данномъ случаѣ, считая себя лишь ученикомъ, ищущимъ разрѣшенія недоумѣній. Но вотъ примѣръ, какъ онъ былъ весьма чутокъ и въ серьезныхъ научныхъ вопросахъ. „Я радуюсь, писалъ онъ, что Строевъ довелъ до окончанія изданіе Софійскаго Временника, но пожалуйста, не допускайте до раздачи ни одного экземпляра, не повѣря, ошибаюсь ли я или нѣтъ, когда заключаю, что Строевъ сдѣлалъ большую ошибку, которая подвергнетъ насъ всѣхъ осужденію людей ученыхъ. Онъ въ прибавленіи беретъ Кедрина и Георгія Грѣшнаго (мѣста изъ котораго, помѣщенные въ древней лѣтописи, отчасти сходны съ извѣстіями Кедрина, который притомъ назывался Георгіемъ) ¹⁾ за одну и ту же особу, а я почитаю, что эти два писателя совсѣмъ разные. Послѣдній извѣстенъ подъ именемъ Георгія Амартола и изъ него-то вѣроятно слово въ слово выбиралъ Несторъ и внесъ въ свою лѣтопись ²⁾. Ежели Строевъ неправъ, то непременно надобно будетъ этотъ листъ совсѣмъ истребить и съ точностью въ новомъ листѣ опредѣлить, изъ котораго писателя византійскаго Несторъ дѣлалъ выписки, а ежели точно сего опредѣлить нельзя, то пройти молчаніемъ“, (Барсуковъ, по неиздан. перепискѣ госуд. канцлера, ib., 40—50). Разслѣдованіе этого вопроса, по порученію Румянцова, было поручено Калайдовичу,

¹⁾ Славянскій переводъ Георгія Грѣшнаго, подавшій поводъ къ этимъ объясненіямъ, былъ найденъ Строевымъ въ 1819 г., при описаніи библіотеки гр. Ф. А. Толстого.

²⁾ На заимствованіе извѣстныхъ мѣстъ древнимъ русскимъ лѣтописцемъ у Г. Амартола еще въ 1806 г. указалъ Кругъ. Ж. Мин. Н. Пров., т. XV, отд. V, 24. В. И.

который подтвердилъ разность въ извѣстiяхъ Кедрина и Г. Грѣш-наго, но не рѣшился сдѣлать дальнѣйшаго заключенiя, не зная лѣтописи послѣдняго. Строевъ былъ введенъ въ недоразумѣнiе Шлецеромъ, который называетъ греческимъ источникомъ Нестора именно Кедрина. Но и послѣ этого Строевъ не согласился сдѣлать прямаго вывода въ пользу Амартола, а потому совсѣмъ исключилъ весьма цѣнныя прибавленiя въ 1 части Соф. Временника и самый Временникъ вышелъ только въ 1820 году. Строевъ издалъ свою записку о греческомъ источникѣ древней лѣтописи спустя четыре года (Сѣв. Архивъ, 1826, ч. 21, № 11). Впрочемъ и здѣсь онъ еще не зналъ, кому приписать сходныя мѣста въ греч. и русскомъ лѣтописцѣ и только потомъ авторомъ ихъ назвалъ Амартола (ч. 23, № 19 и 20, стр. 274. Обѣ статьи сведены вмѣстѣ и перепечатаны въ труд. и лѣт. общ. ист. и древн., т. IV, кн. I).

В. С. Игнатьевъ.

Кiевъ.

{Окончанiе въ слѣдующей книгѣ}.

АМУРСКОЕ ДѢЛО

И ВЛІЯНІЕ ЕГО НА ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ И ГОСУДАРСТВО.

Амурское дѣло, получившее въ свое время громкую извѣстность по горячей полемикѣ, которой оно было предметомъ въ нашей журналистикѣ, съ 1858 по 1864 годъ, не было однакоже нивогда представлено въ цѣлостномъ, послѣдовательномъ изложеніи, вслѣдствіе разныхъ препятствій, которыя встрѣчало въ печати обнаруженіе нѣкоторыхъ, необходимыхъ для поясненія дѣла, весьма важныхъ документовъ. Полагаемъ поэтому, что предлагаемый здѣсь краткій очеркъ его, хотя бы и въ самомъ сжатомъ, но систематическомъ изложеніи, сопровождаемый притомъ выписками изъ неизвѣстныхъ еще публикѣ документовъ, наполнить весьма важный пробѣлъ въ новѣйшей нашей исторіи, и послужить къ разъясненію многихъ вопросовъ, не разрѣшенныхъ вполне и до сихъ поръ. Такимъ образомъ можно надѣяться, что предлагаемый очеркъ не только удовлетворитъ естественное желаніе имѣть правильное представленіе о прошедшемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставитъ и нѣкоторыя указанія, полезныя и для настоящаго времени, такъ какъ Амурское дѣло далеко еще не кончено и послѣдствія неправильности начальнаго хода его продолжаютъ отзываться и понинѣ.

Общую причину неудачи, при первой попыткѣ, овладѣть Амуромъ, и дурнаго хода дѣла при послѣднемъ занятіи Амурскаго края, можно обозначить такъ, что и то и другое было слѣдствіемъ недостаточной подготовки къ рѣшенію вопроса, съ тою впрочемъ разницею, что въ первомъ случаѣ неподготовка не зависѣла отъ

распорядителей дѣла, а была слѣдствіемъ общаго положенія государства, недостаточности еще его средствъ и неутвержденія власти его и во всей Сибири, и въ особенности въ Забайкальскомъ краѣ,—самомъ важномъ для Амурскаго предпріятія, а во второмъ— все можетъ вполнѣ быть приписано примѣси личныхъ цѣлей, возбуждавшихъ нетерпѣніе и пренебреженіе правилъ предусмотрительности, чтѣ и порождало постоянно ошибочныя мѣры, не только не служившія успѣху дѣла, но еще прямо дѣлавшія его и невозможнымъ.

Уже прошло болѣе трети столѣтія, (съ 1847 по 1881), съ тѣхъ поръ какъ приступлено было въ окончательному рѣшенію Амурскаго вопроса назначеніемъ лица, которому указана была эта цѣль, а между тѣмъ, единственнымъ результатомъ занятія Амура остается и до сихъ поръ: громадныя издержки казны, раззореніе восточной Сибири и въ особенности Забайкальскаго края, и безпрестанно возобновляющаяся необходимость новыхъ мѣръ и новыхъ расходовъ ¹⁾, чтобъ исправлять испорченное и передѣлывать все вновь, тогда какъ, при правильномъ веденіи дѣла, оно могло совершиться съ успѣхомъ, при меньшихъ несравненно расходахъ казны, и безъ нарушенія справедливости относительно Сибирскаго населенія, безъ раззоренія его и гибели людей.

Первое занятіе Амура совершилось вслѣдствіе того движенія, общаго Россіи со всею Европой, когда не зная теоріи международнаго права, и не заботясь вообще разбирать ни право, ни справедливость, толпы авантюристовъ устремились на завоеванія какъ въ Америкѣ, такъ и въ Сибири, считая ихъ своимъ правомъ и прерывая только иногда, цѣлями религіи и государственной пользы, свои личныя побужденія: жажду корысти, приманку разгульной жизни и привычку къ бродяжничеству. Наши казаки и другая вольница не заявляли, конечно, религіозныхъ притязаній, но тѣмъ не менѣе въ основаніе, и достаточное по ихъ мнѣнію оправданіе, приводили то, что они покорали Сибирь-

¹⁾ Такъ, еще въ 1879 году, должны были издержать сотни тысячъ рублей на исправленіе вреда, причиненнаго штрафными солдатами, и на выселеніе ихъ съ Амура, послѣ того какъ переселеніе ихъ на Амуръ стоило громадныя расходы и сопровождалось такимъ вредомъ для всей Сибири, и особенно для Амура.

скіе народы подѣ власть Бѣлаго Царя, не заботясь, разумѣется, о теоретическомъ разсмотрѣніи не только права на то вообще; но и какого либо уполномоченія отъ лица, за которымъ признавали право завоеваній. Дѣйствія нашихъ казаковъ и другой вольницы не пользовались, правда, такою извѣстностію и не были такъ опозитизированы, какъ подвиги Кортеса и Пизарро, но основаніе, сущность дѣла и условія успѣховъ были однѣ и тѣ же. Пользуясь и тамъ и здѣсь преимуществомъ огнестрѣльнаго оружія и разрозненностію и враждою между собою разныхъ племенъ и мелкихъ народцевъ, наша вольница покорала ихъ, и, распространяясь безпрепятственно во всѣ стороны, перешла даже за океанъ; она проникла въ Забайкальскій край, но тутъ уже пришлось ей столкнуться съ могущественнымъ и крѣпко организованнымъ государствомъ, и притомъ въ такое время, когда новая династія была въ апогеѣ своего могущества и нравственной силы. Государство же у насъ, хотя и принимало и отдаленныя завоеванія авантюристовъ, но поддерживало ихъ слабо и не систематически, и, испытавъ неудачу въ удержаніи Амура, вынуждено было отказаться отъ него, и можно еще считать большою выгодною, что могло тогда удержать и укрѣпить за собой, по крайней мѣрѣ, Забайкальскій край. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи долгаго времени, въ сознаніи своей неподготовленности къ борьбѣ въ тѣхъ мѣстахъ, всѣ заботы русскаго правительства обращены были уже на то только, чтобъ жить въ мирѣ съ Китаемъ, и это была, конечно, самая благоразумная политика, потому что безъ этого, не только новыя какія либо завоеванія, но даже сохраненіе прежнихъ въ Сибири, и поддержаніе порядка и спокойствія въ ней, особенно съ тѣхъ поръ какъ она сдѣлалась странюю ссылки, были бы невозможны, или потребовали бы огромныхъ усилій и расходовъ. Вотъ почему, ради главной выгоды, доставляемой миромъ съ Китаемъ, наше правительство поступало благоразумно, смотрѣвъ не слишкомъ строго на мелкія стѣсненія и придирки Китая, въ виду того, что въ главномъ онъ исполнялъ строго и добросовѣстно отношенія добраго сосѣда, охраняя нашу границу лучше, чѣмъ мы сами были бы въ состояніи охранить ее.

Вновь возникаетъ опредѣленно идея о занятіи Амура только уже при Евѣтеринѣ II-й, но и она увидѣла, что приступить окончательно къ рѣшенію этого вопроса еще преждевременно. На

запросъ, сдѣланный ген.-губернатору Якоби, сколько потребно войска для успѣха предпріятія, оказалось, что въ виду ненадежности еще Забайкальскихъ инородцевъ, нужно столько, что Забайкальскій край не былъ еще въ состояніи продовольствовать такое количество, почему предпріятіе такъ и осталось безъ исполненія; но изъ нѣкоторыхъ распоряженій правительства можно было однако же замѣтить, что имѣлась уже въ виду подготовка къ рѣшенію вопроса устраненіемъ по крайней мѣрѣ того, что поставило при первыхъ попыткахъ главное препятствіе, и надо сказать, что рядъ принятыхъ мѣръ былъ болѣе систематиченъ и цѣлесообразенъ чѣмъ то, что дѣлалось въ послѣднее время, когда однако же задумали приступить окончательно къ выполненію предпріятія какимъ бы то ни было способомъ. Очевидно было, что если когда либо суждено будетъ осуществиться Амурскому предпріятію, то главною опорой для него долженъ служить неминуемо Забайкальскій край, и потому всѣ мѣры въ концѣ царствованія Екатерины II, при имп. Павлѣ, и въ началѣ царствованія Александра I, и были направлены въ тому, чтобы усилить въ Забайкальѣ русскій элементъ, и улучшить хозяйственное положеніе края. При Екатеринѣ переселены, изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, въ Забайкалье старовѣры и раскольники, пришедшіе съ семействами, и потому и названные впоследствии „сѣмейскими“ крестьянами, въ отличіе отъ штрафныхъ переселенцевъ, приходившихъ преимущественно одиночными. При Павлѣ пришли, также семьями, русскіе крестьяне, пожелавшіе идти въ Сибирь въ зачетъ рекрутъ; въ началѣ царствованія Александра, переселились добровольно малороссіяне. Всѣ они образовали отличныхъ хлѣбопашцевъ и устроились скоро, потому что переселеніе совершалось безъ торопливости, не для показу, а правильно и постепенно, среди уже населенія, отъ котораго новопришедшіе могли получить первое снабженіе для хозяйственнаго обзаведенія; люди приходили на мѣста, заранѣе извѣстныя и для нихъ отведенныя; могли безъ затрудненія пріобрѣтать домашній рабочій скотъ въ краѣ, богатомъ скотоводствомъ, и поэтому могли безъ всякаго замедленія приниматься за работу. Съ другой стороны и начальство не било на эфффекты, и хотя и было не безъ грѣха, но занималось однакоже и устройствомъ истинно полезныхъ для края вещей; улучшались средства сообщенія проложеніемъ дорогъ,

учрежденіемъ опредѣленныхъ почтовыхъ станцій, устройствомъ сплава по рѣкамъ, образованіемъ искусныхъ сплавщиковъ и лоцмановъ, учрежденіемъ больницъ, устройствомъ минеральныхъ водъ, образованіемъ ремесленныхъ заведеній и пр.

Забайкальскій край, изъ котораго истекають всѣ рѣки, образующіе Амуръ, изъ котораго одного могли отправляться и экспедиціи для занятія Амура и для колонизаціи его, который долженъ былъ давать и продовольствіе для нихъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и главнымъ рассадникомъ для колонизаціи, и въ этомъ отношеніи главною задачею при подготовкѣ къ успѣху предпріятія было не только усиленіе новыми переселенцами русскаго населенія въ Забайкалѣ, для увеличенія средствъ края, но и сохраненіе стараго населенія, такъ какъ въ немъ преимущественно и можно было найти самыхъ надежныхъ колонизаторовъ для Амура.

Успѣхъ колонизаціи всегда зависитъ, главнымъ образомъ, отъ сокращенія времени, употребленнаго на переселеніе, чтобъ переселенецъ прибывалъ на мѣсто съ неистощенными силами и средствами; отъ удобства сношеній съ устроенными уже заселенными мѣстами, откуда онъ на первыхъ порахъ всегда могъ бы получать снабженіе и помощь; отъ сходства климатическихъ условій новыхъ мѣстъ съ мѣстами прежняго жительства, (нѣмцы, не смотря на всѣ поощренія и пособія правительства въ Бразиліи, не могутъ, вслѣдствіе слишкомъ большой разницы новыхъ климатическихъ условій съ тѣми, въ каковыхъ привыкли въ прежнихъ мѣстахъ жительства, упрочиться въ ней, какъ земледѣльцы), и наконецъ отъ главнѣйшаго изъ всѣхъ условій, чтобъ переселеніе было добровольное и выборъ мѣста свободный. Первое важно потому, что тогда идутъ люди способные къ дѣлу колонизаціи, второе потому, что тогда человѣкъ выберетъ мѣсто, наиболѣе соответствующее тѣмъ занятіямъ, къ которымъ онъ уже привыкъ.

Къ сожалѣнію, при послѣднемъ приступѣ къ занятію Амура, всѣ эти коренныя условія успѣха были сразу нарушены для цѣлей, совершенно постороннихъ предпріятію, хотя въ самомъ край и не было недостатка въ людяхъ, которые и указывали на то, что было полезно и необходимо для успѣха предпріятія, и предупреждали на счетъ тѣхъ ошибокъ, которыя должны были неминуемо повредить ему, какъ это можно усмотрѣть и изъ помѣщенныхъ въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины“ документовъ.

Для усиленія русскаго элемента въ Забайкальскомъ краѣ, и для сохраненія прежняго населенія, какъ запаса для колонизаціи Амура, представлялись двѣ полезныя мѣры.

Еще прежде послѣдняго приступа къ рѣшенію Амурскаго вопроса, министерство государственныхъ имуществъ озабочено было переселеніемъ въ Сибирь крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній, и въ 1852 году, за два еще слѣдовательно года до первой экспедиціи на Амуръ, двинулось нѣсколько десятковъ тысячъ въ Тобольскую и Томскую губерніи; но какъ тамъ ничего не было приготовлено для принятія таковой массы переселенцевъ, то они обратились въ скитальчество и бродяжничество, и постепенно мало по малу гибли, и во всякомъ случаѣ были потеряны для земледѣлія; а между тѣмъ изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ не подумали и малѣйшей части направить въ Иркутскую губернію и въ Забайкальскій край, для замѣщенія тѣхъ старыхъ жителей края, которые заявятъ желаніе переселиться на Амуръ, и которые могли бы сдавать свое готовое ховяйство новопришедшимъ, съ выгодой для нихъ и безъ потери для себя.

Другая мѣра, имѣющая цѣлю сохраненіе въ краѣ людей, долженствующихъ образовать надежный контингентъ для переселенія на Амуръ, состояла въ освобожденіи края отъ рекрутской повинности, что тѣмъ легче было получить, что въ самой же восточной Сибири существовалъ соответственный прецедентъ, въ освобожденіи киренскаго округа, Иркутской губерніи, отъ этой повинности. Между тѣмъ въ одинъ промежутокъ съ 1853 по 1856, взято въ рекруты изъ Забайкальскаго края тысячи три лучшихъ работниковъ-хлѣбопашцевъ; количество ничтожное для усиленія полуторамилліонной арміи, да притомъ почти и бесполезное, такъ какъ оно не могло никогда поспѣть во-время на театръ войны. При этомъ замѣтимъ еще, что изъ киренскаго округа передвиженія и скорѣе и удобнѣе, такъ какъ, кромѣ болѣе близкаго разстоянія отъ Иркутска, нѣтъ того препятствія, которое ставитъ для сообщенія съ Забайкальскимъ краемъ море Байкаль, два раза въ году, при покрытіи и при вскрытіи его, совершенно прерывающее сообщеніе. Можно понять, каковой отличный резервъ для колонизаціи Амура представили бы эти тысячи людей, поступавшихъ въ рекруты безъ пользы для арміи, составляя между тѣмъ

ничѣмъ незамѣнимую потерю для стараго края и для колонизаціи новаго.

Но вмѣсто усиленія и сохраненія русскаго населенія въ Забайкальскомъ краѣ, въ виду колонизаціи Амура, начали, напротивъ, съ ослабленія еще этого населенія, выселеніемъ нѣсколькихъ сотенъ лучшихъ и состоятельныхъ хлѣбопашцевъ на Якутско-Аянскій трактъ; предпріятіе, не имѣвшее ровно никакой разумной, практической цѣли. Имѣя уже въ виду занятіе Амура, съ цѣлію образовать изъ него главный путь сообщенія съ Великимъ Океаномъ и нашими прибрежными мѣстами Охотскаго и Камчатскаго морей, а равно и съ нашими колоніями въ Америкѣ, нечего было понапрасну хлопотать объ открытіи почтоваго Аянскаго тракта, (какъ коммерческой, онъ давно существовалъ), и еще болѣе не извинительно было вести дѣло такъ необдуманно, что единственнымъ слѣдствіемъ были большіе бесплодные расходы, и полная гибель нѣсколькихъ сотенъ лучшихъ хлѣбопашцевъ.

Еще менѣе имѣло смысла, въ виду безотлагательнаго занятія во всякомъ уже случаѣ по крайней мѣрѣ устья Амура, перетаскиваніе населенія изъ Охотска, (съ полнымъ притомъ разореніемъ его), въ Камчатку, съ учрежденіемъ тамъ военнаго губернатора, съ тѣмъ, чтобъ оттуда почти немедленно перетаскивать это несчастное населеніе на устье Амура, за чѣмъ послѣдовало новое перетаскиваніе во Владивостокъ. Понятно, что это населеніе, имѣвшее хозяйственное устройство въ Охотскѣ, и лишившееся его при выселеніи изъ Охотска, нигдѣ потомъ не могло уже прочно устроиться, и должно было или погибнуть отъ голода, или поступить всецѣло на продовольствіе отъ казны, когда она и безъ того была уже затруднена продовольствіемъ лишняго войска,—переведеннаго въ Забайкалье и на Амуръ отъ Иркутска и Красноярска. Таковы были невыгодныя прелюдіи относительно населенія еще до начала движенія на Амуръ. Затѣмъ слѣдуетъ, и еще съ болѣшими вредными послѣдствіями и для предпріятія, и для благосостоянія Забайкальскаго края, полный разгромъ хлѣбопашества въ Нерчинскомъ, (слѣдовательно самомъ важномъ для предпріятія, какъ непосредственно ближайшемъ къ будущему театру дѣйствія), краѣ; разгромъ, произведенный двумя необдуманными мѣрами: ломкою горнаго вѣдомства для цѣли совер-

шенно посторонней, и обращеніемъ горныхъ крестьянъ въ пѣшіе казаки, вопреки всякой разумной цѣли и историческому ходу казачества въ Россіи,—обращеніемъ, создавшимъ достойную смѣха фикцію, также для цѣли исключительно личной.

Домка горнаго вѣдомства произошла по враждѣ къ министру финансовъ Вронченко ген.-губернатора Восточной Сибири Муравьева, хотѣвшаго доказать, что онъ, при непосредственномъ завѣдываніи имъ Нерчинскими заводами, доставить болѣе отъ нихъ дохода, увеличивъ количество добываемаго золота съ 28 п. (какъ было за послѣдній отчетный годъ), до 100 пуд.

Въ объясненіе этого должно замѣтить предварительно, что серебряное производство Нерчинскихъ заводовъ давно уже не только перестало быть выгоднымъ, но было еще положительно въ убытокъ, и если отъ него и показывался еще доходъ, то единственно вслѣдствіе того, что все дѣло маскировалось налогомъ на крестьянъ, какъ это обнаружилъ Д. И. Завалишина еще въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ревизовавшему Восточную Сибирь сенатору Толстому, о которыхъ говорится въ благодарственномъ письмѣ къ Д. И. З., находящемся въ приложенныхъ документахъ. Дѣло заключалось въ томъ, что горнозаводскіе крестьяне были обложены натуральными повинностями: возкою руды, выжиганіемъ и поставкою угля, рубкою и доставкою дровъ и пр., получая за это опредѣленную плату, и по размѣру этой платы, серебряное производство давало какъ будто бы выгоду; но какъ эта плата была въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительной стоимости работы, (что всегда выказывалось, когда одному приходилось нанимать за себя другаго для выполненія урочной работы), то дѣйствительная стоимость серебрянаго производства и оказывалась, не по фактивной, а по дѣйствительной оцѣнкѣ работы, дороже, чѣмъ цѣна добытаго серебра. Различіе же въ цѣнѣ работы образовалось въ теченіи времени отъ того, что лѣса, а вслѣдствіе сего и рубка дровъ, и выжиганіе угля (курени) и доставка ихъ, удалились отъ заводовъ, а ближніе, богатые рудники, дававшіе нѣкогда „отъ благодати Божіей“ даже излишекъ противъ смѣтнаго назначенія выплавки серебра, оскудѣли, и замѣнены были болѣе отдаленными рудниками. Вотъ почему и само горное вѣдомство, когда открылись въ Нерчинско-заводскомъ округѣ золотые прииски, стало усиливать добычу золота и сокращать серебряное произ-

водство, но дѣлало это постепенно, чтобы слишкомъ поспѣшнымъ перемѣщеніемъ людей не разстроитъ сельскаго хозяйства и не затруднить продовольствія людей на новыхъ мѣстахъ. При значительной потребности казны для продовольствія ссыльно-каторжныхъ и горныхъ служителей, жившихъ постоянно при существовавшихъ издавна заводахъ и рудникахъ, было большимъ облегченіемъ для казны—что не только чиновники и вообще всѣ служащіе, но и самые ссыльно-каторжные, особенно семейные, имѣли всѣ собственное хозяйство, свои дома, пашни, огороды, домашній скотъ и птицу, обезпечивавшіе имъ собственное продовольствіе, а за провіантъ брали деньги, нужные имъ на другіе предметы, такъ какъ людямъ, находящимся постоянно на казенной службѣ и работѣ, и живущимъ въ мѣстахъ, населенныхъ одними служащими, не отъ чего и не отъ кого было зарабатывать деньги. Такимъ образомъ закупы хлѣба для казны, въ дѣйствительности, были всегда меньше, чѣмъ сколько приходилось по расчету довольствуемыхъ лицъ. Но Н. Н. Муравьевъ, похвалясь, что добудеть сто пудъ золота, и желая, разумѣется, добиться этого во что бы ни стало, согналъ огромную массу каторжныхъ и горнозаводскихъ служителей въ пустынное мѣсто, на золотые пріиски, для усиленной ихъ разработки, при чемъ люди должны были покинуть свои дома и все свое хозяйство, чрезъ что уже одно хлѣбопашество сразу уменьшилось на нѣсколько тысячъ десятинъ, а дѣйствительная потребность хлѣба для казны возрасла въ нѣсколько разъ, потому что пришлось теперь не только выдавать натурою все то, за что прежде рады были получать деньгами, но еще продовольствовать и женъ и дѣтей рабочихъ, пришедшихъ съ ними на карійскіе пріиски, потому что, съ лишеніемъ продовольствія отъ собственнаго хозяйства, они другаго средства прокормиться не имѣли. Но этимъ бѣдствіе еще не ограничилось. Лишенные собственнаго крова, пригнанные въ суровое время года туда, гдѣ для нихъ ничего не было приготовлено, вынужденные жить въ землянкахъ, вырытыхъ въ мерзлой землѣ, люди подверглись всѣмъ послѣдствіямъ голода и холода: развился сильный повальный тифъ, унесшій слишкомъ тысячу человѣкъ изъ самаго лучшаго, здороваго рабочаго населенія. Итакъ, въ то время, когда запасъ людей и продовольствія составляли первыя, жизненные условія успѣха Амурскаго дѣла, первыя распоряженія глав-

наго начальника были таковы, что хлѣбопашество, и вообще домохозяйство, было приведено въ разстройство въ самомъ необходимомъ для предпріятія краѣ, и число здоровыхъ работниковъ въ немъ значительно уменьшилось гибелью переселенцевъ на Аянскомъ трактѣ и рабочихъ на карійскихъ золотыхъ приискахъ.

Но ста пудъ золота все-таки не вымыли! За три первые года добыча не превышала, въ средней сложности, 70-ти пудъ, а расходы важны отъ этой затѣ настолько возросли, что далеко превысили цѣнность того излишка, который давала усиленная выработка, противъ того количества, которое, увеличиваясь постепенно, изъ году въ годъ, было бы получено при правильномъ ходѣ естественнаго развитія; и если впоследствии и было однажды добыто и болѣе ста пудъ, то совѣмъ въ другомъ мѣстѣ, на Шахтаминскомъ золотомъ приискѣ, открытомъ давно, какъ и карійскіе, и гдѣ случайно попали на котловое мѣсторожденіе съ богатымъ содержаніемъ; а что тамъ не рассчитывали ни искать, ни получить много золота, лучшимъ довазательствомъ служить то, что получили нечаянно чуть не въ десять разъ больше того количества, которое по смѣтѣ, на основаніи развѣдокъ, опредѣлено было получить.

Еще въ большемъ несравненно размѣрѣ произведено было разстройство экономическаго положенія края, обращеніемъ горныхъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ въ пѣшіе казаки; и все это только для созданія фиктивнаго войска, вовсе непригоднаго для дѣйствія, и удовлетворявшаго однимъ личнымъ цѣлямъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, невѣжество и безнравственность исполнителей усилили тягость населенія, особенно новыхъ казаковъ, неимовѣрными злоупотребленіями. Пока они были крестьянами, все ихъ управленіе состояло изъ пяти волостныхъ правленій и трехъ управителей, изъ которыхъ двое завѣдывали, каждый, двумя волостями, а третій одною, и былъ въ то же время комисіонеромъ заводовъ въ Читѣ; затѣмъ, при горномъ правленіи, имѣлось хозяйственное отдѣленіе; вотъ и все. И вдругъ, вмѣсто этого простаго, несложнаго и дешеваго управленія, явилось 12 баталіонныхъ, 3 бригадныхъ и одно войсковое правленіе и войсковое дежурство, наказной атаманъ и его штабъ. Болѣе тысячи человекъ взрослога рабочаго населенія пошло на одну внутреннюю службу, на писарей, вахтеровъ, деньщиковъ къ офицерскимъ чинамъ, затѣмъ на караулы

при правленіяхъ, арсеналахъ, цейхгаузахъ, при пороховыхъ погребахъ. Затѣмъ на войско же была возложена постройка всѣхъ зданій для разныхъ правленій, нарядомъ на поставку матеріала и на производство работъ, по произвольно назначенной цѣнѣ, что поглотило всѣ рабочіе руки и открыло дверь самымъ возмутительнымъ злоупотребленіемъ, описаніе и доказательство которыхъ находятся и въ приложенныхъ документахъ. А кто исчислить что вытерпѣло населеніе отъ невѣжества, корыстолюбія и безнравственности нѣкоторыхъ начальственныхъ лицъ, которымъ оно предано было въ безотчетный произволъ по строевой, хозяйственной и даже нравственной части, когда безнравственные начальники считали себя въ правѣ подвергать своему надзору даже и нравственныхъ женщинъ и дѣвицъ!

Извѣстно, какъ затруднителенъ бываетъ всегда наборъ офицеровъ, когда случается внезапно формированіе значительной массы войскъ; туда бросаются и принимаются люди безъ строгаго разбора; но это не представляетъ еще особеннаго неудобства, когда идетъ формированіе войска для военныхъ дѣйствій непосредственно; было бы знаніе фрунтовой службы и храбрость, этого достаточно, а вредъ отъ недостатковъ нравственныхъ уже и тѣмъ, большею частію, ограничивается, что нѣтъ случая для ихъ проявленія. Совсѣмъ иное дѣло, когда невѣждѣ и безнравственному человѣку населеніе предается въ полную власть съ тысячами предлоговъ вмѣшиваться во все, отъ строеваго обученія и хозяйства до домашняго быта и нравственности. А каковы были многіе пріѣхавшіе начальствовать надъ новосозданнымъ Забайкальскимъ казачьимъ войскомъ—можно судить по слѣдующему: когда первый наказной атаманъ этого войска представлялся покойному Государю Александрѣ Николаевичу, бывшему тогда наслѣднику и атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, то наслѣдникъ сказалъ наказному атаману, предупредивъ даже его докладъ: „У тебя составъ офицеровъ плохъ; я знаю, что въ вамъ постарались повычистить все, что было негоднаго въ другихъ войскахъ; садись, и напиши мнѣ, сей же часъ, списокъ пяти или шести человѣкъ, кого помнишь, изъ самыхъ негодныхъ, для немедленной выключки, въ примѣръ другимъ; а послѣ будешь представлять о выключкѣ тѣхъ, кто окажется неисправнымъ.“

Какъ мало было вообще предусмотрительности и сообрази-

тельности у главнаго начальства, приготовляясь въ занятію Амура, можно видѣть еще и изъ слѣдующаго примѣра: при переводѣ трехъ баталіоновъ въ Забайкальскій край, въ виду дѣйствій для рѣшенія Амурскаго вопроса, задумали строить для нихъ постоянныя и дорого стоящія казармы, хотя и очевидно было, что пребываніе этихъ баталіоновъ въ Забайкальѣ могло быть только самое кратковременное, потому что Амурскій вопросъ былъ уже такъ поставленъ, что безотлагательное рѣшеніе его было уже неизбежно, сухопутною ли экспедиціей на Цицихаръ, какъ прежде предполагалось, или рѣчною, по Амуру, какъ рѣшились на то впоследствии. И вотъ на приготовленіе матеріала для постройки казармъ были затрачены артельные солдатскія деньги, а казармы такъ и не выстроены.

Точно также лишено было всякаго практическаго значенія заведеніе тяжелой артиллерійской батареи, такъ какъ не могло быть такой массы войска, для которой она бы приличествовала, да и въ предполагавшихся экспедиціяхъ не было такихъ дорогъ, по которымъ она могла бы двигаться; такимъ образомъ, эта доставленная сухопутно изъ Россіи, съ обремененіемъ населенія, и дорого стоявшая казнѣ батарея, оставалась безъ пользы слишкомъ двадцать лѣтъ въ Верхнеудинскѣ, и артиллеристы не знали другаго дѣла, кромѣ занятія караула при острогѣ.

Между тѣмъ самый переводъ въ Забайкалье линейныхъ баталіоновъ и сформированіе артиллеріи пѣшей и конной, также въ свою очередь увеличили потребность казны въ продовольствіи, а въ это-то время вся хозяйственная часть населенія и разстроивалась всѣми возможными способами, потому что кромѣ обязательной службы, по положенію, придумывали всякіе предлоги, чтобъ отвлекать отъ хозяйства даже и неслужилое казачество.

Требовали, напр., подростковъ для дѣланія патроновъ, и заставляли откупаться; наряжали на произвольно придуманныя работы, причемъ командиръ заявлялъ, что можетъ нанять за нихъ работниковъ со стороны, и бралъ на это деньги, а работы подвигались весьма медленно; забрали всѣхъ кузнецовъ, столяровъ и маляровъ, вмѣсто опредѣленнаго очереднаго срока, на неопредѣленное время, для постройки обоза, никогда потомъ не бывшаго въ дѣлѣ; наконецъ, дошли до того, что потребовали всѣхъ дѣвокъ въ баталіонныя квартиры, яко бы для шитья обмундировки;

но тутъ уже казаки стали угрожать, что возьмутся за топоры...

Теперь спрашивается: для чего нужно было сформированіе этого фивтивнаго войска, до такой степени раззорившее населеніе нерчинскаго края, и подорвавшее всѣ условія успѣха колонизаціи Амура?

Для здраваго смысла всегда было очевидно, что 25 т. ревизскихъ душъ, оставаясь хлѣбопашцами, легче могли прокормить 12 линейныхъ баталіоновъ, чѣмъ дать изъ себя 12 баталіоновъ и кормить и ихъ, и все населеніе, лишась 12 т. хлѣбопашцевъ, такъ какъ эти 12 т. войска должны были заключать въ себѣ все рабочее населеніе. Но для видовъ личныхъ, сформированіе хотя бы и фивтивнаго войска было понятно, какъ и объясняли это всѣ въ свое время.

Прежде генераль-губернаторъ Западной Сибири былъ корпуснымъ начальникомъ войскъ и въ Восточной, принадлежавшихъ тогда къ общему составу сибирскаго корпуса. Съ отдѣленіемъ войскъ Восточной Сибири подъ начальство генераль-губернатора Восточной Сибири, хотя и безъ названія корпуснаго командира, но съ правами его, оказалось, что у новаго корпуснаго командира было всего подъ командою 4 гарнизонныхъ баталіона, да нѣсколько инвалидныхъ командъ! А между тѣмъ, званіе корпуснаго командира занимаетъ высшее мѣсто въ военной іерархіи, первое послѣ главнокомандующаго арміей! Какъ тутъ удовлетвориться честолюбію съ начальствованіемъ надъ четырьмя гарнизонными баталіонами, съ однимъ бригаднымъ командиромъ? А при сформированіи хотя бы и фивтивнаго войска, являются и начальники штаба, и наказные атаманы, и дивизионные доктора, и оберъ-квартирмейстеры, и, считая съ артиллеріей, 8 бригадныхъ командировъ, 4 батарейныхъ, (пѣшихъ и конныхъ), 6 полевыхъ, 12 баталіонныхъ, казачье отдѣленіе при главномъ управленіи, войсковое правленіе, дежурство и корпусное и войсковое, чего-чего нѣтъ! А тутъ еще военный губернаторъ въ Камчаткѣ, гдѣ не было и 20 т. жителей, губернаторъ въ Якутскѣ, градоначальство въ Кяхтѣ, даже и по особымъ порученіямъ генераль; понятно, что главный начальникъ могъ похвалиться, что вотъ-моль сколько у него однихъ генераловъ подъ командою!

Но послѣдствія всей этой суеты не замедлили однако же обнаружиться въ весьма неблагоприятномъ видѣ; все это привело къ

такому экономическому разстройству края, что не чѣмъ стало прокормить даже одного баталіона въ Читѣ и рабочихъ на Карійскихъ золотыхъ приискахъ, и генераль-губернаторъ вынужденъ былъ, въ декабрѣ 1852 года, прискакать кругомъ Байкала въ Читу, послѣ того какъ и гражданское и казачье начальство въ Забайкальѣ рѣшительно отказались уже достать провіантъ, и обратиться къ одному частному лицу, (Д. И. Завалишину), съ просьбою научить его, какъ добыть 6 т. пудъ муки для баталіона, и найти средство для перевозки 45 т. пудъ хлѣба изъ Верхнеудинска на Кару—и только безусловное довѣріе къ этому лицу въ край дало возможность, при устраненіи всякаго начальственнаго вмѣшательства, достать, по крохамъ, нужное количество муки у скрывавшихъ ее изъ опасенія, чтобы ее не отняли у нихъ ревизіей, и побудить бурять выставить на почтовый трактъ сѣно, чтобы сдѣлать возможнымъ провозъ хлѣба изъ Верхнеудинска.

Таковы-то были дѣйствія, которыми приготовлялись къ занятію Амура; и все это было тѣмъ неизвинительнѣе, что не было недостатка въ людяхъ, которые могли указать полезное и предупредить ошибки. Всѣмъ извѣстно было, что начальство само признавало важность совѣта и содѣйствія Д. И. Завалишина, а потому постоянно и обращалось и за тѣмъ, и за другимъ, но полезное не приводилось въ исполненіе или извращалось для личныхъ цѣлей, а ошибки, не смотря на предупрежденіе, дѣлались и повторялись, потому что ими-то и достигались ближайшія личныя цѣли, хотя бы и со вредомъ для будущаго, а о будущемъ, что выйдетъ изъ всего этого, и не думали.

Но именно это самое лицо, къ которому въ крайности обращался генераль-губернаторъ съ просьбою вывести его изъ затрудненія, увидя до какого разстройства доведенъ былъ край, поставило на видъ возвратившемуся изъ отпуска военному губернатору и наказному атаману, необходимость принять самыя энергическія мѣры, для устраненія всѣхъ препятствій по хозяйству казаковъ и крестьянъ, и для составленія заблаговременно, исподоволь, запаса для обезпеченія экспедиціи на Амуръ, для которой начались уже и приготовленія постройкою парохода и лодокъ, (баржъ), а безъ этого запаса не было бы и возможно первое плаваніе по Амуру.

Содѣйствіе вышеупомянутаго лица первой экспедиціи на Амуръ было засвидѣтельствовано въ печати однимъ изъ участниковъ въ

экспедиціи, (А. С. Сгибневимъ въ „Др. и Нов. Россіи“). Строго отдѣляя лица отъ дѣла, Д. И. Завалининъ, указывая на неправильныя дѣйствія распорядителей, никогда не отказывалъ въ полезномъ содѣйствіи дѣлу. Не смотря на то, когда подумали, что извлекли уже всю пользу изъ этого лица, по организаціи края по устройству города, (гдѣ онъ исполнялъ безвозмездно разныя служебныя и общественныя должности), по притоговленіи первой экспедиціи, то покусились удалить его изъ Читы и вообще изъ края, чтобы избѣжать докучнаго свидѣтеля и обличителя злоупотребленій, котораго право на критику не могли не признавать, такъ какъ всѣмъ извѣстно было его содѣйствіе дѣлу, и онъ имѣлъ по этому полное право не дѣлать себя солидарнымъ съ тѣмъ, что дѣлалось помимо его, и вопреки ему. Попытка удалить его не удалась, и такимъ образомъ ему пришлось быть свидѣтелемъ всѣхъ послѣдствій неразумныхъ распоряженій и злоупотребленій, порожденныхъ личными цѣлями, что все было и предвидѣно имъ, и указано заранее.

Выше было изложено до какой степени были нарушены тѣ условія успѣшной колонизаціи Амура, которыя заключались въ запасѣ людей и въ обеспеченіи продовольствія, и вотъ, при первомъ же плаваніи по Амуру, не задумались нарушить и третіе изъ важнѣйшихъ условій успѣха: добровольное переселеніе и свободный выборъ мѣстъ; тутъ все было сдѣлано съ очевидною несправедливостію, съ содѣйствіемъ обмана, и съ отсутствіемъ даже здраваго смысла.

Надо сказать, что въ Забайкальскомъ крайѣ было издавна сильное расположеніе по переселенію на Амуръ, который, по преданію отъ перваго еще его занятія, представлялся мѣстнымъ жителямъ въ какомъ-то идеальномъ видѣ. Къ тому же ближайшія мѣста, какъ-то: Албазинъ, Кумара и пр. ежегодно посѣщались нашими звѣроловами. Вотъ почему, когда вызвали въ первый разъ охотниковъ, то нашлось очень много пожелавшихъ переселиться и притомъ людей состоятельныхъ, съ большими запасами продовольствія и посѣвнаго хлѣба, со скотомъ и птицею, съ домашнимъ скарбомъ, потому что имъ сказали, что ихъ поселятъ въ Албазинъ, куда они изъ мѣста сбора, (Шилкинскаго завода, на рѣкѣ Шилѣѣ, образующей съ р. Аргуньею Амуръ), могли на своихъ плотахъ, годныхъ потомъ для постройки домовъ, проплыть менѣе

чѣмъ въ десять дней, а скотъ пригнать берегомъ. Кромѣ того, близость мѣста переселенія давала возможность поддерживать сношенія съ прежнимъ мѣстомъ жительства, и получать оттуда содѣйствіе, да и перевезти все хозяйство исподволь, безъ всякой потери. Но когда они явились на мѣсто сбора, имъ было вдругъ объявлено, что они могутъ взять продовольствія и скота не болѣе того, сколько можетъ помѣститься на баржахъ, такъ что тѣ, которые не имѣли провожавшихъ ихъ близкихъ родныхъ, должны были бросить все, или отдать за безцѣноеъ или и даромъ, а ихъ самихъ, вмѣсто Албазина, умчали на устье Амура, за 3,000 верстъ, и въ мѣста непроизводительныя! И когда Д. И. Завалишинъ сказалъ по этому поводу Корсакову: „Михайло Семеновичъ! что это вы надѣлали! зачѣмъ вы обманули людей? Знаете ли, что послѣ этого вы не найдете охотниковъ?“, то Корсаковъ пренаивно отвѣчалъ: „ну что-жь? Надо прежде было заселить самыя дурныя мѣста, а на хорошія и послѣ всякій пойдетъ!“

Однако же вышло не такъ! Когда на второй годъ начали вновь вызывать охотниковъ, то не нашлось уже ни одного; буквально ни одного, ни изъ крестьянъ, ни изъ казаковъ.

Вотъ тутъ-то и началось насильственное переселеніе и заселеніе Амура средствами одно другаго безразсудіе. Очевидно, начальство потеряло голову, металось изъ стороны въ сторону, хваталось за системы совершенно противоположныя. То гнали на переселеніе богатыхъ казаковъ, но богатые, полезные хозяева въ своемъ мѣстѣ, гдѣ они управляли только хозяйствомъ, а сами не работали, имѣя всегда возможность нанимать работниковъ изъ бѣдныхъ своихъ собратій, изъ поселенцевъ и бурятъ, были сами плохіе работники, и на Амурѣ, гдѣ не откуда было взять наемныхъ работниковъ, мало приносили пользы, работая своими немѣлыми и непривычными руками, и только озлоблялись, видя, что ихъ жены и дочери, пользовавшіяся на родинѣ благосостояніемъ, и потому только надзиравшія за хозяйствомъ, а сами не работавшія, вынуждены были на Амурѣ дѣлать кирпичи для печей не только собственнаго дома, но и для зданій ротныхъ, баталіонныхъ и полковыхъ, (у конныхъ казаковъ), управленій. Мы не говоримъ уже о томъ, къ какимъ злоупотребленіямъ подали поводъ назначеніе на переселеніе богатыхъ. Затѣмъ ухватились за переселеніе бѣдныхъ; но бѣдные на родинѣ могли имѣть свое

хлѣбопашество только при помощи тѣхъ пособій и изворотовъ, какіе могли имѣть тамъ, и вторыхъ не могли найти на Амурѣ. Если прибавить къ этому, что мѣста для поселенія выбирались чиновниками и офицерами, ничего несмыслящими въ хозяйствѣ, и что затѣмъ, то же невѣжественное начальство вмѣшивалось во всѣ хозяйственныя распоряженія казаковъ, то вполнѣ понятно какіе результаты должно было дать такъ устраиваемое заселеніе Амура. Вмѣсто того, чтобы, какъ рассчитывали, что достаточно будетъ двухъ лѣтъ кормить переселенцевъ, а тамъ они не только будутъ имѣть свой хлѣбъ для себя, но и продавать излишекъ въ казну для продовольствія линейнаго войска, понадобилось кормить все болѣе и болѣе увеличивающееся число невольныхъ переселенцевъ неопредѣленное время. Между тѣмъ, самое переселеніе, уменьшая число хлѣбопашцевъ въ Забайкальскомъ краѣ, уменьшало и производство хлѣба при увеличеніи потребности на него для казны, и вотъ стали прибѣгать къ насильственнымъ закупамъ по произвольнымъ цѣнамъ, къ реквизиціямъ, раскладѣ поставки хлѣба на душу, что разумѣется открыло дверь ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ; а умножающееся съ каждымъ годомъ количество сплаваемого на Амуръ продовольствія, увеличивая ежегодно и количество потребныхъ для того судовъ, привело къ реквизиціи и на лѣсной матеріалъ, и на содѣйствіе сплавамъ, что еще увеличило, до-нельзя, отягощеніе населенія. Все устройство сплавовъ велось самымъ безразсуднымъ образомъ; при послѣдней поставкѣ лѣснаго матеріала реквизиціоннымъ способомъ, баржи строились изъ сыраго лѣса зимою, а весною, при господствующихъ въ Забайкальѣ въ это время года засухѣ и сильномъ вѣтрѣ, высыхались, и все нагружаемое въ нихъ подмачивалось, а бывало, что едва спущенныя баржи и тонули, какъ и случилось это съ баржею, нагруженною порохомъ, которая немедленно, по окончаніи нагрузки въ Шилкинскомъ заводѣ, тутъ же и потонула съ 2 т. пудъ пороха.

Далѣе: при такой несвоевременной постройкѣ, она всегда затягивалась весною, и лучшая, удобнѣйшая для сплава весенняя вода упускалась, а вслѣдствіе этого начиналось новое мученіе для населенія, для содѣйствія сплаву. Баржи садились безпре-станно на мель, на обмелѣвшей уже рѣкѣ; и вотъ, все прибрежное населеніе отзывалось отъ работы своей, въ самое горячее

время лѣтнихъ работъ, имѣющее въ Сибири, по браткости лѣта, еще болѣе значенія, чѣмъ гдѣ либо. Сгонялись поголовно мужчины и женщины, не исключая подростковъ, разгружать баржи на плоты, протаскивать ихъ черезъ мели и снова нагружать.

Между тѣмъ, такъ какъ не находилось уже охотниковъ на добровольное переселеніе на Амуръ, ни между крестьянами, ни между казаками Забайкальскаго края, да притомъ и невольное переселеніе казаковъ нельзя было продолжать безвѣчно, не разстроивъ вполне казачьяго населенія, составлявшаго главную массу жителей Нерчинскаго округа, то рѣшились наполнять Амуръ всякою сволочью: стали посылать ваторжныхъ женщинъ, для хозяйства, ссыльно-ваторжныхъ мужчинъ для постройки зданій и укрѣпленій, и наконецъ послали штрафныхъ солдатъ въ огромномъ количествѣ, болѣе десятка тысячъ, какъ для заселенія Амура, такъ и для замѣщенія выбывшихъ на Амуръ казаковъ Забайкальскаго войска. Эти штрафные, проходъ которыхъ черезъ Сибирь ознаменованъ былъ всякаго рода безчинствами и преступленіями, въ конецъ разорили казачье населеніе, особенно на Амурѣ, гдѣ въ каждую семью казака придали по одному штрафному солдату, подъ видомъ помощника въ работѣ, тогда какъ на дѣлѣ, они не только не помогали въ работѣ, но связали и самихъ хозяевъ.

„Ни въ лѣсъ его послать, говорили казаки, ни дома оставить нельзя. Пошлешь въ лѣсъ—либо лошадь изувѣчить, либо телѣгу сломаешь, либо топоръ продашь или пропьешь; дома оставишь—непремѣнно что нибудь украдетъ“. Все это были люди, совершенно отвыкшіе отъ работы по долговому пребыванію въ тюрьмахъ и въ бродяжничествѣ; они внесли развратъ и всевозможные пороки и преступленія въ населеніе, къ которому были присоединены.

Однимъ изъ особенно выдающихся явленій, сопровождавшихъ это переселеніе на Амуръ штрафныхъ солдатъ, были такъ называемыя „Амурскія свадьбы“, представлявшія верхъ кощунства надъ таинствомъ брака. При проходѣ партій штрафныхъ солдатъ, находились въ нѣкоторыхъ городахъ радѣтели, которые набирали для нихъ въ жены распутныхъ дѣвокъ, и получали за то благодарность. Штрафные солдаты торговали и размѣнивались этими невѣстами, даже и въ самой уже церкви до самаго обряда вѣн-

чанія; размѣнъ происходилъ съ придачею и съ отступнымъ, и продолжался до тѣхъ поръ, пока отрядный офицеръ не выйдетъ изъ терпѣнія, не закричитъ: „скоро-ли вы разберетесь, черти! становитесь попарно!“, и тутъ же въ церкви пишетъ отношеніе: „къ церковно-служителямъ таковой-то церкви“ и пр. и записываетъ пары, которыхъ и вѣнчаютъ гуртомъ. Разумѣется, изъ такихъ свадебъ, кромѣ разврата и повальнаго распространенія сифилиса, ничего не вышло.

Когда въ Забайкальскомъ краѣ, гдѣ знали все, что происходитъ на Амурѣ, никакъ уже не могли найти охотниковъ переселиться на Амуръ, то задумали заманить туда крестьянъ изъ Россіи, разумѣется и не подозрѣвавшихъ, что ихъ на Амурѣ ожидаетъ. И потянулись эти несчастные за нѣсколько тысячъ верстъ, на что и безъ того нужно было долгое время, а тутъ еще худо рассчитанные сроки прибытія въ разные мѣста производили сверхъ того вовсе ненужныя задержки и остановки, такъ что переселенцы еще до половины пути издержали уже все, что имѣли, и уже съ самаго Красноярска стали побираться милостынею, и по точному изслѣдованію, произведенному въ Читѣ, при посадкѣ ихъ на баржи, изъ ста человѣкъ едва семь только сохранили военскія средства. Затѣмъ ихъ поселили на Амурѣ безъ всякаго соображенія въ ихъ привычкамъ; степныхъ жителей селили въ лѣсистыхъ мѣстахъ; а привыкшихъ къ расчистѣмъ лѣсамъ подъ пашню—водворяли въ мѣстахъ безлѣсныхъ. Слѣдствіемъ этого былъ неоднократный переводъ ихъ съ мѣста на мѣсто, а въ то же время разливы Амура, напередъ извѣстные, но которыхъ, при выборѣ мѣста для заселеній, не хотѣли принять въ соображеніе, не смотря на то, что они указываемы были самими казаками,—начали сгонять и казачье населеніе, и заставляли не одинъ разъ переносить и станицы на новыя мѣста;—пашни и огороды смывались, сѣно топило и уносило. Годъ проходилъ за годомъ, а хозяйство не только не упрочивалось, но приходило все въ большее разстройство; Амуръ не только не доставлялъ продовольствія для военныхъ командъ, но требовалъ самъ продовольствія собираемаго и отправляемаго изъ Забайкалья, а между тѣмъ караваны съ хлѣбомъ, добытымъ такою неправдою, какъ указано было выше, гибли съ миллионнымъ грузомъ; гибли и тысячи головъ скота, и пришлось для провормленія военныхъ сухопутныхъ и морскихъ

командъ, на устьѣ Амура и въ другихъ прибрежныхъ мѣстахъ, посылать до послѣдняго времени хлѣбъ и другое продовольствіе, кругосвѣтнымъ путемъ изъ Россіи.

Даже относительно линейныхъ солдатъ не было никогда принимаемо никакихъ мѣръ для ихъ сохраненія и обезпеченія. Въ лютые сибирскіе морозы, ихъ посылали безъ теплой одежды; солдаты отмораживали себѣ руки и ноги, но лѣварямъ запрещено было показывать это въ лазаретныхъ отчетахъ, а писались они большими яво бы отъ ушибовъ и порубокъ топоромъ. Одну партію рекрутъ отправили изъ Верхнеудинска уже съ зачатками тифозной эпидеміи, отъ чего, при достиженіи Читы, она развилась дорогою такъ, что изъ 500 человѣвъ рекрутъ умерло 200, да сверхъ того въ самой Читѣ и окрестностяхъ ея, отъ занесеннаго такого тифа, умерло много и мѣстныхъ жителей, и въ томъ числѣ два доктора, одинъ военный, а другой гражданскій.

Руководители Амурскаго предпріятія, въ виду очевидной неудачи его, но тѣмъ не менѣ поставленные въ необходимость защищать его, мѣняли нѣсколько разъ цѣль занятія для оправданія онаго, обличая тѣмъ отсутствіе сознанія дѣла. Сначала все говорили, что Амуръ нуженъ намъ какъ торговый путь и какъ опора нашей морской силы на Великомъ океанѣ. Но оказалось, что никакой торговли въ настоящемъ значеніи этого слова не развивалось; было одно только маркитантское снабженіе людей, состоящихъ на казенномъ жалованьѣ, и вся торговля основывалась на расходахъ казны. Устье Амура, запертое льдомъ большую часть года, да и въ остальное время трудно доступное за мелями и туманами, ознаменовалось многими крушеніями въ самое короткое время, и не представляло удобства и для вупеческихъ судовъ, а для военныхъ было и вовсе не доступно по мелководію. Когда ничего изъ этого нельзя уже было отрицать, то стали утверждать, что Амуръ имѣетъ значеніе не какъ торговый путь, а по превосходному качеству своей почвы и своихъ произведеній; что тамъ есть и дубъ, и виноградъ и пр.; но утверждая все это, какъ бы и не замѣчали того противорѣчія, въ которое впадали. Чѣмъ болѣе расхваливали Амуръ въ этомъ отношеніи, тѣмъ естественнѣе и неотвязчивѣе возникалъ, разумѣется, вопросъ: отъ чего же при такихъ превосходныхъ условіяхъ Амуръ, въ теченіи почти уже двадцати лѣтъ, ничего не производитъ, а все еще требуетъ

снабженія изъ другихъ мѣстъ для поддержанія населенія? Пришлось принеинать новую цѣль для оправданія занятія. Не Амуръ самъ по себѣ нуженъ, стали говорить въ заключеніе, а состоящая съ нимъ въ связи страна, съ незамерзающими гаванями, а ключъ и путь къ этой странѣ, Амуръ и впадающая въ него Уссури. Одно только забыли! Это именно то, что главные руководители дѣла, именно-то и были самыми жаркими противниками отысканія и занятія южныхъ незамерзающихъ, или, по крайней мѣрѣ, кратковременно замерзающихъ гаваней, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и Невельской, въ посмертномъ своемъ сочиненіи, и М. А. Бестужевъ, въ помѣщаемыхъ въ слѣдующей книгѣ документахъ. А причина сопротивленія была очень понятна. Южно-уссурійскій край достался намъ совершенно случайно, благодаря войнѣ Китая съ Англійей и Франціей, и посредничеству нашего посланника Н. П. Игнатьева между воюющими сторонами; но этого нельзя было предвидѣть. При другихъ обстоятельствахъ, приобрѣтеніе южныхъ гаваней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе Амурскаго дѣла законченнымъ, и полученіе за то награды, могли затянуться на неопредѣленное время.

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе испытывали неудачъ на Амурѣ, тѣмъ болѣе усиливались и прикрыть ихъ, и поправить дѣло, наложеніемъ новыхъ тягостей на Забайкальскій край.

Допустить, чтобъ это такъ продолжалось, было нельзя, не рискуя безвозвратно гибелью края; вотъ почему, когда всѣ увѣщанія остались тщетными, Д. И. Завалишинъ рѣшился раскрыть въ печати настоящее положеніе дѣлъ и на Амурѣ, и въ Забайкальѣ. О впечатлѣніи, какое произвели его статьи, печатавшіяся въ „Морскомъ Сборникѣ“ и въ „Вѣстникѣ Промышленности“, находится много свидѣтельствъ въ приложенныхъ при семъ документахъ (смотри Октяб. книгу „Русской Старины“ изд. 1881 г.).

Главные указанія и доказательства, заключавшіяся въ упомянутыхъ статьяхъ, были слѣдующія:

1) Въ то время, какъ наемные хвалители успѣховъ на Амурѣ увѣряли, что на немъ (уже въ 1857 году) все уже было такъ устроено, что можно было, взявши подорожную въ любомъ мѣстѣ въ Россіи, ѣхать до самаго устья Амура съ такими же удобствами, какъ и вездѣ въ Россіи, на дѣлѣ не было рѣшительно ничего еще устроено.

Это рѣзче всего выказалось на гибели возвращавшагося съ

устыя Амура, по заключеніи мира, отряда солдатъ, погибшаго отъ голода. Дѣло это было въ свое время скрыто, и статьи, относящіяся къ нему, не допущены къ печатанію; впоследствии оно обнаружилось и для публики чрезъ напечатаніе оправдательной записки командира отряда. Солдаты при упомянутомъ случаѣ дошли до того, что пожирали трупы умершихъ и все-таки умирали съ голода, и даже изъ тѣхъ, которые дотацились до мѣста, большая часть также вымерла отъ тифа, а многіе впали въ изступленіе ума, припоминая все, до чего они были доведены. Командиръ отряда обвиняетъ въ этомъ исключительно начальника штаба Буссе, но главныя распоряженія принадлежали М. С. Корсакову, бывшему тогда военнымъ губернаторомъ Забайкальской Области и главнымъ распорядителемъ по Амурскому дѣлу. Корсаковъ тѣмъ болѣе былъ виноватъ, что его заранѣе предупреждали о неизбежныхъ послѣдствіяхъ его распоряженій.

2) Амуръ самъ по себѣ, разумѣется, ни въ чемъ не виноватъ. Дѣло было испорчено тѣмъ, что для личныхъ видовъ затѣвали вещи невозможныя, а чрезъ то не могли извлечь изъ Амура и той пользы, которая была возможна.

3) Вся система колонизаціи была ошибочна, и сверхъ того прилагалась къ дѣлу самымъ безтолковымъ образомъ и со всевозможными злоупотребленіями.

4) Для содѣйствія мнимому успѣху быстрого развитія Амура наложены были на Забайкальскій край непосильныя тягости, совершенно разстроившія и раззорившія его, а между тѣмъ на Амурѣ ничего не устроили, и понадобится снова много жертвъ, чтобъ исправлять испорченное и почти все устраивать вновь.

5) Есть порча механическая, которую легко исправить съ новыми расходами, (напр., передѣлать худо устроенную крышу), и есть порча органическая, (напр., выколоть глазъ), которую ничѣмъ ужъ не исправить. Въ этомъ смыслѣ Амуръ образовалъ уже для государства злокачественную, неизлѣчимую язву. Новые соки, приливаемые въ гниlostное броженіе, будутъ и сами портиться и не помогутъ дѣлу.

Все это было доказано такъ неопровержимо, что самые ревностные приверженцы главнаго начальника, участники и орудія гибельной системы, увидѣли, что нельзя уже продолжать дѣйствовать по прежнему, особенно, когда узнали какое впечатлѣніе произвели въ Петербургѣ статьи, Д. И. Завалишина, раскрывшія настоящее положеніе

дѣлъ и на Амурѣ, и въ Забайкальскомъ краѣ. Вотъ почему Кукель, состоявшій въ должности начальника штаба, одинъ изъ главныхъ участниковъ ложной системы и произвола, пріѣхавъ на временное губернаторство въ Читу, явился съ повинною къ автору вышеупомянутыхъ статей, которому много былъ обязанъ въ началѣ своей карьеры ¹⁾; и сталъ увѣрять, что онъ и самъ созналъ весь вредъ системы, и отнынѣ будетъ дѣйствовать по новымъ правиламъ, которыя, дѣйствительно, и сталъ проповѣдывать своимъ подчиненнымъ, какъ свидѣтельствовалъ о томъ М. А. Бестужевъ въ письмѣ, находящемся въ документахъ, (кн. X, Р. Ст. 1881 г.). Но дѣло въ томъ, что все это было лицемеріе и слѣдствіе страха обличенія, что хорошо понимали и подчиненные; стали только дѣйствовать скрытно; но какъ отъ автора статей ничто не могло быть скрыто на мѣстѣ, какъ это видно изъ приложенныхъ документовъ, то М. С. Корсаковъ, происками своими и навѣтами, добился удаленія Д. И. Завалишина изъ Читы въ Россію, надѣясь, что съ удаленіемъ докучнаго свидѣтеля и наблюдателя все уже будетъ скрыто. Однако это не только не послужило ему ни въ чему, но обратилось еще въ положительный вредъ и дѣлу, и самому Корсакову, который лишилъ себя этимъ и полезнаго совѣтника, который не разъ предостерегалъ его отъ грубыхъ ошибокъ, и честнаго дѣятеля, который строго отдѣляя личныя отношенія отъ дѣла, всегда содѣйствовалъ дѣлу. Затѣмъ по естественному развитію послѣдствій всякаго дурнаго начала, положеніе вещей неизбежно должно было становиться все хуже и хуже; а между тѣмъ скрывать его не оказалось уже никакой возможности. Послѣ поданнаго Д. И. Завалишинымъ примѣра, начали и другіе доставлять объ Амурѣ правдивыя свѣдѣнія, хотя и не подвергались тѣмъ прискорбнымъ послѣдствіямъ, которымъ подвергся онъ, разоблачивъ первый истинное положеніе дѣлъ на Амурѣ и всю неправильность хода Амурскаго дѣла. Все, на что онъ указывалъ заранѣе, оправдывалось постоянно, какъ свидѣтельствовали о томъ не только частныя лица, но и нарочно посланные ревизоры. Пришлось или совершенно уничтожать, или передѣлывать все сдѣланное, одно за другимъ. Пришлось бросить Николаевскъ на устьѣ Амура. и перевести морскія учрежденія и мѣстопробываніе военнаго губернатора во Владивостокъ; пришлось новоучрежденныхъ казаковъ, однихъ прямо

¹⁾ Это свидѣтельствуютъ собственноручныя его письма.

обратить въ прежнее крестьянство, другихъ по возможности приблизить снова къ крестьянству; пришлось дозволить переселенцамъ самимъ выбирать мѣста, а прежнимъ дозволить переселиться на другія. Пришлось выселять съ Амура штрафныхъ солдатъ; часть ихъ пустить на всѣ четыре стороны, часть ихъ переселить въ Южно-Уссурійскій край, хотя и тамъ переселеніе ихъ сопровождалось тѣми же явленіями, какъ и при поселеніи ихъ на Амуръ. Казачье населеніе въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. по Уссури, до того испортилось, что посѣщавшія тѣ мѣста лица не находили другаго средства поправить дѣло, какъ выселить его поголовно, и селить тамъ новыхъ людей.

Новыя мѣры, которыми хотѣли было поправить дѣло, оказались не только неполезными, но еще вредными. Опыты удѣльнаго вѣдомства съ переселеніемъ Финляндцевъ въ южно-уссурійскій край ни къ чему не привели, и были брошены недоконченными, стоивши однако же казнѣ полмилліона рублей. Золотопромышленность, допущенная на Амуръ, преждевременно—сопровождалась и тамъ тѣми же явленіями какъ и вездѣ, и привела только къ кровавому столкновенію съ манзами. Она, какъ извѣстно, и въ устроенныхъ издавна ераяхъ, съ развитыми уже земледѣліемъ и промышленностію, по самой своей обстановкѣ, приносила вездѣ разстройство, предполагая даже добрую волю у хозяевъ, не говоря уже о злоупотребленіяхъ, а тѣмъ болѣе должна была принести одинъ лишь вредъ на Амуръ, гдѣ и земледѣліе не упрочилось, а промышленность и вовсе не существовала. Золотопромышленность вездѣ отвлекала капиталы отъ болѣе полезныхъ и прочныхъ предпріятій, и занимая рабочихъ только въ краткій періодъ лѣтомъ, на все остальное время выбрасываетъ ихъ на содержаніе осѣдлаго населенія, въ обремененіе его, въ видѣ ли благотворенія, или въ видѣ воровства и другихъ преступленій. Рабочіе развращаются до-нельзя на прискахъ, и силы ихъ скоро истощаются отъ трудной работы; средній срокъ полагается не болѣе какъ въ семь лѣтъ; затѣмъ человекъ дѣлается неспособнымъ уже ни къ какой работѣ. Развратятся сами, они развращаютъ и все населеніе, въ которое возвращаются. На Амуръ золотопромышленность обогатила только владѣтелей присковъ, виноторговцевъ, да пароходовладѣльцевъ, которые доставляли продовольствіе и другіе грузы на приски, но краю пользы не принесла; она не спо-

собствовала ни развитію земледѣлія, потому что продовольствіе доставляется изъ другихъ мѣстъ, ни развитію ремесль и фабричнаго производства, такъ какъ всѣ ихъ произведенія также привозныя, и преимущественно заграничныя. Наконецъ, обращеніе и Амурскаго и Забайкальскаго края въ *porto-franco*, затруднивъ только сношеніе ихъ съ Россіей учрежденіемъ внутренней таможи въ Иркутскѣ, и лишивъ казну таможеннаго дохода, послужило только къ наплыву китайцевъ, торговавшихъ беспошлинно и овладѣвшихъ мелочною торговлею, такъ что послѣ дарованныхъ имъ льготъ, вынуждены были принимать, наоборотъ, ограничивающія ихъ мѣры; затѣмъ усилило воровство золота съ прінсково, благодаря удобству сбыта ихъ чрезъ китайцевъ, и наконецъ содѣйствовало укрѣпленію ламайства, давъ возможность монгольскимъ и тибетскимъ ламамъ проникать свободно въ Забайкальскій край, подъ видомъ торгующихъ, дѣлать поборы съ нашихъ бурятъ и заводить шьолы, и даже тайныя типографіи.

Такимъ образомъ всѣ мѣры, принимаемыя для исправленія испорченнаго прежде, и для устройства вновь чего либо полезнаго, чтобы поправить положеніе дѣлъ на Амурѣ и въ Забайкальѣ, ни къ чему не привели; порча была органическая и неисправимая. По поданнымъ съ самаго начала примѣрамъ, не только въ казенной, но и въ частной уже дѣятельности образовался уже и укоренился гибельный навѣкъ стремиться не къ прочной пользѣ, а къ достиженію временныхъ, хотя бы и вредныхъ для края, цѣлей; не къ сущности дѣла, а къ обману минутными эффектами и плохо намалеванными декораціями.

И вотъ результатомъ всего этого и является, не только по частнымъ отзывамъ, но и по официальнымъ донесеніямъ, слѣдующее положеніе дѣлъ на Амурѣ и въ Приморской области:

I. Въ Николаевскѣ при устьѣ Амура — полное запустѣніе, вмѣсто той блестящей будущности, которую ему сулили, и, какъ сказалъ одинъ поэтъ, и онъ, Николаевскъ:

„Не расцвѣтши отцвѣлъ,
Въ утрѣ пасмурныхъ дней“.

Морскія учрежденія и укрѣпленія заброшены, улицы и площади поросли травою, нѣтъ и училища для дѣтей оставшихся служащихъ.

II. Во Владивостокѣ все еще не устроено и не достроено; нѣтъ и порядочнаго православнаго храма.

III. Сибирская флотилія оказалась въ самомъ жалкомъ положеніи; военныя силы недостаточными для огражденія не только во-граничныхъ, но и внутреннихъ мѣстъ отъ нападенія даже и китайскихъ разбойниковъ, (хунхузовъ).

IV. Снабженіе продовольствіемъ всѣхъ прибрежныхъ мѣстъ Приморской области производится и до сихъ поръ привозомъ изъ Россіи, а на Амурѣ отчасти привозомъ изъ другихъ мѣстностей, отчасти покупкою у манчжуръ.

V. Ни по Амуру, ни по Уссури обезпеченнаго сообщенія нѣтъ.

VI. Сообщеніе съ мѣстами, лежащими при берегахъ Охотскаго моря, хуже прежняго; есть мѣста, куда по нѣскольку лѣтъ не заглядываютъ ни корабли, ни пароходы. Даже священники, сравнительно болѣе обезпеченные, терпятъ нужду въ необходимомъ.

VII. Камчатка фактически перешла во власть американско-еврейской компаніи; населеніе повально и неизлѣчимо заражено сифилисомъ; уловъ соболей уменьшается.

VIII. Русская торговля исключительно маритантская.

IX. Во Владивостокѣ завладѣли торговлею: оптовою — иностранцы, раздробною — манзы. На Амурѣ, изъ торговли извлекаютъ выгоды манчжуръ, а за Байкаломъ — китайцы.

X. Естественныя богатства края не разрабатываются, а истощаются бесплодно, уменьшая выгоду отъ нихъ и въ будущемъ; лѣса беспощадно истребляются; рыба вылавливается безразсудно въ такомъ количествѣ, что не можетъ быть потреблена мѣстнымъ населеніемъ, а по неизбѣгну сбыта по вывозной торговлѣ, весь излишекъ пропадаетъ даромъ. Никакихъ произведеній, съ пользою для русской торговли и для государства, за-границу не отпускается. Не смотря на существованіе своихъ залежей угля, каменный уголь и до сихъ поръ продолжаютъ покупать дорогою цѣною въ Японіи, для потребностей нашихъ военныхъ судовъ.

XI. Въ Забайкальскомъ краѣ, въ Нерчинскомъ округѣ, не разъ уже случалась голодовка, заставлявшая жителей ѣсть вещи самыя вредныя для здоровья, что порождало болѣзни, а на Карійскихъ золотыхъ приискахъ, по показанію самаго военнаго губернатора, и тифъ и побѣги, и то и другое, въ огромныхъ размѣрахъ, сдѣлались почти постояннымъ явленіемъ... Наконецъ —

XII. Когда угрожала опасность столкновенія съ Китаемъ, и Забайкальскій край, и Амуръ, и Приморская Область, оказались въ такомъ беззащитномъ положеніи, что необходимо было посылать туда, съ громадными расходами, и флотъ, и войска, и опасность могла быть отвращена только благодаря тому, что открытъ былъ Суэзскій каналъ, облегчившій прямое сообщеніе Приморской Области съ Россіей.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГЬЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

VIII ¹⁾.

Сатуново на Дунаѣ.—Отъ Сатунова до Варны.—Три недѣли подъ Варной.—
Вылазка 2-го сентября.—Кончина императрицы Маріи Феодоровны.—Импера-
торъ Николай на Черномъ морѣ.

1828.

Деревня Сатуново (по молдавски «сать» значитъ деревня, а «ноу» новая, слѣдовательно Новая деревня) вовсе не соответствовала своему молдавскому прованію. Она была не новая и даже не деревня, а куча разбросанныхъ въ безпорядкѣ, бѣдныхъ, жалкихъ, бессарабскихъ хатокъ и землянокъ, на лѣвой сторонѣ нижняго Дуная, въ томъ мѣстѣ, гдѣ правѣе, на правомъ, возвышенномъ берегу его, находилась турецкая крѣпостца Исакчи (переименованная нашими солдатами въ «Исачку»). Но эта деревнюшка съ мая 1828 г. получила историческое значеніе, потому что здѣсь наша 2-я армія фельдмаршала графа Витгенштейна перешла черезъ Дунай и этимъ открыла войну нашу съ Турціей въ 1828 г., и здѣсь же самъ императоръ Николай Павловичъ переправился черезъ Дунай на лодкахъ «Некрасовцовъ» подъ начальствомъ атамана ихъ Гладкова. По переправѣ передовыхъ войскъ на судахъ, съ боемъ, здѣсь устроена была съ обѣихъ сторонъ Дуная земляная плотина, а на Дунаѣ мостъ на судахъ, обезпечившіе постоянныя сообщенія нашей арміи съ ея тыломъ въ Бессарабіи и далѣе.

Войска гвардіи, по мѣрѣ прибытія въ Сатуново, переходили по плотинѣ и мосту черезъ Дунай и собирались въ общій лагерь на

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—4; (мартъ) стр. 519—526; (апрѣль), стр. 839—850

правой сторонѣ Дуная противъ переправы. Штабъ же ихъ, доѣхавъ до Сатунова на почтовыхъ лошадахъ, расположились, какъ могъ, въ этомъ селеніи и оставался въ немъ пока всѣ войска гвардіи не перешли черезъ Дунай. Въ продолженіи этого времени, всѣ чины штаба перешли съ мирнаго положенія на военное, устроили свои походные вьюки и обозы, и пересѣвъ на коней, подъ конвоемъ одного эскадрона л.-гв. казачьяго полка, переѣхали по плотинѣ и мосту черезъ Дунай.

И вотъ, оставивъ Россію за собою, мы переѣхали черезъ Дунай и ступили на землю враждебной намъ Турціи или, собственно говоря, подвластной ей и угнетенной ею Болгаріи, и расположились въ лагерѣ войскъ гвардіи противъ переправы. Отсюда, около 10 августа, они двинулись, уже въ военно-походномъ порядкѣ, бригадными эшелонами, младшіе впереди, къ кр. Исакчи и отъ нея черезъ Бабадагъ, берегомъ Чернаго моря чрезъ Кюстендже, Мангалию и Каварну, и далѣе черезъ Теке-кей къ Варяѣ. Впереди, въ видѣ авангарда, шли: 4-я гвардейская пѣхотная бригада (л.-гв. егерскій и финляндскій полки), л.-гв. саперный баталіонъ, л.-г. коннопіонерный эскадронъ и л.-г. казачій полкъ, съ своею артиллеріей, подъ общимъ начальствомъ командира 4-й бригады, генералъ-адъютанта Головина. За этимъ 1-мъ эшелонемъ слѣдовалъ командовавшій гвардіей генералъ-адъютантъ Десперадовичъ, съ свитой и штабомъ, а за ними—прочіе бригадные эшелоны. въ одномъ переходѣ одинъ за другимъ.

Первый переходъ нашъ былъ до кр. Исакчи, и близъ нея былъ первый военнопоходный ночлегъ нашъ на бивакахъ, со всѣми военными предосторожностями по уставу, хотя въ нихъ собственно и не было особенной надобности, такъ какъ весь край впереди до Варны уже былъ въ нашей власти и мы шли въ 3-й линіи. Но были другія предосторожности, не только не лишнія, но и необходимыя, а именно—противъ извѣстной «Молдавской лихорадки», которую такъ легко схватить въ этомъ краю въ сырыхъ и холодныхъ ночи послѣ дневнаго зноя, и противъ «змѣй и ящерицъ», обильно водящихся въ этихъ мѣстахъ. Наслышавшись и про лихорадку, и про змѣй и ящерицъ, мы съ перваго же ночлега приняли всѣ нужныя противъ нихъ предосторожности, которыя соблюдали и въ дальнѣйшемъ походѣ. Для меня, совершавшаго мой первый военный походъ за границей, были «новы всѣ эти впечатлѣнья бытія» и не лишены, на первыхъ порахъ, своего рода интереса. Но потомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе свылкался я, и наконецъ совершенно освоился съ ними.

Второй переходъ нашъ былъ до города Бабадага. Мы шли по

пресловутой «Добруджѣ», болѣе обильной болотами и озерами, чѣмъ лѣсами и горами, а если и встрѣчались холмы, то совершенно обнаженные отъ всякой растительности. Поэтому и видъ былъ однообразный и унылый, и за отсутствіемъ тѣни, солнце пекло безъ жалости, да къ тому же, по всему этому главному пути сообщенія арміи валялись зловонные трупы павшихъ лошадей и воловъ изъ подъ военныхъ транспортовъ. Но съ приближеніемъ къ Бабадагу мѣстность становилась все гористѣе и лѣсистѣе, и наконецъ къ самому Бабадагу, лежавшему въ глубокой горной котловинѣ, мы спустились съ высокихъ горъ и расположились лагеремъ въ разстояніи около версты отъ города. Сюда прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, послѣ взятія осаднымъ корпусомъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, кр. Браилова, и расположился съ своей свитой въ одномъ лагерѣ съ штабомъ гвардіи. Днемъ съ ранняго утра солнце нестерпимо пекло насъ, а тотчасъ по захожденіи его наступали тѣма и сильныя: роса, сырость и холодъ, такъ что днемъ нужно было одѣваться какъ можно легче, а ввечеру и ночью, напротивъ, какъ можно теплѣе, чтобы не схватить злой Молдавской лихорадки. Впрочемъ днемъ мы занимались письменными работами подъ тѣнью палатокъ, а по вечерамъ собирались въ одной изъ нихъ, въ кружкѣ штабныхъ товарищей, которые всѣ были очень милые и любезные люди. Въ числѣ ихъ, кромѣ меня и толстаго крикуна Траскина, были старшіе адъютанты штаба: Василій Петровичъ Барышниковъ, Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ—восторженный поэтъ и хорошій стихотворецъ, Николай Димитріевичъ Прокоповичъ-Антонскій—племянникъ и однофамилецъ бывшаго ректора Московскаго университета и самъ бывший студентъ послѣдняго, и л.-г. жандармскаго эскадрона поручикъ Загряжскій, веселый повѣса изъ пажей. Другими чинами нашего штаба были: дежурный штабъ-офицеръ, л.-г. финляндскаго полка полковникъ Яковъ Ивановичъ Звенигородскій—военно-канцелярскій ветеранъ, два почтенные старичка: оберъ-крюгсъ-коммисаръ и казначей Быковъ и оберъ-аудиторъ Тихоцкій. Корпуснымъ штабъ-докторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Бутковъ, премилый и преоригинальный старичокъ, котораго всѣ мы очень любили. Изъ этого видно, что весь личный составъ нашего штаба былъ русскій, кромѣ Карлгофа, но и тотъ былъ нѣмецъ только по фамиліи. При нашемъ штабѣ состоялъ также гвардіи поручикъ Шервудъ, подъ официальнымъ прозваніемъ «Вѣрный», тотъ самый, который въ 1825 г., бывши вольноопредѣляющимся унтеръ-офицеромъ южнопоселенскаго Новомиргородскаго уланскаго полка, первый донесъ о государственныхъ заговорѣ и за-

говорщикахъ «Южнаго общества» во 2-й арміи ¹⁾, но онъ не принадлежалъ къ нашему кружку и мы его чуждались. Наши вечернія бесѣды всегда были очень веселыя и шумныя, не смотря на то, что происходили въ близкомъ сосѣдствѣ съ палатками великаго князя, свиты его, Дюпрерадовича, и Нейдгардта. Но одному изъ насъ, оберъ-офицеровъ, по очереди приходилось каждый вечеръ, по заходѣніи солнца, отправляться съ конвойными лейбъ-казаками, на всю ночь до разсвѣта, въ разѣздъ по горамъ вокругъ лагеря. Эту мѣру охраны особы великаго князя и лагеря установилъ Нейдгардтъ, изъ напраснаго усердія, такъ какъ мы находились въ 3-й линіи, въ пустомъ краю, гдѣ бродили лишь стаи голодныхъ туземныхъ собакъ, въ родѣ борвыхъ, враговъ же въ образѣ человѣческомъ никакихъ не было и не могло быть. Изъ разѣздовъ мы были обязаны являться къ Нейдгардту, будить его и постоянно докладывать одно и то же: «что все обстоитъ благополучно». — Въ темнотѣ ѣздить по горамъ, да еще когда сонъ клонилъ и насъ, и лошадей, не совсѣмъ-то было весело, но за то ранній разсвѣтъ и восхожденіе солнца вполне вознаграждали насъ, тѣмъ болѣе, что, совершивъ разѣздъ, можно было выспаться въ палаткѣ.

Великій князь вскорѣ отправился съ своей свитой подъ Варну, и по отѣздѣ его, наша веселая компанія однажды вечеромъ, часа за два до заходѣнія солнца, затѣяла прогулку верхомъ на лошадяхъ, къ озеру или скорѣе морскому заливу Разельмъ, въ нѣсколькихъ верстахъ къ В. отъ нашего лагеря. Дорога туда шла среди густаго лѣса, опушки котораго находились въ нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ. Въ нашей компаніи участвовали также два полтенные старичка Тихоцкій и Быковъ, а также и Шервудъ. Загрязскій и мы съ нимъ, ѣхавшіе впереди, вздумали въ шутку устроить имъ засаду въ лѣсу. Непримѣтно для нихъ, при поворотѣ дороги направо, мы въѣхали въ лѣсъ и, по приближеніи ихъ, выстрѣлили изъ 2 или 3 пистолетовъ и съ общимъ, громкимъ крикомъ «Аллахъ» бросились изъ лѣсу на дорогу. Это такъ перепугало Тихоцкаго, Быкова и Шервуда, что они во всю прыть обратились въ бѣгство, и всѣхъ прытче скакалъ въ головѣ ихъ Шервудъ! Громкій хохотъ нашъ воротилъ ихъ назадъ и Шервудъ увѣрялъ, будто лошадь его испугалась и понесла назадъ въ лагерь! Посмѣявшись этой тревогѣ, мы поѣхали далѣе, и насладившись живописнымъ зрѣлищемъ обширнаго озера Разельмъ, обрамленнаго

¹⁾ Подробности о немъ изложены въ „Исторіи царствованія императора Александра I“, соч. М. И. Богдановича, т. VI, гл. LXXXI, стр. 496 и слѣд.

лѣсистыми горами съ великолѣпною растительностью, воротились въ лагерь, очень довольные своею прогулкой.

Въ Бабадагѣ былъ устроенъ военный госпиталь, и однажды Нейдгардтъ побѣхалъ осматривать его, а я, бывши дежурнымъ при немъ, сопровождалъ его. На дворѣ госпиталя онъ приказалъ мнѣ написать подъ свою диктовку приказаніе состоявшему при штабѣ и находившемуся въ лагерѣ лекарю Кюссе (впослѣдствіи бывшему старшимъ врачомъ л. г. Преображенскаго полка) немедленно прибыть въ госпиталь и исполнить какое-то порученіе. Приказаніе это я написалъ, слѣзши съ лошади, на спинѣ спѣшеннаго казака, карандашомъ на пергаментномъ листкѣ походной записной книжки, Нейдгардтъ подписалъ приказаніе и казакъ повезъ его въ лагерь. Нужно сказать, что передъ отправленіемъ нашимъ изъ Петербурга въ походъ, Нейдгардтъ приказалъ всѣмъ офицерамъ штаба обзавестись памятнымъ книжками утвержденного имъ образца, съ вложенными въ нихъ отдѣльными пергаментными листками и карандашомъ въ каждой, для записки и разсылки приказаній. Это было не дурно, но было бы еще лучше, еслибъ Нейдгардтъ, столь опытный боевой генералъ, завелъ вмѣсто того кожанья, плоскія сумки для ношенія на груди, съ небольшимъ планшетомъ, натянутой на немъ бумагой и всѣми необходимыми принадлежностями для черченія и письма. Впослѣдствіи я удивлялся, какъ ему не пришла на умъ такая необходимая и полезная для штабныхъ офицеровъ въ военномъ походѣ вещь.

Изъ Бабадага штабъ нашъ, сопровождая Депрерадовича, командовавшаго войсками въ отсутствіи великаго князя, отправился переходами далѣе къ Кюстендже, Мангаліи и Каварнѣ, которые всѣ три находились уже на берегу Чернаго моря и служили, особенно Кюстендже, пристанями для нашихъ военныхъ и перевозныхъ и для торговыхъ судовъ. По приближеніи къ Кюстендже, по возвышенному и лѣсистому приморскому берегу, намъ впервые открылся великолѣпный видъ на историческій «Понть Эвксинскій», въ необъятномъ пространствѣ котораго отражались въ полномъ блескѣ яркое солнце и лазурное небо юга! Картина была восхитительная и мы съ восторгомъ привѣтствовали ее. Гавань въ Кюстендже была полна всякаго рода судовъ, а на берегу были цѣлыя массы складовъ военныхъ запасовъ и шалашей со всякаго рода продажными товарами, преимущественно съѣстными и питейными, словомъ — суцая ярмарка! Мы обзавелись тутъ нужными въ походѣ припасами и вещами, и уже до самой Каварны слѣдовали все вдоль берега Чернаго моря, любуясь его красой.

Въ Каварнѣ также было множество судовъ и складовъ военныхъ

запасовъ, а близъ города въ полгѣ находилса интендантскій воловий паркъ, состоявшій подъ начальствомъ генералъ-маіора Башилова (того самаго, о которомъ въ ноябрской книжкѣ «Русской Старины» 1880 г. я помѣстилъ разсказъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ И. Ѳ. Паскевичемъ, впоследствии графомъ, княземъ и фельдмаршаломъ, въ день коронаціи императора Павла I, былъ произведенъ имъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики 1-го Преображенскаго полка и пожалованъ во флигель-адъютанты). Онъ былъ москвичъ, короткий знакомый моихъ родителей и нашего семейства, весельчакъ, острякъ и большой забавникъ и шутникъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ зналъ его и немало потѣшался забавными шутками его; между прочимъ и въ Каварнѣ, при отъѣздѣ его оттуда подѣ Варну, Башиловъ на прощаніе сказалъ ему: «Ваше высочество, возьмите Варну! Если возьмете ее, приѣду поздравить васъ верхомъ на волѣ!» Однако ему не удалось исполнить этого: воловья команда его порядочно передохла отъ трудовъ и голода.

Въ Каварнѣ Нейдгардтъ заболѣлъ лихорадкой и остался тутъ для леченія; должность же его была возложена на начальника артиллеріи, генералъ-адъютанта Сухозанета, прибывшаго изъ Браилова.

Отъ Каварны мы продолжали слѣдовать вдоль берега моря до Балъчика, но на слѣдующемъ переходѣ уже свернули на «путь правый», т. е. пошли на право, черезъ горныя ущелья, въ глубокую котловину, на днѣ которой лежала деревенька Теке-кѣй (кѣй—по Турецки деревня). Спускъ въ эту котловину и подъемъ изъ нея были до того круты и неудобны для колесныхъ обозовъ, что немало усилій, труда и времени стоило войскамъ спускаться и поднимать ихъ. Предвидя это (хотя и недовольно рано), меня послали осмотрѣть береговую дорогу, но я нашелъ ее, хотя и чрезвычайно живописною, но совершенно неудобною для движенія войскъ и особенно колесныхъ обозовъ.

Изъ труппы Теке-кѣй, сущей «волчьей долины» Фрейшюца, мы уже слѣдовали по нагорнымъ высотамъ, въ виду моря, и наконецъ, въ понедѣльникъ 27 августа (5 мѣсяцовъ спустя послѣ выступления гвардіи изъ Петербурга) прибыли подѣ Варну и расположились лагеремъ на сѣверной сторонѣ ея. Въ одно время съ нами прибылъ туда же и передовой эшелонъ гвардіи (4-я пѣхотная бригада, саперы, конноповеры и казаки, съ артиллеріей). Только что мы стали располагаться лагеремъ, какъ услышали впереди громкое и продолжительное «ура!» войскъ передоваго эшелона, который объѣзжалъ Государь. Остальные три эшелона приходили черезъ сутки одинъ послѣ другаго, такъ что къ 1-му сентября вся гвардія уже собра-

лась въ лагерѣ на сѣверной сторонѣ Варны. По прибытіи головнаго эшелона, саперы были тотчасъ двинуты внизъ въ осадныя траншеи для производства работъ, а 30-го августа л.-гв. егерскій и финляндскій полки, 4 баталіона армейской пѣхоты, 2-й бугскій уланскій полкъ, 2 эскадрона сѣверскаго конно-егерскаго полка, 1 рота саперовъ, казаки и 14 орудій, въ составѣ общаго отряда подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Головкина, были двинуты внизъ, въ обходъ лимана Дѣвно, на южную сторону Варны, на сообщенія ея съ Константинополемъ, откуда, какъ было слышно, шелъ вспомогательный Варнѣ корпусъ турецкихъ войскъ подъ начальствомъ наши Омеръ-Вріоне.

Устроившись въ нашемъ лагерѣ, мы пошли взглянуть на Варну съ края сѣверной горы—и что за чудная картина представилась нашимъ взорамъ. Прямо передъ нами, глубоко внизу въ долину, лежала крѣпость Варна, омываемая съ юга длиннымъ и узкимъ заливомъ Дѣвно, а съ востока примыкавшая къ морю, на которомъ былъ расположенъ нашъ Черноморскій флотъ, линія очередныхъ судовъ котораго обстрѣливала крѣпость;—далѣе же простиралось безбрежное море. У подошвы сѣверныхъ высотъ, на берегу моря, находились пристань и склады военныхъ запасовъ, а противъ пристани, на морѣ, 100-пушечный корабль «Парижъ», на которомъ имѣли пребываніе Государь, его свита и главный штабъ. Крутые скаты сѣверныхъ высотъ были покрыты виноградниками, между которыми извивались дороги сверху внизъ къ пристани и къ нашимъ траншеямъ и редутамъ. Къ западу отъ крѣпости заливъ Дѣвно, постепенно суживаясь, простирался на нѣсколько верстъ. Наконецъ, къ югу отъ Варны были видны возвышавшіяся уступами горы, почти совершенно обнаженныя, за исключеніемъ рѣдкихъ кустарниковъ и небольшихъ роцъ, между которыми видны были дороги, ведшія въ Варну съ юга. Вотъ та чудная панорама Варны и окружавшей ее мѣстности, представившаяся намъ и которую мы любовались и въ этотъ первый разъ, и въ каждый послѣдующій день, какъ бы съ высокаго балкона и съ птичьяго полета! На самомъ краю сѣверныхъ высотъ, прямо противъ крѣпости, былъ разбитъ лагерь императорской главной квартиры и впереди его императорская ставка, и близъ нея—другая, зеленая, придворной походной церкви. Во 2-й линіи, поодаль, находился лагерь великаго князя Михаила Павловича и гвардейскаго штаба, а за нимъ, въ 3-й линіи, лагери 1-й, 2-й и 3-й гвардейскихъ пѣхотныхъ бригадъ и легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, съ ихъ обовами позади. Впрочемъ изъ нихъ 2-я и 3-я бригады и легкая кавалерія вскорѣ были двинуты, первыя—внизъ въ редуты позади

граншей, а послѣдняя на южную сторону Варны. Правѣ гвардейскаго лагеря, въ 1 или 2 верстахъ на сѣверныхъ высотахъ, въ покинутой деревнѣ Франки («франками» по турецки называются европейцы, но почему деревня эта носила такое названіе—не знаю) былъ учрежденъ военный госпиталь для больныхъ и раненыхъ.

Какъ только штабъ нашъ расположился лагеремъ, въ немъ тотчасъ же начались обычные штабныя занятія, при чемъ, переходя изъ палатки въ палатку и даже сидя въ своихъ палаткахъ съ occupied, отъ жары, полами ихъ, мы всегда имѣли передъ глазами изображенную выше панораму Варны и ея окрестностей. За болѣзнію Нейдгардта должность его исправлялъ, какъ сказано выше, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, а оберъ-квартирмейстеръ нашъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Андрей Михайловичъ Голицынъ I-й прибылъ къ своему мѣсту только подъ Варну.

30-го августа въ четвертъ, въ день св. Александра Невскаго, въ придворной походной церкви, въ лагерѣ императорской главной квартиры, въ присутствіи государя, великаго князя и чиновъ главной квартиры, была совершена Божественная литургія, съ пѣніемъ 4-хъ лучшихъ голосовъ придворныхъ пѣвчихъ (теноровъ: Иванова и Евсеева, басовъ: Макушина и NN). Я не присутствовалъ при этомъ, но явственно слышалъ чудное пѣніе этихъ пѣвчихъ и не могу выразить, какое необыкновенное впечатлѣніе оно производило среди всей обстановки военнаго лагеря, въ виду осажденной Варны и при выстрѣлахъ противъ крѣпости и изъ нея! Такіе случаи рѣдко встрѣчаются въ жизни!

Но недолго пришлось мнѣ оставаться подъ Варной: въ слѣдующее воскресенье 2-го сентября, послѣ того, что утромъ въ придворной походной церкви снова была обѣдня съ пѣвчими, пополудни, часа за 2 до захода солнца, турецкій гарнизонъ Варны произвелъ сильную вылазку, которая имѣла для меня важныя послѣдствія. По общей тревогѣ, 2-й гвардейской пѣхотной бригадѣ (1-гв. семеновскому и 1-гв. гренадерскому полкамъ) приказано было немедленно идти внизъ на подкрѣпленіе резервовъ. Штабъ нашъ долженъ былъ слѣдовать туда же, и я, въ торопяхъ, вскочивъ на своего донца, велѣлъ подать себѣ изъ палатки плащъ, но человѣкъ мой, какъ нарочно, никакъ не могъ отыскать его, и я въ нетерпѣніи, не дождавшись его, поскакалъ внизъ въ одномъ сюртукѣ—крайняя неосторожность, которая обошлась мнѣ очень дорого. Спустившись внизъ, мы остановились у одного редута въ задней линіи, въ которомъ былъ расположенъ 1-й баталіонъ 1-гв. измайловскаго полка. Вскорѣ вылазка была отбита, но гвардейскіе полки, сошед-

шіе внивѣ, были оставленіи тамъ на ночь, а съ ними остался и нашъ штабъ. Въ 6 часовъ солнце сѣло и наступили: тьма, сырость и холодъ—и я, въ одномъ сюртукѣ, провелъ вечеръ и ночь въ редутѣ, гдѣ стоялъ 1-й баталіонъ л.-гв. Измаиловскаго полка, въ обществѣ знакомыхъ мнѣ офицеровъ его. Они угостили меня нѣсколькими стаканами горячаго чая, что произвело у меня сильную испарину, а я, по легкомыслію, не догадался ни попросить себѣ верхней одежды, ни послать на верхъ за моимъ плащомъ! На другой день, по возвращеніи въ лагерь, я почувствовалъ, что сильно простудился: не смотря на леченіе, мнѣ съ каждымъ днемъ становилось все хуже—и окончательно у меня обнаружилась сильнѣйшая нервическая горячка. Жизнь моя была въ опасности, и я, сознавая это и страшась умереть въ чужой, да еще турецкой, сторонѣ, и сложить свои кости подъ Варной не въ бою, а отъ болѣзни, умолялъ двухъ братьевъ моихъ, товарищей и Нейдгардта (воротившагося послѣ болѣзни изъ Каварны), отправить меня моремъ въ Одессу. На бѣду мою, въ это самое время, въ лагерьъ подъ Варной произошелъ большой переполохъ: 10-го сентября, на южной сторонѣ Варны, подъ Хаджи-Хасанъ-Ларомъ, л.-гв. егерскій полкъ былъ почти на половину истребленъ превосходными силами передовыхъ турецкихъ войскъ вспомогательнаго Варнѣ корпуса паши Омеръ-Вроне. Генераль-адъютантъ Сухованеть и при немъ адъютантъ его, старшій братъ мой Сергій, съ другими генералами и подкрѣпленіями, были немедленно посланы на южную сторону. Но братъ мой Сергій, передъ отправленіемъ своимъ туда, поручилъ меня попеченію втораго брата моего, Александра, стоявшаго съ своей батареей л.-гв. конной артиллеріи на сѣверной сторонѣ, и снабдилъ меня всѣмъ необходимымъ для перевезенія меня на пристань и оттуда моремъ на купеческомъ кораблѣ въ Одессу. 15-го сентября я получилъ отпускъ въ Одессу для излеченія болѣзни и въ состояніи крайней слабости былъ перевезенъ на пристань, а съ нея на австрійскій купеческій бригантинъ, на которомъ и отправился въ Одессу. По прибытіи туда, я былъ нѣсколько дней въ опасности смерти, но, по милости Божіей, вышелъ изъ нея, и къ половинѣ октября выздоровѣлъ.

Однажды, въ концѣ октября, прійдя въ газетную комнату казино, я увидалъ газеты въ траурныхъ рамкахъ и узналъ, что 24-го октября скончалась императрица Марія Феодоровна! Это очень огорчило меня, такъ какъ въ моихъ пансіонскихъ воспоминаніяхъ живо хранилась память объ усопшей императрицѣ въ ея лѣтнемъ пребываніи Павловскѣ, куда мы часто ходили лѣтомъ въ праздничные дни, и видали императрицу на ея прогулкахъ по Павловску, и въ театрѣ.

и на танцевальных вечерах во дворцѣ, которые мы, съ публикой, смотрѣли снаружки въ окна. По поводу вѣсти о смерти императрицы мнѣ пришелъ на память слышанный мною передъ тѣмъ въ Одессѣ разсказъ о страшной бурѣ во время плаванія императора Николая Павловича отъ Варны, по взятіи ея, въ Одессу, на 100-пушечномъ кораблѣ «императрица Марія». Буря была такая жестокая, что корабль и находившіяся на немъ государь, со всею своею свитой, были въ крайней опасности, тѣмъ болѣе, что вѣтромъ и теченіемъ корабль несло къ югу, къ берегамъ Анатоліи! Государь на палубѣ иногда давалъ совѣты касательно управленія кораблемъ, но начальствовавшій имъ капитанъ 1-го ранга Папахристо, небольшой ростомъ, но отважный морякъ-грекъ, смѣло сказалъ Государю: «что, по морскому уставу, единственнымъ и полнымъ хозяиномъ на кораблѣ—капитанъ его, отвѣтственный какъ за цѣлость корабля, такъ и за жизнь всѣхъ находящихся на немъ, а въ этомъ случаѣ особенно—за жизнь самаго государя, и потому просить довѣриться ему, капитану, и ему одному предоставить управленіе кораблемъ». Государь созналъ справедливость этого и уже не вмѣшивался болѣе въ управленіе кораблемъ; капитанъ же велѣлъ привязать себя къ большой мачтѣ и съ рупоромъ въ рукахъ отдавалъ командъ нужныя приказанія. Богъ спасъ государя и свиту его, и корабль съ его экипажемъ, и благополучно привелъ ихъ въ Одессу, но не безъ большихъ аварій въ кораблѣ. Въ числѣ послѣднихъ была одна очень замѣчательная: на носу, подъ бугшпритомъ, по обыкновенію, по имени корабля была рѣзная фигура царственной жены, въ порфирѣ и съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ. И что же? Когда корабль «императрица Марія» вошелъ въ Одесскій портъ, всѣмъ бросилось въ глаза, что у носовой фигуры лицо было обезображено и вѣнца на головѣ не было! А черезъ 2 или 3 недѣли послѣ того въ Одессѣ было получено печальное извѣстіе о смерти императрицы Маріи Феодоровны! Станный, но достовѣрный случай, слышанный мною тогда въ Одессѣ.

Долго ожидая присылки мнѣ изъ Петербурга денегъ, я прожилъ въ Одессѣ, до половины января 1829 г. и только тогда, получивъ ихъ, отправился въ м. Тульчинъ, Подольской губерніи, гдѣ находилась корпусная квартира гвардіи, расположенной въ этой губерніи на зимнихъ квартирахъ.

Князь Н. С. Голицынъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

АКАДЕМИКА-ГРАВЕРА НА МЪДИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПОЖАЛОСТИНА.

V ¹⁾.

Встрѣча на посидѣлахъ.—Моя свадьба.—Житіе въ домѣ у тестя.—Сельскіе Распорядки сельскихъ властей.—Выборы.—Засѣдатель Зараевъ.—Покража у Огарева.—Моя служба.

Всматриваясь въ мою невѣсту, я ее призналъ за дѣвушку уже знакомую мнѣ нѣсколько. Наканунѣ благословенія наши сельскія дѣвушки собрались на посидѣлки въ банѣ, а меня предупредили, что между ними будетъ и моя невѣста. Мнѣ вздумалось доиссаться: которая-же именно изъ нихъ моя суженная? Онѣ прями. Подходя къ каждой изъ нихъ я поджигалъ „намызь“ ²⁾; поднялась на меня брань, поднялись крики; а одна дѣвушка такъ меня разбранила, что—мое почтеніе. Только одна моя невѣста, поплоче всѣхъ одѣтая, засмѣялась на мою шутку. Она и не знала о томъ, что меня ей сватаютъ.

Парень на посидѣлахъ, этихъ преимущественно женскихъ собраніяхъ, явленіе довольно рѣдкое. На нихъ допускаются только особенно пріятные любезники. Работая, дѣвушки и молодухи поютъ пѣсни, потомъ разныя игры затѣваютъ. Пряники, орѣхи и другія лакомства бывають очень рѣдко. На тѣхъ посидѣлахъ, о

¹⁾ См. „Русская Стар.“ изд. 1881 г., т. XXXI, вѣнга VIII, августъ.

²⁾ Пряжа, начесанная на гребень прямики.

которыхъ я говорю, угощеніе состояло изъ тюри, замѣсенной въ ступѣ. Когда затѣлись игры, суженая моя, въ качествѣ зрительницы, взошла на полокъ. Поднявшись за нею, я шепнулъ ей: „я женюсь на тебѣ“, и этими словами привелъ ее въ крайнее смущеніе: она покраснѣлась и не знала, что сказать...

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, женщины сказали мнѣ, чтобы я „поиспыталъ“ невѣсту. Испытаніе состояло въ томъ, чтобы я насильно стащилъ у нее кольцо или крѣпко на ногу ей наступилъ: если поморщится, значить — неповорная.

Невѣста моя знала эту примѣту и выдержала испытаніе съ самымъ похвальнымъ терпѣніемъ: жалъ я ей руку и на ногу больно наступилъ — не морщилась... При прощаніи будущая теща сказала мнѣ:

— Не было снѣгу, не было и слѣду; а теперь милости просимъ!

Съ этого дня, пользуясь правами благословеннаго жениха, я сталъ часто посѣщать домъ невѣсты. Теща моя (она жива и помнѣ) была женщина ласковая и добрая; тесть, какъ я уже говорилъ, былъ иконописецъ. — Кривой дѣдъ занимался землешествомъ.

И былъ женихомъ только три недѣли: 7 января 1856 года сыграли нашу свадьбу. Къ вѣнцу я былъ одѣтъ отлично: по условію, родители невѣсты дали мнѣ чуйку, поддевку, а невѣста прислала сорочку. Полушубокъ у меня свой хорошій былъ; но шапку въ Рязани украли и потому новая была не важная. О свадьбѣ моей родные мои ничего не знали; въ нашей семьѣ я былъ отрѣзанный лодомъ. Отеческое, доброе участіе принималъ во мнѣ мой незабвенный Андрей Осиповичъ Андреевъ, которому я отписалъ о моей свадьбѣ.

Свадьбу нашу сыграли торжественно. Нарядомъ и красотой невѣста моя могла потягаться съ какой угодно дѣвушкой въ Солотчахъ. Изъ церкви до дому насъ вели съ вѣнцами на головахъ, съ четверть версты пути. Во время обряда, будучи въ какомъ-то чаду, я не замѣчалъ и какъ-бы не сознавалъ меня окружавшаго. Однако-же не позабылъ наставленій сельскихъ кумушекъ о соблюденіи примѣтъ для счастливаго и согласнаго супружества. Совѣтовали мнѣ первому ступить на подножку подходя къ налою (не помню только, была-ли у насъ подостлана подножка); при

входѣ въ домъ ухватиться за пробой—чтобы въ супружествѣ „держава“ была въ моихъ рукахъ. Когда мы входили въ домъ, насъ—отъ навожденія нечистой силы—осыпали хмѣлемъ. Но никакія суевѣрныя средства до времени не могли дать мнѣ главенства въ домѣ у тестя: семья его состояла изъ трехъ дочерей; женись на одной изъ нихъ, я вступалъ въ домъ на правахъ сына и для поддержки семьи.

Свадебное торжество закончилось, какъ водится, пирушкой.

Водки я не пилъ, развѣ когда, какъ у насъ говорится, „съ масломъ“, т. е. небольшую рюмочку. Меня недѣли чрезъ двѣ послѣ свадьбы молодцы вздумали напоить, чтобы я къ женѣ пьяный пришелъ. Для этого молодцы влили мнѣ въ медъ сладкой водки. Этого я не замѣтилъ, но сильно охмѣлѣлъ и, придя домой, сталъ молиться Богу и усердно класть земные поклоны. Пословица говоритъ: „ни пьянаго молитва, ни голоднаго постъ—Богу не угодны“, и мои земные поклоны были слѣдствіемъ невозможности стать на ноги. Дѣдъ, лежа на печкѣ, наблюдалъ за мною и наконецъ сказалъ:

— Ишь какой богомолецъ усердный... нализался!

Это слышала моя жена. Отъ стыда и волненія мнѣ сдѣлалось дурно, я выбѣжалъ во дворъ и потомъ едва очнулся. Къ этому грѣху женыны родные отнеслись весьма снисходительно и все дѣло обратили въ шутку. Во всю мою жизнь это былъ первый и послѣдній случай, что я былъ пьянъ. Къ вину и водкѣ я съ самыхъ юныхъ лѣтъ чувствовалъ отвращеніе. Оно сослуживцамъ моимъ было неприятно: ни подпоить меня нельзя, ни самимъ неловко напиться. Извѣстно, что люди ничѣмъ такъ охотно не дѣлятся съ ближними, какъ своими пороками: человекъ трезвый для пьяной компаніи бѣльмо на глазу.

Житье-бытье въ домѣ у тестя было не завидное; помѣщались мы очень тѣсно. Дѣдъ спалъ на печкѣ, мы съ женою у печки. Первое же время послѣ свадьбы насъ клали спать въ холодной избѣ, даже при тридцати градусахъ морозу. Но русская натура вынослива. Въ октябрѣ 1856 года Богъ далъ намъ дочку.

Служба моя, писаремъ въ сельскомъ правленіи, шла своимъ порядкомъ. Здѣсь мнѣ приходится на память нѣсколько невеселыхъ разказовъ изъ моей служебной практики.

Разъ прихожу я въ сельскую расправу; сотскій Дмитрій Архи-

повъ мнѣ подмигиваетъ. „Что такое?“—Находка, говоритъ: сидитъ, тутъ. И показываетъ на подполье. Приходитъ другой, волостной писарь Сергѣй Масловъ, и оба открываютъ половицу. Изъ подъ нея вылѣзаетъ „плѣнникъ“; слышу по выговору—хохолъ. Его арестовали за неимѣніе паспорта.

— Ты откуда? спрашиваетъ писарь.

Хохолъ съ національнымъ упорствомъ молчитъ, выпучивъ глаза.

— Скажешь! крикнулъ нашъ сельскій Биронъ. Подать розогъ!

Началась порка—и жестокая: два раза смѣняли розги. Истязуемый молчалъ какъ рыба. Жаль мнѣ его было; но я, какъ человѣкъ маленькій и незначущій, ничего не могъ для него сдѣлать. Что-же касается до тѣлесныхъ наказаній, то я къ нимъ приглядѣлся еще въ училищѣ, гдѣ розги процвѣтали. Я самъ два раза отвѣдалъ отъ этого „древа познанія добра и зла“, въ бытность старшимъ ученикомъ, за то, что младшіе какъ-то не помолились Богу. Отпоровъ бѣднаго хохла, мучители тутъ-же, на моихъ глазахъ, отняли у него пятнадцать рублей; но онъ готовъ былъ отдать имъ все, лишь-бы его выпустили. Его отпустили. Потомъ я слышалъ, что онъ за какое-то нехорошее дѣло былъ пойманъ въ Георгіевскѣ и посаженъ въ тюрьму.

Тогдашнее положеніе государственныхъ крестьянъ нельзя было, пожалуй, назвать угнетеннымъ, но грабили ихъ немилосердно. Обружной начальникъ Донской прямо взяткоу не бралъ; онъ придерживался правила Гоголевскаго Хлестакова: бралъ въ займы безъ отдачи и безъ росписокъ... Если-же и давалъ ихъ, то, все равно, ни гроша не уплачивалъ. Органовъ былъ отчаянный взяточникъ. Кромѣ его былъ еще третій помощникъ—то-же не изъ безукоризненныхъ. Однако ревизуя дѣла, переданныя мнѣ послѣ отставки отчаяннаго пьяницы Федосѣева, онъ не нашелъ, или вѣрнѣе—не подыскалъ никакихъ упущеній; а дѣлъ было привоплено за цѣлые шесть лѣтъ. Главными грабителями и міроѣдами были волостные писаря; на нихъ не было управы и крестьяне терпѣливо переносили ихъ самоуправство. Если-же крестьяне, случалось, когда и жаловались начальству, тогда писарей отдавали въ солдаты. Но это довольно рѣдко бывало.

Въ моемъ вѣдѣніи находились сборы податей и выдача плаватныхъ паспортовъ. Взяткоу я не бралъ, а получалъ добровольныя подачки за прописку паспортовъ, по положенію, безъ всякаго съ

моей стороны вымогательства. Очень-то безкорыстнымъ мудрено было быть: я получалъ въ это время жалованья 5 руб. 75 коп., и еще изъ нихъ долженъ былъ отдавать на гербовую бумагу и канцелярскія принадлежности.

Помощникомъ Донскаго, впоследствии, былъ назначенъ нѣкій Дятловскій, человекъ строгій и взыскательный. При справкахъ обо мнѣ, онъ получилъ самыя похвальные отзывы. „Погодите,“ отвѣчалъ онъ—„я самъ посмотрю“. Приѣхалъ въ правленіе и остался доволенъ.

Въ 1856 году происходили у насъ выборы старшинъ и головъ. Не знаю, какъ они дѣлаются теперь; но тогда были очень оригинальны. Бѣлые шары выпадали на долю тѣхъ, которые подпинавали избирателей. Одного засѣдателя (изъ полицейскихъ) избирали постоянно. „За что ему такая почестъ? спрашивалъ Донской у крестьянъ. „А за то, отвѣчали они—что онъ хоть съ насъ и возьметъ, за то съ нами-же и пропьетъ!“

За все время службы этотъ счастливецъ при выборахъ не получилъ ни одного чернаго шара; такъ и умеръ: отъ пьянства, въ волостномъ правленіи, за печкой. Фамилія ему была Зараевъ; человекъ былъ очень веселый и большой острякъ. Прежде онъ служилъ лопманомъ и водилъ барки. Объ этомъ времени онъ мнѣ рассказывалъ:

— Разъ, ходилъ я съ барями. Подъѣзжаемъ къ Москвѣ; денегъ нѣтъ ни гроша, а голова страшно болить, потому— всю дорогу шли безъ просыпу. Надобно было хозяину расчетъ показать и вывелъ я весь расходъ на крупу да на мясо. Являюсь къ хозяину, подаю счетъ. Онъ просмотрѣлъ, пощелкалъ на счетахъ:

— Все вѣрно (говорить), Дементій Зараевъ, все вѣрно! Работа, положимъ, трудная, и на каждаго рабочаго въ день по пуду мяса—порція самая подходящая.... Одного не пойму: когда-же они успѣвали ее сваривать и переваривать?

— Тутъ я срѣзался,—заклучилъ свой рассказъ Зараевъ,—и не нашелся что сказать.

Въ бытность у насъ на службѣ, онъ то-же выдѣлывалъ разныя колѣнца.

Вышло одно очень важное уголовное дѣло. Въ Солотчинскомъ монастырѣ, по распоряженію московскаго ген.-губ. Закревскаго, былъ заключенъ нѣкто Огаревъ, за преступное будто-бы покушеніе

на честь родной дочери. Такъ говорили; но въ сущности это гнусное обвиненіе было, кажется, вымышлено Закревскимъ ради вымогательства денегъ у богача Огарева. У Огарева былъ слуга Максимъ, малый красивый, ловкій. Онъ часто жаловалъ въ нашу Солотчу, погуливалъ съ дѣвушками, страшно мотая деньги. На нихъ многія изъ нашихъ красотокъ пообстроились и дѣлишки свои поправили. Одинъ изъ поселянъ, Левка, повывѣдавъ, что было надобно у Максима, или стакнувшись съ нимъ, забрался въ монастырь черезъ ограду и обокралъ Огарева, у котораго деньги попрятаны были по угламъ, подъ плитами кельи и т. д. Укралъ Левка большую сумму: у него, въ стогу сѣна, нашли пятнадцать тысячъ; можетъ и въ домѣ было не мало схоронено, но при обыскѣ ничего не оказалось. Въ Максимѣ заподозрила сообщника, но онъ какъ-то увернулся и все дѣло обрушилось на одномъ Левкѣ. Собрались власти (въ числѣ ихъ Зараевъ), прибылъ и становой, по необъятной толщинѣ „квдратный“. Составили протоколъ, приступили къ подписанью. Зараевъ имѣлъ обыкновеніе подписываться такими каракулями и кляксами, что невозможно было разобрать. Досадуя на его каллиграфію, становой сказалъ:

— Ну, какъ тебѣ не стыдно такъ пачкаться!

— А когда не правится—сказалъ Зараевъ—махнувъ рукавомъ по подписи и всю ее смазывая,—такъ самъ лучше напиши!

Втянуло меня наше канцелярское болото. Ѣздилъ я по ревизіямъ, писалъ бумаги, рылся въ дѣлахъ—(у насъ въ правленіи, на печкѣ за трубой, нашель планъ на владѣніе землею, предоставленное Солотчинскому обществу), и такъ проходилъ у меня день за днемъ. Читать было нечего, по отсутствію книгъ, бесѣдовать было не съ кѣмъ. Сельскою школою управлялъ священникъ, задававшій уроки въ долбашку „отъ сихъ—и до сихъ поръ“ на страницахъ учебниковъ. Изъ иконописцевъ тамошнихъ особенно талантливыхъ не было, кромѣ дяди жены моей, который былъ женатъ на дочери дьяка. Иконописцы вообще были въ родствѣ съ духовенствомъ; и жена моя по происхожденію принадлежала къ духовному званію. Единственною моею отрадою было заходить въ досужіе часы въ иконописцамъ и любоваться—если не ихъ произведеніями, то самымъ процессомъ работы. Два года не бралъ я въ руки ни кистей, ни карандаша. Читатель пойметъ легко-ли мнѣ было!

VI.

Писарь Ефимовъ.—Возвращеніе къ занятію рисованьемъ.—Покровительство Замитина.—Рисунокъ съ картинны.—Ревизія и служебныя занятія.—Надежды на будущее.

Въ помощники волостнаго писаря на мое мѣсто былъ присланъ нѣкто Ефимовъ, которому окружной начальникъ Донской былъ особенно расположенъ. Ефимовъ получилъ образованіе въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ преподавалось рисованіе. Онъ продолжалъ имъ заниматься будучи и въ писаряхъ; рисовалъ недурно, но мѣшкотно. Онъ зналъ, что въ былое время и я занимался рисованіемъ.

Прихожу разъ въ волостное правленіе и вижу, что Ефимовъ копируетъ съ „Русскаго Художественнаго Листка“ Тимма фигуру солдата; онъ ее только что началъ. Потомъ я засталъ его за рисованіемъ собачки съ лежащимъ передъ нею рябчикомъ.

— Что-же, говорю, ты „солдата“ кончилъ?

— Нѣтъ, не могъ кончить; не выходитъ... Трудно ужасно.

— Да неужто ужъ такъ трудно?

— А что-же ты самъ не рисуешь? Попробуй.

Этотъ вызовъ задѣлъ меня за-живое. Я взялъ рисунокъ, листъ писчей бумаги; пошелъ въ нашу расправу и тамъ нарисовалъ „солдата“ точь въ точь, какъ онъ былъ налитографированъ въ „Листкѣ“ Тимма. На другой день я показалъ рисунокъ Ефимову.

— Молодецъ Пожалостинъ! сказалъ онъ чистосердечно. Знаешь-ли, что я тебѣ скажу; только ты никому не говори. Дѣло твое теперъ—спѣтое: ты человекъ женатый, такъ тебѣ все равно... Меня, видишь-ли, хотятъ отправить въ Москву, или въ Петербургъ учиться живописи.

Это извѣстіе какъ громомъ поразило меня! Я возвратился въ нашу расправу, а изъ головы у меня не выходило сообщеніе Ефимова. Изъ Петербурга обо мнѣ былъ присланъ запросъ; но окружной начальникъ отвѣчалъ, что занятіе рисованіемъ я бросилъ, женился и вполнѣ доволенъ своей судьбой. Въмѣсто меня въ Петербургъ потребовали Ефимова! Я бросилъ рисованье!

А что заставило меня отказаться отъ занятій живописью, если не угрозы моего ближайшаго начальника г. Органова „расковырять мнѣ рожу“? Это варварство было тѣмъ обиднѣе, что высшая

власть, самъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, тогдашній министръ государственныхъ имуществъ—относилась къ крестьянамъ съ самымъ благосклоннымъ вниманіемъ. Запросъ изъ Петербурга обо мнѣ и моихъ занятіяхъ живописью былъ сдѣланъ Михаиломъ Николаевичемъ вслѣдствіе того, что обо мнѣ ему говорилъ Шиллингъ, или Замятнинъ, когда онъ ревизовалъ Рязанскую губернію. Посѣщая селенія, подвѣдомственные министерству, Муравьевъ всегда спрашивалъ, нѣтъ-ли между крестьянами людей способныхъ, выказывающихъ склонность къ ученію или къ художествамъ? Таковыхъ онъ записывалъ, а потомъ, по возвращеніи въ Петербургъ, дѣлалъ распоряженіе объ улучшеніи ихъ будущности. Такъ было и со мною; но мое начальство, отстранивъ меня, „какъ чловѣка семейнаго, вполне довольнаго своей участью“, сдѣлало представленіе только о Ефимовѣ. Это происходило въ 1857 году, когда у меня уже была старшая дочь, Катя.

Въ тяжеломъ раздумьи возвратился я въ сельскую расправу. Неужели-же такъ все и пропало? Чѣмъ поправить дѣло? Нельзя-ли доказать окружному начальнику, что я не только не утратилъ любви къ живописи, но даже и рисовать не разучился? Представить ему мой рисунокъ „солдата въ походной формѣ“, лично, я не смѣлъ. Зная, что Донской (окружной начальникъ), пріѣзжая въ наше село, останавливается у священника, я побѣжалъ къ нему въ домъ и, не найдя тамъ никого, оставилъ мой рисунокъ съ подписью имени, фамиліи—и, давай Богъ ноги! Что тогда происходило у меня на сердцѣ!.. Такъ-же, вѣроятно, страдаетъ и тревожится несчастная женщина, принужденная подкинуть своего ребенка.

Пріѣхавъ къ священнику, Донской увидалъ мой рисунокъ и послалъ за мною; прихожу.

— Ты рисовалъ?

— Я, говорю, рисовалъ.

— Хорошо; я покажу твой рисунокъ управляющему (Н. А. Замятнину).

Дня черезъ два меня потребовали въ Рязань, къ управляющему. Тотъ-же вопросъ предложилъ мнѣ и Замятнинъ, т. е. я-ли рисовалъ? „Какъ-же“,—сказалъ онъ—„о тебѣ было донесеніе, что ты, будучи чловѣкомъ женатымъ, вовсе прекратилъ занятія живописью?.. Чего-же ты желаешь? учиться?“—Желаю. „Дѣти у тебя есть?“—Есть, отвѣчалъ я—но только дочка... самая малень-

кая!—Для большаго удостовѣренія я даже показаль рукою, чуть не на полъ-аршина отъ пола; какъ будто такая малютка не можетъ быть и помѣхою моему ученью. Замятнинъ разсмѣялся и пошелъ къ своей женѣ. „Вотъ“,—говорить—„какъ онъ желаетъ учиться; даже ростъ своей малютки убавиль. Но одного желанія недостаточно“, продолжалъ Замятнинъ, обращаясь во мнѣ; „недостаточно и того, что ты нарисоваль... Нарисуй еще чтонибудь!“

Тутъ онъ повелъ меня во внутреннія комнаты и показаль на стѣнѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, мастерской живописи итальянской школы. Можешь-ли скопировать карандашемъ?

Съ вѣрою въ помощь Божію, съ надеждою на свои силы, я взглянулъ на лице Искупителя. До сихъ поръ не хочу думать, что-бы выборъ Замятнина былъ дѣломъ слѣпаго случая: лучшаго выбора невозможно было и сдѣлать! Моя работа была въ то же время молитвою, и молитвою, дошедшею до Бога... Рисунокъ этотъ, рѣшившій мою участь, я донинѣ храню, какъ истинную святыню: онъ призвалъ меня изъ ничтожества въ новой жизни художника.

— Можешь-ли срисовать? повториль Замятнинъ.

— Могу! отвѣчалъ я рѣшительно.

— Смотри, пожалуй, какой-же ты самонадѣянный! Ефимовъ отказался, а ты берешься... Ну, ладно! продолжалъ онъ, снимая образъ и бережно завязывая его въ шелковый платокъ, „чтобы образъ этотъ былъ въ совершенной сохранности!“—Купивъ въ Рызани хорошей бумаги и карандашей, я отправился къ себѣ.

Самонадѣянность, которою несправедливо упрекнулъ меня Замятнинъ, была, съ моей стороны, только сознаниемъ собственныхъ силъ. Мой первый опытъ въ рисованіи портретовъ—портретъ графа П. Д. Киселева, заслужиль одобренія какъ моего ближайшаго начальства, такъ и самаго графа. Тогда онъ прислалъ въ поощреніе мнѣ 5 руб. сер., „сумму“, которая меня, тринадцатилѣтняго мальчика, несказанно обрадовала... Жаль только, что надъ этими деньгами чуть не оправдалась пословица: „по усамъ тепло, да въ ротъ не попало“. Эта сиротская кроха шла черезъ руки Виноградова, который, не любостыжанія ради, а, конечно, по разсѣянности, задержалъ мои пять рублей... Отдать-то ихъ отдалъ, да только тогда, когда уже сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Приступая теперь къ копированію съ превосходнаго изображенія Спасителя, я, всего прежде, долженъ былъ распорядиться

временемъ, чтобы не отнимать его у службы моей и черезъ это не лишиться куска хлѣба. Пришлось, такъ связать, служить и Богу и мамонѣ. Припомнивъ мое горемычное дѣтство, когда я въ училищѣ занимался рисованіемъ по ночамъ, я точно также сдѣлалъ: днемъ писалъ ревизскія сказки, а ночью копировалъ ликъ Спасителя. На ревизію мнѣ приходилось ѣздить въ деревню, за семьдесятъ верстъ; конецъ не близкій, но по возвращеніи домой, мнѣ было не до отдыха. Всегда кроткая, терпѣливая, доброжелательная жена моя не протестовала на мое отчужденіе отъ домашества, но ея родные, въ особенности дядя, подшучивали, и зло подшучивали надо мною: „Женать,“ говорилъ дядя — „а туда-же, учиться! Оставь лучше; ну, что ты сдѣлаешь? Только людей насмѣшишь“....

А я, между тѣмъ, занимался. Для уменьшенія копій я начертилъ на бумагѣ вѣтки, наносилъ линіи; работа шла успѣшно. Я завидовалъ только счастливымъ, которые могутъ свободно располагать своимъ временемъ и пользоваться дневнымъ свѣтомъ, не находясь въ необходимости рисовать при свѣчахъ и дорожить каждою крупницею сала... Свѣчами меня — спасибо ему — дядя снабжалъ.

Ревизія—дѣло не легкое. Механизмъ ея не особенно замысловатъ, да лица-то, подлежащія ревизіи, въ большинствѣ случаевъ безтолковы. Приѣдешь, на примѣръ, въ деревню, спросишь мужичка: „Какъ тебя звать?“ — Такъ-то. „А какъ хозяйку зовутъ?“ — Молчитъ и въ затылокъ полѣзеть. „Какъ-же?“ допытываюсь я. „Ты-то зовешь-же ее какъ нибудь?“ — Да такъ хозяйкой и зову. „Сходи-же домой и узнай, повѣрниѣ, какъ ее зовутъ?“ Сходить мой мужичекъ, спросить и скажетъ мнѣ. „А дѣти есть?“ — Какъ не быть, извѣстно есть... „Какъ-же ихъ зовутъ?“

Хоть тресни, никогда поименно не пересчитаетъ! Положимъ, у мужика пять человѣкъ, онъ и начнетъ: „Дашка, Агашка... Агашка...“ И остановится, сконфузится, покраснѣетъ весь. Я не преувеличиваю: у насъ, въ Рязанской губ., мужички рѣдко зовутъ своихъ женъ по именамъ... больше за-просто: „ты“ да „ну!“ Имена ребятшекъ, надо полагать, за многолюдствомъ забываютъ. Вслѣдствіе этого и случаются въ ревизіяхъ частыя пропуски, а за пропуски взыскиваются штрафы, крайне обременительные для крестьянина. Такихъ штрафовъ было не мало при X ревизіи. Для вѣрности счета и

точности именныхъ списковъ, слѣдовало-бы обходить избы и опрашивать крестьянскія семьи на мѣстѣ жительства. Это—взаимное неудобство: въ избы и самимъ хозяевамъ съ чадами и домочадцами тѣсно, а тутъ еще гостей Богъ пошлетъ: и писарь, и старшина, и сотскій, и добросовѣстные. Да не всегда и застанешь всю семью въ полномъ сборѣ. — За труды по ревизіи мнѣ положили по 12 копѣекъ съ каждой ревизской души. Приходилось получить не мало; но я ѣздилъ всего четыре дня и собралъ рублей до восьмидесяти.

Спѣшу оговориться, что этотъ подушный сборъ предоставляется закономъ—на составленіе ревизскихъ сказокъ по опредѣленію общества. Въ общей массѣ оно казалось-бы и достаточно; но если принять во вниманіе, что на меня падали канцелярскіе расходы, наемъ переписчика и т. д., то вознагражденіе выйдетъ самое скромное. Должность писаря я занималъ два года съ четвертью; а ревизія, о которой я говорю, происходила въ февралѣ 1858 года.

Копію съ иконы Спасителя, заданную мнѣ Замятнинымъ, я окончилъ въ четыре ночи, дорожа каждой минутой и поневолѣ торопясь. Когда я привезъ оригиналь и копію къ моему покровителю, онъ отъ души похвалилъ мою работу. „Желаешь, чтобы я ее представилъ министру?“ спросилъ онъ.

— Попросилъ-бы объ этомъ, сдѣлайте милость....

— А какъ-же жена твоя?

— Она будетъ жить у отца; они люди состоятельные, у нихъ арендуютъ постоянный дворъ; могутъ кормиться.

Я не пригаль; тестъ былъ человекъ не бѣдный, а его отецъ, или „дѣдушка“, какъ мы его звали, могъ назваться даже богачемъ. У старика прикоплено было червонцевъ рублей на шестьсотъ. Это сокровище онъ хранилъ въ сундукѣ, который мнѣ съ женою служилъ постелью... Могу похвастать: иные люди на золотѣ ѣдятъ, а мы на золотѣ спали, какъ бы пришлось человеку спать на голой землѣ, подъ которою владъ зарыть. Дѣдушка былъ не промахъ: во мнѣ и въ моей Евфросиніи Алексѣевнѣ нашелъ надежныхъ сторожей своему сокровищу; въ особенности послѣ того, какъ одинъ изъ его сыновей вздумалъ пошарить въ заветномъ сундукѣ... Не въ обиду будь сказано дѣдушкѣ: онъ, со своими червонцами, напоминалъ собаку на сѣнѣ—ни себѣ, ни

другимъ. Червонцами своими онъ пользовался гомеопатически, „въ приглядку“. Вынетъ чорвонцы, возьметъ двѣ чашки—большую и поменьше—и окладываетъ ихъ червонцами...

Но я отклонился отъ разсказа о разговорѣ Замятнина со мною. Послѣ моей просьбы о представленіи рисунка министру, онъ, какъ-бы строже разсматривая мою работу, замѣтилъ вкрадчиво, что одинъ глазокъ, какъ будто, менѣе противу подлинной иконы. „Это можно исправить“, сказалъ я,—и тотчасъ-же возстановилъ рисунокъ въ той правильности, какой желалъ Замятнинъ—можетъ быть и основательно. Моя уступчивость ему понравилась. „Другой, на твоемъ мѣстѣ, возгордился-бы“, сказалъ онъ.

Надѣясь на благополучный исходъ моей просьбы, я попросилъ Замятнина, чтобы онъ въ своемъ представленіи министру не говорилъ, что я женатъ; иначе, пожалуй, меня и не примутъ въ академію. На этотъ счетъ Замятнинъ меня успокоилъ. Для увольненія меня отъ Иголдаевского сельскаго общества нуженъ былъ приговоръ послѣдняго. Мнѣ выдали изъ Солотчинскаго Волостнаго Правленія самый лестный аттестатъ за время моего служенія писаремъ (съ 1856 по 11-е февраля 1858 года), въ увольнительномъ-же свидѣтельствѣ обо мнѣ было сказано: „Иванъ Пожалостинъ увольняется въ двухъ ревизскихъ душахъ“; второю моею душою подразумѣвалась моя жена, что пожалуй и справедливо; но какъ-бы то ни было, а человекъ съ двумя душами самъ-другъ—явленіе возможное только въ сказкахъ, да и то ревизскихъ! Такъ значилось на документѣ; но Замятнинъ въ частномъ своемъ письмѣ къ министру, Михаилу Николаевичу Муравьеву, сообщилъ ему о томъ, что я женатъ, во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній. Рисунокъ мой былъ отправленъ въ Петербургъ, а равно и работы Ефимова: рисованный перомъ портретъ преосвященнаго Инокентія и копія съ картины: „собака съ рябчикомъ“.

Добрый мой однокашникъ и товарищъ по академіи, Николай Ефимовичъ Ефимовъ, нынѣ учитель рисованія при Воспитательномъ домѣ, заслуживаетъ сердечнаго слова въ моихъ воспоминаніяхъ. Не мнѣ быть цѣнителемъ его художественнаго дарованія; цѣню только сердце и неослабную пріязнь, которую Ефимовъ оказывалъ и мнѣ, и всѣмъ своимъ товарищамъ: онъ дѣлилъ съ

нами послѣднюю копѣйку и бывалъ тѣмъ щедрѣе, чѣмъ лучше бывали его собственные обстоятельства.

15-го февраля того-же 1858 года нашъ голова, поѣхавъ за мною въ деревню, гдѣ я былъ на ревизіи, встрѣтился со мною и вручилъ подорожную, выданную намъ съ Ефимовымъ на проѣздъ въ Петербургъ!... Участь моя была рѣшена.

VII.

Семейныя дѣла. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Департаментская прихожая. — Жизнь и первые уроки у Федора Ивановича Юрдана. — С. О. Бородаевскій. — Совѣты и совѣтники. — Занятіе чтеніемъ.

Я отправился въ Рязань къ Замятнину, который объявилъ мнѣ, что отвѣтъ отъ министра полученъ: по докладу М. Н. Муравьева послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе мнѣ и Ефимову поступить учениками въ императорскую академію художествъ. Намъ слѣдовало безотлагательно готовиться къ отъѣзду. На всѣ сборы оставалось не болѣе четырехъ дней. По возвращеніи изъ Рязани домой, въ Солотчи, я не засталъ моего тестя, онъ уѣхалъ куда-то на праздникъ. Возвратился въ тотъ-же день, какъ слѣдуетъ, выпивши и узнавъ о томъ, что дѣло моего отъѣзда рѣшено, подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за волосы и сталъ трепать да волочить, приговаривая: „женился, такъ не бросай жены!“ Разбушевался до того, что мы съ женой бѣжали изъ дому и провели ночь въ волостномъ правленіи...

За свою кулачную расправу тесть получилъ выговоръ отъ окружнаго начальника. Не оправдывая тестя, а въ видѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ замѣчу, что онъ, во-первыхъ, досадовалъ на предстоящее одиночество дочери; а во-вторыхъ—болѣе дочери онъ любилъ выпить: отъ пьянаго-же нельзя ждать ни справедливости, ни здравомыслія. И до отъѣзда моего у насъ съ тестемъ бывали частыя неприятности, по поводу которыхъ его отецъ, „дѣдушка“, предлагалъ мнѣ разѣхаться съ нимъ. Нынѣ у насъ совершенно иныя отношенія: съ годами тесть поуходился; я, чѣмъ могу, помогаю старику и онъ видимо совѣтится прошедшаго. При моихъ поѣздкахъ въ деревню ласковъ до нельзя,

въ глаза глядѣть... Если когда и выпьетъ, то тайкомъ отъ меня, а выпивши—прячется, чтобы я не замѣтилъ.

Предстоящая разлука глубоко огорчала бѣдную мою жену; она боялась, что въ Петербургѣ я ее забуду и совершенно покину. Я утѣшалъ ее тѣмъ, что, со временемъ, перевезу и ее въ Петербургъ. Припоминая первые годы, даже первые мѣсяцы нашего супружества, я съ грустнымъ чувствомъ замѣчу, что при всей нѣжности и взаимности любви, мы весьма часто плакали съ нею безотчетно, безпричинно... Можетъ быть эти слезы были предчувствіемъ будущихъ частыхъ и продолжительныхъ разлукъ; а мы съ женою провели въ разлукъ, въ общей сложности, двѣнадцать лѣтъ—и какихъ лѣтъ! первой молодости, весны жизни. Видно, ничто на свѣтѣ не дается человѣку безъ борьбы, а гдѣ борьба—тамъ и жертвы. Въ моей побѣдѣ надъ препятствіями и враждебными обстоятельствами также не обошлось безъ жертвы—и судьбѣ было угодно, чтобы это была именно моя добрая, кроткая, безотвѣтная жена. Не даромъ далось мнѣ искусство, и, скажу безъ всякаго преувеличенія, каждая черта карандаша, каждый штрихъ грабштира ученическихъ моихъ лѣтъ, были глубокими царапинами по сердцу жены, да и по моему также; они отразились преждевременными морщинами на нашихъ лицахъ и сѣдиною на головахъ...

При моемъ отъѣздѣ, насъ съ Ефимовымъ провожали всѣ сельскія власти; запаслись тремя восушками водки и попивали ее исправно. Жена, сколько помнится, провожала меня до Рязани; провожалъ и тесть, чтобы отобрать у меня, что было получше изъ одеженки... Въ Рязани Замятинъ далъ мнѣ и Ефимову по полумперіалу и, пожелавъ счастливаго пути и успѣховъ, благословилъ: меня—образочкомъ Спасителя, а Ефимова—таковымъ-же св. Николая Чудотворца. Кромѣ того намъ, на путевые издержки, выдалъ по 14 рублей на брата.

Въ какомъ-то чаду, будто сѣвось сонъ, доѣхали мы до Москвы; мелькомъ, не успѣвъ сознать всего величія впечатлѣнія, видѣли Кремль съ куполами золоченыхъ церковныхъ главъ, со стоустыми, гулеими колоколами... Потомъ понеслись по Николаевской желѣзной дорогѣ. По мѣрѣ приближенія къ Петербургу, низменная мѣстность, обширныя равнины и поля, занесенныя снѣгомъ, жиденькіе пролѣски—все говорило, что это иной край—холодный,

суровый, непривѣтливый, не то что берега родной Оки съ ихъ лѣсами и бархатными лугами. Приѣхали въ Петербургъ: пассажиры шумными роями повысыпали изъ вагоновъ на галлерей станціи; многихъ обступили родные, знакомые, ожидавшіе ихъ приѣзда; толпились тутъ зазывальщики и зазывальщицы въ гостиницы, на постоянные дворы и на квартиры... Пригласили и насъ съ Ефимовымъ, мы и пошли, сами не вѣдая куда и за сколько. Эту квартиру содержала, какъ оказалось, небогатая вдова, прелестная собою, ласковая, добрая и не особенно алчная на деньги: съ обоихъ насъ, со столомъ и прислугою, она взяла 60 коп. въ сутки. Квартира эта находилась на углу Гусева переулка и Лиговки. Добрая хозяйка сразу поняла, что мы полу-дикари, въ Петербургѣ какъ въ лѣсу и позаботилась о насъ, какъ о родныхъ. Предупредила, чтобы мы въ пищѣ были осторожны, а воду пили бы въ прикуску съ ржаными сухариками, ради того, чтобы не привязалась холера, которая тогда съ 1852 года угнѣздилась въ Петербургѣ.

Отдохнувъ съ дороги, я далъ знать о своемъ приѣздѣ Андрею Осиповичу Андрееву, жившему неподалеку; потомъ и самъ побывалъ у него—но объ этомъ послѣ. Мнѣ и Ефимову надлежало прежде всего явиться въ первый департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, по рекомендаціи Андреева, въ г. Адамову. Отправились мы, будущіе художники, на площадь Синяго моста, тогда обнесенную заборомъ и загроможденную лѣсами по случаю постановки монумента императору Николаю Павловичу. На мнѣ былъ дубленый полушубокъ, на Ефимовѣ долгополый сюртукъ: на искателей приключеній мы похожи не были, но деревенскихъ увальней легко было признать въ насъ съ перваго взгляда. Путь намъ лежалъ по Невскому проспекту, мимо громаднхъ домовъ, чрезъ Аничкинъ мостъ съ его бронзовыми конями; богатѣйшіе магазины со всякими невидальщинами, Казанскій соборъ, Большая Морская—да просто цѣлый міръ какихъ-то сказочныхъ чудесъ...

Дойдя до департамента, мы пошли по черной лѣстницѣ къ г. Адамову (по чистой-то насъ бы и не пустили); провели насъ въ переднюю, въ которой мы простояли цѣлый день. Много мимо насъ разныхъ чиновниковъ прошло во внутреннія комнаты: пойдутъ къ зеркалу, приглядятъ или взъерошатъ волосы и ухо-

дять. Нивому не было любопытно спросить, откуда мы взялись. Поглядывая на проходившихъ, я по поступи угадывалъ въ какомъ кто чинѣ: господа посолднѣе выступали величаво и сапогами сильнѣе поскрипывали; менѣе чиновные — сѣменили легонькой походкой; а самые мелкіе ходили на цыпочкахъ. Наконецъ, намъ приказали явиться на другой день къ чиновнику Александру Александровичу Боровкову.

На этотъ разъ мы были счастливы. Александръ Александровичъ обошелся съ нами привѣтливо, ласково, и сказалъ, что дней черезъ пять мы поступимъ, въ качествѣ учениковъ-пенсіонеровъ, къ профессору академіи художествъ Федору Ивановичу Гордану. Министръ предполагалъ сначала отдать насъ къ профессору Уткину, но это не могло состояться за старостію его лѣтъ. Затѣмъ г. Боровковъ освѣдомился—есть-ли намъ чѣмъ жить? и тутъ же, на первый случай, выдалъ каждому изъ насъ по три рубля сер. изъ собственныхъ денегъ. Помимо ласковости обхожденія, меня въ Александрѣ Александровичѣ порадовало особенное изящество разговора и истинно барскихъ манеръ. Черезъ недѣлю онъ повезъ меня и Ефимова въ академію художествъ для представленія Федору Ивановичу.

Осанистая наружность будущаго моего учителя, его взглядъ и голосъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Оно, конечно, было бы еще сильнѣе, еще глубже, если-бы я зналъ, что передъ нами творецъ бессмертной гравюры: „Преображенія Господня“ и другъ творца „Мертвыхъ душъ“, который такъ искренно уважалъ и любилъ Федора Ивановича. Онъ весьма любезно обошелся съ нами, попросивъ прийти на другой день для окончательнаго нашего водворенія у него на квартирѣ. За-каждаго изъ насъ министерство уплачивало по 350 р. въ годъ—за помѣщеніе, столъ, обмундировку и т. д. Мы были препровождены къ профессору и сданы ему при бумагѣ, согласно формальностямъ доживавшаго тогда послѣдніе свои годы крѣпостнаго права. Помѣщеніе, отведенное намъ при квартирѣ Федора Ивановича, состояло изъ двухъ комнатъ, одной спальней, а другой — для занятій рисованьемъ. Окна ея выходили въ академическій садъ, она была свѣтлая, веселая, просторная. Обѣдъ былъ сытный, хотя и не отличался разнообразіемъ. Обхожденіе профессора, чуждое фамильярности и шутливости, было ровное, ласковое, человѣческое. Называя меня

просто „Иваномъ“, а товарища моего „Николаемъ“, профессоръ съ перваго-же раза замѣтилъ, что его самого за границею учитель называлъ лишь по имени, либо по фамилии. И правъ былъ нашъ почтенный учитель: у каждаго художника два имени: родовое и благопріобрѣтенное. Къ послѣднему, получившему знаменитость, не принято даже прибавлять и частицы: „господинъ“; дѣйствительно, у кого повернется языкъ сказать: г. Брюлловъ, г. Айвазовскій, г. Юрданъ? То-же, что сказать: г. Пушкинъ, или г. Гоголь. Нашего почтеннаго профессора, въ бытность его еще ученикомъ, звали „Федоромъ“; впоследствии—Федоромъ Ивановичемъ Юрданомъ, безъ всякихъ титуловъ, такъ какъ это имя, само по себѣ, есть громкій титулъ великаго художника. Вотъ почему, въ дальнѣйшихъ о немъ разсказахъ, я буду называть его лишь по фамилии.

Мой первый покровитель, Андрей Осиповичъ Андреевъ, по переселеніи моемъ къ Юрдану, лично просилъ его о благосклонности ко мнѣ и о дозволеніи мнѣ посѣщать его. Это были единственные мои выходы изъ стѣнъ академіи; бѣдному Ефимову и ходить было не къ кому; онъ сиднемъ-сидѣлъ дома почти безотлучно. Оба мы съ нимъ были парни тихіе, скромные, непыющіе. Не показывая намъ виду, Юрданъ зорво наблюдалъ за нашимъ поведеніемъ и, впоследствии времени, вполне убѣдился какъ въ нашей нравственности, такъ и честности. Но объ этомъ послѣ; поговорю о нашихъ первоначальныхъ урокахъ.

На первый случай Юрданъ далъ намъ копировать съ большихъ гравюръ, исполненныхъ на карандашный манеръ. Этимъ, вѣроятно, онъ желалъ пріучить насъ къ точности глазомѣра и развить руку въ наброскѣ штриховъ. По мускулу перваго моего работою былъ „Геркулесъ“, котораго я скопировалъ весьма учачно; то-же было и со слѣдующею. Дважды одного и того-же рисунка мнѣ не приходилось дѣлать. Кромѣ того и я, и Ефимовъ рисовали карандашемъ въ особыхъ альбомахъ фигуры мужскія, женскія, головки, ручки—послѣднія съ гравюръ. Для ознакомленія съ анатоміею, я копировалъ мускулистую фигуру „дискобола“ (метателя дисковъ). Сознавалъ, что исполнялъ удачно и убѣждался въ томъ по одобрительнымъ отзывамъ самаго Юрдана, который часто ставилъ меня въ примѣръ товарищу. Эти сравненія всегда сердили Ефимова, онъ ревновалъ меня къ похваламъ

учителя. Но гдѣ ревность, тамъ и соревнованіе! Къ числу особенностей преподаванія Іордана принадлежало его обыкновеніе—никогда не поправлять собственноручно нашихъ погрѣшностей въ рисункахъ; указывая на ошибки, онъ говорилъ только: „это не такъ“... „не вѣрно“... „надо поправить“. То есть: приходи, доискивайся самъ, не ходи на помочахъ. И этотъ приемъ въ преподаваніи живописи, ваянія и вообще изящныхъ искусствъ самый разумный и практичный; онъ даетъ возможность ученику развивать свое дарованіе самостоятельно, безъ всякаго рабскаго подражанія учителю. Во время нашихъ занятій рисованьемъ Іорданъ, чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени, входилъ къ намъ въ комнату, заглядывая на работы и опять удалялся. Разъ, онъ оставилъ на столѣ свою табакерку. Любопытство подстрекнуло насъ открыть и заглянуть... Между табакомъ лежало нѣсколько золотыхъ, мы втихомолку посмѣялись и закрыли табакерку, конечно, не прикоснувшись къ табаку, который былъ намъ не по носу. Но на слѣдующій разъ табакерка опять осталась на столѣ; тамъ—опять, и это повторялось часто. Послѣ оказалось, что мнимая забывчивость Іордана была, своего рода, добродушною хитростію; онъ желалъ испытать меня съ Ефимовымъ: „рисуете-то вы“, молъ „хорошо, чисто, но чисты-ли на-руки?“ И правъ былъ Іорданъ, испытывая насъ. Въ бытность нашу у него въ ученикахъ, одинъ близкій къ нему человекъ укралъ у него золотые, драгоценные часы. Въ первую пору Іорданъ заподозрилъ меня съ Ефимовымъ; но когда настоящій воръ былъ обнаруженъ, добрый Федоръ Ивановичъ самъ сознался въ своемъ неосновательномъ подозрѣніи.

Но доброта и ласковость нашего почтеннаго учителя не ограждала насъ отъ грубаго панебратства его прислуги, особенно лакея Сашки, выкупленнаго Федоромъ Ивановичемъ изъ чыхъ-то крѣпостныхъ. Воображая, что мы, ученики, тѣ-же слуги, этотъ лакей, сойдясь на короткую ногу съ Ефимовымъ (благодаря его простотѣ), задумалъ дѣлить съ нами свои труды по должности, говоря, что-де такъ угодно Федору Ивановичу... Дошло до того, что разъ онъ сказалъ намъ, чтобы мы шли съ кухаркою „на катокъ“ бѣлье катать. — Что такой за катокъ? подумалъ я—и пошелъ взглянуть на эту незнакомую мнѣ машину. Какъ увидалъ этотъ ящикъ съ наваленными въ него камнями, да съ круглыми

бревешками, по которымъ онъ взадъ и впередъ катается— „нѣтъ“, думаю, „это не ладно; тутъ себѣ какъ разъ руки попортишь!“ И наотрѣвъ отказался. Ефимовъ, какъ парень болѣе уступчивый и сговорчивый—каталъ, безъ возраженій. Взамѣнъ гимнастики съ каткомъ, я занимался работами въ саду: это былъ пріятный и полезный моціонъ, который я дѣлалъ по собственной охотѣ, а отнюдь не по самовольству какого-нибудь Сашки... Тутъ Ефимовъ былъ отчасти виноватъ, подавая ему поводъ къ излишней фамильярности. Я же, не имѣя охоты прослыть наушникомъ на прислугу, не рѣшался жаловаться Іордану на прислугу, смѣшивавшую понятіе объ ученикѣ съ мыслию о лакействѣ, чѣмъ, разумѣется, она оскорбляла не насъ, а самага барина.

Совершенно въ иныхъ отношеніяхъ дерзкая прислуга профессора была въ третьему его пансіонеру—Сергѣю Осиповичу Бородаевскому, и не мудрено: это былъ баринъ въ самомъ прекрасномъ значеніи слова. Помѣщикъ Курской губерніи Щигровскаго уѣзда, умный, превосходно образованный, души доброй и благородной, талантливый любитель живописи, пейзажистъ, онъ жилъ у Іордана при совершенно иныхъ условіяхъ и, не смотря на разницу между нами въ общественномъ положеніи, сошелся со мною и Ефимовымъ, какъ самый добрый товарищъ. Часто заходилъ къ намъ, шутилъ, балагурилъ, пѣлъ пѣсни, кушалъ съ нами картофель со свороды, и, какъ одноклассникъ, не давалъ спуска и кашѣ. Занимался онъ прилежно, и въ академіи дошелъ до натурнаго класса; но въ 1861 году оставилъ занятіе и уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе по случаю крестьянской реформы. О Сергѣѣ Осиповичѣ я сохраняю постоянно свѣтлое и признательное воспоминаніе: онъ, впоследствии времени, былъ воспріемникомъ отъ купели моего сына; въ тяжелыя минуты нужды моихъ всегда протягивалъ мнѣ руку братской помощи... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, говоритъ пословица; но если-бы ихъ-то не было, то едва-ли можно было-бы и жить на свѣтѣ!

Мой первый благодѣтель, Андреевъ, жилъ тогда въ Петербургѣ, въ Полтавской улицѣ (близъ Гончарной)—почти въ нищенствѣ и, при всемъ томъ, въ отношеніи меня былъ все тѣмъ-же добрымъ гоніемъ, каковымъ я помнилъ его еще въ бытность мою въ училищѣ. И теперь Андрей Осиповичъ не оставлялъ меня своими благими совѣтами и истинно отеческими наставленіями...

Одно повезалось мнѣ обиднымъ: при первомъ-же свиданіи онъ — прекрасный отецъ и примѣрный семьянинъ—уворилъ меня за мою женитьбу; жена и дѣти, по его мнѣнію, были тяжелыми тормазами для моихъ успѣховъ; то-же, словно сговорясь съ нимъ, слыхалъ я и отъ другихъ своихъ доброхотовъ... Какъ-же иногда люди умные и добрые могутъ криво и косо смотрѣть на вещи! Жена и дѣти помѣха моимъ успѣхамъ? Нѣтъ, сердце говоритъ, что ранняя моя женитьба оберегла мою нравственность отъ искушеній юности, которыя всегда какъ-то особенно свойственны сердцу художника. Не знали мои доброжелатели, что мысль о моей доброй Евфросиніи Алексѣевнѣ и о нашей малюткѣ, Катѣ, охраняла меня отъ соблазновъ столичной жизни и отъ той страшной, ядовитой „чарочки“, на днѣ которой, при всей ея малости, у насъ на Руси гибнетъ такъ много людей и даровитѣе меня, грѣшнаго!... Не легко мнѣ было полтора года скрывать отъ Иордана, что я женатъ, словно это преступленіе какое... Письма отъ своихъ я получалъ такъ рѣдко; вообще у насъ переписка деревень со столицами—дѣло затруднительное, сложное. Но и не получая писемъ, я чувствовалъ, сколько горя и душевной скорби оставилъ я за собою, на родинѣ, въ моемъ бѣдномъ гнѣздѣ—и Богу единому вѣдомо, сколько слезъ было пролито моей женой, въ цвѣтѣ лѣтъ обреченной на разлуку со мною. Ссылка моя была добровольная, но все-же ссылка: я дорывался до своего свѣтлаго будущаго, какъ труженикъ въ рудникахъ докапывается до золотоносной жилы.

Выходы наши со двора изъ квартиры Иордана случались весьма рѣдко. Въ часы досуга и отдыха мы, съ Ефимовымъ, занимались чтеніемъ. Мой выборъ остановился на сочиненіяхъ Гоголя и его „Ревизоръ“ произвелъ не меня самое разительное впечатлѣніе. Ефимовъ, кромѣ того, прилежно читалъ „Житія святыхъ“, хотя, подобно мнѣ, также очень интересовался и литературными произведеніями.

VIII.

Впечатлѣніе перваго года.—Мои успѣхи.—Фигурный классъ.—Переводъ въ классъ натурный.—М. Н. Муравьевъ.—Профессоръ Шамшинъ.—Товарищи.—Первые опыты гравированія.—Копія съ образцовыхъ произведеній.—Первая медаль.

Разсказывая о первыхъ мѣсяцахъ моего пребыванія въ Петербургѣ, я не упомянулъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня столицею съ ея великолѣпными зданіями, памятниками, научными и художественными сокровищами. Понятно, что всѣ эти чудеса дѣйствовали на меня поразительно и казались чѣмъ-то истинно волшебнымъ. Соборъ св. Исаакія, освященный лѣтомъ 1858 года, монументъ императора Николая I, открытый на слѣдующій годъ, монументъ Петра Великаго, соборъ Казанскій -- особенно меня поразили грандіозностью, изяществомъ, красотою. Замѣчу при этомъ, что зрѣлище великихъ произведеній искусства имѣло большое вліяніе на развитіе во мнѣ моихъ художественныхъ склонностей.

Рисованіе съ оригинальныхъ гравюръ подвинулось у меня настолько успѣшно, что Иорданъ далъ мнѣ рисовать съ гипсовой фигуры. Первою моею работою былъ Аполлонъ. Когда Иорданъ показалъ наши рисунки ректору академіи Бруни, тотъ утвердилъ о допущеніи меня и Ефимова въ третій классъ академіи. При поступленіи въ него, при работѣ перваго рисунка, мнѣ данъ былъ № 12; при второмъ рисункѣ я уже получилъ № 4, занявъ мѣсто моего предшественника Радзевича. Занимая № 12, я рисовалъ голову „Антиноя“, а на № 4—голову „Александра Севера“. Гипсовый головной классъ былъ самый многочисленный, такъ какъ для поступленія въ академію тогда не требовалось экзаменовъ изъ наукъ и языковъ. Тутъ были представители всѣхъ сословій и состояній; вопросъ о „мѣстахъ“, т. е. нумерахъ, рѣшался степенями

дарованія учениковъ: плохо одѣтый, чуть не оборванный бѣднякъ, получалъ нумера перваго десятка, а какой-нибудь богатый да безталанный любитель—сотенный. Послѣдніе по положенію общественному бывали нерѣдко первыми по занятіямъ. Особеннымъ руководствомъ и частыми указаніями профессоровъ я не пользовался. Огромную пользу при занятіяхъ въ головномъ классѣ (въ которомъ я пробылъ три мѣсяца) мнѣ прицесло то, что я присматривался къ приѣмамъ другихъ учениковъ и, такимъ образомъ, приобрѣлъ споровку и ловкость. Единственный профессоръ головнаго класса, Вестелиусъ, руководилъ учениками только при тушевкѣ. Послѣднею моею работою была голова „Спасителя“, послѣ которой я и Ефимовъ были переведены въ четвертый, гипсовый классъ. Читатель можетъ судить о моихъ успѣхахъ по тому, что голову „Спасителя“ я рисовалъ имѣя № 12, а число учениковъ простиралось до 150 человѣкъ.

Въ IV, фигурномъ классѣ было три профессора: Иорданъ, Вилевальдъ и Шампинъ. Здѣсь я пробылъ годъ времени, получивъ за первую треть—№ 1, на которомъ и оставался. Меня перевели за фигуру „Венеры Милосской“. Переводы изъ одного класса въ другой бываютъ и по простствіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, но какъ бы ни были быстры успѣхи ученика, пребываніе въ фигурномъ классѣ требуетъ непременно продолжительнѣйшаго времени, для набивки руки, для изощренія глаза въ свободному начертанію формъ и очертаній фигуръ. Съ другой стороны, слишкомъ продолжительное рисованіе со статуей можетъ вредно отозваться на талантѣ живописца портретнаго или историческаго, придавая фигурамъ на его картинахъ жествость, черствость, недвижность.

Занятія въ академіи были вечернія, съ 5 до 7 часовъ; остальное время мы съ Ефимовымъ работали дома безъ усталы. Изъ моихъ ученическихъ работъ нѣкоторыя я сберегъ у себя на память, другія раздарилъ; такъ Н. А. Замятнину я преподнесъ два рисунка, особенно удачныя.

Въ началѣ втораго года моего пребыванія въ академіи, именно въ 1859 году, я былъ переведенъ въ послѣдній, натурный классъ, въ которомъ ученики удостоиваются получать медали. На этотъ

разъ я обогналъ моего спутника Ефимова, который остался въ четвертомъ классѣ. При переходѣ въ натурный классъ у меня еще остался одинъ рисунокъ неоконченнымъ, потому что работъ изъ класса на домъ уносить не дозволялось. Но прежде, нежели я расскажу читателю о моихъ занятіяхъ въ натурномъ классѣ, считаю не лишнимъ передать немаловажный эпизодъ изъ перваго года моего поступленія въ академію.

Тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, въ послѣдствіи столь знаменитый усмиритель западнаго края, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, пожелалъ, чтобы Іорданъ представилъ ему меня и Ефимова. Сообщивъ намъ объ этой чести, Федоръ Ивановичъ приказалъ приготовиться, почище одѣться, сообразить отвѣты на случай вопросовъ и дня черезъ два повелъ насъ въ министру. Приемная была полна чиновнаго народа въ разныхъ мундирахъ; не мало было лентъ и звѣздъ. Ожидали мы не долго, и когда явился Муравьевъ, я со всей смѣлостью художника взглянулъ на него и донинѣ сохраняю въ памяти его фигуру, обликъ и взглядъ. Далеко не красивый собою, очень курносый, съ пухлыми обвислыми щеками и со взглядомъ изподлобья, Муравьевъ умѣлъ придавать лицу, взгляду и самому своему голосу—или самую милую привлекательность, или суровость и холодную жестокость, смотря по тому, съ кѣмъ и о чемъ говорилъ. Миновавъ своихъ сановныхъ и чиновныхъ посѣтителей, Муравьевъ прежде всего подошелъ въ Іордану и, бросивъ на насъ свой стальной взглядъ, спросилъ:

— Какъ ведутъ себя?

— Хорошо, отвѣчалъ Іорданъ, три мѣсяца тому назадъ поступили въ академію; занимаются прилежно и успѣшно.

— Ходятъ-ли въ церковь?

— Ходятъ, ваше высокопревосходительство.

— Который-же тутъ изъ писарей? онъ каковъ? Вѣдь писаря, большею частью, пьяницы бываютъ...

— Въ этомъ отношеніи они оба—уроды! отвѣчалъ Іорданъ.

Муравьевъ улыбнулся и, ласково взглянувъ на меня и Ефимова, похвалилъ насъ за прилежаніе и за поведеніе. Дня черезъ

два мнѣ и Ефимову было прислано отъ него въ награду по 25 р. сер.

Теперь возвращаюсь къ моимъ занятіямъ въ академіи.

Профессорами натурнаго класса были: Марковъ, Шампинъ и Нефъ. Поступивъ въ него, я сознался внутренно, что при всѣхъ моихъ успѣхахъ въ гипсовомъ классѣ, мало рисовалъ и недостаточно набилъ руку. Это сознание совершенно меня обезкуражило; я, какъ будто, растерялся: сталъ присматриваться какъ рисуютъ другіе, сталъ разспрашивать товарищей... Живая натура казалась мнѣ неуловимою. Профессоръ Шампинъ помогъ мнѣ; подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Первое правило: держись того, что уловилъ съ перваго взгляда и не теряй изъ виду линіи, какъ путеводной нити. Разъ, уловивъ тѣлодвиженіе, поворотъ туловища, головы, выжидай, чтобы то или другое повторилось, какъ бы вошло въ тѣ самыя рамки, которыми ты мысленно очертилъ всю фигуру.

Стараясь всѣми силами усвоить этотъ приѣмъ, я, наконецъ, одолѣлъ трудность рисовать съ живой фигуры. Учениковъ натурнаго класса было сто; начавъ съ № 65, я достигъ до № 25 и затѣмъ изъ перваго десятка не выходилъ. Достоинства ученическихъ работъ обсуждались профессорами разъ въ мѣсяцъ (какъ оно дѣлается и понинѣ). Совѣщаніе продолжались съ 10 часовъ утра до часу по полудни. Въ мое время натурный классъ былъ богатъ многими хорошими рисовальщиками. Погрузясь въ мои занятія и не тратя по пустому малыхъ своихъ досуговъ, я не особенно сближался съ товарищами. Многіе изъ нихъ принадлежали къ числу „широкихъ натуръ“, у которыхъ и „послѣдняя копѣйка ребромъ“, и „море по колѣна“, и „все тринь-трава“. Я не могъ бывать ихъ собесѣдникомъ по отвращенію къ разгулу вообще, а къ водежъ—въ особенности. Постоянные мои отказы отъ приглашеній въ трактиръ, или куда нибудь и того веселѣе, отдалили отъ меня гулякъ и они оставили меня въ повоѣ. Единственнымъ моимъ собесѣдникомъ былъ мой незабвенный Андреевъ, неизмѣнно любившій меня, какъ роднаго сына.

Находясь въ натурномъ классѣ, я приступилъ и къ гравированію, подъ руководствомъ Федора Ивановича Юрдана. Отдѣльнаго

гравировальнаго класса въ академіи не было; единственнымъ ученикомъ профессора Уткина былъ талантливый, такъ рано умершій, Лебедевъ.

Первая мѣдная доска, данная мнѣ для гравированія, состояла изъ двухъ квадратовъ, величиною каждый въ три вершка. Эти квадраты съ прямыми и поперечными штрихами мнѣ слѣдовало повторять, какъ учащемуся музыкѣ—свои гаммы. Иорданъ съ первыхъ-же уроковъ замѣтилъ: — „У тебя, Иванъ, грабштихъ ѣдетъ точно по желѣзной дорогѣ. Къ чему торопиться?“ На второй доскѣ профессоръ заставилъ меня награвировать четыре руки и четыре слѣдка. Когда я впервые бралъ въ руки грабштихъ, Иорданъ показалъ мнѣ, какъ его слѣдуетъ держать, съ упоромъ рукояти въ ладонь; но я, мало по малу, уклонился отъ этого приѣма и присноровился держать инструментъ какъ карандашъ. Черезъ это, какъ я замѣтилъ впоследствии, штрихи пріобрѣтали особенную мягкость и округлость, особенно при гравированіи лицъ. Не беру на себя смѣлости отдавать преимущество этому способу, мнѣ пригодному, предъ другимъ, общепринятымъ, но онъ вошелъ мнѣ въ привычку, въ которой я донынѣ не раскаиваюсь.—Окончивъ ручки и слѣдки, я сдѣлалъ перомъ торсъ Геркулеса и, наконецъ, приступилъ къ копированію съ картины: „Марія Магдалина“, гравированной Берсеневымъ, ученикомъ Уткина. Берсенева, одинъ изъ нашихъ отличнѣйшихъ граверовъ, прославился тремя превосходными произведеніями: „Андрей Первозванный“, „Искушеніе Спасителя“ и „Марія Магдалина“. За третью доску „Плутонъ“ (копія съ Гольца), я былъ удостоенъ награжденія второю серебряною медалью...

Увлекаясь воспоминаніями о первыхъ моихъ успѣхахъ, я невольно забѣгаю впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ и попадаю въ анахронизмы. Еще до полученія мною второй серебряной медали за моего „Плутона“, вскорѣ по моемъ поступленіи въ натурный классъ, именно лѣтомъ 1859 года, я получилъ отъ родныхъ нѣсколько писемъ съ увѣдомленіемъ, что женѣ моей, въ Солотчахъ, нечѣмъ жить, что тестъ мой отказывается ее содержать.. Это извѣстіе было для меня громовымъ ударомъ. Неужели надобно бро-

силь все, разбить всю будущность, ѣхать домой на посмѣхъ и поруганіе вздорныхъ пьяницъ? Или открыться Іордану и, можетъ быть, за продолжительную утайку быть выгнаннымъ изъ академіи? Послѣ нѣсколькихъ мучительно-тревожныхъ дней, я рѣшился на послѣднее.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНАГО КРЕСТЬЯНИНА Н. Н. ШИПОВА.

[Окончаніе].

1856—1860 гг. ¹⁾.

Во время моей торговли при Бугскомъ полкѣ, корнетъ этого полка Павелъ Мухинъ задолжалъ мнѣ 635 руб. серебромъ—сумма для меня не маловажная. Мухинъ былъ сынъ богатаго помѣщика Курской губерніи и имѣлъ брата, который служилъ въ Петербургѣ, въ морскомъ министерствѣ. Этотъ братъ моему должнику, будто бы, былъ долженъ значительную сумму денегъ. Поэтому Мухинъ далъ мнѣ письмо къ своему брату, чтобы я получилъ съ него свои 635 руб. и просилъ меня зайти въ имѣніе его отца, въ деревню Пахомку, Тимскаго уѣзда. Изъ Бишинева я прибылъ съ семействомъ въ Одессу. Сынъ мой окончилъ въ здѣшнемъ лицейѣ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. При немъ я оставилъ жену младшаго сына и дочь, а самъ, взявъ съ собою 15 руб. на дорогу, 7-го іюня пошелъ въ Курскъ. Но предварительно вздумалъ зайти, по дорогѣ, въ Кіевъ поклониться св. угодникамъ Божиимъ. Пришелъ сюда 18-го числа, а черезъ два дня пустился въ путь къ Курску. Имѣніе отца Мухина находилось въ 45-ти верстахъ отъ этого города. Я пришелъ въ Пахомку 3-го іюля и отъ жителей узналъ, что старшій братъ Мухина недавно пріѣхалъ сюда изъ Петербурга погостить. Разумѣется, я этому былъ радъ, потому что мнѣ не предстояло надобности пробираться въ Питеръ. Дѣйствительно, я увидѣлся съ братомъ моего должника и подалъ ему отъ послѣдняго письмо. Онъ, прочитавъ его, сказалъ мнѣ, что денегъ въ настоящее время не имѣеть, а приплетъ ихъ мнѣ въ Бишиневъ къ половинѣ октября. Я убѣдительно просилъ его дать денегъ на дорогу въ Одессу. Онъ далъ мнѣ 5 рублей. Въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXXI, (май), стр. 183—148; (іюнь), стр. 221—240; (іюль), стр. 437—478; (августъ), стр. 665—678.

Одессу пришолъ я 23-го іюля, а черезъ мѣсяць отправился пѣшкомъ въ Новый Бугъ за полученіемъ съ нѣкоторыхъ офицеровъ прежнихъ долговъ. Получилъ съ одного 110 рублей и опять возвратился въ Одессу. Здѣсь нанялъ квартиру съ лавкой, купилъ бакалейнаго товару и началъ торговать. Въ половинѣ октября я ѣздилъ въ Кишиневъ; но деньги отъ брата моего должника, Мухина, высланы мнѣ не были. Эту зиму я перебивался съ грѣхомъ пополамъ, тѣмъ болѣе, что старшій сынъ мой, будучи въ это время смотрителемъ въ лицѣ, уѣхалъ къ одному заводчику для обученія его дѣтей. Между тѣмъ, я узналъ, что должникъ мой, корнетъ Мухинъ, уѣхалъ изъ полка къ своимъ родителямъ въ имѣніе Пахомку.

Въ послѣднихъ числахъ марта 1857 года я отправился пѣшкомъ къ моему должнику. Денегъ у него не было; онъ вновь далъ мнѣ письмо къ своему брату въ Петербургъ. 18-го мая я пришолъ въ Москву, а черезъ день пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Братъ Мухина принялъ меня очень не дружелюбно, чуть не выгналъ изъ дому. Вышелъ я отъ Мухина и задумался: что мнѣ теперь дѣлать? Денегъ у меня было только 6 коп. Тутъ я вспомнилъ, что одинъ полковникъ Бугскаго полка, по случаю отпуска, проживаетъ здѣсь. Я розыскалъ квартиру этого полковника, гдѣ-то на Литейной улицѣ, и пришолъ къ нему. Онъ принялъ меня радушно; угостилъ кофеемъ. Я рассказалъ о своемъ дѣлѣ. Полковникъ посоветовалъ мнѣ подать прошеніе великому князю, который былъ, впрочемъ, въ это время за границей, а завѣдывалъ дѣлами морскаго министерства адмиралъ Метлнинъ. Такъ слѣдовало обратиться съ прошеніемъ къ этому адмиралу. Затѣмъ, полковникъ пригласилъ меня къ себѣ ночевать. Это было очень пріятно для меня. На другой день, утромъ, я шолъ по Невскому проспекту и встрѣтился съ камердинеромъ Мухина, который мнѣ сказалъ, что онъ меня розыскиваетъ, чтобы я пришолъ къ его барину. На этотъ разъ Мухинъ принялъ меня вѣжливо и извинился за прошлый грубый поступокъ со мною. Я началъ слезно просить его о деньгахъ, говоря, что у меня всего только 6 коп.—мнѣ не на что и здѣсь жить и не съ чѣмъ выѣхать изъ Петербурга. Должно быть, Мухинъ сжалился надо мною и далъ мнѣ 60 руб. съ тѣмъ, чтобы я ѣхалъ изъ Питера, куда знаю. Этими деньгамъ я чрезвычайно обрадовался и рѣшилъ вовсе не подавать жалобы на Мухина, потому—народная пословица гласитъ—съ слабымъ не борись, съ богатымъ не тягайся. Денегъ у меня было довольно, чтобы выбраться изъ Петербурга, гдѣ становилось для меня скучно. И вотъ 7-го іюня я оставилъ сѣверную столицу.

На тяжеломъ поѣздѣ прикатилъ въ Москву. Здѣсь, у Серпуховскихъ воротъ, нанялъ извозчика до Курска, за 5 рублей, ѣхать съ нимъ при обозѣ. Дорога съ этими извозчиками мнѣ такъ надоѣла, что я неоднократно раскаявался, что съ ними поѣхалъ; наконецъ въ Орлѣ вышелъ изъ терпѣнія

и пошолъ пѣшкомъ. Шагая по направленію къ Курску, я размышлялъ о желѣзной дорогѣ: сколь она благотѣльна для людей. Первое: скоро и дешево; второе: харчей надо мало. Еслибы было побольше этихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, народъ сталъ бы гораздо развязнѣе и коммерческія дѣла пошли бы несравненно лучше. Дай Богъ, чтобы сѣтъ желѣзныхъ дорогъ покрыла всю широкую раздольную Русь-матушку. Это великое благо!

21-го іюня явился я къ должнику своему въ Пахомку; но отъ него не добился никакого толку, и пошолъ въ Харьковъ. Тутъ я вспомнилъ, что мой сынъ учитъ дѣтей у зятя сахаро-заводчика Яхненки. Я отправился къ сыну, въ той надеждѣ—не найдется ли мнѣ какого-нибудь мѣстечка на заводѣ! Здѣсь я узналъ, что сынъ мой, покончивъ занятія съ дѣтьми, еще передъ пасхой отправился въ Одессу. При этомъ мнѣ было предложено мѣсто прикащика на заводѣ. Я согласился. Должность моя состояла въ томъ, чтобы наблюдать за казармами, въ коихъ помѣщалось до 2,000 человекъ рабочихъ, и при этомъ радѣть о хозяйскомъ интересѣ. Жалованья мнѣ было назначено 300 руб. въ годъ; квартира и столъ отъ хозяина. Я началъ служить и наблюдать хозяйскіе интересы. Прошло два мѣсяца. Двое управляющихъ остались не довольны мной за то, что я обнаружилъ слѣдующее злоупотребленіе: положимъ, рабочихъ было 2,000 человекъ, а обѣденныхъ порцій отпускалось 2,200, т. е. на 200 человекъ болѣе. Куда эти лишніе порціи шли—не извѣстно. Все-таки я прожилъ на заводѣ Яхненки до мая мѣсяца 1858 года.

Тутъ я получилъ отъ должника моего Мухина, изъ Харькова, письмо, съ извѣстіемъ что онъ теперь разбогатѣлъ. Оставивъ службу на заводѣ, я пошелъ къ Мухину. Онъ далъ мнѣ 100 рублей, обѣщавшись отдать остальные деньги не позже сентября мѣсяца. Спасибо и на томъ. Изъ Харькова я пошелъ въ Воронежъ поклониться св. Митрофанію, а потомъ въ Саратовскій монастырь. 14-го іюля я прибылъ на родину въ Выбздную слободу. Здѣсь, виѣсть съ родными и знакомыми, мнѣ довелось встрѣтиться съ извѣстнымъ въ исторіи моей жизни крестьяниномъ Павельевымъ. Ему за поимку меня отъ главноуправляющаго Рагузина и отъ помѣщика обѣщаны были великія милости и награжденія. Но этихъ милостей онъ не дождался. Напротивъ того, несчастье за несчастьемъ слѣдовало съ нимъ и съ семействомъ его: самого его разбилъ параличъ, а сынъ—мой крестникъ—отданъ былъ въ солдаты. Павельевъ приглашалъ меня къ себѣ въ гости, но я отъ этого приглашенія отказался.

Черезъ недѣлю я оставилъ родную слободу и направилъ путь свой къ замушней дочери въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь скоро пронесся слухъ, что на ярмарку пріѣдетъ государь императоръ съ своею августѣйшею супругою. Столь рѣдкихъ высокихъ гостей нельзя было не дождаться. 16-го августа на фонарныхъ столбахъ и на углахъ появились афиши о прибытіи въ городъ,

по Волгѣ, государя съ государыней, 18-го числа въ 12 часовъ дня. Наканунѣ этого числа я вышелъ на ярмарку. Народу было несмѣтное количество. Прислушиваясь къ толкамъ и разговорамъ мужичковъ, я видѣлъ, что эти простые люди пламенно желали хоть однимъ глазкомъ взглянуть на обожаемаго монарха, отъ котораго, по слухамъ, дана будетъ скоро свобода крестьянамъ отъ крѣпостнаго рабства. Этимъ обстоятельствомъ и объяснялось, по моему мнѣнію, столь небывалое стеченіе народа въ Нижнеми и на ярмаркѣ. Въ самый день прїѣзда высокихъ посѣтителей, т. е. 18-го числа, съ ранняго утра несмѣтныя толпы народа заняли кремль, набережную, покрыли всю гору по направленію къ Волгѣ. Въ 4 часа пополудни пароходъ прибылъ съ державными путешественниками; въ городѣ раздали торжественный звонъ и неумолкаемое «ура!» огласило воздухъ. Признаюсь, на своемъ вѣку мнѣ не однажды приводилось присутствовать при встрѣчахъ нашихъ русскихъ помазанниковъ Божіихъ, но такой встрѣчи я не видаю. Радость на всѣхъ лицахъ и воодушевленіе были, поистинѣ, трогательны и умилительны. Когда государь съ своею супругою вышелъ съ пристани на берегъ и сѣлъ въ карету, то оказалось, что отъ тѣсноты народной не было никакой возможности вѣхать: народъ на рукахъ везъ экипажъ съ государемъ и государыней до самаго собора, что въ кремлѣ. Вечеромъ была великолѣпная иллюминація: зрѣлище необыкновенное и нигдѣ мною не виданное! — На четвертый день, т. е. 22-го августа, въ 11¹/₂ часовъ, державные гости оставили Нижній-Новгородъ. Какъ я замѣтилъ, многіе и многіе проливали искреннія слезы....

Изъ Нижняго я отправился въ Херсонъ, гдѣ старшій сынъ мой хлопоталъ занять мѣсто учителя въ здѣшней гимназіи. Въ январѣ мѣсяцѣ 1859 года сынъ мой опредѣленъ былъ на это мѣсто, гдѣ находится и по настоящее время.

Въ первыхъ числахъ іюня я вздумалъ навѣстить должника моего Мухина, проживающаго въ Харьковѣ, а по дорогѣ зайти къ помѣщику Полтавской губерніи, у котораго сынъ мой училъ дѣтей и который остался ему долженъ около 200. рублей сереб. Пробирался я на Николаевъ, Бобринецъ и Елисаветградъ — гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на подводахъ съ попутчиками. Изъ Елисаветграда пришелъ къ упомянутымъ помѣщикамъ, получилъ съ одного деньги и отправился въ Кременчугъ. По дорогѣ отсюда я догналъ двухъ молодыхъ людей, съ котомочками за плечами, которые оказались окончившими курсъ въ Могилевской гимназіи и пробирались въ Харьковскій университетъ. Не доходя версты двѣ до Полтавы, мы расположились почевать на обширномъ полѣ, гдѣ нѣкогда великій преобразователь Россіи императоръ Петръ I-й одержалъ блистательную побѣду надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII-мъ. Въ Полтавѣ я расстался съ своими молодыми спутниками и направился къ Харькову, куда прибылъ 17-го іюня. Явился къ должнику

моему Мухину. Денегъ у него не оказалось. Я убѣдилъ его выдать мнѣ формальное заемное письмо на 530 руб. Въ это время въ Харьковѣ показывалась и давала представленія извѣстная Юлія Пастрана. Я пошолъ по-смотреть на эту чудо-женщину: невысокаго роста, безобразная; она пѣла пѣсни на двухъ иностранныхъ языкахъ и одну русскую пѣсню. 25-го іюня, съ оставшимися у меня 5-ю рублями сереб., я пошолъ обратно въ Херсонъ. Въ концѣ 1859 года я вздумалъ открыть торговлю съ однимъ знакомымъ; но изъ этого ничего не вышло.

Въ началѣ 1860 года я отправилъ одному богатому человѣку письмо съ такимъ предложеніемъ: я предприиму путешествіе на рѣку Амуръ, отсюда въ Камчатку и по краю Сѣвернаго Ледовитаго океана до Архангельска и Петербурга; подробно опишу это путешествіе въ видахъ какаго-нибудь коммерческаго предпріятія, а средства на путешествіе долженъ дать мнѣ оный, богатый человѣкъ. Послѣдній письменно отвѣчалъ мнѣ, что на мое предложеніе согласенъ и обѣщался прибыть въ Херсонъ для личныхъ со мною объясненій. Я дождался.

Въ день отданія пасхи у насъ совершался великолѣпный крестный ходъ при перенесеніи въ Херсонъ чудотворной Касперовской иконы Божіей Матери, учрежденный преосвященнымъ херсонскимъ и таврическимъ Иннокентіемъ ¹⁾. Въ 25-ти верстахъ отъ г. Херсона, на правомъ берегу Днѣпра, находится село Касперовка, принадлежавшее помѣщицѣ Касперовой. Эта помѣщица, по преданію, имѣла у себя древнюю икону Божіей Матери, на которой изображеніе совершенно стерлось. Однажды, въ 1846-мъ году, помѣщица замѣтила, что икона совсѣмъ перемѣнилась; изображеніе на ней оказалось какъ бы сдѣланнымъ за-ново. Немедленно донесли объ этомъ мѣстной духовной власти. Надлежащимъ обследованіемъ было обнаружено, что изображеніе на иконѣ дѣйствительно обновилось. Потому эту икону назвали «Борсунской», по сходству ея съ древними греческими иконами Богоматери Борсунской, отличительная черта которой, какъ извѣстно, такая: свитокъ въ рукѣ Божественнаго Младенца. По сказанію лѣтописи, нѣсколько такихъ иконъ было вывезено изъ Борсуна равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, послѣ принятія имъ здѣсь крещенія, и одна, какъ говоритъ мѣстное преданіе, была принесена въ наши края какимъ-то курсунскимъ выходцомъ. Помянутую обновившуюся икону изъ дома помѣщицы Касперовой взяли и поставили въ церкви близъ лѣваго клироса. Народъ очень чтитъ эту икону, и вотъ, по просьбѣ жителей г. Херсона, преосвященнымъ Иннокентіемъ

¹⁾ О значеніи, какое придавалъ преосвященный Иннокентій крестнымъ ходамъ въ религіозной жизни народа, см. нашу статью: „Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій“, „Русск. Старина“, изд. 1878 г., томъ XXIII, стр 374 и слѣд., изд. 1879 г., т. XXV, стр. 686—688. Н. В

учрежденъ былъ ежегодный крестный ходъ съ перенесеніемъ ея изъ Касперовки въ Херсонъ. Первый такой ходъ состоялся въ 1852-мъ году.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я послалъ Мухину письмо, напомнивъ ему объ его мнѣ долгѣ. Въ концѣ сентября онъ выслалъ мнѣ всѣ деньги, т. е. 530 рублей, и я немедленно отправился въ Кишиневъ купить походяще кой-какого товару, съ тѣмъ, чтобы заняться въ Херсонѣ торговлею. Вѣдь не сидѣть же, сложа руки; да и кормиться чѣмъ-нибудь надо же было. Накупивши въ Кишиневѣ разныхъ фруктовъ, виноградныхъ винъ и проч., я 20-го октября возвратился въ Херсонъ и сталъ торговать. Зима въ этомъ году была снѣжная и необыкновенно для того края холодная: морозы доходили до 30-ти градусовъ. По словамъ старожиловъ, такая зима была только въ достопамятномъ 1812-мъ году.

1861—1862 гг.

Съ 1-го марта 1861 года я началъ собираться въ св. градъ Іерусалимъ для поклоненія гробу Господню, горя нетерпѣніемъ исполнить это давнишнее мое обѣщаніе. Сдѣлалъ нѣкоторыя необходимыя распоряженія по торговлѣ, заготовилъ себѣ фунтовъ 15 сугарей и 12-го марта, на пароходѣ, отправился въ Одессу. Здѣсь, въ канцеляріи генералъ-губернатора, куда я пришелъ за заграничнымъ паспортомъ, мнѣ сказали, что нужно свидѣтельство обо мнѣ отъ херсонскаго губернатора. Я послалъ депешу сыну, чтобы онъ выхлопоталъ это свидѣтельство и выслалъ мнѣ. 19-го числа въ соборѣ прочитанъ былъ всемілостивѣйшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Радость народа была неописанна. Благодарность его къ своему добрейшему царю-батюшкѣ Александру II Николаевичу была велика и безпредѣльна. Народъ загулялъ, да и было отъ чего.

Лишь только сынъ прислалъ мнѣ губернаторское свидѣтельство, я немедленно получилъ заграничный паспортъ и за 1 рубль сереб. прописалъ его у турецкаго консула. Потомъ скорыми шагами пошелъ къ катору пароходства, находившюся на карантинной пограничной гавани; взялъ билетъ для проѣзда на палубѣ винтоваго парохода «Эльборусъ», до Константинополя; заплатилъ 5 руб. сереб. Затѣмъ, въ городѣ разиѣнялъ ассигнаціи на золото; прописалъ свой паспортъ въ карантинъ и таможенъ. Наступило 25 марта—день Благовѣщенія, когда, въ 4 часа по полудни, «Эльборусъ» долженъ былъ отправиться изъ Одессы. Я отстоялъ въ соборѣ утреню и обѣдню, пообедалъ у одного своего пріятели, взялъ свой мѣшечекъ съ провизіей и около 3-хъ часовъ пришелъ на пароходъ. Черезъ часъ пароходъ вышелъ изъ бухты въ открытое море.

На палубѣ пассажировъ было довольно—русскіе, армяне и татары. Одни

изъ нихъ ѣхали по своимъ торговымъ дѣламъ въ Константинополь, другіе— въ Іерусалимъ, а третьи—изъ татаръ—въ городъ Мекку для поклоненія гробу Магомета. Я присоединился къ компаніи двухъ спутниковъ—мужчины и женщины изъ русскихъ, ѣдущихъ въ Іерусалимъ. Вѣтеръ дулъ противный, и при томъ холодный. Мы надумали чай пить. Какъ старшій изъ двухъ моихъ спутниковъ, я пошелъ съ двумя чайниками въ кухню къ повару за водой; договорился съ нимъ за воду на чай по 10-ти коп. въ сутки; если что вздумаетъ варить, то—плата особенная. Поваръ налилъ мнѣ въ чайники изъ кастрюли воды, и при томъ споромной ложкой. Я замѣтилъ ему, что это мнѣ не нравится, такъ какъ теперь великій постъ. Поваръ отвѣчалъ:— Если будешь разговаривать, да брезговать, такъ и этой воды не получишь. Чтѣ за грѣхъ, что ложка скорошная? Богъ за такимъ грѣхомъ не погонится.

Я увидѣлъ, что разговаривать тутъ нечего, и удалился съ водой, налитой поваромъ. Наступила ночь. Я, наряду съ нѣкоторыми, спать расположился близъ пароходнаго куба на желѣзномъ помостѣ: хоть жестко и неудобно было спать, зато тепло.

На третій день, рано утромъ, «Фальборусъ» нашъ вошелъ въ Константинопольскій проливъ, и передъ нами открылись прелестныя предмѣстья Царь-Града, тянувшіяся на пространствѣ болѣе 30-ти верстъ, по обѣимъ берегамъ пролива. Тутъ, за рощами, среди садовъ видѣлись дома самой причудливой архитектуры, раскрашенные разноцвѣтными красками и покрытые черепицею. Нѣкоторые сады уже покрыты были зеленью; цвѣты расцвѣтали. Словомъ—красота мѣстоположенія приковывала къ себѣ взоры путника. Въ 8 часовъ утра мы увидѣли Слутаря, Галату, Перу и самый Царь-Градъ. Видъ былъ очаровательный. Множество минаретовъ, мечетей съ золотыми полумѣсяцами возвышались надъ зданіями и блестяли отъ лучей солнца. А выше всѣхъ красовалась своимъ величіемъ мечеть «Ая Софи»— бывшая нѣкогда православнымъ храмомъ св. Софіи — Премудрости Божіей. Противъ этого историческаго, достославнаго зданія пароходъ нашъ остановился и бросилъ якорь. Невольная грусть овладѣла мной седцемъ, при мысли—какъ этотъ христіанскій храмъ, выстроенный мудрымъ царемъ Іустиніаномъ, подвергся власти нечестивыхъ агарянъ; больно видѣть христіанцу полумѣсяцъ тамъ, гдѣ красовался св. крестъ.—Мнѣ вспомнилось сказаніе, что, нѣсколько столѣтій тому назадъ, предъ самымъ вторженіемъ турокъ въ Царь-Градъ, для жителей его были разныя дивныя знаменія, будто бы, предвѣщавшія паденіе ихъ великаго города. Поэтому, патриархъ и знатные вельможи совѣтовали благовѣрному царю Константину прекратить кровопролитіе съ турками и добровольно оставить свою столицу. Но благовѣрный не внялъ этому совѣту и въ кровавой битвѣ положилъ свою голову у самыхъ воротъ Царь-Града. Султанъ съ своимъ войскомъ вѣхалъ въ городъ и прямо на-

правился къ Софіи, гдѣ патриархъ молился съ народомъ. Султанъ приказалъ не нарушать богослуженія. Въ тотъ же день, одинъ христіанинъ-булгаринъ нашолъ между трунами голову царя Константина и принесъ ее султану. Этотъ взялъ голову, будто, въ руки, поцѣловалъ ее и тѣло Константина повелѣлъ предать землѣ съ приличными почестями. Съ тѣхъ поръ турки начали владѣть Царь-Градомъ и назвали его, по своему, Стамбуломъ.

Лишь только пароходъ остановился на мѣстѣ, какъ со всѣхъ сторонъ бросились къ намъ непрерывно множество баркасовъ, или каяковъ (особый родъ лодокъ) съ турками, которые, какъ кошки, хватились крючьями за бортъ парохода, вскакивали на него, насильно брали мѣшки пассажировъ, зазывали и тащили пассажировъ каждый на свой каякъ. Когда суматоха на пароходѣ поутихла, русскіе богомольцы отдали свои паспорта явившемуся къ намъ русскому фактору (маклеру) для прописки ихъ у русскаго консула, за что онъ взялъ, на наши деньги, по 10-ти коп. за паспортъ. Потомъ я, вѣдѣвъ съ другими, переправился на баркасѣ въ городъ. Въ домѣ русскаго агентства, находящемся са самою берегу Босфора, я взялъ билетъ до Яфры за 10 руб. сереб. Послѣ этого купилъ на дорогу—чаю, сахару, рому и греческаго вина. Эти продукты въ Константинополѣ были не дороги: ромъ—30 коп. сереб. кварта, лучшій цвѣточный чай—1 руб. 70 коп. за фунтъ, сахаръ—14 коп. фунтъ, вино „тенедось“—20 коп. кварта. Оставивъ всѣ эти припасы у русскаго фактора, я съ однимъ богомольцемъ пошелъ осматривать городъ ¹⁾. Улицы—до безобразія узки, кривы и такъ были запружены народомъ разныхъ націй, что не представлялось никакой возможности идти прямо, а нужно было пробираться бокомъ. Тутъ встрѣчались турки, греки, евреи, французы, нѣмцы, итальянцы, испанцы, англичане, арабы, поляки, молдаване, волохи, болгаре, персіяне, черкесы, каракмы и др. Мнѣ, при своихъ многолѣтнихъ странствованіяхъ, приводилось видѣть улицы городовъ неприглядныя и грязныя; но такихъ, какъ въ столицѣ Турціи, признаюсь, я не видалъ: здѣсь на улицы, безъ зазрѣнія совѣсти, выбрасываются изъ оконъ всякіе остатки отъ завтрака и обѣда, выносятся изъ домовъ и льется какая-бы-то ни было жидкость и валяется безъ запрету всевозможная падалъ. Словомъ—нечистота отвратительная. Смѣшанный же крикъ и визгъ торговцевъ просто выводилъ изъ терпѣнія. Дрова и разную кладь возили на ослахъ. Дома—двухъ, трехъ и четырехъ-этажныя—очень красивы; примыкаютъ одинъ къ другому плотно. На ряду съ богатыми, роскошнымъ магазиномъ находилась или грязная лавочка торговца старыми сапогами и башмаками, или же какая-то собачья конура мясника, пропитан-

¹⁾ Въ такъ называемой европейской части Константинополя мнѣ не привелось быть.

ная промозглымъ запахомъ отъ недоброкачественной говядины или баранины. Я съ своимъ спутникомъ зашелъ въ греческую харчевню закусить: взяли только 60 коп. за обѣдъ съ двохъ. И то ладно. Въ 4-мъ часу по полудни мы, захвативъ съ собою припасы отъ русскаго фактора, пришли на пароходъ.

Вечеромъ, при захожденіи солнца, погода стала великолѣпною; море — тихо и спокойно; на поверхности его ныряли морскія свинки, отыскивая себѣ пищу. Взошла луна. Видъ на Константинополь и его, на далекое расстояние замѣтныя, окрестности казался чрезвычайно пріятнымъ. Вотъ по всему городу загорѣлась иллюминація; это—какъ по разспросу оказалось—было провозжаніе турками «байрама»—большаго праздника мусульманъ. Раздалась пушечная пальба; на турецкихъ пароходахъ заиграла военная музыка. Все кончилось далеко за полночь.

На другой день въ 7½ часовъ мы оставили Царь-Градъ к, спустя немного, «Эльборусъ» пустился въ Мраморное море. Скоро переѣхавъ черезъ него, остановились близъ г. Галлиполи. Минувавъ Дарданельскій проливъ, пустились въ Архипелагъ. Мы плыли темносиними его водами, придерживаясь лѣваго азіатскаго берега. Вотъ вдали показались разныя суда: это близъ острова Тенедоса. Пароходъ пробѣжалъ мимо этого острова. Я могъ замѣтить только полуразрушенныя древнія укрѣпленія и бойницы, да на пригорѣхъ нѣсколько вѣтряныхъ мѣльницъ. По горѣ видѣлись зеленѣющія поля. Жителей было не видно. Черезъ нѣсколько времени показался большой гористый островъ Метелень съ городомъ того же названія. Нашъ пароходъ вошелъ въ гавань и сталъ на якорѣ. Видъ города очень красивый; онъ расположенъ по холмамъ между двухъ высокихъ горъ, и на одной изъ нихъ, по свѣсившейся надъ моремъ скалѣ, расположена была старая крѣпость, на которой развѣвался турецкій флагъ. На нашъ пароходъ нагружались нѣкоторые товары, преимущественно деревянное масло, и сѣдлись новые путники. На другой день, утромъ, «Эльборусъ» вошелъ въ Смирнскую гавань. Здѣсь нашъ пароходъ долженъ былъ простоять болѣе полутора сутокъ. Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я съ однимъ богомольцемъ отправился на баркасѣ осматривать городъ Смирну. Этотъ городъ стоитъ въ котловинѣ, окруженный съ трехъ сторонъ (кромя западной—къ морю) значительной высоты горами. Домовъ очень много каменныхъ, разной постройки, т. е. и европейской, и азіатской; улицы хоть и тѣсныя, но чистыя. Въ окрестностяхъ города и въ немъ самоѣ много садовъ — кипарисовыхъ, финиковыхъ и виноградныхъ; нѣкоторые изъ этихъ садовъ уже распустили свою пріятную зелень. (Мы осматривали городъ 31-го марта). По улицамъ, за отсутствіемъ многолюдства, ходить было удобно. Такихъ уродливыхъ экипажей, какіе я встрѣчалъ въ Стамбулѣ, здѣсь почти не видно, да и ѣздить болѣе на мулахъ, верблюдахъ и отчасти на лошадяхъ верхами. Въ магази-

нахъ разныхъ европейскихъ товаровъ, а на рынкахъ всякихъ припасовъ, особенно рыбы ¹⁾, было въ избытѣ. Торговали преимущественно греки или армяне; просили за каждый предметъ въ три-дорога, и при этомъ всячески старались обчитать, или обмануть покупателя. По улицамъ нашъ попадались турчанки, съ лицомъ, покрытымъ бѣлой кисеей; гречанки, совершенно наоборотъ, съ открытымъ лицомъ и очень свободнымъ обнаженіемъ полу-грудя; наконецъ, черныя арабки, съ покрытымъ на половину лицомъ; въ ноздряхъ у нихъ, какъ у индѣйскаго пѣтуха, висѣли цѣпочки изъ небольшихъ серебряныхъ монетъ. Всѣ женщины въ шараварахъ; вообще костюмы ихъ—разнораспестренные. Непривычному глазу смотрѣть на эти костюмы какъ-то странно, и даже непріятно. Мы сходили въ греческую православную церковь св. Николая Чудотворца къ преждеосвященной обѣднѣ. Храмъ обширный; иконостасъ и вся внутренность изъ разноцвѣтнаго мрамора; иконы—стариннаго писанія; вездѣ чистота. Вообще храмъ прекрасный. Молящихся было много. Одна странность бросалась въ глаза: мужчины, всѣ безъ изыятія, стояли въ фескахъ, чалмахъ и нѣкоторые въ шляпахъ.

Въ 4½ часа по-полудни «Эльборусъ» снялся съ якоря и мы оставили берега Смирны. На другой день (1-го апрѣля) пароходъ быстро шолъ между разными скалистыми островами. День былъ тихій, ясный, теплый, солнечный—первый прекрасный день со времени отправленія нашего изъ Одессы. Морскія волны тихо колебались, съ брызгами ударяясь объ утесы острововъ и о борты нашего парохода. Часа въ 4 пополуудни мы прибыли къ острову Родосу, который называется турецкой Сибирью. Городъ, расположенный на мысѣ отлогой горы, довольно красиваго вида. Садовъ, который уже зеленѣлись, было много. Съ моря городъ обнесень каменной стѣной, надъ которой, въ городѣ, возвышались турецкія мечети. По берегу моря стояли круглыя, на подобіе ульевъ, каменные вѣтряныя мельницы. Улицы въ городѣ—узкія, вымощены камнемъ. Лавоги съ разными товарами довольно; кофейни—довольно сносны; въ нихъ сидѣли турки и греки, курия пальянъ и попивая кофе. Вино (красное) «тенеодсъ» — дешево и очень пріятно вкусомъ. На улицѣ повстрѣчался мнѣ грекъ, который сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе по-русски и спросилъ: изъ какой я губерніи? Оказалось, что онъ бывалъ въ Херсонской губерніи и даже въ Таганрогѣ. Потомъ онъ предложилъ мнѣ купить у него канареекъ.

— Дороги-ли? спросилъ я.

— Старыя пѣвчія—10 руб., а молодыя—2½ руб. за десятокъ.

¹⁾ На ряду съ прочими продавались: камболы, лаверды, пилы, летучія рыбы и одна въ родѣ собачьей морды; устрицы и какія-то въ полъ-аршинъ раковины, въ которыхъ находилось что-то въ родѣ нашей жидкой лягушечной части.

Зная, что греки всегда запрашиваютъ ужасно дорого, мнѣ все-таки такая цѣна показалась подходящей: купить слѣдовало бы; но что мнѣ было бы съ нихъ дѣлать при еще дальнемъ путешествіи въ Іерусалимъ, и потомъ обратно—въ Россію? Вотъ если-бы я вѣхалъ домой—другое дѣло. Такъ и не пришлось мнѣ купить прекрасныхъ пѣвчихъ птичекъ. Въ 8 часовъ вечера пароходъ снялся съ якоря и скоро вступилъ въ Средиземное море. Ночь была тихая и спокойная.

Черезъ день—3-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, мы пристали къ довольно живописному острову Мерсинѣ. Городъ на отлогой скалѣ; весь окруженъ садами. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города высокія горы, на которыхъ клубились облака. Въ г. Мерсинѣ я встрѣтился съ татарами, которые, по разспросамъ, были кавказскіе, Пятигорскаго уѣзда, съ рѣки Кумы; приняли турецкое подданство, и ихъ поселили сюда. Они были очень не довольны здѣшнимъ мѣстопребываніемъ и желали бы снова возвратиться на родину; но не знали какъ, боясь турецкаго правительства. Татары были очень любезны; водили меня по садамъ, гдѣ росли лимоны, апельсины, померанцы; угощали въ лунандѣ закуской и виномъ. Разстались мы по пріятельски. Когда я вернулся на пароходъ, то пассажировъ на палубѣ набралось всѣхъ болѣе 300 человекъ; тѣснота была чувствительна.

Рано утромъ, 4-го апрѣля, изъ за тучи вошло красное солнышко; небо было ясно; вдали видѣлись Сирійскія сѣверныя горы. Въ 9 часовъ утра «Эльберусъ» снялся съ якоря и пустился въ открытое море, которое скоро отъ разыгравшагося вѣтра заволновалось и запынилось. Поднялась качка. Многіе пассажиры застонали: это приключилась съ ними морская болѣзнь. Но вотъ послѣ полудня качка прекратилась. Пароходъ быстро мчался по тихимъ волнамъ мимо какихъ-то острововъ—сѣва, а за ними опять показались высокія Сирійскія горы. Вдали видѣлся городокъ Александретта. Не доѣжая до него верстъ 14, капитанъ сказалъ всѣмъ христіанамъ, что на этомъ берегу находится то мѣсто, гдѣ, будто бы, китъ, по повелѣнію Божію, выбросилъ изъ своего чрева пророка Іону. Городокъ Александретта состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, въ которыхъ жили арабы магометане. Вокругъ городка зеленѣлись травы и лѣсъ, а далѣе возвышались горы, гдѣ клубились разноцвѣтныя облака. Видъ былъ пріятный. Пассажировъ прибавилось. Тутъ мы простояли болѣе сутокъ.

6-го апрѣля, въ 5 часовъ, пароходъ нашъ пошелъ далѣе и около 2-хъ часовъ по полудни бросилъ якорь въ бухтѣ у города Лотокии. Городъ расположенъ между красивыми масленичными и фиговыми садами; въ немъ много разрушенныхъ древнихъ замковъ. Здѣсь пассажировъ еще прибыло, такъ что на палубѣ всѣхъ находилось до 400 человекъ.

На другой день, 7-го апрѣля, въ 8 часовъ утра пароходъ нашъ остановился у города Триполи. По случаю сильнаго вѣтра и дождя я не рассу-

дѣлѣ побывать въ этомъ городѣ. Съ парохода видѣ города довольно красивый, хотя онъ построенъ чисто по-азиатски. Мечетей и минаретовъ въ немъ очень мало, почему можно полагать, что здѣсь живетъ много христіанъ. Тутъ къ намъ прибыло пассажировъ еще человекъ сто. На палубѣ сдѣлалась ужасная тѣснота и давка. Крикъ, шумъ, брань и говоръ на разныхъ языкахъ раздавались на палубѣ. Ровно въ полдень пароходъ снялся съ якоря и пустился по буйному морю. Вѣтеръ дулъ противный; пароходъ нашъ сильно качало. Пассажиры приутикли. Въ 5 часовъ по полудни мы бросили якорь въ бейрутской бухтѣ. Видѣ города Бейрута съ моря казался очень живописнымъ. Строеніе красивое; много домовъ, построенныхъ по-европейски. Мечетей съ минаретами видѣлось въ немъ довольно, а христіанскихъ церквей было не видно. Многие пассажиры отправились въ городъ, а я остался на пароходѣ. Настала ночь. Пароходъ качало неугомонными морскими волнами. Русскіе поклонники пѣли псалмы и разные другія божественныя пѣсни. Въ ясномъ небѣ мерцали звѣзды и двурогій мѣсяцъ свѣтилъ блѣднымъ свѣтомъ. На пароходѣ и въ городѣ блестяли разноцвѣтные огни. Я долго любовался этою прекрасною картиною. Потомъ крѣпко заснулъ на своемъ неприглядномъ ложѣ близъ куба. — Слѣдующій день я провелъ частію на пароходѣ, частію въ городѣ, въ которомъ примѣчательнаго ничего не замѣтилъ, кромѣ того, что французы проводили отсюда шоссе къ г. Дамаску; вообще, какъ видно, они здѣсь хозяйничали и распоряжались по своему. Пассажиры на нашъ пароходъ прибывали; и безъ того ужасная тѣснота увеличилась. Нечего дѣлать: богомольцы утѣшали себя только тѣмъ, что скоро конецъ плаванію по морскимъ пучинамъ.

Утромъ 9-го апрѣля пароходъ снялся съ якоря и мы простались съ Бейрутомъ, а на другой день, въ 5 часовъ утра, увидѣли Яффу. Этотъ небольшой городъ расположенъ на довольно возвышенномъ холмѣ, близъ самаго моря; издали очень красивъ; окруженъ садами съ лимонными, апельсиновыми и другими плодовыми деревьями южныхъ странъ. Лишь только пароходъ нашъ сталъ на якорѣ, какъ тотчасъ же пристало къ нему множество яликовъ, баркасовъ, съ которыхъ турки, греки и арабы, съ удивительной быстротою и ловкостью, вскарабкались на пароходъ; непрерывно другъ передъ другомъ старались зазвать къ себѣ пассажировъ; насильно брали багажъ, дѣтей и самихъ пассажировъ, при чемъ багажъ попадалъ къ одному лодочнику, а хозяинъ его—къ другому. Произошло такое смятеніе, гамъ, крикъ, особенно женщинъ и дѣтей, что трудно и описать. Русскіе богомольцы устроились отъ этой суматохи и дали волю азіатамъ. Послѣ всѣхъ перебрались въ Яффу и мы, русскіе, гдѣ, на берегу, встрѣтилъ насъ консульскій чиновникъ и показалъ, гдѣ намъ остановиться. Мы пошли въ патриаршую гостиницу при греческомъ монастырѣ; тутъ отвели намъ комнаты и мы разиѣстились. Потомъ я и нѣсколько человекъ изъ

новхъ спутниковъ пошли осматривать городъ. Улицы—чисто азіатскія: кривыя, узкія, неудобныя; между ними есть такія, что въ нихъ и солнца Божьяго не видно. На гавани замѣтно было оживленіе и суета; нагружали и выгружали суда, навьючивали мѣшки съ хлѣбомъ на верблюдовъ, лошаковъ и муловъ. Тутъ бросались въ глаза полунагіе и совсѣмъ нагіе арабы. Пройдя городъ, мы вышли за іерусалимскія ворота, гдѣ находился базаръ. Продавалось здѣсь особенно много лимоновъ и апельсиновъ изъ мѣстныхъ садовъ, а также рыбы, называемой «лжерда». Потомъ, мы зашли въ лужанду—къ греку пообѣдать, гдѣ насъ угощали этой самой рыбой. Возвратясь въ гостиницу, напились чаю, а вечеромъ съ террасы любовались волнами шумящаго моря ¹⁾. На другой день все мы, богомольцы, были въ монастырской церкви у заутрени и обѣдни. Потомъ пошли къ консулу и отдали ему свои паспорта. Консулъ сказалъ, что, по недостатку подводъ, намъ нельзя сегодня отправиться въ Іерусалимъ и чтобы лишніе деньги мы оставили у него на храненіе, до обратнаго путешествія. Богомольцы это исполнили. Онъ выдалъ намъ билеты для безпрепятственнаго слѣдованія въ Іерусалимъ, съ обозначеніемъ, кто сколько оставилъ у него денегъ; а наши паспорта должны были отослаться къ іерусалимскому консулу. Послѣ этого насъ позвали къ архимандриту монастыря, для того, чтобы, по существующему здѣсь обыкновенію, мы записали въ особую книгу имена своихъ родственниковъ для поминовенія. По исполненіи этого въ кельѣ архимандрита, каждый изъ богомольцевъ, по усердію и состоянію своему, оставлялъ на столѣ нѣсколько денегъ. За пріютъ въ гостиницѣ съ насъ не требовали ничего. Остальное время этого дня я съ двумя товарищами ходилъ по городу и по прекраснымъ благоуханнымъ садамъ, гдѣ плоды рѣдѣлись на солнцѣ, цвѣли розы и другіе ароматные цвѣты.

12-го апрѣля, послѣ заутрени, пришолъ къ намъ консульскій секретарь и объявилъ, что для нашей поѣздки въ Іерусалимъ лошаки готовы, съ платою за каждаго животнаго по 1 руб. 60 коп. сереб. Путешественники немедленно собрались, вышли на улицу, выбирали лошаковъ, укладывали на нихъ свой багажъ и усаживались сами. Нѣкоторые нанмали одно животное вдвоемъ, чтобы ѣхать на немъ попеременно; иные же, по неимѣнію денегъ или просто изъ желанія потрудиться, рѣшились идти пѣшкомъ. При каждомъ лошакѣ находился арабъ или турокъ съ пиккою, которою понукалось животное. Въ 10 часовъ утра нашъ караванъ тронулся другъ за дружкой. Выѣхавъ изъ города, мы пустились по узенькой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой цвѣли и благоухали роскошныя сады. Эти сады не были огорожены, а, взамѣнъ того, окопаны рвомъ, въ коемъ

¹⁾ Мнѣ передавали, что у Яффы море всегда, даже въ тихую погоду, бываетъ бурливо и шумно.

росъ толстый столбтникъ; по немъ бѣгали зеленныя ящерицы. Когда миновались сады, предъ нами открылась обширная равнина, гдѣ созрѣвалъ ячмень и пшеница, колышавшаяся отъ вѣтра какъ море. По мѣстамъ, арабы воздвигали землю на верблюдахъ и быкахъ. Вдали видѣлись Іудейскія горы; раздавалось пѣніе жаворонковъ. Дорога пошла между садами масличными и мы скоро прибыли въ селеніе Рашли¹⁾. Хотя времени было не болѣе 3-хъ часовъ по полудни, но намъ слѣдовало здѣсь переночевать. Мы помѣстились въ приемномъ домѣ, находившемся въ зависимости отъ патриарха. Вчетверомъ, въ томъ числѣ съ однимъ грузиномъ богомольцемъ изъ Тифлиса, человекомъ здѣсь бывалымъ, мы пошли по селенію въ монастырь св. Георгія. Церковь была заперта, но благодаря услугѣ учителя греческихъ дѣтей при монастырѣ — дьякона, мы получили возможность побывать въ церкви: она оказалась очень бѣдною. Дьяконъ подвелъ насъ къ каменному столбу, огороженному рѣшеткою, и объяснилъ, что на этомъ столбѣ былъ мучникъ св. Георгій Побѣдосецъ. Изъ церкви возвратились въ свой пріютъ. Въ два часа по полуночи ковасъ (проводникъ) разбудилъ насъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ св. городу. При свѣтѣ полной луны караванъ нашъ тронулся въ путь. Сначала мы ѣхали равниною; потомъ стали подниматься на каменистыя, утесистыя горы, гдѣ дорога, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, поднималась выше и выше, извиваясь между скалами, ущельями и пропастями. Всѣ поклонники шли нѣшкомъ, слѣдуя близъ своихъ лошаковъ, которые, прежде чѣмъ ступить, пробовали ногами мѣсто или камень. Скажу безъ преувеличенія: мнѣ приводилось видѣть разные горныя дороги, но такого поистинѣ труднаго пути я не встрѣчалъ; это просто мученье для путешественника.

Въ 12-мъ часу дня, на одномъ плоскомъ мѣстѣ, ковасъ остановилъ караванъ для отдыха, который продолжался не долге часа. Богомольцы подѣлились себѣ пищею, у кого что имѣлось изъ съѣстнаго, и утолили жажду родниковой водою. Впрочемъ я воды не пилъ, боясь заболѣть. Не вдалекѣ отъ насъ турокъ продавалъ въ лачужкѣ кофе; я выпилъ этого напитка три чашки, заплативъ за каждую на наши деньги по 3 коп. сереб. Отсюда дорога пошла шире, удобнѣе. Черезъ два часа ѣзды, ковасъ сказалъ богомольцамъ, что Іерусалимъ близко. Мужчины слѣзли съ лошаковъ и пошли впередъ каравана, горя нетерпѣніемъ поскорѣ увидѣть св. городъ. Я послѣдовалъ за ними; но мнѣ желательно было взглянуть на Іерусалимъ одному, безъ другихъ лицъ, какъ будто бы эти лица могли отнять что нибудь отъ моей радости при видѣ св. города. Я быстрыми шагами удалился отъ своихъ

¹⁾ Говорили, будто, въ этомъ селеніи родился Іосифъ Аримаѣйскій, который совершилъ погребеніе Іисуса Христа. Н. Ш.

спутниковъ. Дорога пошла вправо на небольшой пригорокъ, съ котораго открылся предо мною Иерусалимъ. Я палъ на колѣни, заимся слезами радости и мысленно проговорилъ: «неужели я, грѣшнѣйшій, удостоиваюсь быть у тебя, Господи, въ гостяхъ, гдѣ Ты, многомилостивый, пролилъ за грѣхи наши неповинную кровь Свою». Когда караванъ нашъ ко мнѣ приблизился и я всталъ на ноги, то вся усталость моя отъ утомительной дороги миновалась: мнѣ стало легко, приятно и весело. Передъ самымъ Иерусалимомъ я сѣлъ на своего лошака и мысленно сказалъ: „Господи, благослови меня взѣхать въ городъ Твой, по примѣру Твоему на ослаѣ“. Мы взѣхали черезъ Виаеескія ворота и, минуя нѣсколько улицъ, на одной изъ конхъ стоялъ домъ царя Давида, остановились у патриаршаго двора. Въ приемномъ покоѣ монастырской гостинницы насъ встрѣтилъ пожилой глѣтъ монахъ и привелъ въ обширную комнату, сказавъ намъ порусски съ страннымъ выговоромъ: „пешалуйте сюда“. Въ комнатѣ, возлѣ стѣнъ, находились низенькія нары, устланныя потертыми коврами, съ подушками къ стѣнѣ. Богомольцы размѣстились на этихъ нарахъ, повѣсивъ каждый кладъ свою на гвоздь, надъ изголовьемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ прихода, намъ предложили по рюмкѣ фруктовой водки и по горети наюму. Наннвшисъ чаю, приготовленіе котораго обошлось не безъ хлопотъ, я съ нѣкоторыми изъ товарищей пошелъ посмотрѣть дорогѣй для каждаго христіанина городъ и зачѣсть какую-нибудь пищу. На улицахъ намъ встрѣтилось много русскихъ помѣнниковъ, ранѣе насъ прибывшихъ сюда, съ которыми я и не преминулъ разговориться. Прежде всего, они посовѣтовали мнѣ не заботиться о пищѣ, такъ какъ богомольцы продовольствуются отъ монастыря. Затѣмъ разспрашивали о Россіи, и въ особенности любопытствовали относительно освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Узнавъ, что въ Одессѣ былъ уже прочитанъ высочайшій манифестъ, они очень обрадовались, благодаря Господа и столь милостиваго своего государя. Такъ какъ день начиналъ склоняться къ вечеру, то я посѣщилъ возвратиться въ монастырь. Всѣ богомольцы сидѣли уже на своихъ мѣстахъ. Въ 7 часовъ пригласили насъ къ ужину въ столовую, находящуюся внизу отъ нашего помѣщенія, предъ вѣходомъ въ которую предлагалось выпить по рюмкѣ водки. Столовая—обширная, чистая; по срединѣ ея стоялъ мраморный столъ съ приборами, изъ конхъ у каждаго лежали небольшіе полубѣлые глѣббы. Мы сѣли за столъ. Черезъ нѣсколько минутъ іеромонахъ, стоящій впереди стола, передъ иконами, позволилъ въ колокольчикъ; мы встали. Онъ прочелъ краткую молитву и благословилъ глѣббы, послѣ чего мы сѣли ужинать. Кушанья были: чечевича съ масломъ, маслины и еще какая-то вареная зелень. Съ непривычки, кушанья эти не нравятся. Послѣ кушаньевъ каждому подносили по металлической чаркѣ кислаго кипрсаго вина. За столомъ не слышно было никакихъ разговоровъ, даже шопотомъ. Ужинъ закончился краткою благо-

дарственной молитвою. Придя въ свой пріютъ, богомольцы расположились спать, а въ томъ числѣ и я. Это былъ первый день моего пребыванія во св. градѣ, 13-го апрѣля, среда на вербной недѣлѣ.

14-го апрѣля.

Утромъ въ 3 часа насъ разбудили колокольчикомъ въ заутрени. Мы пошли въ крестовую патриаршую церковь, находящуюся въ томъ же зданіи, гдѣ былъ нашъ пріютъ. Церковь небольшая, но украшенная со вкусомъ. На влѣросѣ пѣли высшія монашествующія лица изъ грековъ. Во время службы всѣхъ богомольцевъ вывели изъ церкви въ особый покой, мужчинъ — въ одну комнату, а женщинъ — въ другую, и пригласили сѣсть на диваны, стоящіе у стѣнъ. Началось чтеніе св. писанія на греческомъ языкѣ. Черезъ нѣсколько времени вошелъ архимандритъ въ сопровожденіи двухъ иноковъ, изъ коихъ одинъ держалъ въ рукахъ мѣдный тазъ, а другой умывальникъ съ теплою водою и полотенце. Эти лица по-очередно подходили къ каждому богомольцу; архимандритъ умывалъ у нихъ ноги и вытиралъ полотенцемъ, послѣ чего ногу цѣловалъ; у женщинъ умывались руки. Послѣ этого руки всѣхъ окроплялись розовою водою. Затѣмъ, архимандритъ всталъ посреди комнаты и неправильнымъ русскимъ языкомъ прокизнь: «Исполняя обрядъ омовенія, іерусалимскіе иноки стараются подражать древнимъ и показать любовь свою къ странникамъ, пришедшимъ съ чистымъ сердцемъ въ Іерусалимъ поклониться святымъ мѣстамъ и гробу Господню, — и вотъ мы умыли ноги ваши». Послѣ того, поклонники возвратились въ церковь. Скоро утренняя кончилась и тотчасъ же началась литургія. Было еще рано, когда мы пришли изъ церкви въ свой покой. Черезъ нѣсколько времени, всѣмъ намъ принесли по небольшой чашкѣ кофею, по рюмкѣ воды и по горсти изюму. Затѣмъ, повели насъ къ намѣстнику патриарха митрополиту Петру, котораго всѣ поклонники называли: «святой Петръ»¹⁾. Мы остановились въ большой комнатѣ, откуда, по одному, насъ вызывали въ другую. Когда я вошелъ въ эту комнату, то увидѣлъ, что тутъ присутствовали: митрополитъ Петръ, два архіерея, одинъ архимандритъ и за письменнымъ столомъ чиновникъ. Я низко поклонился этому духовному собранію, внесъ свое имя и имена родныхъ въ книгу, для поминовенія, и положилъ на столъ нѣсколько сребренниковъ. Митрополитъ благословилъ меня и вручилъ мнѣ грамоту, писанную по славянски, съ изображеніемъ по краямъ ея, кругомъ, евангельскихъ событій. Принявъ грамоту, я поцѣловалъ руку, меня благословившую, и вышелъ изъ комнаты. Ровно въ полдень насъ пригласили обѣдать, послѣ чего объявили, что въ 4 часа мы пойдѣмъ ко гробу Господню, въ храмъ Восресенія.

¹⁾ Патриархъ Кириллъ рѣдко жилъ въ Іерусалимѣ, имѣя свое мѣстопробываніе въ Константинополѣ; его замѣнялъ митрополитъ Петръ. Н. Ш.

По приходѣ въ нашу комнату, поклонники говорили о томъ, что ко гробу Спасителя обувшись не входятъ, и для этого надобно купить новые чулки или носки, которые слѣдуетъ сохранять до смерти, съ тѣмъ, чтобы они были надѣты на умершаго. Я побѣжалъ на базаръ и купилъ себѣ бумажные носки.

Въ 4 часа явился іеромонахъ и повелъ насъ по святымъ мѣстамъ. Сначала мы пришли въ крестовую церковь, примыкающую къ патриаршей; здѣсь приложились къ камню отъ горы Голгофы, на которой отпечатѣлся слѣдъ божественной стопы Спасителя. Потомъ, сойдя по довольно длинной и крутой лѣстницѣ, мы приблизились къ церкви св. женъ Мүроносицъ; эта церковь находится на томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель, по воскресеніи Своёмъ, явился имъ и—какъ говоритъ преданіе—своей Божественной Матери, бывшей вмѣстѣ съ ними. Тутъ мы помолились и пошли далѣе, мимо церкви св. Іакова, брата Господня, и церкви 40-ка мучениковъ. Вышли мы на четырехъ угольную, мощеную камнемъ, площадь, гдѣ арабы продавали кресты, четки, образа, ливанъ и смирну. Но вотъ огромныя желѣзныя ворота, обращенныя къ югу; это входъ во храмъ Воскресенія. Войдя въ него, мы увидѣли близъ самыхъ дверей, на нарахъ сидящаго турка, въ чалмѣ, съ длинною трубкою. У этого турка хранились ключи отъ храма. При видѣ сего мусульманина въ столь священномъ для насъ мѣстѣ, мнѣ было прискорбно и неприятно; впрочемъ, скоро мысли и чувства мои успокоились. Саженьхъ въ трехъ, противъ входа, лежала мраморная плита, надъ которой, подъ балдахиномъ, горѣло болѣе десяти разноцвѣтныхъ лампъ. Эта плита есть тотъ камень, на которомъ тѣло Иисуса Христа, по снятіи со креста Іосифомъ и Никодимомъ, было приготовляемо къ погребенію натираніемъ благовонными мастиями. Этотъ камень названъ камнемъ мүропомазанія, или камнемъ разгвожденія Христа, такъ какъ на немъ же руки и ноги Спасителя были освобождены отъ вбитыхъ гвоздей. Приложившись къ этому камню, мы подошли къ мѣсту, покрытому тонкою желѣзною рѣшеткою, съ висящею въ серединѣ ея горящею лампадою. Это—мѣсто, съ котораго Божія Матерь смотрѣла на своего Божественнаго Сына, когда его готовили къ погребенію. Помолившись на этомъ мѣстѣ, мы повертели направо и намъ открылся огромный храмъ съ великолѣпнымъ куполомъ, который поддерживали необыкновенной величины колонны изъ цѣльнаго мрамора. Посрединѣ храма, подъ куполомъ, стояла часовня, устроенная въ видѣ маленькой церквицы: въ ней-то и находится гробъ Господень. Вокругъ всей часовни висѣло множество равной величины красивыхъ лампадъ; противъ дверей часовни стояли 4 огромныя свѣчи въ подсвѣчникахъ; онѣ зажигаются только во время большихъ праздниковъ. Я приблизился къ часовнѣ и сердце мое затрепетало... Богомольцы начали разуваться и надѣвать новые чулки или носки. Я далѣе имъ всѣмъ впередъ идти въ часовню, а самъ опустился на колѣна и сталъ

усердно молиться. Когда вышли изъ часовни послѣдніе богомольцы, я, скинувъ сапоги, надѣлъ новые носки и дрожащими руками снялъ съ своей шеи образокъ, который дѣдъ мой и отецъ брали съ собой во время путешествія. Войдя въ часовню, я увидѣлъ четырехъугольную небольшую раминну, въ которой лежалъ камень, отваленный ангеломъ отъ погребальной пещеры Господа во время Его воскресенія. Я помолился и приложился къ этому камню. Потомъ, съ замираніемъ сердца, на колѣняхъ я проползъ маленькую дверку или отверстіе и, при свѣтѣ горящихъ лампадъ, увидѣлъ гробъ Господень. Я положилъ на св. гробъ свой образокъ, припалъ ко гробу своими устами и залился горячими слезами....

Исполнилось давнишнее сердечное мое желаніе. На душѣ стало легко и радостно. Отъ гроба Спасителя всѣ мы, богомольцы, пошли на сѣверъ и пришли къ мѣсту, обозначенному мраморнымъ кругомъ, надъ коимъ висятъ горящія лампады. На этомъ мѣстѣ Иисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ, явился Маріи Магдалинѣ въ видѣ Вертоградара. Далѣе мы вошли въ церковь, построенную на мѣстѣ бывшаго вертограда Иосифа и завѣдываемую римскими католиками. Здѣсь, за крѣпкою рѣшеткою, хранится часть позорнаго столба, къ которому были привязаны руки Иисуса Христа въ преторіи Пилата. Сопровождавшій насъ іеромонахъ, сквозь рѣшетку, прикоснулся къ этому столбу однимъ концемъ тутъ же лежащей трости и давалъ прикладываться къ ней поклонникамъ. Въ этой же церкви, близъ престола, за рѣшеткою находятся каменные узы, въ которыя, какъ полагаютъ, были забиты ноги Спасителя. Узы эти есть ничто иное, какъ камень, въ длину и ширину около аршина, съ двумя круглыми дырами, въ которыя продѣвались ноги узника, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ. Недалеко отъ этихъ узъ находится, по преданію, то мѣсто, гдѣ была пещера, въ которую заключили Иисуса Христа, пока на Голгоѣ дѣлались приготовленія къ Его распятію и, будто бы, здѣсь скорбящая Божія Матерь, поддерживаемая благочестивыми женами, проливая слезы въ то самое время, когда распинали ея Божественнаго Сына. Это мѣсто называется предѣломъ Богоматери. Отсюда мы вошли въ предѣлъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Лонгинъ сотникъ во время смерти Богочеловѣка и увѣровалъ въ него. Затѣмъ, помолившись престолу, построенному, гдѣ воины дѣлили ризы Спасителя и металъ жребій, мы спустились по большой каменной лѣстницѣ въ глубокое подземелье, гдѣ найденъ былъ животворящій крестъ Господень; и въ самомъ углубленіи поклонился этому св. мѣсту. На обратномъ пути отсюда, зашли мы въ церковь съ нѣсколькими престолами въ память обрѣтенія честнаго креста св. Еленю и раскаявшагося разбойника. Отсюда мы вышли на одно изъ самыхъ трогательныхъ для христіанина мѣстъ — на гору Голгоѣу. Сердце мое содрогнулось; я палъ ницъ и залился слезами. Помолясь кресту, въ вышину подлиннаго креста Христова, съ прекраснымъ распятіемъ на немъ

Господа, и изображеніи на бокахъ его, во весь ростъ, Божіей матери и Іоанна Богослова, мы приложились, потому, къ пробитію или углубленію, гдѣ водруженъ былъ крестъ Спасителя, и къ развѣтви, которая образовалась отъ землетрясенія при кончинѣ Іисуса Христа. Съ Голгозою мы снова вошли въ храмъ Воскресенія, гдѣ скоро кончилась вечерня, и народъ расходился а мы, вновь прибывшіе богомольцы, должны были ночевать въ храмѣ.

Когда турки заперли двери храма, насъ позвали въ третій этажъ, въ келью, гдѣ архимандритъ записалъ наши и сродниковъ имена для поминовенія у гроба Господня, при чемъ каждый вложилъ на блюдо нѣсколько денегъ. Затѣмъ архимандритъ предложилъ намъ ужинъ, который состоялъ изъ маслинъ, чечевичы и пилафа. За столомъ подносили воду и вино. Послѣ ужина насъ отвели въ особую келью, въ которой на полу были разостланы ковры съ подушками. Нѣкоторые изъ богомольцевъ расположились спать, а другіе пошли въ храмъ, куда и я, отдохнувъ немного, послѣдовалъ. Въ храмѣ царствовала тишина; кой-гдѣ молились на колѣняхъ поклонники; по мѣстамъ лампы тускло горѣли. Въ полночь я приблизился ко гробу Господню и горячо молился, съ пролитіемъ слезъ, до того времени, когда въ 2 часа, ударили въ доску къ заутрени. Я вышелъ отъ гроба Господня, сходилъ помолиться на Голгозу и, возвративъ въ храмъ, всталъ близь архіерейскаго мѣста. Молящихся было довольно много разныхъ націй и вѣроисповѣданій. По окончаніи утрени, тотчасъ же началась у гроба Господня православная литургія, за которой поминались наши имена и сродниковъ; вслѣдъ за православной стали служить армянскую обѣдню, а послѣ этой началось служеніе католическое, при звукахъ органа.

15-го апрѣля.

По окончаніи богослуженія, мы, русскіе богомольцы, возвратились въ патриаршую въ свой пріютъ; насъ угостили кофеемъ. Послѣ обѣда съ насъ потребовали по 30-ти коп. сереб. и объявили, что долѣе мы оставаться здѣсь не можемъ. Поклонники начали хлопотать на счетъ квартиры. Благодаря услужливости одного отставнаго солдата, я нашолъ себѣ помѣщеніе въ квартирѣ, нанятой нашимъ консуломъ собственно для русскихъ поклонниковъ. Помѣщеніе не особенно завидное: въ числѣ 8-ми товаришей я долженъ былъ расположиться на худенькихъ рогахъ, разостланныхъ на землѣ. Конечно, лучше бы поселиться, какъ я узналъ, въ Михайловскомъ монастырѣ; но тамъ оказалось дорого: требовали 2 руб. сереб. съ человѣка. Да и не мѣсто, чтобы заботиться здѣсь о житейскихъ удобствахъ,

16-го апрѣля.

По утру—это была Лазарева суббота—я и товарищи мои рѣшили идти на Елеонскую гору, къ могилѣ св. Лазаря и прочимъ св. мѣстамъ. Съ проводникомъ мы пошли изъ своего подворья по тѣмъ улицамъ, гдѣ Христа Спа-

сителя вели на распятіе. Подошли къ судебнымъ воротамъ, которыя немного сохранились; тутъ прочитанъ былъ Иисусу Христу смертельный приговоръ. Я прослезился. Потомъ увидѣли то мѣсто, гдѣ Спаситель остановился и сказалъ плачущимъ іерусалимскимъ женамъ: „не плачьте обо Мнѣ; лучше о себѣ плачьте и о дѣтяхъ вашихъ“. Здѣсь, по преданію, изъ своего дома вышла св. Вероника и отерла окровавленное лицо Иисуса Христа. Потомъ дошли до мѣста, откуда Симонъ Биринейскій понесъ крестъ Спасителя. Поворотивъ на другую улицу, мы подошли къ дворцу Пилата; не вдалекѣ отъ него указываютъ развалины дома Иродова. Нѣсколько въ сторонѣ отсюда находится францисканскій монастырь, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ воины Пилата наносили Иисусу Христу бичеванія, заушенія и заплеванія. Потомъ, пройдя Антоновскую башню, мы увидѣли на большой площади храмъ Соломоновъ и хотѣли было пойти къ нему; но турокъ насъ не допустилъ. Послѣ я узналъ, что христіане могутъ ходить къ этому храму только по особенному разрѣшенію. Не подалеку отъ Соломонова храма находилась овчья купель. Далѣе мы прошли Геесиманскія ворота, при которыхъ находилась турецкая стража, и передъ нами открылась гора Елеонская. Перейдя по мостику черезъ потокъ Бедронъ, въ которомъ не было и признаковъ воды, мы подошли къ Геесиманскому саду; онъ былъ огороженъ стѣною и охранялся однимъ французомъ. Здѣсь намъ указано было то мѣсто, на камнѣ, гдѣ Иисусъ Христосъ совершилъ моленіе о чашѣ; приложившись къ этому мѣсту, мы сошли къ тѣмъ камнямъ, на которыхъ уснули апостолы, пока молился Спаситель. Изъ Геесиманскаго сада мы пошли на Елеонскую гору, къ тому мѣсту, съ котораго Иисусъ Христосъ вознесся на небо. Здѣсь, по случаю ежегодно бываемаго въ этотъ день церковнаго торжества, народу собралось множество, такъ что не было никакой возможности пробраться къ мѣсту вознесенія Господня. Обѣщаясь придти сюда въ другой разъ, я съ нѣкоторыми изъ богомольцевъ пошелъ въ Виванію, которая отстоитъ отъ Іерусалима не болѣе 4-хъ верстъ. Пройдя немного, передъ нами открылся весь св. городъ и мы долго любовались его прекраснымъ видомъ. Могила праведнаго Лазаря находится въ концѣ Виваніи. Мы спустились со свѣчами въ погребальную пещеру, гдѣ покоился св. Лазарь. Помолвившись и выйдя изъ пещеры, мы пришли туда, гдѣ сестра Лазарева встрѣтила Иисуса Христа, шедшаго съ Іордана. Помолвившись здѣсь, другимъ путемъ возвратились на Елеонскую гору, а отсюда къ Геесиманской церкви; но она оказалась запертою. Придя въ Іерусалимъ на квартиру, я не много отдохнулъ; потомъ пошелъ въ вечернѣ въ Михайловскій монастырь, гдѣ было очень много русскихъ поклонниковъ. Возвратясь отсюда на свое подворье, я увидѣлъ финиковыя вѣтви, присланныя нашимъ мелитопольскимъ архіереемъ, въ то время бывшимъ въ Іерусалимѣ, всѣмъ русскимъ богомольцамъ, для стоянія завтра въ храмѣ во время заутрени. Взявъ съ собою нѣсколько изъ этихъ

вѣтвей, я пошелъ въ храмъ Воскресенія, гдѣ и остался провести ночь. Разумѣется, мнѣ было не до сна. Ровно въ полночь зазвонили въ колокола, начали бить въ металлическія и деревянные доски; это къ заутрени. Служеніе было торжественное: множество греческаго духовенства, съ митрополитомъ Петромъ во главѣ; неимоверное стеченіе народа со свѣчами и ваиями; полное освѣщеніе храма. За тишиной и спокойствіемъ наблюдала турецкая стража. Ходъ духовенства вокругъ гроба Господня, съ хоругвями, образами, зажженными свѣчами и ваиями, мнѣ особенно понравился. Послѣ этого хода началась литургія, окончившаяся въ 6 часовъ утра.

17-го апрѣля.

Придя отъ обѣдни на квартиру и подирѣпивъ себя немного пищею, я и товарищи мои пошли за городъ тѣмъ же путемъ, что и вчера проходили. Недалеко отъ потока Кедрскаго, въ скалѣ находится сімоамская купель. Во время нашего прихода, въ ней купались турки. Мы умылись водою изъ нея. Поклонившись, далѣе, гробницамъ св. Захаріи и Иосафата, отсюда видѣлся памятникъ Авессалома, мы направились къ Геесиманской церкви. Эта церковь стоитъ въ углубленіи скалы и входитъ въ нее надобно по большой лѣстницѣ внизъ. Мы спустились на нѣсколько ступеней: тутъ, съ правой стороны, въ стѣнѣ, лежали гроба родителей Божіей Матери, а съ лѣвой, напротивъ ихъ, гробъ обручника Ея Іосифа. Поклонившись этимъ преснопамятнымъ мѣстамъ, мы сошли по лѣстницѣ въ церковь, въ которой была служба. Посрединѣ церкви стояла часовня на подобіе той, какъ надъ гробомъ Господнимъ; въ ней стоялъ гробъ Пресвятыя Богородицы. Вокругъ часовни горѣло множество лампадъ. Вошедъ въ эту часовню, я исполнился радостнаго трепета, съ умиленною душою молился передъ гробомъ Богоматери и приложился къ нему. Народу въ церкви было очень мало. Мы возвратились на квартиру къ вечеру и узнали, что завтра, утромъ, поклонники отправятся на Іорданъ.

18-го апрѣля.

Съ ранняго утра на улицѣ собралось множество богомольцевъ и каждый нанялъ себѣ подводку у извозниковъ. Цѣна лошади на Іорданъ и обратно была 3 руб., мула и верблюда—2—2½ руб., а лошака—1 руб. 60 коп. Я предпочелъ идти пѣшкомъ. Въ 8 часовъ караванъ тронулся изъ Іерусалима черезъ Геесиманскія ворота. Поклонниковъ было болѣе 400. При караванѣ, для его охраненія, находилось нѣсколько десятковъ турокъ и бедуиновъ. Поѣхали по Визанской дорогѣ. Скоро потянулись крутыя каменистыя горы; тропинки узенькія, обрывистыя. По такому пути чрезвычайно было трудно не только ѣхать, но и идти: того и гляди угодишь къ пропасти, или сломаешь ноги объ острые камни. Черезъ 10 верстъ караванъ отды-

халъ около часу. Солнечный жаръ, особенно въ скалахъ, становился не выносимымъ. Я ужасно утомился и не одинъ разъ пожалѣлъ, что не нанялъ себѣ лошака. Черезъ нѣсколько времени мнѣ удалось уговорить одного турка подвезти меня за 50 коп. сереб. на его верблюдѣ. Скоро открылась глазамъ моимъ высочайшая гора, съ бѣлѣющею вершиною, на которой Иисусъ Христосъ постился 40 дней и 40 ночей и былъ искушаемъ отъ дьявола. Потомъ, караванъ спустился съ горы и мимо Іерихона двинулся по равнинѣ. Здѣсь много росло дикаго терну, съ котораго бедуяны срывали ягоды и ѣли ихъ ¹⁾). Недалеко отъ такой-то арабской деревни, близъ источника, караванъ остановился на отдыхъ. Богомольцы привялисъ чай пить и закусывать. Съ закатомъ солнца сдѣлалось прохладно. Богомольцы расположились спать подъ терновыми кустами. По причинѣ усталости я долго не могъ заснуть и, при свѣтѣ двурогого мѣсяца, смотрѣлъ на окрестности съ высочайши палестинскими горами.

19-го апрѣля.

Въ 5 часовъ караванъ тронулся въ путь. Скоро въ сторонѣ отъ насъ завидѣлось Мертвое море, а черезъ 2 часа мы были у водъ Іордана. Отдохнувъ на берегу и выбравъ мѣсто поудобнѣе, я раздѣлся и трижды погрузился въ воду. Потомъ одѣвшись въ чистое новое бѣлье, набралъ камешковъ и налилъ въ мѣдную посуду воды. Теченіе воды въ Іорданѣ необыкновенно быстрое. Вода очень холодная, на вкусъ пріятная. Кажется она бѣловатая, мутная; но когда отстоится, то дѣлается прозрачною, какъ кристаллъ. Когда всѣ богомольцы выкупались въ Іорданѣ, караванъ тѣмъ же путемъ пошелъ обратно и близъ Іерихона остановился, гдѣ простоялъ до слѣдующаго утра. Нѣкоторые поклонники, въ томъ числѣ и я, просили начальника каравана, чтобы онъ позволилъ сходить намъ на гору, гдѣ Иисусъ Христосъ искушаемъ былъ отъ дьявола; но на это мы разрѣшенія не получили, потому что ходить туда, по причинѣ недоступности, слишкомъ опасно.

20 апрѣля.

Въ 4 часа утра богомольцы поднялись на ноги. Караванъ двинулся. Я сѣлъ на осленка, котораго нанялъ пополамъ вчера съ однимъ товарищемъ въ одной арабской деревушкѣ. Въ Іерусалимъ прибылъ усталый, измученный.

¹⁾ Изъ породы этого терна, какъ говорятъ, сдѣланъ былъ вѣнецъ Спасителя. Ягоды на тернѣ свѣтло-коричневаго цвѣта, величиною въ наши калиновыя, на вкусъ кислотныя, и называются акридами. Н. Ш.

21 апрѣля.

Былъ у заутрени въ Михайловскомъ монастырѣ; исповѣдался и за обѣдней приобщился св. Таинъ. Къ вечернѣ ходилъ въ храмъ Воскресенія, гдѣ совершался обрядъ омовенія ногъ; но за множествомъ народа не могъ ничего видѣть.

22 апрѣля.

Утромъ и днемъ ходилъ во святымъ мѣстамъ Іерусалима. Вечерню стоялъ въ храмѣ Воскресенія, гдѣ и остался провести ночь. При мнѣ бывшую икону Касперовской Божіей Матери я поставилъ на гробъ Господень и потомъ отослалъ ее въ свою родную Выѣздную Слободу въ церковь Смоленской Божіей Матери Одигитріи, гдѣ она находится позади лѣваго влѣроса и по сіе время.

23 апрѣля.

Въ 12 часовъ начали звонить въ колокола и бить въ доски къ заутрени. Лампады, числомъ до 2000, были зажжены всѣ. Народу собралось великое множество. Когда митрополитъ Петръ пришолъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, началась утрени, послѣ которой совершонъ былъ торжественный ходъ съ плащаницею вокругъ гроба Господня и кругомъ всего храма. Потомъ началась литургія. По окончаніи богослуженія я пошолъ на квартиру и немного отдохнулъ. Около полудня опять пошолъ въ храмъ Воскресенія. Народъ наполнялъ храмъ, въ которомъ не горѣла ни одна лампада. Тѣснота была чрезвычайная, особенно вокругъ гроба Господня, гдѣ стояли греки, арабы, армяне и другіе поклонники, кромѣ русскихъ. По стѣнамъ храма были устроены въ 4 этажа, особыя мѣста, которыя занимали богатые греки, армяне и др. Въ часъ по полудни пришолъ митрополитъ съ духовенствомъ, въ числѣ болѣе 200 особъ. Минуть черезъ 20 раздались въ храмѣ возгласы и крики на разныхъ языкахъ: это народъ просилъ о ниспосланіи съ небесъ благодатнаго огня. Скоро въ храмѣ сдѣлался великій шумъ и смятеніе: люди переходили съ мѣста на мѣсто, кричали, топали ногами, били въ ладоши, вѣзали на карнизы, откуда стаскивали другъ друга; словомъ сказать—въ храмѣ происходило нѣчто странное и удивительное. Я прогѣлъ кое-какъ къ алтарю и съ сѣверной стороны остановился, потомъ взглялъ на карнизъ колонны. Въ 2 часа духовная процессія вышла изъ алтаря и тихо двигалась къ гробу Господню. Во время обхода ея вокругъ

часовни крики и шумъ въ храмѣ увеличились. Послѣ двукратнаго обхожденія, процессія остановилась передъ дверями часовни; тутъ съ митрополита сняты были церковныя облаченія и онъ, войдя въ часовню, затворился тамъ; а процессія обошла вокругъ часовни еще разъ. Прошло съ полчаса. Вдругъ въ часовнѣ блеснулъ огонь и митрополитъ выдалъ сначала въ окошечко съ южной стороны, а потомъ—съ сѣверной, по 33 зажженныхъ свѣчей. Арабы, какъ ближе всѣхъ стояли къ окнамъ, приняли эти свѣчи и побѣжали; народъ за ними. Суматоха поднялась невообразимая. Когда я, удалившись въ уголокъ храма, гдѣ почти не было народу, началъ обжигать свои свѣчки благодатнымъ огнемъ, ко мнѣ подбѣжалъ турецкій солдатъ закурить сигару. Какъ ни тяжело для меня было, но я не могъ этому воспрепятствовать. Богомольцы выходили изъ храма съ зажженными свѣчами. Собравшись на квартирѣ, богомольцы разсказывали другъ другу, кто гдѣ стоялъ въ храмѣ и что видѣлъ. По захожденіи солнца, я пришелъ въ храмъ встрѣтить свѣтлый, сугубо-радостный, день воскресенія Христова. Народъ, въ разнообразныхъ праздничныхъ, преимущественно въ азіатскихъ, костюмахъ толпился по храму во множествѣ. Я уединился къ тому мѣсту, гдѣ сняли со креста Спасителя, и предался размышленіямъ, а болѣе — молитвѣ.

24 апрѣля.

Въ 12 часовъ ночи началась высоко-торжественная служба, шествіемъ изъ алтаря духовной процессіи, съ нѣніемъ на греческомъ языкѣ, къ часовнѣ гроба Господня, которую обошла три раза. Потомъ митрополитъ вошелъ въ часовню и, побывъ тамъ нѣсколько минутъ, вышелъ, произнося на разныхъ языкахъ: «Христосъ воскрес!» При видѣ этого умирительнаго зрѣлища, радостныя слезы катились изъ глазъ моихъ. Затѣмъ, процессія обошла вокругъ храма и, какъ только возвратилась въ алтарь, началась утренняя; а потомъ литургія. Евангеліе читалось на разныхъ языкахъ. По окончаніи богослуженія, я пошелъ на квартиру и отдохнулъ. Затѣмъ, я съ товарищами пообѣдалъ въ греческой харчевнѣ; послѣ того ходили по св. городу. За Ифскими воротами греки, армяне и др. гуляли и веселились въ кофейняхъ; но это веселье ихъ мнѣ было не по душѣ. Послѣ вечерни, съ закатомъ солнца, мы возвратились на квартиру.

25 апрѣля.

Утромъ я съ товарищами отправился въ Вилелемъ — мѣсто рожденія Іисуса Христа. День былъ прекрасный. По дорогѣ, верстахъ въ двухъ отъ Іерусалима, зашли въ монастырь св. великомученика Георгія. Затѣмъ, пройдя еще версты 3, завидѣли памятникъ на мѣстѣ погребенія Рахили и покло-

нились ему. Черезъ нѣсколько времени показался Влодекъ. Это—небольшое селеніе съ садами; жители его занимаются выдѣлываніемъ перламутровыхъ крестиковъ и каменныхъ небольшихъ образовъ. Мы вошли въ обширную церковь, построенную надъ вертепомъ, въ который, помолясь, и спустились по мраморной лѣстницѣ. Вертепъ небольшой, освѣщенъ былъ лампадами. Я пагъ со слезами ницъ въ этомъ святомъ мѣстѣ и долго молился; потомъ приложился къ престолу со звѣздой, означающею мѣсто рождества Христова; затѣмъ, приблизился къ тому углубленію, гдѣ стояли ясли, въ которыхъ возлежалъ Божественный Младенецъ. Я поцѣловалъ край этого углубленія. Одна часть вертепа была обложена мраморомъ, а другая—завѣшена золотою парчею. Изъ вертепа мы опять вошли въ большой храмъ, и записали здѣсь у одного монаха въ книгу имена свои и родныхъ для поминовенія. Послѣ того возвратились тѣмъ же путемъ въ Иерусалимъ.

Послѣдніе, затѣмъ, три дня и три ночи моего пребыванія въ Иерусалимѣ я всецѣло посвящалъ хожденію по святымъ мѣстамъ. Потомъ взялъ у консула, подписанный имъ, паспортъ для возвращенія въ Россію и нанялъ до Яффы лошака за 1 руб. сереб. 29-го апрѣля 1861 г., по утру, съ шестью путниками, изъ коихъ было четверо русскихъ, я выѣхалъ изъ Иерусалима. Тяжело и грустно мнѣ было при отъѣздѣ изъ св. города. Выѣхавъ за Иерусалимскія ворота, я со слезами на глазахъ мысленно произнесъ: «Благодарю Тебя, Господи, что удостоилъ меня быть у Твоего св. гроба и поклониться священнымъ мѣстамъ, и тѣмъ исполнить давнишнее мое желаніе». Скоро Иерусалимъ скрылся изъ глазъ моихъ.

Въ Яффѣ я сѣлъ на англійскій пароходъ, заплативъ 5 руб. сер. до Константинополя. Это было вдвое дешевле противъ русскихъ пароходовъ, но за то оказалось въ пять разъ неудобнѣе ѣхать: при невообразимой тѣсотѣ и при незнаніи англійскаго языка, на которомъ надобно было объясняться съ пароходной прислугой, нельзя было безъ особеннаго труда ничего достать, даже воды. Изъ Константинополя я ѣхалъ на русскомъ пароходѣ за 5 же руб. сереб. до Одессы, куда прибылъ 11-го мая, а на другой день былъ уже въ Херсонѣ, гдѣ почти безвыѣздно до конца года занимался рыбною торговлею.

Въ январѣ слѣдующаго 1862 г. я заказалъ въ Одессѣ сдѣлать мѣдный кубъ, съ которымъ и отправился въ Бишиневъ. Здѣсь купилъ черной нефти и изъ нея выгналъ бѣлую; изъ этой нефти мнѣ хотѣлось приготовить газъ для освѣщенія г. Херсона; но для этого я не могъ найти свѣдущаго человека или мастера, и такимъ образомъ эта затѣя моя не удалась. Нефть я продалъ въ аптеку и снова сталъ торговать рыбою въ Херсонѣ. Потомъ, лѣтомъ, ѣздилъ въ Бишиневъ, Москву и Нижній-Новгородъ. Здѣсь, во время обѣди, въ ярмарочномъ соборѣ у меня вынули изъ кармана 148 руб. Это были мои послѣдніе деньги, и я нашолся вынужденнымъ просить старшаго

моего сына о присылкѣ мнѣ 25 руб. Потомъ, побывавъ на своей родинѣ— въ слободѣ Выздной, я отправился къ двоюродному брату моему въ Бузулукъ, гдѣ прожилъ до половины 1863 г. и снова возвратился въ Нижній-Новгородъ, откуда вскорѣ началъ собираться въ Петербургъ съ цѣлю—не возьмется ли кто напечатать настоящую исторію моей жизни.

Николай Шиповъ.

Примѣчаніе. 1-го декабря 1877 г. бывшій крѣпостной крестьянинъ нинѣ Херсонскій мѣщанинъ Н. Н. Шиповъ представилъ, чрезъ посредство А. Н. Труворова, въ редакцію „Русской Старины“ автобіографію, въ рукописи, подъ заглавіемъ: „Исторія моей жизни и моихъ страствій“, которая выше и напечатана. Рукопись Шипова, убористаго, писарскаго почерка, состоитъ изъ 175-ти листовъ обыкновенной писчей бумаги и заключаетъ въ себѣ рассказъ о жизни автобіографа, со дня его рожденія, по 1862-й годъ включительно. Событія своей жизни авторъ излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ, годъ за годомъ, мѣстами—день за днемъ, такъ что рассказъ его представляется въ видѣ хроники или дневника.

Въ концѣ 1863-го года Шиповъ представилъ свою рукопись въ императорское русское географическое общество, которое присудило за нее автору серебряную медаль. Членъ-сотрудникъ этого общества А. Н. Труворовъ, въ отзывѣ своемъ объ автобіографіи Шипова, указавъ на главныя ея достоинства, въ заключеніе говорить, что „рукопись Шипова заслуживаетъ вниманія и сама по себѣ, какъ произведеніе крестьянина-самоучки, передающаго все видѣнное и испытанное имъ, безъ малѣйшихъ прикрасъ, со всѣми достоинствами и недостатками, свойственными умному и наблюдательному простолюдину“ (Отчетъ Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1864 г., прил. III, стр. 101—103).

Въ громадной рукописи Шипова, на ряду съ рассказами не лишеными интереса и значенія для знакомства съ тяжкими условіями быта русскаго крестьянства пережитаго времени, содержится довольно много подробностей, не имѣющихъ значенія ни въ историческомъ, ни въ народно-бытовомъ отношеніи или по ихъ общезвѣстности, или по сомнительной достовѣрности, или же потому, что касаются фактовъ частной обыденной жизни автора; при этомъ изложеніе событій страдаетъ растянутостью, излишними подробностями, повтореніями и т. под. Въ виду этого редакция „Русской Старины“ сочла необходимымъ значительно сократить рукопись Шипова, каковой трудъ, съ согласія автора, и порученъ былъ — Н. М. Востокову. Въ такомъ сокращенно-исправленномъ видѣ автобіографія Шипова и напечатана.

Какъ видно выше, рассказъ Шипова оканчивается 1862-мъ годомъ. Изъ послѣдующей, затѣмъ, жизни его слѣдуетъ упомянуть о томъ, что онъ, будучи уже преклонныхъ лѣтъ, совершилъ, въ 1866-мъ году, вторичное путешествіе въ Іерусалимъ; въ 1868-мъ году отправился въ Ташкентъ, гдѣ прожилъ до 1876-го года, когда возвратился къ роднымъ своимъ въ Нижегородскую губернію. Во время печатанія автобіографіи, въ 1881 году, Николай Николаевичъ Шиповъ находился въ С.-Петербургѣ.

Ред.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

ПО ДОНЕСЕНИЯМЪ М. М. ФОКА—А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Іюль—Сентябрь 1826 г.

Съ кончиною императора Александра 1-го и съ восшествіемъ на престолъ Николая Павловича, для Россіи наступала новая эра. Многолѣтнія вѣдшія войны, грозный 1812-й годъ, затѣмъ послѣдняя борьба за освобожденіе Европы потребовали страшнаго напряженія силъ нашего отечества и не могли, конечно, не отозваться слишкомъ тяжело на экономическомъ бытѣ далеко еще не богатаго тогда государства. Финансовое положеніе Россіи было сильно потрясено; во внутреннемъ управленіи страню царствовала общая неурядица; произволь, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, безнаказанное казнокрадство и наглое, близкое къ грабежу, взятчиичество служащаго люда,—тяжелымъ гнетомъ лежали на народѣ, жалобы и стоны котораго не доходили до трона, заслоняемаго злобнымъ, жестокимъ временщикомъ Аракчеевымъ и его приспѣшниками, лично заинтересованными въ сохраненіи существовавшаго порядка.

Общее недовольство положеніемъ дѣлъ и новыя идеи о свободахъ и правахъ гражданъ, вынесенныя изъ Франціи возвратившимися въ стечество побѣдоносными арміями, имѣли—какъ извѣстно—своимъ послѣдствіемъ образованіе тайнаго общества. Цѣли этого общества и тѣ средства, какими оно думало добиться осуществленія ихъ—слишкомъ хорошо извѣстны читающей русской публикѣ, чтобы о нихъ вновь распространяться.

Попытка декабристовъ произвести государственный переворотъ, однако-жь, не удалась; заговоръ былъ открытъ и мятежъ подавленъ съ замѣчательною энергіей.

Эта-то энергія и рѣшимость, какія новое правительство выказало въ критическую для него минуту, давали обществу надежду, что правительство это также прямо и смѣло приступитъ къ искорененію и тѣмъ общественныхъ золъ, отъ которыхъ такъ много страдало русское царство. Очень понятно, поэтому, что восшествіе на престолъ императора Николая было привѣтствовано, за весьма немногими исключениями, всѣми желавшими преобразованій въ управленіи странкою; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали коронаціи молодого императора, всѣ желали этого акта, который, по мнѣнію общества, долженъ былъ положить и конецъ всѣмъ смутамъ, и начало новой жизни русскаго народа.

Необходимость реформъ была, повидному, ясно сознаваема и самимъ правительствомъ, которое, конечно, очень хорошо понимало, что оставленіе порядка вещей въ прежнемъ положеніи, порождая массу недовольныхъ, неизбежно вызоветъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, новый взрывъ. Реформы были, дѣйствительно, обѣщаны и затѣмъ объявлены; но произведенное ими впечатлѣніе—какъ это бываетъ почти всегда—было не совсѣмъ удовлетворительно. Такъ называемые благонамѣренныя ждали гораздо болѣе наградъ и милостей, чѣмъ дѣйствительныхъ преобразованій въ администраціи; что же касается недовольныхъ, то эти, уже изъ одного принципа, находили все дурнымъ и считали своею обязанностью осуждать всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры.

Задуманныя правительствомъ реформы не могли, слѣдовательно, удовлетворить вполнѣ ни ту, ни другую сторону, и хотя снаружи все казалось спокойнымъ, — такъ какъ недавній погромъ былъ еще очень свѣжъ на памяти у всѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, — недовольныхъ было много и, при извѣстныхъ условіяхъ, партія ихъ могла значительно усилиться.

Возникновеніе и довольно продолжительное существованіе тайнаго политическаго союза, о которомъ правительство долго имѣло лишь смутныя подозрѣнія, ясно показало въ какомъ отчужденіи отъ общества стояли правительственныя сферы. Покончивъ съ мятежемъ, правительство увидѣло передъ собою важную задачу: устранить, на будущее время, всякую возможность подобнаго явленія и заручиться такими средствами, чтобы всегда быть

въ состояніи задушить, въ самомъ зародышѣ, умыселъ враговъ существующаго порядка. Но для этого необходимо было перестать игнорировать настроеніе общественнаго мнѣнія; надо было знать что затѣвается въ обществѣ, что въ немъ говорится, о чемъ, даже, оно думаетъ.... Прессы, въ это глухое время, — въ томъ смыслѣ, какъ она понимается теперь, — не существовало вовсе. Обсужденіе въ печати вопросовъ первостепенной важности, непосредственно касавшихся народа и его насущныхъ интересовъ, — было немислимо. Признавалось аксіомою, что народу нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ мѣръ, какія правительство заблагоразсудитъ принять относительно устройства его жизни и быта; что, вообще, только одни управляющіе въ состояніи сообразить что именно нужно и полезно для управляемыхъ....

Взрывъ 14-го декабря былъ какъ бы предостереженіемъ, показавъ правительству всю опасность подобнаго пренебреженія въ внутренней жизни мыслящихъ классовъ населенія страны. Необходимость болѣе близкаго знакомства съ общественнымъ мнѣніемъ, въ каждую данную минуту, выяснилась довольно ярко. Опытъ доказалъ, что существовавшія до того времени въ распоряженіи правительства средства контроля надъ общественнымъ мнѣніемъ, были далеко неудовлетворительны: многое проглядывалось, на многое смотрѣлось сивозъ пальцы, — иначе трудно объяснить возможность образованія политическаго заговора почти рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ и принадлежность къ этому заговору нѣкоторыхъ лицъ изъ самыхъ лучшихъ круговъ тогдашняго общества. Въ тому же, самые приемы этого контроля были довольно грубоваты и вовсе не соответствовали такому деликатному и тонкому дѣлу, какъ «проникновеніе въ сердца и тайные людскіе помыслы»....

Вслѣдствіе этого возникла мысль учрежденія «тайнаго надзора», хотя и преслѣдовавшаго, въ сущности, тѣ же самыя цѣли, какъ и блаженной памяти канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, но обставленнаго несравненно мягче и порученнаго людямъ болѣе или менѣе образованнымъ и вышощеннымъ.

Директоромъ канцеляріи III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи назначенъ былъ человекъ несомнѣнно умный, разносторонне образованный и свѣтскій. Обширное знакомство и связи въ высшемъ обществѣ Петербурга давали ему возможность видѣть и знать что дѣлалось и говорилось въ средѣ тогдашней аристократіи, въ литературныхъ и прочихъ кружкахъ населенія столицы. Въ помощь ему, для наблюденія за настроеніемъ другихъ классовъ населенія столицы, завербованы были раз-

ные агенты, какъ состоявшіе на службѣ «надзора», такъ и дѣйствовавшіе сою ашого, какъ они увѣрили, подъ влияніемъ чистой идеи безкорыстнаго служенія интересамъ родины.... Въ числѣ этихъ агентовъ попадались иногда и люди большаго свѣта; были литераторы и весьма плодовитые, бывали дамы и дѣвцы, враждавшіеся въ высшихъ слояхъ общества и, по всей вѣроятности, служившія «надзору» изъ побужденій не менѣе благородныхъ.....

Само общество, какъ увѣряли представители «надзора», сочувствовало новому учрежденію и ждало отъ его дѣятельности благотворныхъ результатовъ. Многіе (буто-бы) думали и надѣялись, что «надзоръ», обладая средствами все узнавать, доставить правительству возможность къ искорененію многочисленныхъ злоупотребленій и не получить слишкомъ ужъ односторонняго направленія своей дѣятельности.... Насколько оправдались такія ожиданія и надежды—хорошо извѣстно современникамъ царствованія императора Николая Павловича.

Предлагаемыя вниманію читателей «Русской Старины» письма-донесенія принадлежать перу тогдашняго директора канцеляріи III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, Михаила Максимовича Фока; писаны они къ шефу корпуса жандармовъ генералу (впоследствии графу) А. Х. Бенкендорфу, и касаются настроенія петербургскаго общества въ моментъ коронаціи императора Николая и времени, непосредственно за нею слѣдовавшаго. Характеръ этихъ писемъ, писанныхъ на франц. языкѣ, чисто интимный; тонъ ихъ носитъ на себѣ тотъ отпечатокъ почтительной дружбы, какая можетъ существовать между высокопоставленнымъ начальникомъ и талантливымъ подчиненнымъ, обладающимъ всеми вышшими привазами порядочности.

Хотя иѣющаяся въ нашемъ распоряженіи переписка обнимаетъ весьма незначительный періодъ времени,—всего съ 17-го іюля по 25-го сентября 1826 года, т. е. съ небольшимъ только два мѣсяца, но, не смотря на такіе ограниченныя размѣры, она очень рельефно рисуетъ состояніе Петербургскаго общества той эпохи. Общество это—какъ увидитъ самъ читатель изъ писемъ Фока—рѣзко раздѣлялось на двѣ партіи—благонамѣренныхъ и недовольныхъ. Обѣ эти партіи съ нетерпѣніемъ ждали преобразованій, обѣщанныхъ новымъ правительствомъ; но такъ какъ ожиданія эти исходили изъ разныхъ побужденій, то и впечатлѣнія, производимыя реформами, были далеко не одинаковы. Большинство „благонамѣренныхъ“, чаявшееся отъ новаго царствованія великихъ и богатыхъ милостей, готово было идти на

какой угодно компромиссъ. Оно вѣрило, или же представлялось вѣрившимъ и другихъ старалось убѣдить, что преобразования могутъ совершаться мало-помалу, не спѣша, безъ коренного искорененія вѣками скопленнаго зла. «Недовольные», напротивъ, требовали рѣшительныхъ мѣръ, заявляя, что власть новыя заплаты на старое тряпье—еще не значить одѣться за-ново; что починка ветхаго зданія поведеть лишь къ продолженію его существованія, т. е. къ сохраненію, на неопредѣленное время, того порядка вещей, который осужденъ самимъ правительствомъ, какъ невозможный. Ничего не прося собственно для себя, они требовали такихъ реформъ, которыя дали бы свободно вздохнуть измученному народу и сняли бы съ него гнетъ помѣщичьяго и чиновническаго произвола. Къ этой же партіи принадлежала и та, небольшая еще тогда, кучка людей, которые съ негодованіемъ говорили о злоупотребленіяхъ крѣпостнаго права и, во имя справедливости и чело-вѣчности, требовали его отміны.

Далеко нельзя того же сказать о «благонамѣренныхъ». Сквозь всю видную бланамѣренность ихъ, иногда, явно прорѣчиваясь эгоизмъ: всё ихъ или радости, ихъ готовность принять съ благодарностью то, что свыше благоугодно будетъ даровать имъ,—вызывались, по большей части, не стремленіемъ къ общественному благу, а чисто личными корыстными расчетами. Великодушіе, оказанное новымъ правительствомъ въ отношеніи семействъ виновниковъ 14-го декабря, пробудило во многихъ изъ бланамѣренныхъ страшную зависть и вызвало вопли негодованія... Зависть эта удвоилась, когда нѣкоторые изъ нихъ обманулись въ своихъ надеждахъ на разныя повышенія, награды и милости. Эта непривлекательная черта части русскаго общества тогдашняго времени мастерски очерчена авторомъ писемъ, котораго, конечно, ни въ какомъ ужь случаѣ, нельзя заподозрить въ иристрастіи къ партіи недовольныхъ.

Помѣщая письма Фока, мы воздерживаемся отъ всякихъ комментариевъ, да они были бы и лишни, такъ какъ сущность переписки говорить сама за себя. Прибавимъ только, что донесенія эти были, повидимому, представляемы, въ подлинникъ, императору Николаю Павловичу; по крайней мѣрѣ, объ этомъ можно заключать по собственноручнымъ, на нѣкоторыхъ письмахъ, отміткамъ графа Бенкендорфа, обращеннымъ прямо къ Государю.

19 апрѣля 1875 г.
Спб.

Ред.

Письма М. М. Фока къ А. X. Бенкендорфу.

[Переводъ съ французскаго].

17-го іюля 1826 года ¹⁾. С.-Петербургъ.

Ваше превосходительство вѣроятно позволите мнѣ писать вамъ, не придерживаясь формы и принятаго порядка, писать все, что придетъ мнѣ въ голову.

Г. Нефедьевъ имѣеть деревню подъ Москвой, гдѣ ему необходимо быть по домашнимъ обстоятельствамъ. Это очень благоприятно для нашего дѣла. Съ этимъ господиномъ не знаешь никакихъ затрудненій: ни жалованья, ни расходовъ. Услуги, которыя онъ можетъ оказать намъ, будутъ очень важны, вслѣдствіе его связей въ высшемъ и среднемъ обществахъ Москвы. Это будетъ ходячая энциклопедія, въ которой всегда будетъ удобно обращаться за свѣдѣніями относительно всего, что касается надзора. Причины отъѣзда Нефедьева двѣ: личныя дѣла, требующія присутствія его въ Москвѣ, и желаніе отдѣлаться отъ возлагаемой на него обязанности, которая можетъ завести его слишкомъ далеко. Онъ состоитъ по особымъ порученіямъ при г. Кутузовѣ, который желаетъ поручить ему ревизію гражданской палаты, за что тому противно взяться. Нефедьевъ—статскій совѣтникъ и имѣеть орденъ св. Владиміра 3-го класса; онъ честолюбивъ и жаждетъ почестей. Къ переводу Нефедьева не встрѣчается никакихъ препятствій; полезность же этой мѣры бросается въ глаза.

Еще одна личность представляетъ для насъ явную выгоду. Графъ Левъ Соллогубъ, о которомъ я неоднократно говорилъ вашему превосходительству, — можетъ принести намъ большую пользу въ Москвѣ, посредствомъ своего брата и своихъ родныхъ. Съ этимъ человекомъ также—никакого жалованья, никакихъ расходовъ. Предлогъ въ пребыванію его въ Москвѣ уже найденъ: дѣло, отъ котораго зависитъ опредѣленіе его положенія, будетъ рѣшаться комитетомъ министровъ. Онъ ждетъ только согласія вашего превосходительства, чтобы безотлагательно пуститься въ

¹⁾ Дворъ въ это время, въ ожиданіи коронаціи, былъ въ Москвѣ, гдѣ находился и генералъ Бенкендорфъ. Р е д.

путь. Предложеніе его—дѣйствовать за-одно съ „надзоромъ“, цѣль же—быть покровительствуемымъ во всемъ, что касается веденія интересующаго его дѣла. Графъ—человѣкъ скромный и способный выполнять даваемые ему порученія; по переводѣ же его въ корпусъ жандармовъ, онъ можетъ приносить дѣйствительную пользу.

Возвращаясь снова къ вопросу о Нефедьевѣ. У него домъ въ Москвѣ и подмосковная деревня; короткія связи почти со всѣми жителями столицы, гдѣ онъ не разъ живалъ по-долгу, такъ что, по прїѣздѣ въ Москву, ему не надо будетъ устраивать домъ и заводить знакомства, а стоитъ только начать дѣлать приемы. Сообщеніе биографій разныхъ лицъ, и донесенія о настоящемъ положеніи вещей и людей, о полиціи и мѣстныхъ властяхъ,—однимъ словомъ обо всемъ, что можетъ интересовать „надзоръ“, могутъ быть сдѣланы Нефедьевымъ тотчасъ же по прибытіи въ Москву, со всѣми подробностями, для чего ему не надо ни съ кѣмъ совѣтываться, кромѣ своего собственнаго архива. Здѣсь ему хотятъ поручить ревизію гражданской палаты. Разъ начавъ это дѣло,—онъ зайдетъ слишкомъ далеко. Вотъ почему необходимо безотлагательно пристроить его къ надзору, что не встрѣтитъ затрудненій, такъ какъ не имѣя опредѣленныхъ занятій, ему не въ чемъ будетъ отдавать отчетъ: онъ состоитъ сверхштатнымъ чиновникомъ по особеннымъ порученіямъ, по волѣ покойнаго Государя, и преемникъ этого послѣдняго можетъ дать ему другое назначеніе, не нарушая никакихъ формъ.

Представляя вышешюложенное на усмотрѣніе вашего превосходительства, буду ожидать вашего распоряженія.

Г. Булгаковъ былъ такъ добрѣ, далъ мнѣ два мѣста въ дилижансѣ, отправляющемся завтра въ Москву. Секретари Тупицынъ и Поповъ могутъ, слѣдовательно, пуститься въ дорогу, и во-время прибыть въ мѣсту назначенія ихъ. Первому изъ нихъ я далъ пятьсотъ рублей.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. Фокъ ¹⁾.

18-го іюля 1826 года.

Продолжаю сообщать вашему превосходительству все, что до меня доходитъ, предоставляя полную свободу моимъ мыслямъ.

Г. Брокгаузенъ передалъ мнѣ слѣдующія замѣчанія:

¹⁾ Далѣе мы опускаемъ увѣренія въ преданности и т. п. Ред.

„14-е число этого мѣсяца называютъ днемъ примиренія; манифестъ отъ 13-го числа—вѣсами, на которыхъ правительство, взвѣсивъ всѣ обстоятельства за и противъ, указало каждому надлежащее мѣсто и возвело въ принципъ, что никто не можетъ быть преслѣдуемъ безнаказанно, и что всѣ должны содѣйствовать сооруженію зданія общественнаго благоденствія. Итакъ, присовокупляетъ наблюдатель, заря новаго царствованія подаетъ надежду, что правительство доставитъ подданнымъ возможность пользоваться и правосудіемъ, и терпимостью мнѣній, всегда соединенными съ началами хорошаго законодательства. Для общественнаго блага необходимо, чтобы каждый членъ великой семьи—государства, отдавалъ справедливость той заботливости, какую правительство выказываетъ съ каждымъ днемъ“.

Вотъ нѣсколько словъ о настроеніи умовъ, почерпнутыя изъ того же источника:

„Самые тяжеловѣсныя и неповоротливыя серьезно обсуждаютъ событія, только что разыгравшіяся у нихъ на глазахъ; они сознаютъ необходимость выйти изъ летаргіи. Самые вліятельные классы общества понимаютъ свою ошибку и начинаютъ признавать потребность разстаться съ принципомъ равнодушія и выжиданія. Низшіе классы, на которые должно смотрѣть, какъ на орудія и машины, находятся въ ожиданіи улучшенія ихъ положенія и ничего болѣе не желаютъ, какъ возможности безмятежно наслаждаться благами предоставленнаго имъ политическаго существованія. Купечество съ удовольствіемъ смотритъ на систему правительства и его направленіе, и готовится къ развитію промышленности; а мѣры, принимаемыя для поощренія внутренней торговли, подають самыя основательныя надежды, такъ что предполагаютъ—и совершенно вѣрно,—что новый порядокъ вещей много будетъ способствовать повышенію національнаго кредита въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами. Нѣкоторые идутъ еще дальше и увѣряютъ, что повышеніе это и теперь уже становится замѣтнымъ“.

„Указъ отъ 11-го іюля, которымъ исправляется уставъ внутренней торговли, производитъ тѣмъ лучшее впечатлѣніе, что имъ повелѣвается министерству финансовъ составить проектъ для развитія и поощренія національной промышленности“.

19-го іюля 1826 года.

Послѣднимъ манифестомъ каждому дозволяется излагать свои мнѣнія о проектахъ улучшения, обращаясь по этому предмету къ кому слѣдуетъ. При этомъ возникаетъ вопросъ: какая власть будетъ служить органомъ для передачи этихъ проектовъ правительству, и въ какой мѣрѣ дозволена будетъ свобода слова тѣмъ, кто пожелаетъ выступить на сцену, съ условіемъ не быть компрометированнымъ и не подвергнуться мщению того или другаго вліятельнаго лица, которому могутъ не понравиться направленные противъ него заявленія? Коллежскій совѣтникъ Бландовъ, человекъ сильно придерживающійся рутины и обладающій большими средствами, находится теперь въ подобномъ положеніи, и спрашиваетъ: слѣдуетъ ли все говорить относительно финансовъ и будетъ ли онъ огражденъ отъ преслѣдованій министра, объ управленіи котораго онъ можетъ доставить массу самыхъ интересныхъ свѣдѣній? Можно ли поощрить его и успокоить на этотъ счетъ?

Вотъ нѣкоторыя изъ замѣчаній его о финансахъ, высказанныя имъ въ разговорѣ со мною:

„Ничего нѣтъ хуже принятой у насъ финансовой системы. Въ числѣ другихъ доказательствъ этому можно упомянуть о послѣднемъ указѣ 1825 года, разрѣшающемъ ввозъ соли изъ-заграницы, между тѣмъ какъ въ Россіи она находится въ такомъ изобиліи, что ею можно было бы снабжать всю Европу; затѣмъ—недовѣріе, съ какимъ относятся къ поставщикамъ, притѣсняемымъ всѣми возможными средствами и принуждаемымъ къ точному выполненію принятыхъ ими на себя обязательствъ, тогда какъ казна никогда не выполняетъ своихъ; наконецъ,—мотовство, характеризующее управленіе финансовыми отраслями, самыми прѣбыльными для подрядчиковъ, а также и тѣ старанія, съ какими скрывали отъ покойнаго императора дурное положеніе финансовъ. Другимъ доказательствомъ пристрастія министра финансовъ служить то, что многія личности, которыхъ онъ терпѣть не могъ при своемъ вступленіи въ управленіе министерствомъ,—въ настоящее время пользуются большимъ его довѣріемъ. Такъ извѣстно, что Дружининъ, бывшій прежде его *bête noire*—теперь на хорошемъ счету у него, и что Михаилъ

Кайсаровъ былъ въ немилости за то, что сдѣлалъ представленія о нелѣпости послѣдняго закона о промышленныхъ налогахъ, — закона, который во многомъ пришлось измѣнить указомъ, изданнымъ 11-го числа сего мѣсяца. Указъ этотъ явно говоритъ о намѣреніи правительства поощрять торговлю и промышленность и что главное — не иначе довѣрять министерскимъ представленіямъ, какъ хорошенъко провѣривъ ихъ. Если Гурьевъ началъ управленіе такъ, что сталъ дѣйствовать противно интересамъ правительства, то Канкринъ постарался увеличить зло, расширивъ пропасть, надъ которой стоятъ наши финансы. Многимъ извѣстно также и то обстоятельство, что принципы, высказанные этимъ министромъ въ одномъ сочиненіи, изданномъ еще до поступления его въ министерство, — такого свойства, что могутъ возмутить каждаго благомыслящаго человѣка; за то же Канкринъ и постарался скупить всѣ нераспроданные экземпляры этого сочиненія, какъ только получилъ министерскій портфель“.

Висковатовъ только что прислалъ мнѣ цѣлую тетрадь для в. п., которую я при семъ прилагаю.

Со вчерашняго дня много толкуютъ о дуэли, будто бы происходившей въ Новой деревнѣ, между молодымъ Лопухинымъ, офицеромъ Преображенскаго полка, и молодымъ лейбъ-гусаромъ Кожинымъ. Говорятъ, что послѣдній раненъ пулею въ плечо. Надѣюсь, в. п., сообщить вамъ завтра подробности этого дѣла.

Помѣта на письмѣ: „Его пр-во приказать извоилъ приять къ свѣдѣнію“.

20-го іюля 1826 года.

Во многихъ кружкахъ упорно продолжаютъ анализировать причины, возбудившія взрывъ 14-го декабря. Привожу нѣкоторые изъ размышленій по этому предмету.

„Собственно, новаторы пришли къ тому простому заключенію, что порицая злоупотребленія, слѣдуетъ въ то же время, указывать и средства къ искорененію ихъ. По мнѣнію этихъ нововводителей, великія внѣшнія войны и иностранная политика до того поглощали вниманіе правительства, что внутреннее управленіе страшною предоставлено было на волю нѣсколькихъ человѣкъ — орга-

новъ и креатуръ одного лица, облеченнаго довѣріемъ государя и, подъ личиною безкорыстія, до такой степени честолюбиваго, что онъ приносилъ въ жертву этому честолюбію самыя дорогіе интересы управляемыхъ лицъ и заставилъ правительство принять систему управленія, имѣющую атрибутомъ—сплетни и клеветы, а цѣлью—жажду нераздѣльнаго господства. Такимъ образомъ, постоянно возрастающее недовольство неизбежно должно было разрѣшиться взрывомъ. Затѣмъ, эти самыя нововводители,—люди безъ власти и безъ средствъ, приняли на себя роль распорядителей, и уже по необходимости должны были прибѣгать къ преступнымъ мѣрамъ, чтобы развить свои планы и привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, если, съ одной стороны, ничѣмъ нельзя извинить преступленія, одинаково осуждаемаго, какъ божескими, такъ и человѣческими законами, то, — съ другой стороны, — слѣдуетъ признаться, что все было сдѣлано для возбужденія недовольства, и ничего для прекращенія его въ самомъ началѣ“.

Вотъ еще нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ въ дипломатическихъ кружкахъ о дѣйствіяхъ правительства: „Старанія правительства положить прочныя основанія миру съ турками доказываютъ, что оно сознаетъ всю необходимость возвести въ принципъ ту истину, что миръ—есть состояніе обоюдной безопасности; что имъ уничтожаются несправедливости, вызвавшія войну; дается амнистія за прошлое и обѣщаніе дружественныхъ отношеній въ будущемъ; что, наконецъ, онъ заключаетъ въ себѣ забвеніе неприязни и возвратъ расположенія. Поэтому слѣдуетъ заключать искренній миръ, а не дѣйствовать такъ, чтобы подъ именемъ мира испытывать всѣ тяжести войны, т. е. жить въ такомъ положеніи, въ какомъ находились, въ продолженіи тридцати лѣтъ, Россія и вся Европа“.

„Судя по принятымъ мѣрамъ, само правительство признаетъ также необходимость организовать распорядительную часть арміи, которая такъ управляла бы частью исполнительною, что, не смотря на всѣ заслуги этой послѣдней, она, все-таки, не могла бы имѣть другихъ успѣховъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ подготовлены ей частью распорядительною. Правительство проникнуто убѣжденіемъ, что все вниманіе его должно быть обращено на исправленіе системы внутренняго управленія и, конечно, все, что до сего времени предпринято имъ, выказываетъ заботливость его объ упро-

ченіи общественнаго благосостоянія и свидѣтельствуеть о желаніи его дѣйствовать во всемъ добросовѣстно“.

Увѣряють, что городская полиція, замѣтивъ, что существуетъ дѣятельный надзоръ, собирается развернуть всѣ находящіяся въ ея распоряженіи средства, дабы первой узнавать все, что дѣлается, и будто бы на расходы полиціи, собственно на этотъ предметъ, прибавлено по 300 рублей въ мѣсяцъ; говорятъ даже, что Фогель получить прибавку въ 3,000 рублей, чтобы имѣть возможность слѣдить за всѣмъ съ большою дѣятельностью и съ большимъ успѣхомъ.

Вчера, въ одиннадцатъ часовъ вечера, вспыхнулъ пожаръ на Охтѣ и туда послали пожарныхъ изъ города. Я не знаю еще какія были послѣдствія этого пожара.

Прилагаю при семъ письмо изъ Казани,—кажется отъ Магницкаго,—и нѣсколько полицейскихъ рапортовъ.

Примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи. Фобъ.

21-го іюля 1826 г.

Представляю résumé конфиденціального разговора съ графомъ д'Алонвиль, человекомъ, извѣстнымъ своимъ умомъ, честностью взгляда, прямою характера и опытностью во всемъ, что касается управленія и настоящаго положенія общественныхъ дѣлъ, приобрѣтенною имъ во время его многолѣтняго пребыванія въ Петербургѣ.

„Всѣ принимаемыя до сихъ поръ правительственныя мѣры были увѣнчиваемы успѣхомъ, потому что въ основаніи ихъ лежалъ принципъ—преобразовывать безъ потрясеній и хвастовства. Такъ, вниманіе правительства было обращено: на порядокъ судопроизводства въ важномъ дѣлѣ, съ цѣлью соединить непреклонность уголовныхъ законовъ съ голосомъ милосердія; на необходимость искорененія застарѣлыхъ злоупотребленій и введеніе въ управленіе дѣлами того духа усовершенствованія, который, одинаково касаясь людей и существующаго порядка вещей, не оскорбляетъ первыхъ и измѣняетъ второй не прежде, какъ установивъ точныя правила и предусмотрѣвъ всѣ послѣдствія этой перемѣны; на развитіе прямоты и честности, которыми въ такой степени характеризуются всѣ акты высочайшей власти, что людямъ зло-

намѣреннымъ и недалновиднымъ ничего болѣе не остается, какъ позволить руководить собою, чтобы избѣгнуть ошибокъ, и, наконецъ, — на изысканіе средствъ къ введенію строгой экономіи въ государственныя расходы, а также и на поощреніе отечественной торговли и промышленности. Въ короткій срокъ, протекшій со времени вступленія на престолъ новаго императора, было, конечно, невозможно совершить болѣе того, что уже сдѣлано, а именно—выяснить начала управленія и подготовить путь къ дальнѣйшему устройству. Но сколько потребовалось заботъ и предусмотрительности, чтобы поставить управленіе въ то положеніе, въ какомъ оно находится въ настоящую минуту, и которое даетъ ясное понятіе о томъ, что будетъ еще сдѣлано правительствомъ, если оно пойдетъ назначеннымъ путемъ, чтобы выкинуть во все отрасли управленія, опредѣлить сферу ихъ дѣятельности и тѣ отношенія, какія должны установиться между ними для того, чтобы сохранить связь и однообразіе въ дѣйствіяхъ своихъ, чтобы подобно евангельскому рыбаку рѣшить, что слѣдуетъ сохранить и что выкинуть изъ сѣтей“.

Чтобы потѣшить ваше превосходительство, долженъ передать, что въ небольшомъ обществѣ у графини Коновницыной говорили, что вы, ваше превосходительство, и я—мы самые опасные шпіоны.

Оканчиваю это письмо, чтобы отправить къ вамъ нѣкоторыя офиціальныя бумаги и полицейскія вѣдомости.

Примите увѣренія въ моемъ искреннемъ уваженіи. Ф. О. К. ъ.

22-го іюля 1826 г.

Учрежденіе высшаго надзора побуждаетъ полицію и другія власти, какъ городскія, такъ и уѣздныя, принять мѣры, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Обѣ полиціи—городская и уѣздная—уже принялись собирать свѣдѣнія о лицахъ, живущихъ въ городѣ и уѣздѣ, обѣ ихъ занятіяхъ и образѣ жизни. Вотъ уже и польза для общественнаго блага. Чѣмъ болѣе будутъ стараться все выяснять, — конечно, безъ придиорокъ, — тѣмъ легче будетъ судить о людяхъ и обстоятельствахъ съ увѣренностью и знаніемъ дѣла. Послѣднее рѣшеніе государя по дѣлу, касающемуся управленія пермскими рудниками, очень занимаетъ общество; большинство

радуется этой мѣрѣ, надѣясь, что она затруднитъ, на будущее время, систему князѣ и сплетенъ, прикрываемыхъ строгимъ при-мѣненіемъ законовъ.

— „Послѣдній рескриптъ на имя генераль-маіора (Бенвендорфа) написанъ государемъ собственноручно; государь выражаетъ ему свое благоволеніе за выполненныя имъ мѣры, въ то время когда онъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно. Это-то двойное вниманіе и доказываетъ, что государь можетъ обходиться безъ секретаря, и признаетъ заслуги, оказанныя государству. Вотъ,—говорятъ многіе изъ лицъ, принадлежащихъ къ иностраннымъ посольствамъ,—еще одна изъ мѣрѣ, которыя способны привязать сердца. Для обоюдной пользы правителей и управляемыхъ, слѣдовало бы составить сборникъ всѣхъ правительственныхъ актовъ, по мѣрѣ изданія ихъ, чтобы все доходило до общества, и чтобы этимъ оружіемъ можно было подавлять происки недовольныхъ и укрѣплять увѣренность въ трусахъ и скептикахъ“.

Посылаю при семъ вашему превосходительству первые официальные отчеты о происшествіяхъ и нѣсколько полицейскихъ вѣдомостей.

23-го іюля 1826 г.

Вчерашній праздникъ былъ вполнѣ народный; высшіе классы не могли принять въ немъ участія, такъ какъ вся аристократія разъѣхалась. Поэтому на гулянья было не болѣе двадцати экипажей и вообще гуляющихъ было въ половину менѣе, нежели 1-го числа, такъ что полиціи и не стоило труда поддерживать порядокъ, который никѣмъ не былъ нарушенъ. Военный генераль-губернаторъ и подчиненные его, въ парадной формѣ, разъѣзжали верхами до конца гулянья, и полиціи пришлось устранить только нѣкоторые маленькіе беспорядки, всегда неразлучные съ подобнымъ стеченіемъ народа. Прогулки по водѣ не были пріятны вслѣдствіе сильнаго вѣтра. Чтобы быть вполнѣ безпристрастнымъ, нужно сознаться, что вчерашнее гулянье не отличалось тѣмъ шумнымъ весельемъ, которымъ ознаменовался праздникъ—1-го числа. Впрочемъ, это не удивительно, такъ какъ онъ не былъ уже новостью. Съ другой стороны, народу собралось на гулянье мало, вѣроятно, потому, что въ этотъ день было много именинниковъ. На одномъ Крестовскомъ Островѣ стояло около разныхъ дачъ болѣе ста экипажей.

Недостатокъ матеріала для разговоръ въ Петербургѣ въ отсутствіе двора, наводитъ, весьма естественно, разсужденія на тему о великомъ событіи, къ которому лучше было бы вовсе не возвращаться. Чтобы говорить о чемъ нибудь, толкуютъ о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и объ административныхъ проектахъ. Это, впрочемъ, еще не доказываетъ, чтобы осужденіе и критическое отношеніе стояли на первомъ планѣ, такъ какъ всѣ толки и нелѣпыя умствованія выходятъ изъ среды небольшого числа тѣхъ шелопаевъ, которые чешутъ языки для препровожденія времени. Я ѣздилъ вчера въ Царское Село проститься съ княземъ Кочубеемъ, который намѣревался сегодня утромъ ѣхать въ Москву.

Прилагаю при семъ обычныя полицейскія донесенія.

25-го іюля 1826 г.

Въ ту минуту, когда я собирался отправить къ вамъ этотъ пакетъ, получаю изъ Казани, отъ барона Розена, письмо слѣдующаго содержанія:

„Пользуюсь представившимся случаемъ, чтобы поговорить съ вами о Магницкомъ; считаю себя обязаннымъ сдѣлать это ради того глубокаго уваженія, какое питаю я къ особѣ генерала Бенкендорфа.

„Магницвій увѣряетъ, что уѣхалъ изъ Петербурга только вслѣдствіе совѣта своего интимнѣйшаго друга дѣтства, генерала Бенкендорфа, и мотивированнаго тѣмъ, что будто бы сторона, противная Магницкому, одержала верхъ; кромѣ того, онъ говорить, что получилъ недавно отъ его превосходительства письмо, въ которомъ, совѣтуя ему быть совершенно спокойнымъ, генераль объщается выхлопотать для него у Его Величества пожизненную годовую пенсію въ 6,000 рублей, а также и уплату расходовъ на три поѣздки его въ Петербургъ—до 9,000 рублей“¹⁾.

„Съ этими ложными данными, онъ не только удерживаетъ около себя прежнихъ своихъ сообщниковъ, но еще приобрѣтаетъ

¹⁾ Подъ этими словами написаны карандашомъ,—должно быть рукою генерала Бенкендорфа,—нѣсколько строкъ, обращенныя къ государю: „Это совершенно ложно; я объявилъ ему только повелѣніе Вашего Величества выплачивать его женѣ половину пенсіи“.

и новыхъ, что вовсе не соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ, такъ какъ въ числѣ приверженцевъ его находятся двое очень опасные: Часовниковъ, бывший секретаремъ Магницкаго въ то время, когда послѣдній былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, и бѣшеный Крузе. Многіе уже спрашивали меня,—знаю-ли я о той выгодѣ, которую Магницкій извлекъ изъ своего знакомства съ генераломъ Бенкендорфомъ? Враги Магницкаго съ негодованіемъ смотрятъ на его счастье. Вообще, дѣло это мнѣ ужасно не нравится. Потрудитесь передать эти подробности генералу и прибавьте, что я только-что получилъ отъ генераль-губернатора Бахметьева предписаніе, въ которомъ выражено переданное ему, генераль-майоромъ, (Бенкендорфомъ) высочайше повелѣніе: „чтобы наблюсти, дабы Магницкій не могъ имѣть вліянія на профессоровъ Казанскаго университета“¹⁾.

„Что мнѣ отвѣчать на заявленія Магницкаго? Очень естественно, что друзья его, а тѣмъ болѣе враги стараются проникнуть истину, хотя первые и слѣпо вѣрятъ его словамъ. Повторяю, что все это крайне неприятно мнѣ, тѣмъ болѣе, что все продѣлывается у меня на глазахъ. Магницкій былъ у меня въ день отъѣзда курьера, послѣ полудня; я приказалъ никого не принимать, и теперь очень жалѣю, что не поговорилъ съ нимъ, такъ какъ до меня дошло, что прежде, чѣмъ вторично пріѣхать ко мнѣ, онъ будетъ ждать моего визита къ нему, чего, по всей вѣроятности, не случится. Впрочемъ, онъ собирается оставить Казань и уѣхать въ Саратовъ; но я не могу дать ему позволеніе на это, не нарушивъ приказанія, на основаніи котораго онъ обязанъ здѣсь выжидать окончателнаго разсмотрѣнія его отчетовъ, что министромъ Шишковымъ поручено одному чиновнику, еще не прибывшему сюда.—Съ послѣднимъ курьеромъ полученъ здѣсь высочайшій указъ о взысканіи съ Магницкаго 16,000 рублей, полученныхъ имъ на покупку разныхъ инструментовъ, которые, однако-жъ, пріобрѣтены не были; вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно оставить въ его владѣніи только тѣ земли, которыя были ему пожалованы“.

При семъ прилагаю оригиналь письма.

¹⁾ Слова, напечатанныя разрядкой, написаны въ оригиналѣ по русски.
Ред.

26-го іюля 1826 г.

Недовольные, или тѣ, которые, желая придать себѣ большее значеніе, хотятъ казаться такими, иронически замѣчаютъ, что съ коронаціею начнется возвратъ—если не къ золотому, то, по крайней мѣрѣ, къ серебряному вѣву; что готовится масса проектовъ и плановъ относительно различныхъ улучшеній, такъ что встрѣтятся даже затрудненіе въ выборѣ. Хотя, говорятъ, принципы управленія и извѣстны, но чтобы примѣнить ихъ къ дѣлу, надо установить другой порядокъ вещей, не теперешній, съ недостатками котораго слишкомъ ужь освоились, и что необходимость такого измѣненія дѣлается настоятельною; что, наконецъ, всѣ предосторожности и отсрочки въ преобразованіи управленія, страдающаго такими погрѣшностями, могутъ только повредить общественному дѣлу и воспрепятствовать осуществленію тѣхъ благодѣтельныхъ плановъ реорганизациа, которые думалъ привести въ исполненіе покойный императоръ Александръ. Приэтомъ прибавляютъ, что для того, чтобы не испортить дѣла, было бы особенно важно хорошенько сообразить всѣ содержащіяся въ тайнѣ мѣры по этому предмету, а также и посоветоваться съ людьми, пользовавшимися довѣріемъ покойнаго государя.

Упраздненія адресной конторы сильно желаютъ всѣ, въ особенности средніе и низшіе классы льстятъ себя надеждою, что при коронаціи императоръ окажетъ имъ это благодѣяніе.

Увѣряютъ, что главнокомандующіе обѣими арміями будутъ возведены въ званіе генераль-фельдмаршаловъ, причемъ замѣчаютъ, что только одинъ примѣръ подобнаго рода былъ въ царствованіе императора Павла; прежде же фельдмаршальскій жезлъ давался только въ военное время.

27-го іюля 1826 г.

Вотъ картина настроенія умовъ и разсужденій, написанная на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ изъ многихъ разговоровъ о различныхъ партіяхъ и мнѣніяхъ.

Лѣвая сторона или, лучше сказать, врали и недовольные, стараются представить все въ мрачномъ свѣтѣ. Краски ихъ до того темны, что можно подумать, будто бы мы находимся наканунѣ

страшныхъ бѣдъ. По ихъ словамъ, все приходитъ въ упадокъ, все разрушается, и никакія усилія правительства не въ состояніи возстановить довѣрія и радикально излечить зло,—не потому, что оно застарѣло, а вслѣдствіе недостатка любви къ врагу.—Правая сторона видитъ вещи въ совершенно другомъ свѣтѣ и не только не замѣчаетъ ничего тревожнаго, но увѣрена, что все пойдетъ отлично.

По мнѣнію нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ изслѣдователей, оба приведенные взгляда преувеличены. Если правда, говорятъ они, что язва глубока, то, несомнѣнно, правда и то, что нѣтъ недостатка ни въ доброй волѣ, ни въ средствахъ, чтобы, если не закрыть ее,—что было бы опасно и даже невозможно,—то предотвратить гангрену, а это было бы уже выигрышемъ. Если бы ничего рѣшительно не было бы тревожнаго въ эпоху, столь близкую къ общему бѣдствію, если бы можно было все сдѣлать по мановенію волшебнаго жезла,—такой порядокъ вещей дѣйствительно возбуждалъ бы опасенія, потому что пришлось бы допустить два предположенія: или, что всѣ управляемые — не болѣе какъ автоматы, или же, что подъ пепломъ таится огонь. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Не скрывая правды ни отъ своихъ, ни отъ чужихъ глазъ, надо сознаться, что различныя причины,—анализъ которыхъ, въ настоящее время, былъ бы напрасенъ и даже не совсѣмъ политиченъ,—вызвали такія бѣдствія, послѣдствія коихъ неисчислимы, какъ, на примѣръ: отсутствіе духа общественности, эгоизмъ съ цѣлой свитой его приспѣшниковъ, ложныя идеи о свободѣ и правахъ гражданъ, благопріятствующія только личнымъ интересамъ, въ ущербъ общественному дѣлу. Съ другой стороны нельзя также умалчать и о томъ, что правительство, съ энергіею и силою, употребляетъ всѣ, находящіяся въ распоряженіи его, средства, чтобы остановить развитіе этого зла; что, признавая невозможность вырвать его разомъ, оно ничего не упускаетъ изъ виду, чтобы дать умамъ болѣе благопріятное направленіе относительно подержанія общественнаго благосостоянія, а порядокъ вещей поставить въ такое положеніе, которое можно бы измѣнять съ извѣстною осторожностію; такъ что, не домогаясь роли соиздателя, оно довольствуется ролью возстановителя, которая гораздо труднѣе, особенно въ настоящее время... Сообразно съ этимъ мы видимъ во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства твердое намѣреніе привести

заблуждающихся къ порядку всѣми строгими, но отнюдь не насильственными мѣрами, которыя власть можетъ примѣнить съ успѣхомъ, чтобы указать людямъ и вещамъ ихъ мѣсто. Можно, конечно, не безъ основанія сказать, что всѣ наши бѣдствія вышли изъ источника всѣхъ бѣдъ; но утверждать, что въ глубинѣ всего этого не лежитъ надежды,—значило бы грѣшнить противъ очевидности. Поэтому нельзя не хвалить стараніе правительства исправить судопроизводство, финансы и полицію. Мы находимъ подготовительныя мѣры къ достиженію этой цѣли въ различныхъ собственноручныхъ резолюціяхъ монарха. Эти указы даютъ истинное мѣрило намѣреній и дѣйствій правительства, которыя заставляютъ предполагать спокойствіе въ будущемъ.

23-го іюля 1826 г.

Г. Эртель, переведшій на нѣмецкій языкъ по Высочайшему повелѣнію докладъ слѣдственной коммисіи, желалъ бы приложить къ своей книжкѣ переводъ высочайшаго манифеста и докладъ верховнаго суда. Такъ какъ переводъ этотъ появился уже въ нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ С.-Петербургской Академіей, то по этому поводу не можетъ быть, повидимому, никакихъ затрудненій. Наши подлежащія власти раздѣляютъ это мнѣніе, но, не смотря на это, отказываются дать официальное разрѣшеніе перепечатать эти документы и отсылаютъ другъ къ другу прошеніе г. Эртеля.

Такъ какъ г. Эртель предполагаетъ послать нѣсколько сотъ экземпляровъ своего перевода за границу, то было бы, я думаю, желательно, чтобы онъ присоединилъ къ нимъ переводъ послѣднихъ правительственныхъ актовъ какъ для того, чтобы дополнить рассказъ объ этомъ событіи, такъ и съ тѣмъ, чтобы предупредить ошибочное толкованіе ихъ. Не найдете ли, в. пр., возможнымъ доложить объ этомъ Его Величеству и сообщить мнѣ мнѣніе государя по этому поводу.

Вотъ нѣсколько общихъ замѣчаній, собранныхъ въ различныхъ кружкахъ.

„Нѣтъ ничего вѣрнѣе одного мѣста въ послѣднемъ манифестѣ 14-го іюня, гдѣ говорится о томъ, какъ тяжело нести бремя русскаго вѣнца. Дѣйствительно, невозможно найти въ исторіи при-

мѣра такой продолжительности бѣдствій и слѣдующихъ, одно за другимъ, потрясеній, каковой представляютъ событія, совершившіяся на нашихъ глазахъ. Сколько надо настойчивости и терпѣнія, чтобы, при подобныхъ обстоятельствахъ, не сойти съ предначертаннаго пути, и какое обширное поле представляется передъ законодателемъ и преобразователемъ, задумавшимъ измѣнить старый порядокъ вещей,—не только полный недостатокъ, но и совершенно несовмѣстимый съ обычаями и нуждами народовъ, подвластныхъ русскому скипетру. Сколько потребуется стараній и трудовъ, чтобы пожертвовать старыми, укоренившимися формами и сдѣлать людей способными всегда быть тамъ, куда ихъ призываетъ общественная польза. И все это приходится передѣлывать при такомъ порядкѣ вещей, когда господство личнаго интереса до того сильно, что самыя непреложныя истины кажутся парадоксами. Конечно, не самъ повоинный императоръ, а графъ Аракчеевъ произвелъ всю эту неурядицу своимъ управленіемъ, полнымъ произвола и, въ особенности, своимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ и желаніемъ казаться человѣкомъ всеобъемлющаго ума, тогда какъ фактически уже доказано, что Пукаловъ и Марченко заготовляли работы, которыя онъ выдавалъ за свои... Извѣстно также, что въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, мнѣніе Аракчеева, одобренное государемъ, всегда брало верхъ; заявленія же почти всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта оставались безъ вниманія.—Вообще, дѣйствія прошлаго времени съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выясняются и скоро приобрѣтутъ такую гласность, что нельзя будетъ запретить обиженнымъ громко заявлять свои жалобы. Говорятъ, что нѣкоторые думаютъ написать исторію времени съ 1801 по 1826 годъ и издать это сочиненіе заграницею.

29-го іюля 1826 г.

Вотъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній.

Удовлетворить всѣхъ—невозможно. Осужденные и ихъ семейства испытываютъ на себѣ дѣйствіе кроткихъ мѣръ, принятыхъ, въ настоящее время, правительствомъ относительно предстоящаго имъ путешествія (въ Сибирь). Можно положительно сказать, что большинство изъ нихъ не выдержало бы трудностей пути и не добралось бы до мѣста назначенія, еслибы съ ними поступали со всею стро-

гостью законовъ. Многіе осуждаютъ это снисхожденіе, такъ какъ, говорятъ, „оно никогда не проявляется въ отношеніи людей „простыхъ, хотя и менѣе виновныхъ, чѣмъ заговорщики. Нѣтъ „ни какого основанія быть снисходительнымъ въ этимъ послѣд- „нимъ, объясняя это снисхожденіе уваженіемъ къ тому положенію, какое они занимали въ свѣтѣ, и въ тѣмъ семьямъ, въ ко- „торымъ они принадлежатъ по рожденію: связи человѣка, осуж- „деннаго на гражданскую смерть,—навсегда порваны и онъ дол- „женъ до конца испить справедливо заслуженную имъ чашу „позора“.—Надо было, конечно, ожидать этихъ толковъ, за не- „мнѣніемъ другой темы для разговоровъ, но, все-же, не слѣдуетъ говорить объ этомъ людямъ, близко стоящимъ къ семействамъ осужденныхъ, а, между тѣмъ, многіе изъ нихъ высказывали подобныя мнѣнія.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи III-го отдѣленія канцеляріи Его Императорскаго Величества также служитъ матеріаломъ для разговоровъ. Одни говорятъ: „вотъ контроль для городской и сельской полиціи. Хорошо, если бы онъ простирался также на дѣйствія, поведеніе и нравы всѣхъ лицъ, на которыхъ возложена исполнительная часть управленія, такъ какъ тамъ-то и гнѣздится настоящее зло. Средство хорошо придумано и произведетъ эффектъ, лишь бы органы высшей полиціи, т. е. тузы, были выбираемы изъ очень ограниченнаго вѣрушка порядочныхъ людей; въ противномъ случаѣ лекарство окажется хуже болѣзни, такъ какъ вмѣсто одной дурной полиціи, — ихъ будетъ двѣ, а это непременно случится, какъ только органы высшего надзора перестанутъ составлять отдѣльную категорію, принадлежа въ которой они могутъ исправлять и играть роль учителей. Но такъ какъ хорошій примѣръ — самый лучший способъ воспитанія, то необходимо, чтобы они вели безукоризненный образъ жизни, и чтобы всѣ лица, состоящіе на службѣ въ высшей полиціи, никогда не выходили изъ круга своихъ обязанностей“.

Всѣ, принадлежащіе къ партіи недовольныхъ, разсуждаютъ объ этомъ иначе. „Опытъ доказалъ намъ,—говорятъ они,—что почти всѣ преобразовательныя мѣры производили, до сихъ поръ, только впечатлѣніе ракетнаго букета. Хотятъ исправлять! но подумали ли о томъ, что это значитъ чистить авгіевы конюшни; что надо начать съ того, чѣмъ кончать,—дать обезпеченное по-

ложеніе чиновникамъ и упростить судопроизводство. Но такъ какъ правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни денежныхъ, ни моральныхъ средствъ, чтобы достигнуть этого двойнаго результата, то и всякое исправленіе становится, если не совершенно невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма труднымъ... Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что вражда установится прежде всего между новыми и старыми блюстителями порядка и затѣмъ между этими послѣдними и лицами, подчиненными ихъ надзору. Какъ же станетъ дѣйствовать правительство, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы предупредить и предотвратить неизбежную реакцію? Это вопросъ чрезвычайной важности⁴. Надо прибавить, что люди благоразумные точно сговорились, чтобы превознести благотворное направленіе правительства, которое, вообще, возбуждаетъ большое довѣріе. Лучшимъ доказательствомъ этому служить ярость фрондеровъ.

30-го іюля 1826 г.

Имѣю честь представить при семъ вашему превосходительству только-что полученную мною отъ г. Гофмана записку. Въ ней нѣтъ ничего особеннаго, за исключеніемъ перваго замѣчанія о томъ, что общество желаетъ упраздненія адресной конторы¹⁾. Дѣйствительно, это общее и сильное желаніе всѣхъ классовъ населенія столицы. Если бы при коронаціи государь соблаговолилъ положить конецъ существованію этого учрежденія, заставляющаго столь многихъ стонать, — то это произвело бы огромное впечатлѣніе въ пользу правительства.

Вчера былъ у меня князь Мещерскій и умолялъ напомнить вамъ о дѣлахъ, которыми долженъ заняться образованный, по высочайшему повелѣнію, комитетъ для улучшенія быта безпомощныхъ отставныхъ чиновниковъ. Князь полагаетъ, что объявленіе, во всеобщее свѣдѣніе, объ открытіи комитета и предоставленныхъ ему правахъ произведетъ гораздо большее впечатлѣніе на умы, если это будетъ сдѣлано при коронаціи. Онъ желаетъ быть вызваннымъ въ Москву.

¹⁾ Слова, напечатанныя разрядкою, въ подлинникѣ подчеркнуты карандашомъ. Ред.

Наша зараженная молодежь требуетъ бдительнаго и постояннаго надзора. Я попалъ на слѣдъ нѣсколькихъ дурныхъ сборищъ, о которыхъ поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

31-го іюля 1826 г.

Представляю вашему превосходительству еще нѣсколько общихъ замѣчаній, собранныхъ въ разныхъ кружкахъ. Если замѣчанія эти и не заслуживаютъ особеннаго вниманія, — все-же онѣ могутъ дать понятіе о настроеніи умовъ.

„Когда занимаешь извѣстное общественное положеніе и считаешь себя хорошимъ патриотомъ — слышимъ мало только воздерживаться отъ зла. Если дѣйствія человѣка не особенно дурны, если онъ не оказывается негодяемъ, не дѣлаетъ явнаго вреда своему ближнему, не посягаетъ на его безопасность и не покушается на нарушеніе общественнаго порядка, — онъ воображаетъ, что выполняетъ свою обязанность и то назначеніе, къ которому призванъ, какъ членъ великаго политическаго тѣла — государства. Но пусть онъ разочаруется! Добродѣтели его чисто отрицательныя. Правда, у него нѣтъ недостатка и въ положительныхъ, но, зато, не хватаетъ желанія развить ихъ, и потому зло совершается, такъ какъ онъ не сдѣлалъ всего того добра, на какое былъ способенъ. При настоящихъ обстоятельствахъ, когда отсутствіе дѣятельности со стороны людей, могущихъ быть хорошими слугами государству — поистинѣ большое зло, — мы видимъ массу личностей, которыя или держатся въ сторонѣ и прячутся за ширмы, какъ бы желая оправдать поговорку г. Балашева: „посмотримъ, что-то будетъ!“ или же говорятъ: „предоставимъ дѣламъ идти своимъ путемъ, а когда плоды созрѣютъ, — мы явимся собирать ихъ“. Но вѣдь иногда налетаетъ ураганъ и срываетъ плоды раньше ихъ зрѣлости! Эта истина, до-того всѣмъ знакомая, что стала даже избыткомъ, и, все-таки, слышимъ часто приходится повторять ее“.

„Безъ содѣйствія самихъ управляемыхъ, правительство не въ состояніи творить все то добро, какое бы желало сдѣлать. Объ этомъ содѣйствіи говорится во всѣхъ обнаруженныхъ актахъ правительства, и потому люди, пользующіея всѣми привилегіями происхожденія, богатства и ума, и не употребляющіе всѣхъ этихъ средствъ на пользу общественнаго блага, — болѣе ви-

новны, чѣмъ злоумышленники. Они тѣмъ болѣе достойны порицанія, что обращенное въ нимъ воззваніе правительства, сдѣланное въ послѣднемъ манифестѣ, не допускаетъ возможности извиненія незнаніемъ намѣреній правительства“.

“Другое затрудненіе, встрѣчаемое до сихъ поръ правительствомъ, — разладъ между административными властями, — нынѣ устранено, но этого недостаточно: необходимо еще повести дѣло такъ, чтобы власти эти помогали другъ другу, — помогали искренно, безъ задней мысли, съ полнымъ желаніемъ приносить пользу. Когда это будетъ достигнуто, — правительство увидитъ передъ собой ровный и широкій путь, будетъ имѣть возможность идти быстрыми шагами на пути преобразованій, такъ что людямъ злонамѣреннымъ нельзя уже будетъ скрыться отъ вниманія дѣятельнаго, хотя и мало стѣсняющаго надзора: въ такомъ сосудѣ, въ которомъ дно совершенно спокійно, — подобныя личности неминуемо всплывутъ на поверхность, и тогда — ничего не можетъ быть легче, какъ замѣтить ихъ и схватить“.

Остается поговорить еще объ одномъ предметѣ, который въ дѣлѣ хорошаго управленія при обстоятельствахъ, подобныхъ настоящимъ, имѣетъ также не маловажное значеніе, — а именно: прискаты способъ обнаруживать истину при помощи надлежащимъ образомъ направленныхъ поисковъ. При этомъ является мысль объ учрежденіи цензурнаго суда (*tribunal de censure*), назначеніемъ котораго было бы опредѣленіе причины и свойства существующихъ злоупотребленій и указаніе какъ на недугъ, такъ и на средство, необходимое для излеченія больнаго. Надо сознаться, что задача составленія этого суда и опредѣленія сферы его дѣйствій — не легка; но, все-же, дѣло это не невозможно и было бы весьма полезно, именно, вотъ почему. Въ настоящую минуту государю предстоитъ тройной трудъ: онъ долженъ преобразовывать, управлять и, въ то же время, начертывать планъ будущихъ дѣйствій. Послѣднія двѣ обязанности совершенно наполняютъ всю рамку человѣческой дѣятельности. Поэтому, чтобы не терять времени, столь дорого стоящаго, въ завѣдываніи административными дѣлами, правительству было бы необходимо имѣть пособниковъ честныхъ и трудящихся, обязанныхъ, исключительно, открывать злоупотребленія, которыя должны быть немедленно обуздываемы; въ противномъ случаѣ, самыя лучшія намѣренія,

всѣ полезнѣйшія учрежденія, — все это разобьется о подводныя камни Содомскаго озера, гдѣ гнѣздятся бюрократія, личный интересъ, злая воля и дѣлая ватага неразлучныхъ съ ними золь.

3-го августа 1826 г.

Купеческое сословіе проникнуто энтузіазмомъ въ настоящему правительству. Считаю обязанностью упомянуть о нѣсколькихъ дошедшихъ до меня замѣчаніяхъ, высказанныхъ негоціантами относительно положенія нашей финансовой части.

„Почему финансы наши такъ плохи? Потому, что послѣ 1807 года запрягли воловъ позади телѣги“.

„Въ Россіи, гдѣ много земель и сырыхъ продуктовъ, но вовсе нѣтъ рабочихъ рукъ, промышленность не можетъ процвѣтать съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ Англіи, и потому тотъ, у кого есть деньги, всегда будетъ законодателемъ въ торговлѣ. Иностраннй купецъ рассчитываетъ на взаимный обмѣнъ произведеній. Онъ не станетъ покупать наши земледѣльческія произведенія, если у него отнять возможность сбывать намъ свои товары. Но это сдѣлали, и потому англичане большую часть необходимыхъ для нихъ сырыхъ произведеній стараются извлекать изъ Америки и Швеціи. Въ другихъ государствахъ промышленность развивается чрезвычайно быстро, при помощи частныхъ предпріятій на акціяхъ, которыя правительствомъ привилегируются и покровительствуются всѣми возможными средствами; у насъ же онѣ задержаны какъ въ принципѣ, такъ и въ развитіи. Имѣтъ дѣло съ правительствомъ — положеніе очень непріятное: оно никогда не поражаетъ безслѣдно. Вотъ почему все въ застоѣ, и большинство чиновниковъ, эгоистовъ въ высшей степени, столько же заботится о пользѣ государства, какъ и о китайскихъ дѣлахъ. Покойнаго императора старались ослѣпить проектами объ улучшеніи финансовъ; но улучшеніе это существовало только на бумагѣ, между тѣмъ какъ злоупотребленія шли своею дорогой, и такимъ образомъ финансы государства разстраивались все болѣе и болѣе“.

5-го августа 1826 г.

Вмѣсто того, чтобы совершенно смолкнуть, — какъ слѣдовало бы ожидать, — слухи о событіяхъ, случившихся, будто-бы, недавно въ Москвѣ, продолжаютъ ходить по городу и увеличиваются въ своихъ размѣрахъ.

Слухи, распускаемые, по большей части, придворною челядью и лицами, окружающими графиню Ливенъ, одни смѣшнѣе и нелѣпѣе другихъ. Этимъ вѣстовщикамъ ничего, напримѣръ, не стоитъ убить солдата, переодѣтаго въ платье великаго князя Михаила; уморить прусскаго короля; заставить выкинуть царствующую императрицу и, наконецъ, отрѣшиться отъ всѣхъ должностей великаго князя Константина и выпроводить его совсѣмъ за границу. Къ этому надо прибавить, что лица, служащія при г. Кутузовѣ, выказали удивленіе, не получивъ, съ курьеромъ, отправленнымъ изъ Москвы 29-го числа прошлаго мѣсяца, положительныхъ извѣстій о днѣ коронаціи. Рассказываютъ также, что митрополитъ получилъ, черезъ статсъ-секретаря Муравьева, очень сухой отвѣтъ на письмо свое къ его императорскому величеству, съ заявленіемъ, что, по уставамъ церкви, коронація можетъ быть совершена только въ воскресенье.

Настроеніе умовъ въ среднемъ и низшемъ классахъ населенія такого рода, что устраняетъ всякія опасенія. Офицеры и войска, вообще, не представляютъ повода къ сомнѣнію. Всѣ донесенія подтверждаютъ, что войско искренно предано особѣ государя. Молодыми сумасбродами изъ военныхъ прошлое царствованіе порицается съ горечью; въ разговорахъ по этому предмету часто замѣчаются выраженія неприличныя и полныя ненависти.—Предположенія и сужденія о лицахъ и дѣлахъ, а также и о задуманныхъ перемѣнахъ—различны. Каждый разсуждаетъ по-своему и всѣ жаждутъ наступленія серебрянаго вѣка.

Прежнія преимущества и права сената, также какъ и законы, говорятъ, устарѣли и отжили свой вѣкъ; тѣ изъ нихъ, которыя примѣнены къ государственному совѣту, не соотвѣтствуютъ тому порядку, возстановленіе котораго необходимо для обезпеченія успѣха предположенныхъ преобразованій. Лучше было бы слѣдовать старому плану, имѣвшему цѣлью учредить два сената: одинъ—чисто направляющій и охранительный, а другой—судебный, и присвоить первому изъ нихъ всѣ преимущества государственнаго совѣта.—Въ такомъ случаѣ, возражаютъ нѣкоторые, лучше было бы, вмѣсто государственнаго совѣта, имѣть кабинетъ государя, на подобіе того, какой существовалъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, полученнымъ до сихъ поръ, о происхо-

дящихъ у Мордвинова сборищахъ оказывается, что онъ и его сподвижники не болѣе, какъ повѣсы, собирающіеся съ единственною цѣлью устраивать оргіи. Я слѣжу за ними очень зорко. Нѣсколько дней сряду Мордвиновъ только и дѣлалъ, что бѣгалъ за публичными женщинами, доходя до проститутокъ самаго низкаго сорта. Молодой Заматинъ, вызвавшійся посѣщать эти собранія, никакъ не могъ застать его дома.

Доставленные нѣкоторыми лицами свѣдѣнія даютъ о Владимірѣ Шишковѣ самое неблагоприятное понятіе относительно того, что составляетъ характеръ полезнаго и благонамѣреннаго человѣка. Образъ его мыслей и его нравственность также, говорятъ, достойны сильнаго порицанія, и надо удивляться тому, что таковой уважаемый человѣкъ, какъ адмиралъ Шишковъ, терпитъ около себя подобную личность. Этотъ молодой человѣкъ считаетъ себя умнымъ, такъ какъ перевелъ „Освобожденный Іерусалимъ“ Гасса.

6 августа 1826 г.

Имѣю честь представить вашему превосходительству гésuné нѣсколькихъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ аристократическихъ кружкахъ.

„Старый Пуцинъ, генераль-интендантъ флота, семидесятилѣтній старецъ, болѣе полувѣка состоитъ на службѣ. Жена его уже 20 лѣтъ находится въ состояніи умопомѣшательства; изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей, двое умерли гражданскою смертию, а остальные должны потерять все свое состояніе, потому что этого желаетъ начальникъ штаба морскаго вѣдомства Моллеръ, сьумѣвшій такъ представить дѣло, что Пуцинъ, который, за учрежденіемъ министерства, ни за что не можетъ уже отвѣчать, такъ какъ только исполняетъ предписанія этого министерства,— долженъ выносить на себя всю отвѣтственность по счетной части. Тотъ же Моллеръ не допускаетъ, чтобы жалобы Пуцина доходили до Государя, такъ что бѣдный старикъ находится въ ужаснѣйшемъ положеніи. Не смотря, однако, на это, ничего не сдѣлано, чтобы успокоить его, хотя одинъ изъ сыновей его и оказался виновнымъ только въ томъ, что, зная объ умыслѣ заговорщиковъ, не донесъ объ этомъ. Старикъ въ отчаяніи. Недавно онъ

подалъ государю третье прошеніе, изложивъ въ немъ самыя убѣдительныя доводы въ доказательство тому, что не имѣютъ права дѣлать его состояніе отвѣтственнымъ за недочеты по морскому министерству“.

„Лучшій пробный камень чести и безкорыстія министровъ—сравненіе финансоваго ихъ положенія до вступленія въ управленіе министерствомъ, и при выходѣ изъ онаго. Дмитріевъ, оставивъ министерство, не имѣлъ средствъ выѣхать отсюда въ Москву, тогда какъ Гурьевъ и многіе другіе составили себѣ колоссальныя богатства“.

„Въ предшествовавшее царствованіе было сдѣлано все, чтобы умалить права государя, какъ самодержца. Ему ли говорить въ его указахъ: „ознакомившись съ мнѣніемъ государственнаго совѣта (après avoir pris connaissance de l'opinion du conseil d'état), мы повелѣли и повелѣваемъ“! Не слѣдуетъ приучать нашъ слухъ къ такому тону; не надо государственнаго совѣта, или посредника между неограниченнымъ главой государства и его народомъ; не нужно, наконецъ, конституціонныхъ формъ правленія, разъ, что власть должна быть нераздѣльна. Повидимому, государь также сознаетъ эту истину, и очень вѣроятно, что онъ преобразуетъ государственный совѣтъ въ новый правительствующій сенатъ или, лучше сказать, дастъ этому послѣднему его прежнія права, такъ что онъ одинъ будетъ издавать законы, и мы не увидимъ болѣе постановленій, появляющихся подъ различными формами. Произволу министровъ будетъ положенъ конецъ, такъ какъ они должны будутъ представлять въ сенатъ отчеты и отвѣчать передъ нимъ за свои дѣйствія“.

„Мысль объ учрежденіи консултанціи оберъ-прокуроровъ — мысль несчастная и вредная для тяжущихся. Во-первыхъ, прибавляется еще одна инстанція, которыхъ у насъ и безъ того довольно, а, во-вторыхъ,—это оружіе въ рукахъ министра, благопріятствующее произволу и личному интересу“.

„Перенеся нашъ взглядъ на финансы,—мы видимъ Гурьева, отмѣняющаго винныя откупа, чтобы дать блестящее положеніе вице-губернаторамъ; употребляющаго противныя здравому смыслу мѣры, убившія торговлю и національную промышленность; собирающаго, съ жестокостью, общественныя подати и увеличивающаго ихъ, употребляя государственныя доходы на приобрѣтеніе земель и умно-

женіе, такимъ образомъ, государственныхъ имуществъ на счетъ дворянства. Можно-ли, послѣ этого, спрашивать—гдѣ и въ чемъ причина недовольства? Слѣдуетъ только удивляться, что недовольство это не пустило еще болѣе глубокихъ корней, и что взрывъ не былъ болѣе силенъ, такъ какъ все было сдѣлано для установленія конституціоннаго правительства, которое было бы могилой народнаго благосостоянія“.

„Права дворянства нарушаются то прямо, то косвенно, а налоги, извѣстные подъ именемъ земскихъ повинностей, истиннѣ разорительны. Употребленіе, дѣлаемое изъ этихъ налоговъ, совершенно незаконно, и пора бы опредѣлять для нихъ положительную норму, такъ какъ въ настоящее время размѣры ихъ находятся въ зависимости отъ произвола губернаторовъ“.

9 августа 1826 г.

Слухъ о сборищахъ вдовы Рылѣвой, о которомъ я упоминалъ въ предшествовавшихъ моихъ письмахъ ¹⁾, вызванъ былъ слѣдующимъ фактомъ, удостовѣряемымъ официальнымъ донесеніемъ по саму предмету. Г-жа Малютина, узнавъ, что вдова Рылѣва уѣзжаетъ въ Пензу, обратилась къ военному губернатору съ просьбой о возвращеніи ей бумагъ, касающихся опеки ея дѣтей, опекуномъ которыхъ былъ покойный Рылѣвъ. Вслѣдствіе этого, полицейскій офицеръ, въ сопровожденіи повѣреннаго Малютинной, коллежскаго ассесора Сутгова, отправился къ Рылѣвой за означенными бумагами. Это-то обстоятельство и подало поводъ говорить о сборищахъ. Старая корга Миклашева, вовлечшая въ несчастіе нѣкоего Жандра, своимъ змѣйнымъ языкомъ распустила эти слухи.

Между дамами, двѣ самыя непримиримыя и всегда готовыя разрывать на части правительство,—княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Ихъ частныя кружки служатъ средоточіемъ для всѣхъ недовольныхъ, и нѣтъ брани злѣе той, какую онѣ извергаютъ на правительство и его слугъ.

Вотъ эпиграмма на князя Куракина, повторяемая во всѣхъ

¹⁾ Вѣроятно въ письмахъ отъ 7 или 8 августа, которыхъ въ ижеющемся въ нашемъ распоряженіи собраніи не оказалось. Ред.

обществахъ и возбуждающая общій смѣхъ, такъ какъ дастъ поводъ къ безконечнымъ комментаріямъ:

„Великъ и славенъ былъ
Куракинъ въ жизни сей!
И подданныхъ морилъ,
И погребалъ царей“.

Хочу прибавить нѣсколько общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ реформаторами, число которыхъ все увеличивается, хотя, въ большей части случаевъ, они люди весьма благонамѣренные.

„Было бы необходимо установить большее единство во всемъ, что касается исполнительной части. Такимъ образомъ, не ограничивая привилегій, которыми пользуются нѣкоторые изъ присоединенныхъ къ Имперіи провинцій, можно было бы принять за правило, чтобы всѣ правительственныя распоряженія исполнялись повсюду во всемъ ихъ объемѣ. Но, главное,—необходимо изгнать всякую идею о конституціонномъ правленіи, для чего лучше всего было бы возвращаться, мало-по-малу, къ прежнему порядку вещей. Не лишнимъ было бы также позволить и даже внушить журналистамъ, чтобы они писали объ этомъ предметѣ, выставя его съ хорошей стороны. Затѣмъ, вѣрное средство парализовать усилія нововводителей, это — сдѣлать ихъ смѣшными; тогда они не могутъ уже имѣть никакого вліянія на умы, слишкомъ жадные ко всякой новинѣ“.

Полиція рѣшилась, наконецъ, арестовать нѣкоего Горецкаго, за которымъ мы слѣдили уже нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ человекъ проживалъ здѣсь болѣе шести лѣтъ безъ всякаго паспорта или какаго либо иного вида, и надняхъ собирался бѣжать. Полиція нашла также необходимымъ обратить вниманіе на Мордвинова, который долженъ быть высланъ отсюда сегодня или завтра.

10 августа 1826 г.

Я долженъ поговорить съ вашимъ превосходительствомъ объ одномъ обстоятельстве, настолько же нелѣпомъ, какъ и неприятномъ во многихъ отношеніяхъ.

Полиція отдала приказаніе слѣдить за моими дѣйствіями и за дѣйствіями органовъ надзора. Полицейскіе чиновники, переодѣтые во фраки, бродятъ около маленькаго домика, занимаемаго мною,

и наблюдаютъ за тѣми, кто ко мнѣ приходитъ. Положимъ, что мои дѣйствія не боятся дневнаго свѣта, но изъ этого вытекаетъ большое зло: Надзоръ, дѣлаясь самъ предметомъ надзора, вопреки всякому смыслу и справедливости ¹⁾, — непременно долженъ потерять въ томъ уваженіи, какое ему обязаны оказывать въ интересѣ успѣха его дѣйствій.

Употребляемые полиціей сыщики разглашаютъ дѣло, и имъ это не запрещается. Я предупредилъ объ этомъ г. Дершау, но онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ. Можно контролировать мои дѣйствія, — я ничею противъ этого не имѣю, даже былъ бы готовъ одобрить это, — но посылать подсматривать за мною и за навѣщающими меня лицами, такихъ болвановъ, на которыхъ всѣ уличные мальчишки указываютъ пальцами, — это слишкомъ ужъ непослѣдовательно, чтобы не связать болѣе.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что Фогель и его сподвижники составляютъ и ежедневно представляютъ военному губернатору рапортчики о томъ, что дѣлаютъ и говорятъ нѣкоторые изъ моихъ агентовъ. Это, положимъ, въ порядкѣ вещей; но смѣю надѣяться, что экспромтамъ этимъ не прежде повѣрятъ, какъ убѣдившись, сначала, въ ихъ справедливости. Тяжелый опытъ сдѣлалъ меня, быть можетъ, слишкомъ осторожнымъ, — но я долженъ быть такимъ для пользы дѣла.

Вотъ еще нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ въ разныхъ кружкахъ, и которыя могутъ служить оправданіемъ моихъ опасеній.

„Государь въ особенности заявилъ себя противъ всякихъ двусмысленныхъ или извилистыхъ дѣйствій; это фактъ, хорошо извѣстный; между тѣмъ встрѣчаются люди, пытающіеся противиться развитію полезныхъ мѣръ, которыя должны содѣйствовать къ улучшенію порядка управленія и къ устройству его на прочныхъ основаніяхъ. Самое большое зло, представляющееся правительству, — это — эгоизмъ должностныхъ лицъ и жажда всюду первенствовать. Они не могли бы, конечно, достигнуть этой цѣли, если бы не имѣли своихъ приверженцевъ, которые стараются составить себѣ

¹⁾ Слова, напечатанныя съ разрядкой, подчеркнуты карандашемъ, и противъ нихъ, на поляхъ, написано, карандашемъ же, рукою генер. Бенкендорфа: надо бы узнать, — самъ ли Фогель это сдѣлалъ, или по приказанію.

карьеру, въ ущербъ общественному дѣлу. Начальники не смѣютъ прямо задѣвать ихъ, не желая ослабить свою партію, и потому, замѣчая зло, все-таки, терпятъ его изъ личныхъ видовъ.

„Личный составъ чиновниковъ долженъ быть избранъ изъ людей ненуждающихся, которые могли бы посвятить себя служенію общественному дѣлу. Увеличеніе издержекъ на содержаніе Двора повлечетъ за собою большіе расходы и поставитъ правительство въ затруднительное положеніе. Надо создать источникъ умноженія доходовъ!.. Увеличить налоги—это средство, въ которому не слѣдуетъ, да и не пожелаютъ обращаться; поэтому придется наперстывать экономію въ расходахъ. Уменьшеніе военныхъ силъ, съ одной стороны, и повышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ, съ другой, — представляются двумя необходимыми мѣрами для достиженія предположенной цѣли, хотя привести въ исполненіе эти мѣры будетъ нелегко. Увольненіе во временные отпуски части нижнихъ чиновъ, конечно, сдѣлаетъ экономію въ бюджетѣ расходовъ по содержанію арміи; но что дѣлать съ массой офицеровъ, которые останутся безъ всякаго дѣла? Опредѣлить ихъ на гражданскія должности? Но многіе изъ нихъ вовсе не подготовлены къ подобнаго рода дѣятельности. Между тѣмъ, весьма важно дать имъ опредѣленные занятія, чтобы не создать толпу тунеядцевъ, эту общественную заразу во всякое время, а тѣмъ болѣе при настоящихъ обстоятельствахъ, когда всякій разсуждаетъ, когда всѣ, даже воспитанники учебныхъ заведеній,—считаютъ себя призванными обсуждать общественныя дѣла...“

Примите увѣренія и проч. Фокъ.

ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ ¹⁾.

53. Знаю ²⁾. Моя душа безцѣнная.

Вѣдаю. Ты знаешь, что я весь твой.

Правда. И у меня только ты одна.

Безъ сомнѣнія. Я по смерти тебѣ вѣренъ, и интересы твои мнѣ нужны.

Вѣрю.

Какъ по сей причинѣ, такъ и по своему желанію, мнѣ всего пріятнѣй твоя служба. [Давно доказано] и употребленіе заранѣе моихъ способностей, сдѣлавъ что ни ему для меня (Съ радостию. Чего?), право не раскайся, а увидишь пользу. (Душой рада да тупа. Яснѣе скажи).

54. Владыко и сбер ёроух! Я зачу отвѣтъ съ той строки, которая болѣе меня трогаетъ, кто велитъ плакать? Для чего болѣе дать волю воображенію живому нежели доказательствамъ, глаголющимъ въ пользу твоей жены; два года назадъ была ли она къ тебѣ привязана святѣйшими узами? Голубчикъ изволишь супповировать невозможное, на меня шлешься, перемѣняла ли я гласъ, можешь ли быть не любимъ; вѣрь моимъ словамъ, люблю тебя и привязана къ тебѣ всѣми узами; теперь самъ случай: два года назадъ были ли мои слова и дѣйствія въ твою пользу сильнѣе, нежели теперь.

55.За ласку тебѣ спасибо, я сама ласкова же. Adieu mon bijou, je vous aime de tout mon coeur.

56. Бати, ректоръ Академіи будетъ нареченъ по твоей просьбѣ. За анекдотныя и картины спасибо; что Осипова рода нравится—тому радуюсь, ибо Азъ избраюмъ для тебя сіе мѣсто, веселися ей нынѣ и на сто лѣтъ. Прощай. Будь здоровъ еще я. Savez vous mon ami tout ce que j'écris depuis trois jours cela sent la parodie. Allez à (слово не разобрано) et rêvez chez nous gi comme un pigeon. (Зябликъ, веселая птичка).

57. ...Что тебя увижу послѣ обѣда, тому радуюсь за ранѣе; дай Боже, чтобъ вы были здоровы. Прощай милая душа, а я не груша. Savez vous bien que cette lettre fait la parodie de la votre, я точно держалась вашего слога. Adieu mon beau faisaa d'or. Je suis votre servante.

¹⁾ См. «Рус. Ст.» изд. 1861 г., т. XXXI, июль.

²⁾ Подчеркнутыя слова писаны женскимъ почеркомъ — это ответы на слова написанныя Григор. Александровичемъ Потемкинымъ; всѣ остальные записочки писаны женскимъ почеркомъ.

58.По приказанію твоему сегодня наряжусь въ прахъ *roug vous plaige mon coeur.*

60. Милая милушечка Гришненька здравствуй, что Пр. Ал. про меня скажетъ? она скажетъ, что и безъ ума и безъ памяти, а про тебя, ну братъ самъ знаешь, что она скажетъ, угадать не буду, не вѣдаю, не знаю, опасюсь, трушу, она скажетъ, она скажетъ, что бишь она скажетъ? Она скажетъ, и онъ ее любить, чего же больше? Полно. Не уже и: что о сихъ строкахъ разворчишься, погляди хорошенько, разгляди, откуда проистекаютъ? Не за чѣмъ сердиться, только нѣтъ, пора перестать тебѣ дать увѣренія, ты долженъ уже быть пре пре пре увѣренъ, что я тебя люблю; вотъ и вся скаска тутъ, а скаски нныя не суть скаски, а нныя скаски просто, разстрои ты умъ мой, какъ это дурно быть съ умомъ безъ ума! Я хочу, чтобъ ты меня любилъ, я хочу тебѣ казаться любезною, опромѣ безумства и слабости крайней тебѣ не кажу, фуй какъ это дурно любить чрезвычайно; знаешь это болѣзнь, я больна, только за аптекаремъ не пошлю и долгихъ писемъ не напишу; хочешь, я сдѣлаю тебѣ экстрактъ изъ сей страницы въ двухъ трехъ словахъ и все прочее вымарая, а вотъ онъ:

Я тебя люблю.

61. *Вон jour mon cher ami, je vous aime de tout mon coeur.*

62. Гришненька знаешь ли ты, вѣдь тебѣ чѣмъ нѣту, только, пожалуй, пришли сказать, каковъ ты послѣ мыленки?

63. Здравствуй голубчикъ, все ли въ добромъ здоровьѣ, я здорова и тебя чрезвычайно люблю.

64. Гришненька другъ мой, когда захочешь, чтобъ я пришла, пришли сказать, а между тѣмъ я сѣла читать газеты.

65. Нынѣ вѣдь не апрѣль первое число, что прислать бумагу и въ ней написать ничего, знатно сіе есть слѣдствие вашего сповидѣнія, чтобъ лишнею ласкою не избаловать; но какъ я лукавству худо выучилась, то статья можетъ, что иногда и я не догадаюсь, что безмолвствіе значить, но какъ бы то ни было, какъ я ласкова, то отъ васъ зависитъ платить намъ неравною монетою Гяуръ, Московъ, Козакъ, Янцкой Пугачевъ, Индѣйской пѣтухъ, Павлинь, Котъ заморской, фазанъ золотой, тигръ, левъ въ тростникѣ.

66. Душачка я мучусь духомъ и тѣломъ, что согрѣшила глупымъ и неумѣстнымъ ворчаньемъ противу твоей и моей ласки; умру, буде въ чемъ перемѣнишь поступокъ милой другъ, нѣжный мужъ, презри великодушно глупости спящаго ума и тѣла.

67. Мамурка, здоровъ ли ты, я здорова и очень очень тебя люблю.

68. Гришненька здравствуй, хотя что ни говори, но люблю тебя чрезвычайно.

69. Батинька не смѣю приходить, что поздно, а люблю тебя какъ душу.

71. Милой другъ я не знаю, почему мнѣ кажется, будто я у тебя сегодня подъ гнѣвомъ? буде нѣту и я ошибаюсь tant mieux и, въ доказательство, прибѣги ко мнѣ; я тебя жду въ спальнѣ, душа моя желаетъ жадно тебя видѣть.

72. Soir mon coeur, je vais me coucher.

73. Батинька милой, я здорова, но спала худо и мало, а васъ люблю много.

74. Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, отвѣтствуя на причины вашей послыки, чтобъ узнать о моемъ здоровьѣ, объявляю вамъ, что я здорова, но въ страданіи сердечномъ и душевномъ и сему конца не предвижу сего дня, буде Богъ мнѣ судья, то не мнѣ одной, всегда я снисхожденіемъ своимъ плачу всекрайнимъ своимъ безпокойствомъ, невпниныхъ не забываемъ не токмо, но ни единой минуты (тебя) изъ памяти не выпускаемъ. Прощайте, Богъ съ вами, коли то будетъ завтра послѣ обѣда. Mais tout cela sont paroles perdues car vous ne parlerez pas plus de moi aux personnages interessé que vous m'en parlez à moi. Adieu mon ami, je suis et serai horriblement fâchée contre vous jusqu'à ce que je vous verrai, et cela sera je crois Dieu sait où et Dieu sait quand? (адресъ: князю Григорію Александр. Потемкину).

75. Mon très cher epoux, я къ тебѣ не приду, потому что я вспотѣла не много ночью, что кости болятъ по вчерашнему и что весьма холодно; душненька, спала я хорошо и тебя люблю всѣмъ сердцемъ.

76. General m'aimes vous? Moi aimer general beaucoup.

77. Шалунъ долго ли тебѣ дуться?

78. Батинька, голубчикъ, я тебя чрезвычайно люблю.

79. Миленькой, мнѣ жаль, что ты худо для меня ночь проводишь, а я спала изрядно, однако чувствую нѣкоторую усталость въ рукахъ и ногахъ. а докторъ говоритъ, что пульсъ необыкновенной; не знаю выйти ли или нѣту, дай свѣтъ?

80. Душа милая, сударушка, люблю тебя чрезвычайно.

81. Воля твоя, милуша милая Гришнфишничка, а я не ревную, а тебя люблю очень.

82. Сударушка, ангель мой, ты можешь быть здоровеннѣйшій человекъ въ свѣтѣ, буде здоровье твое зависитъ отъ моей къ тебѣ любви, милой мой, душа безцѣнная.

83. Je n'oserai jamais venir si vous ne m'avertissez.

84. Милая милуша, здравствуй, знай, что тебя милѣе нѣтъ на свѣту, душничка, Гришенокъ мой.

85. Благодарствую милуша за твое поздравленіе, а что люблю и не прѣмѣнно любить буду, о томъ не сумнѣвайся.

86. Батинька, Гришинька, душа моя, каковъ ты? мнѣ кажется пусто для того, что тебя не вижу, и кажется, будто и не слышу объ тебѣ малѣйшаго отзыва и для того пишу, чтобъ узнать, каковъ ты мой милой, дорогой?

87. Душенька голубчикъ миленькой, которому цѣны нѣту, у меня легенкой, а впрочемъ я здорова, сударинька другъ мой, милой любезной.

88. Милая милуша, дорогія сладкія губки, жизнь, радость, веселье, сударушка, голубушка, mon faisant d'or, je vous aime de tout mon coeur.

89. Матушка жизнь моя, мнѣ смертельно грустно, что ты не можешь, а безъ того бы очень весело. Буду завтра послѣ обѣда, самъ прискачу. Жизнь моя, Зомеръ похвалъ. Прости моя душа. Дай Богъ тебѣ здоровья. (Письмо Готемкина, адресъ его же рукою: В а р в а р ѣ В а с и л ь е в ѣ).

90. Батинька голубчикъ милой, каковъ ты опочивалъ, сударка любезной?

91. Голубчикъ, другъ сердечный, теперь не могу его призвать для того что одѣваюсь, а послѣ какъ одѣнусь душа.

92. Никакой робости не было, вели себя пріятнѣйшимъ образомъ; c'est un Ange, grand grand grand merci.

93. Юръ Московъ казакъ хочешь ли мириться, протри руку, естли бѣшенство прошло и въ тебѣ осталась искра любви, естли нѣту, юръ, казакъ, московъ.

94. Я всегда помню о Гришневѣ и онъ изъ памяти не выходитъ, и я его люблю какъ душу.

95. Von jour mon coeur, comment vous portez vous, а я тебя люблю чрезвычайно.

96. Милуша здорово, я тебя мысленно цѣлую и милую.

98. Mon mari m'a dit tantot, куда мнѣ идти, куда мнѣ дѣваться, mon cher et bien aimé epoux venez chez moi, vous serez reçu à bras ouverts.

99. Милушенька ты не знаешь, какъ я тебя люблю, право чрезвычайно, сударка милненькой.

100. Von jour mon coeur! je me suis levé tard, je n'ai dormi que quatre heures, не смѣю къ тебѣ идти, боюсь встрѣчи голубчикъ, Ангелъ, милой другъ, собственной мой милой.

101. Сударынька, могу ли я придти къ тебѣ и когда умираю хочу видѣть пришатка мой собственной.

102. Милушинька, какъ велишь, мнѣ ли быть къ тебѣ, или ко мнѣ по-жалуешь, а каковъ ты сего вечера?

103. За вчерашнее письмоцо премного благодарствую и отъ всего сердца подтверждаю до меня касательное въ разсужденіи тебя, la dessus il n'y a qu'un seul mot à dire, qui est que je vous aime, mon ami, de tout mon coeur.

104. Изодранное мною мнѣ не пріятное письмо при семъ возвращаю; сожалѣю, что по пустому горячишься, но какъ сердце сіе безъ основанія, то надѣюся, что останешься и безъ дальняго хвоста, *car coute qui coute; je vous aime de tout mon coeur et vous estime de même.*

106.Мнѣ кажется годъ какъ тебя не видала, ау, ау, соколы мой дорогой, позволь себя вабить, давно и долго ты очень на отлетѣ.

107. Въ ожиданіи твоего приѣзда съ часу на часъ живемъ и жили, жалю весьма, что не можешь; дитя мнѣ поручило, что буде въ небытности его приѣдешь, чтобъ поцѣловать въ губы; за виды Итальянскіе и Швейцарскіе благодарствую. Пожалуй, выздоравливай скорѣе и приѣзжай къ намъ, а дней чрезъ десять уже неразлучно будемъ. *Adieu mon cher ami, je vous embrasse et je desire beaucoup de vous voir parce que je vous aime de tout mon coeur.*

108. Душа милая за ласку тебѣ спасибо и право лаской за ласку вамъ же отдаю.

109.Что то это за фигура у тебя на носу сидитъ, конечно это та фигура, что у золотыхъ фазановъ вмѣсто мантили, она то растетъ и оно такъ и надобно, прилично и умѣстно. *Adieu mon beau faisan; je vous aime de toutes mes facultés, и приказываю тебѣ быть здоровому и веселому.*

110. Голубчикъ, батинька, письмо ваше я сейчасъ получила, благодарствую за угощеніе, я здорова и сего утра купалась. *Adieu mon cher ami, je vous embrasse.* Будь здоровъ и весель.

111. Кажется годъ цѣлый, что теби, баринъ, не видать; пора тебѣ покидать чухонскіе лѣса и болота и возвратиться къ намъ; право, батинька, медвѣди и лоси Осиновой рощи цѣны твоей не знаютъ, а мы любимъ и чтемъ тебя; хорошо ли повидать своихъ друзей и отъ нихъ бѣгать въ пустыни. Я радовалась третьеводнишнимъ тучамъ, когда увидѣла, что идутъ на тотъ берегъ рѣки, въ надеждѣ той, авось либо выгонять паки къ намъ. *Adieu mon cher ami portez vous bien et revenez au plutot trouver vos amis qui vous aiment.* (Адресъ: „Князю Григ. Алек. Потемкину“).

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

Разсказъ къ его характеристикѣ.

Предлагаемый разсказъ, сохранившійся въ моихъ замѣткахъ, записанъ мною еще въ 1833 г., со словъ бывшего тогда моего, по 8-й резерв. артиллерійской ротѣ, командира капитана Н. Ф. Демора, который прежде того служилъ въ военныхъ поселеніяхъ, и едва ли не самъ былъ свидѣтелемъ сцены объясненій съ гр. Аракчеевымъ дѣйствующаго въ разсказѣ поручика Долгорукова, — не князя, умершаго, какъ надобно полагать въ 1826 — 1827 годахъ.

К. А. Немайловъ.

Въ молодости моей, въ тридцатыхъ годахъ, еще были свѣжи воспоминанія и разсказы о графѣ Аракчеевѣ тѣхъ лицъ, которые служили въ военныхъ поселеніяхъ. Съ однимъ изъ такихъ поселенцевъ пришлось и мнѣ встрѣтиться по службѣ моей въ артиллеріи. Съ горечью передавалъ онъ намъ, молодымъ сослуживцамъ своимъ, тѣ тяжелыя впечатлѣнія, которыя были вынесены имъ изъ его пребыванія въ этихъ «скитахъ», какъ называлъ онъ угрюмыя, однообразныя связи построекъ Новгородскихъ военныхъ поселеній. Эти разсказы переполнены были повѣствованіями о такихъ дѣяніяхъ временщика, которыя могутъ казаться баснословными. Графъ Аракчеевъ не терпѣлъ противорѣчій, не выносилъ возраженій, и горе было тому, кто порицалъ его распоряженія. Грубый по природѣ, подозрительный, злой и мстительный по характеру, пользуясь широкою властью, онъ не разбиралъ средствъ для преслѣдованія и кары своихъ антагонистовъ: только лесть и безпрекословная покорность его волѣ, были имъ отличаемы. Обладавшіе этими добродѣтелями могли надѣяться на его снисхожденіе. Вотъ одинъ изъ образчиковъ, подтверждающій эти прекрасныя доблести знаменитаго графа Алексѣя Андреевича, — фактъ, переданный мнѣ бывшимъ моимъ сослуживцемъ.

Въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ, кипѣли работы по созданию военныхъ поселеній. Извѣстно, что исполнителями ихъ были большею частью артиллерійскіе офицеры, такъ какъ Аракчеевъ почему-то не долюбивалъ инженеровъ—и эти послѣдніе были только составителями смѣтъ и проэктовъ. Впрочемъ, и самъ хозяинъ зорко слѣдилъ за производившимися работами, поощряя по своему усердныхъ и карая нерадивыхъ. Офицеровъ, желавшихъ служить въ поселеніяхъ, почти не встрѣчалось, и они были переводимы туда, большею частью, по распоряженію начальства, т. е. по указанію графа или по рекомендаціи тѣхъ начальниковъ, которымъ онъ болѣе довѣрялъ—и вотъ такая доля выпала и на артиллерійскаго поручика Долгорукова, даровитаго, бойкаго и смѣлаго молодого офицера. Онъ служилъ гдѣ-то на югѣ—и волею, неволею, по послѣдовавшему приказу о переводѣ его въ военныя поселенія, былъ немедленно отправленъ къ мѣсту назначенія. Это было въ исходѣ зимы. Проѣзжая по почтовой дорогѣ отъ Москвы до Новгорода, Долгоруковъ вечеромъ остановился на одной изъ почтовыхъ станцій, чтобы погрѣться чаемъ. Покончивъ эту операцію, онъ сталъ собираться въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ—и храпъ остановившихся подъ окнами лошадей далъ знать о прибытіи на станцію новаго проѣзжаго, а вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ комнату пожилой господинъ, въ помятой артиллерійской фуражкѣ, закутанный въ поношенную енотовую шубу.

Вновь прибывшій проѣзжій, пытливо осмотрѣвъ Долгорукаго, привѣтливо поклонился ему—и Долгоруковъ почтительно отвѣтилъ на поклонъ старика.

— А, артиллеристъ, мое почтеніе, куда ѣдете? спросилъ проѣзжій.

— Въ военныя поселенія—былъ отвѣтъ.

— А, къ Аракчееву, ну и хорошо—заклучилъ проѣзжій, усаживаясь на кожаный диванъ.

— Къ сожалѣнію, ничего не предвижу въ этомъ хорошаго—съ горечью возразилъ Долгоруковъ.

— Да почему же такъ, или служба тамъ тяжела?

— Не служба, а жизнь. Кто не знаетъ графа, этого жесткаго и жестокаго человѣка, у котораго нѣтъ сердца, который не опѣиваетъ трудовъ своихъ подчиненныхъ, не уважаетъ даже человѣческихъ ихъ правъ, съ горячностью заключилъ Долгоруковъ.

— Вотъ какъ; а я такъ знаю, что Аракчеевъ только лентяевъ и вертопраховъ не любитъ, пьяницъ и мотовъ преслѣдуетъ, а хорошему слугѣ и у него хорошо—протяжно проговорилъ проѣзжій, пристально глядя на Долгорукова.

— Хорошо слугѣ, который льститъ ему, слугѣ, который....

— Смѣленько, смѣленько, молодой человекъ, смѣленько осуждаете человека, котораго знаете только по слухамъ — нѣсколько сурово замѣтилъ проѣзжіи.

— Не я одинъ осуждаю его — успѣвши оправдаться Долгоруковъ, торопливо собираясь выйти изъ комнаты.

— Мое печеніе, желаю счастливаго пути, доброй службѣ и совѣтую не слушаться дураковъ—можетъ быть увидимся—проговорилъ незнакомецъ на прощальный поклонъ Долгоруковъ.

Въ воротахъ, при выходѣ его на улицу, прощмыгнулъ кто-то мимо его, въ военной шинели и въ фуражкѣ солдатскаго покроя, и прошелъ на крыльцо станціоннаго дома—«это слуга проѣзжаго», подумалъ Долгоруковъ и злая догадка промелькнула въ его головѣ. Последнія слова проѣзжаго: «можетъ быть увидимся»—нѣсколько его озадачили.

— А что, если это самъ Аракчеевъ—неволью подумалось ему.— Вотъ попался!

Но почтовая тройка тронулась, зазвенѣлъ колокольчикъ—и Долгоруковъ помчался ухарскою прытью ямской ѣзды, какою славилась Русь до искрещенія ея сѣтью желѣзныхъ дорогъ, и на другой день, вечеромъ, путникъ былъ уже у цѣли своего путешествія.

Явившись къ новому своему начальству, онъ узналъ, что всѣ прибывающіе на службу въ поселенія должны были непременно представляться къ самому графу и какъ графъ наканунѣ выѣхалъ въ южныя поселенія, то Долгорукову и предстояло исполнить этотъ долгъ по возвращеніи его.

Извѣстіе, что Аракчеевъ уѣхалъ «наканунѣ» неприятно отозвалось въ ушахъ Долгорукова и теперь онъ былъ вполне убѣжденъ, что въ дорожномъ незнакомцѣ встрѣтилъ страшнаго своего начальника. Съ приѣзда своего, въ теченіи трехъ недѣль, Долгоруковъ былъ безъ дѣла, и однако никому не промолвился о своей встрѣчѣ, ожидая разрѣшенія своей догадки и придумывая средства, какъ выдти изъ затруднительнаго положенія, если бы эта догадка оправдалась. Но вотъ, наконецъ, разъ вечеромъ, онъ получилъ форменную записку, содержащую въ себѣ приказаніе: «Ваше благородіе, имѣете честь завтра въ 10 часовъ представиться его сіятельству». Тревожно проведена была Долгоруковымъ наступившая ночь. На другой день, за часъ до назначеннаго времени для представленія графу, онъ уже былъ въ знаменитомъ Грузинѣ, резиденціи графа. Войдя въ залу, назначенную для представленія, Долгоруковъ нашелъ уже тамъ двухъ, трехъ офицеровъ. Но вслѣдъ за тѣмъ молча, тихо, какъ бы подъ

давленіемъ страха или благоговѣнія, стали входить новыя лица—и скоро вся зала наполнилась военными чинами разныхъ родовъ войскъ, начиная съ генерала до прапорщика. Въ ожиданіи чего-то въ залѣ царилъ глубокая тишина, нарушаемая изрѣдка порывистымъ шопотомъ рѣчи старшихъ чиновъ. У одной изъ запертыхъ дверей стоялъ на вытяжку офицеръ въ парадной формѣ: это былъ дежурный. Дверь, на которую часто обращались взоры присутствовавшихъ, веда во внутренніе покои графа. Но вотъ дверь отворилась, всѣ встрепенулись—и изъ нея вышелъ какой-то генераль съ бумагою въ рукѣ.

— Клейнмихель!—шепнулъ Долгорукову сосѣдь его.

Онъ былъ начальникъ штаба военныхъ поселеній. Генераль, раскланявшись съ присутствовавшими генералами, развернулъ бумагу, оказавшуюся спискомъ представляющихся графу—и сталъ по ней приводить длинный строй ихъ въ порядокъ вокругъ залы. Окончивши эту провѣрку, Клейнмихель удалился въ завѣтную дверь, а въ залѣ водворилась мертвая тишина. Но не прошло и пяти минутъ, какъ та же дверь снова отворилась, и изъ нея вышелъ старый генераль, сопровождаемый Клейнмихелемъ.

Сердце бѣднаго Долгорукова дрогнуло и крѣпко забилося: это былъ онъ, проѣзжій, встрѣченный имъ на станціи, это былъ самъ Аракчеевъ, которому Долгоруковъ высказалъ о немъ же самое столько дерзкихъ истинъ.

Аракчеевъ, войдя въ залу, остановился, суровымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ, какъ будто отыскивая кого-то взоромъ своимъ—и Долгорукову показалось, что этотъ обзоръ заключился на немъ. Но вотъ началось и самое представленіе. Генераль Клейнмихель по списку именовалъ представляющихся: графъ однихъ обходилъ молча, другимъ выражалъ за что-то свое одобреніе, а нѣкоторымъ строго выговаривалъ. Но вотъ дошла очередь и до Долгорукова. Начальникъ штаба громко прочелъ:

— Поручикъ Долгоруковъ, переведенный изъ....

Аракчеевъ не далъ докончить генералу его доклада.

— Мое почтеніе—сказалъ онъ Долгорукову полунасмѣшливо, но совою нотой—и тотъ отдалъ ему почтительный поклонъ.

— Мое почтеніе—повторилъ графъ, съ особеннымъ удареніемъ—и тотъ снова повторилъ такой же поклонъ.

— Мы съ нимъ старые знакомые—сказалъ Аракчеевъ, обернувшись къ начальнику штаба.—Не такъ ли?—обратившись снова къ Долгорукову и пристально глядя на него, спросилъ его графъ.

— Въ первый разъ имѣю счастье представляться вашему сіятельству,—смѣло отвѣтилъ Долгоруковъ.

— Какъ въ первый разъ? а помнишь станцію на Московской дорогѣ? помнишь, какъ ты честилъ меня?

— Я говорилъ съ проѣзжимъ, ваше сіятельство.

— О, да ты, я вижу, молодецъ на словѣ, каковъ-то на дѣлѣ?— Повѣряю тебѣ, что Аракчеевъ дураковъ и лентяевъ не терпитъ. Пусть онъ будетъ по твоему такой-сякой, а посмотримъ, ты какой.

— Петръ Андреевичъ!—обратился графъ къ Клеймихоло, — поручить поручику Долгорукову постройку номера.... При этомъ Аракчеевъ назвалъ номеръ предполагавшейся постройки какого-то новаго зданія, близъ самаго Грузина.

Во все время этой сцены въ залѣ царилъ мертвая тишина. Отдавъ это приказаніе относительно Долгорукова; и затѣмъ пасмурно, съ мѣста, обобравъ все остальное собраніе представлявшихся, Аракчеевъ удалился. — Всѣ стали расходиться. — По выходѣ изъ дома нѣсколько лицъ обратилось къ Долгорукову съ разспросами о знакомствѣ его съ графомъ, — и на объясненія свои о томъ, онъ выслушалъ предупрежденіе: — «Будьте осторожны, вамъ предстоитъ тяжкое испытаніе».

Работы по устройству военныхъ поселеній открывались рано весной: графъ торопился окончаніемъ ихъ. Черезъ двѣ, три недѣли долженъ былъ начаться египетскій трудъ. Въ это время Долгоруковъ получилъ для соображенія всѣ письменныя и словесныя наставленія. Такъ какъ порученная ему постройка находилась близъконько отъ Грузина, то онъ догадывался о цѣли этого распоряженія, и приготовился къ борьбѣ со всякою случайностью.

Но вотъ, наконецъ, настала и самая пора работъ. и молодой офицеръ со всею горячностью предался порученному дѣлу. Отрѣшившись отъ всѣхъ знакомствъ, товарищескихъ связей, бросивши всѣ постороннія занятія, онъ только и помышлялъ о томъ, какъ выдти ему изъ того тяжкаго положенія, въ какое онъ поставилъ себя своею опрометчивостью: онъ думалъ, что его труды и усердіе все-таки укротятъ затаенный гнѣвъ графа. — Прошло нѣсколько дней отъ начала его занятій, какъ вдругъ графъ пожаловалъ для осмотра работъ. Осмотрѣлъ ихъ, и, не сказавъ ни слова, удалился. Не прошло послѣ того и двухъ дней—новое посѣщеніе графа, потомъ скоро не замедлилось и третье—и всѣ три въ разные часы дня. Долгоруковъ понялъ, что надобно не дремать, а быть постоянно на сторожѣ и вооружился терпѣніемъ. Чтобы еще ближе быть къ работамъ, онъ расположился бивуакомъ въ одномъ изъ рабочихъ сараевъ — и ночь только отдалъ себѣ. Съ раннею утреннею зарею онъ уже былъ на работахъ и съ вечернею возвращался въ свой сарай на ночлегъ, а графъ. неустанно посѣщалъ и посѣщалъ его, но всегда заставлялъ строителя на

мѣстѣ работѣ. Уже Долгоруковъ слышалъ отъ графа и слово одобренія: «хорошо, молодецъ», и было за что. Работа подъ наблюденіемъ Долгорукова дѣйствительно кипѣла—и онъ далеко опередилъ своихъ товарищей по той же профессіи. Въ средній лѣта постройка была совершенно окончена—и черезъ недѣлю послѣ того Долгоруковъ запискою былъ приглашенъ представиться графу.

— Ну, поздравляю тебя, ты штабсъ-капитанъ—обратился Аракчеевъ къ представлявшемуся ему Долгорукову. Повторяю тебѣ, что Аракчеевъ лентяевъ и дураковъ не жалуется, но усердіе и труды оцѣниваетъ.

Сказавши это, графъ тутъ же передалъ приказаніе генералу Клейнмихелю о порученіи Долгорукову новой работы.

Какъ ни обрадовался Долгоруковъ чину штабсъ-капитана, который въ то время весьма туго доставался въ артиллеріи, но едва ли не болѣе былъ опечаленъ новымъ порученіемъ. Онъ не боялся труда, но его крѣпко возмущалъ надоедливый надзоръ за нимъ графа.

Но и новая работа была окончена и также благополучно, какъ и предшествовавшая, съ тѣмъ же благоволеніемъ графа, и заключилась новою наградю Долгорукова. Такимъ образомъ, два съ половиною года тянулись тяжкія для него испытанія и за это время онъ успѣлъ получить и чинъ капитана, и орденъ. Графъ видимо благоволилъ къ нему и даже отличалъ своимъ довѣріемъ, — но, къ несчастію, капитанъ Долгоруковъ зазвался передъ своимъ грознымъ начальникомъ.

Въ то время, когда графъ Аракчеевъ, увлекаемый идеею создать что-то необыкновенное изъ устройства военныхъ поселеній, такъ ревниво преслѣдовалъ малѣйшее порицаніе этой идеи, онъ встрѣтилъ въ лицѣ Долгорукова непрощеннаго, дерзкаго противника своей завѣтной мысли. Долгоруковъ находилъ, что устройство военныхъ поселеній, обращеніе мирныхъ поселенъ съ ихъ потомствомъ въ пахатныхъ воиновъ, не только не можетъ принести пользы, но въ будущемъ готовить неоправдываемое зло и грустныя послѣдствія. Отъ мнѣнія Долгоруковъ перешелъ къ дѣлу: въ обширной запискѣ онъ изложилъ свой взглядъ по этому предмету и критически отнесся къ этому нововведенію, пророча ему въ будущемъ полную несостоятельность и самую отиѣну его. Эту несчастную записку онъ имѣлъ смѣлость представить черезъ начальство своему грозному принципалу. Исторія умалчиваетъ, съ какимъ чувствомъ читалъ графъ эту записку, но только она скоро возвратилась по начальству же къ бѣя автору, съ лаконическою, энергично помѣткою рукою Аракчеева: «дуракъ, дуракъ, дуракъ!»—Говорили, что и посредствующему начальству передача этой записки обошлась не легко.

Но Долгоруковъ не уговорился. Оскорбленное ли самолюбіе, увѣренность ли его въ непогрѣшимость своего мнѣнія, изложеннаго въ запискѣ, и наконецъ не упрямая ли настойчивость подстрекнули Долгорукова, но онъ успѣлъ, вѣроятно, при помощи враговъ графа, а ихъ было у него не мало, довести свою записку до свѣдѣнія императора Александра Павловича. Государь прочиталъ записку — и она была имъ обращена къ графу Аракчееву, съ изображенною на ней, какъ говорили, такою приблизительно резолюціею государя: «прочиталъ съ удовольствіемъ, нашелъ много дѣльнаго и основательнаго, препровождаю на вниманіе графа Алексѣя Андреевича».

Можно себѣ представить то раздраженіе графа, въ какое онъ былъ приведенъ деркакою настойчивостью Долгорукаго.—Муравей осмѣлился возстать на слона—и безпощадно былъ раздавленъ имъ: капитанъ Долгоруковъ исчезъ, безслѣдно исчезъ въ одну ночь. Ходили разнаго рода слухи, догадки—и даже деньщика его не оказалось на квартирѣ капитана. Говорили, что въ роковую ночь кто-то видѣлъ трюничную повозку, отъѣзжавшую отъ квартиры Долгорукаго съ ямщикомъ и двумя пассажирами. Поговорили, посудили тихомолкомъ объ этомъ событіи, а капитанъ все-таки пропалъ, безслѣдно пропалъ.

Минуло около двухъ лѣтъ послѣ исчезновенія Долгорукаго.— Не стало императора Александра: воцарился Николай Павловичъ и совершилось паденіе всемогущаго временщика. Появился наконецъ и Долгоруковъ, изможденный, убѣленный сѣдиною, со всѣми признаками надломленной жизни. Два года несчастный, жертва необузданнаго своеволія, томился въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости. Произведенный въ подполковники, съ зачетомъ двухъ страдальческихъ лѣтъ въ этомъ чинѣ, онъ скоро переселился въ вѣчность.

И мнѣ привелось одинъ разъ въ жизни встрѣтить всемогущаго графа. Это было давно, въ лѣта моего дѣтства, но и теперь еще живо рисуется въ моемъ воображеніи его высокая, сгорбленная фигура съ мрачнымъ выраженіемъ лица, закутанная въ поношенную енотовую шубу, въ трехугольной шляпѣ, надѣтой на головѣ, какъ говорили тогда, шутя, поперегъ улицы, т. е. по формѣ. Зимой, въ началѣ 1825 года, мы съ братомъ, новички-кадеты, шли съ отцемъ около стараго арсенала, зданія, существовавшаго на мѣстѣ, съ котораго начинается нынѣ монументальный Александровскій мостъ черезъ Неву.

— Генералъ — сказалъ намъ отецъ, напомнивъ этимъ, что мы обязаны были отдать честь, шедшему намъ на встрѣчу, военному офицеру.

Мы съ братомъ остановились, повернулись во фронтъ, что сдѣлалъ и отецъ нашъ, приложивши руку къ шляпѣ: онъ былъ въ отставной военной формѣ.

— Мое почтеніе, — произнесъ сурово, носовою потою, встрѣтившійся генералъ. — Это ваши дѣтки, — хорошо, молодцы — видно, что дѣти военнаго!

— Кто это? — спросилъ я отца, когда прошелъ генералъ.

Отецъ осторожно оглянулся назадъ — и, наклонившись, шопотомъ, таинственно произнесъ:

— Графъ Аракчеевъ — запомните его, онъ строгій, очень строгій человекъ.

И запомнили мы его. — И сколько слышали и читали, впоследствии, сказаній объ этомъ строгомъ человекѣ.

К. А. Исмаиловъ.

Свенцаны.
Февраль. 1881.

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ, ВЪ 1855 ГОДУ.

По поводу «Отрывка» изъ Записокъ князя В. И. Васильчикова.

Въ № 2 газеты «Русь» изд. 1880 г. помѣщенъ отрывокъ изъ Записокъ князя В. И. Васильчикова, относящійся до послѣдняго дня Севастополя.

Вотъ что мнѣ рассказывалъ объ одной изъ частныхъ, упоминаемыхъ въ этомъ «отрывкѣ», бывшій жандармскій штабъ-офицеръ на Самарско - Оренбургской желѣзной дорогѣ, полковникъ Сербинъ (умершій въ Самарѣ, въ 1877 году).

Надо замѣтить, что полковникъ Сербинъ Крымскую кампанію началъ мичманомъ, и состоялъ въ должности сигнальнаго офицера при известномъ Корниловѣ. Когда, послѣ Алминскаго дѣла, князь Меншиковъ назначилъ Корнилова начальникомъ сѣверной стороны Севастополя, какъ пункта считавшагося тогда самымъ опаснымъ, на который ожидалась атака всей арміи союзниковъ, то Корниловъ, не желая подвергать своихъ штабныхъ офицеровъ, бездѣльно, напрасной опасности, имѣя ихъ всѣхъ при себѣ, особымъ, письменнымъ приказаніемъ, далъ каждому изъ нихъ отдѣльныя порученія, разославъ ихъ, такимъ способомъ, по разнымъ пунктамъ Севастополя. При этомъ назначеніи, мичмана Сербина Корниловъ оставилъ при себѣ, на Сѣверномъ укрѣпленіи. Послѣ смерти Корнилова, Сербинъ состоялъ до конца кампаніи, будучи уже лейтенантомъ, при князѣ В. И. Васильчиковѣ, по званію его начальника штаба Севастопольскаго гарнизона.

Обращаюсь къ разсказу Сербина.

Диспозиція войскамъ на случай отступленія изъ Севастополя была написана до штурма; ее писалъ Сербинъ, подъ диктовку князя Васильчикова; диспозиція эта была разсмотрѣна начальникомъ гарнизона, графомъ Д. Е. Остенъ-Сакеномъ, и апробована главнокомандующимъ, княземъ М. Д. Горчаковымъ.

Въ 5-мъ часу утра, 28-го августа 1855 г., генераль-адъютантъ П. Е. Коцебу пришелъ въ Николаевскія казармы и приказалъ Сербину

проводить его къ князю Васильчикову. Тутъ генераль Коцебу сталъ дѣлать замѣчанія Васильчикову за то, что войска столпились у моста, обстоятельство, по замѣчанію генерала Коцебу, могущее имѣть весьма дурныя послѣдствія, въ случаѣ, если непріятель перейдетъ въ наступленіе. Очевидно, что въ темнотѣ генераль Коцебу принялъ остатки войскъ, смѣшавшихся съ отступавшими жителями и различными отсталыми обозами, за главную массу войскъ и полагалъ, что таковая еще не перешла моста. «А вы ручаетесь, продолжалъ генераль Коцебу упрекать князя Васильчикова, что отступленіе будетъ произведено быстро! Слагаю съ себя всякую отвѣтственность! Посмотрите—даже раненые еще не увезены! Послѣ этого я ни за что не отвѣчаю!»... и генераль Коцебу ушелъ изъ казармы.

Князь Васильчиковъ, выслушавъ такіе рѣшительные упреки, подумалъ, что можетъ быть дѣйствительно распоряженіе объ отступленіи произведено не съ надлежащимъ успѣхомъ и тутъ же послалъ Сербина къ мосту удостовѣриться въ сущности дѣла. Вернувшись, Сербинъ доложилъ князю, что только одинъ полкъ еще не перешелъ бухты, а также части обозовъ, смѣшанные толпы солдатъ различныхъ парковъ и командъ и наконецъ раненые, дѣйствительно, еще не всѣ увезены,—такіе, которые не могутъ идти сами. Князь Васильчиковъ немедленно вышелъ къ полку, предложилъ полковому командиру рассчитать полкъ по отдѣленіямъ и затѣмъ приказалъ каждому взять по два раненыхъ, которыхъ солдаты и повесли въ своихъ рядахъ, на кроватяхъ; тѣ раненые, которые могли ходить, частію перешли на сѣверную сторону черезъ мостъ, частію были забраны пароходомъ, подошедшимъ къ Графской пристани.

Дорожа каждымъ словомъ, относящимся до Севастопольской обороны, намъ желательно устранивъ малѣйшій поводъ какого либо недоразумѣнія и ошибочнаго вывода изъ такого слова, а потому позволяемъ себѣ прибавить нѣсколько своихъ замѣтокъ къ рассматриваемому «отрывку», повѣстивъ, драгоцѣнныхъ для исторіи Севастопольской обороны Записокъ князя В. И. Васильчикова.

Въ одномъ мѣстѣ «Отрывка» князь Васильчиковъ говоритъ: «встрѣтилъ я на Николаевской площади генеральнаго штаба капитана Черняева, который не состоялъ въ составѣ гарнизона, и услышалъ отъ него, что будто бы 3-й бастионъ занятъ англичанами».

Не совсѣмъ ясны эти строки; въ нихъ какъ будто есть что-то не досказанное. Къ чему это замѣчено, что Черняевъ не состоялъ въ составѣ гарнизона? Правда, Черняевъ послѣднее время не занималъ въ севастопольскомъ гарнизонѣ штатной должности, а именно съ тѣхъ поръ какъ въ апрѣлѣ онъ сдалъ должность квартирмейстера

нашей, 11 пѣхотной, дивизіи, и былъ переведенъ на ту же должность въ кавалерійскую дивизію, стоявшую, кажется, около Симферополя, но онъ уже едвали не съ половиною іюня или съ іюля состоялъ при генералѣ Хрулевѣ и постоянно былъ имъ употребляемъ для исполненія самыхъ опасныхъ порученій по лѣвой половинѣ оборонительной линіи Севастополя, слѣдовательно, въ дѣйствительности, М. Г. Черняевъ находился въ составѣ гарнизона. Затѣмъ, слова князя Васильчикова: «услыхалъ отъ Черняева будто бы 3-й бастионъ занятъ англичанами», заставляютъ какъ бы сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія, между тѣмъ бастионъ этотъ былъ не только штурмованъ англичанами, (какъ можно заключить изъ послѣдующихъ словъ разсказа князя Васильчикова), но былъ ими дѣйствительно занятъ, при чемъ они уже ворвались въ нѣкоторые блиндажи, сѣдѣли верхомъ на пушкахъ и заклепывали ихъ. Англичане были выбиты изъ самаго бастиона штыками нашихъ войскъ, за что подполковникъ Камчатскаго полка Артемьевъ въ это время командовавшій полкомъ, получилъ Георгіевскій крестъ.

Тамъ, гдѣ говорится о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ диспозиціею для встрѣчи непріятели на случай преслѣдованія насъ при отступленіи, вѣроятно, по ошибкѣ или по опечаткѣ, сказано, что войска въ городѣ были оставлены подъ командою генералъ-маіора Хрулева—порученіе это было дано генералъ-маіору Хрущеву.

Въ Запискахъ подтверждается печальный фактъ потопленія полевой артиллеріи по распоряженію генерала Шейдемана.

Дѣйствительно, генералъ Шейдеманъ былъ человекъ очень опрометчивый, за что, какъ и за многое другое, его очень у насъ не долюбливали и, дѣйствительно, всѣ его винили въ потопленіи полевой артиллеріи при отступленіи изъ Севастополя, а генералъ Сикстель (начальникъ артиллеріи 4-го корпуса, въ которомъ, не далѣе какъ въ 1853 году, Шейдеманъ командовалъ батареей) открыто говорилъ, что за такое неосновательное дѣйствіе Шейдемана надо отдать подъ судъ, — но такъ ли виноватъ Шейдеманъ въ этомъ потопленіи, какъ говорятъ, и въ потопленіи той ли артиллеріи у насъ его упрекали, о которой говоритъ князь В. И. Васильчиковъ?

По словамъ князя, онъ, проѣзжая мимо Углицкаго полка, (охранявшаго переправу черезъ мостъ на бухтѣ) приказалъ: «полевые орудія, прибывающія къ мосту, не пропускать на переправу, а выстроить до времени на площади, чтобы не мѣшать проходу войскъ и не подвергать моста опасности, надѣясь переправить артиллерію, когда уляжется зыбъ на бухтѣ».

Приказаніе это, по словамъ того же «Отрывка», было исполнено,

хотя замѣтнѣе, оно совершенно противорѣчило вышеупомянутой диспозиціи отступленія, (имѣющей у меня въ двухъ подлинныхъ экземплярахъ). Диспозиція эта начинается такъ: «черезъ мостъ слѣдуетъ въ головѣ колонны Украинскій егерскій полкъ, за нимъ вся имѣемая на Николаевской площади артиллерія. Движеніе начать въ 6^{1/2} часовъ вечера» и т. д.

Возвратившись къ Николаевской батарее, князь Васильчиковъ, по его словамъ, не нашелъ артиллеріи на площади передъ нею и услышалъ отъ генерала Шейдемана, что онъ, по приказанію главнокомандующаго, бросилъ ее въ бухту. По словамъ князя Васильчикова, артиллерія эта была потоплена у Графской пристани, на незначительной глубинѣ, и была впоследствии извлечена союзниками.

Но возвратимся къ вопросу объ отступленіи артиллеріи по диспозиціи. Очевидно, что если бы отступленіе наше происходило въ болѣе порядкѣ, и диспозиція на 27-го августа исполнялась въ точности, то вся артиллерія, стоявшая на Николаевской площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста, успѣла бы перейти на сѣверную, а за нею и войска. Кажется нѣсколько страннымъ, что князь Васильчиковъ, какъ онъ самъ говоритъ въ «Запискахъ», считалъ ненормальнымъ распоряженіе главнокомандующаго, приказавшаго ему подписать диспозицію отступленія, хотя она и была утверждена главнокомандующимъ, что князь Васильчиковъ могъ не стѣсняясь оговорить при подписи оной, передавъ ее войскамъ въ видѣ копій, а между тѣмъ счелъ возможнымъ, своею властію, сдѣлать столь существенное измѣненіе въ диспозиціи, уже войскамъ объявленной, какъ приостановку переправы всей полевой артиллеріи съ ея обозомъ! Не удобнѣе ли было, диктуя диспозицію съ черновой, для разсылки ея копій къ исполненію по отдѣленіямъ, и дѣлая, по словамъ самого князя, при этомъ необходимые варианты, по каждому отдѣленію, въ первоначальной редакціи диспозиціи, въ виду бывшаго тогда сильнаго шторма на морѣ, измѣнить въ самой диспозиціи время переправы пол. артиллеріи, а именно: приказать ей отступить не въ головѣ (какъ указывала диспозиція), а въ хвостѣ колонны? (въ надеждѣ, что ко времени такового отступленія зыбь на бухтѣ уляжется). Можно думать, что имѣла въ виду такое указаніе диспозиціи и не видя преслѣдованія непріятели, артиллеристы не торопились бы топить орудій и своевременно перешли бы мостъ.

Въ оправданіе генерала Шейдемана, потопившаго, какъ говорятъ, болѣе 90 полевыхъ орудій и много зарядныхъ ящиковъ, стоявшихъ дотогѣ въ порядкѣ на Николаевской площади, можно сказать, что въ эту ужасную ночь нельзя было поручиться ни за одинъ часъ спокойнаго отступленія. Съ минуты на минуту надо было ждать, что

непріятель возобновить свои атаки, особенно если замѣтитъ наше отступление, и что послѣдствія такого покушенія, хотя бы и не очень значительнаго, при той общей суматохѣ, произведенной отступленіемъ, какую себѣ и вообразить трудно, будутъ для насъ, поистинѣ, ужасны. Если бы это случилось, когда войска наши въ главныхъ силахъ уже перешли въ бухту, а мостъ и его ближайшія окрестности были бы запружены и осаждаемы, (какъ это и было потомъ), беспорядочными толпами народа, чтобы Шейдеманъ сталъ тогда дѣлать съ такою массою артиллеріи, потерявшей уже свое мѣсто въ рядахъ отступающихъ войскъ, безъ соотвѣтствующаго прикрытія? Ясно, что артиллерія эта съ запряжкой, съ обозомъ, а можетъ быть и съ людьми, рисковала увеличить собою непріятельскіе трофеи того дня.

Въ обвиненіе генерала Шейдемана у насъ говорили (и это записано въ моемъ дневникѣ), что онъ испросилъ разрѣшеніе главнокомандующаго сбросить въ воду тѣ орудія пол. артиллеріи, которыя почему либо будутъ мѣшать отступленію войскъ, подразумѣвая, что если при отступленіи орудіе подобьютъ непріятельскимъ выстрѣломъ, сломается у орудія колесо, опрокинется оно, и все, разумѣется, на такомъ мѣстѣ, что обойти его нельзя, напр. на мосту,—тогда сбросить его въ воду, чтобы очистить путь, а Шейдеманъ прямо цѣлмя батареи пошвырялъ въ воду.

Но, оставляя въ сторонѣ труднорѣшимый вопросъ относительно того: кто главнѣйше виновенъ въ потопленіи нашей полевой артиллеріи, не можемъ умолчать, что у насъ, если и обвиняли Шейдемана въ потопленіи артиллеріи, то отнюдь не той, о которой говоритъ князь Васильчиковъ, которой онъ не дозволилъ съ Николаевской площади слѣдовать на сѣверную, какъ бы надлежало по диспозиціи во главѣ отступающихъ войскъ, а обвиняли генерала Шейдемана въ потопленіи полевой артиллеріи лѣвой половины оборонительной линіи, т. е. на корабельной сторонѣ. Надо замѣтить, что въ диспозиціи на 27 августа не упоминалось вовсе объ этой артиллеріи, и путь и способъ ея отступленія указанъ не былъ; въ диспозиціи говорилось только объ артиллеріи, имѣемой на Николаевской площади. Слѣдствіемъ этого было то, что часть артиллеріи корабельной двинулась на мостикъ, черезъ малую бухту, гдѣ и безъ того происходила ужасная суматоха у отступавшихъ по этому мосту войскъ лѣвой половины оборонительной линіи. Таковую суматоху до чрезвычайности усилила артиллерія, затруднившая движеніе войскъ. Эти-то орудія Шейдеманъ и приказалъ сбросить въ бухту. Затѣмъ часть артиллеріи сосредоточилась у Павловскаго мыска, откуда, по приказанію главнокомандующаго, ее слѣдовало перевезти на судахъ; но когда увидѣли, что въ ночной, непроглядной темнотѣ, при страшной сумятицѣ, про-

изводимой садившимися на суда войсками, не разбиравшими уже для нихъ эти суда предназначались или не для нихъ? а садясь на какія попало, то сообразили, что нечего было и думать о нагрузкѣ на эти суда артиллеріи съ ея обозомъ. Въ виду этого-то обстоятельства и не усматривая никакой возможности спасти эту артиллерію, ежеминутно ожидая наступленія непріятеля, генераль Шейдеманъ и приказалъ сбросить эти орудія въ бухту.

Что же касается до потопленія генераломъ Шейдеманомъ всей оставленной княземъ Васильчиковымъ пол. артиллеріи на Николаевской площади, то едва-ли это обвиненіе вѣрно и рассказанный княземъ Васильчиковымъ случай не принадлежитъ ли къ числу тѣхъ, подробности которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «изгладились изъ его памяти,» когда онъ составлялъ свои записки? Не вѣрнѣ ли, что артиллерія, оставленная княземъ Васильчиковымъ на Николаевской площади, воспользовавшись его отъѣдомъ на корабельную, и правомъ, которое ей давала диспозиція, слѣдовать на Сѣверную, естественно заботясь о собственномъ спасеніи, преспокойно перешла черезъ бухту! Что же касается до упрека генералу Шейдеману, сдѣланнаго княземъ Васильчиковымъ за потопленіе артиллеріи, то онъ могъ быть сдѣланъ дѣйствительно, но могъ относиться до потопленія артиллеріи на корабельной.

Исторія съ Азовскимъ полкомъ у меня въ «Дневникѣ» рассказана нѣсколько иначе, чѣмъ въ «Запискахъ» князя Васильчикова. Исторія эта настолько замѣчательна, что въ интересѣ истины, считаю не лишнимъ привести свой вариантъ.

13 Сентября 1855.

«У полковника Норденстренга отняли полкъ — его не жалѣютъ потому что не любятъ, напротивъ, всё говорятъ: по дѣломъ! Вотъ причина. Полк. Норденстренгъ командовалъ Азовскимъ полкомъ, полковникъ Сорочинскій — Одесскимъ. Этими двумя полками, вмѣстѣ съ полкомъ Е. И. В. вел. князя Михаила Николаевича и своднымъ баталіономъ, образованнымъ изъ патронщиковъ, по диспозиціи на 27 Августа, приказано было, съ 6½ часовъ вечера, занять баррикады, устроенныя на разныхъ пунктахъ корабельной стороны и такимъ образомъ прикрывать отступление войскъ лѣвой половины оборонительной линіи, и когда таковое отступление совершилось бы, означенныя части должны были переправиться на сѣверную на судахъ, для чего приказано было приготовить суда на Павловскомъ мыску и подъ Краномъ, у магазиновъ. Въ частности, Азовскому полку предстояло отступать съ корабельной послѣднимъ, т. е. послѣ того, какъ отступятъ полки: Одесскій, В. К. Михаила Николаевича

и патронщики. Между тѣмъ, лишь только стемнѣло, оказалось, что полковникъ Норденстренгъ со своимъ полкомъ стоитъ у бухты, ждетъ прибытія судовъ для переправы. Полковникъ Козляновъ 2, помощникъ начальника штаба гарнизона, распорядившійся отводомъ войскъ съ корабельной, узнавъ, что Азовскій полкъ собирается переправляться, сдѣлалъ немедленное распоряженіе, чтобы полковникъ Норденстренгъ тотчасъ занялъ указанныя ему баррикады и, безъ особаго приказанія, отнюдь бы ихъ не покидалъ. Когда это было исполнено, капитанъ Черняевъ, по приказанію полковника Козлянова, обошелъ баррикады и всюду подтвердилъ сказанное распоряженіе, т. е. чтобы Азовцы не оставляли баррикадъ впредь до приказанія. Такое настоятельное подтвержденіе черезъ нарочито посланнаго офицера генеральнаго штаба, вмѣстѣ съ сдѣлавшимся извѣстнымъ приказаніемъ уничтожить мостикъ черезъ малую бухту, этотъ единственный надежный путь отступленія съ лѣвой половины оборонительной линіи, — утвердило полковника Норденстренга въ мысли, что онъ съ полкомъ оставленъ на жертву. Въ дѣйствительности, не было почти никакой надежды на возможность переправы посредствомъ судовъ, будто бы приготовленныхъ у Павловскаго мыска и у Крана, — таковы были страшная суматоха и неурядица, тогда происходившія въ ночной темнотѣ. Обстоятельство это побудило полковника Норденстренга покинуть порученныя ему баррикады на произволъ судьбы и поспѣшить перейти малую бухту черезъ мостикъ, пока онъ еще не былъ разобранъ, на Грожскую сторону».

«Замѣчательно, что случай этотъ такъ бы и прошелъ незамѣченнымъ, въ массѣ другихъ безобразій, въ этотъ день совершившихся, если бы не неосторожность самаго Норденстренга. Дѣйствительно: преслѣдованія со стороны непріятеля не было; никакого существеннаго, матеріальнаго, такъ сказать, вреда, (не говоря о безнравственности поступка, ни чѣмъ не оправдываемой), отъ преждевременнаго ухода полка съ назначеннаго ему мѣста, не произошло, а потому, при густой ночной темнотѣ и въ общей тогда суматохѣ, преждевременное удаленіе полка съ баррикадъ могло бы остаться незамѣченнымъ; между тѣмъ самъ Норденстренгъ почему-то счелъ необходимымъ жаловаться всѣмъ, кого только встрѣчалъ на своемъ пути, на самовольное отступленіе его полка съ баррикадъ и на совершенную невозможность удержать на нихъ не только солдатъ, но и офицеровъ. Самозабвеніе полковника Норденстренга дошло до того, что онъ съ такою же жалобой обратился къ князю Васильчикову, при встрѣчѣ съ нимъ».

Еще одно слово. Въ разговорѣ съ графомъ Остенъ-Сакеномъ при переѣздѣ черезъ мостъ, князь Васильчиковъ, указывая на отвѣтственность, какой онъ могъ подвергнуться при неудачѣ отступленія, сказалъ: «Вы изволите знать, что диспозиція объ отступленіи арміи, составленная въ штабѣ гарнизона, не была просмотрѣна никѣмъ изъ высшихъ начальниковъ въ томъ видѣ, какъ была окончательно редактирована, и что по приказанію главнокомандующаго она разослана войскамъ за мою подписью. Чтò же было бы со мною, если-бы дѣло не удалось?»

Между тѣмъ, въ началѣ того-же «Отрывка», въ которомъ значатся вышеприведенныя слова, князь Васильчиковъ, рассказывая какъ онъ засталъ князя Горчакова диктующимъ диспозицію отступленія, остановилъ его словами: «Я уже имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству, что такая диспозиція (объ отступленіи изъ Севастополя) уже составлена, утверждена начальникомъ гарнизона и вами одобрена. — Вамъ стоитъ только приказать, и черезъ часъ диспозиція будетъ готова въ нужномъ числѣ экземпляровъ и въ томъ видѣ, въ какомъ я уже имѣлъ честь представить ее на ваше благосмотрѣніе».

Какъ согласовать это противорѣчіе въ словахъ князя Васильчикова объ одной и той же диспозиціи? Заявленіе относительно существующей уже диспозиціи сдѣлано княземъ Васильчиковымъ главнокомандующему въ присутствіи графа Остенъ-Сакена. Кто зналъ графа Дмитрія Ерофѣевича, его пунктуальность, его серьезное отношеніе къ каждому служебному дѣлу, тотъ невольно усумнится, чтобы онъ, при всей своей довѣренности къ князю Васильчикову, допустилъ бы совершеніе столь важнаго акта, какъ отступленіе изъ Севастополя, по диспозиціи, имъ не разсмотрѣнной и не утвержденной. А если только графъ Остенъ-Сакенъ разсмотрѣлъ эту диспозицію и утвердилъ дѣйствительно, какъ самъ князь Васильчиковъ доложилъ главнокомандующему, то князю Васильчикову нечего было бояться исполненія этой диспозиціи, за которое онъ не могъ-бы подвергнуться отвѣтственности ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ отвѣтственность за эту диспозицію всецѣло уже лежала на графѣ Сакенѣ, несомнѣнно высшемъ начальникѣ отступавшей арміи, составлявшей гарнизонъ Севастополя, имѣвшій графа Остенъ-Сакена своимъ начальникомъ. Тѣ варианты, которые дѣлалъ для cadaго отдѣленія оборонительной линіи князь Васильчиковъ, диктуя диспозицію съ черновой, конечно, обуславливались различными мелочными обстоятельствами, въ родѣ перемѣщенія нѣкоторыхъ частей войска, послѣ составленія диспозиціи, съ одного пункта на другой, или введенія нѣ-

которыхъ частей войскъ въ Севастополь въ самый день штурма, а потому не могли имѣть существеннаго значенія въ общей системѣ отступленія, изложенной въ диспозиціи, апробованной высшею военною властью, по словамъ самаго князя Васильчикова.

Самара.

30-го декабря 1880 г.

П. В. Алабинъ.

Князь А. И. Барятинскій.

Помѣщенный въ № 2 «Русской Старины» (изд. 1881 г.) очеркъ Д. И. Романовскаго жизни князя А. И. Барятинскаго, представляя собою опытъ, если не полной, то цѣльной біографіи покойнаго фельдмаршала, умалчиваетъ, однако, о многихъ обстоятельствахъ жизни этого замѣчательнаго человѣка. Такъ, ни слова не упомянуто о томъ, при какихъ условіяхъ началъ свою боевую службу будущій покоритель восточнаго Кавказа, а между тѣмъ это любопытно именно для характеристики его личности.

Князь А. И. Барятинскій былъ въ числѣ нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ¹⁾, отправленныхъ императоромъ Николаемъ въ 1835 году на Кавказъ, для пріобрѣтенія ими военной опытности. Въ Ставрополѣ, гдѣ должно было окончателно опредѣлиться служебноеназначеніе кн. А. Барятинскаго, въ это время командовалъ А. А. Вельяминовъ, извѣстный другъ и ученикъ Ермолова и, конечно, послѣ этого достопамятнаго героя, самый замѣчательный военный человѣкъ на Кавказѣ во всю первую половину нашего вѣка. Вельяминовъ былъ отчасти человѣкъ стараго покроя по своимъ обычаямъ и привычкамъ, говорилъ, напр., молодымъ офицерамъ ты и т. под. И такъ, вотъ въ одно прекрасное утро, когда генералъ, отличавшійся тучностью, лежалъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ, въ самомъ легкомъ костюмѣ, хорошо обрисовывавшемъ его формы, и, оборотясь лицомъ къ стѣнѣ, читалъ книгу, адъютантъ ввелъ къ нему юношу Барятинскаго и провозгласилъ его фамилію. «Спроси его, не двигаясь ни однимъ членомъ сказалъ Вельяминовъ своему адъютанту; онъ изъ тѣхъ что ли, чтѣ государь прислалъ сюда учиться дѣлу?»—Точно такъ, ваше превосходительство, замѣтилъ отъ себя Барятинскій.—«Хорошо, прибавилъ Вельяминовъ, обращаясь опять къ адъютанту: такъ скажи ему, чтобы онъ приходилъ сегодня обѣдать, въ сюртукѣ, безъ сабля». Адъютантъ

¹⁾ Кирас. его в-ва полкъ хотя армейскій, но входилъ въ составъ гвардейскаго корпуса; вниѣ-же онъ молодая гвардія

передалъ слова генерала присутствовавшему при этомъ въ роли третьяго лица молодому князю, и этимъ аудіенція кончилась. Кромѣ сипны Вельяминава, Бяратинскій въ этотъ разъ ничего не видалъ.

При теперешнихъ нашихъ понятіяхъ о вѣжливости, самый невзыскательный прапорщикъ изъ бѣдной шляхты не согласился бы являться къ подобному генералу на обѣды. Но князь Бяратинскій, не смотря на свое богатство, связи и аристократическія привычки, не затруднился прійти въ назначенный часъ къ командирующему войсками, при чемъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что ихъ, т. е. гостей, кормили однимъ обѣдомъ, довольно изысканнымъ, а Вельяминовъ самъ ѣлъ другія кушанья, приготовленныя чуть ли не на солдатской кухнѣ.—Фельдмаршалъ всегда потомъ съ признательностью вспоминалъ о своемъ бывшемъ учителѣ, столь оригинально-суровомъ, но и столь даровитомъ, что цѣлый рядъ главнокомандующихъ на Кавказѣ смотрѣлъ на тамошнюю войну его глазами и что только когда его т. е. Вельяминава система была принята кн. А. И. Бяратинскимъ и Евдокимовымъ, Кавказъ былъ окончательно покоренъ.

Въ другомъ мѣстѣ Д. И. Романовскій приводитъ случай, гдѣ Бяратинскій, уже въ чинѣ полковника и въ должности батальоннаго командира, былъ подчиненъ полковнику Козловскому, также одному изъ типичныхъ кавказскихъ воиновъ, и мнѣ опять жаль, что почтенный авторъ упустилъ при этомъ возможность освѣтить отношенія этихъ двухъ людей, столь достойныхъ памяти. Кн. А. И. Бяратинскій былъ, во время одного дѣла, поставленъ съ своимъ батальономъ на позицію, которая почему-то показалась ему невыгодною. Онъ передвинулъ нѣсколько свою часть, не спросивъ у начальника. Тогда Козловскій подъѣхалъ къ нему и сказалъ, по обычаю своему заикаясь, но внушительнымъ тономъ: «Полковникъ Бяратинскій! вы что же это умничаєте? кто вамъ позволилъ сойдти съ мѣста, которое я вамъ указалъ? Прошу повиноваться моимъ распоряженіемъ»... Бяратинскій не вымолвилъ ни слова и все время держалъ руку подъ козырекъ.

Усвоивъ такимъ образомъ самыя опредѣлительныя понятія о воинскомъ чинопочитаніи, князь и потомъ всегда былъ того мнѣнія, что двѣ власти въ арміи должны быть абсолютны: главнокомандующаго и полковаго командира. Онъ эту теорію проводилъ и въ жизни, когда власть его мало чѣмъ уступала царской.

Считаю долгомъ замѣтить, что оба приведенные мною разсказа слышаны мною въ Ставрополѣ, въ 1860-хъ годахъ, отъ многихъ лицъ, и послѣдній, между прочимъ, отъ графа Евдокимова.

Цѣнева.

20 февраля 1881 г.

М. И. Венюговъ.

Москва въ 1814 году.

Письмо Федора Васильевича Ростопчина къ Д. А. Балашову.

[букваально].

«Милостивный Государь мой Александръ Дмитриевичъ! При Семѣ ваше Превосходительство изволите получить планы прожектированныхъ площадей, и лавокъ въ Москвѣ. Докладъ мой по Симвъ предѣлтамъ. Два Представленія, и Донѣсеніе Государю Императору. весьма желаю чтобы они Удостоились Высочайшей, Конфирмаціи въ самомъ Парижѣ. и остались въ числѣ. памятниковъ великихъ Дѣлъ великодушнаго Александра.

теперь Смысло сказать можно что въ теченіи пяти лѣтъ Новая Москва Заставитъ Забыть Старую пострадавшую отъ Злости Наполеона. Много иногородныхъ Купцовъ Збираются переселятся Сюда На-житье. Дворянство поправляя Доходами свои потери, приступаетъ къ Строенію. полагая Навѣрное что Мирное торжество будетъ празднуемо въ Москвѣ. Мастеровныя и рабочія люди Получаютъ тройную противъ прежняго плату. и число скоропостижныхъ Смертей не убавляется отъ Сильнаго пьянства. Купцы Разбогатели располагая цѣнами товаровъ. Роскошь посреди охавья отъ Разорѣнія возобновляется. въ Домахъ. въ экипажахъ, и въ прихотяхъ. Дворянское Собраніе хотя и Составленное изъ 500 Уже члѣновъ. Но неподаетъ надежды, къ скорому возобновленію Дома что въ охотномъ Ряду. дотѣхъ поръ какъ Москва попрежнему Станетъ Заключать въ Себѣ развѣянное Еще по всей Россіи Ея Дворянство; Мнѣнія общаго Нѣтъ ибо лехковѣріе, остатки Страха, и Малодушіе мѣняютъ мысли. и люди другъ друга приводятъ въ восторгъ. или въ печаль. Французы чрезвычайно Злы видя что общій ихъ жребій будетъ презрѣніе и ненависть всего рода человѣческаго. На Сихъ Дняхъ я отправилъ На Мѣсяцъ въ Домъ Ума Лишенныхъ Madame Danzelle. бывшею Содержательницу Пенсіона Дѣвицъ. и потомъ образовательницу въ Домахъ. Она врала что изъ Парижа Никто изъ Союзниковъ не возвратится. что бурбонцовъ Казнятъ, и что Давустъ Зжетъ Гамбургъ. Какъ Русскія жгли Москву. въ мѣсяцъ она инакажется, і одумается. вчера одинъ молодой человѣкъ¹⁾ влюбленной въ Девушку. получа отъ отца Ея отказъ Застрелился. Деньги похищенные У Директора Питейныхъ Зборовъ Г-на Рюмина 100 т. р. почти все оти-

¹⁾ Въ подлинникѣ пропускъ.

щются. і обманщики Регистраторъ Ларионовъ подъ именемъ Шостака. і два Города Фатежа Купцы. пойманы (хотя и чрезъ шесть недель по Отъ ездѣ изъ Москвы) одинъ въ Петербургѣ Яковлевымъ. адва въ Дмитровскѣ Чистяковымъ.

Если Государю Императору Угодно Будеть Соборъ Спаса. Соорудить На площади охотнаго Ряда. то Снять должно театр. Другія же для сего Зданія мѣста 1-е Гдѣ былъ пушечной Дворъ. 2-е У Красныхъ Воротъ Гдѣ былъ Домъ Татищева. Згорѣвшій и назначенной подъ площадь. Для памятника изъ пушекъ Единственное мѣсто У тверскихъ Воротъ. противъ бульвара. Это самое высокое въ Москвѣ мѣсто. и виденъ столбъ или Пирамида будетъ съезда изъ петербурга. и изъ всехъ сторонъ Города. и За Городомъ. а Для Памятника Минина и Пожарскаго. такъ какъ Г-нъ внутренней Министръ требуетъ отъ меня Ему назначенія, то я нахожу что пристойно Ему быть на Лобномъ мѣстѣ на Красной Площади противъ Спасскихъ воротъ. и Улицы идущей на Москворѣдской мостъ.

въ Донѣсеніи моемъ Государю Императору я испрашиваю позволенія (Если Здоровье мое совѣршенно неисправится) Отлучится на два Мѣс. къ Липицкимъ водамъ. и Для сего покорнѣйше прошу васъ извѣстить меня воспослѣдуетли На Сіе высочайшѣ соизволеніе съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью и проч.

Графъ Федоръ Ростопчинъ.

„21 Февраля 1814 года Москва“.

Помѣтка сверху письма: „Получено 16 апрѣля“.

Примѣчаніе: Настоящій документъ напечатанъ съ сохраненіемъ орфографіи подлиннаго. Исписьмо писано въ министру полиціи А. Д. Балашову въ 1814 году, а въ 1826 году, вмѣстѣ съ проектами устройства Москвы, представлено было Императору Николаю Павловичу, который на верху этого письма сдѣлалъ карандашемъ слѣдующую надпись: — „Препроводить въ К. Голицыну съ тѣмъ, чтобъ сообразилъ съ исполненнымъ и донесъ осталось ли что по сему дѣлу докончить?“ 17 октября 1826.

Сообщ. изъ Москвы чрезъ посредство Н. В. Калачева А. Колосовскій.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

1831—1881.

День 24-го мая 1881 г. навсегда пребудетъ достопамятнымъ днемъ въ исторіи русскаго общества, въ исторіи отечественнаго просвѣщенія: въ этотъ день Россія, въ лицѣ представителей множества ученыхъ, учебныхъ, благотворительныхъ, врачебныхъ учрежденій, — въ лицѣ представителей всѣхъ сферъ русскаго общества, чествовало пятидесятилѣтнюю годовщину служенія Отечеству одного изъ славнѣйшихъ гражданъ Россіи—Николая Ивановича Пирогова. Мысль празднованія этого юбилея въ Москвѣ, въ стѣнахъ университета,—была вполне счастливою: кому же какъ ни Москвѣ, этому сердцу Россіи, должна была быть предоставлена честь сказать горячее, сердечное спасибо отъ лица всего русскаго народа Н. И. Пирогову за его самоотверженную погувѣковую дѣятельность на различныхъ поприщахъ служенія на благо всего русскаго народа, всего человѣчества.

„Русская Старина“ своевременно,—еще въ мартовской книгѣ 1881 г., въ обширномъ и весьма обстоятельномъ трудѣ профессора I. В. Бергенса—воскресила въ памяти читателей главнѣйшія заслуги Н. И. Пирогова на поприщахъ—врача-хирурга, профессора, писателя ученаго, педагога мыслителя и администратора—попечителя учебныхъ округовъ. Что же касается до празднованія юбилея Николая Ивановича—то описаніемъ его наполнены были всѣ газеты. Въ увѣренности, что почтенные распорядители и устроители этого незабвеннаго праздника — озаботятся собраніемъ въ одну книгу всѣхъ документовъ, къ описанію его относящихся, всѣхъ безчисленныхъ адресовъ, писемъ и привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ виновникомъ торжества со всѣхъ концовъ Россіи, — мы помѣщаемъ здѣсь, какъ матеріалъ для таковаго сборника, два документа. Это адресъ С.-Петербургской Городской Думы—состоявшійся отъ представителей общественнаго управленія, по нашему—въ званіи гласнаго—предложенію, Думою разсмотрѣнному въ засѣданіи 18-го мая 1881 г. и поддержанному нѣсколькими гласными [М. П. Митковымъ, А. Н. Никитинымъ и друг.]. — Адресъ этотъ былъ прочитанъ нами на праздникѣ въ Москвѣ, 24-го мая. — Другой документъ—адресъ нами же поданный отъ редакціи историческаго журнала „Русская Старина“. Вотъ оба эти документа:

Ред.

I.

“Николай Ивановичъ! Въ знаменательный день пятидесяти-лѣтней годовщины служенія Вашего дорогому Отечеству, Общественное управленіе города С.-Петербурга шлетъ свой привѣтъ знаменитому юбиляру.

Заслуги Ваши въ обширной области науки, посвященной изученію человѣческихъ страданій и врачеванію ихъ, признаны не только Россією, но и всѣмъ свѣтомъ.

Еще въ ранней молодости прославивъ себя рядомъ научныхъ изслѣдованій, Вы, въ 1840 году, явились въ С.-Петербургъ и шестнадцать лѣтъ [1840—1856] посвятили въ немъ труду, послѣдствія котораго были въ высшей степени благотворны для населенія С.-Петербурга.

Энергією Вашею созданы при Медико-Хирургической Академіи госпитальныя клиники для окончивающихъ курсы и молодыхъ врачей. Въ званіи врача-хирурга одного изъ значительнѣйшихъ госпиталей въ Петербургѣ, Вы внесли духъ преобразования въ организацію всего больничнаго дѣла, относительно ухода, содержанія и продовольствія больныхъ, въ особенности обратили вниманіе на улучшеніе гигиеническихъ условій госпиталей, и Ваши указанія, Ваши настойчивыя въ этомъ отношеніи требованія, подкрѣпленныя доводами Вашихъ же научныхъ изслѣдованій, имѣли громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе этого, въ высшей степени важнаго, дѣла.

Безкорыстно подвизались Вы, въ теченіи многихъ лѣтъ, какъ врачъ-хирургъ, въ нѣсколькихъ больницахъ города Петербурга, являясь въ нихъ не только совѣтникомъ, но и исполнителемъ-операторомъ въ самыхъ сложныхъ и опасныхъ болѣзняхъ. Рядъ научныхъ открытій, сдѣланныхъ Вами, повелъ къ облегченію страждущихъ при операціяхъ; открытія эти составляютъ уже нынѣ достояніе человѣчества, но онѣ впервые примѣнены Вами лично въ больницахъ города С.-Петербурга.

Незабвенною пребудетъ дѣятельность Ваша въ 1848 году—годъ посѣщенія нашего города холерою, когда Вы не только врачевали и исцѣляли сотни страждущихъ, но въ самый разгаръ эпидеміи изучали и изслѣдовали ее; плодомъ такового изученія былъ новый трудъ, обогатившій науку.

Съ гордостью вспоминаетъ Петербургъ, что въ эпоху безсмертной обороны Севастополя имя одного изъ Петербургскихъ врачей, самоотверженно подвизавшихся въ Севастополѣ при врачеваніи страдальцевъ-героевъ, приносилось во всей Россіи съ наибольшимъ уваженіемъ и признательностію: этотъ врачъ были Вы, Николай Ивановичъ.

Съ самаго начала царствованія въ Божѣ почившаго Государя Освободителя Вы, Николай Ивановичъ, въ трудахъ своихъ въ области науки о воспитаніи съ поразительною ясностію взгляда и съ тѣмъ глубокимъ пониманіемъ челоѳической природы, которое Васъ всегда отличало, коснулись самыхъ важныхъ вопросовъ жизни.

На ряду съ заботами о русской школѣ, для правильной постановки которой Вы сдѣлали столь много, продолжались Ваши заботы и о больницѣ. Являясь цѣлителемъ духа, Вы неизмѣнно пребывали и врачомъ тѣла и, въ этомъ отношеніи, рядомъ множества указаній, подкрѣпленныхъ и развитыхъ въ Вашихъ же научныхъ трудахъ, Вы установили и упрочили новый взглядъ на сооруженіе госпиталей. Первымъ и весьма счастливымъ опытомъ примѣненія этого взгляда является въ Петербургѣ сооруженіе бараконъ Рождественской городской больницы.

Новое и весьма значительное сооруженіе въ Петербургѣ—нынѣ создаемое городомъ на Александровскомъ плацу—двадцать бараконъ для больныхъ и два для выздоравливающихъ—является осуществленіемъ Вашихъ, Николай Ивановичъ, благотворныхъ взглядовъ на устроеніе госпиталей въ Россіи.

Руководимая чувствомъ признательности и безпредѣльнаго сочувствія къ Вашей полувѣковой дѣятельности, всецѣло посвященной благу русскаго народа, С.-Петербургская Городская Дума—въ собраніи своемъ,—18 Мая 1881 года,—единогласно постановила: выразить Вамъ, Николай Ивановичъ, въ настоящемъ адресѣ, одушевляющія ее, по отношенію къ Вашей дѣятельности, чувства и—въ память грядущимъ поколѣніямъ о трудахъ Вашихъ для

населенія С.-Петербурга — наименовать славнымъ именемъ Вашимъ одинъ изъ баракъ вышеупомянутой городской больницы въ С.-Петербурге, на Александровскомъ плацу“.

24-го Мая 1881 г.

Его Превосходительству

Николаю Ивановичу

Пирогову.

Отъ С.-Петербургской Городской Думы.

II.

„Высокочтимый и глубокоуважаемый Николай Ивановичъ! Къ многочисленнымъ голосамъ привѣтствующихъ Васъ сегодня, 24-го Мая, Редакція Историческаго журнала „Русская Старина“ присоединяетъ и свой привѣтъ.

Этотъ привѣтъ обращается къ Вамъ, Николай Ивановичъ, какъ одному изъ славнѣйшихъ современныхъ русскихъ гражданъ, — мужу науки и общественному дѣятелю, — поль вѣка подвизавшемуся на благо русскаго народа, на благо всего человѣчества!

Изучая дѣянія нашего прошлаго, редакція „Русской Старины“ встрѣчаетъ много русскихъ дѣятелей съ доблестью, со славою подвизавшихся на разныхъ поприщахъ служенія дорогому нашему Отечеству и содѣлавшихъ весьма много для духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія Россіи. Но въ этомъ ряду именъ — немного такихъ соотечественниковъ нашихъ, труды которыхъ одинаково благотворны не только для всей Россіи, но и для всего человѣчества.

Въ этой небольшой группѣ именъ, выдвинутыхъ русскимъ народомъ, мощнымъ, но еще молодымъ въ европейской семьѣ, — ярко блещетъ Ваше славное имя.

Примите же выраженія безпредѣльнаго уваженія и сочувствія въ Вашей полувѣковой дѣятельности, занимающей столь блестящее мѣсто въ новѣйшей исторіи русской мысли, русскаго общества“.

Издатель-Редакторъ историческаго журнала „Русская Старина“

Михаилъ Семеновъ.

24-го Мая 1881 года.

С.-Петербургъ.

Н. И. Пирогову.

ство Никита Ивановичъ вчера еще ввечеру изъ Сарскаго села назадъ возвратился.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ сегодня графъ Захаръ Григорьевичъ, Петръ Ивановичъ Олицъ, гвардіи майоръ Евдокимъ Алексѣичъ Щербининъ, г. Салдернъ, дежурной майоръ гвардіи гр. Брюсъ и гвардіи офицеръ Петръ Федоричъ Талызинъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ отъѣзжалъ въ деревню, г. Олицъ въ Ревель къ своей дивизіи, а г. Щербининъ въ порученной ему Стѣдственной Комиссіи на Украинѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ рассказывалъ, какъ въ Сарскомъ селѣ веселился; при томъ съ оными гостями разговаривалъ о дѣлахъ, для коихъ они ѣдутъ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество въ билиардной комнатѣ катать шары по билиарду. Потомъ сѣлъ учиться; у меня хорошо учился. Часу въ седьмомъ поѣхалъ въ нѣмецкую комедію. Комедія была „Arlequin der Menschenfeind“. Играли по обыкновенію своему очень дурно. Пройшой разъ на комедію подовзалъ церемоніймейстеръ Кашталинской, а нинѣ разговоръ про нее за столомъ зашелъ, и Его Высочество самъ попросился. Тогда и сегодня сидѣтъ Государь Цесаревичъ въ ложѣ господина Кашталинскаго. Возвратясь во дворецъ, изволилъ Его Высочество сѣсть кушать. Послѣ ужина опочивать легъ, было десять часовъ.

26. Его Высочество встать изволилъ въ шесть часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, въ желтой комнатѣ забавляться изволилъ.

Обѣдали у насъ сегодня графы Захаръ Григорьевичъ и Иванъ Григорьевичъ Чернышовы, г. Салдернъ, гр. Брюсъ, г. Вильштейнъ и генералъ-квартирмейстеръ лейтенантъ Зегеръ. На сихъ дняхъ получено извѣстіе о кончинѣ Цесаря. Долго говорили о семъ. Г. Салдернъ говорилъ между прочимъ Его Высочеству, что она же кончина ему, какъ Принцу Нѣмецкой Имперіи, болѣе

всѣхъ должна быть чувствительна: каковъ-та милостивъ къ нему будетъ новой Цесарь и проч. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и гр. Захаръ Григорьевичъ пристали такожь въ сей шуткѣ и надъ Великимъ Княземъ шпыняли. Онъ изволилъ все отвѣчать: што въ кои-нѣ пристади, (какой) я нѣмецкой Принцъ, я Великой Князь Россійской. Графъ Иванъ Григорьевичъ поддѣрживалъ его. Г. Вильштейнъ о Цесарѣ сказывалъ, что какъ онъ въ послѣдней разъ былъ въ Лотарингін, и тамошніе сенаторы при отъѣздѣ спрашивали его когда будутъ они опять имѣть честь видѣть Его Величество въ своей провинціи, то онъ отвѣчалъ имъ: „adieu, mes amis; nous nous verrons à la vallée de Josaphat,“ т. е. прощайте, друзья мои, мы увидимся въ поляхъ Иосафатовыхъ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество по большей части рѣзвиться съ графомъ Брюсомъ. Отучась, поѣхалъ Государь Цесаревичъ въ комедію. Комедія была французская «le muet»; потомъ балетъ Толатовъ съ мельницею; наконецъ комическая опера «On ne s'avise jamais de tout». Его Высочество очень много аллодировать изволилъ и играли очень хорошо. Приѣхавши изъ комедіи, Государь скоро сѣлъ кушать. Опочивать легъ, былъ однадцатой часъ въ началѣ.

27. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись сѣлъ за свои ученія. Вчера сѣлъ Государь Цесаревичъ простудился и сдѣлался у него жестокой насморкъ. Послѣ ученія, изволилъ онъ забавляться, устанавливая по столу шашки.

Обѣдали у насъ сегодня г. Салдернъ, г. Филозофовъ, церемоніймейстеръ Кашталинской, г. Вильштейнъ и генералъ-квартирмейстеръ лейтенантъ Зегеръ. Во время обѣда, даждой живописецъ поправлялъ портретъ Никиты Ивановича. Его Превосходительство рассу-

далъ сегодня между прочимъ о произношеніи въ языкахъ, весьма благообразно.

Послѣ стола еще нѣсколько времени сидѣлъ Никита Ивановичъ для живописца: потомъ изволилъ пойтти отдыхать. Его Высочество, попрыгавши, сѣлъ учиться. Ученія шли бы весьма изрядно, только насморкъ намъ мѣшалъ. Рассказывать мнѣ Его Высочество изволилъ изъ повѣренности, что онъ, убираючися сегодня по утру, во все время продумалъ о нѣкоемъ человѣкѣ, о которомъ мы только двое знаемъ. Изволилъ говорить, что онъ не видалъ, какъ время прошло. Послѣ ученія изволилъ въ билиардъ играть. Потомъ въ желтой комнатѣ забавлялся. Сѣли ужинать. Послѣ ужина изволилъ Его Высочество лечь опочивать, былъ десятой часъ въ половинѣ.

28. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ въ церковь пойтти изволилъ. Послѣ обѣдни возвратился въ свои покои, и скоро сѣли за столъ.

Обѣдали у насъ принцъ Карлъ курляндской, молодой гр. Минихъ, генералъ-поручикъ Бергъ, саксонской полковникъ Сакенъ, братъ родной нашему Сакену, кн. Петръ Васильичъ Хованской и вице-полковникъ графъ Пушкинъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ по большей части съ гр. Минихомъ о дѣлахъ таможенныхъ. Принцъ курляндской много говорилъ, только пересказывалъ нечего. Вечеру сегодня ѣздилъ Его Высочество на нѣмецкую комедію. Комедія была „der politische Kannegiesser“, а маленькая піеса „Arlequin der Dragoner-Hauptmann“. Большую комедію играли изрядно. Возвратясь изъ комедіи, сѣлъ Государь кушать. Опочивать легъ въ половинѣ одиннадцатаго часу.

29. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. Одѣвшись

учился, какъ обыкновенно. Въ церковь ходить не изволилъ. Потомъ забавлялся, катая шары по билиарду. Долго не ставилъ кушанья, и Его Высочество очень скучать изволилъ. Около половины уже втораго часу пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ и г. Вильштейнъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ нѣмецкимъ комедіянтамъ приказалъ выдать пять сотъ рублей.

Послѣ стола попрыгавши, Государь Великой Князь изволилъ сѣсть учиться; у меня очень хорошо учился. Часовъ въ шесть изволила прибыть изъ Сарскаго села Ея Величество. Государь Цесаревичъ изволилъ встрѣтить Государыню-родительницу въ покояхъ Ея Величества. Черезъ полчаса времени Государыня изволила сѣсть играть въ берланъ. Играли: Ея Величество, Его Высочество, Никита Ивановичъ, Николай Ивановичъ Зеновьевъ, супруга его Авдотья Наумовна, графиня Марья Андреевна Румянцева и графиня Прасковья Александровна Брюсша. Ея Величество изволила между тѣмъ рассказывать, что ѣдучи изъ Сарскаго села въ каретѣ, графъ Григорій Григорьевичъ читалъ сочиненія о кометахъ. Государыня во все время игры разсуждать изволила, какъ бы тогда жили, еслибы комета насъ съ собой утащила, и мы бы хрустальными сдѣлались. Ея Величество очень сей мыслию изволила забавляться, и шутить весьма остроумно и замысловато. По окончаніи игры, изволилъ Его Высочество пойтти къ себѣ. Читалъ я Государю Цесаревичу похождения Жиглязовы. Потомъ сѣли мы ужинать. На дворѣ очень вѣтрено было, и отъ того разговоръ у насъ зашелъ о штурмахъ на морѣ. Я рассказывалъ, какія несчастія во время послѣдней войны съ нашими кораблями случались. Послѣ ужина, скоро Его Высочество легъ опочивать. Былъ десятой часъ въ половинѣ.

30. Праздникъ Ордена Святаго Александра Невскаго. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмага часу. Одѣлся въ орденское платье. Ея Величество къ обѣдни въ Невской монастырь ѣздить изволила. Его Высочество туда не ѣздилъ. Изволилъ вмѣсто того ходить въ придворную церковь, и тамъ слушать литургію. Возвратясь къ себѣ, Государь Цесаревичъ нѣсколько позавтракалъ. Часу во второмъ по полудни, изволила прибыть Ея Величество. Государь Цесаревичъ встрѣтилъ Государыню-родительницу въ загѣ, и послѣдовалъ за Ея Величествомъ во внутренніе покои. Тамъ съ протчими кавалерами изволилъ подходить къ рукамъ.

Спустя нѣсколько времени пошла за столъ, которой приготовленъ былъ въ галлерей. Кромѣ Ея Величества и Его Высочества, двадцать шесть человѣкъ кавалеровъ за столомъ было.

По окончаніи стола, изволилъ Его Высочество пройтись въ свои покои. Тамъ скинувши кавалерскую эпанчу, изволилъ попрыгивать и очень былъ веселъ. Изволилъ со мною катать шары по биліарду и разговаривать о всѣхъ своихъ тайностяхъ. Потомъ приказалъ причесать себѣ волосы, и танцовалъ съ танцовщицею Гранжѣ. Вечеру былъ балъ. Часовъ въ семь изволилъ Его Высочество пойтись въ залу, и открытъ балъ съ графиней Анной Карловной Воронцовой. Послѣ изволилъ танцовать минуэты съ фрейлиной графиней Анной Петровной Шереметевой. Потомъ танцовалъ Государь Цесаревичъ четверной (четвертой) минуэты съ фрейлиной Вѣрой Николаевной Чоголовой, а другая пара была графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ съ графиней Анной Петровной Шереметевой. Еще Его Высочество изволилъ танцовать минуэты съ фрейлиной Анной Алексѣевной Хитровой и Елисаветой Николаевной Чоголовой, также съ обѣими графинями Чернышовыми, дочерьми гр. Петра Григорьевича. Его Высочество очень былъ ве-

селъ и танцовалъ весьма охотно, хотя впротчемъ и не безъизвѣстно, что слишкомъ не страстенъ онъ къ танцованью. Ея Величество въ то самое время на балъ прійти изволила, какъ Его Высочество оттанцовалъ минуэты съ Анной Алексѣевной Хитровой. Государыня изволила, поговора съ ними, оборотиться къ чужестраннымъ министрамъ и съ ними разговаривать. Потому такоужъ подходило то къ тому, то къ другому изъ министровъ и изъ здѣшнихъ господъ, изволила разсуждать о разныхъ матеріяхъ. Его Высочество во время балу очень много и очень милостиво изволилъ со мною разговаривать. Еще разговаривалъ Государь Цесаревичъ съ Его Превосходительствомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, съ прусскимъ министромъ графомъ Сольмсомъ, съ графомъ Брюсомъ, съ принцемъ Карломъ курляндскимъ, съ адмираломъ Семеномъ Ивановичемъ Мордвиновымъ, съ графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ и съ маленькимъ графомъ Шереметевымъ, (сыномъ) графа Петра Борисовича. Въ девятомъ часу изволила Ея Величество ретироваться. Его Высочество, проводя Государыню-родительницу во внутренніе покои, возвратился къ себѣ. И такъ балъ кончился. Государь Цесаревичъ скоро изволилъ сѣсть кушать. Послѣ стола легъ опочивать, было десять часовъ. Сей день пожалованнымъ много не было, кромѣ Николая Ивановича Зеновьева. Ея Величество, передъ выходомъ на балъ, изволила наложить на него Орденъ Святаго Александра Невскаго. До нынѣ былъ на немъ орденъ Святыя Анны.

31. Его Высочество встать изволилъ въ восемь часовъ. За чаемъ и во время обубанья, изволилъ разговаривать со мною о вчерашнемъ балѣ, и сказывать, какія онъ тамъ сдѣлалъ свои примѣчанія. Во всемъ изволилъ мнѣ отрываться. За убраньемъ волосовъ читалъ я Государю Цесаревичу Жилблазовы похождения.

XIV*

Одѣвшись, позволилъ Его Высочество учиться, какъ обыкновенно. Послѣ ученія въ бильярдъ играть изволилъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только Николай Ивановичъ Зеновьевъ, камеръ юнкеръ Талызинъ и г. Салдернъ. За столомъ во все время проговорили о картошной игрѣ и о свойствахъ, какія игрокъ имѣть долженъ. *C'étoit une matière bien instructive pour moi, puisque je n'ai jamais entendu raisonner sur le jeu avec tant de solidité et avec tant de lumières.*

Послѣ кушанья изволилъ Его Высочество часу въ четвертомъ пойтить на половину къ Государынѣ. Ея Величество изволила отбыть въ Сарское село. Проводя Государыню-родительницу до комнаты графа Григорья Григорьевича, возвратился Его Высочество къ себѣ. Сего дня послѣ обѣда учиться не изволилъ, потому что скоро поѣхали въ большой каменной дворецъ на зрѣлище. Была трагедія французская „Mahomet ou le fanatisme“, par M. de Voltaire; балетъ „заколдованной любовникъ“, гдѣ Парансъ и Мекурша въ разныхъ платьяхъ переодѣваются; маленькая пѣса была „raison de qualité“. Его Высочество очень много applaudировать изволилъ, особливо въ трагедіи. Магомета игралъ Бомонъ изрядно, Зеида—Нейвилъ очень хорошо, Пальмиру молоденькая комедіянка Бадишъ, Плавшнотшина племянница, также весьма изрядно; Зомира представлялъ Пошетъ, Омара—Сенепаръ, Фанера—Лаяжъ. Вообще сказать можно, что трагедія удачно была представлена. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество съѣсть ужинать. За столомъ разговаривали по большей части о сегодняшнемъ зрѣлищѣ. Послѣ кушанья Государь Цесаревичъ скоро легъ опочивать, было десять часовъ.

СЕНТЯБРЬ.

1. Сегодня, также второе и третье число былъ я боленъ. И такъ, что въ сін дни происходило, изволилъ мнѣ рассказывать Его Высочество. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія изволилъ катать шары по бильяру.

Сѣлъ потомъ за столъ. Изъ постороннихъ никого не было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ во все время стола очень молчаливъ былъ.

Послѣ стола, какъ Никита Ивановичъ изволилъ уйтить къ себѣ, Государь Цесаревичъ, стоя у окна, дыхнулъ на стекло и выписалъ имя той фрейлины, которая больше всѣхъ ему нравится. Какъ подошли кое-кто къ окошку, то онъ тотчасъ стереть изволилъ. Потомъ забавлялся, бѣгалъ Его Высочество по комнатамъ до самаго залу. Наконецъ и кафтанъ скинувши, въ одномъ камзолѣ, изъ бильярдной раствора двери въ залъ, гулять изволилъ. Кафтанъ, какъ изволилъ говорить, для того онъ скинуть, чтобы его не узнали, ежели кто въ то время пройдетъ по залу. Потомъ изволилъ Его Высочество учиться, какъ обыкновенно. Послѣ ужинны изволилъ танцовать безъ музыки изъ своей охоты. Опочивать легъ въ десатомъ часу.

2. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. Потомъ въ бильярдъ играть изволилъ.

Обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ только Григорій Николаевичъ Тепловъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ по большей части о дѣлахъ коммерческихъ.

Послѣ обѣда, какъ ушелъ Тепловъ, спрашивалъ Никита Ивановичъ у Его Высочества: «въ кого онъ нынѣ влюбленъ?» Признавался Его Высочество, что онъ влюбленъ, а въ кого, того не сказывалъ, говоря, что про эту тайну,

такъ какъ и про всё его тайны, я только одинъ вѣдаю, и что онъ мнѣ изволилъ дать слово, чтобы никому о томъ не сказывать. Сколько Его Превосходительство ни спрашивалъ, однако Государь Цесаревичъ повѣренности ему въ томъ не сдѣлалъ. Наконецъ говорилъ Никита Ивановичъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ ему сказалъ, «давно ли онъ влюбленъ?» На сіе отвѣчалъ Его Высочество, что въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ годъ будетъ. Послѣ сего Никита Ивановичъ вскорѣ изволилъ пойтить къ себѣ, а Государь Великой Князь, попрыгавши и будучи, какъ онъ мнѣ выговаривать изволилъ, весьма тѣмъ доволенъ, что секретъ оной удержалъ за собой, изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ по столу разстанивать шапки, кои у него армію представляли. Сегодня на придворномъ театрѣ была комедія русская «школа мужей»; маленькая піеса: «обычай нынѣшняго свѣта». Его Высочество въ комедіи быть не изволилъ. Послѣ ужины въ десятомъ часу легъ Государь опочивать.

Сегодня Его Высочество началъ дѣла свои за ширмами по утру и ввечеру производить и оканчивать, не призывая въ помощь камердинера.

3. Его Высочество встать изволилъ въ седьмомъ часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно.

Изъ постороннихъ никто у насъ сегодня не обѣдалъ и Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у придворнаго ювелира, не помню, какъ его зовутъ, Назарычъ или Лазарычъ, родомъ Армяннинъ. За столомъ у Его Высочества разговоры были о франкамасонствѣ, и Государь Цесаревичъ великое любопытство показывалъ, чтобы узнать въ чемъ состоятъ ихъ тайны. Часу въ четвертомъ по полудни изволилъ прислать ко мнѣ Государь Цесаревичъ скорохода спросилъ о моемъ здоровьѣ.

Послѣ обѣда позабавясь, изволилъ Его Высочество сѣсть за свои ученія. Послѣ

ученія въ биліардъ играть изволилъ. Послѣ ужины опочивать легъ въ десятомъ часу.

4. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Приѣхалъ я, онъ одѣтъ уже былъ. Весьма изволилъ принять меня милостиво, спрашивать о состояніи моего здоровья и увѣрять меня, что онъ чувствовалъ, что меня при немъ не было, что ему иногда очень скучно было. Читалъ Его Высочество съ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Пришелъ потомъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и за нимъ вошли къ Государю Цесаревичу многіе генералы и штабъ-офицеры, кои всѣ, постоявъ нѣсколько, за Его Высочествомъ въ церковь послѣдовали. Послѣ обѣдн изволилъ Великой Князь возвратиться въ свои покои. Его Превосходительство Никита Ивановичъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Его Превосходительствомъ Петромъ Ивановичемъ поѣхалъ кушать къ камеръ-юнкеру Александру Федоровичу Талызину. Читали мы въ Ларріевой Аглинской Исторіи судное дѣло, произведенное надъ несчастнымъ королемъ Карломъ I, воюму потомъ и голову отрубили. Его Высочество весьма прилежно изволилъ слушать.

Сѣли мы потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, Карлъ Федоровичъ Крузъ и церемоніймейстеръ Кашталинской. Говорили о Кромвелѣ и о вышепомянутомъ дѣлѣ. Гр. Александръ Сергѣевичъ говорилъ, что оно случилось, когда здѣсь въ Россіи царствовалъ царь Иванъ Васильевичъ. Его Высочество, перехвата у него рѣчь, изволилъ говорить, что тогда царствовалъ здѣсь царь Алексѣй Михайловичъ, и что за оную жестокость и торгъ нашъ съ Агличчанами въ оное время былъ пресѣченъ; не хотѣла Россіи никакого дѣла имѣть съ такимъ народомъ, второй допустилъ своего государя казнить на амвонѣ. Г. Остервальдъ ска-

залъ тутъ: Charles premier méritait bien la mort. Я отвѣчалъ ему на то, qu'on ne saurait la mériter, dès qu'on est sur le Trône, que le peuple n'est jamais en droit de condamner son Roi à la mort. Что есть ли онъ употреблялъ во зло данную ему власть, Парламентъ могъ умалять ее и отнять у него всё способы, чтобъ дѣлать вредъ обществу. Посемъ зашла у насъ рѣчь о принципахъ механическихъ. Графъ Строгановъ, г. Круузъ и я говорили о импульсѣ, о такъ называемой *vis inertiae* и проч.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество играть со мною въ бильярдъ; потомъ игралъ и съ Тимофеемъ Ивановичемъ, а онъ изволилъ околѣ бѣгать и забавляться. Часу въ седьмомъ пріѣхалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и поѣхали въ нѣмецкую комедію. Комедія была переведенная изъ Детуша «*der poetische Dorfjunker*»; балетъ такъ вздоренъ, что и назвать его какъ не знаю. Изъ комедіи вѣдучи въ каретѣ, говорилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, чтобъ Его Высочество выучилъ нѣсколько словъ изъ какой нибудь французской трагедіи, и декламировать поучился. Я напомнилъ тутъ Его Превосходительству о сценѣ Ипполитовой съ Арсіею изъ Федры Расиновой. Прибывъ во дворецъ, изволилъ Его Высочество сѣсть кушать. За столомъ разговаривали мы о Сумарокова трагедіяхъ. Послѣ ужины Государь скоро изволилъ лечь опочивать, былъ одиннадцатой часъ въ половинѣ.

5. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмого часу. За чаемъ рассказывалъ я ему о церемоніяхъ, какія вчерась видѣлъ на створѣ. Его Высочества камерленъ Мишляковской помолвилъ жениться на дочери хозяина моего купца Краснощочкова, и я вчерась заѣхалъ туда на часъ изъ двора, чтобъ видѣть церемонію ихъ створу. Во время обшванья, изволилъ мнѣ сказывать Его Высочество, что, какъ онъ вчерась кругомъ бильярдъ бѣгалъ, а я съ г. Остер-

вальдомъ въ бильярдѣ игралъ, то представлялося ему будто происходитъ баталія, и онъ съ однимъ швадрономъ прогналъ дѣлой полкъ: побитыхъ ни кого не было. Отъ сего взялъ я случай спросить Государя Великаго Князя и о прочихъ временахъ, когда онъ изволилъ кругомъ бѣгать и голосомъ своимъ то палубу, то барабанной и литавровой бой производить и разныя распоряженія дѣлать, какими тогда играми живое его воображеніе увеселяется. Удовольствовалъ Его Высочество мое желаніе, и изволилъ мнѣ о томъ рассказывать. Давно уже давно, т. е. въ 1762, году представлялося ему, что двѣсти человѣкъ дворянъ набрано, кои всѣ служили на коняхъ. Въ семь корпусѣ былъ онъ въ воображеніи своемъ сперва ефрейтъ-направломъ, потомъ вахмистромъ, и оную должность отправлялъ еще въ то время, какъ мы отсюда въ ономъ годѣ въ Москву вѣхали. Вотъ какъ мы изъ-далека взяли исторію воображенія Его Высочества! Изъ онаго корпуса сдѣлался пѣхотной корпусъ въ шести стгахъ, потомъ въ семи стгахъ человѣкахъ. Въ ономъ Его Высочество былъ будто прапорщикъ. Сей корпусъ превратился въ дѣлой полкъ дворянъ, изъ 1200 человѣкъ состоящей. Тутъ Его Высочество былъ поручикомъ и на ординарціи у генерала кн. Александра Голицына. Отсегдъ попалъ онъ въ гвардію въ Измайловской полкъ въ сержантъ, и былъ при турецкомъ посланникѣ. Потомъ очутился въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ кадетомъ. Оттуда выпущенъ въ Новгородской карабинерной полкъ поручикомъ; теперь въ томъ же полку ротмистромъ. Такимъ образомъ Его Высочество въ воображеніи своемъ переходя изъ состоянія въ состояніе, отправляетъ разныя должности, и тѣмъ въ праздное время себя иногда забавляетъ. Одѣвшись, изволилъ мнѣ сказывать Его Высочество о томъ, что я выше написалъ уже, что безъ меня происходило. Потомъ изволилъ сѣсть за свои ученія. Отучася, изволилъ играть въ бильярдъ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ никого у насъ не было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у аглинскаго купца Гома. Разговаривали между прочимъ объ отвращеніи, какое намъ по предувѣреніямъ нашимъ дѣлаютъ иногда разныя гадины, такъ какъ мыши, лягушки, тараканы и проч. Его Высочество изволилъ тутъ сказать: они намъ гадки, а мы, я думаю, имъ гадки кажемся. Разговоръ сей зашелъ отъ того, что какъ Его Высочество передъ обѣдомъ забавлялся въ билиардной комнатѣ и, наклонясь въ углу, хотѣлъ поднять веревочку, то ему черезъ руку пробѣжала мышь.

Послѣ стола, изволилъ Его Высочество катать со мною шары по билиарду въ девять, и я у Государя Цесаревича выигралъ червонецъ. Потомъ сѣлъ учиться. У меня хорошо учился. Послѣ ученья изволилъ писать отвѣты на богословскіе запросы Его Преподобія Отца Платона. Потомъ позабавясь, сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

6. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученья. Потомъ въ билиардъ играть изволилъ. Пришелъ къ нему графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, и привелъ съ собою аглинскаго пастора Демареска. Г. Демарескъ поднесъ Его Высочеству карту Франціи, наклеенную на доскѣ и вырѣзанную по провинціямъ, на подобіе тѣхъ, кои онъ подносилъ прежде. Государь Великой Князь разбиралъ долго и складывалъ сію карту. Потомъ изволилъ распределять, кому-бы владѣть которой провинціей, естли-бы во власти ево было то назначить. Для себя изволилъ опредѣлять Ильдефрансъ и главнымъ жилищемъ Парижъ. Про меня изволилъ говорить, чтобъ я былъ фельд-маршалъ надъ его арміями и Дюкъ Вандомской. Такимъ образомъ позабавясь, изволилъ пойтить за столъ.

Обѣдали у насъ г. Салдернъ, графъ Строгановъ и Григорій Николаевичъ

Тепловъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ Тепловымъ по большей части о Комиссіи комерческой, гдѣ Григорій Николаевичъ присутствуетъ. Также разговаривали много о пирогахъ французскихъ.

Послѣ кушанья изволилъ Его Высочество опять складывать вышеупомянутую оную карту Франціи. Въ четвертомъ часу сѣлъ учиться. Послѣ ученья, изволилъ писать отвѣты на богословскіе запросы Его Преподобія Отца Платона, и приготовился въ экзамену въ Богословіи, коему быть положено завтра при Его Превосходительствѣ Никитѣ Ивановичѣ. Его Высочество окончилъ первую часть Богословіи съ Отцомъ Платономъ. Оная Богословія сего года Его Преподобіемъ и въ печать выдана. Послѣ ужина, изволилъ Его Высочество скоро лечь опочивать, не было еще и половины десятаго часу.

7. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученья, въ билиардной комнатѣ изволилъ катать шары по билиарду. Долго не садился за столъ; дождался Его Превосходительства Никиты Ивановича. Государь Великой Князь весьма скучалъ тѣмъ. Наконецъ пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ.

Сѣли мы за столъ въ половинѣ втораго часу. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ: шведской министръ графъ Дибенъ, г. Салдернъ, дежурной гвардіи маіоръ Щербачевъ, и полковникъ Кропотвъ. Разговаривали по большей части о церемоніяхъ при коронованіи государей въ разныхъ государствахъ. Еще зашелъ разговоръ о мурѣ и о елѣй. Его Превосходительство Никита Ивановичъ рассказывалъ, какимъ образомъ и съ какими обрядами муро у насъ въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ вѣждые три года приуготовляется.

Послѣ стола изволилъ Его Высочество долго смотрѣть, какъ замазывали окна, и

очень оною работою забавлялся. Потому сѣлъ за свои учения. У меня очень хорошо учился. Подъ конецъ только родилась у насъ ссора, послѣ которой однакожь Его Высочество тотчасъ неоступно просилъ о заключеніи миру, (и помирился съ тѣмъ, чтобъ Его Высочеству впредь) никогда никакой притчины къ неудовольствію мнѣ не подавать, и во всемъ предположеніямъ моимъ слѣдовать. Послѣ учения сладывалъ Его Высочество опять вчерашнюю карту. Потому изволилъ поѣхать въ нѣмецкую комедію. Комедія была «spiritovoletto». Въ одиннадцатомъ часу уже оттуда Государь Цесаревичъ возвратился. Откушавши, скоро легъ опочивать. Былъ двѣнадцатой часъ въ началѣ. Сегодня надѣли трауръ на шесть недѣль по Цесарѣ. Сегодня-же экзамену въ Богословіи не было, для того что Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу было недосужно.

8. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмого часу. Одѣвшись, изволилъ готовиться къ экзамену. Вскорѣ пришелъ и Его Превосходительство Никита Ивановичъ. За нимъ были братья его Петръ Ивановичъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ и графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и Его Преподобіе Отецъ Платонъ спрашивали тутъ Его Высочества, въ присутствіи оныхъ особъ, изъ первыя части проходимаго ему Теологін. Государь Цесаревичъ отвѣтствовалъ очень хорошо, и получилъ общую похвалу. Всѣ гости у насъ обѣдали, и еще г. Салдернъ.

• За столомъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ и Его Превосходительство Петръ Ивановичъ разговаривали по большой части съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ о церковныхъ обрядахъ. Наконецъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ говорилъ Отцу Платону, чтобъ пріѣхалъ ввечеру на кукольную комедію, которую Государь Цесаревичъ смотрѣть изволилъ.

Спрашивалъ у меня Его Преподобіе съвѣту. Ѣхать ли ему туда. Я ему говорилъ, что ежели Его Превосходительству угодно, то для чего не Ѣхать, тѣмъ напротивъ, что сегодня будетъ только генеральная проба и изъ постороннихъ будутъ весьма не многіе.

Послѣ обѣда Его Высочество учиться не изволилъ, для того что сегодня праздникъ Рождества Богородицы. Ввечеру поѣхали мы въ каменную зимней дворецъ, на кукольную комедію, которая нарочно для Его Высочества, по приказанію Никиты Ивановича, сдѣлана театральнымъ машинистомъ Дюело. Послѣ кукольной комедіи было оптическое представленіе бури и морской баталии, которое одно только и достойно было смотрѣнія. Его Преподобіе Отецъ Платонъ былъ на семъ позорщѣ Возвратясь оттуда, разговаривалъ Никита Ивановичъ съ графомъ Строгановымъ сперва о домѣ Воронцовыхъ, потомъ о министерствѣ шведскомъ. Его Превосходительство сказывалъ Государю Великому Князю, какой великой охотникъ нынѣшней король шведской до кукольныхъ комедій, и какъ онъ самъ, стоя за декорациями, говоритъ вмѣсто Полишинеля. Въ товарищи на такое представленіе беретъ къ себѣ обыкновенно Его Величество Арлекина съ французскаго театру, и этотъ Арлекинъ вслѣдъ другъ ему. Его Превосходительство рассказывалъ о семъ съ насмѣшкою Его Высочеству.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ ужиналъ у насъ графъ Строгановъ. Никита Ивановичъ сегодня тутъ же за столомъ сидѣть изволилъ. Разговаривалъ о сегодняшнемъ экзаменѣ, и при томъ говорилъ, что послѣ нынѣшней зимы надобно и во всѣхъ ученіяхъ Его Высочеству сдѣлать экзаменъ. Тутъ зашла рѣчь о методѣ въ наукахъ, и Его Превосходительство изволилъ дѣлать мнѣ честь, что адресовалъ ко мнѣ свои разсужденія и моимъ мнѣніи при томъ требовалъ. Послѣ ужины Государь Цесаре-

вить скоро изволилъ лечь опочивать, было десять часовъ.

9. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. По окончаніи ученія, изволилъ на бильярдѣ шары вмѣсто работниковъ проваживать, кон будто великія тяжести поднимали, и кричали: о! о! разомъ!

Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ и гвардія майоръ дежурной Щербачевъ. Никогда у насъ за столомъ такого молчанія не было, какъ сегодня. Его Превосходительство Никита Ивановичъ былъ задумчивъ.

Послѣ стола изволилъ Его Высочество забавляться въ бильярдной комнатѣ. Потомъ сѣлъ за свои ученія. Часу въ шесть въ началѣ пріѣхали сказать, что Ея Величество изъ Сарскаго села пріѣхать изволила прямо въ зимней дворецъ на комедію. Поѣхали мы туда, и Его Высочество во все время зрѣлища изволилъ пробить въ ложѣ у Государыни-родительницы. Комедія была: «le contretemps»; балетъ Толатовъ съ мельницею; маленькая пѣса „le jeu de l'amour et du hazard“. Въ ложѣ между прочимъ Ея Величество изволила спрашивать у Великаго Князя, которая ему изъ актрисъ лучше всѣхъ нравится? Его Высочество про молоденькую мамзель Кадишъ сказать изволилъ. Потомъ Государыня спросить изволила, изъ фрейлинь кто ему лучше всѣхъ нравится? На сіе Государь Цесаревичъ отвѣтствовалъ, что ему всѣ равны. Ея Величество смѣясь говорить изволила, чтобъ онъ хотя на ухо о томъ сказалъ; но Его Высочество тожь отвѣтствовать изволилъ, что и прежде, а между тѣмъ поглядывалъ на меня; однако Ея Величество сего примѣтить не изволила. Послѣ комедіи возвратился Его Высочество къ себѣ. Государыня указала ему, Никитѣ Ивановичу и графинѣ Марьи Андреевнѣ Румянцовой сѣсть съ собою. Проводя Ея Величество до внутрен-

нихъ покоевъ, изволилъ Его Высочество пойтить къ себѣ, и скоро сѣсть кушать. Опочивать легъ въ десять часовъ.

10. Его Высочество встать изволилъ, было три четверти седьмага часу. За чаемъ изволилъ мнѣ сказывать, какъ онъ смущенъ былъ вчерась Государыннымъ вопросомъ, и что чуть было не сказано про меня: извольте, Ваше Величество, у него спросить; онъ все знаетъ. Еще сказывалъ мнѣ Государь Цесаревичъ, что Ея Величество въ каретѣ вчерась говорить изволила, что какъ Его Высочество возмущаетъ, то она изволилъ тогда по утрамъ призывать его къ себѣ, для слушанія дѣлъ, дабы къ тому привыкнуть. Во время убранья волосовъ и за обуваньемъ, изволилъ Государь Цесаревичъ читать сіи мои записки съ великой прилежностью и съ крайнимъ удовольствіемъ, прося меня, чтобы я ему чаще ихъ показывалъ. Потомъ сѣлъ Его Высочество за свои ученія. Послѣ ученія, въ бильярдной комнатѣ забавляться изволилъ. Приходили ему раза три сказывать, что графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ пріѣшелъ, не изволилъ ли Его Высочество выйтить. Государь Цесаревичъ очень недоволенъ былъ онимъ посѣщеніемъ и говорилъ: что мнѣ съ этимъ дуракомъ дѣлать; ни по русски, ни по французски не умѣетъ, да хоть бы и умѣлъ, такъ о чемъ съ нимъ говорить станешь? Вышелъ наконецъ Его Высочество, и на гостя очень изволилъ смотрѣть косо. Никитѣ Ивановичу говорилъ на ухо „chassez ce fou là, j'vous prie.“

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ гр. Бестужевъ, г. Салдернъ и Барль Федоровичъ Крузъ. Его Превосходительство разговаривалъ за столомъ между прочимъ со мною о происхожденіи нѣкоторыхъ словъ въ языкѣ нашемъ; такожъ разсужденія были о банкахъ: амстердамскомъ, лондонскомъ и венеціанскомъ; о обращеніи здѣсь капиталовъ и о процентахъ. Послѣ стола изволилъ

Его Высочество провинціи изъ французской карты ставить вмѣсто декораций. Потомъ изволилъ сѣсть учиться; у меня изрядно учился. Ввечеру изволилъ ходить къ Государынѣ-родительницѣ. Ея Величество въ ломберъ играть изволила, а Его Высочество изволилъ тутъ стоять и разговаривать. Возвратася къ себѣ, сѣлъ Государь Цесаревичъ кушать. Послѣ ужины скоро опочивать легъ; былъ десятой часъ въ половинѣ.

11. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись изволилъ читать съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе: потомъ изволилъ пойтти въ церковь, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Отъ обѣдни проводя Государыню-родительницу до внутреннихъ покоевъ, изволилъ возвратиться къ себѣ. Забавлялся маленькими кегельками, кои Его Высочеству подарила графиня Анна Карловна Воронцова.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, г. Салдернъ и Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ.

Послѣ обѣда, Его Высочество въ бильярдъ играть изволилъ. Ввечеру былъ на куртагѣ. Ея Величество, какъ обыкновенно, съ министрами въ шпекетъ играть изволила. Его Высочество изволилъ тутъ стоя разговаривать. Куртагъ кончился въ исходѣ осьмага часу. Откушавши, легъ Государь Цесаревичъ опочивать; былъ десятой часъ въ половинѣ.

12. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седмага часу. По утру стригли Его Высочеству волосы. Государь Цесаревичъ изволилъ вспомнить, что когда въ старину его стригли, то (няни) волосы подбирали и прятали. Тотчасъ послѣ сего такъ случилось, что пріѣхали къ Его Высочеству бывшая мама его Татьяна Аеанасьевна и няня Матрена Константиновна Скороходовы, кои,

побывши съ полчаса времени и поздравя Его Высочество съ приближающимся праздникомъ его рожденія, уѣхали. Одѣвшись, изволилъ пріуготовляться къ экзамену въ Теологіи.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только гр. Александръ Сергѣевичъ Стругановъ. Разсужденіе у насъ было о переводахъ, также и о стихотворствѣ. Еще разговорились о сочиненіяхъ госп. Луккина. Заставилъ меня Его Превосходительство Никита Ивановичъ читать предисловіе его къ „Моту“. Читалъ я, и очень много смѣялись. Послѣ стола, изволилъ Его Высочество катать шары по бильярду съ кн. Куракинымъ; и проигралъ ему слишкомъ два рубля. Онне проигравъ, изволилъ перестать, сказавъ: теперь только (полно); боюсь, чтобы не проигратца. Сегодня послѣ обѣда Его Высочество не учился, для того что положено быть экзамену въ комнатахъ у Ея Величества. Часу въ шестомъ пріѣхалъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ, и потомъ пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Пока не пришелъ Его Превосходительство, то Государь Цесаревичъ изъ угла въ уголъ попрыгиваячи, изволилъ говорить: ah! que l'attente me fait souffrir: ой трушу, трушу! Пошли мы наконецъ къ Ея Величеству. Начался тамъ экзамень: изъ парадной опочивальни отворили двери въ ту комнату, гдѣ Ея Величество обыкновенно въ ломберъ играть изволила. Подошли всѣ, кто тутъ были, къ дверямъ, а иные вошли и въ опочивальню. Его Высочество изволилъ стоять; подлѣ него стоять же изволила Государыня-родительница; по другую сторону, уступя нѣсколько назадъ, стоялъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, а передъ Великимъ Княземъ стоялъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ и предлагалъ вопросы. Его Высочество весьма хорошо и смѣло изволилъ отвѣтствовать. Ея Величество съ крайнимъ вниманіемъ изволила слушать. Экзамень продолжался три четверти часа. По окончаніи онаго, Его

Преподобіе Отецъ Платонъ сказавъ маленькую рѣчь Ея Величеству. Государыня изволила благодарить его за ученіе, а про Великаго Князя сказать изволила: j'ai cru, qu'il serait décontenancé, mais point du tout; il a très bien répondu. Его Превосходительство Никита Ивановичъ поднесъ тутъ Государынѣ отвѣты, писанные рукою Его Высочества, на богословскіе вопросы Отца Платона. Въ сихъ вопросахъ, между прочимъ, одинъ есть, чтобы доказать примѣромъ, какъ страсти наши противъ разума воюютъ. Его Высочество изволилъ написать тутъ: на примѣръ, разумъ говоритъ: не вѣди гулять, дурна погода; а страсти говорятъ: нѣтъ, ничево что дурна погода; поѣзжай, утѣшь насъ! Его Высочество не изъ чужихъ страстей примѣръ себѣ выбрать изволилъ! При экзаменѣ были гр. Михаилъ Ларионовичъ Воронцовъ, графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, и множество придворныхъ. Во время экзамену, старикъ Александръ Борисовичъ, подошедъ ко мнѣ, говорилъ: «Слава Богу, что отъ такихъ глѣзъ Его Высочество духомъ страха Воиѣ наполняется. Сожалѣтельно, что покойная Императрица Елисавета Петровна не дождала до того удовольствія, чтобы въ такомъ состояніи его видѣть». Послѣ экзамену, Ея Величество долго изволила разговаривать съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ о раскольникахъ, о разныхъ ихъ ересяхъ, и о способахъ къ ихъ обращенію. Удивился я тутъ между прочимъ услышавъ, что Ея Величество книгу «Увѣтъ духовной» читать изволила. Въ девятомъ часу возвратился Его Высочество къ себѣ. Поздравляли мы всѣ его, что онъ столь отлично себя въ своемъ знаніи показать изволилъ. Принявъ поздравленія, изволилъ онъ поваливаться на канapé и потягаться, говоря: уфъ, какъ гора теперь свалила! Какъ же я усталъ! Теперь бы въ постелю. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ долго съ Его Преподобіемъ

Отцемъ Платономъ о Грѣсахъ подъ турецкимъ игомъ, и о другихъ сего роду матеріяхъ. Потомъ изволилъ Его Превосходительство пойтить къ себѣ, и Его Преподобіе поѣхалъ. Сѣли мы ужинать. За столомъ разговаривали объ экзаменѣ, и Его Высочество изволилъ представлять себѣ, какъ по простствіи нынѣшней зими въ прочихъ наукахъ экзамены ему будутъ, съ какими церемоніями. Послѣ ужина скоро изволилъ лечь опочивать, былъ десятой часъ въ исходѣ.

13. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Потомъ въ бильярдной комнатѣ изволилъ забавляться. Г. Лукинъ поднесъ Государю Цесаревичу вторую часть своихъ сочиненій. Я обѣдалъ сегодня у графа Ивана Григорьевича Чернышова. Какъ пріѣхалъ послѣ обѣда къ Его Высочеству, то изволилъ онъ мнѣ сказывать, что обѣдалъ у него принцъ Карлъ курляндской, графъ Минихъ и Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, а за десертомъ уже пришолъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ; что разговаривали по большей части, какъ въ старинныхъ русскихъ домахъ самъ и сама распоряжаютъ, и холопей велѣть драть батожьемъ; что послѣ обѣда Его Превосходительство Никита Ивановичъ скоро ушолъ къ себѣ, а Его Высочество позабавясь, сѣлъ учиться. Потомъ изволилъ требовать Государь Цесаревичъ, чтобы я ему рассказалъ подробно, ктѣ у графа Ивана Григорьевича обѣдали, ктѣ подлѣ кого сидѣлъ, какъ меня приняли, что разговаривали. Рассказывалъ я Его Высочеству о томъ. Вскорѣ пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли къ Государынѣ. Ея Величество въ ломберъ играть изволила съ генераломъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицыннымъ и съ Николаемъ Ивановичемъ Зеновьевымъ. Его Высочество, подлѣ стола стоя, изволилъ разговаривать по большей части съ камеръ-юнкеръ-

ромъ кн. Бѣлосельскимъ. Возвратясь къ себѣ, скоро Государь Цесаревичъ сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятиаго часу.

14. Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста. Его Высочество всталъ изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ дожидаться Его Превосходительства Никиты Ивановича, чтобъ итти въ церковь. Но Его Превосходительство пришелъ уже поздно, и къ обѣднѣ итти отложилъ. Забавлялся Государь Цесаревичъ въ билиардной комнатѣ. Были тутъ два чижичка: одинъ на дѣшечѣ прикованъ къ столбику, около сдѣланъ обручъ, а внизу вода, которую самъ онъ таскалъ маленькимъ ведеркомъ. Семя чижичекъ самъ же принужденъ былъ доставать изъ покритова ящичка, которой, какъ скоро отворится, то завенять вверху колокольчикъ. Сія машинка сдѣлана истопникомъ Андреемъ, которому отъ Его Высочества дано за нее двадцать рублей. Государь Цесаревичъ все сіе чижичково жилище изволилъ представлять себѣ пустынею, а чижичка пустыннымъ, и называлъ его: Дмитрій Ивановичъ. Другой чижичекъ леталъ въ комнатѣ по волѣ. Того представлялъ себѣ Великою Князю слугою перваго, и называлъ его Ванькой. Потомъ изволилъ Его Высочество считать, сколько еще часовъ до перѣзду въ зимней дворецъ осталось. Перѣхать туды чрезвычайно хотѣлось, для того что Его Высочество зимней каменной дворецъ весьма изволилъ жаловать.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григоревичъ Чернышовъ, графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ, г. Салдернъ, и перемоніймейстеръ Кашталинской. Гр. Иванъ Григорьячъ скоро ушелъ на ту половину, приготовить новосдѣланную водолазную машину, для показанія Ея Величеству. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ по большой части, на какомъ основаніи въ чужихъ краяхъ заведены театры, и какъ завести здѣсь

особой вольной театръ, для оперы комической. Его Высочество изволилъ говорить, что онъ отъ себя тысячи полторы на тобъ пожаловалъ.

Послѣ обѣда, изволилъ Его Высочество забавляться въ билиардной. Потомъ въ желтой комнатѣ со мною сѣди, разговаривалъ о своихъ тайностяхъ. Часу въ седьмомъ поѣхали мы въ нѣмецкую комедію. Комедія была «Тартюфъ», а вмѣсто маленькой пьесы представленіе тѣню «Schattenspiel». Сіе послѣнее представленіе Его Высочеству очень понравилось. Вдучи изъ комедіи, разговаривали мы въ каретѣ между прочимъ о началѣ здѣсь театральныхъ зрѣлищъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсказывать мнѣ изволилъ, что прежде всего началася здѣсь итальянская комедія, а потомъ оперы. Въ правленіе Государыни Императрицы Анны Иоанновны. Потомъ выписаны первые французскіе комедіянты, какъ Государыня Елисаветъ Петровна на престолъ вступила. Первой изъ нихъ былъ Сериньи. Приѣхавши, изволилъ Его Высочество скоро сѣсть кушать. Его Превосходительство Никита Ивановичъ во все время ужина простоялъ у стола подлѣ Великога Князя. Изволилъ разговаривать о пьесѣ сочиненія госпожи Графиньи, называемой «Сѣние», которая завтра на придворномъ театрѣ будетъ представлена. Оную пьесу весьма хвалилъ Никита Ивановичъ. Потомъ разговорились о характерѣ Корнилья Богданчича Бороздина, и о немъ поговорили. Его Превосходительство тутъ о снѣгѣ его разсказывать изволилъ, какъ было оно съ г. Боченинымъ вступающа въ дѣла государственныя, чтобъ сдѣлать реформу. Еще сказывалъ мнѣ Его Превосходительство, что онъ собралъ нигдѣ отовсюду рапорты, гдѣ какіе молодички содержатся, и по какимъ дѣламъ, въ разныя правленія разосланные. Изволилъ говорить, что превеликая у него теперъ о томъ книга; что вчерась читалъ ее, и съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за тѣя вина влутьями сѣчены и въ смыслѣ

посланы были, за кои бы выговоромъ только строгимъ наказанъ было достойно; что потому можно въ некоторымъ образомъ разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ и проч. Послѣ ужины просилъ Его Высочество Никиту Ивановича о произведеніи въ камеръ-лакеи брата кормилицы его, лакея Якина Чеканаева и еще лакея Померанцова, также о произведеніи изъ истопниковъ въ лакеи Ѳедора Иванова. Пошпываявши надъ сими прошеніями, дозволилъ Его Превосходительство, чтобъ завтра сказалъ о томъ Его Высочество гофмаршалу. Чрезвычайно радъ тому былъ Государь Цесаревичъ. Ушелъ Никита Ивановичъ, и Его Высочество нарочно камердинера своего послать изволилъ, чтобы онимъ лакеямъ и истопнику объявить сегодняжъ о ихъ произвожденіи; а самъ Государь Великой Князь съ радости прыгалъ. Опочивать изволилъ лечь въ псходѣ одиннадцатаго часу.

15. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. За чаемъ изволилъ со мною разговаривать, какими достопамятными днями для насъ обонихъ мѣсяцъ сентябрь наполненъ. За убраньемъ волосовъ и за одѣваньемъ, изволилъ разговаривать обо всѣхъ своихъ офиціантахъ и лакеяхъ, кто каковъ. Между прочимъ о Малороссіянахъ сказать изволилъ: Малороссіянамъ теперь по нашей комнатѣ таково, каково было реформатамъ при Людвигѣ XIV, *faisant allusion comme si Monsieur de Panine ne les avançoit par volontiers, et surtout par rapport à un des valets de chambre de Monseigneur, qui vient de l'Ukraine.* Часу въ двѣнадцатомъ поѣхали изъ лѣтняго дворца въ зимней церемониально. Съ вѣрности и адмиралтейства палили изъ пушекъ. Его Высочество изволилъ сѣсть въ карету съ Государынею, противъ Ея Величества. Въ зимнемъ дворцѣ, проводя Государыню-родительницу во внутренніе покои, изволилъ Великой Князь возвратиться къ себѣ. Жа-

ловался, что голова болить, и что онъ совсѣмъ не очень здоровъ; и признаваться изволилъ, что по утру за тѣмъ только не сказалъ о томъ, чтобы въ лѣтнемъ дворцѣ не оставили. Раздѣлся Его Высочество, изволилъ остаться въ шlafрокѣ въ своей опочивальнѣ. Тутъ и кушалъ одинъ за маленькимъ столикомъ. Передъ обѣдомъ, отведши меня, изволилъ мнѣ говорить, что онъ теперь въ чрезвычайной радости, по той причинѣ, что какъ поѣхали изъ лѣтняго дворца, и онъ сѣлъ въ карету противъ Ея Величества, то взоры его съ милыми ему взорами нѣсколько разъ весьма согласно встрѣтились, между тѣмъ какъ карета стояла въ подвѣздѣ, пока напередѣ кавалеры усаживались.

Послѣ обѣда изволилъ Государь Цесаревичъ распорядить свою маленькую библиотеку. Его Превосходительство Никита Ивановичъ неоднократно приходилъ къ нему освѣдомляться о его здоровьѣ. Ввечеру изволилъ Его Высочество разбирать эстампы въ лексиконѣ энциклопедическомъ, и рисовать карандашемъ чепраки и знамена. На придворномъ театрѣ комедія была французская „Cénie“; балетъ „la coquette ripie“; маленькая пѣса „l'érouq rag surcherchie“. Ея Величество изъ комедіи на весьма краткое время къ Его Высочеству приходилъ изволила, и его о здоровьѣ спрашивала. Государь Цесаревичъ сѣлъ потомъ въ опочивальнѣ кушать. Кушалъ только супъ и печеные яблоки. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

16. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣваться не изволилъ. Кушалъ въ опочивальнѣ одинъ. Долго не ставили на столъ кушанья, для того что Его Высочество принималъ лекарство; что весьма намъ было неприятно. Гнѣвался Его Высочество за то на г. Фузадѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, услыша о томъ, журилъ Великаго Князя, говоря, что все то дѣлается для егожъ здоровья и пользы.

Послѣ обѣда смотрѣлъ Государь Цесаревичъ эстампы въ лексиконѣ энциклопедическомъ. Разсматривая тамъ между прочимъ фейерверочныя машины, просилъ Его Превосходительство Никиту Ивановича, чтобъ приказалъ ему надѣлать небольшихъ фейерверочныхъ штукъ. Приказалъ Никита Ивановичъ слезать о томъ артиллерійскому полковнику Мелисину. Часу въ шестомъ привезъ Его Сіятельство графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ Его Высочеству большую французскую собаку, которой имя „Султанъ“. Долго забавлялся съ нею Государь Цесаревичъ. Карлику своему Савелью Даниловичу приказалъ на нее съѣсть и по комнатѣ ѣздить. Его Превосходительство Никита Ивановичъ поддерживалъ Савелья Даниловича. Въ девятомъ часу кушалъ Его Высочество въ опочивальнѣ. Опочивать легъ въ исходѣ десятаго часу. На придворномъ театрѣ была сегодня комедія французская г. Детуша «le Horigeux»; маленькая пѣса «les moeurs»; балетъ Толатовъ. Ея Величество бытъ изволила.

17. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣлся въ фракъ, и принималъ лекарство. До обѣда изволилъ упражняться разсталивающимъ своей библиотеки. Я не былъ сегодня дежурной; однако Государь Цесаревичъ просилъ меня, чтобъ, поѣвши нѣсколько за большимъ столомъ, пришелъ я къ нему, и поговорилъ съ нимъ о чемъ нибудь, или бы что прочиталъ ему. Его Высочество отгушалъ у себя въ опочивальнѣ одинъ.

Попли мы за Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ за большой столъ обѣдать. Съ Великимъ Княземъ остался дежурной кавалеръ, мой товарищъ. Изъ-за стола хотѣлъ было нитить къ Государю Цесаревичу, дабы оной дежурной могъ отойдти обѣдать, но вмѣсто меня кавалеръ, которой былъ подежурной, захотѣлъ самъ нитить къ Его Высочеству, такъ какъ ему и слѣдовало. Не противорѣчилъ я въ томъ

ни мало, не хотя изъ такой бездѣлицы сдѣлать другому огорченіе. Такъ и сдѣлалось: пошелъ онъ дежурнова смѣнить, а тотъ на его мѣсто пришелъ обѣдать. Какъ обѣдъ нашъ совсѣмъ кончился, пришли мы всѣ за Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ къ Его Высочеству въ опочивальню. Лишь вошелъ я, то примѣтилъ, что Его Высочество весьма раздраженъ и на вышеупомянутаго подежурнова кавалера смотрѣлъ очень косо. Подошедъ, спрашивалъ я Государя Цесаревича: что онъ такъ гнѣвенъ? изволилъ отвѣчать мнѣ, указывая на онаго кавалера: Вотъ дуракъ-ать на меня сердитца, что я тебя люблю. Я смѣючися говорилъ Его Высочеству, чтобъ онъ успокоился, что всякой изъ моихъ товарищей конечно столько резонабеленъ, что сердитца на него не будетъ, какъ бы онъ меня ни жаловалъ; а тогда, конечно, каждой изъ насъ будетъ на него сердитца, когда онъ что худое сдѣлаетъ. Со всѣмъ тѣмъ на послѣдокъ до того дошло, что Его Высочество жаловался Никитѣ Ивановичу на подежурнова онаго кавалера, что онъ на него сердитца. Кавалеръ подежурной къ не малому моему удивленію, совсѣмъ изъ себя высгупа, говорилъ Его Превосходительству, что какъ скоро пришелъ онъ изъ-за стола къ Великому Князю смѣнить другога, то Его Высочество, осердася, сказалъ ему: за чѣмъ тебя чортъ принесъ, для чево не пришелъ ко мнѣ Порошинъ? Еще въ жару своемъ продолжалъ оной кавалеръ, что Его Высочество, по большой части, наводитъ всегда разговаривать со мною, что гнѣвается когда другой пойдетъ тутъ, что изволилъ говорить, (хотя я этого и никогда не слыхалъ), что они всѣ меня ненавидятъ за то; что изволилъ браниться и говорить, что какъ бы они меня ни не навидѣли, онъ еще больше любить меня будетъ на зло имъ, что и самъ-де Никита Ивановичъ приказываетъ ему давать мнѣ наставленія, а мнѣ его слушаться и проч. Всѣ сии слова страннѣ

мнѣ казались, что я прежде о томъ ни чего не слыживалъ и никогда въ голову мнѣ не приходило, чтобы любовь Его Высочества и милость ко мнѣ могли служить въ чьему-нибудь ущербу; а тѣмъ меньше еще мыслилъ я о комъ-нибудь Государю Цесаревичу невыгодна внушения дѣлать, или бы жаловаться на тѣхъ кто меня не любятъ, мнѣ всегда отъ такихъ шпильничествъ отвращеніе, и почитая ихъ гораздо себя ниже, и нѣскихъ записокъ можно нѣкоторымъ образомъ видѣть, въ чемъ состоятъ мои съ Его Высочествомъ разговоры. Не могу сказать по чести, что и самия Его Высочества слабости всегда стараюсь исправить или оборотить къ доброму, какими путями, конкъ и самъ онъ иногда не усмотритъ; а таковой образъ исправленія, не думаю, чтобы человекъ какой съ смысломъ, худымъ назвалъ. Для того слушая оное ворчанье, я лишь только смѣялся; а ворчанье тѣмъ больше восплалялось. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кричалъ на Великаго Князя, для чего онъ такъ неучтиво съ кавалеромъ своимъ обходится, что сдѣлать и надлежало неотвѣтно. Еще Его Превосходительство изволилъ говорить Государю Цесаревичу, что ежели онъ такъ поступаетъ, то Его Превосходительство запрещаетъ, чтобы съ нимъ одинъ на одинъ никто не оставался, что очень дурно Его Высочеству такъ изъясняться, а что и того дурнае ежели оныя его рѣчи происходятъ отъ какихъ внушеній. Весьма много усматриваю я въ Его Превосходительствѣ прозорливости, чтобы подумать, чтобы онъ упомянулъ о внушеніяхъ и разумѣлъ обо мнѣ подъ тѣмъ. Такой несправедливости отнюдь я отъ него не надѣюсь, и внутреннее мое увѣреніе о добротѣ моего сердца и о благородствѣ моихъ мыслей не требуетъ наималѣйшаго монъ въ семь дѣлъ сомнѣнія. Его Высочество самъ засвидѣтельствовать можетъ, что ему отъ меня ни о комъ худова не сказано, и никакою отъ меня жалобой ни на кого не объяв-

лено. Да что о семъ много распространяться: правда не можетъ быть навсегда закрыта, и совѣсть моя возбуждаетъ мнѣ безпокойствія. Государь Великій Князь долго изволилъ ходить задумавшись, и ко мнѣ подходилъ неоднократно. Потомъ изволилъ разбираться съ корабля его принесенные сигнальные флаги. Ввечеру съли мы играть въ берланъ въ будуарѣ. Играли Его Высочество, Тимофей Ивановичъ Остервальдъ, кн. Барятинской, г. Саженъ, кн. Куракинъ и я. Послѣ игры, съли мы въ опочивальнѣхъ за столъ, и я читалъ Его Высочеству въ книгѣ «*abregé chronologique de l'histoire du Nord par Lacombe*», исторію россійскую. Гдѣ сомнительно казалось, изволилъ меня спрашивать, такъ ли гласить по нашимъ гѣтонисцамъ. Изъяснялъ я о томъ, сколько зналъ, Государю Цесаревичу. Передъ ужиною смотрѣли, какіе кафтаны надѣвать Его Высочеству въ слѣдующіе праздники. Приходили къ Государю Великому Князю гр. Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ и гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Смотрѣли нововышедшую книгу «*Histoire des Rois-Philosophes Marc-Aurèle, Julien, Stanislas et Frédéric*». Покушавши слегка изволилъ Его Высочество лечь опочивать; была десятая часть въ исходѣ.

18. Воскресенье. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Изволилъ ходить въ церковь. Отъ обѣда возвратясь, точилъ Его Высочество. Мюріель сегодня станки оставилъ. Потомъ съли мы за столъ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Его Сіятельство графъ Петръ Григорьевичъ Чернышовъ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество точить. Потомъ читалъ книгу о коронаціи Императрицы Елисаветъ Петровны. Ввечеру играли мы въ будуарѣ въ берланъ: Его Высочество, г. Остервальдъ, кн. Барятинской, кн. Куракинъ и я.

Послѣ берлану, изволилъ Его Высочество въ желтой комнатѣ поцумгивать. Потомъ читалъ я опять вчерашнюю исторію. Къ Государынѣ Его Высочество ходить сегодня не изволилъ, и куртагу не было. Кушать съѣлъ Государь Цесаревичъ въ половинѣ девятаго часу. За ужиной разговаривали мы по большой части о комическихъ операхъ, и вообще о зрѣлищахъ. Его Высочество опочивать изволилъ лечь въ половинѣ десятаго часу.

19. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ точить. Приходилъ къ Государю Цесаревичу гр. Григорій Григорьевичъ, и поговоря съ Его Высочествомъ, съѣлъ точить за другой станокъ. Сіе продолжалось часове до одиннадцати. Какъ ушелъ Его Сіательство, то Государь Цесаревичъ изволилъ съѣсть за свои учения. По окончаніи оныхъ, опять точить изволилъ. Поточивши, пошелъ въ парадные свои покои къ кораблю, и приказалъ оной при себѣ украшать флагами.

Сѣли мы потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только Александръ Петровичъ Сумароковъ и камеръ-юнкеръ Библиковъ. Отъ Александра Петровича много мы слышали замисловатыхъ шутокъ. Острота его и говорливость известны довольно; особливо два его сравненія понравились Государю Цесаревичу. За столомъ еще сидя, давалъ мнѣ знать о томъ Его Высочество пантомимами. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ, сколь вредительно назъ средины государства выводить жителей, селить ихъ по границѣ; а еще, что отечество наше пространно, а жителей мало. Александръ Петровичъ землю, которая по границамъ населена только, а въ срединѣ пуста, сравнивалъ съ прогомъ незначеннымъ; а такую землю, которая пространна, а малолюдна, сравнивалъ онъ съ большою табакеркою, въ которой табаку мало. Вотъ сравненія, кои веселили Государя Цесаревича. Его Высочеству хотѣлося раз-

сердить Александра Петровича; для того изволилъ онъ упоминать о сочиненіяхъ Лукина; однако Александръ Петровичъ отъ сердца удержался. Еще говорили о царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, и о ихъ правленіяхъ. Въ сихъ разговорахъ былъ и я довольно участникомъ.

Послѣ кушанья изволилъ Его Высочество переодѣться въ цвѣтное платье. Потомъ съѣлъ учиться; у меня хорошо изволилъ учиться. Послѣ сего разговоръ у насъ былъ съ Государемъ Великимъ Княземъ о постоянствѣ и о твердости въ мысляхъ. Казалось, что Его Высочество съ немалымъ вниманіемъ изволилъ меня слушать. Часу въ шестомъ многіе изъ кавалеровъ приходили поздравлять Его Высочество съ наступающимъ праздникомъ его рожденія. Гр. Григорій Григорьевичъ принесъ отъ Ея Величества къ Государю Великому Князю въ подарокъ часы, осмыланные брилліантами. Потомъ изволилъ самъ Его Высочество пойтить къ Государынѣ-родительницѣ. Ея Величество въ ломберъ играть изволила съ графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ и съ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. Его Высочество, постоявъ нѣсколько, изволилъ съѣсть играть въ берланъ за другимъ столомъ съ дежурными фрейлинами и нѣсколькими придворными кавалерами. Кавалеры были гр. Петръ Григорьевичъ Чернышовъ, Александръ Александровичъ Нарышкинъ, и камергеръ кн. Михайло Михайловичъ Голицынъ. Дежурныя фрейлины были Вѣра Николаевна Чоголова и графиня Наталья Кирилловна Разумовская. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество въ учительной своей комнатѣ приказать зажечь маленькое фейерверочное колесо, и тѣмъ забавлялся. Сѣли потомъ ужинать. За столомъ у насъ сидѣли и Его Превосходительство Никита Ивановичъ, также Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Его Превосходительство разговаривалъ по большей части съ Его Преподобіемъ о опредѣленіи во всѣхъ

мѣстахъ доходовъ отъ дѣлъ, ради успѣшнаго производства оныхъ. Послѣ стола началась всенощная. Служилъ Отецъ Платонъ. Его Высочество стоялъ весьма благочинно. И вообще справедливость ему отдать должно, что онъ обыкновенно службѣ Божіей съ благочиніемъ и усердіемъ внимать изволилъ. Да укрѣпить его Господь и впредь во благочестіи и въ православной вѣрѣ нашей непоколебимо! По окончаніи всенощной, приказалъ Государь Цесаревичъ отъ всѣхъ насъ поздравленія, и весьма былъ веселъ. Разошлись воѣ, и я раздѣвши положилъ Его Высочество въ постелю, было десять часовъ. Государь Великой Князь изволилъ проститься со мною съ особливою горячностію и ласкою, и тѣмъ какъ бы припечаталъ въ сердцѣ моемъ всѣ тѣ движенія моея горячности и ревности, кои ми оно во все теченіе перваго-надесять году возраста его и въ предшшія лѣта къ нему воспалялось (плакателью).

20. День рожденія Его Императорскаго Высочества: минуло одиннадцать лѣтъ. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Не успѣлъ я еще одѣться, какъ изволилъ войти ко мнѣ, и ухватя меня за руку, ходитъ по комнатѣ. Поздравлялъ я Государя Цесаревича со днемъ его рожденія, изъявляя желанія мои вразсужденіи его особы, сходственные съ желаніями всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества. Пошли мы потомъ пить чай. Разговаривали по большей части о церемоніяхъ и о увеселеніяхъ, въ какихъ сей день препровожденъ будетъ. Во время убиранья волосовъ, изволилъ Его Высочество читать нѣкоторые дни въ сихъ мѣнхъ запискахъ, съ крайнимъ услажденіемъ, и просилъ меня, чтобы я продолжалъ оныя, что тѣмъ слѣдамъ ему несвязанное удовольствіе. Часу въ девятомъ приходилъ къ Государю Цесаревичу Его Превосходительство Никита Ивановичъ, neodѣтой еще: поздравлялъ Его Высочество съ праздни-

комъ. Спросилъ меня тутъ Его Превосходительство, самъ-ли Государь Цесаревичъ умываться изволилъ? А какъ я сказалъ, что мы его умываемъ, что и сегодня умывалъ я, то Никита Ивановичъ говорилъ, чтобы Его Высочество впредь изволилъ умываться самъ, что теперь не дѣтя ужѣ. Его Высочество и доволенъ тѣмъ былъ. Одѣвшись, изволилъ онъ выйти въ золотую комнату. Его Превосходіе Отецъ Платонъ говорилъ тутъ Государю Цесаревичу краткое поздравленіе, и изобразилъ желанія наши и чаянія о успѣхахъ Его Высочества въ премудрости, весьма сильно и остроумно. Потомъ изволилъ Его Высочество пойтти во внутренніе покои къ Государынѣ, а оттуда за Ея Величествомъ въ церковь. По окончаніи литургіи, говорилъ Отецъ Платонъ проповѣдь на тему изъ Евангелія: положите убо на сердцахъ вашихъ, не прежде поучатися отвѣщевати: отъ Луки гл. 21, зач. 106. Вся проповѣдь сложена прекрасно. Но особливо въ концѣ оборотъ къ Ея Величеству и къ Государю Великому Князю тронулъ сердца всѣхъ весьма пріятно. Многіе глаза въ слезахъ были видны. Наконецъ Его Превосвященство Митрополитъ Новгородской Димитрій Сѣченовъ говорилъ Ея Величеству краткое поздравленіе. Изъ церкви изволила пройти Государыня Императрица во внутренніе свои покои. Его Высочество послѣдовалъ. Тамъ жалую къ рукѣ, изволила Ея Величество сказать между прочимъ: Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочеть; хочеть онъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ; хочеть, чтобы мы смѣялись, мы смѣемся. Отъ Государыни изволилъ Его Высочество возвратиться къ себѣ, и принимать въ своихъ покояхъ поздравленія отъ морскаго и сухопутнаго генералитета, отъ гвардейскихъ и артиллерійскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и отъ чужестранныхъ министровъ. Приходили такожь поздравлять къ Его Высочеству придворные священники со врестами, и протодіаконъ провозгласилъ

многочисленіе. Послѣ сихъ поздравленій, изволилъ Его Высочество долго смотрѣть въ окошко, какъ разныхъ полковъ барабанщики били и музыка играла. Покушалъ нѣсколько просфоры, которую принесли священники. Пришло въ наконецъ обер-маршалъ графъ Сиверсъ сказать, что для Государыни кушанье уже поставлено. Изволилъ Его Высочество пойтти въ покой къ Ея Величеству, и тамъ кушать съ Государынею-родительницею. Мы, проводя туда Государя Цесаревича, пошли во-свои, и у себя на половинѣ обѣдали.

За столомъ, другъ съ другомъ на ухо шепнувшись, (дабы избѣжать церемоній), выпили за здоровье Его Высочества по рюмкѣ шампанскаго. Часа въ три изволилъ Государь Цесаревичъ возвратиться въ себѣ. Очень былъ веселъ и попрыгивалъ. Пришло танцовщикъ Гранжѣ, съ коимъ онъ нѣсколько минутокъ танцовать изволилъ. Въ седьмомъ часу изволилъ пойтти Его Высочество во внутренніе покои къ Государынѣ, и оттуда въ скоромъ времени за Ея Величествомъ на балъ. Балъ изволилъ открыть Государь Великой Князь въ присутствіи Ея Величества съ обер-гофмейстерной графиней Анной Карловной Воронцовой. Потомъ изволилъ танцовать съ фрейлиной Анной Алексѣевной Хитровой, съ графиней Анной Петровной Шереметевой, съ Елисаветой Николаевной Чоглоковой, съ Вѣрой Николаевной Чоглоковой, съ графиней Прасковьей Александровной Брюшей и съ княгиней Дарьей Алексѣевной Голицыной. Его Высочество очень былъ веселъ. Государыня между тѣмъ въ боковой комнатѣ изволила играть въ цвѣтъ, и иногда входитъ въ галерею, гдѣ танцовали. Государь Великой Князь изволилъ представлять Ея Величеству двухъ морскихъ офицеровъ Плещеева и Карташова. Первой пріѣхалъ на фрегатѣ нашемъ изъ Ливорни, а другой изъ Америки. Ея Величество изволила съ ними много говорить. Часу въ девятомъ

балъ кончился. Государыня изволила ретироваться, а Его Высочество изволилъ пойтти за столъ. Столъ былъ большой въ томъ покоѣ, гдѣ стоятъ на часахъ кавалергарды. Сидѣли по билетамъ. Его Высочество имѣлъ третій номеръ, и досталось ему сидѣть съ графиней Анной Карловной Воронцовой. Ужинъ продолжался часовъ до десяти. Его Высочество не показывалъ однакожъ никакого нетерпѣнія, чѣмъ я весьма былъ доволенъ. Возвратясь въ свои покои, изволилъ Государь Цесаревичъ скоро раздѣться, и лечь опочивать. Былъ одиннадцатой часъ.

21. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. Одѣвшись, изволилъ точить. Ученія сегодня не было. Государь Великой Князь былъ въ малиновомъ платьѣ, вышитомъ золотомъ, какъ положено Академіи Художествъ почетнымъ любителямъ. Сегодня по полудни званъ былъ Его Высочество въ Академію Художествъ.

Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, Его Сіятельство графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, Михайло Михайловичъ Философовъ, г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Талзинъ. За столомъ особенное сдѣлалось приключеніе: Его Высочество попросилъ съ одного блюда себѣ кушать; Никита Ивановичъ отказалъ ему. Досадно то показалось Великому Князю: разсердился онъ, и положи ложку, отворотился отъ Никиты Ивановича. Его Превосходительство въ наказаніе за сію неучтивость и за сіе упрямство вывелъ Великаго Князя тотчасъ изъ за стола во внутренніе его покои, и приказалъ, чтобъ онъ остался тамъ съ дежурными кавалерами. Пожуря за то Его Высочество, пошелъ Никита Ивановичъ опять за столъ, и тамъ нѣсколько еще времени сидѣли. Государь Цесаревичъ между тѣмъ плакалъ и негодовалъ. Пришедъ изъ за стола, Его Превосходительство Никита Ивановичъ взялъ съ собою Великаго Князя одного въ другую (учительную)

комнату, и тамъ говорилъ ему съ четверть часа о непристойности его поступка, которую конечно никто не похвалитъ... Г. Салдернъ также не доволенъ былъ симъ Его Высочества поведеніемъ какъ и всѣ; сказалъ мнѣ про него съ сердцемъ: *c'est une tête de fer*. Когдабъ не такой былъ случай, и Его Высочество не столько виноватъ былъ, тобъ я присовѣтовалъ ему, чтобъ выраженіе смыскалъ онъ другое, нѣсколько помягче. Перешлакался наконецъ Его Высочество. Поѣхали въ Академію Художествъ. Встрѣтилъ тамъ Государя Цесаревича Иванъ Ивановичъ Бецкой со всѣми своимъ собраніемъ. Все весьма было чинно и церемониально. Извѣстно, что Иванъ Ивановичъ располагать церемоніи и (глазамъ) дѣлать увеселенія весьма искусенъ. Пришедъ въ покой, сѣли тамъ за богато-убранной столъ. Конференцъ-секретарь Салтыковъ читалъ вслухъ письма отъ вице-канцлера князя Александра Михайловича Голицына, отъ графа Ивана Григорьевича Чернышова и отъ Адама Васильевича Олсуфьева, кои объявили желаніе свое быть принятыми въ число почетныхъ любителей. Еще читано письмо отъ Григорья Николаевича Теплова, которой желалъ быть принять въ почетные члены. По прочтеніи каждаго письма, Иванъ Ивановичъ качалъ головою по два раза, сперва на правую, потомъ на лѣвую сторону. Послѣ чего всѣ члены Академіи и академикъ привстаніемъ своимъ, какъ видно, знали согласіа своего показали. Тогда приказывалъ Иванъ Ивановичъ конференцъ-секретарю объявить о томъ, кто принять. Всѣ приняты, коихъ письма читали. Еще принять профессоромъ Анатоміи, кадетскаго корпуса докторъ Пекенъ. Послѣ сего началось балотированье. Подъ Ивановъ Ивановичемъ Бецкимъ въ Академіи книгъ директоръ Александръ Филиповичъ Какоринъ. По штату положено, чтобы всякіе четыре мѣсяца изъ профессоровъ выбирать въ директоры по балотированію. Балотировали Александра Филиповича, профессоровъ: Жилета (Скульптуры),

Ламота (Архитектуры) и Торелли (Живописи). Досталось по баламъ остаться по прежнему Александру Филиповичу. Симъ зазданіе кончилось. Пошли смотрѣть картинъ, писанныхъ съ натуръ, кои всѣ весьма порядочно были расположены. На шесть изъ нихъ, кои, какъ сказываютъ, прежде еще признаны за лутчія, конференцъ-секретарь приложилъ печать, для раздачи послѣ премій. Потомъ смотрѣли чертежи нововыѣзжаго изъ чужихъ краевъ нашего архитектора г. Баженова, кои подлинно хорошо расположены и отъ всѣхъ присутствовавшихъ во многомъ числѣ дамъ и кавалеровъ общую похвалу получили. Отсюда пошла опять въ конференцъ-залу, подписывать въ книгѣ опредѣленія о приѣмѣ вышеупомянутыхъ особъ въ Академію. Его Высочество имя свое въ пяти мѣстахъ поставить (подписать) изволилъ. Между тѣмъ, какъ другіе подписывали, изволилъ Его Высочество подойти ко мнѣ; я смотрѣлъ картину (статуу) его въ бюсть, сдѣланную господиномъ Жилетомъ, которая стояла въ углу въ оной залѣ. Хвалилъ я оную статуу. Государь Цесаревичъ, смѣючися, изволилъ мнѣ сказать: вотъ уже, есть что хвалить; какой фурсикъ сдѣланъ. Изъ залы пошли въ ту комнату, гдѣ были разные эстампы и скульпторныя штуки. Оттуда ходили смотрѣть жилищъ ученическихъ и лазарету. Въ лазаретѣ больная была одинъ только Ерменевъ, съ конемъ Его Высочество (долго и) очень милостиво изволилъ разговаривать. Вездѣ было чисто и хорошо прибрано. Пришло между тѣмъ время ужинѣ. Накрыли столъ, поставили кушанье, и въ присутствіи Его Высочества ударили въ колоколъ для позыву учениковъ къ ужинѣ. Изволилъ Его Высочество ходить около стола, и смотрѣть, какъ они ужинали. У многихъ мальчиговъ физиономіи весьма острыя. Сидѣли они за столомъ весьма хорошо, и коихъ о чемъ спрашивали, тѣ отвѣтствовали вѣжливо и свободно. Государь Цесаревичъ столъ прилежно на ихъ кушанье смотрѣть

XV*

извоили, что самому кушать захотѣлось. Послѣ ужины, одинъ изъ учителей ударилъ по столу, и всѣ встали. Одинъ ученикъ прочелъ вслухъ молитву, а потомъ всѣ пѣли: „Царю Небесный! помилуй насъ, Господи. помилуй насъ“, и еще молитвы двѣ; симъ все окончилось. Его Высочество извоили возвратиться во дворець. Какъ скоро прѣехали, то извоили онъ пойтти къ Ея Величеству для поздравленія съ завтрашнимъ праздникомъ. Извоили Государыня спрашивать у Его Высочества, что въ Академіи происходило. Побывъ тамъ нѣсколько времени, возвратился Государь Цесарекъ себѣ, и сѣлъ кушать. Сидѣлъ у насъ за столомъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, (также) Его Преподобіе Отецъ Платонъ. Его Превосходительство разговаривалъ по большей части съ Отцомъ Платономъ о разности—вымышлять дѣла, и производить ихъ самою вещію. О славномъ Монтекии говорилъ Его Превосходительство, что онъ великой былъ законовѣдецъ, а самъ судья весьма посредственной. Послѣ ужины началась всенощная. Его Высочество слушать извоили весьма благочестиво. Его Превосходительство Никита Ивановичъ былъ тутъ же. По окончаніи службы, извоили Государь Великой Князь скоро раздѣться и лечь опочивать, былъ десятой часъ въ исходѣ.

22. День коронаванія Ея Величества. Его Высочество встать извоили въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, извоили пойтти къ Государыни-родительницѣ съ поздравленіемъ. Оттуда послѣдовалъ за Ея Величествомъ въ церковь. По окончаніи обѣдни, говорилъ Архимандритъ Новоспасской проповѣдь, а потомъ Митрополитъ Новгородской Димитрій Сѣменовъ Ея Величеству краткое поздравленіе. Отъ обѣдни провода Ея Императорское Величество во внутренніе покои, извоили Государь Цесаревичъ пойтти къ себѣ, и нѣсколько позавтракать.

Кушать сегодня извоили на тронѣ съ

Ея Величествомъ въ одномъ изъ аванзаловъ, кон на Неву. За столомъ у Его Высочества стоялъ и раскладывалъ ему Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Форшнейдеромъ былъ и противъ Ея Величества стоялъ камергеръ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Кушанье ставилъ во все время гофмаршалъ кн. Николай Михайловичъ Голицынъ: до трону носили оное Кавалергарды. Отъ трону стояли столы фигурные, за конями, такъ какъ и за накрытыми въ другихъ аванзалахъ столами, оставлены были первыя четырехъ классовъ особы, также штатсдамы и фрейлины. На верху, въ мезонинахъ была итальянская инструментальная и вокальная музыка. Передъ обѣденнымъ кушаньемъ пожалованы по указу Ея Величества орденами Св. Анны гофмаршалъ кн. Николай Михайловичъ Голицынъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, смоленской губернаторъ кн. Михайло Семеновичъ Козловскій и тобольской губернаторъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, къ воему орденъ въ Тобольскъ послать указано. Голштинской генераль-маіоръ Польшманъ пожалованъ камергеромъ, и Николая Ивановича Зеновѣва меньшей сынъ Андрей изъ напольныхъ полковъ переведенъ въ гвардію. Болѣе никакихъ произвожденій сегодня не было.

Послѣ стола, проводя Ея Величество до внутреннихъ покоевъ, извоили Его Высочество возвратиться къ себѣ. На дорогѣ была хорошая встрѣча. Позабавясь нѣсколько, извоили танцовать съ танцовщикомъ Гранжѣ. Часу въ седьмомъ извоили пойтти въ галерею, и тамъ открытъ балъ съ обергофмейстеринной (графиней) Анной Карловной Воронцовой. Вскорѣ извоили прибыть на балъ и Ея Императорское Величество. Поговоривъ нѣсколько времени съ министрами, извоили пойтти въ боковую комнату, и тамъ играть въ пикетъ. Между игры и въ галерею входитъ извоили, смотрѣть какъ танцуютъ. Его Высочество съ разными фрейлинами и дру-

гими тамамитанцовать изволилъ, а именно: съ гр. Анной Алексѣевной Матюшкиной, съ гр. Анной Петровной Шереметевой, съ Елисаветой Николаевной Чоголовой, съ Вѣрой Николаевной Чоголовой, съ Анной Алексѣевной Хитровой, съ гр. Елисаветой Кирпловой Разумовской, съ гр. Прасковьей Александровной Брюшей, (съ Засшей), съ Анной Родионовной Вейделевой, и между тѣмъ также входитъ и въ ту комнату, гдѣ Ея Величество въ карты играть изволила. Въ девять часовъ Государыня и Его Высочество ретироваться изволила, и балъ кончился. Государь Цесаревичъ, пришедъ къ себѣ, скоро сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ началѣ одинадцатаго часу.

23. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, изволилъ ходить въ парадныя свои покои къ кораблю, и наконецъ устанавливать по мачтамъ и по райнамъ фейерверочныя колесца и хлопущи.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ и надворной совѣтникъ Набоковъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у брата своего Петра Ивановича.

Послѣ обѣда, Его Высочество, позабавясь, изволилъ сѣсть за свои ученія. Приѣхалъ потомъ и Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Пошли въ комедию. На придворномъ театрѣ была сегодня комедія французская: „la métromanie“; балетъ новой госп. Гравижѣ, называемой: „le Faune jaloux“; маленькой пьесы за тѣмъ не было, что одинъ актеръ занемогъ. Отъ того и зрѣлище кончилось ранѣе обыкновеннаго. Ея Величество тутъ изволила присутствовать. Послѣ комедии изволилъ Его Высочество пойтить въ парадныя свои покои къ кораблю, и тамъ же въ при Никитѣ Ивановичѣ разставленныхъ сего утра фейерверочныхъ машинки. Государь Цесаревичъ несказанно тѣмъ былъ доволенъ. Сѣлъ

потомъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

24. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмага часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Въ продолженіи оныхъ, какъ пришла рѣчь о землѣ Амазонской, то изволилъ сказать Государь Цесаревичъ: какъ же могла бы стоять эта земля долго, естлибъ между Амазонками мужчинъ (совѣтъ) не было? Послѣ ученія, изволилъ Его Высочество точить. Потомъ размолился онъ съ княземъ Куракиннмъ и шпмствомъ своимъ довелъ до того, что Куракинъ заплакалъ. Государю Великому Князю пуще сіе смѣшно еще стало, и хохоталъ онъ изо всей мочи. Говорилъ я Его Высочеству, чтобы изволилъ перестать, и оставилъ бы Куракина въ покоѣ, чему онъ и послѣдовалъ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ Его Сіятельство графъ Иванъ Григорьевичъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ и князь Михайло Семеновичъ Козловской. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ о нововыѣзжихъ изъ Голландіи докторахъ русскихъ, и о Медицинѣ. Также изволилъ онъ сказывать о пяти студентахъ, коихъ недавно въ Англію отправилъ, на какомъ основаніи они отправлены. Графъ Иванъ Григорьевичъ рассуждалъ о прививаніи оспы, и о модахъ въ разныя времена на разныя лекарства.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество точить. Потомъ у меня учился, хорошо. Начинать было сперва не хотѣлъ, потому что сегодня положено ѣхать въ воспитательное при Академіи Художествъ училище; но уговорилъ я, и какъ изволилъ приняться, то пошло хорошо. Въ началѣ пятаго часу пришло Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и поѣхали въ воспитательное училище. Прежде изволилъ Его Высочество смотрѣть, какъ мальчики танцовали и рѣзались для рекреации; потомъ изволилъ ходить по комнатамъ, гдѣ живутъ они.

Наконецъ принесли столъ со штуками, кои положены мальчикамъ въ награжденіе за ихъ ученіе. Господинъ Кювильи, директоръ сего училища, читалъ кому въ бывшемъ у нихъ прежде собраніи положены награжденія. Шестъ человекъ получили преміи. Первому штукку изъ своихъ рукъ пожаловалъ Его Высочество; другой получилъ штукку изъ рукъ отъ графини Анны Александровны Чернышовой, и прочіе принимали ихъ отъ бывшихъ тутъ другихъ дамъ. Оныя преміи приняли (получили) слѣдующіе мальчики: 1) Максимъ Ушаковъ; 2) Павелъ Хитровъ; 3) Агей Яковлевъ; 4) Иванъ Михайловъ; 5) Семенъ Лавровъ; 6) Алексѣй Воиновъ; всѣ мальчики острѣе. Лавровъ говорилъ Его Высочеству маленькой комплементъ на французскомъ языкѣ. Отъ роду семи лѣтъ. Послѣ раздачи награжденій, походя нѣсколько времени еще по комнатамъ, изволилъ Его Высочество сойти внизъ, и смотрѣлъ, какъ мальчики ужинали. Во все время ужина изволялъ быть тутъ, и мальчиками весьма любовался; со многими изволялъ разговаривать и шекотилъ ихъ. Изъ всѣхъ робятъ понравился Государю Цесаревичу вышепомянутой Максиму Ушакову. Учился, говорить, изрядно; только показалось мнѣ, что онъ простоватъ. Во время ужина болѣе подлѣ него изволилъ стоять, съ нимъ болѣе всѣхъ ласковѣе и снисходительнѣе разговаривать; и оной мальчикъ безпрестанно глядѣлъ на Великаго Князя. Часовъ въ восемь изволилъ Его Высочество возвратиться во дворецъ. У себя долго объ ономъ мальчикѣ изволилъ разговаривать. Сѣли мы ужинать. Все объ училищѣ разговаривали. Между тѣмъ пришелъ разговоръ о третьеводнишномъ пожарѣ, которой случился у меня въ сосѣдствѣ. Сказалъ я, что во время онаго пожара четверо казенныхъ гвардіи офицеровъ напали на одного человека, которой шелъ по улицѣ въ малиновомъ платьѣ съ позументами. Оной выиалъ противъ нихъ шпагу, и офицеры принуждены были его

оставить. Его Высочество изволилъ между прочимъ на то сказать: человекъ тотъ въ малиновомъ кафтанѣ ужъ конечно былъ Нѣмецъ. Я отвѣчалъ, что точно не знаю, а что показалось мнѣ по голосу его, что Русской. Послѣ ужина, въ исходѣ десятаго часу, легъ Государь Цесаревичъ опочивать.

25. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. За часомъ были у насъ разные разговоры. Его Высочество не имѣлъ еще явственнаго понятія о разности между мужскимъ и женскимъ поломъ. Часто о томъ любопытствуетъ. Но любопытство его до нынѣ малые имѣло успѣхи; изволилъ и сего дня покушаться меня о томъ спрашивать, но я конечно не тотъ, которой бы предъ Государемъ Цесаревичемъ когда нибудь выболталъ то, чего не надобно; отвѣты мои состояли въ шуткахъ, кои отнюдь ничего не объясняли. Сказывалъ мнѣ Его Высочество, что онъ, читая на сихъ дняхъ древнюю Ролленеву Исторію, увидѣлъ тамъ описаніе женскихъ свойствъ, которое ему крайне понравилось. Изволилъ говорить: не даль-де я тогда тово знать, однако мѣсто очень примѣтилъ, и прочиталъ еще послѣ. «Hist. ancienne de M. Rollin». Tome II. page 330, édition de Halle, grand 8°. Объ одной фрейлинѣ признавался мнѣ Его Высочество, что онъ день ото дня еѣ болѣе любитъ. Не опровергалъ я совсѣмъ того, однако говорилъ (Государю) Цесаревичу, что не очень надобно въ оныя мысли устремляться, дабы онѣ не безпокойли и нужнымъ Его Высочества упражненіямъ не препятствовали. Посемъ, какъ вздумалось Государю Великому Князю увѣрить меня въ своей непремѣнной дружбѣ, то говорилъ я, что признаю оную и почитаю; что Его Высочество благодѣянными своими конечно не благодарное сердце привязывать къ себѣ изволилъ; что все мое усердіе, всѣ мои силы и всѣ способности посвящены отъ меня къ его пользѣ и услугамъ; но упоми-

наль я при томъ Государю Цесаревичу, что нѣтъ нужды, чтобы онъ о своей ко мнѣ дружбѣ столько въ публикѣ благо- вѣстить изволилъ; что я конечно столько зорекъ, что всю ея великость на дѣлѣ и въ поступкахъ Его Высочества враз- сужденіи меня усмотрѣть и признать въ состояніи. Намѣреніе мое при семъ по- слѣднемъ напоминаніи состояло въ томъ, дабы изымть роптанія завистливыхъ глазъ и злости низкихъ сердецъ и умовъ тем- ныхъ. О вчерашнемъ Его Высочества словѣ говорилъ я, по какой причинѣ изволилъ онъ молвить, что въ малино- вомъ кафтанѣ былъ Нѣмецъ? что ежели то было въ такомъ мнѣніи, будто бы русской человекъ не могъ имѣть столько мужества и предприимчивости, (то Его Высочество весьма изволилъ въ томъ ошибаться); что храбрость російскаго народа и многія изыщныя (его) дарова- нія, какъ по Исторіи извѣстны, такъ и на нашей памяти въ послѣднюю войну всему свѣту доказаны, в отъ самихъ не- пріятелей нашихъ признаны. „Сверхъ того, продолжалъ я, такіе Вашего Высочества отзвмы весьма Вамъ могутъ быть вредительны; можете расхолодить сердца, кои нынѣ всѣ единодушно горятъ къ Вамъ усердіемъ и вѣрностію“. Государь Цесаревичъ симъ очень былъ тронутъ и божился мнѣ, что вчерась ему подумалось, что въ малиновомъ кафтанѣ чело- вѣкъ началъ ссору, и что ему кажется, что всегда въ малиновыхъ кафтанѣхъ Нѣмцы по трактирамъ ходятъ и забѣ- чества начинаютъ. На сіе сказалъ я, что надо было бы Его Высочеству такъ вчерась и объясниться. За убираниемъ волосовъ и во время одѣванья, изволилъ Его Высочество располагать, какъ бы онъ въ военныхъ упражненіяхъ препро- вождалъ время, естли бь опять такой кампементъ случился, какой былъ сего году подъ Краснымъ селомъ. Также увеселялъ себя Государь Цесаревичъ приближеніемъ маскараду, и изволилъ считать, много-ли еще часовъ до него осталось. Еще изволилъ Его Высочество

читать сего утра уставъ Академіи Худо- жествъ, близъ получаса. Одѣвшись, из- волилъ Его Высочество читать съ Его Преподобіемъ Отцомъ Платономъ Свя- щенное Писаніе, и потомъ пойтить въ церковь. Отъ обѣдни проводя Ея Вели- чество до внутреннихъ покоевъ, и по- бывъ тамъ нѣсколько времени, изволилъ возвратиться къ себѣ.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣ- дали у насъ г. Салдернъ, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ и Александръ Федоровичъ Талъзинъ.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высоче- ство я ожидалъ съ нетерпѣливостію маскараду. Часу въ шестомъ начали съѣзжаться къ Государю Цесаревичу маленькіе, кои мѣ повѣщено быть съ нимъ въ маскарадѣ. Сталъ одѣвать ихъ. Для всѣхъ сдѣланы дѣмны розовыя, такія, какъ и у Его Высочества. Понеже изъ тѣхъ, кои прошлаго году съ Государемъ Великимъ Близемъ были, многіе разѣ- хались, такъ какъ графы Разумов- скіе уѣхали въ Страсбургъ, Олсуфь- евъ въ Стокгольмъ, то выбраны нынѣ вмѣсто ихъ другіе. Всѣхъ ихъ было чис- ломъ 14, нижеслѣдующіе: 1) гр. Шере- метевъ, 2) графъ Скавронской, 3) Головинъ, 4) графъ Матиш- кинъ, 5) Анраксинъ, 6) Нарыш- кинъ, 7) сынъ грузинскаго царевича Егора, 8) другой его-жь сынъ, 9) Биби- ковъ, 10) Илья Вадковской, 11) Федоръ Вадковской, 12) Тепловъ, 13) князь Бѣлосельской, 14) Не- плюевъ. Въ началѣ осьмага часу по- шли на маскарадъ. Его Высочество много танцовать изволилъ съ фрейлинами и другими масками. Нѣсколько потанцо- вавши, въ боковой комнатѣ изволилъ отдыхать, и потомъ опять ходить въ маскарадъ. Изволилъ быть и въ томъ залѣ, гдѣ мѣщанской маскарадъ, и танцо- вать тамъ. Въ началѣ десятаго часу возвратился Государь Цесаревичъ въ свои покои. Передъ маскарадомъ, въ маскарадѣ и во время отдохновенія из- волилъ по большей части ходить и очень

повѣренно говорить съ молодымъ графомъ Шереметевымъ. Со всѣмъ тѣмъ послѣ маскараду изволилъ говорить Его Высочество, что ему въ маскарадѣ не очень было весело, что чего-то къ его удовольствію и увеселенію не доставало. А что оно что-то, о томъ мнѣ сказано отъ Государя Великаго Князя послѣ. Кушалъ Его Высочество въ опочивальнѣ одинъ за маленькимъ столикомъ. Опочивать легъ въ началѣ одиннадцатаго часу.

26. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ точить. Пришелъ съ половиною отъ Ея Величества Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Великой Князь просилъ его, чтобы дозволилъ ему учиться танцевать контрадансы. Его Превосходительство отвѣчалъ, что надобно прежде умѣть тѣ па дѣлать, кои въ контрадансахъ употребляются. Его Высочество изволилъ сказать на то, что онъ ихъ нѣсколько уже знаетъ. Никита Ивановичъ говорилъ ему, чтобы онъ передъ нимъ ихъ сдѣлалъ. Тутъ стыдно стало Его Высочеству, заупрямился онъ, и сколько Его Превосходительство ни говорилъ, однакожъ Государь Цесаревичъ не могъ преодолѣть своей застычивости, и принудить себя, чтобы па сдѣлать. Наконецъ Никита Ивановичъ въ такое приведенъ былъ тѣмъ огорченіе, что показывая великое неудовольствіе, ушелъ въ себя, одиъ у себя и кушалъ: весь день не приходилъ къ Его Высочеству. Выговаривалъ я послѣ Государю Великому Князю, что въ такой бездѣлицѣ не хотѣлъ сдѣлать Его Превосходительству удовольствія. Признавался онъ, что сдѣлалъ худо, и раскаивался, а причиною объявлять изволилъ то, что хорошенько па дѣлать онъ не умѣетъ, а худо дѣлать не захотѣлось.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ графъ Александръ Сер-

гѣевичъ Строгановъ и полковникъ Иванъ Ивановичъ Кропотовъ. Его Высочество изволилъ сказать за столомъ: меня нмѣ въсе по новымъ заведеніямъ возятъ; въ будущее воскресенье еще ѣхать въ Новодѣвичей монастырь. Какъ графъ Александръ Сергѣевичъ говорилъ о нынѣшнемъ Цесарѣ, что онъ великой флегматикъ, что ни радости, ни печали не чувствуетъ, то изволилъ сказать Государь Цесаревичъ: такъ по этому для него все равно, передъ пушкой или за столомъ сидѣть. Впрочемъ сегодня за столомъ разговаривали мы по большей части о монастыряхъ и о постриженіи монаховъ и монахинь.

Послѣ стола изволилъ Его Высочество попрыгать и точить. Потомъ сѣлъ учиться: у меня очень хорошо учился. Послѣ ученія, изволилъ разговаривать о медаляхъ и о статуяхъ, и совѣтовалъ со мною, какъ бы ему убрать свои покои тѣми статуями, что куплены для него въ Академіи Художествъ. Съ той стороны приходилъ гофмаршалъ кн. Николай Михайловичъ Голицынъ сказать Государю Великому Князю, что Государыня указала въ тѣ дни, въ кои при Дворѣ зрѣлищъ не бываетъ, быть въ покояхъ Ея Величества комнатной музыкѣ. Съ гофмаршаломъ Его Высочество много шутить изволилъ о командѣ его надъ фрейлинами. Кушалъ сѣлъ Государь Цесаревичъ въ половинѣ девятаго; опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

27. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, точить изволилъ. (Сего утра была у Государя Цесаревича аудіенція цесарскому министру принцу Лобковицу, которой объявилъ о представленіи Цесаря. Его Высочество, какъ обыкновенно, самъ изволилъ ему отвѣтствовать на французскомъ языкѣ).

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ г. Салдервъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у фельдмар-

шальни Аграфены Леонтьевны Апраксиной.

Его Высочество послѣ обѣда попрыгавши, какъ обыкновенно, изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ ходить на половину къ Ея Величеству; тамъ былъ концертъ. На клавикортахъ игралъ и оркестромъ управилъ нововыѣзшій славной въ Европѣ капельмейстеръ г. Боропелло-Галуппи. Ея Величество между тѣмъ изволила играть въ ломберъ съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Музыку слушали всѣ съ крайнимъ услажденіемъ. Какъ кончилась музыка, и Ея Величество изволила ретироваться, то Государь Цесаревичъ возвратился къ себѣ. За нимъ пришелъ съ половыми отъ Государыни (и Александръ Петровичъ) Сумарковъ, которой тамъ слушалъ музыку. Александръ Петровичъ, разговарясь съ Его Превосходительствомъ Никитой Ивановичемъ о г. Кювильи, говорилъ, что онъ такая бестія и такая невѣжа, какой другой нѣтъ въ Россіи. Какъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ сказалъ ему, что Иванъ Ивановичъ Бецкой господиномъ Кювильи очень доволенъ, и увѣряетъ, что онъ въ новыя его учрежденія весьма много ему споспѣшествуетъ, то Александръ Петровичъ говорилъ на то: „таковы-то (вить) и учрежденія, Ваше Превосходительство! Вы конечно о нихъ, какъ разумной человѣкъ, по одной наружности судить не будете. Кювильи надобно метлами отсида вонъ выгнать, а Бецкова подъ присмотромъ прямо разумнова и основательнова человѣка опредѣлить на мѣсто Кювильи, смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты и комнаты у нихъ вычищены“. Еще примолвилъ Александръ Петровичъ: „естъ-де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что робать воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкой смѣется Тауберту, что онъ робать въ училищѣ, кое недавно за-

ведено при Академіи, воспитывается на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, (продолжалъ Александръ Петровичъ), и Бецкой и Таубертъ оба дураки; должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ російскомъ“. Александръ Петровичъ и ужиналъ сегодня у насъ: за столомъ продолжалъ ту же матерію. Откушавши, Его Высочество опочивать легъ, было десятого часу три четверти. Послѣ концерту, отъ Государыни прихотилъ къ намъ сегодня на краткое время графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ. Съ нимъ Его Высочество разговаривал о прошедшемъ маскаратѣ, изволилъ связать про дѣтей грузинскаго царевича: они мальчики изрядные; только очень холодны. Никакой нѣтъ въ нихъ живости. Въ нашемъ маленькомъ обществѣ за немалое достоинство почтиается, если кто остроу и замисловатую шутку скажетъ: отъ нихъ этого уже никогда не дожدهшься.

28. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія изволилъ ходить въ церковь, крестить новорожденнаго сына у поручика Шепелева, по просьбѣ тестя его, статскаго совѣтника г. Рубановскаго. Куна была фельдшаршальша Аграфена Леонтьевна Апраксина. Возвратясь съ себѣ, забавлялся Его Высочество около токарнаго станка.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ по большой части о дѣлахъ германскихъ.

Послѣ обѣда, Его Высочество позабавясь, изволилъ сѣсть учиться. Со мною повторялъ прежнее, потому что нашель я, что онъ нѣсколько забывалъ, за что отъ меня и выговоръ былъ Государю Цесаревичу. Часу въ шестомъ пошли мы въ комедію. Комедія была французская „l'écôle des maris“; балетъ Пародисовъ: маленькая піеса „le coiffeur galant“.

Послѣ большой пѣсмы, изволилъ Его Высочество, какъ обыкновенно, пойтить въ ложу къ Государынѣ. Ея Величество изволила жаловаться, что не очень здорова. Все зрѣнище кончилось сегодня рано. Государь Цесаревичъ возвратился къ себѣ, осьми часомъ еще не было. Изволилъ онъ читать Волтерову драгедію „Tancrède“. Въ девятомъ часу сѣли мы за столъ. Его Высочество неприлично (не опратно) и непорядочно показало, что лавен, стоя за стульями, тарелки держать голыми руками. Приказалъ Его Высочество самъ, чтобъ впредь у всѣхъ лавевъ въ рукахъ были салфетки, и тарелки изъ салфетокъ бы они подавали, что и наблюдено. Въ половинѣ десятаго часу, изволилъ Его Высочество лечь опочивать.

29. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. Одѣвшись, изволилъ забавляться около токарнаго станка, и бѣгать по желтой комнатѣ. Въ исходѣ одиннадцатаго часу поѣхали мы въ Новодевичей монастырь, гдѣ малолѣтнія дѣвушки воспитываются. Ея Величество изволилъ сегодня пускать кровь, и какъ сказываютъ, сожалѣть, что день проводить должна, въ дѣлахъ не упражняясь. Къ Его Высочеству изволила присылать за эстампами. Еще слышалъ я, что сегодняжъ для своего удовольствія заставляла Сергѣя Матвѣевича Козмина переводить при себѣ на русской языкъ „discours aux Welches, dans les contes de Guillaume Vadé“. Въ двѣнадцатомъ часу пріѣхали мы въ монастырь. Его Высочество встрѣченъ Иванъ Ивановичемъ Бецкимъ, княжкою Долгоруковой и госпожей Лафонтшей. Сперва ходили смотрѣть мѣщанскихъ дѣвушекъ. Танцовали онѣ въ присутствіи Государя Цесаревича, также показывали работы ихъ шитье и кружева. Лутче всѣхъ изъ нихъ дѣвушка Акулина, дочь какого-то кучера. Сказывали, что и Государыня ее очень изволила жаловать. Потомъ ходили смотрѣть, гдѣ живутъ монахини, которыхъ числомъ че-

тырнадцать. Игуменьей у нихъ сестра Ивана Ивановича Кропотова. Оттуда пошли внизъ, гдѣ онны дѣвушки обѣдали. Тамъ побывъ нѣсколько времени, изволилъ Его Высочество пойтить въ залу, гдѣ обѣдали благородныя дѣвушки. Тутъ изволилъ быть долго и со многими дѣвушками, ходя около стола, разговаривать. Бывъ въ залѣ у мѣщанскихъ дѣвушекъ, изволилъ Государь Цесаревичъ такожъ со многими разговаривать. Между тѣмъ поставили и для Его Высочества вужанье, вверху, въ покояхъ княжны Долгоруковой, главной смотрительницы сего установления. Изволилъ пойтить туда Государь Великой Князь, и сѣсть за столъ.

Обѣдали изъ постороннихъ княжна Долгорукова, и племянница ея, которая выходитъ за мужъ за графа Андрея Алексѣевича Бестужева, госпожа Лафонтша, двѣ ея дочери, и г. Салдернъ, которой пріѣхалъ съ Его Высочествомъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ по большей части съ княжкою Долгоруковой и съ госпожей Лафонтшей.

Послѣ обѣда пошли мы въ классы дѣвицъ благородныхъ. Танцовали онѣ въ присутствіи Его Высочества, пѣли по итальянски и французскую пѣсню изъ комической оперы: „Chantant objet de ma flamme, ne doutez point de mes feux, etc.“. Пѣли блонды и пересказывали выученные наизусть на французскомъ языкѣ басни и уроки географическіе. Лутче всѣхъ танцовала и пѣла дѣвушка Левшина. Собою лутче всѣхъ Звѣрева. Впрочемъ отличали себя отъ другихъ и личики изрядныя имѣютъ: Пашкова, Мансурова, Шереметева, графиня Вальштейнъ, Жеребцова, Тишина, Путатина. Отъ всего своего общества подарили онѣ Его Высочеству два шпажные банта, одинъ плетеной, другой рисованной, собственныя трудомъ ихъ. По окончаніи упражненій своихъ, пошли онѣ въ садъ, и тамъ бѣгали. Мамзели ихъ по наряду тутъ же съ ними бѣгали при Его Высо-

чествѣ. Потомъ изволилъ Его Высочество войти опять въ покои къ княжнѣ Долгоруковой, и выпивши тамъ чаю, пойти въ карету. Во дворецъ возвратились мы въ исходѣ пятого часу. Государь Цесаревичъ изволилъ ходить къ Государинѣ-родительницѣ. Ея Величество выходитъ (въ бильярдную) не изволила. Побывши тамъ нѣсколько времени, возвратился Его Высочество къ себѣ и поѣхалъ въ нѣмецкую комедію. Комедія была: „Bourgeois gentilhomme“. Приѣхавши изъ комедіи, изволилъ Великой Князь точить. Между тѣмъ поставили кушанье.

Сѣли мы за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ былъ тутъ же. Бая между прочимъ разговорились о ѣздѣ Его Превосходительства изъ Швеціи сюда, и дошла рѣчь до города Торнео, то спросилъ Его Высочество, каковъ этотъ городъ? Его Превосходительство отвѣтствовалъ, что дуренъ. Государь Великой Князь изволилъ на то еще спросить: хуже нашего Клину или лучше? Никита Ивановичъ изволилъ ему на то сказать: „ужъ Клину-та нашева конечно лучше. Намъ, батюшка, нельзя еще, о чемъ бы то ни было, рассуждать въ сравненіи съ собою. Можно рассуждать такъ, что это тамъ дурно, это хорошо, отнюдь въ тому не примѣняя, что у насъ есть. Въ такомъ сравненіи мы вѣрно всегда потеряемъ“. Послѣ ужины рассказывалъ Его Превосходительство о Долгоруковыхъ князь Сергіевыхъ дѣтяхъ, какъ они попали въ католической законъ, и какъ потомъ здѣсь публично отъ онаго отречались. Въ исходѣ десятого часу изволилъ Его Высочество лечь опочивать, и Никита Ивановичъ пошелъ къ себѣ.

30. Государь Великой Князь всталъ изволилъ въ началѣ осьмага часу. Надѣвши шафрокъ, тотчасъ изволилъ войти ко мнѣ, и сказывать исторію объ одной жилкѣ. Изволилъ говорить, что не безызвѣстно мнѣ Его Высочества примѣчаніе, будто у меня на лбу всегда вы-

пятаются двѣ жилы, когда я сердитъ, а про одну жилку изволилъ у меня спрашивать, что тогда заключать должно когда она надуется. Шутли мы о семъ довольно. За чаемъ изволилъ Его Высочество разговаривать со мною о Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ которомъ вчера мы были. Во время одѣванья, изволилъ онъ читать нѣкоторые дни въ сихъ мнѣхъ запискахъ. Потомъ располагалъ, какой бы надобно построить домъ, есть ли бы завести училище по примѣру тѣхъ, кои онъ видѣлъ. Расписывать изволилъ, сколько въ какую комнату отпускать бы надобно свѣчъ, куда восковыя бѣлья, куда желтыя, куда салныя. Всѣхъ свѣчъ, по распредѣленію Его Высочества, на каждой день выходило 159. Одѣвшись, изволилъ Государь Цесаревичъ съестъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ пришли гости: Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, курляндской принцъ Карлъ и гр. Александръ Сергіевичъ Строгановъ и г. Салдернъ. Принцъ курляндской, и графъ Строгановъ играли на клавикортахъ. Его Высочество изволилъ слушать.

Сѣли потомъ за столъ: всѣ оные гости у насъ обѣдали. Его Превосходительство Петръ Ивановичъ говорилъ объ одной знатной дамѣ, что долговъ не платитъ, и очень много шпынялъ, какъ она къ подрядчикамъ привязки дѣлаетъ, и не даетъ имъ денегъ. Хотя вслухъ не говорено было, кто такова дама; однако всѣ знали, что рѣчь была о Матренѣ (Павловнѣ) Салтыковой. Послѣ сего рассуждалъ Петръ Ивановичъ о ростовщикахъ. (Наконецъ разговорились) о Сулковскомъ и о принцѣ Любомирскомъ и о ихъ соединкѣ въ прошлую войну, когда оба они были при нашей арміи. Сулковскаго Петръ Ивановичъ очень хвалилъ. Говорилъ, что онъ человекъ острый и знающей, и офицеръ храброй. Какъ въ прошлую жъ войну графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, осердясь, бросился было къ нему на лошади, то Сулковской, тотчасъ оборота

свою лошадь, пистолеть противъ лба ему поставилъ. Еще разсуждали сегодня за столомъ о пользѣ, какая отъ комедіи быть можетъ. Говорили о томъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, графъ Строгановъ и г. Салдернъ. Принцъ курляндской говорилъ вздоръ.

Послѣ стола Его Высочество, позабывшись, изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ у меня подписывать патенты морскимъ флагманамъ и офицерамъ для поднесенія Ея Императорскому Величеству. Потомъ изволилъ ходить на половину къ Государынѣ, и во все время стоять у того стола, за коимъ Ея Величество въ ложбѣр играть изволила. Играли съ Государынею Николаѣй Ивановичъ Зеновьевъ и генералъ князь Александръ Михайловичъ Голицыны. Его Высочество разговаривалъ съ Ея Величествомъ и съ кавалерами, кои около стояли. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ Государь Цесаревичъ кушать. Отужинавши, опочивать легъ, былъ десятой часъ въ половинѣ.

О к т я б р ь .

1. Покровъ Пресвятыя Богородицы. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія, и нѣсколько времени въ оныхъ упражнялся. Въ церкви сего дня быть не изволилъ, для того что Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу было неудобно. Послѣ ученія точилъ Государь Цесаревичъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ кн. Петръ Васильичъ Хованской, и виѣжей недавно изъ Франціи русской архитекторъ Баженовъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ ними во время стола о строеніяхъ. Послѣ обѣда, послалъ ихъ на Каменной островъ осмотрѣть вмѣстѣ, какъ бы тамъ зачать строеніе. Его Высочество, попрыгавши, изволилъ сѣсть учиться. Ввечеру былъ у Ея Величества. Государыня въ бильярдной комнатѣ въ ложбѣр играть изволила съ Николаемъ

Ивановичемъ Зеновьевымъ и съ генераломъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Государь Цесаревичъ сѣлъ играть въ берлянь. Играли съ нимъ дежурныя фрейлины Анна Алексѣевна Хитрова и княжна Катерина Петровна Трубевкая, и кавалеры графъ Строгановъ, камеръ-юнкеръ Баскаковъ, и камеръ-юнкеръ князь Несвицкой. Въ десятомъ часу возвратился Его Высочество къ себѣ, и сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятого часу.

2. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Въ двѣнадцатомъ часу изволилъ пойтти въ церковь, гдѣ и Ея Величество литургію слушать изволила. Его Высочество нынѣ изволилъ становиться въ церкви прошлаго году всегда изъ боковой комнаты обѣдню слушать изволилъ. Причина тому, что нынѣ въ церкви куполъ сдѣланъ гораздо ниже: прошлаго году очень высокъ былъ, и отъ того было холодно. Отъ обѣдни провоя Государыню-родительницу во внутренніе покои, возвратился Его Высочество къ себѣ. Сего утра зубной леваръ Клеретъ принесъ къ Его Высочеству канарейку и сериеты, на коихъ разныя штуцы играть можно. Его Высочество, отдавши дань своей живости многими попрыгунками, изволилъ сѣсть за столъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ, г. Салдернъ, Иванъ Логиновичъ Кутузовъ и морской офицеръ Лупандинъ, которой недавно изъ Кіи на пакетботѣ шрѣхалъ. За столомъ разговаривали по большей части о воспитываемыхъ мѣщанскихъ дѣвущкахъ и мальчишкахъ. Всякой судилъ по своему понятію и по своимъ сeldonостямъ и роугъ и contre. Его Превосходительство Никита Ивановичъ говорилъ сегодня не много. Въ концѣ уже стола пришелъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Па-

нинъ. Сказывалъ, что кушалъ онъ у Государыни, и за тѣмъ за столомъ замѣшались, что Федоръ Сергѣевичъ Милославской рассказывалъ Ея Величеству объ одномъ дѣлѣ, съ обыкновенными своими разогановками и прикрасами.

Послѣ стола, Его Превосходительство Петръ Ивановичъ сказывалъ о странномъ своемъ дѣлѣ въ раздѣлѣ мѣста съ покойнымъ генералъ-адмираломъ княземъ Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ. Его Высочество, побѣгавши, изволилъ забавляться около товарнаго станка, потомъ играть на серинетахъ, и смотрѣть книгу, гдѣ разными изображены птицы. Вечеру изволилъ Государь Цесаревичъ пойтить въ галерею на куртажъ, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Государыня, какъ обыкновенно, изволила играть въ пикетъ. Его Высочество, стоя въ кругу, разговаривалъ изъ чужестранныхъ министровъ съ виконтомъ Герейриа, также съ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, съ Его Сіятельствомъ вице-канцлеромъ, съ бригадиромъ Петромъ Федоровичемъ Апраксинымъ и съ кн. Петромъ Васильевичемъ Хованскимъ. Въ девятую часу куртажъ кончился. Государь Цесаревичъ, провоя Ея Величество до внутреннихъ покоевъ, возвратился къ себѣ и сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

3. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія, изволилъ играть въ воланы.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ никого у насъ не было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у брата своего Петра Ивановича.

Послѣ стола, Государь Цесаревичъ изволилъ точить. Потомъ сѣлъ учиться. У меня изъясненія о арифметическихъ и геометрическихъ содержаніяхъ изволилъ слушать со вниманіемъ. Послѣ ученія, зашелъ у насъ разговоръ, что Его Высочеству теперь уже двѣнадцатой годъ.

Шутя, говорили, что приспѣваетъ время Государю Великому Князю жениться. Краснѣлъ онъ, и отъ стыдливости изъ угла въ уголъ изволилъ бѣгать; наконецъ изволилъ сказать Его Высочество: какъ я женюсь, то жену свою очень любить стану, и ревнивъ буду. Рогъ миѣ имѣть крайне не хочется. Да та бѣда, что я очень рѣзовъ. Намедни слышалъ, что такихъ рогъ и не видятъ и не чествуютъ (не чувствуетъ) тотъ, кто ихъ носить. Смѣялись мы много о сей Его Высочества заботливости. Пошли потомъ въ комедію, гдѣ и Ея Величество быть изволила. Комедія была «la pupille» маленькая пѣса «les folies amoureuſes»; балетъ новой Гранжеевъ «le Faune jaloux». Возвратясь въ свои покои, изволилъ Его Высочество сѣсть кушать. Ужиналъ у насъ графъ Строгановъ. Разговаривали о театрѣ. Послѣ ужины легъ Государь Цесаревичъ опочивать, былъ десатой часъ въ исходѣ. Прежде нежели пошелъ раздѣваться, показывалъ онъ графу Александру Сергѣевичу начерченныя на бумагѣ геометрическія фигуры, кои мною толкованы Его Высочеству; также простыя машины, изъясняемая господиномъ Эпинусомъ.

4. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, изволилъ долго ходить со мною по желтой комнатѣ и кое о чемъ разговаривать: il s'agissoit de différentes nouvelles du jour. Также камердинеръ перетиралъ всѣ часточки товарнаго станка, по приказанію и распоряженіямъ Его Высочества. Потомъ сѣлъ Государь Цесаревичъ учиться. Послѣ ученія, изволилъ играть въ воланы.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ разговаривать со мною о здѣшнихъ соляхъ, также о испанской и о польской соли, и о пріготовленіи оныхъ. На столъ ставять соль ялецкую, а въ солонку для

Его Высочества кладут испанскую. Его Высочество просилъ Никиту Ивановича, чтобы и для него приказалъ подавать соль илецкую. Примолвилъ къ тому Государь Цесаревичъ: *C'est par esprit de patriotisme, que je vous en prie* Согласился Его Превосходительство на просьбу, и приказалъ для Государя Цесаревича подавать соль илецкую. Также рѣчь была со мною жъ о здѣшнихъ провинціяхъ, кои многлюдны и кои малолюдны, гдѣ хороши земли, и гдѣ дурны. Его Высочество про мои деревни изволилъ тутъ сказать Никитѣ Ивановичу: за нимъ всею душъ съ двѣсти, а разсѣяны по всему российскому государству. Его Высочество сего дня за столомъ многократно выговаривать и щипнать изволилъ, какъ много я ѣмъ. Я напротивъ того шутилъ, и Государь Цесаревичъ изволилъ тѣмъ забавляться.

Послѣ стола, очень веселье было Его Высочество. Бѣгаячи по комнатѣ, неоднократно ко мнѣ на канане вспрыгивать изволилъ и говорить: охъ ты мой Сенюшка! какъ я тебя люблю! Позабавясь, изволилъ сѣсть учиться. Часу въ шестомъ пріѣхалъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, за которымъ Государь Цесаревичъ изволилъ послать, чтобы былъ для кукольной комедіи. Съ нимъ Его Высочество очень ласково обходился и шутилъ. Пошли мы къ Государынѣ. Ея Величество очень скоро изволила выйтти, и пойтти въ провожаніи Его Высочества и многихъ придворныхъ въ парадныя Его Высочества покоя, смотрѣть кукольной комедіи. По окончаніи коей, изволила возвратиться къ себѣ, и играть въ биліардъ двѣ партіи съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Его Высочество стоялъ тутъ изволилъ. Комедія Государынѣ понравилась. Изволила она сказать: *ils ont fait tout ce qu'on peut faire avec des marionnettes*. Отъ Ея Величества изволилъ Государь Цесаревичъ пойтти къ себѣ часу въ десятомъ. Графъ Шереметевъ оставленъ ужинать. До ужина изволилъ

Его Высочество точить и съ гостемъ разговаривать. За ужиномъ говорили по большей части о маріонетахъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ тутъ же быть изволилъ. Послѣ ужина графъ Шереметевъ тотчасъ уѣхалъ, и Его Высочество скорѣ изволилъ лечь опочивать, былъ десятой часъ въ исходѣ.

5. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. За чаемъ изволилъ мнѣ сказывать, какое пріятное ему происшествіе было, какъ вчерась, по окончаніи кукольной комедіи, погасили всѣ свѣчи, оставя только тѣ, кои въ оркестрѣ. За навѣсъ не совсѣмъ опущенъ былъ; но нѣсколько подъ него на театръ было видно. О сей подробности по той причинѣ я упомянулъ, что отъ того то и оное происшествіе родилось. Еще разговаривали мы какъ Его Высочество ночью бредить. Сіе почти всякую ночь съ нимъ случается; и такъ говорить явственно, какъ бы на яву, иногда по-русски, иногда и по-французски. Есть ли въ день былъ веселье и доволенъ, то изволилъ говорить спокойно и весело; естлижъ въ день какия противности случились, то и сквозь сна говоритъ угрюмо и гнѣвается. Рассказывалъ мнѣ Его Высочество, что онъ вчерась графу Шереметеву говорить изволилъ на ухо, также и въ прошлой маскарадѣ о чемъ его въ повѣренности изволилъ спрашивать. Потомъ рассматривалъ Его Высочество въ окно, какой сего дня вѣтеръ и куды тучи идутъ. Сіе наблюденіе почти всякое утро регулярно онъ дѣлать изволилъ. Когда большія и темныя тучи, тогда часто освѣдомляемся мы, скоро ли пройдутъ и нѣтъ ли опасности. Всегда страшной судъ на мысль приходитъ. Во время убирания волосовъ, изволилъ Его Высочество читать самъ похождения Жилблазовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ ходить въ биліардную и играть тамъ въ биліардъ.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ

и Карлъ Федоровичъ Крузь. Его Превосходительство Никита Ивановичъ за столомъ не былъ, и сего утра совсѣмъ не выходилъ; не здоровъ былъ. Причиною тому полагали, что Его Превосходительство вчера съ ужиномъ у Его Высочества кушалъ много арбузу. За обѣдомъ разговаривали мы о технических терминахъ, кои изъ другихъ языковъ введены въ нашъ, напримѣръ во флотъ и въ горную дѣль. Его Высочество о Москвѣ разговориться изволило. Вспоминалъ о житиѣ московскомъ съ великимъ удовольствіемъ. Изволилъ говорить: я бы всегда хотѣлъ тамъ жить, только, чтобъ удовольствіе мое было совершенно, то надобно, чтобы и этотъ дворецъ тамъ былъ, для того что съ нимъ не могу я безъ прискорбности разстаться. На сіе говорилъ я Его Высочеству, что пожеже быть тому нельзя, чтобы этотъ самой дворецъ и въ Москвѣ былъ, то можно тамъ такой же построить. Государь Цесаревичъ изволилъ сказать: и впрямь такъ, а гдѣжь бы его построить? О семъ пошли у насъ разсужденія. Его Высочество изволилъ говорить, что построить тутъ, гдѣ теперь Головинской дворецъ. Я говорилъ, что неприлично такое огромное строеніе заводить на краю города. И такъ строили мы въ разныхъ мѣстахъ земли на воздухъ.

Послѣ стола, изволилъ Его Высочество у токарнаго станка опилками и токарными долотами укрѣплять берега, а средина каналъ представляла. Изволилъ сказывать, что г. Бильштейнъ поѣхалъ въ Москвѣ осматривать мѣста, какъ бы отсюда до Москвы провести прямой каналъ. Говорилъ я г-ну Эпинусу, которой притомъ случился, что важется это дѣло не Бильштейново, что онъ совсѣмъ о Математицѣ понятія не имѣеть, а къ тому надобеть человекъ, которой бы въ оной наукѣ былъ силенъ. Соглашался на то и г. Эпинусъ, и говорилъ, что немалое знаніе и остроуміе къ тому потребно. Его Высочество изволилъ мнѣ

сказать на то: хотя онъ Математики и не знаетъ, да человекъ съ нимъ есть такой, которой знаетъ; ему данъ въ подмогу генераль-квартирмейстеръ лейтенантъ Зегеръ. Тутъ говорилъ я опять г. Эпинусу, какъ у насъ иногда о наукахъ смѣшно разсуждаютъ: ежели человекъ умѣетъ фигуру какую математическую, или планъ начертить и расписать, то кричатъ: „c'est un grand mathématicien!“ Г. Эпинусъ смѣялся этому и говорилъ, что Эйлеръ никогда чистой фигурки не черчивалъ; однако въ Математицѣ всѣхъ оныхъ чертильщиновъ нѣсколько полутче знаетъ. Справедливо примѣчалъ г. Эпинусъ, что надобно и чертильное искусство, но не надобно думать, чтобъ въ томъ знаніе Математики состояло. Его Высочество гнѣвался, что не такъ разсуждаютъ, какъ онъ сказалъ уже. Изволилъ мнѣ говорить: какъ бы не такъ, ты знаешь (думаешь), что ты только одинъ и математикъ въ свѣтѣ. Говорилъ я Его Высочеству, что я этого не думаю, а что я думаю, то сказалъ уже, и чтобъ онъ не столько изволилъ горячиться. Сіе сказавши, отошелъ я прочь. Государь Цесаревичъ раскаявшись, видно, что разозлился со мною, изволилъ на меня поглядывать, улыбаться и зачинать говорить со мною. Съѣлъ потомъ за свои ученія. У меня хорошо учился. Во время ученія, рѣчь была о квадратахъ и о радиусахъ. По окончаніи онаго ученія, изволилъ Его Высочество сказать г-ну Эпинусу про меня: та любовь, которую я къ нему имѣю, содержитсяъ къ той любви, которую имѣю къ другимъ, какъ квадратъ 4 къ своему радиусу. Принесли изъ Академіи Художествъ разныя статуи, коихъ на 90 рублей куплено. Смотрѣлъ ихъ Государь Цесаревичъ и устанавливалъ. Луче всѣхъ понравилась ему группа, представляющая взятіе Азова, и статуя, которая представляетъ Венеру. Украшалъ ее Его Высочество, одѣвая бывшимъ платкомъ своимъ, и по-

взявая ей шнурокъ на шею. Ввечеру ходилъ Государь Цесаревичъ на поговину къ Ея Величеству. Тамъ былъ концертъ. Государыня въ ломбергъ изволила играть съ графомъ Михайломъ Ларионовичемъ Воронцовымъ и съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ. Его Высочество изволилъ играть въ берланъ. Играли съ нимъ дежурныя фрейлины: (графиня) Елисавета Кириловна Разумовская и княжна Катерина Александровна Меншикова, княгиня Елена Степановна Куракина, княгиня Дарья Алексѣевна Голицына, принцъ Карлъ курляндской и гр. Александръ Сергѣичъ Строгановъ. По окончаніи картошной игры, изволила Ея Величество играть партію въ билиардъ съ Его Высочествомъ. Государь Цесаревичъ обыкновенно играть, по его дѣтамъ, очень хорошо ма-сомъ, а тутъ изволилъ играть очень дурно. Притчиною то было, что хотѣлось поскорѣй отдѣлаться и убраться домой: поздно-вато уже было, по нашему счету. По окончаніи партіи, возвратился Его Высочество въ себя. Сѣлъ кушать. Потомъ опочивать легъ, было десять часовъ.

6. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, изволилъ играть въ воланы.

Сѣли за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у себя. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Послѣ кушанья, попрыгавши, сѣлъ Его Высочество учиться. Потомъ пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ и пошли въ комедію. Комедія была французская: „la coquette fixée;“ балетъ Грандеевъ со змією; малая піеса „le magnifique“. Какъ Его Высочество былъ въ ложѣ у Государыни, то Ея Величество изволила у него спрашивать, читалъ ли онъ Contes de Guillaume Vadé, discours aux Welches? А какъ Его Высочество сказалъ, что не читалъ, то Ея Величество прочесть совѣтовала. Все зрѣлище кончилось въ началѣ девятаго часу. Государь Цесаревичъ, возвратясь въ

себя, сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу, увеселялся представленіями о завтрашнемъ маскарадѣ.

7. Его Высочество встать изволилъ въ псоходѣ седьмаго часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученья, изволилъ играть въ билиардъ.

Сѣли потомъ за столъ. Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ (Панинъ), грузинской царевичъ Егоръ съ дѣтми своими, г. Салдернъ, полковникъ Кропотовъ и кн. Петръ Хованской. Его Превосходительство Никита Ивановичъ между прочимъ говорилъ, чтобъ Его Высочеству играть трагедію Регулуса, и чтобъ кн. Хованской игралъ тутъ же.

Послѣ обѣда, попрыгавши, Государь Цесаревичъ сѣлъ учиться. Послѣ ученья, съ нетерпѣливостію ожидать господъ маскарадныхъ сотоварницей, и не замѣшали они съѣхаться. Одѣвшись, часовъ въ семь пошли на маскарадъ. Къ прежнимъ прыблн (вннѣ) еще двое, меньшей кн. Куракинъ и Якова Корсакова меньшей сынъ Дмитрій. Въ маскарадѣ очень много танцовалъ Его Высочество и былъ веселъ. Примѣтилъ я, что нѣкоторую ручонку и пожимать онъ изволилъ. Ходилъ потомъ отдыхать и чай пить въ боковую пустую комнату. Потомъ еще въ маскарадѣ танцовать изволилъ. Къ себѣ возвратился въ половинѣ десятаго часу. Кушалъ одинъ въ опочивальнѣ. Опочивать легъ въ началѣ одиннадцатаго часу. Въ маскарадѣ и въ комнатѣ отдохновенія, изъ маленькихъ болѣе всѣхъ разговаривать, и рука о руку ухватясь ходить изволилъ съ графомъ Шереметевымъ и Тепловымъ.

8. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Потомъ въ циннѣ играть изволилъ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ сегодня только курляндской принцъ Карлъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ говорить со мною о пе-

ромъ. Другая рукопись тѣхъ же записокъ съ поправками и новыми дополненіями Дашковой хранится въ семействѣ Брадеордъ въ Англіи. По поводу объѣхъ рукописей, были сдѣланы интересныя сообщенія г. Шугуровымъ и гг. А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1880 г. кн. III и 1881 г. кн. I и II).

Не менѣе важны приложенія, помѣщенные въ послѣднемъ изданіи: бумаги Дашковой по управленію Академіей наукъ (1783—86 г.), росписи приданому и завѣщанія Дашковой; письма Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову (1775—1806) и письма сестры Дашковой («аворитки Петра III»), Е. Р. Полинской, къ гр. С. Р. Воронцову и его жень въ Петербурга (1783—87), сообщающія городскія и придворныя новости. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ впервые напечатанное письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ, по поводу катастрофы, постигшей Петра III, съ замѣчаніями на него гр. Ф. В. Ростопчина, которому и обязана исторія сохраненіемъ этого важнаго документа, такъ какъ подлинникъ его былъ уничтоженъ. Въ заграничныхъ изданіяхъ онъ передавался неверно.

Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881. 127. Ц. 80 к.

Настоящее изданіе представляетъ извлеченіе изъ подлинныхъ столбцовъ, книгъ и другихъ документовъ бывшаго Аптекарскаго приказа, хранящихся въ Архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Эти матеріалы заключаютъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія по исторіи медицины въ Россіи съ царствованія Михаила Феодоровича по 1702 годъ, а именно: о лѣкаряхъ, аптекаряхъ, лѣкарствахъ, выписывавшихся изъ-за границы, о лѣкарственныхъ травахъ, собиравшихся въ Россіи, о врачебной помощи во время войны и вообще о состояніи медицинской части въ Россіи въ означенный періодъ. Авторъ исторіи медицины въ Россіи, Рихтеръ, не пользовался этими дѣлами и считалъ ихъ даже утерянными или истребленными во время московскаго пожара въ 1812 году. Онъ значительно дополняютъ также свѣдѣнія, со-

общаемыя объ этихъ предметахъ въ актахъ, изданныхъ археогр. комиссіею. Вышедшій теперь 1-й выпускъ матеріаловъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что все онъ относится къ болѣе древнему времени—царств. Михаила Феодоровича (за 1629—45 г.). За тѣмъ объѣзды и другіе выпуски этого изданія, по 1702 годъ. Нельзя не поблагодарить медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ за изданіе этихъ интересныхъ матеріаловъ.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митрополита, подъ ред. Н. Субботина. Т. VI. М. 1881. 334+XXVIII. Ц. 2 р.

Настоящій томъ весь занятъ сочиненіями одного изъ первыхъ раскольническихъ писателей—діакона Феодора, изданными по рукописи казанской духов. академіи, синодальной бібліотеки и раскольническимъ сборникамъ, принадлежащимъ разнымъ бібліотекамъ. Нѣкоторые изъ нихъ впервые появляются въ печати. Сочиненія діакона Феодора въ значительной степени касаются собора 1666 года.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Кн. I. Спб. 1881. 545. Ц. 4 р.

Первый томъ этого роскошнаго изданія родословной одного изъ известнѣйшихъ русскихъ (выѣзжихъ) родовъ объимаетъ лишь время отъ половины XIII стол. до конца царств. Ивана Грознаго. По близкому отношенію лицъ этой фамиліи къ событіямъ отечественной исторіи, биографическое описаніе должно было принять значительныя размѣры. Такимъ образомъ оно уже представляетъ не одинъ генеалогическій интересъ, но становится весьма важнымъ историческимъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что авторъ настоящаго труда пользуется не одними печатными источниками, но и другими оффиціальными и фамильными архивами. Изданіе сопровождается снимками съ картинъ изъ Царственной книги (числомъ 6) и рукописнаго лѣтописца московской синод. бібліотеки (числомъ 16), снимками съ документовъ (5), родословной таблицей и гербомъ. В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложения, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи главной конторы при книжномъ магазинѣ: Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библиографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и прил. Зап. Порошина 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый. ОКТЯБРЬ. 1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. О подпискѣ на «Русскую Старину» 1882 г. (тринадцатый годъ изданія)	I	VIII. Обдорскій возмутитель въ 1840-хъ гг. Разсказъ З. А. Барша	377
II. Николай Петровичъ Румянцовъ. Очеркъ изъ русской историографіи. Составилъ профес. В. С. Иконниковъ. [Окончаніе]	225	IX. Амурское дѣло и его вліяніе на Восточную Сибирь и Государство. Выдержки изъ писемъ различныхъ лицъ къ Д. Н. Завалишину, 1840—1864 гг.	387
III. Русское общество при взошествіи на престолъ Николая Павловича: повѣстїи М. М. Фока къ А. Х. Бенкендорфу, 1826 г.	303	X. Жизнь и труды гравера-академика Ивана Петровича Помалостина.—Главы IX—XII	351
IV. Война Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг.: переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ, 1829 г. апрѣль и май	297	XI. Замѣтки и матеріалы: Плачь Кіевскихъ монаховъ. Сатира въ вѣршахъ XVIII вѣка (435). Молитва мусульманъ, состав. А. П. Ермоловъ. Сообщ. А. П. Берже (454). Два отрывка изъ исторіи Персія, перев. и сообщ. А. П. Берже (450).	
V. Декабристы въ Читѣ и въ Петровскѣ, 1827—1840 гг. Воспоминанія Д. И. Завалишина	421	XII. Анти Кавказской археограф. комиссіи издан. подъ ред. А. П. Берже. Томъ VIII: баронъ Розель и время его управленія Кавказомъ, 1831—1837 гг.	445
VI. Пережитое и перечувствованное. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева. Главы XX—XXI: ссылка и пребываніе на Кавказѣ, 1840—1847 гг.	251	XIII. Библиографическій списокъ русско-историческихъ книгъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ [на оберткѣ].	
VII. Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ его письмахъ 1837—1841 гг., съ примѣчаніями Н. П. Барсукова	337		

ПРЕДЛОЖЕНІЯ: I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича, Семена Андреевича Перовскаго, 1764—1766 гг. [стр. 469—532].—II. Портретъ архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравиров. Г. И. Грачевъ, ученикъ Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами. № 90—1.

1881.

Сборникъ русскаго историческаго общества, т. XXIX, Спб. 1881. 736. Ц. 2 р. 50 к.

Въ этомъ томъ помѣщена вторая и послѣдняя часть біографіи канцлера князя А. А. Безбородка, принадлежащей перу Н. И. Григоровича. По времени второй томъ обнимаетъ періодъ 1788—1799 гг. Такимъ образомъ онъ посвященъ событіямъ второй турецкой и шведской войнъ при Екатеринѣ II, третьему раздѣлу Польши, вопросу о Курляндіи, дѣлу о сватовствѣ шведскаго короля къ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ; отношеніямъ Безбородка къ фавориту П. А. Зубову, къ писателямъ того времени, къ дѣятельности Безбородка въ качествѣ секретаря императрицы и въ должности канцлера при императорѣ Павлѣ.

Трудъ г. Григоровича сопровождается обширными примѣчаніями и приложениями. Въ этихъ послѣднихъ находятся Записки Безбородка, касающіяся политическихъ отношеній Россіи къ Турціи, Швеціи, Пруссіи, Франціи, Польшѣ; письма его къ современникамъ (Г. П. Милорадовичу, гр. А. К. Разумовскому и др.); наконецъ записки, мѣткія, касающіяся дѣлъ Малороссіи, сената и управленія въ Россіи (записка о потребностяхъ имперіи Россійской). Двѣ послѣднія принадлежать уже 1799 году и прямо относятся къ поправленію порядковъ высшаго управленія. Въ теченіе XVIII в., сенатъ, созданный Петромъ В. съ широкими правами, постепенно падалъ и хотя не разъ возстановилась его власть, когда сходили со сцены верховные тайные совѣты, кабинеты, конференціи, придворные совѣты, но въ концѣ концовъ власть его до того упала, что въ царств. Павла I и Александра I снова приходилось поднимать вопросъ о возстановленіи правъ сената. Записки Безбородка касаются того же вопроса. Онъ предполагаетъ пополнить составъ сената совѣтниками, постановить за правило, чтобы всѣ законы предварительно разсматривались въ собраніи депутатовъ отъ дворянства, мѣщанъ и крестьянъ, подъ председательствомъ канцлера юстиціи, и въ общемъ собраніи сената, а потомъ пред-

ставлялись бы на утвержденіе императора, но послѣдній можетъ не согласиться съ мнѣніемъ сената и тогда законъ исполняется безъ всякихъ вновь представлений. Чтобы придать сенату болѣе вѣстныхъ прерогативъ, авторъ записки предполагаетъ «облечь сенаторовъ въ красныя бархатныя съ горностаемъ епанчи и въ шляпы съ перьями, на подобіе орденскихъ».

При рѣшеніи дѣлъ, выходящихъ изъ общаго положенія, долженъ дѣйствовать высшій совѣстный судъ, состоящій изъ тѣхъ же представителей (по 2 отъ сословія); ревизія губерній также представляется комиссіямъ депутатовъ и должна происходить каждыя три года. Подъ вѣдѣніемъ сената учреждается генеральный уголовный судъ изъ депутатовъ, въ которомъ судились бы тѣ дѣла и особы, которыя не входятъ въ губернскіе суды. Дѣла политическія изслѣдуются уголовнымъ порядкомъ и судятся сперва въ высшемъ судѣ, а потомъ общимъ судомъ сената, синода, президентовъ коллегій и первыхъ трехъ классовъ особъ, руководствуясь наказомъ Екатерины II. «Въ изслѣдованіи по снѣмъ дѣламъ, прибавляетъ Безбородко, да истребится всѣми способами потаенные и гдѣ кровь человека и гражданина угнетается вопреки законовъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя». Безбородко признаетъ, что положеніе крестьянъ требуетъ поправленія, но онъ боится даже подумать, что онъ рекомендуетъ допускать какую нибудь вольность; но онъ считалъ необходимымъ, чтобы соблюдался законъ о количествѣ крестьянской работы (1797 г.), чтобы были ограждены произвольный переводъ крестьянъ помѣщиками, чтобы продажа ихъ допускалась только съ землями, чтобы запрещена была личная продажа (яко сущее невольничество) и поставилъ в. рекрутъ; крестьянамъ должна принадлежать только движимость; наконецъ онъ считалъ необходимымъ ограничить дворовую службу и облегчить выходъ дворовыхъ людей на волю, по указу 1775 г.

Полагая въ основаніе своего мнѣнія принципъ самодержавія, малѣйшее ослабленіе котораго «навлекло бы за собою

“РУССКУЮ СТАРИНУ”

Изд. 1882 г.

тринадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1882 г., тринадцатый годъ изданія, будетъ выходить, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ четыре тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати ¹⁾).

При книгахъ «Русской Старины» изданія 1882 года будутъ прилагаться портреты русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изд. 1882 г.: съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургъ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Невскій проспектъ, д. № 46), въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7.

(См. на оборотѣ).

¹⁾ При началѣ изданія съ 1 янв. 1870 г. — редакція обязывалась ежемѣсячныя книги „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ издавать въ объемѣ каждую не менѣе восьми печатныхъ листовъ; съ 1874-го года—не менѣе одиннадцати листовъ; а съ 1882 года каждая книга „Русской Старины“ будетъ обязательно заключать въ себѣ не менѣе четырнадцать печатныхъ листовъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И 1-го НОЯБРЯ ВЫЙДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академикомъ Л. А. СВРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе всѣхъ портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ граверовъ покойнымъ Л. А. Свряковымъ—для изданія „РУССКАЯ СТАРИНА“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновятъ на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ текущаго года, получаютъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сврякова“ за одинъ рубль, который благоволятъ выслать съ подписною, **ДЕВЯТЬ** рубл., на журналъ „Русская Старина“ 1882 г. суммою, всего **10** руб.

*Можно еще получить «Русскую Старину» изданіе 1881 года. Дѣнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, М. И. Голенницева-Кутузова (1775 г.), Хаджи-Мурата, архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравера-акад. Л. А. Сврякова, профессора П. И. Пургова, профессора Д. И. Ростиславова (при XI книгѣ), историка-профессора С. М. Соловьева, и друг.—цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.*

ФИЛАРЕТЪ ГУМИЛЕВСКІЙ,

АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

р. 1805 † 1866 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ПЕД. 1881 г.

ДОПУЩЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 ОКТАБРЯ 1881 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

Библиотека "Руниверс"

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ РУМЯНЦОВЪ.

Дѣятельность его на пользу разработки русской исторіи и археологіи.

(Очеркъ изъ русской исторіографіи).

V¹⁾.

Независимо отъ разысканій Строева и Калайдовича въ монастыряхъ сѣверной и центральной Россіи, Румянцовъ вступаетъ въ сношенія съ В. Н. Берхомъ, извѣстнымъ собирателемъ матеріаловъ въ Пермскомъ краѣ (въ Перми, Чердыни, Верхотурьѣ, Солокамскѣ). Онъ поручаетъ послѣднему отыскивать грамоты и лѣтописи, списывать надписи на камняхъ, иконахъ и утесахъ, собирать образцы инородческихъ словъ, богатырскихъ пѣсень, преданій, сказокъ, историческія и географическія рукописи на татарскомъ языкѣ, монеты (см. переписку въ Лѣтоп. Зап. Археогр. Ком., сообщенн. членомъ комисіи М. И. Семеvскимъ, т. VI). Съ своей стороны Румянцовъ снабжаетъ Берха сочиненіями, касающимися исторіи путешествій къ Ледовитому морю (*ibid.* 156, 157, 162).

Желая приготовить молодаго ученаго, вполне способнаго для объясненія русскихъ и византійскихъ лѣтописей, Румянцовъ сосредоточилъ свою заботливость на сынѣ гомельскаго протоіерея Григоровича (I. I.), содержалъ его на свой счетъ въ Петерб. духовной академіи, а потомъ поручалъ ему дѣлать лѣтописныя справки и написать сочиненіе „о новгородскихъ посадникахъ“, которое, по исправленіи его Калайдовичемъ, было напечатано на счетъ Румянцова. Но послѣдній былъ очень опе-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., т. XXXII, (сентябрь) стр. 47—74.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXXII, 1881 г., октябрь.

членъ, когда Григоровичъ избралъ для себя духовную карьеру, хотя и потомъ, въ санѣ гомельскаго протоіерея, онъ продолжалъ служить Румянцову: такъ, ему былъ порученъ обзоръ бѣлорусскихъ архивовъ, матеріалы изъ которыхъ отчасти вошли въ его изданіе: „Бѣлорусскій Архивъ“, т. I (предназначалось же 3 тома); отчасти въ акты Западной Россіи, изд. археографическою комисіею. Онъ переводилъ для Румянцова съ польскаго языка (соч. Лелевеля о лучанахъ и ляхахъ), составлялъ бѣлорусскій актовъ словарь и занялся исторіею бѣлорусской іерархіи (трудъ этотъ остался въ синодѣ, въ рукописи), планъ которой былъ одобренъ м. Евгениемъ. По поводу этихъ занятій Григоровича, Румянцовъ написалъ ему слѣдующія замѣчательныя строки: „Конечно, духъ пализма, какъ пишете, надобно обнаружить, но безъ всякой желчи, которую часто являли наши духовныя особы въ католической религіи. Извѣстная мнѣ кротость духа вашего ручается, что вы напишете справедливо и тѣмъ отдадите отъ себя могущія быть уворизны. Можно въ безпристрастномъ изложеніи происшествій вывести, что многіе римскіе папы извѣстны были своимъ властолюбіемъ и прельщались людскою суетливостью, а не святымъ, кроткимъ евангельскимъ ученіемъ“. (Переписка Григоровича въ „Чтен. м. общ. ист. и древ.“ 1864, II, 34—39 и др.).

Въ Новгородѣ корреспондентомъ Румянцова былъ протоіерей софійскаго собора Скородумовъ (письма Румянцова къ нему, изданныя Прудниковымъ). Бывшій секретарь гр. Румянцова И. Буссе составилъ для него въ Варшавѣ (въ 1821—22 гг.) выборъ достопримѣчательнѣйшихъ актовъ изъ литовской метрики (Ж. мин. нар. просв. 1871, № 1, стр. 40 и 1876, т. XLIX) о сношеніяхъ Россіи съ Литвою за 1393—1506 г. и о внутреннихъ дѣлахъ литовскаго княжества въ тотъ же періодъ (2 части).

Сношенія, завязавшіяся у гр. Румянцова съ киевскими археологами, послужили поводомъ къ его перепискѣ съ авторомъ „Историческаго обозрѣнія Малороссіи и города Кіева“, написаннаго еще въ началѣ XIX стол., но не вышедшаго въ свѣтъ, и „Краткаго описанія Кіева“, напечатаннаго уже въ 1820 г. (Спб.). Мы говоримъ о М. Ѳ. Берлинскомъ¹⁾. Переписка между

¹⁾ Онъ былъ ученикъ киевской академіи и учительской гимназій въ Петербургѣ, а потомъ учителемъ и инспекторомъ гимназій въ Кіевѣ. Сочиненія его:

ними открывається въ началѣ 1815 г. и прекращается не задолго до кончины канцлера (января 1815—29 сент. 1825 г.). Мы располагали только письмами гр. Румянцова, сообщенными намъ редакціею „Рус. Старины“, а ею полученными въ 1870 г. отъ И. П. Аврамова.

Изъ перваго письма видно, что Берлинскій сообщилъ гр. Румянцову въ рукописи матеріалы изъ своихъ изслѣдованій о кievскихъ древностяхъ. Въ отвѣтъ на это, канцлеръ благодаритъ его „за присланныя прелюбопытныя бумаги“, и пишетъ далѣе: „Сей первый вашъ трудъ подаетъ мнѣ много надеждъ, прошу васъ нанубѣдительноше продолжать оный“. „Я съ вами весьма въ томъ согласенъ, что откроется истинная отъ того польза, если сличить планъ нынѣ существующаго Кіева съ разными первобытными его описаніями. Объясните, гдѣ какое зданіе стояло, какія были между ними улицы, или сообщенія, и старайтесь изслѣдовать, гдѣ могли существовать тѣ монастыри, церкви, терема, дворцы, дома, площади и урочища близъ города, о которыхъ только и памятникъ осталось, что они въ лѣтописяхъ упомянуты“. Румянцовъ просилъ Берлинскаго сдѣлать, на его счетъ, порядочный списокъ съ настоящаго плана Кіева, который безъ сомнѣнія уже находится, прибавляетъ онъ; а узнавъ, что въ лаврской библиотекѣ есть переводы печерскаго Патерика, на польскомъ языкѣ, онъ просилъ свѣрить его отъ слова до слова съ русскимъ Патерикомъ и сообщить о результатѣ таковаго сличенія. По этому поводу Румянцовъ замѣчаетъ: „Изъ предисловія русскаго Патерика можно заключить, что неполный или, лучше сказать, не настоящій трудъ преп. Нестора до насъ дошелъ. Между прочимъ тутъ упомянуты уворизны католиковъ и, кажется мнѣ, оспаривается, будто и Антоній Печерскій былъ сопричастникъ той церкви, которая признавала начальство папы римскаго. Надобно замѣтить, что въ это время хотя и существовало совершенное несогласіе между восточною и западною церковью, но раздоръ между ними еще не былъ силенъ и могъ бы тогда легко допустить, что нынѣ совсѣмъ несомнѣнно бы было. Не находится

„Исторія рос. для употребленія юношеству“. М. 1800. „Наставл. о собир. и пригот. червеца или русской кошенили въ южн. губ. Рос. Имп.“, изд. Коадеп. М. В. Д. въ 1804. „Поминка о М. Θ. Берлинскомъ“, Максимовича, Времен. М. О. И., V и „Словарь Писателей“, Геннади, I, 87. В. И.

ли въ польскомъ Патерикѣ какой черты, на которой бы сей мнимый доводъ католиковъ могъ имѣть нѣкоторый видъ основательности“. Въ заключеніе своего письма онъ проситъ корреспондента сообщить, нѣтъ ли у кого либо въ Кіевѣ какой нибудь древней монеты или вещи первобытныхъ нашихъ временъ, а особливо, если сыщется древняя грамота или лѣтопись на пергаментѣ, хотя бы списокъ съ Несторовой или другой лѣтописи, лишь бы онъ былъ „точно время древнихъ“. Румянцовъ приглашаетъ Берлинскаго „продолжать начатую переписку“.

Вскорѣ Берлинскій прислалъ уже Румянцову списки съ разныхъ относящихся до древностей російскихъ статей, а главнымъ образомъ къ исторіи Кіева за время владычества Польши; но Румянцовъ продолжалъ настаивать „что либо отыскать, относящееся до временъ Кіева первобытныхъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ Берлинскій прислалъ гр. Румянцову мѣдную монету, которую считали за Владимірову, а Румянцовъ обѣщаетъ узнать о ней мнѣніе знатоковъ. Далѣе гр. Румянцовъ получилъ отъ Берлинскаго снимокъ плана г. Кіева „съ прелюбопытнымъ истолкованіемъ тѣхъ мѣстъ, урочищъ и духовныхъ зданій, о которыхъ упоминаютъ древнія наши лѣтописи“. „Сей трудъ, прибавляетъ Румянцовъ, вамъ честь сдѣлаетъ и меня много утѣшитъ;... но не теряйте изъ виду, что самыя первобытныя времена исторій нашихъ суть тѣ, которыя я бы желалъ видѣть объясненными и дополненными; отыскивайте пожалуйста надгробныя надписи вокругъ и внутри развалинъ уничтоженныхъ самыхъ древнѣйшихъ забытыхъ церквей и монастырей, коихъ вы такъ удачно въ своей запискѣ память возстановляете. Не пренебрегайте также самыхъ древнѣйшихъ дуптиковъ и синодиковъ; въ нихъ могутъ находиться имена великихъ князей, супруговъ, дѣтей и сродниковъ, о которыхъ, статья можетъ, дошедшіе до насъ лѣтописцы и вовсе умолчали. Я васъ премного благодарю за то, что отыскали древній списокъ съ Патерика. Я бы желалъ полную и точную съ него копію имѣть. Поручите сіе исполнить, подъ надзоромъ вашимъ, молодому какому либо семинаристу. Изъ присланныхъ вашихъ изъ Патерика выписокъ рождается для меня неудоборѣшимый вопросъ, что онъ писанъ съ юсами, слѣдовательно письма стариннаго, весь-ли онъ таковъ? Сумнѣваюсь потому, что изъ другой выписки о разговорѣ князя Изяслава о латыняхъ слогъ самый новѣйшій, и нимало древнимъ

лѣтописямъ не свойственный, какъ напр.: „что съ латынями нелѣпо есть держать компанію“. Тутъ же гр. Румянцовъ проситъ прислать ему рисунокъ съ найденной въ пещерахъ лодки и весла, съ обозначеніемъ ихъ мѣры, и принять отъ него препровождаемую при семъ золотую табакерку, прибавляя: „Употребляйте ее на память той признательности, которую вы во мнѣ родить изволили любопытною вашею перепискою и впредь меня ею не оставляйте“ (письмо 38), а въ слѣдующемъ письмѣ уже благодаритъ Берлинскаго за рисунокъ весла и лодки и за принятіе посланнаго „гостинца“. Берлинскому онъ посылалъ отъ времени до времени суммы на разные расходы по своимъ порученіямъ. Такъ, переписка указаннаго Патерика обошлась ему въ 150 р. Вскорѣ онъ былъ обрадованъ новою присылкою отъ Берлинскаго—это были древніе синодики—межигорскаго и ниволаевскаго монастырей и вышгородской Борисо-Глѣбской церкви, которые, по словамъ Румянцова, содержали въ себѣ „имена особъ, принадлежащихъ великокняжескимъ домамъ, о которыхъ мы не были извѣстны“. Поэтому онъ просилъ Берлинскаго разыскать, — „нѣтъ ли въ Соф. соборѣ и въ Десятинной церкви древнихъ росписей митрополитовъ, а также синодикъ витаевской пустыни, въ которой, конечно, молились за упокой сродниковъ вел. кн. Андрея Боголюбскаго, ея основателя“, и синодикъ соборной церкви древняго города Васильва. Здѣсь и въ Вышгородѣ онъ просилъ сдѣлать разысканія о древнихъ надгробныхъ надписяхъ (Гомель, 19 ноября 1815 г.). Разысканія въ Вышгородѣ, дѣйствительно, были произведены, и расходы на нихъ взяла на себя А. А. Турчанинова, о происхожденіи и семьѣ которой интересовался тогда же узнать гр. Румянцовъ, а Берлинскому онъ писалъ: „Я возобновлю охотно домогательство свое у министра просвѣщенія на пользу вашу“, (5 пис.), сообщая при этомъ переводъ надписи, вышитой на омофорѣ и присланной ему прежде. Въ іюнѣ 1817 г. онъ выражаетъ свою печаль по поводу болѣзни Берлинскаго, а затѣмъ братъ Румянцова, С. П. Румянцовъ, посѣтилъ послѣдняго въ Кіевѣ (въ началѣ 1818 г., пис. 6 и 7). Румянцовъ просилъ Берлинскаго порыться въ бібліотекахъ Лавры и Братскаго монастыря, не найдется ли въ нихъ древнихъ списковъ „Р. Правды“ или другихъ рус. законовъ. Въ апрѣлѣ 1820 года онъ просилъ его пересмотрѣть древніе рукописные прологи и выписать изъ нихъ

нѣкоторыя житія, а у Могилянскаго попытаться прибрѣсть древнія золотыя монеты Ярославовы. Получивъ отъ Берлинскаго мѣдную копию съ золотой медали, Румянцовъ пишетъ: „Ежели переводъ съ греческой надписи вѣренъ, то медаль сія, или гривна, еще и новое имѣетъ историческое достоинство, почти обозначивъ, что предметъ ея есть Владимірово крещеніе; она даетъ поводъ къ заключенію, что и прочія золотыя гривны не пустое были украшеніе, а всегда относились къ воспоминанію и обозначенію какого либо важнаго случая или дѣла. Ваша мысль объ изображенномъ арханг. Михаилѣ достойна замѣчанія. Позвольте мнѣ добавить, что, хотя неизвѣстно—съ какого времени, но гербъ кievскій состоялъ въ изображеніи того же архангела“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о святомъ Уакинеѣ, но только не изъ болландистовъ, а по матеріаламъ, находящимся въ католическихъ и униатскихъ монастыряхъ, въ Гомелѣ и на Волыни, а именно, не хранится ли гдѣ древнихъ жалованныхъ ему грамотъ на рус. языкѣ отъ вел. князей (№ 15).

Черезъ Берлинскаго гр. Румянцовъ вошелъ въ сношенія съ пріоромъ доминиканскаго ордена, у котораго оказалась рукопись о древнемъ бытѣ Кіева. Онъ просилъ, чтобы послѣдній развѣдалъ, нѣтъ ли въ католическихъ монастыряхъ или въ помѣщичьихъ архивахъ кievской губерніи очень древнихъ документовъ и рукописныхъ книгъ, особенно на пергаментѣ, до XVI вѣка, касающихся Россіи, на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. „Охотно стану таковыя вещи прибрѣтать за деньги, и не упущу тогда ему заявить благодарность свою“. При этомъ гр. Румянцовъ выражаетъ свое неудовольствіе по слѣд. случаю. Іеродіаконъ и книгопродавецъ Кіево-печерской лавры прислалъ ему двѣ печатныя книги, которыя онъ имѣлъ уже. Возвращая ихъ черезъ Берлинскаго, онъ просилъ, чтобы лаврскій іеродіаконъ „не скучалъ уведомлять, гдѣ продаются какія либо древнія книги, но книгъ не присылалъ“; „тѣмъ болѣе, прибавляетъ онъ, что сей же іеродіаконъ вызываетъ меня на издержку для нѣкаго украшенія въ трапезѣ. Я сужу, замѣчаетъ Румянцовъ, что въ столь знаменитую лавру мелкихъ поданій, какъ мы дѣлаемъ во многіе монастыри, ей дѣлать непристойно, а большихъ издержекъ часто повторять не можно“. Въ другой разъ онъ отказалъ племяннику митр. Серапіона, нѣкому Александров-

скому, просившему, чтобы Румянцовъ заплатилъ въ лавкахъ долги за его дядю, простирающіеся до 5,600 р. (23 янв. 1825 г., № 30). Приобрѣтеніе двухъ древнихъ пергам. рукописей, Евангелія со вкладной 1376 г. и Апокалипсиса, въ концѣ котораго приписана молитва Господня, тождественная съ помѣщенной въ означенномъ Евангеліи, побудило Румянцова просить Берлинскаго сдѣлать выписки той-же молитвы въ харатейныхъ рукописяхъ въ Кіевѣ, чтобы доискаться, когда вошло въ употребленіе позднѣйшее чтеніе ея. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просить сдѣлать поиски харатейныхъ евангелій въ кіевскихъ монастыряхъ и церквахъ. „Всякую издержку за труды гг. списываю я понесу очень охотно“, прибавляетъ онъ. Выписки изъ Евангелія вскорѣ были доставлены ему Берлинскимъ, а затѣмъ Румянцовъ просить уже сообщить ему подробныя свѣдѣнія о древнѣйшемъ Евангеліи, находящемся въ Кіевской Печерской Лаврѣ, относительно буквъ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ, нѣкоторыхъ словъ (господина—жениха, пѣтухъ—куръ, алекторъ или пѣтелъ), и другихъ особенностей, о мѣсяцесловѣ въ концѣ Евангелія: съ какого мѣсяца начинается, есть-ли въ немъ праздники Покрова Богородицы, трехъсвятителей, перенесенія мощей Св. Николая, празд. Саввы Сѣвскаго и Феод. Печерскаго (№ 19, 6 фев. 1822). Румянцовъ завидоваль Берлинскому, что онъ можетъ имѣть часто доступъ въ митр. Евгенію, котораго онъ называетъ „единственнымъ путеводителемъ“ въ области кіевскихъ древностей (№ 20, 30 апр. 1822). Узнавъ, что въ Броварахъ у протопопа есть очень древнее Евангеліе, которое онъ готовъ продать за 300 р., Румянцовъ поручаетъ Берлинскому убѣдиться въ этомъ и представить его на заключеніе м. Евгенія (письмо 1823 г., № 21). Въ другой разъ гр. Румянцовъ просилъ Берлинскаго, при содѣйствіи м. Евгенія, разсмотрѣть собраніе медалей Пороховщикова, и увѣдомить его, нѣтъ ли между ними медалей царствъ воспорскихъ и бактріанскихъ и городовъ Ольвіополя и древняго Херсона (№ 22). О всякой новости въ области археологіи они спѣшатъ сообщить другъ другу. Вскорѣ послѣ этого, Берлинскій послалъ Румянцову рисунки съ кіевскихъ древностей, недавно отысканныхъ (№ 23, 19 іюля 1824), а Румянцовъ увѣдомляетъ его и м. Евгенія, что близь самага Херсона открытъ надгробный монументъ изъ мрамора, съ барельефнымъ изображеніемъ и латинскою надписью, обозначающею, что онъ поставленъ былъ надъ

тѣломъ умершаго тутъ трубача XI владіанскаго легіона, который служилъ въ войскѣ 14 лѣтъ и жилъ 36 лѣтъ. Не задолго до своей смерти, гр. Румянцовъ просилъ Берлинскаго прислать ему копію каталога документамъ (грамотамъ), хранившимся въ кievской казенной палатѣ, на которые указалъ ему м. Евгений. Интересуясь кievскими древностями, Румянцовъ рекомендовалъ Берлинскому и другихъ лицъ, желавшихъ ознакомиться съ ними по мѣстнымъ изслѣдованіямъ или на мѣстѣ. Въ августѣ 1820 г. онъ писалъ Берлинскому о П. М. Строевѣ, который отправлялся въ Кіевъ, для обозрѣнія древней столицы. Въ другой разъ онъ направилъ къ Берлинскому казанскаго ученаго Ник. Серг. Арцыбашева, который предлагалъ ему нѣкоторые вопросы о древнихъ урочищахъ Кіева, а отъ себя онъ послалъ Арцыбашеву сочиненіе Берлинскаго о Кіевѣ. Объ Арцыбашевѣ гр. Румянцовъ дѣлаетъ отзывы какъ о мужѣ, по нравственнымъ качествамъ и по просвѣщенію, отличнаго достоинства (№ 22, 22 ян. 1824). Наконецъ, Румянцовъ просилъ также Берлинскаго посодѣйствовать и П. И. Кеппену своими указаніями о русскихъ древностяхъ, во время пребыванія его въ Кіевѣ (отъ 14 дек. 1826). Къ сожалѣнію, въ рассмотрѣнной нами перепискѣ нѣтъ ни одного письма самаго Берлинскаго, о которыхъ не разъ упоминаетъ Румянцовъ.

Сношенія Румянцова не ограничивались русскими учеными и собраніями историческихъ матеріаловъ. Ву въ Караджичъ описывалъ для него грамоты, находящіяся въ Сербіи и сообщалъ ему свѣдѣнія о сербской литературѣ. Самъ Румянцовъ обращался къ нему съ вопросомъ, извѣстны ли Сербамъ имена лицъ и народовъ, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ, и древнія слова, встрѣчающіяся въ нихъ, и получалъ отъ него отвѣты.

VI.

Для обозрѣнія иностранныхъ архивовъ и библиотекъ гр. Румянцовъ отправилъ за границу двухъ молодыхъ людей—Магнуса фонъ-Штрандманъ—въ Италію, и К. Шульца—въ Германію, а въ особенности въ Кенигсбергъ. Для собранія свѣдѣній о французскихъ библиотекахъ, онъ обратился къ бібліотекарю королевской парижской бібліотеки Газе, а за свѣдѣніями объ архивахъ Англии, Швеціи и Даніи—къ русскимъ посланникамъ, и просилъ ихъ по-

ручить обзорѣніе тамошнихъ матеріаловъ чиновникамъ посольствъ, пригласивъ для списыванія всѣхъ памятниковъ, касающихся Россіи и до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ, опытныхъ людей. На все онъ назначалъ собственные средства. По полученіи этихъ матеріаловъ, графъ Румянцовъ предполагалъ издать полное собраніе иностранныхъ актовъ и извѣстій о Россіи до времени Петра В., подъ заглавіемъ: *Congrus auctorum regum moscovitarum*, безъ измѣненія ихъ слога и языка и раздѣливъ все изданіе на три періода: отъ Ивана III до ц. Ѳедора Ивановича, время междуцарствія и время Романовыхъ.

Впрочемъ поѣздка Шульца въ Кенигсбергъ ограничилась открытіемъ переписки между в. кн. Василиемъ Ивановичемъ и магистромъ Лив. ордена, маркграфомъ Бранденбургскимъ Альбрехтомъ, по поводу заключенія общаго союза противъ польскаго короля Сигизмунда (причемъ Альбрехтъ называетъ Василія императоромъ). Грамоты Вас. Ив. писаны были на латинскомъ и славянскомъ, а Альбрехта на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (пис. Шульца въ редакт. „С. Отеч.“ 1814, № 36). Но, не смотря на ходатайство Румянцова, ему не дали документовъ, содержащихъ въ себѣ сношенія между Пруссією и Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, заключавшихся въ 5 книгахъ и составлявшихъ интересные дневники бранденбургскихъ посланниковъ и инструкціи, данныя имъ для исполненія порученій въ Россіи. Изъ кенигсбергскаго архива они были перенесены въ тайный придворный архивъ въ Берлинъ, гдѣ видѣлъ ихъ потомъ извѣстный собиратель матеріаловъ о Россіи, А. И. Тургеневъ.

Зато поѣздка Штрандмана (въ нач. 1820-хъ годовъ) въ Италію имѣла весьма важный результатъ. Ему были открыты всѣ важнѣйшія бібліотеки Италіи. Выписки изъ матеріаловъ онъ немедленно пересылалъ канцлеру. Главныя находки были сдѣланы имъ въ Римѣ и Флоренціи, въ бібліотекахъ Барберини и Валичелли (въ Римѣ) и во флорентійскомъ архивѣ. Онъ обнимаютъ XV вѣкъ (письмо митр. Исидора къ флорент. собору изъ Кандіи, 7 іюля 1453 г., и истор. записка объ Исидорѣ), XVI и XVII вѣка, включая въ себѣ донесенія посланниковъ и описанія москов. государства (между прочимъ Тіеполо, мнимаго Пернштейна¹⁾,

¹⁾ Объ этомъ вопросѣ см. „Сборникъ соч. студ. унив. св. Владиміра“ т. I., 1880 г.

Барберини); сношенія съ папскимъ дворомъ въ XVI и XVII в.; извѣстія о временахъ самованца до второй половины XVII в. (Альбертъ Вимена да Ченедя). По поводу находокъ Штрандмана, гр. Румянцовъ писалъ Евгенію: „кажется, все предсказываетъ, что мы въ нихъ найдемъ и для поясненія рос. исторіи жатву отличную“ ¹⁾. Въ Парижѣ гр. Румянцовъ преслѣдовалъ другую цѣль: онъ предложилъ значительную сумму денегъ эллинисту Газе и ориенталисту С. Мартену, для изданія тѣхъ восточныхъ и византійскихъ писателей, которые еще не были напечатаны. Такимъ образомъ въ 1819 г. Газе издалъ исторію Льва-діакона въ греческомъ и латинскомъ текстахъ, съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ статей изъ рукописей парижской бібліотеки, въ числѣ которыхъ заслуживаютъ вниманія записка греческаго топарха о Таврическомъ полуостровѣ въ половинѣ X вѣка ²⁾ и отрывокъ изъ исторіи Іоанна, архіеп. солунскаго, о чудесахъ св. Дмитрія, —важный для исторіи Солуня. Съ своей стороны Румянцовъ тогда же распорядился перевести на русскій языкъ сочиненіе Льва-діакона, важное для русской исторіи; трудъ этотъ былъ выполненъ профес. спб. унив. Поповымъ и напечатанъ въ 1820 г. Но другихъ византійскихъ писателей (Мих. Пилла, Ник. Григоры и особенно интересовавшаго Румянцова—Г. Амартола) ему не пришлось видѣть ³⁾. Впрочемъ Газе ѣздилъ осматривать бібліотеки генуэзскую, миланскую и венеціанскую, гдѣ открылъ нѣсколько неизвѣстныхъ визант. писателей и вариантовъ къ нимъ (Вѣст. Евр., 1821, №3), а также въ Испанію, для извлеченія въ тамошнихъ монастыряхъ арабскихъ рукописей (Ивановскій, 48) ⁴⁾. Сень-Мартенъ собирался издать исторію Чингисъ-хана, Батые и нашествія монголовъ, извѣстія о хазарахъ, при посредствѣ Френа и Гаммера, даже грузинскія лѣтописи, но и этотъ планъ не состоялся ⁵⁾.

¹⁾ Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 95—97, 100, 101, 117.

²⁾ О запискѣ Топарха въ послѣднее время писали: Брунъ, Куникъ, Геденовъ, Васильевскій.

³⁾ Для этой цѣли въ Парижъ было отправлено имъ нѣсколько тысячъ франковъ впередъ. „Журн. Мин. народн. проsv.“, 1850, т. LXV, отд. V., стр. 4.

⁴⁾ На Кавказѣ для Румянцова разыскивались грузинскія и армянскія рукописи.

⁵⁾ Вѣст. Евр. 1820, № 13; пис. въ гр. Румянцову.

Сумма, оставшаяся послѣ него, по желанію академіи наукъ, была пере-

Англійское правительство съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ предпріятію Румянцова и разрѣшило русскому послу въ Лондонѣ, гр. С. Р. Воронцову, извлечь изъ посольскаго архива— всѣ матеріалы, касающіеся сношеній Россіи съ Англіею съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. Списки эти дѣлались въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ препровожденъ гр. Румянцову (1817 г.), а другой остался у гр. Воронцова, также любителя отечественной исторіи. Но экземпляръ Румянцова не вошелъ потому въ составъ его музея. Кромѣ того, для него были сдѣланы списки и выписки изъ рукописей, хранящихся въ Котоніанской и другихъ лондонскихъ бібліотекахъ и составленъ обзоръ всѣхъ книгъ и рукописей на славянскомъ языкѣ, находившихся тамъ. Бѣльшая часть бумагъ, извлеченныхъ отсюда, заключаетъ въ себѣ, конечно, извѣстія о торговыхъ сношеніяхъ Англии съ Россіею въ XVI—XVII в., но въ числѣ ихъ были также русскія лѣтописи (одна до 1499 г. другая—новгородская лѣтопись—первая по 1443 г.). Отъ другихъ корреспондентовъ гр. Румянцова были доставлены: папскія буллы шведскому духовенству о русскихъ и славянахъ и грамоты венигсбергскаго архива, относящіяся къ Литвѣ. П. И. Кеппенъ и Бандтге собираютъ для него свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, находящихся внѣ Россіи. (Старчевскій, Жур. мин. нар. проsv., 1846, XLIX, переписка Евгенія и Востокова). Румянцову удалось даже проникнуть въ малодоступную императорскую вѣнскую бібліотеку, въ которой оказалось 114 №№ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ Россіи, Польшѣ и Литвѣ, съ XV стол., и онъ началъ гоняться, чтобы добыть ихъ (Перепис. Евгенія съ Румянцовымъ, 21); причѣмъ онъ не скрываетъ, что „легче домогаться по такой статьѣ въ чужихъ государствахъ, нежели въ отечественныхъ предѣлахъ.“ „Вы изволите видѣть, какой рой надо мною вѣтса!“ писалъ гр. Румянцовъ м. Евгенію, по поводу своихъ розысканій въ иностранныхъ бібліотекахъ и архивахъ. „Я ужъ нѣсколько лѣтъ домогаюсь, чтобы отыскивали въ Гентѣ, Бриггѣ, Дортрехтѣ, Пперпѣ бумаги, относящіяся къ тѣмъ древнимъ сношеніямъ, которыя имѣли по торговлѣ сіи города съ Россіею“¹⁾. Узнавъ, что дана, въ 1845 г., Газе на изданіе византійскихъ писателей, Жур. Нар. Просв., LXV, отд. V, 9 и 6.

¹⁾ Вскорѣ въ нѣмецкомъ журналѣ появилось извѣстіе о находкѣ 57 актовъ, въ Бриггѣ, голландскимъ ученымъ Схелтемю, имѣющихъ отношеніе къ сред-

въ одной шведской гимназiи хранятся какия-то славянскія рукописи, онъ до тѣхъ поръ не успокоился, пока не удалось ему получить копии и реестры ихъ ¹⁾. По его соображенiямъ выходило, что древнiе Медичи должны были имѣть прекрасную коллекцiю картъ Тавриды, Чернаго и Азовскаго морей. Карты эти (числомъ 15) были отысканы во Флоренци, съ нихъ сняты копии, и въ числѣ ихъ оказалась карта Сарматiи и Азиатской Скифiи XIII в. „Всѣ любители рос. древностей, заключаетъ онъ свое письмо къ Малиновскому, радуются вмѣстѣ со мною моему приобрѣтенiю (статья Барсова и переписка м. Евгениа съ Румянцовымъ, 32). Еще въ XVIII в. извѣстный ростовскiй ориенталистъ О. Г. Тихсенъ обратилъ вниманiе на существованiе владовъ съ арабскими монетами IX и X в. на берегахъ Балтики и въ Россiи. Узнавъ о его изслѣдованiяхъ, гр. Румянцовъ вступилъ съ нимъ въ сношенiя (въ 1815 г.), причемъ Тихсенъ настаивалъ на необходимости подобныхъ разысканiй въ Россiи. Дѣйствительно, въ 1822 г., въ имѣнiи гр. Румянцева, м. Гомелѣ (Могилевской губ.) былъ найденъ такой владъ съ 82 куфическими монетами Сассанидской династiи (896—943 гг.), поступившiй въ Румянцовскiй музей и описанiе которому было составлено рус. ориенталистомъ Френомъ. (Допол. къ статьѣ Старчевскаго, въ журн. М. Н. Пр., XLIX; Мухамед. Нумизм. Савельева, стр. 25, гдѣ помѣщено изслѣдованiе Френа; Hartmann s'. O. G. Tychsen oder Wanderungen u. s. w. Bd. II, Abt. II).

VII.

На счетъ гр. Румянцева были изданы слѣдующiе труды:

1) Лербергъ, Изслѣдов., служ. къ объясн. древ. рус. ист. Спб. 1819, съ нѣмецк. изданiя Ав. Наукъ (1816 г., съ объясн. Круга) ¹⁾. Библиотека Лерберга была куплена гр. Румянцовымъ по смерти автора.

нѣвѣковой торговлѣ съ Россiею, списки съ которыхъ готовились для Румянцева. Изъ Любека ему прислали списокъ акта о торговлѣ съ Новгородомъ, относящагося къ 1392 г.; изъ-заграницы же онъ получилъ рѣдкое венецiанское изданiе славянскаго служебника—1519 г. (Переписка съ Евгениемъ, 75—76).

¹⁾ Въ числѣ ихъ была и хроника Ф. Сафоновича. Переписка съ Евгениемъ, 33—35.

²⁾ Переводъ сдѣланъ Д. И. Языковымъ, переводчикомъ Шлецера. В. И.

2) Путешествіе въ южн. океанъ и Беринговъ проливъ для отысканія Сѣвер. Вост. морскаго прохода, совершенное на кораблѣ Рюрикъ, подъ нач. лейт. Коцебу 1815—1818 гг., въ 3 ч., съ рисунками и картами.

3) *Geschichte der Russen*. Учебникъ Эверса. 2 ч. 1816—1818. Дерптъ.

4) *Sammlung Russischer Gesch.*, т. X, продолж. Миллеровскаго Сборника или *Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte*. Г. Эверса и М. Энгельгардта. Дерп. 1816. (Собр. иностр. соч. о Россіи и свѣд. о нѣм. колоніяхъ въ Россіи, Рус. Правда, торгов. догов. Мстислава Давыдовича съ нѣмцами).

5) Труды Θ. Аделунга: 1) *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*. Berl. 1816, 2) *Sieg. Freih. v. Herberstein mit besonder. Rücksicht auf seine Reisen in Russland*, J. P., 1818, 3) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ (переводъ съ нѣмец.). Спб. 1827 ¹⁾; 4) *Die Korssunschen Thüren in der Cathedral-Kirche in Heil. Sophia in Nowgorod* (съ таблиц.). Берл. 1823. М. 1834 (переводъ).

6) Законы в. кн. Василя III и ц. Ивана Васильевича IV. (Строеза и Калайд. М. 1819; новое изд. 1877 г.).

7) Соф. Времен. 862—1534, 1820—21 гг., 2 ч., изд. Павла Михайловича Строева.

8) Древ. рус. стихотворенія, собр. Киршею Даниловымъ, изд. К. Калайдовича, 1818.

9) Памят. рус. слов. XII в. (соч. Кир. Тур., М. Никиф., Данила Заточника, вопросы Кирика) К. Калайдовича, М. 1821.

10) Письма объ археол. изслѣд. въ Рязан. губ., съ рисунк. найденныхъ тамъ древностей въ 1822 г., К. Калайдовича, М. 1823.

11) Иоаннъ, экз. Болгарскій, М. 1824. Калайдовича.

12) Опытъ о посадникахъ новгородскихъ, М. 1821. Трудъ протоіерея І. Григоровича.

¹⁾ Собраніе рисунковъ до тѣхъ поръ не было издано и хранилось въ королевской библіотекѣ въ Дрезденѣ. Узнавъ о немъ отъ Аделунга, гр. Румянцовъ поручилъ ему сдѣлать вѣрные снимки, которые и были изданы, по смерти канцлера, его братомъ.

- 13) Бѣлорус. архивъ древ. грамотъ, М. 1824. I. Григоровича.
- 14) Словарь писателей духовнаго чина греко-рос. церкви, м. Евгенія Болховитинова, 2 ч.
- 15) Рустрингія, первонач. отечество в. кн. Рюрика и его братьевъ, Гольмана. Перев. Снегирева, 1819.
- 16) О походѣ новгородцевъ въ Финляндію, упоминаемомъ въ русскихъ лѣтописяхъ. Гиппинга. Спб. 1820.
- 17) Зап. о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ Средней Азіи, Назарова. Спб. 1821.
- 18) Древнія государ. грамоты, наказныя памяти и челобитныя, собр. въ Пермской губ. В. Берхомъ. Спб. 1821.
- 19) *Lexicon linguae Finnicae*. Revall, Aboe. 1823.
- 20) *Description d'une medaille de Spartacus, etc.*, изъ кабинета гр. Румянцова. Спб. 1824.
- 21) Кирилль и Меодій, Слав. первоуч., Добровскаго, пер. Мих. Петр. Погодина М. 1825.
- 22) Hammer. *Sur les origines Russes, extraits des manuscrites orientaux*. Спб. 1825.
- 23) Сибирскія надписи, собранныя Спасскимъ, 1822.
- 24) Сибирская лѣтопись, изд. Г. Спасскимъ, 1821 (указ. въ Древ. и Нов. Россіи, рус. Палеологи, 1880, №, 4, стр. 745).
- 25) Собрание слав. памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, собр. Кепшеномъ. Спб. 1827 (выписки изъ Остром. Еванг., статьи изъ Фрейзинг. рук., хран. въ Мюнхенѣ, Стефаново четвероеванг. 1492, палеогр. снимки изъ Остр. Еванг. и др.)
- 26) Татарскій текстъ соч. Абулгази, напеч. въ 1825 г., въ Казани, Френомъ съ предисл. на латин. яз. (*Abulghasi Bahadur Chani Historia Mongolorum et Tartarorum*).
- Въ 1829 г. въ Петербургѣ вышло сочиненіе подъ заглавіемъ „О соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней христіанства до цар. Іоанна IV“, посвященное памяти гр. Румянцова. Авторъ Н. Т. (т. е. Турчаниновъ, учит. 3 гимназій) въ предисловіи заявляетъ, что эта книга написана по волѣ канцлера и даже по програмѣ, данной имъ автору. Теперь эта книга очень рѣдка. Извѣстное „Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви“, студ. московской духовной акад. Николая Руднева (М. 1838), также написано „по предложенію“ канцлера Румянцова. Кромѣ того гр. Румянцовъ предполагалъ издать „Древ-

нія путешествія Россіянъ“ (36 авторовъ) ¹⁾; опис. москов. синод. библиотеки; весьма важную дербентскую лѣтопись (Дербентъ-Наме); Сборникъ Святослава, изданіе котораго приготавлилъ Востоковъ и предчувствіе близкаго выхода котораго „вливало радость въ душу“, по собственнымъ словамъ Румянцова (Барсовъ). Онъ сознавалъ важность и необходимость справочнаго словаря для именъ, географическихъ названій, статистическихъ данныхъ, татарскихъ именъ и т. п., составленнаго по лѣтописямъ и другимъ источникамъ ²⁾ и просилъ митр. Евгенія найти свѣдущихъ людей въ псковской семинаріи, но послѣдній отклонилъ отъ себя таковой способъ составленія этого труда (ib. и переписка съ Евгеніемъ). Въ Кіевскую академію Румянцовъ назначилъ 3,000 р. на вѣчныя времена для выдачи премій за лучшія сочиненія по русской исторіи ³⁾. Не желая обременять государственное казначейство, гр. Румянцовъ предлагалъ стороною Карамзину 50,000 р., для изданія его исторіи, но послѣдній не согласился принять пособіе „отъ партикулярнаго человѣка“. (Н. М. Карамзинъ, Погодина, II, 136). Въ 1826 г. онъ хотѣлъ отправить на свой счетъ въ Италію Погодина, для разысканій по русской и славянской исторіи, и сдѣлалъ уже всѣ приготовленія, но внезапно скончался (Автобіогр. Погодина, въ Словарѣ проф. моск. унив., II, 257). Отчасти гр. Румянцовъ оказывалъ свою помощь и извѣстному путешественнику З. Я. Доленгаходоковскому (Судьбы археологій въ Россіи, Погодина, стр. 14).

Румянцова занимали самые разнообразныя вопросы, возникавшіе при чтеніи древнихъ памятниковъ и новыхъ изслѣдованій,

¹⁾ Какіе путешественники должны были войти въ этотъ сборникъ, см. у Терещенка, II, 257—261. Собираніемъ этихъ матеріаловъ занимался А. О. Малиновскій. Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 31.

²⁾ Строевъ потомъ предлагалъ исполнить это предпріятіе, но оно также не исполнилось.

³⁾ Въ 1830 г. въ Кіевѣ была издана книга: „Изслѣдованіе кіевской церкви св. Іліи, упоминаемой въ договорѣ вел. кн. Кіевского Игоря Святославича съ греками 954 г., сохраненномъ въ лѣтописи пр. Нестора. Сочин., писан. за награду, уставомъ покойн. канцлеромъ гр. Н. П. Румянцовымъ, студ. К. Дух. Академіи Ефимомъ Остроумсленскимъ“. Кіевъ, 37 стр. Въ немъ доказывается подлинность договоровъ и свидѣтельства Нестора о церкви св. Іліи, причѣмъ представлено изслѣдованіе мѣстности послѣдней. Румянцовскія награды за сочиненія по русской исторіи выдавались въ академіи до послѣдняго времени.

какъ обстоятельства крещенія Ольги ¹⁾, исторія древняго Херсонеса, походъ Ульба на желѣзные ворота, извѣстія о Хазарахъ и Уграхъ, путь Ольгерда во время похода его на Москву, второй бракъ Витовта на русской, древность православія на Волыни, судьба галицкаго княжества, происхожденіе имени Пскова, кто былъ авторъ житія Сергія, сличеніе новыхъ списковъ "Русской Правды", начертанія буквъ въ древнихъ рукописяхъ, вопросы по восточной нумизматикѣ, татарскія грамоты, финскій словарь, литовскія древности; свеоготскіе законы, изданные въ Стокгольмѣ, по отношенію ихъ къ древнему русскому законодательству (переписка Евгенія, Востокова и Калайдовича). Онъ самъ перечитывалъ и русскія лѣтописи, и акты, получаемые съ разныхъ сторонъ ²⁾. Для него дѣлають переводы—изъ польскаго гербовника, съ латинскаго—венигсбергскихъ актовъ, съ датскаго—скандинавской саги. Въ его библиотекѣ были болландисты, французскія хроники въ изданіи Гизо, сочиненія Фогта о Пруссіи и Литвѣ и т. п. Читая рукописи, онъ дѣлаеть палеографическія и историческія замѣтки, а по поводу надписи на колоколѣ въ монастырѣ Саввы Сторожевскаго высказываетъ свои соображенія (Калайдовичъ, Безсонова, 148). При посредствѣ м. Евгенія, Григоровича и проф. Лобойко ³⁾ онъ знакомится съ польскою археологическою и историческою литературою. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ замѣчаній Востокова на древнюю славянскую рукопись, найденную въ Барберинской библиотекѣ, и о супрасльсвой рукописи, отъ которыхъ ставилъ въ зависимость изданіе послѣдней. „Всѣ письма ваши отиѣнно меня занимають, писалъ онъ Востокову.

1) Разсужденія по этому вопросу въ перепискѣ съ Евгениемъ, 48—50.

2) Вопросъ о происхожденіи руссовъ близко интересовалъ Румянцова. Такъ, имъ былъ заказанъ переводъ Рустрийги Снегиреву, а въ письмахъ къ м. Евгению онъ высказалъ свой взглядъ на этотъ предметъ; онъ обратилъ вниманіе на раннее упоминаніе имени руссовъ у одного восточнаго писателя (Табари), а послѣ его смерти Погодинъ издалъ на его счетъ соч. Неймана, о жилищахъ руссовъ (переписка съ Евгениемъ).

3) Ив. Никол. Лобойко—воспит. харьк. унив., профес. виленск. унив., членъ моск. общ. любит. словесн., напечаталъ: «О важнѣйшихъ изданіяхъ записокъ Герберштейна о Россіи (изъ книги Аделунга) въ „Соревнователѣ“ и отдѣльно. П. 1818 г.; „Обр. російскихъ стихотвореній“, Вильно, 1827 г.; „Взглядъ на древн. словесность скандинавскаго сѣвера“. П. 1821. Словарь Геннади, т. II.

Вы для меня, какъ французы говорятъ, *la loi et les prophètes*“ (157—169, 218—219. Переписка Востокова). Съ Евгениемъ онъ ведетъ обширную переписку о славянскихъ кормчихъ; онъ возражаетъ Успенскому на его объясненія древнихъ терминовъ (Письма къ Евгению, 12); Карамзину—на его мнѣніе о позднѣйшемъ происхожденіи надгробныхъ памятниковъ (*ibid*); вмѣстѣ съ Евгениемъ онъ признаетъ изслѣдованіе о черниговской гривнѣ, приписываемое Каченовскому (Вѣст. Евр.), ученымъ и умнымъ (*ib.* 58). Кепшенъ увѣдомляетъ его о древнихъ камняхъ съ надписями въ Островскомъ уѣздѣ—и Румянцовъ спѣшитъ съ разъясненіемъ ихъ; по указанію Канкринна, онъ разыскиваетъ камни на Двинѣ. При посѣщеніи Кіевской Лавры, обращаетъ вниманіе на рукопись Палинодіи; при проѣздѣ черезъ Москву, покупаетъ рукопись о Лжедмитріѣ, заключающую въ себѣ новыя свѣдѣнія. „Она тѣмъ любопытна, пишетъ онъ митроп. Евгению, что многое иначе упоминаетъ, нежели уже принято нами за истину“ (стр. 48). Отправившись для лѣченія на Кавказъ, онъ не преминулъ осмотрѣть древніе памятники въ степяхъ (Переписка съ Евгениемъ, 78). По его побужденію было сдѣлано приглашеніе смоленскимъ губернаторомъ объ открытіи и сохраненіи древнихъ рукописей и памятниковъ древности (17—19) ¹⁾. Съ тою же цѣлью онъ списывался съ вятскимъ, архангельскимъ архіереями и съ новгородскимъ губернаторомъ; онъ разсылалъ подробныя программы для археологическихъ разысканій. Узнавъ о рукописяхъ, принадлежавшихъ Анастасевичу, и богатомъ рукописномъ собраніи Саловодзьева, о смерти того или другого собирателя рукописей и монетъ, онъ хлопочетъ объ ихъ приобрѣтеніи, не щадя средствъ. „Я неуспыно стараюсь, пишетъ онъ Востокову, о напечатаніи древнихъ документовъ и рукописей. Подаютъ мнѣ часто надежду, но вскорѣ опять все забываютъ и донинѣ существующая лѣнь и нерадѣіе беретъ верхъ по прежнему“. Григоровичу онъ пишетъ: „Не упускайте развѣдывать о всѣхъ продажныхъ, очень древнихъ, рукописяхъ на пергаментѣ и меня о томъ увѣдомлять“ (Переписка Григоровича, 61). Съ не меньшимъ рвеніемъ онъ хлопоталъ о при-

¹⁾ Подробная инструкція объ этомъ губернатору въ Евгеньевскомъ сборникѣ, выпускъ I.

обрѣтеніи за границею старинныхъ славянскихъ изданій и вообще рѣдкихъ книгъ. (Переписка Восточкова, 184). Узнавъ объ открытіи въ колокольнѣ харьковскаго собора старинныхъ бумагъ (XVIII в.), онъ настаивалъ передъ Евгеніемъ на подобномъ же осмотрѣ всѣхъ церквей его епархіи (ib. 21), и, насколько это предположеніе имѣло свое основаніе, лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить находка бумагъ Берхомъ подъ колокольнею въ Соликамскѣ (Переписка Берха, 153) и еще недавнее открытіе актовъ архимандритомъ Леонадомъ въ колокольнѣ ваддайскаго Иверскаго монастыря (Историч. бібліотека Арх. Ком., V).

Но и эта дѣятельность еще не удовлетворяла Румянцова. Препровождая митр. Евгенію изслѣдованіе о древнихъ черниговскихъ городахъ, онъ прибавляетъ: „Я желалъ бы, чтобы примѣру сему послѣдовали многіе, описывая и сличая съ лѣтописями каждый свой край“ (стр. 11). Тамъ, посѣтивъ новгородъ-сѣверскую гимназію, онъ предлагалъ преподавателямъ ея заняться составленіемъ исторіи сѣверскаго княжества (Ж. М. Н. П., т. LXXIV, стр. 50). Интересуясь славянами, онъ заказалъ переводъ соч. Раковецкаго и желалъ издать сербскую хронику Данила. Извѣстному польскому литератору, лексикографу и грамматіку Мронговіусу, въ Данцигѣ, Румянцовъ поручилъ заняться изслѣдованіемъ на мѣстѣ языка, нравовъ и быта Кашубовъ и оказалъ ему пособіе для этой цѣли. При этомъ ему была сообщена Румянцовымъ, для руководства, записка, „превосходно составленная“, по замѣчанію Прейса, которою могли даже руководствоваться позднѣйшіе филологи. (Отчетъ Прейса, Ж. М. Н. П., т. XXVIII, 1—24). Получивъ отъ Евгенія похвальный отзывъ объ изданіи памятниковъ Нѣмцевича — хотѣлъ его видѣть въ русскомъ переводѣ (Переписка Евгенія, 24, 26). О своей любознательности онъ писалъ тому же Евгенію: „Среди глубокой своей старости я, какъ нетерпѣливые молодые ученики, надобѣдаю учителю своему всякими вопросами; но мой наставникъ кротокъ духомъ и долготерпѣливъ“ (28). Это увлеченіе Румянцова духомъ науки, а не буквы ея, прекрасно характеризуется въ его интимномъ письмѣ къ Григоровичу по поводу продолжительнаго посѣщенія Евгеніемъ его бібліотеки въ Петербургѣ: „вотъ какъ надо любить просвѣщеніе и все то, гдѣ къ нему путь открытъ“, писалъ онъ (Переписка Григоровича, 61). Вотъ почему, со смертію Румянцова,

самому м. Евгенію пришлось отчаяваться въ возможности новыхъ разысканій на этомъ поприщѣ (ib., 92), а позднѣйшими изслѣдователямъ сожалѣть, что онъ не имѣлъ достойнаго преемника.

Въ этой заботѣ объ успѣхахъ отечественной науки не было ничего напускнаго, покровительственнаго или заискивающаго. Онъ дорожилъ не только грубымъ матеріаломъ, какъ остаткомъ старины, передъ которымъ такъ преклоняются иногда любители всякихъ коллекцій, но умѣлъ цѣнить внутреннее значеніе памятниковъ. Вотъ интересный примѣръ, какъ понималъ Румянцовъ историческую критику. Собираясь писать исторію Пскова, м. Евгений предварительно сообщилъ планъ ея гр. Румянцову, въ который входило, между прочимъ, описаніе чудотворныхъ иконъ. Отвѣчая на письмо Евгения, съ чувствомъ благодарности за сообщеніе его мыслей, гр. Румянцовъ прибавляетъ: „Но позвольте мнѣ, какъ искреннему слугѣ вашему, чистосердечно васъ спросить: и счисленіе чудотворныхъ иконъ удѣля ли исторіи“?—Гр. Румянцовъ истратилъ на ученые изданія и предпріятія 300,000 р., за что и за-границею, и въ Россіи называли его „кассиромъ рус. словесности“; но подобное пониманіе его роли—огорчало его самого и онъ по этому поводу писалъ м. Евгенію: „ошибаются эти люди—не этимъ я занятъ“, а Евгений отвѣчалъ ему въ свою очередь утѣшеніемъ: „Да, мы должны видѣть въ васъ высокопросвѣщеннаго мецената, не только нашего покровителя, но и руководителя“ (67, 98). При всемъ томъ, ему не нравились пышные отзывы о его покровительствѣ и „пустая вѣжливость величаніемъ его титуловъ“ въ предисловіяхъ къ его изданіямъ, и онъ просилъ исключать ихъ при печатаніи. За то онъ самъ спѣшилъ войти въ сношенія съ людьми, которые могли бы оказать содѣйствіе его цѣлямъ. Съ Востоковымъ онъ сближается за „глубокое познаніе имъ древняго рос. языка“; въ Калайдовичъ онъ цѣнилъ „необыкновенный даръ изыскивать и объяснять памятники древности“ (Биогр. Калайдовича, 36, 37); въ м. Евгениѣ онъ искалъ, „какъ любитель російскихъ древностей, учителя и наставника“; Малиновскому онъ пишетъ: „Я только тогда и богатымъ себѣ кажусь, когда вы хвалите то, что я приобретаю“. Онъ былъ счастливъ одною мыслью, что служить великому дѣлу науки. „Кажется, я богатѣю на пользу многихъ и сіе заключеніе меня много радуеть. Я, право, собою не занятъ“—

говорить онъ въ письмѣ къ тому же Малиновскому, по поводу своихъ рукописныхъ приобрѣтеній. Митроп. Евгенію, Востокову, Калайдовичу, Берху пересылаетъ необходимыя для нихъ книги или дѣлаетъ справки (Переписка Востокова, стр. 23—28, 162, 168, 181, Калайдовича 168 и др., Евгенія и Григоровича). Калайдовичу, занимавшемуся сочиненіями Кирилла Туровскаго, способствуетъ своими разысканіями о Туровѣ. Для этого онъ сносится съ польскимъ ученымъ Линде, съ уніатскимъ митрополитомъ, съ минскимъ губернаторомъ, съ м. Евгеніемъ, который и облегчаетъ разрѣшеніе вопроса. Графъ Румянцовъ входилъ даже въ мелочи изданія: его печалитъ плохой видъ словаря Евгенія и онъ велитъ уничтожить заглавный листъ съ своимъ именемъ (Переписка Евгенія въ Собрн. Ак. Н., V, 228); онъ самъ исправляетъ заглавіе въ книгѣ Кириши Данилова (Древнія вѣ. старинныя стихотворенія); возмущается употребленіемъ иностранныхъ терминовъ (пѣсь, фарсовъ); исправляетъ переводъ книги Добровскаго, сдѣланный Погодинымъ. Онъ приходилъ въ негодованіе, когда Малиновскій хотѣлъ уменьшить плату за трудъ Калайдовича¹⁾; онъ печалился, что Кеппенъ предпочелъ придворную службу занятіямъ палеографіей и самъ отказывается поднести трудъ Калайдовича государю, чтобы „честь этого изданія не была отнесена лично къ нему“; но устраиваетъ это для Калайдовича другимъ путемъ. Каждое появленіе новаго труда, при его участіи, вызвало въ немъ особенную радость (Біогр. Калайдовича, 44) и онъ любилъ сообщать авторамъ лестные отзывы и замѣчанія критиковъ на труды его сотрудниковъ (ib. 46). Калайдовичу онъ писалъ: „Я желалъ, чтобы вы были свидѣтелемъ той радости, которую почувствовалъ я, получивъ первый экземпляръ изслѣдованія вашего объ экзархѣ болгарскомъ“, и спѣшилъ тотчасъ-же послать экземпляры его митр. Евгенію и ученому Добровскому. Благодаря заступничеству Румянцова, профес. Даниловичъ²⁾, Плисовъ

¹⁾ Но Румянцову приходилось приобрѣтать много и потому онъ иногда дорожилъ деньгами. Переписка съ Калайд., 180—181. Переписка Востокова, 117. „Графъ Румянцовъ не былъ щедръ“, говоритъ Погодинъ, Судьбы археологін, стр. 11.

²⁾ На Даниловича онъ возлагалъ изданіе открытой имъ литовской лѣтописи, но русскими буквами, и устава Казимира (Переписка съ Востоковымъ, 151, Переписка съ Евгеніемъ, 121), лучшій списокъ котораго онъ старался разыскать черезъ м. Евгенія и барона Розенкампа (126). В. И.

(бывш. проф. петерб. унив., а потомъ его библиотекаръ, Переписка Востокова, 456) и самъ Калайдовичъ были избавлены отъ постигшихъ ихъ гоненій и получили возможность принести несомнѣнную пользу наукѣ. Центромъ дѣятельности Румянцовскаго кружка продолжалъ быть московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ. Такъ, гр. Румянцовъ поручалъ Малиновскому озаботиться пріисканіемъ и подготовкою молодыхъ ученыхъ для дальнѣйшей дѣятельности. Онъ обратилъ его вниманіе на статью Саларева о русскихъ грамотахъ, появившуюся въ „Вѣсти. Европы“; на Погодина, о которомъ писалъ ему Калайдовичъ, и пригласилъ его переводить ученые труды для своихъ изданій; на сочиненія Арцыбашева и Сенковского (см. Перепис. съ Евгениемъ).

VIII.

Къ Петербургу и погонѣ тамъ за карьерой Румянцовъ относился крайне скептически: „Здѣсь у насъ въ Петербургѣ, писалъ онъ Малиновскому, всякое дѣло ставятъ ниже своихъ занятій“. Можно даже сказать, что Калайдовича, Строева, Востокова, Григоровича—Румянцовъ удержалъ въ той сферѣ, въ которой они принесли неоцѣненную услугу отечественной наукѣ, а между тѣмъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ представлялась иногда болѣе заманчивая перспектива. Новое открытіе или изданіе мигомъ облетало небольшой кружокъ тогдашнихъ ученыхъ и любителей старины: Карамзина, м. Евгенія, Оленина, Ермолаева, Калайдовича, Круга, Востокова (Переписка съ Востоковымъ, 173 и др.) и др. Исторія Карамзина не только обязана многими матеріалами дѣятельности этихъ ближайшихъ сотрудниковъ Румянцова, но даже предварительно просматривалась и исправлялась въ архивѣ мин. ин. дѣлъ (Малиновскимъ и Калайдовичемъ, Барсовъ, Древ. Рос. 1877, № 5, стр. 21—22) ¹⁾. Еще не задолго до своей смерти, Румянцовъ обращался къ Евгенію за разъясненіемъ слова ебра (125), въ Калайдовичу—о рукописяхъ и монетахъ (Безсоновъ, 200) и распорядился объ отсылкѣ Добровскому рус. перевода его соч. о Кириллѣ и Меѳодіѣ (Переписка Востокова, 448).

¹⁾ Значеніе для Карамзина этого кружка весьма ясно выступаетъ въ его Письмахъ къ Малиновскому, М. 1860 г.

Гр. Румянцовъ скончался на 73 году (3-го января 1826 г.), вслѣдствіе ушиба ноги, и похороненъ въ Гомелѣ. Передъ смертію онъ просилъ брата докончить начатое изданіе Путеш. Мейерберга по Россіи (на нѣм. яз. Аделунга и въ перев. Спб. 1827 г. съ атласомъ). Онъ желалъ, чтобы все драгоцѣнное собраніе его рукописей и рѣдкостей было открыто для общаго пользованія. Открытіе его состоялось въ 1831 г., подъ именемъ Румянцовскаго музея, въ Петербургѣ ¹⁾, въ домѣ гр. Румянцова, откуда оно было перенесено въ Москву въ 1861 году, и переименовано „въ Московскій публичный и Румянцовскій музей“. Въ составъ его вошли слѣдующія коллекціи: бібліотека печатныхъ и рукописныхъ книгъ и ландкартъ, минералогическій кабинетъ, минцъ-кабинетъ и собраніе рѣдкостей. На музей была сдѣлана надпись: „отъ государственнаго канцлера гр. Румянцова на благое просвѣщеніе“ ²⁾. Еще при жизни Румянцовъ успѣлъ собрать 752 рук., начиная съ XII вѣка. Иностранныя рукописи музея писаны на разныхъ европ. и азиат. языкахъ. Первые пріобрѣтены изъ разныхъ иностранныхъ бібліотекъ и архивовъ, а послѣднія отъ частныхъ лицъ. Печатныхъ книгъ въ музей было до 40,000, расположенныхъ по отдѣламъ наукъ, изъ нихъ 2,375 книгъ на рус. языкѣ, въ числѣ которыхъ было много весьма цѣнныхъ пріобрѣтеній церковной печати. Однихъ первоначальныхъ изданій (*incipabula*), какъ-то твор. св. отцовъ, лѣтоисей, папск. постановленій и пр. около 200. Въ его собраніи находились также великолѣпныя изданія Наполеона I и его второй жены Маріи-Луизы, подаренныя ими Румянцову; монетъ и медалей было 1,594, ландкартъ и черте-

¹⁾ Впрочемъ м. Евгений замѣчаетъ: „И такъ намѣреніе канцлера сдѣлать свою бібліотеку особою публичною не исполнилось, а подѣ въдомомъ министерства (нар. проsv.) она будетъ не славна“. Переписка Востокова, 265.

²⁾ Извѣстны также пожертвованія гр. Румянцова въ другія ученыя учрежденія: абовскому университету (Вѣст. Евр. 1816 г., ч. 87, № 11), нѣжин. лицей (Барсовъ), новгородъ-сѣверской гимназіи (пис. канцл. къ директ. И. И. Халанскому, Черниг. губ. вѣд. 1852 г. № 12), Импер. публичной бібліотекѣ (біогр. Румянцова, Ивановскаго, 31), а въ 1813 г. онъ открылъ на свои средства публичную бібліотеку въ Великихъ Лукахъ Псковской губ. (ib. 32—33). Онъ изъявилъ готовность Сперанскому снабдить Иркутскую бібліотеку книгами по отечественной исторіи (перепис. съ Берхомъ). Въ Гомелѣ у него была ланкастерская школа (переписка Григоровича, 50). В. И.

жей 640 (Терещенко, II, 262 — 264 ¹⁾). Благодаря его собранію и участию въ ученыхъ экспедиціяхъ и были составлены тогда первыя научныя описи архивовъ и библіотекъ и выписки изъ ихъ матеріаловъ ²⁾: таковы каталоги рукописей Сторожевскаго мон., реестры рук. синод. библ., кирилловской книгохранительницы, рук. Соф. (Новгор.) библ., Троицкой лавры, описи рукоп. моск. архива ин. дѣлъ и мн. др. монаст. библ.; сдѣланы были выписки изъ рук. Волокол. мон. на 69 листахъ, Новгор. Соф. библ. на 60 л., Спб. дух. ак., изъ актовъ москов. глав. архива ин. дѣлъ (Старчевскій, 46—47). Описаніе славяно-рус. рукописей Рум. музея напечатано уже въ 1842 г. (объ указатель къ нему см. переписку Востокова, примѣч. 3). Право изданія и клише тѣхъ изданій, которыя выходили при содѣйствіи моск. архива ин. дѣлъ, гр. Румянцовъ передалъ комисіи печатанія госуд. грамотъ, состоящей по настоящее время при томъ же архивѣ. Въ послѣднее время она приступила къ перепечаткѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Нужно замѣтить, что изданія Румянцова въ то время расходились въ крайне незначительномъ количествѣ и почти вовсе не оплачивали затратъ на нихъ; а потому дѣятельность покровителя и его сотрудниковъ, не терявшихъ надежды на оцѣнку ихъ труда въ будущемъ и безкорыстно служившихъ наукѣ, въ полномъ смыслѣ была самоотверженіемъ. Ихъ дѣятельность послужила основаніемъ для временной археографической экспедиціи и вскорѣ замѣнившей ее постоянной—археографической комисіи.

Румянцовъ, какъ покровитель отечественной науки, прекрасно понималъ свою роль. Онъ не задавался въ своей цѣли какою нибудь узкою областью: въ его собранія и изданія входили лѣтописи и акты, житія, литературныя произведенія, письменные и вещественные памятники; русскіе и иностранныя архивы; онъ цѣнилъ не только древнія рукописи, но и рѣдкія старопечатныя книги, какъ русскіе, такъ и славянскіе памятники древности, остатки старины разныхъ народовъ, населяющихъ Россію.

¹⁾ Музей Румянцова со всеми его собраніями и принадлежавшими къ нему зданіями (въ Петербургѣ) цѣнили тогда въ 2 мил. р. Терещенко, II, Ср. также переписку Востокова, 456.

²⁾ О различныхъ способахъ описанія рукоп. и книгъ, а также взглядахъ на это дѣло Востокова, Калайдовича, Строева, Оленина см. переписку Востокова, 179, 436—39, 444. Ср. „Русскіе Палеологи“ въ „Древней и Новой Россіи“ 1880 г. В. И.

Его бібліотека заключала въ себѣ лучшія и важнѣйшія изданія по разнымъ отраслямъ знанія, какъ необходимый вспомогательный матеріалъ для изслѣдователя. Въ этомъ, можно сказать, космополитическомъ стремленіи, вполне выразился его живой умъ, о которомъ вотъ что писалъ Николай Михайловичъ Барамзинъ къ Ивану Ивановичу Дмитріеву въ 1822 году:

„Онъ едва ходитъ и стоитъ отъ слабости въ ногахъ.... не смотря на то, хочетъ ѣхать въ Москву и еще съ живостью говоритъ о древностяхъ Россіи, о политикѣ и будущей судьбѣ Европы. Грустно, что нельзя говорить съ нимъ“ (330). Благодаря своему влиянію и личному участию, онъ успѣлъ сосредоточить возлѣ себя лучшія научныя силы того времени. Своими изданіями онъ думалъ распространить въ обществѣ научныя свѣдѣнія о Россіи и еще при жизни желалъ сдѣлать свою бібліотеку общедоступною (Переписка Востокова, 265) ¹⁾. Только такая всесторонняя дѣятельность могла надолго возбудить широкой интересъ къ отечественнымъ древностямъ и дать направленіе новымъ дѣятелямъ съ самоотверженіемъ и энтузіазмомъ принявшимъ за ихъ изученіе и разработку.

Матеріалы: О заслугахъ Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи, А. Старчевскаго, Ж. М. Н. II., 1846 г., XLIX и дополненіе ib. Н. П. Румянцовъ, Е. Барсова, Древ. и Нов. Россія 1877 г., № 5; П. М. Строевъ, Н. П. Барсукова, 668 стр. (по неизд. матер.); статьи о Румянцовѣ и митропол. Евгеніѣ Ивановскаго въ „Кіев. Губ. Вѣд.“ (1869 г.) и отдѣльно: Государственный канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ. Спб. 1871 г. и Евгеніевскій Сборн. 1871; м. Евгеній, Н. С. Тихонравова, „Рус. Вѣст“ 1867 г.; К. О. Калайдовичъ, Безсонова, „Рус. Бесѣда;“ записки Калайдовича, въ Лѣт. Рус. Литер., Н. С. Тихонравова III т.; матеріалы для жизнеописанія Калайдовича, Чтен. М. О. И. 1862 г., III т. Содѣйствіе

¹⁾ „Дабы довести до свѣдѣнія разсѣянныхъ въ Европѣ ученѣйшихъ людей сибирскія надписи и что о нихъ собрали и сообщали Спасскій, рѣшился я ихъ издать съ латинскимъ объясненіемъ, надъ которыми надзираетъ г. Кругъ“ (1822 г. Переп. съ Евгеніемъ, 59). А м. Евгенію онъ сообщаетъ, что въ Геттингенскихъ литерат. листахъ указано сходство сибирской надписи, у Спасскаго, съ надписью, вырытою въ Гессенѣ (Ibid. 82). В. И.

Круга гр. Румянцову въ пользу Рус. Истор., Ж. М. Н. Пр. 1850 г. № 1 (т. LXV). Письма Сень-Мартена къ гр. Румянцову, „Вѣст. Евр.“ 1820, ч. 112, № 13; извѣстіе объ открытіи во Флоренціи нѣсколькихъ древ. картъ, въ томъ числѣ и Россіи, XIII—XV в. (ib. 1821, ч. III, № 9). О дипломатич. дѣят. Румянцова; книга Пертца о Штейнѣ; Трачевскій, Нѣмец. Полит. Еватерини II, Фридриха II и Иосифа II; А. Н. Попова, Снош. Рос. съ европ. дворами передъ войною 1812 г. Спб. 1876; К. К. Злобина, Дипл. Снош. Россіи и Швеціей въ цар. Ал. I, въ Сборн. Р. И. О., II; Ист. цар. Александра I, Богдановича, III, прил. 40—42. Записки Храповицкаго, Комаровскаго (Р. Арх. 1867), Арндта ib. 1871, Мартынова, въ Памят. нов. рус. ист. II; Автобіографія С. П. Румянцова, Р. Арх. 1869; переписка Карамз. съ Дмитріевымъ и Тургенева съ Дмитріевымъ, Р. Арх. 1867; воспом. о П. М. Строевѣ, Срезневскаго, Сборн. Ак. Наукъ XVII и зап. Акад. VI; переписка гр. Румянцова съ м. Евгеніемъ, I—III книги Воронц. архива 1868.—1872. Матеріалы о м. Евгениѣ и переписка Востокова, Сборн. Ак. Н., V. Переписка гр. Румянцова съ прот. Григоровичемъ, Читенія М. О. И. 1864, II. Неизд. переписка гр. Румянцова, хран. въ Рум. Муз. въ соч. Барсукова, П. М. Строевъ, 1878, Спб.; письма Румянцова и къ Рум. въ Рус. Арх. 1872 и 1874. Сильвестръ де-Саси, его жизнь и ученые труды, П. С. Савельева, Журн. М. Н. Пр. 1839, № 1. Письма гр. Румянцова къ новгород. протоіерею Скородумову, изданные Прудниковымъ. Письма гр. Н. П. Румянцова къ В. Берху и М. Ѳ. Берлинскому въ собран. матеріаловъ „Русской Старины“. Въ перепискѣ Румянцова съ м. Евгеніемъ находятся нѣкоторыя письма: Добровскаго, Круга, Френа, Газе, Малиновскаго, Калайдовича, Востокова, С. де-Саси, Лобойка.

Перечень изданій Румянцова, сост. Барсуковымъ, въ ст. Погодина: о судьбахъ археологіи въ Россіи, въ Труд. I археолог. съѣзда, М. 1871. Путеш. въ гг. Чардынь и Соликамскъ В. В. Берха, 1821, Спб. Письма Берха къ Румянцову о путеш. въ Солик. и Чердынь, Сынъ Отеч. 1819, № 18, 241—257. Отъ Берха, между прочимъ, былъ полученъ интересный списокъ съ переписныхъ книгъ Соликамска и Чердыни съ уѣздами, составл. Яхонтовымъ и Кайсаровымъ, 1579 и 1623—24 гг., на 186 лист. Опис. Рум. Музея Востокова, № CCCVIII, извлеч. въ Путеш.

Берха; Грамоты, напеч. тамъ же, въ собр. госуд. гр. III, № 70 и въ изд. Румянцова: Древн. госуд. грам. Собр. въ Перм. губ. 1821 г. Спб. Ср. Опис. Рум. Музея, № XLVII—XLIX, 69—70.

Письма м. Евгенія къ Городчанинову, Журн. М. Н. Пр. т. 93, Рус. Арх. Другія письма въ Москву, 1842 и 1848 гг. Библ. Зап. 1859 г. Автобіогр. Евгенія въ Кіев. Епарх. В. 1862 г., № 19 и 20, и Волог. Еп. В. 1868; біогр. при Словарѣ свѣт. писат. и Слов. писателей Снигирева, Слов. Баят.-Каменскаго, II, Времен. М. О. И. вѣн. 19; объ управ. Кіев. Еп., Кіевлян. 1867, № 148—153; дѣят. во Псковѣ, Дух. Бес. 1868, № 1, и Кіевск. Еп. В. 1868, № 3; статья Оаворова Кіев. унив. Изв. и Труды К. Ав. 1867 г., м. Евгенийъ какъ историкъ, Н. Сѣвернаго, Воскресн. Чтен. 1869, № 45; о рукопис. Евгенія въ Кіевско-Соф. библ. Труды Кіев. Ав., 1867, № 12. О другихъ статьяхъ—Словарь Геннади. Berichte über einige die russische Geschichte betreffende Arbeiten, три отчета Круга, представленные Академіи Наукъ, въ его Forschungen; Письма Карамзина въ Малиновскому, М. 1860.

В. С. ИВОННИКОВЪ.

Кіевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

Глава XX¹⁾.

Пребываніе на Кавказѣ.

Ровно чрезъ три мѣсяца по выѣздѣ изъ мирнаго Минусинска, 12 іюня 1840 года, мы пріѣхали уже изъ Тифлиса въ Ставрополь, главную квартиру войскъ праваго фланга кавказской линіи и столицу кавказской области. Изъ Тифлиса мы ѣхали тѣмъ-же путемъ чрезъ кавказскій хребетъ, Крестовой горой, проѣздя чрезъ которую теперь уже былъ свободенъ отъ снѣга; потомъ очаровательнымъ ущельемъ до Владикавказа и Грузинской дорогой до Екатеринограда. Отсюда мы ѣхали уже новой для насъ дорогой, не представлявшей впрочемъ ничего новаго, сравнительно съ прежней. Тѣ-же станицы, многлюдныя, чистенькія, напоминавшія Малороссію своими бѣлыми мазанками. Вездѣ станціи содержали казаки, потому почтовые лошади были превосходныя и ѣзда очень быстрая. Не доѣзжая Георгіевска, тогда уже заштатнаго города, показался гигантскій Эльбрусъ, а за нимъ пятигоріе, отъ чего получилъ свое имя Пятигорскъ. Георгіевскъ тогда, въ 1840-мъ году, былъ небольшой, но чистенькій городокъ; онъ расположенъ на рѣкѣ Кумѣ и помню, что тутъ мы были поражены удивительною бѣлизною пшеничныхъ хлѣбовъ, что впрочемъ и понятно, такъ какъ тутъ была родина знаменитой во всемъ мірѣ пшеницы-кубанки.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—661; (декабрь), стр. 823—850. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 487—418; (апрѣль), стр. 799—833; томъ XXXI (іюль), стр. 327—370; томъ XXXII (сентябрь), стр. 1—52.

Вся эта линія въ то время была безопасна для проѣзда, хотя и бывали случаи нападенія, но гораздо рѣже въ сравненіи съ лѣвѣмъ флангомъ. Такъ, тогда разсказывали, какъ погибъ одинъ маіоръ, приводившій маршевыя баталіоны (такъ назывались баталіоны, назначенныя для укомплектованія кавказскихъ войскъ). Онъ уже возвращался въ Россію и на одномъ переѣздѣ, къ вечеру, подъѣзжая къ одному оврагу, внизу котораго былъ мостъ, подъ мостомъ замѣтилъ нѣсколько человѣкъ и лошадей. Догадавшись, что это были хищники, онъ, вмѣсто того, чтобъ поворотить назадъ и скакать къ посту или станицѣ, зарядилъ ружье, велѣлъ зарядить также своему человѣку и началъ спускаться; подъѣзжая къ мосту, выстрѣломъ была ранена лошадь, что помѣшало ему пуститься во весь духъ; тогда выскочили хищники и хотя онъ сдѣлалъ два выстрѣла и можетъ быть убилъ или ранилъ кого-нибудь изъ нихъ, но все-же они его изрубили; ямщикъ, тоже раненный, свалился съ козель, гдѣ его и нашли сторожевыя казаки, прискакавшіе на выстрѣлы. Казаки преслѣдовали разбойниковъ. По линіи распространилась тревога, и не помню уже—чѣмъ кончилось это преслѣдованіе.

Другой случай былъ съ женой артиллерійскаго полковника Мяхина, между Георгіевскимъ и Пятигорскомъ; на нее напали хищники, она была взята въ плѣнъ и потомъ уже выкуплена.

Версть за шестъ открылся Ставрополь; онъ расположенъ на возвышенности и очень красивъ, осыненный садами и рощами, которые, въ перемежку съ бѣлыми каменными строеніями, придавали ему прекрасный видъ.

Въ Ставрополь мы пріѣхали въ обѣденное время и были очень рады встрѣтить здѣсь нашего товарища-декабриста Николая Романовича Цебрикова, того самаго, о которомъ я упоминалъ, описывая происшествіе 14-го декабря. Онъ имѣлъ солдатскій георгіевскій крестъ за штурмъ Ахалцыха и носилъ въ петлицѣ офицерскаго сюртука (онъ уже былъ произведенъ) георгіевскую ленточку; а какъ въ густыхъ, коротко остриженныхъ волосахъ его была значительная просѣдь, то вѣроятно его принимали болѣе за генерала, нежели за прапорщика, такъ что проходившіе мимо военные отдавали ему честь, причемъ онъ крайне конфузился. Это былъ человѣкъ весьма оригинальный: правдивый, честнѣйшій, пылкій до сумасбродства и либераль въ душѣ. Онъ очень легко поддавался мистификаціи, что мы знали еще въ Пятигорскѣ, бывъ дружески съ нимъ знакомы. Когда мы пришли къ нему и увидѣли, что при немъ въ услуженіи былъ крѣпостной человѣкъ, котораго онъ очень любилъ и баловалъ, то въ шутку замѣтили ему: «какъ это, Ник. Ром., вы декабристъ, а еще

пользуетесь крѣпостнымъ правомъ и имѣете при себѣ въ услуженіи раба?»—надо было видѣть, какъ онъ сконфузился и растерялся, принявъ шутку за чистую монету; началъ оправдываться тѣмъ, что взялъ его единственно для того, что-бы дать ему вольную, потупляя глаза, какъ будто уличенный въ какомъ нибудь дурномъ дѣлѣ, такъ что мы едва удерживались отъ смѣха и едва увѣрили его, что это была шутка, что въ Сибирь, за своими барынями, многія изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ поѣхали, что-бы служить имъ.

У него мы познакомились съ однимъ преображенскимъ полковникомъ, фамилія не помню, который былъ при кончинѣ Одоевского, нашего милого поэта и друга. При поѣздкѣ нашей на Кавказъ, любимую нашу мечтою, всю дорогу, было увидѣть его и Нарышкина, Мих. Мих., спутниковъ нашихъ, съ которыми мы выѣхали изъ крѣпости въ Сибирь, и какъ было грустно намъ узнать, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Мы очень много говорили о немъ. Какимъ знали мы его въ тюрьмѣ, такимъ точно и остался онъ до конца: всегда или серьезный, задумчивый, во что-то углубленный, или живой, веселый, хохочущій до иступленія. Онъ имѣлъ порядочную дозу самолюбія, а какъ здѣсь онъ увидѣлъ во всемъ блескѣ удалство линейныхъ казаковъ (онъ былъ въ нижегородскомъ драгунскомъ полку, но прикомандированъ къ казачьему), ихъ ловкость на конѣ, поднятіе монеты на всемъ скаку, то захотѣлъ непременно достигнуть того-же, безпрестанно упражнялся и, конечно, не разъ леталъ съ лошади. Да, если-бы онъ былъ живъ, то конечно оставилъ-бы своей милой родиной. пламенно имъ любимой, много прекрасныхъ, возвышенныхъ идей въ звучныхъ, прекрасныхъ стихахъ; но ревнивая смерть внезапно похитила его во цвѣтѣ лѣтъ изъ этого міра и сбылось то, что онъ, какъ бы, предсказалъ, написавъ еще въ Читѣ въ своемъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ «предчувствіе»:

„И грубый камень,
Обычный кровъ вѣрныхъ могилъ,
На черепъ мой оставшія ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира“.

Въ Ставрополѣ намъ отвели хорошую квартиру у одного купца, претендовавшаго на званіе цивилизованнаго человѣка, но на самомъ дѣлѣ больше подходившаго къ московскому гостинодворцу 1820-хъ годовъ; претензія же его на цивилизацію возродилась по слѣдующему случаю: онъ имѣлъ торговня дѣла въ Таганрогѣ, бывалъ тамъ часто, и по этимъ же дѣламъ былъ знакомъ со многими иностранными

негодѣятами. Они постоянно подшучивали надъ его бородой, говоря, что образованному человѣку постыдно носить бороду на подобіе какого нибудь мужика и что черезъ бороду онъ даже лишень возможности бывать въ клубѣ и благородномъ собраніи (тогда борода была еще въ гоненіи и немногіе дозволяли себѣ это отступленіе отъ общаго обычая; видно, что Петровская пошла на бороду еще тогда не утратила своей силы). Прислушиваясь къ этимъ убѣжденіямъ, онъ мало-по-малу началъ склоняться на нихъ и вдругъ имъ овладѣла отчаянная рѣшимость сбрить свою бороду и открыть себѣ входъ во всѣ европейскія собранія и получить патентъ на цивилизованнаго человѣка. Цирюльникъ сначала коротко сръзалъ ему бороду и усы, затѣмъ гладко ихъ выбрилъ—и вотъ готовъ новый цивилизованный европеецъ. «Но, когда послѣ операціи, я посмотрѣлъ на себя въ зеркало, рассказывалъ онъ, то лицо мое показалось мнѣ величиною въ палецъ; тутъ, господа, я уже не выдержалъ и вѣрите ли, слова прошибла меня. Поздравленіе моихъ друзей-искусителей, обѣды съ шампанскимъ, входъ въ ихъ семейства, конечно, развеселили меня; но когда я собрался домой, меня крѣпко взяло раздумье. Кажется, ничего дурнаго не сдѣлалъ, а совѣсть стала мучить меня, какъ будто измѣнника своей родиной. По прїѣздѣ домой, еще большая мѣла ожидала меня: жена сперва не узнала меня, а когда узнала, то такъ осердилась, что и на глаза не пускала, а потомъ, хотя и помирилась, но все-же попрекала, затѣмъ измѣнилъ обычаямъ отцевъ?» Весь этотъ рассказъ онъ сопровождалъ очень смѣшной мимикой, такъ что всѣ слушающіе его отъ души хохотали.

По прїѣздѣ въ Ставрополь мы явились къ начальнику штаба, полковнику Александру Семеновичу Трескину, который представилъ насъ нашему полковому командиру генералу Ивану Мих. Лабынцову, тогда известному кавказскому герою, который и назначилъ насъ въ 3-й батальонъ своего знаменитаго Кабардинскаго полка, въ 7 роту, которою командовалъ капитанъ Влад. Васильевъ Астафьевъ. Въ этомъ полку изъ нашихъ сибирскихъ товарищей былъ одинъ Вегелинъ. Полкъ нашъ находился на р. Лабѣ въ отрядѣ генер. Засса, знаменитаго тогда своими легучими набѣгами на аулы, своею отвагою, предпримчивостью, ставшими грозой для всего враждебнаго намъ кубанскаго населенія, такъ что крикливыхъ дѣтей своихъ матери стращали Зассомъ. Рассказывали, что онъ однажды, передъ какимъ-то важнымъ набѣгомъ, распустилъ слухъ, что Зассъ умеръ; говорили, что и гробъ былъ поставленъ и многіе изъ мирныхъ черкесовъ, пребывавшихъ въ отрядѣ, пропустили эту радостную вѣсть по ауламъ, а онъ въ ту-же ночь съ казаками вышелъ изъ лагеря, приказавъ слѣдовать

за собой пѣхотѣ, совершилъ внезапный набѣгъ и разгромилъ аулъ. Но по возвращеніи, какъ рассказывали бывшіе въ экспедиціи офицеры, рѣчка, которую перешли вначалѣ въ бродъ, при обратномъ движеніи сильно поднялась, такъ что пѣхоту переправляли на коняхъ, а орудія были почти покрыты водою. Эту переправу и все движеніе совершалъ отрядъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ ротъ Кабардинцевъ, подъ начальствомъ поручика или штабсъ-капитана Ив. Никол. Струкова, который геройски отбивалъ всѣ отчаянныя нападенія черкесовъ. Пока переправлялась колонна и раненные; а когда уже весь отрядъ былъ на другомъ берегу и выстроенъ, онъ переправилъ свои роты также постепенно, а за остальными, подъ огнемъ орудій съ другаго берега, переправился и самъ.

Пробывъ въ Ставрополѣ дней шесть, мы отправились въ станицу Прочный Окопъ, штабъ-квартиру Кубанскаго казачьяго полка. Тутъ мы нашли изъ нашихъ товарищей одного Мих. Алексан. Назимова, который сообщилъ намъ всѣ свѣдѣнія относительно нашей будущей службы, объ экспедиціяхъ, о всемъ, что необходимо имѣть для походовъ. Сообщилъ намъ, что здѣшнее начальство разрушило нашимъ товарищамъ въ походѣ быть верхомъ, имѣть вьючную лошадь для вещей, какъ всѣ офицеры кавказскихъ войскъ въ экспедиціяхъ; но, разумѣется, мы должны были носить солдатскія шинели и имѣть за плечомъ солдатское ружье и патроны. По его-же совѣту мы заготовили себѣ вьюки и лошадей. Въ это-же время пріѣхалъ генералъ Засѣ и мы отправились являться къ нему въ крѣпость Прочный Окопъ, расположенный въ одной верстѣ отъ станицы. Мы представились генералу и были приняты имъ очень радушно.

Генералъ Засѣ былъ еще молодой, среднихъ лѣтъ человекъ, высокій и стройный. Онъ носилъ сѣрую черкеску съ кинжаломъ у пояса,—общій костюмъ черкесовъ и казаковъ; съ пронзительными голубыми глазами, съ огромнѣйшей длины русыми усами, орлинымъ носомъ и чрезвычайно живыми движеніями—онъ и наружностью своею поддерживалъ молву о его подвигахъ. Онъ приказалъ намъ отправиться въ отрядъ къ своему полку, но ни слова не сказалъ объ экспедиціи. Онъ терпѣть не могъ, чтобы ктонибудь зналъ о его преднамѣренныхъ движеніяхъ или выражалъ свои соображенія объ его планахъ; ихъ никто не зналъ, такъ таинственно онъ велъ свои дѣла.

Отъ него мы пошли къ нашему товарищу Вегелину, который на форштатѣ занималъ небольшую комнату, безъукорыненно опрятную, съ бѣлѣйшими полами и сѣтками въ окнахъ отъ мухъ, комаровъ и мошекъ. Алек. Ив. Вегелинъ, личность, очень занятая собой, любилъ покой и возможный комфортъ; онъ былъ всегда серьезенъ и важенъ,

смотря на все критическимъ взглядомъ, выражался докторально, хотя и нельзя сказать, чтобы толково; любопытно, что всѣ наши товарищи прозвали его диктаторомъ. Онъ, съ другимъ его товарищемъ по Литовскому корпусу—Игельштромомъ, гдѣ они оба командовали саперными ротами, кажется, за отказъ присягнуть Николаю, были осуждены въ работы и присланы къ намъ, въ Чегу, и оттуда выпущены раньше насъ. Мы застали ихъ на Кавказѣ: Вегелина—португей-прапорщикомъ, а Игельштрома—офицеромъ, командовавшимъ полуротой саперъ. Константинъ Евстафьевичъ Игельштромъ, одинъ изъ числа 34 (?) дѣтей отца его, генерала Игельштрома, былъ совершенною противоположностью Вегелину. Это былъ школьникъ, въ полномъ смыслѣ слова, всегда веселый, беззаботный и дѣйствительно несносный, когда хотѣлъ кому нибудь надѣсть; но оба они были славныя личности. благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ правилъ и добрыя товарищи.

Получивъ приказаніе отправляться въ отрядъ, гдѣ ожидали движенія, мы, возвратившись на квартиру въ станицу и приготовивъ все къ походу, сѣли на коней и отправились сперва въ крѣпость, чтобы захватить Вегелина, который тоже отправлялся въ отрядъ; М. А. Назимовъ уѣхалъ еще раньше.

У Вегелина былъ слуга изъ Россіи, молодой малый, а намъ генералъ далъ донскаго казака; мы уложили всѣ наши вещи въ телѣгу и направились къ Кубани. Крѣпость была расположена на высокой горѣ, и дорога внизъ къ рѣкѣ была высѣчена въ скалѣ, имѣя съ одной стороны отвѣсную стѣну, а съ другой крутой скатъ, поросшій луговою зеленою травой.

Мы съ Вегелинымъ ѣхали верхомъ, а братъ присѣлъ сзади на повозку, но потомъ сошелъ, и только что слѣзъ съ повозки, какъ лошадь въ возу какъ-то оступилась, телѣга попала на край кручи и въ тотъ же моментъ опрокинулась; лошадь, кучеръ, возъ—все это полетѣло внизъ. Мы, конечно, были увѣрены, что и лошадь и человѣкъ были убиты, такъ какъ возъ, по крайней мѣрѣ, пять или шесть разъ перевертывался, пока долетѣлъ до низу; и что же?! Оказалось, что возъ даже не развязался, такъ крѣпко онъ былъ увязанъ, лошадь осталась невредимой, человѣкъ тоже, только на нѣсколько минутъ, какъ будто, потерялъ сознаніе отъ страшнаго круженія.

Гора эта составляла берегъ Кубани и была очень высока. Отдѣлавшись такъ счастливо, мы отъ всего сердца возблагодарили Бога и, спустившись внизъ, переправились за Кубань въ бродъ. Въ то же время въ отрядъ шелъ казачій полкъ, съ которымъ мы и располагали идти вмѣстѣ; но потомъ узнали, что полкъ остался дневать на той сторонѣ рѣки. Пускаться въ ночь однимъ было опасно, то и мы

тоже расположились на почлегъ возлѣ полка. Подъ большимъ вѣтвистымъ дубомъ мы разослали свои бурки, велѣли разложить костеръ, поставили чайникъ и, осушивъ его, передали людямъ чай и сахаръ, а сами улеглись спать. Безграничная степь, ароматный чистѣйшій воздухъ, шумъ быстрой Кубани скоро и сладко насъ уснили.

Фирканье лошадей и собиравшіяся тучи, хотя и предвѣщали дождь, но ночь прошла покойно. Съ разсвѣтомъ мы пустились въ путь и только что тронулись съ мѣста, какъ началась гроза и пошелъ дождь, но бурки и башлики не дали намъ его почувствовать, да къ счастью нашему и дождь шелъ съ перерывками и часто разяснявало. Вся эта дорога отъ Кубани до Лавы, гдѣ стоялъ нашъ отрядъ, простиралась на 50 или 60 верстъ, и вся эта сторона Кубани находилась во владѣніи мирныхъ черкесовъ, обитавшихъ по берегу Кубани. Не смотря на то, тутъ часто появлялись хищническія партіи, переходившія черезъ Кубань для грабежа. Онѣ угоняли скотину у казаковъ на линіи, а иногда и у своихъ братьевъ, мирныхъ черкесовъ. Такъ однажды, года два тому назадъ—какъ рассказывалъ нашъ казакъ—отправлено было 26 донскихъ казаковъ для слѣдованія въ какую-то крѣпостцу. На рѣкѣ Чемлыкѣ, единственной на этомъ пространствѣ, они остановились напоить своихъ лошадей, а затѣмъ пустились дальше, но, къ несчастію, въ безпорядкѣ, безъ всякой предосторожности; одни уже выѣхали, другіе досѣдывали лошадей и одинъ за другимъ выѣзжали, растаявшіеся на большое пространство, какъ вдругъ передовые на отдаленномъ курганѣ увидѣли что-то черное, но какъ тамъ очень часто встрѣчаются огромной величины орлы, которые садятся на вершины кургановъ, то они и приняли этотъ черный предметъ за орла, однакоже мгновенно исчезнушаго. Это былъ черкесъ въ буркѣ, которая расширенная, дѣйствительно, представляетъ въ далекѣ подобіе орла,—и это постоянная уловка хищниковъ. Въ тотъ же моментъ изъ за кургана помчалась на нихъ цѣлая хищническая стая, человекъ во сто; казаки потерялись отъ этой неожиданности, нѣкоторые стали стрѣлять, другіе отбивались шапками, но какъ всѣ были разрознены, то дѣло окончилось тѣмъ, что 19-ть человекъ были убиты, а остальные взяты въ плѣнъ. Слушая рассказъ казака объ этомъ и о другихъ происшествіяхъ, мы сами вдругъ увидѣли въ далекѣ что-то быстро несущееся противъ насъ; по пересѣченной же мѣстности мы не могли сначала разсмотрѣть что это такое, такъ какъ при снусахъ они попадали, а при подъемѣ показывались снова; когда же мы увидѣли человекъ шесть или восемь всадниковъ, въ черкескихъ папахъ, съ

винтовками за спиной, то, признаюсь, нѣсколько сконфузились, хотя и приготовили свои ружья. Казакъ нашъ, также какъ и мы, признавъ ихъ за черкесовъ, но не знаяши мирные ли то были или хищники, внезапно пустился въ сторону отъ дороги, что намъ съ начала могло показаться за бѣгство; но онъ, сдѣлавъ полукружіе, возвратился на дорогу. Вслѣдъ за этимъ маневромъ мы увидѣли, что изъ той партіи отдѣлился также одинъ всадникъ и, сдѣлавъ такое же полукружіе, возвратился; тогда только нашъ казакъ растолковалъ намъ, что это былъ условный сигналъ между нашими и мирными черкесами; если же съ той стороны не повторится сигналъ, то надо было готовиться къ бою или пускаться на утекъ, когда силы были не соразмѣрны. Это былъ посланный изъ лагеря на линіи съ депешей отъ генерала или изъ штаба. Послѣ этой встрѣчи, которая произошла почти на половинѣ дороги, намъ оставалось до Чемлыка верстъ десять. Мы очень обрадовались этому привалу съ водой и подъ сѣнью деревъ, росшихъ на берегу. Разумѣется, мы и до этого отдыхали раза два, такъ какъ разстояніе было большое и намъ, уже отвыкшимъ отъ верховой ѣзды, въ которой упражнялись въ Сибири, проѣхать его было трудновато.

Около Чемлыка тянутся небольшія возвышенности, на одной изъ которыхъ тогда уже былъ выстроенъ казачій постъ, человекъ на 80; строилась также казарма, офицерскія квартиры, конюшни, и все это окружалось канавой и валомъ. На высотахъ по дорогѣ уже поставлены были казачьи пикеты съ вышками для наблюденія за явленіемъ непріятеля, такъ что крѣпостца была совершенно безопасна отъ внезапныхъ нападеній. Когда лошади наши выкормились, мы отдохнули, закусили хлѣбомъ съ водичей, такъ какъ располагая выступить съ Кубани, еще передъ вечеромъ, съ казачьимъ полкомъ, мы не взяли съ собой съѣстныхъ припасовъ, надѣясь все это найти въ лагерѣ у маркитантовъ, и пустились ужъ въ окончательный путь. Отъ Чемлыка до Лабы, гдѣ стоялъ отрядъ, было 10 верстъ; на этомъ переходѣ—та же степь и та же богатая растительность. По всей дорогѣ безпрестанно попадались красивыя зеленныя и красноватыя ящерицы, очень крупныя; онѣ проскользали около ногъ лошадей, а иногда и граціозно поднимались и какъ бы съ удивленіемъ смотрѣли на незваныхъ гостей, нарушившихъ ихъ неизбѣжный покой, подъ тѣнью ароматической и густой травы.

Подъѣзжая къ лагерю, мы увидѣли многочисленную команду солдатъ, косившихъ эту роскошную траву, скопленные ряды которой походили на валы болѣе аршина вышиною. Тутъ же попались намъ фуры, идущія изъ лагеря на линію, вѣроятно, за провіантомъ.

Наконецъ, около самаго лагеря мы увидѣли верблюдовъ, которыхъ такъ испугались наши лошади, что едва можно было ихъ сдержать. Двѣ стороны прямоугольника занимали 4 батальона нашего кабардинскаго полка и артиллерія; третій фасъ занимала кавалерія, казаки и милиціонеры, а въ четвертомъ новостроившаяся крѣпость, подъ названіемъ Махашевской просѣки. Въ центрѣ возвышалась большая палатка съ крестомъ—это была походная церковь. Подѣхавши къ указанному намъ мѣсту, мы увидѣли знакомую намъ юрту, въ которой кочевали во время перехода нашего изъ Читы въ Петровскій и которую такъ часто посѣщали потомъ при нашихъ хозяйственныхъ разъѣздахъ въ Минусинскъ.

Товарищи наши уже ожидали насъ; мы крѣпко-крѣпко обнялись, какъ старые друзья, нѣсколько лѣтъ пившіе одну горькую чашу, соединившую насъ неразрывной и самой сладостной братской дружбой. Насъ помѣстили въ юртѣ, напоили чаемъ, накормили, что было очень кстати послѣ такого перехода и голодухи. Въ разспросахъ, отвѣтахъ и разказахъ время пролетѣло быстро: затрубили зарю по по сигнальной ракетѣ и пушечному выстрѣлу и тутъ еще въ первый разъ наша молитва слилась съ молитвою нашихъ самоотверженныхъ воиновъ, всегда готовыхъ умереть за свою родину и православную вѣру. И вотъ мы снова воины, теперь уже въ непріятельской сторонѣ, подъ навѣсомъ палатокъ и юртъ, среди товарищей, съ которыми сроднились въ теченіи заключенія; а между тѣми, которые тамъ еще оставались, и нами, теперь уже легло пространство на многія тысячи верстъ. Все, что насъ окружало, уже не похоже ни на море, ни на Петербургскіе лагеря, ни на мирную и трудолюбивую жизнь тишайшаго Минусинска.

Тутъ все ново для насъ, все интересуется, возбуждаетъ духъ, воинственно настраиваетъ, и теперь даже не остается и тѣни того раздумья, тѣхъ опасеній, которыя приходили въ голову на пути къ Кавказу и иногда щемили сердце и обращали взоры къ мирной прежней жизни—спокойствію и довольству, но это было дурное неблагоприятное чувство маловѣрія и малодушія. Теперь мы уже не обращались назадъ, а всецѣло и съ радостью предалися водительство пресвятаго и прелюбимаго промысла Божія!

Изъ нашихъ товарищей-декабристовъ въ отрядѣ были: Мих. Мих. Нарышкинъ, Мих. Алек. Назимовъ, Алек. Ив. Вегелинъ и Конст. Евстафьевичъ Игельстромъ.

Когда мы пріѣхали, то въ юртѣ Нарышкина всѣхъ насъ помѣщалось пять человѣкъ.

Отрядъ строилъ Махашевское укрѣпленіе и потому мы стояли на

мѣстѣ. Однажды только при насъ генералъ Зассъ сдѣлалъ одинъ изъ своихъ летучихъ набѣговъ, тронувшись съ кавалеріей передъ вечеромъ и приказавъ слѣдовать за собой одному батальону пѣхоты. Аудъ былъ, конечно, уничтоженъ и Зассъ возвратился.

Въ отрядѣ нашемъ было прекрасное общество офицеровъ, много было изъ прикомандированныхъ гвардейцевъ и штабныхъ, а также изъ пѣхотныхъ закаленныхъ въ бою кавказскихъ офицеровъ, и время проходило весьма пріятно. Тутъ мы сошлись съ Петромъ и Сергѣемъ Павловичами Мезенцовыми. Петра Павл. я, впоследствии, потерялъ изъ виду, а Сергѣй Павл. былъ убитъ въ Севастополѣ, уже командиромъ полка, присоединившись къ сонму героевъ, павшихъ за честь отечества и изумившихъ міръ своимъ непобѣдимымъ мужествомъ. Въ этомъ же отрядѣ былъ Краснокутскій, еще юношей, поручикомъ, сколько помнится, гродненскаго гусарскаго полка, а потомъ уже генералъ-адъютантомъ, племянникъ нашего товарища Краснокутскаго, съ которымъ мы видѣлись въ Красноярскѣ проездомъ на Кавказъ; Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, братъ поэта, былъ постояннымъ посѣтителемъ нашей юрты, очень пріятный и веселый собесѣдникъ и острякъ, передъ которымъ, помню, за чаемъ ставилась всегда бутылка рома и осушалась имъ между разговорами, не производя на него никакого дѣйствія,—такъ онъ былъ крѣпокъ. Юнкерь Черновъ также былъ близокъ съ нами; онъ перешелъ во Владикавказскій казачій полкъ и потомъ уже въ турецкую кампанію въ арміи генерала Муравьева-Карскаго командовалъ, со славой, летучимъ отрядомъ, о чемъ я съ удовольствіемъ прочелъ въ газетахъ. Два брата Аторщиковы, близнецы, удивительно похожіе другъ на друга, состояли при генералѣ Зассѣ. Я упомянулъ только о тѣхъ, съ которыми мы были короче знакомы, но сверхъ того часто бывали у насъ наши батальонные командиры, которые относились къ намъ самымъ дружескимъ образомъ и никогда не давали намъ почувствовать нашего солдатскаго ранга.

Хотя періодическія изданія получались рѣдко, но были книги, шахматы, военные рассказы о текущихъ дѣлахъ и историческихъ набѣгахъ, веселыя шутки и шалости молодежи, въ которыхъ особенно Игельштромъ былъ неистощимъ; онъ былъ, какъ я прежде упомянулъ о немъ, премилый человекъ, но когда онъ выбиралъ свою жертву, то нужно было имѣть не только терпѣніе, но и много короткой дружбы, чтобы не разсердиться уже не на шутку. Болѣе всѣхъ онъ преслѣдовалъ, своими шалостями, нашего вѣчнаго диктатора и своего товарища Вегелина, который послѣ обѣда всегда ложился спать на своей, изъ колевъ и жердей устроенной, постели, подѣ

пологомъ, чтобы ни мухи, ни комары не тревожили его сна, но, на бѣду, являлся Игельштромъ, набиралъ нѣсколько мухъ, подкрадывался къ его ложу, осторожно приподымалъ край полога и пускалъ мухъ, наблюдая за нихъ партизанскимъ дѣйствиємъ. Всѣ мы, смотрѣвшіе на эти продѣлки, сдерживали смѣхъ, чтобы не ускорить пробужденія. Черезъ нѣсколько минутъ Вегелинъ начиналъ отмахиваться, вопрошая мухъ откуда онѣ ябрались, не смотря на тщательно заткнутыя полы, поднималъ край полога, выгонялъ мухъ и снова укладывался; гонитель же его, выждавъ хралѣніе, снова повторялъ операцію, тотъ снова выгонялъ мухъ и, услышавъ нашъ сдержанный хохотъ, догадывался и говорилъ съ досадою: «ужь это вѣрно несносный школьникъ Игельштромъ». Еще въ лагерной жизни пріятное развлеченіе составляло купанье въ рѣкѣ Лабѣ, весьма быстрой и свѣтлой, гдѣ всегда было много солдатъ купающихся; ежедневныя прогулки по лагерю, всегда оглашаемому молодецкими, а иногда очень затрогивающими сердце пѣснями солдатъ, изъ которыхъ мы запомнили и вынесли съ собою одну, пѣтую превосходно пришедшими изъ Россіи маршевыми батальонами: «рѣченъка моя, рѣчка быстрая», мотивомъ своимъ производившую чрезвычайно грустное и въ то же время очень пріятное впечатлѣніе. Случались и кутежи въ нѣкоторыхъ офицерскихъ палаткахъ съ пѣніемъ, бубнами и пляской, иногда такою, можетъ быть, про которую говорить пословица: «нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ». Когда генералъ бывалъ въ лагерѣ, то около его избы, по временамъ, играла музыка; такъ что вообще, при новыхъ для насъ ощущеніяхъ и новыхъ явленіяхъ, жилось очень пріятно; но это продолжалось не долго.

Нашъ Кабардинскій полкъ былъ вызванъ въ трехбатальонномъ составѣ на лѣвый флангъ, для дѣйствія противъ возмущенныхъ Шамилемъ чеченцевъ. Одинъ первый батальонъ оставался, остальные же выступили черезъ Ставрополь на Терекъ. Мы простились съ Мих. Мих. Нарышкинымъ и Мих. Алекс. Назимовымъ и супругой Нарышкина Елисавет. Петр., жившей въ станицѣ Прочный-Окопъ, и отправились за полкомъ. При этомъ переходѣ погода была прекрасная, ночлеги и дневки въ чистенькихъ казачьихъ хатахъ самыя покойныя; вступленіе въ станицы съ военной музыкой, не слышанной нами въ теченіи 15-ти лѣтняго заточенія, и теперь снова напомнившей намъ о давно минувшемъ; новый край, ожиданіе дѣлъ съ горцами, надежда на выслугу и возвращеніе на родину, — все это вмѣстѣ взятое производило въ насъ самое пріятное настроеніе.

Переправившись черезъ Терекъ, не доходя станицы Червленной, штабъ-квартиры Гребенскаго полка, мы пошли на крѣпость Грозную,

гдѣ и стали лагеремъ вмѣстѣ съ другими полками Чеченскаго отряда, въ ожиданіи командующаго войсками, генерала Павла Христофоровича Граббе, который вскорѣ и прибылъ. Объѣхавши выстроившійся отрядъ и поздоровавшись съ батальонами, онъ приказалъ выступить. Загремѣли барабаны и трубы; затѣмъ раздались звуки воодушевляющей музыки и отрядъ тронулся въ боевомъ кавказскомъ порядкѣ.

ГЛАВА XXI.

Кавказскія экспедиціи.

Кавказскія экспедиціи того времени всѣмъ извѣстны по многимъ описаніямъ людей, хорошо знакомыхъ съ Кавказскою войною и изучившихъ весь ходъ этой многолѣтней борьбы цивилизаціи съ варварствомъ, искупительнаго креста съ полумѣсяцемъ. Поэтому я буду говорить въ своихъ воспоминаніяхъ только о томъ, что самъ видѣлъ или что слышалъ отъ самихъ участниковъ; передамъ только свои ощущенія и впечатлѣнія при различныхъ случайностяхъ и выдающихся явленіяхъ этихъ экспедицій. Къ тому же мы двигались, вмѣстѣ съ массою кавказскихъ бойцевъ, также безотчетно, какъ двигалась эта масса, не зная ни плановъ, ни предначертаній двигавшихъ ее вождей.

Всѣ экспедиціи 1840-хъ годовъ похожи одна на другую. Съ разсвѣтомъ—генераль-маршъ, затѣмъ—по возамъ и, наконецъ, сборъ и выступленіе. Мы эту музыку такъ изучили, что потомъ и въ Россіи уже долго повторяли ее, вспоминая Кавказъ. Впереди авангардъ, въ срединѣ колонна съ обозомъ, на флангахъ дѣли стрѣлковъ съ резервами и арріергардъ. Съ первымъ вступленіемъ въ лѣсъ, этой первой нашей экспедиціи, уже началась перестрѣлка, и вотъ уже явилось совсѣмъ новое ощущеніе; пролетъ свистящихъ пуль давалъ понять, что каждая изъ нихъ могла быть смертельна; но совнавалось также и то, что онѣ пущены по массѣ, безъ цѣли, на угадъ и, слѣдовательно, попадетъ только роковая; но все же надо признаться, что и такая перестрѣлка нѣсколько ускоряла бѣженіе сердца. На арріергардъ всегда болѣе насѣдалъ непріятель, а когда насѣданіе усиливалось и дѣлалось дерзкимъ, тогда отрядъ останавливался, выдвигались орудія и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ картечью непріятель отступалъ и движеніе продолжалось; если же гдѣ попадались стога съ сѣномъ или скирды съ кукурузой и просомъ, то все это предавалось огню отряженными командами. Послѣ этихъ операцій ожесточеніе горцевъ

усмивалось, что и выражалось въ ожесточенной пальбѣ въ цѣпяхъ и арріергардѣ, гдѣ всегда и были раненные, а иногда и убитые. Войска распредѣлялись по очереди: въ арріергардѣ, авангардѣ, цѣпи, обозъ или колонну. На походѣ, во время приваловъ для отдыха, выбиралась болѣе открытая мѣстность и тогда всѣ останавливались на своихъ мѣстахъ. Офицеры закусывали, кто что имѣлъ; солдаты сухарями съ водичей, по пословицѣ: «хлѣбъ да вода—то солдатская ѣда». Мы-же съ братомъ имѣли въ карманахъ сыръ, водку въ стеклянкѣ и хлѣбъ. Однажды при такой закускѣ, какая-то шальная пуля постигла насъ и пробила шинель Вегелину, который воскликнулъ: «ахъ, канальство, вѣдь эдакъ можетъ послѣдовать несвареніе желудка!» Всѣ мы посмѣялись, но все же подумали, что на полный желудокъ опаснѣе быть раненымъ, хотя это не отвяло у всѣхъ насъ аппетита. Тутъ-же съ нами завтракали и нашъ ротный командиръ Влад. Вас., Астафьевъ, о которомъ скажу далѣе, такъ какъ это была личность, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ.

По окончаніи всего, разрушительнаго для горцевъ, перехода останавливались на ночлегъ со всѣми военными предосторожностями и, конечно, устале—крѣпко спали; но случалось, что вдругъ поднималась тревога, когда секреты, обыкновенно закладываемые по разнымъ скрытымъ мѣстамъ, открывали огонь,—знакъ приближенія врага. Тутъ, конечно, поднималась суета, всѣ вскакивали, разбирались изъ козелъ ружья и всѣ выстраивались, въ минуту готовые къ бою. При насъ серьезныхъ ночныхъ нападеній не случалось; но однажды была тревога въ нѣсколько выстрѣловъ, причемъ наша палатка была прострѣлена.

Съ остановкой на ночлегъ, въ минуту выросло кочевое селеніе изъ палатокъ; лошади ставились къ коновязи, варилась незатѣйливая солдатская каша, такъ какъ въ тѣ времена еще не заботились такъ о пищевомъ довольствѣ солдатъ какъ нынче; за офицерскими палатками ставились чайники для чаю; случалась вода превосходная, а иногда такая, что ее нельзя было употреблять на чай, пока она не отстоится. У нѣкоторыхъ же были водоочистительныя машинки. Послѣ цѣлаго дня перестрѣлки и возбужденнаго состоянія, когда были раненые и убитые, особенно когда приходилось идти въ цѣпи при дивизионныхъ резервахъ, и когда пули летали очень обильно, то отдыхъ, чай, трубки, бесѣды и рассказы подъ навѣсомъ палатки и временная безопасность были очень отрадны. Какъ проходилъ одинъ день экспедиціи, такъ точно проходилъ другой и третій и т. д., но между ними случались и дневки, и тогда дѣлались движенія только

на аулы близъ лежащія одною какою нибудь частью отряда, которая, по совершеніи опустошенія, возвращалась въ лагерь.

Такимъ образомъ, пройдя и истребивъ все, что попадалось на пути отряда, той дорогой, которая была избрана командующимъ, отрядъ возвратился въ Грозную. Но тутъ уже стояли недолго, такъ какъ въ эту осень положено было пройти всю Большую Чечню.

Во время этой стоянки случилось появленіе конной партіи горцевъ, которая погорцевавъ передъ крѣпостью, встрѣченная изъ орудій гранатами, конечно скоро разсѣялась. Крѣпость Грозная была тогда не то, что теперь; тогдашній форштатъ ея состоялъ изъ небольшихъ домиковъ съ глиняными полами, маленькими окнами, русскою печкой и баснословнымъ множествомъ блохъ и таракановъ. Во время дождей, сношенія между офицерами только и могли поддерживаться верхомъ, потому что всѣ улицы были до того полны грязью, что лошади съ трудомъ переступали.

Между этими двумя экспедиціями, когда мы стояли лагеремъ передъ кр. Грозной, въ одно утро приходитъ прислуживающій намъ солдатъ и говоритъ, что какой-то юнкеръ желаетъ насъ видѣть; мы попросили войти въ палатку и каково же было наше изумленіе, когда въ этомъ юнкерѣ мы узнали нашего поистинѣ и вполне несчастнаго товарища, сожителя въ Петербургѣ, нашего офицера и невольнаго предателя Дивова, о которомъ я упоминалъ въ главѣ описанія 14-го декабря. По выходѣ изъ крѣпостныхъ работъ, послѣ 12-ти или 13-ти лѣтъ, сокращенныхъ по случаю рожденія в. в. Михаила Николаевича, онъ былъ опредѣленъ въ линейный батальонъ въ крѣпость Анапу, на Черноморскомъ берегу, гдѣ у него была постоянно лихорадка. Онъ просился на лѣвный флангъ въ нашу дѣйствующій отрядъ и, благодаря участію начальниковъ, его прикомандировали къ одному изъ полковъ нашего отряда. Мы пріютили его въ своей палаткѣ и онъ пошелъ съ нами вмѣстѣ въ экспедицію.

Когда прибылъ командующій войсками, отрядъ двинулся въ Большую Чечню. Походъ этотъ былъ повтореніемъ Мало-Чеченскаго, съ тою только разницею, что мѣстность была новая, а чеченцы злѣе. Въ эту экспедицію былъ убитъ нашъ кабардинскій майоръ, котораго и вывели въ Грозную. Въ одинъ изъ дней похода нашъ кабардинскій полкъ былъ отраженъ по какой-то боковой дорогѣ, гдѣсь, для уничтоженія мятежнаго аула Юхимовъ, (мѣстное названіе врачей), не смотря на ихъ благодѣтельное родовое ремесло; нужно замѣтить, что дѣйствительно черкесскіе врачи отлично лечатъ раны, не считая отвратительнымъ очищеніе ранъ высасываніемъ изъ нихъ матеріи. Многіе изъ офицеровъ и въ томъ числѣ поручикъ Навагинскаго полка

Дейеръ, хорошій нашъ пріятель, братъ бывшаго предсѣдателя Москов. окружнаго суда, лечился у черкеса.

Мы шли тихо лѣсомъ за вожакомъ, о которомъ солдаты другъ другу сообщали свои подозрѣнія, какъ бы онъ не навелъ насъ на какую нибудь засаду; мы шли довольно долго, хотя и быстро, но вотъ сквозь чащу лѣса, наконецъ, открылся большой аулъ, а около него кукурузное поле уже съ одними огромными штампами, показывавшими, какой величины была кукуруза въ этомъ благодѣтельномъ климатѣ. Нѣсколько гранатъ были пущены по аулу, въ отвѣтъ на которыя отозвалось нѣсколько выстрѣловъ и отряженныя команды заняли аулъ, но уже пустой, такъ какъ горцы, вѣроятно, были извѣщены и выбрались въ лѣсъ съ женщинами, имуществомъ и скотомъ. Оставались только куры, за которыми тотчасъ же и начиналась охота, любимое занятіе солдатъ. Куры, конечно, поднимали страшный гвалтъ, летали съ оглушительнымъ крикомъ отъ невзанныхъ гостей, которые также неспроста бросались на нихъ: летать полѣна, камни, фуражки и солдатъ съ добычей. Мнѣ рассказывали, что когда-то на правомъ флангѣ былъ взятъ аулъ. Командующій, кажется г. Линденъ, ѣхалъ по аулу, какъ вдругъ получаетъ сильный ударъ въ голову; онъ схватился рукой и полагая, что пораженъ пулей, а это было просто одно изъ полѣвъ, пущенныхъ по курамъ сильной рукой солдатика, постигившаго ускользнуть отъ бѣды. Обшарить саклю, прибрать, что попадетъ подъ руку, поймать или зашибить курицу, подцѣпить барана—это страсть солдата. Невольно разсмѣешься, когда бывало увидишь, что солдатикъ, и безъ того порядочно нагруженный ружьемъ, патронами, мѣшкомъ съ вещами и сухарями, не тяготеетъ тащить подъ мышкой еще курицу, а часто и цѣлаго барана. «Солдату гдѣ вьять», говоритъ онъ.

По уничтоженіи аула, отрядъ нашъ присоединился къ главной колоннѣ. Однажды, также еще вначалѣ движенія, открыли гдѣ-то въ лѣсу баранту (стадо овецъ); тотчасъ же поскакала впередъ кавалерія, и нашему батальону приказано было слѣдовать за нею, на случай, еслибъ при барантѣ оказалась значительная партія черкесовъ. У меня была тогда лошадь, которую я купилъ еще на Кубани, безсильная и страшно спотыкливая. Колонна пошла мостомъ, а казаки и всѣ верховые пустились въ бродъ, кажется, то была рѣка Аксай. Противуположный берегъ былъ довольно крутъ, глиняный грунтъ его превратился въ грязь отъ переѣхавшей конницы и былъ такъ скользокъ, что мой плохой конь поскользнулся, опрокинулся и стремглавъ полетѣлъ въ рѣку вмѣстѣ со мной, но, какъ-то счастливо, я упалъ съ него прежде, потому не былъ придавленъ, а очутился лежащимъ

въ водѣ; конечно, я быстро вскочилъ, вода не доходила до колѣна, схватилъ поводъ, поднялъ лошадь и выбрался на берегъ, весь мокрый, принужденный отстать отъ батальона, который уже скрылся въ лѣсу; фуражка же моя отправилась по теченію, но, къ счастью, была поднята и возвращена мнѣ стрѣлькомъ, переходившимъ рѣку въ бродъ. Этотъ случай могъ бы отозваться для меня какой нибудь горячкой или лихорадкой, такъ какъ былъ сильный и холодный вѣтеръ и октябрь мѣсяць, но, къ счастью, къ намъ въ это самое время подѣхалъ квартирмейстеръ отряда, тогда еще штабсъ-кап. генеральнаго штаба баронъ Н. А. Вревскій, и объявилъ что здѣсь назначенъ ночлегъ для отряда. Мы помѣстились въ саклѣ оставленнаго чеченцами аула, какъ и всѣ другіе; развели огонь, и обсушился, переѣвнилъ мокрое бѣлье и потомъ уже всѣ насладились чаемъ.

Сакли у черкесовъ—простыя мазанки съ глинянымъ поломъ, крѣпко и гладко убитымъ и такими же стѣнами, внизу которыхъ сдѣланы выступы; между окнами и дверью пылающій каминъ—тепло, сухо и уютно. Это такъ называемая кунацкая, гдѣ собираются мушкетеры, а въ женское отдѣленіе ведетъ низенькая дверь, въ которую входитъ только одинъ мужъ—глава дома.—Погоня наша окончилась успешно, баранта была забрана и прислана въ лагерь.

При окончаніи экспедиціи въ большой Чечнѣ, въ другой разъ нашъ полкъ былъ опять отряженъ для взытія аула, съ романтическимъ именемъ Фортанго, на прелестной кристалльной рѣчкѣ того же имени. Этотъ аулъ былъ уже пограничнымъ и находился между лѣсомъ и возвышенностями, окаймляющими эту равнину. Главный отрядъ отправился прямо, мы же, подходя къ аулу, увидѣли по опушкѣ лѣса конныхъ и пѣшихъ черкесовъ; жители аула, какъ всегда, переправляли женщинъ, дѣтей, имущество и скотъ въ лѣсъ, но мужское населеніе не хотѣло отдать своего аула безъ боя и открыло по отряду сильный огонь. Равнина, на которой стоялъ аулъ, была покрыта сплошь высокой травой и въ ней-то залегли ихъ стрѣлки; а наши двѣ роты прилегли въ канавѣ, окружавшій аулъ. На это мѣсто пріѣхалъ г.-ад. Мих. Лабынцевъ и, вѣхавъ на холмъ, остановился на немъ, а вся свита его была около него, въ которой были и мы съ братомъ, Вегелинъ, и при немъ состоявшій юнкеръ Бенкендорфъ. Вся свита и генераль были хорошо видны чеченцамъ при свѣтломъ солнечномъ днѣ и они поддерживали весьма оживленный огонь, но изъ всей группы верховыхъ свиты, человекъ до двадцати, одинъ только Бенкендорфъ былъ контуженъ въ локоть. Когда совершилось дѣло разрушенія, то части отряда, подъ прикрытіемъ арріергарда и стрѣльковъ, переправились черезъ рѣчку; вслѣдъ же за

тѣмъ постепенно переправлялась остальная аррьергардная колонна и ея цѣпи стрѣлковъ, занимавшія оставляемые сакли и плетни. Живая между тѣмъ перестрѣлка все еще не умолкала. Чеченцы, какъ звѣри, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, занимая оставляемые отступавшими стрѣлками позиціи и посылали въ насъ градъ пуль, но счастію послѣдними, безъ прицѣла, выстрѣлами и потому безвредными. Наконецъ, всѣ перешли рѣку и весь отрядъ двинулся впередъ подъ прикрытіемъ аррьергардныхъ орудій, и вслѣдъ затѣмъ перешли рѣчку толпы чеченцовъ; но тутъ преслѣдованіе бѣгущихъ было уже бесполезно. Отрядъ шелъ по широкой равнинѣ, окраенной, съ одной стороны, горами, а съ другой—лѣсомъ и рѣкою.

Огонь началъ утихать, выстрѣлы становились рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились; но все еще подѣзжали къ цѣпи верховые джигиты на лихихъ коняхъ, вызывая на бой нашихъ всадниковъ, которые принимали вызовъ, выѣзжали за цѣпь, мѣнялись выстрѣлами и возвращались къ отряду. Солнце стало склоняться къ горизонту; дорога ровная и гладкая; въ отрядѣ раздавались веселыя пѣсни, какъ будто передъ тѣмъ ничего не происходило. Веселый говоръ раздавался въ рядахъ солдатъ и между ѣдущими по сторонамъ офицерами. Всѣ мы были довольны окончаніемъ экспедиціи и должествующимъ наступить отдыхомъ. Этотъ походъ былъ для насъ съ братомъ самый пріятный и веселый. Когда уже стемнѣло, мы подошли къ общему лагерю; бивачные огоньки блистали повсюду, вездѣ живая картина безпечной военной жизни, гдѣ сегодня веселятся, не заботясь о томъ, что завтра, можетъ быть, грозныя носилки примутъ ваши обезображенные члены! Какая противоположность! Прелестная роскошная природа, свѣтлыя небеса, безпечно журчащія струи живописной рѣки, картина мира и тишины—и ожесточенная борьба человѣка, проливающего съ наслажденіемъ кровь своего ближняго, хотя и врага.

Въ одномъ изъ этихъ движеній, въ этой-же экспедиціи, погибъ нашъ бѣдный и вполнѣ несчастный Дивовъ. Мы шли въ цѣпи около какой-то рѣки. Чеченцы наѣдали на аррьергардъ и цѣпи. Онъ шелъ позади насъ и вдругъ быстро подходитъ къ намъ и говоритъ, что онъ раненъ и, какъ ему казалось, около ступни; не смотря на то, онъ еще шелъ нѣкоторое время, но потомъ ослабѣлъ и былъ отвезенъ на перевозочный пунктъ, гдѣ оказалось, что пуля прошла около колѣна и раздробила кость. Послѣ экспедиціи его перевезли на ливію въ Червленскій походный лазаретъ. Рана оказалась опасною и, протомившись еще около 2-хъ мѣсяцевъ, онъ умеръ. Письма его къ намъ, уже слабой рукой писанныя, хранятся у меня, какъ памятникъ

нашей дружбы, его страданій и несчастій. Понстигнѣ, замѣчательна была судьба этого человѣка: юный, прекрасный собой, умный, образованный, онъ только начиналъ жизнь, жадно упивался ея наслажденіями, какъ внезапно порывъ бури въ одно мгновеніе разбиваетъ ея обольщенія и его самого!

Пройдя всю Большую Чечню, отрядъ снова возвратился въ крѣпость Грозную, но и на этотъ разъ простоялъ не долго. Въ эту-же осень онъ тронулся изъ Грозной за Сунжу для истребленія чеченскихъ хутановъ, пріютившихся въ дремучемъ Сунженскомъ лѣсу. Отрядомъ командовалъ нашъ дивизіонный генералъ Галафѣевъ. Рѣку мы перешли въ бродъ и помню, что намъ, новичкамъ, было очень страшно переправляться въ темнотѣ по каменистому руслу, состоящему изъ большихъ, круглыхъ камней, между тѣмъ, какъ вода доходила до брюха лошади, при чрезвычайно быстромъ теченіи; споткнись лошадь или упади—гибель была неизбежна. Въ этой экспедиціи привычная лошадь нашего генерала Лабунцева никакъ не хотѣла идти въ рѣку, несмотря на то, что онъ хлесталъ ее плетью и шпорилъ; и такъ долго не шла, что онъ пересѣлъ на другую. Случай этотъ послужилъ поводомъ къ разнымъ суевѣрнымъ толкамъ, между солдатами, что это не къ добру, къ несчастью,—что и оправдалось.

Перейдя рѣку, мы вступили буквально въ дремучій лѣсъ, гдѣ пролегла сначала кой-какая дорога, по которой можно еще было идти, хотя въ сжатомъ и узкомъ строѣ; но далѣе уже надо было идти по узкой лѣсной тропинкѣ. Два наши кабардинскіе баталіона шли въ арріергардѣ; когда открывались хутаны, отряжались команды для сожженія скирдовъ сѣна и хлѣба и сакаль, причемъ слѣдовало со стороны непріятеля ожесточенное преслѣдованіе арріергарда во время нашего дальнѣйшаго движенія. Тогда арріергардъ останавливался, орудія снимались съ передковъ и картечь на время удерживала натискъ. Но вотъ тропинка такъ съузилась, что люди должны были идти поодиночно гуськомъ, горнія орудія раздѣляли арріергардные баталіоны и чрезвычайно стѣсняли дорогу; отрядъ растянулся на огромное разстояніе, пальба въ дѣлкахъ и арріергардѣ шла своимъ порядкомъ, отчего въ лѣсу стоялъ ужасный гулъ, мѣшающій командѣ,—потому всѣ двигались впередъ, не зная того, что дѣлается сзади. Такимъ образомъ баталіонъ, шедшій впереди, дошелъ до рѣки Сунжи, текущей здѣсь большими извилинами. Отряду было приказано ген. Галафѣевымъ, по мѣрѣ перехода частей отряда рѣки, остановиться и ожидать новыхъ приказаній. Весь отрядъ уже переправился, и тогда только замѣтили, что слѣдовавшаго за нимъ баталіона нѣтъ,

а затѣмъ уже услышали сильнѣйшую перестрѣлку, крики «ура!», барабанный бой тревоги, что уже означало сильный и горячій рукопашный бой. Всѣ офицеры, а также и мы съ братомъ, умоляли командира 4-го аррьергарднаго батальона идти на помощь, такъ какъ батальонъ, отставши, вѣроятно, былъ окруженъ и могъ погибнуть весь, но командиръ былъ глухъ къ убѣжденіямъ, твердя одно, что приказано, перейдя рѣку, ожидать распоряженій. Аррьергардомъ командовалъ Лавинцевъ, нашъ полковой командиръ, человѣкъ испытанной геройской храбрости; но тутъ его положеніе и положеніе батальона было отчаянное. Вѣроятно, прежде не было извѣстно, что въ этотъ лѣсъ, въ эту ночь, пришелъ самъ Шамиль съ 6,000 человѣкъ. Зная, что узкая дорога должна была разобщить отрядъ, онъ только ожидалъ, чтобъ передовныя войска перешли Сунжу, и тогда ударилъ со всѣхъ сторонъ на покинутый батальонъ, дѣли котораго все время поддерживали сильную перестрѣлку обычнымъ порядкомъ; когда же весь отрядъ продвинулся за Сунжу и дѣли стали переходить извилины рѣки, которая извивалась здѣсь змѣей и появлялась въ вѣсколькихъ мѣстахъ, вдругъ масса накидывается на дѣли и рубить пашками переходящихъ воду стрѣлковъ. Гвардейскаго финскаго стрѣлковаго батальона храбрый офицеръ Валенусъ, благороднѣйшая личность, защищался пашкой сколько было силъ, стрѣлки тоже дрались и штыками и прикладами, но масса одолѣла и дѣли были вырѣзаны и прорваны и вся сила навалилась на батальонъ, который, подъ начальствомъ своихъ закаленныхъ въ бою ротныхъ командировъ, стоялъ твердо; не смотря на неравенство силъ, лѣсную трущобу, всѣ они храбро отбивались на всѣ стороны непрерывной пальбой залпами, а иногда штыками и прикладами. Между ротными командирами особенно выдавался своимъ хладнокровіемъ и геройствомъ штабсъ-капитанъ Струковъ, о которомъ я уже упоминалъ при описаніи набѣговъ Засса. Въ это время изъ дѣли пробрался къ генералу штабсъ-капитанъ Карево 2-ой и объявилъ ему, что дѣль вырѣзана. Генералъ сейчасъ же послалъ черкесскаго, нашей службы, офицера изъ своей свиты просить подкрѣпленія у начальника отряда. Тотъ на своемъ черкескомъ конѣ проскакалъ мимо насъ, какъ вихорь, и тотчасъ же привезъ приказаніе идти на помощь. Какъ только батальонъ нашъ перешелъ обратно рѣку, то самъ собой пустился бѣгомъ на выручку своихъ, пылая мщениемъ, и какая бы пошла штыковая работа ослобленныхъ солдатъ, если бы они застали еще черкесовъ, но тѣ тотчасъ съ Шамилемъ отступили въ лѣсную чащу.

Когда мы пришли на мѣсто битвы, глазамъ нашимъ представилось грустное зрѣлище: тутъ несли всѣхъ убитыхъ и въ числѣ ихъ

ротнаго командира по фамиліи, кажется, Бѣлимовъ, и Веленіуса, уже совершенно обнаженныхъ; тѣла ихъ были покрыты страшными кинжальными и пашешиными ранами. Послѣ этого дѣла самъ командующій войсками Граббе повелъ отрядъ въ гѣсъ на поиски Шамиля, а нашъ батальонъ отправилъ въ Грозную за боевыми снарядами, которыхъ, вѣроятно, уже не доставало. Но такъ какъ Шамиль исчезъ, то отрядъ возвратился въ Грозную, а потомъ былъ отпущенъ на землія кварталы.

Во время этихъ чеченскихъ экспедицій и всѣхъ другихъ, нельзя не вспомнить человѣка, бывшего истинной отрадой всѣхъ офицеровъ какъ нашего батальона, такъ и другихъ; это былъ нашъ капитанъ Владиміръ Васильевичъ Астафьевъ, въ палаткѣ котораго мы стояли во время похода. Этого рода люди—испытанное сокровище въ военныхъ походахъ. Этотъ человѣкъ любилъ жизнь и ея мирныя наслажденія, даже самыя обыденныя, до страсти. Это, впрочемъ, дѣлается понятнымъ, когда вспомнишь тогдашнее кавказское время, когда экспедиціи были почти непрерывны, а съ ними и всѣ лишенія, не говоря объ опасностяхъ, увѣчьяхъ и смерти, которой особенно отвращался Владиміръ Васильевичъ. Въ походахъ и ихъ трудностяхъ человѣкъ живетъ только воспоминаніями о теплой, сухой квартирѣ, гдѣ не обдаетъ брызгами дождя, какъ въ палаткѣ, гдѣ вмѣсто сырой земли и бурки у него сухая и теплая постель, гдѣ въ свое время дадутъ обѣдать сытно, и утромъ и вечеромъ кофе и чай;—а воспоминанія эти навѣваютъ мечты о томъ, что и опять все это можетъ возвратиться. Въ этихъ-то воспоминаніяхъ и мечтахъ Влад. Вас. былъ неистощимъ, такъ что въ нашей палаткѣ до поздняго вечера просиживали многіе изъ товарищей и особенно часто бывалъ у насъ нашъ батальонный командиръ Констан. Семен. Трескинъ; онъ былъ очень веселаго характера, большой хохотунъ и рассказы Влад. Вас. были его наслажденіемъ. Правда, что Влад. Вас. обладалъ необыкновеннымъ даромъ не только рассказывать легко, приятно и красно; но онъ умѣлъ такъ живо описывать каждое даже самое простое, обыкновенное и всѣмъ знакомое въ мирной жизни, и все это съ такимъ юморомъ и такимъ живымъ представленіемъ въ лицахъ всего выдающагося и смѣшнаго, какъ въ другихъ, такъ и въ самомъ себѣ, что всѣ кругомъ него неудержимо хохотали и всѣ уходили изъ нашей палатки въ самомъ приятномъ настроеніи; а это не бездѣлица въ теченіи экспедицій, гдѣ каждый день и каждый часъ подвергаешься опасности быть убитымъ или раненымъ съ переселеніемъ въ лазаретную палатку или могилу. Одна изъ смѣшныхъ сторонъ его была его трусость, которую онъ не только не скрывалъ, но, напротивъ, выстав-

лялъ въ самомъ смѣшномъ видѣ. Въ дѣлахъ онъ дѣйствовалъ, конечно, какъ должно благородному ротному командиру, но всегда имѣлъ видъ жертвы, ведомой на закланіе. Серьезный, молчаливый, съ выволнованнымъ, вытянутымъ лицомъ, онъ мастерски умѣлъ набѣгать опасности и всегда старался выгодать для себя и своей роты хорошо защищенныя позиціи. Не помню уже, въ какой это было мѣстности, но помню, что отрядъ стоялъ въ какой-то ложбинѣ, окруженной возвышенностями; орудія обстрѣливали гѣсь, гранаты посылались на одну высоту, гдѣ собралась значительная партія непріятеля. Мы въ это время были около нашего генерала, направлявшаго орудія, а потомъ подѣхали къ своей ротѣ, позиція которой была выбрана Влад. Вас. отлично: рота была защищена небольшимъ холмикомъ, за которымъ расположились стрѣлки, поддерживая живую перестрѣлку съ непріятелемъ, занимавшимъ гору. Подѣвжаемъ и видимъ нашего капитана, сидящимъ за ротой подъ тѣнью дерева и курящимъ трубку; это уже значило, что въ этомъ мѣстѣ онъ не подвергался опасности. Когда мы сошли съ лошадей и тоже закурили трубки, онъ сказалъ намъ шопотомъ: «болваны-то стрѣляютъ по пустому; нуль, правда, лететь много, да какъ стукнутся онѣ объ холмикъ, такъ рикошетомъ и черезъ, и ни одного раненаго». Но если была опасность по мѣстности или учащенному огню и были раненые и убитые, то уже съ шутилой рѣчью къ нему не подходилъ: «какія тутъ шутки», пресерьезно говоритъ онъ, «только вынеси Господи». За то, чѣмъ сильнѣе были ощущенія дня, тѣмъ веселѣе онъ былъ въ палаткѣ вечеромъ за чаемъ и это только до слѣдующаго выступленія. Такъ онъ рассказывалъ намъ объ одной экспедиціи на правомъ флангѣ противъ абазеховъ, храбрѣйшаго племени горцевъ: какъ, однажды, они прорвались сквозь цѣпь и напали на обозъ, гдѣ онъ тогда находился съ ротой. Онъ живописно представлялъ несущихся всадниковъ съ шапкою въ рукѣ и кинжаломъ въ зубахъ и ихъ дикій гикъ. «Тутъ, говорилъ онъ, я такъ струсилъ, что и небо мнѣ показалось съ овчинку; хорошо, что ихъ скоро прогнали, встрѣтивъ сильнымъ огнемъ; а я, не помня себя, только повторялъ: пали! пали! ну уже и набрался-же я тогда страху». Это былъ, поистинѣ, единственный въ своемъ родѣ человекъ; всегда и во всемъ онъ возбуждалъ смѣхъ, даже самаго серьезнаго человека. Къ несчастью, онъ былъ горячій картежникъ, конечно, въ надеждѣ улучшить свои карманныя обстоятельства. Иванъ Мих. Лавынцевъ, командиръ полка, часто распекалъ его за это и даже грозилъ въ случаѣ, если онъ до безобразія проиграется, выключить его изъ полка. Какъ-то въ походѣ мы ѣдемъ съ нимъ рядомъ, а мимо впередъ проѣзжаетъ генералъ;

онъ-же, указывая на него, съ усмѣшкой говоритъ намъ шопотомъ: «вѣдь онъ думаетъ, что эта лошадь и шинель мои, а между тѣмъ и то, и другое уже проиграно».

— «Какъ это, Влад. Вас., вы такъ безхарактерны, что не можете удержатъ себя отъ этой страсти?»

— «Увлеченіе, говорилъ онъ; да и то думаю: проиграюсь, убьютъ— нечего будетъ дѣлать наслѣдникамъ; а выиграю много, поправлюсь и тотчасъ-же въ отпускъ, а тамъ и въ отставку и поминай какъ звали!»

Въ походѣ онъ имѣлъ обыкновеніе приказывать слать себѣ непремѣнно чистую простыню, тогда какъ никогда не раздѣвался и часто, въ дождливое время, ложился въ грязныхъ сапогахъ, а когда, смѣясь, мы ему замѣчали это, то онъ отвѣчалъ: «все-же чище». Былъ онъ небольшого роста, имѣлъ доброе, но въ то-же время простое лицо, съ довольно толстымъ и краснымъ носомъ, что дѣлало его фizioномію нѣсколько похожею съ зайцемъ, да и вообще, онъ былъ некрасивъ.

Послѣ Сунженской экспедиціи, когда ему снова небо показалось съ овчинку, увидавши такъ близко смерть, онъ еще болѣе сталъ и отбиваться отъ нея. Нашъ батальонъ прислали въ крѣпость за снарядами, пріемка которыхъ продолжалась съ вечера до 3-хъ часовъ ночи. Въ ожиданіи подъема, мы взяли квартиру, напились чаю и расположились заснуть. Лежа на кровати и вспоминая всѣ перепетія страшнаго дня, онъ говоритъ: «нѣтъ, ужъ теперь я не попадусь, и если будетъ мнѣ плохо, знаю, что увижу во снѣ какъ видѣлъ это дѣло и тогда боленъ и въ лазаретъ!»

Съ подъемомъ мы сѣли на лошадей, и, выходя изъ крѣпости, онъ ужасно боялся волчьихъ ямъ, вырытыхъ передъ входомъ, и очень смѣшилъ насъ. Наконецъ, мы пришли къ Сунжѣ, остановились на опушкѣ лѣса по эту сторону рѣки, а по другую сторону былъ весь отрядъ съ командующимъ войсками генер. Граббе. Мы ожидали приказаній на мѣстѣ; шелъ дождь, всѣ офицеры надѣли башлики, бурки, шинели, а костюмъ Влад. Вас. состоялъ изъ его старой, полинялой, сине-сѣрой шинели и коротенькой бурки, которая, однимъ своимъ видомъ, возбуждала смѣхъ. Всѣ кружкомъ стояли около огня, едва, едва разговариваясь. Было холодно, мокро, гадко, а между тѣмъ весь кружокъ офицеровъ хохоталъ, слушая Вл. Вас. Потомъ уже въ Россіи я слышалъ отъ кого-то, что онъ умеръ уже майоромъ, но не во фронтѣ, а гдѣ-то воинскимъ начальникомъ. Всѣ, служившіе съ нимъ, никогда его не забудутъ.

Да вообще, во время нашихъ экспедицій не мало было забавныхъ

эпизодовъ. Такъ помню, что, стоя около аула, въ то время какъ производилось его опустошеніе, орудія бросали гранаты по лѣсу; мы увидѣли въ сторонѣ батальоннаго доктора въ кукурузѣ; онъ также былъ верхомъ, но когда пролетѣла пуля, хотя уже безвредная, онъ соскочилъ съ лошади и поставилъ ее такъ, чтобъ оградить себя ею отъ какой нибудь шальной пули. По физиономіи можно было видѣть, что онъ не былъ равнодушенъ къ этимъ шаловливымъ гостьямъ и очень былъ озабоченъ, чтобъ лошадь его стояла смирно, но, какъ-то втянувши поводъ, онъ совсѣмъ стянулъ уздечку и, боясь нажать новую бѣду, упустивъ лошадь, уцѣпился за ея шею, но все же наблюдая, чтобъ она была между нимъ и ауломъ. Не помню уже: мы ли или кто изъ бывшихъ тутъ солдатъ помогъ ему надѣть узду; но растерянная фигура его въ эту минуту была такъ смѣшна, что мы хотали до слезъ, конечно, не давая ему этого замѣтить. Уже вятый аулъ, безопасность положенія, такъ какъ непріятельскія пули изъ лѣса пролетали рѣдко—конечно, много способствовали этому веселому настроенію.

Первый годъ нашего пріѣзда на Кавказъ въ военномъ отношеніи для насъ кончился сунженской экспедиціей, послѣ которой всѣ начальствующіе разъѣхались, а войска стали на зимнія квартиры. Насъ отпустили въ Прочный-Окопъ, гдѣ оставались всѣ наши вещи, которыхъ мы не взяли съ собой, полагая, что отозваніе нашего полка на лѣвый флангъ было временнымъ, а вышло, что оно сдѣлалось постояннымъ. Мы съ братомъ и Вегелинымъ верхомъ и проѣхали всю линію до Прочнаго-Окопа, что я думаю составитъ не менѣе 800 верстъ. Въ Прочномъ-Окопѣ мы заняли квартиру очень просторную, въ три или четыре комнаты съ кухней, очень веселенькую, на самомъ берегу Кубани, но въ которой кухня обладала такимъ громаднымъ количествомъ черныхъ и красныхъ таракановъ, что когда бывало входилъ въ нее со свѣчей, то стѣнъ почти не было видно. Впрочемъ, кухня намъ и не была нужна, такъ какъ столъ мы имѣли у Михаила Михайловича Нарышкина.

Мих. Мих. и жена его Елизавета Петр., рожденная графиня Ковновницына, жили въ довольно большомъ домѣ на широкой улицѣ; при домѣ былъ садъ съ желтыми и черными сливами, который впрочемъ и не походилъ на садъ, какъ мы понимаемъ, потому что тутъ не было ни дорожекъ, ни плана, а просто группа фруктовыхъ деревьевъ, каковы и всѣ сады по кавказской линіи. Общество наше въ Прочномъ Окопѣ составляли товарищи наши: Назимовъ, Нарышкины, иногда Загоряцкій и мы съ братомъ. Въ это же вре-

мя былъ еще изъ нашихъ товарищей Лихаревъ, но онъ въ это же лѣто былъ въ экспедиціи съ Куринскимъ полкомъ, въ которомъ находился, и подъ Валерикомъ убитъ; когда мы въ послѣднюю экспедицію нашу проходили Валерикъ, то увидѣли, что могилы нашихъ убитыхъ были разрыты и тѣла павшихъ обнажены, ограблены и изуродованы этими чеченскими варварами. Тутъ же ихъ похоронили снова.

Всѣ наши товарищи уже были портупей-юнкерами, такъ какъ вступили въ службу раньше насъ, а мы за экспедицію были произведены въ унтеръ-офицеры.

Въ Прочномъ Окопѣ стояла артиллерійская бригада, командиромъ которой былъ полковникъ Ганъ. Семейство его состояло изъ жены и 2-хъ взрослыхъ дочерей. Тутъ же была штабъ-квартира Кубанскаго полка и жилъ командиръ, полковникъ Фитингофъ, котораго мы часто посѣщали, а когда онъ дѣлалъ ученье знаменитой тогда Прочно-Окопской сотнѣ, то мы всегда присутствовали, любясь удивительной удалью этихъ казаковъ, скакавшихъ на колѣняхъ во весь карьеръ.

Всѣ эти лица бывали по вечерамъ у Нарышкиныхъ, и такъ какъ Елизавета Петр. прекрасно пѣла, а дочери полковника Гана тоже были музыкантши, то мы часто наслаждались прекрасной музыкой, такъ что жизнь въ Прочномъ Окопѣ была очень пріятна. Кромѣ того у Нарышкиныхъ было много хорошихъ книгъ, получались иностранные и русскіе журналы—и время летѣло незаметно. Предпринимались частыя прогулки по улицамъ станицы и за станицу, а однажды составила поѣздка за Кубань въ одинъ изъ мирныхъ черкесскихъ ауловъ, по предложенію полковника Гана. Аулъ былъ искони мирный и жители его были въ кунацкихъ, т. е. дружескихъ отношеніяхъ съ русскими.

Въ прогулкѣ участвовали: Мих. Мих. Нарышкинъ съ Елиз. Петр., Ганъ съ женой и дочерьми, Назимовъ, Загорѣцкій и мы съ братомъ. Дамы отправились въ коляскахъ, а мы всѣ въ крытой линейкѣ. Перѣхавъ въ бродъ рѣку, мы пошли къ аулу, гдѣ насъ встрѣтили хозяева съ большимъ почетомъ. Сейчасъ вынесли передъ саклею низенькіе черкесскіе столики и поставили пропасть кушаней, разумѣется, въ азіатскомъ вкусѣ. Не помню подробностей угощенія, но помню, что тутъ были и знаменитый кавказскій пашлыкъ и какія-то пирожныя, очень вкусныя, а также сушеные фрукты. Пока мы тутъ угощались, составилъ хороводъ; дѣвушки, переплетая руками, монотонно и плавно качаясь, двигались кругомъ подъ звуки

музыки, которая была убійственна; инструменты ея состояли изъ сопелокъ, барабана, бубна и еще какого-то струннаго въ родѣ бала-лайки. Женщины поглядывали на гостей сквозь плетни, какъ казалось, съ большимъ любопытствомъ. Пробывъ часа два, походивши передъ ауломъ и заходя въ чистенькія сакли, мы направились домой, поблагодаривъ хозяевъ и, конечно, одаривъ, вѣроятно щедро, такъ какъ Нарышкинъ былъ человекъ богатый, весьма щедрый и великодушный. Погода была прекрасная и теплая, кажется, то былъ мартъ или февраль; всѣ пожелали возвратиться домой пѣшкомъ по берегу живописной рѣки, для сокращенія дороги и прогулки; а потому отпустили экипажи, въ которыхъ берегомъ нельзя было ѣхать. Лѣсъ подходилъ къ самому берегу, представляя огромныя промоины, овраги, заваленные упавшими деревьями, такъ что чѣмъ далѣе, тѣмъ дорога становилась непроходимѣе. Тутъ мы стали помышлять, какъ бы возвратиться и сѣсть въ экипажи, но они уже были далеко и пришлось покориться своей участи. Мушны раздѣлили между собой дамъ, изъ которыхъ Елиз. Петр. Нарышкина была болѣзненна и слаба, еще болѣе была слаба и къ тому же очень труслива м-те Ганъ, а мужъ ея, по толщинѣ своей, не могъ ее вести, такъ какъ и самъ едва переводилъ духъ и ее уже провожалъ, помнится, Мих. Алек. Назимовъ; дѣвицы Ганъ были болѣе подвижны, но и имъ тоже понадобились провожатые. Мы подвигались очень медленно, какъ вдругъ, къ довершенію этого бѣдственнаго похода, слышимъ сильный трескъ въ лѣсной чащѣ. Въ первую минуту намъ пришло въ голову: не хищники ли это, и тогда, о ужасъ! что ожидало бы несчастныхъ дамъ, которыя страшно испугались. Къ несчастію, всѣ мы были безоружны, только у насъ съ братомъ были кинжалы при черкескахъ, въ которыхъ мы были. Не медвѣдь ли то былъ? тоже не хорошо; всѣ мы бросились въ лѣсъ, продираясь сквозь чащу, чтобы предупредить опасность и удостовѣриться, въ чемъ она заключается, и, къ общему удовольствію, увидѣли буйволовъ, и тогда дамы наши успокоились. Все это путешествіе наше продолжалось очень долго и мы вошли въ станицу въ 11 часовъ ночи. Дамы наши были утомлены до изнеможенія, такъ какъ дорога была ужасная.

Такъ прошло наше первое полугодіе на Кавказѣ съ путешествіемъ въ 5—6 тысячъ верстъ, тремя экспедиціями и пріятнымъ отдыхомъ въ Прочномъ-Окопѣ. Съ ранней весной надо было собираться и ѣхать къ своему полку, снова на лѣвый флангъ. Пасху мы встрѣтили еще въ Прочномъ-Окопѣ, разговѣлись у Мих. Мих. и Елиз. Петр. Нарышкиныхъ и распростились съ ними и нашими товарищами. Мы не пошли съ пер-

вмѣстѣ нашимъ батальономъ, который отправлялся туда же; а забравъ свои вещи, поѣхали на перекладныхъ по линіи черезъ всѣ казачьи станицы. Это было на святой недѣлѣ и мы ѣхали среди общаго веселья и ликованья; все населеніе (въ праздничныхъ одеждахъ), группы молодыхъ казачекъ и казаковъ разгуливали по всѣмъ улицамъ съ пѣснями, пляской подъ звукъ гармоніи; а вечеромъ по всѣмъ перекресткамъ хороводы, шумъ, гамъ и беззаботное веселье. Вообще все казачье населеніе отличается своей живостью и веселостью. Передъ домами на скамьяхъ сидятъ пожилые казаки и ведутъ неумолкаемую бесѣду: о различныхъ военныхъ случайностяхъ, объ экспедиціяхъ, молодецкихъ подвигахъ; и, дѣйствительно, въ тѣ времена было о чемъ говорить на Кавказѣ, такъ какъ это было время самаго большаго могущества Шамиля, частыхъ набѣговъ на станицы и безпрестанныхъ тревогъ.

Первый батальонъ нашъ шелъ по линіи черезъ Пятигорскъ и тутъ случилось происшествіе, заслуживающее упоминанія. Батальонъ велъ капитанъ Каревъ; когда они вышли изъ Пятигорска, имъ случайно попался на встрѣчу Пятигорскій протопопъ; Каревъ счелъ эту встрѣчу за дурное предзнаменованіе и, раздѣляя эту суевѣрную примѣту, къ стыду, со многими считающимися православными христианами, вмѣсто того, чтобъ подойти и попросить благословенія и молитвы за идущихъ на брань, приказалъ солдатамъ плевать и бросать песокъ въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ на холмѣ. Сконфуженный, опозоренный священникъ и, конечно, глубоко обиженный, не выдержавъ и не явивъ христіанскаго терпѣнія и смиренія и, подозревая одного унтеръ-офицера, замыкавшаго ряды, спросилъ: кто это ведетъ батальонъ? Тотъ отвѣчалъ, что капитанъ Каревъ, тогда онъ сказалъ: «передай-же ему, что первая пуля будетъ ему», что дѣйствительно и случилось.

Приѣхавши въ Науръ, гдѣ уже имѣли знакомыхъ, мы распростлились съ ними, и верхомъ отправились въ Червленую, штабъ квартиры Гребенскаго полка, а оттуда на переправу черезъ Терекъ, къ переправлявшемуся отряду. Экспедиція эта назначалась на Чиркею, огромный аулъ съ 10 тысячнымъ населеніемъ, который брать съ фронта было почти невозможно, такъ какъ построенный амфитеатромъ, онъ изъ каждой сакли могъ убійственнымъ огнемъ поражать приближающіяся войска, что и случилось въ прежнюю экспедицію съ Ширванскимъ полкомъ. Поэтому рѣшено было идти въ обходъ и взять аулъ сзади, съ другой его стороны. Мы пошли на крѣпость Внезапную, а за нею прошли лѣсистою мѣстностью, защищенною за-

валами, при постоянной перестрѣлкѣ. потомъ перешли р. Салемъ и шли между горами. На слѣдующій день была дневка. Когда при этой дневкѣ отрядъ расположился лагеремъ, командующему войскамъ генер. Граббе поставили юрту, и какъ теперь смотрю на него, прохаживающагося передъ нею съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, курящаго и запивающаго чаемъ, какъ вдругъ съ близлежащей дѣистой горы раздались выстрѣлы и пули засвистѣли около него, а другіе попали въ юрту; не прекращая ни на минуту своей ходьбы съ трубкой, также спокойно и хладнокровно какъ прежде, онъ только отдалъ приказаніе занять эту гору и выбить непріятеля, тамъ собравшагося. Какъ нарочно былъ назначенъ первый батальонъ кабардинскаго полка и еще другіе, и Каревъ, плевавшій на Пятигорскаго протопопа, пошелъ занимать гору. Кабардинцы живо бросились впередъ и съ живой перестрѣлкой овладѣли горой; въ самомъ началѣ дѣла, дѣйствительно, пуля попала въ животъ Кареvu, но по счастью или, лучше сказать, по милосердію Божію не пробила кишокъ и онъ остался живъ. Тутъ онъ вспомнилъ предсказаніе протопопа.

Дальнѣйшее движеніе отряда было задерживаемо частыми нападеніями съ горъ, когда приходилось слѣдовать около нихъ, такъ какъ вся эта страна гориста. На одной изъ дневокъ непріятель показался въ значительномъ числѣ и открылъ сильный огонь съ высотъ; къ несчастью, пришлось брать эту гору во время дождя и грязи; но на войнѣ не разбирается время. Скользкая почва много мѣшала нашимъ геройскимъ солдатамъ идти въ гору: они шли, упираясь штыками, подъ огнемъ непріятеля; тутъ же еще случилась страшная гроза, убившая двухъ солдатъ; и того и другаго зарыли въ землю по шею: на одного это средство подѣйствовало, на другаго же нѣтъ и онъ умеръ. Но несмотря ни на ярость стихій, ни на трудности крутаго подъема, наши самоотверженные солдаты поистинѣ геройски взяли высоту и сбили врага, который большими массами сталъ собираться на нашемъ пути, въ одномъ ущельѣ, которымъ необходимо было проходить и которое онъ сильно укрѣпилъ завалами и рвами. Въ слѣдующій день продолжалась перестрѣлка и мы остановились передъ ущельемъ. Тутъ уже лазутчики дали знать, что черкесы, во что-бы то ни стало, рѣшились не пускать насъ далѣе къ Чиркею, такъ какъ они знали нѣтъ экспедиціи.

Съ вечера распредѣлили войска и рѣшили высотами, ограждавшими ущелье, идти въ обходъ заваламъ и, обойдя ихъ, взять непріятеля въ тылъ. Нашему батальону съ другими нашего полка назначена была правая сторона ущелья. Такъ какъ полагаю, что непріят-

тель собрался въ большомъ числѣ съ правой стороны, то къ намъ принесли больше носилокъ, бинтовъ, и было увеличено число фельдшеровъ для перевязокъ раненыхъ. Всю ночь на горахъ раздавалась ихъ воинственная духовная пѣснь „Элон Илалахъ“, гулъ отъ которой, отзвываясь эхомъ, разносился по всѣмъ лѣсистымъ горахъ, и не могу сказать, чтобъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Мы долго передъ сномъ ходили около нашихъ палатокъ, прислушиваясь къ этому зловѣщему пѣнію. Звѣзды блистали великолѣпно на сводѣ небесномъ и невольно пробѣгала въ умѣ мысль, не въ послѣдній-ли разъ мы любовались ихъ красотой; но что-же если и въ послѣдній? вѣруемъ, что красота небесной жизни безконечно выше, для души, этой матеріальной. Наступило утро, прекрасное, свѣтлое кавказское утро; пробили обычный генераль-маршъ, по возамъ, сборъ—и все двинулось. Офицеры, а также и мы оставили лошадей при обозѣ, а сами пошли съ своей правой пѣлю, пѣшкомъ. Гора, по которой было назначено намъ идти, была очень высока; восхожденіе на нее съ ружьемъ, патронами, въ солдатской шинели, было для насъ съ братомъ истиннымъ подвигомъ. Мы вообразили на гору едва переводя духъ, облетые потомъ и, хотя въ полномъ изнеможеніи, однако не отставали отъ колонны. Какъ только вошли на гору, увидали, что непріятеля тутъ не было; онъ засѣлъ на другой горѣ, отдаленной отъ насъ глубокимъ оврагомъ; но какъ цѣль движенія была обойти завалы и потомъ спуститься въ тылъ непріятелю, защищавшему завалы, то мы шли предводимые генераломъ Лабынцевымъ, хотя съ жаркой перестрѣлкой; но все-же не такой жаркой, на какую указывали приготовления. Колонна съ обозомъ подвигалась къ заваламъ, но прошла ихъ уже тогда, когда опустились горныя колонны и непріятель, не ожидая ихъ, отступилъ къ своимъ. И такъ дѣло это было страшнѣе въ ожиданіи, нежели оказалось въ дѣйствительности. Докторъ нашъ Павелъ Ив. Головинскій, въ палаткѣ котораго мы стояли, не оставилъ своей лошади въ обозѣ и, взявъ на ней на гору, велъ ее потомъ въ поводу. Надо было удивляться этой бѣлой кабардинкѣ;—она шла за нимъ, какъ дрессированная охотничья собака; при спускахъ въ оврагахъ и рывинахъ и самыхъ крутыхъ подъемахъ она шла такъ осторожно, что, несмотря на близкое разстояніе, ни разу не наступила на него; ни съ какой другой лошадейю невозможно было бы идти по такимъ мѣстамъ. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ мы соединились съ дагестанскимъ отрядомъ, которымъ командовалъ корпусный командиръ генер. Головинъ, перешедшій за Суликъ у Мятменскаго аула. Совокупно съ нашимъ отрядомъ взять аулъ Хубары и мы подошли къ Чиркю,

который уже выслалъ старшинъ къ ген. Фезе, оставленному по ту сторону Сулика, и Чиркей сдался. Разумѣется, въ аулѣ уже никого не было, всѣ жители съ имуществомъ и скотиной ушли въ лѣса и горы и, какъ говорили, выдали аманатовъ, т. е. заложниковъ, и на этотъ разъ аулъ былъ пощаженъ. Помню, что въ горахъ вьюки наши запоздали и мы долго ждали, пока разбили палатку и мы за чаемъ могли отдохнуть. Помнится также, что мы тутъ простояли двое или трое сутокъ. Солдатики наши, не теряя времени, начали посѣщать лѣсъ—не попадется-ли какая добыча и, дѣйствительно, многие находили хорошіе ковры, нѣкоторую домашнюю утварь и кое-что изъ посуды. Это было потомъ запрещено, изъ опасенія какой нибудь засады. Совершивъ покореніе аула, мы двинулись въ обратный путь къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, перешли Суликъ уже мирно и направились въ горы.

Помню, какъ потянулись по горамъ наши вьюки, на какіе страшныя крутизны они взбирались, имѣя по ту и другую сторону отвѣсныя пропасти, такъ что страшно было смотрѣть; конечно, нѣкоторые не миновали ихъ, оборвавшись; но такихъ случаевъ было весьма мало. Придя въ Шуру, войско расположилось лагеремъ, а начальствующіе заняли квартиры въ домахъ города. Эта стоянка была очень пріятна: мы каждый день изъ лагеря ходили въ городъ, посѣщали нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ, хорошо къ намъ расположенныхъ, иногда обѣдали у нихъ и потомъ возвращались въ лагерь, который былъ расположенъ въ одной верстѣ съ чѣмъ нибудь.

Потомъ мы пошли изъ Дагестана, прошли мимо аула, въ которомъ былъ убитъ бывший прежде Шамиля имамомъ Кави-мула, который бралъ Кизляръ и вообще дѣйствовалъ очень смѣло, хотя и короткое время; помнится, что генералъ Вельяминовъ сокрушилъ тогдашнее возстаніе.

Послѣ этой стоянки отрядъ нашъ направился къ Аухамъ и Салатаевцамъ большой Чечни. Не помню названія перваго аула, кажется, Кипень, атакованнаго и взятаго. Помню только, что жители, по обыкновенію, покинули свои жилища; женщины съ имуществомъ и скотомъ удалились въ лѣсъ, а боевая часть населенія залегла по другую сторону огромнаго оврага, отдѣлявшаго аулъ отъ лѣса и открыла сильный огонь по нашимъ ротамъ, которымъ также было приказано лечь, чтобы не терять по пустому людей. При началѣ наступленія былъ раненъ драгунскій капитанъ Александръ Алексѣевичъ Сусловъ, впоследствии командиръ Гребенскаго полка и извѣстный своими подвигами, изъ которыхъ замѣчательнъ совершен-

ный имъ въ началѣ командованія полкомъ, когда онъ, при появленіи большой партіи, встрѣтилъ ее съ одной или двумя сотнями казаковъ и, бывъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, приказалъ повалить лошадей и за этимъ лошадинымъ валомъ отстрѣливался до тѣхъ поръ, пока не подошла на выручку пѣхота. Въ этомъ-же дѣлѣ былъ съ нами поручикъ Дмитрій Петровичъ Фредриксъ, человѣкъ отчаянной храбрости, который, подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля, стоялъ во все время перестрѣлки при слѣшившихся и залегшихъ казакахъ во весь свой высокій ростъ, не трогаясь съ мѣста, такъ что помню, какъ одинъ изъ нашихъ черкесскихъ офицеровъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что этотъ офицеръ нарочно ищетъ смерти.

Конечно, дѣло это на краю оврага не могло долго продолжаться, такъ какъ подошедшія орудія, открывшія огонь картечью, скоро заставили ихъ убраться. Въ то же время стоянки приказано было разорять аулы и рубить фруктовыя деревья. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрѣлъ я, какъ одно за другимъ валились многовѣковые, гигантскіе орѣшники, изъ которыхъ каждый кормилъ цѣлый годъ многочисленное семейство. Орѣховъ на нихъ бываетъ такое изобиліе, что вывозимые на базары, они доставляли хлѣбъ и все нужное для дома—и все это гибло за то, что изувѣрству или фанатизму Шамилля угодно было поднять всѣ эти племена на безнадежную, священную войну противъ насъ. По окончаніи дѣла разрушенія, снова началось движеніе на другіе аулы. Отступленіе наше было очень опасное, потому что непріятель, тотчасъ по выходѣ отряда, занялъ мѣстность аула и открылъ сильный огонь по арріергарду; такъ какъ дорога наша шла по равнинѣ, надъ которой по высотѣ господствовала мѣстность, занятая непріятелемъ съ нашего тыла и лѣваго фланга, то и потеря наша съ начала движенія была значительна. По мѣрѣ удаленія опасность уменьшалась, такъ какъ орудія могли дѣйствовать безпрепятственно. Помню, что потомъ мы шли по открытой мѣстности, гдѣ непріятель не осмѣлился-бы насъ преслѣдовать; но тутъ вдругъ упалъ такой густой туманъ, что въ 3-хъ шагахъ ничего не было видно. Отрядъ шелъ медленно, отъ времени до времени свистѣли пули непріятеля, который конечно и самъ не смѣлъ подходить близко, такъ какъ огонь артиллеріи держалъ его на почтительномъ разстояніи. Повидимому, Ауховцы тоже покорились, хотя по наружности, и отрядъ нашъ отправился къ Внезапной, гдѣ войска занялись очищеніемъ дороги отъ молодого лѣса, заглушившаго снова эти пути, прочищенные еще Ермоловымъ. Въ этомъ климатѣ растительность

такъ могуча, что черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ вырубленные лѣса снова представляютъ непроходимую чащу. Колочіе, густые кустарники, называемые «дерева», прорѣзываютъ сапоги, истребляютъ панталоны, такъ что переходъ по такимъ мѣстамъ чрезвычайно неприятенъ. Пройдя Ауховскую и смежную большую Чечню, отрядъ возвратился въ Грозную, откуда еще были продолжаемы истребленія ауловъ и хлѣбовъ; но насъ отпустили на ливію, гдѣ были зимнія квартиры.

Мы съ братомъ, равно какъ и другіе наши товарищи декабристы, всегда участвовали во всѣхъ значительныхъ дѣлахъ и экспедиціяхъ, послѣ которыхъ благороднѣйшіе и великодушные начальники наши обыкновенно отпускали насъ на отдыхъ, зная, что мы опредѣлены были на Кавказъ милостью государя, доставлявшаго намъ этимъ средство дослужиться и достигнуть свободы и возвращенія на родину, и это уже послѣ 15-ти лѣтъ ссылки, работъ и заключенія въ казематъ и, слѣдовательно, уже довольно вынесшихъ на своихъ плечахъ.

Первый годъ отдыха мы провели въ Прочномъ-Окопѣ, а затѣмъ, когда зимнія квартиры Кабардинскаго полка были на линіи, то мы проводили въ станицѣ Наурѣ, штабъ-квартирѣ Моздокскаго казачьяго полка.

Въ 1842 году была предпринята экспедиція Ичкеринскимъ лѣсомъ до соединенія съ Дагестанскимъ отрядомъ генерала Клуге-фонъ-Клугенау. По причинѣ болѣзни брата, мы должны были оставаться въ кр. Грозной съ другими больными; но сообщаемый здѣсь рассказъ переданъ самими участниками и былъ тогда во всѣхъ устахъ.

При этой экспедиціи Шамиль воспользовался этой, почти непроходимой, мѣстностью для большаго отряда и занялъ весь лѣсъ огромными силами; устроилъ множество заваловъ, занялъ всѣ высоты, съ которыхъ могъ на выборъ поражать солдатъ, проходившихъ одинъ за другимъ узкіе гребни, такъ что эта экспедиція уже въ самомъ началѣ оказалась много труднѣе, нежели ожидали. Но мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигался впередъ, пальба была непрерывная, огонь съ обѣихъ сторонъ не умолкалъ. Расходъ на патроны и снаряды былъ такъ великъ, что черезъ нѣсколько дней движенія, въ нихъ предвидѣлся уже недостатокъ—и это еще почти на половинѣ пути—и дальнѣйшее движеніе могло быть гибельно для отряда. Пока шли впередъ, войска хотя и много теряли людей, но все-же онѣ двигались не сдержимо, не останавливаемые ни завалами, ни упорствомъ непріятеля; но вотъ, когда подошли къ спуску въ обширную низменность долины, за которою слѣдовалъ подъемъ по отрогамъ Андійскаго хребта, и отрядъ остановился на ночлегъ, командуяцій войсками

получилъ тревожное свѣдѣніе о могущемъ оказаться недостаткѣ боевыхъ снарядовъ и, вѣроятно, по совѣщаніи съ начальниками частей, рѣшился возвратиться обратно. Это рѣшеніе было роковымъ: какъ только на слѣдующее утро отрядъ двинулся обратно, черкесѣ ободрились, удвоили свой натискъ на арріергардъ и цѣпи, бросаясь въ пашки со своимъ яростнымъ гикомъ или, лучше сказать, воплемъ. Солдаты-же упали духомъ уже при первомъ объявленіи объ отступленіи, при чемъ имъ снова приходилось проходить адскими трупобами при огромной уже потерѣ, такъ что наконецъ, къ несчастью, паническій страхъ овладѣлъ арріергардомъ, который сталъ напирать на переднихъ и отступленіе мало-по-малу превратилось въ бѣгство. Всѣ части разстроились, перемѣшались, а ободренные горцы тутъ уже прямо поражали бѣгущихъ, схватывая одной рукой за сумку, а другой—срубая голову. Тутъ уже не дрались, а спасались, кто куда могъ; восемь орудій были оставлены и достались торжествующему неприятелю; но благодареніе Господу, торжество его было не продолжительно. Нашъ бывший батальонный командиръ Константинъ Семеновичъ Трескинъ, никогда не выдававшійся особенной отвагой, да правду сказать: въ Кавказской войнѣ батальонному командиру, при обыкновенныхъ экспедиціяхъ, и не приходилось отличатся ничѣмъ.

• кромѣ спокойнаго и хладнокровнаго наблюденія за батальономъ, на- ходится-ли онъ въ цѣпи, арріергардѣ или колоннѣ, но въ этотъ моментъ благородная кровь русскаго честнаго офицера закипѣла. Онъ со слезами стыда и ярости смотрѣлъ на нашъ поворъ, на геройскія войска, бѣгущія отъ ничтожнѣйшаго дикаго неприятеля, и въ эту минуту онъ такъ одушевился, такъ воспламенился, что, отступя въ сторону, вскричалъ: «Ребята, у кого есть Богъ, есть крестъ на груди, есть совѣсть—ко мнѣ!» Такъ какъ это былъ крикъ отчаянія и въ то-же время крикъ доблести, устыдившій многихъ, услышавшихъ его, то къ нему сейчасъ-же стали заворачивать безпорядочно отступавшіе, и около него въ сторонѣ тотчасъ сгруппировалась толпа изъ всѣхъ полковъ, около батальона силою, и толпа, уже сознавшая весь свой поворъ и пылавшая мщеніемъ. Онъ выстроилъ ихъ; одушевлять ихъ не нужно было, потому что всѣ сочувствовавшіе этому благородному зову, всѣ, конечно, геройскія сердца, а если они увлеклись общимъ движеніемъ, то потому, что все пришло въ безпорядокъ и разстройство. Съ этой-то выстроенною и крѣпкою силою, онъ отчаянно бросился на преслѣдовавшаго неприятеля; ярость солдатъ, разожженныхъ энтузіазмомъ ведшаго ихъ начальника, была такъ велика, ударъ такъ ужасенъ, что все, бывшее передъ ними, легло, остальное бѣжало,

яроство преслѣдуемое; нагнаны увозимыя и мгновенно взяты потерянные уже пушки, всѣ 9, кромѣ одной, которую черкесы сбросили съ кручи. Тотчасъ-же послѣ этого возстановился порядокъ. Кабардинцы были помѣщены въ аррьергардъ; при движеніи впередъ они шли въ авангардѣ и болѣе другихъ подвергались огню непріятеля и потери, а потому ихъ и теперь помѣстили было въ авангардъ, какъ-бы на отдѣхъ, такъ какъ вся сила нападенія должна была послѣдовать въ аррьергардѣ; но когда всѣмъ отрядомъ овладѣлъ панический страхъ и все разстроилось, то, при отбитіи непріятеля, опять были взяты Кабардинцы, съ которыми Константинъ Семеновичъ и началъ правильное отступленіе эшелонами. Былъ жаркій день, онъ-же былъ довольно толстъ и страдалъ отъ жары, а потому былъ въ одной чачучевой рубашкѣ; сидѣлъ онъ на лошади, сопровождая каждый эшелонъ,—и какое довольство, какое наслажденіе долженъ онъ былъ чувствовать въ душѣ своей по совершеніи своего благороднаго подвига, возстановивъ честь русскаго знамени, исполнивъ священный долгъ присяги и совѣсти, какъ вдругъ двѣ роковыя пули изъ кустовъ поразили его на смерть. Его смерть еще болѣе ожесточила солдатъ, которые снова готовы были съ остервененіемъ броситься на преслѣдующаго издали непріятеля. Не помню навѣрное, но, кажется, путившіе эти двѣ пули были приколоты и, вѣроятно, не разъ и не два.

Узнавъ отъ своихъ лазутчиковъ о положеніи отряда ген. Граббе, начальникъ лѣваго фланга ген. Фрейтагъ собралъ, что могъ, войска, и черезъ Горвелъ аулъ, наше укрѣпленіе около Ичкеринскаго дѣса, направился на помощь къ отряду Граббе, который и возвратился въ Чечню, гдѣ для удержанія отъ набѣговъ безпокойныхъ Чеченцевъ, на полугорѣ, отрядъ, къ которому и мы присоединились подъ начальствомъ Фрейтага, сталъ возводить укрѣпленіе, называемое Ошъ-Унгуръ, гдѣ мы и пробыли до заморозковъ.

У Роберта Карловича Фрейтага, къ холодному времени, была устроена довольно просторная землянка въ нѣсколько комнатъ, гдѣ по вечерамъ собирались штабные и другіе офицеры, гдѣ и мы также бывали почти каждый вечеръ. У него всегда составлялся преферансъ, партнерами почти постоянно были князь Лобановъ-Ростовскій и еще юнкеръ Нижегородскаго полка, Меллеръ-Закомельскій, другіхъ же не помню. Въ другой комнатѣ играли въ шахматы, разсуждали о текущихъ военныхъ дѣлахъ и, вообще, все время построенія Ошъ-Унгурскаго укрѣпленія было очень пріятно. Да и можетъ ли иначе быть въ средѣ такого общества, какъ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, баронъ Иполитъ Александръ Вревскій, Лобановъ, Меллеръ-

Закомельскій, фонъ-дёръ Паленъ, кажется, тогда офицеръ гвардейской артиллеріи, постоянный соперникъ мой въ шахматахъ, подполковникъ Тонскій, Фед. Ник. Веревкинъ и многіе другіе. Да и вообще все кавказское общество, среди котораго намъ случилось быть, жить и подвизаться во все время нашего пребыванія тамъ, было дѣйствительно избранное общество. Въ кавказской жизни, что наиболѣе поражало и привлекало всѣхъ пріѣзжавшихъ въ то время—это какой-то особенный строй жизни, простота обращенія, начиная съ самыхъ высшихъ до низшихъ, свобода отношеній между начальствующими и подчиненными, — и это при соблюденіи самой строгой и серьезной дисциплины; скромность при самыхъ высокихъ доблестяхъ въ людяхъ, даже выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ, и не сознававшихъ совершенныхъ ими подвиговъ, которые вездѣ были бы гордостью ихъ совершившихъ. Вотъ почему побывавшіе на Кавказѣ въ обществѣ этихъ благородныхъ, самоотверженныхъ и постоянныхъ борцовъ въ священной борьбѣ уже никогда не забудутъ ни этихъ дней, ни этихъ людей.

Во все время возведенія укрѣпленій въ Ошъ-Унгурѣ, тутъ производились обычныя малыя экспедиціи въ лѣсъ за дровами, на фуражировку и почти всегда съ ничтожной перестрѣлкой. Помню, что въ одной изъ нихъ мы срѣзали себѣ для чубуковъ нѣсколько молодыхъ черешень. Но главное нападеніе Шамила тамъ состояло въ пушкѣ нашей, (сброшенной съ кручи въ Ичкеринскую экспедицію), которую онъ ежедневно вывозилъ на высоту и стрѣлялъ по лагерю. Конечно, большаго вреда онъ не причинялъ, но все же высылались части войскъ, которыхъ чеченцы не дожидались и тотчасъ вывозили пушку въ лѣсную чапу и, вѣроятно, отлично запрятывали ее, такъ какъ поиски за ней были безуспѣшны.

Однажды, былъ отданъ приказъ нашему полку приготовиться къ ночной экспедиціи. Князю Лобанову-Ростовскому былъ порученъ летучій отрядъ, съ которымъ онъ дѣлалъ развѣдки въ разныя стороны Чечни. Не знаю и не помню—отъ него или лазутчиковъ получено было свѣдѣніе, что въ эту ночь 2,000 человекъ конныхъ черкесовъ отправились въ хищнической набѣгъ, съ цѣлью отбить скотъ въ нѣкоторыхъ мирныхъ аулахъ. Съ наступленіемъ темноты отрядъ выступилъ. Ночь была такъ темна, что съ трудомъ можно было различить одинъ другаго. Запрещено было куреніе, высѣканіе огня, стукъ ружей; колесы у орудійныхъ лафетовъ были подвязаны холстомъ, чтобы не производить стука, словомъ были употреблены всѣ предосторожности, чтобы внезапно накрыть партію хищниковъ. Въ одной какой-то ка-

навѣ или ямѣ, помню, что моя лошадь опустилась и затѣмъ съ усиленіемъ поднялась на высоту, такъ что я едва не свалился и порядкомъ струсилъ; упади я съ лошади и убѣги она—я въ этой тѣмѣ и этой пустынѣ, конечно, погибъ бы безслѣдно. Долго такимъ образомъ мы шли, но ничего не было слышно, — буквально царствовала могильная тишина. По временамъ подѣвжались верховые, передавая что-то шепотомъ начальству и снова исчезали во мракѣ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, начался на востокѣ блѣдный просвѣтъ зари, отрядъ вошелъ въ лѣсъ, въ глубинѣ котораго былъ сдѣланъ привалъ и по деревьямъ разсажены часовые для наблюденія во всѣ стороны. Уже совсѣмъ разсвѣло, какъ двинулись далѣе съ такой же тишиной, а на второмъ привалѣ, когда только что стали закусывать у Роберта Карловича Фрейтага сиромъ, пирожками, какъ съ деревьевъ часовые дали знать, что показалась партія. Тотчасъ все подвинулось и бросилось въ ту сторону, гдѣ она показалась. Выйдя изъ лѣса на большую поляну, увидѣли выстроенную партію въ двѣ тысячи человекъ конныхъ со значками. Фрейтагъ ѣхалъ впереди, заставляя солдатъ, навьюченныхъ порядкомъ, бѣжать бѣгомъ довольно большое разстояніе, такъ что изнемогавшіе солдаты глухо ворчали, и какъ только было пущено нѣсколько гранатъ одна за другою, изъ которыхъ нѣсколько попало, въ ихъ рядахъ произошло колебаніе. Затѣмъ по мѣрѣ приближенія отряда и орудій, они вдругъ всѣ на рысяхъ пустились къ рѣчкѣ, не помню названія, гдѣ и предположено было ихъ захватить; но они уже не стали переправляться тутъ, а повскакали далѣе другаго брода и спаслись, не успѣвши сдѣлать предположеннаго хищничества, благодаря своевременному выступленію отряда. Конныхъ милиціонеровъ у насъ было человекъ 60, и они, конечно, ничего не могли сдѣлать съ такой сильной партіей, которая и разсѣялась по лѣсу; а какъ пѣшій конному не товарищъ, то нашему пѣхотному отряду оставалось въ скучившуюся беспорядочную массу посылать гранаты и ядра, а въ бывшихъ на ближайшей дистанціи—и картечь, такъ что ихъ покушеніе обошлось имъ не дешево.

Возвратившись въ крѣпость, мы еще простояли въ Ошъ-Унгурѣ до самой поздней осени; когда же начались порядочные утренники, то ночи становились довольно безпокойны, спать было холодно, а утренній чай пили подъ заледенѣвшими полями полатки. 19-го ноября отрядъ, по окончаніи работъ, тронулся на зимнія квартиры и переправился на эту сторону Терека. Мы возвращались вмѣстѣ съ нашимъ милѣйшимъ докторомъ Павломъ Ивановичемъ, который въ одномъ

казачьемъ домикѣ велѣлъ хозяинкѣ принести квасу, луку, такъ какъ у нея болѣе ничего не было, и накрошивши пропасть хлѣба и луку въ квасъ и крѣпко посоливши, мы весьма усердно занялись этой импровизованной окрошкой, въ которой собственно всю сущность послѣ хлѣба составлялъ лукъ въ огромномъ количествѣ.—Ночевали мы въ станицѣ Червленной, бывшей въ 7-ми верстахъ отъ переправы, откуда и уѣхали въ станицу Науръ, гдѣ зимовали.

А. П. Вѣдяевъ.

Москва.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг. ¹⁾.

1829 г.

Гр. Дибичъ — имп. Николаю.

Галацъ, 12-го апрѣля ²⁾.

Весьма прискорбно мнѣ, что представленныя В. И. Величеству соображенія мои, относительно выгодъ, которыя, какъ мнѣ казалось, могутъ произойти отъ приближенія резервовъ, подверглись полному неодобренію В. Величества. Послѣдую Вашему приказанію, Государь, и не стану болѣе возвращаться къ этой просьбѣ, которая повидимому неприятна В. В—ву; но только позвольте представить въ мое оправданіе то, что я въ этомъ приближеніи пѣхотныхъ резервовъ видѣлъ лишь возможность, при счастливыхъ обстоятельствахъ, исполнить уже въ іюнь то, что иначе возможно мнѣ будетъ сдѣлать лишь въ августѣ, послѣ ихъ прибытія. Но такъ какъ мнѣ кажется, что относительно результатовъ войны, огромное значеніе представляетъ вопросъ: когда получится нами возможность прочно утвердиться по ту сторону Балкановъ,—до, или послѣ жатвы? то я и счелъ долгомъ изложить В. Величеству мои мысли; тѣмъ болѣе, что Вы разрѣшили мнѣ, всегда выражать свои мнѣнія, съ полною откровенностію. Такъ какъ 8-я дивизія отстала отъ всѣхъ прочихъ и гораздо менѣе готова къ дѣйствию, нежели 11-я, которая снабжена всѣмъ нужнымъ, то я и полагалъ усилить Красовскаго егерскою бригадою этой дивизіи, которая будетъ служить ему резервомъ; для осады ее употребить не стануть и, какъ только я соберу необходимыя силы подъ Силистрію,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г.; томъ XXX, стр. 105—130.

²⁾ Отвѣтъ на письмо Государя, отъ 3-го апрѣля.

то постараюсь отправить ее въ Базарджикъ и окрестности онаго.— Я еще не получалъ отъ генер. Красовскаго рапорта о сосредоточеніи его у Черноводъ, но, судя по его послѣднимъ донесеніямъ, оно должно совершиться на дняхъ. Къ несчастію, онъ принужденъ оставить Конопорскій и Софійскій полки въ Мачинѣ и Гирсовѣ, для окончательнаго очищенія отъ заразной болѣзни, которая опять надѣлала много вреда въ Мачинѣ (гдѣ умерло болѣе 30 человѣкъ въ недѣлю) и которой слабые признаки возобновились въ Гирсовѣ. Я приказалъ вывести войска въ лагерь и перемѣнить военную дорогу, шедшую черезъ Фокшаны, гдѣ болѣзнь, не дѣлаясь болѣе злокачественною, опять появилась во многихъ домахъ.

Путь на Гирсово нельзя перемѣнять, но самый городъ будутъ обходить. Въ одномъ изъ отдѣленій Браилловскаго госпиталя тоже появилась злокачественная лихорадка. Докторъ Виттъ, котораго я туда послалъ, убѣжденъ; что это не чума; и дѣйствительно тамъ мало умершихъ; но тѣмъ не менѣе, всѣ мѣры наблюденія приняты. Въ самомъ городѣ не было ни одного случая болѣзни.

Генераль Толль, весьма тронутый памятованіемъ о немъ В. В.—ва, продолжаетъ вести себя по прежнему; надѣюсь сохранить въ немъ моего главнаго и лучшаго помощника, который не скроетъ отъ меня ни хорошаго, ни дурнаго.

Лихорадка моя счастливымъ образомъ была прекращена на 4-мъ пароксизмѣ, и вотъ уже 3-й день, что она не возвращалась; такъ что я, благодаря Бога, надѣюсь, что совсѣмъ отъ нея отдѣлался. Хотя она не препятствовала мнѣ заниматься, но тѣмъ не менѣе я очень радъ, что чувствую себя вполне здоровымъ передъ тѣмъ, чтобы сѣсть на коня.

Изъ доставленныхъ донесеній В. В. усмотрите, что мелкія попытки, предпринимавшіяся турками на верхнемъ Дунаѣ, были постоянно отражаемы, съ уреномъ: при этомъ, рота Тобольскаго полка, подъ начальствомъ поручика Павловскаго, особенно отличилась.

Отъ генер. Рота 5 дней не имѣю извѣстій; причиною тому, вѣроятно, побѣдка, которую онъ намѣревался совершить въ Праводы и Ковлуджи.

Генер. Киселевъ прибылъ сюда изъ Одессы и отправится, для принятія начальства въ Валахія, какъ только Паленъ уѣдетъ въ Силистрію.

Фельдъегеря этого я отправлю завтра—днемъ ранѣе обыкновеннаго, дабы онъ еще засталъ В. И. В. въ С.-Петербургѣ. Я весьма радъ, что В. В. довольны гр. Чернышевымъ; зная его весьма близко, уже слишкомъ 20 лѣтъ, я никогда не видѣлъ, чтобы онъ измѣнилъ

своимъ правиламъ. Надѣюсь, что его усердіе и честность все болѣе и болѣе будутъ дѣлаться извѣстными В. В.—ву. Напротивъ того, болѣзнь добраго Адлерберга искренне меня огорчаетъ; весьма жаль, если онъ не въ состояніи будетъ сопровождать В. В.—во въ путешествіе, которое, какъ бы ни было оно кратко, все таки представить много крайне интереснаго.

Благоволите, Государь, принять.....

Императоръ Николай—Дибичу.

С.-Петербургъ. 23-го апрѣля ¹⁾.

Я очень радъ былъ узнать изъ вашего послѣдняго письма, любезный другъ, что вы отдѣлялись отъ вашей лихорадки—надѣюсь, что на всю кампанію. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о движеніи, предпринятомъ Красовскимъ; оно можетъ имѣть весьма большіе результаты, особенно послѣ того, какъ ваятіе Каларашскаго форта доставило намъ свободное сообщеніе черезъ Дунай, по сосѣдству отъ Силистріи. Можетъ статься, полезно было бы устроить временное мостовое прикрытіе; во всякомъ случаѣ надо остерегаться, какъ бы турки не пустили чего нибудь внизъ по Дунаю и не прорвали моста. Если правда, что у визиря 50 т. человекъ, то должно полагать, что онъ не останется празднымъ зрителемъ нашихъ дѣйствій, а слѣдовательно—дастъ вамъ случай сразиться съ нимъ въ открытомъ полѣ и, съ Божіей помощію, разбить его. Грейгъ, вѣроятно, увѣдомилъ васъ о своемъ выходѣ въ море; послѣ этого, надѣюсь, что всѣ опасенія за Сизеполю миновали, особенно послѣ отличнаго урока, полученнаго турками ²⁾. Къ тому времени, когда вамъ представится возможность перейти черезъ горы, я надѣюсь, что 12-я дивизія можетъ быть готова (въ концѣ іюня) къ посадкѣ на суда,—что можетъ принести большую пользу.

Завтра думаемъ выѣхать въ Варшаву, гдѣ надѣемся быть 5-го (17-го) мая. Присылайте мнѣ вашихъ курьеровъ туда; первый курьеръ, я думаю, прибудетъ ко мнѣ въ Динабургъ. Съ королемъ (прусскимъ) надѣюсь увидѣться 23-го мая (6-го іюня).

Жена моя вамъ кланяется. Передайте мой дружескій привѣтъ Толлю; я очень радъ всему, что вы говорите о вашихъ хорошихъ съ

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 12-го апрѣля (переводъ).

²⁾ 27-го марта отражено было нападеніе турокъ, пытавшихся отнять у насъ Сизеполю. При этомъ особенно отличился 2-й баталіонъ Азовскаго полка.

нимъ отношеніяхъ. Богъ да сохранитъ ихъ и да благословитъ ваши предпріятія. Прощайте, любезный другъ; вѣрьте въ искренность моеи дружбы. Н.

St. Pétersbourg, le 23 Avril.

J'ai été charmé d'apprendre par votre dernière lettre, mon cher ami, que vous êtes quitte de votre fièvre; j'espère que vous l'êtes pour toute la campagne.

J'attends avec impatience des nouvelles du mouvement commencé par Krassofsky; il peut avoir de fort grands résultats, surtout depuis que le pont pris de Каралашъ nous donne libre communication sur le fleuve, tout près de Silistrie. Peut être serait-il bon de faire une tête de pont temporaire; en tout cas il faut prendre garde qu'il ne soit rompu par quelque chose que les Turcs feraient flotter à bas le Danube. S'il est vrai que le Wizir à 50 m. hommes, il est à supposer que ce n'est pas pour rester spectateurs de nos faits, par conséquent—qu'il vous donnera la possibilité de le combattre en rase campagne et—j'espère—avec l'aide de Dieu, de le battre. Greig vous aura informé de sa sortie en mer; voila donc, j'espère—toute crainte pour Sizépoly partie; surtout depuis l'excellente leçon que les Turcs ont reçu. Pour le moment où vous pourrez passer les monts, j'espère que la 12-me division pourra déjà être prête (à la fin de Juin) à être embarquée sur la flotte,—ce qui pourra être fort utile.

Nous voulons partir demain pour Varsovie et nous espérons y être le 5 (17) Mai. Envoyez moi—z'y vos courriers; le premier m'arrivera, je crois, à Dunabourg. J'espère voir le Roi le 23 Mai (6 Juin).

Ma femme vous dit mille choses. Mes amitiés à Toll; je suis heureux de ce que vous me dites de vos bonnes relations avec lui; que Dieu vous y maintienne et bénisse vos entreprises. Adieu, mon cher ami; croyez à la sincérité de mon amitié. N.

Дибичъ—Императору Николаю.

Пио-Петри, противъ Гирсова, 21-го апрѣля.

(Переводъ). Не получивъ съ курьеромъ, прибывшимъ вчера вечеромъ, маршрутовъ В. И. В—ва, я не знаю навѣрное, куда адресовать своего курьера; но такъ какъ Чернышевъ повторяетъ мнѣ, что отъѣздъ В. В—ва имѣетъ быть 23-го числа, а гр. Толстой пишетъ, что—25-го или 26-го, то я полагаю, что онъ (курьеръ) ни въ какомъ случаѣ уже не застанетъ васъ въ Петербургѣ. Поэтому я прикажу фельдъегерю, если онъ узнаетъ въ Могилевѣ, что В. В. дѣйствительно уже выѣхали, — ѣхать къ Вамъ на встрѣчу. или вслѣдъ за Вами, по дорогѣ Вами избранной, а Чернышеву послать бумаги съ экстра-почтою. Я пошлю ему бюллетени и извлеченіе изъ этого письма.

Ничего важнаго не имѣю сообщить вамъ, Государь. В. В—ву, конечно, давно уже извѣстно, непосредственно отъ адмирала Грейга, что оны, 12-го числа, вышли изъ Севастополя. Отъ ген. Рота съ 8-го числа не имѣю прамыхъ извѣстій, но Красовскій, имѣющій постоянныя сношенія съ Базарджикомъ, доноситъ, что великій взирь все еще стоитъ неподвижно въ своемъ лагерѣ при Буланчиѣ.

Необходимость подкрѣпить Рота, въ случаѣ если бы великій взирь сталъ наступать на него прежде прибытія его кавалеріи, которая, по недостатку травы, съ трудомъ можетъ перейти черезъ Дунай въ настоящее время,—а также опасность, которой могъ бы подвергнуться Красовскій, при внезапномъ наступленіи войскъ изъ Шумлы и Рушука и конницы, расположенной въ окрестностяхъ Разграда,—все это заставило меня приостановить его движеніе; тѣмъ болѣе, что успѣхъ предпріятія Шильдера прервалъ водное сообщеніе между Рушукомъ и Силистрію, т. е. единственный путь, которымъ могли доставляться въ послѣднюю крѣпость значительныя подвозы.

Между тѣмъ, генер. Красовскій сосредоточилъ свои войска у Чернаводъ,—кромѣ лишь полковъ Софійскаго и Капорскаго, которые должны были остаться въ Гирсовѣ и Мачинѣ, для очищенія отъ эпидеміи, которая, въ концѣ прошедшаго мѣсяца и до половины апрѣля дѣлала новыя успѣхи, но теперь, повидимому, останавливается. Вышеназванныя полки находятся въ лагерѣ и выдерживаютъ карантинъ. Саратовскій полкъ, стоявшій въ Сельникѣ, на Дунаѣ, тоже потерпѣлъ, но въ слабой степени и, я думаю, въ состояніи будетъ выступить безпрепятственно. Въ госпиталѣ Невскаго полка тоже были случаи этой эпидеміи, но самый полкъ остался нетронутымъ. Въ весеннее время болѣзнь эта, повидимому, болѣе злокачественна въ отношеніи смертности; но по степени приличности ея никакъ нельзя сравнить съ чумою. Медики наши еще не пришли въ соглашеніе касательно характера этой болѣзни: иные называютъ ее слабымъ проявленіемъ чумы и стараются доказать ея тождество съ восточною чумою, по головокруженію и какому то безсмысленному бѣшенству, которыми сопровождаются лихорадочныя припадки, а также по появленію черныхъ пятенъ и бубоновъ; другіе же говорятъ, что это злокачественная, гнилая горячка, съ усиленными симптомами. Я склоняюсь болѣе въ пользу мнѣнія сихъ послѣднихъ медиковъ, во главѣ коихъ стоитъ ихъ начальникъ, докторъ Витте; но такъ какъ доказано, что болѣзнь заразительна и весьма злокачественна, то я распорядился принятіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности.

Близъ Калараша, непріятель сдѣлалъ попытку захватить нѣсколь-

ко нашихъ судовъ; экспедицію эту, повидимому, задумали произвести силлстрийскою и рущукскою флотиліями одновременно; но такъ какъ первая была отбита съ урономъ, еще до прибытія послѣдней, то и эта вернулась вспять, получивъ нѣсколько ядеръ съ нашихъ батарей.

Наша потеря состояла, всего, изъ нѣсколькихъ раненыхъ. Я еще не имѣю донесенія отъ гр. Палена относительно этого дѣла, которое обезпечило за нами блокаду Дуная, еще ранѣе прибытія нашей флотиліи; узналъ же я о немъ только изъ письма генер. Шильдера Толлю.

Третьяго дня у насъ былъ такой ураганъ и дождь, которые напомнили о тяжелыхъ дняхъ прошлагодней осени. Дай Богъ, чтобы они не надѣлали никакихъ бѣдъ на морѣ! Вчера погода поправилась, а сегодня опять тепло и тихо; это—большое счастье, потому что сильный вѣтеръ мѣшалъ нашимъ понтонамъ прибыть къ Галацу.

Проѣзжая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Браилова, я не могъ отказаться себѣ въ томъ, чтобы заглянуть туда. Полигоны №№ 1, 2 и 3-й, обращенные къ верховью рѣки, болѣе уже не существуютъ, кромѣ лишь Дунайскаго бастиона, являющагося въ видѣ разваливъ, напоминающихъ о приступѣ. Полигонъ № 4-й въ такомъ же положеніи. Въ полигонахъ №№ 5, 6 и 7-й одежда эскарповъ и контръ-эскарповъ оторвана и сброшена въ ровъ, — что, въ соединеніи съ дождями и таяніемъ снѣговъ, крайне испортило всѣ эти укрѣпленія; но не до такой степени, однако, чтобы ихъ нельзя было исправить. Я отдалъ необходимыя приказанія, чтобы окончательно разрушить ихъ, равно какъ и очень незначительную цитадель, какъ только можно будетъ добыть достаточное количество рабочихъ, безъ излишняго обремененія княжествъ.

Всю матеріальную часть осадной артиллеріи—насколько можно судить по наружному щегольству и опрятности—я нашелъ въ наилучшемъ состояніи и въ томъ совершенномъ порядкѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть нашу полевую артиллерію. Прибывъ неожиданно и не имѣя возможности остановиться болѣе, нежели на четверть часа, я не видѣлъ расположенныхъ по квартирамъ войскъ, въ полномъ ихъ составѣ; но всѣ люди, занимавшіе караулы, или бывшіе при дѣлѣ, имѣли очень хорошій видъ; ротные командиры ими довольны и, повидимому, преисполнены усердіемъ, также какъ и прикомандированные къ этимъ ротамъ гвардейскіе офицеры.

Госпиталемъ я остался недоволенъ и сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя перемѣны. Волы для осадной артиллеріи еще не всѣ доставлены; я приказалъ взять 1000 лошадей изъ подъ парковъ, для содѣйствія

перевозкѣ. Всѣ транспорты испытываютъ громадныя затрудненія, вслѣдствіе прибыли водъ, особенно въ Дибстрѣ и Прутѣ.

Киселевъ отправился въ Букарестъ, для принятія начальства. Я разрѣшилъ ему сформировать еще одинъ отрядъ пѣшихъ пандуровъ, въ 1600 человекъ; они хороши для занятія отдѣльныхъ постовъ, — какъ наприм. Зимница и устья Аржиса — противъ набѣговъ турецкихъ шаекъ.

Сегодня мы молились Господу Богу, по случаю дня рожденія Государыни Императрицы и за счастливый переходъ черезъ Дунай. При этомъ находилась егерская бригада 9-й дивизіи (которая переправилась первою, въ 1828 г.), потому что я вынужденъ былъ, въ виду полноводія Прута, вести ее черезъ Гирсово. Всѣ воодушевлены наилучшимъ духомъ; солдаты свѣжи, здоровы, хорошо одѣты, хорошо обуты и отъ души рады стараться. Но въ баталіонахъ всего по 600 человекъ; а эта дивизія еще изъ самыхъ сильныхъ, кромѣ 17-й и дивизіи 2-го корпуса.

Вслѣдствіе сырой и ненастной погоды, продолжавшейся отъ самаго Галаца, у меня былъ сегодня легкій припадокъ лихорадки, не имѣющій впрочемъ никакого значенія; это сдѣлало лишь письмо мое еще менѣе разборчивымъ — въ чемъ убѣдительно прошу В. И. В. извинить меня.

Я только что получилъ рапортъ генер. Рота. Вездѣ все спокойно. Извѣстія изъ Сизеполя — отъ 11-го числа. Посылаю рапортъ въ оригиналѣ. Слабость баталіоновъ въ отрядѣ Рота, соединенная съ болѣзнями — послѣдствіемъ дурныхъ зимнихъ квартиръ, вынуждаютъ меня сократить укрѣпленія Базарджика.

Осмѣливаюсь просить В. И. В. повергнуть къ стопамъ Ея В. Императрицы мои искреннія поздравленія, по случаю сегодняшняго дня, и благоволите принять... ..

Лагерь при Черноводѣ, 19-го апрѣля.

(Переводъ). Со времени отправки моего послѣдняго курьера, ничего важнаго не произошло, ни въ положеніи нашей арміи, ни со стороны непріятели. Я уже сосредоточилъ здѣсь почти всю пѣхоту 6-й дивизіи и 3-го корпуса и ожидаю лишь уланъ 4-й дивизіи, чтобы начать движеніе къ Силистріи, съ 25—27-ю т. человекъ (всѣхъ чиновъ, включая артиллерию), къ которымъ, въ Каларашѣ, присоединится еще 12—13 т. чел., подъ начальствомъ гр. Палена. Авангардъ мой, силою въ 8 баталіоновъ съ 16-ю орудіями, подъ начальствомъ генер. Отрощенко, выступилъ уже вчера, съ двумя ротами піонеровъ, чтобы

исправить дорогу черезъ Кузгунъ, по которой мы принуждены идти. такъ какъ разлитіе воды препятствуетъ слѣдовать большою дорогою, ведущею вдоль Дуная. 1-го мая я выступлю съ остальными войсками и наше движеніе будетъ прикрываемо отрядомъ генер. Набеля (4 баталіона, 8 эскадроновъ, 12 орудій), который пойдетъ черезъ Беширъ-Кіюй на Конары (Каурга).

Судя по направленію вчерашняго вѣтра, флотилія должна быть уже около Калараша, гдѣ гр. Палень приметъ ее. Казаки, сопровождающіе ее берегомъ, до вчерашняго дня не встрѣчали непріятеля, кромѣ нѣсколькихъ одиночныхъ турокъ и болгаръ. По показаніямъ этихъ плѣнныхъ (которыхъ взято съ десятокъ), вся страна до дороги въ Шумлу и до Разграда совершенно пуста. Они говорятъ, будто силистріійскій гарнизонъ, уже болѣе мѣсяца тому назадъ, былъ значительно усиленъ,—будто ожидаютъ еще новыхъ подкрѣпленій,—будто получено нѣсколько продовольственныхъ запасовъ со стороны Тырнова и ожидалось еще значительныя подвозы рѣкою, но, что—по слухамъ—они остановлены нашими батареями.

По всѣмъ прочимъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ, турки не предпринимали никакихъ важныхъ передвиженій въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, за исключеніемъ лишь того, что большая часть войскъ, находившихся въ Айдосѣ и у Бургасскаго залива, пошла на Камчикъ. Полагаютъ, что отъ 30-ти до 50-ти т. чел. находится въ Шумлѣ; около 10—12-ти т. (преимущественно конницы)—между Разградомъ и Тырновымъ; столько же въ Рушукѣ, гдѣ долженъ былъ принять начальство Гуссейнъ-паша, и въ Никополѣ, гдѣ Чапанъ-Оглу замѣщенъ, какъ говорятъ, Халибомъ-пашею. Въ Силистріи, какъ говорятъ плѣнные, находится 15 т. чел., которыми начальствуетъ все еще Ахметъ-паша. Резервъ долженъ формироваться въ Адрианополѣ, куда ожидаютъ Султана. Ожидаютъ также значительныхъ подкрѣпленій изъ Босніи и Албаніи, которыя должны двинуться на Софію, откуда ихъ направятъ на Шумлу, Рушукъ или Силистрію, смотря по обстоятельствамъ. Еще разсказываютъ, что въ Румелии набирается родъ ополченія изъ всѣхъ людей, могущихъ носить оружіе и что воинственный духъ самой столицы соответствуетъ желаніямъ султана и доставляетъ ему много рекрутовъ. Я сильно сомнѣваюсь въ совершенной точности этихъ разсказовъ; но одно вѣрно—что турки вооружаются весьма дѣятельно и довольно успѣшно.—26-го числа я дѣлалъ смотръ казакамъ, а вчера—регулярнымъ войскамъ Черноводскаго лагеря. Баталіоны ихъ весьма слабы; въ Нижегородскомъ, Нарвскомъ и Троицкомъ полкахъ—по 15, и даже по 14-ти рядовъ; въ другихъ, болѣею частію—по 17 и 18; въ нѣкоторыхъ—по 20;

въ самыхъ же сильныхъ (егерскіе полки 6, 9 и 11-й дивизій и Пензенскій полкъ)—20—22 ряда. Я приказалъ вывести въ строй всѣхъ, за исключеніемъ хлѣбопекоевъ, посланныхъ въ магазины, и кашеваровъ. Встрѣтились, однако, нѣкоторыя небрежности въ исполненіи, которыя тотчасъ же были прекращены.

Но если числительность не велика, зато духъ отличный; все войско преисполнено имъ; оно имѣетъ видъ весьма свѣжій, не смотря на всѣ зимнія тягости. Люди хорошо одѣты, хорошо вооружены, и хотя фронтальная часть не совсѣмъ такова, какъ въ мирное время, но она отнюдь не запущена, и многіе полки очень хороши. Въ этомъ отношеніи отличаются полки Невскій и Тамбовскій, равно какъ егерскія бригады 6-й и 11-й дивизій, а за ними — таковая же бригада 9-й дивизіи; полки Нарвскій, Нижегородскій и Троицкій всѣхъ слабѣе; Пензенскій же полкъ остается въ № 1-мъ. Артиллерія въ хорошемъ положеніи, но ее еще надо укомплектовать людьми,—что уже предписано Вашими послѣдними повелѣніями. Лошади нѣсколько худы; но теперь у нихъ хорошій кормъ. Фурштатскія лошади, вообще, очень хороши, особенно полковныя; одинъ лишь 3-й баталіонъ 3-й бригады отсталъ отъ прочихъ. Находящіеся здѣсь казачьи полки—въ хорошемъ состояніи, особенно Черноморскіе; начальникъ послѣднихъ, майоръ Залѣсскій, кажется, очень хорошій офицеръ, говорятъ даже—отличный, въ военное время. Я долженъ отдать справедливость примѣрному усердію и дѣятельности генер. Красовскаго, за хорошее состояніе войскъ Бабадагскаго корпуса, находившихся въ трудномъ положеніи.

Генер. Ротъ, прибывшій въ день смотра, присутствовалъ на ономъ; онъ увѣряетъ, что нашелъ подчиненныя ему войска въ такомъ же состояніи, какъ и здѣшнія; и всѣ тѣ, кто видѣлъ его войска, подтверждаютъ это. Генер. Ротъ отдаетъ предпочтеніе 3-й бригадѣ 19-й дивизіи, затѣмъ 16-й дивизіи, потомъ 18-й; 10-ю же дивизію, особенно 2-ю бригаду оной, находитъ слабѣе, хотя и отдаетъ большую справедливость заслугамъ и усердію начальника оной, генер. Купреянова, котораго считаетъ только немножко мягкимъ. Генер. Ротъ оказалъ большія услуги своею твердостью и неутомимою дѣятельностью, которыя выказаны были имъ зимою, въ странѣ, лишеной всякихъ ресурсовъ. Онъ, конечно, былъ бы весьма счастливъ, получивъ какое нибудь выраженіе удовольствія Вашего, Государя, и онъ заслуживаетъ Вашего благоволенія, равно какъ и главные помощники его, генералы: Ридигеръ, Головинъ и Вахтенъ, а также помощники Красовскаго, генераль-майоры: Ляшкевичъ и Отрошенко.

Получивъ сегодня, съ фельдъегеремъ, приказъ 14-го числа, я

увидаль, что Юшковъ назначенъ въ 7-ю дивизию. Такъ какъ онъ старше Красовскаго, то желательнo, чтобы онъ былъ подчиненъ старѣйшему по службѣ; въ такомъ случаѣ, Дяшкевичъ могъ бы очень хорошо командовать 7-ю дивизіею. Черезъ Рота я получилъ письмо отъ адмирала Грейга, съ Сивепопольскаго рейда, отъ 22-го числа; по-видимому, онъ весьма доволенъ и Ротомъ, и Вахтеномъ, и производящимися въ Сивеполь работами; но Свободскій не внушаетъ ему довѣрія. Я приказалъ Понсету отправиться въ Варну, а Роту—послать его въ Сивеполь. Мы условились съ Ротомъ, что онъ, съ 24-ми баталіонами, съ кавалеріею и большею частію казаковъ, расположится лагеремъ близъ Туркъ-Арнаутлара. Если великій визирь двинется въ Силистрію, Ротъ подкрѣпитъ гарнизонъ въ Праводахъ и пойдетъ черезъ Конары на Афлотаръ, на соединеніе съ главными силами. Если же, напротивъ того, визирь двинулся бы противъ Рота, съ весьма превосходными силами, то послѣдній, все таки подкрѣпивъ гарнизоны Праводъ и Варны, отступаетъ тоже по направленію на Конары; я же поспѣшу къ нему на помощь съ кавалеріею и 3-мъ армейскимъ корпусомъ, дабы постараться отрѣзать визиря отъ Шумлы.

У меня есть уже довольно значительныя магазины въ Гирсовѣ и здѣсь, и всякій день прибываютъ новыя суда; но онѣ поднимаются вверхъ по Дунаю весьма медленно. Надѣюсь, что наши подвозы изъ внутреннихъ губерній вскорѣ придутъ. Траву уже можно начать косить; вода сбываетъ; вообще—какъ постоянно здѣсь бываетъ въ первыхъ числахъ мая—естественныя средства для войны появляются; но, къ несчастію, это продолжается только два съ половиною мѣсяца. Между тѣмъ, надѣюсь, что мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, дабы собрать что только будетъ можно. Мы будемъ готовить сѣно; а продовольственныхъ припасовъ и фуража у меня уже есть почти двухъ-мѣсячный запасъ, на 100 т. человекъ и 30 т. лошадей, въ болгарскихъ портахъ.

Заразительная болѣзнь, по-видимому, приостановилась; надѣются, что она прекратится съ наступленіемъ хорошей погоды; но осенью она опять вернется. Да сохранить насъ Богъ отъ этого! ибо она сильно мѣшаетъ нашимъ сообщеніямъ. Надо еще считатьъ милостію Божіею, что она не распространилась по Болгаріи, потому что тамъ она побывала лишь въ Гирсовѣ и Мачинѣ, гдѣ ее и опѣнили.

Я опоздалъ однимъ днемъ въ отправкѣ фельдъегеря, ожидая курьера изъ Петербурга, который прибылъ сегодня. Нынѣшній мой фельдъегерь пойдетъ прямо въ Варшаву.

Осмѣливаюсь просить В. И. В. повергнуть меня къ стопамъ Ея Величества Императрицы, и благоволятъ принять.....

Императоръ Николай—Дибичу.

7-го (19-го) мая. Варшава ¹⁾.

Письмо ваше, любезный другъ, отъ 29-го числа, я получилъ. Вполнѣ одобряю всѣ сдѣланныя вами распоряженія и надѣюсь, что онѣ увѣчатся успѣхомъ и что Богъ благословитъ наше оружіе. Очень жалѣю, что баталіоны ваши такъ слабы; но не въ моей волѣ помочь этому. Вы ничего не говорите мнѣ о прибытіи первыхъ пѣхотныхъ резервовъ, которые должны бы уже были соединиться съ вами. Каковы они? То, что Паленъ говоритъ о кавалеріи, очень меня радуетъ. Надѣюсь, что вы поведете осаду энергично и что, какъ только обезпечите за нею несомнѣнный успѣхъ (и если никто не явится искать съ вами встрѣчи въ открытомъ полѣ)—вы двинетесь на соединеніе съ Ротомъ ²⁾. Тогда надо будетъ серьезно подумать о посадкѣ на суда одной дивизіи, которая, подъ начальствомъ Грейга, можетъ обогнуть балканскія позиціи и направиться къ пункту, который онъ сочтетъ наиболѣе удобнымъ для высадки; вы же атакуете горныя проходы съ фронта, между тѣмъ какъ Паленъ и Красовскій будутъ занимать прежнее расположеніе Рота, у Туркъ-Арнаутлара. Надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ вы въ состояніи будете сдѣлать это.

Я вполнѣ доволенъ Ротомъ и всѣми его достойными помощниками; еще до полученія вашего письма, я объявилъ имъ благодарность въ приказѣ; если вы желаете чего нибудь болѣе—скажите мнѣ. Вотъ уже два письма, что вы ничего мнѣ не говорите о Толлѣ; каковы ваши отношенія съ нимъ? надѣюсь, что ничего ихъ не нарушило. Подумайте, какія изъ этого могли бы произойти послѣдствія. Поклонитесь ему отъ меня, а также и Палену.

Здѣсь я вполнѣ доволенъ всѣмъ, и войска, дѣйствительно, блистательны. Жена моя вамъ кланяется. 21-го числа мы уѣзжаемъ отсюда въ Силезію; я хочу вернуться къ 27-му, а 15-го іюня быть въ Тульчинѣ. Прошайте, любезный другъ, Богъ да благословитъ и хранить васъ. Вашъ на всегда. Н.

Ce 7 (19) Mai. Varsovie.

J'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 29. J'approuve parfaitement toutes les dispositions que vous avez prises et j'espère que le succès les couronnera et que le bon Dieu daignera bénir nos armes. Je regrette beaucoup la faiblesse de vos bataillons, mais il n'est pas en mon pouvoir d'y remédier.

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 29-го апрѣля (переводъ).

²⁾ Ротъ командовалъ войсками, зимовавшими въ Болгаріи.

Vous ne me dites rien sur l'arrivée des premières réserves d'infanterie, qui doivent déjà vous avoir joint. Comment sont-elles? Ce que Pahlen dit de la cavallerie, me réjouit fort. J'espère que vous pousserez le siège avec vigueur et que sitôt que vous en aurez assuré le succès de façon à ne pouvoir en plus douter, et que personne ne viendra vous chercher en rase campagne,—que vous irez vous réunir à Rott; alors il faudra penser sérieusement à embarquer une division qui, avec Greigh, pourra tourner la position des Balcans, vers le point qu'il croit le plus facile pour débarquer; et vous, vous irez attaquer le passage de front, tandis que Pahlen et Krassofsky tiendront le camp de Rott, près de Turc-Arnaoutlar. J'espère que dans un mois vous en serez là.

Je suis parfaitement satisfait de Rott et de tous ses dignes aides, et déjà avant votre lettre je les avais remercié à l'ordre du jour; si vous désirez plus—dites le moi. Vous ne me dites rien, depuis deux lettres, de Toll; comment vont vos relations? j'espère que rien ne les aura troublé. Pensez de quelle conséquence cela peut être. Dites lui mille choses de ma part, ainsi qu'à Pahlen.

Je suis parfaitement satisfait ici de tout; et les troupes sont réellement superbes. Ma femme vous dit mille choses. Nous partons d'ici pour la Silésie le 21, et je veux être de retour le 27, et à Toulchine le 15 Juin. Adieu, mon cher ami, que Dieu vous bénisse et vous conserve. A vous pour la vie. N.

Дивичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Силистрію, 6-го мая.

(Переводъ). Такъ какъ я хочу еще сегодня вечеромъ поѣхать осмотрѣть Дунайскій берегъ, выше Силистріи, то прошу. В. И. В. простить меня, что описаніе нашего движенія отъ Чернаводъ и вче рашняго дѣла, а также настоящаго нашегорасположенія, прилагаю въ особой запискѣ, переписанной рукою Чевкина съ моей черновой,—какъ то В. В. изволили разрѣшить.

Молю Бога, чтобы это хорошее начало даровало намъ и существенные результаты, и надѣюсь на это, въ виду отличнаго духа войскъ и всѣхъ моихъ помощниковъ, начиная съ храбраго и достойнаго Толля, который проситъ меня повергнуть къ стопамъ В. И. В.—ва свою нижайшую благодарность за милостивое о немъ памятованіе, которымъ вы почтили его въ вашихъ письмахъ.

Безродный ¹⁾ тоже прибылъ; я былъ очень радъ опять его увидѣть. Какъ только устрою все, съ нимъ и Аббакумовымъ, (которымъ имѣю основаніе быть довольнымъ, за послѣднее время,—исключая все таки недостаточную точность въ счетной части)—буду имѣть счастье представить В. И. В.—ву мое донесеніе.

Благоволите, Государь.....

¹⁾ Сенаторъ Безродный присланъ былъ въ армию, для принятія въ свое вѣдѣніе провіантской части.

Лагерь подъ Силистрією, 10-го мая.

(Переводъ). Слѣшу послать В. В—ву рапортъ генер. Рота о кровопролитномъ дѣлѣ 5-го мая, въ которомъ 5 полковъ 16-й дивизіи выдержали, подъ Эски-Арнаутларомъ (между Праводами и Котлубеемъ), многократныя атаки всѣхъ силъ великаго визиря, простиравшихся до 20 т. пѣхоты (большею частію регулярной), 8 т. конницы и 10 орудій;—такъ что визирь, оставивъ поле битвы, отошелъ на другой день къ Енибазару, а ватѣмъ (судя по послѣднимъ извѣстіямъ) къ Шумлѣ, потерявъ болѣе 2000 убитыми,—какъ говоритъ адъютантъ генер. Рота, привезшій это извѣстіе, вмѣстѣ съ двумя, взятыми у непріятели знаменами.

Наша потеря тоже очень велика. Убиты: ген. Рындинъ и 14 офицеровъ, между коими я особенно сожалею о молодомъ Дюгамелѣ, служившемъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ и подававшемъ самыя блестящія надежды; кромѣ того, убито 480 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Три полковые командиры, 28 офицеровъ и около 600 унтеръ-офицеровъ и солдатъ ранено,—большею частію тяжело, какъ говорятъ. Но слава, которою наши храбрыя войска покрыли себя въ этотъ день, къ несчастію, сильно омрачается потерей 4-хъ орудій; онѣ взяты были при послѣдней атакѣ, которую турки произвели одновременно своею пѣхотою, артиллерією и конницею противъ Охотскаго полка, который потерялъ болѣе половины своихъ людей и весь, вѣроятно бы, погибъ, еслибъ храбрый полковникъ Лишинъ, съ однимъ баталіономъ своего 32-го егерскаго полка, не бросился въ штыки на непріятельскія массы. Этотъ отважный ударъ, поддержанный одновременною атакою Якутскаго полка, принудилъ противника къ отступленію, которое онъ и продолжалъ на слѣдующій день, къ Енибазару.

6-го мая прибыли къ генер. Роту три полка 18-й дивизіи и 38-й егерскій. Могу лишь скорбѣть о томъ, что онъ не постарался избѣжать боя до прибытія этихъ подкрѣпленій и не сблизился съ ними, отступая на Дѣвно или Козлуджи; потому что Праводы довольно крѣпки и ихъ можно было бы, на нѣсколько дней, предоставить собственнымъ силамъ.

Я подозреваю, что были какія нибудь небрежности на аванпостѣхъ и что чрезъ это генер. Ротъ былъ вовлеченъ въ дѣло, помимо своей воли; потому что онъ имѣлъ самыя точныя приказанія: сосредоточить свои силы. Относительно здѣшнихъ нашихъ надеждъ, я еще ничего не могу сообщить В. И. В—ву. Всѣ перебѣжчики и плѣн-

ные говорятъ о недостаткѣ продовольствія; гарнизонъ состоитъ, по-видимому, изъ 8—10-ти т. человекъ; за то вѣшніе верки значительно усилены, а разлитіе воды очень затрудняетъ наши сообщенія. Черезъ главный рукавъ Дуная, который разширился болѣе обыкновеннаго, только сегодня могли окончить мостъ. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь черезъ 3 или 4 дня открыть траншеи противъ настоящаго пункта атаки. Батареи на островѣ уже готовы и вооружены, равно какъ и батареи фальшивой атаки, которую я веду со стороны дороги въ Шумлу. Завтра я думаю открыть съ нихъ огонь, дабы облегчить открытіе настоящей траншеи.

Наши аванпосты, стоящіе на дорогахъ въ Базарджикъ, Шумлу, Разградъ и Рущукъ, до сихъ поръ не видали никакого непріятеля, кромѣ немногочисленныхъ, вооруженныхъ жителей. Генер. Крейцъ открылъ изъ Конара или Кавурце (?) сообщенія съ генер. Ротомъ; его отрядъ нашелъ послѣдняго, еще 7-го числа, въ Эски-Арнаутларѣ. Великій визирь продолжаетъ свое отступательное движеніе отъ Енибавара къ Шумлѣ.

Здѣсь, послѣ дѣла 5-го числа, не было ни одной значительной вылазки; но 7-го числа, къ несчастію, убитъ ядромъ наповаль храбрый генераль-маіоръ князь Проворовскій.—6-го числа, генер. Красовскій получилъ довольно сильную контузію, но это не лишило его возможности заниматься дѣломъ. Кромѣ сихъ двухъ случаевъ, потеря наша въ эти дни почти ничтожна.

Я послалъ этого курьера двумя днями ранѣе, но слѣдующаго пошлю все таки черезъ недѣлю.

Осмѣливаюсь просить В. В. принять.....

Императоръ Николай—Дибичу.

Варшава, 16-го (28-го) мая ¹⁾.

Любезный другъ, письмо ваше отъ 6-го числа доставило мнѣ большое удовольствіе; вашъ энергическій образъ дѣйствій принесъ плоды и достигнутый результатъ принадлежитъ къ числу самыхъ удовлетворительныхъ. Вы владѣете такими пунктами, которые должны бы были стоить намъ большаго количества крови, но которые вами приобрѣтены почти даромъ, благодаря сдѣланному вами движенію.

Другой громадный результатъ, это—мостъ черезъ Дунай, за который мы должны быть благодарны Шильдеру. Какое это вамъ до-

¹⁾ Отвѣтъ на письма Дибича, отъ 6-го и 10-го мая (переводъ).

ставить облегченіе! Но надо мостовое прикрытіе; подумайте объ этомъ. Чтò въ моихъ глазахъ стòитъ выиграннаго сраженія, это—ваше согласіе съ Толлемъ; благодарю васъ за это. Скажите ему, что въ семь я узнаю «einen Estländischen Ritter, der mir nah am Herze liegt» (эстляндскаго рыцаря, который близьокъ моему сердцу). Распоряженія ваши превосходны. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій отъ Грейга.—Гдѣ же находится 3-я гусарская дивизія?—3-я бригада 11-й дивизіи пришла ли въ Базарджикъ?

Здѣсь все идетъ прекрасно, во всѣхъ отношеніяхъ. Во вторникъ мы отправляемся въ Силезію. Адлербергъ сообщитъ вамъ о всемъ, чтò здѣсь происходило и о послѣдующихъ моихъ намѣреніяхъ. Судя по важнымъ извѣстіямъ, полученнымъ вами, слѣдуетъ ожидать, что,—или Силистрія вскорѣ падетъ, или, что какой нибудь непріятельскій корпусъ явится предложить вамъ сраженіе, и тогда—желаю ему всякаго благополучія.

Какъ только у Грейга будетъ все окончено, хорошо было бы посадить на суда осадную артиллерію, оставшуюся въ Варнѣ, а, можетъ быть, и егерскую бригаду 7-й дивизіи, которая на морѣ лучше отдохнетъ, нежели содеража караулы въ Варнѣ, и въ состояніи будетъ довершить свое военное образованіе; перемѣшанная съ матросами, она вскорѣ явится подобіемъ того, чѣмъ были прежніе 13-й и 14-й егерскіе полки.

Жена моя вамъ кланяется.

17-го (29-го) числа.

Только что принялъ, любезный другъ, вашего курьера отъ 10-го числа. 2 турецкихъ знамени не выкупаютъ 4-хъ потерянныхъ пушекъ и не сгладятъ тяжелаго впечатлѣнія, которое неудача эта произведетъ на нашихъ граничныхъ друзей. Вполнѣ одобряю то, чтò вы написали Роту, равно какъ и тѣ распоряженія, которыя вы ему предписали сдѣлать, и тѣ, которыя сдѣланы вами самими. Думаю, что визирь попытается атаковать васъ. Весьма важно, чтобы вы были своевременно предупреждены объ этомъ и что бы Ротъ зашелъ въ тылъ. Впрочемъ, Богъ да наставитъ васъ!—Весьма сожалѣю, что мы потеряли Прозоровскаго; вамъ нужны 2 новые бригадные генерала. Удвойте вашу бдительность и энергію и—да настаивать васъ Христосъ!

Кланяйтесь Толлю. Здѣсь все идетъ отлично. Вашъ навсегда, душою и сердцемъ. Н.

Varsovie, le 16 (28) Mai, 1829.

Mon cher ami, votre lettre du 6 m'a fait grand plaisir, votre manière vigoureuse d'en agir a porté ses fruits et le résultat obtenu est des plus satisfaisants. Vous êtes maître des points qui auraient dû nous coûter beaucoup de sang, et que vous avez eu presque gratis, grâce à votre mouvement.

Le pont sur le Danube est un autre résultat, immense, dont il faut savoir gré à Schilder. Quelles facilités ça va vous donner! Mais il faut une tête-de-pont, et pensez-y. Ce qui à mes yeux vaut une bataille gagnée, c'est votre accord avec Toll; je vous en remercie; et dites lui, que j'y reconnais «einen Estländischen Ritter, der mir nah am Herze liegt». Vos dispositions sont parfaites. J'attends avec impatience les nouvelles de Greig. Où est donc la 3-me hussarde?—la 3-me brigade de la 11-me division, est-elle à Bazardjik?

Ici tout va parfaitement, sous tous les rapports. Mardi nous partons pour la Silésie. Adlerberg vous dira tout ce qui s'est passé ici, et mes projets ultérieures. D'après les importantes données que vous avez eu, l'on peut s'attendre, ou bien que Silistrie tombera bientôt, ou que quelque corps viendra vous présenter le combat, et alors—grand bien lui fasse. Sitôt que Greig aura fini, il est bon de faire embarquer par avance l'artillerie de siège, restée à Warna et, peut-être, la brigade de chasseurs de la 7-me division, qui à bord se reposera mieux que dans la garnison de Warna et pourra y achever son éducation militaire et, croisée avec les matelots, fera bientôt le pendant des anciens 13 et 14 chasseurs.

Ma femme vous dit mille choses.

Le 17 (29).

C'est dans ce moment que je reçois, mon cher ami, votre courrier du 10. 4 canons perdus ne sont pas rachetés par 2 drapeaux Turcs, et n'en effacera pas la pénible impression que produira cet échec sur nos amis à l'étranger. J'approuve tout-à-fait ce que vous avez écrit à Rott, et les dispositions que vous lui avez dictés, et celles que vous avez prises vous-même. Je crois que le Wизir va essayer de vous attaquer. Il est bien essentiel que vous en soyez informé à temps, et que Rott se porte à dos. Enfin, que Dieu vous guide! Je regrette beaucoup la perte de Prosorofsky; il vous faut 2 nouveaux généraux de brigade. Redoublez d'attention et de vigueur, et que le Christ vous guide!

Mill choses à Toll. Tout va à merveille ici. A vous de cœur et d'âme et pour la vie. N.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

ПО ДОНЕСЕНИЯМЪ М. М. ФОВА—А. Х. БЕНВЕНДОРФУ ¹⁾.

11 августа 1826 г.

Продолжаю сообщать в-му пр—ву общія замѣчанія, доходящія до меня изъ различныхъ кружковъ.

Мнѣніе всѣхъ благомыслящихъ людей сильно клонится въ пользу правительства, его дѣйствій и его направленія. Даже больше: находятъ, что слѣдовало бы строже наказывать, чтобы зажать рты сочинителямъ разгласъ вѣстей и тѣмъ, которые распускаютъ слухи, лишеныя всякаго основанія.—Ходившіе по городу, болѣе недѣли, дурные слухи не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на купеческое сословіе, проникнутое самымъ лучшимъ духомъ. Не будь нѣсколькихъ шелопаевъ, — все бывшихъ военныхъ,—которые составляютъ чистую заразу для молодежи, — все обстояло бы вполне благополучно. Только эти люди, да тѣ дураки, которые вторятъ ихъ словамъ,—стараятся мутить воду, одни—по привычкѣ къ занятіямъ такого рода, другіе же—по безразсудству и безъ предвзятаго намѣренія.

Всѣ ждутъ если и не полнаго преобразованія, то хоть исправленія въ порядкѣ управленія. Оно необходимо и, конечно, не поправится неблагонамѣреннымъ или тѣмъ, которые сами заинтересованы въ сохраненіи злоупотребленій. Лишите, напримѣръ, судью

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXII, сентябрь, стр. 163—194. Переводъ съ французскаго.

возможности брать взятки, — и вы доведете его до крайности, — его, — привыкшаго вести образъ жизни, мало соотвѣтствующій его средствамъ. Предложите этому человѣку умѣрить свои расходы, — и вы заставите его громко роптать; но удаливъ его отъ должности, вы принуждены будете взять на его мѣсто другаго чиновника, который скоро начнетъ поступать также; да и не всегда легко замѣнить стараго рутинера, слишкомъ хорошо навывкшаго къ дѣлу. — Дворянство должно было бы первымъ подавать примѣръ во всемъ, что касается улучшенія порядка вещей, а между тѣмъ, оно не рѣшается приняться за это и съ бѣльшимъ стараніемъ заняться необходимыми дѣлами. Купечество имѣетъ въ виду лишь одну цѣль — торговые барыши, и воображаетъ, что сдѣлало все, развернувъ свои отрицательныя добродѣтели. Молодежь ужасно дурно воспитана и заражена идеями новаторовъ нынѣшняго вѣка; семейныя узы утратили свою силу и вслѣдствіе этихъ идей, и вслѣдствіе общаго эгоизма; такъ что понадобится не мало заботъ и времени, чтобы исправить духъ молодыхъ людей, которые не хотятъ и слышать объ улучшеніи нравовъ, безъ чего, однако-жъ, правительство не въ состояніи будетъ начать дѣйствовать. На правительствѣ лежитъ тройная обязанность: оно должно исправлять, управлять и готовить матеріалъ для будущаго; къ сожалѣнію, у него нѣтъ этого матеріала, и мало надежды на поддержку со стороны хорошихъ пособниковъ.

При такомъ положеніи вещей нельзя быть достаточно предусмотрительнымъ, ибо опытомъ дознано, что мѣры предосторожности, казавшіяся, съ перваго взгляда, ребяческими, — становились впослѣдствіи гарантіей общественнаго благосостоянія.

11 августа 1826 г.

Въ виду ходившаго по городу слуха, что будто бы появился какой-то мѣщанинъ, выдававшій себя за пророка, я поручилъ одному изъ своихъ агентовъ разузнать объ этомъ обстоятельстве. Онъ донесъ мнѣ слѣдующее: Новгородскій мѣщанинъ, Феодоръ Дорофѣевъ Сидоровъ, 87 лѣтъ отъ роду, живетъ, уже около семи лѣтъ, у жены надворнаго совѣтника Яковлевой. Лѣтомъ онъ уѣзжаетъ съ нею на дачу, принадлежащую ей и находящуюся на 4-й верстѣ по Петергофской дорогѣ. Человѣкъ этотъ былъ очень бѣденъ. Г-жа Яковлева кормитъ его со своего стола; онъ

занимается чтеніемъ Евангелія; проводитъ время съ отставнымъ священникомъ Меркелевымъ, и часто ходитъ по нѣскольکو верстъ пѣшкомъ, одинъ или съ помянутымъ священникомъ; по дорогѣ онъ подбираетъ маленькіе камушки и, принеся ихъ домой, предсказываетъ, по нимъ, будущее лицамъ, прїѣзжающимъ взглянуть на него. Если фізіономія кого либо изъ посѣтителей не нравится пророку, то онъ высылаетъ его вонъ, говоря: „вы не чисты,—миѣ нечего вамъ сказать“. Агентъ надзора вончаетъ свое донесеніе замѣчаніемъ, что 9-го числа этого мѣсяца, вышесказанный пророкъ отправленъ г-жею Яковлевой въ деревню, на московской дорогѣ, въ 120-ти верстахъ отъ Петербурга.

Въ послѣдніе дни многія лица, въ особенности женщины, ѣздили смотрѣть на пророка, предсказанія котораго, впрочемъ, не представляли ничего предосудительнаго.

Прилагаю донесеніе въ оригиналѣ ¹⁾).

12 августа 1826 г.

Средства, которыми располагаетъ полиція,—неисчислимы; между тѣмъ какъ средства надзора, напротивъ, очень ограничены. Всѣ полицейскіе офицеры въ то же время и надзиратели, и боль-

¹⁾ Приводимъ это донесеніе, съ сохраненіемъ орфографіи подлинника:

„О именующемся святымъ отцомъ или Пророкомъ.

„Секретнымъ розысканіемъ оказалось что сей есть Новгородскій мѣщанинъ и проживаетъ на дачѣ состоящей по петергофской дорогѣ на 4 версты принадлежитъ г-же надворной совѣтницы Дарьи Семеновны Яковлевой, имя его Дорофей Сидоровъ росту малаго, горбатый, покрытый сѣдиной, отъ роду 87 лѣтъ; проживаетъ у Яковлевой около 7 лѣтъ зимою въ городѣ, а лѣтомъ на сей дачѣ, принять же онъ г-жей Яковлевой по крайней бѣдности. Прилично его содержатъ, даже пицу отъ стола ея ему даютъ. Дѣянія его Дорофея суть: читать библію, и бѣседовать съ находящимся у Яковлевой отставнымъ тихвинскимъ священникомъ Меркелевымъ, и прогуливаться по петергофской дорогѣ иля нѣскольکو версты, иногда одинъ, но часто съ вышесказаннымъ священникомъ, набираютъ по дорогѣ мочалки, и мелкіе камни въ пазуку, и потомъ возвращается домой предсказываетъ яко Пророкъ разнымъ приходящимъ къ нему людямъ о будущемъ ихъ благѣ, но нѣкоторыхъ къ себѣ не принимаетъ говоря имъ, „Я знаю что вы пришли ко миѣ нечисто-сердѣчно, удалитесь“. Даже начали къ нему наѣзжать много г.г. Онъ каждаго принималъ къ себѣ въ комнату на единѣ, за пророчество свое почти никакой платы непринималъ, и вынѣ по лично миѣ отъѣзду тамъ въ домѣ что сего Пророка 9-то числа послала г-жа Яковлева въ деревню состоящую по московской дорогѣ въ Ивановку, за 120 версты отъ Петербурга. Священникъ Меркелевъ выбылъ въ Тихвинъ“.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXXII, 1831 г., октябрь.

шинство изъ нихъ, въ особенности кварталные надзиратели,—могутъ каждый день варить себѣ супъ изъ курицы; одинъ изъ такихъ надзирателей, а именно 2-го квартала 3-й части, можетъ, не притѣсяняя никого, имѣть ежедневный доходъ въ 50 рублей; самый бѣдный кварталъ даетъ надзирателю до 3,000 рублей въ годъ. Потому-то кварталные надзиратели прямо заинтересованы въ безпрекословномъ исполненіи приказаній своего начальства, которое имѣетъ право карать тотчасъ, ничѣмъ не оформливая своихъ дѣйствій, т. е. безъ всякаго слѣдствія.

Вотъ это-то и есть то безцѣнное преимущество, котораго недостаетъ надзору. Кругъ дѣйствій послѣдняго недостаточно обширенъ, потому что и средства его ограничены; дѣятельность его могла бы быть гораздо шире безъ тѣхъ препятствій, какія ставить ему полиція, руководствующаяся, въ этомъ отношеніи, своимъ принципомъ и служебною завистью.

Измѣнить образъ мнѣній объ этомъ предметѣ многихъ личностей—тоже, что захотѣть смѣшать воду съ огнемъ. Поэтому, было бы необходимо увеличить средства надзора, употребивъ такія мѣры, которыя не имѣютъ ничего позорнаго въ нравственномъ отношеніи и вовсе не убыточны въ денежномъ.

Вотъ мнѣніе одного повѣреннаго (агента).

Дѣло въ томъ, чтобы, съ одной стороны, допустить, подъ покровомъ надзора, какія нибудь сборища, въ которыхъ можно было бы устроить наблюдательные кружки; съ другой стороны,—предоставить въ распоряженіе надзора сумму въ 50,000 рублей, для раздачи оной, подъ залогъ недвижимыхъ имѣній и цѣнныхъ вещей,—въ видѣ займа и за умѣренный процентъ; эта операція будетъ служить богатымъ источникомъ какъ для поддержки старыхъ связей, такъ и для образованія новыхъ повсюду, во всѣхъ классахъ общества. Агентъ надзора, Z*....., извѣстный по прежнимъ сношеніямъ, составлялъ бы контракты по закладнымъ и собиралъ бы деньги, отданныя на проценты; такъ что, не порождая сомнѣній относительно правильности отчетности, операція эта удвоитъ средства надзора и дѣло пойдетъ аккуратно и быстро. Послѣдствіемъ всего этого будетъ возможность устранять препятствія, воздвигаемыя дѣйствіями полиціи, ибо тогда средства ея и надзора уравниваются, а это уже много значить!

Представляю эти предположенія на усмотрѣніе в-го пр-ва; если вы найдете возможнымъ одобрить ихъ,—я постараюсь еще подумать надъ ними и позаботиться о примѣненіи ихъ къ дѣлу ¹⁾).

12 августа 1826 г.

Арестъ чиновниковъ департамента государственныхъ имуществъ и отставнаго полковника Крюковскаго, человѣка, имѣющаго обширный кругъ знакомства,—надѣлалъ много шума. Вчера, 11-го числа, подсудимые были привезены къ военному генераль-губернатору, и онъ самъ допрашивалъ ихъ, каждого отдѣльно; никто не присутствовалъ при этомъ, даже директоръ канцеляріи его не былъ при допросѣ, который продолжался съ 10-ти часовъ утра до 2-хъ по-полудни. До сихъ поръ ничего еще неизвѣстно о признаніяхъ подсудимыхъ. Лице, которое, кажется, все хорошо знаетъ, предполагаетъ, что обвиненіе касается не только взяточничества и злоупотребленій, но что, будтобы, тутъ замѣшано и участіе въ заговорѣ. Кому было поручено обратиться въ Москвѣ къ военному генераль-губернатору? Генералу Бенкендорфу или барону Дибичу? Вотъ вопросъ, занимающій всѣхъ служащихъ. Это дѣло высшей полицейской власти, говорятъ всѣ, и поэтому касается перваго.

Слухи и разсужденія по поводу этихъ арестовъ не особенно привлекательнаго свойства. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ разговоровъ, какіе ведутся теперь въ городѣ безъ всякаго стѣсненія.

„Если подсудимые невиновны,—задержаніе ихъ становится однимъ изъ тѣхъ актовъ произвола, которые такъ часто случались въ царствованіе императора Павла, и характеризовали управленіе графа Аракчеева; если же виновность ихъ почти что доказана, то слѣдовало немедленно сдѣлать всѣ распоряженія, требуемыя, въ подобныхъ случаяхъ, закономъ, чтобы никто не имѣлъ право замѣтить, что въ настоящемъ дѣлѣ правительство злоупотребило своею властью. Если доносъ не основанъ на неопровержимыхъ доказательствахъ, то чѣмъ можетъ быть удовлетворена оскорбленная честь подсудимыхъ? если же противъ нихъ суще-

¹⁾ На поляхъ этого письма, рукою генерала Бенкендорфа, сдѣлана, карандашемъ, слѣдующая замѣтка (на французскомъ языкѣ): „мысль очень хороша; приготовьте это дѣло къ моему возвращенію“.

ствуютъ только одни подозрѣнія, то ничего не могло бы быть болѣе встати, какъ безотлагательное разъясненіе этихъ подозрѣній; такой образъ дѣйствій заставилъ бы замолчать общество, дѣлающее теперь тысячи предположеній, одно нелѣпѣе другого. Все это представляетъ много затрудненій, особенно въ настоящее время,—почти наканунѣ коронаціи. Дѣло это или имѣетъ важность, или не имѣетъ ея; въ первомъ случаѣ прямо заявите объ этомъ; во второмъ—устройте такъ, чтобы отложить разсмотрѣніе его до другого времени“.

Считаю своимъ долгомъ передать в-му пр-ву всѣ эти разсужденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупредить васъ, что происшествіе это возбудитъ еще много дурныхъ толковъ.

13 августа 1826 г.

Впечатлѣніе, произведенное арестами 11-го числа, доказываетъ, что существуетъ еще остатки дурной завѣски. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что у многихъ сейчасъ же явилось предположеніе,—не замѣшаны ли подсудимые и въ заговорѣ. Такъ судятъ о настроеніи умовъ люди, хотя и не принадлежащіе, собственно, въ числу недовольныхъ, но считающіе себя оскорбленными и забытыми правительствомъ; въ этому они присовокупляютъ, что если не превратятъ доносовъ, то нельзя будетъ надѣяться, чтобы это скоро кончилось; что каждое новое открытіе волнуетъ умы и производитъ болѣе или менѣе сильное потрясеніе. Наконецъ чрезвычайно важно предупредить всякое столкновеніе суда и власти въ организациі исполнительной части. Другіе говорятъ: конечно, это большое зло имѣть новыя непріятности и быть вынужденнымъ строго карать въ такое время, когда правительство должно было бы видѣть передъ собой поляну, усыпанную лучшими цвѣтами. Но это зло, можетъ быть, переходящее, неизбѣжное, и результатомъ его будетъ непрерывное благо, т. е. благо дѣлать важныя открытія. Такимъ образомъ, распространители тревожныхъ слуховъ и недовольные очень легко могутъ вообразить, что обладаютъ средствами для возбужденія смуты во время предстоящихъ празднествъ. Въ предупрежденіе ихъ тайныхъ происковъ, необходимо поддерживать самую тѣсную связь между властями вообще и въ особенности между органами исполнительной части. Было бы не-

справедливо, разумѣется, предполагать, что этой связи вовсе не существуетъ въ администраціи, но надо сознаться, что основы ея далеко не прочны.

Толки о происшедшихъ, будто бы, въ Москвѣ волненіяхъ распространились даже въ народѣ; крестьяне—и тѣ говорятъ объ этомъ, изъ чего можно заключить, что они вѣрятъ подобнымъ розсказнямъ. Ходившіе по городу слухи о томъ, что будто бы изъ Москвы присылаются сюда цѣлые транспорты арестованныхъ, замолели послѣ ареста 11-го августа, который возбуждаетъ общее вниманіе и, по всей вѣроятности, въ продолженіи цѣлой недѣли будетъ служить темой разговоровъ: значить—въ матеріалахъ для болтовни недостатка не будетъ.

Внезапная отставка директора канцеляріи банка, отрѣшеннаго на основаніи указа, полученнаго изъ Москвы, произвела потрясающее впечатлѣніе на чиновниковъ министерства финансовъ. Они поражены, какъ громомъ, и заявляютъ во всеуслышаніе, что междусобная война готовится разорвать на части это министерство, и что г. Дубенскій дѣйствуетъ втихомолку, чтобы свергнуть г. Канерина.

Я сообщаю в-му пр-ву обо всемъ, что до меня доходитъ, безъ разбора. Жатва такъ обильна, что у меня не хватаетъ времени отдѣлывать мои замѣтки и мой слогъ. Заранѣе прошу извиненія за тѣ погрѣшности, которыя могутъ встрѣтиться въ моихъ письмахъ.

13 Августа 1826 г.

Выходки полиціи при контролированіи надзора, становятся, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе рѣзкими. Во всякомъ хорошемъ управленіи—контроль необходимъ. Надзоръ, дѣйствующій по правиламъ, освященнымъ одобреніемъ государя императора, не боится повѣривъ; напротивъ—онъ самъ идетъ на встрѣчу всему, что можетъ способствовать къ разъясненію его дѣятельности. Поэтому не мѣшало бы полиціи ограничиваться однимъ наблюденіемъ, а не играть роль наставника. Между тѣмъ вотъ что происходитъ. Полиція допускаетъ Чихачева выдвигать, изъ толпы своихъ сыщиковъ, на первый планъ, Константинова, отъявленнаго ябедника, человѣка, известнаго своими безчестными по-

ступками въ прошедшемъ и въ настоящемъ. Изъ этого возникаютъ затрудненія для надзора: онъ видитъ себя лишеннымъ уваженія, которое должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ его атрибутовъ, такъ какъ Константиновъ, пользуясь правомъ говорить свободно, хвастаетъ, что передалъ, кому слѣдуетъ, записку о своихъ дѣйствіяхъ. По словамъ чиновника, служащаго въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера и живущаго въ одномъ домѣ съ Константиновымъ, этотъ послѣдній сдѣлалъ въ своей запискѣ доносъ на одного изъ агентовъ надзора, — человѣка, отличающагося своею преданностью и дѣятельностью, которыхъ онъ не одинъ уже разъ выказывалъ. Доносъ состоитъ въ томъ, что будто-бы Лефевръ рассказывалъ въ городѣ, что во время пребыванія его, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Царскомъ Селѣ, ему дано было вашимъ превосходительствомъ порученіе слѣдить за дѣйствіями государя. Очевидно, что распуская подобныя смѣшныя слухи, вѣроятность которыхъ разбивается самою нелѣпностью ихъ, — имѣютъ въ виду выставить въ невыгодномъ свѣтѣ человѣка, съ пользою употребляемаго надзоромъ, и этимъ ослабить средства послѣдняго.

И далекъ отъ мысли жаловаться на полицію, — напротивъ, — и желалъ бы, насколько это зависитъ отъ меня, — поддерживать доброе согласіе, которое должно царить между этими двумя учрежденіями, призванными помогать одно другому; но я сознаю свои обязанности и не хочу упустить возможности откровенно выставить дѣйствія слова и дѣла.

14 Августа 1826 г.

Было очень естественно ожидать всевозможныхъ комментаріевъ, предположеній и разсужденій о послѣднихъ арестахъ. Вотъ что, вообще, говорятъ объ этомъ происшествіи, сильно занимающемъ общество въ настоящую минуту.

Говорятъ, что это случайность, которая, однако-жъ, должна имѣть отношеніе къ какому нибудь заговору противъ правительства или противъ особы государя; въ противномъ случаѣ, — къ чему эта таинственность при слѣдствіи, которое ведется самымъ военнымъ генераль-губернаторомъ?

Какого бы рода это дѣло ни было, говорятъ алармисты, — оно свидѣтельствуетъ, что подъ пепломъ таится огонь. Напрасно до-

казываютъ имъ, что болѣзнь такая тяжелая, какую перенесло государство, всегда оставляетъ слѣды: они твердо убѣждены, что безопасность правительства — мнимая, и распускаютъ слухи, одни тревожнѣе другихъ, — о намѣреніяхъ и замыслахъ, о словахъ и дѣйствіяхъ всѣхъ личностей, которыя, по тому или другому поводѣ, — составляютъ шайку недовольныхъ; такъ что тутъ дѣло доходить до поджоговъ и яду, однимъ словомъ, до всѣхъ сильныхъ средствъ, необходимыхъ для совершенія переворотовъ.

„Да, — говорятъ многіе, — хотѣя произвести безпорядки въ день рожденія государя, милосердіе котораго столь обильно расточаемое, вызоветъ безнаказанность или, пожалуй, что-нибудь еще худшее. Прибавьте къ этому, что правительство еще не начертало себѣ опредѣленнаго плана дѣйствій; что остается еще много неудовлетвореннаго мелкаго тщеславія, множество незамѣченныхъ мѣстъ, что, наконецъ, недостаетъ средствъ, чтобы дѣйствовать съ энергіей, — и вы будете въ состояніи составить себѣ правильное понятіе о настоящемъ положеніи правительства“.

„Нельзя не признать, — говорятъ люди благомыслящіе, — что многое справедливо въ этой картинѣ; но, — съ другой стороны, — должно согласиться съ тѣмъ, что настроеніе общества, вообще, а настроеніе войска въ особенности, — превосходно“!

Всѣ данныя, старательно и разборчиво собранныя надзоромъ, — такого свойства, что не оставляютъ и тѣни сомнѣнія по поводу всего этого. Остается замѣтить, что всѣ мѣры, какъ уже принятыя, такъ и тѣ, которыя еще необходимо принять, чтобы завести машину, должны непремѣнно произвести благотворное дѣйствіе; такъ что, продолжая начатое, можно надѣяться преодолѣть зло добромъ.

Только-что пріѣхавшій изъ Ярославля братъ генерала Полозова доноситъ, что ссыльные, которыхъ онъ встрѣтилъ въ дорогѣ, были дурно приняты народомъ, давшимъ имъ насмѣшливое прозвище „цариковъ“; что эти личности, и между ними бывший князь Трубецкой, говорили — какъ рассказываютъ — женѣ станціоннаго смотрителя, въ то время, какъ фельдъегерь выходилъ изъ комнаты: „Ничего! у насъ въ Москвѣ человѣкъ десять нашихъ эмиссаровъ, которымъ поручено избавить насъ отъ государя; и если ему опять удастся уцѣлѣть, — то это будетъ не больше, какъ отсрочка“! Эта выходка и то стараніе, съ какимъ

распространяли на станціяхъ письмо Рылѣева, доказываютъ, что ложные слухи, ходившіе въ Петербургѣ о случившихся, будто бы, въ Москвѣ несчастіяхъ,—дѣло приверженцевъ государственныхъ преступниковъ.

Полозовъ прибавляетъ, что за исключеніемъ того незначительнаго волненія, которое было, передъ тѣмъ, въ Ярославской губерніи, и отъ котораго нынѣ не осталось и слѣда, — настроеніе умовъ не имѣетъ ничего такого, что могло-бы возбуждать опасенія. На одной станціи фельдъегерь круто обошелся со зрителемъ, вступившимъ въ длинные разговоры съ преступниками. Вообще, у этихъ зрителей духъ нехорошъ, и было бы очень полезно учредить надъ ними болѣе бдительный и болѣе прямой надзоръ, чѣмъ тотъ, каковой существуетъ въ настоящее время.

М-ле Пучкова, — писательница, и умная женщина, рассказываетъ, что въ бытность ея въ Парижѣ, она часто встрѣчала, въ прошломъ январѣ мѣсяцѣ, Николая Тургенева, который казался пронизнутымъ самымъ лучшимъ духомъ и принялъ обѣ присяги, требовавшіяся послѣ смерти императора Александра: она прибавляетъ, что въ немъ замѣтно было тогда большое нетерпѣніе уѣхать въ Англію, и что одно время за границей увѣряли, что, будто бы, государь помиловалъ всѣхъ заговорщиковъ. Эта дѣвица Пучкова живетъ въ домѣ министра народнаго просвѣщенія; она возвратилась сюда съ кухиной покойнаго графа Милорадовича, генеральшей Ребиндеръ, которая намѣрена хлопотать, черезъ посредство вашего превосходительства, о назначеніи ей, въ качествѣ родственницы графа Милорадовича, пожизненной пенсіи.

Сестра дѣвицы Пучковой, Наталья, отправилась въ Москву съ г-жею Верещагиной. Обѣ эти дамы служатъ полиціи подъ поворовительствомъ князя Алекс. Голицына.

Дѣятельность надзора растетъ съ каждымъ днемъ и у меня едва хватаетъ времени для принятія и записыванія всѣхъ завленій.

15-го августа 1826 г.

Движеніе, характеризующее политическія мнѣнія, — весьма положительное. Многіе говорятъ, что надо дѣйствовать круто, чтобы положить конецъ многочисленнымъ злоупотребленіямъ и истре-

бить взяточничество; оно пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было ограничиться окольными путями. „Нельзя отлаживать наказанія, заслуженнаго преступленіемъ; слѣдуетъ избѣгать полумѣръ, — ничего нѣтъ вреднѣе этого. Исторія всѣхъ странъ и всѣхъ временъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ очевидности той истины, что, во избѣжаніе большихъ золъ, необходимо карать во-время и безъ всякой жалости. Итакъ, слѣдуетъ нанести ударъ теперь,—или никогда. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ—будетъ уже поздно, если порядокъ вещей останется въ настоящемъ положеніи. Признано и доказано, что тотъ, кто хочетъ ослабить неограниченную власть государя,—самъ себѣ роетъ яму. Вѣдь надо будетъ чѣмъ нибудь замѣстить пустое мѣсто, а какъ совершить такой переворотъ, не вызывая и не поддерживая анархію, со всѣми сопровождающими ее ягучими бѣдствіями? Поэтому, такого злоумышленника надо преслѣдовать и карать,—это требуетъ общій интересъ и въ этомъ единственное средство въ спасенію“.

„Понимаютъ ли наши богачи свою настоящую выгоду? Конечно нѣтъ! Выгляните на частныхъ лицъ, каковы, напримѣръ, графъ Литта, генераль Энгельгардъ, находящіе наслажденіе въ томъ, что держатъ подъ спудомъ—одинъ 20, а другой 27 милліоновъ рублей. Дѣйствуя такимъ образомъ, они и имъ подобные задерживаютъ обращеніе денегъ. Съ другой стороны, наши финансовыя операціи были до сихъ поръ совершенно ошибочны; правительство думало окружить себя безнаказанно конституціонною завѣсой, провозгласивъ освобожденіе крестьянъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ. Послѣ этого можно ли удивляться тому, что финансы въ упадкѣ, что взяточничество на первомъ планѣ, и что злоупотребленія увеличиваются съ каждымъ шагомъ? — При такомъ порядкѣ вещей,—высшей полиціи, этому правительственному оку, — предстоитъ трудная задача. Она должна учредить такой присмотръ, который кольцомъ охватывалъ бы всѣ отрасли общественнаго управленія; ей надлежитъ указывать на зло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на самое скорое и самое дѣйствительное средство противъ этого зла,—средство, которое она сама же должна примѣнять съ быстротою и знаніемъ дѣла. Сколько тяжелыхъ обязанностей и какая громадная отвѣтственность! Но, за-то же, сколько пожинается и славы!...“

Вотъ какого рода разсужденія и замѣчанія слышишь часто, особенно въ средѣ обрусѣлыхъ иностранцевъ.

Эти дни общественное вниманіе занято, почти исключительно, послѣдними арестами. Во что бы то ни стало, стараются угадать ихъ причину. Если, говорятъ, это простое лихоимство, — къ чему та строгость, съ какою производится слѣдствіе?... Значить дѣло идетъ о заговорѣ противъ правительства. Другіе, напротивъ, думаютъ, что дѣлу этому придано особенное значеніе для того, чтобы, неожиданно напавъ на обвиненныхъ, поймать ихъ на мѣстѣ преступленія. Такое мнѣніе поддерживается также и тѣмъ молчаніемъ, какое хранить по этому дѣлу письма, полученные въ послѣднее время изъ Москвы. — Говорятъ еще, что какой-то важный чиновникъ былъ привезенъ сюда изъ Олонецкой губерніи, и что слѣдствіе по поводу недавнихъ арестовъ уже почти окончено.

Надо замѣтить, что всѣ арестованныя личности извѣстны за отъявленныхъ взяточниковъ, и что всѣ тѣ, которые громче другихъ кричатъ противъ ихъ ареста, — одного съ ними поля ягода. Это зловерное отродье вовсе не скрываетъ своего бѣшенства и явно выражаетъ его въ публичныхъ мѣстахъ. Пусть себѣ кричатъ, — это дастъ возможность лучше отмѣтить ихъ.

16-го августа 1826 г.

Представляю при семъ в—му пр—ву очень интересную записку Висковатова. Заключающіяся въ ней данныя собраны и представлены оберъ-секретаремъ сената Озерскимъ, который, въ продолженіи трехъ лѣтъ, находился во главѣ этихъ дѣлъ, въ качествѣ начальника отдѣленія департамента государственныхъ имуществъ. — Человѣкъ этотъ предлагаетъ все обнаружить, такъ какъ до сихъ поръ затрогивали только злоупотребленія, совершающіяся въ Архангельской губерніи, не зная о тѣхъ огромныхъ злоупотребленіяхъ, которыя творятся въ низовыхъ губерніяхъ. — Завтра я отправлю въ в-му пр-ву извлеченіе изъ двухъ донесеній, сдѣланныхъ Озерскимъ въ 1820 и 1822 годахъ, и которыя могутъ быть отысканы въ архивахъ департамента государственныхъ имуществъ. Но этотъ господинъ умоляетъ не называть его до возвращенія в-го пр-ва. Къ тому времени, я отберу отъ Озерскаго всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Главнымъ зачинщикомъ этихъ безпримѣрныхъ злоупотребленій долженъ быть признанъ нѣкто Соколовъ, который еще не арестованъ и служить въ адмиралтействѣ—корабельнымъ смотрителемъ.

Много говорятъ объ арестѣ г. Кутузова, служащаго въ департаментѣ торговли, и рассказываютъ слѣдующее. Годъ тому назадъ, человекъ этотъ предупредилъ одного своего знакомаго, что люди этого послѣдняго замышляютъ убить его. Дѣло было изслѣдовано, болѣе двадцати человекъ крѣпостныхъ сознались въ своей винѣ, были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, а доносчикъ получилъ отъ лица, подвергавшагося таковой опасности, подарокъ въ сто тысячъ рублей. Теперь же оказывается, что онъ самъ подстрекалъ виновныхъ сдѣлать покушеніе на жизнь ихъ барина! Эта личность представляетъ вѣрный образецъ нравственности нашей молодежи!—слышишь со всѣхъ сторонъ. Но развѣ одинъ человекъ въ состояніи усмотрѣть за всѣмъ? Развѣ государь, одинъ, безъ поддержки, можетъ добиться возстановленія порядка въ такое время, когда всѣ, отъ мала до велика, проникнуты однимъ духомъ стяжанія и корысти,—духомъ, пустившимъ такіе глубокіе корни, что скоро, волей неволей, придется прибѣгнуть къ весьма сильнымъ мѣрамъ, чтобы только удержаться въ принятомъ направленіи.

Другое, не менѣе прискорбное явленіе, говорятъ, заключается въ томъ, что люди высокопоставленные и могущественные не сдѣлали ни шагу для содѣйствія правительству въ его мѣропріятіяхъ, и что, напротивъ, судя по доносамъ ихъ прислуги, часто выражаютъ недовольство правительствомъ, тѣмъ болѣе неосновательное, что они сами обладаютъ всѣми средствами, чтобы дѣйствовать быстро и надлежащимъ образомъ.

Говорятъ также, что не разъ уже замѣчали министру финансовъ о томъ, что было, по меньшей мѣрѣ, неблагоприятно, если не неприлично,—предоставить двумъ торговымъ домамъ—Штиглица и Мейеръ-Брюкенера полную свободу опредѣлять, по своему усмотрѣнію, вексельный курсъ; произволь ихъ въ этомъ отношеніи дошелъ до того, что ни одинъ маклеръ не смѣетъ обозначить курсъ безъ ихъ согласія. Новыя постановленія по финансовой части подтачиваютъ торговлю въ самомъ корнѣ и подавляютъ зарождающуюся промышленность. Министръ вообразилъ,

что суммы, образуемыя денежными штрафами, составляютъ обильный источникъ доходовъ, и не смотря на то, что опыты довазываютъ противное,—онъ не хочетъ сознаться въ своей ошибкѣ. По его мнѣнію,—пусть терпитъ государство, лишь бы только онъ былъ правъ!

18-го августа 1826 г.

По словамъ приверженцевъ партіи, противящейся преобразовательнымъ мѣрамъ, установление прочнаго порядка въ управленіи также трудно, какъ найти квадратуру круга. Люди малодушные боятся реакціи; тѣ же, которые выше всего цѣнятъ наружное спокойствіе, громко заявляютъ, что многочисленность виновныхъ будетъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ безнаказанность. Какимъ образомъ, говорятъ они, достигнуть цѣли, не разрушая всего зданія бюрократіи, которую многіе отстаиваютъ въ собственныхъ своихъ интересахъ! Разрушеніе одного естественно влечетъ за собою и потерю состояній другихъ взяточниковъ, имѣющихъ цѣлую толпу сообщниковъ; всѣ они такъ сжились съ системою грабежа, всюду и всѣми терпимой, что желать поколебать ее,—тоже, что захотѣть повторить древнюю сцену въ храмѣ Филлистимлянъ.

Благомыслящіе люди находятъ подобное мнѣніе, по меньшей мѣрѣ, неосновательнымъ. Если, возражаютъ они, зло, дѣйствительно, доведено до крайнихъ предѣловъ,—необходимо употребить всѣ возможныя средства, чтобы безотлагательно и энергично искоренить его. Правительство не должно останавливаться передъ мыслью о томъ, что при этомъ могутъ быть затронуты частныя интересы, иначе придется отложить всѣ полезныя мѣры. Принципъ этотъ былъ въ виду слишкомъ долго и послѣдствія его слишкомъ пагубны, чтобы не постараться уничтожить ихъ, во избѣжаніе великихъ бѣдъ.

Вотъ еще замѣчанія съ другой стороны.

Настоящее положеніе дѣлъ и людей—совсѣмъ особенное: первыя, очевидно, въ упадкѣ, при полномъ отсутствіи нравственности; люди же, одержимые эгоизмомъ, столько же думаютъ объ общественномъ дѣлѣ, какъ объ австрійскихъ владѣніяхъ. Воспитаніе юношества направлено ложно: молодежь разсуждаетъ,

тогда какъ могла бы гораздо полезнѣе употреблять свое время. Торговля и національная промышленность страдаютъ при такомъ порядкѣ вещей, когда люди не берегутъ своего состоянія. Сколько нужно стараній, чтобы произвести реформу, столько же необходимо, какъ и неприятную и тяжелую для бюрократіи,—этой истинной гидры, которую можно уничтожить только продолжительнымъ трудомъ, неустанно добираясь до самаго корня зла. Поэтому, пусть не стараются доказывать намъ, что нѣтъ почти никакой возможности быть всюду, все видѣть и со всемъ справиться. Достигнуть этой тройной цѣли, было бы, конечно, большимъ подвигомъ; но тѣмъ похвальнѣе этотъ подвигъ, чѣмъ больше камней претенвенія встрѣчаетъ правительство на своемъ пути, и что ему приходится однимъ взмахомъ дѣлать три удара: преобразовывать, создавать и входить въ самыя мельчайшія подробности дѣла.—Нельзя не сознаться, что заботливость, высказываемая правительствомъ относительно заживленія язвъ государства, представляется, въ своемъ родѣ, безмолвнымъ воззваніемъ къ наиболѣе вліятельнымъ сословіямъ, каковы дворянство и купечество,—о содѣйствіи ихъ общему благу. Горе имъ, если слишкомъ узкія цѣли помѣшаютъ имъ отозваться на этотъ призывъ. До сихъ поръ личный эгоизмъ всегда бралъ перевѣсъ. Когда-то придуть къ убѣжденію, что копить—еще не есть главная цѣль; но что надо еще умѣть во-время приносить жертвы, чтобы сохранить то, что было такъ легко добыто. Жертвы эти не исключительно денежные; нѣтъ, — нужно жертвовать государству своимъ временемъ, трудомъ, вкусомъ и, въ особенности, избѣгать тѣхъ ненавистныхъ страстей, которыя хотя и копошатся у подножія древа, но, тѣмъ не менѣе, опасны. И вотъ этихъ-то усилій не хотятъ сдѣлать наши вельможи, а потомъ сами удивляются неудачному ходу ихъ предпріятій. Такъ, напримѣръ, какойнибудь министръ, располагающій громадными средствами, могъ бы пользоваться ими во славу себѣ и своему отечеству, если бы былъ человекомъ съ душой и возвышенными чувствами; но увлекаемый пожирающимъ его честолюбіемъ, онъ не можетъ ни на чемъ остановиться и бросаетъ начатое дѣло, какъ только увидитъ, что не смѣетъ плутовать. Приближенные и челядь подобныхъ личностей слѣдуютъ примѣру своихъ патроновъ, а общественное дѣло гибнетъ отъ этого. Большая часть воле, тяготѣющихъ надъ нами, происходитъ отъ вышеизложенныхъ причинъ.

19-го августа 1826 г.

Чтобы дать понятіе о мнѣніи благомыслящихъ людей относительно дѣйствій правительства, считаю нужнымъ сообщить слѣдующія замѣчанія.

Усвоенное правительствомъ правило принимать въ свѣдѣнію доносы, указывающіе на злоупотребленія, правило, проводимое до сихъ поръ съ твердостью и разборчивостью, имѣло необыкновенно хорошіе результаты. Донесеніи знаютъ, что въ случаѣ ложнаго доноса, ихъ не помидуютъ, и потому никто ложно не доноситъ. Одни изъ нихъ дѣлаютъ свои сообщенія изъ желанія принести пользу общественному благу, другіе же—ради собственныхъ интересовъ; но какъ бы то ни было, выясняются разные ужасы и правительство узнаетъ вещи, которыя никогда бы не дошли до него, еслибы оно не задалось цѣлью все видѣть, все слышать, чтобы, затѣмъ, дѣйствовать сознательно по всюду и во всякое время. Безъ сомнѣнія, это большая выгода—имѣть передъ собой торную дорогу, съ которой нельзя сбиться, такъ какъ, слѣдуя этому правилу,—видимъ какъ исчезаютъ всѣ неровности пути. Такимъ образомъ безчестность многихъ людей обнаруживается; власти также, одна за другой, подвергнутся тайному наблюденію. Теперь слышишь со всѣхъ сторонъ:

„Честные люди будутъ ограждены отъ несправедливостей; одни злонамѣренные будутъ въ страхѣ, такъ какъ боятся дневнаго свѣта. Пора положить преграду грабежу и наказать взяточниковъ. Довѣріе, возбуждаемое правительствомъ, желающимъ снискать себѣ расположеніе тѣхъ, къмъ оно управляетъ,—есть могущественное средство для облегченія успѣха его предпріятій. Расположеніе это, служащее лучшею защитою тому, кто призванъ управлять другими,—разъ приобрѣтенное, удесетеряетъ нравственныя силы правительства. Съ этой любовью дѣйствуешь хорошо, увѣренно: энтузіазмъ, хорошо направленный, управляетъ послушаніемъ, и если заботливо избѣгать всего, что носитъ характеръ суеты и безпокойства, то самая трудная задача выполняется однимъ мановеніемъ руки“.

Я долженъ увѣдомить в. пр., что графъ Николай Паленъ уѣхалъ въ Ревель, и что онъ поведеніемъ своимъ никогда

не подавалъ повода и къ тѣни сомнѣнія въ политическую его благонадежность. Графъ Александръ Завадовскій состоитъ подъ надзоромъ; на за нимъ ничего не замѣчено выдающагося. Чаще всего онъ посѣщаетъ: офицеровъ кавалергардскаго полка, какъ, напр., Бобринскаго, Шереметьева и другихъ, затѣмъ, князя Гагарина, камергера Больша, княгиню Лобанову, Колошина и Энгельгардта.

20-го августа 1826 г.

Нѣкоторые изъ стариковъ, приверженцы системы правленія блаженной памяти императрицы Екатерины II-й, люди хорошие и благоразумные, усиленно читаютъ и комментируютъ, въ своихъ интимныхъ кружкахъ, письмо де-Лагарпа къ императору Александру.

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ получить позволеніе сплести это письмо, которое сплещу переслать в-му пр-ву.

Надо предполагать, что государю извѣстно это письмо; но я считаю своимъ долгомъ просить васъ прочесть его. Содержаніе этого письма интересно въ высшей степени, и можетъ быть подвергнуто комментаріямъ и критикѣ всевозможныхъ отгѣнковъ. Люди, занимающіеся этими изслѣдованіями, находятъ въ немъ разрѣшеніе многихъ загадокъ царствованія покойнаго императора и явное указаніе на различныя правила, слѣдовать которымъ было бы полезно настоящему правительству. Наибольше выдающіяся мѣста этого письма бросаются въ глаза, такъ что пробѣгая его, в. пр. составите себѣ совершенно ясное понятіе о тѣхъ спорахъ, которые оно должно возбуждать.

21-го августа 1826 г.

„Духъ хорошъ, замѣчаютъ, во всѣхъ слояхъ общества; остается только немного прежней завески, да и та будетъ истреблена, когда праздныхъ людей частью займутъ чѣмъ нибудь, частью вышлютъ, и когда бюрократія будетъ нанесенъ послѣдній ударъ. Обнаруженныя злоупотребленія, совершавшіяся въ канцеляріи министерства финансовъ, даютъ вѣрное понятіе о вліяніи этой гидры. Но, за-то же, и нападутъ на нее со всѣхъ сторонъ и до-

носы посыпятся градомъ: одни будутъ стараться раскрывать тайны, чтобы самимъ выдти сухими изъ воды; другіе же—или ради отлічія, или изъ любви къ общественному благу. Впрочемъ, только что сдѣланныя открытія не болѣе, какъ прелюдія къ цѣлой вереницѣ послѣдующихъ.

Въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, бюрократія питалась лихоимствомъ, совершаемымъ съ безстыдствомъ и безнаказанностью. На счетъ этого грабежа она поддерживала войну съ общественнымъ дѣломъ и съ благомыслящими людьми, которые не только были устраняемы, но и всячески преслѣдуемы. Война эта принесла пользу только однимъ комисіонерамъ; поэтому, справедливость требуетъ, чтобы, для удовлетворенія оскорбленнаго общества, прежде всего приняты были мѣры, парализующія тотъ порядокъ вещей, который былъ выгоденъ лишь однимъ общественнымъ пиявеамъ и заговорщикамъ. На нихъ-то и должно пасть наказаніе! Никогда законъ возмездія не получилъ бы болѣе справедливаго примѣненія, какъ въ томъ случаѣ, если бы приступили къ конфискаціи имущества комисіонеровъ. Денежный интересъ игралъ бы тутъ меньшую роль, чѣмъ интересъ нравственный: первый не великъ, второй же неизмѣримъ, такъ какъ, надо сознаться, что благодаря безнаказанности, ремесло грабителя сдѣлалось уже слишкомъ выгоднымъ. Комисіонеры на все рѣшались, все дѣлали, ни въ чемъ себѣ не отказывали; всѣ ихъ счеты принимались, и авторитетъ общества не возставалъ противъ нихъ. Теперь пришла пора, и даже очень кстати въ настоящую минуту, положить конецъ этой долгой терпимости.

Правительству предстоитъ выбирать одно изъ двухъ: или допускать ужасное зло, или прибѣгнуть къ реформѣ, провести ее толково, дѣятельно и смѣло и стараться найти въ этомъ и средство къ исправленію старыхъ несправедливостей, и оружіе противъ тѣхъ беспорядковъ, которые могутъ быть подготовлены грабителями. Въ подобномъ положеніи не остается выбора: онъ уважается самымъ порядкомъ вещей. Правительство сознаетъ это и дѣйствуетъ какъ нельзя болѣе послѣдовательно. Одни только злонамѣренныя могутъ не признавать этого“.

Становится очевиднымъ,—даже недовольные не въ состояніи отрицать это,—что всѣ благомыслящіе люди съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сознаютъ пользу существованія надзора; мно-

гіе изъ нихъ предлагаютъ ему свои услуги даромъ, чтобы, съ одной стороны,—давать полезные совѣты, а, съ другой,—направлять общественное мнѣніе въ интересахъ правительства, преслѣдующаго одну только цѣль—противупоставить грозный оплотъ господствующимъ преступленіямъ и испорченности, поколебавшимъ, въ самомъ основаніи, нравственныя силы народа.

23-го августа 1826 г.

О настроеніи умовъ можно сообщить весьма удовлетворительныя извѣстія. Сами недовольные должны сознаться, что прибытіе въ Москву великаго князя Константина Павловича нанесло послѣдній ударъ злонамѣреннымъ, ввуншивъ мужество даже трусамъ. Конечно, разсуждаютъ многіе, бывшіе безпорядки вызваны были нѣкоторыми личностями, не имѣвшими иной цѣли, какъ произвести смуты въ обществѣ, чтобы, затѣмъ, предложить свои услуги для его успокоенія. Послѣдній якорь спасенія, за который держались еще ихъ надежды, былъ предполагаемый разрывъ въ отношеніяхъ государя съ старшимъ его братомъ; но пріѣздъ цесаревича въ Москву уничтожилъ и эти надежды. Проектъ освобожденія крестьянъ также разлетѣлся въ прахъ, а рѣшительныя мѣры, принятія правительствомъ для искорененія злоупотребленій, не позволяютъ распространителямъ тревожныхъ слуховъ, создавать и поддерживать различныя выдумки; такъ что положительно можно сказать, не преувеличивая, что термометръ настроенія умовъ долженъ подняться только на одинъ градусъ, чтобы стать на beau-fixe, и что правительство собираетъ теперь и пожнетъ съ избыткомъ, впоследствии, плоды настолько же полезныхъ, сколько и энергическихъ распоряженій, которыми до сихъ поръ отличались всѣ его дѣйствія. Нельзя, однако, отрицать, прибавляютъ нѣкоторые, что въ обществѣ, особенно до развязки великой трагедіи, существовала дурная закваска, остающаяся, можетъ быть, еще и теперь въ средѣ разгульной молодежи и въ святилищѣ бюрократіи. Это, прочемъ, все извѣстно, да и не въ этомъ дѣло, а въ томъ, чтобы знать какъ велико было число злонамѣренныхъ, дѣйствовавшихъ въ послѣднемъ случаѣ противъ общественнаго порядка, и не составляли ли они преобладающаго большинства? Тысячи фактовъ, которые было бы из-

лишне перечислять, доказываютъ, что большинство это было въ рукахъ правительства. Такимъ образомъ, эти злонамѣренные могутъ быть только предметомъ надзора и не въ состояніи помѣшать развитію правительственныхъ мѣропріятій, которыя, впрочемъ, указали на дѣйствующихъ лицъ.

Я долженъ замѣтить, что прибытіе великаго князя Константина Павловича въ Москву измѣнило тонъ даже высшихъ классовъ общества, которые у насъ самые дурные. Говорятъ, правда, что его императорское высочество рѣшился пріѣхать къ своему августѣйшему брату только вслѣдствіе депутаціи, отправленной къ нему московскимъ дворянствомъ; вообще же, высказываются теперь гораздо сдержаннѣе и приличнѣе; одна только м-ше Лореръ громко кричала эти дни.

Вездѣ много смѣшныхъ людей; здѣсь ихъ, конечно, болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что если мы не получимъ извѣстія о коронаціи во вторникъ, 24 числа, въ пять часовъ вечера, то это будетъ значить, что церемонія опять отложена, что произведетъ много безпокойства и возбудитъ много ложныхъ слуховъ. Другіе увѣряютъ, что в. п. сами привезете сюда эту вѣсть; наконецъ, говорятъ даже, что государь пріѣдетъ сюда, съ вами, наканунѣ Александрова дня. Не смотря, однакожь, на всю нелѣпность этихъ слуховъ, находятся глупцы, которые вѣрятъ имъ.

24 августа 1826 г.

Общее вниманіе обращено на Москву. Всѣ заняты одною мыслью—коронаціею; такъ что чѣмъ больше приближается тотъ моментъ, когда посланный съ счастливою вѣстью долженъ явиться, тѣмъ меньше думаютъ о чемъ нибудь другомъ. Сегодня отовсюду слышится вопросъ: пріѣхалъ ли курьеръ? Нѣкоторые утверждаютъ, вопреки всякому вѣроятію, что курьеръ могъ пріѣхать сегодня утромъ, тогда какъ нужно только умѣть считать, чтобы убѣдиться въ томъ, что раньше вечера этого дня онъ не можетъ быть здѣсь. Конечно, если сегодня ничего не будетъ,—тревога распространится завтра съ быстротою молніи и подымется крикъ.

Высылка Мордвинова и арестъ Ганнибала—двѣ отличнѣй-

шія мѣры и вообще одобряются обществомъ. Къ несчастью, должно упомянуть о томъ, что Мордвиновъ живетъ въ Пулковѣ и вовсе не желаетъ ѣхать въ свое имѣніе. Онъ прислалъ сюда одного изъ своихъ людей для займа денегъ, намѣреваясь ѣхать въ Москву. Такъ какъ городская полиція не увѣдомила уѣздную о высылкѣ Мордвинова, то у него полная свобода дѣлать что захочетъ.

О вторженіи Персовъ разсуждаютъ различно: одни не придаютъ этому факту никакого значенія; другіе же, напротивъ, думаютъ, что Турки не замедлятъ вмѣшаться въ это дѣло; полагаютъ также, что англичане, вѣрныя своей системѣ постоянного возбужденія затрудненій между великими державами континента, давно уже готовили этотъ взрывъ. Шансы этой войны,—говорятъ,—будутъ, вѣроятно, мало благоприятны для насъ, такъ какъ надо или энергически взяться за дѣло, что повлечетъ за собою большіе расходы и сдѣлаетъ сильную прорѣху въ нашихъ финансахъ, или же дѣйствовать оборонительно, что продолжитъ борьбу,—а это значило бы попасть изъ огня да въ полымя. Къ этому прибавляютъ, что для веденія войны нужны деньги, а наши финансы истощены, слѣдовательно придется обратиться къ новымъ налогамъ, такъ какъ, при настоящихъ обстоятельствахъ нечего и думать о возможности добровольныхъ пожертвованій. Такимъ образомъ, только однѣ успешныя дѣйствія могутъ доставить намъ средства вести и кончить эту войну съ выгодой для государства. Извѣстно, что военное дѣло имѣетъ двѣ важныя стороны, которыя слѣдуетъ старательно различать: одну—нравственную, другую—матеріальную. Первая заключается въ соотвѣтственномъ подготовленіи тѣхъ средствъ, которыя должны содѣйствовать успѣху войны; вторая—въ пользованіи этими средствами; однимъ словомъ: первая—голова, а вторая—руки. Опытомъ дознано, что обѣ эти стороны должны быть отдѣлены одна отъ другой, такъ какъ никогда, почти, способность выполненія не совмѣщается съ умѣньемъ распорядиться. Но на этотъ разъ, къ счастью, оба эти качества соединены въ одной личности—генерала Ермолова.

Всѣ одобряютъ назначеніе (попечителемъ Спб. учеб. округа) Бороздина на мѣсто Рунича, который, сказать правду, не любимъ и не особенно уважаемъ; о первомъ же отзываются съ большою похвалою.

25 августа 1826 г.

Уѣзжая изъ Петербурга, в. п. оставили мнѣ письмо къ барону Дибичу относительно злоупотребленій въ тюрьмахъ, а именно: 1) что учрежденія эти составляютъ источникъ доходовъ для завѣдывающихъ ими лицъ; 2) что намѣренно удерживаютъ въ тюрьмѣ нѣкоторыхъ личностей, чтобы пользоваться отъ нихъ выкупомъ; 3) что заключеніе нѣкоторыхъ лицъ также незаконно, какъ и произвольно, и 4) что многіе арестанты, содержащіеся въ тюрьмѣ за важныя преступленія, не только имѣютъ возможность принимать посѣтителей, но даже и сами выходятъ изъ тюрьмы.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ всего этого, я сошелся съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ тюремнаго комитета, который намѣренъ представить его величеству вѣрную картину помянутыхъ злоупотребленій, но желаетъ оставаться, пока, неизвѣстнымъ. Онъ подтверждаетъ существованіе вышеозначенныхъ отступленій отъ закона, присовокупляя слѣдующія замѣчанія: 1) что арестанты не распределены по родамъ преступленій и проступковъ, такъ что заключенные за долги, напримѣръ, сидятъ вмѣстѣ съ уголовными преступниками; подобное сближеніе способствуетъ развитію порочности, что и подтверждается опытомъ на каждомъ шагу; 2) порядковъ и благопристойность не соблюдаются: арестантовъ обоюго пола одновременно водятъ и на работы, и въ народныя бани, что служитъ поводомъ къ скандальнымъ сценамъ на улицахъ; 3) что предоставляемое нѣкоторымъ заключеннымъ право принимать посѣщенія своихъ знакомыхъ, даетъ зрителямъ возможность устраивать въ собственныхъ своихъ квартирахъ свиданія арестантовъ и даже караульныхъ офицеровъ съ женщинами и проститутками; 4) что продовольствіе приговоренныхъ къ содержанію въ тюрьмѣ за преступленія, слишкомъ уже хорошо, такъ что заключеніе ихъ скорѣе похоже на пріютъ, чѣмъ на исправительную мѣру; наконецъ, 5) что многіе подвергаются тюремному заключенію часто только вслѣдствіе утраты ими своихъ паспортовъ, и сидятъ въ тюрьмѣ все время, пока производятся розыски по ихъ дѣлу. Лишенные возможности какого бы то ни было заработка, люди эти не въ состояніи уплатить ни за свое содержаніе, ни за право на полученіе паспортовъ, и потому остаются въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока сум-

ма добровольныхъ пожертвованій не возрастетъ до цифры, необходимой для ихъ освобожденія.

Остается сказать еще объ отчетности по управленію тюрьмами. При учрежденіи комитета о тюрьмахъ, высочайшимъ указомъ назначены были въ его распоряженіе по 30,000 руб. въ годъ, которые и должна была выплачивать городская дума; но деньги эти до сихъ поръ еще не переданы комитету. На обстоятельство это слѣдовало бы обратить вниманіе правительства.

25-го августа 1826 г.

Курьеръ, который долженъ привезти вѣсть о коронаціи,—еще не пріѣхалъ! Вотъ-то начнутся крики и смятеніе. Напуганное недавними важными событіями, общество ожидаетъ чего-то необыкновеннаго и требуетъ невозможнаго. Трудно себѣ представить движеніе, происходящее на улицахъ. На набережной Невы, противъ крѣпости,—несмѣтная толпа, глазѣющая по сторонамъ. Если мы не получимъ ожидаемаго извѣстія въ теченіи этого дня,—распространители тревожныхъ слуховъ примутся за дѣло и нелѣпымъ толкамъ не будетъ конца.

26-го августа 1826 г.

Вчера, въ 2 часа 40 минутъ пополудни, пріѣхалъ сюда фельдгеръ, а за нимъ, въ 5 часовъ 13 минутъ, графъ Комаровскій. Спустя четверть часа, пушка возвѣстила о коронаціи и вѣсть эта мгновенно произвела самое поразительное дѣйствіе. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ: одни крестились, другіе—и преимущественно ремесленники,—бросившіе свои мастерскія, — толпились среди улицы и кричали: Ша башъ! ура! ура! Радость была очень сильна и проявилась бы, вѣроятно, гораздо восторженнѣе, если бы дозволена была иллюминація. Но объявлено было печатно, что городъ будетъ иллюминированъ три дня сряду, только начиная съ сегодняшняго. Распоряженіе это мотивировано тѣмъ, что общественныя увеселенія надо начинать молебствіемъ, которое можно было отслужить только сегодня. Какъ бы то ни было, но всѣ говорятъ, что послѣ пушечной пальбы и подъ-стать ей слѣдовало бы разрѣшить иллюминацію, какъ доказательство общественнаго

веселья, и воспользоваться первымъ порывомъ общей, неудержимой радости... Конечно, это, по-видимому, малозначущее обстоятельство; но можно было бы и изъ него извлечь пользу: въ искусствѣ управлять умами и вліять на общественное мнѣніе—даже и ничтожныя вещи имѣютъ значеніе.

Три дня народнаго праздника доставятъ „надвору“ довольно матеріаловъ для наблюденія. Надо заранѣе приготовиться къ проявленіямъ шумнаго веселья, особенно въ низшихъ и среднихъ классахъ, которое будетъ рѣзко отдѣляться отъ мрачнаго вида небольшого числа людей, составляющихъ, вслѣдствіе разныхъ личныхъ причинъ,—отдѣльный кружокъ.

Одно достовѣрно, увѣряетъ большинство,—что поступки правительства—лучшая гарантія успѣха его дѣйствій; прошедшее и настоящее даютъ вѣрное понятіе о хорошемъ будущемъ. Искусство управлять людьми, особенно же толпой,—состоитъ въ томъ, чтобы каждому указать подходящее ему мѣсто, предупреждать столкновения и быть всегда безпристрастнымъ (*et à ne jamais quitter le bandeau de Thémis*). Всѣ правительственныя распоряженія влонятся въ достиженію этой цѣли; кончится тѣмъ, что всѣ проникнутся тою истиной, что поддержаніе порядка состоитъ въ мудромъ употребленіи власти, и въ примѣненіи средствъ, способныхъ умѣрять пылкость умовъ.

У насъ прошелъ слухъ, что в. п. возведены въ графское достоинство; а такъ какъ въ томъ списокѣ, который ходитъ по рукамъ и всѣми переписывается,—вашего имени нѣтъ, то спрашиваютъ: „Что же это значить“? Распустили также слухъ, что нѣкто Пѣтуховъ, чиновникъ главнаго штаба, говорилъ, будто бы г. Кремповскій замѣнитъ меня въ качествѣ директора канцеляріи III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Надѣюсь завтра рассказать вамъ о всѣхъ нашихъ торжествахъ. Въ настоящую минуту слышны только самыя искреннія поздравленія и восклицанія: „Слава Богу! всѣмъ бѣдствіямъ теперь конецъ“! Да благословитъ Господь Богъ это искреннее желаніе!

28-го августа 1826 г.

Во всѣ три дня празднествъ повсюду царствовалъ примѣрный порядокъ; на всѣхъ общественныхъ сборищахъ проявленіе радости было восторженно и шумно, но вездѣ, однако-жь, въ границахъ

приличія. Въ прилагаемомъ присемъ № „Сѣверной Пчелы“ помѣщено очень хорошее описаніе иллюминаціи и пьесъ, игранныхъ въ эти дни на театрахъ. Нарочно посылаю этотъ №, чтобы в. п. могли составить себѣ понятіе какъ о самыхъ празднествахъ, такъ и о настроеніи общества.

Мнѣ остается только прибавить, что злонамѣренныя или недовольныя,—если бы они что-нибудь и значили теперь,—напрасно старались бы нарушить общее благопріятное настроеніе и заставить не признать ту истину, что благоденствіе народа зависитъ отъ могущества правительства, столь отчески управляющаго, какъ наше. По всѣмъ вѣроятіямъ, ничто, кромѣ непредвидѣнныхъ случаевъ, не ослабитъ теперешняго настроенія умовъ. Гарантіей въ прочности этого настроенія служить та потребность, какую дѣти ощущаютъ въ заботахъ и попеченіяхъ отца о будущемъ ихъ благосостояніи. Не раздѣлять этого мнѣнія—значило бы принадлежать къ числу слѣпыхъ или слабоумныхъ,—даже сами недовольные должны согласиться съ этимъ. Несчастная мысль, слишкомъ, однако-жъ, распространенная,—что выгоды правителей не тождественны съ пользами управляемыхъ,—была причиною, въ послѣдніе годы, всѣхъ неудачъ и ослабленія всѣхъ связей между правительствомъ и обществомъ, что влекло за собою обманутыя ожиданія, обоюдныя ошибки и, наконецъ, разрывъ, породившій заговоръ нашихъ матежниковъ.

Изъ вышеизложеннаго можно вывести два заключенія, а именно: что общественное настроеніе никогда еще не было такъ хорошо, какъ въ настоящее время, и что нравственная сила правительства такъ велика, что ничто не можетъ противустоять ей. Это до такой степени справедливо, что еслибы злонамѣренныя вздумали теперь явиться въ роли непризнанныхъ пророковъ, то были бы жестоко освистаны.

Теперь, или никогда, самое время приступить къ реформамъ въ судебномъ и административномъ вѣдомствахъ, не дѣйствуя, впрочемъ, слишкомъ рѣшительно. Этого ожидаютъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и всѣ, въ одинъ голосъ, кричатъ объ этомъ. Только люди, непонимающіе собственной своей пользы, могутъ быть противъ этой реформы, столь настоятельно требуемой. Такимъ образомъ, еслибы при этомъ даже и пострадали отдѣльныя личности, все-таки это не могло бы ослабить всеобщаго убѣжде-

нія въ необходимости преобразованія, безъ котораго невозможно ни создать благосостоянія, ни упрочить его; тогда какъ съ проведеніемъ реформы все войдетъ въ надлежащую колею. Самыя мятежныя головы будутъ держать себя спокойно, и дѣло, какъ бы ни было оно трудно,—будетъ совершаться по одному мановенію руки, потому что усердіе будетъ кормиломъ, а общая польза—двигателемъ корабля.—Такъ разсуждаютъ всѣ благонамѣренные, а ихъ большинство!

30-го августа 1826 г.

Различные манифесты отъ 22-го числа появились только вчера и уже всѣ единогласно одобряютъ ихъ содержаніе. Вотъ нѣсколько обшихъ замѣчаній по этому предмету.

Милости распределены съ тонкою разборчивостью и большою щедростью: все въ нихъ изобильно, дышетъ могуществомъ и послѣдовательно. Ни одно сословіе, ни одна личность не забыты, и если не всѣ окажутся довольными, то останется только сказать, что и самому Спасителю многіе были неблагодарны!—Вступленіе и заключеніе великаго торжественнаго акта—трогаетъ до глубины души: каждая мысль—благодѣяніе, каждое желаніе—отческа я заботливость. Дай Богъ только осуществиться этимъ желаніямъ и ожиданіямъ. Пусть наслаждается Россія счастьемъ, приготовляемымъ для нея ея царемъ, который, въ январѣ этого года, во время сильныхъ волненій, занявъ былъ составленіемъ акта, все опредѣляющаго, все предвидящаго, чтобы упрочить, на незыблемыхъ основаніяхъ, спокойствіе страны. Тотъ, кто дѣлалъ это въ такую пору, когда всякій другой думалъ бы только о настоящемъ,—вонечно, стоитъ выше всякихъ похвалъ и по своему великодушію, и по высокому самоотверженію во всемъ, что касается личныхъ его интересовъ.

Но чтобы показать обратную сторону медали, нельзя умолчать и о слѣдующихъ замѣчаніяхъ:

Въ числѣ статей манифеста, имѣющихъ отношеніе къ финансовой части, нѣкоторыя помѣщены только для счёту, такъ какъ отмѣна того или другаго налога не составляетъ особенной важности для общественнаго дѣла.

Что касается производства въ слѣдующій чинъ титулярныхъ

и коллежскихъ совѣтниковъ, то сдѣланное въ пользу ихъ исключеніе благопріятно лишь нѣкоторымъ изъ нихъ. Конечно, невозможно было, безъ значительныхъ затрудненій, повысить всѣхъ, безъ разбора; но развѣ нельзя было прискаты какой нибудь предлогъ, чтобы устранить тѣ неудобства, которыя сопряжены съ точнымъ примѣненіемъ указа 6 августа 1809 года и которыя вредятъ и ходу дѣлъ, и пользѣ службы? Не смотря, однако-жъ, на это, указъ оставленъ во всей его силѣ, какъ будто можно найти такого феникса, который, прослужа пятнадцать лѣтъ, былъ бы въ состояніи выдержать требуемый закономъ экзаменъ? Правда, на это могутъ возразить, что съ 1809 года было довольно времени приготовить молодыхъ людей, бывшихъ тогда десятилѣтними дѣтьми, которыя теперь удовлетворяли бы поставленнымъ закономъ условіямъ; пусть такъ; но вѣдь эти молодые люди далеко не такъ хорошо знакомы съ дѣломъ, какъ устраненные старые дѣльцы, а въ томъ то и заключается весь вредъ для службы, что самыя лучшія намѣренія, самыя вѣрныя расчеты, никогда не удаются, если выполненіе ихъ страдаетъ погрѣшностями. Не недостатки законовъ, а неправильное примѣненіе послѣднихъ вызвало и вызываетъ до сихъ поръ ошибки, злоупотребленія и лихоимство. Такимъ образомъ, улучшеніе настоящаго положенія дѣлъ зависить, несомнѣнно, отъ появленія, вновь, на сцену старыхъ служаекъ. Посадите по одному изъ нихъ въ каждое изъ судебныхъ учреждений и дайте имъ обезпеченное положеніе, и вы увидите, что относительно быстроты и правильности въ ходѣ дѣлъ, будетъ замѣтная перемѣна къ лучшему; между тѣмъ, какъ теперь все хромаетъ, все запаздываетъ, потому что большинству новыхъ чиновниковъ не достаетъ навыка и они часто грѣшатъ по незнанію дѣла. Надо предполагать, — замѣчаютъ нѣкоторые, — что все это не ускользнуло отъ пронизательности государя; и потому можно надѣяться, что распоряженіе о примѣненіи указа 1809 года будетъ смягчено другою мѣрою, которою людямъ, употребляющимъ свои способности безъ прямой пользы для службы, давались бы средства къ этому, чего можно достигнуть, позволивъ имъ носить мундиръ, присвоенный правительственнымъ учреждениямъ. Къ этому прибавляютъ, что правительство въ короткое время нашло средство сдѣлать много хорошаго, не затрогивая старыхъ учреждений; ничто не можетъ быть благоразумнѣе этого

принципа, это подтверждается опытомъ прошлаго; наконецъ, всѣ матеріалы подготовлены и недостаетъ только строителя, чтобы воздвигнуть изъ нихъ цѣлое зданіе.

Нельзя было безъ волненія читать окончаніе манифеста, гдѣ государь въ трогательныхъ и сильныхъ выраженіяхъ высказываетъ желаніе упрочить общее благосостояніе развитіемъ всего, что полезно и хорошо.

Остается замѣтить, что манифестъ этотъ довершилъ все, что до сихъ поръ способствовало къ поддержанію благопріятнаго настроенія умовъ; такъ что теперь трудно было бы найти недовольныхъ или малодушныхъ, развѣ только захотѣтъ придирааться къ пустякамъ. Каждому грѣшнику воздано по дѣламъ его. Впрочемъ, почти всѣ они возвратились уже въ свою овчарню, и если осталось еще нѣсколько пострадавшихъ личныхъ интересовъ, то гдѣ же возможность удовлетворить всѣхъ, особенно людей, ведущихъ неправильный образъ жизни и болтуновъ.

Вчера, во время службы въ лютеранскихъ и реформатскихъ церквахъ, были исполнены благодарственные гимны по случаю коронаціи. Проповѣди замѣчательны были и по умиленію проповѣдниковъ, и по удачному выбору темъ. Порядокъ, благопристойность и радость царствовали въ домѣ Господнемъ и несмѣтное число молящихся было глубоко тронуто. Кантата, написанная г. Вульффертомъ, секретаремъ лютеранскаго епископа, и положенная на музыку г. Белингомъ, была исполнена членами общества любителей пѣнья.

Относительно слуховъ и разговоровъ нѣтъ ничего, къ счастью, особеннаго. Всѣ кажутся довольными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вытянутыхъ лицъ изъ высшихъ классовъ, которые находятъ, что не довольно получили при распредѣленіи милостей. Всѣ заняты пирами и общественными увеселеніями, такъ что трудно было бы услышать что-либо въ анти-правительственномъ смыслѣ. Купечество собирается дать костюмированный балъ, который, судя по приготовленіямъ, будетъ очень блестящъ. Графъ Шереметевъ также затѣваетъ большой фейерверкъ въ Новой Деревнѣ.

31 августа 1826 г.

Сообщенные мною, во вчерашнемъ письмѣ, отзывы о манифестѣ людей благомыслящихъ далеко не сходны съ сужденіями, высказываемыми, по этому предмету, нѣкоторыми болтунами и недовольными. Вотъ что говорятъ они:

— „Содержаніе манифеста блаженной памяти императрицы Екаторины II, обнародованнаго при вступленіи ея на престоль, вовсе не похоже на манифестъ 22 августа. Въ немъ заключалось 104 статьи, большая часть которыхъ касалась отмѣны слишкомъ тягостныхъ налоговъ, между тѣмъ какъ теперь ограничились сложеніемъ нѣкоторыхъ денежныхъ взысканій. Кромѣ того, вслѣдствіе разныхъ льготъ, дарованныхъ крестьянамъ вообще, казенные крестьяне оказались въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ крѣпостные; предоставленныя же дѣтямъ лицъ духовнаго званія права при поступленіи въ военную службу, неизбѣжно должны нанести ущербъ дворянству, и безъ того уже лишенному прежняго значенія; вслѣдствіе этой мѣры стѣлко разведется дворянъ, что многіе не захотятъ принадлежать къ этому, будто бы, униженному сословію“.

Находятъ также, что въ манифестѣ очень мало статей, которыя имѣли бы важное значеніе для общественнаго блага; такъ что, по мнѣнію этихъ критиковъ, иногда, впрочемъ, переменчивому, — аеть этотъ, хотя, въ сущности, и благодѣтельный, — не носить, однако-жъ, на себѣ того характера щедрости, какой долженъ быть свойственъ императору-самодержцу всея Россіи.

Есть еще нѣсколько вельможъ—и родовыхъ и чиновныхъ, которые считаютъ себя недостаточно награжденными милостями, уже дарованными или обѣщанными.

Нѣсколько шелопаевъ, толкующихъ веривъ и вкось и выражающихъ очень смѣлыя мнѣнія, а также и другіе, сильно горячащіяся, чтобы можно было похвастаться тѣмъ страхомъ, какой они, будто-бы, внушаютъ, — то здѣсь, то тамъ, обращаютъ на себя вниманіе надзора. Это, впрочемъ, очень естественно и оживляетъ картину.

Къ счастью, ничего нѣтъ важнаго или тревожнаго въ приключеніяхъ и излишествахъ, неразлучныхъ съ общественными праз-

днествами, которыя, вообще, прошли безъ особеннаго шума и несчастныхъ случаевъ.

Баль-маскарадъ, даваемый правительствомъ, назначенъ сегодня вечеромъ, въ Таврическомъ дворцѣ. — Всѣ лѣса еще не убраны, въ ожиданіи иллюминаціи по пріѣздѣ государя, котораго желаютъ видѣть и ждутъ съ нетерпѣніемъ. Одни увѣряютъ, что великій князь Константинъ Павловичъ пріѣдетъ сюда; другіе, напротивъ, говорятъ, что онъ уже выѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, намѣреваясь пробить тамъ до весны и затѣмъ отправиться въ Швейцарію, гдѣ и поселиться окончательно.

Война съ Персією не должна бы, говорятъ, тревожить правительство; она послужитъ къ развитію военныхъ способностей генерала Ермолова и поможетъ занять нѣкоторыя, слишкомъ безпкойныя головы, совсѣмъ лишнія во время порядка, мира и безопасности. По всей вѣроятности, война эта не будетъ имѣть другихъ результатовъ, такъ какъ можно положительно сказать, что русскіе не останутся въ Персіи и персы не побѣдятъ русскихъ. Карбонары, подстрекатели и злонамѣренные напрасно стануть взывать къ духу беспорядковъ и смуть, которые правительство старается искоренить всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами.

1 сентября 1826 г.

Много толкуютъ о войнѣ съ Персією. Вотъ нѣкоторыя изъ замѣчаній, которыя слышатся со всѣхъ сторонъ.

Положеніе генерала Ермолова затруднительно. Съ 60,000 чел. онъ долженъ защищаться и съ сѣвера, и съ юга; что же у него остается, чтобы перейти въ наступленіе и отразить нападеніе непріятели? На правомъ флангѣ у него лезгины,—племя, состоящее изъ 100,000 семействъ, въ которыхъ все мужское населеніе способно къ войнѣ. Давно слѣдовало бы отодвинуть этотъ народъ въ необъятныя степи, отдѣляющія тамбовскую губернію отъ пограничныхъ кавказскихъ линій; безъ этого, военная дорога между Моздокомъ и Тифлисомъ никогда не будетъ безопасна. — Въ оправданіе своего вторженія въ наши предѣлы, персидское правительство сослалось, говорятъ, на то, что всѣ русскія власти давали ему много поводовъ къ неудовольствію,—а это самое правительство превозносило до небесъ князя Мадатова, владѣнія ко-

торого занимають чуть не всю Кабардинскую область, куда вступилъ непріятель, по оставленіи нашими войсками военной позиціи при Елисаветполѣ. Увѣряють, что корпусъ нашихъ войскъ перевезенъ былъ моремъ изъ Крыма въ Мингрелію, находящуюся подъ властью Россіи; но что переѣздъ этотъ совершенъ въ самое неблагоприятное для навигаціи время. Трудно рассчитывать, чтобы войска, расположенныя на квартирахъ, успѣли въ время встрѣтить непріятели, у котораго, можетъ быть, не болѣе 15,000 челов., но который, за-то, силенъ поддержкой англичанъ и, въ особенности, поголовнымъ возстаніемъ всей массы поднявшихся провинцій. Положеніе генерала Ермолова тѣмъ болѣе затруднительно, что у него много враговъ, старающихся вредить ему всѣми возможными средствами. Въ числѣ линейныхъ войскъ дѣйствующей персидской арміи находятся четыре тысячи русскихъ дезертировъ, которые, конечно, будутъ драться отчаянно. Письма изъ Тифлиса отъ 26 іюля сообщаютъ, что всѣ средства были употреблены для того, чтобы скорѣе начать кампанію, но что до сихъ поръ этого не удалось осуществить.

Нѣкто Кастеласъ (Castelas), находящійся теперь здѣсь, играетъ роль оракула и рассказываетъ болшую часть приведенныхъ подробностей. Этотъ человѣкъ устроилъ подъ Тифлисомъ (гдѣ въ настоящее время живетъ жена его—русская) заведеніе для выводки шелковичныхъ червей. Личность эта на хорошемъ счету у генерала Ермолова и у всѣхъ мѣстныхъ властей. Очень вѣроятно, что источникъ его опасеній—боязнь раззоренія своихъ заведеній. Онъ говоритъ, что генераль Ермоловъ—единственный человѣкъ, и удивляется, что здѣсь находятся люди, распускающіе нелѣпыя слухи о мнимомъ превосходствѣ персовъ.

Разсужденія о манифестѣ продолжаются; его сильно осуждаютъ. Повелѣнія, изданныя съ цѣлью смягчить суровость законовъ относительно лицъ, осужденныхъ по приговору верховнаго уголовного суда, производять такое благоприятное впечатлѣніе, что даже недовольные должны сознаться, что великодушіе Государя превзошло всѣ ожиданія.

2 сентября 1826 г.

Разборомъ манифеста занимаются очень много и надзоръ считаетъ долгомъ сообщить о слѣдующихъ замѣчаніяхъ, высказываемыхъ по этому предмету.

— „Прежде всего, не слѣдовало начинать словами: „По при-
мѣру нашихъ предшественниковъ, мы даруемъ прощеніе лицамъ,
виновнымъ въ растратѣ казеннаго имущества“, такъ какъ послѣ
этого всѣ, кто вздумалъ бы подражать имъ, ничего другого не
желалъ бы, какъ частой перемѣны царствованія. Правительство
оказываетъ теперь снисхожденіе только однимъ казнокрадамъ и
ничего не даетъ людямъ, отличавшимся безупречнымъ поведеніемъ.
Государь, впрочемъ, не виноватъ въ этомъ: онъ не можетъ знать
всѣ нужды своего народа. Докладъ по этому предмету поручено
было составить министру финансовъ, и что-же онъ сдѣлалъ? Пять-
надцать обширныхъ статей, съ тремя подраздѣленіями, кото-
рыя, какъ гора,—родили мышь! Всѣ милости относятся къ сло-
женію недоимокъ и денежныхъ штрафовъ, которые и безъ того
нельзя было бы взыскать. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы
помочь дѣйствительнымъ нуждамъ народа и облегчить положеніе
бѣдствующихъ,—благодѣянія манифеста выпадаютъ на долю дур-
ныхъ слугъ государства и, въ сущности, приносятъ пользу только
этимъ послѣднимъ,—да министру финансовъ, такъ какъ сложене
взысканій съ людей несостоятельныхъ облегчаетъ работу ми-
нистра, освобождая его отъ продолжительной процедуры, неимѣ-
ющей другаго результата, кромѣ бесполезнаго маранья бумаги.
Министру не трудно было, поэтому, великодушничать, и онъ
одинъ виноватъ въ томъ, что торжественный актъ коронаванія не
сдѣлался обильнымъ источникомъ благодѣяній. И можно, и должно
было обратить вниманіе правительства на предметы совсѣмъ
другаго рода и особеннаго значенія. Такъ, между прочимъ, на-
родъ и даже средніе классы населенія обѣихъ столицъ были бы
проникнуты благодарностью, если бы имъ оказали милость и
упразднили адресныя конторы. Учрежденія эти, совершенно без-
полезныя въ политическомъ отношеніи, составляютъ истинное
бремя для массы людей, подлежащихъ этому косвенному налогу,
въ особенности тяжкому по тому способу, какимъ онъ взимается,
и тому принужденію, какому подвергаются при этомъ платель-
щины. Кромѣ того, есть еще множество предметовъ, требующихъ
измѣненія, какъ, напр., провѣрка производства рекрутскаго набора,
преобразование судопроизводства по упрощеннымъ формамъ, поощ-
реніе земледѣлія, посредствомъ распредѣленія казенныхъ земель,
неприносящихъ теперь никакого дохода. Правда, правительство

имѣть всегда возможность принять необходимыя мѣры къ устраненію разныхъ недостатковъ, но это слѣдовало бы сдѣлать при коронаціи, такъ какъ моральное впечатлѣніе, произведенное подобными мѣропріятіями, было бы гораздо сильнѣе. Тогда какъ сравненіе манифеста съ тѣми, которые было обнародованы при началѣ двухъ предшествовавшихъ царствованій, далеко неудовлетворительно. Наконецъ говорятъ, что не отминая указъ 1809 г., касающійся чиновпроизводства, его можно бы измѣнить, повелѣвъ, чтобы экзаменъ чиновниковъ 8 и 5 класса касался исключительно знаній, приобрѣтенныхъ на службѣ; исполнить это было бы тѣмъ легче, что постановленія, появившіяся послѣ этого указа, воспрепятствуютъ преподаванію въ общественныхъ заведеніяхъ тѣхъ наукъ, которыя по своей сущности входятъ въ программу экзамена, который держатъ чиновники при производствѣ, такъ что эти же самыя постановленія, имѣющія силу закона, могли бы служить средствомъ, чтобы парализовать дѣйствія упомянутаго указа, который мѣшаетъ повышенію многихъ лицъ, могущихъ быть весьма полезными дѣятелями на службѣ“.

Вотъ мнѣнія, высказываемыя въ различныхъ формахъ, но не имѣющія нивакого вліянія на общественное мнѣніе.

3-го сентября 1826 г.

Содержаніе манифеста все еще возбуждаетъ разные толки. Хотя разсужденія эти, по своему характеру, и не могутъ вліять на общественное мнѣніе, все же не слѣдуетъ обходить ихъ молчаніемъ: надзоръ долженъ все видѣть, все собирать и обо всемъ сообщать.

Дѣлаютъ сравненія между манифестами 1762, 1787 и 1797 годовъ и манифестомъ 22 августа 1826 года и находятъ, что послѣдній не удовлетворяетъ всеобщимъ ожиданіямъ и не залечиваетъ язвъ государства. Говорятъ, что злоупотребленія, продажность и безнравственность возрасли, въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, до такой степени, что разшатали основы всѣхъ классовъ общества, безъ исключенія. Все надо исправлять, все преобразовывать, а манифестомъ эта цѣль далеко не достигается, даже болѣе: власти будутъ поставлены въ затрудненіе, какимъ образомъ привести въ исполненіе нѣкоторыя изъ его статей. Въ

той, на примѣръ, статьѣ, въ которой говорится объ освобожденіи заключенныхъ за преступленія, не поименованныхъ въ первомъ пунктѣ, ничего не сказано о лицахъ, участь которыхъ была рѣшена до обнародованія манифеста, такъ что рождается вопросъ: распространяется ли дѣйствіе манифеста и на этихъ людей? Еще одно замѣчаніе: въ 1787 году, были сложены всѣ казенныя взыскапія, не превышавшія 1000 рублей, что, считая наши бумажныя деньги по ихъ настоящей стоимости, составляетъ вчетверо болѣе теперешняго; манифестомъ же 22 августа прощаются лишь двухтысячныя долги, т. е. только половина того, что было даровано въ 1787 году; между тѣмъ какъ въ то время правительство не испытало еще тѣхъ потрясеній, какимъ оно подвергалось нынѣ; поэтому, слѣдовало бы и теперь принять тогдашнюю норму.

Это только незначительная часть тѣхъ разсужденій, какія высказываются по поводу манифеста. Всѣ, впрочемъ, отдають полную справедливость отеческимъ намѣреніямъ государя и всю вину относятъ къ составителямъ этого акта. Они обязаны были, замѣчаютъ, представить его величеству вѣрную картину настоящаго положенія дѣлъ и указать на средства для облегченія зла, ни о чемъ не умалчивая, такъ какъ это обязанность каждаго добраго слуги, который долженъ всѣмъ жертвовать общественному благу и съ величайшимъ вниманіемъ обдумывать, сравнивать и соображать мѣры, принимаемыя въ эпоху, въ которую необходимо дѣйствовать съ точностью и знаніемъ дѣла. Въ подобныхъ обстоятельствахъ все зависитъ отъ первыхъ впечатлѣній, и министръ, составляющій планы и предположенія, непременно долженъ соединять теорію съ умѣніемъ исполненія, ибо, въ противномъ случаѣ, лучшія намѣренія будутъ всегда парализованы или встрѣтять затрудненія.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гг.

V ¹⁾.

28 янв. 1837 г.

Благодарю. Я спѣшу къ сосѣду моему поэту Пушкину. Вчера раненъ онъ офицеромъ кав. полка Гекерномъ, своимъ beau-frère, смертельно, и вѣроятно сегодня Россія лишится великаго поэта (46).

Не приплете ли и выписку изъ Archives du Royaume?

Примѣчаніе 46. Когда Тургеневъ подошеъ къ умирающему Пушкину, то онъ, по словамъ Жуковскаго, „посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: Карамзину!“ („Соч. В. А. Жуковскаго“. Изд. 7, 1878, VI, стр. 14). Извѣстно, что Тургеневъ, въ 1811 году, опредѣляя Пушкина въ лицей и ему пришлось провожать Пушкина до его послѣдняго жилища въ Святогорскомъ монастырѣ. „Тургеневъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій, „отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ для погребенія въ монастырѣ Святыя Горы. Не до смѣха было, а нельзя намъ было воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожныя“ („Русс. Арх.“ 1879, стр. 247.)

Н. П. Барсуковъ.

VI.

Парижъ (17) 5 октября 1837 г.

Я нашелъ здѣсь члена археографической комисіи Строева (47), который описалъ подробно и прекрасно тѣ русскія и славянскія рукописи, кои я третьяго года нашелъ въ здѣшней королевской би-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXI (июль), стр. 187—206.

бліотекѣ, но могъ только намекнуть о нихъ, ибо былъ занятъ извѣстною вамъ другою перепискою. Одна только рукопись русская— о Китаѣ—ускользнула его вниманія, но я укажу ему оную. Сверхъ того онъ самъ ѣздилъ въ Реймсъ, чтобы тамъ видѣть и описать то Славянское евангеліе, коего первую страницу, въ снимкѣ, сообщилъ я вамъ, вмѣстѣ съ описаніемъ и съ критическимъ разборомъ сего ошибочнаго снимка академикомъ Кругомъ. Г. Строевъ прекрасно описалъ сію рукопись, сообщилъ свои догадки о времени, коему принадлежитъ сія рукопись. Вѣроятно, археографическая коммисія напечатаетъ его письмо къ К. Ширинскому (или Шихматову); я бы желалъ, чтобы присемъ принято было во вниманіе и то, что Кругъ, по моему порученію, написалъ о сей рукописи; у него осталось много еще замѣчаний на оную. Можно вытребовать; все сіе заставляетъ меня жалѣть, что не въ археографическую коммисію сообщены и другія рукописи, мною доставленныя, а въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ все кладется въ длинный ящикъ. Не можете ли выхлопотать, чтобы дѣятельность археографической коммисіи распространена была и на мои римскія и французскія рукописи? и чтобы скорѣе доведено было въ исполненіе высочайшее повелѣніе, кн. Ал. Ник. сообщенное въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ? Какъ то не охотно продолжать работу, когда и прежняя остановилась въ ходу своемъ. Вы и тамъ, и тутъ постарайтесь. Я еще не принялся здѣсь за старую работу, да еще нѣтъ у меня первыхъ собственноручныхъ записокъ моихъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: или толстая тетрадь эта (вся моею рукою и вамъ извѣстная) осталась въ Петербургѣ, или мой негодяй камердинеръ затерялъ оную. Я писалъ къ Татаринovu, чтобы скорѣе разсмотрѣлъ пакеты, неприсланные сюда изъ канцеляріи гр. Нессельроде и меня увѣдомилъ.

Что дѣлаетъ Борисъ Михайловичъ (Федоровъ)? Что дѣлаютъ и мои карамзинскія письма? все ли вы въ союзѣ съ Екат. Андр. и съ Софьей Никол.—возстаете противъ напечатанія оныхъ? все ли Уваровъ думаетъ, что рано еще для Россіи печатать письма Карамзина и давно пора быть ему Тушильникомъ-министромъ? (48).

Пожалуйста увѣдомьте меня о томъ, что дѣлается или не дѣлается по сообщенію К. А. Н. Гол. въ Министерствѣ Внутр. дѣлъ и Б. Мих. по изданію писемъ Карамзина. Пишите чрезъ наше посольство и дайте это письмо прочесть Б. М. Федорову. «Журнала Министерства Просвѣщенія» еще не получалъ здѣсь; переплите новинки по вашему министерству и не забудьте, что мнѣ слѣдуетъ пожалованное число экземпляровъ актовъ арх. комм. Весь вашъ на иѣки. Тургеневъ.

Я ожидаю много важныхъ бумагъ изъ Рима, и получилъ уже четыре письма отъ Марини (49); авось и новое будетъ въ двухъ другихъ фоллянтахъ; всего 117 актовъ.

Его Высокородію — Константину Михайловичу Сербиновичу: Въ С.-Петербургъ.

Примѣчаніа. 47. Сергій Михайловичъ Строевъ, младшій братъ знаменитаго археографа нашего, въ маѣ 1837 года предпринялъ путешествіе въ Германію и Францію съ намѣреніемъ описать Кирилловскіе памятники, разсылаемые по бібліотекамъ. Плодомъ этого путешествія было «Описаніе памятниковъ Славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Германіи и Франціи». Трудъ этотъ былъ изданъ уже по смерти автора П. М. Строевымъ въ Москвѣ 1841 г. (См. мою книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“, стр. 354—359). Отзывъ Тургенева служить, такъ сказать, опроверженіемъ того отзыва, который сдѣлалъ о С. М. Строевѣ Т. Н. Грановскій въ письмѣ своемъ къ В. В. Григорьеву (пзъ Вѣны отъ 21 іюля 1839 года) „С. М. Строевъ уѣхалъ... У насъ враждебная натура. Въ шарлатанствѣ и невѣжествѣ его я убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда либо. Я увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ станетъ пускать пыль въ глаза, чего здѣсь не смѣлъ дѣлать“ (Григорьевъ: „Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ“, II, стр. 46).

48. Рѣчь, вѣроятно, идетъ о тѣхъ письмахъ Карамзина къ брату его Василию Михайловичу и къ А. И. Тургеневу, выписки изъ которыхъ напечатаны только въ 1847 году въ „Московскомъ Сборникѣ“ на этотъ годъ. Въ примѣчаніи къ этимъ выпискамъ сказано, что они „доставлены однимъ Спирякомъ, имѣвшимъ въ рукахъ оригинальныя письма“.

49. Начальникъ ватиканскаго тайнаго архива графъ Мартино Марини.

Н. П. Барсуковъ.

VII.

Парижъ. Марта (31) 19, 1838 г.

Передай Г. Сербиновичу два легкія замѣчанія мои на статью объ археографическомъ обществѣ, въ декабрѣ 1837 г. Журнала Мин. народнаго просвѣщенія — на стр. XXII въ концѣ:

1) Пари (Paris) бібліотекарь Реймскій не всѣ акты, хранящіеся въ здѣшней королевской бібліотекѣ, на латинскомъ и французскомъ языкахъ, и относящіеся до Россійской исторіи, напечаталъ въ 1-й части своей книги: «Хроника Нестора», а только весьма незначительную часть оныхъ, хотя въ семь чиселъ есть и любопытные акты. Въ бібліотекѣ осталось еще много другихъ актовъ, мною пересмотрѣнныхъ и отчасти уже переписанныхъ; нѣкоторые представлены уже мною Государю и переданы въ Министерство внутреннихъ дѣлъ; дру-

гіе недавно переписаны и я передамъ ихъ туда же, чрезъ кн. А. Н. Голицына. Я увѣренъ, что и сверхъ открытыхъ мною документовъ россійской и польской исторіи, найдутся еще и другіе, не менѣе важныя въ отдѣленіи рукописей королевской бібліотеки. 2) Въ другомъ мѣстѣ этого же № Журнала Просвѣщенія, г. Строевъ говоритъ, что ему неизвѣстно на какомъ языкѣ или какими буквами писана вторая половина славянскаго евангелія въ Реймсѣ, на коемъ присягали французскіе короли. Г. Пари привозилъ въ Парижъ, года за два, сіе евангеліе и мнѣ показывалъ оно. Я призналъ, при первомъ взглядѣ, буквы сіи глаголитическими и удостовѣрился въ семъ сличеніемъ оныхъ съ глаголитическими книгами, привезенными мною изъ Рима и Венеціи. Г. Строевъ превосходно описалъ сію рукопись и вообще письма его о здѣшнихъ славянскихъ рукописяхъ и о Реймскомъ евангеліи обогатятъ славянскую палеографію. Впрочемъ и я уже доставилъ въ 1836 г., въ числѣ прочихъ пріобрѣтеній, снимокъ съ 1-й стр. Реймскаго евангелія, и присовокупилъ къ оному какъ неосновательныя и ошибочныя мнѣнія бібліотекаря Реймскаго Пари, такъ и критическія замѣчанія на оныя нашего академика Бруга, составившаго полную записку о всѣхъ предположеніяхъ и историческихъ догадкахъ, относительно сей рукописи. Всѣ сіи бумаги представлены были мною чрезъ кн. А. Н. Голицына и препровождены въ Министерство Внутр. Дѣлъ; ихъ нужно бы сообразить съ письмами г. Строева: *du choc des opinions naıtra la lumière.*—Тургеневъ.

Кто авторъ статьи о Германіи (50), въ томъ же журналѣ просвѣщенія? на стр. 527 названъ: *Narrschiff*:—корабль глупыхъ. *Die Narren sind selten dumm, aber sie sind närrisch.*

Вы мнѣ прислали два экземпляра, вѣроятно ошибкой, декабря Журн. народн. просвѣщенія, а не одного января.

Примѣчаніе 50 Въ октябрьской и декабрьской книжкахъ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1837 г. помѣщена статья подъ заглавіемъ „Германія“: ея географія, торговля, языкъ, древнія постановленія, нынѣшнее устройство, исторія, общества для изученія исторіи, право, литература, поэзія, проза, философія, музыка, театръ, критика, медицина.

Н. П. Барсуковъ.

VIII.

Москва. Марта 9. 1840 г.

Благодарю васъ, любезнѣйшій, Константинъ Степановичъ, за письмо ваше отъ 5-го марта и за приложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я и № ноябрь съ тремя тетрадами, а прежде здѣсь же сентябрь и октябрь, но декабря и января я еще не получалъ; и потому прошу васъ приказать отправить оныя и впредь отправлять акуратнѣе. Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, и гоchno лучшій.

Кн. Шихматовъ общалъ мнѣ также и какія-то медала, съ текстомъ, и копию съ какого-то представленія: послѣднее, вѣроятно, въ издаваемыхъ двухъ отчетахъ археографической комиссiи; но 6-ть экзэмпл. медалей (не гр. Толстаго, а какихъ-то другихъ) я не получалъ. Предъ моимъ отъѣздомъ все это уже было отпечатано, но еще не переплетено. Потрудитесь справиться. Я опять роюсь въ здѣшнемъ архивѣ и живу съ Екатериной II, Фридрихомъ II, Иосифомъ II, Генрихомъ Прусскимъ, Потемкинымъ, Безбородко, а еще какія сокровища! какая свѣжая и блистательная исторiя! Безъ сего архива не возможно писать исторiи Екатерины, Россiи, Европы! Сколько въ немъ истинныхъ, сколько искреннихъ причинъ, и зародышей великихъ и важныхъ происшествiй XVIII-го столѣтiя. Какая честь для дѣльцовъ того времени и сколько апологiй можно бы составить для важнѣйшихъ дипломатическихъ и историческихъ вопросовъ! Напр. о Польшѣ, о французской революцiи. Я не знаю какъ могли съ этими матеріалами разстаться Петербургскіе дѣльцы, кои должны часто руководствоваться указанiями прошедшаго? На многое, если не на все, можно найти совѣтъ и вразумлѣніе въ дебатахъ Екатерины съ европейскими державами, въ совѣщанiяхъ ея съ Безбородко, Потемкинымъ, Румянцовымъ... И какой урокъ въ ея запискахъ для дѣлопроизводителей и для государственныхъ расходчиковъ! Какъ она дорожила казною, не смотря на свои слабости, между коими я не смѣю ставить славолюбія, ибо привыкаю въ немъ видѣть пользу Россiи. Хорошо бы прислать сюда депутатовъ отъ каждаго министерства, выписать все, что по каждому полезнаго находится въ сей народной сокровищницѣ.

Я ежедневно работаю тамъ отъ 10 до 4 часа; весною буду заѣзжать въ архивъ и послѣ обѣда. Одно воскресенье отнимають у меня Воробьевскія горы—виды прелестныя, но картина существенности печальная! (51).

Г. Мироновъ недавно навѣстилъ меня, и мы отъ сердца о васъ

поговорили; онъ цѣнить и слѣдовательно любить васъ какъ должно. Я показалъ ему нашу домовую церковь, которая ему полюбилась; видѣлъ два раза и Ал. Карамзина и распросилъ его; но писать къ семейству историографа боюсь и приняться. Заговорилъ о прошедшемъ, особливо о Екатеринѣ, коей онъ былъ биографомъ и забудешь комеражу настоящаго, а этого бы не простила мнѣ Софья Николаевна; да признаться, если бы не кругъ нѣсколькихъ литераторовъ, то въ настоящемъ здѣсь бы и недѣлю прожить трудно! Читали-ли «Кіевъ» Хомякова? вѣрно вамъ особенно понравится; но мнѣ не ведѣно посылать въ Петербургъ, ибо онъ отданъ уже здѣсь моему Кипсечнику, а ваши журналисты печатаютъ и безъ дозволенія. Вѣроятно для васъ и для Бор. Мих. пришлю «Кіевъ».—Благодаря Бор. Мих., какъ мною здѣсь всѣ восхищались. Къ сожалѣнію оригиналь разочаровалъ ихъ.

Примѣчаніе 51. Когда А. И. Тургеневъ сошелъ съ служебнаго поста, онъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „съ тѣмъ же усердіемъ, сдѣлался въ Москвѣ ходатаемъ, заступникомъ, попечителемъ несчастныхъ, пересылаемыхъ въ Сибирь. Острогъ и Воробьевы горы были театромъ его мирныхъ и человеколюбивыхъ подвиговъ, а иногда и скромныхъ, но благочестивыхъ побѣдъ, когда удавалось ему спасти или облегчить участь того или другаго несчастнаго. Смерть, такъ сказать, неожиданно застигла его въ исполненіи усиленныхъ и добровольно принятыхъ имъ обязанностей“ („Русск. Арх.“ 1875, I, стр. 63).

Н. П. Барсуковъ.

IX.

Москва, 19 марта 1840 г.

Вчера получилъ я февраль Журналъ Просвѣщенія съ одною тетрадкою, но декабря и января я еще не получалъ. (Ноябрь—получилъ здѣсь же). Постарайтесь пополнить.

Я все еще боленъ и не выѣзжаю съ субботы, когда писалъ къ вамъ. Болятъ глаза, теперь лучше, но много потерялъ времени, не занимаясь въ архивѣ.

Спросите у Бориса Михайловича, извѣстно, ли ему и Александру Семеновичу Шишкову брошюра Вельтмана о Ломоносова служебной дѣятельности, составленная изъ бумагъ у Орловой, урожденной Раевской? въ ней много характеристическаго, т. е. въ запискахъ Ломоносова, ибо Вельтманъ ничего не объяснилъ; напр., отношеній Ломоносова къ знаменитому, всей Германіи и моему наставнику, Шлецеру, коего Ломоносовъ называетъ «скотиной»! Орлова напечатала

нѣсколько экземпляровъ про себя: естли у него нѣтъ ихъ въ академіи, то я у ней выпрошу (52).

Не забудьте выхлопотать для меня все новонапечатанное въ археографической комисіи; и вотъ еще просьба: издатели «Отечественныхъ Записокъ» даютъ мнѣ экзempl. своего журнала; 1 № сего года я получилъ, но послѣдующихъ не получалъ. Они не знаютъ куда послать и сказали мнѣ, что я и въ Москвѣ могу получать продолженіе, но я забылъ спросить отъ кого? Понавѣдайтесь и спросите ихъ, къ кому мнѣ обратиться для полученія послѣдующихъ книжекъ?

Простите, писать трудно.

Изъ Рима пишетъ ко мнѣ Марини, что готовить для меня 30 документовъ Поссевина, изъ 3-хъ фоліантовъ, собственноручныхъ писемъ его (53), извлеченныхъ, а Поссевинъ—авторъ Уніи, коей въ Геростратъ! (54). Очень кстати. Читаете ли вы въ Аугсбургскихъ газетахъ все, что о васъ пишутъ? Заварили вы кашу для Рима: онъ и Кельнъ забылъ, и протестанты, по милости вашей, отдохнуть отъ выстрѣловъ ватиканскихъ.

Пожадуйста, не оставляйте меня въ тѣни и въ сѣни смертнѣй сядящаго, и оживляйте кой-какими литературными или служебными памфлетами: скоро-ли выйдетъ 4-й отчетъ Синода? Нѣтъ-ли чего новаго въ вашей кабинетной коробочкѣ для моего прочтенія?

Попросите и Бор. Михайловича, что бы написалъ ко мнѣ о его литературной дѣятельности и о явленіяхъ въ Петербургской литературѣ.

Примѣчанія. 52. „Портфель служебной дѣятельности“ Ломоносова и „Портфель Ломоносова“ помѣщены Вельтманомъ во 2 и 5 книгѣ „Очерковъ Россіи“ 1840 и 1842 г., изданныхъ въ Москвѣ Вадимомъ Пассекомъ.

53. Антоній Поссевинъ (р. 1534 † 1611) въ качествѣ папскаго посла два раза, въ 1581—1582, былъ въ Россіи. Главную цѣлю посольства Поссевина было склонить Россію на принятіе католичества.

54. Соединеніе уніатовъ съ православною церковью совершилось въ 1839 году.—Въ октябрѣ 1836 года К. С. Сербиновичъ былъ опредѣленъ директоромъ канцеляріи оберъ прокурора св. Синода и въ этой должности принималъ участіе въ дѣлѣ воссоединенія уніатовъ.

Н. П. Барсуковъ.

X.

Москва, 1840 г. марта 27.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Константинъ Степановичъ, отъ 22 марта вчера получилъ и спѣшу исполнить желаніе ваше и князя П. А. Шихматова, препровождая полную копию, съ черноваго, но собственноручнаго письма императрицы Екатерины II къ королю Шведскому, отъ 24 августа 1783 г. Оно списано точно такъ, какъ оно въ оригиналѣ, не исключая и ошибокъ въ правописаніи. По моему мнѣнію, рукопись, о коей императрица упоминаетъ, должна быть, Кошкина. Надобно справиться: 1) Кто сей академикъ, коего она отправляла съ симъ порученіемъ въ Швецію? 2) гдѣ находится реестръ книгамъ и рукописямъ, доставленный королемъ Шведскимъ императрицѣ? 3) Какой Хроники экземпляры сожжены въ Швеціи? 4) Палеографическія объясненія Екатерины не относятся, кажется, къ Кошкинской рукописи, но къ хроникѣ (55). 5) Нужно спросить Соловьева (56) нѣтъ ли другой какой-либо русской хроники въ Упсалѣ, кромѣ Кошкинской рукописи. Помнится мнѣ, что я еще что-то видѣлъ русское и записалъ въ свои памятные записки, осматривая Упсальскую бібліотеку. Императрица именно говоритъ: «à celui que j'enverrai à Upsal pour copier le manuscrit russe» — а другой русской рукописи, исторической, я не помню. Постараюсь отыскать въ письмахъ короля Шведскаго письмо его о семъ предметѣ къ императрицѣ и къ вамъ доставить.

Дабы публика знала, что я не по пустому живу въ Москвѣ, упомяните, что сіи письма мною отысканы.

Во всякомъ случаѣ возвратите мнѣ мою копию, ибо я не имѣю другой, и переписывать самому трудно. Извините и это маранье: глава все еще слаба.

Я просилъ вчера же у Хомякова «Кіевъ», но онъ уже отдалъ его какому-то Кіевскому журналисту и весьма сожалѣетъ, что не можетъ располагать сею піецою (57). Постараюсь выпросить что-либо другое, достойное вашего журнала.

Постараюсь также сообщить вамъ выписки или впечатлѣнія, во мнѣ произведенныя здѣшними сокровищами. Прежде это было бы легче, но теперь едва читать могу, и только указываю другимъ на любопытное, — не дочитывая всего, по слабости глазъ.

Благодарю за сообщеніе о Жуковскомъ. Я провелъ вчера утро въ Архивѣ, а вечеромъ въ Историческомъ обществѣ, въ Московскомъ университетѣ и полонъ всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ (58). Какъ

еще соберусь съ силами, напишу къ вамъ или къ князю А. Н. о рукописи съ рисунками, объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Надобно непременно издать оную, прежде нежели червь и время пожрутъ ее. Кремль нигдѣ такъ вѣрно не представленъ, какъ въ сихъ 21 рисункахъ: костюмы, церкви и внутренность оныхъ. Государь и наслѣдникъ видѣли и оцѣнили сію рукопись въ 1837 г. Это сокровище публикѣ не извѣстно. Я напишу о немъ подробно, и надѣюсь, что не откажутъ шести или семи тысячъ на печатаніе и на гравированіе, за которое берется знаменитый Скотниковъ (59).

Присылайте что у васъ найдется подъ рукою: я живу здѣсь одними историческими воспоминаніями. Не забудьте упомянуть въ предисловіи къ Кошкину ¹⁾, что и я нашелъ ее и представлялъ государю о печатаніи и о высочайшей резолюціи, и что я впрочемъ сослался на Соловьва, дабы онъ не думалъ, что я хотѣлъ предвратить его, а дабы зналъ, что потаскная жизнь моя, отъ юга до сѣвера, не безъ пользы для исторіи и литературы. Я дорожу этимъ.

Весь вашъ навсегда А. Тургеневъ.

Вѣроятно, вамъ сообщаютъ о занятіяхъ Историческаго общества: вчера Даниловичъ (60) читалъ о золотыхъ воротахъ Кіевскихъ и представилъ рисунокъ съ нихъ, какъ они были въ XVIII-мъ столѣтіи, при взятіи Кіева поляками.

Вотъ новая просьба: Розенкампфъ (61) издалъ Кормчую книгу, 8^о. Теперь Анастасевичъ (62), бывшій мой сослуживецъ по Комисіи Законовъ, издалъ второе изданіе оной, 4^о, съ пополненіями, на счетъ суммы, завѣщанной покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ (63), но только въ числѣ ста экземпляровъ—и для историческихъ обществъ, для любителей и для пріятелей митрополита. Онъ имъ и разсылаетъ сіи экземпляры. Я, въ свое время, многое сообщилъ Розенкампфу, также моему сослуживцу, у коего и рѣдкія книги мои остались, (напр. Штеркена de jure Svecorum gothorumque vetusto); хотя я въ послѣднее время и чуждался митрополита Евгенія, но нѣкогда мы были въ сношеніи, не только по дѣламъ, но и по исторіи; я сообщалъ ему Шлепера и о Шлецерѣ, онъ мнѣ—свои сочиненія: не въ правѣ-ли я и теперь надѣяться, что г. издатель втораго изданія «Кормчей» книги сообщитъ мнѣ экземпляръ, естли не лично для меня, то для парижскихъ или нѣмецкихъ ученыхъ, изъ коихъ мнѣ знакомы и такіе, кои нынѣ занимаются греко-россійскими церковными древностями? Сообщите г. Анастасевичу выписку изъ сего

¹⁾ См. Примѣч. 56.

письма и мнѣ отвѣтъ его. Да не издали-ли чего другаго послѣ Евгенія, изъ бумагъ его?

Примѣчанія. 55. Въ 1783 году состоялось въ Фридрихсгамѣ свиданіе импер. Екатерины съ королемъ Шведскимъ Густавомъ III. Послѣ этого свиданія, Густавъ III прислалъ Екатеринѣ коллекцію роскошно переплетенныхъ шведскихъ книгъ съ писаннымъ его собственной рукой реестромъ ихъ и краткимъ объясненіемъ содержанія каждой книги. Этотъ подарокъ и былъ поводомъ письма Екатерины отъ 24 Августа 1783 года. Книги и реестръ были сланы императрицею въ бібліотеку академіи наукъ, гдѣ они и до нынѣ хранятся. „Екатерина“, пишетъ Я. К. Гротъ „повелѣла уже послать въ Упсалу канцелярскаго служителя для переписки „слово отъ слова російскаго лѣтописца“; было ли это исполнено, или нѣтъ, мы не знаемъ. Въ письмѣ отъ 24 Августа 1783 года Екатерина писала Густаву: „То, что въ мнѣ разсказываете, любезный братъ, объ этой хроникѣ, которой экземпляры были сожжены, подастъ мнѣ поводъ думать, что это одна изъ тѣхъ рукописей, которыя хранились въ домахъ и служили источникомъ ябедъ и ссоръ между частными лицами, такъ что, для прекращенія такихъ тяжбъ, согласились всѣ эти книги сжечь въ одинъ день, а сохранившіяся считать недѣйствительными. Отъ этого пожара спаслись тысячи списковъ, но этимъ не уменьшается ихъ интересъ. Древность ихъ познается по извѣстнымъ буквамъ, которыхъ уже не употребляли послѣ XIV-го столѣтія“. (Гротъ. „Екатерина и Густавъ III“ „Сборн. отд. русск. яз. и слов.“ Т. XVIII. № 1, стр. 48—49).

56. Профессоръ Гельсингфорскаго университета Соловьевъ, путешествуя на собственный счетъ по Швеции, въ 1837 году, довелъ до свѣдѣнія археографической комиссіи, что въ шведскихъ бібліотекахъ и архивахъ находится множество рукописей, служащихъ къ объясненію русской исторіи. Археографическая комиссія доставила ему средство къ продолженію этого путешествія. Въ Стокгольмскомъ архивѣ хранилась рукопись, въ шведскомъ переводѣ, содержащая въ себѣ описаніе Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сочиненная бѣжавшимъ за границу подъячимъ посольскаго приказа Кошкинымъ, а въ Упсальскомъ университетѣ нашелся и русскій подлинникъ этого сочиненія. На эту рукопись Соловьевъ обратилъ вниманіе археографической комиссіи, которая ее и издала дважды (въ 1840 и 1859). Печатаемое письмо открываетъ, что на этотъ драгоценный памятникъ гораздо ранѣ Соловьева указалъ А. И. Тургеневъ; но въ предисловіи къ изданію Котошкина объ этомъ не упомянуто. Тогдашній дѣлецъ археографической комиссіи Я. И. Березниковъ, въ письмѣ своемъ къ П. М. Строеву, дѣлаетъ о Соловьевѣ довольно рѣзкій отзывъ: „къ вамъ въ Москву ѣдетъ путешествующій по Швеции археографъ. Онъ читаетъ столбцы по складамъ, какъ Митрофанушка читалъ „азъ емь червь“, а мыслить о себѣ высоко. Существо въ родѣ вашихъ... съ „высшими оригинальными взглядами“ („Жизнь и труды П. М. Строева,“ стр. 328).

57. Этотъ „какой то кievскій журналистъ,“ есть ни кто другой какъ другъ А. С. Хомякова. М. А. Максимовичъ. Въ 1840 году Иннокентій писалъ Максимовичу: „Весьма жаль мнѣ вашего и нашего Кіева. Тутъ право нельзя не поговаривать на цензуру вообще. А эти меценаты наукъ! Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благаго“. Максимовичъ

дасть намъ слѣдующій комментарий на эти строки: „Мнѣ должно пояснить великое сожалѣніе Иннокентія о Кіевѣ. Оно относится къ знаменитому стихотворенію Хомякова. Когда въ 1839 году я предпринялъ изданіе „Кіевлянина“, о чемъ и написалъ къ Алексію Степановичу. Но присланный имъ „Кіевъ“ не былъ пропущенъ въ первой книгѣ „Кіевлянина“, а князь Давыдовъ затормозилъ его даже и во второй книгѣ. Мнѣ и теперь грустно вспомнить, подъ какою цевкурою тяготно печатались тѣ двѣ книжки моего „Кіевлянина“... А вотъ что писалъ Хомяковъ—Максимовичу, (отъ 24 ноября 1839 года): „Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды! Названіе „Кіевлянина“, которое вамъ избрано, очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Кіеву отъзывать русскіи языкъ и русскою живнью. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями. Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые внушены мнѣ именно названіемъ вашего журнала. Желаю, чтобы полученіе этой пѣсы было вамъ хотя вполнину такъ пріятно, какъ мнѣ пріятно посылать ее“. („Письма о Кіевѣ,“ стр. 15—16).

58. Засѣданіе императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ 23 Марта 1840 происходило подъ предсѣдательствомъ А. Д. Черткова, и въ присутствіи, членовъ: А. И. Тургенева, И. М. Снегирева, А. Т. Ярославова, П. А. Муханова, князя М. А. Оболенскаго, П. И. Иванова, И. Н. Даниловича, В. Д. Олсуфьева и секретаря М. П. Погодина. Кромѣ Даниловича въ этомъ засѣданіи читали: Погодинъ: о происхожденіи русскаго государства, Чертковъ: о болгарскомъ переводѣ гѣтописи Манасія. („Русск. истор. сборникъ“, VI, 1843 г., протоколы).

59. Это желаніе А. И. Тургенева исполнилось не ранѣе 1856 года. Совершителемъ его былъ князь М. А. Оболенскій, который издалъ эту драгоцѣнную рукопись, хранящуюся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ подъ № 10. Въ посвятителномъ письмѣ князя къ Государю Императору, мы между прочимъ читаемъ: „По повелѣнію въ Бозѣ почившаго Родителя Вашего, Государя Императора Николая Павловича, комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ приступила къ изданію одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ нашей старины—описанія избранія и вѣнчанія на царство предка Вашего Величества, перваго царя изъ Дома Романовыхъ, Михаила Федоровича... Трудность изданія, требовавшая содѣйствія художниковъ, не позволила окончить его при жизни Родителя Вашего. Но комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, осчастливленная дозволеніемъ посвятить свой трудъ Высокому Имени Вашего Величества, употребила всевозможныя усилія, чтобы окончить это изданіе и поднести его Вашему Императорскому Величеству ко дню священнѣйшаго вѣнчанія Вашего на царство.“

60. Игнатій Николаевичъ Даниловичъ (р. 1739†1843). Какъ профессоръ права онъ служилъ въ четырехъ университетахъ: въ Виленскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ и, наконецъ, въ Московскомъ.

61. „Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ“. Первое изданіе было сдѣлано въ 1829 въ Москвѣ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Исслѣдованіе посвящено памяти покойнаго государственнаго канцлера

графа Н. П. Румянцева.—Въ запискахъ В. С. Печерина мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о баронѣ Розенкампфѣ. „Гдѣ то, кажется на Садовой,“ пишетъ Печеринъ, „былъ большой деревянный домъ довольно ветхой наружности. Тутъ жилъ баронъ Розенкампфъ. Каждое утро, я являлся въ его кабинетъ и садился за свою работу.“ Барону нужно было разобрать и частію переписать греческую рукопись Помоянона. „Это была прекрасная рукопись изъ императорской публичной библиотеки X-го или XI вѣка. Сколько я надъ нею промечталъ! Я воображалъ себѣ бѣднаго Византійскаго монаха въ черной рясѣ,—съ какимъ усердіемъ онъ вышолировалъ и разграфилъ этотъ пергаментъ! Съ какою любовью онъ рисуетъ эти строки и буквы. А между тѣмъ вокругъ него кипитъ жизнь Византія, а онъ, труженникъ, сидитъ да пишетъ“... Прошелъ годъ или два, баронъ окончилъ „кормчую книгу“ и потомъ, какъ добрый работникъ,

Кончивъ тяжкую работу,
Многотрудной жизни сей,

онъ слегъ отдохнуть, захворалъ, и отошелъ на покой. Я проводилъ его на Невское кладбище. Повѣрите ли? Въ домѣ не нашлось ста бумажныхъ рублей для его похоронъ“ („Русск. Арх.“ 1870, стр. 1334, 1335, 1339).

62. Василій Григорьевичъ Анастасевичъ (род. 1775†1845). О немъ находится любопытныя свѣдѣнія въ „Запискахъ“ Сахарова. („Русск. Арх.“ 1873, стр. 965—966; 970—974). По свѣдѣтельству Сахарова—онъ жилъ „цѣпникомъ, въ бѣдномъ положеніи, а послѣ смерти открылось сорокъ тысячъ ассигнаціями“ (стр. 965).

63. Кіевскій митрополитъ Евгений скончался въ 1837 году. Охлажденіе Тургенева къ митрополиту произошло вѣроятно отъ того, что митрополитъ, будучи въ Петербургѣ, когда умеръ Карамзинъ, не выѣхалъ въ Невскую лавру на его погребеніе. „Инымъ казалось стѣнно“, пишетъ Сербиновичъ, „что не отиѣваетъ его кіевскій митрополитъ Евгений, извѣстный своими историческими трудами“ (Погодинъ. „Н. М. Карамзинъ“. М. 1866, II, стр. 503).

Н. П. Барсуковъ.

XI.

Востоковъ взялся написать предисловіе къ изданію «Римскихъ рукописей» и показалъ мнѣ первый проэктъ онаго: я нашель его не только недостаточнымъ, но слишкомъ на-скоро и суко написаннымъ и просилъ передѣлать; сообщилъ ему всѣ бумаги, изъ коихъ онъ могъ почерпнуть свѣдѣнія о трудахъ и похожденияхъ и приобрѣтеніяхъ моихъ, и онъ обѣщаль пополнить, и вчера было у насъ снова свиданіе въ библиотекѣ и чтеніе. Вотъ новый проэктъ его, который я, скрѣпя языкъ и сердце, одобрилъ; онъ вчера же на-скоро набросаль его на бумагу и далъ мнѣ прочесть его: дѣлать было нечего. Я замѣчаю, что онъ не прочелъ доставленныхъ ему писемъ и отчетовъ моихъ: на что говорить въ самомъ началѣ, что ему поручено по распоряженію археографической Коммисіи?

Надобно познакомить Россію и Европу, до коей рано или поздно дойдетъ сія коллекція—съ ходомъ дѣла сего, со всѣми приобрѣтеніями, съ трудами приобрѣтателя; не хвалить его суко, а сказать пространнѣе, что и какъ дѣлалось, дать понятіе объ этомъ сборникѣ. Изъ бумагъ моихъ, кои я взялъ отъ него, все это видно; да и редакція не чистая; это не журнальная статейка, а предисловіе къ большому изданію. Прочтите его проэктъ и скажите ему ваше мнѣніе; мнѣ уже совѣстно говорить съ нимъ, да и нѣтъ досуга. Я ѣду въ четвергъ въ чужіе края, въ среду ввечеру увижу князя А. Н. и желалъ бы узнать отвѣтъ его. Могу еще сообщить нужныя бумаги для предисловія болѣе полнаго: но съ тѣмъ, чтобы въ четвергъ рано мнѣ онѣ возвращены были.

Я ожидалъ болѣе рвенія къ дѣлу сему въ Востоковѣ; плоха надежда на будущее. Все таки набросано: о дѣлѣ мало, хотя выписки изъ актовъ у него были и всѣ мои письма.

Возвратите сами ему проэктъ его; Константинъ Степановичъ иначе бы исполнилъ это, а мнѣ бы копію съ онаго?

Ожидаю вашего отзыва (64).

Примѣчаніе 64. Въ 1841 году археографическая коммисія издала 1-й томъ „актовъ историческихъ, относящихся къ Россіи, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ и библиотекъ Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневымъ“. Печатавіе производилось подъ наблюденіемъ знаменитаго Востокова. Въ 1842 году вышелъ 2-й томъ этого изданія. Объ этомъ трудѣ Востокова мы находимъ также

весьма рѣзкій отзывъ въ письмахъ Я. И. Березникова: „Вы не повѣрите, что за народъ наши русскіе (прославленные) антикваріи; напримѣръ, Востоконъ, котораго нѣмцы и чехи называютъ гелертеромъ (Gelehrter Russe exclusive). Какъ онъ испортилъ (до невѣроятности) изданіе иностранныхъ актовъ, которые издавать гораздо легче славянскихъ! Что если бы его допустить до изданія гѣтописей и грамотъ? Вы не вѣрите.. Пріѣзжайте, представлю уликъ на лицо. Я самъ дивлюсь и недоумѣваю“ („Жизнь и труды П. М. Строева“, стр. 275).

Н. П. Барсуковъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

АКАДЕМИКА-ГРАВЕРА НА МЪДИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПОЖАЛОСТИНА.

IX ¹⁾.

Первая поѣздка на родину. — Свиданіе съ женою. — Ея переселеніе въ Рязань. — Семейство священника Лосева. — Крайность. — Помощь Н. А. Замятнина.

Это было въ ваникулярное время 1859 года; Иорданъ случайно зашелъ въ нашу комнату.

— Ваше высокородіе, началъ я (мы его такъ называли)... Ваше высокородіе!...

И чувствую, не смотря на жаркое время, что меня бросаетъ въ холодный потъ; въ глазахъ все вертится и кажется, что потолковъ мнѣ на голову валится.

— Что, что такое? спросилъ Иорданъ.

— Позвольте мнѣ съѣздить на родину, въ Рязань...

— Что тебѣ тамъ дѣлать?

— У меня тамъ жена...

— Какъ! вспыхнулъ Федоръ Ивановичъ—такъ ты женатъ?!

Тутъ онъ, видимо разсерженный, быстро вышелъ изъ комнаты; я остался недвижно, какъ окаменѣлый: въ эти роковыя минуты рѣшалась моя участь: прахомъ пойдутъ и мои безустанные труды, и успѣхи, которымъ я такъ радовался, и надежды на будущее...

¹⁾ См. „Русская Стар.“ изд. 1881 г., т. XXXI (августъ), стр. 569—599; т. XXXII, (сентябрь), стр. 111—136.

Дверь скрипнула, вошелъ Иорданъ—и я, по ласковому выраженію его лица, понялъ, что наше еще не пропало.

— Успокойся, сказалъ мнѣ кротко Ѳедоръ Ивановичъ—не ты первый, не ты послѣдній. У насъ въ академіи бывали слухи, что въ числѣ учениковъ находились женатые люди. Тебѣ вдвойнѣ честь, что ты достигъ своей цѣли: ты занимаешься прилежно и заслужилъ справедливое одобреніе твоего начальства...

Получивъ отъ Иордана на дорогу 19 рублей, я отправился на родину, въ началѣ іюня. Ефѣимовъ, у котораго въ Рязани была мать, не захотѣлъ ѣхать со мною; остался затѣмъ, чтобы догнать меня по занятіямъ рисованіемъ. До Москвы я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, а до Рязани на долгихъ. Помню, что на первой, или на второй половинѣ дороги, у меня украли около десяти рублей... Гдѣ тонко тамъ и рвется!

Въ Солотчи я пріѣхалъ ночью. У насъ тамъ было двѣ связи (избы): одну отдавали въ наймы хозяину постоялаго двора, а въ другой жили сами женины родные. Взявъ въ Рязани у знакомаго писаря лошадей, я съ шивкомъ столичнаго жителя подвезилъ къ постоялому двору. Хозяйка высунулась изъ окна.

— Есть горницы? спросилъ я.

— Есть, батюшка, есть! отвѣчала она, торопливо отворяя дверь.

Вошелъ я, и она пристально въ меня всматривается и прислушивается къ голосу ей знакомому, но изъ лица я значительно перемѣнился.

Попросивъ ее дать мнѣ поѣсть—по не имѣнію чего другаго, хоть молока, я присѣлъ къ столу, на который хозяйка поставила и свѣчку. А сама глазъ съ меня не спускаетъ; наконецъ спросила:

— Да не вы-ли Иванъ Петровичъ будете?

— Я самый и есть. И васъ сразу узналъ!

— А васъ, такъ трудно признать, таково вы измѣнились.

Ладно, (подумалъ я), дай-же, на радостяхъ, разыграть комедію.

— Что-же, говоритъ хозяйка, вы къ своимъ то не поѣхали?

— Да безпокоить ихъ, ночью, не хочется...

Ушла хозяйка за молокомъ, но—Еввина внучка! не стерпѣла и поспѣшила порадовать мою жену вѣсточкой о неожиданномъ го-

стѣ. Жена спала въ холодной избѣ—(въ которой насъ морозили въ первый годъ свадьбы, словно въ „ледяномъ домѣ“): хозяйка едва достучалась къ ней, разбудила... Возвращается ко мнѣ и хвастаетъ: „я-де, сказала Евфросиньѣ Алексѣевнѣ.“ — Напрасно беспокоились, говорю. Жена, подойдя подѣ окно, посмотрѣла на меня и, войдя въ сѣни, говорить хозяйкѣ: „обманываешь ты меня, это не мужъ“... Та ее въ горницу тащить. Слышу я ихъ возню; наконецъ, дверь отворилась и хозяйка вводитъ жену въ горницу.

— Здравствуйте, (говорю) Евфросинья Алексѣевна—и поцѣловалъ ее, а потомъ, нахмурясь, буренуль сурово: такъ-то ты, сударыня, со всякимъ проѣзжимъ цѣлуешься? Погоди-же, я мужу скажу!

Какъ бросится она бѣжать отъ меня; едва, едва удержалъ:

— Что ты, Фрося, вѣдь это я-же и есть! Какъ-же это ты меня не узнала?

Не мудрено было не узнать: за полтора года я порядкомъ измѣнился и возмужалъ; вѣнчался—совершеннымъ мальчишкой, а теперь былъ усачъ, да и воротенькій пиджакъ щегольского покроя придавалъ мнѣ видъ не то—городскаго франта, не то—стригулиста.

Тотчасъ-же мы пошли къ нашимъ. Катю, дочурку мою, я нашелъ спящею на полу, вмѣстѣ съ дѣдомъ. Дѣвочка милая, бѣленькая... Я въ первые-же дни съ нея портретъ срисовалъ. Было о чемъ побесѣдовать намъ съ женою. Поразсказала она мнѣ, какъ ее родные притѣсняють, какъ горько ей жить... Да и безъ разсказовъ вижу, что, за это время, моя бѣдняжка не мало слезъ пролила и замѣтно очень измѣнилась, поблѣднѣла. Главнымъ ея гонителемъ былъ отецъ; мать—та была все-же добрѣе и ласковѣе. Дѣло въ томъ, что кромѣ жены моей были у нихъ еще другія дочери; одна тоже за-мужъ вышла и старики прочили взять ее съ мужемъ къ себѣ въ домъ, а Фросю съ дочкой—вытѣснить.

— Да какъ-же такъ? говорю я. По нашему духовному условію домъ переданъ мнѣ съ тобою... Есть-же съ него доходъ?

— Никакого дохода мнѣ не даютъ, сказала жена, да и отъ тебя ничего не получаю! .

Да, это все такъ... Жить у отца—невозможно и надобно чтонибудь придумать. Въ этомъ затрудненіи я обратился къ Н. А. Замятину, прося его о содѣйствіи. Онъ рѣшилъ выхлопотать о помѣ-

щеніи жены моей, въ качествѣ экономки, въ то самое сиропитательное училище, въ которомъ я воспитывался въ Рязани. За это доброе предложеніе я ухватился, какъ утопающій за соломенку— и пришлось намъ совершить путешествіе изъ земли халдейской въ землю ханаанскую—изъ Солотчи въ Рязань, отъ родныхъ лиходѣевъ въ чужимъ добрымъ людямъ.

И вотъ—положилъ я въ нанятую телѣгу кой-что изъ своего добра, усадилъ жену съ Катей, а самъ побрелъ рядомъ, пѣшкомъ, подгоняя понурую вляченку. Привезъ мою семью въ пріютъ, гдѣ женѣ отвели комнату, въ которой, въ мое время, помѣщался нашъ дядька. Черезъ сѣни жилъ семейный священникъ о. Петръ Леонтьевичъ Лосевъ. Здѣсь жизнь жены была, сравнительно, хороша и спокойна; могла-бы быть еще лучше, еслибы жена не была такъ кротка, безотвѣтна и въ горѣ своемъ застѣнчива, такъ сказать—стыдлива: она привыкла страдать молча, не доучая никому ни просьбами, ни жалобами. Катя, дочь наша, большую часть дня проводила въ семействѣ Лосевыхъ, за что жена журила ее изъ боязни, чтобы она не надоѣдала имъ. Но ребенокъ до того привыкъ въ этимъ добрымъ, милымъ людямъ, что бывало, не смотря на запрещеніе—въ окно выпрыгнетъ и урвется къ нимъ. Съ своей стороны Лосевъ и жена его уговорили мою Фросю не удерживать Катю и отпускать ее къ нимъ когда только ей вздумается. Въ пріютѣ жена моя прожила съ небольшимъ годъ; я-же провелъ съ нею, изъ шести недѣль моего отпуска, лишь нѣсколько дней въ Рязани, и хотя проживалъ въ Солотчахъ, но тамъ не къ кому мнѣ было ходить. Отношенія родныхъ были далеко не ласковы, а изъ чужихъ я ни съ кѣмъ не знакомился... не по глупой каковой гордости, нѣтъ! а сами тамошніе жители какъ будто чуждались меня и особенно ни мною, ни ученіемъ моимъ въ академіи не интересовались.

Пришло время моего возвращенія въ Петербургъ—а выѣхать было не съ кѣмъ. Сказалъ я объ этомъ женѣ и она молча отдала мнѣ свои послѣдніе четыре рубля, мною-же ей оставленные полтора года тому назадъ при первомъ моемъ отъѣздѣ изъ Солотчи... Дала еще теща золотой полуимперіаль—крупицу изъ дѣдушкинаго наслѣдства: предстояло мнѣ ѣхать на послѣдній ломоть хлѣба, отнятый у жены и дочери, и на золото богатаго свраги... все жертвы, жертвы; а спросилъ-бы я судьбу свою даже и

теперь: когда-же онѣ искупятся? Пошелъ я къ Н. А. Замятину проститься и поблагодарить за молодостивое вниманіе ко мнѣ и къ несчастной моей семьѣ. Спросивъ у меня, есть-ли деньги? этотъ добрый мой покровитель далъ мнѣ 16 рублей. Это было для меня божіею благодатью! Возвративъ женѣ ея четыре рубля, довольный тѣмъ, что нужда не довела меня до такой жестокой крайности, я отправился въ обратный путь въ Петербургъ, конечно, успокоенный на счетъ участи жены и дочери, съ отдаленною надеждою болѣе радостнаго свиданія, съ заботою о возможномъ прощениіи семейства... Жену мою оставилъ я беременною.

X.

Житье на вольной квартирѣ. — Письмо Андреева. — Устройство семейныхъ дѣлъ. — Участіе Ф. И. Иордана. — Полученіе большой серебряной медали. — Николай Ивановичъ Уткинъ. — Его смерть. — Слухи о преобразованіяхъ въ академіи. — Письма.

Поѣздка на родину освѣжила, приободрила меня и придала мнѣ силъ къ продолженію художественнаго образованія. Являсь къ Иордану по пріѣздѣ въ Петербургъ, я просилъ Федора Ивановича о дозволеніи мнѣ перейти изъ академіи на вольную квартирѣ; во первыхъ, чтобы имѣть возможность помогать женѣ изъ получаемаго мною пособія, во вторыхъ, для устройства собственнаго гнѣзда на случай переселенія моего семейства въ Петербургъ. Иорданъ согласился и отпустилъ меня, съ выдачею мнѣ ежемесячно 25 р. сер., удерживая сверхъ того 4 рубля, въ видѣ запаса на случай особенной надобности. Отпуская меня, Федоръ Ивановичъ далъ мнѣ добрый совѣтъ:

— Умѣй найти хорошаго хозяина и выбирай квартиру, на которой было-бы поменѣ жильцовъ и товарищества.

Я нанялъ квартиру въ одной изъ ближайшихъ къ академіи линій Васильевскаго острова. Комнату отдавала внаймы добрая, смиренная женщина, сестра одного довольно извѣстнаго артиста. Я переселился къ ней вдвоемъ съ товарищемъ, съ платою въ мѣсяць по 10 руб. за комнату и 6 руб. за харчи. Изъ оставшихся у меня денегъ я помогалъ женѣ. Понятно, что тутъ я ознакомился съ нищетою столичнаго быта, совершенно отличной отъ нищеты

деревенской. Будь я крестьяниномъ, при 25 рубляхъ ежемѣсячнаго дохода, я могъ-бы назваться богачемъ; въ столицѣ-же, съ этими деньгами, обязанный жить прилично какъ ученикъ академіи, — я былъ почти нищій. Всего прежде мнѣ слѣдовало заботиться о приличной одеждѣ, а я весь обносился. Сюртугъ и все прочее рвалось и по швамъ, и вдоль, и поперекъ. Зашивая и заштопывая прорѣхи бѣлыми нитками, я замазывалъ ихъ чернилами; черныхъ нитокъ не только не догадывался купить, но даже не зналъ продаются-ли таковыя. Лѣтнимъ костюмомъ я пробавлялся до самой глухой зимы. Товарищъ мой по квартирѣ, Плотниковъ, малый даровитый, достигшій впоследствии званія художника, былъ мнѣ ровесникомъ по состоянію. Получая отъ отца ежемѣсячно 16 руб., онъ пользовался пособіемъ отъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, впоследствии бывшаго нашимъ посланникомъ въ Константинополь. Съ Плотниковымъ на квартирѣ прожилъ я два года. Нынѣ онъ проживаетъ въ Харьковѣ. Наша квартирная хозяйка сама была женщина очень бѣдная. Братъ ея, человѣкъ весьма достаточный, не семейный, помогалъ ей рѣдко и очень умѣренно. Какъ-то, желая ее выручить изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, вздумалъ я подняться на хитрость: написалъ отъ имени какой-то фантастической знатной барыни письмо о бѣдности его сестры и послалъ его скупому, но весьма тщеславному братцу. Письмо имѣло самое благоприятное дѣйствіе: на другой-же день братецъ нашей квартирной хозяйки, въ отличномъ экипажѣ, на собственной лошади, приватилъ къ ней съ запасомъ кофе, чаю, сахару, разной провизіи и выдалъ ей, кромѣ того, довольно крупное денежное пособіе. Самолюбіе и честолюбіе сплошь да рядомъ бывають главными двигателями челоуѣколюбія даже въ отношеніяхъ родныхъ.

Но не даромъ говоритъ родная пословица „чужую бѣду — богами разведу, а къ своей и ума не приложу“; находчивый на выдумку для помощи квартирной хозяйки, я не могъ прискаты никакихъ ресурсовъ къ облегченію собственной бѣдности. Подправляя и зачинивая свою одеженку, я помнилъ, что и жена моя, въ Разани, совсѣмъ обносилась. Продавъ шубу, я купилъ ей сапогъ теплый и послалъ туда. Какъ-бы то ни было, но жизнь ея въ пріютѣ была несравнима съ житьемъ въ Солотчахъ; въ добромъ семействѣ Лосевыхъ она нашла истинно братское, сердечное частіе. Нынѣ Лосевъ находится ректоромъ семинаріи въ Вологдѣ;

но воспоминаія о благодѣяніяхъ его моею семьѣ никогда въ ней и во мнѣ не изгладятся. Въ исходѣ февраля 1860 года, чувствуя приближеніе родовъ, жена моя уѣхала изъ Рязани въ Солотчи, въ отцу, и у него, въ мартѣ мѣсяцѣ, разрѣшилась отъ бремени сыномъ Петромъ.

Лѣтомъ 1860 года я опять посѣтилъ мою родину и на этотъ разъ отношенія женинныхъ родныхъ какъ къ ней, такъ и ко мнѣ были гораздо дружелюбнѣе. На осень она съ дѣтьми перебралась въ Солотчи погостить у нихъ. О положеніи моею семьи я получилъ извѣстіе отъ А. О. Андреева (отъ 3-го ноября 1860 г.).

— Радуюсь искренно твоей радости невинной и отъ души поздравляю тебя съ описываемыми въ твоемъ письмѣ ко мнѣ успѣхами. Жена-же твоя, какъ вижу я изъ письма священника П. Л. Лосева отъ 15-го числа октября, гостить съ малолѣтними дѣтьми въ Солотчахъ и, по отъѣзду его, дѣлаетъ слабый успѣхъ въ грамотѣ. Молись Богу усердно, веди себя добропорядочно; никого не осуждай и никому не завидуй; не имѣй ненависти ни къ кому и продолжай съ ревностію трудиться для обезпеченія будущаго положенія своего по выходѣ изъ академіи. Да будетъ надъ тобою и мое, и твоихъ усопшихъ родителей благословеніе всегда, а наиболѣе благословеніе Божіе ва всю вѣчность! Мы всѣ кланяемся тебѣ, желая здоровья и всякаго блага. Поклонись отъ меня твоему товарищу, а Ѳедору Ивановичу Іордану и его супругѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе съ благодарностію за попеченіе о тебѣ, и доложи ему, что я цѣню оное по мѣрѣ любви моею къ тебѣ, которая почти одна и та-же, что у отца къ сыну“.

Ободренный первою наградою—медалью, я ретиво принялся за продолженіе моихъ работъ, и періодъ 1860—1862 гг. былъ самый кипучій, самый отраднѣй въ моею ученической дѣятельности. Къ женѣ ѣздилъ я каждое лѣто и съ живѣйшею радостью видѣлъ, что, не смотря на приращеніе семейства, быть его, благодаря моимъ стараніямъ и заботамъ добрыхъ людей, улучшается. Лѣтомъ 1861 года, въ бытность мою въ Солотчахъ, я прилежно занимался рисованіемъ и за рисунокъ съ природы получилъ еще малую серебряную медаль. Почтенный мой учитель Іорданъ искренно радовался моимъ успѣхамъ и постоянно побуждалъ къ усовершенствованію моего дарованія. Н. А. Замятницъ также не оставлялъ

меня своимъ поощреніемъ... Я чувствовалъ, что рѣсту, развиваюсь, мужаю; мнѣ казалось, что съ первоначальнаго, тернистаго пути я уже начинаю выбираться на болѣе ровную дорогу. Не унывалъ я и передъ матеріальными нуждами, иногда напоминаясь о себѣ; заботы о женѣ и дѣтяхъ точно также не ослабляли моей энергіи... При всемъ томъ нашлись люди, сѣтовавшіе на то, что я семьянинъ; воображавшіе сами и старавшіеся вбить мнѣ въ голову, что художнику не подобаетъ быть женатымъ: дѣти и жена отвлекаютъ, моль, отъ занятій искусствомъ. Подобнаго рода разсужденія слыхалъ я даже отъ Н. А. Замятнина... На мой рѣшительный отвѣтъ, что покинуть жену и дѣтей я никогда не рѣшусь и мысль эту считаю гнусною, безбожною, онъ-же отвѣчалъ мнѣ похвалами и живѣйшимъ сочувствіемъ. Добрая, великодушная жена моя, никогда не стѣснявшая меня въ моихъ дѣйствіяхъ, желая отклонить отъ себя и малѣйшее подозрѣніе въ какомъ либо самовластіи или тиранствѣ надо мною, рѣшилась написать Федору Ивановичу Юрдану, что готова отказаться отъ желанія жить со мною въ Петербургѣ, именно затѣмъ, чтобы не мѣшать мнѣ въ моихъ занятіяхъ. По этому поводу уважаемый мой профессоръ писалъ ко мнѣ (4-го іюля 1861 г.) слѣдующее:

„Благодарю тебя за письмо, изъ котораго съ удовольствіемъ увидѣлъ, что жена твоя сдѣлалась умною и разсудительною и не хочетъ безпокоить тебя въ твоихъ занятіяхъ и останется въ деревнѣ еще на нѣсколько годовъ. Что касается до занятій, ты жалуешься на неудобство работать; помни, художнику можно вездѣ заниматься, почему, ради Бога, не теряй времени и рисуй все, что находится у тебя передъ глазами: портреты, виды, сцотъ, однимъ словомъ—все; особенно: портреты, руки, слѣдки... Натурщииковъ бездна въ деревнѣ—а въ лѣтнее время, когда вся природа, вмѣстѣ съ человѣкомъ, открыта и не прячутся или дрожать отъ холода, какъ то бываетъ зимою—то можно заняться съ пользою.

... „И такъ, прошу, не забывай моихъ совѣтовъ: подумай о здоровьи, займись сельскою работою на нѣсколько дней, потомъ порисуй съ природы; постарайся запастись силами для трудовъ въ будущей сидячей жизни, которые намъ достались въ удѣлъ. Мой поклонъ любезному твоему семейству—супругѣ и дѣтямъ.

Отъ души желаю, чтобы Провидѣніе наградило тебя всѣмъ, чего себѣ желаешь, остаюсь тебя любящій Ф. Юрданъ“.

Возвращаясь къ обзору моихъ художественныхъ работъ, съ чувствомъ душевнаго самодовольствія вспоминаю о портретѣ „кардинала Ларошфуко“, скопированнаго мною съ Эделинга. За него я получилъ большую серебряную медаль. Слѣдующею за нимъ академическою работою была о-фортъ „вупающіеся финскіе воины“ (19 фигуръ) съ рисунка Мивель-Анджело. Надъ этимъ эстампомъ я трудился цѣлый годъ.

— Не торопись, не торопись! часто твердилъ мнѣ почтенный мой профессоръ. Торопливостью не много сдѣлаешь. Если Богъ дасть тебѣ росту настолько (онъ, рукою, показалъ высоту стола), то какъ ни тянись—не вырастешь!

Врагъ торопливости въ гравированіи, Федоръ Ивановичъ требовалъ отъ художника работы изящной, тщательной, не охотно допуская техническія упрощенія труда. Черезъ четырнадцать лѣтъ (именно въ 1875 году) вѣрный своему правилу, Юрданъ писалъ мнѣ:

— „Отъ васъ надѣюсь увидать, что вы сдѣлаете честь профессорскому званію, какъ рисункомъ, такъ и чуднымъ рѣзцомъ, избѣгая обманчивыхъ кислотъ и другихъ фокусовъ: все это хорошо для торговли, но не подходящее для серьезнаго гравировальнаго искусства“.

Правило это, само собою, не можетъ распространяться на гравюры о-фортъ, аква-тинта и меццо-тинта, выполненіе которыхъ безъ кислотъ—невозможно. Однако-же, при работахъ рѣзцомъ я донынѣ придерживаюсь наставленія Юрдана, и едва-ли кто можетъ теперь упрекнуть меня въ торопливости.

Въ 1862 году, по случаю отъѣзда Юрдана, я пользовался совѣтами нашего маститаго, всей Россіи извѣстнаго гравера Николая Ивановича Уткина. Весьма ласково обойдась со мною, этотъ почтенный художникъ просилъ меня бывать у него по субботамъ: „какъ во времена оны“—замѣтилъ онъ — „хаживали по субботамъ къ графу Аракчееву: кто за наградою, а кто и за выговоромъ“. Николай Ивановичъ руководилъ мною въ теченіи цѣлаго года. Онъ показывалъ мнѣ свои произведенія, знакомилъ съ нѣкоторыми особенными, при гравированіи, ручными приѣмами, съ употребленіемъ увеличительнаго стекла и т. д. Его метода

преподаванія гравировальной техники была совсѣмъ иная, какъ Федора Ивановича. Уткинъ велъ ученика за руку, Иорданъ предоставлялъ ему идти на своихъ ногахъ, доискиваясь точки опоры, пошатываясь; Уткинъ, такъ сказать—подпѣвалъ, Иорданъ—требовалъ, чтобы ученикъ пѣлъ своимъ голосомъ; Уткинъ облегчалъ трудъ ученія, Иорданъ—иногда усиливалъ его тягость, вѣроятно съ тою мыслию, что талантъ усиливается отъ борьбы съ трудностями, какъ магнитъ отъ увеличенія притягиваемой тяжести. Не берусь судить о преимуществахъ того или другаго способа... Какъ характеристическую черту добродушія Уткина приведу слѣдующій случай со мною. Я жилъ тогда, опять вмѣстѣ съ Ефимовымъ, на чердакѣ въ 10 линіи Васильевскаго острова, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ знакомства съ Николаемъ Ивановичемъ опасно заболѣлъ горячкою. Совершенно неожиданно явился ко мнѣ Уткинъ: не затруднился онъ пробраться ко мнѣ по крутой лѣстницѣ, подъ стропилами, въ полу-тьмѣ! Пришелъ и спрашиваетъ не надобно-ли мнѣ денегъ?

— Деньги у меня есть, отвѣчалъ я.

— Если доктора нѣтъ, сказалъ онъ—я приплю...

— И докторъ есть, благодарю васъ покорно.

— Если деньги будутъ нужны—пришлите мнѣ сказать...

Это свиданіе наше было послѣднее: мѣсяца черезъ два, уже въ отсутствіе мое изъ Петербурга, именно въ апрѣлѣ 1863 года, Николай Ивановичъ Уткинъ скончался.

Весну, лѣто и часть осени этого-же года я, по случаю болѣзни, провелъ въ Солотчахъ. О моемъ тогдашнемъ положеніи, равно и о добрыхъ, пріятныхъ ко мнѣ отношеніяхъ Федора Ивановича Иордана читатель можетъ судить по его слѣдующимъ письмамъ:

26 апрѣля (1863 .

„Любезный другъ мой Иванъ Петровичъ! Благодарю за твое пріятное и утѣшительное письмо, на которое отвѣчаю только теперь, по незнанію твоего адреса. Тебѣ не безызвѣстно, что нашъ добрый и знаменитый сотрудникъ нашего искусства Н. И. Уткинъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, сномъ праведника, оставивъ почти все свое имущество въ Академіи Художествъ въ пользу гравировальнаго искусства; именно 25000 р. сер. послѣ кончины его племянницъ, которыми пользуются только однимъ процентами, все идетъ въ пользу гравированія, т. е. ихъ проценты. Кромѣ того, эстампы свои далъ, одну часть Академіи, Эрмитажу и Московской школѣ. Для тебя я удержалъ его гравюру.

„Василій Великій“. Все прочее идетъ, кажется, все постарому; слуховъ много, даже говорятъ, что весь штатъ Академіи замѣнить: Академію уничтожить и изъ нея сдѣлать художественный музей, а ученики будутъ штатные по частнымъ школамъ рисованія. Однимъ словомъ, всё хлопчатъ, чтобы все уничтожить! По всей Россіи, для ея шестидесяти трехъ милліоновъ жителей, всего-то и есть одна только Академія, и когда во всѣхъ странахъ Европы нѣбываютъ академіи, для одной только Россіи она не нужна. Все это слыше; поверовѣ скажешь: дивны дѣла Твои, Господи!

„Для меня это все равно, но мнѣ жаль нашу талантливую молодость, въ томъ числѣ ты—первый и если это правда, ты долженъ будешь быть свѣдѣтелемъ всей этой странности и видѣть разрушеніе столь знаменитаго заведенія. Ты этимъ себя не безпокой; увѣрь, что это одни только слухи, но поправляйся въ своемъ здоровьи и пріѣзжай со свѣжими силами, поддержать нашу гравюру. У меня всё слава Богу здоровы; жена моя всѣмъ твоимъ кланяется, какъ и я. Ради Бога береги себя, тѣмъ сохранишь жизнь свою, а жизнь отда семейства есть великое дѣло. Прощай, желаю всего лучшаго. Прошу писать и не забывать меня. Остаюсь душевно преданный Е. Юрданъ“.

18-го іюля (1863 г.).

„Получилъ твое письмо, любезный Иванъ Петровичъ, радуюсь, что сошелся съ докторомъ, Аполлономъ Сергѣевичемъ¹⁾; какъ я, такъ и жена моя надѣмся, что по добротѣ своей онъ приложитъ все свое стараніе быть дому твоему полезнымъ. Одно жаль, что о своемъ здоровьи ни слова не упоминаешь въ письмѣ, поправился-ли совсѣмъ или все еще находишься въ пивацдахъ? Сегодня дали мнѣ грустную новость, которую, впрочемъ, слѣдовало ожидать, что даровитый и добрый Александровъ²⁾ скончался среди своего семейства въ Казани. Не надѣлаетъ счастьемъ нашъ гравировальный классъ; кажется, даже само провидѣніе—во всемъ приходитъ ему помѣха: или хворають, или умирають! Ради Бога, побереги свое здоровье и съ хорошимъ запасомъ возвращайся въ нашъ хворый Петербургъ. Не думай о времени ученья и награды, все придетъ своимъ порядкомъ; но съ разстроеннымъ здоровьемъ здѣсь трудно поправиться. У насъ въ Академіи все тихо, всё на дачахъ, или по деревнямъ. Передѣлку залъ нижняго этажа на кругломъ дворѣ еще не начинали, не смотря, что всѣ квартиры очистились; я думаю и твои мастерская также очищена; придется, со временемъ, прискаты другую. Насъ радуетъ, что дѣточки твои радуютъ тебя, и что въ нихъ видна уже наклонность къ рисованію; только время самое плохое дѣлать дѣтей художниками: жить художествомъ—не жизнь,

¹⁾ Докторъ А. С. Головинъ, пользовавшій меня тогда молочнымъ леченіемъ. Его помощи обзавѣя я восстановленіемъ здоровья. Достойный уваженія какъ врачъ и человѣкъ, онъ былъ родственникомъ семейства Юрдана.

²⁾ Изъ топографовъ Межеваго департамента, талантливый гравертъ, съ которымъ я находился въ самымъ пріятнымъ отношеніяхъ. Онъ очень любилъ меня и всегда хвалилъ за мою готовность помогать ему въ занятіяхъ. Умеръ въ 25 не болѣе.

И. П.

а прозябаніе. Если здоровье позволяет, то рисуй съ натуры портреты и виды и все, что попадется на глаза; если же нѣтъ, то гуляй, размятай себя среди счастливой, семейной жизни, тѣмъ поддержи разстроенное здоровье и воротнись къ намъ молодцомъ. У меня всё, слава Богу, здоровы... Поклонъ Н. Е. Ефимову; я имѣлъ отъ него цыдулочку, радуюсь, что занимается и живетъ у зажиточныхъ; авось поправится въ тѣлѣ, черезъ что и въ живописи получить колоритъ Тиціана и Рубенса, а Иванъ Петровичъ, живя на умѣренной пищѣ, получить чистоту и правильность контура Рафаэля. Помогай Богъ вамъ обонимъ и оставитъ съ честію да принесетъ бессмертную ленту своему отечеству, а оно останется вамъ навсегда благодарнымъ и имена ваши внесетъ въ книгу знаменитыхъ людей. Прощай, голубчикъ; желаю всего лучшаго. Весь твой Ѡ. Іорданъ“.

12-го августа (1863 г.).

„Весьма опечалило меня, любезный Иванъ Петровичъ, твое послѣднее письмо на счетъ твоего здоровья, которое ты, ради Бога, побереги и не поправься совершенно, ради Бога—изъ любви къ своему семейству—не возвращайся. Если-бы Александръ, вмѣсто того, чтобы проработать въ Петербургѣ слишкомъ годъ до своей смерти, тотчасъ-бы, въ началѣ болѣзни, отправился домой, можетъ быть поправился (бы) и жилъ съ нами до сихъ поръ; онъ-же рѣшился уѣхать за три недѣли до своей смерти и явился ко мнѣ скорѣе мертвецомъ, (тѣмъ и испугалъ мою жену), чтобы проститься со мною; но наружность явно говорила что онъ взялся за дѣло поздно. Почему и прошу, не пускайся въ смертный Петербургъ, пока совершенно не поправишься. Ты испыталъ въ прошлую зиму, что значить страдать въ полномъ одиночествѣ. Нигдѣ ты не найдешь ни того воздуха, ни ухода, ни общества, которыми теперь пользуешься (теперь) въ своемъ родномъ краю, среди доброй жены и утѣшительныхъ дѣтей. Я напишу въ совѣтъ нашей академіи о тебѣ просьбу и въ первомъ совѣтѣ буду говорить о тебѣ, надѣясь выхлопотать тебѣ вспомошествованіе. Въ Петербургѣ погода стоитъ намерзѣйшая: дожди и холодъ почти непрерывны; къ нимъ должно присовокупить еще сильныя вѣтры. Къ несчастію, самъ страдаю все лѣто воспаленіемъ глазъ и не могу заниматься своимъ дѣломъ. Спасибо, что занимаешься портретами и я смѣло могу сказать священнику, что кромѣ сходства онъ имѣетъ вполнѣ художественную вещь, владѣя твоимъ рисункомъ. Я отъ души желалъ-бы, чтобы все село приняло участіе въ твоёмъ здоровьи, ибо ты ему сдѣлаешь честь своимъ талантомъ, стараніемъ и поведеніемъ; чтобы оно совокупно помогло тебѣ и твоему дому во время постигшей тебя болѣзни, ибо ихъ потомство съ удовольствіемъ будетъ читать, что такое-то село было родиною И. П. Пожалостина, прославившаго свое отечество, талантомъ въ гравированіи и рисованіи. Русское-же сердце преисполнено христіанской любви къ своему ближнему; а здѣсь, не только что ближній, но молодой художникъ, который изъ среды ихъ, готовитъ прославить ихъ и отечество свое. Я прошу добраго пастыря церкви быть тебѣ и твоему дому полезнымъ, и христіанскимъ словомъ споспѣшествовать въ кругу зажиточныхъ людей въ твою пользу. Его слово падетъ на добрую землю и принесетъ сторичный плодъ. .облагодари отъ насъ обонхъ любезнаго Аполлона Сергѣевича, что онъ не перестаетъ прилагать стараніе о твоёмъ выздоровленіи и просимъ удержать большаго среди

роднаго воздуха, среди нѣжнолюбящей жены и семейства—до тѣхъ поръ, пока новыя силы могутъ встрѣтить всѣ усилія въ занятіяхъ молодого художника въ шумномъ и довольно нездоровомъ Петербургѣ. Надѣюсь, любезный Иванъ Петровичъ, что Богъ молитвами любящихъ тебя возвратитъ тебѣ потерянное, или на время разстроенное здоровье и что я буду имѣть радость восхищаться отлично оконченнымъ курсомъ твоихъ занятій“.

XI.

Добрыя наставленія.—Выставка въ академіи и ея лучшія произведенія.—Отзывъ обо мнѣ Ѳ. И. Юрдана.—Портретъ Державина.—Эстампы Уткина.—Присужденіе золотой медали.—Портретъ Филарета.—Званіе класснаго художника.—Средства къ существованію.—Знакомство съ Н. А. Киреевымъ.—Окончаніе эстампа: „Несеніе креста“.

Закончу обзоръ писемъ Ѳ. И. Юрдана еще двумя слѣдующими, относящимися къ періоду 1863—1864 гг. Припоминая мои успѣхи, не могу отзываться о нихъ самъ, что-бы не показаться самохваломъ; но лестные отзывы обо мнѣ великаго художника, руководству котораго я обязанъ развитіемъ моего дарованія,—я признаю за драгоцѣнный авторитетъ, въ значеніи котораго, надѣюсь, не можетъ усомниться читатель.

22 сентября 1863 г.,

„Любезный другъ Иванъ Петровичъ! Весьма благодаренъ за карточку, которую я только что имѣлъ удовольствіе получить съ письмомъ Аполлона Сергѣевича г. Головина. Твой взглядъ на ней меня не очень порадовалъ; видно, что усталъ и скучаешь отъ бездѣйствія. Что дѣлать: лучше поспучать и поправиться, нежели отдыхать потомъ на болѣзненномъ одрѣ. Впрочемъ, надѣюсь, что съ Вождіемъ помощью и по совѣту добраго Аполлона Сергѣевича, въ скоромъ времени надѣюсь видѣть среди насъ, среди Петербурга и весьма часто убійственной нашей академіи, гдѣ огромное число молодыхъ людей отъ неопытности званія, какъ экономически слѣдуетъ употребить свое время, уснуло раннимъ, вѣчнымъ сномъ. Изъ сихъ несчастныхъ жертвъ можно составить огромный томъ, гдѣ на каждой страницѣ видны таланты, непомерную и несоразимѣрную по силамъ страсть къ занятіямъ, удивительные успѣхи: онъ бѣжитъ и на лету хватается медали, потомъ начинаетъ уставать; являются болѣзни, затѣмъ истощеніе всѣхъ силъ—и ранняя могила дѣлается удѣломъ всѣхъ его стараній, всѣхъ его наградъ! Сколько лучшихъ надеждъ Россіи лежитъ, такимъ образомъ, въ матушкѣ сырой-землѣ!! Все это пишу тебѣ, любезный другъ, чтобы ты былъ остороженъ по возвращеніи своемъ на трудолюбивую скамью нашей академіи; особенно—скамью гравера. Лучше будь живописцемъ, но живи и восхищайся жлзнію, нежели граверомъ и лечь въ раннюю могилу. Все это говорю, желая отъ души, чтобы ты поправился и

жиль; былъ-бы художникомъ и отличнымъ отцомъ семейства. Буде-же Провидѣнію угодно будетъ сохранить тебя и для нашего гравировальнаго художества и для семейства, то я первый буду радъ, видя въ тебѣ достойнаго себя ученика!

„У насъ теперь имется выставка; вещей, или произведеній не большое число, но между ними отличаются: „Тайная вечеря“, написанная во Флоренціи пенсіонеромъ г. Ге: картина совершенно въ новомъ родѣ и ему дала прямо званіе профессора; г. Пужерева: „Неровный бракъ“—превосходно сочинено и написано: получилъ званіе профессора, и г. Маковского: портретъ „Муравьева-Амурскаго“. Такъ какъ погода стоитъ хорошая, то и народу бываетъ на выставкѣ бездна, и по гривеннику за входъ собираютъ около 150 руб. въ день. До сихъ поръ у насъ не было еще Совѣта, гдѣ-бы говорено было о домашнихъ дѣлахъ академіи и ея учениковъ, слѣдовательно нельзя было говорить еще о твоёмъ вспомоствованіи ради болѣзни. Всѣ совѣты заключались въ составленіи отчета академіи, по случаю годичнаго собранія. Надѣюсь, впрочемъ, любезный другъ, что скоро увидимся; мнѣ очень жаль, что со своимъ портретомъ не прислалъ хотя двухъ строкъ, (не) сказалъ какъ себя чувствуешь...“

21 апрѣля 1864 года.

„М. Г. Евфросинія Алексѣевна! Поздравляя васъ съ наставшимъ торжественнымъ праздникомъ Воскресенія Господня, съ удовольствіемъ сіишу увѣдомить васъ, что я получилъ ваше письмо отъ 6-го апрѣля и съ радостію читалъ въ немъ искреннія чувства рѣдкой жены, которая въ теченіи шестилѣтней разлуки со своимъ мужемъ, съ терпѣніемъ переноситъ эту скорбную долготѣнную разлуку—и я, какъ профессоръ вашего мужа, долгомъ поставляю увѣдомить васъ, что я горжусь въ приобрѣтеніи столь достойнаго молодого человѣка, который поведеніемъ, неуныннымъ стараніемъ и успѣхами несомнѣнно сдѣлаетъ честь вашему дому и мѣсту, которое дало ему жизнь. Отъ души совѣтую вамъ—безъ ропота переносите вашу разлуку. Художникъ, достигшій знаменитости и извѣстности, всюду почитаемъ; ибо искусство чрезвычайно трудно и изъ огромнаго числа начинающихъ, достигаетъ самое малое число извѣстности; участь-же вашего мужа—если Богъ наградитъ его полнымъ здоровьемъ—есть та, которая сдѣлаетъ честь избранному имъ искусству. Я съ нимъ видѣлся еще сегодня: въ разговорахъ съ нимъ, радовался тому сокровищу, которымъ онъ обладаетъ, т. е. достойною женою. Со дня приѣзда своего прошлою осенью въ Петербургъ, онъ занимался съ честію, получилъ въ декабрѣ серебряную медаль; въ апрѣлѣ нынѣшняго года долженъ былъ бы получить другую серебряную медаль перваго достоинства за рисунокъ, но экзаменаторы поскупились и эта почесть ожидаетъ его въ будущности. Слѣдственно, будьте совершенно спокойны и въ вашихъ теплыхъ молитвахъ умоляйте всещедрого Бога о подкрѣпленіи его здоровья; все прочее должно прійти ему, какъ говорится, само собою. Пожалостниъ и Ефимовъ достоинъ высшей похвалы, никогда наше правительство съ такою пользою не употребило денегъ своихъ, какъ на двухъ учениковъ, вполне достойныхъ монаршей милости“.

Первою моею работою, давшюю мнѣ значительныя по моему состоянію деньги и доставленною мнѣ чрезъ посредничество Ѳ. И. Юрдана, былъ портретъ Державина, заказанный мнѣ нашимъ уважаемымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Я гравировалъ съ портрета, писаннаго масляными красками знаменитымъ Боровиковскимъ. Этотъ трудъ, занявшій у меня десять мѣсяцевъ времени, для котораго я оставилъ трудиться надъ програмою на золотую медаль: „Несеніе креста Спасителемъ“, былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ! Не денежная выгода утѣшала меня, но единственно сознаніе своихъ силъ, чувствъ художника и пламенной любви къ прекрасному искусству. Занятіе гравировкою этого портрета я могъ назвать высокою поэзіею, но въ то-же время напоминала мнѣ о себѣ и житейская проза. Нужда въ деньгахъ заставила меня давать уроки рисованія въ одномъ весьма достаточномъ семействѣ, получая за цѣлый классъ дѣтей—рублевую бумажку. Вѣроятно, почтенныя родители придерживались правила: гуртомъ дешевле.

Въ томъ-же 1866 году, по заказу профессора Н. Г. Устрялова, я заново реставрировалъ портретъ „Ивана Грознаго“, гравированный Уткинымъ, и гербъ князя Курбскаго, состоящій изъ розановъ, со львомъ по срединѣ. По окончаніи этой работы, когда я представилъ ее Устрялову, онъ былъ въ восхищеніи, а черезъ нѣсколько дней сказалъ, что отовсюду слышитъ самыя лестныя похвалы моей работѣ. „Я подписалъ подъ нею мою фамилію“, сказалъ я.—Какъ! воскликнулъ Устряловъ—гдѣ-же? Я ее не видалъ... „Потрудитесь взглянуть въ увеличительное стекло—и увидите!“ Онъ посмотрѣлъ: „а вѣдь эта работа за Уткина сошла!“

Окончивъ портретъ Державина, въ исходѣ октября 1866 года, я рѣшился представить его въ совѣтъ академіи на годичный экзаменъ. Представленіе шло черезъ Федора Ивановича. Отправляясь къ нему въ армитажъ за отвѣтомъ: чѣмъ рѣшилъ совѣтъ, я услыхалъ отъ него:

— Что, голубчикъ, медали не назначили за то, что не имѣешь большой серебряной за рисунокъ.

— Почему-же (говорю) О—скаго пропустили? Онъ, за рисунокъ, не имѣетъ никакой медали...

— Отчего-же ты мнѣ этого раньше не сказалъ? возразилъ

Иорданъ. Хорошо-же. Завтра, 3 ноября, у насъ будетъ экстренное собраніе... Постараюсь.

Вѣрный своему обѣщанію, Федоръ Ивановичъ сказалъ предсѣдательствовавшему князю Гагарину:

— Ваше сіятельство, у насъ вышло недоразумѣніе. Пожалостина обошла: вмѣсто золотой медали назначили серебряную, а О—скому, у котораго за рисунокъ никакой еще нѣтъ, дали золотую.

— Съ гравера больше требуется! былъ отвѣтъ.

— Если вы не согласны, то я подамъ на баллотировку.

Это предложеніе умилиствовало строгаго судью. Былъ случай, когда при баллотировкѣ весь совѣтъ былъ единогласно противъ мнѣнія предсѣдателя: онъ не пожелалъ повторенія подобной сцены.

Я получилъ повѣстку явиться на актъ 4 ноября, за полученіемъ серебряной медали. При входѣ моемъ въ залу, ко мнѣ подошелъ кто-то изъ нашихъ чиновныхъ лицъ и поздравилъ меня. „Съ чѣмъ-же?—спрашиваю—серебряная медаль уже есть у меня“. Да вѣдь вамъ дадутъ золотую?—Нѣтъ серебряную... А можетъ быть и мѣдную! вернулъ кто-то.

Пошли толпы, споры. Путаница у меня въ головѣ была страшная... Наконецъ усадили меня въ группу удостоиваемыхъ полученіемъ медалей. Помню, что меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ; я машинально натягивалъ на руки и срывалъ съ нихъ перчатки. Прошло чтеніе акта: начали вызывать получателей дипломовъ и медалей... моего имени все не слышу. Наконецъ, какъ-бы къ заключенію засѣданія, провозгласили: „Ивану Пожалостину, по граверному классу!“ Едва держась на ногахъ, торопливо надѣвая перчатку, я всталъ съ моего мѣста. Этотъ вызовъ меня, послѣднимъ, весьма раздосадовалъ Федора Ивановича. Наканунѣ онъ приказывалъ въ канцеляріи переписать списокъ, но это, по небреженію или по лѣни, не было исполнено.

Меня удостоили золотую медалью, съ обязательствомъ, чтобы я заслужилъ за рисунокъ—большую серебряную. Въ исполненіе этого я исправно посѣщалъ натуральный классъ въ теченіи года и получилъ ее. О—скій, получившій свою золотую медаль на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, этого не выполнилъ. Вообще, замѣчу, что наши пейзажисты и маринисты—за весьма рѣдкими исключеніями—не мастера писать фигуры, именно вслѣдствіе упрямой лѣности посѣщать натурные классы.

Полученная мною вторая золотая медаль, стоимостью въ 50 руб. сер., была не именная, съ пустымъ полемъ для вырѣзки имени. Она нѣсколько разъ, по нуждѣ въ деньгахъ, была мною закладываема и, наконецъ, я ее продалъ за 40 руб. сер. Полученіе медали было ознаменовано для меня и семейною радостью: женѣ моей Богъ далъ сына, Сергѣя. Вообще рожденіи дѣтей моихъ (дочери Катерины, сына Петра, дочери Александры, сыновей Сергѣя и Ивана) сопровождалось какимъ либо особенно важнымъ для меня событіемъ—или отличіемъ въ моей карьерѣ художника или особенно выгоднымъ заказомъ. По рожденіи младшаго изъ моихъ сыновей Вани, въ 1870 году, я былъ удостоенъ званія академика, въ 1871 году.

Работами моими въ 1867 году были рисунки для гравировальныхъ досокъ Н. С. Мосолова: 1) Бахусъ, съ Рубенса, 2) Положеніе во гробъ Спасителя, Павла Веронеза, 3) Блудный сынъ, 4) Даная, 5) мать Рембрандта, 6) Аманъ въ немилости, 7) Вельможа, 8) Дѣти Іакова, показывающіе отцу одежду Іосифа, 9) Воинъ—всѣ съ Рембрандта.

По заказу придворнаго серебряныхъ дѣлъ мастера Сазимова, я гравировалъ на серебряномъ подносѣ, по рисунку А. Шарлеманя, гербъ и орденъ слона, въ двадцатипятилѣтію бракосочетанія его величества короля Датскаго, и то-же воспроизвелъ на двухъ мѣдныхъ доскахъ.

Въ 1868 году, по заказу Я. К. Грота, я гравировалъ портретъ высокопресвященнаго Филарета, митрополита Московскаго. Мнѣ пришлось рисовать его съ авварели и фотографіи, но кромѣ того, я спрашивалъ людей, видавшихъ его, объ экспрессіи лица и выраженіи глазъ. О нихъ магистръ духовной академіи Моревъ говорилъ мнѣ, что глаза у Филарета были черные, пронизательные, необыкновенно свѣтащіеся. Рассказывалъ онъ мнѣ также многое и о личномъ характерѣ покойнаго владыки, какъ человѣка. Благоволя своимъ племянникамъ, изъ которыхъ одинъ обладалъ весьма слабыми умственными способностями, Филаретъ употреблялъ всѣ способы, что-бы вывести ихъ въ люди. Такъ, на бывшемъ въ духовной академіи экзаменѣ, при испытаніи именно этого, тупоумнаго, племянника Филаретъ предложилъ какой-то вопросъ одному изъ лучшихъ учениковъ. Тотъ отвѣтилъ... „Не такъ!“ сказалъ владыко—„слѣдующій!“ Этотъ отвѣчаетъ... „Не то!“ Спра-

шиваетъ племянника; тотъ отвѣчаетъ такъ, что всѣ рты разинули. Благодаря подробной подтасовкѣ, племянникъ вышелъ первымъ ученикомъ.—Другой случай: тамъ-же въ академіи былъ одинъ ученикъ, весьма набожный, по собственному призванію постригшійся въ монахи. Исправно посѣщая богослуженія, онъ, при благовѣстѣ къ вечернѣ или во всенощной—хотя бы онъ былъ въ учебные часы, вставалъ со скамьи, крестился и уходилъ изъ класса въ церковь. Однажды это случилось при Филаретѣ, который зайдя въ классъ, самъ задавалъ вопросы ученикамъ.

— Куда ты? спросилъ онъ уходящаго семинариста.

— Въ церковь; къ вечернѣ благовѣстать...

— Но вѣдь ты слышишь, что я спрашиваю учениковъ? экзамень идетъ...

— Но Господь Богъ поважнѣй экзамена!

— А... если поважнѣй, то ступай! сухо сказалъ митрополитъ.

Черезъ нѣсколько времени этого самаго монаха отправили на службу, или на послушаніе, куда-то въ Камчатку ¹⁾.

Подъ вліяніемъ, можетъ быть, подобнаго рода рассказовъ, я въ моемъ эстампѣ, изображающемъ Филарета, придалъ его глазамъ и всему лицу выраженіе черствости, не соотвѣтствующее сложившемуся вообще понятію о его кротости. На это обратили вниманіе, и замѣтили мнѣ, что лицо „слишкомъ человѣчно и не мѣшало бы придать ему побольше святости“... Я, по возможности, смягчилъ выраженіе лица—и тогда нашли портретъ совершенно удовлетворительнымъ.

Надѣясь на доброту и сердечную ко мнѣ внимательность Федора Ивановича Гордана, я рѣшился представить портретъ Филарета на выставку, для полученія званія художника 1-го разряда. Это время совпало съ моею тяжкою болѣзнію: у меня обнаружился головной тифъ. Едва поправясь, я уѣхалъ въ деревню, къ женѣ, гдѣ провелъ все лѣто и осень 1868 года. Изъ писемъ,

¹⁾ Не отрицая правдивости рассказа, который переданъ лицомъ заслуживающимъ довѣрія, замѣчу теперь, что оба анекдота подхвачены и пущены въ ходъ любителями доискиваться темныхъ сторонъ въ самыхъ свѣтлыхъ личностяхъ. Если бы покойный Филаретъ былъ чуждъ нѣкоторыхъ человѣческихъ недостатковъ—онъ былъ бы совершенство.

полученных мною отъ Иордана, привожу слѣдующія, которыми по справедливости могу гордиться:

4 сентября 1868 г.

„Любезный Иванъ Петровичъ! Благодарю тебя за оба письма, хотя первое опечалило меня извѣстiemъ о продолженіи болѣзни твоей, головной боли; но второе обрадовало, что слава Богу чувствуешь себя совершенно здоровымъ. Мы перѣехали изъ Коломаги; не могу никакъ свыкнуться, послѣ чуждой жизни сельской, на вновь прескучную городскую жизнь и, къ стыду своему, до сихъ поръ все еще скучаю. О выставкѣ еще ни слова; въ будущей понедѣльникъ 9 сентября—экзаменъ. Мы, граверы—отличились; четверо изъ нихъ выставили: я, Константинъ, ты—мой дружокъ и Мосоловъ; послѣдній не сдѣлалъ чести твоему отличному рисунку, торопится на количество, а не на качество. Константинъ отлично кончилъ свою гравюру: „Несеніе Креста“, и, наконецъ, твоя гравюра ожидаетъ должной награды, чего она вполне достойна. Другихъ вещей очень мало и я боюсь сказать, что бы выставка не оказалась слабою.

„Вчерашняго дня я случайно узналъ, что газета „Петербургскій Листокъ“ вновь помѣстила статью о иностранномъ граверѣ, выписанномъ для новыхъ кредитныхъ билетовъ—съ тройнымъ жалованьемъ, когда все это могло быть сдѣлано своими. Ужена имѣется этотъ нумеръ, когда пріѣдешь, то прочтешь. Ахъ, предполагаю, будетъ 15 сентября. Ради Бога, подкрѣпи себя сельскимъ воздухомъ и совершенно здоровымъ возвращайся.“

11 сентября 1868 г.

„Поздравляю тебя съ класснымъ художникомъ 1-го разряда; той-же награды удостоенъ былъ и Н. С. Мосоловъ. Нашъ П. К. Константинъ отличился своею гравюрою: „Христосъ несетъ свой крестъ“, съ картиной Пиомбино—и всѣ сотоварищи и г. вице-президентъ удостоили его званіемъ академика. Все это было при сильныхъ стараніяхъ съ моей стороны. Князь не соглашался за твою руку у „Филарета“, находя ее очень слабою, не понимая, что ты ее сдѣлалъ съ такою-же рукою, какъ въ оригиналѣ. Онъ предполагалъ, что больше слѣдующаго 2-го класса не стоитъ дать, однако я уговорилъ, что ты вполне достоинъ 1-го класса, такъ и записали, что было 9-го, а сегодня 11-го опять имѣли совѣтъ и все это скрѣпили. Въ пятницу ожидаемъ великаго князя президента. Надѣмся, что не будетъ перемѣнъ. Ученника на 1-ю золотую медаль дали Харламову, за чудные пейзажи Орловскому, а двѣ 1-я думъ архитекторамъ, въ томъ числѣ смну В. В. Басина. Всего четыре первыхъ золотыхъ медалей. Вторая золотая медаль дана одному архитектору Токареву, двумъ скульпторамъ: Снигревскому и Дылеву. Кажется—и все! Профессорами сдѣланы: Рицдонп и скульпторъ Иенсенъ; про академикомъ не говорю: ихъ не перечесть. Выставка не богата, на новомъ мѣстѣ вверху и, кажется, будетъ темна. Ефимовъ получилъ класснаго художника 2-го разряда. Всѣмъ поклонъ. Вѣсь твой Иорданъ.

„P. S. Вчера хоронили у насъ художника Вольскаго, былъ отличный человекъ“.

Въ моихъ воспоминаніяхъ поэзія художества неразлучна съ житейскою прозою; слово о нуждахъ примѣшивается къ разговорамъ объ успѣхахъ, какъ печальный пригвѣвъ къ веселымъ пѣснямъ.

Выдача стипендіи изъ министерства государственныхъ имуществъ должна была мнѣ быть прекращена. Этимъ могъ мнѣ быть нанесенъ весьма чувствительный ударъ моему болѣе, нежели скромному бюджету. Именно въ это время я намѣревался переселить жену и дѣтей въ Петербургъ; но мыслимо-ли это было безъ опредѣленнаго содержанія? Ходатайству Иордана я былъ обязанъ тѣмъ, что выдачу стипендіи продолжили мнѣ еще на годъ, переведя ея сумму на министерство внутреннихъ дѣлъ. Я получалъ деньги чрезъ посредство уважаемаго профессора Федора Григорьевича Солнцева.

Около этого-же времени, т. е. зимою 1869—1870 года судьба послала мнѣ добраго помощника и защитника отъ угрожавшей мнѣ нищеты въ лицѣ покойнаго Николая Алексѣевича Кирѣева, имя котораго незабвенно въ лѣтописяхъ освобожденія турецкихъ славянъ, какъ одного изъ первыхъ нашихъ „добровольцевъ“, павшаго съ оружіемъ въ рукахъ на полѣ битвы. Познакомились мы совершенно случайно.

Работалъ я въ Эрмитажѣ, надъ копіею съ Рембрандта для офортиста Николая Семеновича Мосолова. По заламъ въ это время ходили двѣ дамы: одна довольно полная, красивая собою, другая постарше, поменьше ростомъ, съ живыми, чрезвычайно выразительными глазами. Посматривая издали на мой рисунокъ, эти дамы, наконецъ, подошли ко мнѣ и спросили: для чего я копирую?

— Для гравированія на мѣди, отвѣчалъ я.

— Какъ хорошо, чисто и отчетливо!

— Иначе не должно и рисовать для гравировки. Я граввирую и самъ...

— Ваша фамилія? спросила дама постарше.

— Пожалостинъ.

— Иванъ? Такъ я васъ знаю. Мы земляки; я сама рязанская уроженка. Имя мое можетъ быть вамъ знакомо? Я—Хвоцинская, Надежда Дмитриевна, а эта дама—Ольга Алексѣевна Новикова, рожденная Кирѣева.

Вниманіе этихъ дамъ, изъ которыхъ одна,—извѣстная наша

писательница (подъ всевдонимомъ „В. Крестовскаго,“) другая—супруга товарища попечителя Кіевскаго учебнаго округа, любительница музыки и сама отличная музыкантша, крайне польстило моему самолюбію. По ихъ любезному приглашенію, я, на слѣдующій день, принесъ къ нимъ мои рисунки—и тутъ Ольга Алексѣевна отрекомендовала меня своему брату, Николаю Алексѣевичу, занимавшемуся тогда предпріятіемъ по рыбинско-бологовской желѣзной дорогѣ. Съ первыхъ-же словъ его и обѣихъ собесѣдницъ я угадалъ въ нихъ страстныхъ любителей и знатоковъ изящныхъ искусствъ. Кирѣевъ былъ знакомъ съ Ѡ. И. Іорданомъ, который замолвилъ ему обо мнѣ доброе слово. Николай Алексѣевичъ посѣтилъ мою скромную мастерскую и, принявъ во мнѣ самое теплое, сердечное участіе, родственно озаботился улучшеніемъ моего быта. Помимо постоянной субсидіи въ 50 руб. сер. ежемѣсячно, онъ сдѣлалъ подписку въ мою пользу, давшую значительную сумму денегъ. Онъ далъ мнѣ средство перевести двухъ моихъ старшихъ дѣтей, сына и дочь, въ Петербургъ... самое-же главное: окончить начатый два года тому назадъ эстампъ: „Несеніе креста Спасителя“—что было-бы немисливо безъ щедрой помощи незабвеннаго Николая Алексѣевича.

Но я опять сдѣлалъ отступленіе отъ послѣдовательности порядка времени; знакомству моему съ покойнымъ Кирѣевымъ предшествовала моя поѣздка на кумысь—сначала поправившая, а потомъ пуще прежняго разстроившая мое здоровье.

XII.

Поѣздка на кумысь.—А. Н. Майковъ.—Возвратный путь.—Жигулевскія горы.—Болѣзни.—Отъѣздъ на родину.—Художественные труды.

1869—1881 гг.

Весною 1869 года, сильный кашель и боль въ груди, слѣдствія прежнихъ тяжелыхъ болѣзней, возбудили во мнѣ опасеніе: не развивается-ли у меня чахотка. Обратясь къ совѣту доктора, я получилъ въ отвѣтъ, что мнѣ не мѣшало-бы попользоваться леченіемъ заграничнымъ. Совѣтъ прекрасный, но на какія средства могъ я ему послѣдовать? Разъ, по представленію Іордана, я уже получалъ пособіе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вторичная попытка могла быть безуспѣшна... Однако-же и на этотъ

разъ я получилъ пособіе въ размѣрѣ восьмисотъ руб. сер. Этой суммы, на заграничную поѣзду, одному, было-бы, конечно, весьма достаточно; но надобно было подумать о женѣ и дѣтяхъ; потому—что могъ я дѣлать за границую, не зная ни одного иностраннаго языка? Подумавъ, я рѣшился ѣхать на кумысь, въ Самарскую губернію: оно и дешевле, да и толку, пожалуй, будетъ побольше.

Тогда, въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, только что открывалось кумысо-лечебное заведеніе Чембулатова. Я пріѣхалъ въ началѣ мая и съ первыхъ же дней почувствовалъ благотворное вліяніе чудеснаго напитка, которое можно назвать шампанскимъ магометанскаго востока. Жилось мнѣ очень хорошо. Раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ я пользовался прогулкою, такъ какъ съ 10 часовъ утра, до солнечнаго заката, зной достигалъ до 40°. Пользовавшихся кумысомъ было такое множество, что его не хватало на жаждущихъ. Замѣчу, при этомъ, что общество было прекрасное; душою его былъ нашъ знаменитый поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Его веселый, живой характеръ, всегда пріятная остроумная бесѣда оставили во мнѣ много самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Изобрѣтательный на развлеченіе, Майковъ устраивалъ танцевальныя вечера, пикники; на первыхъ и я пускался въ плясъ. Силы мои прибывали съ каждымъ днемъ, я нѣсколько пополнѣлъ и цвѣтомъ лица поправился. Пользуясь леченіемъ и дозволяя себѣ безгрѣшныя удовольствія, я не оставлялъ и моихъ художественныхъ занятій: срисовалъ портреты съ жены Чембулатова и съ познакомившагося со мною одного авдизнаго надзирателя. Знакомыхъ въ Самарѣ я пріобрѣлъ множество; при моемъ отъѣздѣ отсюда меня провожали на трехъ тройкахъ.

Обратный путь вздумалось мнѣ совершить по Волгѣ, на пароходѣ. Плаваніе предстояло мимо знаменитыхъ Жигулевскихъ горъ (въ Симбирской губерніи), замѣчательныхъ по красотѣ и разнообразію формаціи и наслоенія. Я слышалъ, что при солнечномъ закатѣ, эти громады отличаются самыми разнообразными колерами, неуловимыми для кисти пейзажиста. Попытка братьевъ Чернецовыхъ изобразить Жигулевскія горы была далеко неудачна. Желая насладиться зрѣлищемъ заката солнца въ виду этихъ

горь, я взялъ себѣ мѣсто на палубѣ, въ третьемъ классѣ. Ночь была холодная, я сильно продрогъ, задремалъ и проѣхалъ горы, не выдавъ ихъ. За эту неосторожность я заплатился новою болѣзнію: ревматизмомъ! Въ Рязань пріѣхалъ совсѣмъ безъ ногъ; три недѣли не могъ тронуться съ мѣста и пять недѣль ходилъ на костыляхъ... Избавясь отъ одной напасти, я, по пріѣздѣ въ Петербургъ, наткнулся на другую. Бѣдная жена моя, занимаясь всѣми домашними работами, въ особенности стиркою бѣлья (мы не имѣли средствъ держать прислугу), такъ жестоко простудилась, что ей свело руки и весною 1870 года я былъ принужденъ увести ее обратно въ Солотчи.

Къ этому времени относится слѣдующее письмо:

1

„19-го мая 1870 года.

Любезный Иванъ Петровичъ! Только что часъ тому назадъ, что получено было ваше письмо моею женою, гдѣ высказано сѣтованіе, что я на два ваши письма не отвѣчалъ. Я предполагалъ, что вы теперь въ деревнѣ, что вы вполнѣ счастливы и—пополамъ съ трудомъ и прогулкою, поправили свое здоровье, слѣдственно не зачѣмъ беспокоить своими ничтожными пидульками. Изъ письма-же вашего я усматриваю совершенно противоположное: здоровье плохо поправляется и будущность васъ тревожить. На счетъ здоровья нужно приложить всевозможное стараніе, находись теперь въ родномъ полѣ, въ родномъ воздухѣ, на здоровыхъ родныхъ полявахъ, чтобы поправить его. Все время старайтесь, или большую часть его, быть на свѣжемъ воздухѣ, заниматься сельскимъ хозяйствомъ и все это, внѣ дома, и только тогда присѣсть къ нашей трудной работѣ, когда чувствуете въ себѣ къ тому полную силу, ибо все можно перевозмочь, кромѣ здоровья: нѣтъ его—не брать-же его силою, или приступомъ; а я боюсь, что вамъ на каждой минутѣ хотѣлось бы, вопреки здоровью, подвинуть хотя на воробьиный шагъ свою работу и этотъ ничтожный шагъ убиваетъ ваши гигантскіе шаги, которые — кто можетъ знать!—предстоятъ вамъ въ будущности. Разумѣется, все, что пишу вамъ теперь, вы слышали и слышите отъ меня почти ежедневно; мой долгъ есть повторять этотъ совѣтъ до тѣхъ поръ, пока вы совершенно вразумитесь и если последуете, то, я увѣренъ, что при отличномъ поведеніи и отличной конструкціи тѣла, Богъ васъ наградитъ и тѣмъ, что отыметъ, наконецъ, убивающую васъ головную боль. Не рассчитывайте на ту жертву времени, которую придется вамъ этой потрясающей болѣзни принести въ дань. О будущемъ не совѣтую вамъ много думать; будущее—какъ старикъ, говорю вамъ изъ опыта—само устрояется. О будущемъ думать—терять время! Слѣдуетъ поправить здоровье: вотъ вашъ капиталъ; если онъ потерянъ, хлопочите его поправить... Безъ капитала, даже не торгуютъ; больши паче думать о будущности жизни безъ здоровья.

„Не знаю, получили-ли вы слѣдующія вамъ деньги изъ департамента? Ѳ. Г. Солицевъ взялся ихъ вамъ выслать; о концѣ дѣла не слыхалъ, а вы не пишете. Какъ-то вечеромъ постилъ меня Н. А. Кирѣевъ; толковали о богатствахъ, а онъ, кажется, рѣшительно купилъ на Невскомъ домъ, въ 400 т рублей. Помогай ему Провидѣніе! Дай-то ему разбогатѣть: его доброе сердце въ состояніи согрѣть и дать кусокъ хлѣба многимъ нуждающимся художникамъ.—Былъ у насъ послѣ Пасхи простой экзамень, и, не смотря, что ученики имѣли цѣлыхъ 4 недѣли времени, но прежде бывшихъ рисунковъ не видали—и медали приходится давать рисункамъ, которые прежде едва получали 20-е номера.. Впрочемъ—на безрыбьи и ракъ рыба; вслѣдствіе чего и слабыхъ признали за хорошихъ и назначили довольное число медалей по всѣмъ частямъ. Граверный классъ и его ученики существуютъ только на списокъ, но труды ихъ, не видать, чтобы шли впередъ—и даже классы совершенно пусты. Съ вами—кажется, все кончилось. Теперь идутъ учебные экзамены въ анатоміи; идутъ хорошо: и профессоръ достойнѣйшій преподаватель. Что дѣлаютъ программисты—неизвѣстно: профессора не ходили еще по кабинетамъ. Дѣти ваши—украшеніе всѣхъ дѣтей и это есть лучшая награда свыше! Катя—примѣрная дѣвица, а Петя—молодецъ и экзаменуя его въ рисованіи, я нашель, что онъ можетъ быть хорошимъ художникомъ, но слабъ здоровьемъ. Ему нужно что нибудь полегче, чѣмъ трудное и неблагодарное искусство. — Прощайте, до слѣдующаго письма — весь вашъ Гордапъ“.

Здѣсь на порогѣ въ чужіе края, прерываю я свои воспоминанія. Послѣдующій дѣсяти-лѣтній періодъ находится покуда у меня въ черновыхъ наброскахъ. Не отказываюсь отъ надежды напечатать эти рассказы, со временемъ, по ихъ окончательной отдѣлкѣ, на страницахъ искренно уважаемаго мною историческаго изданія „Русская Старина“, сохранившаго на своихъ страницахъ между массою матеріаловъ весьма много данныхъ и для біографій отечественныхъ художниковъ, въ общей семьѣ которой имѣю честь принадлежать.

Въ заключеніе же настоящихъ главъ моихъ „Воспоминаній“, помѣщаю перечень художественныхъ моихъ произведеній за послѣдніе десять лѣтъ моей трудовой жизни.

1871. „Несеніе креста Спасителемъ“, копія съ Луиджи Караччи (за этотъ эстампъ я удостоенъ званія академика).

1872. Портретъ Карла Павловича Брюллова (гравированъ по заказу Д. В. Григоровича, для общества поощренія художниковъ. Удостоенъ благодарности отъ совѣта).

1874. Амвросій II Моревъ, епископъ Пензенскій (посеребренная доска гравюры находится при его гробницѣ въ Пензенскомъ соборѣ).

1875. „Птицеловъ“, съ картины Перова (удостоенъ Высочайшей благодарности въ Бозѣ почившаго императора Александра II).

— По заказу М. И. Семевского, для издаваемого имъ историческаго журнала „Русская Старина“:—А. П. Ермоловъ (съ портрета Доу), князь А. Потемкинъ-Таврическій, Димитрій Самозванецъ (съ эстампа его времени), графъ П. А. Зубовъ, побѣдитель Пугачева И. И. Михельсонъ (*épreuve d'artiste*: Пугачевъ) ¹⁾.

1876. По заказу М. И. Семевского для „Русской Старины“: Президентъ императорской акад. худ. А. Н. Оленинъ (*érg. d'art.* О. Г. Солнцева).

По заказу М. И. Семевского для „Русской Старины“: Графъ А. М. Мамоновъ (*érg. d'art.* пѣтухъ).

— Для г. Половцова—виньетка: копія съ Ватто.

— В. А. Жуковскій (*érg. d'art.* редакторъ послѣднихъ изданій собраній сочиненій Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова—извѣстный библиографъ П. А. Ефремовъ).

1877. И. И. Глазуновъ (*érg. d'art.* сынъ его).

— Графъ М. А. Корфъ (*érg. d'art.* его супруга и графъ М. М. Сперанскій).

1878. А. И. Глазуновъ (*érg. d'art.* его бабушка).

— Н. А. Некрасовъ (*érg. d'art.* его супруга и В. Г. Бѣлинскій).

1879. И. А. Гончаровъ.

— А. С. Хомяковъ (*érg. d'art.* П. А. Бартеневъ).

— Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна Великая Княгиня, [нынѣ Ея Императорское Величество Государыня Императрица] Марія Феодоровна (*érg. d'art.* портретъ Е. И. Высочества Государя Великаго Князя Цесаревича Николая Александровича).

¹⁾ *Epreuve d'artiste*: „пробую художника“ называется легкій рисунокъ на гравировальной доскѣ эстампа, отпечатываемый „до подписи“ (*avant la lettre*), а потомъ сглаживаемый; экземпляры съ подобными легкими оттисками печатаются въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для любителей. Такие оттиски или марни на поманутыхъ портретахъ слѣдующіе: на портретѣ Ермолова—портретъ И. П. Пожалостина; на портретѣ самозванца—Марина Мишекъ; на портретѣ Зубова—Екатерина II.

1880. Г. Р. Державинъ, въ халатѣ и колпакѣ.

— Академикъ Я. К. Гротъ.

— К. П. Усларъ.

— Д. А. Ровинскій.

— „Испытаніе силы Яна Усмовича“, съ картины Угрюмова, большой эстампъ. (За него я удостоенъ званія почетнаго общника императорской академіи художествъ).

1881. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна.

— С. Петербургскій городской голова И. И. Глазуновъ (epreuve d'artiste: лица его семейства).

И. П. Пожалостинъ.

С. Петербургъ. Іюнь 1881 г.

ОБДОРСКІЙ ВОЗМУТИТЕЛЬ.

1844 или 1845 г.

I.

Въ 500-хъ верстахъ отъ историческаго города Березова и въ 1560-ти отъ Тобольска, прямо на сѣверъ, находится селеніе Обдорскъ, лежащее подъ 66° с. ш. Жители Обдорска народъ пришлый. Все населеніе простирается до 200 человѣкъ. Это тобольскіе и березовскіе переселенцы: купцы, мѣщане и казаки. Занимаются звѣроловствомъ, рыбной ловлею и мелкой торговлей. Обдорскъ—довольно красивое селеніе. Дома, болѣею частію, новыя, построенныя изъ сосноваго и кедроваго лѣса. На высокомъ берегу стоитъ небольшая деревянная церковь. Вообще этотъ городокъ, какъ его называютъ даже въ официальныхъ бумагахъ—производитъ пріятное впечатлѣніе, когда подъѣзжаешь къ нему. Холмъ, на которомъ расположенъ Обдорскъ, представляетъ довольно значительную по величинѣ, продолговатую тундру, саж. 800 въ окружности. Растительность самая скудная: тощій кустарникъ, мохъ и сѣверная ягода: брусника, морошка и княжника—вотъ и все. Домовъ въ Обдорскѣ около 50 ¹⁾. Съ одной стороны, съ восточной, течетъ рѣчка Полуи, а съ другой Шайтанка. Большую часть лѣта тундра имѣетъ видъ острова. Величавая Обь протекаетъ въ виду городка, верстахъ въ 5-ти отъ него. Не заселенной мѣстности, на тундрѣ, болѣе ²⁾. Какъ мѣста застроенныя переселенцами, такъ равно и не заселенныя окрестности принадлежали прежде инородцамъ. Бывшій генералъ губернаторъ Гасфортъ исходатайствовалъ, для жителей Обдорска, утвержденіе за ними всей земли. Въ благодарность начальнику края, жители Обдорска, по

¹⁾ Я былъ тамъ въ 1857 году.

Авт.

убѣжденіямъ мѣстнаго богача Чечурова, согласились воздвигнуть генералу памятникъ. Въ бытность мою здѣсь, памятникъ уже былъ готовъ. Онъ выложенъ изъ кирпича, футовъ въ 20 вышиною. Надписи не было никакой; но потомъ я слышалъ, что тотъ же затѣйникъ Чечуровъ, сочинивши благодарственную надпись, отослалъ ее въ Екатеринбургъ для вырѣзки, на мраморной доскѣ, для памятника—и, когда привезена была доска, — то жители, съ изумленіемъ, увидѣли благодѣтеля своего Гасфорта, переименованнаго въ Фосфорта. Это случилось, конечно, благодаря самоувѣренности и малограмотности сочинителя.

Въ настоящее время въ Обдорскѣ содержится мисіонерское училище отъ правительства; учениковъ считается 27, ученицъ 20. Въ концѣ 1850-хъ годовъ, тамъ была школа при церкви, которая и держалась, благодаря усердію бывшаго мѣстнаго священника Попова.

Въ 70-ти верстахъ отъ Обдорска на западъ красуется величественный Уралъ, куда съ весны инородцы прогоняютъ своихъ оленей для пастбы. Видъ этихъ горъ, въ ясный день, восхитителенъ, особенно кто не видалъ лучшихъ мѣстностей. Разноцвѣтныя полосы, на бокахъ горъ, играющія отъ лучей солнца, представляютъ волшебное зрѣлище. Если смотрѣть съ тундры на горы, то онѣ кажутся не болѣе какъ въ 7 или 10 верстахъ отъ наблюдателя. Такъ великъ оптический обманъ ¹⁾.

Съ 1-го января по 6-е въ Обдорскѣ бываетъ, такъ называемая, крещенская ярмарка, куда, кромѣ купцовъ тобольскихъ и березовскихъ, пріѣзжаетъ множество инородцевъ березовскаго округа: остяковъ и самоѣдовъ ²⁾, а изъ Архангельской губерніи являются зыряне, — эти, своего рода, евреи полярныхъ странъ, эксплуатирующіе несчастныхъ остяковъ и самоѣдовъ, наравнѣ съ цивилизаторами инородцевъ — россиянами. Привозятъ сюда, преимущественно: коровье масло, семгу, оленьи шкуры и множество пушныхъ товаровъ: песцовъ, соболей, бѣлокъ и лисицъ, а также пухъ, перо, мамонтовую кость, моржовые клыки ³⁾. Все это скупается у инородцевъ тѣми же березовскими и

¹⁾ Въ статьѣ моей „Берега Оби и ея обитатели“, напечатанной въ Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1858 г. № 2, я довольно подробно описалъ березовскій край; въ этой статьѣ, восхитившись невиданнымъ еще мною зрѣлищемъ горъ—распространился и о нихъ.

²⁾ Въ это время бываетъ здѣсь сборъ асака, а потому въ Обдорскъ съѣзжаются не только мѣстныя березовскія власти, но часто пріѣзжаютъ и высшія изъ Тобольска или Омска.

³⁾ Приблизительно на 150—180 тысячъ.

Авт.

обдорскими жителями-промышленниками и купцами; скупается весьма дешево, а болѣе вымѣнивается на различный товаръ: муку, сукно, табакъ, равныя мелочи, а подѣ сурдинкой—и на водку, продажа которой строжайше воспрещена въ Обдорскѣ. Всѣ инородцы, безъ исключенія, большіе охотники до водки и стоитъ только разманить ихъ этимъ волшебнымъ напиткомъ,—они готовы отдать за него все, что при нихъ окажется. Въ бытность мою на службѣ въ Березовѣ, въ концѣ 1850-хъ годовъ, я бывалъ свидѣтелемъ торговли, которую, блаженной памяти, откупъ велъ съ инородцами. Такъ какъ далѣе Березова на сѣверъ, торговли виномъ уже нѣтъ, а въ Обдорскѣ продажа водки—незаконная, производится въ маломъ количествѣ и подѣ опасеніемъ огромнаго штрафа и отвѣтственности передъ судомъ; то, въ мартѣ мѣсяцѣ, сотни инородцевъ, съ дальнихъ тундръ, являются въ Березовъ на своихъ быстроногихъ оленяхъ, версть за 600 и болѣе. Наложивъ на свои длинныя нарты ¹⁾ звѣриныя шкуры, они ѣдутъ прямымъ и почти бевостановочно до самаго Березова, никогда не теряя пути и узнавая его по звѣздамъ, которыя ярко свѣтятъ на ясномъ небѣ, въ морозныя ночи. На каждой нартѣ сидитъ одинъ и не болѣе двухъ инородцевъ, которые и управляютъ попеременно оленями. И вотъ нарты 10 и болѣе являются, одновременно, въ Березовъ и останавливаются у знакомаго зданія, въ которомъ, къ тому времени, сортируется водка, спеціально для продажи дикарямъ. Что это за напитокъ, можно представить себѣ уже потому, что и мѣстнымъ жителямъ, въ откупное время, продавалась, иногда, какая то отравя, въ родѣ купороснаго настоя, а съ инородцами не перемонились и того болѣе. Имъ отпускали вино процентовъ въ 15, по нынѣшнему Траллесу, съ примѣсами уже вовсе нецѣлебными. Надо замѣтить, что управляющіе откупомъ въ Березовѣ дожидались золотого марта съ нетерпѣніемъ и надеждою на главный доходъ откупа въ теченіи года. Не забывали управители и себя. Прибывшихъ инородцевъ встрѣчалъ переводчикъ, получающій хорошее жалованье отъ конторы, и велъ въ домъ управляющаго, отстоящій отъ главнаго кабака въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Не говоря ни слова, остяки и

¹⁾ Длинныя и очень низкія сани, съ широкими полозьями, никогда неокорванными. Правятъ оленями длиннымъ шестомъ, которымъ указываютъ направление этимъ прелестнымъ и полезнѣйшимъ животнымъ. Возжей нѣтъ, кромѣ одной. Шестъ, съ одной стороны, съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ родѣ копыя; другой конецъ тупой. Этотъ шестъ (саж. 1½, и болѣе длинны) служитъ иногда и оружіемъ, при встрѣчѣ инородцемъ мелкаго звѣря: лисицы, песца, куницы и соболя. Тогда онъ свачетъ за звѣремъ и бросаетъ въ него свое копые, рѣдко дѣлая промахъ. Авт.

самоѣды входили въ теплыя горницы гостепріимныхъ хозяевъ и тотчасъ же, снявши верхнее платье—гусь ¹⁾, дикари усаживались на полъ. Немедленно имъ подавалось по стакану водки и приносилась закуска, состоящая изъ цѣльныхъ замороженныхъ рыбъ: нелемъ, максуновъ и щекуровъ. Каждый инородецъ вынималъ изъ ноженъ, прикрѣпленный къ поясу, острый ножъ и съ особеннымъ искусствомъ,—не доступнымъ многимъ даже мѣстнымъ жителямъ березовскаго края, содравъ кожу съ рыбы, начиналъ строгать ее мелкими ломтями и съ жадностью глотать. Съѣдалось непоимѣрно много, послѣ двухдневнаго голода и мороза. Въ заключеніе подавалось, въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, кислое молоко, которое инородцы также съѣдали ведрами... Водки болѣе не давали, не изъ экономіи, конечно, а находя это неблагоприятнымъ, по различнымъ соображеніямъ. Поѣвши плотно, дикари предавались глубокому сну. Спустя нѣсколько часовъ, они проснулись и тогда уже начиналось дѣло. Гостямъ снова подносили водки; но уже не въ стаканахъ, а въ рюмкахъ; послѣ первой, наливали вторую, а затѣмъ третью. Тогда дикари, вынувъ изъ одного рукава малицы свои руки и всунувъ ихъ за пазуху, вынимали оттуда, черезъ воротъ малицы, различныя звѣриныя шкурки: песцовыя, лисьи, дешевыхъ бобровъ и, съ поклономъ, подносили хозяевамъ, преимущественно—хозяйкѣ, въ видѣ подарковъ. Послѣ этого, черезъ переводчика, начиналась торговля. Единицею при торгѣ, со стороны откупныхъ, было ведро водки, а со стороны инородцевъ—лисица (извѣстнаго сорта) или песецъ. Соболю, боберу и, въ особенности, бурой лисице или голубой песцу составляли стоимость нѣсколькихъ обыкновенныхъ песцовъ или лисицъ. Торговались инородцы не крѣпко и товаръ ихъ всегда доставался за безцѣнокъ, не говоря уже о достоинствѣ получаемой ими водки. Я былъ, однажды, свидѣтелемъ, какъ за 2½ ведра сивушной отравы была приобрѣтена бобровая женская ягушка ²⁾, считая изъ десяти или двѣнадцати шкуръ. При такихъ громадныхъ барышахъ, откупъ, конечно, долженъ былъ дѣлиться съ властями: городничимъ, исправникомъ, обдорскимъ

¹⁾ Одежда изъ стараго оленя, шерстью вверхъ, съ треухомъ на головѣ. Кромѣ этого каждый инородецъ, отправляясь въ дальній путь, надѣвалъ малицу и парку. Малица—одежда въ родѣ длинной рубахи, шерстью внизъ, сдѣланная изъ неплюевъ или молодыхъ оленей. Парка надѣвается на голое тѣло и дѣлается изъ только что родившихся оленьихъ дѣтенышей. Она также шьется шерстью вверхъ, съ треухомъ. На ногахъ надѣвается двойная обувь, также изъ оленьихъ шкуръ и лапъ (такъ называемая „кенги“). Въ этомъ костюмѣ остякъ или самоѣдинъ не доступенъ для самаго сильнаго мороза.

²⁾ Та же малица, но съ полами и шерстью вверхъ. Авт.

засѣдателемъ и проч. Не мѣсто здѣсь рассказывать о нѣкоторыхъ случаяхъ нашествія властей къ воротамъ березовскаго управляющаго, въ самый разгаръ торговли. Я былъ свидѣтелемъ одного такого нашествія интересно-возмутительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ—комическаго. Послѣ недолгихъ переговоровъ съ хозяиномъ, за воротами,—почтенные блюстители закона, какъ милые знакомые, явились въ домъ пить чай и играть въ карты. Кромѣ пушнаго товара, самоѣды привозятъ иногда, для покупки водки, и кредитныя билеты. Откуда они являются, на самыхъ отдаленныхъ тундрахъ, такихъ, на которыя, можетъ быть, еще не ступала нога ни одного русскаго—этого объяснить не могу.

II.

Въ 1844 или 1845 г. ¹⁾, на Обдорскую ярмарку собралось очень много торговцевъ. Чиновный людъ: исправникъ, мѣстный засѣдатель, кой-кто изъ тобольскихъ чинovníковъ также былъ на лицо. Былъ, кажется, тутъ же прїѣзжій жандармскій офицеръ. Торговля шла бойко. Русскіе торгаша потирали, отъ удовольствія, руки, скупивъ весьма выгодно пушнину. Добродушный исправникъ Скорняковъ былъ чрезвычайно доволенъ удачнымъ сборомъ ясака. Иностранцы, пребывающіе на своихъ нартахъ и ночующіе подъ красивымъ полярнымъ небомъ, просвѣтленнымъ 35—40 град. морозами—также находились въ блаженномъ состояніи, лакомясь, ежедневно, волшебнымъ напиткомъ и кускомъ сыраго оленьяго мяса или вкусной рыбы. Наслаждались они и набиваніемъ рта нюхательнымъ табакомъ, дѣйствіе котораго напоминало имъ, нѣсколько, одуряющее свойство водки. Все шло хорошо! Было нѣсколько неприятныхъ случаевъ; но это не въ счетъ; безъ нихъ не обойтись: замерало на своихъ нартахъ нѣсколько сильно опьянѣвшихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ молодая женщина съ ребенкомъ, плотно прижавшимся къ открытой груди кормилицы ²⁾. Было нѣсколько дракъ; одного торгаша пообокрали, другаго поймали съ продажной влагой, напоминавшей, по запаху, низкодобротную водку—все уладилось!

Вдругъ весь Обдорскъ былъ пораженъ страшнымъ извѣ-

¹⁾ Все написанное нами о Ваулѣ мы излагаемъ по рассказамъ. Я обращался съ просьбою достать мнѣ подлинное дѣло Вауля, которое должно бы было храниться въ архивѣ Тобольскаго губернскаго суда; но, по справкамъ, дѣла этого не нашлось. Весьма вѣроятно, что въ подробностяхъ моего разсказа могутъ быть неточности. Будемъ весьма благодарны, если кто, ближе знакомый съ этимъ интереснымъ дѣломъ, исправитъ наши неточности и пополнитъ пробѣлы статьи.

З. В.

²⁾ Факты замерзанія пьяныхъ иностранцевъ, во время сна—очень часты.

стіемъ. Верстахъ въ 30 или 40 отъ города появился, съ многочисленной ватагой, нѣвѣстный уже правительству грабитель Вауль Піеттоминъ. Кто-то былъ въ станѣ разбойника и видѣлъ его лично. «Нартъ множество, въ каждой по три по четыре оленя; шки какъ гѣсъ стоятъ, собирается Вауль сюда, скоро прїѣдетъ!» Вспокоились власти. Безмятежный исправникъ, «капитанъ Митька», какъ его называли инородцы—совсѣмъ растерялся. Военнаго отряда въ Обдорскѣ нѣтъ и не полагается. Во время ярмарки бываетъ тутъ нѣсколько казаковъ, прїѣзжающихъ съ чиновниками и исполняющихъ обязанности полицейскихъ служителей. Придумали послать въ Березовъ нарочнаго, съ требованіемъ присылки мѣстной казацкой команды, въ числѣ 50 или болѣе человекъ. Такъ и сдѣлали: нарочный прилетѣлъ въ Березовъ быстро. Березовцы успокоились не менѣе Обдорцевъ. «Возьметъ Обдорскъ, придетъ и сюда, все отниметъ, въ конецъ разворитъ насъ... Вѣдь за нимъ всѣ самоѣды пойдутъ, если захочетъ». Однако войско, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, съ кремненными, ржавыми ружьями, отправилось противъ непріятеля. Предводителемъ былъ посланъ пятидесятникъ А. М. Буторинъ ¹⁾. Между прочимъ въ Обдорскѣ нашелся спаситель, покончившій все дѣло просто и безъ большихъ хлопотъ. Это былъ мѣстный житель, довольно зажиточный мѣщанинъ, Нечаевскій, старшій другъ Вауля,—человѣкъ чрезвычайно смѣшленный, находчивый и рѣшительный. Онъ-то и явился къ властямъ съ неожиданнымъ для нихъ предложеніемъ: «Я поѣду въ станъ Вауля и привезу его живаго сюда. Чѣмъ меня награждать за это?» Ему наобѣщали всякія милости. «Медаль дадутъ?»—«Дадутъ, дадутъ, ужъ мы похлопочемъ, только спаси ради Бога!»—Нечаевскій отправился. Весь Обдорскъ провожалъ его съ напутствованіями и съ надеждой на спасеніе....

Кто же былъ этотъ страшный человѣкъ—Вауль? Это была, дѣйствительно, весьма замѣчательная, между дикарями, личность, уже давно знакомая всему краю и властямъ. Въ началѣ 1840-хъ годовъ, въ березовской тюрьмѣ, находящейся при полиціи и неогороженной даже тыномъ, можно было видѣть арестанта-самоѣда, лѣтъ подл 40, средняго роста, крѣпко сложеннаго, съ красивымъ и энергичнымъ лицомъ и весьма умными глазами. Это былъ Вауль. Онъ судился за грабежи... Живя на отдаленныхъ тундрахъ, этотъ человѣкъ набралъ себѣ шайку послушныхъ земляковъ и съ ней развѣзжалъ

¹⁾ Нынѣ, кажется, эскадръ въ отставкѣ; человѣкъ, нажившій, различнаго рода торговлей, огромное, для того края, богатство. Авт.

по сосѣдямъ, отнимая у богатыхъ оленей и раздавая ихъ немущимъ, не забывая, конечно, брать и для себя львиную часть. Къ убійствамъ онъ никогда не прибѣгалъ, да и не было надобности. Робкіе и крайне не воинственные соотчичи не сопротивлялись ему. Но что всего замѣчательнѣе—Вауль проповѣдывалъ вездѣ и всѣмъ необходимость отдѣлиться отъ русскихъ, не платить имъ ясакъ и отобрать у нихъ всё занятая ими земли... Молодца поймали и привезли въ Березовъ. Тамъ онъ судился, былъ наказанъ и сосланъ въ Енисейскую губернію. Оттуда, вскорѣ, онъ сумѣлъ найти дорогу въ свои родныя тундры и вотъ теперь, собравши довольно значительныя силы, шолъ въ Обдорскъ съ тѣмъ, чтобы взять его, отобрать сданный уже ясакъ и раздать его обратно, а самому сдѣлаться полновластнымъ господиномъ, уничтоживъ ненавистнаго ему князя Таймина... Все это, какъ я уже сказалъ, привело мѣстныя власти и жителей Обдорска въ трепеть, хотя, говоря откровенно, бояться-то ужъ, черезъ чуръ, было и неосновательно. Что могъ сдѣлать этотъ, небывалый еще между дикарями, смѣльчакъ, имѣя даже сотни людей подъ рукою? Все ихъ оружіе заключалось въ стрѣлахъ и короткихъ ножахъ, если исключить пики, которыя употребляютъ лишь для управленія оленями и, въ рѣдкихъ случаяхъ, для охоты за мелкимъ звѣремъ... Три, четыре залпа изъ ружей, хотя и ржавыхъ, было бы достаточно, чтобы разогнать трусливое стадо дикарей... Но такова сила всего, что застаетъ върасплохъ! Въ это время у страха дѣлаются, по пословицѣ, глаза велики...

Нечаевскій явился въ станъ Вауля къ вечеру и сейчасъ же увидѣлся съ своимъ стариннымъ пріателемъ.

— Здорово другъ, сказалъ посланникъ.

«Здравствуй, зачѣмъ пріѣхалъ?»

— Будемъ говорить много; дѣло важное. Пойдемъ дальше отъ твоихъ.—Въ Обдорскѣ узнали, что ты пришолъ. Чиновники испугались, бѣжали въ Березовъ. Никто не знаетъ, что я къ тебѣ поѣхалъ. Нарочно, другъ, пріѣхалъ къ тебѣ сказать, что я вмѣстѣ съ тобой, за одно.

«Ой, Николка ¹⁾, не вѣрю. Ты худое что-то задумалъ. Погоди. позову шамана; пускай онъ скажетъ что у тебя на умѣ».

— Зови, другъ, зови. Мы съ тобой вѣдь много лѣтъ знакомы. Видѣлъ ты отъ меня худо? Когда тебя искали русскіе, развѣ я тебя выдавалъ имъ? А я вѣдь зналъ, гдѣ ты... Вотъ и теперь пришолъ помочь тебѣ. Поѣдемъ въ Обдорскъ вмѣстѣ; тамъ всё насъ испугаются

¹⁾ Имя Нечаевского.

и отдадутъ намъ весь ясакъ и все вино, а вина много, много. Ты мнѣ за это будешь всегда другомъ... Напишемъ потомъ бумагу русскому царю; скажемъ ему, что чиновники васъ обижаютъ, берутъ много ясака, а царь не велитъ это дѣлать. Онъ тебя посадитъ княземъ и отдастъ всѣ земли. Кто живетъ въ Обдорскѣ, ты того оставь, другъ. Они тебѣ будутъ платить ясакъ. Чиновниковъ всѣхъ прогонимъ, будемъ сами большіе бѣяры.. А если ты силой захочешь отнимать городъ у царя, онъ разсердится и не сдѣлаетъ тебя княземъ..

Много еще толковалъ, въ этомъ родѣ, обдорскій дипломатъ. Вауль пригадумался.

«Надо спросить моихъ, сказалъ онъ. Какъ они скажутъ...» ¹⁾

Было приглашено на совѣтъ человекъ десять самыхъ приближенныхъ Ваулю. Совѣщались безъ шума; но совѣтники бунтовщика крѣпко настаивали не довѣряться русскому, хоть и другу, и дѣлать по своему.

Передъ утромъ призвали шамана, одного изъ самыхъ славныхъ между этими полярными жрецами. Началась ворожба; закололи молодого оленя, содрали съ него шкуру, которую и очистили самымъ безукоризненнымъ образомъ, такъ что на ней не осталось ни малѣйшаго слѣда крови. Затѣмъ шкуру прикрѣпили къ длинному шесту, который другимъ концомъ воткнули въ снѣгъ. Шаманъ взялъ лукъ и стрѣлу, отошолъ шаговъ на 30 отъ цѣли и, произнося непонятныя, даже для своихъ родичей, слова, сильно натянулъ тетиву и стрѣла полетѣла, насквозь пробивъ шкуру. Когда ее сняли съ шеста,—всѣ присутствующіе, съ невольнымъ волненіемъ, стали разглядывать отверстіе, сдѣланное стрѣлой.

— Кровь, кровь! Не ходи, обмануть! вскричалъ шаманъ.—Дѣйствительно, около того мѣста, гдѣ пролетѣла стрѣла, на шкурѣ оказалась свѣжая кровь...

Смутился Нечаевскій; но не упалъ духомъ. Онъ снова началъ убѣждать Вауля ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и увѣрялъ, что кровь явилась къ добру и надо радоваться этому; что если Вауль его не послушаетъ, то все потеряетъ и ктонибудь выдастъ его русскимъ чиновникамъ. Если же друга послушаетъ, то они сдѣлаютъ дѣло безъ драки; всѣ будутъ живы и всѣмъ будетъ хорошо.

Стали еще ворожить. Послѣ долгихъ дикихъ завываній, непонятныхъ словъ, шаманъ началъ дѣлать порывистыя движенія руками, ногами и головой. Чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе и быстрѣе стали

¹⁾ У остяковъ и самоѣдовъ, какъ вообще у всѣхъ дикарей, языкъ бѣденъ въ высшей степени. Для отвлеченныхъ понятій словъ почти нѣтъ, а потому и выраженіе мыслей не полное и крайне затруднительное для инородца.

эти движенія; наконецъ шаманъ выхватилъ, изъ за пояса, свой ножъ и, со всего размаха, началъ тыкать имъ себя въ грудь и животъ¹⁾). Лицо его сдѣлалось страшно,—на сматыхъ губахъ показались клубы пѣны, глаза налились кровью и онъ, съ страшнымъ крикомъ, упалъ на сѣбѣ. Изъ распростертой руки шамана выпалъ ножъ;—онъ былъ въ крови. Минуть черезъ пять колдунъ очнулся. Онъ былъ совершенно невредимъ; на тѣлѣ, конечно, не оказалось ни одной раны. Ворожба предвѣщала бѣду. Снова начали уговаривать Вауля не слушать русскаго.

— Слушай, другъ, и вы всѣ слушайте, началъ Нечаевскій. Что я могу вамъ сдѣлать худаго? Ты, Вауль, возьми съ собой всѣхъ сколько у тебя есть людей, и пусть у самаго города они остаются. Въ городъ мы пойдемъ вмѣстѣ; веди съ собой хоть 10, хоть 20 человекъ. Я отъ васъ никуда не уйду и, если увидите, что я васъ хочу обмануть, убейте меня; я въ вашихъ рукахъ. Чиновниковъ нѣтъ, казаковъ нѣтъ, жители васъ не тронуть. Чего вамъ бояться? Вы знаете нашего Бога Николау?²⁾ Вотъ что я скажу другъ: если я тебя обману, пусть Никола убьетъ меня! Еще чего хочешь? Хочешь, поклянусь вашими клятвами...

Снова стали совѣщаться. Рѣшили на томъ, чтобѣ ѣхать всѣмъ, но Нечаевскій уговорилъ, все таки, остановиться верстахъ въ 5 отъ Обдорска, выбравъ мѣсто, которое бы скрывало отъ жителей становище. Еще не совсѣмъ стемнѣло, когда ватага расположилась вблизи города. Выбравъ человекъ 18 самыхъ надежныхъ самоѣдовъ, Вауль отправился въ приготовленную ему, другомъ Нечаевскимъ, западню... Чинначаліе было на сторожѣ. Лишь только замѣтили вдали толпу, сейчасъ же приняли мѣры. Наличные казаки, многіе изъ жителей и преданные князю Таймину остяки—спрятались вблизи инородческой управы и въ самомъ ея зданіи. Вауль со свитой и другомъ-предателемъ, въ совершенной тишинѣ, взосли на холмъ и приблизились къ управѣ.

— Пойдемъ впередъ, другъ, пошелъ Нечаевскій Ваулю.

Дверь зданія отворилась—друзья вошли. Въ ту же минуту крѣпкія руки обхватили легковѣрнаго агитатора; дверь заперли на крюкъ. Сильно напрягая мускулы, Вауль сбросилъ было съ себя нѣсколько человекъ; но, вслѣдъ затѣмъ снова навалилась на него пѣлая масса людей, которымъ помогъ и другъ Нечаевскій.

¹⁾ Что шаманы продѣлываютъ такіа штуки — это совершенная правда. Самъ я свидѣтелемъ этихъ фокусовъ не былъ; но очень многіе изъ жителей Березовскаго края рассказывали, какъ очевидцы, что фокусы шамановъ изумительны и необъяснимы. Изступленіе шамановъ во время ворожбы напоминаетъ экстазъ хлыстовъ, когда на нихъ накатитъ. (Печерскій «На горахъ»).

²⁾ Самоѣды чрезвычайно чтутъ Св. Николая Чудотворца и называютъ его русскій богъ Никола. (Статья моя въ „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1858 года № 2).

— «Предатель, чортъ! вскричалъ отчаяннымъ голосомъ Вауля. Пропади ты, убей тебя русскій богъ Никола... Чортовъ сынъ, проклятый, проклятый!..»

Брѣпко скрутили руки и ноги Вауля и бросили его въ уголъ каморки.

Между тѣмъ, на улицѣ происходила отчаянная борьба между друзьями Вауля и казаками, съ участіемъ жителей Обдорска. На помощь подоспѣли и бывшіе, до сихъ поръ, въ управѣ. Безмолвно, но отчаянно защищалась свята Вауля, не обращая вниманія на удары, по чему попало, поленьями и палками. Всѣхъ страшило и всѣхъ не-сокрушимѣе былъ самый преданный Ваулю человекъ—Содомъ. Съ непоимѣрной силой, спокойно переноса сыпавшіеся на него удары, онъ разбрасывалъ около себя всѣхъ, кто попадался ему подъ руку. Тогда урядникъ Шаховъ, подходя къ атлету свади, со всего размаха ударилъ его палашомъ сабли по обнаженной головѣ. Не вынесъ Содомъ этого страшнаго удара и, со стономъ, какъ спопъ, повалился на снѣгъ, окрасивъ его алой кровью.

Немедля посланъ былъ нарочный, на встрѣчу казачьяго отряда, чтобы воротить его назадъ. Такъ и не удалось березовскимъ воинамъ отличиться въ дѣлѣ. Шайка Вауля, узнавъ о погибели своего предводителя, разбѣжалась; ее не преслѣдовали, какъ совершенно без-опасную. Нѣкоторые рассказываютъ, что въ станъ Вауля было послано нѣсколько человекъ, которые, пробравшись незамѣтно къ бунтовщикамъ, обрѣзали постромки у нартъ, вслѣдствіе чего олени, почувявъ свободу, убѣжали и когда самоѣды бросились ловить этихъ животныхъ—нарти и все добро на нихъ было забрано и доставлено въ Обдорскъ. Не знаю, до какой степени это вѣроятно, а тѣмъ болѣе возможно. Перерѣзать незамѣтно, для глазъ хозяевъ, веревки у сотенъ нартъ—штука мудреная!

Закованнаго въ тяжелыя цѣпи Вауля отвезли въ Березовъ и тамъ судили. Онъ былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Пойманные соучастники Вауля также были наказаны.

Нечаевскій получилъ, за усмиреніе бунта, медаль на шею, которую онъ, впрочемъ, носилъ недолго. Вскорѣ онъ умеръ.

Исправникъ, при донесеніи губернатору, не забылъ выказать себя энергичнымъ дѣятелемъ въ подавленіи возстанія, за что также удостоенъ награды.

Такъ окончились широкія затѣи дикаря. Какимъ путемъ явились въ головѣ его идеи, не сообразныя съ унылой, чисто животной жизнью самоѣдовъ, съ ихъ первобытными понятіями о правахъ человека и о его нравственныхъ потребностяхъ?.. Отвѣта дать не можемъ!..

Захаръ Александровичъ Варшъ.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ СИБИРИ.

1840—1864 гг.

II¹⁾.

Письма разныхъ лицъ къ Дмитрію Ирнарховичу Завалишину, объясняющія дѣйствія его и причины вліянія его въ Сибири, и относящіяся къ разнымъ событіямъ въ ней, во время пребыванія его въ Читѣ, какъ на поселеніи, такъ и по возвращеніи ему правъ, съ 1839 по 1863 годъ. Ред.

Письмо Александра Александровича Мордвина, учителя Нерчинскаго уѣзднаго училища, впоследствии вице-губернатора Забайкальской области, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и исправлявшаго должность губернатора. Письмо это было отвѣтомъ на одно изъ тѣхъ писемъ, которыми Д. И. З. увѣщевалъ молодыхъ людей не поддаваться пустой и разгульной жизни, обычной тогда въ Сибири, и въ особенности въ Нерчинскѣ, и не отговариваться незначительностію и зависимостію положенія относительно невозможности будто бы приносить какую нибудь пользу, а тѣмъ болѣе противодѣйствовать злу и неправдѣ. Вслѣдствіе подобныхъ наставленій тогдашнимъ молодымъ людямъ, и покойный генералъ Константинъ Степановичъ Безносиковъ, одинъ изъ видныхъ впоследствии дѣятелей въ Сибири, отыскивая въ послѣднее время Д. И. Завалишина въ Москвѣ, чрезъ редакцію «Москов. Вѣдомостей»; заявилъ себя тамъ ученикомъ его, хотя собственно ученикомъ не былъ, какъ были многіе, которыхъ дѣйствительно обучалъ Д. И. З., а только пользовался его наставленіями и находился подъ вліяніемъ его примѣра.

14-го марта 1840 г., г. Нерчинскъ.

«Милостивый государь Дмитрій Ирнарховичъ! Я читалъ и перечитывалъ письмо ваше, какъ милую вѣсточку отъ тѣхъ добрыхъ людей, о которыхъ мы, молодые, такъ часто мечтаемъ, и которыхъ такъ мало видимъ около себя; людей умѣющихъ и понять насъ, и разъяснить не понятное; и огорчить, и утѣшить!»....

¹⁾ См. статью „Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и Государство“ въ „Русской Старинѣ“ 1881 г., сентябрь.

«Раскрывая и обнажая себя, я не боюсь своей бѣдной, безоружной позиціи, потому что не врага встрѣчаю въ васъ. Вы, нападая, учите меня защищаться; вы прокладываете мнѣ дорогу, по которой я послѣ могъ бы идти смѣло. И я благодаренъ вамъ, и я тысячу разъ благодарю васъ за письмо ваше, гдѣ я вижу умъ, какого не вижу вокругъ себя, душу» и пр. пр.

(Нѣкоторые литературныя произведенія А. А. Мордвинова, печатались въ свое время, кажется, въ «Отеч. Запискахъ» того времени.)

Письмо Вильгельма Карловича Кюхельбекера, поэта, лицейскаго товарища Пушкина. Онъ былъ поселенъ въ г. Баргузинѣ, Забайкальской области, но послѣ перепросился въ Акшу, называвшуюся крѣпостію, хотя тамъ и не было никакой крѣпости, а это была простая казачья станица, мѣстопробываніе казачьяго дистанчнаго начальника. Въ проѣздъ какъ въ Акшу, такъ и обратно, В. К. Кюхельбекеръ по нѣскольکو дней проживалъ въ Читѣ у Д. И. З. и съ семействомъ своимъ, и въ это время читалъ Д. Ир—чу свои сочиненія, не появившіяся еще въ печати; а во время пребыванія въ Акшѣ былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ.

19-го марта, 1840 г., крѣпость Акша на рѣкѣ Оконѣ.

«Любезнѣйшій другъ и товарищъ Дмитрій Принарковичъ! Не знаю, пріятны ли вамъ мои письма, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, истинная отрада бесѣдовать съ вами. Сравнивать себя съ вами не смѣю! Вы человекъ истинно европейской учености, я,—только люблю науки. Нѣтъ во мнѣ такого постоянства, той всепобѣждающей твердости, которая необходима для пріобрѣтенія глубокихъ познаній», и пр.

Письмо статскаго совѣтника В. Д. Тила, находившагося по особымъ порученіямъ при ревизующемъ Восточную Сибирь сенаторѣ Толстомъ:

29-го октября, 1844 г. Иркутскъ.

«Сообщенныя мнѣ свѣдѣнія, (о преобразованіи края, и для пользы самаго края, и въ видахъ подготовленія къ разрѣшенію Амурскаго вопроса), я читалъ съ живѣйшимъ вниманіемъ, и не могу не отдать полной справедливости наблюдательному уму, высотѣ и ясности видовъ составившаго оныя, и потому вы легко себя представить можете, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю продолженія, о которомъ и имѣю честь просить васъ».

Письмо гр. А. К. С. (графа Александра Карловича Сиверса, камеръ-юнкера, чиновника особыхъ порученій при ревизующемъ Восточную Сибирь сенаторѣ Толстомъ, впоследствии Харьковскаго и Московскаго губернатора):

20 Mars. 1845.

(Изъ одной деревни, гдѣ производилъ слѣдствіе). «Aujourd'hui je me trouve à 60 verstes seulement de vous, mais hélas! malgré ce peu de distance, qui nous sépare, je suis dans l'impossibilité de vous redire tout ce que j'aurais désiré».

Письмо статскаго совѣтника С. (Стадлера, старшаго чиновника особыхъ порученій при ген.-губернаторѣ Муравьевѣ):

12 Novembre, 1848. Irkoutsk.

«Le Général a reçu avec plaisir les renseignements que vous lui avez adressés sur les opérations de l'achat des blés. Il est reconnaissant etc».

Письмо Петра Александровича Муханова, проживавшаго въ Иркутскѣ, товарища Д. Н. З.—на по заключенію въ казематъ:

9-го ноября, 1849 года. Иркутскъ.

«Пришлите мнѣ статью вашу о причинахъ упадка Нерчинскихъ заводовъ, и о способахъ возстановленія ихъ, для передачи кому слѣдуетъ». (Ген.-губ. Муравьеву).

Письмо Нерчинскаго исправника В. (Вильчковскаго, вызваннаго въ Иркутскъ по дѣламъ службы, и которому ген.-губернаторъ говорилъ: «У васъ, слава Богу! есть съ кѣмъ посоветоваться въ затруднительныхъ случаяхъ»):

1-го сентября 1851 г. Иркутскъ.

«Генералъ очень доволенъ вами. (Дѣло идетъ о свѣдѣніяхъ, указаніяхъ и содѣйствіяхъ, о которыхъ просили Д. Н. З.). Это сказывалъ мнѣ (su' secreto) С... (Стадлеръ), который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе».

Письмо командира казачьяго пѣшаго баталіона Р. (Риттера, принятаго въ Читѣ, Д. Н. З.—нымъ, облаканнаго и получившаго наставленія какъ онъ долженъ дѣйствовать для пользы службы и для благосостоянія вѣранныхъ ему людей):

3-го ноября 1851 года.

«Дорогой Дмитрій Иринарховичъ! жаль, должно бы по справедливости написать къ вамъ прежде всѣхъ, но я не хотѣлъ беспокоить васъ своимъ мараньемъ безъ толку, а собрать сначала что нибудь дѣльное..... И вспомнилъ я о васъ, и о вашихъ истинно благихъ совѣтахъ»...

Письма Николая Александровича Бестужева, сослуживца по морской службѣ, товарища по заключенію въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ, друга Д. И. З—на. Письма содержать разныя просьбы; переписка между Д. И. З. и Н. А. Б. продолжалась до самой смерти послѣдняго.

8-го декабря 1852 г. Селенгинскъ.

«Любезный союзникъ Дмитрій Принарховичъ! Твое письмо (объ успѣхѣ ходатайства за сестру общаго товарища ихъ, бывшаго моряка, Торсона, умершаго въ Селенгинскѣ), доставило мнѣ двойное удовольствіе, и само по себѣ, и по доброму дѣлу, въ немъ изложенному. Вотъ мой милый Д. И. отвѣтъ на великодушное предложеніе и пр... Прощай, любезный товарищъ! прошу не забывать меня старика и твоего преданнаго Н. Б.»

27-го октября 1853 г. Селенгинскъ. (Въ этомъ письмѣ, обращаясь къ Д. И. З—ну, съ просьбою о ходатайствѣ по одному дѣлу, Н. А. Бестужевъ прежде всего старается доказать, что «тутъ нѣтъ ничего противозаконнаго», въ полномъ убѣжденіи, что никакія личныя отношенія не могутъ заставить Д. И. З—на уклониться отъ справедливости).

24-го апрѣля 1854 года. Селенгинскъ.

«Я не перестаю беспокоить тебя, любезный Дм. Ир., своими просьбами, но что же дѣлать? здѣшній народъ такъ напуганъ прежде бывшими злоупотребленіями, что и въ самомъ справедливомъ дѣлѣ считаетъ нужнымъ еще и ходатайство».

21-го января 1855 года. Селенгинскъ.

«Не знаю, усталъ ли ты получать мои посланія, любезный союзникъ и сотоварищъ Дм. Ир., но я не устаю беспокоить тебя своими просьбами».

Позднѣйшее свидѣтельство (объ участіи въ дѣлахъ по управленію и вліяніи Д. И. З—на) одного поляка, находившагося въ ссылкѣ въ Забайкальскомъ краѣ, и возвращеннаго въ 1856 году:

«Dziennik poznański». 1866. № 6. Stycznia 10.

«W Czycie (Читѣ) mieszka Dymitry Zawalishyn (z rosyiskich wygnańców politycznych), jako osiedlenie, ma jednak wpływ na miejscową władzę, która wielce dowierza jego rozumowi i znajomości tutejszjéj krainy», т. е.

„Дневникъ Познанскій“, 1866, № 6, января 10. (Переводъ).

«Въ Читѣ проживаетъ Дмитрій Завалишинъ, (изъ русскихъ политическихъ изгнаниковъ), какъ поселенецъ, имѣетъ однако вліяніе на мѣстныхъ власти, которыя очень довѣряютъ его уму и знанію тамошняго края».

См. также свидѣтельство Ал. Степ. Сгибнева (ум. въ 1881 г.), (см. Древ. и Нов. Россію) участника въ первомъ плаваніи по Амуру, о приѣзѣ ему и Казаковичу, (нынѣ ген.-ад., адмиралъ и воен. губ. Кронштадта) и о содѣйствіи Амурскому дѣлу, оказанномъ въ Читѣ Д. И. З—нымъ.

Свидѣтельство англичанина Равенштейна, въ его сочиненіи «The Russian on the Amur» о правдивости показаній Д. И. З—на относительно положенія дѣлъ на Амурѣ, стр. 443:

«M-r Dmitry Zavalishin, in a letter adressed to the Morskoj Sbornik, and dated Chita, 2 July, 1858, was the first to protest against these exaggerated, and in many instances, mendacious accounts», т. е.

(Перев.): «Г-нъ Дмитрій Завалишинъ, въ письмѣ, адресованномъ въ «Морской Сборникъ» изъ Читы, отъ 2-го іюля 1858 г., первый протестовалъ противъ силъ преувеличенныхъ, и во многихъ случаяхъ лживыхъ разсказовъ».

Просьбы къ Д. И. З—ну разныхъ лицъ по управленію въ Читѣ, гдѣ онъ долгое время до назначенія и прибытія весьма медленно назначаемыхъ служащихъ, безвозмездно исправлялъ должность офицеровъ—генеральнаго штаба, по съѣзкамъ и составленіи картъ, путей сообщенія, по составленію плана города, землебра, по распланировкѣ города и отводу земель, архитектора, по постройкѣ казенныхъ зданій, медика, по надзору за тифозными госпиталями, по пособію жителямъ собственными лѣкарствами, совѣтника, мирового посредника, учителя и пр. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, сохранившіяся въ оригиналахъ:

Просьба отъ 13-го августа 1852 г. Нерчинскаго 2-й гильдіи купца Петра Бандинскаго о постройкѣ лавокъ: резолюція воен. губернатора: «Прошу Дм. Ир—ча, указать мѣсто для постройки лавокъ».

Просьба отъ 7-го ноября 1852 г. сотника 12-го класса Бронникова, объ отводѣ мѣста для постройки дома: резолюція воен. губ.: «Прошу Д. И—ча потрудиться отвести мѣсто новому нашему жителю».

Письмо совѣтника областнаго правленія Шапова, (брата извѣстнаго Шапова):

«Мил. государь Дм. Ир! Поворѣйше прошу мою записку о лѣсахъ, если съ вашей стороны нѣтъ никакихъ замѣчаній, требующихъ моего личнаго прибытія къ вамъ, возвратитъ мнѣ съ посланнымъ. Извините, пожалуйста, что самъ въ настоящее время никакъ не могу побывать у васъ, потому что чувствую себя слишкомъ слабымъ въ здоровьѣ. Если же содержаніе

моей записки требуетъ вразумленій вашихъ мнѣ, въ такомъ случаѣ, имѣю честь просить оставить ее у васъ».

Письма первого военнаго губернатора Забайкальской области и наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, Павла Ивановича Занозьскаго.

Письма эти писались къ Д. И. З—ну, во время разъѣздовъ военнаго губернатора по области. Не имѣя изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ ни одного, положиться на кого могъ бы вполне, воен. губернаторъ во время своихъ отлучекъ поручалъ Д. И. З—ну главный надзоръ и распоряженія по управленію; ему предоставляемо было получать всѣ бумаги и письма, адресованныя въ собственные руки губернатора, ему же оставались и всѣ важныя дѣла, для высылки куда потребуется при разъѣздахъ губернатора, и пр. пр. Вотъ для образца одно изъ такихъ писемъ:

С. Посольское. 21-го сентября 1853 года.

«Узнавъ въ Верхнеудинскѣ, что Николай Ник. (ген. губ. Муравьева), еще нѣтъ (въ Иркутскѣ) и что не ранѣе будетъ въ Иркутскѣ какъ 26-го числа, я употребилъ это время на разъѣзды по здѣшнему округу, былъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ и нашелъ все довольно хорошо, о чемъ вамъ и сообщаю, дорогой мой Дмитрій Принарховичъ. Въ Верхнеудинскѣ же узналъ о нѣкоторыхъ козняхъ нѣкоторыхъ генераловъ, и нельзя не удивляться этимъ господамъ; но объ этомъ поговоримъ послѣ; а въ настоящее время скажу, что я на берегу встрѣтилъ преосвященнаго, который мнѣ объявилъ, что онъ въ Читѣ не будетъ, а станетъ разъѣзжать по Верхнеудинскому округу и пробудетъ за Байкаломъ около мѣсяца; затѣмъ возвратится въ Иркутскъ.

«Я все это время, благодаря Всевышняго, здоровъ, хотя въ Шамшѣ, (деревня возлѣ озера того же имени), и порядочно было занемогъ; но не писалъ вамъ, потому что вы не беспокоились; зная ваше доброе ко мнѣ расположеніе, я былъ увѣренъ, что извѣстіе это потревожило бы васъ; поэтому то я и писалъ вамъ съ Погроминской станціи, что я совершенно здоровъ.

Обнимаю васъ отъ искренняго сердца. Вашъ преданный П. З.

«P.-S. Урожай повсемѣстный и обильный, но сѣна и въ Верхнеудинскомъ округѣ много потопило и совсѣмъ унесло; но всѣ уповаютъ на изобиліе соломы и недостатокъ сѣна ихъ не озабочиваетъ».

(N.-B. Въ предшествующемъ году, вслѣдствіе лонки горнаго вѣдомства, при чемъ уничтожилось много тысячъ десятинъ пашни, съ увеличеніемъ потребности на рабочихъ, лишившихся собственнаго хлѣба, и затѣмъ, вслѣдствіе учрежденія казачьяго войска изъ горныхъ крестьянъ, что отвлекло отъ хлѣбопашества и массу лучшихъ работниковъ изъ крестьянства, — недостатокъ хлѣба въ Забайкальѣ, и въ особенности въ Нерчинскомъ краѣ, былъ

такъ великъ, что ген.-губернаторъ вынужденъ былъ, въ декабрѣ 1852 года, прискакать кругомъ моря въ Читѣ, и обратиться къ нравственному судѣйству Д. И. Завалишина, чтобы достать хлѣба на прокормленіе линейнаго баталіона въ Читѣ, и найти средства къ перевозкѣ хлѣба изъ Верхнеудинскаго округа на Карійскіе золотые прииски. Вслѣдствіе всего этого, по совѣту Д. И. З.—на, военный губернаторъ и принялъ указанныя ему энергическія мѣры къ устраненію всего, что растривало хлѣбонашество, и какъ мѣры эти увѣнчались успѣхомъ, то воен. губернаторъ и сообщалъ обо всемъ, что относилось до сельскаго хозяйства, Д. И. З., совѣтамъ котораго онъ обязанъ былъ этимъ успѣхомъ. Д. И. З. былъ конечно самый компетентный судья въ хозяйственныхъ дѣлахъ, такъ какъ безъ всякихъ вспомогательныхъ вѣншихъ средствъ, единственно своимъ знаніемъ и трудомъ, въ самомъ затруднительномъ положеніи, сумѣлъ устроить такое образцовое хозяйство, что самовидецъ С. В. Максимовъ говоритъ о немъ: «Подробное описаніе всѣхъ чудесъ его хозяйства къ усовершенствованію породы скота, полеводству, огородничеству, цѣтководству; по устройству лечебныхъ пособій, которыми пользовались не только мѣстные, но и всѣ окрестные жители издавна, заняло бы слишкомъ много мѣста». См. «Сибирь и ка-торга», ч. III, стр. 227, выписка).

Всѣ, кто только имѣлъ какую либо нужду въ помощи, въ судѣйствіи, въ ходатайствѣ, обращались къ Д. И. З.—ну, какъ свидѣтельствуя слѣдующія письма, нѣмѣ еще до возвращенія Дмитрію Ир—чу правъ, а когда онъ проживалъ въ Читѣ еще какъ поселенецъ:

Письмо супруги Бяктинскаго градоначальника Ребиндера, Александры Сергѣевны, дочери С. П. Трубецкаго, лѣтомъ въ 1853 году. (Ихъ разбила лошадь по дорогѣ изъ Читы на Дарасунскія минеральныя воды).

«Ради самаго Бога, Дмитрій Ирнарховичъ! скорѣе доктора; мы остались на горѣ, на большой дорогѣ; мужъ вывихнулъ ногу и разсѣкъ голову очень глубоко, а дитя умираетъ. Помогите всѣ кто можетъ; попросите генерала распорядиться. Ал. Р.»

(Но генерала въ Читѣ не было, и помочь никто не хотѣлъ; докторъ отказался. Однако же Д. И. З., хотя и поселенецъ, заставилъ доктора немедленно ѣхать, и распорядился помѣстить градоначальника въ ближайшей къ мѣсту происшествія станицѣ, у зажиточнаго казака, имъ указаннаго, и потомъ навѣщалъ градоначальника и въ теченіи болѣзни).

Письмо вдовы одного скоропостижно умершаго баталіоннаго командира въ Читѣ, дѣтей котораго Д. И. З. предложилъ взять на свое попеченіе и бесплатное обученіе.

«Мил. гос. Ди. Ир—чъ! Марья Николаевна, (баронесса Будбергъ), передала мнѣ ваше доброе намѣреніе. Вы принимаете въ несчастіи нашемъ

такое участіе, что я не нахожу словъ для выраженія моей благодарности и воспользуюсь вашимъ предложеніемъ. Съ завтрашняго числа буду присылать дѣтей къ вамъ. Съ истин. почт. и пр. Дариса Балугина».

«Эти дѣти, обучавшіеся у Д. И. З—на, оказались, и мальчикъ и дѣвочка, первыми въ тѣхъ классахъ учебныхъ заведеній, въ которые поступили»).

Письмо Елены Александровны Бестужевой, сестры Николая и Михайла Александровичей Бестужевыхъ:

Селенгинскъ. 1857 года, мая 29-го дня.

«Мил. гос. Дм. Ир.! Примите наибъвѣйшую всего нашего семейства душевную благодарность за оказанное вами и всѣмъ семействомъ вашимъ радушиное брату Мишелю гостепрѣимство, и за всѣ, почти родственныя попеченія и пособія, оказанныя ему вами въ предстоящихъ ему дѣлахъ и заботахъ. Господь да вознаградитъ васъ всѣмъ желаемымъ».

(Михайло Бестужевъ пользовался не только полнымъ гостепрѣимствомъ Д. И. З—на, проживая полтора мѣсяца въ домѣ его въ Читѣ, во время приготовления своего сплава на Амуръ, но и совѣтами и содѣйствіемъ его; во всемъ, разумѣется, безкорыстно, тогда какъ Мих. Бестужевъ получалъ нѣсколько тысячъ рублей въ годъ жалованья за сплавъ каравана купцевъ Зимина и Серебрянникова. Затѣмъ Д. И. З. служилъ посредникомъ въ теченіи двухъ лѣтъ въ сношеніяхъ М. Бестужева съ его семействомъ, и на возвратномъ пути его съ Амура, принялъ также въ свой домъ).

Письмо Михайла Александровича Бестужева съ присоединеніемъ просьбы о казачьемъ офицерѣ, братѣ его жены:

Селенгинскъ. 13-го февраля 1859 года.

«Пишу тебѣ, мой добрый Дм. Ир., и вмѣстѣ съ симъ присовокупляю просьбу, которую ты вѣроятно не отринешь, какъ истый ученикъ нашего Верховнаго Учителя» и пр. и пр.

Письмо одного Читинскаго купца 1-й гильдіи Л., отправившагося на Амуръ, и поручающаго Д. И. З—ну свое семейство:

8-го іюля 1857 г. Съ Амура.

«Будьте мнѣ благодѣтелями! кромѣ васъ никого нѣтъ! Чита, какъ вы знаете, какъ пуста въ этомъ отношеніи!»

Между тѣмъ, когда въ Восточной Сибири начался періодъ насильственныхъ дѣйствій и разоренія края, ради Амура, чего разумѣется Д. И. З. никакъ не могъ одобрять, тѣмъ болѣе что и содѣйствіе его ген.-губерна-

тору прямо обусловлено было обязательнымъ для начальства устраненіемъ всѣхъ злоупотребленій, то ген.-губернаторъ, не желая имѣть въ Читѣ досужнаго и не способнаго ни ради страха, ни ради выгоды ни на какія сдѣлки свидѣтеля, выхлопоталъ въ Петербургѣ тайно переводъ Д. И. З. въ Минусинскъ, подъ предлогомъ, что этого требуетъ будто бы его здоровье, тогда какъ, напротивъ, это вело къ его гибели и раззоренію, лишая Д. И. З.—на собственнаго крова, и раззоряя долги и великимъ трудомъ устроенное хозяйство. Сдѣлавъ это, ген.-губернаторъ уѣхалъ на Амуръ, предоставя другимъ привести въ исполненіе распоряженіе относительно Дм. Ир., но никто изъ самыхъ даже преданныхъ ген.-губернатору лицъ, не осмѣлился привести въ исполненіе это распоряженіе, а какъ вслѣдствіе данныхъ въ Петербургѣ объясненій со стороны Д. И. З.—на, онъ оставленъ былъ въ Читѣ, то результатомъ подобнаго дѣйствіе ген.-губернатора и вышло то, что называется *l'odieux de la tentative sans profit en resultat*. Вотъ письма, относящіяся къ этому событію:

Письмо Михаила Карловича Кюхельбекера, (бывшаго лейтенанта гвардейскаго экипажа), брата поэта Вильгельма:

Баргузинъ, (въ Забайкальѣ), 24-го октября 1855 года.

«Любезный другъ Дм. Ир.! Поплавскій (совѣтникъ изъ Читы), былъ у насъ, и сказалъ мнѣ, что ты переѣзжаешь въ Минусинскъ. Очень жаль добраго нашего Павла Ивановича, (воен. губ. Запольскаго, уволеннаго вслѣдствіе интригъ и желанія доставить его мѣсто Корсакову), онъ говорилъ о тебѣ какъ о другѣ; бывши здѣсь, онъ уже зналъ, что онъ у насъ не проченъ; но я никакъ не полагалъ, чтобъ смѣна его имѣла вліяніе и на тебя; особенно потому, что и «Першой», (главный, т. е. ген.-губ.), отзывался о тебѣ съ самой лучшей стороны. Послѣ этого, вѣрь людскимъ ласкамъ!»

Письмо Ивана Ивановича Пущина, (товарища и пріятеля Дм. Ир.—ча, друга Пушкина). Въ этомъ письмѣ, писанномъ уже впоследствии изъ Россіи, онъ упоминаетъ о томъ же событіи:

19-го января 1858 г. Село Марьино, близъ Москвы.

Говоря о поступкѣ ген.-губер. Муравьева, онъ продолжаетъ, что этотъ переходъ по враждѣ противъ Дм. Ир.—ча, тѣмъ болѣе удивилъ его, «что самъ Муравьевъ говорилъ мнѣ о тебѣ, (т. е. Д. Ир.—чѣ) съ необыкновенною похвалою».

Письмо П. И. Запольскаго, бывшаго воен. губ. въ Читѣ, къ сестрѣ Д. И. З.—на, Екатериѣ Приварковнѣ въ Москву:

18-го января 1856 г. Село Радужнево, (близъ Сухиничъ, Калуж. г.).

«Мил. гос. Екат. Принарховна! Что вамъ сказать относительно положенія вашего брата Д. И.? Человекъ съ такимъ умомъ, съ такою образованностію или, лучше сказать, ученостію, съ такими обширными познаніями и свѣдѣніями, нигдѣ скучать не будетъ. Но не долженъ умолчать, что несчастна (была) его встрѣча съ лицомъ, которое ничего болѣе не видитъ кромѣ своихъ польвъ, для достиженія которыхъ не пощадитъ никого и ничего. Много уже было примѣровъ его несправедливыхъ поступковъ съ людьми по истиннѣ достойными, и по своей благонамѣренности для польвъ общихъ и отечества весьма полезными, которые, или сами удалялись, или были удалены по однимъ лишь клеветамъ ничтожныхъ людей, окружающихъ главнаго начальника, и которые попали въ фавориты безъ всякихъ заслугъ, а единственно помощію своихъ длинныхъ языковъ, не имѣя впрочемъ никакихъ другихъ достоинствъ, но не чужды однако же всѣхъ возможныхъ пороковъ, не терпимыхъ въ обществѣ, а тѣмъ болѣе на службѣ.

«Характеръ главнаго начальника (Н. Н. М—ва) не загадоченъ, и его не трудно опредѣлить: не имѣя гениальныхъ достоинствъ, но не чуждаясь однако же попасть «безъ драки, въ великіе забіяки», онъ, людей достойныхъ и по истиннѣ полезныхъ ласкаетъ и дорожитъ ими до тѣхъ поръ, пока не извлечетъ изъ нихъ того, чего онъ по своимъ замысламъ и расчетамъ достигнуть желаетъ, и тогда уже старается, какими бы то ни было мѣрами, удалить или переводомъ, или вытѣснить неприяностями, съ тою только цѣлію, чтобы все сдѣланное отнеслось прямо къ нему, а отнюдь не къ кому либо другому; и эта непрерывная боязнь, вынуждаетъ его не оставлять при себѣ людей, могущихъ оцѣнить его дѣйствія, и выказать свои способности и достоинства; и потому окружаетъ себя людьми такими, на которыхъ первый взглядъ укажетъ, что они порока не выдумаютъ, а по совершившемуся, нельзя не думать, что это придумано и выполнено самимъ главнымъ начальникомъ.

«Братъ вашъ, будучи проникнутъ идеею о приобрѣтеніи устьевъ Амура и свободнаго плаванія по оному, открывалъ эту мысль ревизовавшему Восточ. Сибирь, покойному сенатору Ив. Ник. Толстому, которому излагалъ мнѣніе свое на бумагѣ; но видя, что это осталось безъ движенія, онъ радушно ввѣрилъ это главному начальнику (Н. Н. М—ву), который, усвоивъ эту мысль въ глазахъ правительства, принялся хлопотать о приведеніи этого въ исполненіе; но дѣйствія по этому оказались неудачны и ошибочны, о чемъ стали поговаривать, что дошло до свѣдѣнія главнаго начальника, который, подозрѣвая брата вашего въ открытіи этого предпріятія, принятаго имъ, (главнымъ начальникомъ) на себя, посылалъ своихъ агентовъ, съ которыми братъ вашъ

вдавался въ сужденія, не остерегаясь ¹⁾ и не щадя выставляя ошибки. Бесѣды эти сообщены были главному начальнику, который устрася, чтобы это не обнаружилось, счелъ за лучшее удалить брата вашего изъ мѣста близкаго къ театру дѣйствій, но замѣтите: не удаляя его однако же изъ Восточ. Сибири, дабы не потерять надъ нимъ вліянія.

«Выставлена была болѣзнь брата вашего, требующая перемѣщенія его въ Минусинскъ, климатъ котораго считается Италіей Восточ. Сибири, слѣдовательно ходатайство о перемѣщеніи можно считать милостивымъ вниманіемъ къ недугамъ брата вашего!

«Вы пишете: «Перемѣщеніе это нельзя иначе считать какъ наказаніемъ, потому что ни братъ вашъ, ни вы сами никогда не ходатайствовали о какомъ либо перемѣщеніи въ другую губернію Восточ. Сибири». Это нѣжное участіе къ болѣзни брата вашего, и ходатайство о его перемѣщеніи, безъ его и вашего желанія,—не удивительно, потому что и вашъ покорный слуга уволенъ въ отпускъ, до излѣченія болѣзни, съ состояніемъ по арміи, не только безъ моего ходатайства, но даже и безъ прошенія, и только потому, что не хотѣлъ перемѣнить отчета объ инспекторскомъ смотрѣ, долженствовавшемъ быть повергнутымъ на Высочайшее воззрѣніе; въ отчетѣ этомъ были выставлены безпорядки, допущенные нѣкоторыми изъ г.г. командировъ, покровительствуемыхъ и пользующихся милостивымъ расположеніемъ окружающихъ главнаго начальника».

Между тѣмъ пріѣхавшій на мѣсто Н. И. Запольскаго на губернаторство, Борсаковъ, самый близкій къ ген.-губернатору человекъ, и выведенный имъ въ люди, отъ подпоручика Семеновскаго полка въ 1848 году, до губернатора въ 1855, отрекся на публичномъ пріемѣ отъ всякаго участія въ интригѣ противъ Д. И. З. и не только не привелъ въ исполненіе распоряженія ген.-губернатора о перемѣщеніи Д. И.—ча изъ Читы въ Минусинскъ, но еще просилъ Д. И. З.—на, оказывать ему такое же содѣйствіе, какое тотъ оказывалъ Запольскому, и затѣмъ постоянно обращался къ нему и за совѣтомъ и за содѣйствіемъ, съ тою только разницею, что то, что Запольскій дѣлалъ открыто, Борсаковъ старался дѣлать такъ, чтобы другіе не замѣчали, хотя, разумѣется, скрыть этого было невозможно, потому что это высказывалось въ самыхъ распоряженіяхъ. Въ то же время, Борсаковъ,

¹⁾ Д. И. З. не имѣлъ никакой причины и не желалъ остерегаться, такъ какъ желая предупреждать и исправлять ошибки, вовсе не опасался, чтобы его сужденія доходили до ген.-губернатора; а какъ между тѣмъ дѣйствовали на Амурѣ, лучше всего видно изъ посмертнаго сочиненія адмирала Невельскаго, одного изъ участннковъ въ этихъ дѣйствіяхъ: „сами не знали для чего что дѣлали“.

ознакомясь съ ходомъ дѣлъ при Запольскомъ, долженъ былъ признать всѣ дѣйствія его совершенно правильными и для себя поучительными, и убѣдясь, что все полезное совершалось по указаніямъ Д. И. З., тѣмъ необходимымъ считалъ его содѣйствіе, но вскорѣ Д. И. З., отъ котораго, по общему къ нему довѣрію всѣхъ, ничто не могло быть скрыто, узналъ, что Борсаковъ играетъ въ двойную игру, и въ то время какъ въ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ старается всячески къ нему подслуживаться, а по служебнымъ дѣламъ дѣлаетъ видъ, что отмѣняетъ ¹⁾ злоупотребленія, онъ даетъ подъ рукою понимать служащимъ, что можно угодить главному начальнику совсѣмъ иного рода дѣйствіями, только надо дѣлать это такъ, чтобъ ничто не доходило до свѣдѣнія Д. И. З.—на. Напрасно тотъ предупреждалъ и Борсакова, и Буссе, (начальника штаба), что онъ не можетъ, и имѣеть право не допускать продолженія злоупотребленій, такъ какъ его участіе въ разрѣшеніи Амурскаго вопроса слишкомъ всѣмъ извѣстно въ краѣ, и онъ не можетъ принимать на свою отвѣтственность тѣхъ дѣлъ, которыя не только не одобрялъ, но противъ которыхъ постоянно протестовалъ, и что если они не останавятъ ихъ, то онъ, Д. И. З., поищетъ другихъ средствъ остано-вить зло, но тогда уже помимо ихъ, и даже вопреки имъ, но ни Борсаковъ, ни Буссе, ни ген.-губернаторъ, никогда не хотѣли думать и вѣрять, чтобы кто нибудь рѣшился открыто обличить ихъ злоупотребленія; и на предостереженія Д. И. З. старались отшучиваться. Когда онъ указывалъ, на-прим., на живыя донесенія, которыми вводили въ заблужденіе и правитель-ство и публику, то говорилъ: «ну что-жъ? прихвастнули только немножко!» Когда онъ указывалъ на совершенное разореніе населенія, не только для Амура, но и для личныхъ злоупотребителямъ цѣлей, подъ пред-логомъ Амура, то старались свалить все это на то, что «правительство не даетъ средствъ» и т. п.

Между тѣмъ гибельныя послѣдствія и невѣжественныхъ распоряженій и злоупотребленій, стали возрастать въ страшной прогрессіи; тогда Д. И. З. рѣшился остано-вить зло и предупредить дальнѣйшія по крайней мѣрѣ послѣдствія онаго, выступивъ открыто въ печати, и находясь на мѣстѣ дѣйствія и во власти своихъ противниковъ, чтобы подобнымъ образомъ дѣйствій показать вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ истинной гласности. Онъ отпра-вилъ первыя свои статьи не въ частный журналъ или газету, помещеніе въ которыхъ могло быть объяснено или соучастіемъ изданія, или снисхоли-тельностью и недосмотромъ цензора, а въ офиціальныи журналъ, въ «Мор-ской Сборникъ», гдѣ статьи должны были пройти чрезъ двойную цен-зуру, по самой силѣ правды содержанія, и неопровержимости представлен-ныхъ имъ доказательствъ.

¹⁾ Относительно всего этого имѣются собственноруч. записки Барсакова.

Впечатлѣніе этихъ статей, особенно въ Сибирѣ, было громадное; какъ о впечатлѣніи, такъ и о справедливости содержанія, имѣется въ свѣдѣтельство цѣлая масса писемъ отъ людей всѣхъ состояній, всѣхъ положеній и званій, не исключая и губернаторовъ; приводимъ здѣсь наиболѣе важныя; при этомъ надо предварительно замѣтить, что главный аргументъ тѣхъ, кто опровергалъ свѣдѣнія, сообщенныя въ статьяхъ Д. И. З—на, или наводилъ сомнѣніе на точность ихъ, состоялъ въ томъ, что Д. И. самъ не былъ на Амурѣ, и потому въ своихъ показаніяхъ основывался вѣроятно на слухахъ, почти всегда невѣрныхъ. Никто и не подозрѣвалъ, конечно, какіе важныя и вѣрные источники свѣдѣній имѣлъ Д. И., какъ сейчасъ и увидать, а они были таковы, что одинъ изъ путешественниковъ могъ заявить въ Сибирскомъ комитетѣ, что Д. И. имѣетъ такіе средства знать все, что дѣлается на Амурѣ, да и во всей Восточной Сибири, какія могутъ не имѣть не только проѣзжіе путешественники, но даже нынѣ и живущіе на мѣстѣ.

Письмо изъ Благовѣщенска на Амурѣ, артиллеріи полковника Евгенія Александровича Савича, бригаднаго командира пѣшей артиллеріи, впоследствии исправлявшаго должность военнаго губернатора Амурской области, назначеннаго именно за тѣмъ, чтобъ исправить промахи, надѣланые воен. губернаторомъ Буссе, которому на это время предложено было ѣхать въ отпускъ.

Полковникъ Е. А. Савичъ командовалъ по пріѣздѣ въ Сибирь новосформированною батареею въ Читѣ, и привезъ Д. И. З—ну рекомендательное письмо отъ Ив. И. Пущина, который убѣдительно, во имя дружбы, просилъ Д. И.—ча, оградить и совѣтами и содѣйствіемъ отъ интригъ и промаховъ Савича, какъ благороднѣйшаго человѣка, котораго какъ не подозрѣвающаго всей гнусности интригъ, ведущихся въ Восточ. Сибири, легко могутъ въ нихъ запутать, и который, по совершенному незнакомству съ краемъ и дѣлами его, легко можетъ и неволью надѣлать вредныхъ и для службы, и для него лично ошибокъ. Савичъ и въ Сибирѣ оправдалъ вполне репутацію благороднаго человѣка и знающаго офицера.

Благовѣщенскъ (на Амурѣ). 13-го апрѣля 1859 года.

«Христосъ Воскресъ! Христосуясь съ вами, достойнѣйшій Д. И.! и поздравляю съ наступившимъ праздникомъ! Желаю отъ всей души, чтобы принятое вами святое дѣло имѣло полный успѣхъ. Дѣлу этому я сочувствую вполне! Подвиги ваши во имя правды должны бы заставить еще больше уважать васъ, если бы это было возможно! Слухи о вашей статьѣ давно уже до насъ достигли, и мы, не зная еще ее, за ранѣе радовались, что она откроетъ глаза ходящимъ во тьмѣ! Интересно будетъ прочесть оправданіе!

«Жизнь наша совсѣмъ не такъ блестяща, какъ можетъ быть рассказы-ваютъ господа «навозные». (Иркутская игра словъ: — «Навозными» на-зывали тамъ пустыхъ людей, навезенныхъ ген.-губ. Муравьевымъ на службу въ Восточную Сибирь). Въ настоящее время Амуръ есть единственное мѣсто на цѣломъ земномъ шарѣ, гдѣ цѣнь ни на что рѣшительно не существуетъ, потому что положительно ничего нѣтъ въ продажѣ. (Н. В. Это сообщалось въ опроверженіе тѣхъ увѣреній партизановъ главнаго начальника, что будто бы на Амурѣ необычайное во всемъ изобиліе и дешевизна). Недо-статокъ начался съ осени; теперь же въ цѣломъ Благовѣщенскѣ не най-дете ни свѣчь, ни сахару, ни гвоздя, однимъ словомъ рѣшительно ничего. Не смотря на это, положеніе наше несравненно еще лучше положенія про-чихъ Амурскихъ поселенцевъ, потому что мы соприкасаемся съ Манчжур-скими поселеніями, отъ которыхъ мы можемъ хоть что нибудь достать, и не нуждаемся по крайней мѣрѣ въ самомъ необходимомъ для жизни, т. е. въ хлѣбѣ и овсѣ. У прочихъ поселенцевъ и этого нѣтъ! Что съ ними бу-детъ, про то одно начальство знаетъ!

«Нынѣшнюю зиму у насъ столько проѣхало курьеровъ, что съ достовѣр-ностію можно сказать: ихъ меньше проѣхало отъ Москвы къ Севастополю въ годъ осады¹⁾; послѣ этого и не удивительно, что нынѣшній годъ не чѣмъ будетъ пахать переселенцамъ! Ждемъ начальство и съ нимъ восхищающихся Амуромъ. Восторги нѣкоторыхъ людей приводятъ рѣшительно въ недоумѣ-ніе насъ; отъ чего это они приходятъ въ восторгъ? До сихъ поръ не могу понять! ясно впрочемъ очень, что потому, что этотъ завазной восторгъ до-ставляетъ большіе выгоды! Или ужъ жива здѣсь, я разучился даже и пони-мать что нибудь хорошо!»

(Полковникъ Е. А. Савичъ имѣлъ полное право назвать предпринятое Д. И. З—нымъ раскрытіе правды «святимъ дѣломъ и подвигомъ», такъ какъ хорошо зналъ какой опасности подвергалъ себя Д. И., зная на что способны были тѣ люди, противъ которыхъ Д. И. выступилъ съ обви-ченіемъ; послѣдствія оправдали предчувствія Савича).

Письмо того же полковника Е. А. Савича, во время исправ-ленія имъ должности Амурскаго военнаго губернатора (1861 г.).

¹⁾ Начальникъ походной канцеляріи ген.-губернатора самъ рассказывалъ на публичномъ обѣдѣ въ Читѣ, что онъ вынужденъ былъ надавать столько курьерскихъ подороженъ чиновникамъ, сказавшимъ по самымъ пустымъ дѣ-ламъ, что ему совѣстно было взять для себя курьерскую же. Изъ официаль-ной жалобы военному губернатору въ Читѣ отъ почтосодержателя открылось, что курьеръ, юнкеръ Венцель, требовалъ, чтобъ ему давали три подводы, а курьеръ объяснялъ, что ему надавали въ Иркутскѣ столько посылокъ, аши-ковъ и картоновъ съ дамскими нарядами, что и при трехъ подводахъ, онъ самъ сидитъ еще на посылакахъ.

«Простите великодушно, великодушнѣйшій Дм. Нр.! что такъ долго не писалъ; право было не о чемъ! Говорить же вамъ о неизмѣнномъ моемъ уваженіи, было бы излишнимъ, потому что съ самаго начала нашего знакомства, вы могли видѣть, что оно не могло уже быть больше.

«Вотъ уже три года приглядываюсь я къ Амуру, и право не знаю зачѣмъ здѣсь область; это все та же Амурская линія.

«Право, иногда сдается, что не для того ли и Амуръ существуетъ, чтобъ были славны; а славны для того, чтобъ было за что награждать такихъ людей, которыхъ уже ни за что другое награждать нельзя. И знаете! что если я и хватилъ тутъ, какъ говорятъ, въ сторону, то право же не много! Что же касается до моего забавнаго губернаторства..... Ну! да больше этого не будетъ!»

Письмо товарища Д. И. Завалишина Михайла Александровича Бестужева, который самъ былъ на Амурѣ и проживалъ тамъ:

Сезенгинскъ. 22-го апрѣля 1859 года.

«Христосъ Воскресе! Добрѣйшій Дмитрій Ирнарховичъ! Все, что ты пишешь въ своемъ письмѣ, совершенно сходно съ моими мыслями, и ты знаешь, что мы на этомъ пунктѣ никогда не расходились. Прочитавъ статью твою въ «Морскомъ Сборникѣ», я увидѣлъ, что ты попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ ложной системѣ покупать на мѣдные гроши великіе предпріятія! Этою статьею ты разоблачилъ обаяніе, окружавшее доселѣ всѣ дѣйствія на Амурѣ, что, кажется, почувствовалъ и самъ Муравьевъ. А лучшимъ доказательствомъ дѣльности статьи есть то, что до сихъ поръ, кромѣ Романова, не нашлось противниковъ, да и тотъ, Богъ съ нимъ! такъ жалко защищалъ дѣло, что ужъ лучше бы молчать ему!»

Письмо изъ Москвы офицера И., служившаго въ Забайкальскомъ краѣ и на Амурѣ:

Москва, 29-го мая 1859 года.

Выразивъ сожалѣніе о томъ, что онъ не былъ лично знакомъ съ Д. И. Завалишинымъ, во время служенія своего въ Забайкальскомъ краѣ, онъ говоритъ, что однако не могъ не знать его, саяя, что совѣты ваши и наѣнія въ преобразованіи края очень цѣнились Муравьевымъ и Запольскимъ. Вполнѣ вѣрю, что вамъ они были обязаны многими прекрасными проектами, можетъ быть и не пришедшими бы имъ никогда на мысль; точно также вѣрю и тому, что вы дѣлали это безъ всякаго желанія и мысли о возможности получить за то какое либо вознагражденіе, лучшимъ доказа-

тельствѣмъ чему могло служить, — извините меня за напоминаніе прошлаго, — ваше тогдашнее положеніе въ обществѣ, (состояніе поселенца). на улучшение котораго, въ ваши лѣта, вы не могли рассчитывать, не смотря на все уваженіе къ вамъ сказанныхъ лицъ. Зная же васъ только по слухамъ, я никогда не предполагалъ, что я когда либо буду писать къ вамъ: но случайно прочитавъ въ «Морскомъ Сборникѣ» прекрасную статью вашу, въ которой вы такъ дѣльно, ясно, положительно и справедливо, обнаружили что было до сихъ поръ писано, (да къ сожалѣнію продолжаетъ писаться и теперь), ложнаго и хвастливаго, (понятно съ какою цѣлю! вѣдь не много надо имѣть ума и знаній, чтобы писать живыя описанія!) подъ вліяніемъ того убѣжденія, что повѣрить справедливость ихъ, по дальнему разстоянію, трудно. Что это дѣлается съ умысломъ, главное, обманувъ общественное мнѣніе, прислужиться начальству и извлечь изъ того себѣ пользу по службѣ, — объ этомъ нечего и говорить! Ваша же статья, кромѣ того, что показываетъ положительное знаніе вами въ подробности и совершенной, изумительной вѣрности всего, что касается до Амура, удивила меня совершенно справедливымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ всего, въ томъ самомъ видѣ, какъ дѣйствительно тамъ и находится. Но я еще болѣе былъ удивленъ, увидѣвъ вашу подпись, и то, что статья эта писана въ Читѣ, и въ такое время, когда столько людей, противъ совѣсти, стараются наперерывъ изъ личныхъ рѣчетовъ, восхвалять все, при содѣйствіи Сибирскаго начальства, слушающаго съ удовольствіемъ похвалы пустыхъ людей, ласкающихъ его самолюбіе, и заставляющихъ думать, что оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣлало величайшую услугу Россіи, за которую, пожалуй! мало еще и тѣхъ наградъ, которыя въ послѣднее время сыпали на него! И дѣйствительно! Обнаружить лживость распространенныхъ слуховъ, особенно на мѣстѣ ихъ происхожденія, и въ такое время, когда они, не смотря на нелѣпость, кажутся очень правдоподобными, особливо для людей, не видавшихъ тѣ мѣста, не знающихъ, да и не могущихъ знать и составить себѣ и малѣйшаго понятія о личностяхъ, которыя владычествуютъ въ Восточной Сибири, объ ихъ деспотической власти, не знающей ни совѣсти, ни закона, — ваша попытка передать вещи въ настоящемъ, не прикрашенномъ видѣ — есть именно подвигъ, заслуживающій полнаго уваженія отъ всякаго честнаго и благомыслящаго человѣка. Я читалъ вашу статью не разъ для себя и для другихъ, и она меня такъ удивила, что я тогда же хотѣлъ писать вамъ и благодарить, но ожидалъ появленія дальнѣйшихъ статей.

«Желалъ бы я, чтобы письмо мое убѣдило васъ въ томъ, что если находятся люди, желающіе помѣшать вамъ въ добромъ дѣлѣ, то найдется много и такихъ, которые, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, будутъ стараться содѣйствовать вамъ».

Письмо Нерчинскаго купца 1-й гильдіи, Михайла Дмитриевича Бутяна, (нынѣ комерціи совѣтника, золотопромышленника, желѣзно-и винно-заводчика):

Нерчинскъ. 19-го ноября 1859 года.

«Намъ весьма пріятно было услышать правду, о которой многіе молчатъ. Вы первый явились обличителемъ истины. Нѣтъ словъ выразить вамъ благодарность. Правда восторжествуетъ всегда, и поэтому статьи ваши вездѣ встрѣтили сочувствіе».

Письмо одного жителя съ рѣки Аргуня, Нерчинскаго округа, 16-го декабря 1859 года:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я вашу статью «Амуръ», (въ Вѣстникѣ Промышленности), но нахожу, что вы еще слишкомъ снисходительны ¹⁾. Напр., въ статьѣ вашей сказано, что бревно, за которое казна платила 15 коп., стоило самому казаку 2 р. серебромъ. Это можетъ быть въ вашихъ краяхъ, но въ нашихъ, я имѣю доказательство, что бревно обходилось въ 5, 6 и 8 руб. (были случаи, что приходилось вывозить сырое бревно изъ-за 200 верстъ). За сплавъ у васъ сказано (наряженные на сплавъ казаки) платили по найму (нанятымъ за себя) сверхъ казеннаго, 40 рублей, а въ нашихъ мѣстахъ цѣна доходила до 60 р. и болѣе. Но и вашъ мінімумъ хорошъ! Достаточно, чтобъ показать какъ благоденствуетъ здѣсь народъ, и развивается здѣсь край.

«Дай Богъ вамъ здоровья! и продли онъ вамъ ту крѣпость духа, которую вы приобрѣли многолѣтнею опытностію въ изученіи людей и дѣлъ міра сего, и которую съ такою пользою приносите на великое служеніе человечеству, въ лицѣ угнетенныхъ братій нашихъ».

Письмо изъ Иркутска о публичной библіотекѣ:

«Статья ваша «Амуръ» произвела такой восторгъ въ Иркутскѣ, что число требованій на «Вѣстникъ Промышленности», съ первою же почтою, увеличилось до огромныхъ размѣровъ, когда до этого времени, только одинъ экземпляръ, и то—случайно, получался въ библіотекѣ для чтенія. Произошло то же, что было лѣтомъ съ «Морскимъ Сборникомъ». Съ утра до ночи библіотека не вмѣщала въ себѣ читающихъ, многіе нарочно для

¹⁾ Въ статьяхъ своихъ Дм. И. Завалишинъ приводилъ общія, а не крайнія цѣны и исключительные случаи, и единственно то, что было несомнѣнно по документамъ, а не по однимъ показаніямъ жаловавшихся. Изъ приведенныхъ писемъ видно, что въ то время, когда противникъ Дм. Ирнарковича упрекали статьи его въ преувелченіи и невѣрности, онъ въ дѣйствительности былъ вполне справедливы, безпристрастен и даже умѣренны, держась казеннаго и общаго, а не слуховъ и исключеній.

этого подписались (въ бібліотекѣ). Чтобы удовлетворить желающихъ, надо было читать вслухъ. Библиотека обратилась къ редакціямъ съ просьбою присылать ваши статьи отдѣльно, по нѣсколькимъ экземпляровъ. Другія статьи вѣдь и не разрѣзаютъ!»

Письмо изъ Нерчинскаго Большаго завода:

«Въ Нерчинскихъ заводахъ выписали «Морской Сборникъ», не только за этотъ (1859) годъ, но и за прошедшій, чтобы имѣть вашу первую статью, и на будущій, въ надеждѣ не будетъ ли опять вашихъ статей. Все это выписано въ нѣсколькихъ экземплярахъ».

(Н. В. Подобныя извѣщенія получалъ Д. И. З. и изъ другихъ Сибирскихъ городовъ, а почтъ-инспекторъ по Сибири пріѣзжалъ нарочно изъ Томска въ Читу, чтобы познакомиться лично съ Д. И. Завалишинымъ; пріѣзжали начальники и изъ другихъ мѣстъ, чтобы объяснить и оправдать свои дѣйствія, показавъ подъ вліяніемъ какого высшаго гнета они дѣйствовали. Многіе изъ нихъ вступили потомъ въ постоянную переписку съ Д. И. Завалишинымъ, объясняя заранѣе свои дѣйствія).

Письмо Федора Николаевича Львова, (впослѣдствіи секретаря технического общества въ Петербургѣ), изгнаннаго ген.-губернаторомъ изъ Иркутска за неодобреніе гибели Неклюдова:

Олонки, (деревня подъ Иркутскомъ), 25-го февраля 1861 года.

«Письмо ваше, мил. гос. Дмитрій Иринарховичъ! достойное принадлежать исторіи, я получилъ. Вашъ пророческій голосъ, какъ голосъ Іереми, не могъ не возбудить злобы нечестивцевъ. Очень жаль, что ваши матеріальныя средства недостаточны, чтобы перенестись въ Петербургъ, и доказать тамъ вашимъ живымъ и могучимъ словомъ, все то, о чемъ вы ратуете на бумагѣ.

«Отъ Поджіо я получилъ письмо, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что мое письмо онъ получилъ безсовѣстно распечатаннымъ и нагло припечатаннымъ».

«Вамъ вѣроятно извѣстно, что въ Иркутскѣ разыгрывается въ настоящее время самое вопіющее дѣло, — это судъ надъ судьями N°, (по убійству Неклюдова), который имѣетъ характеръ личной мести администраціи, за показаніе малѣйшаго признака самостоятельности въ судьяхъ. Страшно подумать, что преступники, N. N. и секунданты ¹⁾, просидѣвъ комфортабельно нѣсколько недѣль въ острогѣ, усаkali въ Петербургъ за губернаторскими и предсѣдательскими мѣстами, а судьи, до приговора еще,

¹⁾ Судъ признавалъ, по обстоятельствамъ дѣла, умышленное убійство, а не дуэль по обычнымъ правиламъ; не смотря на всѣ извороты, N. N. все таки приговоренъ былъ на годъ въ острогъ, но впослѣдствіи, по ходатайству ген.-губернатора, срокъ былъ сокращенъ.

томится шесть мѣсяцевъ въ самомъ тяжкомъ заключеніи въ острогѣ, за свое судейское мнѣніе, и надъ ними производится такой строгій инквизиціонный судъ, какъ будто бы они были государственные преступники въ блаженные времена Анны Іоанновны. Вообразите, что несчастнаго Образцева, (члена окружнаго суда), который осмѣлился показать свои медицинскія познанія, и на нихъ основать свое осужденіе Н. Н., совершенно измучили; они изслѣдуютъ всю его жизнь; возникаютъ даже вопросы: ссорился ли Образцевъ со своею стряпнею за худо приготовленныя щи? Впрочемъ, все это понятно. Исполнителемъ воли великодушнаго графа, былъ М., сдѣланный для этой оказіи помощникомъ предсѣдателя губернскаго суда, — удаленнымъ изъ Петербурга за дѣло.... (Н. В. За преслѣдуемыхъ судей вступился наконецъ министръ юстиціи; членъ губернскаго суда, Олдекопъ, въ вознагражденіе за несправедливое преслѣдованіе былъ сдѣланъ прокуроромъ въ Казани, а Образцевъ освобожденъ. Вопиющее дѣло убійства Неклюдова Н. Н. — вымъ, было въ свое время напечатано въ «Рус. Ивалидъ»).

Адресъ изъ Москвы (изъ круга собесѣдниковъ и почитателей Алексѣя Петровича Ермолова), по поводу разныхъ клеветъ, напечатанныхъ въ разныхъ подневольныхъ изданіяхъ противниками Д. И. Завалишина):

«Вотъ вамъ обращеніе наглости и дерзости лакеевъ, защищаемыхъ недосытаемостью запятовъ! Этотъ янычарскій лай, который они подняли противъ васъ, поднялъ изъ глубины, со дна души, все негодованіе, у всѣхъ благородныхъ людей. Но мы впрочемъ утѣшаемся тѣмъ, что теперь самъ М. съ ними, и самъ того не вѣдая, возбуждаетъ такимъ нахальствомъ, такими воплями боязни упустить свое дешевое безсмертіе, — вниманіе ко всему сказанному вами, заставляя теперь всѣхъ узнать горькую правду, даже и тѣхъ, кто, по нашей лѣни, до сихъ поръ не зналъ ее. Примите же вмѣсто краснаго яйца въ свѣтлый праздникъ торжества безсмертія, — искреннее сочувствіе вашему слову, вашему геройству! Дай Богъ здравствовать и да хранитъ васъ Господь!»

Письмо Мардарія Васильевича Милюкова, попечителя гимназіи въ Оргѣ, бывшаго моряка, сослуживца и перваго наставника въ морскомъ искусствѣ Д. И. Завалишина. Какъ морякъ, М. В. Милюковъ считался даже выше Лазарева. Женявшись на Ел. Дм. Якушкиной, сестрѣ декабриста Якушнина, онъ вышелъ въ отставку.

Полагая, что Д. И. З.—на давно уже нѣтъ на свѣтѣ, онъ удивился, получивъ отъ него письмо и узнавъ, что онъ именно и есть авторъ статей объ Амурѣ.

„1-го мая 1861 года, Мценскъ, Орлов. губ.

«Письмо ваше, почтеннѣйшій товарищъ, удивило меня и восхитило; вижу, что энергія ваша при васъ, и ничто, никакія обстоятельства не поколебали вашу благородную душу. Не смотря на мои 70 лѣтъ, я вполне раздѣляю

съ вами любовь къ истинѣ и добру, и также, какъ и вы, не отступаю отъ убѣжденій, вкорененныхъ въ насъ. Какъ я благодаренъ вамъ, дорогой товарищъ, что вы мнѣ описали свое житье - бытiе. Я узнаю ваше благородное сердце и здѣсь....

«Примите желаніе видѣть васъ у насъ, въ сердцѣ Россіи, гдѣ бы вы были цвѣтомъ добра, и олицетвореніемъ дѣятельной энергіи. Не забывайте всею душею любящаго васъ и уважающаго васъ товарища Мардарія Милюкова.

«P. S. Вчера, 30 апрѣля, только получилъ ваше письмо, а сегодня, 1-го мая, пишу».

Письмо Кяхтинскаго градоначальника, Александра Ивановича N. N., въ послѣдствіи Тобольскаго губернатора, и затѣмъ, члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ:

„Кяхта. 23-го августа 1862 года.

«Многоуважаемый Дмитрій Иринарховичъ! Съ несказаннымъ удовольствіемъ, я прочелъ вамъ послѣднюю полученную мною вчера статью. Но это живое и полное жизни сказаніе не для умершаго уже «Кяхтинскаго Листка». Нѣсколько дней тому назадъ, редакторъ нашей юной газеты скоропостижно умеръ отъ аневризмы. Похоронивъ его, нужно, по неволѣ, похоронить на время и изданіе «Листка», до новаго Высочайшаго разрѣшенія, (которое необходимо, потому что «Листокъ», издавался Андруцкимъ, на правахъ собственности). Съ прискорбіемъ сообщаю вамъ эту новость. Никто такъ не сочувствуетъ этому горю, какъ я; сколько хлопотъ стоило мнѣ выманить разрѣшеніе газеты, послѣ двухлѣтней переписки.

«Посылаю вамъ обратно обѣ ваши статьи, и могу васъ увѣрить, что возвращаю ихъ съ душевнымъ прискорбіемъ, потому что я глубоко раздѣляю вашъ взглядъ и направленіе. Но я надѣюсь, что этотъ трудъ вашъ не останется мертвымъ капиталомъ, и будетъ пушенъ вами въ оборотъ. Если позволите, я посоветую вамъ отправить статьи къ редактору «Дня», Самарину (Юрію). Это человекъ благородный и состоятельный, а это много значитъ для самостоятельности издателя. (У него 200 т. годового дохода, ему нечего гнуть шею)».

Между тѣмъ Д. И. Завалишинъ, написавъ огромное число статей для поясненія Амурскаго дѣла, и вообще положенія Восточной Сибири, и подвергая себя за это злобѣ и мести своихъ властныхъ противниковъ, хотѣлъ устранить всякую мысль, что онъ изъ этой своей литературной дѣятельности извлекаетъ какую либо пользу и для себя, почему даже за тѣ статьи, которыя будучи напечатаны приносили огромную выгоду изданіямъ, увеличивъ въ огромной мѣрѣ требованіе на нихъ, не искалъ и не принималъ гонорарія. Какъ свидѣтельствуетъ это слѣдующее:

Письмо Федора Васильевича Чижова, издателя и редактора журнала «Вѣстникъ Промышленности», въ которомъ была помѣщена статья: «Амуръ. Кого обманываютъ, и кто окончательно останется обманутымъ?»

Москва. Сентября 14-го дня 1861 года.

«Трудъ, и такой почтенный, уважительный трудъ какъ вашъ, по крайней мѣрѣ, не долженъ васъ вводить въ издержки ¹⁾. Если бы вамъ угодно было, вмѣсто денегъ, приказать что нибудь купить, то будьте увѣрены, что съ моей стороны, это слово «приказать» никакъ не пустая фраза: я буду смотрѣть на ваше порученіе, какъ на приказаніе человѣка, глубоко мною уважаемаго».

Поставленные въ необходимость вслѣдствіи впечатлѣнія, произведеннаго статьями Д. И. Завалишина, что нибудь отвѣчать на нихъ, противники его, не найдя ни одного самостоятельнаго и благороднаго человѣка, который въ защиту ихъ согласился бы опровергать очевидную и общеизвѣстную истину, прибѣгли во первыхъ къ тому, чтобы постараться наложить запрещеніе на статьи Д. И. З—на, во вторыхъ, къ подлогу, и, наконецъ, къ клеветѣ на Д. И. Завалишина, чтобъ ослабить авторитетъ его слова. Вотъ документы, свидѣтельствующіе о всемъ этомъ: Когда Д. И. замѣтилъ, что статьи его перестали печатать въ «Морскомъ Сборникѣ», то поручилъ черезъ свою сестру своей невѣсткѣ, вдовѣ старшаго своего брата, проживавшей въ Петербургѣ, взять его статьи изъ редакціи «Морскаго Сборника», для передачи въ другія изданія; вотъ что отвѣчала она сестрѣ Д. Принарховича по исполненіи этого порученія:

5 Мая, 1860 года.

«Наконецъ-то я добралась толку въ редакціи «Морскаго Сборника»; видѣла адмирала Матюшкина, и онъ велѣлъ написать Д. И.—чу, чтобы тотъ прислалъ отъ себя письмо въ редакцію, что Д. И. и просить, чтобы его сочиненія возвратили ему, передавъ ихъ мнѣ, а иначе онъ, Матюшкинъ, ихъ никому не выдастъ; при чемъ сказала: «мы всѣ отъ нихъ въ восторгѣ, но что отъ начальства строго запрещено ихъ печатать. Ихъ читали, и велѣно положить въ архивъ для будущаго поколѣнія.» Матюшкинъ прибавилъ что и за послѣднюю статью, напечатанную въ «М. Сб.», ему очень намылили голову, потому что онъ, Матюшкинъ, пропустилъ ее своею властію, безъ особаго разрѣшенія».

Вслѣдствіе этого сообщенія, Дм. Принар. обратился къ предсѣдателю ученаго комитета, адмиралу и сенатору Матюшкину съ просьбою, передать или

¹⁾ Всѣ статьи, для вѣрности, посылались дупликаатами, притомъ страховыми, и затѣмъ переписывались въ Москвѣ. Д. З.

переслать статьи Д. И.—ча сестрѣ его, причеиъ замѣтилъ, что онъ писалъ для пользы преимущественно настоящаго, а не будущаго поколѣнія; вотъ отвѣтъ адм. Матюшкина.

Письмо адмирала Матюшкина:

С.-П.-Б. 20-го сентября 1860 года.

«Милостивый государь Дмитрій Принарховичъ! Три раза начиналъ писать вамъ, и всѣ три письма сжегъ.

«Еъ вамъ писать, — должно писать откровенно, — или вовсе не писать! Я вижу, что я не имѣю вашей гражданской храбрости и самоотверженія; впрочемъ онѣ были бы бесполезны въ настоящемъ случаѣ....

«Въ увѣренности, что N. N. (эти буквы въ подлинникѣ), прежде васъ прочтетъ эти строки, скажу вамъ только, что порученіе ваше исполнено, и ваши бумаги, изъ архива морскаго ученаго комитета переданы сестрѣ вашей. Васъ истинно уважающій Ф. Матюшкинъ».

Изъ этого видно, что и въ Петербургѣ уже не сомнѣвались, что въ Иркутскѣ распечатываются письма даже и важныхъ лицъ; и дѣйствительно Д. И. получалъ письмо Матюшкина распечатаннымъ. Но этимъ дѣло не ограничилось, и противники Д. И. Зсвалишина захотѣли въ самомъ «Морскомъ Сборникѣ» противопоставить опроверженіе показаній объ Амурскомъ дѣлѣ, и какъ не могли найти ни одного самостоятельнаго и благороднаго человѣка, который на это бы согласился, то и приискали ссыльно-каторжнаго поляка Гиларія Вебера, который подъ подложнымъ именемъ Ф. Антонова, послалъ статью въ «Морской Сборникъ», которая тамъ и была напечатана по ходатайству Иркутскихъ властей, а Веберъ въ награду, опять таки подъ чужимъ именемъ, получилъ въ аренду горнаго вѣдомства стеклянный Шилкинский заводъ. Цѣль такого маневра была очевидна: статьи Романова, Карпова, Мехеды и др., подчиненныхъ ген.-губернатору лицъ, не производили никакого впечатлѣнія, по зависимости отъ него служащихъ; поэтому и хотѣли показать, что вотъ-де находятся и посторонніе, которые опровергаютъ Д. И.—ча; но онъ сейчасъ же разоблачилъ всю интригу, и препроводилъ въ «Мор. Сборникъ» официальную выписку, за подписаніемъ помощника начальника Нерчинскихъ заводовъ, изъ статейнаго списка о лѣтахъ и о преступленіяхъ ссыльно-каторжнаго Гиларія Вебера, за № 3627, гдѣ значится, что Веберъ, кромѣ того преступления, за которое сосланъ былъ въ Сибирь, снова и тамъ былъ, по приговору Иркутскаго губернскаго суда, наказанъ плетьюми, за составленіе фальшиваго письма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д. И. доказалъ, что этотъ Веберъ и есть мнимый Ф. Антоновъ, и поздравилъ «Морской Сборникъ» съ такимъ сотрудникомъ.

Наконецъ, одинъ совѣтникъ въ Иркутскѣ, бывшій начальникъ походной

канцелярѣмъ ген.-губернатора, и человекъ ему близкій, и даже, какъ думали, родня, Василій Карповъ, вздумалъ пустить въ ходъ и клевету. Онъ напечаталъ въ газетѣ «Амуръ» отъявленную ложь, и этотъ № газеты, независимо отъ принудительной подписки на газету вообще, (и притомъ на два года, и за старый годъ), былъ, по распоряженію Иркутскаго начальства, разосланъ въ огромномъ количествѣ, и навязанъ всѣмъ, кто не смѣлъ отказать; но и эта штука обратилась къ стыду и изобрѣтателя и покровителей, потому что какъ скоро В. Карповъ появился въ Читѣ, первый разъ послѣ этой статьи, онъ встрѣтилъ такой взрывъ негодованія противъ себя, что отъ него отшатнулись даже бывшіе съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ люди, и онъ вынужденъ былъ явиться къ Д. И. Завалишину, съ извиненіемъ; но этимъ не ограничилось: Д. И. потребовалъ отъ него, чтобы онъ заявилъ это, въ той же самой газетѣ «Амуръ», гдѣ была напечатана и клевета, что онъ и вынужденъ былъ исполнить, напечатавъ свое сожалѣніе, что былъ введенъ въ заблужденіе, но что, имѣвши теперь случай лично познакомиться съ дѣйствіями Д. И. З—на, онъ признаетъ его заслуживающимъ полного уваженія.

Что же касается до статей Романова, заказанныхъ по начальству, то онѣ ни къ чему не привели, повредивъ во мнѣніи только самому Романову. Вотъ что писалъ о нихъ Мих. Александровичъ Бестужевъ:

Селенгинскъ. 13-го февраля 1859 года.

«Читалъ я возраженіе на твою статью объ Амурѣ. Плохо Романовъ защищаетъ плохія дѣла!»

А вотъ и письмо одного чиновника особыхъ порученій, состоявшаго при Борсаковѣ, и даже жившаго у него въ домѣ, но оставившаго службу отъ того, что не хотѣлъ представить донесенія въ томъ смыслѣ, какъ желалъ Борсаковъ, и описалъ все раззореніе крестьянъ и казаковъ въ томъ видѣ, какъ дѣйствительно видѣлъ:

Троицкосавскъ. 29-го февраля 1860 года.

«Письмо ваше, многоуважаемый Дн. Иринарх., я имѣлъ удовольствіе доставить лично Мих. Александровичу (Бестужеву), и позвольте отъ всей души поблагодарить за случай, который вы доставили мнѣ познакомиться съ нимъ.

«У Мих. Ал. я обѣдалъ, и долго бесѣдовалъ о суетѣ всего міра, и въ особенности о суетѣ Восточной Сибири. Въ Селенгинскѣ, къ величайшему моему удивленію, всѣ статьи ваши читались и читаются, и мы не мало смѣялись надъ пресловутымъ Веберовскимъ повѣствованіемъ; (о высѣченномъ плетью Веберѣ, напечатаншемъ подъ именемъ Ф. Антонова статью въ «Мор. Сб.» смотри выше). Мих. Ал. только боится, что всѣ эти глупо-

сти и бессмыслие слышномъ волнуютъ васъ и могутъ дурно подѣйствовать на ваше здоровье. Ради Бога! берегите себя, (извините за это); вы такъ нужны для настоящей Сибири; безъ васъ много будетъ обманутыхъ, какъ я, блестящими фразами».

Конечно, тѣ, кто боялись за спокойствіе духа Д. И—ча, ошибались; вотъ свидѣтельство воен. губ. Запольскаго къ сестрѣ Д. И—ча, относящееся къ тому времени, когда его понуждали къ выѣзду изъ Читы по случаю перевода въ Минусинскъ:

Мая 4-го дня 1856 г. Село Радужнево (близъ Сухонича).

«Но я узнаю во всѣхъ его дѣйствіяхъ, — брата вашего, и его устойчивый характеръ; онъ не поѣхалъ до возвращенія главнаго начальника, (убѣдивъ исправлявшаго должность ген.-губернатора И. И. Венцеля, чтобъ онъ предоставилъ и исполненіе тому, кто затѣялъ дѣло), и въ настоящее время, когда онъ писалъ ко мнѣ, его уже не торопили выѣздомъ».

Извѣстно, что тогда ген.-губернаторъ, затѣявшій переводъ Дм. И—ча въ Минусинскъ самъ уѣхалъ на Амуръ, въ надеждѣ, что во время отлучки его, найдутся усердные люди, которые постараются въ угоду ему выпроводить Д. И—ча изъ Читы; но даже изъ самыхъ преданныхъ главному начальнику лицъ, никто не отважился покуситься на это.

Между тѣмъ съ возвращеніемъ правъ Д. И—чу, и съ появленіемъ его статей, очевидно стало невозможнымъ продолжать открыто прежнюю систему, и тѣмъ болѣе, что статьи Д. И—ча произвели сильное впечатлѣніе не только въ Россіи вообще, но даже и при дворѣ. Такъ сестра Д. И—ча въ письмѣ отъ 28 дек. 1859 г. изъ Москвы сообщила ему о письмѣ одной иѣтвшеи большое значеніе при дворѣ особѣ, которая писала ей: «Votre frère Dmitry a acquis l'estime et la sympathie generale». Самые отъявленные угодники главнаго начальника стали опасаться и перемѣнили языкъ. Букель, много обязанный Дм. И—чу когда былъ въ низшихъ чинахъ, и даже получавшій награды за труды, принадлежавшіе собственно Дм. И—чу, но за тѣмъ ставшій однимъ изъ главныхъ дѣятелей по злоупотребленіямъ, возвысившійся въ десять лѣтъ отъ званія поручика до начальника штаба и губернатора, этотъ Букель, пріѣхавъ въ Читу на губернаторство, явился съ повинною къ Д. П. З—ну, сознался во вредѣ прежняго образа дѣйствій и началъ проповѣдывать своимъ подчиненнымъ новыя правила. Свидѣтельство объ этомъ иѣтается въ слѣдующемъ письмѣ Мих. Алек. Бестужева:

18-го августа 1862 года. Селенгинскъ.

«Я видѣлся съ Букелемъ. Онъ сообщилъ мнѣ свои проекты, (о новой системѣ управленія). Какое? Своя на своихъ возмаша! Напиши, какъ ты объ этомъ думаешь?»

Думать, конечно, тутъ было нечего! По сознанию самаго Кукеля Д-ю И—чу, подчиненные чуть не въ глаза ему смѣялись, когда овъ сталъ проповѣдывать новыя правила. Разумѣется, они очень хорошо поняли, что все это одно вынужденное лицемеріе, и что все таки главному начальству можно угодить и выслужиться только тѣми дѣйствіями, какими выслужился и самъ Кукель.

Впрочемъ во время своего губернаторства въ Читѣ, во всемъ, что было на глазахъ у Д. И—ча, Кукель старался сообразоваться съ его мнѣніемъ. Въ подтвержденіе сего есть нѣсколько документовъ: записка о приведеніи въ исполненіе распоряженій Д. И—ча относительно неправильно строящихся домовъ; письмо дѣлопроизводителя городской комиссіи, (которой и Д. И. былъ избранъ членомъ отъ города), извѣщающаго Д. И—ча, что по протесту его, Кукель поручилъ написать отъ него въ комиссію бумагу, что «овъ находитъ протестъ Д. И—ча вполне правильнымъ, и желалъ бы, чтобы комиссіа отиѣнила свое постановленіе, какъ стѣснительное и вмѣстѣ съ тѣмъ ни къ чему не ведущее».

Статьи Д. И—ча, разоблачивъ настоящее состояніе дѣлъ, чрезвычайно облегчили положеніе новыхъ лицъ, не участвовавшихъ въ прежнихъ злоупотребленіяхъ, потому что отъ нихъ и не смѣли уже ихъ требовать. Такъ новый губернаторъ, Е. М. Жуковскій, не причастный дѣламъ, до него бывшимъ, видя значеніе и уваженіе, которымъ пользовался Д. И., и самъ обращался къ нему съ довѣріемъ и открыто, на что имѣются также нѣсколько документовъ. Письмо его отъ 23 февраля 1862 года, съ просьбою принять участіе въ сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ, первой не только въ Читѣ, но и во всей Сибири; затѣмъ письмо и совѣтника, съ просьбою принять сверхъ того и званіе эксперта, такъ какъ населеніе не хотѣло принимать участія въ выставкѣ, подозрѣвая тутъ уловку, чтобы вызвать что у него есть, и обложить натуральною повинностію для Амура какъ то дѣлалось прежде, и довѣріе возстановилось только тогда, когда объявлено, что въ комиссіи членомъ и экспертомъ будетъ Д. И. З—нъ.

Въ письмахъ Мих. Бестужева, къ Д-ю И—чу З—ну, есть еще одно, представляющее весьма важный документъ относительно одного вопроса, очень мало разъясненнаго для русской публики. Вообще представляется, что занятіе Амура соединено съ приобрѣтеніемъ и южныхъ гаваней, но вмѣстѣ того на дѣлѣ оказывается, что занявшій Амуръ ген.-губернаторъ былъ отъявленный противникъ отысканія и занятія южныхъ гаваней. Уже въ «Морск. Сборникѣ» были на то намеки, по поводу письма Бошняка; затѣмъ адмиралъ Невельской прямо уже говоритъ о томъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ; теперь въ приводимомъ здѣсь слѣдующемъ письмѣ Мих. Ал. Бестужева находится новое тому подтвержденіе:

Селенгинскъ. 8-го августа 1862 года.

«Это было за вечернимъ чаемъ на половинѣ Катерины Николаевны, (жены ген. губ. Муравьева). Тутъ былъ Е. К. Венцель, (тогдашній Иркутскій губернаторъ), М. С. Борсаковъ, не помню хорошенько, былъ ли тутъ Буссе. Я готовился плыть по Амуру, слѣдовательно разговоръ коснулся Николаевска, и скоро завязался споръ, гдѣ я доказывалъ, что этотъ рождающійся городъ никогда не можетъ сдѣлаться ни купеческимъ, ни военнымъ портомъ. Борсаковъ, обращаясь къ Н. Н. Муравьеву, сказалъ: «Помните ли вы, в. п., вѣчную прибаутку Невельскаго въ подобныхъ спорахъ, когда онъ съ запальчивостію повторялъ: «флотъ—портъ; портъ—флотъ». «Неужели вы не подозреваете, Мих. Сем., возразилъ я, что въ этой прибауткѣ кроется глубокой смыслъ? Неужели Амуръ вывелъ насъ на океанъ для того, чтобы мы сложи руки, любовались изъ-за льдовъ и мелей его устья на торговую дѣятельность другихъ народовъ? Если вы хотите въ этой дѣятельности принять участіе и заводить флоты, то необходимо приготовить для нихъ удобные порты, а не ледники и замкнутые гавани, которыми Россія можетъ только похвалиться. Да! грѣхъ, если русскіе, по своей обычной апатіи, не воспользуются теперь благоприятными обстоятельствами, и не отыщутъ для себя открытаго порта на югъ»... «Вы моряки очень прихотливы», прервалъ меня Ник. Ник. Муравьевъ, «вы пожалуй захотите въ Печели». Споръ долго продолжался на эту тему, но сущность его была почти та же. Прощай! Твой Михаилъ Бестужевъ».

Естественно, что при этомъ могутъ спросить: почему же такъ ожесточенно противились отысканію и занятію южныхъ портовъ, и называли признаніе этого необходимымъ пустою выдумкою моряковъ? Отвѣтъ на это находится въ запискахъ Д. И. Завалишина. Желавшіе поскорѣе получить награды за амурское дѣло, естественно, спѣшили объявить скорѣе дѣло это законченнымъ. Извѣстно, что даже когда еще не проплыли по Амуру, когда только что утверждена была по проекту Д. И. З.—на организаціи Забайкальскаго края, какъ подготовки къ рѣшенію амурскаго вопроса, то уже говорили, что «теперь уже все сдѣлано! теперь и всякій можетъ продолжать!» А какъ въ 1857 году, когда происходилъ вышеописанный М. Бестужевымъ разговоръ, нельзя было ни надѣяться на добровольную уступку со стороны Китая, ни на тѣ обстоятельства, (война Китая съ Англіей и Франціей), которыя вынудили манчжурскаго ген.-губернатора заключить айгунскую сдѣлку, (не ратификованную однакоже, не смотря на все, Китаемъ, и за которую этотъ ген.-губ. Ишанъ, былъ приговоренъ къ смертной казни) и затѣмъ, при взятіи Пекина союзниками, дали возможность Н. П. Игнатьеву, за посредничество съ ними, получить уступку Усурійскаго края и южныхъ гаваней, то понятно, что признавать занятіе Амура, безъ отысканія

и занятія южныхъ гаваней, лишеннымъ всякаго значенія и смысла, значило бы отложить объявленіе Амурскаго дѣла законченнымъ — въ долгій ящикъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отложить надежды и на награды.

Вотъ цѣлый рядъ официальныхъ (за №№) писемъ генералъ-лейтенанта П. К. Менькова, главнаго редактора «Рус. Инвалида» и «Военнаго Сборника», журнала, служащаго органомъ военному министерству, (какъ покойный генералъ Меньковъ самъ его называлъ):

Спб. 1-го ноября. 1861. № 1666.

«Мил. гос. Дмитрій Принаркоичъ! Редакція «Военнаго Сборника» искренно признательна вамъ, мил. гос., за свѣденія, сообщенныя вами; онѣ знакомятъ съ неустройствомъ края, къ полному сожалѣнію, еще столь смутнопонимаемаго въ Россіи. Внимательно прочитывая ваши письма, исполненные живаго интереса, я съ грустію пришелъ къ старому, не разъ доказанному убѣжденію, что сколько бы частныя лица ни желали добра краю, пока въ дѣятеляхъ правительства не будетъ искренности и примаго понятія о святости долга своего, всѣ сѣтованія останутся тщетными.

«Вы вините редакцію, что онѣ не печатаютъ вашихъ статей, что я не печатаю вашихъ писемъ; но виноваты ли въ томъ лица и редакціи, надъ которыми существуетъ самая строгая, и никогда не снисходительная цензура? Еще время не пришло. Факты, представляемые вами, слишкомъ свѣжи, — и всѣ они должны проходить черезъ руки тѣхъ же лицъ, о которыхъ говорятъ и которыхъ винятъ. Кто же добровольно наложить на себя руки?

«Редакція была бы вамъ искренне признательна, если бы вы сообщили ей вашъ трудъ о казачествѣ вообще, и о казакахъ Забайкальскихъ въ особенности¹⁾. Не зная содержанія статьи и способа ея изложенія, редакція не можетъ ручаться за непремѣнное напечатаніе статьи, ибо независимо отъ редакціи, статья можетъ не допущена быть къ напечатанію цензурою. Но во всякомъ случаѣ, я полагаю, что правдивая и меткая статья, даже и въ рукописи, будучи представлена тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ вліяніе на ходъ управленія краемъ, принесетъ несомнѣнную пользу. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мнѣ особенно пріятно заявить вамъ, мил. гос., мое глубокое уваженіе, и увѣрить васъ въ моей искренней преданности. Петръ Меньковъ».

(Н. В. Генер.-лейт. Меньковъ былъ одинъ изъ севастопольцевъ).

¹⁾ Эта просьба основана была на постороннемъ сообщеніи, что Д. И. Завалишину удалось разрѣшить вопросъ о казачествѣ и дать ему разумное, историческое разъясненіе.

Спб. 25-го апрѣля 1861 года.

«Мил. гос. Дмитрій Принарховичъ! Не нахожу словъ, чтобы вполне выразить вамъ мою признательность за довѣріе, которымъ вы меня почтили. Вполнѣ цѣню, и вполнѣ сочувствую вашему горю, которое накопило у васъ при видѣ общей въ краю неурядицы, несправедливости и равнодушія къ закону и долгу. По моему мнѣнію, общему растлѣнію не поможетъ и печатное слово, которое, къ общему сожалѣнію, далеко уклонилось отъ своей цѣли, вышло изъ вѣры.

«Вполнѣ сочувствуя истинѣ, изложенной въ вашихъ письмахъ, я позволялъ себѣ, какъ редакторъ журнала, служащаго органомъ военному министерству, до печатнаго заявленія, высказать мои личныя убѣжденія, основанныя на вашихъ словахъ, г-ну военному министру (Д. М. Милютину) высокая личность котораго, сочувствуя всему доброму и благородному, — изъ полнаго презрѣнія къ интригѣ и злоупотребленіямъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не откажетъ обратить вниманіе на зло, разоблаченіемъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зло происходитъ. Впрочемъ, это мои догадки; будемъ ждать съ терпѣніемъ дней болѣе свѣтлыхъ.

«Искренне признателенъ вамъ за вступленіе къ статьѣ о казачествѣ; увѣренъ, что въ цѣломъ составитъ прекрасный и замѣчательный трудъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки послѣдующихъ отдѣловъ. Отвѣтъ вашъ на «Ложь и клевету поручика Мехеды» прочелъ съ самымъ живымъ интересомъ, и по желанію вашему, возвращаю при семъ подлинную вашу рукопись, оставивъ у себя, съ разрѣшенія вашего, — копію, какъ документъ нашихъ дѣтскихъ взглядовъ на цензуру, литературу и любовь къ дѣлу. Что отвѣчалъ вамъ цензурный комитетъ? Грустно! ложь осталась не обличенною, — вредъ ею сдѣланный — неисправимымъ, а могли бы напечатать, за нѣкоторыми выраженіями, показавшимися быть можетъ имъ щекотливыми; вы конечно бы не постояли, — лишь бы они не утешили вопроса.

«Скажите, пожалуйста, не уже ли и теперь, съ выходомъ изъ края Графа Амурскаго, существуетъ прежній произволъ, неурядица? Что же дѣлаетъ и смотритъ исполненный жизни и силъ, молодой начальникъ края¹⁾? Или протоптанная колея — болѣе надежна для правителя? Вообще, отдаленность края, и безконтрольность лицъ, стоящихъ тамъ въ головѣ управленія, много вредятъ царству.

«Сдѣлайте одолженіе, пишите; будемъ помогать дѣлу общему, дѣлу доброду, по мѣрѣ силъ нашихъ и возможности; авось намъ Богъ поможетъ!»

¹⁾ Г.-л. Менъковъ не обратилъ вниманія на то, что новый начальникъ, выведенный предшественникомъ въ 8 лѣтъ изъ подпоручиковъ въ губернаторы, на то и поставленъ былъ, чтобы прикрыть прежнія дѣйствія, въ которыхъ и самъ былъ участникомъ, на что бы, для огражденія себя, не согласилось новое лицо, какъ я сдѣлалъ то потомъ ген.-губерн. Н. П. Синельниковъ, раскрывъ все зло. Д. З.

Спб. 26-го Мая 1862 года, № 184.

«Чтобы извлечь всю возможную пользу изъ вашихъ записокъ, я представляю ихъ для прочтенія г-ну военному министру, въ томъ убѣжденіи, что высокая во всѣхъ отношеніяхъ личность его, принимая самое теплое участіе во всемъ намъ родномъ, русскомъ, окажетъ свое содѣйствіе къ принятію самыхъ дѣятельныхъ мѣръ по при-Амурскому краю.

«Во всякомъ случаѣ, ругаюсь вамъ моимъ словомъ и горячею любовью къ нашей общей матери Россіи, — что Записки ваши, не смотря на то, явятся ли они въ печати или нѣтъ, достигнуть своей цѣли, своего назначенія;—я употреблю всѣ зависящія отъ меня усилія, чтобы онѣ были прочтаны тѣми лицами, отъ коихъ истекаетъ добро для народности, и въ рукахъ которыхъ находится право карать зло.

«Будьте столь обязательны, познакомяте меня короче съ вашею замѣчательною личностію; скажите мнѣ нѣсколько словъ о вашей прошлой судьбѣ, о вашей дѣятельности, — жизни. Пусть эта краткая автобіографія будетъ служить вступленіемъ къ вашимъ замѣчательнымъ и полезнымъ трудамъ, которыхъ, вѣроятно, самая наименьшая доля находится въ моихъ рукахъ».

Спб. 25-го сентября 1862 года, № 389.

«Не нахожу словъ, чтобы вполне выразить вамъ мою искреннюю признательность за то довѣріе, которымъ вы почтили меня, поддерживая вашу унизкую и назидательную бесѣду. По мѣрѣ силъ моихъ и моего служебнаго круга дѣйствій, я стремлюсь къ тому, чтобы ваши разумныя указанія были усвоены и приняты. Независимо отъ моихъ дѣйствій на военное министерство, генеральнаго штаба полковникъ Будагосскій, по моему настоянію, и на данныхъ, заключающихся въ вашихъ письмахъ, и на опытѣ, приобрѣтенномъ имъ во время своей служебной дѣятельности въ краѣ, составитъ общую записку о состояніи края, которая имъ, какъ бывшимъ оберъ-квартирмейстеромъ, будетъ официально представлена г-ну военному министру, одновременно съ ожидаемымъ сюда пріѣздомъ Корсакова. Авось, Богъ дастъ, ваши искреннія желанія принесутъ ожидаемую нами пользу.

«При семъ возвращаю вамъ подлинную записку сотника М...; копію съ оной, какъ документъ безсмысленнаго произвола, я оставилъ у себя».

Спб. 4-го февраля 1863 г.

«Мил. гос. Дмитрій Иринарховичъ! Не нахожу словъ, выразить вамъ моей искренней, душевной признательности за вашу постоянную, поучительную переписку съ редакціей. Подобно вамъ, проникнутый искреннимъ желаніемъ добра нашей дорогой отчизны, я, по званію главнаго редактора

журнала, представляющаго собою органъ военнаго министерства, дѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы правительство извлекло возможную пользу изъ вашихъ указаній. Содержаніе вашихъ писемъ и статей я докладываю г-ну военному министру, и по приказанію его превосходительства, лично мною было сдѣлано извлеченіе изъ нихъ, и въ видѣ особой записки «Извѣстія изъ Восточной Сибири», представлено военному министерству. Сколько мнѣ извѣстно, записка дана была для прочтенія и отвѣта ген. Корсакову. Не знаю, что отвѣчалъ на записку о неурядицѣ въ При-Амурскомъ краѣ ген.-губернаторъ края, но во всякомъ случаѣ смѣю думать, что вашъ трудъ, хотя и не напечатанный въ общемъ всеуслышаніе,—не пропалъ безслѣдно».

Н. В. Дѣйствительно не пропалъ безслѣдно, но не въ томъ смыслѣ, какъ ожидалъ ген.-лейт. Менъковъ и всѣ другіе, чаявшіе исправленія зла. Всѣ статьи свои Д. И. З.—въ посылалъ и назначалъ для печати, предоставляя противникамъ своимъ возражать на нихъ въ печати же, и опровергать, если могутъ, и тогда всѣ могли бы судить о достоинствѣ какъ обвиненія, такъ и оправданія. Но вмѣсто того, и не смотря на полное подтвержденіе, со стороны Будагосскаго, всего сказаннаго Дмитріемъ Иринарховичемъ, какъ сейчасъ будетъ видно, Корсакову были даны какъ Записка, о которой сказано въ письмѣ ген.-лейт. Менъкова, такъ и всѣ статьи Д. И. З.—на; но отвѣты Корсакова не были сообщены Дмитрію Иринарховичу, чтобы онъ, въ свою очередь, могъ возразить на нихъ. Затѣмъ, по негласнымъ навѣтамъ Корсакова, дошедшаго до нелестнаго для себя признанія, что нравственное вліяніе Дмитрія Иринарховича выше вліянія власти ген.-губернатора, Д. И. Завалишинъ былъ, безъ суда и слѣдствія, удаленъ, противу воли, изъ Читы, съ полнымъ раззореніемъ, и потерю плодовъ 24 лѣтняго труда, обезпечивавшихъ его, хозяйства его и собственнаго дома!

Спб. 22-го января 1864 (въ Москву).

«Невозможность приѣзда вашего въ Петербургъ лишаетъ меня возможности скорого личнаго знакомства; но иже въ виду, въ непродолжительномъ времени, быть въ Москвѣ, я буду имѣть честь представиться вамъ лично и просить о продолженіи вашего вниманія ко мнѣ, высказаннаго въ постоянной нашей перепискѣ».

Менъковъ.

Письмо ген. Будагосскаго.

Одесса. 25-го февраля 1864 года.

«Послѣ довольно продолжительнаго разговора съ военнымъ министромъ о Восточной Сибири, онъ сознался, что не имѣетъ никакого о ней понятія, но возобновить въ другое время рѣчь о ней не захотѣлъ; а приказалъ передать мнѣ всѣ ваши статьи, съ просьбою, чтобы я выразилъ свое мнѣніе».

И исполнилъ его желаніе самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Возвращая ваши статьи, я приложилъ нѣсколько документовъ и вашу фотографію. Все это оказалось нужнымъ для доказательства справедливости нѣкоторыхъ фактовъ, казавшихся мнѣ невѣроятными или превратно понятыми. Съ документовъ сняли копіи, и возвратили мнѣ, а карточка ваша осталась у военного министра, или у Менькова, не знаю».

(N. В. Въ числѣ документовъ находилось требованіе отъ Будагосскаго, искаженія карты Амура «отодвинуть горы», чтобы доказать, что тутъ можетъ быть «область», тогда какъ дѣйствительная съемка показывала, что на Амурѣ можетъ устроена быть только «линія». См. письмо Савича).

Между тѣмъ быстро развивавшіяся послѣдствія всего указаннаго Д. И. Завалишнымъ, вполне доказали справедливость не только современныхъ, указанныхъ фактовъ, но и всего предвидѣннаго имъ. Коль скоро можно стало говорить о сибирскихъ дѣлахъ свободнѣе, не подвергаясь опасности потерпѣть за это такъ, какъ пострадалъ Д. И., печать наполнилась извѣстіями одно другаго безотраднѣе на счетъ сибирскихъ, и особенно амурскихъ дѣлъ. Все, собранное съ населенія насиліемъ и съ раззореніемъ Забайкальскаго края, пропало даромъ отъ дурныхъ и невѣжественныхъ распоряженій и злоупотребленій; гибли цѣлые караваны съ миллионными грузами, гибли линейные солдаты отъ голода, гибло и раззорилось населеніе и на Амурѣ; штрафные солдаты и опороченные начальники внесли повсемѣстное развращеніе въ казачье населеніе; правительство было поставлено въ недоумѣніе. Амуръ поглотилъ уже огромныя суммы, и сдѣлался дѣйствительно «злосчастною извою», какъ характеризовалъ его Д. И. З. Рѣшено было послать ген.-адъют. Сколкова, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ покойнаго императора. Ему было поручено довести о настоящемъ положеніи дѣлъ на Амурѣ и опредѣлить на мѣстѣ разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ для будущаго.

При проѣздѣ своемъ чрезъ Москву, при возвращеніи съ Амура въ Петербургъ, ген.-ад. Сколковъ искалъ познакомиться съ Д. И. З., и вотъ что сказалъ ему: «Отправляясь на Амуръ, хотя я, какъ и всѣ другіе моряки, Матюшкинъ, Бокъ¹⁾, и проч. знавшіе васъ по преданію, и слышавшіе лично рассказы моряковъ возвращавшихся изъ Сибири и съ Амура,

¹⁾ Покойный адмиралъ Бокъ, состоявшій при одномъ изъ великихъ князей, познакомился лично съ Д. И.—мъ, на этнографической выставкѣ, гдѣ Д. И. былъ членомъ распорядительной комисіи, и уполномоченнымъ. Ему было сверхъ того поручено объясненіе выставки всѣмъ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, начиная отъ институтовъ и гимназій, до начальныхъ школъ. Адм. Бокъ состоялъ потомъ въ дружеской перепискѣ съ Д. Ир. и писалъ ему интересныя письма изъ Германіи, изъ которыхъ одно было даже напечатано Д. И.—чемъ.

глубоко былъ убѣжденъ въ справедливости всего, что вы писали, но, сознаюсь откровенно, не рѣшился видѣться съ вами, при всемъ желаніи познакомиться: я не хотѣлъ, чтобы могли потомъ сказать, что я на все смотрѣлъ вашими глазами. Но когда я, бывши на мѣстахъ лично, увидѣлъ до какой степени было справедливо не только то, что вы писали о настоящемъ положеніи дѣла, но что предвидѣли и въ будущемъ, я счелъ уже своею обязанностію, на возвратномъ пути, лично представиться вамъ, и просить о знакомствѣ, и о полезныхъ совѣтахъ, убѣдясь, какъ строго различали вы самое дѣло отъ людей—портившихъ его, и если вынуждены были выступить противъ послѣднихъ, то всегда сочувствовали и содѣйствовали дѣлу».

Результатомъ знакомства ген.-ад. Сколкова съ Д. И. Завалишинымъ была дружеская переписка между ними, въ которой Сколковъ и выразилъ то же, что говорилъ Д. И.—чу и лично. Приводимъ выписку изъ одного письма, въ подтвержденіе сказаннаго:

Сиб. 17-го февраля 1870 года.

«Мил. гос.! Дмитрій Иринарховичъ! При свиданіи нашемъ вы заявили столько сочувствія къ развитію При-Амурскаго края, что и незначительныхъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ спѣшу подѣлиться съ вами». (Дѣло шло объ одномъ предпріятіи, отъ котораго, судя по началу, ген.-ад. Сколковъ ожидалъ пользы, и относительно котораго и желалъ поэтому посоветоваться съ Дмитриемъ Иринарховичемъ).

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ приведенныхъ документовъ очевидно, что не только мѣстные жители всѣхъ званій и общественныхъ положеній, но и официальные представители правительства, были вполне убѣждены въ справедливости всего сказаннаго, и даже предвидѣннаго Д. И. Завалишинымъ. по сибирскимъ дѣламъ, и не поколебались выразить свое убѣжденіе и письменно.

Это же убѣжденіе раздѣляли и покойные митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Леонидъ, совѣтывавшіеся даже съ Д. И.—мъ по сибирскимъ и другимъ дѣламъ,—какъ имѣются тому письменныя свидѣтельства.

Въ заключеніе можно прибавить, что назначенный послѣ Корсакова, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, генералъ Н. П. Синельниковъ, какъ не связанный отвѣтственностію со своими предшественниками и не обязанный скрывать прошлое, обнаружилъ въ открытыхъ своихъ циркулярахъ весь хаосъ, который царствовалъ въ дѣлахъ управленія Восточной Сибири. Циркуляры эти, напечатанные и въ столичныхъ газетахъ, послужили новымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго Д. И. Завалишинымъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ДЕКАБРИСТОВЪ ВЪ ТЮРЕМНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ

ВЪ ЧИТѢ И ВЪ ПЕТРОВСКОМЪ ЗАВОДѢ.

ЗАПИСКИ ДМИТРИЯ ИРЕНАРКОВИЧА ЗАВАЛШИНА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Прочитавъ не мало уже изъ того, что до сихъ поръ было напечатано, какъ товарищами моими по заключенію, такъ и посторонними лицами, о пребываніи нашемъ въ заключеніи въ Читѣ и въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ, я нашелъ все, что удалось прочитать мнѣ, далеко не полнымъ, не точнымъ и не безпристрастнымъ... Причинъ тому было, конечно, не мало: незнаніе фактовъ, или забвеніе ихъ, вслѣдствіе того, что они не были въ свое время записаны и приводились по однѣмъ смутнымъ воспоминаніямъ, при ослабленіи уже памяти, долгое время спустя; личныя побужденія, нежеланіе говорить о нѣкоторыхъ невыгодныхъ явленіяхъ среди товарищества, опасенія препятствій говорить правду о дѣйствіяхъ начальства,—все это породило умолчаніе о многихъ фактахъ, искаженіе другихъ, и неправильное объясненіе иныхъ, что неизбѣжно отразилось въ неправильности сужденія о дѣйствіяхъ и характерѣ лицъ...

Кромѣ меня, сколько мнѣ извѣстно, едва ли кто другой, изъ нашихъ товарищей, велъ современныя записки, наблюдая и обсуждая въ свое время все относившееся къ намъ, и сохраняя письменные документы, за что все, какъ извѣстно, я велъ упорную борьбу съ командантомъ Лепарскимъ, который окончательно вынужденъ былъ однако же признать справедливость требованія разрѣшенія письменныхъ занятій. Поэтому я одинъ только и имѣлъ, по крайней мѣрѣ, такія замѣтки, которыя могли служить прочною основой для воспоминаній, тогда какъ тѣ изъ моихъ товарищей, которые принялись писать свои воспоминанія только впоследствии, должны были основываться преимущественно на одной своей памяти, не рѣдко измѣнявшей уже имъ, что и вызывало уже не разъ опроверженія показаній однихъ, показаніями другихъ, не говоря уже о наполненіи этихъ воспоминаній такими выраженіями: «не помню», — «кажется», —

«не могу съ достовѣрностію сказать», и пр. Что же касается до стороннихъ лицъ, то онѣ, разумѣется, должны были основываться въ своихъ разсказахъ только на внѣшнихъ случайныхъ явленіяхъ, и если слышали и разказы чьи-либо изъ нашихъ товарищей, и даже имѣли въ рукахъ кое-какіе документы, то не находившись сами въ казематѣ, не зная всей совокупности событій и историческаго развитія ихъ, а равно и внутреннихъ причинъ, не могли, разумѣется, давать настоящаго значенія ни тому что слышали, ни тому что могли узнать изъ документовъ.

Мы же благопріятствовали и внѣшнія условія для полноты наблюдений и разнообразія источниковъ свѣдѣній, давшія возможность избѣжать односторонности. Прибывши одинъ изъ первыхъ въ Читѣ, (прежде меня прибыла только одна партія изъ четырехъ человекъ), я выѣхалъ изъ Петровскаго завода послѣднимъ, и затѣмъ водворенъ былъ на поселеніи въ той же самой Читѣ, гдѣ было еще много свѣдѣтелей перваго, общаго нашего пребыванія въ ней, что дало мнѣ возможность пополнить мои свѣдѣнія фактами и объясненіями, бывшими намъ неизвѣстными. Затѣмъ, прибывъ въ Читѣ, я женился на дочери одного умершаго горнаго шт.-офицера (по горному чину въ рангѣ подполковника), бывшаго, во время нашего пребыванія въ Читѣ, начальникомъ горнозаводскаго тамъ управленія, человека высокоуважаемаго и нами, и начальствомъ, и, по званію и мѣсту своему, имѣвшаго всегда къ намъ доступъ, завѣдывавшаго отчасти и нашими дѣлами, въ семействѣ котораго я нашелъ поэтому много не только устныхъ свѣдѣній, но и документовъ, относящихся къ намъ.

Но еще важнѣе всѣхъ этихъ внѣшнихъ благопріятныхъ условій было то, что существовала еще особенная, нравственная причина, которая дѣлала для меня обязательными полноту, точность и безпристрастіе наблюдений. Для всѣхъ другихъ, явленія и наблюдения въ казематской жизни были случайныя; между ними не отыскивали и даже и не предполагали никакой связи, и обращать или не обращать на нихъ вниманіе зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ и болѣею частію отъ причинъ и побужденій субъективныхъ; для меня же наблюдения надъ явленіями казематской жизни были напередъ поставленною нравственною задачею, предметомъ преднамѣреннаго изученія. Признавъ, что для полноты и правильности выводовъ по вопросамъ общественнымъ и государственнымъ, необходимо подробное и безпристрастное изученіе всѣхъ партій, ихъ побужденій, цѣлей, правилъ, и образа дѣйствій, я съ самаго же начала, когда увидалъ, что мы будемъ соединены въ массы, и на долгое время, призналъ, что это обстоятельство будетъ весьма благопріятно для изученія либе-

ральной партіи, которая будетъ имѣть здѣсь представителей всѣхъ мнѣній, всѣхъ побужденій, всѣхъ положеній, всѣхъ степеней образованія и развитія, и съ этою цѣлю и сообразилъ свои наблюденія. Я старался поэтому не только съ точностію наблюдать всѣ явленія, и безпристрастно обсуждать ихъ, но и осмысливать ихъ, отыскивать ихъ внутреннія причины и связь между ними. Казамацкое общество являлось, поэтому, мнѣ не какъ простой, случайный агрегатъ людей, а какъ живой организмъ, воплощеніе живой идеи, способной къ развитію и къ проявленію всего своего внутренняго содержанія, и думаю, что въ этомъ я не ошибся. Что же касается до того, чтобы поставить себя въ условія возможности полнаго безпристрастія, то могу сказать, что я принялъ въ этомъ отношеніи всевозможныя мѣры, устраненіемъ всѣхъ причинъ и поводовъ къ личнымъ столкновеніямъ. У меня происходила постоянная и сильная борьба, но всегда только за общія идеи, за нравственныя правила, за разумность учрежденій, за правильность и своевременность приложенія нѣкоторыхъ общихъ мѣръ.

Съ другой стороны, возможность безпристрастнаго сужденія обезпечивалась, съ моей стороны, моимъ взглядомъ на партіи, на служебный ихъ характеръ, исключаящій эгоистическія цѣли, не связывающій необходимостію и обязанностію защищать у своихъ и худое, порицать у противниковъ и хорошее; взглядъ, не позволяющій партію ставить выше дѣла и цѣли.

Въ подтвержденіе и того и другаго я могу привести цѣлую массу доказательствъ и письменныхъ документовъ.

Что требовалъ я отъ своихъ товарищей по заключенію? Я требовалъ, прежде всего, сохраненія нравственнаго достоинства, охраненіе котораго въ нашей общинѣ и составляло главный предметъ моихъ усилій, и болѣе всего противорѣчило цѣли и намѣреніямъ коменданта, какъ тюремщика, и потому и заставляло его смотрѣть на меня, какъ на главнаго своего противника. «Одно только нравственное достоинство можетъ придать намъ значеніе въ нашемъ положеніи, твердилъ я постоянно. Если вы хотите, чтобы вѣрили, что вы пожертвовали собою для блага общаго, хотя бы и ошибались въ средствахъ достиженія цѣли, то соображайте съ этимъ и теперь ваши дѣйствія. Если же мы ничѣмъ не будемъ отличаться въ нравственномъ отношеніи отъ тѣхъ людей, среди которыхъ намъ суждено жить отнынѣ, то мы будемъ самыя жалкіе люди».

Во вторыхъ, я требовалъ, чтобы не теряли время на пустыя занятія. Если мы, находясь въ казаматѣ, не можемъ, говорилъ я, дѣйствовать съ пользою для общества, то ничто не мѣшаетъ тому,

чтобъ готовиться къ такому дѣйствию, если снова представится намъ случай къ общественной дѣятельности. Наконецъ, я всегда понималъ свободу не какъ одно только отрицаніе внѣшнихъ ограниченій, а какъ внутреннее, живое, творческое и дѣятельное начало, способное созидать и развивать такой же живой, органической порядокъ и свободно подчиниться ему. Все, что я говорилъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, я старался подтверждать и собственнымъ примѣромъ.

Вотъ эти-то требованія и были единственною причиною моихъ столкновеній какъ съ товарищами, такъ и съ комендантомъ; никакихъ личныхъ поводовъ я не имѣлъ и не подавалъ.

Относительно комендантовъ, и перваго (Лепарскаго) и втораго (Рембиндера), и вообще относительно всякаго начальства, я дѣйствовалъ съ такимъ же безпристрастіемъ, какъ и относительно товарищей; что было хорошо у кого бы то ни было, то и говорилъ я, что хорошо, что было худо, осуждалось равно и у тѣхъ, и у другихъ. Лепарскій считалъ меня не только главнымъ, но и единственнымъ его противникомъ; мы съ нимъ, какъ увидимъ, расходилось во всемъ, но мои дѣйствія никогда не выходили за предѣлы справедливости и законности; и Лепарскій самъ признавалъ, что мои требованія не имѣли никогда ничего личнаго, эгоистическаго, а дѣйствія были во всемъ безупречны, что именно и внушало ему, по его собственнымъ словамъ, опасеніе, но съ другой стороны побуждало его оказывать мнѣ всегда полное уваженіе, какъ свидѣтельствуютъ собственноручныя его ко мнѣ письма и записки. Что же касается до Рембиндера, то въ то время, какъ другіе, отнесясь къ нему съ самаго же начала, еще до пріѣзда его, съ недовѣріемъ и боязнію, единственно потому, что онъ былъ изъ жандармовъ, начали вслѣдъ за тѣмъ, ради разныхъ льготъ и изъ страха, заискивать въ немъ, и искать съ нимъ сближенія, — я встрѣтилъ его безъ предубѣжденія, но не искалъ съ нимъ личнаго знакомства, ничего отъ него не требовалъ, а между тѣмъ, подъ конецъ, онъ сдѣлался самымъ жаркимъ моимъ почитателемъ, когда увидѣлъ на опытъ, въ приложеніи и къ себѣ, мое безпристрастіе и справедливость; когда я съумѣлъ защитить его противъ несправедливости, возбужденной противъ него увлеченіемъ духа партіи, и по человѣколюбію не хотѣлъ оставить его безъ помощи въ то время, когда по случаю почти смертельной его болѣзни, его оставили тѣ самыя, которые прежде искали въ немъ и лестили ему.

Мнѣ приходилось въ казачьей жизни, во многихъ случаяхъ, бороться почти одному, и противъ общихъ несправедливыхъ увле-

ченій, и противъ частныхъ дѣйствій, не соответствовавшихъ нашему нравственному достоинству, и противъ неустройства общихъ дѣлъ, и противъ безпорядковъ, выгодныхъ не многимъ, но вредящихъ всѣмъ. порождавшихъ и поддерживавшихъ раздраженіе и непріятности; бороться одному, не потому чтобъ не было никого понимающихъ дѣло и сочувствующихъ мнѣ, а вслѣдствіе обычной у насъ анатіи и всеобщей уклончивости, избѣгающей борьбы за общіе интересы. Повято поэтому, что моя неуклончивость и постоянная, неустанная борьба вызвали противъ меня раздраженіе и вражду тѣхъ, которыхъ ошибочнымъ и вреднымъ мнѣніямъ, страстямъ и эгоистическимъ интересамъ я противился въ какомъ либо данномъ случаѣ. Но когда опытъ разсвѣялъ ошибочныя мнѣнія, страсти улеглись или получили инныя цѣли и направленія, интересы измѣнились, мнѣ отдали справедливость, и многолѣтняя переписка со мною моихъ товарищей, въ теченіи всей остальной ихъ жизни, свидѣтельствуетъ о томъ расположеніи и уваженіи, какія они ко мнѣ питали. Не смотря на всѣ случайности, которыми подвергались мои бумаги во время преслѣдованія, впоследствии, со стороны Сибирскаго начальства, во время борьбы моей съ нимъ, у меня все еще сохранилась цѣлая масса писемъ Пуцина, Оболенскаго, Муханова, братьевъ (Ник. и Мих.) Бестужевыхъ, братьевъ (Мих. и В.) Кюхельбекеровъ, Юшневскаго и супруги его, Никиты и Артамона Муравьева, Горбачевскаго, Волконскаго, Трубецкаго, его дочери и ея мужа (яхтинскаго градоначальника, впоследствии сенатора, Ребиндера), Анненкова и супруги его и дочери, Ѳ. Г. Вишневскаго и Кирѣева. Въ Читѣ, гдѣ я по выходѣ изъ казамата проживалъ, и на поселеніи, и по возвращеніи мнѣ правъ, искали моего гостепримства и моего содѣйствія, посѣщали меня и гостили по долгу: В. Кюхельбекеръ съ семействомъ, С. Г. Волконскій съ супругою и ея сестрою, фрейлиною С. Н. Раевскою; сестра С. Г., вдова фельдмаршала и министра кн. П. М. Волконскаго Трубецкой съ дочерью и зятемъ, Горбачевскій, М. Бестужевъ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ благодарственныя письма. По возвращеніи моемъ въ Москву, я посѣтилъ всѣхъ, кого засталъ при пріѣздѣ въ Москву, исключая Петра Свистунова. Я посѣтилъ Нарышкину, вдову П. И. Пуцина, (бывшую Фонвизину въ казamatѣ), Анненковыхъ, когда они пріѣзжали, замужнюю дочь ихъ, которую носилъ въ казamatѣ на рукахъ, сына Трубецкаго, зять его Ребиндера, Ѳ. Г. Вишневскаго, о находеніи котораго въ Москвѣ не зналъ, но который, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, и, будучи боленъ, письменно просилъ меня навѣщать его. Меня постоянно посѣщали сынъ Трубецкаго и зять его, который часто приходилъ ко мнѣ приглашать къ обѣду и потолковать.

о дѣлахъ; у меня бывали Анненковы, и мужъ и жена и дѣти ихъ, всякій разъ, что прїѣзжали въ Москву; меня часто приглашала къ обѣду вдова И. И. Пушкина, у которой собирались тогда и Анненковы и дочь Муравьева; я навѣщалъ и сестеръ Бестужевыхъ; а о томъ, что я доставлялъ удовольствія и дочери Мих. Бестужева, имѣются и благодарственныя его письма; меня посѣщали, бывая здѣсь проездомъ, Андрей Евгениевичъ Розенъ; напоминали письменно о себѣ и другіе. Изъ этого видно, сколько было правды въ увѣреніяхъ Петра Свистунова, что я будто бы имѣлъ причины не видѣться въ Москвѣ съ моими товарищами, какъ напечаталъ онъ это въ «Русс. Архивѣ» Бартенева, въ опроверженіе разсказа С. В. Максимова о событіяхъ въ казачьей общинѣ, которымъ опроверженіемъ Петръ Свистуновъ очевидно, надѣялся заранѣе подорвать авторитетъ моего слова, когда я стану рассказывать о событіяхъ казачьей жизни, зная до какой степени мой неуклончивый и правдивый разсказъ будетъ невыгоденъ для него, Свистунова. Вотъ почему при появленіи опроверженія Свистуновымъ разсказа С. В. Максимова, я и написалъ Петру Свистунову и Петру Бартеневу, что если Петръ Свистуновъ лучше меня знаетъ событія казачьей жизни, то пусть Петръ Свистуновъ разскажетъ, а Петръ Бартенева напечатаетъ—кто въ казачьей былъ коноводомъ той группы, которая дѣйствіями своими бросала тѣнь на казачье общество? ¹⁾

.

 Нѣкоторые изъ моихъ товарищей думали, что о такихъ дѣйствіяхъ не слѣдуетъ говорить. Я никогда не раздѣлялъ такого мнѣнія. Если я всегда говорилъ безъ уклончивости объ ошибкахъ и о преступленіяхъ тѣхъ лицъ, которыя называютъ себя людьми преданными правительству, и величаютъ себя представителями законности, за что и подвергался ихъ враждѣ, преслѣдованію и раззоренію, то я считалъ неполезнымъ, несправедливымъ и потому и недозволеннымъ, утаивать преступленія и всѣ невыгодныя стороны и тѣхъ лицъ, которыя ложно причисляли себя къ партіи либеральной, и убѣжденъ, вопреки мнѣнію одного изъ моихъ товарищей ²⁾, что чистые ничего не проиграютъ отъ обличенія нечистыхъ.

¹⁾ Здѣсь нами опущено пятнадцать строкъ.

Ред.

²⁾ Вотъ что писалъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, отъ 22-го апрѣля 1873 года, «Я увѣренъ, что вы, почтенный Дмитрій Иринарховичъ! какъ писатель серьезный, для памяти нашихъ чистыхъ товарищей, предадите забвенію гадости нечистыхъ, которыя только могутъ помрачить свѣтлыя сто-

а скорѣе выиграють еще, потому что тѣмъ болѣе было достоинства сохранить чистоту, когда другіе, подъ гнетомъ лишенія правильныхъ средствъ удовлетворенія желаній и побужденій, не устояли и прибѣгали къ такимъ отвратительнымъ средствамъ; и наконецъ, при общей клеветѣ на партію отъ противниковъ, она не коснется чистыхъ. когда будетъ извѣстно кто были нечистые, позорившіе партію. Я никогда не ставилъ партію выше отечества, и ничего и никого выше справедливости.

Обратимся теперь къ требованіямъ моимъ, чтобы не теряли времени на пустыя занятія, а употребляли бы съ пользою тѣ громадныя средства, которыми мы располагали въ совокупности, и чтобы, если не могутъ дѣйствовать въ настоящемъ для общей пользы, то готовились бы къ дѣйствию въ будущемъ, когда то дозволятъ обстоятельства и представится къ тому случай. Я первый признавалъ всегда неотъемлемымъ достоинствомъ нашихъ товарищей, говоря о массѣ, что они сѹмѣли, однажды, возвыситься до пожертвованія всѣми своими годами, но необходимо было этотъ бессознательный порывъ чувства возвести въ сознательное убѣжденіе, укрѣпивъ его основательнымъ изученіемъ и яснымъ разумѣніемъ, чѣмъ однимъ могли бы они предохранить благородное чувство отъ искаженія и новыхъ ошибочныхъ увлеченій, и, раскрывъ причины прежнихъ ошибокъ, стараться исправить ихъ; и никто не можетъ отрицать, чтобы и въ этомъ требованіи я не подавалъ бы собою примѣра, дѣлая при томъ самъ несравненно еще болѣе, нежели сколько требовалъ отъ другихъ. Чтобы раскрыть причину возможности ошибокъ, при сознаніи полной искренности побужденій, и въ то же время оградить себя отъ вліянія прежде составленныхъ теорій и выводовъ, я рѣшился обратиться къ первымъ источникамъ знанія, предался изученію латинскаго и греческаго языковъ, которые зналъ уже отчасти, изучилъ еврейскій ¹⁾, и

роны, выказанныя многими изъ нашихъ истинныхъ товарищей по многимъ частямъ интеллектуальнымъ и моральнымъ. Вы умѣете цѣнить ихъ, и можете выставить ихъ достоинства и заслуги гораздо лучше меня. Да сохранитъ васъ Богъ отъ сторонниковъ, фанатиковъ и друзей ложныхъ. Здравствуйте, и работайте на общую пользу. Вашъ неизмѣнный Читинскій и Петровскій со-
 узникъ“, N. (Авторъ письма и подлинникъ письма, извѣстны редактору „Русской Старинѣ“.
 Д. в.

¹⁾ Изъ этого видно сколько было правды въ замѣтѣ Петра Бартенева къ Запискамъ Басаргина, что упоминаніе о еврейскихъ книгахъ надо разумѣть гиперболически. Всякій можетъ видѣть у меня еврейскую библию in folio, подписанную Лепарскимъ, въ доказательство, что она находилась и въ казачьей, и всю исписанную замѣтками моей руки, свидѣтельствующими,

перевелъ для своего употребленія все священное писаніе съ подлинниковъ на русскій; прочелъ всѣхъ главныхъ отцовъ церкви въ подлинникахъ, равно и весь кругъ богослужебныхъ книгъ на языкѣ греческомъ. Кромѣ того, по отношенію и къ свѣтскимъ наукамъ, я, хотя считался и уже прежде человѣкомъ съ большими познаніями, какъ свидѣтельствуя и даваемыя мнѣ прозванія «Зеймана», «Пика Мирандольскаго», «Омне sciens», (см. письма къ братьямъ Александра Бестужева въ «Русс. Вѣстникѣ» 1870 года), хотя и былъ уже преподавателемъ высшей математики, астрономіи, механики и пр., но со всѣмъ тѣмъ считалъ своею обязанностію неослабно заниматься для приобрѣтенія все большихъ и большихъ познаній по всѣмъ частямъ. Я посвящалъ, во все время пребыванія въ казматахъ, не менѣе 18 часовъ въ сутки на умственные занятія, и соотвѣтственно съ тѣмъ сообразилъ и свою діету, употребляя исключительно растительную пищу. А вотъ и свидѣтельство моихъ товарищей объ этихъ моихъ занятіяхъ: въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти моей сестры въ 1880 году и мнѣ переданныхъ, я нашелъ письмо Петра Александровича Муханова, отъ 2 февраля 1833 года, къ моей мамѣ, въ которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «Дмитрій Иринарховичъ, благодаря Бога, здоровъ, но худъ, (вслѣдствіе усиленной діеты). Онъ сдѣлалъ изъ тюремной мрачной жизни все, что могъ. Занимается чрезвычайно много языками мертвыми и живыми, западными и восточными. Особенно изучаетъ онъ еврейскій, со всѣми его нарѣчіями, и хотя я не судья въ семъ огромномъ его подвигѣ, но имѣя часто съ нимъ разговоры о ветхомъ заветѣ и іудейскихъ древностяхъ. я могъ замѣтить, что онъ не уступаетъ въ знаніи тѣмъ ученымъ людямъ, съ которыми я былъ въ сношеніи въ Петербургѣ. Если бы у него было болѣе пособій и новѣйшихъ книгъ ¹⁾, то можетъ быть со временемъ вынесъ онъ изъ тюрьмы своей полное знаніе языка, которому мало учатся въ Россіи, а между тѣмъ языка необходимаго для точнаго изученія священныхъ писаній».

Н. В. П. А. Мухановъ былъ самъ замѣчательный археологъ. Замѣтимъ кстати и здѣсь, что письмо П. А. Муханова составляетъ новое обличеніе Петра Бартенева, отрицавшаго даже то, что еврейскія книги имѣлись въ казматахъ.

что эта библія не лежала праздно для вида. Есть даже арабскія книги, необходимыя для изученія еврейскаго языка. Все это видѣлъ у меня, въ 1831 г., уважаемый редакторъ „Русской Старины“ М. И. Семеверскій.

¹⁾ Это писано было о занятіяхъ до 1833 года, а затѣмъ я все болѣе и болѣе наполнялъ свою библіотеку книгамъ, относящимися къ изученію библіи.

Д. З.

А вотъ и письмо В. К. Кюхельбекера, (приведенное нами впрочемъ уже и въ другомъ мѣстѣ):

19 марта 1840 года, крѣпость Акша на рѣкѣ Онолѣ.

«Любезнѣйшій другъ и товарищъ Дмитрій Ирриарховичъ! Не знаю, пріятны ли вамъ мои письма, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, истинная отрада бесѣдовать съ вами. Сравнивать себя съ вами не смѣю! Вы человекъ истинно европейской учености, я же только люблю науки. Нѣтъ во мнѣ такого постоянства, той все побуждающей твердости, которая необходима для пріобрѣтенія глубокихъ познаній».

Чтобъ извлечь всю пользу изъ огромныхъ учебныхъ средствъ казамата, и распредѣлить правильно и безобидно для всѣхъ чтеніе, я, съ Михайломъ Фотіевичемъ Митковымъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ Волконскимъ, учредилъ газетную артель, въ которой сосредоточивались всѣ, какъ выписываемые ею самою книги, газеты и журналы, такъ и жертвуемые другими, получавшими ихъ лично на свое имя, и пока не установилъ порядка и не пріучилъ къ нему, былъ самъ и бібліотекаремъ въ казаматѣ, (хотя это и отнимало у меня много времени); у меня одного, поэтому, и сохранились нѣкоторые документы, относящіеся къ этой газетной артели. Изъ всего этого видно, какъ мало знакомъ былъ съ внутренними событіями казаматской жизни авторъ статьи о Лепарскомъ («Русс. Старина» 1880 г., кн. V III), когда относитъ бібліотеку и бібліотекаря къ большой артели, учрежденной исключительно для сбора и распредѣленія денежныхъ средствъ, и не имѣвшей ничего общаго съ газетною артелью. Да и было бы въ высшей степени несправедливо употреблять общія средства на такой предметъ, которымъ не всѣ могли пользоваться. Выписывались преимущественно иностранные газеты и журналы, которые не всѣ могли читать; а для соблюденія еще болѣе справедливости, даже въ газетной артели, спеціальныя, чисто ученые журналы, выписывались не изъ общихъ средствъ, а на особую складчину тѣхъ только лицъ, кому онѣ были нужны; такъ сочиненія по части высшей математики выписывались мною и Бяратинскимъ; по части механики—мною, Ник. Александровичемъ Бестужевымъ и Торсономъ и пр. Въ газетной артели участвовали иныя, не участвовавшіе въ большой артели, что еще доказываетъ самостоятельность этого учрежденія. Здѣсь я долженъ еще замѣтить, что когда я говорилъ о необходимости готовиться къ дѣйствію въ будущемъ, то я разумѣлъ не одну только умственную подготовку, но и нравственную, и вотъ почему строгая діета, которой я себя подчинилъ, имѣла, кромѣ содѣйствія умственнымъ занятіямъ,

еще и ту цѣль, что лишая себя добровольно и того, чего не лишало насъ даже самое положеніе наше, я приучалъ себя къ всевозможнымъ лишеніямъ, чтобъ отнять всякую власть надъ собою, какъ у приманки наслажденій, такъ и у угрозы лишеній. Это совѣтывалъ я и другимъ дѣлать, показывая собою примѣръ, болѣе притомъ строгій, чѣмъ требовалъ отъ другихъ, и этому я впоследствии и обязанъ былъ и сохраненіемъ своего нравственнаго достоинства, и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое производилъ во время самаго тяжелаго положенія своего, когда состоялъ на поселеніи. Никакія приманки выгодъ и удовольствій, никакія угрозы лишеній и непріятностей не могли понудить меня спуститься въ кругъ, несвойственный мнѣ, вступить въ товарищество, въ панибратство съ людьми, нравственно мнѣ не соответствующими. «Нужда можетъ меня заставить быть работникомъ, всегда и всѣмъ говорилъ я, но товарищемъ ихъ я никогда не буду, и не буду никогда участникомъ въ ихъ разгулѣ, грубыхъ оргіяхъ и пустомъ препровожденіи времени». И многіе единственно за это злобствовали противъ меня, тогда, какъ между тѣмъ, я, кромѣ добра имъ, ничего противъ нихъ не дѣлалъ. Къ сожалѣнію, не всѣ мои товарищи приняли предупредительныя мѣры, и нѣкоторые изъ нихъ, даже очень хорошіе люди, не приучивъ себя къ занятіямъ и лишеніямъ, не выдержали скуки одиночества, лишеній при недостаткѣ средствъ, боязни непріятностей и преслѣдованій, и, вступивъ въ несвойственный кругъ низшаго чиновничества, грубаго низшаго купечества и агентовъ откуна, потеряли и сами свое нравственное достоинство, и погибли.

Точно также все, что касается до внутренняго устройства общины, до обезпеченія въ настоящемъ и, по возможности, до нѣкоторой степени и въ будущемъ, всецѣло принадлежало мнѣ. Учрежденіемъ большой артели, я, кромѣ введенія порядка въ хозяйственное управленіе казамата, имѣлъ главное въ виду—уничтоженіе личной зависимости однихъ отъ другихъ. Я началъ борьбу по этому поводу еще съ самаго начала пребыванія нашего въ Читѣ, и ничего нѣтъ несправедливѣе увѣреній автора статьи о Лепарскомъ, что будто бы Лепарскому обязаны были заключенные учрежденіемъ большой артели, тогда какъ онъ, согласно съ видами тюремщика, четыре года упорно тому противился, (за одно съ богатыми), и только категорическое мое публичное ему заявленіе, что я воспользуюсь первымъ случаемъ прибытія какого нибудь инспектора или ревизора, чтобъ разъяснить до какой степени богатые извращаютъ, ко вреду бѣдныхъ товарищей, разрѣшеніе получать ими деньги сверхъ положенія, заставило уступить и богатыхъ и Лепарскаго, знавшаго, что

меня ничто не удержитъ и опасавшагося, что при этомъ могутъ открыться и всѣ другія неправильности, чтобъ не выразиться рѣзче, въ его дѣйствіяхъ. Причины, почему онъ противился, будутъ изложены въ послѣдующемъ историческомъ разсказѣ; а именно-то потому что я былъ руководителемъ всего дѣла, начиная съ пребыванія еще въ Читѣ; въ моихъ же рукахъ находятся и всѣ документы, къ нему относящіеся, и подлинный уставъ за подписью членовъ комиссіи, составлявшихъ его, въ которой комиссіи я былъ самъ и избраннымъ членомъ, и дѣлопроизводителемъ.

Уничтоживъ личную зависимость бѣдныхъ отъ богатыхъ, служившую главнымъ источникомъ неурядицъ и къ развитію самыхъ дурныхъ побужденій, холопскаго подслуживанья однихъ, зависти у другихъ и пр., я обращалъ общее вниманіе и на то, до какой степени спокойствіе духа зависитъ отъ увѣренности хотя въ нѣкоторомъ обезпеченіи и въ будущемъ. Поэтому, кромѣ бережливости всѣмъ и во всемъ, чтобъ не растрачивать даромъ, имѣвшихся у массы, значительныхъ средствъ, я, вмѣстѣ съ И. И. Пущинимъ и П. А. Мухановымъ, предпринялъ, собственно для обезпеченія будущности немущихъ, по выходѣ на поселеніе, особое учрежденіе, но такое, чтобъ это обезпеченіе зависело уже отчасти и отъ собственнаго благоразумія, отъ старанія съэкономить извѣстную сумму изъ получаемыхъ денегъ, и отъ взноса оной въ помянутое учрежденіе, для полученія, при выѣздѣ на поселеніе, пособія соразмѣрно количеству взноса, съ прибавкою процентовъ и той части дохода, который получало учрежденіе, имѣвшее въ казamatѣ значеніе и сохранной казны для искавшихъ обезпеченія въ будущемъ, и банка, для богатыхъ, всегда нуждавшихся въ деньгахъ, не смотря на тысячи, и десятки тысячъ, ими получаемыхъ. Это учрежденіе было названо малою артелью, для отличія отъ большой, и не имѣло съ нею ничего общаго. Далеко не всѣ участники въ большой артели участвовали въ малой. Понятно, что люди и состоятельные, но нуждавшіеся, также какъ и всѣ, въ устройствѣ по части продовольствія и удовлетворенія другихъ необходимыхъ потребностей: церковной службы, общей прислуги, бани и пр., участвовали въ большой артели; но будучи обезпечены въ будущемъ своими родными, не имѣли, конечно, никакой надобности участвовать въ малой, число членовъ которой и было поэтому гораздо ограниченнѣе, нежели участниковъ въ большой.

Здѣсь кстати могу сказать, что одна изъ главныхъ причинъ, которая давала мнѣ нравственную силу въ борьбѣ за осуществленіе всѣхъ упомянутыхъ учрежденій, заключалась именно въ томъ, что для всѣхъ было очевидно, что я лично для себя не имѣлъ никакой

нужды въ нихъ и не извлекалъ себѣ пользы, а велъ постоянную и энергическую борьбу исключительно для пользы общей. Состоя членомъ большой артели, посвящая ей трудъ и время, какъ учредитель, какъ постоянно избираемый членъ временныхъ комиссій для повѣрки расходовъ, для составленія бюджета, для дополненія и исправленія устава, я однако же не пользовался, когда вносилъ деньги полностью, главною выгодою отъ артели,—столомъ, потому что употреблялъ, какъ сказано выше, особую пищу, которую готовилъ на свои личные средства. Я не взялъ ничего изъ малой артели, отправляясь на поселеніе, и даже изъ газетной артели менѣе всѣхъ извлекалъ себѣ пользы, потому что по специальности и научности моихъ занятій, нуждался не въ газетахъ или обще-занимательныхъ книгахъ, романахъ и т. п., а въ специальныхъ и ученыхъ сочиненіяхъ, которыя выписывалъ на свои средства, или получалъ отъ знакомыхъ и товарищей. Въ заключеніе скажу, что все, что я сообщалъ С. В. Максимова о казатской жизни, и что онъ съ моихъ словъ напечаталъ въ своемъ сочиненіи,—вполнѣ справедливо, какъ то и подтвердится въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Въ добавокъ ко всему сказанному, я имѣю право утверждать еще, что именно мнѣ же, а не кому другому, товарищи мои были обязаны разрѣшеніемъ письменныхъ занятій. Меня одного только не одинъ разъ обыскивали, у меня одного находили и отбирали письменныя принадлежности, на меня одного постоянно доносили, и все-таки мнѣ же, наконецъ, удалось убѣдить Лепарскаго въ бесполезности всѣхъ этихъ преслѣдованій, и что для образованныхъ людей чтеніе и письменныя занятія составляютъ такую же существенную потребность, какъ и пища. Впослѣдствіи онъ самъ разсказалъ о борьбѣ моей съ нимъ ген.-губернатору Броневскому, и какъ онъ, отнимая у меня прежде мои бумаги, самъ послѣ доставлялъ мнѣ матеріалы для изслѣдованія края.

Позволяю себѣ указать и еще на одно правило, которому я неизмѣнно слѣдовалъ и въ казатѣ, какъ и вездѣ, во всѣ эпохи моей жизни. Я чрезвычайно дорожилъ своими умственными занятіями, жертвовалъ для нихъ и удовольствіями своими и спокойствіемъ, и не любилъ, чтобъ меня отрывали отъ нихъ по пустякамъ. Но съ другой стороны, всякое доброе и полезное дѣло находило во мнѣ всегда полное сочувствіе и содѣйствіе, и въ такомъ случаѣ я всегда готовъ былъ покидать даже свои ученые занятія для практической дѣятельности, когда являлась необходимость въ моемъ безотлагательномъ содѣйствіи, потому что я самъ ничего такъ не опасался, какъ того, чтобы вращаясь постоянно въ отвлеченномъ мірѣ науки, не очерствѣть сердцемъ, какъ это не рѣдко случается съ кабинетными уче-

ними, и не сдѣлаться равнодушнымъ къ нуждамъ и бѣдствіямъ міра дѣйствительнаго. У меня сохранились два документа, свидѣтельствующіе о нераздѣльности у меня еще съ самой юности умственной и практической дѣятельности. Это два письма, одно отъ инспектора наукъ въ морскомъ корпусѣ, извѣщающее меня (когда мнѣ было только 17 лѣтъ) о назначеніи меня преподавателемъ, въ высшемъ классѣ, астрономіи, высшихъ математическихъ наукъ, механики и высшей теоріи морскаго искусства, что достаточно, думаю, свидѣлствуетъ до какой степени я преданъ былъ ученымъ занятіямъ еще и въ то время; другое письмо, отъ одного извѣстнаго и искусствомъ, и добротой адмирала, съ просьбою помочь ему въ одномъ добромъ дѣлѣ, выражающее убѣжденіе, что моя извѣстная дѣятельность и въ этомъ отношеніи болѣе принесетъ пользы, нежели вліяніе его званія. Вотъ почему и въ казematѣ ко мнѣ всегда обращались, не боясь въ этомъ случаѣ прервать мои занятія, если требовалось мое содѣйствіе по какому либо общественному дѣлу, и если нужно было дежурить при больныхъ, а когда случались трудно больные, то нашъ докторъ-товарищъ Вольфъ никому кромѣ меня и не довѣрялъ ночнаго дежурства, въ ночи кризисовъ болѣзни.

Наконецъ, имѣю полное право утверждать, на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ, что въ теченіи всей своей жизни, участвуя добровольно въ многообразныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности, жертвуя для нея временемъ, трудомъ и частію ограниченныхъ моихъ матеріальныхъ средствъ, не рѣдко съ отказомъ себѣ и въ самомъ необходимомъ, я никогда не искалъ въ ней, и не извлекалъ изъ нея ничего для себя, ни для вещественной выгоды, ни для удовлетворенія тщеславія, отказываясь всегда и отъ того вознагражденія, на какое имѣлъ право по закону, а испытывалъ, напротивъ, болѣею частію, огорченія, неприятности и неблагодарность, что никогда не могло однако же заставить меня отказаться отъ такого неблагодарнаго труда; я продолжалъ во всю свою жизнь дѣйствовать одинаково по тѣмъ же самымъ правиламъ и въ томъ же самомъ духѣ.

I.

Приступая теперь къ историческому изложенію событій въ нашей казematской жизни, въ которомъ придется весьма часто говорить о комендантѣ Лепарскомъ, и вообще о непосредственномъ находившемся при насъ начальствѣ, я считаю не лишнимъ представить общую его характеристику, которая далеко будетъ не согласна съ тѣмъ,

что говорили панегиристы Лепарскихъ, (и коменданта, и плац-майора, его племянника). С. В. Максимовъ, въ опроверженіи своемъ Петра Свистунова, упрекавшаго его, что онъ будто бы слѣдовалъ во всемъ моимъ указаніямъ, на достовѣрность которыхъ Свистуновъ хотѣлъ навести сомнѣніе, сказалъ, что онъ, С. В. Максимовъ, въ сочиненіи своемъ «Сибирь и каторга», въ отзывѣ своемъ о Лепарскомъ слѣдовалъ, напротивъ, не моимъ показаніямъ, а отзываю большинства, но оговорилъ, что признавалъ представленныя мною возраженія очень вѣскими. Нельзя не пожалѣть, что онъ не привелъ ихъ въ своемъ сочиненіи, тогда можетъ быть предупредилъ бы этимъ дальнѣйшіе живые отзывы, или далъ бы, по крайней мѣрѣ, безпристрастнымъ людямъ возможность взвѣсить за и противъ. Мы же не сомнѣваемся, что слышанныя отъ насъ С. В. Максимовымъ возраженія будутъ найдены, дѣйствительно, вѣскими въ такой степени, что перевѣсятъ всѣ отзывы пристрастныхъ хвалителей, когда разъяснены будутъ причины и побужденія ихъ къ пристрастной похвалѣ. И мы думаемъ, что въ историческихъ изысканіяхъ важно не число голосовъ, а доказанность фактовъ, ихъ неопровержимость, такъ что если имѣется хоть одинъ вѣрный фактъ, обличающій несостоятельность хотя бы и многихъ противорѣчающихъ голословныхъ утвержденій, то онъ одинъ только и долженъ имѣть значеніе для исторіи.

Лепарскій былъ опытный и хитрый тюремщикъ, котораго главною задачею было сдѣлать насъ неопасными и уничтожить наше нравственное значеніе, не забывая и своихъ личныхъ расчетовъ, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовалъ, конечно, искусно.

Онъ содѣйствовалъ всему, что только могло поддерживать между нами несогласія, ублаживалъ ложными надеждами и былъ преступно снисходителенъ къ тѣмъ, которые своими дѣйствіями бросали тѣнь на казamatское общество. Зная чьи голоса имѣютъ наибольшее значеніе въ Петербургѣ, онъ доставлялъ всевозможныя льготы, съ нарушеніемъ всякаго порядка, богатымъ и имѣющимъ важныя связи, но о массѣ насъ не имѣлъ никакой заботы, какую обязанъ имѣть всякій тюремщикъ по человѣчеству. Наконецъ, если бы даже всѣ дѣйствія относительно насъ могли, какъ это было со стороны благодумствующихъ людей, признаваться и хорошими, то одинъ уже подборъ лицъ его штаба, преступная снисходительность къ самымъ возмутительнымъ ихъ дѣйствіямъ, явный обманъ правительства, полное пренебреженіе къ участи нижнихъ чиновъ и другихъ лицъ, которыхъ судьба отъ него зависѣла, были таковы, что хвалитъ его никакъ уже не приходилось тѣмъ людямъ, которые считали себя и выдавали за либераловъ и кичились тѣмъ, не говоря уже о томъ,

что поставя существованіе не только солдатъ, но и находившихся при нихъ содержавшихъ караулъ гарнизонныхъ офицеровъ въ полную зависимость отъ нашихъ благодѣяній, Лепарскій тѣмъ самымъ уничтожилъ самую возможность существованія какого либо порядка и дисциплины, сдѣлавъ всѣхъ не стражами уже нашими, а прислужниками, продававшими за деньги всѣ служебныя свои обязанности, даже до допущенія ночнаго входа постороннихъ и ночнаго выхода заключенныхъ.

Упомянувъ выше, что я смотрѣлъ на казаматское общество не какъ на случайный сборъ людей, а какъ на живой организмъ, на выразившую извѣстную живую идею общину, я считаю не лишнимъ предпослать началу разсказа о ней общій ея очеркъ, характеристику и результаты.

Казаматская община, или какъ ее обычно называли для краткости: «казаматъ», представляла не только замѣчательное, но и вполне необычайное, исключительное явленіе, которое повѣрно никогда уже не повторится болѣе. Для обогащенія себя познаніями посредствомъ изученія, живаго наблюденія и опыта, для умственнаго и нравственнаго развитія, (разумѣется тѣхъ, кто хотѣлъ и умѣлъ тѣмъ воспользоваться), въ казаматѣ были соединены такія условія, которыя не доступны нигдѣ и никому, даже располагающему и большимъ состояніемъ. Независимо отъ огромнѣйшей библіотеки ¹⁾ и множества газетъ и журналовъ, всегда доступныхъ всѣмъ, надлежитъ помнить, что въ казаматѣ были соединены, въ необходимыхъ ежедневныхъ сношеніяхъ, люди высшаго уровня тогдашняго образованія, представители всѣхъ мнѣній, въ сферахъ религіозной, ученой и общественной, а при этомъ, внутренняя жизнь казамата, будучи совершенно свободна отъ всякаго стѣсненія, налагаемаго разными условіями въ свѣтѣ, допускала возможность проявленія всѣхъ мнѣній, всѣхъ чувствъ и всѣхъ направленій, (тенденцій), какъ въ свѣтлыхъ, такъ и въ темныхъ явленіяхъ, безъ всякаго препятствія, безъ всякаго ограниченія. Правда, представителями иныхъ мнѣній, чувствъ и направленій было иногда одно лицо, а не цѣлая партія, какъ въ болѣе обширныхъ обществахъ, но принципы, не менѣе того, про-

¹⁾ Докторъ Вольфъ, напр., имѣлъ до 4 т. томовъ медицинскихъ сочиненій; Лушинъ полное изданіе твореній отцевъ церкви въ подлинникахъ греческихъ и латинскихъ; имѣлись всѣ классическія сочиненія греческой, латинской, французской, нѣмецкой, англійской, италіанской, испанской и польской литературы. Не смотря на всѣ передриги, которымъ подверглись мои книги и бумаги, у меня и до сихъ поръ сохранилось не мало классиковъ греческихъ, и испанской литературы; всѣ эти книги получены Лепарскимъ. Д. 8.

являлись всецѣло во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ, благодаря тѣмъ условіямъ, среди которыхъ могли и должны были проявляться. Всякая справедливая мысль вынуждена была все-таки проходить здѣсь чрезъ горнило всевозможныхъ живыхъ возраженій, неограниченной ничѣмъ критики, и могло поэтому восторжествовать, не вслѣдствіе случайныхъ какихъ либо обстоятельствъ, какъ получающія иногда преобладаніе въ свѣтѣ идеи, а тою только силою, которая присуща самой истинѣ. Все же ложное, несправедливое должно было, напротивъ, или отступить, или вынуждаемо было критикою и требованіями логической послѣдовательности доходить до нелѣпости, (абсурда), очевидной уже и для самаго лица, выражавшаго или поддерживавшаго что либо ложное и неправильное.

Всѣ науки имѣли въ казamatѣ и своихъ живыхъ представителей, и большое количество сочиненій по каждому предмету. Умственное развитіе могло быть, поэтому, всесторонне и полно, и по книжному изученію, и по живой бесѣдѣ, устранявшей опасность односторонности, столь обычной у кабинетныхъ ученыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и для нравственнаго развитія представлялись самыя благопріятныя условія, не только вслѣдствіе нагляднаго примѣра вредныхъ послѣдствій ошибочности нравственныхъ началъ и побужденій и у людей умныхъ и образованныхъ, (въ казamatской жизни ничто не могло укрыться), но и потому еще, что только въ борьбѣ съ массою лицъ равноправныхъ могли выработываться и проявляться истинные характеры и твердыя убѣжденія; все же напускное, фальшивое, ходульное никогда не выдерживало испытанія. Вотъ почему казamatское общество въ своей внѣшней замкнутости, и въ то же время совершенно свободномъ внутреннемъ проявленіи всѣхъ началъ умственныхъ и нравственныхъ, и могло совершить, до полнаго завершенія, хотя и въ небольшомъ объемѣ, цѣлый кругъ явленій, свойственныхъ всякому живому общественному организму, отъ зарожденія его до разрушенія; и потому-то явленія казamatской жизни, для тѣхъ, кто былъ способенъ разумѣть внутренній смыслъ ихъ, могли давать поясненія и указанія на аналогическія явленія вообще, и въ болѣе обширныхъ человѣческихъ обществахъ, и служить впоследствии основаніемъ, не только для болѣе здравыхъ и справедливыхъ сужденій по дѣламъ политическимъ и общественнымъ, но и для предвидѣнія ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ событія казamatской жизни разъяснили и побужденія лицъ къ участию въ дѣлѣ, важныя для опредѣленія характеристики лицъ, и тѣ послѣдствія, къ которымъ приводятъ неизбѣжно разныя одностороннія, и потому (при добрыхъ даже намѣреніяхъ и самообольщеніи на счетъ ихъ), ошибочныя начала.

Москва, 1831 г.

Дмитрій Иркинъ-архивчикъ Завалишинъ.

ПАЯЧЬ ВІСВѢКНУХЪ ЖОНАХОВЪ

ВЪ ХVIII СТОЛѢТІИ.

Подъ этимъ заглавіемъ печатаемъ здѣсь сатирическія вирши, написанныя въ прошломъ столѣтїи на монашествующую братїю, по поводу отнятія Екатериною II у монастырей крестьянъ и имѣній и передачи ихъ въ казенное управленіе. Подлинникъ сатиры написанъ въ тетрадкѣ, въ 4-ю д., 36 стр., на синей бумагѣ, по церковно-славянски; писано уставцемъ, заголовки кпноварью. Рукопись получена нами отъ игумена одного изъ монастырей въ Западной Россіи, 26-го декабря 1879 г.

Р е д.

Милостивый гдѣрь.

И вѣдамъ что вы дѣлами незаботны,
А о новостяхъ любопытствовалъ охоты,
Теперь же я новость имѣю,
И о въ онѣй вамъ донести смѣю.
Вчера былъ я в печерскомъ за дѣлѣ,
Гдѣ засталъ ченцо въ собранїи цѣлѣ.
Числа я и хотѣ и незнаю, а кажѣтъ что двенатцать,
Но я засталъ и въ собранїи триницѣ.
Хотѣ я прежде и незналъ о и обидѣ,
Но онѣ всѣ казались мнѣ въ печалнѣ видѣ;
И всѣкъ и нѣхъ неговорѣ молчалъ,
Пока Зосима говорити началъ;
А по немъ и прѣтчимъ рты шворили,
И ниже писанное со слезами говорили.

1-я. З О Г П М Я, архимандритъ.

Щы и братѣ, извѣстныль въ перемѣны такіѣ,
 чтѣ дла̃ насъ оуже вышли оуставы новыѣ,
 По коимъ всѣ дѣревни не наши оуже:
 чтѣже дла̃ нѣ тѣжелѣе можѣ бы̃ и хѣже;
 Дѣтче бы̃ ихъ прѣжде было незнати,
 нежелѣи ихъ теперѣ такъ оставлѣти.
 И сіе вамъ, братіе, говорю неложно,
 но доперваго іюль еще ползоваца вѣдѣ мѣно;
 Но немогъ скрѣти, чтѣвъ неовѣдѣти,
 чтѣ и мнѣ с вами недолго быти;
 И ѣ ѡ васъ в ѡдѣль ѡѣжаю,
 и вашимъ стѣымъ мѣтвамъ себѣ порѣчаю;
 Въ чѣмъ предъ вами грѣшенъ, в тѣ мене простіте
 и Гдѣ Бгѣ ово мнѣ молнте.

2-я. Ѡ Р Ѣ Г Т З, повѣренный.

Какъ же томѣ быти, не могъ понимати,
 привелегѣи бѣ насъ могѣтъ защищати;
 Хотѣ и прѣжде Ѡ семъ гѣ оуже слыхалъ,
 но зытца томѣ никакъ ни пологалъ;
 Говорѣли толко иѣзъ своѣй Ѡхоты,
 но всѣ тѣ были наши недоврохоты;
 Слѣчалось быти оу петербѣргѣ, знаю оуже и дорѣгъ,
 гдѣ оуспѣвалъ в дѣлѣ по премногѣ;
 И ежели сіе послѣдетъ точно,
 тѣ и еще тѣдѣ сзѣздѣтъ вѣдѣ мѣно;
 Гдѣ надѣюсь имѣти непремѣнно оуспѣхи,
 не дла̃ мене одного, но дла̃ всѣ оутѣхи;
 Но толко надѣбно на тѣ денги многи,
 ѣ моши оу насъ вѣсма не дорѣги;
 Мы дарѣмъ моши в дѣлѣ оуспѣвали,
 но подарки сіи золотомъ подкрѣпмали;
 Безъ чегѣ и тепѣрѣ Ѡбойтитца не мѣно.

а и ѿ вамъ, братіе, сіе говорю не ложно;
 Тѣло прошу в томъ непосумнитса,
 и на менѣ во всѣмъ положитса;
 Чи мнѣ-жъ тѣлѣвнымъ дѣла неивѣстны,
 длѣ ихъ Однѣ были сѣды вѣздаѣ тѣсны;
 Но нигдѣ не далъ промѣха ниже оуныстназ комы,
 ѿ накопѣлз ихъ великімъ томы;
 Чи мѣже и семъ не прелѣженъ или негѣжѣсн,
 мнѣ и теперъ помогѣ ѣжели потрѣжѣсн.

3-й. ЕПІФАНІЙ, экономя 1-й.

Сіе, Отчѣ Орестъ, Оставишь оуже наа,
 а что говоритъ Восіма томъ сѣшамъ правда:
 Кѣтъ Очѣмъ намъ и трева теперъ поговорити:
 не вѣможнѣль чего нибѣдаѣ ещѣ преОбръсти;
 Когдѣвз знѣть что невѣдаѣ за то в комѣакѣ,
 ещѣ можновз спродать стада припочакѣ;
 Но Однѣко продадимъ хотѣ Однѣ конѣ,
 и за сіе не пошлѣтъ далѣ работѣ какъ в Хѣсонѣ.
 ещѣ раздадѣ и дѣнежнымъ сѣтмы,
 да то вѣдаѣ, что страшны и затѣ на тюрмы;
 И мы в томъ Шдаѣмосъ, на бѣжію волю,
 и полѣчимъ денегъ немѣлѣую долю;
 Не мы-ль то преОбръбли, не всѣль то наше,
 сзсылаюсь на васъ, Преподобіе ваше.

4-й. БОРГОНОФІЙ, экономя 2-й.

И вижѣ, что всѣ оуже ннѣ не тоѣ,
 оулѣтело ѿ насъ все время золотѣ.
 Трева бѣквицѣ намъ заготовлѣти,
 во не за что бѣде чаю купѣвати;
 А на сахѣрз и во всѣ грошѣи не бѣде,
 да и мѣдѣ то нѣтъ какъ не дадѣтъ люде;
 И зъ сімъ пѣтьемъ привыкѣть далѣ трева,

Ёстли Особой мѣти не вѣде с̄ неба;
 Мы-вз ничегò оу бога не желали,
 толко-вз вѣчно деревни при насъ пребывали.
 И слышѸ, что оуже люди збѣнтовались,
 и ѿ послѣшаніѣ насъ вовсе ѿказались;
 Не слышѣютъ и ѿказывѣютъ грѣво,
 чѣмъ оумножѣютъ они намъ печаль свѣво.
 И взираю на храмъ сей великой рабѣты,
 не оуменшитъ-ли онъ намъ хотѣ мало скорбѣы;
 Но помощи не ѿколь оуже намъ невидно,
 печальной рѣкъ идѣтъ к намъ очевидно;
 Ёстлижъ еще материнѣ рѣсѣ намъ не носити,
 не горколи намъ во власнницѣ ходити;
 Оставлятъ намъ мѣри крайнѣ обидно,
 власнницы же носить намъ грѣво и стыдно.
 Ёжеліжъ к томѸ права нѣ имѣти,
 то никто на насъ не вѣде и смотрѣти;
 О горѣстно и несносно и печально время,
 налагаютъ на насъ тѣжевное время.

5-й. МѢЛ'ХИГОСАДЪНЪ, НАМѢСТНИКЪ.

Бѣ напитоковъ и матеріѣ можновъ пробѣти,
 какъ же намъ осетринѸ свѣжѸ позавѣти.
 Лѣтче почитаю во грѣбѣ лѣжати,
 нежели тараню іѣ вѣдѸ вживѣти.
 Какъ прійдѣтъ на мысль лимонныѣ соки,
 то вѣдѣтъ текти кровавыѣ и глазу токи;
 Но все сіе мы хотѣ превѣмѣти и възможѣ,
 какъ же и к цркви при старости привыкнѣти можемъ.
 И правилъ ёкономію разовъ и четыре,
 а ставши ченцомъ не читалъ ни разѸ и псалыре.
 А хотѣ вѣло к чтенію время и настанѣтъ,
 но за менѣ улѣпецъ всегда прочитѣтъ;
 О дръвнѣхъ же книгѣхъ говорить не смѣю,
 во іѣ ихъ читатѣ во все не оумѣю.
 Тогда іѣ ихъ добрѣ оумѣлъ какъ былъ в мѣрѣ,

бо прочитавоу йхъ бѣло на дѣнь разовъ и четыре;
 а ставши чѣнцомъ тогда яъ йхъ позабывалъ,
 во и въ монастыре весма рѣдко бывалъ.
 Бывши на экономіяхъ, носилъ одно время;
 а къ чтенію книгъ во все не было время.
 Теперъ же въ црковь доведетца почаще ходити;
 во дѣлѣ оуже нечего вѣде робити;
 не вѣде деревень, не вѣде скотѣ,
 надобно взѣтца за свою работѣ.
 Теперъ же станѣтъ ко всеночной будити,
 надобножъ хотѣ въ кельи псалтырь протвѣрдити.

6-я. МОДЕСТЪ, эклесиархъ.

Случитса всегѣ, но живѣтъ же людѣ,
 но то вѣда, что ни водки, ни сивѣхи не бѣдѣ.
 И безъ кѣшанья жити превѣмогѣ,
 но безъ водки жити одного днѣ не мѣгѣ.
 Изъ чемѣ привыкъ страстно и какъ толко йъ оутроби,
 и безъ того, братіе, оувидите меня скоро во гроби.

7-я. ГЕРБАСИЙ, ключарь.

О Бже мой, что яъ сіе слышѣ,
 ѿ однихъ вашихъ словъ яъ оуже и не дышѣ.
 Всталъ въ мой совѣтъ вамъ блгимъ показѣса,
 яъ по немѣ исполнить всегда въ потщѣлса.
 Дѣлѣ бы было надѣлѣть теперъ господѣ,
 давы и намъ ѿ нихъ имѣть мѣтъ вперіодѣ.
 Раздадимъ имъ конѣ и колѣски,
 то можемъ ѿ нихъ надѣлѣтса лѣски.
 Намъ не нужны были тогда сторонній поможни,
 во и вѣчинъ возми такъ денги какъ и садѣ овоци;
 Теперъ же того никогда не вѣде,
 а добрыи господинъ насъ не позабѣдѣ.

8-й. ФЕРЯПОНЪ, начальниѣ ближнихъ пещеръ.

Жбно ѿ на тѣ постѣпѣти, чтоѣз ѿ подорити,
 но чтоѣз за тѣ не довелось въ тюрмѣ сидѣти.
 Кажется были намъ паны добрыя людѣ,
 но врады ли намъ ктѣ прѣтствова бѣдѣ.
 Онѣ с нами дружили какъ видѣли оу насъ,
 а теперъ нищихъ забываютъ не за великой чѣ.

9-й. БИГАРИОНЪ, дальнихъ пещеръ начальниѣ.

Мы трактѣемъ обо всѣмъ, но семъ нѣнаѣ толкѣ,
 не наверѣтли с монахѣмъ какога нибѣдъ полкѣ;
 Чегѣ, однакожъ, не дай слышать вѣже,
 но сѣ, кажется, намъ на тѣ похѣже.

10-й. ИСАИЯХЪ, казначей всѣхъ пещеръ.

Сѣ все, братѣе, мы остановѣмо,
 а о стѣхъ печерскихъ поговорѣмо;
 Насъ бы во всѣмъ бѣдными не звали,
 когда-вз при пещера с рѣжьми не стоали.
 Бжели-жъ совершитса ѿ сѣ дѣло,
 тогда оуже монахи бѣдутъ зватца цѣло;
 Бо ктѣ ѿ въ монастырѣ служити бѣдѣ,
 когда ѿверѣтса ѿ насъ всѣ ѿ людѣ;
 Ни дрѣвз ни воды нѣкомѣ бѣдетъ доставити;
 во ѿз насъ однога доведѣтса во очерѣдъ приставѣ;
 Да ѿ дрѣвз не ѿкуда вѣдѣ намъ врати,
 надѣбно ѿ тѣ, завсегда, за гроши кѣповати;
 Ктѣожъ напѣтитъ намъ грѣбы,
 ѿ ктѣ почиститъ каменнымъ трѣбы;
 Встанѣ прѣдетъ к томѣ надѣвное врѣмѣ,
 тѣ ѿ сѣ падѣтъ точно на насъ врѣмѣ.
 Какъ не досадно бывши господами,
 ѿ здѣлѣтса наконецъ какъ сѣще рабами;
 Но все сѣ послѣдетъ точно,
 оувын: ѿ врѣмѣ горѣстно ѿ неснѣсно.

11-й. **ВІРДІАМЪ**, уставникъ праваго крѣлоса.

Подѣжимо рѹцѣ къ Вѣрварѣ великой,
 не сподобитъ ли Она насъ мѣти толикой.
 Стò кратъ мы ѣй воспѣвали оу гòдъ хвалѹ,
 не оставитъ ли намъ Она хотѣ частицѹ малѹ.
 Но оувыи, ѿ горѣ и та не защищѣетъ,
 и молитвы наша воемѣ ѿвергаетъ:
 Не могѹ, говоритъ, зрѣти на ваши дорогѣ шаты,
 и совѣтѹ вамъ тѣ воемѣ оставлѣти.
 Ѣжелижъ будите ходити по своемѹ санѹ,
 тогда
 Молитвы мой всегда будѹтъ ѿ васъ к Бгѹ,
 чтобы Онъ показалъ к себѣ вамъ дорогѹ.
 Мой мѣтвы давно оуже Ѿ васъ бывали,
 что вы вы деревень и стадъ воемѣ забывали;
 Что вы перемѣнили торды ваши нравы,
 и чтобы пѹти ваши всегда были правы.
 Чтобы Бга всегда в сердца свой имѣли,
 и чтобы дши ваши всегда пламенѣ горѣли.

12-й. **ИНОВЕНТІЙ**, уставникъ лѣваго крѣлоса

ѿ дѣнь юлѣ пѣрвы нарѣченный,
 скòль ты дамъ насъ будешъ горѣстный и плаченный;
 В теченіи тебѣ мы какъ осужденны,
 всѹхъ корыстей тогда мы будѣ лишены:
 Но можетъ быть того мы были достойны,
 тажебны бо нашѣ дѣлѣ были сѣды вѣздѣ полны;
 Оупомнѹто Ѿ сѣмъ и в новомъ оуставѣ,
 но не к ползѣ нашей, ниже к монастырской славѣ.
 Ъстлѣвъ мы поменше сѣдебны дѣлѣ имѣли,
 то, можетъ бы, деревнѣми и ѿчно владѣли.
 Лѹтче намъ было оустѹпатн свое,
 нежели к монастырю присвоеватъ чѹже.
 Мы хотѣ во Хрѣта и твердо вѣрѹемъ,

но по словамъ Бгѡ мало что дѣлаемъ.
 Не писаніе ли рече, что вѣра мѣртва бѣ дѣлз,
 вотъ за что положенъ длѣ насъ такой предѣлъ.
 Апостолъ запрещаетъ вино оупиватса,
 длѣ чегожъ было намъ ѣго словъ недержасъ;
 Но мы с ѣиномъ всемѣрно Обращались во всякой часъ;
 вотъ за что и жрѣвїи такой палъ на насъ.

13-й. АНДРЕАНЪ, соборный писарь.

Какъ вы то не было, только въ женїтса,
 ꙗ вы сѣй дѣнь согласилса растрїтца;
 Да и не могъ ни какъ мыслей шрїнѣть,
 чтовы ꙗдѣмъ перваго клоука не скїнѣть.
 Тогда клоуки намъ были милы,
 какъ деревнѣми цѣлостно владѣли;
 Теперь же бѣженство мѡжетъ мнѣ наскучїи,
 и за чтѡ ꙗ попушѣ страсти себѣ мѣчить.
 Хорошо прѣжде мы во всѣмъ были бойки,
 имѣли каждой иъ насъ по двѣ портомѡйки.
 Однѣ длѣ сѣботы, другѣ длѣ недѣли,
 и носили мы всегда рѣвѣшки бѣлы.
 Потому не было в женѣ и нѣжды,
 а толко ꙗ искѣлз оу знѣтнѣ господъ дружбы.
 Сїѣ моѣ рѣчь конечно вамъ вїатна,
 потому то и наша жизнь была намъ прїѣтна.
 И Оженасъ чадами веселитса бѣдѣ,
 и монашескую жизнь вовсе позабѣдѣ.
 Каковыхъ вы О сѣмъ мыслей, того ꙗ не знаю,
 но ꙗ в мїрѣ болше найти спасенїѣ чаю.
 За сїмъ пора намъ в кѣльи стѣпати
 и до перваго ꙗдѣмъ сѣдвы Ожидати.

Милостивый госѣдарь.

Вы мнѣ знайте непременно чаю,
 длѣ тогѡ и ѣмъ своегѡ тѣтъ неїѣснаю.
 Любопытство же ваше и впрѣд доволствѡвѣ бѣдѣ,
 и вашїмъ покѡрнымъ слѣгою прѣвѣдѣ.

К о н е ц ъ.

ПРИБАВОВЪ КЪ ПЛАЧУ КІЕВСКИХЪ МОНАХОВЪ.

О, отцы монахи, сколь вы жалосны стали,
 и под каков несчастный жребій инѣ попали;
 По которомъ оуже не можно вамъ равами повѣлѣван,
 а знать, чтѣ должно сами вамъ к работѣ привыкан.
 Ползоватса же вдите развѣ толко тѣмъ,
 что вперѣдъ сегш ѣстли запаслисч чѣмъ.
 А то знайте, чѣстнымъ оцы монахи,
 чтѣ вѣ прибавки к старомъ скорш не станѣ оу васъ и рѣбахи.
 Ихъ какъ вы нынѣ кажитесь миѣ печальны, и смущены,
 знать, чтѣ етш не прѣжнѣ времѣ быть до сѣдовъ допущены;
 А лѣтче вы вамъ было ѣстливъ вы посмирѣл жили,
 то вы и деревни ваши вѣчнш при васъ были.
 И видно нынѣ, чѣстнымъ оцы монахи,
 не помогаютьъ вамъ и сѣдебнымъ ваши бѣдѣми;
 Но нынѣ должно суже вамъ свѣтскѣ тѣбѣ оставитьъ,
 и другъ предъ-другомъ в монастырѣ себѣ смиренно должно оуже
 представи;
 Также видно, чтѣ ни слободы, ниже крѣстьяне вамъ не помогаю,
 а знать, то пришло времѣ, чтѣ все шъ васъ швираю.
 Ихъ какъ жалко всѣ комъ разставатса и съ сокровищелъ
 Обилнѣ,
 которѣ соврано домогательствѣ Обиднѣ.
 Видно также и то, что ни матерьянымъ рѣсы, ниже высѣкѣмъ
 кловѣки вѣ защита,
 но ото всѣхъ сторонъ идѣтъ к вамъ нищѣа.
 И оуже не тоѣ се времѣ чтобъ вѣ дорогѣмъ напитки пити,
 а должно видно сами и криницъ водѣ носити;
 И тѣ, вмѣсто англицаго пива, и вина шѣпанскаго оупотребляти,
 а дорогѣмъ напитки воемъ треба вамъ забыван.
 Изъ деревѣ же должно вамъ своими рѣками подѣлать деревяннымъ
 чаши,
 Бо златыхъ кубковъ не бѣдѣтъ имѣть болѣ рѣки ваши;
 И оуже не то видно приходѣ вамъ времѣ, чтобъ крѣстьянъ
 работать заставляти;
 а видно, что самимъ должно к работѣ привыкати.

Кѣльи мѣстѣ, дворы чистить ѿ топить грѣбы,
хотѣ же ѿ не охотнѣ, но должно самѣ по очереди чистить
ѿ грѣбы;

И с пѣщей же волной мѣстѣ полно вѣ истреблѣннѣ,
но оной, оуже времѣ, за свои грѣши куповѣннѣ;
Наполнѣннымъ же сдѣбнымъ мѣста тѣжбными дѣлами,
Рѣшатсѣ ни вѣ вѣшѣ, ниже вѣ монастырскѣю ползѣ, но ѿ не самими
вами.

Видно, что ѿ то времѣ приходѣ, что вѣ ценцѣ женисѣ,
во оуже не вѣможно вѣдѣ вѣ с портомойками овходитсѣ.
Но день перваго іюля все намѣ покажетсѣ,
ѿ по отоврѣннѣ ѿ вѣсѣ вѣсѣ привелѣгивѣннѣ, что вѣ тогда свѣтъ
скажѣ:

Вотѣ жили вѣ великолѣпно, скажѣтѣ тогда намѣ;
что оуже вѣдетѣ извѣстно тогда ѿ намѣ.
И такѣ, старѣйтесь теперѣ, чѣстнымъ оцы монахи,
своими трѣдѣми наживѣть себѣ рѣбахѣ.

С. Д. П. К. П. П. 1792-го года.

Примѣчаніе. На первой страницѣ внизу скорописью написано: „сочиненіе дерзское (?) перводіакона Печерскаго Іоасафа Богова (?)“ Въ той же тетради, откуда приведены нами здѣсь на печатанныя вирши—помѣщено еще нѣсколько статей, а именно: „Письмо отца Тарасія изъ сочиненія Живописца: отъ честнаго отца Тарасія къ сочинителю“; „Отвѣтъ на письмо отца Тарасія“ отъ „Живописца“; „Монастырская псалма“ п, наконецъ, „Сказаніе о пѣтухѣ п лисицѣ“.

Р е д.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Акты, собранные кавказскою археографическою комиссією.

Архивъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго. Томъ VIII. Изданъ подъ редакцію предсѣдателя Коммисіи д. с. с. Ад. Берже. Тифлисъ. 1881 г. въ 6. листъ, стр. XXI+1009, съ портретами и виньетами.

VIII томъ «Актовъ» обнимаетъ время управленія на Кавказѣ барона Григорія Владиміровича Розена (1831—1837 гг.) и составленъ по той же программѣ, какъ и предыдущіе. Онъ распадается на 17 главъ и представляетъ богатѣйшій запасъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ управленія нашей южной окраины. Передавая здѣсь краткое содержаніе тома, мы укажемъ только на самые выдающіеся документы. Къ нимъ прежде всего относится всеподданнѣйшій докладъ сенаторовъ Мечникова и графа Кутайсова о произведенной ими, по Высочайшему повелѣнію, ревизіи мѣстной гражданской администраціи. Документъ этотъ, съ котораго начинается VIII томъ, всецѣло направленъ къ порицанію всего, что было сдѣлано по упомянутой части въ первое 25-ти лѣтіе пребыванія нашего за Кавказомъ, съ предвзятою цѣлью забросать грязью имя А. П. Ермолова и поднятія заслугъ графа Паскевича, его преемника. Насколько выставленныя сенаторами обвиненія были вѣрны, лучше всего явствуетъ изъ возраженій и опроверженій барона Розена, открыто ставшаго на сторону Ермолова и настойчиво отражавшаго всѣ нападки на маститаго и славнаго героя Кульма, Бородино и Кавказа. Такое честное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу, само собою разумѣется, значительно увеличило число недоброжелателей и враговъ Розена, тѣмъ болѣе сильныхъ, что во главѣ ихъ стоялъ графъ Паскевичъ. Дѣйствуя, такимъ образомъ, далеко не въ видахъ личныхъ интересовъ, Розень, съ первыхъ же дней командованія, всталъ въ оппозицію своего пред-

мѣстника, котораго въ душѣ не долюбивалъ и къ которому, по примѣру другихъ, питалъ нѣкоторую зависть. Исходя изъ этой точки возрѣнія, сдѣлается понятно то противорѣчье, которое проявилось въ самой системѣ управления двухъ непосредственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ главноуправляющихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что баронъ Розенъ, болѣе опытный и посвященный во всѣ отрасли администраціи, стоялъ неизмѣримо выше своего предмѣстника, и что время его пребыванія на Кавказѣ принесло бы несравненно болѣе пользы, если бы, съ одной стороны, онъ не поддавался постороннему вліянію, а съ другой, и самыя обстоятельства, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, сложились болѣе благоприятно. Въ предисловіи къ VIII тому находится подробный перечень главныхъ событій, ознаменовавшихъ слишкомъ 6-ти лѣтній періодъ управленія барона Григорія Владиміровича, какъ по части гражданской, такъ и военной. Особенно любопытны подробности о противо-правительственномъ заговорѣ, возникшемъ среди грузинскаго дворянства, по инициативѣ царевича Окропира, съ цѣлью ниспроверженія русской власти. Прочитавъ ихъ, мы видимъ, что правительство, послѣ строгаго разслѣдованія этого дѣла, пришло къ убѣжденію, что возникшее движеніе было не болѣе какъ необдуманное. скажемъ болѣе, ребяческое увлеченіе. Вотъ почему императоръ Николай, не придавши ему особеннаго значенія, удовольствовался самымъ легкимъ наказаніемъ главныхъ участниковъ заговора, которые тогда же были высланы изъ края въ разныя внутреннія губерніи Россіи, съ предоставленіемъ имъ возможности продолжать государственную службу.

Несравненно болѣе строгому взысканію были подвергнуты привлеченные къ отвѣтственности за поддѣлываніе царскихъ грамотъ на княжескія и дворянскія званія, и документовъ на присужденіе въ частную собственность имѣній. Громадная переписка по этому дѣлу, начавшемуся еще при графѣ Паскевичѣ, была окончена при Розенѣ. При немъ же послѣдовало закрытіе тифлискаго монетнаго двора, просуществовавшаго слишкомъ 30 лѣтъ; учреждено общество поощренія торговой и мануфактурной промышленности и сдѣлано много другихъ полезныхъ начинаній, которыхъ обстоятельное перечисленіе завлекло бы насъ далеко за предѣлы настоящей краткой замѣтки.

Положеніе Кавказа въ военномъ отношеніи за рассматриваемый періодъ времени представляетъ несравненно бѣльшій интересъ. Имѣвшіе случай слѣдить за нашими экспедиціями въ горы, нѣтъ сомнѣнія, давно знакомы съ именами Кази-Муллы, Гамзада и Шамиля. Съ этими именно борцами за независимость и свободу пришлось вести ожесточенную войну барону Розену, который нерѣдко лично становился

во главѣ нашего побѣдоноснаго войска, вносящаго черезъ неприступныя скалы и непроглядную чащу дремучихъ лѣсовъ въ трущобы горцевъ первыя сѣмена цивилизаціи. Громкія имена Гергебиль, Эрпели, Дювека и многія другія прибавили новыя лавры къ вѣнку славы, которыми именитѣйшіе полководцы XVIII и XIX вѣка украсили голову русскаго солдата.

При баронѣ же Розенѣ, а именно въ 1836 году, положено прочное утвержденіе нашего владычества на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, еще болѣе упрочившееся послѣ экспедицій, подъ личнымъ его начальствомъ, въ Цебельду и на мысъ Адлеръ. Вторженіями же нашими со стороны Кубани, подъ руководствомъ славнаго А. А. Вельяминова и единственнаго въ своемъ родѣ Засса, въ аулы черкесскихъ племень, предупреждались прорывы послѣднихъ въ наши предѣлы.

Вникая во всѣ подробности нашихъ дѣйствій на Кавказѣ, невольно поражаешься тою настойчивостью, съ которою Россія, при громаднѣхъ пожертвованіяхъ, ратовала на поприщѣ умротоверенія кавказскихъ народовъ и племень. Но не въ этомъ-ли и самое ея призваніе? Настанетъ, наконецъ, то время, когда она привѣтъ цивилизацію запада къ почвѣ востока и, устроивъ судьбы его разнообразнаго населенія, осуществитъ свое міровое назначеніе, свой апостольскій подвигъ.

Послѣдній годъ командованія барона Розена ознаменовался путешествіемъ императора Николая по Кавказу. Мы надѣемся возвратиться къ этому знаменательному событію; здѣсь же скажемъ, что оно имѣло благотворное вліяніе на тамошнія дѣла, изгнавъ изъ администраціи тѣ злоупотребленія, которыя такъ неблагоприятно отразились на служебное положеніе многихъ тамошнихъ дѣятелей, и между ними прежде всего на ближайшаго родственника Розена, флигель-адъютанта полковника князя Дадіани и его самаго. Баронъ Григорій Владиміровичъ былъ лишѣнъ своего высокаго положенія и, оставивъ въ мартѣ 1838 года Кавказъ, выѣхалъ въ Москву, гдѣ скончался спустя три года въ званіи сенатора. Онъ сохранилъ за собою репутацію умнаго, честнаго и благонамѣреннаго дѣятеля и слуги престолу и отечеству, но, къ сожалѣнію, слабого и податливаго начальника, никогда не стоявшаго на твердой, самостоятельной почвѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, убѣжденіе, которое мы вынесли, ознакомившись съ обширнымъ матеріаломъ, вошедшимъ въ разсматриваемый намъ и только что выпущенный томъ Актовъ археографической комиссіи.

Обращаясь къ художественнымъ приложеніямъ къ VIII тому, мы не можемъ не сказать, что онѣ выполнены съ прежнею добросовѣстностью и тщательностью г. Дюстердикомъ, и прекрасно отпеча-

таны въ художественной литографіи К. Томсона, въ Тифлисѣ. Въ особенности хороши рисунки въ заголовкахъ къ отдѣльнымъ главамъ, заимствованные изъ альбомовъ Горпелъта, князя Гагарина, обширнаго атласа Дюбуа-де-Монперё и пр. Въ нѣкоторыхъ изъ заголовковъ сохранились рисунки замѣчательныхъ историческихъ давно разрушенныхъ и не существующихъ памятниковъ. къ каковымъ, между прочимъ, принадлежитъ минареть въ дер. Шамкоръ—мѣстности, памятной въ нашей военной лѣтописи знаменитой побѣдой, одержанной близъ нея, въ 1826 году, надъ персіянами.

Настоящій томъ «Актовъ», какъ и предъидущія восемь громадныхъ книгъ (томъ VI,—время Ермолова,—состоитъ изъ двухъ частей), изданъ подъ редакціей Ад. П. Берже. Должно отдать полнѣйшую справедливость необыкновенной энергіи и знанію своего дѣла этого уважаемаго ученаго и извѣстнаго ориенталиста. Состоя почти двадцать лѣтъ предсѣдателемъ Кавказской археографической комиссіи, г. Берже, какъ это не рѣдко бываетъ на Руси, единымъ трудомъ своимъ восполняетъ тотъ трудъ, который долженъ бы былъ производиться цѣлою комиссіею: въ предсѣдателѣ заключается все учрежденіе Кавказской археографической комиссіи. Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе какъ исполняется трудъ составленія сборниковъ, подобныхъ помянутымъ «Актамъ», тотъ очень хорошо знаетъ, что для того, чтобы выпустить одинъ такой томъ—должно разсмотрѣть тысячи архивныхъ дѣлъ, выбрать изъ нихъ имѣющіе историческое значеніе документы, наблюсти за ихъ перепискою или переводомъ, обставить примѣчаніями, наблюсти за точнымъ воспроизведеніемъ въ печати, составить объяснительные указатели и проч. и проч. И все это исполняется Ад. Берже съ замѣчательною добросовѣстностью, знаніемъ и любовью къ дѣлу. Если бывшему намѣстнику Кавказа, Великому Князю Михаилу Николаевичу и ближайшему сотруднику Его Высочества барону А. И. Николаю принадлежитъ честь основанія и поддержки столь монументальнаго, величайшей важности для исторіи Кавказа, изданія, каковы «Акты Кавказской Археографической Комиссіи»,—то Ад. П. Берже всецѣло принадлежитъ блистательное осуществленіе этой мысли. Благодаря его колоссальному многолѣтнему труду и чрезвычайно близкому знакомству съ Кавказомъ и исторіей народовъ, его населяющихъ, мы въ 9-ти громаднѣйшихъ книгахъ—всего до 10,000 страницъ—имѣемъ уже богатѣйшій родникъ всевозможныхъ свѣдѣній по исторіи Кавказа за всю первую половину эпохи владчества Россіи въ этомъ краѣ. Каждый ревнитель исторіи—вмѣстѣ съ нами пожелаетъ, чтобы это изданіе продолжаемо было многіе, многіе годы, доколѣ оно не исчерпаетъ всего историческаго матеріала, до

Кавказа относящагося, до настоящихъ дней—и чтобы въ высшемъ представителѣ власти въ Тифлисѣ,—кто бы таковой ни былъ,—изданіе «Актовъ» находило просвѣщенную и энергическую поддержку.

Р е д.

Примѣчаніе. Помѣщаемъ вкратцѣ перечень главнѣйшихъ трудовъ Ад. П. Берже, достоуважаемаго редактора „Актовъ Кавказ. Археогр. Комиссін“. Вотъ они: I. Геологическій очеркъ Кавказскаго кряжа отъ Эльбруса до Бештау (переводъ статьи академика Абиха) 1863 г. II. О мусульманскихъ народныхъ праздникахъ вообще и у шитовъ въ особенности. 1855 г. III. Прикаспійскій Край. 1857 г. IV. Обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ. 1858 г. Статья эта напечатана въ 1860 г. въ *Mettheilungen* д-ра Петермана въ Готѣ. V. Чечни и Чеченцы. 1859 г. VI. Исторія Адыгскаго народа. Издано по рукописи Шора-бекъ Ногмова съ примѣчаніями и дополненіями и напечатана въ немецкомъ переводѣ въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: *Die Sagen und Lieder des Tscherkessen Volks*. 1866 г. VII. Карабагъ. Историческій очеркъ. Ст. Мирзы Джемала. Переводъ съ персидскаго. 1855 г. VIII. *Die Sanger des XVIII und XIX Jahrhunderts in adserbeidshanischer Mundart*. Произведеніи Адзербейджанскихъ поэтовъ XVIII и XIX вѣковъ. 1868 г. IX. *Voyage en Mingrelie*. Paris. Въ «*Revue Orientale*». 1864 г. X. *Dictionnaire Persan-français*. XI. Кавказъ въ археологическомъ отношеніи. 1873 г. XII. *Mirza Schaffy* въ *Zeitschrift der deutschen Morgenlandischen Gesellschaft*. 1870 г. XIII. Очеркъ этнографіи Кавказа. 1879 г. XIV. Въ разное время доставлены Императорской Академіи Наукъ матеріалы по лингвистическимъ изслѣдованіямъ, впервые предпріятыя Ад. П. Берже по Аварскому нарѣчію, съ каковою цѣлью совершилъ по порученію кн. А. И. Барятинскаго, въ 1860 году, путешествіе въ Дагестанъ и занимался въ Хунзахѣ, подъ руководствомъ Бин-Хитиноу-Мухаммед-Лачинилоу, бывшаго учителя Шамиля въ философіи; затѣмъ, имъ были представлены цѣнные матеріалы по языкамъ: Чеченскому, Осетипскому и Удинскому и гуджиры (дарственныя записи) Хонскаго, Мартвильскаго, Цаншскаго и др. монастырей. XV. Съ 1864 года дѣятельность Ад. П. Берже главнымъ образомъ сосредоточилась на изданіи „Актовъ Кавказской Археографической Комиссін“, что продолжается понынѣ. Съ 1872 года онъ началъ принимать участіе въ „Русской Старинѣ“, которой и сообщалъ отдѣльныя монографіи изъ Исторіи русскаго владѣтельства на Кавказѣ въ періодъ времени съ 1801 по 1856 годъ. Изъ таковыхъ сообщеній обращаютъ на себя особое вниманіе: 1) Смерть А. С. Грибоѣдова, 2) Посольство А. П. Ермолова въ Персію, 3) Самсонъ Яковлевъ Макинцевъ и Русскіе бѣглецы въ Персію, 4) Присоединеніе Грузіи къ Россіи, очеркъ изъ обширнаго историческаго изслѣдованія Ад. П. Берже, (5) Н. Н. Муравьевъ во время намѣстничества на Кавказѣ (1855—1856) и многія другія.

Р е д.

Графъ Войновичъ въ Персїи

въ 1781 году.

30-го іюля 1781 года графъ Войновичъ вступилъ съ эскадрою въ Астрабадскій Заливъ съ цѣлью завести на берегу его русское коммерческое поселеніе. Переговоры, открытыя по этому предмету съ Ага-Мамед-ханомъ, родоначальникомъ Каджарской династіи, начались довольно успѣшно, хоти вмѣсто Ашрефа, на который указывалъ Войновичъ, ему было предоставлено основаться въ уроч. Городовниѣ. Заложивъ здѣсь батарею въ видахъ обезпеченія себя отъ набѣговъ Турменъ, и построивъ госпиталь, казарму, амбаръ, базаръ, пристань и нѣсколько домиковъ, Войновичъ ждалъ только повелѣнія кн. Потемкина о поднятїи русскаго флага, а равно Высочайшаго разрѣшенія на заключеніе трактата о новомъ поселеніи. Последнее послѣдовало 2-го января 1782 года, т. е. тогда именно, когда все заведенное и устроенное уже было уничтожено.

Еще въ началѣ декабря 1781 года Ага-Мамед-ханъ, заподозривъ Войновича въ неискренности, отдалъ тайное приказаніе старшинѣ одной изъ деревень, ближайшихъ къ Городовниу, подъ благовиднымъ предлогомъ, задержать графа до снятія орудій съ батареи и уничтоженія устроенной Русскими пристани. Приказаніе было исполнено и Войновичъ, въ кандалахъ, былъ доставленъ въ городъ Сару къ прибывшему туда на каузуѣ Ага-Мамед-хану.

Ласково принявъ Войновича, Ага-Мамед-ханъ послѣ принесеннаго извиненія въ крутыхъ противъ него мѣрахъ, бывшихъ слѣдствіемъ не всегда вѣрныхъ донесеній подчиненныхъ, а равно сообщенія Бакинскаго хана, будто Россїи только въ видахъ непрїязненныхъ добывалась поселенія на берегу Астрабадскаго Залива, даровалъ ему 2 января 1782 года свободу. Графъ Войновичъ тотчасъ же и безостановочно прослѣдовалъ къ своей эскадрѣ, а самъ Ага-Мамед-ханъ, боясь народнаго неудовольствія, выѣхалъ изъ г. Сары.

Разсказанное здѣсь событіе передается составителемъ Персидской Исторїи, извѣстной подъ заглавіемъ Роузет-ус-сефа, т. е. „садъ удовольствія“ слѣдующимъ образомъ.

АД. П. ВЕРЖЕ.

Описаніе участи нѣкоего графа Русскаго, его преступленія и измѣны, и плѣненія его принцемъ Фетх-Али-ханомъ, сыномъ Хусейн-Кули-хана Каджара.

Въ послѣднее время царствованія Керим-хана Зенда (1750—1779), нѣкто, назвавшій себя графомъ Русскимъ, съ частью товарищей изъ Русскихъ, подъ видомъ купцовъ, прибылъ Каспійскимъ моремъ, въ

Эвзели и, выйдя на берегъ, ѣздилъ въ Рештъ, оттуда въ Амилъ, Сары и Бальфрушъ и, осмотрѣвъ внимательно всѣ эти прибрежья, порты и проходы, ближайшіе къ Каспійскому морю, вернулся въ Ашрефъ и Ферах-абадъ. Снявъ на бумагѣ виды горъ, долинъ, дремучихъ лѣсовъ и всѣхъ замѣчательныхъ построекъ и зданій и нарисовавъ даже тамошнихъ звѣрей и птицъ, онъ получилъ обо всемъ полное понятіе. Когда-же безподобный государь (Ага-Мамед-ханъ) прибылъ въ Гилянъ, упомянутый графъ Русскій — этоть волкъ въ овечьей шкурѣ, прибывшій въ Гилянъ подъ предлогомъ торговли, съ тайною, великою цѣлью, съ нѣсколькими кораблями, наполненными всякаго рода оружіемъ, продовольствіемъ и со всѣмъ экипажемъ очутился въ виду мѣста, называемаго Грав-дини-Ашрефъ, близъ берега и, остановившись, обратился къ Фетх-Али-хану, управлявшему тогда, въ званіи намѣстника дяди, Мазандераномъ, съ просьбою, чтобы ему по берегу былъ отведенъ участокъ земли въ количествѣ, достаточномъ для него и его товарищей, гдѣ предположилъ произвести постройку. Мысль графа была, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ устроить какую-нибудь хитрость. Просьба эта для испытанія его въ искренности была уважена и шайка измѣнниковъ, сойдя на берегъ, открыла торговлю съ жителями, которымъ продавала товары высшаго достоинства за самыя дешовыя цѣны, а отъ жителей самыя пустыя предметы покупала за дорогую цѣну. Между тѣмъ они не упустили возвести прочное укрѣпленіе изъ досокъ и желѣзныхъ принадлежностей. Итакъ, дикихъ деревенскихъ птицъ въ Гилянѣ насыпаніемъ зеренъ вовлекли въ сѣть одолженія.

Когда дошло до свѣдѣнія принца о соблазнѣ этой шайки простого народа, умный принцъ, не смотря на то, что былъ еще молодъ, поступилъ согласно слѣдующему арабскому стиху:

Я вижу подъ пепломъ искру,
Искра эта готова вспыхнуть;
Если умные люди ее во время не потушатъ,
То она обратится въ непогасаемый огонь.

И онъ (принцъ) тотчасъ донесъ объ этомъ шаху., Шахъ принялъ слѣдующую мѣру:

Принцъ подъ предлогомъ охоты отправился въ Ферах-абадъ, а оттуда поѣхалъ въ Ашрефъ и Грав-динъ. Тамъ русскій графъ поднесъ его высочеству въ подарокъ разныя европейскія рѣдкости и издѣлія, въ замѣнъ которыхъ со стороны Фетх-Али-хана и его приближенныхъ былъ одаренъ различными съѣстными припасами. Черезъ три или четыре дня Фетх-Али-ханъ, снова подъ предлогомъ охоты съ небольшою свитою изъ умныхъ людей и храбрыхъ воиновъ отпра-

вился на берегъ, чтобы полюбопытствовать видѣть корабли графа. Графъ пригласилъ его къ себѣ въ гости, но его выс., не принявъ лично этого предложенія, позволилъ нѣкоторымъ изъ кадjarской знати посѣтить его домъ. Между тѣмъ его выс. далъ секретное порученіе Хаджи-Мамед-агѣ Иранлинскому, мужу благоразумному и умному, объ арестованіи графа и его товарищей. Хаджи пригласилъ графа съ нѣкоторыми его близкими къ себѣ въ гости на устроенное для нихъ пиршество. Когда головы ихъ разгорячились отъ вина и глаза помутились, Хаджи приказалъ своимъ людямъ схватить ихъ и заковать. Астрабадцы въ мигъ исполнили приказаніе и представили ихъ принцу. Послѣ нѣкотораго съ ними объясненія и угрозы, его выс. отправилъ ихъ при дружескомъ письмѣ, въ сопровожденіи умнаго посланца къ солнцешапочному падишаху и тѣмъ доказалъ предъ умными людьми, что онъ (принцъ), хотя и молодъ, но отъ природы одаренъ смѣтливостью и мудростью и что вскорѣ разными мѣрами и своею саблею онъ обратитъ Иранское поприще въ предметъ зависти райскаго цвѣтника (т. е. что самый рай позавидуетъ Ирану), и мудрецы удостовѣрились, что это великое дѣло и смѣлость произошли собственно по указанію великаго его дяди Ага-Мамед-хана, какъ гласитъ слѣдующій персидскій стихъ:

Какимъ образомъ не быть тому несметливому мужу полнымъ сметливости, когда руководителемъ его Фердунъ ¹⁾.

Перев. съ персидскаго и сообщ. А. П. Верже.

Сообщаемъ здѣсь кстатіи другой отрывокъ изъ Персидской Исторіи, изгѣтъной подъ заглавіемъ Тарихи-Надыря, т. е. Исторіи Надир-шаха, составленной Мирза-Мехти-ханомъ Астрабадскимъ:

Завоеванія Россіи въ Гилянѣ.

1135 (1722) г.

Обстоятельства сего дѣла слѣдующія:

Когда шахъ Тахмасибъ короновался въ Казвинѣ, тогда онъ своего приближеннаго Исмаил-бека, великаго визиря, отправилъ въ качествѣ посланника къ Русскому двору съ просьбою о помощи. Вслѣдствіе этого посольства, отрядъ Русскихъ войскъ по желанію шаха Тахмасиба, подъ командою одного Русскаго сардаря, прибылъ на судахъ

¹⁾ Царь изъ династіи Пиштадівъ и внукъ Джемшида.

въ Эвзелійській заливъ. Визирь, управлявшій тогда Рештомъ, рѣшился ему воспрепятствовать, но былъ разбитъ, и Русскіе завладѣли однимъ каравансараемъ, находившимся въ $\frac{1}{2}$ фарсахъ отъ Решта и тамъ укрѣпились. Слова Русскихъ состояла въ томъ:

Мы по желанію персидскаго правительства, совершивъ дальній путь, прибыли сюда. Посланникъ шаха Тахмасиба, на основаніи даннаго ему государемъ его уполномочія, предоставилъ намъ весь Гилянъ, начиная отъ Ніяз-абада до границы Астрабада, съ тѣмъ условіемъ, чтобы и мы были готовы защищать его противъ его непріятелей. Согласно этому требованію Русскіе желали полновлестія въ Гилянѣ, но еще удерживались отъ прикосновенія къ казеннымъ имуществамъ и прочимъ вещамъ. Спустя нѣкоторое время, къ нимъ примкнули еще 10 т. Русскихъ подъ командою одного важнаго ихъ полководца и сочли весь Гилянъ своимъ достояніемъ на основаніи документа, даннаго имъ Исмаил-бекомъ, посланникомъ шаха Тахмасиба. Шахъ Тахмасибъ, не терпя подобнаго своеволія Русскихъ, отрядилъ противъ нихъ ополченіе, имѣвшее съ ними столкновеніе вѣтъ Решта, но было разбито. Тогда завладѣли и Рештомъ и Кехдемомъ и безъ посторонняго вмѣшательства въ теченіе двухъ лѣтъ властвовали въ тѣхъ странахъ, располагая всѣмъ казеннымъ достояніемъ. Между тѣмъ общество провинціи Масулъ, будучи доведено до крайности безпутствомъ и угнетеніемъ нѣкотораго самозванца, извѣстнаго подъ именемъ Исмаил-мирзы (выдававшего себя за сына Шах-Султан-Хусейна), прибѣгло къ помощи Русскихъ и въ союзъ съ ними напало на Исмаил-мирзу, убило его и отправило его голову къ Русскому военачальнику. Тогда русскіе пришли въ Ланджанъ и Тиможанъ, бывшіе во владѣніи самозванца и покорили эти провинціи, безъ всякаго съ чьей либо стороны сопротивленія. Затѣмъ черезъ нѣсколько времени падишахъ Русскихъ Петръ сухимъ путемъ, черезъ Бизляръ, съ безчисленнымъ войскомъ прибылъ въ Дербентъ и народъ тамошній, опасаясь владычества Лезгинъ и Турокъ, какъ непримиримыхъ враговъ Персіи, безъ разрѣшенія персидскаго шаха, явился къ нему съ покорностью. Тогда падишахъ сей велѣлъ очистить Дербентскую цитадель и оставилъ тамъ 3 т. вооруженный гарнизонъ, который по выраженію Русскихъ называется солдатъ. Послѣ чего онъ взялъ Баку и Сальяны и довольствовался справедливою податью и повинностями, существовавшими въ томъ краѣ и возвратился во свояси.

Перевелъ съ персидскаго и сообщ. Ад. П. Верже.

Молитва для мусульманъ на Кавказѣ,

составилъ въ 1820 г. А. П. Ермоловъ.

• Боже всесильный, премилосердый, Боже щедротъ и всякія утѣхи молимъ Тебя, да волею Твоею поставленнаго надъ нами царствовать, Тобою возлюбленнаго самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Павловича всея Россіи сохраниши въ величїи и славѣ. Умножи дни живота Его въ здравїи ненарушимомъ и непремѣняемомъ благополучїи, даруй Ему премудрость, да судить въ правду людямъ Твоимъ. Покажи Его врагамъ побѣдителя, злодѣямъ страшна, добрымъ милостива. Да въ немъ обряцеть бѣдствующій призрачїе, утѣсенный заступленіе. Даруй обширнымъ царствамъ, власти Его покорствующимъ, миръ, тишину, благораствореніе воздуха и земли плодоносїе. Утверди доброе согласїе и взаимную довѣренность съ сосѣдственными намъ народами, да Тебѣ единаго Творца исповѣдующїе, Тебѣ всемогущїй поклоняющїеся, поживемъ мы въ тишинѣ и спокойствїи. Тебѣ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь! »

Примѣчаніе. Молитва эта была составлена и, собственноручно написана ген. Ермоловымъ въ 1820 году и въ октябрѣ того же года разослана къ начальникамъ отдѣльныхъ частей края съ тѣмъ, чтобы она обязательно была читаема въ мечетяхъ въ молитвенные, а въ особенности въ торжественные дни.

Тифлисъ.

Сообщилъ Ад. П. Верже.

ремёнъ мужскихъ и женскихъ модъ; говорили о фонтанкахъ, о корнетахъ, о самарахъ и проч. Сказалъ я тутъ, что исторію о женскихъ модахъ, конечно, лучше всѣхъ знаетъ графиня Марья Андреевна Румянцова. Ей уже семдесятъ лѣтъ или больше, а еще и до нынѣ всѣмъ модамъ слѣдуетъ. Послѣ сего пошелъ разговоръ о кадетскихъ офицерахъ, князѣ Шаховскомъ и Валувѣ, кои во время польскаго избранія при князѣ Николаѣ Васильевичѣ Рѣпиннѣ были. Его Превосходительство Никита Ивановичъ много надѣвался надъ ихъ жеманствомъ, и нѣжными приемами. Сказалъ при томъ: „конечно оба они поэты, или по крайней мѣрѣ которой нибудь изъ нихъ“. Отвѣчалъ я, что ни которой ни стихива сдѣлать не умѣтъ; и что слабости такіа болѣе отъ натурального казого дефекту происходятъ, нежели отъ Поэзій или отъ другаго какова ученія. Его Высочество сказалъ тутъ Никитѣ Ивановичу: это сударь для того онъ говорить, что самъ умѣтъ стихи дѣлать. Его Превосходительство изволилъ отвѣчать на то Государю Цесаревичу: „умѣтъ стихи дѣлать и знать правила Поэзій похвально. Семенъ Андреевичъ упражнялся въ томъ, когда ему время было, а какъ прошли тѣ обстоятельства, то онъ конечно изъ Поэзій никогда профессіи себѣ не сдѣлаетъ“. Говорилъ я на то, что и прежде въ Поэзій совсѣмъ почти не упражнялся, а что Его Высочество изволилъ почитать меня въ ней знающимъ, такъ то можетъ быть для того, что я въ Москвѣ, для его увеселенія, къ рифмамъ, кои самъ Государь Цесаревичъ тогда сваривалъ, прибавлялъ строчки. Зашла рѣчь о кадетскомъ же капитанѣ Арсенѣ Андреевичѣ Беклешовѣ, и я ему достойную похвалу и справедливость отдалъ.

Послѣ обѣда курляндской принцъ откланялся у Его Высочества, чтобъ ѣхать въ Курляндію. Какъ вышелъ онъ, то Его Превосходительство Никита Ивановичъ рассказывалъ, какъ его покойная Импе-

ратрица Анна Іоанновна жаловала, и болѣе нежели отъ старшаго брата проку отъ него ожидала. Какъ придворные обыкновенно тѣми глазами на все смотреть, конми и государи, и тамъ видятъ бѣлизну, гдѣ государи ее видятъ, хотябъ въ самомъ дѣлѣ и тѣни ея тутъ не бывало, то и въ принцѣ Карлѣ бездну премудрости и разума всѣ тогда находилъ, а теперь всѣ мы видимъ, что онъ шалунъ и повѣса, не только свѣтлѣйшій, но и дрсевѣтлѣйшій. Въ четвертомъ часу сѣлъ Его Высочество за свои ученія: у меня хорошо учился. Потому читали мы: „Discoeur aux Welches“ и послѣ трагедію „Регулусъ“. Я себѣ взялъ роль Манніуса. Къ Государинѣ Его Высочество сего вечера ходитъ не изволилъ. Откупавши, опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

9. Воскресенье. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Приходилъ къ Государю Цесаревичу графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, и говорилъ по большей части о трагедіи „Барневальтъ“, которую онъ вечеромъ на нѣмецкомъ театрѣ видѣлъ. Потому Его Высочество, принявши рапорты отъ господъ флагмановъ, изволилъ пойтить въ церковь, и Ея Величество тамъ присутствовать изволила. Изъ церкви проводилъ Государиню-родительницу до внутреннихъ покоевъ, возвратился Государь Цесаревичъ къ себѣ. Изволилъ забавляться около токарнаго станка. Его Превосходительство Никита Ивановичъ представилъ Его Высочеству полковника Каменскаго, которой вчерась изъ Бреслава пріѣхалъ. Государь Цесаревичъ изволилъ принять его весьма милостиво, и распрашивать о фздѣ его.

Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ только г. Салдернъ и Каменской. Его Превосходительство Никита Ивановичъ распрашивалъ Каменскаго по большой части о прусскомъ лагерѣ. Сказывалъ

онъ между прочимъ, что движеніевъ было не много; какъ король самъ при- скакалъ къ Зейдицу, которой во время маневру упалъ съ лошади, велѣлъ его отвести въ ближнюю деревню, и послѣ самъ туда ѣздилъ; какъ король первого своего фаворита, адъютанта Ангальта арестовать велѣлъ, за то только, что онъ занялъ деревню, которую занять ему велѣно не было, хотя военное искусство и неотмѣнно заставляло занять оную; что Его Величество о здѣшнемъ лагерѣ всѣ подробности вѣдастъ, и кто какимъ корпусомъ командовалъ знаетъ; что Петра Ивановича Панина шутя бунтовщикомъ называетъ, для того что онъ на супротивной сторонѣ былъ и проч. О Каменскомъ послѣ заочно сказалъ король прусской генералу своему Тауендицу: c'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez policé. Ангальтъ между прочимъ спрашивалъ у Каменскаго о письмѣ, (оное письмо напечатано въ концѣ Богословія Отца Платона), писанномъ отъ Его Высочества къ отцу Платону, самъ ли онъ писалъ оное. Каменской сказалъ, что самъ писалъ; и Ангальтъ тому удивлялся.

Послѣ стола пришелъ къ Государю Цесаревичу графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ отъ Ея Величества, звать Великаго Князя на обсерваторію, которая построена вверху надъ покоями Ея Величества. Пошелъ туда Его Высочество, и Государыня быть тамъ изволила. Весь городъ видѣнъ. Сходя оттуда внизъ, говорилъ графъ Григорій Григорьевичъ, не изволилъ ли Его Высочество посѣтить фрейлинь. Онѣ живутъ туль въ близости. Государю Цесаревичу хотѣлось туда пійти, однако въ присутствіи Ея Величества не зналъ, что отвѣтствовать. Государыня сомнѣніе рѣшила: изволила сказать, чтобы Его Высочество шелъ туда. Никогда повелѣніе съ такою охотою исполняемо не было, какъ сіе. За Государемъ были Никита Ивановичъ и графъ Григорій Григорьевичъ. У всѣхъ фрейлинь по комнатамъ ходили. Возвра-

тась къ себѣ, изволилъ Его Высочество съ особливимъ восхищеніемъ разсказывать о своемъ походѣ, и кто ни приходилъ, изволилъ спрашивать: отгадай, гдѣ я былъ севодни? Послѣ разсказовъ вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ услажденіи на канане повалился. Подымая меня изволилъ говорить, что онъ видѣлъ свою любезную, и что она отъ часу болѣе его пѣвнуетъ; потомъ читали мнѣ: *Dictionnaire encyclopedique*. Его Высочество сыскалъ тамъ слово *amour* и читалъ на него изъясненіе, которое чтеніе однакожъ прервать старались.

Часовъ въ семь изволилъ Государь Цесаревичъ пойтти на куртагъ. Ея Величество быть тамъ изволила и играть въ пикетъ. Его Высочество разговаривалъ по большой части съ графами Захаромъ Григорьевичемъ и Иваномъ Григорьевичемъ Чернышовыми и съ цесарскимъ министромъ княземъ Лобковичемъ. Съ себѣ возвратясь съ куртагу, скоро съѣлъ кушать. За ужиной разговаривали мы о республикѣ римской. Послѣ ужинны, читали *Montesquieu: «des causes de la grandeur et de la decadence de la république romaine»*. Опочивать легъ Государь въ десятомъ часу.

10. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. За чаемъ разговаривали мы о вчерашнемъ походѣ къ фрейлинямъ, и какія тамъ примѣчанія Его Высочество сдѣлать изволилъ, также и о трагедіи „*Regulus*“, о роли тамъ Его Высочества *le jeune Attilius*. За уборнымъ волосомъ, изволилъ Государь Цесаревичъ распѣвать менуэты и читать Жилблаза. Потомъ съ разными воображеніями изволилъ бѣгать по желтой комнатѣ, и вспоминать о вчерашнемъ визитѣ. Въ десять часовъ съѣлъ учиться. Послѣ ученья, въ цинкѣ играть изволилъ.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ

говорилъ о королѣ шведскомъ, какъ онъ страшенъ когда на куртагъ: въ кругу хода, не знаетъ (что), съ кѣмъ начать, говоритъ иногда о погодѣ, что хорошо, когда ужасное на дворѣ невѣстье. Также и о дадкомъ королѣ сказывалъ Его Превосходительство, что онъ очень нуженъ во всѣхъ своихъ ухваткахъ. Шведской-де министр Тессинъ говорилъ: *chaque Prince, qui est élevé à sa cour, est guindé dans ses manières*. Да гдѣжь и воспитывать, какъ не при своемъ дворѣ? О невѣстахъ говора, сказали Никита Ивановичъ Великому Князю: „по Вашимъ глѣтамъ почти въ дѣломъ календарѣ теперь невѣсты нѣтъ“. Г. Салдернъ смѣячися говорилъ, что какъ онъ отсюда поѣдетъ, тобъ дать ему секретную инструкцію, чтобы въ Германіи присматривать невѣсты для Его Высочества. Вспомнилъ я тутъ, какъ Его Высочество въ Москвѣ плакалъ, когда ему про женитбу говорили. Еще разговаривали за столомъ о легкомысліи и о странныхъ поведеніяхъ графа Сакена.

Послѣ стола пришелъ гофмаршалъ кн. Николай Михайловичъ Голицынъ звать Государя Цесаревича смотрѣть придворныхъ сервизовъ. Пошли мы въ кладовыя, которыя внизу за парадной глѣстницей. Множество серебра, золота и фарфору видѣли, и долго пробыли. Его Превосходительство Никита Ивановичъ все подробно высматривалъ. Его Высочество и скучать уже началъ. Много и старинной тамъ посуды: братины и стопы есть отъ временъ царя Іоанна Васильевича и царя Михаила Феодоровича. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться; у меня хорошо учился. Потомъ изволилъ пойтить въ комедію. Комедія была „Сѣпіе“; балетъ Парадизовъ съ волиной; малая піеса „Ероих раг supercherie“. Возвратясь изъ комедіи, Его Высочество разными аллегоріями всоружался на кн. Куракина за то, что онъ вчерась во время куртагу былъ въ гостяхъ у нашей милой. Она не была на куртагѣ, за тѣмъ что болѣла губка.

Послѣ ужина легъ Государь Цесаревичъ опочивать, было девятаго часу три четверти.

11. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія точить изволилъ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ за столомъ разговаривалъ мало.

Послѣ обѣда, Его Высочество, позабавясь, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ пойтить смотрѣть кукольной комедіи, о коей выше упомянуто. Ея Величество такожъ присутствовать тутъ изволила. Послѣ комедіи, изволилъ Государь Цесаревичъ пройтить за Ея Величествомъ въ билиардную. Государиня изволила сѣсть играть въ ломберъ съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, а Его Высочество въ берланъ. Играли съ нимъ дежурныя фрейлины графиня Анна Петровна Шереметева и Катерина Исаевна Шафрова, генералъ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ, гофмаршалъ кн. Николай Михайловичъ Голицынъ, камергеръ графъ Николай Александровичъ Головинъ и камеръ-юнкеръ Александръ Федоровичъ Талызинъ. Послѣ берлану, вынула Анна Петровна изъ карману золотую игрушку и вертѣла ее. Его Высочеству понравилось то: присталъ онъ, а послѣ и всѣ къ юлу играть стали. По окончаніи игры, Анна Петровна подарила оную игрушку Его Высочеству. Пришедъ къ себѣ, играли мы въ нее. Сѣли потомъ за столъ. Разговаривали о маріонетахъ, и рассуждали, какъ скушно смотрѣть на нихъ, особливо когда уже одинъ разъ видѣлъ. Послѣ ужина легъ Его Высочество опочивать, былъ десятой часъ въ исходѣ.

12. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. (Послѣ уче-

нія), въ воланы и въ цинкъ играть изво-
лилъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ толь-
ко г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Та-
лмзинъ. Его Превосходительство Никита
Ивановичъ разговаривалъ по боль-
шой части съ г. Салдерномъ о дѣлахъ гер-
манскихъ.

Послѣ обѣда, позабавясь, Его Высочество
изволилъ сѣсть учиться. (У меня
хорошо учился). Потомъ къ Государниѣ
пойти изволилъ. Тамъ была комнатная
музыка. Ея Величество изволила между
тѣмъ играть въ ломберъ (съ графомъ
Михайломъ Ларионовичемъ Воронцо-
вымъ и съ генераломъ кн. Александромъ
Михайловичемъ Голицынымъ). Его
Высочество изволилъ играть въ бер-
лякъ (и потомъ во вчерашнюю игру).
Игралъ съ нимъ дежурныя фрейлины:
графиня Елисавета Кирилловна Разу-
мовская и Марья Родіоновна Вейделева,
Марья Павловна Нарышкина, Анна
Никитишна Нарышкина, графини На-
талья Петровна и Дарья Петровна Чер-
нышовой и шталмейстеръ Левъ Але-
ксандровичъ Нарышкинъ. Въ десятомъ
часу возвратился Государь Цесаревичъ
къ себѣ. Скоро изволилъ сѣсть кушать.
Ужиналъ у насъ графъ Александръ Сер-
гѣевичъ Строгановъ. Говорилъ между
прочимъ по гасконски, чѣмъ Его Высочество
весьма много увеселялся.

13. Государь Великой Князь встать
изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись,
сѣлъ за обыкновенныя свои учения. По
окончаніи оныхъ, игралъ въ воланы, и
изволилъ смотрѣть эстампы въ Лафонт е
невныхъ басняхъ.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ посторон-
нихъ обѣдали у насъ Алексѣй Петровичъ
Мельгуновъ и г. Салдернъ. Его Пре-
восходительство Никита Ивановичъ раз-
говаривалъ (съ Алексѣемъ Петровичемъ
Мельгуновымъ) о Камеръ-Коллегіи и о
дѣлахъ камерныхъ, также разсуждалъ
своѣ много у насъ гражданскихъ уста-
новленій взято изъ шведскихъ законовъ;

(что) оныя установленія и въ Швеціи
тогда оставлены были только на время,
послѣ республиканскаго правленія, дабы
не произвестъ во всемъ весьма крутой
перемѣны, а мы къ себѣ ихъ точка въ
точку приняли въ монархическое пра-
вленіе (и еще въ толь обширное), каково
наше и проч. За столомъ сего дня по-
дарилъ Никита Ивановичъ Великому Кня-
зю записную книжку. Какъ поставили
десертъ, и князь Куракинъ нѣсколько
грушъ къ себѣ ваялъ, то сказалъ тутъ
Его Высочество: это онъ севодни въ
комедіи поднесетъ своей любез-
ной, и какъ я съ той же тарелки ваялъ,
то примолвилъ Государь Цесаревичъ: а
онъ это изволилъ поднести своему
брюху.

Послѣ обѣда откланялся Алексѣй Пе-
тровичъ Мельгуновъ: ѣдетъ въ Мос-
кву, для того что онъ тамъ въ сенатскомъ
Департаментѣ сенаторъ и Камеръ-Кол-
легіи президентъ. Его Высочество, по-
пригавши и позабавясь около токарнаго
станка, изволилъ сѣсть учиться. У меня
очень хорошо учился. Траговано у насъ
было о свойствѣ геометрическихъ про-
порцій. По окончанія учения, изволилъ
у меня спросить Его Высочество, такъ-ли
я свою любовную (люблю), какъ онъ
свою любитъ; и какъ я сказалъ, что ко-
нечно не меньше, то Государь Цесаре-
вичъ изволилъ говорить, что наши люб-
ви въ пропорціи геометрической, и изво-
лилъ написать сію пропорцію.

$$P : W = S : A.$$

Часу въ шестомъ изволилъ Его Высочество
пойти въ комедію. Комедія бы-
ла французская „le distrait“; балетъ То-
латовъ съ куклою; маленькая піеса „le
Procureur arbitre“. Ея Величество изъ-
ложи своей увидѣвъ вверху множество
нововыпущенныхъ изъ кадетскаго кор-
пуса офицеровъ, изволила сказать Его
Превосходительству Никитѣ Ивановичу
и графу Захару Григорьевичу, какъ тѣ
изъ нихъ были тронуты и приведены въ
раскаленіе, конхъ было она кадетами вы-
пустить указала, и какъ Ея Величество

тѣмъ къ жалости была подвигнута, и офицерскіе чины дать имъ повѣдѣла. Къ сему изволила сказать Государыня: до тридцати лѣтъ сколько бы чело-вѣкъ ни шалилѣ, все еще исправиться можетъ. Вотъ уже кто за тридцать лѣтъ отъ шалостей не отстанетъ, отъ, такова нечево ожидать исправленія. Возвратясь изъ комедіи, Его Высочество въ записную свою книжку внесъ было нѣчто; однако по совѣту моему тотчасъ изволилъ вымарать. За ужинною разговаривали мы о сегодншней комедіи, что въ ней характеры слишкомъ обезображены. Говорили мы, кто о какихъ зналъ дѣйствіяхъ и исторіяхъ задумчивости. Много и смѣшныхъ было. Разсуждали о притчинахъ оной душевной болѣзни. Первыми полагалъ я великія несчастія и страсть любовную въ высшей ея степенн. Послѣ ужина изволилъ Его Высочество лечь опочивать, было десятого часу три четверти.

14. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ седьмого часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, изволилъ играть въ воланы.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и г. Салдернъ. Разговаривали по большей части о временахъ покойна Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ о нравѣ Мавры Егоровны Шуваловой, и о другихъ тогдашнихъ приближенныхъ женщинахъ. Говорили, что въ то время многіе по любви съ оными женщинами получали себѣ чины и мѣста выгодныя. Рѣчь была о Васильѣ Ивановичѣ Чулковѣ, что онъ во время Государыниной болѣзни, по самую Ея Величества кончину, почти безотлучно при ней былъ, и спалъ въ Ея опочивальнѣ, такъ какъ камердинеръ. Какъ зашелъ разговоръ о Елизаветѣ Ивановнѣ, что тогда всѣ дѣла черезъ нея

Государынѣ подавали, то Строгановъ, по легкомислію своему, сказалъ тутъ: c'étoit le ministre des affaires étrangères dans ce tems-là.

Послѣ обѣда, Его Высочество, позабавясь, сѣлъ за свои ученія. Приѣхали потомъ господа маскарадныя. Сего дня трое ихъ только было съ Его Высочествомъ: графъ Шереметевъ, и двое грузинскихъ царевичей. Прочимъ дѣл того не повѣщено было, что, первое, ихъ гораздо уже поумножилось, а многіа бывають рѣзвости, другое, что въ прошлой маскарадѣ Корсакова смну повѣщено было, и онъ съ Его Высочествомъ былъ, а Его Превосходительство Никита Ивановичъ прежде ничего о томъ не вѣдалъ: отецъ сего Корсакова подъ сльдствіемъ. И такъ, чтобъ одному прискорбности не сдѣлать, то никому кромѣ оныхъ трехъ не повѣщали. Въ семь часовъ пошли мы въ Ея Величеству, потомъ на маскарадъ. Его Высочество очень много танцовать изволилъ: менуэтовъ болѣе двадцати, и въ галлерейхъ и въ мѣщанскихъ залахъ. Особливо Государь Цесаревичъ очень часто танцовать изволилъ со вторымъ членчикомъ вчерашней геометрической пропорціи, разговаривалъ и махалъ весьма всѣмъ примѣтно. Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была, и приступы Его Высочества не отбывала суровостью. Одѣта она была въ платьѣ венеціанскомъ, и многія фрейлины въ ономъ платьѣ сего дня были. Съ маскараду Его Высочество изволилъ уже возвратиться въ началѣ одиннадцатаго часу. Кушалъ за большимъ столомъ, и весьма былъ доволенъ сегодншнимъ вечеромъ. Опочивать легъ въ одиннадцатъ часовъ. Изволилъ со мною поклоняъ послыать къ графу Шереметеву.

15. Его Высочество проснуться изволилъ въ шестомъ часу, встать въ исходѣ седьмого. За чаемъ все изволилъ разговаривать со мною о вчерашнемъ маскарадѣ и о своихъ тамъ приключеніяхъ. Во время одѣванья изволилъ читать нѣ-

которые дни въ семь моемъ журналѣ. Гдѣ пріятныя мѣста ему приходили, тутъ изволилъ припрыгивать и пѣть весело, а гдѣ не по насъ, тутъ мы нахмуривались и пѣли голосомъ заунывнымъ. Со всѣмъ тѣмъ крайне просилъ меня Его Высочество, чтобы продолжать я свои записки, и увѣрялъ меня, что сіе къ несказанному его удовольствію служитъ. Признаюсь, что естли бы я Государя Цесаревича столь сильно не любилъ, то не знаю, могъ ли бы продолжать ихъ такъ непрерывно; не льзя сказать, чтобы онѣ совсѣмъ не требовали нѣкотораго вниманія и не занимали времени. Одѣвшись, сѣлъ Его Высочество за свои ученія. Потомъ въ цинкѣ играть изволилъ.

Обѣдали у насъ изъ постороннихъ г. Салдернъ и Александръ Фёдоровичъ Тамзинъ.

Послѣ обѣда, позабавясь, Его Высочество изволилъ учиться, какъ обыкновенно. У меня учился хорошо. Послѣ ученія, изволилъ твердить Государь Цесаревичъ роль свой *du jeune Attilius*. Вечеру, попрыгавши, сѣлъ кушать. Послѣ ужина, опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

16. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ изволилъ пойтти къ обѣднѣ. Ея Величество также въ церкви быть изволила. Послѣ обѣднѣ, Его Высочество, проводя Государыню - родительницу до внутреннихъ покоевъ, изволилъ возвратиться къ себѣ. Полковникъ Каменской поднесъ Государю Цесаревичу описаніе прусскаго лагеря, имъ сочиненное.

Обѣдали у насъ Григорій Николаевичъ Тепловъ и Каменской. Говорили по большей части о ливорнской экспедиціи фрегата, такожъ и о лагерѣ прусскомъ.

Послѣ обѣда, изволилъ Его Высочество забавляться около токарнаго станка. Вечеру изволилъ ходить на куртажъ, гдѣ и Ея Величество присутствовать из-

волила. Во время куртажу Государь Цесаревичъ разговаривать изволилъ по большей части съ графами Захаромъ Григорьевичемъ и Иваномъ Григорьевичемъ Чернышовыми, съ графомъ Брюсомъ, съ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ и со мною. Обьектъ нашего маханія былъ дежурной и многіе происходили минодернѣ. Возвратясь съ куртажу, говорилъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, что Государыня трагедій не изволилъ жаловать, и чтобы для того Его Высочеству вмѣсто трагическаго ролю выбрать какой нибудь роль изъ комедій. Говорили о роляхъ *petit chevalier* въ комедіи *l'homme à bonnes fortunes*. Не знаю, осуется ли на томъ. Никита Ивановичъ говорилъ, чтобы оную комедію играть на маленькомъ театрѣ у графа Петра Борисовича Шереметева. За ужиною во все время разговаривали мы о комедіяхъ. Его Высочество опочивать легъ въ исходѣ десятаго часу.

17. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ играть въ цинкѣ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ.

Послѣ обѣда, Его Высочество позабавясь, изволилъ учиться. У меня очень хорошо учился. Вечеру изволилъ пойтти въ комедію. (Передъ комедіей Его Высочество, танцую съ танцовщикомъ Гранжѣ, началъ сегодня въ первой разѣ учиться танцовать контрдансы.) Комедія была русская „Jean de France“; балетъ „la coquette punie“ (малая піеса „неудачливое упрямство“). (Большую комедію) Государыня очень изволила хвалить, и говорить, что она развѣ тѣмъ только можетъ не нравиться, кои въ ней себя тронутыми найдутъ; что въ ней все такия правды, кои оспорить не можно; что переводъ весьма вольной и смѣлой, и приведенъ на наши обычаи весьма удачно: перевелъ Иванъ Перфильевичъ

Елагинъ. Особливо Ея Величество чрезвычайно изволила смѣяться, какъ кухарка затянула французскую пѣсню, а французской Иванушка такъ тѣмъ былъ тронуть, что въ слезахъ палъ на колѣни. Въ нашей ложѣ она комедія такой апробаціи не имѣла. Возвратясь къ себѣ, Его Высочество скоро изволилъ сѣсть кушать. Опочивать легъ въ исходѣ десятого часу.

18. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Отучась, изволилъ играть въ цинкъ, и тамъ въ окно маханіе происходило. Комната, гдѣ сія игра (была), стоитъ окошками на дворъ, и противъ самыхъ тѣхъ окошекъ, гдѣ живутъ фрейлины. Оттуда онѣ выглядываютъ, и съ Государемъ Цесаревичемъ перемигиваются, особливо модная наша особа. Вотъ для сей-то притчины Его Высочество и ходитъ играть въ цинкъ.

Въ началѣ втораго часу сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Карлъ Федоровичъ Крузъ. Показывалъ онъ волоски сдѣланной у него на новой фабрикѣ стали, также и ланцеты, изъ той же стали сдѣланные. Потомъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ о Медицинѣ и о разныхъ хирургическихкихъ операціяхъ. Какъ десертъ подали, то Его Высочество изволилъ положить къ себѣ въ карманъ бергамотъ, чтобъ сегодня въ кукольной комедіи отдать его своей любезной.

Послѣ обѣда, позабавясь, изволилъ учиться, какъ обыкновенно. Сегодня пожаловалъ Государь Цесаревичъ, по просьбѣ моей и по дозволенію Его Превосходительства Никиты Ивановича, на погребеніе умершаго капитана-лейтенанта галернаго флоту г. Николаева пятьдесятъ рублей. Послѣ ученія, попрыгивалъ Его Высочество, и почти виѣ себя былъ, что увидить сегодня въ кукольной комедіи свою милую. Какъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ былъ всего

утра у Государыни, то шутя изволила она назвать его: господинъ Enttergeueut кукольной комедіи. Ея Величество въ нашей комедіи быть сегодня не изволила. Въ комедіи Его Высочество предпріятіе свое исполнилъ, и бергамотъ отдалъ. Съ такимъ примѣчаніемъ на любезную свою онъ взглядывалъ, что послѣ миѣ съ подробнѣйшею точностію пересказывать и передѣлывать изволилъ, какъ она говоритъ, какъ улыбается, какъ смотритъ и какія имѣетъ хватки. Изъ комедіи изволилъ Государь Цесаревичъ пройтись къ Ея Величеству. Государыня въ билиардной своей комнатѣ изволила играть въ ломберъ съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ Николаемъ Ивановичемъ Зеновьевымъ. Его Высочество сѣлъ играть въ берланъ. Дежурныя фрейлины были графиня Анна Петровна Шереметева и Анна Родионовна Вейделева. Фрейлины шипяли надъ страстью Великаго Князя къ его возлюбленной. Потомъ Государыня изволила ходить въ свою столовую смотрѣть гладкаго серебрянаго сервизу, которой нимѣ сдѣланъ нарочно для употребленія въ походахъ. Его Высочество тудажъ ходитъ изволилъ. Потомъ Государь Цесаревичъ возвратился къ себѣ, и скоро сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ исходѣ десятого часу.

19. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія изволилъ смотрѣть эстампы Vues de Paris и планы города Парижа. Изволилъ распоряжаться, гдѣ бы кому жить, естлинобъ Парижъ нашъ былъ. Самъ себя полагалъ полковникомъ кирасирскимъ, которой будто съ полкомъ своимъ стоитъ въ Парижѣ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Разговоръ зашелъ объ оспѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, что по городу нимѣ очень многіе лежатъ въ оспѣ, и говорилъ, что жеши на Его Высочествѣ бытъ

ослѣ, тобѣ лучше всего желалъ Его Превосходительство, чтобъ она была мнѣ. Много разговаривали мы объ ослѣ. Разсуждали, откуда она происходитъ, какъ привить ее, какъ она иногда прекраснаго лица безобразить и проч.

Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество около токарнаго станка: укладывалъ инструменты токарныя, такъ что они представляли перилы. Потомъ изволилъ учиться. У меня учился нарочито. Послѣ ученія, смотрѣлъ Его Высочество тѣжъ эстампы, которые сего утра смотрѣть изволилъ. Возлюбленной своей назначивать изволилъ квартиру въ моемъ домѣ, а самому себѣ напротивъ, черезъ улицу: общался всякой день ѣздить въ гости. Сегодня Его Высочество очень былъ наряденъ и разубранъ. Вчера съ кончинѣ Цесаря римскаго трауръ кончился; и такъ Государь Цесаревичъ весь былъ въ золотѣ. Четвертой уже день, какъ приказываетъ себѣ на каждой сторонѣ класть по семи буколъ, а прѣжъ сего обыкновенно только по одной буколѣ или по крайней мѣрѣ по трѣ на сторонѣ бывало; въ большіе иногда праздники по пяти класть приказывалъ, и то почти съ принужденіемъ: *l'amour fait des prodiges*. Чулки раза два или три мнѣ въ день приказываетъ перевязывать, чтобы были глаже. Ходя со мной по комнатѣ, изволилъ сказать Его Высочество: мнѣ вѣжется, что ты мной недоволенъ, что я такъ ражусь. Отвѣтствовалъ я, что нарядовъ не только не отвергаю, но говорю, что молодому человѣку конечно надобно быть хорошо прибрану и опрятну; но что напротивъ того и то я говорю, что въ наряды одни все свое вниманіе устремлять отнюдь не годится, особливо для такого человѣка, которой на семь свѣтѣ живучи, болѣе что нибудь сдѣлать хочетъ, какъ только по верхамъ глядѣть, во всѣ зеркала смотрѣться и только то переговаривать, что говорятъ другіе. Вечеру изволилъ Его Высочество пойтить къ Государынѣ; тамъ былъ концертъ. Ея Величество въ домбергъ играть

изволила съ графини Михайломъ Ларионовичемъ Воронцовымъ и Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ. Его Высочество изволилъ съестъ играть въ берланъ. Играли съ нимъ графиня Праксова Александровна Брюсса, графиня Анна Александровна Чернышова, дежурныя фрейлины Катерина Исаевна Шафирова и Анна Андреевна Ефимовская, оберъ-шенкъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ и камеръ-юнкеръ князь Бѣлосельской. За другими столами такожь въ карты играли тѣ, кои на концертъ приглашены были. Въ девятомъ часу возвратился Его Высочество къ себѣ, и скоро съѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

20. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. Все утро равными аллегоріями проговорилъ со мною о своей любезной, и восхищался, вспоминая о ея прелестяхъ. Какъ сія матерія кончилась, то читалъ я Государю Цесаревичу наизусть послѣднія строфы въ пятой одѣ покойнаго Ломоносова. Очень внимательно изволилъ Его Высочество слушать, и связать мнѣ: ужастъ какъ хорошо! это нашъ Вольтеръ. Потомъ какъ одѣлся, возобновилъ опять прежнюю матерію, и спрашивалъ меня, можно ли ему будетъ на любезной своей жениться? И говорилъ, что онъ чрезвычайно бы радъ былъ, естлибъ это могло сдѣлаться. Отвѣчалъ я Его Высочеству, что до этого еще далеко, и чтобъ онъ тогда меня спросить объ этомъ изволилъ, то я конечно дамъ ему совѣтъ, не льста его прикортамъ, и такъ какъ человѣкъ честной и прямой его другъ. Государь Цесаревичъ, не удовольствуясь симъ, изволилъ говорить мнѣ: тогда такъ я съ тобой посовѣтую; однако те перъ, пожалуй, голубчикъ, скажи мнѣ, что естли бъ въ этомъ могли случиться препятствія, то чтобъ это за такія препятствія были? Представилъ я ему нѣкоторыя, кои бъ могли случиться. Въ одиннадцатомъ часу

сѣлъ Его Высочество учиться. Потому въ цингъ играть изволилъ, и наблюденія дѣлать, смотря изъ оконъ къверху.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ никого у насъ не было. Его Превосходительство Никита Ивановичъ шутилъ надъ Великимъ Княземъ, какъ онъ прежде влюбленъ былъ въ княжну Марью Васильевну Хованскую, что за княземъ Барятинскимъ, а нынѣ и играть комедіи „la fête d'amour“ съ нею не хочетъ. Говорилъ Его Превосходительство, que c'est le dépit amoureux.

Послѣ обѣда позабавясь, Его Высочество сѣлъ учиться. Послѣ ученія графъ Шереметевъ принесъ Государю Цесаревичу шляпу, которую онъ ему доставилъ для маскараду. Танцовали мы всѣ съ Его Высочествомъ контрадвѣс. Пошли потомъ въ комедію. По просьбѣ Великаго Князя дозволилъ Никита Ивановичъ, чтобъ и графъ Шереметевъ шелъ съ нами же въ ложу. Его Высочество во время комедіи съ нимъ только и со мною проговорить изволилъ. Особенно шутили мы, что Великаго Князя любезная очень часто въ лорнетъ на него поглядывала. А мы и безъ лорнету не спускала глазъ туда смотрѣли, такъ что и Ея Величество изъ своей ложи примѣтять то изволила. Какъ пришли въ Ея Величеству въ ложу, то изволила она шутя говорить Великому Князю, что завтра маскараду не будетъ, вѣдая уже видно про наши похождения. Комедія была „le préjugé à la mode“; малая піеса „le souvenir“; балетъ Нейвилевъ. Послѣ комедіи скоро сѣлъ Его Высочество кушать. Послѣ ужина зашелъ у насъ какъ-то нечувствительно разговоръ о Бабкѣ Его Высочества Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, и о ея достоинствахъ, а потомъ и о Государинѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Просилъ меня Государь Цесаревичъ, чтобъ я рассказалъ ему о вступленіи на престолъ Ея Величества (въ чемъ мнѣ нетрудно было Его Высочество) и удовольствоваться, потому что съ бывшими при томъ дѣлѣ очень много говаривалъ, и

обо всѣхъ подробностяхъ вѣдаю. По окончаніи повѣствованія, крайне благодарилъ меня за то Государь Цесаревичъ, и я пожелаю ему спокойную ночь, поѣхалъ домой: былъ десятой часъ въ исходѣ.

21. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи ученія изволилъ смотрѣть эстампы Парижа.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, и Александръ Федоровичъ Талызинъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ по большей части съ Тепловымъ о коммерціи.

Послѣ обѣда Его Высочество сѣлъ учиться. Съѣхались потомъ господа маскарадные. Въ исходѣ седьмого часу пошли мы на маскарадъ съ Его Высочествомъ. Изъ маленькихъ было сегодня пятеро: 1) графъ Шереметевъ; 2) Бибиковъ, 3) Тепловъ, 4) Апраксинъ и 5) кн. Куралкинъ меньшей. Въ маскарадѣ (и въ комнатѣ) отдохновенія, Государь Цесаревичъ (по большей части) разговаривалъ, и рука за руку хватаясь ходилъ съ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ. Танцовалъ Его Высочество много, особливо съ своей любезной, и говорилъ съ нею довольно. Сегодня въ первый разъ Великою Князю танцовать польской въ четыре пары съ шеномъ, и подъ предводительствомъ красотики своей такъ понялъ, что казалось будто бы давно его зналъ. Кромѣ онаго польскаго, изволилъ Его Высочество танцовать еще два обыкновенныхъ польскихъ, и все съ одною парюю, то есть съ дражайшей своей В. Н. Съ начала маскараду пошло было не очень мирно: милая наша маска убѣждала прочь, раг esprit de jalousie; (показалось ей, будто старшая ея сестра Е. Н. въ моду входитъ), и тѣмъ Его Высочество причинила случившія мысли; но напоследокъ возстановилъ ширь, и начался, какъ я выше сказалъ, съ нею танцы и разговоры. Съ маскараду воз-

вратился Его Высочество въ десять часовъ. Ужиналъ за большимъ столомъ. Какъ опочивать легъ, было три четверти одиннадцатаго. По возвращеніи, между прочихъ разговоровъ, изволилъ сказывать Его Высочество мнѣ одному за повѣренность, что какъ въ польскомъ, танцующая шень, подавалъ онъ руку своей любезной, то сказалъ ей: теперь, естьлибъ пристойно было, то я поцѣловалъ бы вашу руку. Она потупя глаза, отвѣтствовала: „что это было бы уже слишкомъ“. Потомъ сказала она Государю Цесаревичу: „посмотрите, какъ на васъ пристально Бомонтша смотритъ“, (первая актриса на здѣшнемъ французскомъ театрѣ, которая также была въ маскарадѣ). Его Высочество съ страстнымъ движеніемъ отвѣчалъ ей только: а я на васъ смотрю. Вотъ какова натура! Кажется ни кто не училъ этому. Какъ Государь Цесаревичъ сталъ опочивать ложиться, и я пошелъ въ маскарадъ, то просилъ меня, чтобы я поклонился отъ него графу Шереметеву и любезной В-шнѣ, и сказалъ бы ей, чтобы она не подумала, что онъ руки у нея сегодня не поцѣловалъ изъ гордости, а для того только, чтобы не нарушить благопристойности.

22. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія вспоминалъ съ восхищеніемъ о вчерашнемъ маскарадѣ, и въ желтой комнатѣ попрыгивалъ.

Сѣли мы потомъ за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у графа Михаила Ларионовича Воронцова. У насъ изъ постороныхъ никого не было. Обѣдалъ только Карлъ Фёдоровичъ Круазъ, съ которымъ я разговаривалъ о стали и о дѣланіи изъ нея разныхъ инструментовъ. Какъ десертъ уже поставили, то пришелъ съ той половины Его Сіятельство графъ Захаръ Григорьевичъ. Онъ разными шутками напоминалъ Государю Цесаревичу о вчерашнихъ его маскарадныхъ проис-

шествіяхъ. При томъ сказалъ графъ Захаръ Григорьевичъ, что онъ сегодня, обѣдая у Государыни, доносилъ Ея Величеству о сдѣланныхъ имъ на маскарадахъ примѣчаніяхъ, въ которыхъ мѣстахъ происходить *les petites aventures*: гдѣ сидятъ *les bienheureux*, гдѣ разныя карриатуры и подгѣ нихъ дремлющія ихъ жены; гдѣ критики и проч.

Послѣ обѣда, Его Высочество, позабавясь, сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился, и у госп. Эпинуса такожь. Послѣ ученія, разговаривая съ г. Эпинусомъ о Государѣ Великомъ Князѣ, говорили мы, что онъ имѣетъ такъ называемый *esprit géométrique* и *justesse d'esprit*. И подлинно, когда Его Высочество не зашѣтнися, то провождаемія съ нимъ въ ученіи часы неописанное приносятъ услажденіе: съ такою остротою и основательностію вникать изволилъ. Вечеру забавлялся Государь Цесаревичъ бѣгал по своимъ комнатамъ, и въ покои Никиты Ивановича бѣгать изволилъ. Его Превосходительство у себя не былъ: ужиналъ сегодня у гр. Петра Борисовича Шереметева. Его Высочество вечеру покушавши, опочивать легъ, былъ десятой часъ въ половинѣ.

23. Воскресенье. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ о. Платономъ Священное Писаніе. Потомъ изволилъ пойти въ церковь, гдѣ и Ея Величество обѣдно слушать изволила. Оттуда Его Высочество, проведя Государыню-родительницу во внутренніе покои, изволилъ возвратиться къ себѣ. Попрыгавши, изволилъ сѣсть кушать.

Изъ постороныхъ никто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Никиты Ивановичъ кушалъ сегодня у англискаго министра г. Макартни. Послѣ обѣда, смотрѣли мы эстампы: изображенія разныхъ публичныхъ зданій города Лондона. Приходили съ той половины камеръ-геръ графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ и камеръ-юнкеръ Але-

Александръ Федоровичъ Талызинъ. Съ нимъ Его Высочество изволилъ шутить. Между прочимъ сказалъ Государь Цесаревичъ про собачку свою Филидора, что она похожа на французскаго короля Людвига XIV, какъ онъ обыкновенно на портретахъ представляется. Ввечеру изволилъ Его Высочество ходить на куртагъ, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. На куртагѣ изволилъ Государь Цесаревичъ разговаривать по большой части съ Его Сіятельствомъ вице-канцлеромъ, съ графомъ Петромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, съ тайнымъ совѣтникомъ гр. Минихомъ и съ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ. Послѣ куртагу читали мы Раскинову „Федру“. Потомъ сѣлъ Его Высочество кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

24. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ половинѣ седьмаго часу. Одѣвшись, попрѣгалъ по комнатамъ, и потомъ сѣлъ учиться. У меня учился очень хорошо. Затѣмъ сегодня по утру у меня учился, что г. Остервальдъ былъ боленъ. Часовъ въ двѣнадцать вдругъ Его Высочеству стало тошно: вырвало его. Говорилъ я, чтобы изволилъ лечь въ постелю; однако не соглашался по той причинѣ, что крайне захотѣлось итти въ сего вечера въ комедію. Со всѣмъ тѣмъ болѣзнь перевозмогла, и вырвало въ другой разъ Великаго Князя. Раздѣлся онъ, и изволилъ лечь въ постелю: принужденъ былъ колпакомъ изнять свои прекрасныя булки. Заснулъ Его Высочество, и опочивалъ до трехъ часовъ. Какъ проснулся, то гораздо стало легче. Лейбъ-медикъ и лекарства не давалъ никакого. Я уже прежде упоминалъ, что Его Высочество подверженъ иногда бываетъ такимъ крутымъ припадкамъ, когда что нибудь лишнее скушаетъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у вице-канцлера. Не хотѣлъ было туда и

ѣхать, но побѣжалъ затѣмъ, чтобы болѣзнь Его Высочества не дѣлать шуму, и не почли бы ее больше, нежели какова она въ самомъ дѣлѣ. Проснувшись, Государь Цесаревичъ покушалъ нѣсколько супу; потомъ просилъ меня, чтобы я подлѣ постели его велѣлъ поставить столъ, и писалъ ново-располагаемое его учрежденіе, что я и сдѣлалъ. Оное учрежденіе въ воображеніи Его Высочества только пребывающее, прилагаю здѣсь въ оригиналѣ: двѣ копіи съ него изволилъ взять къ себѣ Государь Цесаревичъ. Въ ономъ упражненіи нашелъ насъ и Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Съ постели всталъ Его Высочество въ седьмомъ часу, и изволилъ въ шафрокѣ ходить со мною по опочивальнѣ, и разговаривать, а потомъ чертить упоминаемымъ въ учрежденіи комнатамъ планы (шуточной рецензій также сегодня я писалъ для увеселенія Его Высочества). Часу въ девятомъ изволилъ Его Высочество слегка покушать. Въ исходѣ десятаго часу легъ опочивать. Сегодня на придворномъ театрѣ была комедія французская „la fausse Agnès“; балетъ Гранжеевъ „le Faune jaloux“; маленькая пѣса „l'été de coquette“.

25. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ седьмаго часу. Ночь опочивалъ изрядно, и вставши никакой болѣзни не чувствовалъ послѣ вчерашняго шквала. За чаемъ изволилъ разговаривать со мною о вчерашнемъ учрежденіи, и восхищался, какъ бы онъ жить тамъ сталъ. Представлялося все оное ему такъ живо, какъ бы уже онъ въ самой вещи тамъ находился. Во время убранья волосовъ, читалъ я Государю Цесаревичу комедію „Зененду“, которую положено играть на театрѣ у графа Петра Борисовича Шереметева. Его Высочества роль Олинде. Твердитъ онъ однакожъ еще не начиналъ. Одѣвшись, учился Государь Великой Князь, какъ обыкновенно. Потомъ изволилъ смотрѣть эстампъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ сегодня Александръ Ивановичъ Глѣбовъ.

Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Талмзинъ. Во все почти время стола Его Превосходительство Никита Ивановичъ пропихивалъ надъ ипохондрию Александра Ивановича Глѣбова, сказывалъ ему похождения о разныхъ ипохондрикахъ.

Послѣ обѣда, его Высочество, попрыгавши, изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ смотрѣть эстампы. Потомъ ходилъ къ Государынѣ. Ея Величество изволила играть въ ломберъ съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голлицынымъ. Его Высочество изволилъ сѣсть играть въ берланъ. Играли съ нимъ только двѣ дежурныя фрейлины графиня Наталья Кирилловна Разумовская и княжна Катерина Александровна Меньшикова, камергеръ графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ и камеръ-юнкеръ Сергій Александровичъ Бредихинъ. Отъ ея Величества возвратился Государь Цесаревичъ къ себѣ въ девятomъ часу. Скоро сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

26. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Изволилъ принимать слабительное. Одѣлся однакожь къ обѣду, какъ обыкновенно, и кушалъ за большимъ столомъ. Обѣдали у насъ сегодня изъ постороннихъ графъ Захаръ Григорьевичъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ и полковникъ Кашкинъ. Его Высочество весь день не учился; прыгалъ и смотрѣть изволилъ разные эстампы. Вечеру ходилъ къ Государынѣ; тамъ былъ концертъ. Ея Величество въ ломберъ изволила играть съ графомъ Михайломъ Ларионовичемъ Воронцовымъ и съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ. Государь Цесаревичъ изволилъ играть въ берланъ. Играли съ нимъ (графиня Прасковья Александровна Брюсса, двѣ дежурныя фрейлины), графиня Анна Петровна Шереметева и Анна Родионовна Вейделева; также

Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Талмзинъ и кн. Барятинской. Отъ Государыни возвратился Его Высочество въ половинѣ девятаго часу. Изволилъ сѣсть кушать за большой же столъ. Опочивать легъ въ исходѣ десятаго часу.

27. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ писать самъ, сколько бы онъ приказалъ отобрать для себя какого бѣлья, есть-либъ пришло ему жить въ вышепомянутомъ училищѣ, подъ моею ирекціею. Оному училищу полагалъ Государь Цесаревичъ бить въ Москвѣ, близъ Андроньева монастыря, только, чтобъ всѣ уборны изъ здѣшняго двора туда перевезены были. Потомъ сѣлъ Его Высочество учиться. (Послѣ ученія), изволилъ смотрѣть эстампы, и хода по желтой комнатѣ съ мною объ ономъ установлении разговаривать.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, что о сенатскомъ эзекуторѣ Татищевѣ вчерась уже совершенно открылось, что объявленной имъ на Володимирова въ пятидесяти тысячахъ вексель подложной, и что оной Татищевъ арестованъ. Рассказалъ я тутъ о дѣлѣ Недликова, которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ промышлялъ тѣмъ же, и ужасныя путешествія дѣлалъ. Потомъ изволилъ Его Превосходительство разговаривать со мною объ Астрахани, и о мѣстахъ около рѣки Терки лежащихъ, сколь они изобильны; также о тамошнихъ птицахъ, называемыхъ „хохотуны“.

Послѣ стола изволилъ Его Высочество смотрѣть эстампы турецкимъ одѣваніямъ, и потомъ сѣлъ учиться. У меня хорошо учился. Вечеру изволилъ ходить въ театръ. Комедія была французская „l'enfant prodigue“, балетъ Толатовъ; малая пѣса „l'amant auteur et valet“. Ея Величество тамъ же изволила присутствовать. Какъ пошли мы изъ комедіи, и схо-

длин съ маленькой глѣстницы, то Его Превосходительство Никита Ивановичъ спросилъ у камеръ-юнгфермы Ея Величества Настасьи Ивановны Соколовой: *eh bien, mademoiselle, comment avez-vous trouvé le spectacle d'aujourd'hui?* Отвѣчала она Его Превосходительству: *il était charmant, monsieur, j'ai pleuré dans la grande pièce.* Его Высочество, идучи наперед и услышавъ сіе, изволилъ ей сказать: *cela vous arrive fort rarement, mademoiselle.* (Надобно знать, что Настасья Ивановна праву очень веселаго). Послѣ комедіи, Его Высочество, попрыгавши, сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

28. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ твердить свой роль изъ „Зененды“. Потомъ сѣлъ за свои ученія. По окончаніи, изволилъ смотрѣть эстампы.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Во все время проговорили про комнатныхъ Его Высочества служителей, про камердинеровъ, официантовъ и лакеевъ, кто каковъ, и какъ съ ними поступать надобно. Государь Цесаревичъ рассказывалъ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу, какіе ему иногда отъ его домашнихъ досады бываютъ, и какъ кто ведетъ себя. Его Превосходительство очень забавлялся тѣмъ, что Его Высочество въ домашнія дѣла свои входитъ, какъ бы прямой хозяинъ, и говорилъ ему шута: *vous avez donc, Monseigneur, aussi vos chagrins domestiques?* А при томъ говорилъ Никита Ивановичъ и серьезно Государю Цесаревичу, какимъ образомъ надобно обходиться съ своими служителями.

Послѣ обѣда Его Высочество очень былъ веселъ, и пѣлъ при Никитѣ Ивановичѣ ариі изъ комическихъ оперъ „Annette et Lubin“ и „le Maréchal“. Потомъ попрыгавши, изволилъ сѣсть учитьса. Часу въ шестомъ пріѣхали маскарадныя товарищи. Ихъ сегодня было четверо: 1) гр.

Шереметевъ, 2) Неплюевъ, 3) князь Вѣлосельской и 4) графъ Скавронской. Забавлялся съ ними Его Высочество, а особливо съ графомъ Шереметевымъ: пожаловалъ ему и копию съ новаго нашего учрежденія съ такимъ приказомъ, чтобъ списывать того отнюдь никому не давалъ, и чтобъ она тайна изъ дому ихъ нигуды не выходила. Пошли потомъ къ Ея Величеству. Его Высочество одинъ туда съ Никитою Ивановичемъ входитъ изволилъ, потому что Государыня изволила еще быть въ своей опочивальнѣ. Скоро изволилъ оттуда выйти, и пошли мы въ маскарадъ. Его Высочество очень много танцовать изволилъ, особливо со своей любезною. Кромѣ менуэтовъ, изволилъ танцовать три польскихъ и контрдансъ, которой мы на тѣхъ дняхъ выучили. Контрдансъ и всѣ польскіе изволилъ танцовать съ нею, также и разговаривалъ много. Я почти никогда не танцую. Сегодня, по желанію Его Высочества, танцовалъ съ нимъ контрдансъ и всѣ польскіе. Съ начала маскараду Государь Цесаревичъ на любезную свою очень холодно поглядывалъ, и разговаривать изволилъ съ другими; но потомъ, какъ я ему шута сказалъ, что постоянство въ числѣ добродѣтелей, а непостоянство порокъ, то сцена пережѣнилась. Съ маскараду воротились мы уже въ десять часовъ. Его Высочество очень усталъ, однакожъ изволилъ говорить, что естлибъ дозволили, то бы онъ еще туда пошелъ. Откушавши за большимъ столомъ, изволилъ лечь опочивать, было одиннадцать часовъ.

29. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. За чаемъ изволилъ разговаривать со мною о вчерашнемъ маскарадѣ и сказывалъ мнѣ, между прочимъ, какіе у него были разговоры съ В. Н. Онъ называлъ ее вчерась червонной десяткой, подавая тѣмъ знать, что она многимъ отдаетъ свое сердце. Она говорила, что одно только имѣетъ, и сдѣловательно дать его не можетъ болѣе, какъ

одному. Государь Цесаревичъ спраши валь у нея: отдано-ли жъ сіе сердце кому или нѣтъ? И какъ она сказала, что отдано, то еще изволилъ спрашивать: далеко-ли оно теперь? Она сказала, что не далеко. Его Высочество изволилъ спрашивать, что естли бы онъ ее кругомъ обошелъ, то нашелъ ли бы ея сердце? Говорила она, что оно такъ къ нему близко, что и обойти нельзя и проч. Такъ то знай нашихъ: въ какія мы вошли нѣжныя аллегоріи! Между тѣмъ Его Высочество изволилъ мнѣ признаваться, что естли бы вчерашняго напоминанія ему отъ меня не было, тобъ можетъ быть вчорась между любезною разрывъ послѣдовалъ, такъ какъ прошлаго году, 30-го Августа, будучи крайне влюбленъ въ Анну Родіоновну, вдругъ почувствовалъ къ ней холодность. Помладуша (красавица) наша не очень хорошо вчорась была одѣта. Во время уборанья волосовъ, изволилъ Его Высочество твердить отвѣтныя рѣчи дадкимъ министрамъ Остену и Ассбургу. Одѣвшись, изволилъ сѣсть за свои ученія. Потомъ смотрѣлъ эстампы.

Обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ только Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

Послѣ обѣда, позабавясь, учился Государь Цесаревичъ какъ обменовенно. Часу въ шестомъ принесъ Иванъ Ивановичъ Бецкой статуу въ бюстъ Настасьи (въ рукоп.: Натальи) Ивановны и бареліеву ея же. Съ полчаса времени или болѣе былъ онъ у Государя Великаго Князя, и разговаривалъ о разныхъ французскихъ художествахъ. У Государяни сего вечера Его Высочество бытъ не изволилъ. Ея Величество вечернее кушанье изволила кушать у обермаршала графа Сиверса. Государь Цесаревичъ, по окончаніи учений, изволилъ смотрѣть эстампы. Сѣли потомъ ужинать. Послѣ ужины, сѣвши за столъ въ желтой комнатѣ, изволилъ Его Высочество вслушиваться, какъ дуетъ вѣтеръ; а на дворѣ сегодня очень было вѣтренно. Опочивать легъ Государь Цесаревичъ въ половинѣ десятаго часу.

30. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ изволилъ пойтить въ церковь, гдѣ и Ея Величество литургію слушать изволила. Послѣ обѣдни, проводя Государыню-родительницу во внутренніе покои, возвратился Государь Цесаревичъ къ себѣ: аудіенція была отпускная барону Остену и пріемная г. Ассбургу. Его Высочество, какъ обменовенно, изволилъ отвѣтствовать самъ на французскомъ языкѣ. Послѣ аудіенціи рѣзвился Его Высочество много съ Его Сіятельствомъ гр. Захаромъ Григорьевичемъ.

Сѣли мы потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, гр Иванъ Григорьевичъ Черышовъ, г. Салдернъ и гр. Строгановъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ рассказывалъ, между прочимъ, о вчерашнемъ Сиверсовомъ пирѣ; онъ тамъ же бытъ изволилъ. Были тамъ танцы и разныя игры и увеселенія. Какъ Никита Ивановичъ сказалъ, что и онъ тамъ пригалъ и рѣзвился, то Его Высочество изволилъ на то молвить: поэтому вы отпраждали вчорась мою должность, а я вашу; вы ввечеру очень веселы были, а я напротивъ того, у себя сидя, очень былъ серьезенъ, противъ моего обменовенія. Сѣлся тому Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и сказалъ: „сегодня мы уже опять вступимъ всякой въ свою должность“. Посемъ рассказывалъ Его Сіятельство гр. Иванъ Григорьевичъ о неустрашимыхъ поступкахъ морскаго офицера Ярыгина на Ледовитомъ морѣ, также и о другомъ офицерѣ, отъ коего во всей формѣ полученъ репортъ на сей недѣлѣ въ Адмиралтейскую Коллегію, а какъ репортъ посланъ, то у него на пинкѣ и мачты были обломаны и паруси перерваны: носило вѣтрами противъ береговъ Норвежскихъ. Его Превосходительство Петръ Ивановичъ разсуждалъ

о заводахъ и о литѣхъ (литѣхъ) пушекъ. Какъ Петръ Ивановичъ между прочимъ говорилъ, что во флотъ надобно артиллерійскихъ орудій тысячи до полуторы, а льютъ ихъ каждой годъ только по триста, и изъ тѣхъ трехъ сотъ слишкомъ по двѣсти разрываетъ, то Его Высочество изволилъ на то сказать: не скоро жъ поэтому выльютъ. Мнѣ кажется, это дѣло такъ производится, какъ бы кто по шагу только подвигался впередъ, а по три бы отступалъ назадъ.

Послѣ стола, читали мы стихи гр. Андрея Петровича Шувалова (онъ нынѣ въ Женевѣ), къ Вольтеру, и отвѣтъ къ нему. Оные стихи приложилъ я здѣсь.

Epître de m-r le comte de Schouwalow à m-r de Voltaire.

Dans cet asile où la philosophie
Retient vos pas et fixe votre coeur,
Où l'amitié, par vos chants embellie,
Loin des grandeurs du monde de l'envie,
Vient sur vos jours repandre le bonheur,
Exempt de soins, de contrainte, de gêne,
De la raison vous adoptés les loix,
Et méprisant la cabale et la haine,
L'éclat des Cours, les caprices des Rois,
Content, tranquille, à l'ombre de vos
bois,

Vous encensés Minerve et Melpomène!
Que ce spectacle enchante mes regards!
Que j'aime à voir un véritable sage
Briser les fers d'un indigne esclavage,
Fuir de Paris les superbes ramparts;
Les lieux trompeurs où se forme l'orage,
Et cultiver dans le fond d'un village
Les dons du ciel, la raison et les arts.
Le calme heureux, la liberté suprême
Sont vos trésors. Tous vos jours sont
sereins;

Les noirs soucis couvrent le diadème;
Mais le bonheur, adoré des humains.
Est au mortel qui vit avec lui même.

Dans ce Tibur, dans ce séjour heureux,
Où les beaux arts vous entourent sans
cesse.

Où la raison, soutien de la vieillesse,
Vous ceint toujours de l'écharpe des jeux:
Chantre divin! ma muse vous admire.
Elle vous voit dans une douce paix
Tirer encore des sons de votre lyre,
De la vertu nous peindre les attraits,
Des passions nous crayoner l'empire,
Et couronné de lauriers toujours verda,
Par vos accens enchanter l'univers.
Tantôt plus grave, Ecrivain respectable,
Vous détruisés de pieuses erreurs,
Vous déchirés le voile méprisable
Dont s'enveloppe un ramas d'imposteurs;
De Julien vous défendés la cendre,
Et votre voix qu'on s'empresse d'entendre,
Sur son tombeau fait verser quelques
pleurs.

Mais peu content de ce double avantage,

D'être à la fois et Virgile et Platon,
Peu satisfait d'enchaîner notre hommage,
Vous unissés l'exemple à la leçon;
Vous pratiqué cette vertu sublime
Dont les mortels méconnaissent le prix;
L'humanité que votre touche anime,
Respire en vous comme dans vos écrits;
La calomnie est forcée à se taire.
Quand l'univers répète vos bienfaits,
Quand vous servés sans espoir de salaire,
Et nous montrés sans faste et sans apprêts,
Ce que vingt Rois peut-être auroient
dû faire.

J'entends le cri des coeurs reconnais-
sants

Vous célébrer comme un Dieu tutélaire,
Je vois fumer leur légitime encens:
Et si Zoile armé de l'imposture,
Vouloit ternir vos bienfaits renaissans,
Le monde entier dans sa volupté pure,
Attesteroit à la race future,
Que vos vertus égalent vos talens.

Réponse de M-r de Voltaire à
M-r le C-te de Schouwalow.

Puisqu'il faut croire à quelque chose,
J'avouerai qu'en lisant vos séduisants
écrits,

Je crois à la métémpsicose;
 Orphée au bord du Tanais
 Expira dans votre pays.
 Près du lac de Genève il vient se faire
 entendre;
 En vous il renait aujourd'hui;
 Et vous ne devés pas attendre
 Que les femmes jamais vous battent
 comme lui.

Réponse de M-r le comte de Schouwalow.

Dieu du Permesse
 Vos vers charmans
 Ont dans mes sens
 Porté l'ivresse;
 Mais les talens,
 C'est autre chose.
 Métémpsicose
 N'est plus du tems.
 Si d'Euridice
 L'aimable époux
 Touché par vous
 M'était propice,
 Si de ce bord
 Ou de la mort
 S'étend l'empire,
 A tous mes jeux
 Ce chantre heureux
 Daignoit sourire,
 De mes pipeaux
 Avec adresse
 Par ses travaux
 Feroit sans cesse
 Sortir des sons,
 Charmans et doux
 Quand mes chansons
 Seroient pour vous.

Envoi de M-r le c-te de Schouwalow à M-elle Wesselowsky à la campagne.

Voilà les vers, qu'au Dieu de l'Heliron
 J'ai présenté comme un hommage.
 S'ils plaisent dans votre carton,
 C'en est fait, j'aurai le suffrage
 Et des Graces et d'Apollon.

Потомъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ, какъ въ чужихъ краяхъ камеръ-юнкеровъ и камергеровъ опредѣляютъ вмѣсто секретарей къ министрамъ, для привычки къ дѣламъ, и какъ бы здѣсь то ввести надобно (и проч.). Его Высочество изволилъ попрыгивать. Вечеру изволилъ пойтить на куртажъ. Ея Величество изволила тутъ присутствовать и играть въ пикетъ, а между пикетомъ, ко многимъ подхода, разговаривать, какъ обыкновенно. Государь Цесаревичъ, въ кругу столъ, изволилъ по большей части разговаривать съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, съ вице-канцлеромъ, съ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Минихомъ, и еще съ чужестранными Остенюмъ и съ Герейриа. Послѣ куртажу очень изволилъ скучать Его Высочество и хлопотать, что къ Локателлю въ вольной маскарадъ его не воятъ; а сегодня тамъ маскарадъ. Жилище свое называлъ Государь Цесаревичъ въ горести монастыремъ Павловскимъ; Никиту Ивановича настоятелемъ, а себя вѣчно-дежурнымъ монахомъ. Послѣ ужина, изволилъ просить меня, что ежели я въ маскарадъ увижу его Вату, (с'est elle aussi, qui est le grand mobile, pour aller à la mascarade), тобъ поклонился ей. Опочивать легъ Его Высочество въ исходѣ десятаго часу.

31. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ исходѣ седьмага часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія, попрыгавши по желтой комнатѣ, изволилъ състь кушать.

Обѣдали у насъ г. Салдернъ и полковникъ Каменской.

Послѣ обѣда, Каменской отменялся: отъѣзжалъ въ полку своему въ Выборгъ. Его Высочество, позабавясь, изволилъ състь за свои ученія. У меня учился хорошо. Пошли потомъ въ комедію. Комедія была французская „la gouvernante“; балетъ Парадисовъ съ волынкою; малая пиеса „le Babillard“. По окончаніи боль-

шой піэсмы изволилъ Его Высочество прійти, какъ то и всегда бываетъ, изъ своей ложи въ ложу къ Ея Величеству. Государыня увѣдомлена была о вчерашнемъ Его Высочества сравненіи жизни своей съ жизнью монастырскою, и изволила тѣмъ шутить надъ Великимъ Княземъ. Мнѣ кажется, я нигдѣ не упоминалъ еще, что когда Государыня съ Великимъ Княземъ по-французски говорить изволилъ, то называетъ его *M^r le Grand Duc, vous...* а говоря по-русски изволилъ ему говорить ты, тебѣ, батюшка: о семъ да будетъ сказано мимоходомъ. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Государь Цесаревичъ до ужина и послѣ онаго писать самъ отъ себя по-французски шуточную трагедію, въ которой между прочими дѣйствующими лицами были и собаки его Султанъ и Филидоръ ¹⁾.

Откупавши, опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

¹⁾ [Буквально]. Je me meurs.

Pierre.

Cet ton basané (?).

Paul.

Brave et vieux général
du plat pays console moi,
dans ma tristesse revele un
secret que mon coeur ne peut
plus ranfermer, et si tu le
revèle a quelqu'un je te
puni.

Scène 1-re

Paul cher et vaillant
tu sait que ma
tristesse est une des plus
grandes dans le plat pays
par les vents de

Filodor.

Fort bien.

Paul.

Brillant, Sultan par des
vents éclatans fait bruit par
tout le plats pays.

Н О Я Б Р Ъ .

1. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись сѣлъ за свои ученія. По окончаніи ученія, въ превеликихъ суетахъ былъ, распорядя гдѣ какія статуи ставить, а статуи скончались не мало; вчерась еще множество принесли изъ Академіи Художествъ.

Обѣдали у насъ сегодня изъ постороннихъ только г. Салдериъ и Александръ Петровичъ Сумароковъ. Я обѣдалъ у графовъ Захарія и Ивана Григорьевичей Чернышовыхъ, а у Его Высочества всѣхъ подробностей объ оной бесѣдѣ точно спросить не случилось.

Послѣ обѣда, Государь Цесаревичъ, позабавясь, учился какъ обыкновенно. Ввечеру изволилъ ходить на половинну къ Государынѣ. Ея Величество изволила играть въ ломберъ съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ и съ Николаемъ Ивановичемъ Зеновьевымъ. Его Высочество изволилъ сѣсть играть въ берлавъ. Играли съ нимъ дежурныя фрейлины Вѣра Николаевна Чоглокова и Елисавета Ивановна Штакельбергша, гофмаршалъ (князь) Николай Михайловичъ Голицынъ и камеръ-юнкеры Библиковъ и Вредихинъ. Съ Вѣрой Николаевной порѣзвиваться изволилъ Государь Цесаревичъ; цѣлую десятку червонную они въ ключи изорвали. Возвратясь отъ Государыни къ себѣ, скоро изволилъ Его Высочество сѣсть кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

2. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Жаловался, что голова болить. Послали за Эскулапіями. Лѣкарства они не давали; присовѣтовали только сей день покоиться. И такъ Его Высочество изволилъ одѣться въ фракъ, и былъ весь день въ опочивальнѣ, и вологовъ не убиралъ: въ колпакѣ ходить изволилъ. Кушалъ слегка въ опочивальнѣ-жъ.

Послѣ обѣда, изволилъ читать со мной реляціи и смотрѣть планы о походахъ

французскаго короля Людвига XV „Сам-раignes de Louis XV“. Потомъ приказалъ подать атласъ, и разбиралъ карты французскія; нѣмъ провинціи себѣ изволилъ назначивать, нѣмъ намъ и другимъ своимъ знакомымъ; называлъ себя Duc de St. Cloud, и распредѣлялъ, какое бы у него войско было, въ какомъ числѣ, и какъ одѣто. Ужиналъ Государь Цесаревичъ въ опочивальнѣ же, въ половинѣ девятаго часу. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго. Въ комнатахъ у Ея Величества сегодня былъ концертъ

3. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія, изволилъ забавляться около товарнаго станка. Потомъ изволилъ при Никитѣ Ивановичѣ выбирать бархаты себѣ на кафтаны; также разбиралъ въ опочивальнѣ пошешенное свое платье и раздавалъ карликамъ, Рубина дѣтамъ (и проч.).

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ, былъ только Карлъ Федоровичъ Круузъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у цесарскаго министра князя Лобковича. Мы за столомъ разговаривали по большей части о женитбѣ, о женихахъ и невѣстахъ. Его Высочество изволилъ просить меня, чтобы я поскорѣ женился. Я смѣючись отвѣтствовалъ, что за мною дѣло не станетъ, лишь бы была невѣста. Послѣ кушанья, Государь Цесаревичъ, попрыгавши по желтой комнатѣ, изволилъ сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Ввечеру пріѣхалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли мы въ комедию. Комедія была русская: „Бранчивой“; балетъ Гранжеевъ „le Faune jaloux“; малая пѣса „Лѣваръ по неволѣ“. Комедія дурна была, но для меня была она дутче всѣхъ прочихъ. Послѣ комедіи, пошелъ я въ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу съ своими дѣлами, и былъ тамъ болѣе получаса. Возвратясь, сѣлъ съ Его Высочествомъ

ужинать. Послѣ ужина, трудился Государь Цесаревичъ около каминна. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

4. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. За чаемъ разговаривали мы о заведеніи нашемъ мужескаго и женскаго училища, (которое намъ сдѣлалъ), и рассуждали какія бы еще можно прибавить туда установленія. Во время одѣванья изволилъ Его Высочество твердить роль свою изъ „Зевенды“. Одѣвшись, попрыгалъ кругомъ въ желтой комнатѣ съ своими увеселительными воображеніями, и сѣлъ учиться. Послѣ ученія, позабавясь, сѣлъ кушать.

Изъ постороннихъ никто у насъ сегодня не обѣдалъ. Послѣ обѣда, изволилъ Государь Цесаревичъ смотрѣть эстампы. Потомъ сѣлъ за свои ученія. Часу въ шестомъ стали сѣзжаться маскарадные его товарищи. Ихъ сегодня шестеро было: 1) графъ Шереметевъ, 2) Вадковскій, 3) другой Вадковскій, 4) графъ Матюшкинъ, 5) Нарышкинъ (Льва Александровича сынъ) и 6) графъ Головинъ. Въ седьмомъ часу пошли мы на маскарадъ. Танцовать изволилъ Его Высочество много, сперва въ галлерей, потомъ и въ мѣщанскомъ маскарадѣ. Помутилось только наше веселіе однимъ печальнымъ приключеніемъ: Государь Цесаревичъ, танцую въ мѣщанскомъ загѣ съ своей возлюбленной, сказалъ ей, чтобы она шла въ галлерей; что оны тотчасъ туда изволятъ самъ быть, и танцовать съ нею польскою. Но вмѣсто того, какъ она ушла, то заиграли въ мѣщанскомъ маскарадѣ польскою, и Его Высочество противъ воли своей принужденъ былъ пойтить танцовать съ большою дочерью Григорья Николаевича Теллова, отъ чего и время нѣсколько продлилось, прежде нежели оны въ галлерей могъ возвратиться. О семъ великомъ негодованіи было, и пришедъ въ галлерей Его Высочество крайне былъ невеселъ, такъ что и конгрдансъ, которой

изволилъ танцовать тутъ съ Внѣд, совершенно неудовольствія его не могъ успокоить. Съ маскараду возвратился Его Высочество въ десять часовъ. Примѣтилъ безпокойство его и Никита Ивановичъ, и Государь Цесаревичъ принужденъ былъ ему открыться, какаѣ тому причина. Смѣялся тому Его Превосходительство, и говорилъ, чтобы онъ успокоился, большой опасности въ дѣлѣ еще нѣтъ. Не все однакожь сказалъ Его Высочество Никитѣ Ивановичу. Оному безпокойству не только вышелепомянутая чувствительность была причиною, но еще и ревность. Послѣ я отъ Государя Цесаревича свѣдалъ, что ему показалось, будто любезная его къ нему холодна, и любить камеръ-нака гр. Дивіера, съ коимъ она на маскарадѣ ласково разговаривала. Во время ужина продолжалось еще Его Высочества смущеніе, въ которомъ онъ и опочивать легъ; было одиннадцать часовъ.

5. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись очень просто, изволилъ сѣсть за свои ученія. Потомъ разговаривали о вчерашнемъ маскарадѣ, и Его Превосходительство Никита Ивановичъ, вспомнивши о безпокойствѣ Великаго Князя, шпынялъ надъ Его Высочествомъ. Между тѣмъ сказывалъ Его Превосходительство въ разговорахъ, что онъ, въ бытность свою въ Швеціи мннстромъ, получалъ жалованья только по 6000 рублей, а нынѣшній мннстръ получаетъ противъ того вдвое; также, что Его Превосходительство такую имѣлъ участь, что во всѣхъ почти чинахъ своихъ другими былъ обойденъ, и что теперь изъ генераловъ-аншефовъ, кои его старѣе, нѣтъ ни одного, которой бы службою не былъ гораздо моложе, нежели Его Превосходительство.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ ни кто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у цесарскаго мннстра князя Лобковича.

Его Высочество послѣ кушанья изволилъ въ желтой комнатѣ, сидя на

канапѣ, подремывать, чего прежде никогда съ нимъ не случалось, а оной дремотѣ знать маскарадъ былъ причиною. Подремавши, изволилъ сѣсть учиться. У меня учился не охотно. Ввечеру изволилъ смотрѣть эстампы о завоеваніяхъ французскаго короля Людвига XV. Въ девятомъ часу сѣлъ кушать. Какъ опочивать легъ, десятому часу была четверть. Его Превосходительство (Никита Ивановичъ) ѣздилъ сего вечера въ воспитательное училище при Академіи Художествъ; тамъ былъ экзаменъ или другія какія-то игрушки мннмаго російскаго Колберга. Ея Величество, сказываютъ, изволила быть сего вечера въ иѣмецкой комедіи.

6. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ псходѣ седьмаго часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ отцемъ Платономъ священное писаніе. Потомъ изволилъ пойтить въ церковь, гдѣ и Ея Величество обѣдню слушать изволила. Оттуда проводя Государынню-родительницу до внутреннихъ покоевъ, изволилъ Его Высочество возвратиться къ себѣ. Изволилъ попрыгивать и рѣзвиться съ Его Сіятельствомъ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ.

Сѣли потомъ за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только графы Захаръ и Иванъ Григорьевичи Чернышovy. Я обѣдалъ сегодня у саксонскаго мннстра графа Сакена. Его Высочество послѣ кушанья изволилъ смотрѣть эстампы. Часу въ седьмомъ въ началѣ, пришелъ къ Государю Цесаревичу, отдохнувши, Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошелъ къ Ея Величеству. Давно уже у Его Высочества принято намѣреніе, съ дозволенія Никиты Ивановича, чтобы рисовальнаго своего учителя Грекова, которой имѣетъ чинъ поручика, выпросить у Ея Величества въ ассессоры; но до нынѣ не улучалъ онъ къ тому времени, или, лучше сказать, не зналъ какъ приступить къ дѣлу, и не имѣлъ довольно

XVII*

смѣлости. Сегодня вотъ какъ оно вышло: какъ пришелъ Его Высочество во внутренне покои къ Государынѣ, и она изволила убираться, то графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, которой тутъ же стоялъ, началъ кашлять и вздыхать, по положенному о томъ напередъ съ Его Высочествомъ уговору. Ея Величество изволила спросить: чтѣ оной кашель и оныя вздохи значать? Строгановъ отвѣчалъ, что онъ въ безпокойствѣ Его Высочества принимаетъ участіе, что Его Высочество имѣеть давно намѣреніе трудить Ея Величество просьбою, но не улучшить времени. Государыня смѣючися изволила спрашивать, чтѣ то за важная просьба? Его Высочество принужденъ былъ изъясниться, и Грековъ поставленъ въ ассесоры. Часовъ въ семь изволила Ея Величество выйти на куртажъ, и Государь Цесаревичъ тудажъ послѣдовалъ. На куртажѣ Его Высочество разговаривалъ по большей части съ графами Захаромъ и Петромъ Григорьевичами Чернышовыми, съ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ и съ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Минихомъ. Изъ чужестранныхъ министровъ съ голландскимъ графомъ Рехтерномъ, съ прусскимъ графомъ Сольмсомъ и съ аглицкимъ госп. Макартни. Со мною также довольно разговаривать изволилъ. Сначала изволилъ подзвать меня за тѣмъ только, чтобы объявить свою радость, что онъ Грекова выпросилъ въ ассесоры. Возвратясь съ куртажу, скоро Его Высочество изволилъ сѣсть кушать. Разговаривали мы по большей части о чужестранныхъ министрахъ: Рехтернъ Государю Цесаревичу очень понравился. О шведскомъ графѣ Дибенѣ и о саксонскомъ графѣ Сакенѣ не весьма выгодно разсуждать онъ изволилъ. О французскомъ министрѣ Маркизѣ Боссетѣ также (не) весьма хорошихъ былъ мыслей. Опочивать легъ Его Высочество въ исходѣ десятаго часу.

7. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Потомъ изволилъ попрыгать въ желтой комнатѣ. Пришелъ между тѣмъ графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ. (Онъ имѣеть дѣло до Никиты Ивановича, по несогласіямъ его съ отцемъ), котораго визитомъ Государь Цесаревичъ весьма былъ недоволенъ, потому что сего гостя не весьма мы жадуемъ.

Сѣлъ потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только Александръ Петровичъ Сумароковъ (и графъ Андрей Алексѣевичъ). Александръ Петровичъ жаловался Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу на генералъ-полцимейстера Чичерина, что онъ обидѣлъ въ прошлой маскарадѣ жегу его, и вчера у нея съ возрѣмъ хотѣлъ взять въ полицію. Александръ Петровичъ намѣренъ былъ подавать о томъ челобитную Ея Величеству. А между тѣмъ во время стола досталось Николаю Ивановичу Чичерину. Между прочими насмѣшками говорилъ Александръ Петровичъ: „возможно ли, чтобы человекъ, которой въ молодыхъ своихъ лѣтахъ читалъ только орбисъ-никтусъ, могъ учера моего выучить лучше нежели я“? Какъ сія матерія кончилась, то вступилъ Александръ Петровичъ въ правочительныя разсужденія, и разсуждалъ весьма остро и замисловато. Хвалилъ онъ очень Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу друга моего Ивана Елизарьевича Глѣбовскаго, что въ вадетскомъ корпусѣ майоромъ и директоромъ учений. Говорилъ онъ про него Никитѣ Ивановичу: „что такихъ людей у насъ на Руси не много, что это человекъ прямо дѣльной; что хотя не имѣеть въ себѣ много блистательнаго, однако когда его хорошенько разсмотритъ и узнаешь, то окажется, что онъ истинно человекъ почтенной“.

Послѣ стола, Его Высочество, попрыгавши, изволилъ сѣсть учиться. Ученія сегодня шли со мною и другими посредственно. Вечеру изволилъ Государь

Цесаревич пойтить въ комедію. Комедія была французская «la coquette fixée»; малая піеса «L'été des coquettes»; балетъ Нейвилевъ съ гирляндами. Послѣ комедіи, очень много изволилъ бѣгать Его Высочество по желтой комнатѣ и тормозить большую собаку Султана. Приказалъ на нее сдѣлать львиную кожу и парникъ. Также изволилъ дѣлать Государь Цесаревичъ распоряженіе объ арміи своей, естъли бы онъ въ Ильдифрансѣ правительствовалъ и былъ Duc de St. Cloud. Сѣли потомъ за столъ. Опочивать Его Высочество легъ въ половинѣ десятаго часу.

8. День Архангела Михаила. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, изволилъ пойтить въ церковь. Обѣдню изволилъ слушать изъ боковой комнаты, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Въ церкви людей было очень мало. Отъ обѣдни пошелъ Его Высочество за Государынею-родительницею во внутренніе покои. Ея Величество, остановясь въ биліардной, и пожаловавъ всѣхъ, сколько насъ тутъ было, къ рукамъ, изволила играть въ биліардъ съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Его Высочество между тѣмъ во все время изволилъ разговаривать съ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Черезъ полчаса времени изволила Ея Величество пойтить кушать, а Его Высочество къ себѣ возвратился. Погода нѣсколько, сѣли и мы за столъ.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ о Юриспруденціи, и рассуждалъ о разныхъ юстическихъ терминахъ. Также рѣчь была и о третьеводнишномъ маскарадѣ, которой былъ у Локателли, съ нѣкоторыми анекдотами. Какъ я между прочимъ подшпунялъ надъ Его Высочествомъ, что онъ на блюдо трески изволилъ сморгѣть съ крайнимъ аппетитомъ, а можетъ быть кушать ее не дадутъ, то будучи тѣмъ

нѣсколько тронуть, изволилъ онъ говорить: ну, пусть это такъ: теперь позволь же мнѣ и про тебя нѣчто сказать. Знаете ли, сударь Никита Ивановичъ, что вы ему больше досады сдѣлать не можете, какъ ежели зачнете съ нимъ говорить по-нѣмецки; на смерть этого языка не любитъ. Говорилъ я на то, что не люблю мнѣ его не для чего, а что рѣдко говорю, это отъ того, что случаетъ къ тому мало нѣмъ. Иванъ Перфильевичъ примолвилъ къ тому: „для чего ему не любить нѣмецкаго языка, Ваше Высочество! Онъ въ немъ очень силенъ, и (по-нѣмецки) говоритъ великой мастеръ“. На сіе сказала я Ивану Перфильевичу, что бывають часы, когда и никакимъ языкомъ говорить не хочется. Его Превосходительство Никита Ивановичъ очень въ сіе вслушался, чего мнѣ и хотѣлось, потому что съ тѣмъ намѣреніемъ и сказала я то.

Лишь встали мы изъ за стола, явился новый ассесоръ Англиецъ, и мы всѣ его поздравляли. Великому Князю изволилъ отобрать нѣсколько изъ фейерверочныхъ колесъ и хлопнушекъ, (полученныхъ отъ Демидова и отъ Мелесино), для сожженія сего вечера, въ честь новому ассесору. Какъ скоро все оное отобрано, складено въ особую коробку, и поставлено въ тотъ кабинетъ, гдѣ бібліотека, то къ дверямъ Его Высочество приставилъ часового, камердинера своего Теша. Просилъ меня, чтобы я отдалъ часовому пароль и лозунгъ. Отдалъ я пароль Андрей, потому что торжествуемаго ассесора зовутъ Андреемъ, а лозунгъ Фридрихгамъ, по той причинѣ, что новопожалованной ассесоръ ѣздилъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ вояжировать въ оной городъ. Какъ скоро пароль и лозунгъ отданы, то сообщилъ ихъ Государь Цесаревичъ только нѣкоторымъ, и часовому на-крѣпко приказалъ, чтобы въ кабинетъ пропускать тѣхъ только, кои скажутъ пароль и лозунгъ: такъ все и производилось. Между тѣмъ сѣлъ Его Высо-

чество учиться. Послѣ ученія, приказалъ Савелью Даниловичу (Данилову) всѣмъ фейерверочнымъ машинамъ сдѣлать реэстръ, и отмѣчать сколько будетъ въ расходѣ. Какъ стало приближаться время къ фейерверку, то разставилъ Государь Цесаревичъ къ разнымъ машинамъ своихъ офиціантовъ, которые собирались у него, и къ дѣлу приступали по сигналамъ. Сигналы позволяли давать бѣлымъ платкомъ. Наконецъ вступили въ походъ, въ парадную Его Высочества залу: каждой несть что нибудь въ рукахъ, кромѣ нашей братьи смотрителей. Пришли въ залу, и началась потѣха. Ассесоръ стоялъ по срединѣ залы и принималъ съ ассесорскою осанкою наши виваты. Столько хлоротни было, что послѣ съ полчаса въ ушахъ звенѣло, и столько мы накурили, что во всѣхъ покояхъ пахло порохомъ. Послѣ потѣхи, вскорѣ сѣли мы ужинать: ассесоръ у стола оставленъ. Послѣ ужины, приказалъ его Государь Цесаревичъ проводить истопнику въ коляскѣ съ фонаремъ до дому, и дать ему вина для домашняго празднества. Сверхъ произведенія, родился еще у него третьяго дни сынъ, и новую принесъ прибыль, потому что всегда Его Высочество позволялъ посылать къ нему крестить кого нибудь изъ насъ, и на крестъ 100 рублей обыкновенно. Англиченъ кумъ нашъ общій; и такъ въ радости его многіе соучаствовали. Послѣ ужины, смотрѣлъ Его Высочество въ мундирной книжкѣ французскіе мундиры, и отмѣчалъ, которые ему нравились, для своей Ильдефранской арміи. Опочивать легъ въ половинѣ десятого часу. За ужиною мы съ Его Высочествомъ, за нѣкоторую бездѣлицу, нѣсколько поразмолвились.

9. Государь Цесаревичъ встать позволилъ въ семь часовъ. За чаемъ ни до какихъ почти разговоровъ у насъ не доходило. Сидѣли мы оба нахмурившись: небольшія только происходили экспанкаціи и укоризны о нарушеніи дружбы. Во время убранья волосовъ, позволилъ

Его Высочество твердить роль свой изъ «Зенеиды». (Потомъ заключили мы миръ). Государь Цесаревичъ изволилъ сѣсть за свои ученія. По окончаніи оныхъ, попригивалъ въ желтой комнатѣ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у себя, и сегодня не выходилъ; не очень здоровъ былъ. Вчера съужиналъ у фельдмаршалши Аграфены Леонтьевны Александровны.

Послѣ стола, позволилъ Его Высочество играть въ биліардъ. Сѣлъ потомъ за свои ученія. У меня очень дурно учился, такъ что я, брося бумаги, взялъ шляпу и домой уѣхалъ. Притчины дурному сегодняшнему ученію другой не нахожу, какъ ту, что учиться онъ началъ нѣсколько поздно, а послѣ моихъ лекцій оставалось еще фехтовать, и сходить за ширмы подтянуть чулки, и итти на концертъ. И такъ боялся и нетерпѣливоствовалъ, чтобы не опоздать. Часовъ въ семь изволилъ онъ пойтти на концертъ къ Ея Величеству. Тамъ былъ берланъ. Играли: Ея Величество и Его Высочество, графиня Марья Андреевна Румянцева, княгиня Елена Степановна Куракина, Анна Никитишна Нарышкина, Елисавета Михайловна Черкасова, графъ Петръ Григорьевичъ Чернышовъ и Федоръ Ивановичъ Вадковскій. Какъ кончилась пуля, то Ея Величество позволила сѣсть играть въ ломберъ съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ и съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Графъ Григорій Григорьевичъ не за долго предъ тѣмъ лишь пріѣхалъ, не знаю откуда, потому что тотъ не зналъ того, которой о семъ мнѣ рассказывалъ, т. е. Государь Цесаревичъ. Съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ вошли вмѣстѣ графы Захаръ и Иванъ Григорьевичи Чернышovy. Какъ начался оной ломберъ, то Его Высочество, постоявъ нѣсколько, изволилъ пойтти къ себѣ, и сѣлъ кушать. Перемъ ужиною ходилъ посѣтить Никиту Ива-

новича. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

10. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. Одѣвшись, сѣлъ за обыкновенныя свои ученія. По окончаніи оныхъ изволилъ въ желтой комнатѣ попрыгивать. Графъ Иванъ Григорьевичъ приносилъ къ Его Высочеству показывать модель той галерѣ, кою дѣлать будутъ для астраханскаго походу Государю Цесаревичу. Смотрѣлъ ее Его Высочество съ великимъ удовольствіемъ, и изволилъ чертить планъ и совѣтовалъ съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, какъ расположить каюты.

Сѣли потомъ за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и сегодня не выходилъ еще. Изъ постороннихъ ниго у насъ не обѣдалъ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество попрыгивать и смотрѣть мундирную книжку французскаго войска. Потомъ сѣлъ за свои ученія. У меня очень хорошо учился: о доказательствахъ моихъ изволилъ сказать: какъ же математическія доказательства явственны, ежели слушать ихъ съ примѣчаніемъ! На придворномъ театрѣ была сегодня комедія русская „Игрокъ“; балетъ Толатовъ съ куколъ; малая піеса „обычай нынѣшняго свѣта“. Его Высочество быть тамъ не изволилъ. Изволилъ у себя по желтой комнатѣ ходя, распѣвать аріи изъ комическихъ оперъ, также смотрѣть французскіе мундиры. Въ девятомъ часу сѣлъ кушать. Въ половинѣ десятаго легъ опочивать.

11. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ, пропсходило прыганіе въ желтой комнатѣ.

Сѣли потомъ за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сегодня изволилъ выйтти и кушалъ за большимъ столомъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ камеръ-юнкеръ Библиковъ и полковникъ Кропотковъ.

Послѣ стола, Его Высочество, позабавясь, изволилъ учиться. Часу въ шестомъ съѣхались маскарадныя гости. Сегодня ихъ было пятеро: 1) графъ Шереметевъ, 2) сынъ грузинскаго царевича, 3) другой его же сынъ, 4) Тепловъ и 5) Библиковъ. Передъ тѣмъ какъ Его Высочеству пѣтти въ маскарадъ, изволила приходить къ намъ Ея Величество, въ провожаніи Ивана Ивановича Бецкаго, и побывши очень не долго, изволила въ маскарадъ пойтти. Вскорѣ и мы тудажъ пустились. Его Высочество очень много танцовать изволилъ, и съ возлюбленною своею былъ въ дружбѣ. Въ купеческомъ маскарадѣ съ странными масками танцовать изволилъ и тѣмъ страннѣ были маски, тѣмъ танцовалъ съ ними охотнѣе, изъ рѣзвости. Къ себѣ возвратился Государь Цесаревичъ въ десять часовъ. Во время маскарада сдѣлался пожаръ у Владимірской, въ духовниковомъ домѣ. Ужиналъ Его Высочество у себя за большимъ столомъ и въ маскарадномъ платьѣ, какъ обыкновенно послѣ маскарадовъ. За столомъ разговаривали мы вообще о пожарахъ и о пожарахъ московскихъ. Опочивать легъ Государь Цесаревичъ въ одиннадцать часовъ.

12. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. По окончаніи ученія, пришло въ кирасирской полковникъ кн. Сергій Никитичъ Трубецкой, съ конемъ Его Высочество долго изволилъ разговаривать, по большой части о полковыхъ подробностяхъ. Возвратился съ половины отъ Ея Величества Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и сѣлъ за столъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ и кн. Сергій Никитичъ.

Послѣ обѣда, Его Высочество, попрыгавши, сѣлъ учиться. У меня хорошо учился. Послѣ ученія пошли къ Государынѣ. Ея Величество изволила играть въ

ломбергъ съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ Николаемъ Ивановичемъ Зеновьевымъ. Его Высочество изволилъ състь играть въ умные съ накладкою. Играли съ нимъ только дежурныя фрейлины: Катерина Исаевна Шафирова и графиня Елисавета Кирилловна Разумовская. Къ себѣ возвратился Государь Цесаревичъ въ началѣ девятаго часу. Сълъ кушать. Опочивать легъ въ половникъ десятаго часу.

13. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ изволилъ пойтить въ церковь. Обѣдню слушалъ изъ боковой комнаты, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Оттуда проводя Государыню-родительницу во внутренніе покои, возвратился Его Высочество къ себѣ. Передъ обѣдомъ, изволилъ въ учительной комнатѣ декламировать роль свой изъ „Зененды“. Государь Цесаревичъ самъ-третей былъ только тутъ съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышовымъ и со мною. Потомъ вышелъ въ желтую комнату, и графъ Захаръ Григорьевичъ показывалъ ему, какъ разными образами въ картахъ отгадываютъ. Оныя дѣйствія, какъ извѣстно, основаніе свое имѣютъ на простыхъ математическихъ численіяхъ.

Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ графы Захаръ и Иванъ Григорьевичи Чернышovy, Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, Михайло Михайловичъ Филозофовъ, Александръ Федоровичъ Талызинъ и князь Петръ Васильевичъ Хованской. Говорили по большой части графъ Захаръ Григорьевичъ и Петръ Ивановичъ о военной силѣ російскаго государства, о способахъ, которыми войну производить должно въ ту или въ другую сторону предѣловъ нашихъ, о послѣдней войнѣ прусской, и о бывшей въ то время экспедиціи на Берлинъ, по

главнымъ предводительствомъ графа Захара Григорьевича. Всѣ оныя разговоры такого роду были, и столь основательными наполнены разсужденіями, что я внутренно несказанно радовался, что въ присутствіи Его Высочества изъ устъ російскихъ, на языкѣ російскомъ, текло остроуміе и обширное знаніе. Послѣ обѣда, скоро всѣ почти оныя гости поѣхали къ генералу князь Александру Михайловичу Голицыну. Его Высочество, попрыгавши въ желтой комнатѣ, изволилъ смотрѣть эстампы въ энциклопедическомъ лексиконѣ. Вечеру пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли мы на куртагъ. На куртагѣ Его Высочество сперва не очень былъ веселъ, потомъ сталъ повеселѣе, и изволилъ разговаривать съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ графомъ Брюсомъ; изъ чужестранныхъ министровъ съ графомъ Рехтерномъ и съ г. Макартни. Въ девятomъ часу Ея Величество изволила ретироваться, и Его Высочество (послѣдовалъ). Возвратясь къ себѣ, изволилъ смотрѣть эстампы. Сѣли мы потомъ ужинавать. Опочивать легъ Его Высочество въ половникъ десятаго часу.

14. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. За чаемъ было у меня съ Государемъ Цесаревичемъ разсужденіе о вредѣ отъ излишнихъ увеселеній и о необходимости, чтобъ приучать себя въ терпѣливому и внимательному размышленію, о разности подаваемыхъ совѣтовъ, и тому подобномъ. Во время одѣванья, изволилъ Его Высочество твердить роль свой изъ „Зененды“, также смотрѣлъ эстампы въ энциклопедическомъ лексиконѣ. Одѣвшись попрыгивалъ въ желтой комнатѣ. Потомъ сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ изволилъ смотрѣть эстампы.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ востороннихъ обѣдалъ у насъ только камеръ-юнк-

керь Бибиковъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у саксонскаго министра графа Сакена.

Послѣ обѣда, Его Высочество, позабавясь, сѣлъ учиться. У меня лекцій не успѣлъ послушать: пришло время ѣхать въ комедію. Пошли мы туда. Комедія была французская „les quatre étoiles“; балетъ Толатовъ съ куклой, малая пѣса „le Jaloux Florentin“. Въ балетѣ танцовщикъ Толато, прыгаючи, повредилъ себѣ ногу. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество очень много бѣгать, и распѣвать французскія пѣсни изъ комическихкихъ оперъ. Потомъ сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

15. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученья, попрыгавши, изволилъ сѣсть за столъ.

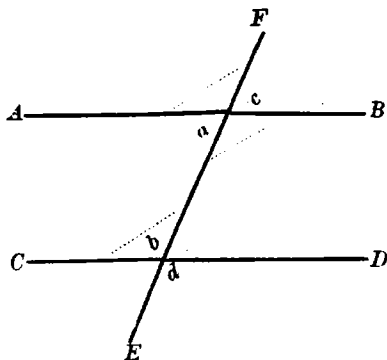
Изъ постороннихъ обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ, г. Салдернъ и полковникъ Кропотовъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ по большой части о придворныхъ этикетахъ, также и о родствѣ разныхъ Дворовъ иностранныхъ между собою.

Послѣ кушанья, Его Высочество, позабавясь, изволилъ сѣсть учиться. Къ Государынѣ сего вечера ходить не изволилъ. Смотрѣлъ эстампы и пѣлъ, ходя по желтой комнатѣ. Отужинавши, опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Его Превосходительство Никита Ивановичъ ужиналъ сегодня у брата своего Петра Ивановича.

16. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Потомъ изволилъ смотрѣть эстампы.

Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ у прусскаго министра графа Сольмса. Господа министры одинъ послѣ другаго даютъ нынѣ обѣды для новопріѣзжаго даждаго посланника г. Ассевурга. Государь Цесаревичъ изволилъ весьма изрядно раз-

суждать сегодня за столомъ, какіе между министрами бывають и бывали странные споры о преимуществѣ и председательствѣ. Также изволилъ Его Высочество вспоминать о предложенной ему отъ меня на сихъ дняхъ геометрической теоремѣ, что когда двѣ линіи идутъ одна другой параллельно, а третья ихъ пересѣкаетъ, то происшедшіе отъ пересѣченія противостоящіе углы будутъ равны, какъ напримѣръ здѣсь $\angle a = \angle c$, и $\angle b = \angle d$.

Сіе изволилъ онъ вспоминать, увидя, что ножикъ его лежалъ въ параллель вилкѣ, а ложка поперегъ ихъ обонхъ. Послѣ стола, попрыгавши въ желтой комнатѣ, съ обыкновенными своими воображеніями, изволилъ Государь Цесаревичъ сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Ввечеру пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли мы къ Государынѣ. Тамъ концертъ былъ. Ея Величество изволила играть въ ломберъ съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ и съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Его Высочество изволилъ сѣсть играть въ берлянь. Играли съ нимъ: графиня Марья Андреевна Румянцева, графиня Прасковья Александровна Брюсша, дежурныя фрейлины Вѣра Николаевна Чоголова и Авлотья Андреевна Полянская, также Левъ Александровичъ Нарышкинъ и камеръ-юнкеръ в. Вѣлосельской. Великой Князь былъ въ восхищеніи. Его Превос-

сходительство Никита Ивановичъ игралъ за другимъ столомъ въ пикетъ съ графиней Анной Карловной Воронцовой. Еще за двумя столами играли. Возвратясь съ концерту, съѣзъ Его Высочество кушать. Опочивать легъ въ исходѣ десятиаго часу.

17. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Въ двѣнадцатомъ часу возвратился Его Превосходительство Никита Ивановичъ отъ Государыни. Приказано уже было, чтобъ съ конюшни были сани для (выходу) Его Высочества. Какъ скоро пришелъ Никита Ивановичъ, тотчасъ Государь Цесаревичъ собрался, надѣлъ сапоги, шубу п шапку съ ушамп. Сѣли въ сани, и поѣхали кататься. Его Превосходительство Никита Ивановичъ сѣлъ съ Его Высочествомъ въ санихъ по лѣвую сторону; я, будучи подежурной, съ однимъ изъ нашихъ стоялъ у Его Высочества на запяткахъ (прочіе нашего штату въ другихъ санихъ ѣхали). Ѣхали мы Луговою; потомъ поворотили по Невской перспективѣ, мимо Казанской. *Car la perspective ou on avait tenu des éléphants que j'ai encore vu en 1762*). Подъѣзжая къ слоному двору, поворотили къ Новодевичьему монастырю. Оттуда выѣхали черезъ Конную Гвардію на Литейную; съ Литейной выѣхали опять на Невскую перспективу и домой. Въ слоному двору подѣзжая, увидѣлъ Государь Цесаревичъ на перекресткѣ, что мужики, стоя подлѣ квасникова, съ великимъ апетитомъ пьютъ теплое сусло. Захотѣлось ему сего питья отвѣдать. Приказалъ тутъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ остановиться. Подали стаканъ сусла, откушалъ Его Высочество, и очень ему понравилось: мужику приказалъ дать пять рублей. Описать нельзя, съ какою тутъ радостью и съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ народъ на Государя Цесаревича. Онъ на то время очень былъ веселъ. Оборачиваясь, изволилъ со мною разго-

варивать, и хвалилъ сусло: ооло-стоящей черни все это слышно было. Его Высочество симъ катаньемъ несказанно былъ доволенъ. На улицѣ изъ саней ко мнѣ оборачиваясь, хотѣлъ меня поцѣловать въ своей радости. Но я сказалъ, чтобъ изволилъ сидѣть починнѣе, что мы уже домой прѣхавши поцѣлуемся. По Литейной, мимо дому фельдмаршала Миниха ѣдучи, и видя на ономъ разныя артиуры, (въ цѣпяхъ Турковъ), знамена и прочее, сказалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ иронически: «*Cet homme là n'est pas vain du tout*». Государь Великой Князь изволилъ сказать къ оному: и объ закладъ ударюсь, что онъ и теперь, сидя за столомъ, какіе нибудь прожекты выдумываетъ. На сіе сказалъ я, что прожекты выдумывать не токмо не порокъ, но еще достоинство, и достоинство великое; только чтобъ прожекты были полезны. „Фельдмаршалъ Минихъ, продолжалъ я, выдумывалъ въ свое время прожекты, кои ему славу дѣлали; теперь также ихъ иногда выдумываетъ, но не всегда съ удачей“. Его Высочество изволилъ говорить: что (онъ) въ семъ то послѣднемъ разумѣніи и сказалъ о немъ такъ. Возвратясь во-свои домъ, Его Высочество изволилъ рассказывать домашнимъ своимъ, какъ онъ катался, и что гдѣ видѣлъ.

Мы сѣли за столъ. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокурорѣ кн. Ваземскомъ, и удивляться, какъ fortuna его въ оное мѣсто поставила: упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которме могутъ оправдать сіе удивленіе. Еще рассказывалъ мнѣ Его Превосходительство о графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Матюшкиной и о сестрѣ ея княгинѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ Голицыной; (объ онѣ урожденныя княжны Гагарины), какъ онѣ во фрейшны были взяты, и какъ замужъ вышли.

Послѣ стола, Его Высочество, позависая и прибравъ себѣ волосы, кои послѣ катанья были попорчены, изволилъ сѣсть учиться. У меня хорошо учился. Ввечеру изволилъ пойтить въ комедію. Комедія была русская: „Жоржъ-Дандинъ;“ балетъ Нейвилевъ съ гирляндами; маленькая піеса „Любовь докторъ.“ Ея Высочество въ комедіи бытъ не изволила. Сказываютъ, что изволила принимать лекарство. Его Высочество малой піесы не слушалъ; изволилъ пойтить къ Государынѣ-родительницѣ въ самые внутренніе покои, и былъ тамъ близъ часа. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ кушать. За ужиной изволилъ разговаривать о короляхъ французскихъ: Генрихъ IV, Людовикъ XIV, и нынѣшнемъ Людвигъ XV. Изволилъ о нихъ дѣлать свои разсужденія, изъ которыхъ многія были остры и основательны. Поговорили мы такожъ и о нѣкоторыхъ анекдотахъ самыхъ еще нѣжныхъ младенческихъ лѣтъ Его Высочества. Послѣ ужина, товарищи мои разсуждали съ Его Высочествомъ о всѣхъ той половины кавалерахъ, также и о нѣкоторыхъ боярахъ нашихъ, каковъ кто собой, какъ умирается, какъ кланяется и какія имѣетъ ухватки. Къ сему разговору приступать не разсуждалъ я за благо; и такъ былъ только слушатель, не говорилъ ни слова. Балъ Государь Цесаревичъ опочивать легъ, было десятого часу три четверти.

18. Его Высочество проснувшись изволилъ въ половинѣ седьмого часу. Жаловался, что голова болитъ. Какъ всталъ, то вырвало его. Медики, пріѣхавши, дали ему какія-то микстуры. Одѣлся Государь Цесаревичъ въ фракъ, и былъ весь день въ опочивальнѣ.

Послѣ обѣда читали мы каталогъ книгъ французскимъ, кои продаются въ академической книжной лавкѣ, и Его Высочество самъ изволилъ сказывать, какія отмѣчать для него. Потомъ принесли отъ комедіанта Пошета олтическое зеркало съ двумя стами картинами.

За все оное заплатилъ Государь Великои Князь 80 руб.; да и того оно не стоило. Картины перспективными гораздо дурноваты. Уставя зеркало, изволилъ Его Высочество съвозъ оное очень долго помянутыя картины разсматривать, (одну послѣ другой), и пѣтъ разныя симфоніи и арии, какія онъ только вздумать могъ, представляя себѣ, будто играетъ на скрипкѣ, и тутъ пережѣняются декорации. Послѣ всего оного изволилъ сѣсть ужинать. Опочивать легъ въ половинѣ десятого часу.

19. Государь Цесаревичъ проснувшись изволилъ въ началѣ седьмого часу. По вчерашнему предписанію господъ медиковъ, чай кушалъ въ постелѣ, и пробылъ тутъ до девяти часовъ. Изволилъ между тѣмъ съ мною очень много разговаривать объ училищѣ, коему выше положено описаніе, о Александрѣ Великомъ, о нынѣшнемъ королѣ датскомъ и проч. Часовъ въ десять принялъ Его Высочество микстуру. Кушалъ въ опочивальнѣ.

Послѣ обѣда очень много изволилъ стотрѣтъ эстампы изъ своего эстампнова кабинету, также планы баталийъ Гросъ-Егерсдорфской, Пальциковской и Франкфуртской, происходившимъ въ прошлую войну прусскую. Онѣ планы циркулемъ мѣрялъ изволилъ, и представлялъ себѣ будто съ войсками маршруетъ; назначивалъ растаги и мѣста къ ордеру баталіи. Его Высочество одѣтъ былъ и сегодня въ фракъ, и ужиналъ въ опочивальнѣ. Опочивать легъ въ половинѣ десятого часу. Хотя болѣзни никакой въ себѣ не чувствовалъ, однако не таковъ свѣжъ и бодръ былъ, какъ обыкновенно. Карлъ Ѳедоровичъ Крузъ говорилъ, что есть еще въ тѣлѣ небольшая лихорадка.

20. (Воскресенье). Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмого часу. Тягости въ себѣ никакой не чувствовалъ. Небольшой только насморкъ еще остался. Изволилъ Государь Цесаревичъ

одѣться, какъ обыкновенно. Потомъ читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Въ двѣнадцатомъ часу пойтить изволилъ въ церковь, гдѣ и Ея Величество обѣдню слушать изволила. Послѣ обѣдни говорилъ Его Преподобіе Отецъ Платонъ проповѣдь о сребролюбіи и о расточеніи. По окончаніи оной, Ея Величество, возвратясь во внутренніе свои покои, изволила говорить, что конечно Отецъ Платонъ имѣлъ скучныя мысли, когда писалъ оную проповѣдь. Наконецъ изволила сказать: «quoique tout ce qui sort de sa bouche est admirable, cependant dans le sermon d'aujourd'hui, il n'y avoit pas ce feu, que l'on remarque dans ses autres sermons». Графъ Григорій Григорьевичъ защищалъ сегодняшнюю проповѣдь. Его Высочество, возвратясь къ себѣ, изволилъ въ желтой комнатѣ попрыгивать; потомъ сѣлъ кушать. Я обѣдать домой поѣхалъ: не очень здоровъ былъ.

У Его Высочества за столомъ изъ постороннихъ были: Его Превосходительство Петръ Ивановичъ Панинъ, графъ Иванъ Григорьевичъ, графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ, г. Салдернъ и полковникъ Кропотовъ. Государь Цесаревичъ изволилъ мнѣ послѣ говорить, что онъ въ разговоры ихъ не очень вслушивался, и потому подробно мнѣ о нихъ пересказать не можетъ. Послѣ обѣда забавлялся Его Высочество въ желтой комнатѣ. Вечеру читали комедію «la double inconstance». Къ Государынѣ сего вечера Его Высочество ходить не изволилъ, и куртагу не было. Откушавши, опочивать легъ въ половникѣ десятого часу.

21. Введеніе во Храмъ Пресвятыя Богородицы: праздниѣ въ Семеновскомъ полку гвардіи. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. (Потомъ изволилъ пойтить въ церковь). Обѣдню слушалъ изъ боковой комнаты.

Ея Величество въ церкви стоять изволила. Какъ кончилась обѣдня, то и Его Высочество изволилъ войтить въ церковь и послѣдовать оттуда за Государынею-родительницею. Ея Величество, дошедъ до того покою, гдѣ на часахъ стоятъ Кавалергарды, и пожаловавъ въ руки чужестранныхъ министровъ, и поговоря съ ними, изволила тутъ же къ рукамъ жаловать и всѣхъ Семеновскаго полку штабъ и оберъ-офицеровъ. Потомъ во внутренніе покои изволила ретироваться. Государь Цесаревичъ, проводя Ея Величество туда и побывъ тамъ очень не долго, изволилъ возвратиться къ себѣ. Государыня кушать изволила въ галлерей, со всѣми штабъ и оберъ-офицерами Семеновскаго полку. Во время стола была итальянская инструментальная и вокальная музыка, и при здоровьяхъ палили изъ пушекъ.

Его Высочество изволилъ у себя кушать. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только Его Сіятельство графъ Иванъ Григорьевичъ и г. Салдернъ. Разсужденіе было о флотѣ и о Адмиралтействѣ. Удивлялся между прочимъ, что Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, бывши прежде тамъ долго во Франціи, по-французски почти совсѣмъ ничего не разумѣеть. Смѣялся Его Высочество очень много его странному выговору. Графъ Иванъ Григорьевичъ говорилъ о немъ, что онъ капитанъ весьма искусной и почти совершенной, а адмираломъ быть не его дѣло. Сказывали тутъ, что они во Франціи учились вмѣстѣ съ графомъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ. Его Высочество спрашивалъ графа Ивана Григорьевича на ухо: которой же изъ нихъ дутче? Иванъ Григорьевичъ и Его Превосходительство Никита Ивановичъ смѣялись много сему вопросу, и говорили: «что врядъ морской-ать еще не дутче-ли, потому что что-нибудь да выучилъ, а тотъ уже совсѣмъ ничего». О вице-адмиралѣ Нагаевѣ говорили, что онъ теорію мореплаванія очень сильно знаетъ, и весьма ученъ; только боится моря. За другими

еще и большіе недостатки ссыкивались. И такъ, на то выходило, что теперь ни одного нѣтъ прямо достойнаго флагмана. Графъ Иванъ Григорьевичъ говорилъ съ великою похвалою объ адмиралахъ Головинѣ и Сивявинѣ, кои были во времена Государя Петра Великаго. О ладкомъ Адмиралтействѣ сказывалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, что нашихъ морскихъ офицеровъ ни подъ какиимъ видомъ туда не впускаютъ: у насъ же напротивъ того всякому войти вольно; надобно только напередъ объявить о себѣ, что за человекъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ сказывалъ, что на сихъ дняхъ были тамъ съ нимъ чужестранные министры, и въ волье худомъ состояніи ни есть теперь наше Адмиралтейство, они однакожъ съ крайнимъ удивленіемъ смотрѣли, какое множество (всѣхъ) припасовъ тамъ хранится, парусныхъ полотень, гвоздей и проч. Наконецъ разговоривали о здѣшнемъ придворномъ оркестрѣ, и графъ Иванъ Григорьевичъ съ свойственною ему пріятностію острою шутилъ надъ здѣшними музыкантами, и какъ ихъ по старшинству въ оркестрѣ сажаютъ. Тутъ теперь первый, а былъ девятой.

Послѣ обѣда приходилъ къ Его Высочеству съ той половины гвардіи Семеновскаго полку капитанъ Степанъ Апраксинъ, которой за столомъ же съ Ея Величествомъ обѣдалъ. Ему девятый годъ. Послѣ Егерсдорфской баталіи пожалованъ онъ отъ покойной Государини Елисаветъ Петровны прапорщикомъ; Государь Цесаревичъ очень хорошо (охотно) изволилъ съ нимъ разговоривать и веселиться имъ. Степанъ Степановичъ былъ въ гренадерской шапкѣ. Потомъ изволилъ Его Высочество попрыгать и забавляться въ желтой комнатѣ. Вечеру изволилъ пойтить въ комедію. Комедія была Французская «le Joueur»; «Аполонъ и Дафна»; малая піеса «les trois frères Lisimons.» Возвратясь къ себѣ, скоро Государь Цесаревичъ сѣлъ кушать. Послѣ ужина зашелъ раз-

говоръ, кто изъ кавалеровъ Его Высочества какія ухватки имѣеть. За мною знавшихъ Его Высочество болѣе нежели за всѣми другими: какъ я за кафтанъ держалю, говоря съ кѣмъ нибудь въ жару пальцомъ указываю, какъ кому кланяюсь и проч. Что позабывалъ Его Высочество, то ему напаятовано было. Зашелъ тутъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ. Великой Близъ пересказывалъ ему о томъ. Надобно думать, что Его Превосходительству не безъ удивленія было слушать, откуда Его Высочество такія подробности вѣдаетъ; самъ онъ на это конечно не примѣчаетъ, да почти и не доходить до того, чтобы могъ онъ то примѣтить. Сверхъ же того, нельзя сказать, чтобы чрезъ чуръ гнусныя (странныя) ухватки у меня были, (которыя бы тотчасъ каждому въ глаза выдалась); что всѣ тѣ засвидѣтельствовать могутъ, кто меня знаетъ и добродетными глазами на меня смотритъ. Мнѣ при всемъ ономъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ смѣяться, что я и дѣлалъ. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли сіе къ чему нибудь иному побудить меня какъ къ смѣху. Опочивать легъ Его Высочество въ половинѣ десятаго часу.

22. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, долго изволилъ забавляться около клятви, въ которой сидѣлъ горностаѣ, присланной на прошлой недѣлѣ къ Его Высочеству отъ Его Превосходительства Адама Васильевича Олсуфьева. Послѣ ученія, забавлялся Государь Цесаревичъ въ желтой комнатѣ.

Сѣлъ потомъ за столъ. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ не очень былъ веселъ.

Послѣ обѣда Государь Цесаревичъ, позабавясь, изволилъ сѣсть учиться. Послѣ ученія читали мы въ итальянскомъ театрѣ госп. Жерарди комедію «Protée», которая очень смѣшна. Къ Государынѣ Его Высочество сего вечера

ходить не изволил. Ея Величество изволила быть въ нѣмецкой комедіи. Отуживавши, легъ опочивать Государь Цесаревичъ въ половинѣ десятаго часу. Сегодня Его Высочество гораздо не такъ ко мнѣ былъ ласковъ, какъ обыкновенно. Можетъ быть вчерашніе разговоры тому причиною: когда и въ взрослыхъ людяхъ бездѣлицы перемѣну дѣлаютъ, чтожъ удивляться являющейся иногда (перемѣнчивости) въ молодыхъ лѣтахъ (въ лѣтахъ не совершенныхъ)?

23. Государь Цесаревичъ встать изволил въ половинѣ седьмаго часу. Попался ему въ руки „Ежемѣсячныя Сочиненія“, и я за чаемъ показывалъ ему тамъ переводы свои и сочиненія, печатанныя въ бытность мою въ кадетскомъ корпусѣ. Во время обыванья читалъ я Его Высочеству въ оныхъ сочиненіяхъ сравненіе Александра Великаго съ Карломъ XII, моего переводу изъ Голберговыхъ писемъ, съ прибавленіями. Также твердилъ Государь Цесаревичъ роль свой изъ „Зевенды“. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Къ себѣ усматривалъ я въ немъ все еще холодность. Вотъ таковы-то придворныя шутки! Да полно, оныя шутки не совсѣмъ еще придворныя, потому что въ присутствіи самого того происходили, до кого касаются; сверхъ же того, по моему состоянію и по состоянію Двора нашего, и никакихъ слѣдствій имѣть не могутъ. А бывають и у большихъ Дворовъ точно такія-жъ, съ большей только хитростью и съ большимъ поврежденіемъ. Кто Дворъ знаетъ, тому и страннымъ сіе не должно казаться. Каждому придворному совѣтую къ такимъ перемѣнамъ прилежно присматриваться и придуматься, и отнюдь отъ нихъ ни въ какое не приходитъ смущеніе, слѣдуя твердо единожды принятой своей системѣ. Только надобно, чтобъ оная система основана была на благоразуміи, и при свѣтѣ неомраченнаго и проницательнаго размышленія расположена. А впрочемъ, отъ чего тревожиться, и чему удивляться,

видя то, что во всѣ времена было, есть и всегда будетъ, доколѣ человѣческая натура существа своего не перемѣнитъ, чего ни я. ни многіе со мною, какъ думаю, не ожидаютъ? Оное подало мнѣ такожъ причину подумать, какъ государямъ надобно знать всѣхъ тѣхъ, кои имѣють къ нимъ доступъ, быть разсмотрительными въ удостоеніи своей повѣренности, и непоколебимыми въ продолженіи оной къ тому, на кого одинъ разъ падеть жребій. Собственная ихъ слава и честь и польза того требуютъ. Протпвнымъ сему праву поведеніемъ могутъ лишиться твердыхъ помощниковъ, друзей благоразумныхъ и нужныхъ, слугъ вѣрныхъ и усердныхъ, и поставить себя посреди подлыхъ обманщиковъ, льстецовъ, невѣждъ и грабителей...

Послѣ ученія, позаваясь, Его Высочество изволилъ сѣсть кушать. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и г. Салдернъ.

Послѣ обѣда прыгаль Государь Цесаревичъ по желтой комнатѣ, и забавлялся съ горностаемъ. Потомъ сѣлъ учиться. Ввечеру изволилъ ходить къ Государынь-родительницѣ, для поздравленія съ завтрашнимъ праздникомъ тезоименитства Ея Величества. Ея Величество, (въ биліардной комнатѣ) принявъ поздравленія отъ Государя Великаго Князя и отъ сѣбѣжавшихся знатныхъ персонъ, кои въ биліардную комнату входъ дозволенъ, изволила выйтти въ аудіенцъ-залу, гдѣ стоитъ тронъ, и сѣсть играть въ ломберъ съ Его Превосходительствомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ и съ Его Сіятельствомъ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Государь Цесаревичъ изволилъ сѣсть за другимъ столомъ играть въ берланъ. Играли съ нимъ графиня Марья Андреевна Румянцева, дежурныя фрейлины: Елисавета Николаевна Чоголова и Анна Родіоновна Вейделева, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, и камеръ-юнкеры Баскаковъ и кн. Не-

свицкой. По окончаніи игры, Его Высочество возвратяся къ себѣ, скоро изволилъ сѣсть кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Я сегодня къ обѣду и весь день не пріѣзжалъ; не очень здоровъ былъ, и принималъ лекарство: почти три дни дома пробылъ. Выѣхалъ я 26 числа сего мѣсяца, и что безъ меня происходило, слышалъ изъ устъ Его Высочества.

24. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ изволилъ пойтти къ Государынѣ, и оттуда за Ея Величествомъ въ церковь. Изъ церкви проводя Ея Величество во внутренніе покои, возвратился Его Высочество къ себѣ. Слуста нѣсколько времени, изволилъ пойтти къ Государынѣ, и тамъ кушать.

Столъ былъ обыкновенной. Дежурныя фрейлины были Вѣра Николаевна Чоглокова и Авдотья Андреевна Полянская, и сидѣли за столомъ въ виду у Его Высочества. Ея Величество изволила шутить надъ Государемъ Цесаревичемъ, что онъ туды поглядываетъ, и что за столомъ ему не скучно.

Послѣ обѣда возвратился Его Высочество къ себѣ, и позабавяся нѣсколько, танцовалъ менуэта съ три съ танцовщикомъ Гранжѣ. Вечеру изволилъ пойтти въ галерею, и открыть тамъ балъ съ графиней Анной Карловной Воронцовой, потомъ и съ другими много менуэтовъ танцовать изволилъ. Ея Величество на балъ выйти изволила уже нѣсколько поздно. Въ карты играть не изволила. Изволила только смотрѣть какъ танцуютъ, и разговаривать съ чужестранными министрами и здѣшними, въ кругу стоящими, знатными обоего пола персонами. Государь Цесаревичъ кромѣ менуэтовъ изволилъ танцовать сегодня два польскихъ съ фрейлиной Елисаветой Николаевной Чоглоковой, и контрдансъ съ сестрой ея многократно вышеупоминаемой Вѣрой Николаевной. Прежде на балахъ ни

контрдансовъ, ни польскихъ Его Высочество не танцовывалъ; а чтобы это ии-будь не сталъ себѣ головы ломать, и доискиваться, для чего прежде этого не бывало, то скажу здѣсь и притчину тому: Его Высочество не умѣлъ еще танцовать ихъ. Въ большихъ аванзалахъ, что на Неву окнами приготовлены были фигурные столы на множество кувертовъ.

Часовъ въ десять изволила Ея Величество пойтти въ оныя аванзалы, и сѣсть кушать. Его Высочество послѣдовалъ. Сидѣлъ у Ея Величества по правую сторону. У него по правую сторону досталось по билету сидѣть графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой. Между ими сидѣлъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ; прочіе такожъ сидѣли по билетамъ. Послѣ ужина, Его Высочество, проводя Государыню-родительницу до внутреннихъ помоевъ, изволилъ возвратиться къ себѣ, и легъ опочивать. Былъ двѣнадцатой часъ. Его Высочество однакожъ во время стола никакого нетерпѣнія не показывалъ и весь сей день въ публикѣ велъ себя очень зрядно, въ чемъ по возвращеніи оказывалъ ему Его Превосходительство Никита Ивановичъ свое удовольствіе. Произвожденій генеральныхъ сегодня никакихъ не было. Балъ взять только въ Конную гвардію въ секундъ-ротмистры. Просилъ о немъ, какъ сказываютъ, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ графа Григорья Григорьевича Орлова, а съ Балковымъ отцемъ графъ Петръ Борисовичъ прежде вмѣстѣ служивали; еще офицеръ наполюной Дмитрій Сухаревъ взять въ офицеры гвардіи. Онъ женатъ на (родной) сестрѣ камеръ-юнкера Михаила Баскакова.

25. Его Высочество встать изволилъ въ половинѣ осьмаго часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. Потомъ, позабавяся, сѣлъ за столъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ, и камеръ-юнкеръ Александръ Федоровичъ Талызинъ.

Послѣ обѣда, Его Высочество, поучась и позабавясь, изволилъ пойтить въ комедію. Комедія была «*Du puis et Derropee*»; малая пѣса «*les trois Sultanes*»; балетъ новой Парадиса, турецкой. Въ комедіи людей было ужасное множество, потому что все зрѣлище новое. Особливо хвалить малую пѣсу. Я въ сіе время, вдали отъ сего мятежа, сидя за своимъ бюро, читалъ «*Mémoires du Duc de Sully*».

26. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Передъ обѣдомъ, Его Превосходительство Никита Ивановичъ, торгоша Великаго Князя, смѣялся надъ нимъ, какъ у него ноги дурны.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Говорили мы за столомъ о путешествіяхъ Юливеровыхъ, также Климовыхъ и Робинзоновыхъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ приказывалъ, чтобы Робинзона достать для Великаго Князя на французскомъ языкѣ. Потомъ разговорились о Геннигерѣ, и гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ во все остальное время рассказывалъ о его проказахъ, которыхъ очень много. Оной Геннигеръ бывалъ прежде при Иностранной Коллегіи: нынѣ давно уже безъ мѣста, по домамъ шатается, и людей безпечныхъ, слабыхъ и въ праздности сѣлонныхъ, увеселяетъ своими шутками, за которыя послѣ самъ себя въ награжденіе изъ дому беретъ что нибудь тихонько. Остроту онъ имѣетъ великую; разсудокъ и въ мысляхъ порядокъ развращенной, ни совѣсти, ни закона не знаетъ, и доказываетъ то весьма ясно своими поступками.

Послѣ обѣда, Его Высочество позабавясь, изволилъ читать похождения Робинзона, на русскомъ языкѣ; на французскомъ ихъ еще не достали. Потомъ съѣлъ Государь Цесаревичъ учиться. У меня учился нарочито; только мысли не всѣ были въ собраніи. Послѣ ученія, изволилъ Его Высочество смотрѣть шарла-

тана, которой представлялъ чрезъ оптическое стекло виды разныхъ европейскихъ городовъ и публичныхъ зданій; потомъ въ камень и стекло при всѣхъ насъ: безъ отвращенія смотрѣть было не возможно. Родомъ онъ изъ Монпелье. Изволила между тѣмъ выйтить Ея Величество въ ту комнату, гдѣ на часахъ стоятъ Кавалергарды. Его Высочество изволилъ туда пойтить. Была тутъ музыка новая, тажъ самая, которая была въ Екатерининъ день, сочиненія г. Галупи. Я въ первой разъ ее сегодня слышалъ. Музыка чрезвычайно хороша, огромна и пріятна: есть ли прилежно вслушаешься, то сердце восхищается. Ея Величество чрезвычайно оною была довольна. Изволила приказывать три раза играть да саро. Между тѣмъ изволила играть въ ломберъ съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ и съ генераломъ князь Александромъ Михайловичемъ Голлицынымъ. Его Высочество изволилъ сѣсть играть въ берлашъ. Играли съ нимъ дежурныя фрейлины: Анна Алексѣевна Хитрова и графиня Наталья Кирилловна Разумовская, графъ Николай Александровичъ Головинъ и камеръ-юнкеры кн. Бѣлосельской и Талызинъ. Потомъ тутъ же за столомъ въ короли играли, и исправляли службы, изъ за-стола не вставая. Въ началѣ девятого часу все кончилось. Его Высочество, проводя Государыню-родительницу до биліардной комнаты, вскорѣ изволилъ возвратиться къ себѣ, и читать Робинзона. Съѣли потомъ за столъ. Опочивать легъ Государь Цесаревичъ въ половинѣ десятого часу.

27. Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ Священное Писаніе съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ. Потомъ принявъ рапорты отъ господъ фламановъ, изволилъ пойтить къ Государынѣ: оттуда въ церковь. Обѣдню слушалъ изъ боковой комнаты. Ея Величество въ церкви стоять изволила. Послѣ обѣдни,

отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія», Безбородко замѣчаетъ, что императоръ въ Россіи долженъ быть греческаго закона, а равно его супруга, наследника престола и его супруга, но супруги прочихъ великихъ князей могутъ быть и другаго христіанскаго закона. Сказавъ же затѣмъ о коронованіи императора, онъ прибавляетъ: «Не было бы противно самодержавной власти, если бы государь, по изреченіи Символа вѣры, произнесъ клятвенное обещаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя явила бы народу его непорочное намѣреніе царствовать во славу имперіи и во благо общественное».

Въ запискѣ для своего завѣщанія, Безбородко, назначаетъ значительную сумму на благотворительность и проситъ: «не употреблять на его погребеніе никакихъ излишнихъ обрядовъ, какъ-то катафалковъ, траурныхъ уборовъ, балдахиновъ и прочихъ оказательствъ пышности, но, пришедши ко всему тому, лишнее противъ надобнаго раздать бѣднымъ».

Настоящій томъ украшенъ портретами Безбородка и граверами.

Историческое общество, такъ много сдѣлавшее для разработки матеріаловъ новой русской исторіи, какъ извѣстно изъ печатныхъ сообщеній, предпринимаетъ изданіе біографическаго словаря русскихъ дѣятелей, заботясь, главнымъ образомъ не объ обширности его, а о точности и обстоятельности. Въ такомъ пособіи давно нуждается отечественная наука, но къ этому считаемъ нужнымъ прибавить пожеланіе, чтобы справочный словарь не ограничился только извѣстными дѣятелями, заслуживающими біографіи. Въ него должны войти также представители высшей и мѣстной администраціи, (члены совѣтовъ, сенаторы, презвд. и вице-презвд. коллегій, другіе сановники, русскіе министры и по-вѣренныя при иностран. дворахъ и т. п., генералъ-губерн., губернаторы, воеводы и т. п.), члены академіи и университета (за XVIII стол.), завѣдывавшіе разными спеціальными заведеніями и учрежденіями и

т. п. Располагая доступномъ во многіе архивы, Общество безъ особеннаго труда могло бы выполнить подобную задачу, при содѣйствіи нѣсколькихъ просвѣщенныхъ архивистовъ, завышшихъ уже о своей дѣятельности и готовности слушать на поприщѣ литературы. Въ случаѣ затрудненія въ присоединеніи біографическаго элемента съ справочнымъ, подобныя списки могли бы быть отдѣлены, на подобіе росписи Строева, составленной по церковной исторіи и изданной археог. Комиссіею подъ наблюденіемъ Члена Комиссіи М. И. Семева.

Родъ дворянъ Демидовыхъ. К. Д. Головщикова. Ярославль 1881. 268+106. Ц. 2 р.

По новости рода Демидовыхъ въ русской исторіи, дѣятельность его дѣлкомъ относится къ XVIII и XIX столѣтіямъ. Возникновеніе его извѣстности тѣсно связано съ исторіею заводской дѣятельности Россіи въ восточной части европейской Россіи и въ Сибири, а потому здѣсь тѣсно соприкасаются такіе вопросы, какъ крестьянскій, инородческій, заселеніе восточныхъ окраинъ Россіи, состояніе промышленности и частныхъ богатствъ въ Россіи. Затѣмъ, члены этой фамиліи становятся извѣстными на поприщѣ благотворительности и покровительства разнымъ полезнымъ учрежденіямъ, преимущественно по части просвѣщенія. Генеалогическое обзоріе доведено авторомъ до настоящаго времени, при чемъ особенною подробностію отличаются біографіи Никиты Демидовича (современника Петра В.), Акинѣя Никитича, Прокопія Акинѣевича (2-я половина XVIII стол.), извѣстнаго своими пожертвованіями и чудачествами; Павла Григорьевича (его внука), извѣстнаго своими связями съ учеными, основаніемъ лица въ Ярославль и пожертвованіями на университетъ въ Сибири, Москвѣ и Киевѣ; Николая Никитича (жертвователя), Павла Николаевича (Демидовскія преміи въ Акад. Наукъ), Анатолія Николаевича и др. Авторъ пользовался значительнымъ количествомъ матеріаловъ, которые онъ отмѣчаетъ съ точностію, и помѣщаетъ приложенія, впрочемъ послѣднія большею частію бывшими уже въ печати.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Бузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія іерарховъ обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографія, замѣтки, дневники.—V. Библиографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка и вообще документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый.

Н О Я Б Р Ъ .

1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. О подписѣ на «Русскую Старину» 1882 г. (тринадцатый годъ изданія). 1
- II. Главныя черты моей жизни. Записки генералъ-адъютанта Павла Алексѣевича Тучкова, (род. 1803 г. † 1864 г.) 455
- III. Русское общество при взошествіи на престолъ Николая Пшоломча: дописаніа М. М. Фока къ А. Х. Бенкендорфу, 1826 г. [Окончаніе]. 519
- IV. Война Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг.: переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ, 1829 г. май—юль. 561
- V. Иннокентій Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Тавричскій, въ письмахъ къ настоятелю и руководителю его въ дѣтствѣ, священнику Вас. Климентову, 1822—1855 гг. Сообщилъ В. А. Кондаковъ. 575
- VI. Записки демабриста Николая Александровича Бестужева, 1800—1871 гг.: Главы I—XXIV: въ Члѣнъ и въ Петровскѣ. — Наши учителя и руководители. — Друзья и союзники. — Технические, научныя и литературныя труды братьевъ Вестужевыхъ. — Воспоминаніе о Рыльцовѣ. — Селенгинскъ и его обитатели. — Жизнь на поселеніи. — Смерть Николая Вестужева, 1800—1855 гг. 591
- VII. Императоръ Александръ I и его время: 1. Объ отицѣ жестокоствѣ въ обращеніи съ солдатами. 1804 г. — 2 Сперанскій. — 3. Война 1812 г.: кн. Липавъ, — кн. Кутузовъ, — гр. Аракчеевъ. — 4. Дописаніа вышей полиціи. 659
- VIII. Библиографическій указатель русско-историческихъ книгъ [на оберткѣ].

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича, Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. [стр. 533—596]. — II. Портреты профессора С.-Петербургской духовной Академіи, писателя по вопросамъ о духовенствѣ Дмитрія Ивановича Ростиславова († 1877 г.). Гравировалъ художникъ Г. Н. Грачевъ, ученикъ Академика Сврякова. (*Продолженіе Записокъ о духовенствѣ, соч. Дм. Ив. Ростиславова будетъ помѣщено въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г.*)

Вышелъ въ свѣтъ альбомъ: «Русскіе дѣтели» въ гравюрахъ Аннадимина СЪРЯНОВА. Цѣна 3 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 11.

1881.

Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ по сочиненіямъ Максима Грека и современнѣмъ ему памятникамъ. Ивана Преображенскаго. М. 1881. 249. Ц. 1 р. 50 к.

Пересмотръ того или другаго вопроса, съ цѣлью его пополненія и дальнѣйшаго развитія, всегда бываетъ полезенъ въ наукѣ, въ особенности, если онъ вызывается новыми матеріалами или другими тѣсно связанными съ нимъ вопросами. Такія требованія мы въ правѣ были бы предъявить къ новому труду по исторіи русской литературы и общества XVI вѣка. Но авторъ, повидимому, не задавался этою болѣе широкою рамкою. Его работа имѣетъ эклектическій характеръ. Это рядъ очерковъ по извѣстнымъ рубрикамъ (просвѣщеніе на Руси въ XVI в., пороки, господствовавшіе въ средѣ духовенства, пороки въ средѣ мірянъ, пороки въ средѣ монашествующихъ, свѣтлыя стороны въ религиозно-нравственной жизни русскаго народа въ XVI в.), безъ претензій на одѣнку или освѣщеніе фактовъ и источниковъ съ новой стороны, хотя для такой работы онъ имѣлъ уже достаточный запасъ и данныхъ, и выводовъ, существующихъ въ литературѣ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не отдать преимущества очеркамъ г. Жмакина, помѣщеннымъ въ Древ. и Нов. Рос. 1879 года, касающимся тѣхъ же вопросовъ и явленій, но лучше освѣщенныхъ и объясненныхъ.

Переселенія крестьянъ Вятской губ. Изслѣд. Вятск. губ. статистика Н. Романова. Изд. Вятскаго губерн. земства. Вятка. 1881. 336+132. Ц. 2 р. 25 к.

Въ одной изъ прежнихъ змѣтокъ мы указали на участіе вятскаго земства въ изданіи трудовъ, посвященныхъ исторіи тамошняго края—и вотъ новое свидѣтельство такого же вниманія земства къ вопросамъ не только практическимъ, но и научнымъ. Такой характеръ имѣетъ трудъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Въ своемъ трудѣ авторъ представляетъ сравнительные выводы о числѣ душъ крестьян-

скаго населенія въ Вятскомъ краѣ съ 1834—1858 г. и съ 1858—78 гг. по уздамъ и въ общей сложности; обзоръ переселеній по уздамъ; причины и слѣдствія переселеній; изслѣдованіе вопроса о содѣйствіи переселеніямъ со стороны земства. Трудъ этотъ сопровождается множествомъ статистическихъ таблицъ. В. И.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ III (1808—1827). Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1880. XV+453+VIII. стр. въ 6. 8 д. л. Цѣна 2 в. сер. Томъ IV. Стихотворенія (1828—1852) VIII+374+XII стр. Цѣна 2 р. сер. Томъ V (1848) „Фонъ-Визинъ“. XVI+351. Цѣна 2 руб. сер.

Изданіе полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго, безукоризненное по изяществу въ типографскомъ отношеніи, продолжается безостановочно, общія, по своему окончанію, быть драгоцѣнными вклады въ сокровищницу исторіи нашей словесности. Расположеніе стихотвореній по годамъ съ 1808 по 1852 годъ даетъ возможность читателю постепенно прослѣдить развитіе поэтическаго дарованія князя Вяземскаго, дарованія крупнаго, блестящаго—но, къ сожалѣнію, нерѣдко развѣнчиваемаго на мелочь. По уму и образованію, покойный имѣлъ полнѣйшее право занять мѣсто рядомъ съ Карамзинимъ и Жуковскимъ, оставляя гораздо выше себя цѣлый легионъ писателей Александровской эпохи и даже послѣдующаго времени. Воспитаникъ французской школы XVIII вѣка, князь, при врожденномъ остроуміи, усвоилъ легкость, игривость, изящество своихъ образцовъ, былъ, такъ сказать, французскимъ поэтомъ въ наизыбѣйшемъ русскомъ переводѣ, но не можетъ быть русскимъ, роднымъ поэтомъ—подобно Крылову, Пушкину, Гоголю, Лермонтову. Изъ 658 стихотвореній, вошедшихъ въ составъ двухъ томовъ, не наберется и пятидесятой доли такихъ, которыми-бы была въ правѣ гордиться отечественная словесность, хотя нѣкоторыя изъ произведеній князя Вяземскаго и занесены на страницы Христолаги А. Д. Галахова. Вся эта масса мадригаловъ, посланій, сонетовъ, пѣсень и т. п.,

О ПРИЕМѢ ПОДПИСКИ НА

„РУССКУЮ СТАРИНУ“

ИЗД. 1882 Г.

тринадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1882 г., тринадцатый годъ изданія, будетъ выходить, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ четыре тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати ¹⁾.

При книгахъ «Русской Старины» изданія 1882 года будутъ прилагаться портреты русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изд. 1882 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Большая Садовая, рядомъ съ Публичной бібліотекой, д. Вагнера, № 12); въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться неключительно въ редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

(См. на оборотѣ).

¹⁾ При началѣ изданія съ 1 янв. 1870 г. — редакція обязывалась ежемѣсячными книгами „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ издавать въ объемѣ каждую не менѣе восьми печатныхъ листовъ; съ 1874-го года—не менѣе одиннадцати листовъ; а съ 1882 года каждая книга „Русской Старины“ будетъ обязательно заключать въ себѣ не менѣе четырнадцати печатныхъ листовъ.

НАПЕЧАТАНЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академикомъ Л. А. СЪРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе всѣхъ портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ граверовъ покойнымъ Л. А. Сѣряковымъ—для изданія „РУССКАЯ СТАРИНА“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновили на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября, октября и по 10-е ноября мѣсяцевъ 1881 года, получаютъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сѣрякова“ за одинъ рубль, который благоволятъ выслать съ подписною, **ДЕВЯТЬ** рубл., на журналъ „Русская Старина“ 1882 г. суммою, всего **10** руб.

*Можно еще получить «Русскую Старину» изданіе 1881 года. Девятнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, М. И. Голенищева-Кутузова (1775 г.), Хаджи-Мурата, барона Гейсмара (при XII-й книгѣ), архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравера-акад. Л. А. Сѣрякова, профессора П. И. Пирогова, профессора Д. И. Ростиславова, историка-профессора С. М. Соловьева, и друг.— цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.*

ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ РОСТИСЛАВОВЪ,

ПРОФЕССОРЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 1877 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1881 г. томъ XXXII.

ОБЪЯВЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АВГУСТА 1881 Г.

ОБЪЯВЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АВГУСТА 1881 Г.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ЗАПИСКИ ПАВЛА АЛЕКСѢЕВИЧА ТУЧКОВА.

.....Идя стезею правды, встречая преграды со стороны любящихъ славаго счастья, отражая клевету и злобу, труденъ былъ путь Тучковыхъ, и если воздаяніе заслугъ не всѣмъ изъ нихъ было удачно, то всѣмъ нѣкоторымъ предназначена награда свыше: — умереть во славу своего отечества.

Біографія Тучковыхъ, составл. П. А. Тучковымъ, глава III, стр. 14.

I.

Дѣтство.

Дѣтство мое было коротко. Родившись въ 1803-мъ году 7-го апрѣля, въ 1817-мъ г. я уже оставилъ родительскій домъ офицеромъ генеральнаго штаба и отправленъ былъ въ главную квартиру 1-й арміи — въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

Слишкомъ коротко было это время и для наслажденія ощущеніями родительской нѣжности и для образованія моего. Успѣхъ въ наукахъ въ теченіи года же въ заведеніи генер. Муравьева далъ мнѣ право на званіе студента въ Московскомъ университетѣ будучи 12-ти лѣтъ отъ роду, и на чинъ прапорщика генеральнаго штаба въ 14-ти лѣтнемъ возрастѣ. Съ этимъ началомъ можно было ожидать многого, если бы 4-е или 5-ть слѣдующихъ годовъ продолжались мои учебныя занятія. Объ этомъ потерянномъ времени, я постоянно чувствовалъ внутреннее сожалѣніе.

Годы дѣтства пронеслись съ быстротою молніи, и въ этой отдаленной отъ меня теперь эпохѣ рисуются еще ярко въ моемъ воображеніи и нѣжность матери, и попеченіе отца, и любовь ихъ—такъ глубоко врѣзавшаяся въ мое сердце—и роскошные дома, и богатая подмосковная, и бѣдные семейства, призрѣнные тамъ истинною добродѣтелью отца и матери. Разговоръ, слышанный тогда и преобладающій надъ прочими разсказами, былъ о моемъ дѣдѣ, о подвигахъ дядей, о военной ихъ доблести, и болѣе, о ихъ правилахъ чести и о тѣхъ выгодахъ по службѣ, которыя они принесли въ жертву благородству своему. Все это я выслушивалъ съ особенною жадностью въ самомъ младенчествѣ, и съ той ранней поры родилась во мнѣ внутренняя гордость принадлежать имени Тучковыхъ. Приѣздъ на короткое время дядей моихъ въ Москву былъ въ то время, для насъ дѣтей, истиннымъ праздникомъ. Мы смотрѣли на нихъ какъ на существа исключительныя, и ихъ генеральскіе эполеты, звѣзды, кресты—еще болѣе поражали наше дѣтское воображеніе. Такъ до сихъ поръ еще запечатлѣнъ въ памяти моей образъ дядей Николая Алексѣевича и Александра Алексѣевича, которыхъ я видѣлъ въ послѣдній разъ въ 1811 году, когда мнѣ было 8 лѣтъ.

Въ этомъ году, 7-го февраля, меня и старшаго брата сдѣлали пажами къ Высочайшему двору, по личной просьбѣ дяди Николая Алексѣевича, который только и пользовался благорасположеніемъ царя для пользы ближнихъ, а не для себя. Такъ, онъ воспользовался минутою, когда императоръ Александръ признавалъ заслуги его и спросилъ чего онъ желаетъ? Николай Алексѣевичъ питалъ особую дружбу къ отцу моему и принималъ сердечное участіе въ его семействѣ, всегда твердилъ ему, что домашнее воспитаніе вредно мальчикамъ и съ этою цѣлью исходатайствовалъ намъ званіе пажей. Черезъ 4 года послѣ того меня отдали въ университетскій пансіонъ и потомъ въ училище колонновожатыхъ Муравьева. Въ этомъ послѣднемъ заведеніи отлично готовляли молодыхъ людей къ службѣ генеральнаго штаба и съ тѣмъ особеннымъ выборомъ юношей и съ тою отеческою заботливостью старика Муравьева ко всѣмъ намъ, которыя оставили невыразимое впечатлѣніе. Это былъ одинъ изъ годовъ юности, короткое время котораго на всю жизнь запечатлѣлось пріятнѣйшими воспоминаніями. И оно прошло слишкомъ быстро и настала часть

разлуки съ товарищами, которые меня любили, съ семействомъ, въ которомъ я былъ истинно, совершенно счастливъ. Разлука была тягостна и долго юное сердце мое рвалось къ отцовскому дому, среди новыхъ впечатлѣній, силившихся отвлечь отъ него.

II.

Вступленіе въ службу.

Вступивъ на поприще службы, я былъ счастливъ первыми моими начальниками. Въ главной квартирѣ 1-й арміи князя Барклая де Толли, генераль-квартирмейстеромъ былъ генераль-майоръ Мартынъ Николаевичъ Гартингъ. Онъ вспомнилъ службу свою подъ начальствомъ Николая Алексѣевича и по прибытіи моемъ—въ декабрѣ 1817-го года—въ Могилевъ, съ первой встрѣчи вселилъ въ меня особенную къ нему довѣренность дружескимъ обхожденіемъ и участіемъ въ моей молодости. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые попадаются рѣдко на этомъ свѣтѣ. Соединяя благородство души, доброту сердца съ рѣдкими достоинствами военного человѣка и обширными познаніями, онъ умѣлъ привлекать всѣхъ, кто только имѣлъ до него доступъ. Удаляя все, что могло трогать самолюбіе молодого человѣка въ лѣта, гдѣ часто ставишь его въ томъ, въ чемъ не должно, Гартингъ умѣлъ заставить меня учиться ремеслу моему и быть внимательнымъ моимъ руководителемъ. Вселивъ охоту къ службѣ генеральнаго штаба, въ городѣ, не представлявшемъ никакихъ разсѣянностей, до которыхъ впрочемъ я никогда не былъ охотникомъ, все свободное время отъ службы я посвящалъ чтенію военныхъ книгъ, дѣлая изъ нихъ извлеченіе, и пользуясь бібліотекою и совѣтами моего начальника. Упражненіе въ лѣтнее время съемкою, практическою малою войною и фронтомъ, приучали къ глазомеру и къ дѣйствіямъ войскъ. Года черезъ два я почувствовалъ съ особеннымъ самодовольствіемъ, что я сталъ на счету офицеровъ, которыхъ любили употреблять въ случаяхъ болѣе важныхъ. Начальникъ главнаго штаба Дибичъ, входилъ самъ въ образованіе офицеровъ генеральнаго штаба, часто смотрѣлъ насъ во фронтѣ, на аванпостной службѣ, на линейныхъ ученьяхъ кадрами и маневрахъ;—а потому зналъ каждаго изъ насъ лично. Ежедневно, по очереди, приглашались къ нему офи-

перы генеральнаго штаба въ обѣду и тамъ онъ, разговаривая съ каждымъ, узнавалъ степень способности его и образованія.

И такъ оконченное мое слишкомъ рано воспитаніе приняло направленіе специальное и по этому пути развивались мои понятія и вся будущность.

Первые успѣхи.

10-го декабря 1819 года меня произвели за отличіе въ поручики и на слѣдующій годъ, находясь при Высочайшемъ смотрѣ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса Бороздина, въ Воронежѣ, я былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Эти двѣ награды заставили меня далеко уйти впередъ отъ моихъ товарищей. Будучи часто командированъ къ войскамъ во время маневровъ, въ 1821 году былъ на Высочайшемъ смотрѣ войскъ гвардейскаго корпуса въ Бешенковичахъ, въ 1823 г. въ г. Орлѣ при 2-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ барона Корфа, въ 1824 году въ Пензѣ при 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ князя А. И. Горчакова и въ 1825-мъ г. при гвардейскомъ корпусѣ, которымъ командовалъ тогда Войновъ. Въ это время я получилъ назначеніе дивизионнаго квартирмейстера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича.

Между тѣмъ службою моею были довольны и въ 1823-мъ (3-го февраля) я былъ произведенъ въ поручики за отличіе, а въ 1825-мъ году (марта 29-го) въ штабсъ-капитаны.

Перемены домашнихъ обстоятельствъ.

Въ продолженіи всего этого времени нѣсколько разъ бывалъ я въ отпуску, и съ новымъ чувствомъ радости обнималъ родителей—друзей моихъ. Отецъ мой по мѣрѣ того, какъ я входилъ въ лѣта, дѣлался откровеннѣе часъ отъ часу со мною, и мы были съ нимъ совершенными друзьями. Не было ничего, что бы я скрывалъ отъ него. Какая нибудь вѣтренность молодости, первыя завлеченія, планы, мысли мои, все было ему извѣстно. И онъ не скрывалъ отъ меня ни малѣйшаго обстоятельства его жизни. Онъ въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ переменялись ужасно: дома и

подмосковная картинная галлерея были проданы, большое тульское имѣніе также. Долги обременяли семейство. Это дѣйствовало ужасно на характеръ отца и часто заставлялъ я его въ горькой задумчивости. Мать моя, примѣръ совершенной добродѣтели, переносила всѣ пережѣныя положенія съ восхитительною твердостью, и была для насъ чуднымъ примѣромъ. Эти обстоятельства не могли не имѣть вліянія и на мое положеніе. Сначала будучи въ самомъ большомъ довольствѣ и даже въ роскоши для молодаго человѣка, я долженъ былъ умѣрить до того мои расходы, что были года, гдѣ я ограничивался однимъ жалованьемъ по службѣ. Жилъ скромно, не входя въ долги и ни разу не погрѣшилъ внутреннимъ даже упрекомъ моему отцу. Положеніе его слишкомъ было близко моему сердцу и въ приѣздъ мой къ нему, часто удавалось мнѣ разгонять мрачныя мысли его, развеселить его, и тогда я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Успѣхи мои по службѣ также утѣшали его.

Въ 1824-мъ году скончался достойнѣйшій изъ начальниковъ моихъ г. Гартингъ. Нельзя выразить того общаго сожалѣнія о немъ, которое я раздѣлялъ всѣмъ сердцемъ. Онъ умеръ въ одно время съ назначеніемъ его генераль-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества и до отъѣзда моего въ Пензу общалъ мнѣ перевести съ собою въ Петербургъ. Въмѣсто его назначенъ былъ г.-м. Бутурлинъ. Начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи былъ тогда уже Толь, смѣнившій Дибича, назначеннаго начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества. Главнокомандующимъ арміею былъ гр. Савенъ.

Новый начальникъ мой Бутурлинъ былъ человѣкъ свѣтскій, учтивый, и хотя военный писатель у насъ извѣстный, но не имѣлъ никакихъ практическихъ военныхъ познаній. Онъ болѣе занимался своими сочиненіями и писалъ тогда Испанскую кампанію французовъ, въ которой онъ участвовалъ и для которой я имѣлъ порученіе составить карту театра дѣйствій. Этотъ трудъ сблизилъ меня съ Бутурлинымъ и былъ иною его расположенія. Но въ маѣ 1825 года работа эта прекратилась назначеніемъ моимъ въ гвардейскій корпусъ.

Первая служба при в. к. Николаѣ Павловичѣ.

Прибывъ въ Петербургъ, передъ вступленіемъ въ лагерь войскъ гвардейскаго корпуса, я представился Его Высочеству, который принялъ меня въ кабинетъ Аничкина дворца своего и черезъ нѣсколько дней мы выступили въ Красное село. Его Высочество самъ велъ дивизію свою, и расположился въ авангардномъ лагерьѣ Краснаго села. Корпусный штабъ занималъ слободу Бартаминскую, гдѣ я соединился съ моими товарищами. Великій князь Николай Павловичъ имѣлъ нѣкоторое предубѣжденіе къ офицерамъ генеральнаго штаба и потому я былъ поставленъ въ положеніе весьма щекотливое. Недовѣрчивость его отстраняла меня отъ настоящей обязанности офицера при войскахъ и самолюбіе мое было оскорблено. Представился случай на одномъ линейномъ ученіи, гдѣ дивизія была первоначально поставлена однимъ изъ адъютантовъ Его Высочества, выразить, что при 2-й гвардейской дивизіи обязанность моя дѣлается излишнею. Великій князь, желая можетъ быть доказать, что онъ имѣлъ основаніе отстранять такимъ образомъ офицеровъ генеральнаго штаба, приказалъ, съ того дня, мнѣ ставить войска и чрезъ нѣсколько дней сдѣлалъ небольшой маневръ отъ деревни Горли по направленію къ Дудергофу, мѣстности, тогда весьма мало для меня извѣстной по нахожденію моему въ Красномъ селѣ въ первый разъ. Узнавъ однако случайнымъ образомъ о предлагаемомъ маневрѣ, я поспѣшилъ сдѣлать рекогносцировку и изучилъ эту мѣстность наилучшимъ образомъ. Съ этою увѣренностью я принялъ приказаніе Великаго Князя о первоначальномъ построеніи дивизіи. Подѣзжая къ дивизіи, Его Высочество былъ доволенъ. Потомъ во время нѣсколькихъ часовъ маневра испытывая меня разными порученіями, и видя, что всякій разъ всѣ приказанія его и предположенія были исполняемы съ успѣхомъ и находчивостью, Великій Князь, по окончаніи маневра, въ лестныхъ выраженіяхъ изъявилъ благодарность свою и совершенно измѣнилъ свое обращеніе ко мною. Я былъ приглашаемъ къ обѣду Его Высочества, какъ и товарищъ мой, находившійся при дивизіи в. к. Михаила Павловича, къ сему послѣднему,—и съ того дня я исполнялъ обязанность мою при 2-й гвардейской дивизіи, пользуясь довѣріемъ Его Высочества.

По окончаніи лагернаго времени получивъ порученіе снять топографическій маршрутъ по Смоленской губерніи, для проѣзда Государя Императора Александра въ Таганрогъ,—я представился своему дивизионному начальнику, чтобы откланяться Его Высочеству и Великій Князь изъявилъ благоволеніе своё, выразивъ, что на будущее время онъ не захочетъ имѣть другаго офицера генеральнаго штаба при себѣ какъ меня. Но это было послѣднее время командованія его 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Черезъ три мѣсяца великій князь былъ—императоромъ.

III.

Порученіе въ Астрахань и Таганрогъ ¹⁾.

— „По окончаніи съёмки маршрутовъ, мнѣ было предписано лично вручить оныя Дибичу при проѣздѣ его съ государемъ черезъ станцію Прискуху въ Псковской губерніи. На этой станціи, въ послѣдніе дни августа 1825 года, я дождался прибытія императора Александра. Здѣсь я имѣлъ случай въ первый разъ говорить съ Государемъ, человѣкомъ завлекательной наружности и съ невыразимо пріятными формами обращенія. Онъ спросилъ меня о родствѣ моемъ съ генералами Тучевыми, говорилъ, что зналъ мою бабушку и назвалъ ее по имени, сказавъ, что помнить ее. Потомъ лично далъ приказанія на счетъ порученія моего въ Астрахань и благосклонно простился со мною. Здѣсь Государь ночевалъ. На другой день я еще разъ видѣлъ его при отѣздѣ съ ночлега и онъ еще разъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Вслѣдъ за нимъ я скакалъ курьеромъ и поворотилъ черезъ Дорогобузь и Москву въ Астрахань.

Въ Астрахани я имѣлъ порученіе собрать свѣденія о сообщеніи между городомъ Уральскомъ и Астраханью и способахъ проѣзда Государя Императора въ томъ краѣ. Всѣ сіи свѣденія, какъ равно и статистическое описаніе губерній, я отправилъ по эстафетѣ въ Таганрогъ. Дибичъ въ письмѣ своемъ къ мнѣ отъ 23-го сентября 1825 г. изъявилъ особенную благодарность за исполненіе

¹⁾ Эта маленькая глава была приведена въ „Разсказахъ кн. Н. С. Голицына“, „Рус. Стар.“ 1860 г. кн. XI, стр. 740—742.

этого порученія, и собственноручно приписалъ нѣсколько строкъ, весьма лестныхъ. Въ предписаніи же его отъ 26-го сентября 1825 года, приказывая отправиться изъ г. Царицына (гдѣ я кончилъ съемку топографическихъ маршрутовъ) въ Таганрогъ, заключаетъ свое предписаніе словами: „При чемъ нужнымъ считаю вамъ повторить: работою не слишкомъ торопиться, но беречь здоровье ваше“.

Привожу это какъ примѣръ попеченія и вниманія начальника, каковъ былъ Дибичъ, и какихъ рѣдко послѣ встрѣчали въ нашей службѣ. По предписанію этому я наконецъ прибылъ въ Таганрогъ и остановился съ товарищемъ моимъ Шенигомъ. На другой день я отправился являться въ Дибичу. Идя по узкому тротуару Таганрогской грязной улицы и остановясь противъ воротъ одного дома, спросилъ женщину, шедшую по двору: „Не здѣсь ли живетъ генералъ Дибичъ?“, вмѣсто отвѣта, вдругъ почувствовалъ, что кто то взялъ меня за оба плеча сзади, и потомъ указывая на сосѣдній домъ, говоритъ: „Дибичъ живетъ въ этомъ домѣ“. Узнавъ голосъ Государя, я хотѣлъ сойти съ тротуара, чтобы дать мѣсто, но Государь, не пуская меня, поздоровался и спрашивалъ объ окончаніи моего порученія. Потомъ вышелъ изъ грязи на тротуаръ и пошелъ далѣе, указавъ мнѣ еще разъ домъ Дибича.

Въ другой разъ мы сидѣли подъ окномъ съ Шенигомъ и глядѣли на пьянаго гарнизоннаго офицера, никакъ непопадавшаго на тротуаръ. Посмотрѣвъ въ противную сторону, мы замѣтили Государя, идущаго къ нему на встрѣчу противъ нашихъ окошекъ. Государь, поровнявшись съ нимъ, спросилъ его:

— „Гдѣ ты живешь? пойдемъ я доведу тебя, а то если тебя встрѣтитъ Дибичъ въ этомъ положеніи, тебѣ достанется, онъ престрогий“, взялъ его подъ руку и повелъ въ первый переулокъ.

Можно вообразить, что пьяный офицеръ, узнавъ Государя, протрезвился.

Въ пребываніи Государя Таганрогъ, онъ ежедневно прогуливался пѣшкомъ и рѣдко прогулка его не была ознаменована какою нибудь помощью бѣдному семейству, отысканному имъ самимъ, или какимъ нибудь благодарніемъ другаго рода.

Государю вздумалось однажды сдѣлать неожиданное удоволь-

ствіе императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, отерывъ видъ на море въ городскомъ саду, гдѣ государыня часто прогуливалась и хотѣла проложить новую дорожку къ самому нагорному берегу. Государь приказалъ спросить кого нибудь изъ насъ, не возьмемъ ли мы на себя распорядиться этою работою и тотъ, кто пожелаетъ, явился бы на другой день въ садъ, гдѣ найдетъ самаго Государя. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мы были счастливы исполнить желаніе Государя, но когда надо было одного только, то я, какъ старшій, получилъ приказаніе явиться въ садъ. Съ очаровательною любезностію Государь объяснилъ свое желаніе и велѣлъ взять людей изъ рабочаго баталіона, съ тѣмъ чтобы къ слѣдующему утру работа была готова. На другой день, едва все было отдѣлано, Государь прибылъ въ садъ, дошелъ по новой дорожкѣ до берега моря и полюбовался видомъ, поблагодарилъ меня и приказалъ дожидаться на этомъ мѣстѣ императрицы, а самъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Черезъ короткое время государь съ императрицею, прогуливаясь по саду, подошли къ новой дорожкѣ и императрица узнала вниманіе государя къ желанію ея, ибо она нѣсколько разъ изъявляла сожалѣніе, что въ саду закрытъ видъ на море. Послѣ изъявленія чувствъ своихъ, государь поцѣловалъ у нея руку и они долго любовались видомъ. Потомъ государь представилъ меня императрицѣ, и когда она удалилась, государь подозвалъ меня, поблагодарилъ еще разъ и, вынувъ изъ кармана карманчикъ съ перстнемъ, вручилъ мнѣ, сказавъ: „вотъ тебѣ на память за труды твои“. И въ этомъ прояснилась утонченность чувствъ государя; онъ считалъ работу эту внѣ обязанностей службы и хотѣлъ наградить безъ формы официальнойности.

Жизнь въ Таганрогѣ имѣла особенный характеръ. Государь жилъ какъ частный человѣкъ, безъ свиты и придворнаго экипажа, и никто изъ служащихъ, безъ особеннаго приказанія, не могъ пріѣхать въ его уединеніе.

Мы приглашались иногда къ обѣду государя и иногда видали государя съ императрицею въ клубѣ, гдѣ государь танцевалъ польскій съ незнаменитыми горожанками Таганрога. Мы не знали долго ли продлится пребываніе императора въ этомъ городѣ и желали только, чтобы насъ оставили при его небольшой свитѣ.

Скоро государь отправился въ Крымъ и, по возвращеніи, слишкомъ скоро постигло событіе, поразившее Россію искреннею скор-

бію. Я былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ государя, былъ свидѣтелемъ бальзамированія его тѣла, дежурилъ при немъ и когда тѣло положено было на катафалокъ въ залѣ, то у подножія его стоялъ на часахъ. Видѣлъ какъ нѣсколько разъ въ теченіи ночи императрица, изсохшая въ теченіи нѣсколькихъ дней, безъ слезъ и рыданій, въ черномъ одѣяніи, отвидывала покрывало свое, входила на ступени гроба и долго не сводила глазъ съ усопшаго супруга.

Я проводилъ тѣло императора до Москвы—гдѣ, получивъ отпускъ, дождался прибытія войскъ, собиравшихся на коронацію императора Николая и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ по части генеральнаго штаба при штабѣ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса. Въ память этой незабвенной эпохи я получилъ серебряную медаль съ изображеніемъ Александра, въ числѣ офицеровъ, находившихся на дежурствѣ при гробѣ покойнаго Императора (предписаніе ген.-квар. 1-й арміи отъ 4 сентября 1826 года за № 876).

IV.

Порученіе Константинопольское.

Въ Москвѣ я дождался прибытія своднаго гвардейскаго корпуса для торжества коронаціи императора Николая I, исправляя должность старшаго адъютанта по части генеральнаго штаба при начальниѣ штаба сихъ войскъ г.-а. Нейдгардтѣ; дѣла было много по приготовленіямъ къ торжественнымъ церемоніямъ, смотрамъ и маневрамъ, и среди этихъ занятій получилъ внезапно приказаніе явиться къ генералу Дибичу. Дѣло состояло въ командированіи меня въ Константинополь по случаю разрыва, предполагаемаго съ Портою, для собранія военныхъ свѣдѣній. Дибичъ объяснилъ лично порученіе, на меня возлагаемое, и сообщилъ повелѣніе государя представиться къ нему лично на другой день. 14-го августа 1826 года, по утра, я пріѣхалъ въ Николаевскій дворецъ и въ первый разъ явился къ государю, послѣ восшествія его на престолъ и послѣ того времени, когда я состоялъ при 2-й гв. дивизіи, второю онъ командовалъ, годъ передъ тѣмъ будучи великимъ княземъ. Государь принялъ меня благосклонно, вспомнилъ

мою службу при 2-й дивизіи и говорилъ о порученіи, мнѣ данномъ. Потомъ спросилъ: „Ты такъ внезапно уѣзжаешь, что если у тебя есть какія дѣла, то поручи ихъ мнѣ“. Я вспомнилъ, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тянули дѣло отца моего по размежеванію имѣнія, пожалованнаго императоромъ Павломъ, и доложилъ о томъ государю; его величество повелѣлъ подать записку черезъ Дибича, на которую послѣдовала резолюція: „рѣшить не въ очередь другихъ дѣлъ и ежемѣсячно доносить государю о ходѣ дѣла“. Этою вѣстью я успѣшилъ обрадовать отца, который оставался еще въ Москвѣ; остальное все семейство отправилось уже на житье въ село Яхонтово, послѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, разстроившихъ состояніе. 15-го августа, купивъ партикулярное платье, я отправился въ немъ курьеромъ въ Одессу къ гр. Воронцову съ депешами. Воронцовъ, Рибопьеръ и пр. вели тогда переговоры въ Аккерманѣ съ турецкими посланными.

22-го августа, въ день коронаціи, я явился гр. Воронцову въ Одессѣ. Онъ принялъ меня какъ старый бояринъ русскій, съ тою утонченною ласкою и радушіемъ, которыя съ первой минуты привлекаютъ къ себѣ каждаго. 24-го я пріѣхалъ къ графу на хуторъ Рено и оттуда въ четверомѣстной открытой каретѣ мы отправились въ Аккерманъ. Съ нами были Сафоновъ и Щербининъ; они попеременно читали журналы и такимъ образомъ незамѣтно доѣхали до Овидіополя, гдѣ сѣвъ на приготовленную лодку, переѣхали черезъ Днѣстрскій лиманъ въ теченіи трехъ часовъ и вышли въ Аккерманъ на берегъ. Мы всѣ собрались къ обѣду въ палатку графа, гдѣ я познакомился съ Рибопьеромъ, Антономъ Фонтонемъ и Фридингомъ. Получивъ депеши къ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, я отправился въ тотъ же день далѣе и проѣхавъ Кишеневъ и Скуляны, на другой день прибылъ въ Яссы, остановясь въ домѣ нашего консула Лелли.

Путешествіе въ краѣ, совершенно для меня новымъ, представляло много любопытнаго. Тутъ все имѣетъ какую-то особенность, встрѣчаемую только на востокѣ. Въ Яссахъ мнѣ дали конвойнаго татары отъ турецкаго правительства, и не взирая на малый багажъ нашъ, посадили насъ въ три каруцы, запряженныя каждая четвернею маленькихъ лошадей. До Фокшанъ, т. е. за 13 почтъ, я заплатилъ 52½ піастра. 27-го въ Фокшанахъ намъ сказали, что чума въ Буварестѣ уменьшается, но за этимъ городомъ и въ

Румелии она еще ужасно свирѣствовала. Эта вѣсть дѣлала неприятное впечатлѣніе, хотя татаринъ мой Мюри-Махметъ и курьеръ Малиновскій, привыкшіе ко всѣмъ неприятностямъ края, старались представить мнѣ маловажность этого обстоятельства. Въ этотъ день я проѣхалъ знаменитый Римникъ, м. Бузю и на другой день, 28-го августа, въ 10 часовъ утра, вѣхалъ въ Бухарестъ, проѣхавъ отъ Фокшаны 10 станцій и заплативъ 45 піастровъ.

Бухарестъ представлялъ мѣсто точно послѣ осады: улицы были пусты, дома заперты и среди дня я насилу достучался до нашего консула Хатова, къ которому наконецъ допустили меня со всѣми карантинными предосторожностями,—такъ еще все было подъ вліяніемъ страха послѣ жестокой чумы, опустошившей городъ. Въ Бухарестѣ пробывъ не болѣе 4-хъ часовъ времени, сколько нужно было получить бумаги отъ консула къ нашему повѣренному въ дѣлахъ, въ 2 часа пополудни, я отправился далѣе. Заплативъ 22½ піастра за 5 станцій до вѣрности Журжи, сѣли мы въ три наши каруцы и съ радостью оставили Бухарестъ, показавшійся намъ какимъ-то кладбищемъ. Не доѣзжая станцій до Журжи, мы рѣшились ночевать, чтобы не переправляться ночью за границу Турціи, откуда я долженъ былъ начать рекогносцировку пути отъ Рущува до Константинополя.

29-го августа, на разсвѣтѣ, мы остановились передъ воротами вѣрности Журжи. Мюри-Махметъ отправился къ турецкому начальству для показанія паспорта, а я, отпустивъ каруцы, сѣлъ на чемоданъ и нетерпѣливо ждалъ его возвращенія. Утро было прекрасное; надъ воротами вѣрности, подъ навѣсомъ, сидѣлъ турецкій часовой, вуря наргиле свой и по временемъ затягивая заунывную пѣсню. Впереди виднѣлся Рущувъ за Дунаемъ. Изъ вѣрностныхъ воротъ выходили къ рѣкѣ мужчины и женщины за водою, въ своихъ пестрыхъ востюмахъ, и рѣдкій изъ проходившихъ не бросилъ на меня презрительнаго взгляда съ прибавленіемъ слова джіаура. Малиновскій въ полголоса отвѣчалъ на брань, не смѣя возвысить голоса, боясь послѣдствій. Наконецъ возвратился татаринъ нашъ и мы поплелись къ Дунаю, неся нашу небольшую пошу съ пожитками.

Переѣхавъ Дунай на турецкой лодкѣ и войдя въ улицы города, меня поразила картина самая ужасная. Тутъ свирѣствовала чума во всей ея силѣ: на улицахъ валялись мертвыя тѣла,

носили больныхъ, умирающіе стонали, однимъ словомъ, подъ вліяніемъ этого новаго впечатлѣнія и разныхъ ругательствъ, особенно отъ женщинъ, которымъ всякій европеецъ подвергается въ турецкихъ городахъ, мы наконецъ выѣхали изъ Рущува верхомъ на почтовыхъ лошадяхъ. Впереди ѣхалъ суруджи (ямщикъ), держа въ поводу лошадь съ нашимъ выюкомъ; за нимъ татаринъ подгонявшій выюкъ и самаго суруджи, потомъ я съ курьеромъ Малиновскимъ. Мы ѣхали скоро, и не имѣвъ предосторожности запастись собственнымъ сѣдломъ, я долженъ былъ все путешествіе совершить на безповойномъ турецкомъ сѣдлѣ. Не доѣзжая 10 верстъ до Разграда, мы остановились ночевать въ хатѣ одного болгара. Тутъ я привелъ въ порядокъ свои топографическія свѣдѣнія и нѣсколько ноги свои, стертая отъ непривычки къ турецкому сѣдлу. На другой день, рано выѣхавъ изъ д. Есинчи, доѣхали мы благополучно до Разграда, гдѣ перемѣнивъ лошадей, которыхъ я прямо нанялъ до Карнабата, оставляя въ сторонѣ Шумлу, пустились вскачь до Утюклере. Выѣзжая изъ этого селенія, мы увидѣли Балканы, синѣющіе вдаль, и доѣхали въ этотъ день до подошвы ихъ, гдѣ и ночевали въ с. Драгойкіюй. Отъ Рущува до Балканъ, какъ мѣстность, такъ и бѣдныя селенія болгаръ, не представляютъ ничего разнообразнаго; мѣстами встрѣчаются близъ дороги фонтаны, которые такъ благодѣтельны для путешественниковъ по Турціи.

31 августа, съ самаго утра, мы начали подыматься на горы и спускаясь съ хребта по каменистой тропинкѣ, мы скакали во всю прыть. Лошади такъ хорошо приучены, что скользя по каменистымъ ступенямъ, не спотыкаются и съ дикимъ врикомъ нашего суруджи, ѣзда эта мнѣ показалась весьма пріятною, какъ совершенная для меня новость. Иногда татаръ мой затягивалъ свою дико-унылую нѣсню, прерываемую хлопаньемъ бича; иногда оставались мы на привалѣ минутъ на пять у живописнаго фонтана съ холодною ключевою водою, и освѣженные снова пускались вдоль струившейся рѣчки, быстро бѣгущей съ южнаго ската горъ, среди роскошной благоуханной зелени. Въ Балканахъ мы встрѣтились съ курьеромъ нашимъ, ѣхавшимъ изъ Константинополя. Встрѣча съ русскимъ, въ эту минуту, была самая пріятная. Остановясь на нѣсколько минутъ, мы разспросили другъ друга о всемъ, что тогда было у насъ любопытнаго, и пожелавъ счастли-

ваго пути, разѣхались въ разные стороны. Спустился съ горы, намъ открылась великолѣпная долина Карнабатская. Тутъ иная растительность, иное богатство полей и луговъ. Все постепенно указывало приближеніе къ югу. Въ Карнабатѣ, перемѣнивъ лошадей, въ тотъ же день доѣхали до Уранъ-Кіюй на ночлегъ. 1-го сентября, проѣхавъ до Фабы, ночевали въ д. Канары, 2-го въ г. Молебургаѣ, перемѣнивъ лошадей въ Кирниссеѣ. Въ Молебургаѣ мы долго отыскивали помѣщенія для нашего ночлега; и послѣ долгихъ переговоровъ переводчика моего съ хозяиномъ хана (постоялаго двора) и Мюри-Махметомъ, Малиновскій объявилъ мнѣ, что въ этомъ хану есть одна вонната, но хозяинъ боится предложить, потому что изъ нея только что вынесли умершаго отъ чумы. Ознакомясь уже съ чумою и видя невозможность остеречься отъ нея, прикасаясь безпрестанно ко всему, что проходитъ черезъ руки турокъ, я сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ ней, и войдя въ показанную воннату, радъ былъ броситься на низенькій диванъ, служившій, по всей вѣроятности, смертнымъ одромъ умершаго турка, подложилъ подъ себя клеенчатый плацъ, воображая, что онъ защититъ меня отъ заразы, и прелюбопытно проспалъ до слѣдующаго утра, — такъ усталость отъ верховой ѣзды меня утомила.

На слѣдующій день рано утромъ мы выѣхали и въ тотъ день проѣхавъ г. Чорлу, ночевали въ Силивріи, на берегу Мраморнаго моря. Растительность, часть отъ часу, принимала болѣе характеръ южнаго климата. Платаны, каштановыя деревья, кипарисы, встрѣчаются въ каждой долиноѣ. По обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ на открытыхъ стѣнахъ кофейныхъ вьется виноградникъ и сплетаясь сводомъ надъ головою вашею, спускаетъ свои роскошныя вѣтви. По обѣ стороны этого свода вы видите внутри кофеенъ молчаливыхъ турокъ, сидящихъ безопасно въ пестрыхъ костюмахъ за чашкою кофе и за дымящимся наргиле. Вообще вы начинаете ощущать нѣгу востока. Нѣтъ предмета, который бы сходенъ былъ съ предметами, составлявшими до того ваши привычки, вашу обыкновенную жизнь.

4-го сентября, въ субботу, проѣхавъ таможенную заставу въ Кучу въ Чекемедже, мы переѣхали на лодкѣ константинопольскій портъ и къ 4-мъ часамъ пополудни вошли въ домъ нашей коммерческой канцеляріи въ Перѣ, гдѣ г. Македонцевъ, началь-

никъ канцеляріи, озаботился зоготовленіемъ лошадей, чтобы добраться немѣшка до Буюдере.

На 7-й день моего утомительнаго путешествія отъ Рушуга, я достигъ Константинополя. На ночлегахъ, когда всё окружающее меня предавалось безпечному сну, я вставалъ съ постели, дополнялъ съ памяти всё собранныя свѣдѣнія, и не взирая на скорость путешествія и на затрудненія рисовать при свидѣтеляхъ снимаемую мѣстность, мнѣ удалось представить самыя удовлетворительныя свѣдѣнія о пути, мною избранномъ. Тутъ забота моя кончилась, и короткое разстояніе до Буюдере я могъ проѣхать, не отвлекая себя отъ удовольствія смотрѣть на окружающее съ точки зрѣнія обыкновеннаго путешественника. Это удовольствіе можетъ только понять офицеръ генеральнаго штаба настоящимъ образомъ и оцѣнить эту минуту бездѣйствія послѣ постояннаго напряженія во время рекогносцировки.

Въ восьмомъ часу вечера сѣли мы на коней и поскакали тѣмъ же порядкомъ въ Буюдере. Проѣхали мимо кладбища, самаго живописнаго, въ кипарисовой рошѣ. Начало смереаться; но мы продолжали скакать, какъ вдругъ татаръ мой, поворотивъ проводника съ выюкомъ далеко вправо отъ дороги, подскакалъ во мнѣ и въ какомъ то изступленіи заставилъ насъ также сѣхать на значительное разстояніе отъ дороги; не отвѣчая ни слова на наши вопросы, онъ показалъ на показавшуюся толпу, проговоривъ: „султанъ“, — и мы черезъ нѣсколько минутъ увидѣли Махмута, окруженнаго свитою, возвращавшагося въ Константинополь. Въ сумеркахъ, кромѣ пестрой толпы, мы ничего не разглядѣли, и свернувъ опять на нашу дорогу, поскакали далѣе. Подъѣзжая въ Буюкдерской долинѣ, не убавляя быстроты нашего алюра, мы долго сѣзжали со ската горы и, наконецъ, оставя влѣво извѣстное, по огромной величинѣ и красотѣ своей, платановое дерево, вѣхали въ деревню. Вдоль узкой улицы, подъ сводомъ виноградника, изъ кофейнъ весьма ярко влубился дымъ наргиле и пестрѣлись чалмы сидящихъ турокъ. При освѣщеніи огня, видъ этого свода былъ очаровательный. Наконецъ, выѣхавъ изъ деревни, мы увидѣли слѣва возвышавшіеся прекрасныя дома, съ ихъ терасами и садами; вправо ударили волны Босфора на набережную. Мы остановились у воротъ прекраснаго дома, отстающаго отъ рѣшетки на небольшое пространство, изпещренное пирамидами бенгальскихъ

розъ. По обѣ стороны дома двухъ этажные флигеля доходили до улицы. Привратникъ, съ большою предосторожною, впустилъ меня за рѣшетку, оставя всю свиту мою на улицѣ, и я поспѣшилъ вручить депеши мои повѣренному въ дѣлахъ Мингаки. Пока разбирали шифрованные депеши мои, Мингаки, не зная моего званія, встрѣтилъ меня съ какимъ то смущеніемъ и оставилъ одного въ первой комнатѣ ожидать окончанія ихъ чтенія. Наконецъ вышелъ ко мнѣ опять изъ сосѣдней комнаты, но уже съ самою утонченною вѣжливостію и извиненіями. Секретарь миссіи Карлъ Жерве, которому онъ поручилъ помѣститъ меня и успокоить, взялся за свое дѣло съ такою милою привѣтливостію, что черезъ два часа, отужинавъ вмѣстѣ и наговорясь вдоволь, разстались пріятелями. Онъ проводилъ меня въ правый флигель, и въ прекрасныхъ комнатахъ на берегу Босфора, я въ первый разъ легъ на покойную постель, съ спокойнымъ и веселымъ духомъ и проспалъ до утра какъ убитый. Малиновскій, рассчитавшійся съ суруджи и татарномъ, отправился въ знакомому привратнику посланническаго дома.

5-го сентября, въ воскресенье, пробужденіе мое было самое пріятное. Солнце давно уже освѣтило внутренность моей комнаты,—я взглянулъ въ окно—передо мною красивыя воды Босфора испещрены были и бѣлыми парусами, и пестрыми турецкими лодками. Противный берегъ возвышался съ своими разнообразными кіосками, павильонами, садами; надъ ними господствовала гора Гиганта съ дикою своею фізіономіею, съ гробницею, виднѣвшеюся на вершинѣ. Скоро навѣститъ меня Жерве и за нимъ внесли намъ завтракъ съ ливанскимъ кофеемъ и съ трубами. Мы бесѣдовали все утро вмѣстѣ, любовались ни съ чѣмъ несравнемою природою—дышали тѣмъ ароматнымъ воздухомъ, который посылаетъ вамъ обружающая растительность черезъ вѣяніе вѣтра Босфора. Въ 2 часа я отправился къ Мингаки, познакомился съ его семействомъ и съ первымъ секретаремъ барономъ Рикманомъ, умнымъ и благороднымъ человекомъ. Вообще жизнь чиновниковъ миссіи самая патріархальная. Здѣсь всѣ связаны тѣснѣе, чѣмъ въ европейскихъ посольствахъ, всѣ живутъ въ одномъ домѣ, составляютъ одно семейство. Здѣсь нѣтъ ни гостинницъ, ни ресторановъ. Всѣ потребности эти соединены въ домѣ посольства—

обѣдъ общій у посланника. Казна отпускаетъ на это особенную сумму.

Пріѣздъ мой въ Константинополь былъ вскорѣ послѣ истребленія янычаръ султаномъ Махмудомъ. Крѣпкіе слѣды преслѣдованія сихъ послѣднихъ еще продолжались. Ужасъ картины этого жестокаго происшествія держалъ еще всѣхъ подданныхъ султана въ нѣмомъ оцѣпененіи. Въ числѣ ихъ пероты—классъ людей особенный отъ другихъ характеромъ, и имѣющій съ европейцами близкія отношенія, но преданные султану—одни, которые осмѣливались, вопреки общему мнѣнію, выражать восторгъ въ кровавому подвигу Махмута, какъ въ просвѣщенному преобразователю своей имперіи. Съ этой эпохи началось и устройство регулярныхъ войскъ въ Турціи. Имѣя порученіе собрать свѣдѣнія о всемъ, что касалось до военнаго преобразованія,—я занялся этимъ предметомъ и представилъ отчетъ въ особенномъ донесеніи, весьма любопытномъ, копія съ котораго и теперь хранится въ моихъ бумагахъ. Между занятіями моими, свободное время я употребилъ для осмотра всего любопытнаго въ Константинополь. Не стану описывать этихъ рѣдкостей;—кому онѣ въ настоящее время неизвѣстны? Скажу только, что по тогдашнему характеру этого края, всѣ прогулки въ этомъ отношеніи сопровождались большими затрудненіями, а иногда и неприяностями; какъ потому, такъ и по воротному времени, мнѣ оставшемуся, я все осмотрѣлъ поверхностно; но кажется не упустилъ ничего, что составляло тогда предметъ любопытства путешественника. До 13-го сентября, дня моего выѣзда, я успѣлъ также видѣть окрестности города, осмотрѣть водохранилище Бельграда, батареи Босфора, видѣть любопытное ученье новыхъ регулярныхъ войскъ на площади гиподрома, войти на первый и второй дворъ султанскаго дворца, гдѣ съ отвращеніемъ взглянулъ на головы, уши и носы несчастныхъ грековъ, украшавшихъ, какъ трофеи, выѣзды въ сераль султана.

Поѣздка въ море.

13-го числа, въ часъ по полудни, я выѣхалъ изъ Буюкдере, нанявъ четырехвесельную греческую лодку до Варны за 400 піастровъ. Намѣреніе мое было осмотрѣть удобныя мѣста для высадки вдоль берега Чернаго моря отъ устья канала до Варны и

потомъ, возвращаясь въ границѣ, обозрѣть береговой путь отъ Варны. Четыре гребца, Малиновскій и татаринъ, данный для конвоя, успѣли со мною въ небольшую лодку, взявъ съ собою продовольствіе на три дня. Мы успѣли въ этотъ день отъѣхать одну милю отъ Фанараки, гдѣ и ночевали подъ отертымъ небомъ, въ кустахъ, покрывавшихъ берегъ. На другой день отправились довольно рано, вѣтеръ дулъ противный, облака начали собираться на небѣ, мелкій дождь съ холодомъ неприятно пронизывалъ насъ, но съ нѣкоторымъ усиліемъ мы успѣли доѣхать до мыса Карабурну, при которомъ и расположились на ночлегъ.

К р у ш е н і е .

15-ое сентября 1826 г. былъ замѣчательный день моего путешествія. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ берега, западный вѣтеръ началъ дуть сильно, небо стало покрываться тучами, пошелъ мелкій дождь, море взволновалось, дѣлаясь часъ отъ часу бурливѣе; гребцы наши смутились; не имѣя болѣе силы владѣть веслами, они сложили ихъ, предоставя рулевому участь нашего плаванія, и сами замолкли. Въ эту минуту опасности мы не добились отъ нихъ ни одного слова и на вопросы мои они отвѣчали, указывая на небо и преклоняя голову. Буря усиливалась, волны сильнѣе ударяли о бортъ, заливая лодку,—тогда рулевой, внимательный въ своему дѣлу, подаль знакъ отливать воду. Мы принялись работать, руки костенѣли отъ холода. Начинало смеркаться; нѣсколько часовъ уже какъ берега скрылись изъ вида, ночь была страшная. Порывы вѣтра дѣлались сильнѣе, мы выбились изъ силъ и предвидѣли опасность неминуемую. Каждая волна грозила опрокинуть лодку; но вотъ послѣдній сильный ударъ—лодка не устояла, я ухватился обѣими руками за бортъ—и погрузился въ воду. Я очнулся, слышу вoкругъ себя голоса, чувствую себя въ рукахъ одного изъ гребцовъ. Навонецъ я понялъ, что подъ ногами нашими мель. Эта песчаная мель простиралась отъ прибрежныхъ утесовъ на дальнее разстояніе. Промыслъ Божій указалъ это мѣсто для нашего крушенія. Въ водѣ по поясъ, начали мы добираться до ближайшаго острова. Впереди шель одинъ изъ гребцовъ, знавшій мѣстность лучше другихъ, и держа одинъ конецъ

весла, подалъ другой Малиновскому, который шель сзади, а за него уцѣпился и я. Остальные люди остались распорядяться лодкою. Шаговъ двѣсти оставалось до острова, вода мелѣла и наконецъ мы благополучно добрали до твердой земли. Съ какою радостью, выйдя на утесъ, мы соединились единою мыслію, осѣнивъ себя крестомъ и возблагодаривъ Господа за чудесное наше избавленіе отъ вѣрной гибели. Съ трудомъ добившись огня и разложивъ костеръ изъ сухихъ сучьевъ въ густомъ кустарникѣ, мы съ усердіемъ принялись грѣться и сушить платье, которое уцѣлѣло на насъ. Шинель, шапка, запасъ нашего продовольствія,—все осталось въ водѣ. Всю ночь мы лежали у огня; но мнѣ было холодно: внутренняя дрожь пробѣгала по всѣмъ жиламъ. Я не могъ уснуть, глаза отяжелѣли, голова горѣла,—это были первые признаки начинавшейся болѣзни.

16-го числа, за 6 миль отъ Миди, мы пристали къ берегу и, взявъ лошадей, отправились верхомъ въ этотъ городъ. Всю дорогу я чувствовалъ лихорадочное состояніе и насилу могъ сидѣть на лошади. На слѣдующій день я не въ состояніи былъ ѣхать далѣе и остался въ хану; но 17-го утромъ, желая дотащиться какъ нибудь скорѣе до границы, мы взяли лошадей и пустились далѣе, но силы начали оставлять меня, жаръ и головная боль до того усилились, что переводчикъ мой долженъ былъ держать меня подъ руку, чтобы я не упалъ съ лошади. Проѣхавъ девять часовъ отъ Миди, кое какъ мы добрались до деревни Серіанъ. Въ этомъ греческомъ селеніи, увидя положеніе мое, жители не хотѣли пустить меня въ дома свои, полагая, что я боленъ чумою, и наконецъ одинъ изъ нихъ сжалился, отвелъ сарай на концѣ селенія, безъ крыши, куда послали мнѣ въ уголь соломы. Едва я добрался до этой мокрой постели, и покрывшись ковромъ, за дорогія деньги купленный у хозяина, я впалъ въ безпамятство.

Подъ открытымъ небомъ, безъ всякой помощи, подъ дождемъ, лившимъ все время, я пролежалъ въ этомъ положеніи до 24-го числа, и пришелъ въ память около вечера того дня, весьма удивленный, видя себя на хорошей постели въ чистой комнатѣ. Первый предметъ, на который я взглянулъ съ удивленіемъ, это былъ Жерве, пріѣхавшій съ докторомъ.

Этотъ благородный и рѣдкаго сердца другъ, не взирая на кончившійся сровъ ультиматума, данный Шортъ, и не зная еще,

что она приметъ предложенныя условія, но ожидая скорѣе противнаго, слѣдовательно ожидая остаться въ плѣну у турокъ,— онъ, по первому извѣщенію моего переводчика съ посланнымъ татаринномъ, тотчасъ взялъ въ Перѣ доктора и прискакалъ ко мнѣ, чтобы избавить отъ вѣрной смерти. Найдя меня въ томъ ужасномъ положеніи, о которомъ онъ и нѣсколько лѣтъ спустя не могъ безъ слезъ вспомнить, онъ завоевалъ, можно сказать, силою хорошую комнату въ этомъ селеніи и на своихъ рукахъ перенесъ меня. Со мною долго хлопотали, чтобы привести въ чувство и къ вечеру, только послѣ кровопусканія, я очнулся. Еще сутки остались мы въ Серіанѣ, чтобы нѣсколько собраться съ силами, и 26-го, въ приготовленной арбѣ, меня уложили на мягкомъ пуховикѣ; возлѣ меня ѣхали Жерве, докторъ и остальные мои спутники. Часто Жерве сходилъ съ лошади, садился у меня въ ногахъ, стараясь развлекать грустныя мои минуты; заботился обо мнѣ, могу сказать, съ нѣжностью рѣдкой дружбы. Три дня мы ѣхали до Буюкдере. 29-го сентября, подъѣзжая къ этому мѣсту, Жерве сѣлъ со мною и навелъ разговоръ на дѣла наши съ Портою. Мало по малу онъ приготовилъ меня къ тому, что три дня тому назадъ вончился ультиматумъ и если наша миссія выѣхала изъ Константинополя, то намъ придется искать убѣжища въ какомънибудь иностранномъ посольствѣ. Тогда я понялъ всю жертву, которую принесъ Жерве его дружбой ко мнѣ—я со слезами бросился ему на шею. Эта чувствительная сцена была прервана встрѣчею съ однимъ изъ чиновниковъ французской миссии, который объяснилъ намъ, что наше посольство въ Буюкдере, что Порта согласилась на всѣ предложенія и что скоро посланникъ нашъ Рибошьеръ долженъ прибыть сюда. Эта вѣсть насъ сдѣлала совершенно счастливыми, и черезъ полчаса я отдыхалъ на постелѣ въ покойной комнатѣ милаго моего товарища; но болѣзнь моя еще продолжалась болѣе мѣсяца, и только 4-го ноября я перешелъ на свою квартиру отъ добраго Жерве.

Остальные два мѣсяца до наступавшаго 1827-го года, я провель семейно въ нашей миссии, ожидая извѣстія о времени выѣзда нашего посольства изъ Одессы, дабы воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы обозрѣть еще нѣкоторые пути европейской Турціи, выѣхавъ на встрѣчу посланнику.

Въ крещеніе 1827 года я выѣхалъ изъ Перы, истребовавъ

черезъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ фирманъ отъ Порты, и татаръ для конвоя и взявъ съ собою переводчика. Въ этотъ день я ночевалъ въ Кучукъ-Чекмедже и на пути встрѣтилъ Бея, ѣхавшаго въ какой-то странной каретѣ, запряженной табуномъ лошадей и окруженнаго многочисленнымъ войскомъ. 7-го ночевалъ въ Силивріи, 8-го въ Чорлѣ и 9-го въ Киристралѣ. Я нѣсколько часовъ долженъ былъ ожидать въ этомъ селеніи возможности переправиться черезъ Суджаждере. Рѣчка эта, которую переѣзжаютъ обыкновенно въ бродѣ, отъ дождей преобразовалась въ глубокій протокъ. Вода нѣсколько спала и мы кое-какъ переправились вплавь, доѣхавъ 10-го января до Кирьлисы, гдѣ отвели мнѣ квартиру у богатаго грека, весьма удобную и покойную. На другой день я ночевалъ, доѣхавъ до Асъ-кіой, и 12-го января въѣхалъ въ Адрианополь, остановясь у нашего консула Іосифа Фонтана, который принялъ меня съ любезнымъ гостепрѣимствомъ. М-ле Тегесе, хорошенькая дочь его, играла роль милой хозяйки и два дня, проведенные мною въ этомъ семействѣ, были пріятнымъ отдохновеніемъ на скучномъ пути моего долгаго странствованія.

На другой день я имѣлъ аудіенцію у паши и Кіабе адрианопольскаго; расхвалилъ регулярное турецкое войско; паша былъ тронутъ и велѣлъ собрать полкъ, чтобы показать мнѣ. Этого только мнѣ и нужно было, чтобы убѣдиться въ отлично дурномъ положеніи адрианопольскаго отряда и осмотрѣть казармы и другія военныя учрежденія. Мы оба съ пашою остались другъ другомъ довольны и на слѣдующее утро, 14-го января, я отправился далѣе, проночевавъ въ этотъ день въ Воховѣ, а на другой день въ Ямболѣ.

16-го января я приближался къ Балканамъ прекрасною сливинскою долиною, которая составляла совершенную противоположность съ дикимъ видомъ горъ, довольно возвышенныхъ въ этомъ мѣстѣ. Между утесистыми обрывами мы ѣхали до заката солнца, остановясь въ горахъ, въ дер. Вечера, на ночлегъ. 17-го, проѣхавъ Козанъ, и проночевавъ въ г. Османбазарѣ, 18-го мы доѣхали утромъ до г. Джумай. Здѣсь я получилъ извѣстіе о слѣдованіи посланника Рибоьера съ нашею миссіею по Карнабатской дорогѣ. Чтобы сдѣлать обзорѣніе поперечному сообщенію у сѣвернаго ската Балкана, я повернулъ изъ Джумай на Драгой-кіой, гдѣ и ночевалъ.

Посольство наше уже проѣхало черезъ это мѣсто и 19-го я

отправился вслѣдъ за онымъ по дорогѣ черезъ горы. Я ѣхалъ скоро и нетерпѣливо, желая нагнать миссію и довершить путь до Константинополя не съ тою одинокою скукою, которая сопутствовала мнѣ въ долгихъ моихъ странствованіяхъ по Турціи. Не доѣзжая Добралы, гдѣ я ночевалъ уже съ посольствомъ вмѣстѣ, перваго русскаго я встрѣтилъ товарища по мундиру прапорщика Веригина, снимавшаго очень прилежно маршрутъ слѣдованія миссіи. Я объявилъ ему, что этотъ путь уже снятъ мною и уговорилъ оставить работу и ѣхать вмѣстѣ далѣе. Мы скоро нагнали прочихъ товарищей и въ этотъ день въ первый разъ я могъ составить уже настоящее понятіе о полковникѣ [Федоръ Федоровичъ] Бергѣ, которое впоследствии такъ вѣрно оправдалось ¹⁾.....

20-го января мы ночевали въ Беймагалеси, 21-го въ Факи, 22-го проѣхали Кизельджиклеси и ночевали въ Буюкъ-баалыкѣ. Здѣсь я оставилъ миссію, чтобы обозрѣть дорогу черезъ Странджу въ Адрианополь. Пробывъ здѣсь два дня, 26-го января я выѣхалъ изъ этого города. При самомъ выѣздѣ изъ онаго меня поразила ужасная картина измученныхъ людей, уже умершихъ и сидящихъ еще на волю по обѣ стороны дороги. Къ вечеру я пріѣхалъ въ Кауши, 27-го въ Люлебургасъ и 28-го въ Силиврию, гдѣ соединился снова съ посольствомъ. 29-го января мы пріѣхали на послѣдній ночлеги въ Кучукъ-чевмеджи и на другое утро, въ прекрасный лѣтній день, среди покрытыхъ зеленою растеній, мы весело приближались къ Буюкдере. Не доѣзжая онаго, въ Бельградѣ, въ очаровательной рошѣ мы расположились на короткій отдыхъ, обѣдали на чистомъ воздухѣ,—и здѣсь встрѣтили насъ Рикманъ и Жерве, пріѣхавшіе изъ Буюкдере. Всѣмъ этимъ многочисленнымъ обществомъ мы весело довершили путешествіе и разошлись въ разные дома и кіоски прекраснаго помѣщенія нашего посольства.

Съ возвращенія моего до 30-го іюля постоянно я жилъ въ Буюкдере; эти пять мѣсяцевъ, часто повторявшаяся лихорадка прерывала мои занятія по составленію матеріаловъ военнаго обозрѣнія Турціи и разнообразныя поѣздки, которыя такъ увлекательны въ окрестностяхъ Константинополя. Примѣчательнѣйшимъ изъ со-

¹⁾ Здѣсь пропущено двадцать строкъ—въ высшей степени рѣзкаго отзыва о Бергѣ, въ послѣдствіи графъ и фельдмаршалъ. Р е д.

бытій въ теченіи этого времени была аудіенція посланника со всѣми нами у султана, которая, по обычаю тогдашняго времени, дѣлалась съ церемоніею, представлявшею рядъ униженій передъ падишахомъ турецкимъ, и мы въ нашихъ мундирахъ иностранной коллегіи съ треугольными шляпами и сверху надѣтыми жерене, должны были казаться весьма каррикатурными существами въ сравненіи съ богатыми костюмами турокъ, которые такъ щедро надѣляли насъ презрительнымъ взоромъ и улыбкою. Вообще же жизнь наша была въ кругу посланниковъ европейскихъ державъ; и время текло съ удовольствіемъ. Генераль Гильемино съ милымъ семействомъ, Страутфортъ Каннингъ и жена его, урожденная Бларамбергъ и русская подданная, составляли общество, которое доставляло намъ ежедневное разсѣяніе. Изъ молодыхъ людей иностранныхъ миссій, всѣхъ ближе съ нами были французы, потомъ нѣсколько англичанъ и одинъ испанецъ Кордоба. Съ нѣмцами русскіе плохо сходились; и теперь, когда еще въ памяти у меня имена французовъ: Бенію, Роже, англичанина Букелина; я не упомяну ни одного нѣмца. Такова натура русская. 30-го іюня я выѣхалъ изъ Буюкдере для обозрѣнія окрестностей и разставшись 1-го іюля въ Кучукъ-чекмедже съ Веритинымъ, отъѣзжавшимъ въ Россію, ночевалъ въ Деркосѣ, близъ котораго случилось со мною неприятное происшествіе. Отъ Деркоса идетъ цѣпь Странджи до самаго пролива, вдоль береговъ Чернаго моря и на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Все это пространство мало заселено и мало проѣзжаемо. Подъ предлогомъ охоты мы были снабжены поволешіемъ отъ Порты (особеннымъ тескере) для свободного проѣзда въ окрестностяхъ Константинополя, и съ однимъ переводчивомъ, имѣя ружье за плечомъ, мы отправились на лихихъ арабскихъ коняхъ на рекогносцировку. Отъѣхавъ на нѣсколько часовъ разстоянія отъ Деркоса, по самымъ глухимъ мѣстамъ, заросшимъ кустарникомъ, мы замѣтили развалины небольшого каменнаго домика и къ нижнимъ оконнымъ рѣшеткамъ привязанныхъ верховыхъ лошадей съ турецкими сѣдлами. Желая узнать названіе какой-то деревни, видѣнной мною вдаль, мы поспѣвали къ домику,—и каково было наше удивленіе, когда заглянувъ въ окошко въ подвальный этажъ, мы увидѣли двухъ человекъ, раздѣвающихъ окровавленное тѣло. По нашему шуму, эти люди бросили свою добычу, чтобы выбѣжать къ намъ; но мнѣ пришлось

на умъ прежде, чѣмъ ускорять за моимъ переводчикомъ, который гнался во всю прыть, не оглядываясь, отрѣзая поводья у привязанныхъ лошадей и отогнать ихъ. Выхвативъ кинжалъ и исполнивъ это съ такою быстротою, ударивъ нагайкою по испуганнымъ лошадямъ, что разбойники бросились сначала въ лошадамъ, увидѣли меня уже на довольно далекомъ отъ себя разстояніи, догоняющаго моего переводчика. Видя, что поймать лошадей своихъ пройдетъ много еще времени, одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ ружья въ меня, но пробилъ только пулею раздувавшійся воротникъ моей шинели. Когда я догналъ переводчика, онъ былъ въ большомъ страхѣ на счетъ меня, полагая, что я остался въ рукахъ разбойниковъ. Мы скакали болѣе 6 верстъ во всю прыть, пока доѣхали до постовъ таможенной стражи, гдѣ отдохнувъ отъ всѣхъ ощущеній неожиданнаго происшествія, отправились на ночлегъ въ Буюедере.

26-го сентября, въ понедѣльникъ, товарищи мои проводили меня на купеческій корабль „Графиня Воронцова“, капитанъ Селичъ. Онъ отплывалъ въ тотъ день въ Одессу, и я получивъ отправление мое, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поспѣшить увезти всѣ собранныя свѣдѣнія о Турціи, сношенія съ которою часть отъ часу дѣлались двусмысленнѣе и ожидали какъ съ той, такъ и съ другой стороны неминуемаго разрыва. Выѣхали утромъ 26 сентября изъ Босфора; насъ сильно качало первый день и я первый разъ подвергся самой жестокой морской болѣзни. На другой день вѣтеръ былъ попутный, волненіе небольшое, и придя въ нормальное свое положеніе, первый предметъ, который явился глазамъ моимъ, былъ нѣкто Дайнези (?) тотъ самый, котораго по совѣту Берга, мы остерегались въ Константинополь, какъ шпиона турецкаго, и который послѣ сдѣлался адъютантомъ Берга, будучи возвышенъ имъ до степени генерала. Тотъ самый, который въ минуту моего свиданія на корабль, въ бѣдномъ одѣяніи, безъ будущности, готовъ былъ, можетъ быть, сдѣлаться камердинеромъ у каковаго нибудь знатнаго барина, теперь съ чиномъ, съ богатствомъ, съ связями, самъ открываетъ свои гостинныя для Петербургскаго большаго свѣта. Это вполнѣ авантюристъ, счастливо попавшій подъ знамена Берга. Они поняли другъ друга, или, какъ гласитъ русская пословица: „рыбакъ рыбака видитъ издалика“. На обихъ

отпечатокъ жидовскаго отродія; но мнѣ кажется Дайнези (?) лучше: по крайней мѣрѣ онъ умнѣе.

Пробывъ въ морѣ четыре дня, на пятый, т. е. 30-го числа, я вступилъ въ карантинъ, гдѣ высиживъ 15 скучныхъ дней, явился въ Одессѣ къ гр. Воронцову, который принялъ меня съ особеннымъ радушіемъ. Черезъ нѣсколько дней я прибылъ въ Петербургъ и представилъ Дибичу отчетъ о своемъ порученіи, за которое былъ награжденъ чиномъ капитана и орденомъ Владимира 4-й степени.

V.

Турецкая война 1828 года.—Знакомство съ будущою женою.

Въ теченіи наступившей зимы, приготовленія къ войнѣ съ Турціею принимали оборотъ весьма важный, и мы не сомнѣвались, что съ весною откроется кампанія. Въ ожиданіи этого времени, въ декабрѣ 1827 года, я познакомился въ домѣ Веригиныхъ, изъ котораго суждено мнѣ было избрать будущую жену мою. Но въ то время я не остановился ни на какомъ положительномъ намѣреніи и оставилъ Петербургъ съ нѣкоторымъ сознаниемъ моего къ ней неравнодушія.

Выѣздъ изъ Петербурга и прибытіе подъ Браиловъ.

14-го апрѣля 1828 года былъ день моего выѣзда изъ Петербурга. Проѣхавъ Кишиневъ 28-го числа и 29-го въ воскресенье оставивъ коляску у начальника Леовской карантинной заставы, я сѣлъ на перекладную и доѣхалъ до Фальчи, перваго молдавскаго мѣстечка, гдѣ и ночевалъ. На другой день, продолжая путешествіе и проѣзжая многія селенія, тамошніе священники встрѣчали насъ съ крестомъ и святою водою и благословляли насъ на предстоящіе подвиги. Такъ сочувствіе единовѣрцовъ было велико. 2-го мая, ночью, я пріѣхалъ въ Хаджи-Капитанъ, лагерь главной квартиры 2-й арміи, близъ крѣпости Браилова, а на другой день явился къ князю Петру Дмитриевичу Горчакову, генерал-квартирмейстеру арміи. Въ теченіи слѣдующихъ дней прибыла осадная артиллерія, потомъ Его Высочество великій князь Михаилъ Павловичъ и 10-го прибылъ Государь.

13-го числа открытъ былъ первый огонь съ нашихъ батарей;

въ 6 часовъ по полудни Государь лично обозрѣвалъ крѣпость, и когда остановился на казачьемъ курганѣ, то непріятельское ядро докатилось до близкаго разстоянія отъ его лошади. Въ тотъ же день Государь выѣхалъ въ Сатунову, гдѣ расположилась императорская главная квартира.

Первыя пули.

14-го мая окончена была 2-я паралель и по утру, когда я находился дежурнымъ при графѣ Дибичѣ, то онъ послалъ меня съ Урюпинскаго кургана осмотрѣть осадныя работы третьей паралели. Отдавая приказанія, онъ прибавилъ, чтобы я отстегнулъ эполеты и аксельбанты, чтобы не быть цѣлью непріятельскимъ выстрѣламъ и велѣлъ въ траншеяхъ сойти съ лошади. Но я предложилъ ему, что я объѣду всѣ работы верхомъ и такимъ образомъ онъ можетъ видѣть издали какъ идетъ чертежъ нашихъ линій. Онъ что-то возразилъ на это, но я, поспѣвая исполнить первое порученіе подъ огнемъ непріятели, не снявъ ни эполетъ ни аксельбантовъ, поскакалъ въ крѣпости. Доѣхавъ до работъ, я взялъ карандашъ и бумагу и началъ рисовать линіи нашей паралели и шагомъ объѣхалъ оную. Между тѣмъ изъ крѣпостнаго вала посыпались турецкія пули на меня; но невредимымъ оwoичилъ порученіе и возвратился съ донесеніемъ въ гр. Дибичу. Выслушавъ меня и осмотрѣвъ поданный рисунокъ, онъ взялъ меня за руку, поблагодарилъ съ жаромъ и съ такою же пылкостью сдѣлалъ выговоръ, затѣмъ я безъ всякой нужды вызывалъ на себя непріятельскія пули; „эта храбрость неумѣстная“, сказалъ онъ, „но впрочемъ вы исполнили ваше дѣло какъ славный офицеръ“.

Выѣздъ въ императорскую главную квартиру.

Осадныя работы еще продолжались, когда я получилъ приказаніе ѣхать въ императорскую главную квартиру, гдѣ и назначенъ былъ капитаномъ надъ вожатыми. 20-го мая, вечеромъ, съ товарищемъ моимъ барономъ Ливеномъ, мы выѣхали изъ Хаджи-Капитана, 21-го прибыли въ Галацъ и ночевали въ тотъ день въ Тулутештѣ, 22-го въ Вадумо-Исаки, 23-го въ Бѣлградѣ и 24-го въ Сатуновѣ. Черезъ три дня я участвовалъ въ дѣлѣ при переправѣ черезъ Дунай у Сатунова.

Дѣло при Сатуновѣ.

Ночью съ 26 на 27-е число мая отправился я на переправу и, найдя тамъ начальника штаба корпуса Рудевича князя Горчакова, и зная его еще 10 лѣтъ тому назадъ въ главной квартирѣ 1-й арміи, выпросилъ позволеніе остаться при немъ, предполагая, что по обязанности моей капитана надъ вожатыми, я не буду нуженъ въ свитѣ Государя. Береговая батарея о 20-ти орудіяхъ была въ готовности, равно и флотилія на Дунаѣ, расположившаяся лѣвѣе баттарей. Съ разсвѣтомъ флотилія и баттарей открыли сильный огонь, между тѣмъ переправа производилась егерскою бригадою 7-й пѣхотной дивизіи въ небольшихъ лодкахъ запорожскихъ казаковъ, перешедшихъ на нашу сторону по старанію дяди моего Сергѣя Алексѣевича. Вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ я спрыгнулъ въ одну изъ этихъ лодокъ и, подѣ сильными выстрѣлами непріятеля, мы благополучно пристали въ противоположному берегу съ частью егерей нашихъ и заняли болотистый лѣсъ, на правомъ флангѣ непріятельской позиціи находившіяся. Между тѣмъ, мало по малу, лодки подходили къ правому берегу съ егерскими баталіонами и когда отрядъ нашъ нѣсколько усилился, то мы пошли съ егерами впередъ. Турецкая цѣпь отступила и съ подошедшими къ намъ двумя баталіонами изъ лѣса, мы двинулись рѣшительно на флангъ баттарей непріятельскихъ. Турки бѣжали и баттарей достались намъ съ ихъ 16-ю орудіями и снарядами. На одной изъ сихъ баттарей, непріятель успѣлъ сдѣлать взрывъ, отъ котораго погибли нѣсколько нашихъ егерей, но вообще переправа черезъ Дунай стоила намъ не болѣе ста человекъ убитыми и ранеными. Гать черезъ инаменную долину Дуная заслуживала особаго вниманія по ея построенію. На другой день переправились уже двѣ дивизіи и 24 орудія 3-го корпуса.

Послѣ сраженія я возвратился въ главную квартиру и встрѣтился съ генераль-квартирмейстеромъ гр. Сухтеленемъ, который изъявилъ неудовольствіе, что я не остался при немъ за три версты отъ мѣста сраженія, а самовольно прикомандировалъ себя къ 3-му корпусу. Слѣдствіемъ этого два изъ товарищей моихъ, не бывъ за Дунаемъ, получили золотыя шпаги за храбрость, а я не былъ представленъ ни къ каковой наградѣ, хотя князь Горчаковъ и употреблялъ къ тому всѣ старанія.

Выступление за Дунай и походъ къ Шумлѣ.

31-го мая выступила главная квартира изъ Сатунова и расположилась при визирскомъ курганѣ.

1-го іюня мы дошли до Фрикаге, а на другой день выступили въ Бабадаху. Я велъ Государя. Во время перехода Его Величество, выѣхавъ на высокую гору противъ деревни Хаджидаръ-кѣй, любовался прекраснѣйшимъ видомъ мѣстоположенія, въ окрестностяхъ озера Разельскъ и Бабадаха. Онъ подозвалъ меня и разговаривалъ со мною о моемъ обзорѣннѣ въ Турціи, и вообще былъ ко мнѣ весьма милостивъ.

Не доходя Бабадаха, мы замѣтили небольшую толпу, которая ожидала Государя съ хлѣбомъ и солью. То были старшины не-красовцевъ, перешедшихъ подъ скипетръ Россіи. Государь разговаривалъ съ ними милостиво и когда при отъѣздѣ замѣтилъ, что они ожидаютъ чего-то и не расходятся, спросилъ причину и получилъ въ отвѣтъ, что они ждутъ благодѣтеля и покровителя своего генерала Сергѣя Алексѣевича Тучкова. Сергѣй Алексѣевичъ по нездоровью ѣхалъ въ коляскѣ позади императорской главной квартиры. Государь дождался его пріѣзда и былъ свидѣтелемъ какъ они съ радостью и уваженіемъ встрѣтили старика дядю, поднеся ему также хлѣбъ-соль. Сергѣй Алексѣевичъ ѣхалъ до Бабадаха, окруженный атаманомъ Гладкимъ и его свитою. Тутъ онъ остался управлять занятою Бабадахскою областью.

3-го іюня мы имѣли дневку въ лагерѣ при Бабадахѣ. Государь осматривалъ въ тотъ день этотъ городокъ. На другой день мы расположились на ночлегъ въ лагерѣ при рѣкѣ Бейдаутъ, у моста Потуръ. 5-го, при рѣкѣ Ташадлъ; я былъ посланъ въ этотъ день открыть сообщеніе съ Кагарлыкомъ, и возвратился ночью. 6-го числа мы дошли до р. Карассу у с. Каратая, противъ Троянова вала. При Карассу мы оставались до 24-го числа, перешедъ 12-го ближе къ мѣстечку того же названія. 7-го числа кн. Илья Долгорукій, адъютантъ Его Высочества Михаила Павловича, привезъ извѣстіе о неудачномъ штурмѣ Браилова и о понесенной нами значительной потери; но не долго мы оставались подъ влияніемъ этой несчастной вѣсти и на другой день адъютантъ Бибиковъ привезъ другое извѣстіе о повореніи крѣпостей Браилова и

Мачина. Въ тотъ же день было молебствіе по этому случаю. 12-го получено было донесеніе о взятіи крѣпостей Гирсовы и Кюстенджи, откуда привезены были знамена сихъ крѣпостей. За новый успѣхъ принесено было вновь благодареніе Богу и 14-го Государь отправился въ Кюстенджи, возвратясь въ тотъ же день обратно въ лагерь.

Пребываніе наше при Карассу заключилось извѣстіемъ о сдачѣ нашимъ войскамъ кр. Тульчи и о покореніи кр. Анапы. Эту послѣднюю вѣсть привезъ флигель-адъютантъ гр. Алексѣй Толстой 20-го числа, и того же числа Государь присутствовалъ при молебствіи.

Отъ Карассу мы выступили съ главной императорской еквартирой 24-го іюня; 25-го іюня ночевали въ Мусабен, 26-го въ лагерь при Базарджикѣ, гдѣ оставались до 3-го іюля. Непрiятеля мы не ожидали встрѣтить ранѣе Шумлы и потому эти переходы казались прогулкою, пока погода была благоприятная и маршанты безъ затрудненія подвозили разные припасы. 29-го числа, въ день именинъ моихъ, я угостилъ у себя въ палаткѣ товарищей моихъ. Безпечно предаваясь туманнымъ надеждамъ на будущіе военные подвиги, молодое воображеніе наше заносилось далеко за предѣлы обыкновенной существенности, но намъ было весело. Собесѣдниками были: Шенигъ, Искрицкій, Веригинъ, Казадаевъ, Галяминъ, Ив. Веймарнъ, Гоноропуло. Выступивъ 3-го іюля и проведя ночь у р. Ушенли, 4-го числа мы дошли до м. Козлуджи, 5-го до р. Туркарнаустгаръ-дере. Государь, проѣхавъ нѣсколько верстъ далѣе сего ночлега, взѣхалъ на высокій курганъ, съ котораго можно было обозрѣть возвышенія около Шумлы, и подозвавъ меня, спрашивалъ объ окрестностяхъ этой крѣпости.

6-го числа іюля переходъ нашъ совершился до Яникіой, въ 4 верстахъ позади Янибазара, гдѣ былъ расположенъ 3-й корпусъ. Государь осмотрѣлъ при Янибазарѣ позицію и, объѣхавъ аванпосты, возвратился въ лагерь. 7-го числа гр. Дибичъ приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ на рекогносцировку по направленію въ Шумлѣ. Осмотрѣвъ всѣ направленія, къ оной ведущія, я былъ посланъ привести авангардъ нашъ и расположить оный 5 верстъ впереди Янибазара. Тутъ же находилась и императорская главная еквартира. Государь, прибывъ въ лагерь, приказалъ мнѣ вести его на

встрѣчу Дибичу, который долженъ былъ возвращаться съ рекогносцировки. Его величество весьма благосклонно шутилъ и разговаривалъ со мною въ продолженіи всей этой поѣздки.

Дѣло при Шумлѣ.

8-го іюля, 3-й корпусъ, построясь въ боевой порядокъ, слѣдовалъ впередъ; за нѣсколько верстъ до Шумлы показался непріятель, вышедшій значительными силами изъ крѣпости. Государь находился лично при войскахъ и посылалъ приказанія Рудзевичу. Одно изъ таковыхъ приказаній поручено мнѣ было передать ему; возвращаясь обратно къ государю, я встрѣтилъ сѣрую лошадь, скакавшую безъ всадника и тѣмъ возвѣстила о смерти одного изъ товарищей. Проѣзжая мимо батареи нашей, я увидѣлъ, что между орудіями лежало тѣло убитаго ядромъ флигель-адъютанта Реада. Онъ былъ пораженъ въ то время, какъ устанавливалъ орудія этой батареи. Послѣ нѣкотораго сопротивленія турки удалились въ крѣпость и войска наши заняли позицію передъ крѣпостью. Государь съ главною своею квартирою расположился при Буланькѣ. 9-го числа іюля я сопровождалъ государя въ обзорѣніи его праваго фланга занятой позиціи, а 10-го — лѣваго фланга и редутовъ, войсками выстроенныхъ. Въ тотъ же день главная квартира передвинулась ближе къ Шумлѣ въ новый лагерь.

Рекогносцировка на лѣвомъ флангѣ.

Черезъ нѣсколько дней пронеслись слухи, что турецкій отрядъ, вышедшій изъ Праводъ, взялъ направленіе на лѣвый флангъ нашей позиціи. Мнѣ поручено было съ отрядомъ, предназначеннымъ для рекогносцировки, удостовѣриться въ справедливости таковыхъ слуховъ. Отрядъ состоялъ изъ одного баталіона пѣхоты, двухъ казачьихъ орудій и эскадрона лейбъ-казачковъ. 14-го іюля мы выступили изъ лагеря во 2-мъ часу по полудни, дошли до дер. Мадерни и, оставивъ отрядъ на позиціи, я съ полуэскадрономъ казачковъ произвелъ рекогносцировку по направленію къ Маковщинѣ. Въ одномъ изъ селеній я захватилъ двухъ жителей и по разспросамъ на дальнее оттуда разстояніе, непріятеля нигдѣ

не показывалось. Жителей этихъ я привелъ съ собою и по недостатку въ проводникахъ, оставилъ ихъ при главной квартирѣ. Возвращаясь на другой день въ лагерь, я нашелъ его на новомъ мѣстѣ, на томъ самомъ, гдѣ былъ лагерь гр. Каменскаго въ 1809-мъ году. 16-го числа на правомъ флангѣ нашей позиціи была занята новая высота послѣ дѣла, продолжавшагося непродолжительное время.

Дѣла 17-го, 18-го и 19-го Іюля.

Получивъ назначеніе состоять въ должности оберъ-квартирмейстера отряда генераль-лейтенанта Ридигера, имѣвшаго порученіе дѣйствовать на сообщенія въ тылу Шумлы, 17-го числа мы выступили, во 2-мъ часу по полудни, съ тремя съ половиною баталіонами, восемью орудіями и бригадою гусаръ по направленію въ Чифлику. Непріятель въ числѣ 1000 человекъ занималъ позицію при этой деревнѣ и готовился защищаться; но егерскій полкъ, находившійся въ головѣ, открылъ огонь застрѣльщиками, а остальные баталіоны штыками заставили уступить выгодную позицію на высотахъ передъ деревнею, на которой мы и расположились бивуакомъ. Перестрѣлка стрѣлковъ продолжалась до поздняго вечера.

18-го числа я получилъ повелѣніе съ двумя ротами егерей и тридцатью казаками сдѣлать усиленную рекогносцировку къ Емистамбулу. Выступивъ съ разсвѣтомъ и переправаясь черезъ рѣку Буюкъ-камчикъ, направленіе мое было въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сей рѣчки и вдоль оной, къ дер. Велибейкій. Начальствуя самъ этимъ небольшимъ отрядомъ и подходя къ вышеозначенной деревнѣ, я замѣтилъ на правомъ флангѣ моемъ непріятельскую кавалерію изъ 800 человекъ, слѣдовавшую вдоль лѣваго берега рѣчки Буюкъ-камчика. Пройдя деревню, мнѣ надлежало спуститься въ долину рѣчки, чтобы слѣдовать къ Емистамбулу; но увидя непріятеля, я остановился на высотѣ и построился на оной, ожидая нападенія. Въ это время посланный отъ г. Ридигера, который съ высоты наблюдалъ за движеніемъ турецкаго отряда противъ меня, привезъ приказаніе немедленно присоединиться къ нему и извѣстіе, что непріятель въ числѣ двухъ тысячъ человекъ,

построясь въ три линіи противъ позиціи генер. Ридигера, намѣренъ атаковать его. Я началъ отступленіе и полагалъ, въ случаѣ атаки турокъ, держаться къ дер. Велибей-кію; но непріятель, не преслѣдуя меня, тою же дорогою возвратился къ своему отряду. Тогда послѣшивъ къ мѣсту сраженія нашего главнаго отряда, мнѣ надлежало проходить мимо праваго фланга линій непріятеля, которыя были отдѣлены отъ меня рѣкою Буюкъ-камчиокомъ и густыми кустами по долинѣ оной. Поровнявшись съ высотой непріятельскихъ линій, и желая воспользоваться случаемъ нахождения моего на флангѣ турецкой позиціи,—я съ небольшимъ отрядомъ своимъ повернулъ къ рѣчкѣ. Въ кустахъ, скрывавшихъ мое движеніе, я переправился черезъ оную, и построивъ казаковъ влѣво, а пѣхоту въ двѣ ротныя колонны, бросился на непріятеля изъ лѣса. Неожиданность моего появленія во время дѣйствія артиллеріи генерала Ридигера съ фронта, совершенно разстроила турокъ и они бѣжали съ позиціи. Я съ казаками погнался за двумя орудіями, которыя турки слѣшили увезти; но большое разстояніе, насъ раздѣлявшее, не допустило совершить мое намѣреніе. Очистивъ такимъ образомъ пространство впереди г.-л. Ридигера, я соединился съ нимъ и генераль Ридигеръ, храбрый въ душѣ, разцѣловалъ меня, и съ этого дня имѣлъ ко мнѣ совершенную довѣренность. Вечеромъ генераль Ивановъ присоединился къ намъ съ одною бригадою.

19-го іюля 1828 г.

На слѣдующій день генераль Тарбѣевъ смѣнилъ насъ у Чифлика, а мы направились на Емистамбуль. Кавалерія слѣдовала по дорогѣ на Велибей-Кію; пѣхота же, отрядивъ авангардъ, потянулась по лѣвому берегу р. Урано. Подходя къ мосту черезъ эту рѣчку, мы нашли его разобраннѣмъ и дорогу заложенную камнями. Остановясь при этомъ препятствіи, турки, засѣвъ въ оврагъ вдоль направленія нашей колонны, внезапно открыли огонь на нашъ флангъ. Тогда генераль Ридигеръ, отрядивъ одинъ баталіонъ въ стрѣльби, приказалъ ему вытѣснить непріятеля и прикрывать флангъ нашъ до тѣхъ поръ, пока исправленъ будетъ мостъ. Генер. Ридигеръ приказалъ мнѣ устроить скорѣе переправу

и я поспѣшилъ въ авангардъ нашъ. Не смотря на огонь непріятеля, мостъ въ скоромъ времени былъ готовъ и непріятель, защищавшій переправу изъ завала, набросаннаго изъ каменьевъ, принужденъ былъ оставить его едва мы перебѣжали съ егерями черезъ мостъ. Вся пѣхота перешла черезъ Урано съ маловажною потерею. Потомъ до Емистамбула мы не встрѣтили никакого сопротивленія. Подходя съ пѣхотою къ Емистамбулу, мы увидѣли нашу кавалерію въ самомъ мѣстечкѣ. Она успѣла захватить нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ и отбить обозъ съ фуражемъ, слѣдовавшій къ Шумлѣ. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что непріятель укрѣпился въ Балканахъ, занявъ ущелье при Драгой-кіой двумястами человѣкъ и при Чалывовокѣ 6-ю орудіями и 3000 войска, заградивъ такимъ образомъ проходъ въ большіе Балканы.

Сего-же числа генералъ Тарбѣевъ, близъ оставленной нами позиціи, имѣлъ жаркое дѣло съ превосходными силами непріятеля; былъ отбитъ и прогнанъ. Не генералу Тарбѣеву отрядъ его обязанъ спасенію, а находившемуся при этомъ отрядѣ офицеру генеральнаго штаба Веймарну, который былъ поставленъ въ исключительное положеніе: отдаливъ пьянаго генерала, распоряжался лично, не допустивъ отступить отряду по приказанію Тарбѣева, построилъ оный въ каре и на мѣстѣ отбилъ всѣ атаки непріятеля. Въ семь дѣлъ много содѣйствовалъ Веймарну командиръ Александрійскаго гусарскаго полка полковникъ Александръ Захарьевичъ Муравьевъ. Тарбѣевъ вслѣдъ за симъ былъ удаленъ изъ арміи. Вѣсть объ отрядѣ Тарбѣева заставила насъ оставить намѣреніе сдѣлать усиленную рекогносцировку на Костежъ и на разсвѣтъ 20-го числа мы возвратились на подкрѣпленіе Тарбѣеву. Дойдя до деревни Велибей-кіой и узнавъ, что непріятель ничего болѣе не предпринималъ, мы расположились между Велибей-кіой и переправой черезъ Буюкъ-камчикъ. На этой позиціи намъ велѣно было укрѣпиться, и оставивъ тамъ бригаду егерей, возвратиться въ общій лагерь. Ночью на 21-е число два редута были оочены и заняты. Постъ сей имѣлъ назначеніе дѣйствовать на сообщеніе отъ Шумлы на Драгой-кіой и Емистамбулъ. 21-го генералъ Ридигеръ съ остальными войсками возвратился въ лагерь подъ начальство принца Евгенія Виртембергскаго, заступившаго мѣсто генерала Войнова въ командованіи 7-мъ корпусомъ. Я возвратился въ главную квартиру императора. За

эту экспедицію я былъ представленъ къ банту на имѣвшійся крестъ св. Владиміра. Офицеры, при мнѣ находившіеся, были: гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Искрицкій, генеральнаго штаба подпоручикъ Дитмаръ и Сазановичъ и польскаго гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Шимановскій.

Дѣйствія отряда г.-л. Ридигера къ Емистамбулу и далѣе.

.Прошло десять дней въ бездѣйствіи моемъ при главной квартирѣ, всегда скучномъ въ военное время, и 30-го вечеромъ я съ радостью успѣшилъ явиться г.-л. Ридигеру для отправленія должности оберъ-квартирмейстера отряда, предназначеннаго для дѣйствія на сообщеніе кр. Шумлы.

Въ ночь съ 30-го на 31-е іюля, отрядъ выступилъ изъ лагеря подъ Шумлою въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ изъ дивизіона гусарскаго принца Оранскаго полка, одного батальона 38-го егерскаго и войскъ, занимавшихъ редутъ у дер. Велибей-кіой, подъ командою флигель-адъютанта полковника Плаутина, выступивъ ночью, прибылъ въ Емистамбулъ къ разсвѣту 31-го числа. Главный же отрядъ, имѣя въ головѣ дивизіонъ принца оранскаго гусарскаго полка и ахтырскій гусарскій полкъ съ конною ротой № 6, былъ составленъ изъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, украинскаго полка батарейной № 1 роты, 6-ти орудій легкой № 3 роты и роты 7-го піонернаго батальона, которые слѣдовали въ одной походной колоннѣ. Съ разсвѣтомъ 31-го числа, прибывъ къ редуту противъ Чифлика и смѣнивъ въ ономъ 3-ю бригаду 19-й пѣхотной дивизіи украинскимъ полкомъ, оставшимся въ командѣ г.-м. Дурново, и давъ войскамъ отдыхъ около двухъ часовъ, г.-л. Ридигеръ продолжалъ слѣдованіе къ Емистамбулу. При этомъ селеніи весь отрядъ расположился между Емистамбуломъ и Осмаромъ. Три дивизіи гусаръ, съ конною ротой № 6, построились въ боевомъ порядкѣ на возвышенности лѣваго берега Камчика противъ дороги, ведущей въ Чифликъ. Передъ сею позиціею батальонъ днѣпровскаго полка расположился для занятія лѣса и наблюденія дороги. Дивизіонъ гусаръ, на возвышеніи противъ деревни Осмаръ, наблюдалъ равнину по направленію деревни Костежъ. Пѣхота заняла двумя батальонами 37-го егерскаго полка и однимъ 38-го—ската возвышенія, обращеннаго къ Емистамбулу,

имѣя въ интервалахъ между батальонами по 6-ти орудій батарейной № 1 роты; два батальона азовскаго полка, съ 4-мя орудіями легкой № 3 роты, заняли противуположный скатъ передъ дер. Осмаръ, а на самой высотѣ расположился батальонъ днѣпровскаго полка съ двумя легкими орудіями. Одинъ батальонъ 38-го егерскаго полка занялъ кладбище въ самомъ селеніи. По обозрѣніи мѣста, удобнаго для заложения редута противъ сообщенія, ведущаго отъ ущелья р. Камчика на Костежъ, того же числа приступлено было къ построению онаго. На другой день онъ былъ оконченъ и занятъ тремя орудіями батарейной № 1 роты и батальономъ азовскаго полка. Тутъ же приступлено было къ заложению другаго редута на два орудія и одну роту на высотѣ позади перваго. Цѣль сего послѣдняго укрѣпленія состояла въ томъ, что бы прикрыть лѣвый флангъ вновь избранной позиціи, болѣе обезпечить первый редутъ, обстрѣливая пространство, вправо къ подошвѣ горъ простирающееся и что бы пресѣчь дорогу изъ Джумай и Костежа, правѣ Емистамбула, ведущую къ ущелью Камчика.

2-го августа второй редутъ былъ оконченъ и два орудія ввезены въ оный. Между тѣмъ пѣхота нашего отряда заняла новую позицію, применивъ лѣвый флангъ свой къ этому редуту. 2-й батальонъ 38-го егерскаго полка занялъ оба редута, остальные полки 1-й и 3-й бригады расположились слѣдующимъ образомъ: два батальона 37-го егерскаго полка въ первой линіи въ батальонныхъ каре, имѣя между собой три батарейныя орудія; 1-й батальонъ 38-го егерскаго полка и 2-й днѣпровскаго на лѣвомъ флангѣ по батальонно уступами, между 1-мъ и 2-мъ уступами стало 4 батарейныя орудія. На правомъ флангѣ два батальона азовскаго полка построились такимъ же порядкомъ. Между 1-мъ батальономъ 37-го егерскаго и 2-мъ азовскаго поставлены были 4 мелкихъ орудія и два въ резервѣ съ батальонами въ 3-й линіи. Кавалерія осталась на прежней позиціи. Передъ нею 1-й батальонъ днѣпровскаго полка съ двумя ротами занялъ лѣсъ, а остальные двѣ роты прикрывали вагенбургъ, расположенный позади праваго фланга кавалеріи. Деревня Емистамбуль въ тотъ же вечеръ была совершенно истреблена огнемъ.

Получивъ извѣстіе, что огни непріятельскіе весьма умножились на высотахъ при деревни Костежи, и дабы проникнуть въ тылу

крѣпости Шумлы по возможности далѣе, г.-л. Ридигеръ вознамѣрился предпринять усиленную рекогносцировку въ Костежскому ущелью. Нападеніе наше назначено было 3-го числа и наканунѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы три дивизіона гусаръ, съ 8-ю конными орудіями, и одинъ баталіонъ днѣпровскаго полка, съ однимъ батарейнымъ орудіемъ, оставались на занимаемыхъ мѣстахъ подъ начальствомъ г.-м. Рикорда, которому были подчинены и два-построенные редута. Въ тотъ же вечеръ, 2-го августа, г.-л. Ридигеръ поручилъ мнѣ обзрѣть пути въ Костежу.

Рекогносцировка 2-го августа 1828 г.

Обзрѣніе я совершилъ весьма удачно и, не смотря на опасность среди непріятельской цѣпи, я съ однимъ казакомъ проползъ между турецкими ведетами въ кустахъ и дошелъ до возвышеній, откуда видѣлъ весь освѣщенный огнями лагерь непріятеля въ ущельи. Такимъ образомъ я запомнилъ путь, по которому мнѣ предстояло вести колонну на фланги батареи, заграждавшей ущелье и въ тылъ оной. Возвращеніе мое также совершилось благополучно; не всякій можетъ вообразить мое нетерпѣніе и радость, когда пройдя цѣпь непріятельскую, я добрался до моей лошади, оставленной съ другимъ казакомъ и скрытой за густыми деревьями въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ непріятельскихъ ведетовъ.

Не долго пришлось отдохнуть отъ моей моральной и физической усталости; но удачно исполненное порученіе мое ободряло меня и придавало силы ко 2-му дѣйствию предстоящей драмы.

Сраженіе 3-го августа при деревнѣ Костежъ.

3-го августа, въ часъ ночи, мы выступили. Необыкновенная тишина и порядокъ слѣдованія совершенно скрыли отъ непріятеля наше движеніе. Турки только тогда замѣтили наше наступленіе, когда, пройдя рѣчку Урано, мы построились уже въ боевой порядокъ. Непріятель, числомъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ, бросился защищать крутыя высоты, по обѣ стороны ущелья лежація, и открылъ огонь изъ орудій на наступающія войска наши съ фронта. Но онѣ шли медленно, давая время фланговымъ двумъ колоннамъ,

отраженнымъ въ высотамъ по обѣ стороны ущелья, дойти до назначенія. Я велъ первую колонну по осмотровѣнной мною мѣстности наванунѣ, впереди 1-го батальона 38-го егерскаго полка. Едва дошли мы до высотъ, турки, засѣвшіе въ терновники, открыли сильный огонь, но застрѣльщики наши, бросившись къ подошвѣ возвышеній, тотчасъ отгѣснили ихъ и мы быстро овладѣли высотой. Тогда оставалось только спуститься въ ущелье. Между тѣмъ съ лѣвой стороны батальонъ 37-го егерскаго полка успѣлъ занять возвышенія и мы въ одно время съ онымъ овладѣли батареею, и за оною всѣмъ лагеремъ. Со стороны фронта Ридигеръ сильно содѣйствовалъ фланговымъ атакамъ дѣйствіемъ артилеріи. Наконецъ и другой батальонъ 37-го егерскаго полка, поддерживавшій нашу атаку, также подоспѣлъ съ фронта и все ущелье было очищено отъ непріятеля. Деревня же Костежъ была сожжена. Въ нашихъ рукахъ остались: бунчукъ, два знамя, 180 плѣнныхъ, весь лагерь съ палаткою паши и одно орудіе съ заряднымъ ящичкомъ; остальные были увезены при занятіи нами смежныхъ высотъ. Непріятель потерялъ убитыми до 300 человекъ.

Послѣ занятія сего ущелья, я былъ посланъ съ двумя егерскими батальонами сдѣлать рекогносцировку вдоль ущелья къ визирскому кургану. Егеря наши шли по обѣ стороны ската и очищали отъ засѣвшихъ въ кустахъ турецкихъ стрѣлковъ, которые открыли сильный огонь съ обонхъ фланговъ. Такимъ образомъ, обозрѣвъ всю мѣстность до визирскаго кургана, мы возвратились къ дер. Костежъ. Тутъ, по приказанію генерала Ридигера, съѣвъ возлѣ него, мы начали писать донесеніе объ этомъ дѣлѣ, отправивъ трофей наши съ батальономъ днѣпровскаго полка при двухъ орудіяхъ. Между тѣмъ непріятель часъ отъ часу усиливался и выстрѣлъ изъ орудія отъ вершины оврага извѣстилъ о томъ пушечнымъ ядромъ, которое, ударившись о скатъ, подъ которымъ мы писали донесеніе, осыпалъ насъ землею. Тогда Ридигеръ приказалъ начать отступление. Построившись въ каре, четыре батальона съ орудіями, отстрѣливаясь отъ 10-ти тысячъ непріятельскихъ войскъ, насъ окружавшихъ, слѣдовали къ р. Урано, гдѣ оставленъ былъ одинъ батальонъ азовскаго полка для прикрытія отступления. Егеря наши храбро пробивались впередъ и съ содѣйствіемъ артилеріи очищали путь нашего отступления. Наконецъ, дойдя до дефилиса между кустарникомъ, батальонъ егерей остано-

новился у опушки и удерживалъ оную до тѣхъ поръ, пока войска вошли въ лѣсъ. Послѣ сего и этотъ батальонъ началъ отступленіе. Но тутъ турки бросились съ отчаяніемъ на него и были снова отбиты. Одно орудіе, находившееся при этомъ батальонѣ, имѣя лошадей перебитыми, везлось людьми. При переѣздѣ черезъ рытвину, оно было опрокинуто и оставлено, послѣ тщетнаго усилія егерей увезти оное. Командиръ артиллерійской роты (легвой № 3 подп. Макалинскій), видя невозможность спасти орудіе свое, бросился къ оному и подъ градомъ пуль и со всѣхъ сторонъ окруженный турецкими всадниками, успѣлъ съ горстью егерей заклепать оудіе.

Непріятель не переставалъ преслѣдовать насъ до нашего выхода изъ лѣса, и отступилъ когда войска построились въ боевой порядокъ на высотѣ передъ лѣсомъ и г.-м. Ривордъ двинулся съ кавалеріею на подрѣзленіе. Потеря наша въ этомъ жаркомъ дѣлѣ не могла быть не чувствительна:—выбыло изъ фронта 462 человекъ, въ числѣ которыхъ генераль-лейтенантъ Ивановъ былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Непріятель потерялъ болѣе 1000 человекъ, въ числѣ которыхъ 600 человекъ погибло въ дер. Костежѣ, при истребленіи и сожженіи оной.

Въ началѣ этого дѣла, при овладѣніи лагеремъ, я съ товарищемъ моимъ Казадаевымъ, войдя въ палатку паши, нашли въ чашкѣ недопитый кофе. Казадаевъ допилъ его и отдалъ мнѣ чашку, которую я сберегъ на память этого боеваго дня и дружбы Казадаева.

Послѣ сраженія 3-го августа мы заняли прежнюю позицію при Емистамбулѣ, куда присоединился къ намъ посланный на подрѣзленіе 36-й егерскій полкъ, съ 4-мя легкими орудіями.

Возвращеніе въ главную квартиру.

8-го августа я возвратился въ главную квартиру и занемогъ общею тогда болѣзнію—кровавымъ поносомъ. Это меня изнурило до чрезвычайной степени, я лежалъ съ недѣлю въ палаткѣ своей, и едва шевелился отъ слабости. Въ это время Ридигеръ навѣщалъ меня и объявилъ о наградѣ за Костежъ Анною 2-й степени.

14-го числа турки насъ встревожили нападеніемъ ночью на фланъ-

ги нашей позиціи. Они успѣли захватить редутъ и 6 на немъ орудій, и на лѣвомъ флангѣ увезти одно орудіе.

28-го августа турки снова хотѣли испытать счастья, напавъ внезапно на лагерь нашъ, но были отброшены съ значительнымъ урономъ.

Переходъ къ Варнѣ.

21-го сентября мы, наконецъ, съ остальными чинами императорской главной квартиры оставили Шумлинскій лагерь. Государь давно уже былъ въ Одессѣ, и потомъ подъ Варною. Съ 3-ю бригадою 19-й дивизіи мы выступили около 7 часовъ по полудни въ утру прибыли въ Янибазаръ. Болѣзнь моя безпрестанно возобновлялась и я былъ не въ состояніи сидѣть на лошади; гр. Сухтеленъ предложилъ мнѣ мѣсто у себя въ колясѣ, съ которыми я и ѣхалъ до Варны.

22-го числа мы ночевали при рѣкѣ Турварнаутлардере. 23-го, проѣхавъ въ 1-мъ часу по полудни Козлуджи, имѣли ночлегъ въ Ефимовскомъ редутѣ, за 22 версты отъ Варны, и 24-го въ 6-мъ часу вечера вступили въ лагерь императорской главной квартиры подъ Варною.

На 26-е число, въ ночи, было сдѣлано нашими нападеніе на бастионъ крѣпости,—которое не имѣло цѣлью удержаться въ ономъ, а потому осталось безъ послѣдствій. Въ этомъ дѣлѣ храбрый мой товарищъ Казадаевъ, находясь въ охотникахъ, былъ раненъ пулею въ плечо.

28-го числа сдѣлся Юсуфъ-Паша съ сыномъ и нѣкоторою частью гарнизона Варны, послѣ трехдневныхъ переговоровъ. Въ то же время открыта была сильная канонада противъ крѣпости, и на другой день, 29-го сентября, крѣпость сдалась.

1-го октября, ѣздивъ въ лагерь гр. Воронцова, мнѣ представилось тамъ совершенно новое зрѣлище. Картина этого лагеря была оживлена присутствіемъ турецкаго гарнизона, сдавашагося военноплѣннымъ и окруженнаго цѣпью нашихъ ведетовъ. Государь былъ также въ это время въ лагерь, говорилъ съ Юсуфъ-пашею, смотрѣлъ плѣнныхъ, и когда въ числѣ ихъ одинъ подбѣжалъ ко мнѣ съ изъявленіями радости на своемъ языкѣ, государь спросилъ, что это значить? Объяснивъ государю встрѣчу мою съ Эминомъ, однимъ изъ татаръ, сопутствовавшихъ меня

въ одной изъ повозокъ по Турціи, государь приказалъ дать ему денегъ и особенно содержать его. Я узналъ впоследствии, что онъ все время плѣна своего жилъ въ Одессѣ, въ домѣ графа Воронцова и былъ доволенъ своею участію. 2-го октября государь отъѣхалъ въ Одессу.

Возвращеніе въ Россію.

Такъ кончилась наша кампанія 1828 года. Гр. Сухтеленъ, видя меня безпрестанно въ болѣзненномъ состояніи, приказалъ отправиться въ Одессу и лечиться. 5-го числа я выѣхалъ и ночевалъ въ Тенской, 6-го въ Коварнѣ, 7-го въ Мангалін, 8-го въ Кистенжи и 9-го пріѣхалъ въ Бабадагъ. Здѣсь я пробылъ до 12 октября и остановился у дяди Сергѣя Алексѣвича, который управлялъ тогда Бабадагскою областью. Въ Бабадагѣ я снова занемогъ лихорадкою и въ интервалахъ между пароксизмами бесѣдовалъ съ дядею. Онъ также страдалъ тою же болѣзнію и очень былъ слабъ. У него я встрѣтилъ въ первый разъ нашихъ русскихъ дамъ: Кладищеву и Глазенапъ, вогорыя ему надоѣли до чрезвычайности; онъ употреблялъ разные предлоги, чтобы отъ нихъ отдѣлаться и послѣднее средство было пресмѣшное.

12-го числа, распростясь съ Сергѣемъ Алексѣвичемъ, пустился далѣе и на другой день ввечеру пріѣхалъ въ городъ Тучковъ. Въ домѣ Сергѣя Алексѣвича меня встрѣтили какъ роднаго и я расположился въ немъ преспокойно. Это былъ первый пріятный уголъ послѣ всѣхъ походныхъ бивуаковъ—и я расположился тутъ ожидать моей коляски, за которою послалъ въ Леово, гдѣ въ началѣ похода я ее оставилъ. Повозку, верховыхъ лошадей и всѣ походныя принадлежности продалъ за безцѣнокъ, и этими деньгами наградилъ двухъ казаковъ, сопровождавшихъ меня отъ Варны. 25-го октября опять явилась неотступная лихорадка и опять приемы хининной соли. 28-го привезли мою коляску и 31-го оставилъ моего однофамильца; я съ нетерпѣніемъ ожидалъ уѣхать до Одессы, чувствуя, что буду имѣть необходимость въ хорошемъ медикѣ. И дѣйствительно, прибывъ въ Одессу 2-го ноября, 13-го снова возвратилась ко мнѣ лихорадка въ сильныхъ припадкахъ, отъ которой отдѣлался лишь черезъ мѣсяцъ, благодаря заботамъ доктора Спаскаго, и милаго товарища моего гр. Александра Пет-

ровича Толстаго, который хлопоталъ обо мнѣ какъ о родномъ. Въ Одессѣ лечился отъ раны Казадаевъ. Онъ начиналъ также выздоравливать и мы вмѣстѣ, наконецъ, выѣхали изъ Одессы 19-го декабря.

Возвращеніе въ семейство.

По нашей слабости мы ѣхали тихо, ночевали каждый день и въ Харьковѣ съ Казадаевымъ расстались, онъ отправился къ сестрѣ своей въ деревню, а я на Тамбовъ и Чембаръ. Изъ Чембара я заѣхалъ къ старому пріятелю Горсткину въ Голодлевку, куда прибылъ въ 10-мъ часу вечера 3-го января. Сердце трепетало скорѣе увидѣть семейство, зная какую радость везу родителямъ, представаясь передъ нами невредимымъ послѣ войны въ полковничьихъ эполетахъ въ 25 лѣтъ отъ роду, съ крестомъ на шеѣ, заслуженнымъ въ сраженіи. Горсткинъ проводилъ меня до Яхонтова. Въ крещеніе, въ воскресенье, въ 4 часа послѣ обѣда мы проѣхали всѣ снѣжные сугробы, окружавшіе село, завернули на дворъ небольшого домика и были у подъѣзда дома родительскаго.—Сердце хотѣло выскочить..... Но я предупредилъ его, бросившись въ объятія стариковъ моихъ. Эти минуты не описываются—ихъ только можно чувствовать.

VI.

1829 и 1830 годы.

Возвращеніе въ Петербургъ и назначеніе.

Назначеніе мое исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера оставшихся въ С. Петербургѣ войскъ было поводомъ къ возвращенію въ столицу весною 1829-го года.

Въ теченіи лѣта посѣщенія мои дачи Подспорья на берегу Невы рѣшили участь моей жизни.

Женитьба.

Исторія женитьбы моей заключается въ двухъ словахъ: влюбился и женился. Но влеченіе сердца было не къ одной наружности. Достоинства, которыми такъ щедро одарило Провидѣніе

жену мою, и которыя развились съ такою полнотою при обязанностяхъ жены и матери, давали уже ей особенное выраженіе, особенный характеръ, невольно привлекавшій къ себѣ каждаго. Меня судьба влекла, не останавливаясь ни на какихъ другихъ расчетахъ, кромѣ предчувствія счастья, и это чувство, послѣдствіе пылкой любви моей, привело къ скорой развязкѣ. 16-го октября мы объяснились; 5-го февраля 1830 г. былъ день нашей свадьбы. — Мнѣ было 27-й годъ.

Средства наши были не велики, но въ упоеніи счастья мы смѣялись надъ затрудненіями, встрѣчавшимися въ нашемъ домашнемъ быту, отъ чистаго сердца.

Новое назначеніе.

Между тѣмъ я былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса и инспекторомъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Для увеличенія нашихъ средствъ, я принялъ на себя въ той же школѣ преподаваніе высшей тактики.

Незамѣтно прошелъ годъ. Вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ и назначенъ походъ гвардейскому корпусу. Я оставлялъ жену беременною первымъ сыномъ. Разставаніе и разлука были изъ тѣхъ тягостныхъ минутъ жизни, которыя оставляютъ по себѣ надолго грустное впечатлѣніе.

Отъѣздъ изъ Петербурга.

8-го февраля 1831 года, въ часъ ночи, я выѣхалъ изъ Петербурга.

VII.

Война съ польскими мятежниками 1831 года.

Пріѣздъ въ Бѣлостокъ. Представленіе цесаревичу в. к. Константину Павловичу.

Выѣхавъ 8-го февраля изъ Петербурга, 11-го числа я соединился съ корпусною квартирою, находившеюся уже въ Ригѣ. Пробывъ тутъ четыре дня, отправился далѣе къ Бѣлостоку для распоряженій по слѣдованію гвардіи. 25-го я пріѣхалъ въ Бѣлостокъ и 27-го отправился представляться цесаревичу великому князю Константину Павловичу. Со мной было нѣсколько офицеровъ

гвардейскаго генеральнаго штаба и когда доложили Его Высочеству о желаніи моемъ представиться къ нему съ офицерами, то онъ, приказавъ благодарить, просилъ отпустить офицеровъ, а самому явиться къ его высочеству въ кабинетъ. Не долго ждалъ я появленія великаго князя, котораго до того времени мнѣ не случилось видѣть близко. Въ сюртукѣ съ желтою петлицею на воротникѣ, въ щегольскихъ серебряныхъ эполетахъ и аксельбантѣ, вышелъ его высочество изъ сосѣдней комнаты. Поклонясь очень учтиво, спросилъ о моей фамиліи, и когда я назвалъ ее, то онъ продолжалъ: „не родня ли вамъ Николай Алексѣевичъ Тучковъ?“ Я отвѣчалъ: „родной мнѣ дядя.“ — „Я имѣлъ честь служить подъ его начальствомъ. Тучковы славно служили.“ — Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: „Куда же вы идете съ корпусомъ?“ — „На присоединеніе къ войскамъ арміи гр. Дибича,“ отвѣчалъ я. — „Что же, вы думаете бить поляковъ?“ — „Не знаю, ваше высочество, но еслибы случилось съ ними встрѣтиться, не думаю, чтобы гвардія имъ уступила.“ — „Очень ошибаетесь,“ возразилъ онъ, „я вамъ скажу: что она вамъ гузно намыляетъ“. Потомъ также учтиво откланявшись со мною, оставилъ меня—и оставилъ въ недоумѣніи отъ странности словъ русскаго великаго князя.

Перѣздъ черезъ границу.

Въ Вѣлостоку я оставался до 15-го марта; наканунѣ этого дня я представился его высочеству Михаилу Павловичу и получилъ лично нѣкоторыя отъ него приказанія, отправился въ Тикочинъ.— 17-го выѣхалъ оттуда и въ тотъ же день пріѣхалъ въ Ломзу

Ломжа.

Въ окрестностяхъ этого города корпусъ нашъ расположенъ былъ довольно долго. Впереди, у Остроленки, находился отрядъ генераль-маіора Сакена. Правый флангъ примыкалъ къ р. Нареву.

Походъ графа Дибича къ верховьямъ Вислы, поражение Розена, все это заставляло наблюдать пространство между Бугомъ и Наревомъ, и потому въ теченіи апрѣля мѣсяца мы дѣлали частыя движенія по направленію Снядова и Анджево и 23-го апрѣля возвратились въ Ломзу. 25-го я получилъ извѣстіе о рожденіи

сына Алексѣя; но безповойство мое о здоровьи жены далеко оставяло позади себя радость рожденія перваго ребенка, котораго питала мать, во время нашей разлуки, слезами глубокой горести.— Грустныя думы мои были прерваны извѣстіемъ о движеніи непріятеля на гвардейскій корпусъ; оно разсѣяло ихъ и привлекло меня въ моей обязанности.

5-го мая мы пришли въ Снядовъ, авангардъ занялъ Явацъ. Савенъ расположился у Ломзы. Явацъ лежитъ на небольшой болотистой рѣчкѣ. Возвышенія противоположнаго берега были къ вечеру того же дня заняты полявами. Въ это время артиллерія авангарда Бистрома имѣла перестрѣлку съ непріятельскою, безъ всякаго послѣдствія; но эта была первая наша встрѣча, которую мы такъ давно ожидали.

С о вѣ т ѣ .

6-е число прошло въ нашемъ бивуакѣ въ недоумѣніи. Къ вечеру его высочество созвалъ нѣкоторыхъ генераловъ къ себѣ на совѣщаніе: Щербатова, Бистрома, Веймарна и Шеншина. Я также былъ призванъ къ его высочеству.—Дѣло шло о разрѣшеніи вопроса, атаковать ли непріятеля или отступить? Какъ младшій, я долженъ былъ объяснить мое мнѣніе первый. Вотъ въ чемъ оно состояло:

1-е) Основываясь на томъ, что непріятель, ободренный успѣхомъ противъ Розена, и мыслию, что гвардія не вдается въ дѣло, полагаетъ достаточнымъ своего появленія. чтобы устранить насъ и вынудить къ отступленію. Неожиданность нападенія нашего же нѣкоторою порукою успѣха. 2-е) По тѣмъ же причинамъ надо полагать, что безпорядокъ расположенія войскъ непріятеля, имѣя въ виду наше отступленіе, будетъ способствовать нашему нападенію. 3-е) Положеніе непріятеля, имѣющаго въ тылу Наревъ, поставитъ его въ затрудненіе неминуемое. 4-е) Числительная сила его, если предположить одинаковою съ нашей, то превосходство гвардіи, отборнаго нашего войска, дѣлаетъ наиболѣе сильнѣе, и наконецъ, 5-е) Отрядъ генераль-маіора Савена отъ Ломзы будетъ или содѣйствовать намъ или отвлечетъ часть непріятеля отъ насъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ мнѣніе мое атаковать непріятеля

на правый его флангъ. Всѣ возраженія на мнѣніе мое заключались въ одномъ: „не забывайте, что мы гвардія.“

Между тѣмъ въ удостовѣреніе 2-го пункта, который я сильно поддерживалъ, чтобы убѣдить въ малой нашей потерѣ при неожиданномъ нападении,—я вызвался сдѣлать обзорѣніе непріятеля, не теряя времени, и донести, что мною будетъ замѣчено.

Реконгносцировка.

Сѣвъ на коня, я отправился съ казакомъ къ рѣчкѣ Якачь нѣсколько верстъ выше деревни того названія, и, добравъ до кустовъ, слѣзъ съ лошади и, оставя ее казаку, добрался до самой рѣчки. При освѣщеніи огней, спрятавшись въ кустахъ на довольно удобномъ мѣстѣ, я могъ разглядѣть, что дѣйствительно войска непріятеля стояли въ безпорядкѣ; даже у рѣчки не было никакихъ передовыхъ постовъ. Часть артиллеріи, какъ видно недавно прибывшей, стояла на передкахъ и возлѣ сихъ послѣднихъ кормились привязанныя лошади. На высотахъ кавалерія и пѣхота были перемѣшаны въ какую-то общую волонну.

Убѣдившись, что поляки слишкомъ увѣрены въ нашей скромности, я посѣпшилъ добраться до моей лошади и поскакалъ къ его высочеству. Немедленно собрались къ нему тѣ-же генералы, но тутъ проникнутый мыслью и увѣренностью въ успѣхъ, я говорилъ съ большимъ жаромъ. Его высочество молчалъ, генералы рѣшили, кажется, отступить во чтобы ни стало. Одинъ генераль Шеншинъ склонился на мою сторону. Тогда его высочество сказалъ: „ну, рѣшайте большинствомъ голосовъ“. Три голоса были противъ нашихъ двухъ, и вслѣдъ за симъ поскакали адъютанты съ приказаніемъ готовиться къ отступленію, а ночью на 7-е число мы уже слѣдовали всѣмъ корпусомъ на Менжеминъ.

Отступленіе.

8-го пришли въ Лопухово и черезъ нѣсколько часовъ потянулись далѣе; съ 8-го на 9-е ночью прошли Тикочинъ и направились на Жолтеи.

Переходы были сильные, войска утомились. Авангардъ (sic) дрался противъ непріятеля безъ отдыха. Кто не знаетъ, какъ утомитель-

ны ночные переходы.— Не взирая на то, я не чувствовалъ усталости,— такъ занимала меня мысль, относящаяся къ нашему настоящему положенію: авангардъ нашъ, думалъ я, дерется противъ превосходнаго непріятеля, который можетъ тѣснить его до того, что, не взирая на стойкость передовыхъ войскъ нашихъ, Бистромъ могъ своротить отъ Тивочина влѣво за р. Наревъ и отереть непріятелю длинную колонну нашего корпуса, тянувшуюся одною вышкою къ Жолтвамъ. Съ другой стороны г. Бистромъ не могъ не отдѣлить часть отряда за Тивочинскую переправу для защиты нашей границы на этомъ пунктѣ. Но ослабить еще болѣе себя противъ непріятеля, уже превосходнаго въ силахъ, было опасно. Все заставляло думать, что авангардъ, на который мы такъ считаемъ, можетъ перейти Наревъ при Тивочинѣ и оставить насъ на произволъ собственной предосторожности. Это опасеніе я сообщилъ генералу Шеншину, съ которымъ ѣхалъ весь переходъ въ головѣ нашей колонны, и онъ, совершенно раздѣляя мои опасенія, торопилъ людей идти живѣе къ переправѣ у Жолтокъ, до которой оставалось намъ еще 4 версты.

Ослушаніе.

Въ минуту нашей внутренней тревоги, адъютантъ Бакунинъ прискакалъ съ приказаніемъ отъ Его Высочества, находившагося въ хвостѣ колонны. Заботясь объ отдохновеніи людей и считая на авангардъ, Его Высочество приказывалъ остановить войска, въ томъ порядкѣ какъ они шли, и сдѣлать привалъ. Мы съ Васильемъ Никаноровичемъ взглянули другъ на друга и я рѣшился отвѣчать, что „теперь не время останавливаться на отдыхъ, а надо сѣшнить за переправу на выгодную позицію.“ На это Бакунинъ возразилъ, что прежде всего надо исполнить приказаніе Его Высочества, а я доложу вашъ отвѣтъ великому князю. „Доложите и прибавьте, что я поѣхалъ за переправу ставить желонеровъ“. Шеншинъ, видя всю важность этой минуты, продолжалъ поспѣшать къ переправѣ, ожидая вторичнаго приказанія отъ великаго князя. Пока адъютантъ доѣхалъ къ намъ и обратно до командующаго корпусомъ, колонна приближалась къ переправѣ и я вводилъ головные батальоны на мѣста главной позиціи, занятой нами безъ упущенія малѣйшихъ выгодъ, представлявшихъ мѣст-

ностью. Это было въ 5-мъ часу утра 9-го мая.—Шеншинъ, доѣхавъ до меня, полюбовался мѣстностью, выбранною для артиллеріи, и шутя прибавилъ: „Смотрите, чтобы за ваше искусство вамъ сегодня не досталось.“ И въ самое то время тотъ же адъютантъ привезъ приказаніе, что когда я кончу свое дѣло, то Его Высочество приказалъ мнѣ идти подъ арестъ.

На длинной греблѣ черезъ р. Наревъ стоитъ небольшой домикъ таможни. Въ немъ остановился великій князь съ своимъ штабомъ. За греблю же, къ сторонѣ непріятеля, за неимѣніемъ легкой кавалеріи (которая вся находилась у Бистрома) былъ поставленъ кирасирскій Ея Величества полкъ и отъ него ведеты.

Поставивъ войска на позицію, я отправился по греблѣ къ таможенному домику. — Мысль, что я исполнилъ долгъ мой, ободряла меня въ положеніи, столь для меня обидномъ.

Дѣло при Жолтвахъ.

Я ѣхалъ, чтобы отдать мою шпагу; но едва успѣлъ поравняться съ домикомъ, какъ выстрѣлъ изъ орудія произвелъ ужасную суматоху въ домикѣ и въ полку Жадовскаго. Не то ощущеніе произвелъ во мнѣ этотъ выстрѣлъ. Я понялъ, что этотъ выстрѣлъ былъ торжествомъ моимъ. Поворота лошадь, я увидѣлъ, что на позиціи войска становятся въ ружье. Я выдвинулъ два орудія на самую греблю, а Шеншинъ выдвинулъ одинъ батальонъ къ мосту на Наревъ, чтобы при необходимости тотчасъ разобрать его.

Между тѣмъ мимо насъ промчались посѣтители таможеннаго домика и полкъ Жадовскаго, въ самомъ потерянномъ положеніи.

Едва было очищено ими мѣсто для дѣйствія артиллеріи, нѣсколько перекрестныхъ выстрѣловъ, хорошо направленныхъ съ боковыхъ отъ гребли батарей и орудій, на самой греблѣ остановили непріятеля, спѣшившаго за Жадовскимъ. Мостъ былъ разобранъ. Непріятель увидѣлъ насъ готовыми принять его на неприступной позиціи. Опасеніе мое оправдалось: Бистромъ вынужденъ былъ переправиться у Тикочина и открыть непріятелю доступъ къ нашимъ главнымъ силамъ, не успѣвъ даже предупредить насъ. Дѣло, ограничившись перестрѣлкою изъ орудій, скоро стало стихать, и всѣ убѣдились, что мы въ безопасномъ положе-

ніи. Тогда я счелъ удобною минутою исполнить повелѣніе Его Высочества отдать мою шпагу. Отъискавъ великаго князя, сидящаго у преображенскаго полка на барабанѣ съ сигаркою, я почтительно подошелъ къ нему, спрося приказаніе кому отдать мою шпагу? Но тутъ великій князь, чувствуя послѣдствія, какія могли бы произойти съ гвардіею, если бы мы отдыхали на привалѣ передъ переправою, обнялъ меня съ тѣмъ порывомъ прекрасной души его, которыя такъ всѣмъ извѣстны, и сказалъ съвозъ слезы: „извини меня.“—Эта минута была лучшею въ моей военной жизни. Но отношенія къ великому князю, столь щекотливыя въ этомъ дѣлѣ, едва ли позволяли сознаваться мнѣ самому внутренно, что я содѣйствовалъ къ спасенію гвардейскаго корпуса. Кто же послѣ того изъ окружающихъ его посмѣлъ замѣтить это обстоятельство?—Многіе, можетъ быть, и не поняли всей важности его и оно скрылось подъ непроницаемымъ покрываломъ придворной лести. Но тутъ я могу сознаться и въ исполненіи другаго долга, столь же для меня священнаго: я всегда молчалъ объ этомъ происшествіи.

Наградою за дѣло при Жолткахъ былъ орденъ св. Владиміра 3 степени.

Послѣ 9-го мая я пользовался благорасположеніемъ Его Высочества, и по возвращеніи въ С. Петербургъ, онъ самъ вызвался крестить сына моего Михаила, для чего я имѣлъ счастье принимать его у себя въ скромномъ моемъ жилищѣ и угощать его. Его Высочество обласкалъ все семейство мое и съ особеннымъ чувствомъ говорилъ о службѣ моей при немъ во время польской кампаніи.

10-го числа мы провели у переправы. Его Высочество перешелъ въ Хороць; 11-го мы начали замѣчать движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ и на другое утро, съ разсвѣтомъ, противоположный берегъ опустѣлъ. Поляки успѣшно отступили.... То было слѣдствіемъ движенія Дибяча на Остроленку.

Движеніе изъ Остроленки.

Авангардъ выступилъ 12-го числа утромъ вслѣдъ за непріателемъ, а главныя силы корпуса послѣ полудня и дошли на ночлегъ къ Лапухову. 13-го перешли въ Снядовъ.

Здѣсь В. Н. Шеншинъ, чувствуя припадки свирѣпствовавшей

тогда холеры, не могъ далѣе слѣдовать и пожелалъ остаться въ Снядовѣ. Черезъ нѣсколько дней скончался почтенный и благородный Шеншинъ. Доброе расположеніе его ко мнѣ было большимъ разсѣяніемъ въ моемъ одиночествѣ и кончина его оставила для меня какую-то грустную пустоту.—14-го мая, на походѣ къ Остроленкѣ, слышались вдали глухіе раскаты выстрѣловъ. При Остроленкѣ происходило сраженіе; мы поспѣшали на соединеніе съ арміею. Къ 3-мъ часамъ утра 15-го числа, мы успѣли соединиться съ нею, сдѣлавъ нѣсколько усиленныхъ переходовъ. Сраженіе было уже кончено. Непріятель отброшенъ за Наревъ. Остановясь съ гвардейскимъ корпусомъ въ двухъ верстахъ отъ мѣста сраженія, его высочество послалъ меня въ главную квартиру испросить приказанія гдѣ расположится гвардейскому корпусу. Послѣ утомительнаго дѣла, все въ главной квартирѣ предалось успокоенію на мѣстѣ сраженія, и я съ трудомъ отыскалъ генерала Нейдгардта, разбудилъ его и донесъ о прибытіи гвардіи. Онъ, передавъ мнѣ приказаніе, завернулся снова въ шинель свою, а я отправился обратно.—16-го числа мы расположились бивуакомъ у Остроленки. Холера начала показываться въ войскахъ, и всѣ начинали брать предосторожности. Не взирая на то, въ тотъ же день я почувствовалъ нѣкоторые припадки и долженъ былъ переѣхать въ городъ, гдѣ помѣстился въ уцѣлѣвшей комнатѣ одного разореннаго дома. Ночью припадки усилились, но благодаря Бога и искусству славнаго доктора и рѣдкаго человѣка Шлегеля, который нѣсколько часовъ не отходилъ отъ моей постели, я выздоровѣлъ, но по слабости не могъ слѣдовать съ корпусомъ и ѣхалъ въ коляскѣ до Макова, куда прибылъ вмѣстѣ съ войсками 22-го мая, выѣхавъ изъ Остроленки 20-го.

Дребываніе въ Маковѣ.

Въ Маковѣ мы простояли съ войсками гвардейскаго корпуса цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіи этого времени холера не унималась; главною жертвою былъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ, внезапно скончавшійся 29-го мая, близъ Пултуска, въ мызѣ Клешовѣ. За болѣзнію П. О. Веймарна я исправлялъ должность начальника штаба гвардейскаго корпуса и ежедневно ходилъ съ докладомъ къ Его Высочеству. Въ эти дни, оставаясь наединѣ съ великимъ княземъ,

я былъ нѣсколько разъ осчастливленъ его откровенностью, и изъ разговора съ нимъ, особенно 1-го іюня (въ этотъ день онъ удержалъ меня у себя болѣе двухъ часовъ послѣ доклада) я удивленъ былъ вѣрностью взгляда его на вещи, на образъ мыслей молодыхъ людей настоящаго времени, и снисходительнымъ вниманіемъ добраго его сердца къ проступкамъ, въ которыхъ увлекаются пылкостью, и изъ угрюмаго чела его какъ часто являлись проблески благо-родной души его.

Прибытіе гр. Паскевича.

Гр. Паскевичъ, смѣнивъ покойнаго Дибича, прибылъ въ главную квартиру 13-го іюня. Проѣздомъ черезъ Маковъ, Паскевичъ пробылъ у его высочества нѣсколько часовъ и 16-го снова прибылъ въ гвардейскій лагерь, для осмотра войскъ. Корпусъ былъ построенъ передъ своими бивуаками и фельдмаршалъ принятъ войсками съ замѣтнымъ восторгомъ. — Солдаты, утомленные переходами, безъ всякихъ доселѣ послѣдствій, ожидали чего то новаго, рѣшительнаго, надѣялись на скорую развязку.

Движеніе къ Вислѣ.

22-го іюня было назначено для выступленія къ низовьямъ Вислы. Нашъ корпусъ составлялъ правую колонну арміи и двинулся къ Цѣханову, 23-го прибылъ въ Госциславъ, 24-го въ Крайково, 25-го въ Сетроніе и 26-го въ Повшинъ, близъ Плоцка.

Извѣстіе о кончинѣ цесаревича.

До выступленія нашего, его высочество получилъ (10-го числа) извѣстіе о кончинѣ цесаревича Константина Павловича. Всѣ переходы великій князь былъ задумчивъ и на лицѣ его изображалась глубокая горестъ. Близъ Плоцка мы простояли два дня.

Избавленіе мое отъ вѣрной смерти.

Не доходя одного перехода до Павшина, я былъ посланъ въ главную квартиру съ порученіемъ отъ его высочества и, возвратясь оттуда въ Сетроніе, нашелъ всю нашу корпусную квартиру расположенною въ одномъ обширномъ сараѣ. Это былъ 6-й часъ по

полудни и нѣсколько группъ нашего штаба усѣлись въ немъ для обѣда. Ближайшею къ выходу былъ нашъ корпусный докторъ Гулькевичъ съ аптекаремъ. Уставъ отъ моей поѣздки, я очень обрадовался найти товарищей готовыми раздѣлить походный обѣдъ свой со мною и едва вошелъ я въ сарай, какъ Гулькевичъ, наливъ въ двѣ рюмки водки и подмѣшавъ въ нее какую-то настойку, пригласилъ выпить съ нимъ изъ предосторожности отъ холеры. Я занесъ уже рюмку ко рту, какъ Львовъ, адъютантъ Щербатова, схвативъ меня за руку, отнялъ рюмку, сказавъ: „что за охота тебѣ пить эту микстуру, выпей лучше моего кюммеля,“ и заставилъ выпить. Гулькевичъ отдалъ тогда предназначенную мнѣ рюмку аптекарю и оба разомъ осушили ихъ. Но лишь только они выпили микстуру свою, какъ почувствовали жестокую боль и жжение въ желудкѣ. Въ составленіи этой водки аптекарь не распозналъ свои селяночки и, вмѣсто травяной настойки, влилъ въ рюмки эссенцію шпанскихъ мухъ. Побѣжали за помощью этимъ двумъ несчастнымъ и сдавъ ихъ на руки какого то полковаго доктора, — мы отправились далѣе. На другой день у Плоцка Гулькевичъ и аптекарь умерли въ жестокихъ припадкахъ холеры. Такимъ образомъ я былъ спасенъ чуднымъ образомъ Провидѣніемъ, которое послало мнѣ Андрея Михайловича Львова съ своимъ кюммелемъ.

Тревога и выступленіе.

29-го іюня товарищи мои гвардейскаго генеральнаго штаба вздумали отпраздновать мои именины, пригласивъ меня на заготовленный ими пиръ вечеромъ, на квартирѣ полковника Брюмера. Но едва мы собрались, какъ услышали тревогу въ лагерѣ. Въ одинъ мигъ разбѣжались мы къ лошадямъ своимъ и черезъ четверть часа, подъ холодный дождикъ, собрались всѣ въ лагерѣ. Войска стояли въ ружьѣ, непріятели нигдѣ не показывались, мы не понимали причины этой тревоги. Между тѣмъ дождь усиливался, ружья опять составили, и мы, измоченные до костей, провели какъ могли всю ночь на сырой землѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ развязки. Къ утру вѣрно было выступать и въ 8-ми часамъ слѣдующаго дня мы прибыли въ Сребрно.

Впослѣдствіи мы узнали, что тревога произошла отъ извѣстія, полученнаго Паскевичемъ, что непріятель въ значительныхъ

силахъ подошелъ къ Плонску, занялъ этотъ городъ и выдвинулъ свой авангардъ къ Болкову. Со всѣмъ тѣмъ мы не понимали, почему же нашъ корпусъ простоялъ всю ночь на 30-е число въ ружьѣ. Но таковъ характеръ нашего главнокомандующаго!

Движеніе къ Вислѣ продолжалось черезъ Камень-Котово (1-го іюля), г. Липно (2-го іюля), гдѣ была дневка 3-го и 4-го числа. 5-го прибыли въ Киколь, 6-го дневали въ этомъ селеніи и 7-го переправились черезъ Вислу при Слонскѣ. Тутъ, на границѣ Пруссіи, стояли прусскія войска, равнодушно смотрѣвшія на наше движеніе и занимавшія посты по протяженію границы. Въ этотъ день мы дошли до Радціонзска, простояли тутъ два дня и 10-го перешли въ Нишаву, гдѣ оставались до 15-го числа, перейдя въ тотъ день въ Віенець; 16-го выступили къ Раутову, 17-го въ Гостининъ, 18-го въ Валищевъ, 19-го дневка, 20-го въ Черниевъ, 21-го въ Галіонска, 22-го расположились въ Ловичѣ.

До главнокомандующаго дошли опять слухи, что непріятель намѣревается сдѣлать рѣшительную атаку по лѣвому берегу Бзуры на Ловичъ. Послѣдствіемъ этихъ слуховъ опять тревога, опять ночь на 23-е число простояли подъ ружьемъ по пустому.

25-го, въ часъ ночи, двинулись на Башлево. Мы доходимъ съ гвардіей до Ниборова—непріятель отступаетъ за р. Равку. Въ тотъ же день мы съ штабомъ нашимъ переѣзжаемъ въ Аркадію. До 3-го августа остаемся въ этомъ прекрасномъ помѣстьи и потомъ переходимъ въ Рудинополь, 4-го въ Біеневиць, 6-го въ Валендовъ. Тутъ гвардейскій корпусъ стоялъ до 24-го августа.— По приказанію главнокомандующаго, въ полкахъ дѣлали приготовленія фашиновъ и лѣстницъ; люди упражнялись въ употребленіи штурмовыхъ снарядовъ—и все ожидало скорого окончанія рѣшительнымъ ударомъ на Варшаву.

Пока главнокомандующій съ генералами составляли планъ штурма укрѣпленій, мы ѣздили обозрѣвать мѣстность и весь генеральный штабъ изучилъ оную по всѣмъ направленіямъ.

Движеніе къ Варшавѣ.

24-го числа, по данной диспозиціи, армія подступила къ Варшавѣ.—Гвардейскій корпусъ слѣдуетъ черезъ Волицу и Рапинъ и располагается позади лѣса у Опаче-вѣльки.

По диспозиціи на 25-е число всѣмъ войскамъ велѣно готовыми быть къ бою, гвардейской пѣхотѣ слѣдовать за движеніемъ 2-го корпуса, оставляя селеніе Скороше и Солибсы влѣво. Съ началомъ дѣйствія артиллеріи гвардейскій корпусъ останавливается за 2-мъ корпусомъ.

25-е августа.

Войска ночевали въ колоннахъ на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ и до наступленія дня 25 августа заняли мѣста влѣво отъ деревни Опаче-вельки. Въ 4 часа пополудни войска, въ колоннахъ къ атакѣ, тронулись съ мѣста и пошли по назначеннымъ направленіямъ.

Начало боя.

Ударилъ часъ, съ которымъ кончилось перемиріе. Отвѣта ожидаемаго не было. По всей линіи загремѣла артиллерія, обстрѣливая непріятельскіе редуты.

Въ началѣ дѣла, съ первымъ отвѣтомъ непріятельскихъ редутовъ, одинъ изъ выстрѣловъ пролетѣлъ близко къ фельдмаршалу — который, получивъ контузію въ лѣвую руку ядромъ, сдалъ графу Толлю командованіе. Въ эту минуту его высочество подъѣхалъ туда освѣдомиться о положеніи фельдмаршала, и я своими глазами видѣлъ, какъ съ свойственнымъ графу Толлю хладнокровіемъ, онъ призвалъ адъютантовъ и разослалъ съ извѣщеніемъ къ корпуснымъ командирамъ о принятіи имъ командованія арміею. Фельдмаршала отвезли въ коляскѣ, и вслѣдъ за тѣмъ графъ Толль велѣлъ прекратить пальбу и штурмовыя колонны двинулись.

Гвардейскій корпусъ сталъ по правую сторону Вольскаго шоссе, 5-я бригада откомандирована была для присоединенія съ гренадерскимъ за Волею.

Во время штурма гвардейскій корпусъ былъ сближенъ съ боевою линіею у Воли. Битва длилась до полуночи. Постепенно редуты и городской валъ были въ рукахъ русскихъ. Въ ночной темнотѣ пожары освѣтили городъ и валъ вооруженъ нашими батарейнными орудіями. Половина передовыхъ войскъ оставалась подъ ружьемъ, гвардейскій корпусъ сталъ между обѣими линіями вѣшнихъ укрѣпленій, а кавалерія собрана въ значительномъ числѣ на флангахъ.

Сдача Варшавы.

Между тѣмъ, по мѣрѣ успѣха нашихъ войскъ, соглашенія съ непріателемъ шли быстро.—Столица была уступлена.

Вступленіе гвардіи.

На другой день (27-го числа) рано утромъ въ лагерѣ гвардейскаго корпуса все зашевелилось; но то было не приготовленіе къ бою, не движеніе на приступъ, а просто чистка, бѣленіе аммуниціи. Гвардія радилась для церемоніальнаго марша, и въ 8 часовъ утра, подъ личнымъ начальствомъ его высочества, вступила въ городъ черезъ Іерусалимскую заставу. У самой заставы насъ встрѣтили депутаты съ ключами города, униженно представляя ихъ его высочеству. Не останавливаясь, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, весело прошли мы главныя улицы города и расположились бивуаками на главныхъ площадяхъ онаго.

Великій князь съ штабомъ своимъ помѣстился въ Лазенкиевскомъ дворцѣ. Начальникъ штаба, я и адъютанты заняли лѣвый флигель. Нетерпѣливо ожидали мы сдачу Модлина и окончанія военныхъ дѣйствій на нѣкоторыхъ пунктахъ царства. Съ своей стороны нетерпѣніе мое было выше всякой мѣры: я ждалъ счастливой минуты возвращенія моего къ семейству.

Гвардейскій корпусъ построился въ 50 саженьяхъ позади 2-го корпуса, между деревнями Раковымъ и Влохами.

Послѣ сильнаго артиллерійскаго огня, 2-й корпусъ двинулся отъ насъ на приступъ, а черезъ нѣсколько времени 5-я гвардейская бригада получила приказаніе подкрѣпить г.-л. Муравьева, дѣйствовавшаго противъ Іерусалимской заставы. Великій князь поручилъ мнѣ вести эту бригаду и по приказанію Муравьева я поставилъ ее на шоссе впереди Ракова. Мы прибыли на мѣсто послѣ взятія Муравьевымъ редута № 53 и окоповъ, облегающихъ д. Раковецъ. Но непріатель продолжалъ дѣйствовать артиллеріею изъ окоповъ 2-й линіи и Уминскій, присоединивъ къ себѣ вытѣсненныя войска, открылъ по насъ огонь съ лѣваго своего фланга и изъ батарей, находившейся у Іерусалимской заставы.—Съ обѣихъ сторонъ канонада продолжалась довольно долго.

Я возвратился къ Его Высочеству; огонь по всей линіи сталъ стихать, послѣ взятія передовыхъ укрѣпленій Варшавы и Воли. — Въ 6-ть часовъ все умякло и вечеромъ 5-я бригада присоеди-
нилась къ корпусу.

Приступъ остальныхъ укрѣпленій отложенъ былъ до другаго дня.

26-е августа.

По диспозиціи всѣ войска должны были стать въ ружье въ 4 часа утра. Но по случаю отерывшихся переговоровъ съ неприятелемъ, всѣ движенія остановлены до новаго приказанія.

Фельдмаршалъ согласился на свиданіе съ генераломъ Круковецкимъ; оно произошло въ 9 часовъ утра въ корчмѣ между Волею и городомъ. Его высочество также участвовалъ въ переговорахъ, и потому къ назначенному времени мы сопровождали великаго князя къ назначенному мѣсту, гдѣ уже былъ фельдмаршалъ съ своимъ штабомъ. Паскевичъ и великій князь стояли на шоссе, окруженные многочисленною свитою, когда генералъ Круковецкій прискакалъ съ своимъ штабомъ и, размѣняясь учтивыми привѣтствіями съ фельдмаршаломъ, оба они и нѣкоторые генералы сошли съ лошадей и вошли въ корчму.

Пока шелъ довольно горячій разговоръ тамъ, отъ котораго доходили до насъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ громко и съ жаромъ, мы всѣ, окружающіе обоихъ главнокомандующихъ, сошли съ лошадей и, перемѣшавшись между собою, многие нашли старыхъ знакомыхъ изъ бывшихъ при покойномъ цесаревичѣ офицеровъ; и сходились между собою вовсе не какъ непріатели. Польскіе офицеры изъявляли сожалѣніе о положеніи взаимныхъ отношеній въ настоящее время, надѣялись, что скоро все кончится и изъявляли откровенное въ томъ нетерпѣніе.

Наконецъ переговоры кончились, перемиріе заключено до часа по полудни для рѣшенія сеймомъ о безусловной покорности. — Обѣ стороны разъѣхались.

Выступленіе къ Блоніи и возвращеніе.

Но 11-го сентября партіи, посланныя къ Цлоцку, извѣстили насъ, что непріатель переправляется черезъ Вислу. Для воспрепятствованія сему намѣренію были составлены два корпуса, одинъ

подъ начальствомъ графа Палена, другой изъ части гвардіи и гренадерской дивизіи и кавалеріи подъ командою великаго князя.— 12-го числа мы двинулись въ Блоніе и по переходѣ непріятеля на правый берегъ Вислы, 14-го сентября, мы возвратились въ Варшаву.

Дни передъ моимъ отъѣздомъ.

Между тѣмъ многіе изъ товарищей были отпущены на родину. 17-го сентября уѣхалъ Александръ Веригинъ, но моя очередь пришла только 7-го октября.

Прощальный обѣдъ офицеровъ гвард. генеральнаго штаба.

4-го октября общество офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, которое всегда имѣло ко мнѣ расположеніе, самое для меня лестное, великолѣпнымъ обѣдомъ ознаменовало сожалѣніе расстаться со мною, и этотъ прощальный пиръ меня тронулъ до глубины сердца. Сколько было искреннихъ заявленій, столько истинны въ чувствахъ всего этого отличнаго общества офицеровъ.

6-го числа полковникъ Брюммеръ еще разъ собралъ у себя то же общество вечеромъ, и тутъ мы простились.

Обѣдъ у великаго князя и выѣздъ.

На другой день утромъ я хотѣлъ пуститься въ дорогу, но представаясь великому князю, его высочество такъ былъ милостивъ, что не хотѣлъ отпустить меня безъ того, чтобы я у него не отобѣдалъ. И такъ послѣ обѣда, на которомъ великій князь, отъ всей неопѣненной души его, благодарилъ меня за службу и отпустилъ меня, обнадеживъ на будущее всегдашнее его благорасположеніе,—вечеромъ въ 7 часовъ я оставилъ Варшаву. 8-го числа въ три часа по полудни прибылъ въ Брестъ-Литовскій и ночевалъ въ Кобринѣ, а 11-го въ 8 часовъ утра приѣхалъ въ Вильну.

Поездка въ Кетовичи.

На другой день, полагая окрестности Вильны безопасными, я предпринялъ небольшое путешествіе къ двоюродной сестрѣ моей Зиновичевой; но на 2-й станціи, подозрѣвая моего подводчика еврея въ нѣкоторыхъ умыслахъ изъ разныхъ переговоровъ въ

каждой жидовской корчмѣ и грубыхъ его отвѣтахъ, я силою остановилъ его противъ почтовой станціи и велѣлъ ямщикамъ удержать еврея.—Смотритель станціи, русскій, рассказалъ мнѣ о разныхъ убійствахъ въ окрестностяхъ и убѣдилъ не ѣхать далѣе.

Давъ еврею порядочный урокъ съ помощью смотрителя и его ямщиковъ,—велѣлъ отпустить его, а самъ черезъ два часа прискакалъ на почтовыхъ въ Вильну.

Выѣздъ изъ Вильны.

13-го выѣхалъ изъ Вильны, и 18-го обѣдалъ въ Новгородѣ. Къ вечеру, пріѣхавъ въ Валдаи, я послалъ одного изъ людей моихъ въ Келицы, предупредить о моемъ пріѣздѣ, и съ разсвѣтомъ пустаясь въ путь, привѣтствовалъ наступившій день, 19-го октября, какъ день изъ счастливейшихъ моей жизни.

Встрѣча въ Крутикахъ

Въ Едровѣ, нанявъ шестерикъ въ коляску, своротилъ влѣво, по той безконечно длинной проселочной дорогѣ, которая ведетъ черезъ Дубровку. Не болѣе часа ямщикъ условился кормить тутъ лошадей своихъ; но этотъ часъ мнѣ казался вѣчностью. Наконецъ я выѣхалъ, и съ послѣдней станціи, проѣхавъ плотину и обогнувъ песчаную поляну, съ рѣдкими соснами, мы выѣхали въ боръ, то поднимаясь, то спускаясь по холмистымъ пескамъ, то проѣзжая тряскіе мостики;—и поднявшись на одинъ изъ тѣхъ холмовъ, послышался шумъ экипажа, голосъ кучера; наконецъ показалась старинная линейка.—Стоя!..... и однимъ мигомъ мы были въ объятіяхъ другъ друга..... Описать всѣ ощущенія этихъ счастливыхъ минутъ трудно. Пусть всякій, кто умѣетъ чувствовать, представить ихъ своему воображенію.

Пріѣздъ въ село Келицы.

Доѣхалъ до села, гдѣ всѣ родные жены моей были собраны;—жена принесла ко мнѣ ребенка нашего, который родился во время моего похода; я заключилъ маленькое семейство въ горячія объятія и счастье въ черту семейства; наконецъ сердце отлегло отъ долгаго своего волненія—душа отдохнула. Павелъ Гучковъ.

ТУЧКОВЫ.

Помѣстивъ въ этой книгѣ „Записки“ Павла Алексѣевича Тучкова (бывшаго Московскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта и генералъ-отъ-лифантеріи) — „Записки“, сообщенныя его достопочтенными сыновьями М. П. и Н. П. Тучковыми, считаемъ вполне уместнымъ напомнить здѣсь въкоторыя свѣдѣнія какъ объ этой славной фамиліи, выдвинувшей изъ своей среды цѣлый рядъ усердныхъ слугъ Россіи, такъ и о составителяхъ нами напечатанныхъ „Записокъ“.

Ред.

Тучковы ведутъ свой родъ съ XIII столѣтія, когда слава побѣдъ в. к. Александра Невскаго привлекла изъ чужихъ краевъ, въ особенности изъ Австріи и Пруссіи, многихъ именитыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, выходецъ изъ Пруссіи, Михаилъ, получившій въ Россіи прозвище Прушанинъ, былъ сподвижникомъ в. кн. Александра Невскаго, начальствуя частью рати его на берегахъ Невы. Отъ него ведутъ свое происхожденіе Тучковы. Потомки Михаила были боярами и послами, какъ свидѣлствуютъ лѣтописи¹⁾, при Іоаннѣ III и Василю Іоанновичѣ въ 1477 и 1510 годахъ; одинъ изъ нихъ, Михаилъ Васильевичъ, былъ въ 1521 году намѣстникомъ Новгородскимъ и возобновилъ на десять лѣтъ мирный договоръ съ главою рыцарей ливонскихъ Плетенбергомъ. Тогда Тучковы носили прозвище Тучко-Морозовы; одинъ изъ нихъ, Борисъ, принялъ фамилію Тучкова, которая и существуетъ до сего времени. Дочь Ивана Борисовича Ирина Ивановна была въ супружествѣ за бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ; внука ея Анастасія Романовна была первою супругою Іоанна Грознаго, а правнукомъ ея — Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Съ тѣхъ поръ Тучковы постоянно отличаются вѣрною и честною службою во всѣхъ послѣдующихъ царствованіяхъ, что доказывается хранящимися въ семействѣ ихъ грамотами на имѣнія, жалованными имъ за оказанные ими подвиги и заслуги. Въ цар-

¹⁾ Біограф. Тучковыхъ, составл. П. А. Тучковъ въ 1839 по источн. Софійскій Временникъ, Исторія Государства Россійскаго Карамзина и фамильные документы.

ствование императрицы Екатерины II Алексѣй Васильевичъ Тучковъ начальствовалъ надъ крѣпостями по польской и турецкой границамъ, былъ инженеръ-генераль-поручикомъ и начальникомъ инженернаго корпуса. Подъ его наблюдениемъ былъ построенъ первый постоянный деревянный мостъ черезъ Неву, и въ честь его названъ его именемъ. Въ царствование императора Павла I Алексѣй Тучковъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ одинъ изъ департаментовъ правительствующаго Сената въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1799 году. Въ отечественную войну 1812 года изъ пяти сыновей Алексѣя Тучкова, четверо, уже въ генеральскихъ чинахъ, принимаютъ въ ней славное участіе: старшій, Николай Алексѣевичъ ¹⁾, въ качествѣ корпуснаго командира, смертельно раненъ подъ Бородинымъ; младшій, Александръ Алексѣевичъ, начальствуя бригадою въ томъ-же бою и защищая флешы у деревни Семеновской — убитъ, (его супруга Маргарита Михайловна, рожденная Нарышкина, была основательницею и первою игуменью Спасо-Бородинскаго монастыря, построеннаго ею на мѣстѣ славной смерти ея мужа; впоследствии была восприемницею при таинствѣ Св. миропомазанія государыни императрицы Маріи Александровны); третій братъ, Павелъ Алексѣевичъ, во главѣ отдѣльнаго отряда остановилъ, въ извѣстномъ сраженіи подъ Валутиной горой, напоръ Наполеоновскихъ войскъ, хотя отъ излишней отважности, раненый, и былъ, при наступившей темнотѣ, захваченъ въ плѣнъ. Впоследствии, въ царствование императора Николая I, Павелъ Алексѣевичъ сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта, предсѣдателемъ комисіи прошеній и кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Четвертый братъ, Сергій Алексѣевичъ, былъ съ начала 1812 года дежурнымъ генераломъ Дунайской арміи подъ начальствомъ адмирала Чичагова и принималъ дѣятельное участіе въ бывшей въ то время войнѣ съ Турціею; начальствуя отдѣльнымъ отрядомъ, Тучковъ взялъ съ бою городъ Мангалию, а за переселеніе Некрасовскихъ казаковъ обратно въ Россію и за построеніе и заселеніе города на Дунаѣ (нынѣ предмѣстье крѣ-

¹⁾ Николай Алексѣевичъ за свое мужество, доброту сердца и образованіе, за строгое безкорыстіе и непоколебимое прямодушіе пользовался уваженіемъ всей арміи. (Военно-энциклопед. лексиконъ бар. Зедлера, томъ XIII, стр. 175).

пости Измаила) безъ всякихъ издержекъ для казны, удостоенъ въ память потомству, что, по Высочайшему повелѣнію, городъ этотъ названъ его именемъ. Въ царствованіе императора Николая I Сергій Тучковъ участвовалъ вновь въ войнѣ съ Турціею, въ 1828 году, и во время пребыванія русской арміи въ непріятельскихъ предѣлахъ за Дунаемъ былъ начальникомъ Бабадагской области; по окончаніи этой войны былъ измаильскимъ градоначальникомъ и за отличное управленіе градоначальствомъ награжденъ орденомъ Бѣлаго орла; умеръ въ Москвѣ въ 1839 г.

Пятый и самый старшій братъ помянутыхъ выше Тучковыхъ, Алексѣй Алексѣевичъ, началъ службу въ артиллеріи и достигъ чина генералъ-маіора въ послѣдній годъ царствованія императрицы Еватеріны II, но при императорѣ Павлѣ I, вслѣдствіе непріятностей, возникшихъ между нимъ и Аравчевымъ, вынужденъ былъ выйти въ отставку и болѣе въ военной службѣ не служилъ. Въ 1812 году былъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и принималъ дѣятельное участіе въ формированіи ополченія; умеръ въ Москвѣ въ 1853 году на 87 году отъ рожденія. Отъ него родился составитель напечатанныхъ выше записокъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

Тучковъ, Павелъ Алексѣевичъ, род. 7 апрѣля 1803 г., числился въ пажескомъ е. в. корпусѣ ¹⁾, но воспитывался сначала дома, затѣмъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Получилъ военное образованіе въ пансіонѣ (впослѣдствіи училище колонновожатыхъ) въ собственномъ имѣніи генералъ-маіора Муравьева и на пятнадцатомъ уже году, за отличные успѣхи въ военныхъ наукахъ, былъ произведенъ въ офицеры. Въ первыхъ еще чинахъ молодому Тучкову, бывшему на счету лучшихъ „свитскихъ офицеровъ“, какъ называли офицеровъ генеральнаго штаба, достались въ удѣлъ особенныя занятія. Императоръ Александръ I имѣлъ привычку, во всѣхъ путешествіяхъ своихъ по Россіи, имѣть у себя подробный топографическій маршрутъ со всѣми достопримѣчательностями, что конечно знакомило его съ краемъ лучше, чѣмъ всякое описаніе. Работа эта возложена была на Тучкова

¹⁾ Получилъ званіе пажа вмѣстѣ съ своимъ братомъ въ честь заслугъ, оказанныхъ Николаемъ Алексѣевичемъ Тучковымъ (дядею его), и въ знакъ особеннаго уваженія Александра I—къ Николаю Тучкову.

и, такимъ образомъ, ему пришлось объѣхать и снять на планъ для государя тысячи верстъ ¹⁾. Въ царствованіе императора Николая I Павелъ Тучковъ занималъ разныя должности ²⁾, въ 1826 и 1827 годахъ находился при императорской миссіи въ Константинополь для составленія военнаго обозрѣнія Турціи и собранія свѣдѣній о вновь сформированныхъ регулярныхъ турецкихъ войскахъ. Принималъ участіе въ войнѣ съ Турціею въ 1828 году, находился при осадѣ Браилова, и потомъ назначенъ капитаномъ надъ вожатыми при главной квартирѣ императора, а впослѣдствіи былъ оберъ-квартирмейстеромъ отряда ген. Ридигера, съ которымъ участвовалъ въ дѣлахъ при Чифликѣ и Костежѣ. Въ 1830 году былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса и участвовалъ въ кампаніи 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ, отличился въ дѣлѣ при С. Желтвахъ и взятіи Варшавы. Въ 1834 году назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса и флигель-адъютантомъ е. и. в. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ до назначенія начальникомъ штаба гренад. корпуса, написалъ исторію л. гв. Измайловскаго полка ³⁾. Въ 1840 году произведенъ въ чинъ генераль-маіора, но по разстроенному здоровью вынужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1843 году Павелъ Алексѣевичъ, по предложенію бывшаго тогда министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, поступилъ на гражданскую службу и былъ членомъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ. По предписанію министра, ревизовалъ учрежденія министерства въ Саратовской губерніи и за представленный отчетъ удостоился милостиваго отзыва его величества, не смотря на то, что государь все еще былъ имъ недоволенъ за выходъ его въ отставку. Въ 1844 году государь Николай Павловичъ приказалъ Тучкову поступить вновь въ военную службу и назначилъ его деректоромъ военно-топографическаго депо генеральнаго штаба. Въ 1854 году въ чинѣ

¹⁾ Такъ, между прочимъ, Тучковъ составилъ статистическое описаніе Астраханской губерніи.

²⁾ Справочный энциклопедическій словарь Старчевскаго, изд. 1848 г., томъ X, часть II, стр. 536.

³⁾ Въ 1830 году, а въ 1836 г. онъ написалъ правила для построенія корпусовъ въ боевые порядки и общія колонны, съ чертежами. (Энцикл. словарь Старчевскаго стр. 536).

генераль-лейтенанта онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба средней арміи, образованной въ виду угрожающихъ дѣйствій со стороны Австріи. По заключеніи парижскаго мира и разформированіи этой арміи былъ начальникомъ резервовъ армейской пѣхоты; въ это же время произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи и удостоенъ званія генераль-адъютанта. Въ 1858 году Павелъ Алексѣвичъ Тучковъ назначенъ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Въ этой должности, пользуясь общимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ жителей и удостоенный (въ 1859 г.) быть членомъ государственнаго совѣта, Павелъ Алексѣвичъ скончался 21 января 1864 года. Лучшимъ доказательствомъ сочувствія Москвы П. А. Тучкову служить то, что Москва почтила его особенно - торжественными похоронами и соорудила ему, на средства города, надгробный памятникъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Подъ этимъ памятникомъ похоронена также нѣжно-любимая имъ жена его Елисавета Ивановна, рожденная Веригина. Павелъ Алексѣвичъ отличался своими сердечными качествами и умомъ, добрѣйшимъ сердцемъ, правдивымъ нравомъ, начитанностію и образованіемъ; свободно владѣя русскимъ и французскимъ языками, онъ хорошо владѣлъ неромъ, но при своей скромности, не могъ одолѣть врожденной застѣнчивости, а потому не былъ краснорѣчивъ, когда долженъ былъ говорить публично. Онъ отлично чертилъ и рисовалъ, особенно карикатуры, но, за дѣвая смѣшную сторону лицъ, обратившихъ на себя его вниманіе своими типами, никогда ихъ не обидѣлъ. Онъ былъ отличнымъ семьяниномъ и находилъ только отраду въ кругу тихой семейной жизни, любилъ горячо свое отечество; при отличавшемъ его особенномъ безкорыстіи, былъ чуждъ всякой мысли честолюбія и по примѣру предковъ своихъ, беззавѣтно былъ преданъ своимъ Государямъ; это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1862 году П. А. Тучковъ отказался отъ предлагаемаго ему Его Величествомъ мѣста намѣстника Царства Польскаго, чѣмъ даже заслужилъ сначала кратковременное недовольство покойнаго Государя, согласившагося однако вскорѣ съ мотивами отказа и съ тѣхъ поръ удостоивавшаго Тучкова особеннымъ уваженіемъ до самой его кончины. Приводимъ здѣсь письмо Павла Алексѣевича къ бывшему шефу жандармовъ князю Василю Андреевичу Долгорукову, писанное для доклада Государю; въ этомъ письмѣ Туч-

КОВЪ ИЗЛОЖИЛЪ МОТИВЫ ОТКАЗА СВОЕГО ОТЪ ВЫСОКАГО ПОСТА НАМѢСТНИКА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ:

„Милостивый государь князь Василий Андреевичъ! Сколь лѣтно и драгоцѣнно для меня высокое довѣріе Государя Императора въ предлагаемомъ назначеніи, столь-же, по долгу честнаго человѣка, я обязанъ, заглушивъ всякое чувство честолюбія, всякую мысль личныхъ выгодъ, обратиться къ собственной совѣсти, взвѣсить силы и способности мои и честно сознаться: могу-ли оправдать такое назначеніе?

„Послѣ долгаго размышленія о предметѣ столь важномъ, со всею откровенностію я долженъ признать въ себѣ тѣ недостатки, которые могутъ служить вреду самаго дѣла.

„Въ настоящемъ случаѣ необходимы: характеръ независимый и дѣйствія свободныя отъ всякаго посторонняго мѣстнаго вліянія. Могу-ли я заключить въ себѣ эти условія не зная совершенно края и его многосложной администраціи, не зная людей, съ которыми долженъ имѣть дѣло; не имѣя никакихъ политическихъ ни дипломатическихъ свѣденій, ни дара слова, ни свободнаго владѣнія языками, столь необходимаго при ежечасномъ сношеніи съ мѣстными правительственными лицами.

„При такихъ условіяхъ безъ довѣрія къ самому себѣ и при врожденной непреодолимой моей застѣнчивости, какъ отстранить отъ себя невольное довѣріе къ другимъ и постороннее оттого вліяніе и не впасть въ направленіе ошибочное; въ особенности въ ту минуту, когда обстоятельства требуютъ безотлагательныхъ распоряженій и дѣйствій?

„Какъ ни трудна борьба моя съ чувствомъ безотчетнаго выполненія священной для меня воли Государя моего и собственнаго честолюбія и личныхъ выгодъ съ чувствомъ внутренней совѣсти, чести и убѣжденій, но жертва, приносимая мною откровеннымъ признаніемъ моей неспособности, при настоящемъ случаѣ, отстраняетъ вредъ ошибочнаго выбора, вредъ Государю и отечеству.

„Да проститъ меня великодушно Государь за то, что отказываюсь отъ предлагаемаго назначенія, не имѣя другой цѣли, другихъ къ тому побужденій, какъ существенную пользу Его Величества.

„Примите, и проч.... Павелъ Тучковъ.“

Москва.

Декабрь 1862-го года.

Не смотря на ограниченное свое состояніе, Павелъ Алексѣевичъ во время своей жизни много помогаль бѣднымъ, скрывая даже отъ своего семейства свои милостыни, и его благодѣянія—одна изъ причинъ почему Москва удостоила его такимъ почетомъ и до сихъ поръ чтить его память, доказывая, при каждомъ удобномъ случаѣ, свое расположеніе даже членамъ его семейства.

Подлинныя фамильныя документы, записки, труды, рисунки и чертежи Павла Алексѣевича Тучкова хранятся у старшаго сына его, свиты его величества генераль-маіора Михаила Павловича Тучкова, которому, а равно и его брату флигель-адъютанту Николаю Павловичу Тучкову, редакція „Русской Старины“ обязана сообщеніемъ выше напечатанныхъ „Записокъ“ ихъ вѣднѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ родителя.

Р е д.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

по донесеніямъ М. М. Фока—А. Х. Бенкендорфу ¹⁾.

4-го сентября 1826 г.

Недовольные, которыхъ пока еще не очень много, начинаютъ возвышать голосъ и высказываютъ слѣдующія сужденія:

— „Возвѣщали прежде о важныхъ мѣропріятіяхъ, которыя будто бы послѣдуютъ за коронаціею, и о перемѣнахъ къ лучшему. Но время это уже прошло, а, между тѣмъ, все остается на прежнемъ положеніи. Учрежденіе министерствъ было зломъ, это признано: управленіе цѣлою отраслю государственнаго строя зависить отъ произвола одной личности! По закону, министръ подчиненъ сенату; но до сихъ поръ мы видимъ противное, такъ какъ органическія мѣры не обсуждаются въ этомъ учрежденіи; ему только сообщаютъ о нихъ, для приведенія въ исполненіе. Что же касается могущихъ возникнуть пререканій, то уже, конечно, комитетъ министровъ не станетъ разбирать ихъ безпристрастно, такъ какъ всѣ члены этого комитета могутъ сказать другъ другу: рука руку моетъ, обѣ хотятъ быть бѣлы. (*Passez-moi le sené, je vous passerai la rhubarbe*). „Все это не могло бы имѣть мѣста при коллегіальной системѣ, при которой произволъ встрѣтилъ бы препятствія въ столкновеніи мнѣній. Повидимому, эта благодѣ-

¹⁾ См. „Русская Стар.“ изд. 1881 г., томъ XXXII, (сентябрь), стр. 161—194; (октябрь), стр. 303—336. Переводъ съ французскаго.

тельная система не входитъ въ число задуманныхъ правительствомъ реформъ, или же, скорѣе, ее хотятъ отложить до другаго времени. А, между тѣмъ, кажется, всѣми признано, что не слѣдуетъ ни медлить, ни вступать въ полюбовную сдѣлку со зломъ. Видно, мы еще очень далеки отъ осуществленія нашихъ сладостнѣйшихъ надеждъ“.

Приверженцы правительства возражаютъ на это:

— „Переверните страницу и вы убѣдитесь въ противномъ. Не вызывая опасныхъ волненій, нельзя сразу приступить къ преобразованіямъ; это извѣстная истина; правительство проникнуто ею и вотъ почему оно рѣшилось лучше обходить, чѣмъ идти—на проломъ. Въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ предшествовавшаго царствованія ходили по вулкану, который произвелъ изверженіе 14 декабря. Съ того времени и до сихъ поръ правительство не должно было, да и не могло, заниматься ничѣмъ другимъ, какъ только изысканіемъ средствъ для предупрежденія развитія зла, и короткій восьмимѣсячный срокъ былъ слишкомъ недостаточенъ для того, чтобы вырвать съ корнемъ это зло. Не допуская, по принятому правилу, никакихъ опытовъ, приходилось приготовить необходимые способы для совершенія великаго дѣла преобразованія, которое, въ серьезности, должно касаться болѣе людей, чѣмъ существующаго порядка вещей. Въ этомъ смыслѣ правительство дѣйствовало до сихъ поръ и всякій другой образъ дѣйствій былъ бы несвоевременъ; достигнутые имъ результаты, если судить безпристрастно, очень важны: глухая война, которую вела съ нами бюрократія, ослаблена и довѣріе восстанавливается. Это все, чего пока можно желать. Цѣль правительства—облегчить положеніе народа, поддержать порядокъ и спокойствіе и покровительствовать всякаго рода собственности“.

Арестъ Спасскаго, оберъ-секретаря московскаго сената, возбуждаетъ много толковъ. Это еще ударъ, нанесенный бюрократіи, два столпа которой—Мясоѣдовъ и Базилевскій-Крапкевичъ, также оберъ-секретари, находятся пока еще въ Москвѣ.

Извѣстная „надзору“ особа знаетъ все, касающееся этихъ двухъ личностей, и желаетъ доставить точныя подробности ихъ біографій, увѣряя, что эти люди сдѣлали гораздо болѣе зла, чѣмъ Спасскій.

6 сентября 1826 г.

„Надзоръ“ долженъ говорить обо всемъ и обо всѣхъ, безъ лицепріятія, это самая главная его обязанность; но самая существенная и, можетъ быть, самая трудная—это когда приходится записывать мнѣнія и разсужденія, высказываемыя,—не недовольными—въ подобномъ случаѣ онѣ не заслуживали бы никакого вниманія,—а людьми извѣстными своею умѣренностью и строгими правилами. Такъ, они говорятъ: 1) Редакція манифеста имѣеть недостатки. Въ предупрежденіе неправильныхъ толкованій, чему представляется обширное поле, слѣдуетъ издать другой манифестъ,—какъ это и дѣлалось въ предшествовавшее царствованіе. Настоящій государственный актъ затрогиваетъ много предметовъ, не имѣющихъ существенной важности, тогда какъ въ немъ ни слова не сказано ни о дворянствѣ, ни о купечествѣ,—этихъ двухъ, весьма вліятельныхъ сословіяхъ, которыя, поэтому, видятъ себя забытыми; ничего также не упомянуто о самыхъ настоятельныхъ реформахъ. Такимъ образомъ, дополненіе къ манифесту становится необходимымъ. 2) Кто въ особенности воспользовался тѣми милостями и наградами, которыя раздавались въ эпоху общей радости? Личности, ничѣмъ не заслужившія сдѣланнаго для нихъ исключенія изъ общаго правила и принадлежація къ семействамъ, въ средѣ которыхъ бывали зараженные члены! Такъ что семьи, пользующіяся незапятнанною репутаціею, громко заявляютъ, —что производитъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе: „Развѣ для того, чтобы быть отличеннымъ милостію, необходимо принадлежать къ стаду паршивыхъ овецъ?“ 3) Назначеніе посланникомъ въ Вѣну человѣка, отмѣченнаго общественнымъ мнѣніемъ (печатно говорилось прежде о томъ, что онъ сдѣлалъ, и вѣрно опредѣлялась его нравственность), возбуждаетъ толки, особенно въ высшихъ классахъ, откуда сужденія эти не замедлятъ распространиться и въ публикѣ, что, конечно, не произведетъ хорошаго впечатлѣнія на умы. 4) При послѣднемъ производствѣ въ генераль-майоры обойдено было болѣе двадцати человѣкъ, посѣдѣвшихъ на службѣ; къ нимъ были несправедливы, а почему? Конечно, государь не имѣлъ ни времени, ни случая оцѣнить ихъ заслуги по службѣ. Неужели всѣ они такъ ужъ неспособны, что ихъ нельзя было включить въ большое производство? Это довольно

трудно предположить, и потому является сомнѣніе — не былъ ли государь введенъ въ заблужденіе ложнымъ донесеніемъ, сдѣланнымъ при представленіи доклада о производствѣ? За что, наконецъ, признаны достойными отличія генералы Клейнмихель и Угрюмовъ? Они не только не выдумали, но даже и не нюхали пороку. Неужели можно признавать заслугами съ ихъ стороны то, что они принадлежатъ къ числу клеветовъ графа Аракчеева? Едва ли это обстоятельство можно считать уважительною причиною къ пренебреженію общественнымъ мнѣніемъ. Да, общественное мнѣніе — движущая сила міра, ни съ кѣмъ не совѣтуется; къ нему же всегда надо обращаться за совѣтомъ, въ особенности въ началѣ новаго царствованія. 5) Лица, содержавшіяся въ тюрьмахъ за преступленія, не поименованныя въ первомъ пунктѣ манифеста, освобождены полиціею изъ заключенія, въ силу дарованной имъ амнистіи. Но не представлялось ли необходимымъ, предварительно исполненія подобнаго распоряженія, принять мѣры предосторожности, а именно, чтобы личности эти высланы были изъ столицы, для водворенія на мѣстахъ ихъ родины? Частныя лица, которымъ принадлежатъ эти люди, въ качествѣ крѣпостныхъ, и общества, къ которымъ они приписаны, не имѣютъ ни средствъ, ни возможности исполнить это. Не слѣдуетъ ли теперь опасаться, что только-что освобожденные заключенные, содержавшіяся въ тюрьмахъ съ преступниками, также выпущенными на волю, будутъ подстрекаемы послѣдними къ совершенію безпорядковъ и нарушенію общественного спокойствія?“

7-го сентября 1826 г.

Настроеніе умовъ пока еще спокойно, но затронутые личныя интересы начинаютъ уже волновать ихъ. Недовольные должны молчать, благодаря тому изумленію, каковымъ они были поражены осуществленіемъ ожиданій коронаціи; но изумленіе это, конечно, разсѣется; зависть ползаетъ еще у корня дерева; но, мало по малу, она поднимаетъ голову.

Толки о манифестѣ все продолжаютъ, и теперь о немъ говорятъ уже во всѣхъ слояхъ общества. Осуждаютъ правительство за то, что оно наградило только однихъ блудныхъ дѣтей, что оскорбляетъ тѣхъ, которые вели себя безуворизненно. Послѣдніе

говорятъ, что нѣтъ никакой заслуги исполнять свои обязанности! „Надо же было что нибудь сдѣлать и для насъ, когда даже грѣшники пользуются милостями. Въ распоряженіи правительства имѣются безчисленные средства для удовлетворенія всѣхъ; была возможность съ пользою примѣнить эти средства; однако-жъ, ограничилисъ тѣмъ, что начинили манифестъ статьями сочиненія министра финансовъ, виды котораго далеко не соотвѣтствуютъ видамъ добраго патріота, что совсѣмъ не политично съ его стороны, такъ какъ онъ и безъ того уже пользуется очень дурной славой въ обществѣ, которое онъ бравируетъ, не думая, что это никогда не проходитъ даромъ. Говорятъ, что онъ хорошо сдѣлалъ, исходатайствовавъ титулъ барона-негоціанту Штиглицу, такъ какъ Россія приобрѣла этимъ милліонера, который, вслѣдствіе этой награды, поселится здѣсь навсегда. Но онъ могъ бы, въ то же время, позаботиться и о покровительствѣ мѣстному купеческому сословію, которое, безъ сомнѣнія, страдаетъ, видя себя забытымъ при раздачѣ милостей.—Не пеликана бы ему имѣть въ гербѣ,—говорятъ многіе,—а обжору-россомаху! А между тѣмъ и онъ и многіе другіе держатся на своихъ мѣстахъ, не смотря на то, что ложный блескъ, окружавшій ихъ, уже разсѣялся, такъ какъ правительство знаетъ, что думать о преданности этихъ, такъ называемыхъ, приверженцевъ праваго дѣла. Эта-то увѣренность, основанная на опытѣ прошлаго, сама по себѣ уже составляетъ преимущество, вознаграждая правительство за всѣ понесенныя имъ неудачи, такъ какъ знаніе настоящей причины зла служить основаніемъ плана будущихъ дѣйствій. Съ такими данными, съ точностью взгляда и прямою характеромъ трудно дѣлать промахи и ошибки. Можно употребить на дѣло то время, которое пришлось бы потратить на изслѣдованія,—а развѣ это не большое преимущество—имѣть передъ собою торную дорогу?“ Таково, говорятъ, положеніе правительства, которое, однако-жъ, не смотря на это, оставляетъ во главѣ управленія нѣкоторыхъ людей, заклеянныхъ общественнымъ мнѣніемъ.

Нападенія персіанъ порождаютъ слѣдующія замѣчанія: „Война есть дѣло государства,—пользованіе имъ своими наступательными и оборонительными силами для того, чтобы защитить себя отъ зла и преслѣдовать и уничтожить злоупотребленія. Вотъ происхожденіе военнаго права. Цѣль его—сохраненіе, а средство его—

сила. Всякое общество, имѣющее право самозащиты, предупреждаетъ проступки и мститъ за обиды, нанесенныя ему. Вотъ оправданіе войны, которая по существу своему можетъ быть только оборонительною. Наступательная война, собственно говоря, есть преступленіе, котораго не слѣдуетъ допускать. Поэтому, все побуждаетъ насъ собрать всѣ наши силы, чтобы показать Персамъ или, лучше сказать, тѣмъ, кто побудилъ ихъ обнажить мечъ, что миръ есть такое состояніе общества, которое не допускаетъ подобныхъ дѣйствій, нарушающихъ общественное спокойствіе“.

Я сообщаю эти мысли, чтобы показать, какъ умѣренно настроеніе общества въ этомъ отношеніи.

8-го сентября 1826 г.

Случилось то, чего опасались. Въ предпоследнемъ моемъ письмѣ я сообщалъ о произведенномъ, на основаніи манифеста, освобожденіи заключенныхъ изъ тюремъ. Мѣра эта уже оказала неблагопріятное дѣйствіе, такъ какъ 6 сентября совершенно было шесть кражъ, простыхъ и со взломомъ, и полиція каждую минуту ожидаетъ новыхъ беспорядковъ. Между прочимъ, какой-то человѣкъ, очень хорошо одѣтый, выйдя изъ дома, въ которомъ находился тогда нѣкто Авдѣевъ, сказалъ вучеру этого послѣдняго, чтобы онъ вызвалъ своего барина, прибавивъ, что онъ останется на улицѣ и, въ ожиданіи его возвращенія, присмотритъ за дрожками, запряженными парюю лошадей; вучерь попался въ ловушку, а мошенникъ исчезъ съ экипажемъ, стоющимъ 1500 р. Оберъ-полиціймейстеръ отдалъ самыя строгія приказанія о поимкѣ вора.

Учрежденіе министерства императорскаго двора возбуждаетъ много толковъ. Увѣряютъ, что другіе министры будутъ завидовать объему власти, предоставленной новому министру; но что, все-же, это полезная мѣра, такъ какъ сосредоточиваетъ власть и упрощаетъ управленіе. Выборъ князя П. М. Волконскаго всѣми одобряется, въ виду того уваженія и той прекрасной репутаціи, которыми онъ, вполне справедливо, пользуется. Правда и то, говорятъ, что не всякому была бы по плечу та министерская власть, какою онъ облакается.

Предполагаютъ, что у Государя можетъ явиться намѣреніе создать должность перваго министра.—Дѣло Спасскаго причинить, говорятъ, много неприятностей министерству юстиціи; слѣдствіе по этому дѣлу поручено лицамъ, которыя пойдутъ прямою дорогою и вѣроятно сдѣлаютъ новыя важныя открытія въ судебномъ мірѣ. Дѣльцы этого министерства не могутъ скрыть своего безпокойства: они сильно боятся, чтобы не были выведены на чистую воду всѣ тайныя происки коалиціи. Въ средѣ бюрократіи—общая тревога; пора и ей испытать на себѣ, что всему существуютъ предѣлы, и что, наконецъ, надо отдавать отчетъ,—а это—вещь очень затруднительная для многихъ!

Увѣряютъ, что показаніе нѣкоего Рыбалова было подтверждено донесеніемъ архангельскаго капитанъ-исправника князю Голицыну, по пріѣздѣ туда послѣдняго. Рыбаловъ сообщаетъ одному изъ своихъ знакомыхъ, что дѣло это разъясняется все болѣе и болѣе.

Мордвиновъ до сихъ поръ живетъ въ Пулковской гостиницѣ, и я убѣжденъ, что онъ пріѣзжаетъ, потихоньку, сюда.

Мало по малу, начинаютъ довольно смѣло высказываться о томъ произволѣ, съ какимъ было сдѣлано распредѣленіе наградъ.

9-го сентября 1826 г.

Вчера дирекціей театровъ данъ былъ маскарадъ. Съ ея стороны было сдѣлано все, чтобы занять общество и доставить ему удовольствіе; всѣ ея старанія были направлены къ этому. Но собраніе было не очень многочисленно и почти совсѣмъ не видно было характерныхъ масокъ. Весь beau-monde помѣщался въ ложахъ; въ залѣ же ходили только обычныя посѣтители маскарадовъ. Извѣстно, что маскарады Большаго театра, за исключеніемъ нѣмецкой масляницы, не посѣщаются высшимъ обществомъ, не желающимъ мѣшаться съ толпой. Надо сказать, что вчера никакихъ излишествъ не было; нельзя также умолчать и о томъ, что въ маскарадѣ было не болѣе десяти чловѣкъ гвардейскихъ офицеровъ, да и тѣ уѣхали рано. Балъ начался въ десять часовъ и кончился въ два часа ночи.

Считаю долгомъ сообщить о нижеслѣдующихъ общихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ относительно чиновниковъ, уличенныхъ во взяточничествѣ:

— „Обуздать лихоимство и воровство — дѣло столь же справедливое, какъ благоразумное и необходимое; кто не преступленъ самъ и не слѣпъ, тотъ долженъ согласиться съ этимъ. Но чѣмъ строже будутъ наказывать, и чѣмъ чаще станутъ прибѣгать въ этому, тѣмъ больше будетъ людей оскорбленныхъ и, слѣдовательно, затронутыхъ личныхъ интересовъ. Виновные будутъ постоянно повторять одинъ и тотъ же припѣвъ: „Дайте намъ обезпеченное положеніе, соотвѣтствующее той службѣ, каковую отъ насъ требуютъ, и тогда удвойте строгость во всемъ, что касается точности исполненія нашихъ обязанностей“. Но говорить объ этомъ легче, нежели исполнить, такъ какъ откуда же правительству взять средства на покрытіе увеличенныхъ, такимъ образомъ, расходовъ, которые, по всей вѣроятности, превзойдутъ цифру, назначенную по росписи. Нѣкоторые утверждаютъ, что потребныя на это средства могутъ быть получены, если, во 1-хъ, удерживать 10% съ пожизненныхъ пенсій свыше 1000 р., во 2-хъ, взымать небольшой налогъ съ поземельной собственности, пожалованной частнымъ лицамъ, съ правомъ пользоваться доходомъ съ нея, въ 3-хъ, увеличить нѣсколько пошлины съ мировыхъ сдѣловъ между частными лицами, и въ 4-хъ, наложить пошлины на издержки по судопроизводству; одна эта послѣдняя статья сдѣлала бы значительную прибавку къ доходамъ“.

По поводу преобразованій въ администраціи дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія:

— „Министръ финансовъ имѣетъ слишкомъ большія права. Слѣдуетъ упростить составъ управленія и принять норму, существовавшую до учрежденія министерствъ. Казначейство, департаментъ торговли и промышленности, равно какъ завѣдываніе рудниками и министерствомъ государственныхъ имуществъ, должны бы составить отдѣльныя отрасли управленія, дѣйствія коихъ контролировались бы высшею властью, т. е. Государственнымъ Совѣтомъ; тогда въ мѣропріятіяхъ было бы болѣе единства и легче было бы слѣдить за ходомъ дѣла. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено, напротивъ, слишкомъ мало власти и онъ имѣетъ слишкомъ мало вліянія на дѣла. Ему слѣдовало бы предоставить болѣе обширную власть и болѣе нравственнаго авторитета. Иначе лучшія намѣренія его разобьются при столкновеніи съ существующею неудовлетворительною системою администраціи. Раздѣ-

леніе власти составляетъ также значительное препятствіе правильному ходу дѣлъ. Этому можно помочь преобразованіемъ, имѣющимъ цѣлью централизацію власти. Министерство юстиціи могло бы управляться хорошо, если бы исполнительная часть была правильно организована. Существующіе законы и постановленія все опредѣляютъ, все предусматриваютъ, но судьи дѣйствуютъ совершенно противно цѣлямъ правительства. Министръ юстиціи, имѣя дурныхъ помощниковъ, не можетъ ничего сдѣлать для пользы общества, не смотря на всѣ свои добрыя намѣренія. Тутъ болѣе, чѣмъ въ какой либо другой отрасли управленія, нужно оградить отъ нужды человѣка, являющагося орудіемъ закона. Другой, не менѣе важный предметъ, требующій преобразованія, есть судопроизводство, въ которомъ не было бы никакихъ недостатковъ, если бы судьи и мелкіе чиновники не были принуждены затягивать дѣлъ, чтобы вымогать деньги у тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе вести тяжбу. Устраните это зло при строгомъ надзорѣ, вы будете имѣть возможность искоренить многочисленныя злоупотребленія, встрѣчающіяся въ судебномъ вѣдомствѣ.

Титулярные совѣтники, не прослужившіе въ этомъ чинѣ опредѣленнаго закономъ числа лѣтъ, не могутъ быть произведены въ коллежскіе ассесоры, если бы даже не дослужили до срока только одного дня. „Манифестъ, говорятъ они, не многихъ сдѣлаетъ счастливыми. Мы, прослужившіе двадцать лѣтъ, лишены надежды на повышеніе, такъ какъ не въ состояніи выдержать экзаменъ, требуемый указомъ 1809 года. Почему не ограничить этотъ указъ, для насъ, конечно, а не для будущаго поколѣнія, требованіемъ познаній, необходимыхъ при исполненіи занимаемыхъ нами должностей? Это незначительное отступленіе примирило бы интересы правительства съ нашими, и никто не имѣлъ бы права считать себя обиженнымъ“.

10-го сентября 1826 года.

Возвратившіяся изъ Москвы лица рассказываютъ, за достоверное, слѣдующій фактъ. Министръ финансовъ когда-то привазалъ московскому вице-губернатору для сбора невнесенныхъ въ срокъ косвенныхъ налоговъ прибѣгать къ дозволяемымъ законами принудительнымъ мѣрамъ. Сумма этихъ взысканій дошла до

800,000 рублей; 280 лавокъ были опечатаны; но владѣльцы ихъ не очень горевали, рассчитывая на то, что въ манифестѣ будетъ статья, касающаяся и ихъ. Обманутые въ своей надеждѣ, они за два дня до отъѣзда министра Канкринна, собрались, чтобы сообща обсудить дѣло. Результатомъ ихъ совѣщанія было рѣшеніе отправиться всѣмъ вмѣстѣ во дворецъ, броситься къ стопамъ Государя и просить его о сложеніи недоимки, которую для нихъ тѣмъ невозможно уплатить въ настоящую минуту, что и печати еще не сняты съ ихъ лавокъ. Вице-губернаторъ поѣхалъ къ министру и доложилъ ему, что онъ не имѣлъ возможности исполнить прежнія приказанія, въ виду того бѣдственнаго положенія, въ какомъ находились купцы. При этомъ онъ просилъ министра дать ему предписаніе по этому предмету, и тотъ прислалъ ему приказаніе—исполнить законъ, не прибѣгая къ строгости. Послѣ этого, вице-губернаторъ снова отправился къ министру и заявилъ ему, что во-избѣжаніе всякой отвѣтственности, онъ считаетъ себя вынужденнымъ довести объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія Государя,—прибавивъ, что взыскивая теперь налогъ, неуплоченный своевременно, можно рисковать вызвать сильное волненіе между торговцами. Г. Канкринъ, уже совершенно готовый къ отъѣзду изъ Москвы, тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ и выхлопоталъ отсѣну налога.

„Вотъ что случилось въ Москвѣ! воспеваютъ здѣсь,—это доказываетъ, какъ сильно ненавидятъ министра“. Къ этому разсказу еще прибавляютъ, что московскіе купцы во-всеуслышаніе проклинали Канкринна, говоря, что онъ причиною всѣхъ испытанныхъ ими неприяностей; что Государь былъ обманутъ ложными донесеніями, и что спокойствіе до тѣхъ поръ не будетъ восстановлено, пока Канкринна не удалятъ отъ дѣлъ.

Нѣкоторые увѣряютъ, что будетъ изданъ второй манифестъ; другіе же предполагаютъ, что правительство ограничится обнародованіемъ указовъ о назначеніи новыхъ наградъ.

Говорятъ, что всѣ чрезвычайныя посольства, на обратномъ пути изъ Россіи, пройдутъ черезъ Варшаву, и что, поѣтому, великій князь Константинъ Павловичъ придетъ сюда не раньше тезоименитства государя,—значитъ только въ началѣ декабря мѣсяца 1826 г.

Общество удивляется молчанію правительства о Персидскихъ

дѣлахъ, особенно послѣ выраженнаго въ первой реляціи обща-
нія тотчасъ же извѣщать обо всемъ, касающемся этого предмета,
по мѣрѣ полученія донесеній. Было бы трудно предполагать, что
Персы, послѣ такого наглаго начала, сидѣли бы до сихъ поръ
сложъ руки.

11-го сентября 1826 г.

Настроеніе умовъ удовлетворительно только въ низшихъ сосло-
віяхъ; далеко нельзя того же сказать о высшемъ и среднемъ клас-
сахъ населенія. Если послушать,—такъ окажется, что задѣты част-
ные интересы нѣкоторыхъ выдающихся личностей. Купечество
возстаетъ противъ финансовой системы Канкринна, паденіе кото-
раго—какъ увѣряютъ—весьма близкое, не возбудитъ ни въ комъ
сожалѣній. Очень сильно желаютъ также измѣненія организаціи
министерствъ и въ особенности установленія такого порядка, ко-
торый возвелъ бы въ принципъ правильность въ управленіи и по-
стоянный контроль.

Въ дѣлѣ управленія, говорятъ, существуютъ двѣ важныя сто-
роны, которыя слѣдуетъ старательно отличать одну отъ другой;
одна изъ этихъ сторонъ—нравственная, другая—матеріальная:
первая—голова, вторая—руки. Свойства ихъ весьма различны и
опытъ показалъ, что онѣ должны быть отдѣляемы одна отъ другой,
такъ какъ способность выполненія не совмѣстима съ умѣніемъ
распоряжаться. Намъ не достаетъ еще очень важнаго условія,—
прибавляютъ нѣкоторые,—а именно—централизаціи власти; у насъ
слишкомъ много развѣтвленій и потому мало единства. Едва-ли
можно будетъ помочь этому недостатку иначе, какъ учредивъ
должность перваго министра и возвратившись,—по крайней
мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—къ коллегіальному порядку, ко-
торый одинъ только въ состояніи установить начало солидарной
отвѣтственности.

Разбирать правительственныя распоряженія и разсуждать о
политикѣ—болѣзнь вѣка, и потому Персидская война представ-
ляетъ богатую канву нашимъ всегдашнимъ такъ называемымъ
влубнымъ столпамъ. Привожу тѣ изъ этихъ замѣчаній и разсуж-
деній, которыя теперь въ наибольшемъ ходу:

„Императоръ Александръ былъ властителемъ и распоря-

дителемъ въ Европѣ. Политическая система государствъ основана была на указанныхъ имъ началахъ. Все зависѣло отъ него, вслѣдствіе личнаго значенія, которымъ онъ пользовался въ качествѣ миротворителя. Ключъ къ этой системѣ извѣстенъ былъ только ему одному; онъ унесъ его съ собою въ могилу, такъ что теперь очень трудно съ точностью опредѣлить—что слѣдуетъ дѣлать для поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ. Кабинеты Сентъ-Джемскій и Вѣнскій имѣютъ тайные виды,—это почти не подлежитъ сомнѣнію; они, кажется, вовсе не думаютъ о водвореніи общаго спокойствія.—Что такое война? Что такое миръ? Война есть приложеніе силъ государства, употребленіе наступательныхъ и оборонительныхъ средствъ для огражденія его отъ потерь и для преслѣдованія за причиненный вредъ. Миръ—есть прощеніе нанесеннаго зла, бывшаго причиной войны. Миръ нарушенъ теперь и явнымъ и тайнымъ нападеніемъ. Кто, смотря здраво на вещи, не узналъ бы прямого намѣренія вызвать безпорядки въ тѣхъ проискахъ, вслѣдствіе которыхъ Персія объявила войну? Повидимому, нѣкоторые кабинеты промѣняли граншею на мину, такъ какъ было невозможно предположить, чтобы шахъ не рассчитывалъ на поддержку съ ихъ стороны. Итакъ, кабинеты эти находятся въ постоянно враждебныхъ отношеніяхъ къ тѣмъ, которые заинтересованы въ сохраненіи мира, и потому послѣдніе имѣютъ полное право силу отражать силою же. Конечно, нѣтъ ничего дороже человѣческой крови: кто, кромѣ революціонеровъ, можетъ безъ ужаса смотрѣть на пролитіе хотя капли этой крови! Но бываютъ случаи, когда человѣкъ служитъ искупленіемъ человѣку, когда личность приносится въ жертву обществу,—тогда кровь ея проливается законно. Виѣ этого—все безуміе и преступленіе. Настоящій случай не одинъ ли изъ тѣхъ, когда выбирать не приходится, когда выборъ указываетъ самими обстоятельствами? Если нападеніе,—тайное или открытое, дѣлается безъ предваренія, то и защита непременно должна слѣдовать по тому же пути, въ виду вѣковаго правила средства защиты уравниваются со средствами нападенія. Возраженіе, что персы только добиваются возстановленія прежней администраціи въ пограничной провинціи,—не можетъ быть принято, такъ какъ обладаніе этою провинціею уступлено намъ торжественнымъ трактатомъ. Итакъ,

хорошая война необходима,—не для того только, чтобы отразить неправоe нападеніе, но и потому, чтобы помѣшать проискамъ тѣхъ, которые хотятъ ловить рыбу въ мутной водѣ“.

12-го сентября 1826 г.

Увѣряютъ, что проценты на капиталы, внесенные въ правительственныя кредитныя учрежденія, будутъ соращены до 4-хъ. Слухъ этотъ производитъ очень благопріятное впечатлѣніе, подавая дворянству надежду поправить свой кредитъ.

„Постановленія, существующія относительно торговли, задерживаютъ,—какъ говорятъ,—развитіе національной промышленности, такъ что скоро окажется необходимымъ возвратиться къ закону, извѣстному подъ именемъ Городоваго Положенія, который былъ гораздо выгоднѣе и для правительства, и для управляемыхъ, чѣмъ всѣ нынѣ дѣйствующія правила. Когда, говорятъ, перестанутъ придерживаться того ложнаго мнѣнія, что будто бы интересъ правительства состоитъ въ нагроможденіи повинностей на повинности и валогахъ на налоги! Не пора ли уже отстать отъ этого и возвратиться къ старому порядку управленія?... Но противъ этого возстаютъ личные интересы. Министры и люди, занимающіе хорошія мѣста, не хотятъ пожертвовать общему благу ни своимъ вліяніемъ, ни своею властью. Ихъ кліенты и подчиненные слѣдуютъ тому же примѣру, а общественное дѣло страдаетъ тѣмъ сильнѣе, что манифестъ не даетъ никакой утѣшительной надежды въ будущемъ. Предполагаютъ, что будетъ изданъ другой манифестъ, объяснительный и дополнительный; но не лучше ли было бы сразу достигнуть предназначенной цѣли? Опытъ доказываетъ, что правительство смѣло можетъ требовать многого, лишь бы оно воздвигало зданіе, ненуждающееся въ подпорахъ. Стоитъ только бросить взглядъ на прошлое, чтобы удостовѣриться въ этомъ,—стоитъ только вспомнить какъ были проведены административная и финансовая реформы,—сколько въ нихъ было силы и къ какой, казалось, благородной цѣли были онѣ направлены. Это было преобразование государственнаго строя по правильному плану. Обширность этой задачи была не единственной ея опасностью, ибо она льстила, въ одно и то же время, и самолюбію и смѣлости, заранѣе подготавливая извѣненія неловкости мастеровъ, чтобы обезпечить за ними возможность отсрочекъ въ будущемъ. Теперь же,

когда опытъ приподнялъ завѣсу,—мы узнаемъ, что необходимо возвратиться, во многихъ отношеніяхъ, къ прежнему порядку вещей, что, конечно, легче задумать, чѣмъ исполнить, такъ какъ дѣло идетъ объ исправленіи безъ потрясеній“.

Увѣряютъ, что большинство отставныхъ военныхъ можетъ найти вѣрныя средства къ существованію, предложивъ свои услуги откупщикамъ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то они боятся имѣть дѣло съ министромъ финансовъ, такъ что, думаютъ, конкуренція будетъ не слишкомъ сильна. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ пониженіе цѣнъ на торгахъ въ январѣ будущаго 1827-го года.

Должно сознаться, что общество недовольно министромъ финансовъ и его управленіемъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что изъ тысячи человекъ найдутся, можетъ быть, около десяти, которые подымутъ голосъ въ его пользу. Разговоры только и вертятся на его операціяхъ; большіе и малые толкуютъ о финансахъ; каждый судитъ по своему. Министръ держится своей партіи, которая не особенно-то сильна.

Лица, пріѣхавшія съ Кавказа, увѣряютъ, что десять полковъ слѣзаетъ форсированнымъ маршемъ, на соединеніе съ арміей генерала Ермолова, который, какъ говорятъ, не дождавшись этого подкрѣпленія, энергично началъ наступленіе противъ персовъ, ограничивающихся, однако-жъ, малой войной въ горахъ.

13-го сентября 1826 г.

Разборъ манифеста все еще продолжается. Вотъ что замѣчаютъ по поводу статьи, на основаніи которой должны быть прекращены всѣ дѣла, возбужденныя по преступленіямъ, неподходящимъ подъ рубрики: убійство, грабежъ или хищничество, разбой и взяточничество. Если держаться буквы закона, то окажется, что такія важныя преступления, какъ ограбленіе церкви, поддѣлка документовъ и фабрикація фальшивой монеты, и множество другихъ, влекущихъ за собою, по существующимъ законамъ, высшую мѣру наказанія,—вовсе не подходятъ подъ поименованныя рубрики. Предположить, что правительство даруетъ амнистію за эти преступления—невѣроятно; значить слѣдуетъ подразумѣвать, что на нихъ не распространяется дѣйствіе манифеста; но такія недомолвки

не должны быть допускаемы въ законѣ. Лучше было бы, по примѣру манифеста 1793 года, съ точностью обозначить всѣ случаи; иначе, пожалуй, судья можетъ прекратить всякое преслѣдованіе по дѣламъ не менѣе важнымъ, чѣмъ поименованныя въ первомъ пунктѣ, и если бы ему указали на то мѣсто въ Евангеліи, гдѣ сказано: законъ убиваетъ, а духъ оживотворяетъ, то онъ могъ бы, въ свое оправданіе, весьма основательно сослаться на то, что ему положительно воспрещено отступать отъ буквы торжественнаго акта, и что ему не приходится ни объяснять смыслъ этого акта, ни отыскивать въ немъ недоразумѣнія.

Говорятъ еще, что срокъ, назначенный для возвращенія бѣглыхъ, слишкомъ кратокъ и не соответствуетъ огромному протяженію имперіи; что въ прежнихъ манифестахъ, обнародованныхъ при важныхъ событіяхъ, срокъ этотъ былъ опредѣляемъ: для бѣглыхъ, находившихся въ предѣлахъ государства—годовой, а для жившихъ за границею—двухъ-годовой.

Изъ дневныхъ приказовъ по полиціи, отданныхъ послѣ изданія манифеста, видно, что съ недавняго времени случаи воровства стали гораздо чаще прежняго; вслѣдствіе чего чинамъ полиціи предписывается удвоить бдительность. По мнѣнію нѣкоторыхъ, причиною этихъ безпорядковъ слѣдуетъ признать освобожденіе заключенныхъ изъ тюремъ прежде, чѣмъ приняты были необходимыя мѣры предосторожности.

И такъ, говорятъ, надо ожидать въ скоромъ времени появленія нѣсколькихъ распоряженій, относительно реформъ по разнымъ отраслямъ управленія и, можетъ быть, даже изданія указа, объясняющаго тѣ статьи манифеста, которыя требуютъ разъясненія. То же самое было, замѣчаютъ, въ 1814 году, и та же цѣль была достигнута указомъ.

Говорятъ, что генераль Кутузовъ будетъ назначенъ первымъ наставникомъ Е. И. В. наслѣдника, а его мѣсто займетъ генераль Васильчиковъ; что генераль Захревскій будетъ военнымъ министромъ; что возвращеніе Государя въ Петербургъ, можетъ быть, будетъ отложено, вслѣдствіе предпринимаемыхъ его величествомъ поѣздокъ въ окрестностяхъ Москвы (между прочимъ говорятъ о поѣздѣ въ Тулу); что тѣ лица, которыя до сихъ поръ не получили никакихъ наградъ, могутъ надѣяться получить что нибудь къ Николину дню.

14 сентября 1826 г.

Сообщаю слухи и разговоры: говорятъ, что о Персидскихъ дѣлахъ получены въ Москвѣ такія вѣсти, которыя не поторопятся сообщить намъ; что амнистія, дарованная манифестомъ, имѣеть главною цѣлью побудить находящихся въ Персіи русскихъ дезертировъ возвратиться въ отечество; что генераль Ермоловъ рѣшился выйти изъ оборонительнаго положенія и, дѣйствуя энергически на двухъ главныхъ пунктахъ,—двинуться во-внутрь Персіи; планъ этотъ будто бы внушенъ ему генераломъ Паскевичемъ.

Говорятъ, что въ губерніяхъ, образующихъ округъ генерала Балашева, безпорядки и растраты доходятъ до такой степени, что придется до основанія разрушить все устроенное имъ, чтобы имѣть возможность исправить зло, пустившее весьма глубокіе корни, и что подобное положеніе дѣлъ заставляеть многихъ помѣщиковъ выселяться въ другія губерніи.

Разсказываютъ, что графъ Аракчеевъ прислалъ сюда сына своего Шумскаго, извѣстнаго своимъ развратнымъ поведеніемъ, для того, чтобы засадить его или отдать подъ присмотръ. Этотъ молодой человѣкъ, напившись пьянымъ въ какомъ-то трактирѣ, сталъ придирается и вызывать всѣхъ на ссору, за что и былъ вытолкнутъ за дверь нѣсколькими грубыми нѣмцами, не обратившими вниманіе на то, что онъ носитъ званіе флигель-адъютанта его величества императора Россіи, которымъ онъ и хотѣлъ, было, прикрыться какъ щитомъ.

Такъ какъ никто не возбуждаетъ такой ненависти, какъ графъ Аракчеевъ, то многіе стараются распространить разсказъ о столкновеніи этого сановника съ французскимъ таможеннымъ чиновникомъ, который настоялъ на томъ, чтобы осмотрѣть сундуки графа и даже добрался до шкатулки важнаго путешественника, не принявъ во вниманіе всѣхъ его титуловъ. По приѣздѣ въ Парижъ, Аракчеевъ тотчасъ же обратился съ жалобою къ нашему посланнику, который, обмѣнявшись нѣсколькими записками съ французскимъ министерствомъ, долженъ былъ заявить графу, что таможенный чиновникъ признанъ невиновнымъ, такъ какъ онъ только исполнялъ свою обязанность. Саркастическія замѣчанія, дѣлаемыя нашею публикою по этому поводу,—безвѣчны.

Увѣряютъ, что конгрессъ перенесенъ изъ Аккермана въ Одессу, и Александръ Потоцкій получилъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ о прибытіи турецкихъ пословъ въ этотъ послѣдній городъ. Прибавляютъ, однако, что, судя по послѣднимъ переговорамъ, этимъ господамъ дали только двадцати-дневный срокъ для окончательнаго рѣшенія, и что все принимаетъ враждебный и воинственный характеръ.

Много смѣются надъ дирекціей театровъ, вычеркнувшей изъ своего репертуара знаменитую оперу Моцарта „Милосердіе Тита“, которая давалась здѣсь, въ продолженіи многихъ лѣтъ, при торжественныхъ случаяхъ. Къ чему подавать, такимъ образомъ, поводъ къ разнымъ догадкамъ и предположеніямъ, которыя, безъ этого, никому бы и въ голову не пришли?!

Ходитъ слухъ, пока еще темный, но которому, однако-жъ, многіе вѣрятъ, что слѣдственная коммисія, разбиравшая дѣло о заговорщикахъ, сдѣлана постоянною. Говорятъ, что это будетъ тайное судилище, вѣдѣнію котораго будутъ подлежать дѣла по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ. Обстоятельство это производитъ весьма дурное впечатлѣніе.

14 сентября 1826 г.

Люди, увѣряющіе, что хорошо знаютъ дѣло Спасскаго, надѣлавшее такого шума, рассказываютъ о немъ слѣдующія подробности:

Старикъ Кожевниковъ, отецъ того, который игралъ у Спасскаго роль искusstеля, оставилъ своему сыну, по духовной, сдѣланной въ 1812 году, капиталъ въ семь милліоновъ, съ оговоркой, что пять изъ нихъ должны остаться въ пользованіе его дѣтямъ, когда они достигнутъ совершеннолѣтія, а двумя остальными онъ можетъ самъ распорядиться, но не иначе, какъ съ согласія своей матери и мужа своей сестры. Онъ сумѣлъ добиться этого согласія и купилъ великолѣпную дачу въ шести верстахъ отъ Москвы, для устройства тамъ фабрики, которая обошлась ему, считая въ этомъ и землю,—болѣе милліона рублей. Заведеніе это приноситъ ему весьма значительный доходъ. Самъ онъ на очень хорошемъ счету у московскаго военнаго генералъ-губернатора, который исходатайствовалъ ему званіе коммерціи

совѣтника и орденъ св. Анны. Наконецъ, онъ состоитъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лицами высшаго круга и закадычный пріятель Спасскаго. Скандальная хроника увѣряетъ даже, что онъ ухаживаетъ за женой своего друга, изъ чего заключаютъ, что если онъ и былъ причиною сдѣланнаго открытія, то ужъ конечно не желалъ выдать Спасскаго. Прибавляютъ еще, что одинъ купецъ, армянинъ, игравшій въ этой исторіи роль барана, просилъ Кожевникова уговорить Спасскаго принять отъ него 2000 руб. и содѣйствовать ему въ Сенатѣ, гдѣ у него шелъ какой-то процессъ; такимъ образомъ Кожевниковъ согрѣшилъ чисто по невѣдѣнію.

Зная дурной характеръ Спасскаго, многіе находятъ теперь въ смертельной тревогѣ, въ ожиданіи результатовъ, въ которыхъ приведутъ допросы, такъ какъ заранѣе предвидятъ, что Спасскій не задумается компрометировать своихъ сообщниковъ или тѣхъ, кто также вкусилъ отъ запретнаго плода. Называютъ уже Пещурова и многихъ другихъ, состоящихъ при министрѣ юстиціи, которые въ настоящее время не только поражены, но просто въ отчаяніи, какъ въ виду того серьезнаго оборота, какой принимаетъ это дѣло, такъ и назначенія для производства слѣдствія лицъ, которыя ни передъ чѣмъ не остановятся. Подсудимые не имѣютъ за себя никакихъ шансовъ, особенно если это правда, что донесшій на Спасскаго тотъ же самый, который донесъ и на Дьякова, т. е. нѣкій Бачишкаревъ, настоящая ядовитая гадина; страшно безнравственный самъ, онъ тѣмъ опаснѣе для людей не совсѣмъ чистыхъ, что, кажется, задался цѣлью вывести всѣхъ ихъ на чистую воду, такъ что приверженцы бюрократіи не имѣютъ врага болѣе опаснаго и болѣе способнаго разоблачить ихъ тайны, — какъ этотъ господинъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что политическій термометръ въ канцеляріяхъ министерствъ юстиціи и финансовъ стоитъ, по меньшей мѣрѣ, на „variable“. — „Пусть и они узнаютъ, — говорить большинство публики, — что всему бываетъ конецъ, и что правительство, наказывая ихъ, дѣлаетъ самое справедливое прирѣшеніе закона о возмездіи“.

14 сентября 1826 г.

Настроение умовъ начинаетъ понемногу колебаться. Надежда и ожидание, державшія его въ равновѣсіи, ослабѣваютъ. „Значить, не будетъ никакихъ перемѣнъ!“—вривать со всѣхъ сторонъ. „Государь хочетъ удержать при себѣ старыхъ глупцовъ, чтобы доказать, что онъ одинъ можетъ управлять. Капризы и упрямство Канкрина по прежнему будутъ раззорять нашу торговлю и промышленность; репрессивныя мѣры становятся суровѣе, но нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ законовъ насчетъ взаимныхъ обязанностей между помѣщиками и ихъ крестьянами“!.. Вотъ замѣчанія, раздающіяся то здѣсь, то тамъ, и очень усердно выслушиваемыя. Недовольные подхватываютъ ихъ и комментируютъ съ свойственной имъ горечью. Манифестъ продолжаютъ разбирать и осуждать съ какимъ-то ожесточеніемъ. Особенно стараются растерзать на части новый цензурный уставъ, экземпляры котораго встрѣчаешь даже въ гостинодворскихъ лавкахъ. Литераторы въ отчаяніи. Писатели и журналисты носятся съ своимъ негодованіемъ по всѣмъ кружкамъ, которые они посѣщаютъ, а у нихъ связи и знакомства огромныя.

Всюду говорятъ преимущественно о манифестѣ и о войнѣ съ бюрократіей.—„Намѣренія государя, говорятъ, самыя благотворныя,—одни зложелательные или слѣпыя могутъ въ этомъ сомнѣваться; но онѣ не выполняются съ требуемой точностью; въ манифестѣ же намѣренія эти неузнаваемы. Съ одной стороны—дурно примѣненное снисхожденіе, а съ другой—низакого облегченія тѣмъ, которые находятся въ ненадежномъ положеніи. Конечно, дворянство и купечество имѣютъ несомнѣнныя права на отеческую заботливость со стороны правительства и послѣднее облагаетъ всѣми средствами для улучшенія положенія какъ этихъ двухъ, такъ и остальныхъ сословій. Посыпались милости, но воспользоваться ими удалось только немногимъ, поэтому и встрѣчаешь часто вытянутыя лица, между тѣмъ какъ правительство думаетъ, что оно всѣхъ, или почти всѣхъ, удовлетворило. Правду говорятъ, что умѣнье давать кстати—одинъ изъ лучшихъ атрибутовъ власти, и что количествомъ не всегда можно возбудить общее довольство.

Нельзя не замѣтить, что судьи находятся въ большомъ затруд-

неніи относительно примѣненія нѣкоторыхъ распоряженій манифеста. „Придерживайся буквѣ закона,—скажутъ многіе,—и ты исполнишь свою обязанность“. Нѣтъ, этого недостаточно, ибо если начальство не допускаетъ никакихъ смягченій въ исключительныхъ случаяхъ, потому только, что законъ не обязываетъ къ этому, то они на каждомъ шагу будутъ встрѣчать затрудненія въ исполненіи своихъ обязанностей. Поэтому-то они и должны какъ можно глубже вдумываться въ смыслъ закона; но много-ли такихъ, которые потрудятся надъ этимъ? а между тѣмъ, сколько будетъ совершенно злоупотребленій подъ покровомъ закона!

Подавить происки бюрократіи—намѣреніе благотворное; но, вѣдь, чѣмъ дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ больше встрѣчаешь виновныхъ, такъ что вслѣдствіе одной ужъ многочисленности ихъ они останутся безнаказанными. По меньшей мѣрѣ, преслѣдованіе ихъ затруднится и неизбѣжно произвѣнется характеромъ сплетень.

15-го сентября 1826 г.

Настроеніе умовъ не особенно дурно, но оно начинаетъ съ каждымъ днемъ измѣняться къ худшему. Какой-то духъ колебанія, который скорѣе чувствуется, чѣмъ опредѣляется, развивается во всѣхъ слояхъ общества. Опять появляются на сцену строгія порицанія дѣйствій правительства. Литераторы, эти провозвѣстники мнѣній, люди, пользующіеся, въ настоящее время, вліяніемъ больше, чѣмъ когда либо, говорятъ, что новый цензурный уставъ закрываетъ имъ ротъ; общество вторитъ имъ, замѣчая, что такъ какъ новымъ уставомъ не дается даже авторамъ гарантія, опредѣленная законами, то положеніе ихъ становится, подчасъ, очень незавиднымъ. Кромѣ того, прибавляютъ нѣкоторые, такъ какъ отвѣтственность продолжаетъ лежать на писателяхъ даже послѣ того, что сочиненіе пройдетъ черезъ горнило цензуры, то совершенно лишнее имѣть цензоровъ. Далѣе, къ чему было издавать законъ, который всѣми читается и комментируется всюду, даже на рынкахъ? Низшіе классы общества, думавшіе прежде только о своихъ собственныхъ дѣлахъ, анализируютъ въ настоящее время всѣ правительственныя распоряженія: отъ этого происходитъ то, что за ними теперь труднѣе слѣдить.

Купцы, даже торговцы старымъ платьемъ, открыто говорятъ о томъ вліяніи, какое имѣеть на всѣ финансовыя дѣла слишкомъ извѣстный, по своей дурной славѣ П*. Кредитъ его у генерала Канрина, говорятъ, такъ великъ, что онъ предлагаетъ оказать протекцію тѣмъ, кто собирается участвовать въ торгахъ на снятіе винныхъ откуповъ. По словамъ одного купца, Вешнякова, подтверждаемымъ и другими лицами, П* просилъ съ него деньги за ходатайство передъ министромъ.

Извѣстно также, что надъ канцеляріей министерства финансовъ собирается гроза; всѣ тамъ ходятъ съ вытянутыми лицами, вслѣдствіе официальнаго сообщенія генерала Ермолова, передавшаго министру доносъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, бывшаго чиновника гродненской казенной палаты, о томъ, что палата эта виновна въ злоупотребленіяхъ при представленіи своихъ отчетовъ; что вице-губернаторъ сдѣлалъ въ счетахъ произвольныя добавленія; черновыя этихъ счетовъ, писанныя имъ собственноручно, остались у доносчика и теперь служатъ явными доказательствами вѣрности этого факта.

Замѣчаютъ, что м-ше Жуковская, извѣстная тѣмъ, что прежде занималась устройствомъ *des parties fines*, получила недавно пожизненную пенсію. Много толкуютъ объ этомъ, увѣряя, что государя обманываютъ.

Говорятъ также о двухъ выраженіяхъ, употребленныхъ въ дневномъ приказѣ по полиціи, а именно: истребить и уничтожить нищихъ, которыми кишеть городъ. Кажется, что слѣдовало бы искоренить нищенство, а не нищихъ; что же касается тѣхъ, которые занимаются этимъ ремесломъ, то имъ можно просто воспретить его, стараясь, въ то же время, доставлять средства къ существованію людямъ бѣднымъ, стыдящимся протягивать руку, и преслѣдовать бродягъ и тунеядцевъ, которые, подъ предлогомъ нищенства, скрываютъ распутство, пороки и преступленія. Вотъ цѣль правительства, и въ этомъ смыслѣ слѣдовало бы составить приказъ; по крайней мѣрѣ, это мнѣніе всѣхъ, читавшихъ его.

Раздаются общія жалобы на дѣйствія многихъ личностей, способныхъ развѣ исполнять обязанности комисіонеровъ, но которыя, между тѣмъ, разыгрываютъ роль адвокатовъ и тянутъ деньги съ тѣхъ, чьи дѣла они ведутъ. По большей части, это поляки,

исключенные въ Польшѣ изъ списка адвокатовъ, и занимающіеся здѣсь этою профессіей, во вредъ обществу. Это-то обстоятельство и заставляетъ сознать необходимость учрежденія палаты адвокатовъ, на обязанности которыхъ было бы экзаменовать ходатаевъ по дѣламъ и наблюдать за тѣми изъ нихъ, которые получаютъ свидѣтельства. Палату эту можно бы было сдѣлать отвѣтственной передъ правительствомъ за нравственность состоящихъ подъ ея надзоромъ личностей, и придать ей большое значеніе, чтобы учрежденіе это достигло своей цѣли, а именно—очистило столицу отъ людей, злоупотребляющихъ довѣріемъ публики, и доставило бы людямъ притѣсняемымъ возможность отыскивать свои права, не платя произвольно налагаемой на нихъ дани.

Увѣряютъ, что Спасскій указалъ на многихъ значительныхъ лицъ, какъ на дѣйствовавшихъ за одно съ нимъ, или занимавшихся доходнымъ, но безчестнымъ ремесломъ вымогательства, которое, въ связи съ корыстными дѣйствіями, составляетъ преступленіе, извѣстное подъ именемъ лихоимства. Говорятъ, что подсудимые и сообщники ихъ громко ропщутъ и заявляютъ, что доносы до такой степени размножатся, что, подъ конецъ, придется допрашивать стѣны. Они находятъ, что не слѣдуетъ прибѣгать къ оеольнымъ путямъ для разоблаченія ихъ происковъ; замѣчаніе, по меньшей мѣрѣ, странное, возражаютъ другіе,—такъ какъ ничего нѣтъ проще, какъ однимъ чортомъ прогнать другаго. Увѣряютъ, что прокуроры и секретари сената: Пещуровъ, Мясоѣдовъ и Базилевичъ признаны виновными въ вымогательствѣ.

Говорятъ, что Спасскій—человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего святого; сердце же у него,—какъ у цыпленка, и поэтому, чтобы какъ нибудь выпутаться, онъ не пощадитъ никого. Широкая сѣть закинута на всѣхъ сторонниковъ бюрократіи. Кажется только,—замѣчаютъ bon-motist'ы,—что сѣть эта не Евангельская, и что все, попавшее въ нее, будетъ выброшено. Журавлевъ, Гежелинскій, Ивановъ, Андреевъ, Солодовниковъ, Солоницынъ, эти и многія другія имена, еще прежде отмѣченныя „надзоромъ“, фигурируютъ, какъ увѣряютъ, въ спискѣ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Спасскаго.

16-го сентября 1826 г.

Чтобы дать вѣрное понятіе о разныхъ сужденіяхъ и толкахъ, распространенныхъ въ обществѣ, мы сочли за лучшее передать ихъ въ формѣ разговоровъ, присоединивъ въ нимъ нѣсколько очерковъ.

Разговоръ рецензента съ агентомъ тайнаго надзора по поводу манифеста, дѣйствій и намѣреній правительства:

Агентъ. Вы желали повидимому поговорить откровенно и безпристрастно о настоящихъ событіяхъ. Подѣлимся нашими взглядами.

Рецензентъ. Рѣшившись говорить откровенно, я выскажу безъ стѣсненія мои собственныя мысли и мнѣнія другихъ лицъ. Мы коснемся главнымъ образомъ трехъ вопросовъ. Чего хочетъ правительство? Что сдѣлало оно по распорядительной части? Что остается ему сдѣлать, чтобы регулировать дѣйствія администраціи во всѣхъ ея разнообразныхъ отрасляхъ? Предоставляю вамъ высказаться первымъ.

Агентъ. Согласенъ; и такъ чтобы быть справедливымъ, скажу вамъ, что до сихъ поръ я вижу въ намѣреніяхъ правительства лишь самое искреннее желаніе содѣйствовать общему благу. Да, я убѣдился въ этомъ желаніи, слѣдя за дѣйствіями правительства въ эпоху, ознаменованную безумными и преступными покушеніями; оно высказалось и въ тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты имъ для пресѣченія зла въ самомъ началѣ и въ той медленности или, лучше сказать, въ той мудрой осмотрительности, съ какою оно старается не предварять событий, чтобы всегда имѣть возможность сказать: чтобы ни случилось, я не буду застигнутъ врасплохъ; наконецъ, желаніе это высказалось и во всѣхъ правительственныхъ актахъ, которыми оно желало провести реформы, никого не оскорбляя, и выжидать, не выказывая опасенія. Я знаю, что общество критикуетъ и осуждаетъ очень многое, но чтобы высказать по этому поводу свое мнѣніе—необходимо знать, что именно говорить осуждающіе.

Рецензентъ. Я могу высказать это, и мои слова будутъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. 14-го декабря правительство вышло съ честью и славой изъ весьма критическаго положенія. Это фактъ, подтвержденный событіями, поэтому объ немъ здѣсь

не стоитъ и говорить, а слѣдуетъ только рассмотреть систему управленія и найти ея слабыя стороны. Опредѣляя недугъ, врачъ долженъ прописать отъ него лекарство. Наша администрація не можетъ опираться на принципъ раздѣленія власти, онъ не годится для самодержавнаго монарха, который долженъ управлять самостоятельно, но съ знаніемъ дѣла, а для этого слѣдуетъ учредить дѣятельный, бдительный надзоръ; который, слѣдя за всѣмъ, отнюдь не стѣснялъ бы и не порождалъ никакихъ смуть. Этому надзору, который въ принципѣ долженъ составлять одно нераздѣльное цѣлое, нужно имѣть противовѣсъ, чтобы регулировать дѣйствія управленія. Всякій контроль можетъ принести пользу, если онъ состоитъ изъ двухъ, много изъ трехъ органовъ, тогда можно безошибочно сдѣлать выборъ; но когда существуетъ шесть органовъ, излагающихъ каждый свое собственное мнѣніе, то становится уже труднѣе принять какое либо рѣшеніе, тѣмъ болѣе, если пять голосовъ возстаютъ противъ одного, большинство одерживаетъ обыкновенно верхъ, а мнѣніе не рѣдко бываетъ ошибочно. Не слѣдуетъ забывать, что увеличеніе числа людей, стоящихъ у кормила правленія, составляетъ такое зло, которое влечетъ за собою неисчислимыя послѣдствія: оно не совмѣстно съ единствомъ дѣйствія и централизаціей власти, служащими настоящимъ признакомъ хорошей администраціи, которая не должна терять время въ преніяхъ, когда его можно съ болѣею пользою употребить на дѣло. Эта истина уже слишкомъ общеизвѣстна, однако, ее никогда не мѣшаетъ повторять. И такъ, вывода заключеніе изъ всего сказаннаго, мы утверждаемъ, что правительство желаетъ содѣйствовать благу общества, и въ принципѣ не пренебрегало никакими средствами для достиженія этой цѣли, но ему слѣдовало бы увѣнчать дѣло преобразованіями, которыхъ всѣ ожидали отъ манифеста; въ немъ даровано много милостей, но правительство поскупилося на тѣ преобразованія, которыя можетъ даровать только одна верховная власть. Такъ, на примѣръ, было бы весьма полезно и даже необходимо поддержать кредитъ дворянства, облегчивъ займы въ общественныхъ кассахъ и уменьшивъ проценты, уплачиваемые съ капитала; поощрить торговлю, народную промышленность и земледѣліе, возвратившись къ стариннымъ учрежденіямъ, которыя оказались полезными вслѣдствіе многолѣтняго опыта; полезно было бы возстановить коллегіальный по-

рядомъ въ главныхъ отрасляхъ администраціи; ускорить судопроизводство, упростивъ его, такъ какъ оно отличается теперь большими погрѣшностями; увеличить жалованье чиновниковъ, которые, получая мало, вынуждены брать взятки, и предоставить бюрократіи свободу дѣйствій; уничтожить нѣкоторые косвенные налоги, чрезвычайно обременительные, потому что они причиняютъ много хлопотъ, какъ то: адресныя конторы въ обѣихъ столицахъ; регулировать взиманіе земскихъ повинностей, наконецъ, опредѣлить точныя границы всякому сословію съ тѣмъ, чтобы опредѣлить права каждаго изъ нихъ и предупредить всякія недоразумѣнія. Въ манифестѣ не упоминается ни объ одномъ изъ этихъ преобразованій и общество всячески старается объяснить подобныя недомолвки; что отвѣчать ему?

Агентъ. Какъ неблагоприятно общество, которое, выказывая такъ нескрывать свое нетерпѣніе, воображаетъ, что также легко создавать и преобразовывать, какъ болтать и требовать невозможнаго которое равняется безумію или преступленію. Дѣйствительно, могло ли правительство въ девять мѣсяцевъ совершить столь обширныя преобразованія? Но чтобы оправдать его въ томъ, что въ манифестѣ не упоминается совершенно о всѣхъ тѣхъ преобразованіяхъ, о коихъ вы говорите, нужно было бы знать въ точности всѣ его цѣли и намѣренія. Не имѣя возможности узнать ихъ, слѣдуетъ терпѣливо ожидать ихъ обнародованія, не забывая, что на правительствѣ лежатъ одновременно три обязанности: оно должно дѣйствовать, преобразовывать и руководить. Убѣдившись въ этомъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что если способъ надзора не вполне соответствуетъ цѣли этого учрежденія, то, быть можетъ, по причинамъ, неизвѣстнымъ обществу, было необходимо учредить его временно. Итакъ, общество должно воздержаться отъ послѣдшаго сужденія до тѣхъ поръ, пока оно не узнаетъ причину дѣйствій правительства. Все, что вы говорили о неудобствѣ увеличивать число властей и объ отличительныхъ признакахъ хорошей администраціи, совершенно вѣрно; но чтобы обсудить этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, нужно дождаться возвращенія двора сюда. Желанія общества будутъ исполнены и оно не обманется въ своихъ ожиданіяхъ; нужно только дождаться выполненія тѣхъ мѣръ, которыя, весьма вѣроятно, уже намѣчены администраціей, что дастъ правительству возможность сказать: я исполняю то,

что оно сказало. Это намѣреніе правительства высказывается во всѣхъ его актахъ, въ его отеческой заботливости и даже въ той медленности, съ какою оно совершаетъ свои преобразованія.

Объобщенные очерки пришлю завтра.

17-го сентября.

Продолжаю безъ всякихъ предисловій мое вчерашнее письмо.

Очерки: Полиція. Полиція поддерживаетъ порядокъ; первая ея обязанность состоитъ въ томъ, чтобы указать каждому свое мѣсто. Для этого она сама должна знать свое мѣсто и не должна забывать, что примѣръ есть лучший учитель. Полиція составляетъ самое трудное, наименѣ блестящее, но самое славное вѣдомство городского начальства. Она должна предупреждать преступленія, а когда онѣ совершены, наблюдать за тѣмъ, чтобы виновный не избѣгнулъ кары законовъ. Для того, чтобы предупреждать преступленія, полиція должна знать, что именно порождаетъ ихъ, а равно и тѣ признаки, которые имъ предшествуютъ, такъ что въ этомъ случаѣ осторожность и умѣнье нужнѣе всѣхъ атрибутовъ уголовного судопроизводства. Полиція должна быть проникательна для того, чтобы замѣтить признави, угрожающіе спокойствію общества. Такимъ образомъ, во всемъ худомъ, случающемся въ государствѣ, слѣдуетъ почти всегда обвинять власть, не сумѣвшую предупредить зло. Однако, власть не должна забывать, что полиція не представляетъ собою системы гнуснаго шпіонства, но просто органъ, наблюдающій за исполненіемъ законовъ. Такимъ образомъ, городское управленіе должно знать законы и быть столь же безпристрастнымъ, какъ они. Да это, скажутъ, планъ республики de Morus. Положимъ такъ, но это не причина отказываться отъ усовершенствованія полицейскаго управленія.

Войско. Войско составляетъ въ государствѣ какъ бы отдѣльную націю, составленную изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Для того, чтобы составить изъ нихъ одно цѣлое, нужно было подчинить войско неизмѣннымъ и строгимъ правиламъ, ибо гражданинъ, вступая подъ знамя, становится совершенно инымъ человекомъ: его взгляды, привычки, вкусы—все измѣняется. Только эти законы могли заставить солдата исполнять свои обязанности; душою этихъ правилъ является дисциплина. Поддерживать дисци-

плину безъ малѣйшаго упущенія составляетъ обязанность военной власти, которая не подчиняется никому. Солдатъ не болѣе какъ машина и не долженъ быть ничѣмъ инымъ; самое пассивное послушаніе есть единственное качество, которымъ онъ можетъ отличиться, чтобы сдѣлать честь его девизу: Богъ, государь и знамя. Умереть тысячу разъ скорѣе, нежели измѣнить этому знамени, уважать своихъ начальниковъ и строго исполнять данное приказаніе, вотъ обязанности солдата, подчиненнаго начальникамъ, имѣющимъ различную степень власти. Ближайшимъ начальникомъ солдата является капралъ и фельдфебель. Отъ капрала требуется точность, смысленность и хорошее поведеніе. Обязанности его составляютъ обученіе ружейнымъ приемамъ и наблюденіе за порядкомъ въ ротѣ. Дѣятельность фельдфебеля гораздо обширнѣе, на немъ лежатъ всѣ мелочи военной службы. Отъ него требуется хорошій примѣръ и самое безупречное исполненіе служебныхъ обязанностей. Власть его не должна быть стѣснительна для солдата, иначе она не будетъ соответствовать цѣли военного устава. Итакъ, изъ двухъ фельдфебелей, изъ коихъ одинъ, старшій и угрюмый, заставитъ себя бояться и любить, а другой, менѣе суровый будетъ придирчивъ; перваго всегда будутъ слушаться скорѣе, такъ что ему будетъ достаточно сказать слово, чтобы его послушались, тогда какъ другой долженъ будетъ прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ, чтобы были исполнены простѣйшія его приказанія. Надъ этой первой инстанціей власти находится другая, составленная изъ офицеровъ всѣхъ чиновъ до ротнаго командира. Они являются сотрудниками послѣдняго и должны вмѣстѣ съ нимъ стараться усовершенствовать, съ одной стороны, матеріальную, а съ другой нравственную части войска. Но для того, чтобы содѣйствовать этой двоякой цѣли, не достаточно присутствовать на парадахъ и ученьяхъ, нужно изучить характеръ солдата, узнать его наклонности, привычки. Пренебрегая этимъ правиломъ, офицеры сдѣлались бы чужды войску и наоборотъ. Офицеры также не должны забывать, что серьезное изученіе своихъ обязанностей необходимо для того, чтобы они могли впоследствии занять высшія должности. Четвертую инстанцію составляетъ ротный командиръ. Войско есть зданіе, а ротные командиры, тѣ столпы, на которыхъ зиждется это зданіе. Неусыпная заботливость о благосостояніи солдата, полнѣйшее безпристрастіе и справедливость составляютъ

необходимыя качества начальника, дорожающаго исполненіемъ своихъ обязанностей. Дѣятельнымъ и осмысленнымъ надзоромъ онъ обязанъ поддерживать военную дисциплину во всей ея силѣ и слѣдить за всѣмъ, что говорится и дѣлается въ казармахъ, словомъ заниматься матеріальной частью, не забывая въ то же время и нравственной стороны службы. Ротный командиръ можетъ слѣдить за всѣмъ, не прибѣгая къ доносчикамъ, которыхъ солдаты обыкновенно не терпятъ; ему стоитъ только сблизиться съ ними, не вдаваясь однако въ фамиллярность, которая всегда портитъ дѣло. И такъ скажемъ въ заключеніе, что при исполненіи своихъ обязанностей ротный командиръ долженъ быть проникателенъ, изучить человѣческое сердце и умѣть поставить себя въ глазахъ войска; въ такомъ случаѣ ему всегда удастся исполнить свои обязанности и держать солдатъ въ повиновеніи. Обязанности баталіоннаго командира, составляющаго пятую инстанцію, основаны на тѣхъ же принципахъ, только гораздо обширнѣе; ибо заступая всегда мѣсто полковаго командира, онъ разумѣется долженъ изучить всѣ обязанности послѣдняго. Наконецъ, мы дошли до послѣдней инстанціи, т. е. до должности полковаго командира. Полкъ представляетъ собою тѣло, въ которое онъ вливаетъ душу, стараясь всевозможными средствами, съ одной стороны, внушить солдату уваженіе къ монарху, преданность знамени, любовь къ порядку, славѣ и упорность въ трудѣ, неразлучномъ съ военной службою; съ другой—развить въ офицерахъ сословный духъ для того, чтобы образовать изъ нихъ дѣятельныхъ и разумныхъ помощниковъ! Горе тому начальнику, который счелъ бы возможнымъ обойтись безъ помощниковъ. Онъ сталъ бы тогда дѣйствовать совершенно противно цѣли военного устава и своимъ обязанностямъ, которыя столь же важны, какъ обширна его дѣятельность. Онъ глава и направляетъ всѣми членами полка; этимъ все сказано! Достаточно будетъ замѣтить, что одна изъ первыхъ обязанностей его состоитъ въ усвоеніи нравственнаго смысла воинскаго устава, т. е. въ поддержаніи порядка и удовлетвореніи всѣхъ нуждъ войска. Но, спросить насъ, что же нужно дѣлать, чтобы достигнуть этой двойной цѣли? Стоитъ только доставить войску всѣ предметы, означенные уставомъ и исполнять его буквально. Нѣтъ, и этого еще не достаточно. Представьте себѣ что какому нибудь начальнику, слѣпому исполнителю устава, приказано выполнить какое нибудь трудное пору-

ченіе, не уклоняясь отъ точнаго исполненія устава. Если онъ не исполнитъ этого только потому, что не имѣетъ на это права по уставу, и захочетъ все таки, чтобы солдаты повиновались ему, то они будутъ ему повиноваться, но это дѣйствіе съ его стороны непременно вызоветъ въ войскѣ духъ упорства, составляющій зародышъ всякихъ безпорядковъ. Посмотрите теперь на другаго начальника, требовательнаго, но не столь строгаго какъ первый: онъ не задумался уклониться отъ общаго правила въ затруднительномъ положеніи, прибѣгнуть къ какой нибудь уловкѣ, не упомянутой въ уставѣ, но удобной для исполненія его цѣлей,—дѣйствія его увѣнчаются успѣхомъ, такъ какъ онъ постигъ смыслъ устава, тогда какъ первый потерялъ авторитетъ, такъ какъ не сумѣлъ держать себя. Результатъ этотъ былъ-бы неизбеженъ. Поэтому начальникъ, желающій дѣйствительно имѣть власть надъ солдатами и одаренный необходимыми для начальника качествами, какъ-то: строгостью безъ грубости, справедливостью безъ упрямства и добротою безъ слабости, конечно будетъ стараться облегчить обязанность солдата, предупредить его нужды и требовать отъ войска только должнаго. Подобный образъ дѣйствій поставитъ войско въ невозможность уклониться отъ своихъ обязанностей, не нарушая въ то же время самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ. Весьма естественно, что не одинъ начальникъ не захотѣлъ бы приобрести вліяніе, входя во всѣ мелочи службы, ибо хотя онъ не долженъ быть чуждымъ ей, чтобы отдавать правильныя приказы, но ничто не можетъ побудить его заниматься ею исключительно, по очень простой причинѣ: тогда онъ исполнялъ бы обязанность капрала, а кто же сталъ бы исполнять его собственную? Начальникъ можетъ все, поэтому онъ долженъ все дѣлать, чтобы не грѣшить въ исполненіи своихъ обязанностей. Ему необходимо заслужить любовь войска; она облегчаетъ самую трудную обязанность и удваиваетъ нравственныя силы военной власти. Она составляетъ опору священнослужителя, судьи, отца семейства и верховной власти.

Весьма желательно, чтобы эти мысли распространялись все болѣе и болѣе среди офицеровъ для того, чтобы они старались сдѣлаться руководителями войска, скорѣе нежели правительства и общественнаго мнѣнія, которое отъ этого можетъ только пострадать.

18-го сентября 1826 г.

Вниманіе общества обращено на три предмета: 1) на бюрократію, 2) на министерство финансовъ и 3) на вторженіе Персіянь.

Бюрократія, говорятъ, это гложущій червь, котораго слѣдуетъ уничтожить огнемъ или желѣзомъ; въ противномъ случаѣ невозможно ни личная безопасность, ни осуществленіе самыхъ благихъ и хорошо обдуманыхъ намѣреній, которыя, конечно, противны интересамъ этой гидры, болѣе опасной, чѣмъ сказочная гидра. Она ненасытна; это прѣпасть, становящаяся все шире, по мѣрѣ того, какъ прибываютъ бросаемыя въ нее жертвы. Необходимо, во что бы то ни стало, засыпать эту бездну. Всѣ благомыслящіе люди, вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ обирала и обираетъ еще бюрократія, благословляютъ отеческую заботливость правительства, рѣшившагося уничтожить ее. Начатыя, съ этою цѣлью, преслѣдованія настолько же полезны, насколько и необходимы,—въ этомъ всѣ согласны; но, замѣчаютъ въ то же время, надзоръ долженъ удвоить свою дѣятельность и старанія, чтобы предупредить глущую реакцію со стороны бюрократіи, приверженцы которой тѣмъ опаснѣе, что могутъ дѣйствовать за одно и причинить правительству не малыя затрудненія, парализовавъ мѣры, принимаемыя съ такимъ успѣхомъ противъ злоумышленниковъ, которые навсегда останутся вѣрными тому принципу, что цѣль оправдываетъ средства.

Министерство финансовъ, замѣчаютъ, вслѣдствіе его состава и объема, даетъ управляющему имъ возможность пользоваться предоставляемою ему властью, какъ обоюдоострымъ мечемъ. Всѣ въ одинъ голосъ вричатъ о необходимости ограниченія этой власти, возвратомъ къ коллегіальному порядку, который гарантируетъ правильность и принимаетъ на себя отвѣтственность и контроль, между тѣмъ какъ теперешняя организація министерства не отличается ни однимъ изъ этихъ качествъ. Всѣ сословія высказываютъ сильное желаніе реформы существующаго финансоваго порядка. Всѣ сознаютъ, что реформа эта — дѣло не легкое, что въ подобныхъ обстоятельствахъ необходимо хорошо обдумать и имѣть въ виду, что перемѣщеніе еще не составляетъ преобразованія; но знаютъ также, что для правительства, пользующагося

своею властью только лишь въ интересахъ установленія прочнаго порядка по всѣмъ отраслямъ управленія, — нѣтъ ничего невозможнаго.

Официальное извѣстіе о враждебныхъ намѣреніяхъ персидскаго правительства порождаетъ много толковъ. Сен-Джемскій кабинетъ, говорятъ, сильно замѣшанъ въ этомъ. Трудно предположить, чтобы Персія отважилась начать войну, не рассчитывая на поддержку одного изъ могущественныхъ государствъ, въ интересѣ котораго производить постоянныя смуты. Турція не останется, конечно, въ бездѣйствіи: настоящій случай покажется ей слишкомъ соблазнительнымъ, чтобы не воспользоваться имъ, хотя бы только для того, чтобы затануть переговоры конгресса. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что турецкіе уполномоченные, вѣроятно, съ умысломъ не были облечены настолько обширными полномочіями, чтобы покончить дѣло. Во всемъ этомъ есть что то подозрительное и, какъ кажется, наши эмисары въ Персіи и Турціи нуждались или въ средствахъ, или въ желаніи, чтобы вовремя предостеречь на счетъ истинныхъ намѣреній этихъ двухъ государствъ. Что же касается занятія Елисаветполя, то, говорятъ, фактъ этотъ былъ уже извѣстенъ болѣе двухъ недѣль тому назадъ. Дѣйствительно, объ этомъ сообщалось въ одномъ изъ предъидущихъ донесеній надзора.

21-го сентября 1-26 г.

. Я много размышлялъ эти дни о настроеніи умовъ и объ общественномъ мнѣніи, и остановился на нѣкоторыхъ мысляхъ, не лишенныхъ, какъ мнѣ кажется, интереса.

Въ наше время несравненно легче управлять народами въ критическихъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ обыкновенныхъ. Въ первомъ случаѣ народы всецѣло поглощены однимъ важнымъ интересомъ и просятъ у правительства только одного: превратить ихъ намѣренія въ усилія, усилія—въ дѣйствія, дѣйствія—въ успѣхъ, и эта прогрессія совсѣмъ не трудна; добрая воля народовъ въ томъ порукой. Къ тому же, вслѣдствіе особенно важнаго значенія событій, всѣ ошибочныя распоряженія правительства и неудачныя мѣры сглаживаются, забываются и прощаются. Въ обыкновенное же время, когда жизнь общества входитъ въ свою обыч-

ную колею, когда грозившая всѣмъ опасность устранена, каждый начинаетъ думать о своихъ дѣлахъ, о своихъ личныхъ потеряхъ, и въ виду принесенныхъ имъ жертвъ, считаетъ себя въ правѣ рассчитывать на улучшеніе своего положенія и является съ новыми притязаніями; каждый зорко слѣдитъ за дѣйствіями правительства и требуетъ, чтобы оно исправляло всѣ ошибки, устраняло всякое зло и рассыпало всякія блага.—Какъ ни парадоксально это мнѣніе, но я убѣжденъ, что при необыкновенныхъ, критическихъ обстоятельствахъ государствами могутъ управлять посредственные министры; между тѣмъ какъ необходимы люди высокаго ума, чтобы стоять во главѣ управленія въ обыкновенное, мирное и однообразно текущее время.

Какъ образуется общественное мнѣніе? Существуетъ небольшой кружокъ людей, стоящихъ очень высоко, которые искренно добиваются истины, глубоко все обдумываютъ и высказываютъ свои мысли на ухо очень немногимъ, способнымъ понимать ихъ. Нѣкоторые лучи этихъ мыслей спускаются ниже, но они рѣдко сохраняютъ свою чистоту: почти всегда свѣтъ ихъ или получаетъ отраженіе, или переломляется. Болѣе многочисленный кружокъ людей подхватываетъ ихъ, но при этомъ извращаетъ, или, пропустивъ ихъ чрезъ свое невѣжество, свои предразсудки и свои страсти, люди эти воображаютъ, что они сами думаютъ, тогда какъ это не болѣе, какъ одинъ заемъ; но то, что у первыхъ выходило хорошо, у вторыхъ выходитъ дурно. Между тѣмъ, эти послѣдніе,—постоянно повторяя то, чего не понимаютъ,—и составляютъ мнѣніе большинства, которое говорить не думая и только извращаетъ.—не сознавая и не желая этого.—доходящія до него идеи, и безъ того не отличавшіяся особенною чистотой.

Не смотря, однако жъ, на все это, Талейранъ выразился очень вѣрно: „Я знаю кого-то, кто умнѣ Наполеона, Вольтера съ компаніей, умнѣ всѣхъ министровъ, настоящихъ и будущихъ, и этотъ кто-то—общественное мнѣніе“.

Общественное мнѣніе не навязывается; за нимъ надо слѣдовать, такъ какъ оно никогда не останавливается. Можно уменьшить, ослабить свѣтъ озаряющаго его пламени, но погасить это пламя—не во власти правительства.

Наполеонъ самъ сказалъ, что если бы можно было дать сраженіе общественному мнѣнію, онъ не боялся бы его; но что, не

имѣя такихъ артиллерійскихъ снарядовъ, которые могли бы падать въ него, приходится побѣждать его правосудіемъ и справедливостью, передъ которыми оно не устоитъ; дѣйствовать противъ него другими средствами, говорилъ онъ, значить даромъ тратить и деньги и почести; надо покориться этой необходимости; общественное мнѣніе не засадишь въ тюрьму, а прижимая его—только доведешь до ожесточенія.

О настроеніи умовъ ничего нельзя сказать особеннаго,—ни хорошаго, ни дурнаго. Нѣсколько разсужденій, высказанныхъ недовольными личностями относительно генерала Татищева, адмирала Шишкова и князя Лобанова, не могутъ, конечно, характеризовать направленіе общественнаго мнѣнія. Вопли и брань нѣсколькихъ крикливыхъ женщинъ заслуживали бы, пожалуй, наказанія, но до сихъ поръ имъ вторять только одни ротозѣи. Надо, впрочемъ, замѣтить, что общество все еще сильно высказывается не только противъ личности генерала Канерина,—который, навѣрное, не могъ бы собрать за себя и пяти голосовъ,—но и противъ финансовой системы, принятой имъ и превозносимой до небесъ, между тѣмъ какъ настоящее положеніе нашихъ финансовъ не представляетъ никакого поворота къ лучшему и никто не видитъ въ этой системѣ преобразовательнаго начала, вопреки утверженію г. Канерина. „Какъ, говорятъ, онъ, который хвастается бережливостью въ употребленіи общественныхъ суммъ, терпитъ столько паразитовъ въ своихъ канцеляріяхъ! Родственникъ его жены, г. Ганнибалъ, вѣроятно въ качествѣ близкаго человѣка, пользовался жалованьемъ, которое только что отняло у него правительстве, зачисливъ его сверхштатнымъ. Министерство должно было бы избѣгнуть этого урока, если бы оно придерживалось принципа: не имѣть въ своихъ канцеляріяхъ людей ненужныхъ и не увеличивать число своихъ креатуръ“.

Рубрика слуховъ и толковъ довольно скучна въ настоящую минуту. Почти громко говорятъ, что князь Александръ Голицынъ кончитъ тѣмъ, что оставитъ за собой министерство императорскаго двора. Въ организациі канцеляріи этого министерства видятъ принципъ экономіи, который правительстве желаетъ примѣнить на практикѣ.

Увѣряютъ, что адмиралъ Синавинъ будетъ назначенъ вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегіи, что повлечетъ за собою упраздненіе морскаго министерства, — мѣра всѣмъ желаемая и признаваемая необходимою для того, чтобы положить конецъ безчисленнымъ злоупотребленіямъ, совершающимся въ морскомъ вѣдомствѣ.

Война съ Персіею продолжаетъ служить темой для разговоровъ. Недовольны послѣднимъ донесеніемъ генерала Ермолова. Родители молодыхъ офицеровъ, посланныхъ съ батальонами раскаявшейся шайки (*avec les bataillons de la cohorte répentante* ¹⁾), оплакиваютъ уже своихъ сыновей. — Говорятъ о войнѣ съ Турками и слухи эти имѣютъ много вѣроятія. Многие отставные офицеры оттачиваютъ уже сабли и тысячами побиваютъ въ своихъ комнатахъ разныхъ спаговъ и янычаръ.

22-го сентября 1826 г.

Масса людей нуждающихся незамѣтно порождаетъ большую часть безпорядковъ, которые приписываютъ, обыкновенно, другимъ причинамъ. Язва, называемая нищенствомъ, служитъ источникомъ непоправимыхъ золъ. Въ другихъ государствахъ, дѣйствительно, много нищихъ, потому что большинство людей нуждается въ предметахъ первой необходимости; у насъ же изъ ста нищихъ найдется двое—трое, которые испытываютъ настоящую нужду и лишены возможности добывать себѣ самое необходимое; остальные почти всѣ бродяги по профессіи или тунеядцы, находящіе это ремесло очень выгоднымъ. Обыкновенно, это отставные солдаты, бѣглецы и чаще-всего — крѣпостные, скрывающіеся отъ помѣщиковъ. Принятіе слишкомъ крутыхъ мѣръ для подавленія нищенства, заставивъ страдать многихъ, не исправитъ зла; надо сначала разсортировать нищихъ, прослѣдить ихъ образъ жизни; размѣститъ по общественнымъ заведеніямъ тѣхъ изъ нихъ, которые въ состояніи работать, приютить въ богадѣльняхъ людей дряхлыхъ и увѣчныхъ, а крѣпостныхъ, просящихъ милостыню въ столицѣ и ея окрестностяхъ, — отослать къ помѣщикамъ, внушивъ послѣднимъ, чтобы

¹⁾ Т. е. съ батальонами, сформированными изъ нижнихъ чиновъ, принявшихъ участіе въ бунтѣ 14-го декабря 1825 г.

они приняли мѣры для доставленія своимъ крестьянамъ средствъ къ существованію. Между тѣмъ, ничего подобнаго у насъ не дѣлается, такъ какъ это потребовало бы усиленной работы и не позволило бы дѣйствовать палкой. Довольствуются тѣмъ, что стараются уменьшить нищенство и воображаютъ, что этимъ можетъ быть достигнута предположенная правительствомъ цѣль. Какое заблужденіе! Всѣ это видятъ, но никто не думаетъ поправить ошибку, такъ какъ оно было бы слишкомъ неудобно и—что еще важнѣе—совсѣмъ не прибыльно. Человѣкъ, живущій только для себя, думающій только о себѣ, молчащій и отворачивающійся отъ всего, что можетъ испугать или потревожить его,—вотъ, по мнѣнію эгоистовъ, идеаль мирнаго гражданина, осторожность и воздержанность котораго восхваляются ими.

Каждый день открываются новыя злоупотребленія въ вѣдомствѣ юстиціи; при разслѣдованіи дѣла Спасскаго многое всплыло на поверхность. Говорятъ, что при допросѣ онъ впуталъ цѣлую толпу бюрократовъ. Приняты ли, спрашиваютъ, мѣры, чтобы были привлечены къ отвѣтственности всѣ, измѣняющіе долгу службы? Злоупотребленія могутъ быть искореняемы двоякимъ способомъ: или занести топоръ и однимъ взмахомъ уничтожить дерево, зараженное до самаго корня; или же довольствоваться распространеніемъ добрыхъ началъ и ждать, пока время не разовесть ихъ. Въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій все зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ той быстроты, съ какою будутъ проведены придуманныя, для этой цѣли, мѣры: онѣ должны являться неожиданно и разражаться какъ громъ, чтобы толпа злонамѣренныхъ людей, заинтересованныхъ въ сохраненіи злоупотребленій, не могла сплотиться и образовать непреодолимый заговоръ. Точно также и въ дѣлѣ Спасскаго. Лица, принадлежащія къ его партіи, можетъ быть сдѣлали больше зла, чѣмъ онъ самъ; но онѣ причинять еще болѣе вреда, если только имъ дадутъ время узнать другъ друга, т. е. убѣдиться въ своихъ силахъ.

Нѣкоторые говорятъ, что придется слишкомъ много наказывать, и что самая многочисленность виновныхъ будетъ причиной ихъ безнаказанности. Вздоръ! говорятъ другіе: тотъ, кто творилъ зло, долженъ быть выведенъ на чистую воду и заклеименъ позоромъ. Для подобныхъ людей не должно быть никакого снисхожденія, такъ какъ и они не оказывали его для общаго блага.

Правда, что дурные люди могут исправиться, — для каждаго грѣшника доступно исправленіе, — но опытъ всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что на одного злоумышленника, искренно раскаявшагося, двадцать впадаютъ еще въ худшія преступленія. Что ангелы никогда не дѣлаютъ зла, это очень понятно: они пронивнуты духомъ милости; но чтобы люди, привыкшіе ко злу, удерживались бы отъ него, когда имѣютъ полную возможность его дѣлать, это было бы чудомъ. Поэтому, человѣкъ, даже только отчасти замѣшанный въ злоупотребленіяхъ, долженъ быть удаленъ отъ управленія общественными дѣлами. Жезлъ, этотъ символъ правосудія, никогда не долженъ быть оставляемъ въ бездѣйствіи, — онъ долженъ цвѣсти, какъ жезлъ Моисея.

Предразсудки суть заблужденія разума, и самый опасный изъ нихъ тотъ, если человѣкъ считаетъ себя способнымъ играть всякую роль. Среди множества лицъ, являющихся просить мѣстъ, найдется ли одинъ, который могъ бы положительно сказать: я годенъ только на это дѣло, я умѣю дѣлать только его; нѣтъ, военный берется управлять финансами; финансисты хотятъ имѣть понятіе о виѣшней политикѣ потому, что они печатаютъ купленные ими мысли, судья вмѣшивается въ законодательство, не понимая разстоянія, существующаго между судьей и законодателемъ, и всѣ стремятся только къ диктаторству. Чтобы дѣйствительно быть полезнымъ другимъ — нужно знать свое дѣло лучше другихъ. Можно сказать почти навѣрно, что если человѣкъ займется чѣмъ нибудь исключительно, то онъ сдѣлается по этой части специалистомъ. Какъ хорошо шли бы дѣла, еслибы всякій игралъ въ свѣтѣ лишь у роль, которая ему свойственна.

Вотъ общія замѣчанія, имѣющія вліяніе на общественное мнѣніе.

22 сентября 1826 года.

З...въ, известный агентъ надзора, донесъ слѣдующее.

Приверженцы бюрократіи начинаютъ сильно волноваться. — Что случилось? спрашиваетъ у нихъ З...въ. — „Развѣ вы не знаете, какъ обращается съ людьми генералъ Бенкендорфъ и какія принимаетъ онъ мѣры, чтобы вывѣдывать семейныя тайны! Конечно, онъ обладаетъ всѣми средствами для этого, у него и сила, и власть, можетъ быть и намѣренія его добрыя, — но вѣдь какъ легко оши-

биться, сортируя тѣни! Нѣкоторые кажутся виновными, сами не подозрѣвая этого; они держатся обычнаго, установленнаго порядка. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то не найдется ни одного праведнаго. Разумѣется, передъ Богомъ это такъ и есть, но передъ людьми—другое дѣло!“—З...въ прибавляетъ, что подобныя рѣчи становятся, съ каждымъ днемъ, все запальчивѣе и серьезнѣе; что, конечно, нечего опасаться чего нибудь явнаго со стороны людей, настолько подлыхъ, чтобы исполнять роль пиявокъ; но, все же, благоразуміе требуетъ удвоить вниманіе, что онъ и дѣлаетъ,—не для того, чтобы дѣйствовать противъ тѣхъ, кто такъ мало сдержанъ въ своихъ рѣчахъ; но, напротивъ, чтобы, предоставивъ имъ полную свободу высказываться,—извлечь изъ этого разныя свѣдѣнія.

Замѣчаютъ еще, что золотая и серебряная монета, выбитая до послѣдняго измѣненія въ монетной системѣ, совершенно исчезла изъ обращенія. Нельзя ли, говорятъ, какими либо путями узнать—какъ, когда и какимъ образомъ звонкая монета прежняго чекана была вывезена за границу? Для этого, кажется, необходимо было-бы слѣдить за пассажирами, отправляющимися на пароходѣ въ Кронштадтъ, и за рабочими, занимающимися нагрузкой пеньки и другихъ товаровъ. Нужно было бы, также, узнать,—не существуетъ ли за границей фабрикаціи нашихъ ассигнацій, что, судя по нѣкоторымъ довольно вѣрнымъ даннымъ,—очень вѣроятно. Нѣтъ ничего проще предположить, что въ таможенѣ расплачиваются фальшивыми, искусно поддѣланными, ассигнаціями.

24 сентября 1826 года.

Привычка побесѣдовать съ в. пр. слѣлалась для меня потребностью, и хотя я не имѣю сообщить вамъ ничего особенно выдающагося, такъ какъ въ столицѣ царствуетъ полнѣйшее спокойствіе, однако я чувствую потребность написать вамъ нѣсколько строкъ.

Критики-женщины сильно возстаютъ противъ принятой правительствомъ системы—все видѣтъ самому. „Отличное занятіе для правительства, говорятъ онѣ,—соватья во всѣ мелочи!

Нельзя чихнуть въ домѣ, сдѣлать жестъ, сказать слово, чтобы объ этомъ тотчасъ же не узналъ Государь! ¹⁾ Ему ли заботиться о такихъ пустякахъ, и какъ хватаетъ у него времени заниматься этимъ? Пусть, однако, берегутся: подобный надзоръ стѣснителенъ и кончить тѣмъ, что произведетъ смуты, значить онъ одинаково вреденъ какъ тѣмъ, за кѣмъ слѣдятъ, такъ и тому,—это слѣдить.“

Какъ вамъ угодно, сударыни! По вашему мнѣнію, правительство не должно само входить во все, чтобы глубже изучить причины зла и недовольства. Но, въ такомъ случаѣ, какъ же узнаетъ оно что ему слѣдуетъ дѣлать и чѣмъ мотивировать свои распоряженія? Этотъ надзоръ, столь неудобный, конечно, для людей злонамѣренныхъ, напротивъ, очень полезенъ и благодѣтеленъ для тѣхъ, которые ни въ чемъ не могутъ себя упрекнуть. Для того, чтобы не судить слишкомъ опрометчиво,—необходимо все знать; тогда не поддаешься первому доносу и не увлекаешься вторымъ. Лица, которымъ правительство поручило этотъ надзоръ, само-собой разумѣется, должны возбуждать въ себѣ ненависть и зависть со стороны людей, старающихся скрывать свои дѣйствія,—это неизбежная участь всѣхъ вѣрныхъ и усердныхъ слугъ. Поэтому правительство, въ собственномъ своемъ интересѣ, должно явно поддерживать ихъ, чтобы они не боялись ни силы, ни хитрости тѣхъ, которые захотѣли бы ихъ погубить.—Чего же хотятъ Іереміа въ юбкахъ?.. Вѣроятно онѣ желаютъ того, чтобы изъ опасенія затронуть частные интересы, были принимаемы только палліативныя мѣры, т. е. чтобы вмѣсто излеченія ранъ, были только облегчаемы ихъ страданія. Нѣтъ, подобный образъ дѣйствій не входить въ расчеты правительства: оно спитъ чутко, какъ левъ, не смыкая глазъ, чтобы не упустить изъ виду малѣйшаго обстоятельства, которое могло бы нарушить существующій порядокъ. Система его основана на томъ принципѣ, что наказаніе и награда—два двигателя хорошаго управленія, и что лучше обойтись безъ второй, чѣмъ отказаться отъ первой. Опытомъ доказано, что люди легко забываютъ благодѣянія, и что наказанія за такія, напр., преступленія, какъ взяточничество,—лучшее сред-

¹⁾ Слова, напечатанныя разрядкой, отчеркнуты карандашомъ и сбоку написано рукою гр. Бенкендорфа: „C'est beaucoup de gagné, si on le croit.“

ство удержатъ каждаго въ предѣлахъ его обязанностей; наезанія забываются тѣмъ труднѣе, что онѣ дѣйствуютъ непосредственно на наши чувства, а чувство въ человѣкѣ могущественнѣе разсудка, который на многіе умы не имѣетъ нивакого вліянія. Быть строгимъ въ личностямъ, извлекающимъ для себя пользу изъ того зла, которое онѣ дѣлаютъ другимъ, — значитъ быть добрымъ ко всѣмъ; нѣтъ ббльшей ошибки въ дѣлѣ управленія, какъ снисхожденіе къ людямъ, нарушающимъ общественные интересы.

25-го сентября 1826 г.

Къ свѣдѣнію: Несправедливыя желанія и дѣйствія, вызванныя у однихъ бѣдностью, а у другихъ тщеславіемъ и гордостью также должны быть подавлены. Довозательствомъ этому служить современное положеніе общества.

Несоразмѣрность, существующая между количествомъ и дѣятельностью самолюбій, вызванныхъ культурою и числомъ доходныхъ и почетныхъ мѣстъ, которыми располагаетъ общество, столь велика, что люди оскорбленные и озлобленные неудачею или обманутыми желаніями, обвиняя общество въ томъ, въ чемъ оно совершенно неповинно, хотятъ въ своемъ безуміи потрясти его въ тщетной надеждѣ извлечь изъ этого выгоду.

Равновѣсіе между желаніями и средствами къ удовлетворенію ихъ не возстановится само собою. Въ этомъ случаѣ сама природа вещей не дастъ лекарства, его должно изыскать и примѣнить правительство. Для этого слѣдуетъ уменьшить число лицъ, посвящающихъ себя различнымъ отраслямъ администраціи; единственное средство достигнуть этой цѣли—не давать слишкомъ большихъ льготъ и поощреній и сдерживать страсти, измѣнивъ систему образованія и влія на общественные нравы и привычки. Общественное мнѣніе не есть эквивалентъ разума, но выражаетъ собою то значеніе, какое имѣютъ нѣкоторыя мысли; общественное мнѣніе не есть эквивалентъ истины, но распространенность извѣстныхъ идей. Общественное мнѣніе есть курсъ правилъ и положеній; оно относится къ истинѣ такъ же, какъ государственныя бумаги къ звонкой монетѣ. Бумаги рѣдко бываютъ равнозначущи золоту, по крайней мѣрѣ онѣ рѣдко ходятъ по номинальной цѣнѣ и ихъ цѣнность всегда равна количеству выдаваемой за нихъ звонкой

монеты: цѣнность же монеты опредѣляется количествомъ заключающагося въ ней серебра; но такъ какъ въ ней бываетъ всегда большая или меньшая примѣсь мѣди, то она всегда теряетъ болѣе или менѣе въ сравненіи съ серебромъ. Такъ и общественное мнѣніе есть смѣсь истины и заблужденій, вслѣдствіе чего оно никогда не служитъ мѣриломъ истины. Судить его можетъ только смѣлый независимый умъ.

Но что же заимствуютъ два нижнія сословія, образующія массу народа, отъ мыслей, распространенныхъ въ двухъ высшихъ классахъ общества? То, что соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ, интересамъ и страстямъ; они не касаются всего остальнаго и замѣтте что выборъ этотъ обусловливается ихъ личными нуждами, интересами и страстями, а не общественными потребностями, не общими интересами и не благородными и великодушными побужденіями.

И такъ сила общественнаго мнѣнія составляетъ не абсолютное, а относительное благо. Оно можетъ назваться благомъ, когда оно просвѣщенно и въ то же время прочно и умѣренно. Но общественное мнѣніе составляетъ зло, когда оно заблуждается въ выборѣ цѣли и средствъ, становясь такимъ образомъ силою, которая противится правительству.

Въ обществѣ мужчины и женщины желаютъ только нравиться другъ другу и блистать. Вслѣдствіе этого зарождаются ложныя идеи, поддерживаемыя не въ силу твердаго убѣжденія лицъ, распространяющихъ ихъ, а какъ бы по безмолвному соглашенію, состоявшемуся между ними для того, чтобы упрочить извѣстныя идеи. Вслѣдствіе этого страннаго компромисса вопросы, обсуждаемые въ обществѣ, дурно поняты во всѣхъ отношеніяхъ.

Есть нѣкоторыя вещи, которыя скорѣе могутъ быть поняты женщинами однимъ чувствомъ, а иныя скорѣе могутъ быть поняты умомъ мужчины. Но въ смѣшанныхъ собраніяхъ, называемыхъ обществомъ, женщины извращаютъ или совершенно утрачиваютъ чувства, желая возвыситься до разума, котораго онѣ не имѣютъ и до котораго никогда не достигнутъ. Мужчины унижаютъ свой умъ, ослабляя его изъ желанія сдѣлать его легкимъ, пріятнымъ и поверхностнымъ.

...Дѣло Спасскаго продолжаетъ служить темой разговоръ и сужденій.

„До тѣхъ поръ, говорятъ, пока личный составъ судебныхъ мѣстъ будетъ дурно организованъ; трудъ служащихъ худо оплаченъ и формы судопроизводства не будутъ измѣнены къ лучшему, нельзя ожидать удовлетворительныхъ результатовъ отъ той энергической заботливости, съ какою правительство старается уничтожить гидру бюрократіи, эту младшую сестру взяточничества. Между тѣмъ, чѣмъ строже будутъ преслѣдованія,—что теперь даже необходимо, такъ какъ дѣло уже начато,—тѣмъ болѣе встрѣтятся препятствій къ уничтоженію зла, потому что, повторяютъ, самая многочисленность преслѣдуемыхъ будетъ причиной ихъ безнаказанности. Возможно ли требовать, чтобы какой нибудь чиновникъ, избалованный роскошью и образомъ жизни нашего времени, устоялъ бы противъ соблазна и разыгрывалъ бы, весьма не кстати, роль Катона, тогда какъ начальники его подаютъ ему примѣръ и загибаютъ обѣими руками? Извѣстно и доказано, что за двѣсти, и даже за сто рублей, можно подкупить судей въ высшемъ судебномъ учрежденіи; поэтому, пока они останутся на своихъ мѣстахъ, установленіе другаго порядка вещей невозможно. Между тѣмъ, послѣдствіемъ насильственныхъ мѣръ будетъ то, что неизбѣжныя преслѣдованія, какъ уже бывшія, такъ и предстоящія, должны непременно увеличить число недовольныхъ. Трудно, конечно, предположить, чтобы они рѣшились на какое нибудь покушеніе: они такъ всѣми презираемы, эти взяточники и моты,—но они сильны своими денежными средствами и своими связями, такимъ образомъ, скандалъ,—который, уже самъ по себѣ, вещь очень неприятная,—неизбѣженъ, хотя цѣль—выгнать всѣхъ, не можетъ быть достигнута скоро, если бы даже приняты были самыя рѣшительныя мѣры для очистки этихъ авгіевыхъ конюшенъ“.

Увѣряютъ, что адмиралъ Сенявинъ будетъ назначенъ главнымъ инспекторомъ флота и въ этомъ качествѣ будетъ предсѣдательствовать въ адмиралтайствѣ-коллегіи. Итакъ, нѣтъ больше министерства морскаго и главнаго штаба,—этихъ двухъ учреждений, которыя,—пора въ этомъ сознаться,—задерживаютъ ходъ дѣлъ и запутываютъ управленіе. Прибавляютъ, что наслѣдникъ престола будетъ облеченъ званіемъ генераль-адмирала, и что церемонія введенія его въ эту должность будетъ совершена съ большою торжественностью въ Кронштадтѣ.

Назначеніе экспедиціи въ Архипелагъ, подъ начальствомъ

Беллинггаузена, одобряется всѣми. Давно, говорятъ, пора, да и случай представляется удобный съ пользой и почетомъ занять экипажъ гвардіи.—эту отличную часть относительно нижнихъ чиновъ, но въ которой составъ офицеровъ совершенно зараженъ.

Надѣюсь, что это письмо будетъ послѣднее, что я пишу вашему превосходительству въ Москву. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о вашемъ отъѣздѣ и благополучномъ прибытіи въ Петербургъ, такъ какъ не знаю уже болѣе о чемъ и писать. Фокъ.

Примѣчаніе. Напечатанныя выше письма-донесенія М. М. Фока подарены намъ въ подлинникахъ, 19 апрѣля 1875 г., П. М. Дораганомъ, если не ошибаемся доведшимся Фоку роднымъ племянникомъ. Переводъ писемъ принадлежит г. Казину. И сообщитель этихъ интересныхъ документовъ, и переводчикъ ихъ—нынѣ уже покойные. Вместе съ донесеніями Фока—П. М. Дораганъ также сообщилъ намъ нѣсколько подлинныхъ писемъ гр. В. П. Кочубея, 1823—1826 гг., и А. Х. Бенкендорфа 1828 г. въ М. М. Фоку. Тѣ и другія ничтожны по содержанию, но изъ общаго тона ихъ видно, что Фокъ пользовался „благосклоннымъ“ вниманіемъ своего, какъ видно изъ писемъ, „прежняго начальника“ Кочубея, и положительно самую предупредительную дружбою и довѣріемъ Бенкендорфа.

Ред.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

ПЕРЕПИСКА 1828—1830 гг. ¹⁾.

1829 г.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Слинстріею, 16-го мая ²⁾.

Хотя я и не имѣю сообщить В. В.—ву ничего важнаго, но считаю однако должнымъ послать фельдъегеря, съ донесеніемъ о состояніи войскъ и отвѣтомъ на письмо, которое вы благоволили написать мнѣ 7-го мая изъ Варшавы.

12-го мая мы открыли огонь съ батарей нашихъ на островѣ и со стороны ложной атаки. Огонь этотъ повидимому былъ удаченъ,—особенно съ трехъ канонерскихъ лодокъ, которыя, укрывшись въ небольшомъ заливѣ, дѣйствуютъ и по нижнему полигону.

Послѣ устройства необходимыхъ сообщеній, приступлено было, въ ночь съ 13-го на 14-е, къ заложению первой параллели настоящей атаки. Параллель эта, при самомъ началѣ устройства которой неприятельскіе стрѣлки должны были быть вытѣснены изъ ихъ ложементовъ, окончена въ ночь съ 14-го на 15-е. Она находится въ разстояніи 250—300 сажень отъ крѣпостнаго рва. Демонтированныя батареи на 20 орудій, равно какъ нѣкоторыя дополнительныя траншеи устраивались нынѣшнею ночью; да и въ будущую ночь надъ ними еще станутъ работать, ибо почва весьма трудная. Утромъ 18-го числа

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—100, 511—526, 765—780; XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г., томъ XXX стр. 105—130; томъ XXXII, (октябрь), стр. 237—302.

²⁾ Отвѣтъ на письмо Государя, отъ 7-го мая. (Переводъ съ французскаго).

мы откроемъ огонь и потребуемъ сдачи крѣпости. Остальная часть осады будетъ зависѣть отъ дѣйствія нашихъ батарей и отъ рода обороны; но я надѣюсь, что осада продлится не болѣе 19—20-ти дней, такъ какъ огонь непріятели весьма слабъ, — а можетъ быть еще и меньше, если справедливы ежедневно получаемыя нами свѣдѣнія о недостаткѣ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ въ крѣпости.

Вчера, въ ночь, непріятель, въ числѣ 1500—2000 чел., сдѣлалъ сильную вылазку противъ нашего лѣваго крыла, но былъ мужественно отброшенъ штыками 6 ротъ Черниговскаго и Алексопольскаго полковъ, подъ начальствомъ маіоровъ Корсакова и Булгакова. Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 15 тѣлъ, провенныхъ штыками, кромѣ тѣхъ, которыя были имъ унесены, по обыкновенію. Мы потеряли 12 человекъ убитыми и около 20-ти ранеными.

Третьяго дня, противъ казаковъ нашихъ, расположенныхъ въ 15-ти верстахъ отсюда, на Разградской дорогѣ, показался отрядъ турецкой конницы, силою въ нѣсколько сотъ человекъ; но онъ, черезъ нѣсколько часовъ, повернулъ назадъ. Я послалъ на эту дорогу ген.-лейт. Крейда съ 3-мя полками его дивизіи. Ему приказано избѣгать всякаго столкновенія съ превосходными силами, но рѣшительно атаковать всякій одиночный отрядъ и, особенно—новонабранную милицію.

Ген. Ротъ уже 12-го числа находился на позиціи у Туркъ-Арнаутлара, но найдя ее слишкомъ открытою съ лѣваго крыла, отошелъ къ Коалуджи и, 13-го числа, занялъ позицію передъ этимъ мѣстечкомъ. Онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ кн. Мадатовымъ, который занялъ мѣсто ген. Крейда въ Каургѣ и посылаетъ сильныя партіи на дорогу изъ Шумлы въ Силистрію; но онъ еще не встрѣчали непріятели. Офицеръ турецкихъ регулярныхъ войскъ, дезертировавшій, вѣроятно для того, чтобы уйти на родину, и взятый патрулемъ Мадатова, подтверждаетъ, что подъ Эски-Арнаутларомъ были всѣ силы великаго визиря, за исключеніемъ лишь вооруженныхъ жителей Шумлы и 4-хъ регулярныхъ полковъ, оставленныхъ въ резервъ, въ Енибазарѣ. Онъ, также какъ и болгарскіе перебѣжчики, считаетъ, что въ бою принимали участіе болѣе 30 т. человекъ,—что ихъ потеря была весьма велика и, что, между прочимъ, одинъ полкъ регулярной пѣхоты совершенно уничтоженъ. Алихъ-паша раненъ въ ляжку, хотя легко.

Всѣ плѣнные и перебѣжчики изъ Силистріи тоже повторяютъ намъ о значительномъ уронѣ (болѣе 800 чел.), повнесенномъ ими при обложеніи крѣпости, 5-го числа, и о впечатлѣніи, произведенномъ

этимъ внезапнымъ обложеніемъ на гарнизонъ, который весьма плохо снабженъ всѣмъ нужнымъ.

Если все это справедливо, то я надѣюсь покончить здѣсь въ первыхъ числахъ, или, по крайней мѣрѣ—въ серединѣ юня, а затѣмъ буду дѣйствовать согласно тому, какъ предписано В. В—омъ, въ послѣднемъ письмѣ; но—если только не придется дать сраженія—я не уѣду изъ подъ Силистріи, потому что послѣдніе дни осады суть самыя важныя. Послѣ ваятія этой крѣпости я ни мало не задумуюсь перейти черезъ Балканы, съ 35—40 т. человекъ, которыхъ надѣюсь имѣть возможность собрать, оставивъ 18—20 т. чел. (не считая необходимыхъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ и городахъ Болгаріи) противъ Шумлы и отправивъ одну дивизію моремъ, на подкрѣпленіе войскъ въ Сивнополь. Если бы на сей конецъ В. В. могли прислать мнѣ, около конца юня, 12-ю дивизію, то это сильно обезпечило бы успѣхъ. Въ противномъ случаѣ (и даже съ прибытіемъ этой дивизіи, если въ ней не можетъ быть 10 т. чел. подъ ружьемъ), малое число войскъ, перешедшихъ черезъ Балканы, не дозволитъ ожидать тамъ рѣшительныхъ успѣховъ, до прибытія маршевыхъ баталіоновъ. Если бы они могли подойти къ подошвѣ Балкановъ къ началу юля,—если бы, сверхъ того, нѣсколько резервныхъ бригадъ, двигаясь вмѣстѣ съ ними баталіонами, могли замѣстить гарнизоны, оставленные въ Болгаріи и занять тамъ пункты, назначенные подъ зимнія квартиры,—тогда я могу надѣяться, при помощи Божіей, вполне осуществить желанія В. И. В—ва и повести рѣшительную кампанію, по ту сторону горъ. Но если прибытіе упомянутыхъ баталіоновъ къ арміи за Балканами послѣдуетъ позднѣе августа, то они пригодны будутъ лишь для приготовленія зимнихъ квартиръ; потому что опытъ минувшаго года доказалъ намъ, что о занятіи сихъ квартиръ слѣдуетъ думать уже въ октябрѣ; да кромѣ того придется часть войскъ опять вернуть изъ за Балкановъ; квартиры же въ Румелии потребуютъ еще болѣе заботъ.

В. И. В. спрашиваетъ меня о маршевыхъ баталіонахъ и эскадронахъ. Я не осмѣливался доносить объ этомъ, не имѣя рапортовъ отъ корпусныхъ командировъ, а таковые еще не отъ всѣхъ получены. Жалуются порядочно на пѣхоту, особенно на ту, которая прибыла съ кадрами 5-го корпуса; впрочемъ, подобныя жалобы всегда бывають, когда какая нибудь часть переходитъ отъ одного начальника къ другому. Видѣвъ 5, 6, 7, 8 и 9-ю пѣхотныя дивизіи въ полномъ составѣ и по частямъ, на смотрахъ и въ бою, и уже послѣ того, что маршевые баталіоны вступили въ ряды, я не замѣтилъ никакой ощутительной разницы между старыми и молодыми солда-

тами, ни въ одеждѣ, ни въ выправкѣ, ни въ хорошемъ духѣ,—что доказываетъ мнѣ, что составъ войскъ, вообще, таковъ, какого слѣдуетъ желать для войны. Кавалерійскіе эскадроны, вообще говоря, хороши; въ 1-й конно-егерской дивизіи нѣсколько послабѣе; полукэскадроновъ же 2-й гусарской дивизіи я еще не видѣлъ. Какъ только получу всѣ рапорты о пѣхотѣ, то представлю ихъ—равно, какъ и о кавалеріи—В. И. В—ву; но напередъ выражаю мое убѣжденіе, что резервами, вообще, надо быть довольнымъ.

Состояніе нашей продовольственной части весьма удовлетворительно; у меня въ болгарскихъ портахъ собрано болѣе, чѣмъ на 3 мѣсяца, запасовъ на 100 т. человекъ, и я вполне обезпеченъ, даже на случай самаго долговременнаго продленія осады Силистріи. Между тѣмъ, всѣ транспорты, и морскіе и сухопутные, подвигаются усиленно и, покамѣсть, по этой части, еще господствуетъ порядокъ. Хотѣлось бы мнѣ быть столько же довольнымъ и госпитальною частью; но мѣстныя затрудненія, а особенно успѣхи заразной болѣзни, ставятъ много препятствій стараніямъ Карика (?), которымъ я до сихъ поръ весьма доволенъ. Къ несчастію, болѣзнь эта сдѣлала новыя успѣхи, какъ въ Букарестѣ, такъ и въ Фокшанахъ, и появилась во многихъ деревняхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ войска оставили страну, мѣры надвора почти уничтожились, но отдѣлать для сего войска невозможно, и я безъ того уже въ отчаяніи, что оказалось необходимо нужнымъ оставить въ Фокшанахъ баталіонъ 18-го егерскаго полка.

Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ эта несчастная болѣзнь укоренилась, переходъ и перемѣна воздуха оказали наилучшее дѣйствіе и болѣзнь прекратилась.

Я доносилъ В. И. В—ву о прибытіи сенатора Безроднаго въ главную квартиру, въ періодъ обложенія Силистріи. Я поручилъ ему сейчасъ же ознакомиться со всѣми дѣлами, дабы имѣть о нихъ вѣрное понятіе. Въ результатѣ, онъ вынесъ убѣжденіе, что Абакумовъ весьма усерденъ, дѣятеленъ и хорошо понимаетъ дѣло, но что желательнее было бы побольше аккуратности въ счетной части. вмѣстѣ съ тѣмъ, сенаторъ Безродный сказалъ мнѣ, что еще въ Петербургѣ онъ являлъ свое сомнѣніе въ томъ, чтобы его лѣта и здоровье позволили ему переносить труды столь тяжелой должности,—что хотя онъ чувствуетъ себя гораздо лучше и готовъ служить, гдѣ бы и какъ бы я ни приказалъ, но считаетъ долгомъ выразить мнѣ, что—принимая во вниманіе то довѣріе, какое, по его убѣжденію, я къ нему питаю, а, съ другой стороны, свои собственныя качества,—онъ полагалъ бы гораздо болѣе полезнымъ оставаться при мнѣ, въ качествѣ лица,

отвѣтственнаго за приказанія. отдаваемые Абакумову, а также за надзоръ и контроль, нежели самому управлять дѣлами. Въ дѣлахъ этихъ онъ, какъ человѣкъ новый, могъ бы на первое время надѣлать ошибокъ, а въ случаѣ болѣзни не оставалось бы никого, кого можно было бы поставить во главѣ дѣлъ. Найдя въ этомъ мнѣніи много вѣрнаго, я посоветовался съ Толлемъ и, встрѣтивъ въ немъ тотъ же взглядъ на дѣло, счелъ долгомъ сохранить порядокъ вещей «in statu quo», пользуясь немедленно всѣми совѣтами Безроднаго и сообщая ему приказанія, которыя слѣдуетъ отдать Абакумову, равно какъ получаемые рапорты и табели; за симъ буду ожидать послѣдующихъ повелѣній В. И. В.—ва.

Дай Богъ, чтобы удовольствіе, испытанное В. И. В.—омъ въ Варшавѣ, оставалось всегда прочнымъ и неизмѣннымъ. Я увѣренъ въ этомъ относительно прекрасной польской арміи; но, зная хорошо и съ разныхъ сторонъ самую націю (благодаря частымъ сношеніямъ, которыя имѣлъ съ нею), я убѣжденъ, что хотя она тоже имѣетъ нѣкоторыя отличныя качества, но, въ обращеніи съ нею, надо великодушіе всегда соединять съ большою твердостью и, даже, строгостью. Относительно поляковъ слѣдуетъ держаться этого правила гораздо болѣе, нежели относительно другихъ народовъ; особенно же надо остерегаться того, чтобы, вѣстѣ съ лицами высшихъ сословій, не впасть въ ловушку наружной вѣрности, вслѣдствіе громаднаго вліянія женскаго пола, который въ этой странѣ еще болѣе, нежели въ другихъ, присоединяетъ ко всѣмъ своимъ прекраснымъ качествамъ еще какой то рыцарскій—такъ называемый національный—духъ, весьма мало пологій, однако, на духъ рыцарей безъ страха и упрека.

Простите меня, Государь, что я позволилъ себѣ включить эти мысли въ мое письмо; но я считаю нынѣшнее время слишкомъ важнымъ, чтобы не высказывать передъ вами всего того, что внушаетъ мнѣ мое сердце.

Не понимаю, какъ я забылъ упоминать о Толлѣ въ моихъ письмахъ. Онъ продолжаетъ идти путемъ человѣка примаго, честнаго и полнаго усердіемъ, и я надѣюсь, Государь, что вы меня достаточно хорошо знаете, дабы быть увѣреннымъ, что при подобныхъ чувствахъ, онъ не можетъ не обладать моимъ уваженіемъ и дружбою, равно какъ и полнымъ моимъ довѣріемъ. Онъ, также какъ и гр. Паленъ, весьма бываетъ тронуть, когда В. В. удостоиваете вспоминать о немъ.

Благоволите, Государь..... и проч.

Дибичъ.

Лагерь подъ Силистрією, 17-го мая.

(Переводъ). Въ тотъ самый день, какъ я хотѣлъ отпрать своего фельдъегеря, пріѣхалъ ко мнѣ гр. Виттъ изъ Сивеполя, куда противные вѣтры занесли его изъ Севастополя; онъ привезъ мнѣ извѣстіе отъ адмирала Грейга объ уничтоженіи 60-ти пушечнаго корабля и нѣсколькихъ другихъ турецкихъ судовъ капитаномъ Соколовскимъ, въ заливѣ Пендерекли,—а также извѣстія о положеніи дѣлъ въ Румліи. Имѣю счастье поздравить В. И. В. съ новыми успѣхами нашего доблестнаго флота, которые, конечно, будутъ имѣть большое вліяніе на средства снабженія Константинополя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, долгомъ считаю обратить особое вниманіе на извѣстія, которыя сообщаетъ мнѣ адмиралъ о настроеніи жителей Румеліи.

Имѣя счастье представить В. И. В.—ву мои военныя соображенія по этому предмету, осмѣливаюсь прибавить къ нимъ и соображенія политическія.

В. И. В.—ву извѣстно, какъ я всегда старался устранять всякое революціонное движеніе отъ тѣхъ плановъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, которые имѣлъ счастье предъявлять на благоусмотрѣніе В. В.—ва, и конечно я никогда не осмѣлился бы посовѣтовать, въ мирное время, подготавливать народы къ подобнымъ идеямъ, такъ какъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что принципъ (власти) и его поддержаніе слишкомъ священны, и даже болѣе полезны, нежели временныя преимущества. Но здѣсь, въ разгарѣ упорной войны, рѣчь идетъ о народѣ, имѣющемъ общую съ нами религію, общее происхожденіе и нарѣчіе, и который, безъ всякаго возбужденія съ нашей стороны, не можетъ уже болѣе переносить ярмо безпримѣрнаго притѣсненія и возстаетъ не столько противъ самаго правительства турецкаго, сколько противъ своихъ угнетателей. При приближеніи нашихъ войскъ, ему не остается иного выбора, какъ, по приказанію своихъ тирановъ, бросать и жлыща и поля и переселяться, на встрѣчу вѣрной смерти, въ мѣста раззоренныя (и съ каждымъ днемъ еще болѣе раззоряемыя), гдѣ несчастнымъ христіанамъ отказываютъ даже въ томъ слабомъ раціонѣ, который выдается другимъ, или же сопротивляться этому переселенію,—чего нельзя сдѣлать иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я думаю, что отказывать этому народу въ единственной помощи, которой онъ у насъ проситъ, т. е. въ оружіи и боевыхъ припасахъ, значило бы, въ подобномъ случаѣ, слишкомъ далеко простирать внимательность къ правительству, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнаруживающему къ намъ непримиримую ненависть, изъ за которой

оно не отказалось бы ни отъ какихъ противъ насъ средствъ; это значило бы даже—какъ мнѣ кажется — выказать себя безчувственнымъ къ бѣдствіямъ нашихъ единовѣрцевъ, — людей спокойныхъ и покорныхъ до крайности. Представленное съ этой точки зрѣнія, возстаніе болгаръ не можетъ встревожить европейскіе кабинеты; но послѣдніе, по моему мнѣнію, не должны объ этомъ узнать прежде, нежели самое событіе осуществится. Я твердо убѣжденъ въ томъ, что на это возстаніе посматрять гораздо менѣе какъ на революцію, нежели на подобное возстаніе въ Сербіи.

Поэтому, мнѣ кажется, я могу надѣяться, что получу отъ В. И. В—ва приказаніе помочь болгарамъ, насколько настоящее наше положеніе это дозволяетъ, и рѣшительнымъ образомъ воспользоваться ихъ настроеніемъ, послѣ перехода черезъ Балканы. Но такъ какъ В. В. не желаете дѣлать никакихъ завоеваній, ни даже производить измѣненій во внутреннемъ управленіи турецкими областями, то я полагаю, что слѣдовало бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, заблаговременно сообразить—куда дѣвать нѣсколько десятковъ тысячъ семействъ, которыя должны будутъ послѣдовать за нами по окончаніи войны? Мнѣ кажется, что въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ, въ окрестностяхъ Орѣхова и Маріамполя, есть еще много свободныхъ и очень плодородныхъ земель; часть ихъ была отдана жителямъ послѣдняго города, у которыхъ земли даже слишкомъ много. Мнѣ кажется, что эта страна весьма подходила бы для болгарскихъ колонистовъ; можетъ быть и приготовить ее къ этому было бы можно, посредствомъ переселенія туда части обывателей Болграда.

Мѣра болѣе простая, но которая, сколько мнѣ извѣстно, не входила въ общія соображенія В. В—ва, состояла бы въ томъ, чтобы поселить семейства всѣхъ взявшихъ за оружіе болгаръ въ странѣ между Траяновымъ валомъ и Дунаемъ, обезпечивъ за ними, при заключеніи мира, полунезависимое положеніе, подобное тому, какимъ пользуются княжества.

Буду ожидать повелѣній В. В—ва по сему предмету, какъ для настоящаго, такъ и для будущаго времени.

Гр. Виттъ, хотѣвшій изъ Севастополя проѣхать въ Кистенджи, а оттуда въ главную квартиру, чтобы отдать отчетъ о движеніи подвижныхъ магазиновъ (которое идетъ очень хорошо), занесенъ былъ противными вѣтрами въ Варну, а оттуда поѣхалъ въ Сизеполю, повидаться съ адмираломъ Грейгомъ. Онъ привезъ мнѣ самыя удовлетворительныя извѣстія о состояніи Сизеполя и Варны, а также объ отличномъ духѣ войскъ, которыхъ онъ видѣлъ, въ особенности же—раненныхъ, вернувшихся изъ сраженія подъ Эски-Арнаутларомъ.

Онъ увѣряетъ меня, что уже теперь, для послыки къ дѣйствующей арміи, готово по 500 чел. на баталіонъ, въ резервахъ 3, 6 и 7-го корпусовъ и 10-й дивизіи, и по 400 чел. въ баталіонахъ 5-го корпуса, и что 5-е эскадроны пяти кавалерійскихъ дивизій (кромѣ дивизіи Будберга) находятся въ наилучшемъ состояніи для выступленія въ походъ. Подобное подкрѣпленіе, прибывъ къ намъ въ іюль, дало бы мнѣ самыя блестящія надежды; потому что, хотя я и не очень вѣрю наступленію многочисленныхъ отрядовъ албанцовъ и босняковъ, о которыхъ Милошъ сообщаетъ мнѣ официальные извѣстія и которые, подъ начальствомъ Скутарійскаго паши, должны направиться черезъ Ниссу на Виддинъ, — тѣмъ не менѣе вѣрно, что турки стараются собрать все, что только могутъ, дабы противопоставить намъ достаточныя силы при переходѣ черезъ Балканы и въ Адрианополь, — и что выигранное въ этихъ странахъ сраженіе (съ достаточными силами для надлежащаго преслѣдованія) должно, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣть непосредственнымъ послѣдствіемъ предложеніе мира.

Благоволите Государь.....

Императоръ Николай—Дибичу.

Берлинъ 26-го мая (7-го іюня) ¹⁾.

Отсюда, изъ милого Берлина, отвѣчаю я, любезный другъ, на ваше письмо отъ 16-го и 17-го, которое получилъ сегодня утромъ. Я весьма доволенъ вашимъ отчетомъ о ходѣ осады и о всѣхъ дѣйствіяхъ вообще. Важный вопросъ о болгарахъ заслуживаетъ полнаго нашего вниманія и я разрѣшаю вамъ, вполне, дѣйствовать въ смыслѣ моихъ инструкцій, которыя должны уже быть получены вами. вслѣдствіе рапорта, который я получилъ прямо отъ Грейга. Только подумайте о томъ, откуда вамъ можно будетъ своевременно доставить имъ оружіе и заряды. Дѣло это, если только оно пойдетъ хорошо, можетъ имѣть громадныя послѣдствія.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю нашего отвѣта относительно сербовъ. Что касается обезпеченія судьбы болгаръ послѣ войны, то этимъ дѣломъ я собираюсь заняться. Мысль о поселеніи ихъ между Дунаемъ и Траяновымъ валомъ я всегда имѣлъ, но она не легко осуществима.

Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ поляковъ. Что сказать

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича отъ 16-го и 17-го мая. (Переводъ).

мнѣ вамъ о томъ, что дѣлается здѣсь, куда я прибылъ такъ неожиданно, что уже стоялъ за королемъ, а онъ меня еще не видѣлъ и не подозрѣвалъ моего присутствія. Увидавъ меня, онъ чуть не упалъ навзничь. Однимъ словомъ: я отдыхаю здѣсь, послѣ четырехлѣтнихъ трудовъ! Всѣ приняли насъ, не то что съ удовольствіемъ, но съ восторгомъ. Мы тутъ, какъ бы свои.

Отъ васъ ожидаютъ писемъ и извѣстій; дай Богъ мнѣ поскорѣе получить ихъ.

Толстой постарается увидаться съ вами, если вы того желаете; и если резервы уже въ такомъ состояніи, что ихъ немедленно можно двинуть въ походъ (при чемъ комплектъ баталіоновъ будетъ не въ 500, а въ 700 и 800 человекъ), то они тотчасъ же направятся на соединеніе съ вами.

Мой поклонъ Толлю и Палену. Жена моя вамъ кланяется. Остаесь, любезный другъ, навсегда васъ любящій Н.

Berlin, le 26 Mai (7 Juin).

C'est d'ici, du cher Berlin, que je réponds à votre lettre du 16 et 17, mon cher ami, que j'ai reçu ce matin. Je suis bien satisfait du compte que vous me rendez de la marche du siège et des opérations en général. L'objet important des Bulgares est de nature à mériter toute notre attention, et je vous autorise en plein d'agir dans le sens de mes instructions, que vous aurez déjà reçu par suite du rapport que j'ai reçu directement de Greig. Pensez seulement d'où vous pourrez à temps leurs fournir armes et munitions; cet événement, s'il marche bien, peut avoir des suites énormes!

J'attends avec impatience votre réponse au sujet des Serbiens. Quant au sort à assurer aux Bulgares après la guerre, — c'est une chose dont je vais m'occuper. L'idée de les placer entre le Danube et le rempart de Trajan est une des celles que j'ai toujours eu, mais qui n'est pas des plus aisées.

Je partage parfaitement votre opinion à l'égard des Polonais. Que vous dirai-je d'ici? — Que je suis arrivé tellement inattendu, que j'ai me tenais derrière le Roi, qui ne me voyait pas et qui ne s'en doutait pas encore; il est presque tombé à la renverse en m'apercevant. Enfin, je me repose ici, après quatre années de peines! Tout le monde nous a reçu, non avec plaisir, mais avec enthousiasme; nous avons l'air d'appartenir ici.

L'on attend de vous des lettres et des nouvelles; fasse le Ciel, que j'en reçoive bientôt.

Tolstoy tâchera de vous voir, si vous le desirez; et si l'état des réserves est tel à pouvoir faire marcher de suite des bataillons, non de 500, mais de 7 et 800,—ils iront vous joindre de suite.

Mille choses à Toll et Pahlen. Ma femme vous dit mille choses. A vous, mon cher ami, et pour la vie, votre affectionné N.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Силистріею, 23-го мая.

Прилагаемая записка, равно какъ мои рапорты, объяснятъ В. И. В—ву настоящее положеніе дѣлъ и причины, побуждающія меня идти на сближеніе съ генер. Ротомъ. Движеніе это можетъ оттянуть взятіе Силистріи на недѣлю, и даже на двѣ (хотя я сильно рассчитываю на дѣятельность и усердіе Красовскаго), и оно окажется мѣрою ошибочною, если Ротъ, въ рапортахъ своихъ о движеніяхъ и вѣроятныхъ намѣреніяхъ великаго визиря, смотрѣлъ на дѣло съ ложной точки зрѣнія; если же, напротивъ, положеніе дѣлъ дѣйствительно таково, какъ онъ описываетъ, то это можетъ повести къ рѣшительнымъ результатамъ,—если визирь приметъ сраженіе; и шансы слишкомъ благопріятны, чтобы упустить случай ими воспользоваться.

Завтра отправляюсь въ Кучукъ-Кайнардаи. Да послужитъ это знаменитое имя добрымъ предзнаменованіемъ для нашего похода! При Божіей помощи, рассчитываю на отличный духъ храбрыхъ войскъ нашихъ и ускорю мое движеніе, насколько лишь будетъ возможно.

У Гейсмара и Киселева все благополучно.

Мадатовъ присоединился къ Роту, а 3-я бригада 11-й дивизіи имѣетъ приказаніе идти къ Базарджику, отъ котораго она была всего въ 30-ти верстахъ.

Я только что получилъ рескриптъ В. И. В—ва, съ полномочіями для веденія мирныхъ переговоровъ, а также инструкцію Нессельроде. Дай Богъ, чтобы успѣхъ нашего оружія, при благословеніи Господнемъ, дозволилъ намъ вскорѣ получить основательную надежду на преодоленіе упорства султана. Счастливейшею минутою въ моей жизни буду считать ту, въ которую мнѣ удастся завершить это, столь желаемое, дѣло достойнымъ Вашего августѣйшаго довѣрія образомъ. Генералъ Толль съ величайшею благодарностію принялъ выраженіе удовольствія В. В—ва; онъ вполне достоинъ названія честнаго и прямодушнаго человѣка,—и только при подобныхъ чувствахъ достигается высокая цѣль благороднаго сословія. Господь, благословляя труды В. В—ва, да доставитъ Вамъ и отраду—увидѣть, что и для августѣйшаго наслѣдника Вашего образуется поколѣніе, проинкнутое подобными же принципами. Этого великаго результата можно достигнуть лишь уважая даже и самыя предразсудки чести, если они не заключаютъ въ себѣ порочной основы, и обращаясь съ этимъ нѣжнымъ растеніемъ настолько же осторожно, на сколько твердо

(коль скоро оно оказывается лишь поддѣльнымъ золотомъ). Я убѣжденъ, что еще долго придется намъ поддерживать этотъ великій принципъ чести и законности,—пока не будемъ еще имѣть силъ возвыситься до чистой добродѣтели.

Благоволите Государь.....

Лагерь при Мадара, близъ Шумлы, 31-го мая.

Всевышній благословилъ, вчера, геройскія усилія побѣдоносныхъ войскъ В. И. В—ва. Великій визирь совершенно раябитъ; онъ потерялъ всю свою артиллерію, всѣ тяжести, и его вполне разстроенной арміи, безъ обоза и пушекъ, съ трудомъ лишь (какъ я надѣюсь) удастся добраться до Шумлы, проселочными дорогами. Я еще сегодня двинусь, съ корпусомъ Рота и двумя кавалерійскими дивизіями, по направленію къ Эски-Стамбулу, чтобы попытаться отрѣзать еще кой-какіе остатки. Гр. Паленъ преслѣдовалъ непріятеля по пятамъ; теперь онъ вернулся, предоставивъ это дѣло генер. Курьянову и захвативъ болѣе 40 пушекъ. Наша потеря тоже велика, хотя, по показаніямъ всѣхъ плѣнныхъ, она составляетъ лишь около трети урона, понесеннаго непріателемъ, оставившимъ болѣе двухъ тысячъ убитыхъ на полѣ сраженія. Мы потеряли болѣе 2000 человекъ, изъ коихъ двѣ трети убитыми. Столь сильно пострадала почти одна только 6-я дивизія, а также Иркутскіе гусары. Первые баталіоны 12-го егерскаго и Муромскаго полковъ легли до послѣдняго человекъ, защищая свои знамена; множество убитыхъ турокъ, съ которыми перемѣшаны ихъ тѣла, свидѣтельствуютъ, что они дорого заставили заплатить за свою гибель. Знамя 12-го егерскаго полка отнято было у противника по частямъ, такъ какъ солдаты, оное окружавшіе, сорвали его съ древка въ ту минуту, когда оно попало въ руки турокъ. Знамя Муромскаго полка до сихъ поръ еще не отыскано; но я осмѣливаюсь умолять В. В. наградить таковымъ новымъ, имѣющимъ быть сформированнымъ баталіонъ, потому что отличный полкъ этотъ вполне заслужилъ сего.

Полки: Невскій и 11-й егерскій, постоянно отражая бѣшенныя атаки турокъ, тоже потеряли половину своихъ людей; но потеря эта распредѣлена, по баталіонамъ, болѣе равномерно.

Конная № 19-я батарея рѣшила дѣло и была причиною тому, что непріятель потерялъ большую часть своей артиллеріи; осмѣливаюсь испрашивать для нея, у В. В—ва, кивера за отличіе, а офицерамъ петлицы. Если бы я осмѣливался просить великой милости для меня лично, то это было бы — возведеніе моего лучшаго и до-

стойнаго помощника, Толля, въ графское достоинство, въ память этого славнаго дня; я знаю, что это весьма осчастливило бы его, и онъ этого достоинъ, по своимъ отличнымъ заслугамъ. Осмѣливаюсь также, на первый разъ, испрашивать: Владимірскую ленту графу Палену, Анненскую ленту генераламъ Арнольди и Обручеву, и Владиміра 2-й степени Бутурлину.

Самъ Толль, лично, придалъ такую энергію первоначальному преслѣдованію непріятеля. Графъ Паленъ, отличившійся самымъ блестящимъ поведеніемъ во время боя, гналъ противника на протяженіи 15-ти верстъ и отнялъ у него, въ горныхъ дефилеяхъ, остатки артиллеріи и обозовъ.

Съ письмомъ этимъ и двумя, взятыми у противника знаменами (одно изъ нихъ принадлежало регулярной кавалеріи, а другое регулярной пѣхотѣ) я посылаю адъютанта моего, князя Трубецкаго. Онъ постоянно служить съ величайшимъ усердіемъ.

Осмѣливаюсь просить В. В. повергнуть меня къ стопамъ Ея В—ва Императрицы и благоволить.....

Лагерь у Мадара, 2-го іюня.

Непосредственныя послѣдствія пораженія великаго визиря при Кулевчѣ были еще важнѣе, нежели я полагалъ, когда посылаю Трубецкаго. Кромѣ захваченныхъ у турокъ 40 пушекъ и 3-хъ мортиръ и обратно у нихъ взятаго, подбитаго орудія нашей 9-й бригады, отняты у нихъ еще двѣ пушки, изъ числа потерянныхъ Купреяновымъ; остальные же двѣ изъ сихъ послѣднихъ отбиты самимъ храбрымъ генераломъ этимъ, во время преслѣдованія, которое онъ продлилъ даже по ту сторону Камчика, по направленію на Янково. Возвращеніе этихъ пушекъ меня весьма порадовало. Теперь остается еще знамя Муромскаго полка; да и оно, по всѣмъ вѣроятіямъ, не будетъ сохранено непріятелемъ, при его безпорядочномъ бѣгствѣ.

Но что всего важнѣе, по моему мнѣнію, это—полное разстройство двадцати полковъ регулярной пѣхоты, т. е. почти половины того, что имѣетъ Оттоманская имперія; впечатлѣніе, которое должно быть произведено пораженіемъ этихъ войскъ на народъ и на самаго султана, можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія.

Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что изъ 40 т. человекъ, которыхъ визирь имѣлъ при Кулевчѣ, какихъ нибудь тысячъ десять вернется, окольными дорогами и горами, въ Шумлу, да и то въ состояніи полнаго разстройства. Въ одной лишь кавалеріи могъ еще сохраниться кой какой порядокъ; а между тѣмъ визирь имѣлъ ее при

себѣ всего нѣскольکو сотъ человѣкъ, которые ночью и прибыли въ Шумлу, сдѣлавъ огромный обходъ черезъ Балканы. Неизвѣстно, гдѣ находится Халиль-Паша: иные считаютъ его погибшимъ; другіе думаютъ, что онъ, съ нѣсколькими тысячами бѣглецовъ, спасся въ Айдосъ.

Генер. Ротъ, вчерашняго числа, во время своего движенія на Морачъ, имѣлъ очень хорошее дѣло: Мадатовъ отбросилъ вышедшихъ изъ Шумлы 1500—2000 турецкихъ всадниковъ на ихъ передовые редуты; гусары вели себя тутъ самымъ блистательнымъ образомъ, особенно — Александрійскіе, предводимые Муравьевымъ, который собственноручно взялъ знамя Ахмедъ-Бея, командовавшаго конницею въ Шумлѣ, послѣ того какъ Алихъ-Паша былъ раненъ. Впереди всѣхъ находился самъ Мадатовъ; его гусары, бросившись на редуты, спѣшили и, дѣйствуя саблями и пиками, взяли первый изъ нихъ; другой редутъ, съ 3-мя пушками, взяли былъ штыками Охотскаго и 31-го егерскаго полковъ, приведенныхъ самимъ Ротомъ. 12 знаменъ и 5 орудій были трофеями этого славнаго дѣла, которое стоило намъ 100 человѣкъ убитыми и ранеными, и въ которомъ у турокъ убито 500 человѣкъ и 50 взято въ плѣнъ. Я предложилъ коменданту Шумлы дозволить жителямъ похоронить своихъ мертвецовъ согласно принятымъ у турокъ обычаямъ. Великій визирь, въ отвѣтъ на это, послалъ ко мнѣ секретаря, въ качествѣ парламентаря, повѣривъ словамъ послѣдняго, будто дѣло идетъ о чемъ то болѣе важномъ. Онъ поручилъ много благодарить меня за предложеніе и принялъ оное съ готовностію.

Такъ какъ въ словахъ помянутаго секретаря почти проглядывало желаніе поговорить о чемъ либо болѣе важномъ, то я счелъ полезнымъ, отправить сегодня къ визирю Фонтонъ съ весьма учтивымъ письмомъ и выраженіемъ желанія, чтобы побѣда, Богомъ намъ дарованная, повела къ замиренію обѣихъ имперій. Полагаю, что шагъ этотъ не можетъ причинить вреда. Если визирь имѣетъ полномочія, то, можетъ быть, предложить перемиріе; но я на таковое не соглашусь иначе какъ съ условіемъ, чтобы намъ отдали Шумлу и Журжево, въ обезпеченіе того, что черезъ четыре недѣли будетъ заключенъ миръ. Если бы это касалось самаго визиря лично, то я думаю, что могу расчитывать на В. В.—во и обѣщать ему пристанище и обезпеченное пребываніе въ Вашемъ государствѣ, по примѣру Юсуфа-Паши.—Фонтонъ уже посмотритъ, что можно сдѣлать; можетъ быть, и даже вѣроятно, что это останется безъ послѣдствій. Но между тѣмъ, оно не помѣшаетъ хорошенько осмотрѣть окрестности Шумлы, а можетъ быть, (конечно, только въ случаѣ вѣроятности успѣха), и

предпринять чтонибудь противъ ея передовыхъ верховъ. Въ противномъ случаѣ, я сосредоточу всѣ свои войска (какъ только окончатся преслѣдованіе непріятели, разсѣяннаго подъ Кулевчей) на позиціи между Буланлыкомъ и Енибазаромъ, дабы успѣть приготовить все для перехода черезъ Балканы, какъ скоро Красовскому представится возможность присоединиться ко мнѣ, послѣ взятія Силистріи, которое не должно быть позже 10-го іюня.

Мнѣ можно будетъ тогда располагать 6-ю дивизіями, весьма слабыми конечно, но достаточными для того, чтобы отбросить Абдерахмана-Пашу къ Адрианополю и тотчасъ же серьёзно заняться утвержденіемъ на Бургасскомъ заливѣ. Такъ какъ нынѣшнія обстоятельства, въ особенности — переходъ черезъ Балканы, могутъ повести къ переговорамъ, то весьма необходимо, чтобы В. В. благоволили назначить втораго уполномоченнаго и чтобы онъ, подъ какимънибудь предлогомъ, прибылъ въ Одессу. Но надежда на это заставляеть меня еще болѣе желать наипоспѣшнѣйшаго прибытія резервовъ. Если бы резервы шести дивизій пѣхоты и трёхъ дивизій кавалеріи прибыли къ 15-му іюля въ Бургасъ и если бы В. В. дали мнѣ еще 12-ю дивизію (какъ въ томъ Вы меня обнадежили), тогда я, еще до начала августа, могъ бы приблизиться къ Адрианополю, имѣя около 40 т. чел. пѣхоты и 10 т. коней; и это, конечно, обозначало бы заключеніе мира, если бы о томъ уже велись переговоры, потому что реорганизація турецкой арміи, лишившейся всей своей матеріальной части, не можетъ быть окончена къ тому сроку.

Еслибы такъ же точно, и въ тѣхъ же размѣрахъ (по 500 чел. на полкъ пѣхоты и по 1 эскадрону на полкъ кавалеріи) прибыли и резервы прочихъ дивизій, то я могъ бы притянуть еще одну дивизію изъ Болгаріи и имѣлъ бы около 60 т. человекъ, которымъ непріятель противопоставить, приблизительно, 30 полковъ регулярной пѣхоты и все, что онъ еще можетъ стянуть изъ Румиліи, Албаніи и Босніи.

Нашъ храбрый Толль повергаетъ себя къ стопамъ В. В.—ва, я же прошу благоволить. и проч. Дивичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ И ТАВРИЧЕСКІЙ.

въ письмахъ его 1822—1855 гг.

Въ древнѣйшей части города Ельца, Орловской губерніи, на склонѣ красивой возвышенности, почти у береговъ небольшой рѣчки Ельчикъ, впадающей въ предѣлахъ города въ рѣку Сосну, къ сѣверной сторонѣ Введенской церкви, прилегаетъ небольшая продолговатая площадь, а въ сѣверовосточномъ углу этой площади стоитъ скромненькій одноэтажный деревянный домикъ въ четыре окна. Нынѣшней владѣлицѣ этого домика, женѣ діакона Воскресенскаго собора, Александрѣ Адриановнѣ Рудневой, не случайно досталось мѣсто подъ домикомъ—оно дорогое наслѣдіе отъ предковъ. Уже почти столѣтъ тому назадъ имъ владѣлъ прадѣдъ Александры Адриановны о. Алексѣй Борисовъ, священникъ Успенской церкви, находившейся въ то время на мѣстѣ нынѣшняго Вознесенскаго собора.

На рубежѣ настоящаго столѣтія, 15 декабря 1800 года, въ еще болѣе скромномъ домикѣ о. Алексѣя Борисова, къ сожалѣнію, не сохранившемся до нашего времени, родился у владѣлицы домика сынъ, имя котораго неизгладимыми чертами запишется въ исторіи развитія русскаго народа,—родился Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, впоследствии знаменитый проповѣдникъ Иннокентій, архіепископъ Херсонской и Таврической.

Годы дѣтства и первой молодости въ жизни великаго іерарха, какъ извѣстно, остаются почти совершенно неизслѣдованными. Мнѣ, уроженцу Ельца и ближайшему сосѣду съ мѣстомъ рожденія архіепископа Иннокентія, въ недавнее пребываніе въ Ельцѣ, удалось собрать нѣкоторыя объ этомъ свѣдѣнія. Доставленіемъ этихъ свѣдѣній я наиболѣе обязанъ священнику Введенской церкви о. Іоанну Іосифовичу Вуколову, зятю и преемнику священника той же церкви о. Василія Ѳеодоровича Климентова, наставника и друга покойнаго

архипастыря. Движимый чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ памяти покойнаго преосвященнаго и желаніемъ сохранить для потомства всякое свидѣтельство о немъ, о. Іоаннъ Іосифовичъ съ просвѣщенною готовностію отдалъ въ мое распоряженіе для напечатанія въ «Русской Старинѣ» нижепомѣщаемыя письма Иннокентія къ о. Василию Климентову. — Не отличаясь богатствомъ содержанія, письма эти, тѣмъ не менѣе, являются дорогимъ матеріаломъ для оцѣнки покойнаго архіепископа, какъ человѣка.

Въ санъ священника о. Алексѣй Борисовъ былъ посвященъ незадолго до рожденія его знаменитаго сына, а до того времени онъ занималъ мѣсто діакона въ Введенской церкви; семейство его состояло изъ двухъ сыновей: старшаго — Матвѣя, рожденіе котораго записано въ метрическихъ книгахъ Введенской церкви, и младшаго — Ивана, рожденіе котораго записано въ метрическихъ книгахъ Успенской церкви, и дочерей Анны и Екатерины. Екатерина Алексѣевна, по словамъ о. Іоанна Іосифовича, отличалась поразительнымъ сходствомъ съ младшимъ братомъ своимъ, и сходствомъ не внѣшнимъ лишь, но и внутреннимъ: тотъ же живой, бойкій характеръ, умная, краснорѣчивая рѣчь; всѣ ея привычки и приемы близко напоминали ея брата. Выйдя замужъ за діакона или священника Тебенъкова (обстоятельство это хорошо неизвѣстно), она вскорѣ овдовѣла и послѣ того, продолжительное время жила въ Ельцѣ, а затѣмъ, по желанію брата, какъ видно и изъ его писемъ, поселилась въ Харьковѣ, гдѣ ей было предложено мѣсто настоятельницы одного изъ женскихъ монастырей, но занимала ли она это мѣсто до своей смерти и когда она умерла — остается неизвѣстнымъ. Другая сестра Иннокентія, Анна Алексѣевна, была замужемъ за священникомъ о. Егоромъ Ждановымъ; отъ этого брака родился Адрианъ Егоровичъ Ждановъ, такъ часто упоминаемый дядею его въ письмахъ къ о. Василию Климентову. Адрианъ Егоровичъ былъ діакonomъ Воскресенскаго собора и его мѣсто наследовалъ впоследствии мужъ дочери его Александры Адриановны, нынѣшній о. діаконъ того же собора Дмитрій Наумовичъ Рудневъ; объ этой-то свадьбѣ и говорится въ одномъ изъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ покойнаго преосвященнаго.

Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ съ раннихъ лѣтъ отличался необыкновенно живымъ и бойкимъ характеромъ; по рассказамъ моихъ домашнихъ, это былъ неудержимый шалунишка, постоянно вызывавшій жалобы сосѣдей на его проказы. Никто, напримѣръ изъ его сверстниковъ-мальчиковъ не умѣлъ такъ ловко и незамѣтно обрывать плоды съ фруктовыхъ деревьевъ въ сосѣднихъ садахъ, какъ дѣлалъ это маленькій Борисовъ; рассказываютъ, что однажды въ работѣ надъ

разореніемъ птичьихъ гнѣздъ онъ завязъ въ трубѣ и завязъ такъ, что потребовалась посторонняя сила, чтобы вытащить его оттуда. Отъ Введенской церкви къ берегу рѣчки Ельчикъ ведетъ крутая гора; бѣдняки изъ жителей расположенныхъ въ этой мѣстности домовъ имѣли обыкновеніе носить изъ рѣчки воду въ особыхъ глиняныхъ кувшинахъ, помѣщавшихся на спинѣ; шалунъ Борисовъ устроилъ себѣ и изъ этого удовольствіе: онъ поджидалъ гдѣ нибудь въ засадѣ на горѣ женщину, несущую воду, заранѣе приготовленнымъ камнемъ съ ловкостію разбивалъ кувшинъ въ дребезги и забавлялся испуганнымъ видомъ, намоченной разлившеюся водою, бабы. Естественно, что всѣ эти проказы мальчика оканчивались жалобами на него домашнимъ, но жалобы ни къ чему не вели: мальчикъ на другой же день забывалъ сдѣланное ему внушеніе; мать его, видя бесполезность своихъ усилій, сознавалась, что не въ силахъ ничего съ нимъ подѣлать и покорно соглашалась съ мнѣніемъ кумушекъ, что изъ ея сына никакого прока не выйдетъ.

Наконецъ настало время отдать мальчика учиться. По словамъ о. Іоанна Іосифовича, его отправили въ Воронежъ, но тамъ, въ началѣ ученія, онъ серьезно заболѣлъ, былъ возвращенъ въ Елецъ и оставался дома довольно продолжительное время. Трудъ подготовить его въ это время къ поступленію въ одинъ изъ первыхъ классовъ Орловской семинаріи принялъ на себя вышеозначенный уже священникъ Введенской церкви о. Василій Ѳеодоровичъ Климентовъ.

О. Василій, по разсказамъ знавшихъ его, былъ человекъ замѣчательный: при необычайной простотѣ и доступности для всѣхъ и каждаго, при рѣдкой добротѣ сердца, о. Василій отличался честнымъ, строгимъ и независимымъ характеромъ, относительно широкими для своего времени и условій дѣятельности познаніями не только въ области духовныхъ, но и свѣтскихъ наукъ, основательнымъ знаніемъ латинскаго и даже французскаго языковъ. Онъ любилъ науку и постоянно слѣдилъ за нею. Вообще своими личными качествами о. Василій рѣзко выдѣлялся изъ среды современнаго ему Елецкаго духовенства. Между прочимъ, онъ владѣлъ замѣчательною способностію къ стихосложенію и находчивостію на мѣткія опредѣленія и слова. Несомнѣнно, что запятія и бесѣды его съ мальчикомъ Борисовымъ, оставивъ въ послѣднемъ глубокій слѣдъ, имѣли благотворнѣйшее вліяніе на развитіе впечатлительнаго, гениальнаго воспитанника.

Печатаемые здѣсь письма и разсказы современниковъ показываютъ, какъ высоко цѣнилъ самъ Иннокентій труды своего стараго наставника и съ какимъ глубокимъ уваженіемъ и любовью относился онъ къ нему. Онъ любилъ называть его своимъ «незабвеннымъ на-

ставникомъ». Ни въ одно изъ своихъ посѣщеній Ельца благодарный воспитанникъ не забывалъ навѣстить своего наставника, и эти свиданія знаменитаго архипастыря съ заштатнымъ старикомъ-священникомъ отличались особенною трогательностью. О. Іоаннъ Іосифовичъ разсказалъ мнѣ объ одномъ изъ нихъ, кажется, послѣднемъ, въ 1856 году. О. Василій, уже семидесятилѣтній старикъ, страдалъ слабостію ногъ; для него даже движеніе по комнатѣ было затруднительно,—онъ почти не выходилъ изъ своей спальни; пріѣзжаетъ Иннокентій и, послѣ обычнаго обмѣна привѣтствіями, тотчасъ же спрашиваетъ: «гдѣ же о. Василій?»—Ему отвѣчаютъ, что о. Василій слабъ и не можетъ такъ скоро выйти къ нему; «да гдѣ онъ?»—спрашиваетъ преосвященный и направляется къ запертой двери, ведущей во внутреннія комнаты. «Здѣсь?»—Быстро отворяетъ дверь и съ распростертыми объятіями спѣшитъ къ постели о. Василія, горячо привѣтствуетъ старика и съ нетерпѣливою поспѣшностію дружескаго участія разспрашиваетъ о здоровьѣ; затѣмъ, съ особенною готовностію принимаетъ предложеніе о. Василія позавтракать вмѣстѣ. И, разумѣется, во все продолженіе свиданія живая, дружеская бесѣда не прерывалась. Тутъ у мѣста будетъ замѣтить, что преосвященный Иннокентій, еще въ бытность свою ректоромъ кievской академіи, неоднократно предлагалъ о. Василію помѣститься въ монастырѣ; не разъ упоминалъ онъ объ этомъ и въ своихъ письмахъ къ нему; къ предложеніямъ этимъ, судя по разсказамъ о. Іоанна Іосифовича, онъ побуждался прежде всего горячимъ желаніемъ имѣть своего стараго наставника ближе къ себѣ, но о. Василій, не чувствуя никакой склонности къ монашеской жизни, упорно отказывалъ въ своемъ согласіи.

Съ мальчикомъ Борисовымъ о. Василій, сколько извѣстно, занимался всѣми предметами, знаніе которыхъ было необходимо для поступленія въ первые классы семинаріи;—это, впрочемъ, видно и изъ студентческаго письма самаго Ивана Алексѣевича къ о. Василію, гдѣ стоятъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «Вы замѣняли собою для меня многихъ учителей».

Судя по времени окончанія Иваномъ Алексѣевичемъ Борисовымъ курса кievской духовной академіи, во время занятій его у о. Василія ему было 12—14 лѣтъ, и тогда уже онъ обнаруживалъ бойкія, блестящія способности; въ его богатой ватурѣ замѣчались поэтическія наклонности: онъ любилъ природу, любилъ бродить по окрестностямъ города, лазить по горамъ на берегахъ рѣки Сосны. Лѣвый берегъ послѣдней, ниже впаденія въ нее рѣчки Ельчикъ, красивъ: высокій, обрывистый, съ рѣзкими скалистыми выступами; съ высоты этого берега открывается чудесный видъ на городъ, широко раски-

нувшійся на противоположной возвышенности, на поля, постепенно повышающіяся красивыми холмами отъ слободы Засосенской, построившейся на отлогомъ правомъ берегу рѣки. Здѣсь на почти гладкой поверхности высокаго берега, въ былые годы происходили кулачные бои, къ счастью, нынѣ оставившіе лишь грустное по себѣ воспоминаніе. Однажды о. Василій, поручивъ своему воспитаннику описать одинъ изъ такихъ боевъ и, по его рассказамъ въ позднѣйшее время, переданнымъ мнѣ о. Іоанномъ Іосифовичемъ, маленькій авторъ прекрасно выполнилъ задачу: описаніе его, написанное на двухъ листахъ, отличалось, для его возраста, несомнѣнными достоинствами живыми и бойкими красками; къ сожалѣнію, оно не сохранилось, хотя о. Василій неоднократно усердно его отыскивалъ.

Честно и безупречно потрудившись тридцать лѣтъ на высокомъ постѣ пастыря христіанскаго, о. Василій въ 1841 г. уступилъ свое мѣсто зятю своему о. Іоанну Іосифовичу Вуколову и, оставаясь заштатнымъ священникомъ въ теченіи шестнадцати лѣтъ, скончался, кажется, въ іюлѣ 1857 года, 76-ти лѣтъ отъ роду. (Къ сожалѣнію, я забылъ день его смерти, хотя онъ и былъ переданъ мнѣ о. Іоанномъ Іосифовичемъ). На его долю выпало глубокое несчастье: ему суждено было нѣсколькими недѣлями пережить своего именитаго воспитанника и друга! Его слабыя силы не выдержали этого удара! Пусть же потомство сохранить въ благодарной памяти это скромное имя, имя человѣка, непримѣтно исполнившаго, можетъ быть, многозначительную роль въ развитіи одного изъ великихъ сыновъ отечества!

Живое воспоминаніе объ одномъ изъ пріѣздовъ преосвященнаго Иннокентія въ Елецъ сохранила внучка его Александра Адриановна Руднева, имя которой не разъ уже было здѣсь упомянуто. Со словами благодарности рассказывала она мнѣ объ этомъ посѣщеніи. Доходы мужа ея, о. діакона, были настолько скудны, что ихъ не хватало на удовлетвореніе всѣхъ скромныхъ потребностей семьи, и Александра Адриановна вынуждена была пополнять заработокъ мужа своимъ личнымъ трудомъ—она занималась съ нѣсколькими мальчиками, сыновьями мѣстныхъ городскихъ обывателей, обученіемъ первоначальной грамотѣ. Сознавала-ли себя Александра Адриановна недостаточно подготовленною къ этимъ занятіямъ или по другимъ причинамъ, но она крайне тяготилась ими. Однажды, въ лѣтній день (въ какомъ году это было—Александра Адриановна не могла припомнить) послѣ ранняго обѣда своего, она, по обыкновенію, занималась уроками; вдругъ подъѣзжаетъ къ дому карета, уже и прежде знакомая семейству Рудневыхъ по посѣщеніямъ преосвященнаго Иннокентія;

Александра Адриановна, поэтому, тотчасъ же догадалась, что пріѣхалъ навѣстить ихъ знаменитый дѣдушка ея, никогда не вмѣнявшій своему обыкновенію посѣщать Елецъ безъ всякихъ предувѣдомленій, въ полночь безмолвія. Застигнутая въ распахъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, Александра Адриановна бросаетъ занятія и спѣшитъ къ воротамъ встрѣтить дорогаго гостя; крайне возбужденная внезапною радостью, она падаетъ къ ногамъ преосвященнаго, но онъ предупредительно поднимаетъ ее и, идя въ комнаты, успокоиваетъ, многократно цѣлуя ее въ лобъ и въ голову. Входятъ въ комнаты. Дѣти, обрадовавшіеся случаю прекратить занятія, цѣлымъ хоромъ набрасываются на Александру Адриановну съ вопросомъ: «можно уходить, Александра Адриановна, можно уходить, Александра Адриановна?» Все еще встревоженная Александра Адриановна отвѣчаетъ имъ: «уходите, уходите и никогда больше не приходите!» Мальчики уходятъ.

— «Что это у тебя такое?» спрашиваетъ Иннокентій.

— Я занимаюсь, ваше преосвященство, обученіемъ дѣтей грамотѣ.

— «Развѣ доходы мужа недостаточны?»—Да, недостаточны, ваше преосвященство.—«А сколько въ годъ приносятъ тебѣ твои занятія?» Ал. Адриановна затрудняется отвѣтить на этотъ вопросъ, но, по настоятельной просьбѣ преосвященнаго опредѣлить сумму ея дохода хотя приблизительно, она указываетъ 200 р. въ годъ.

— «Ну, такъ вотъ что»—говоритъ Иннокентій—«пусть слова твои сбудутся, пусть дѣти больше не приходятъ къ тебѣ заниматься; я буду каждый годъ высылать тебѣ эти деньги!»

Въ лѣтніе пріѣзды свои въ Елецъ преосвященный Иннокентій любилъ подолгу оставаться въ маленькомъ родномъ садикѣ и часто, при этомъ, воспоминалъ о годахъ дѣтства и указывалъ излюбленнымъ имъ въ тѣ годы мѣста въ садикѣ.

В. А. Кондаковъ.

г. Гатчино.

26 мая 1880. г.

Письма Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, къ о. Василю Федоровичу Климентову, священнику Введенской церкви въ г. Елецъ.

1822—1855 гг.

I.

Честный отецъ Василій!

Дружеское писаніе ваше принесло мнѣ столько удовольствія, сколько можетъ получить онаго признательный ученикъ, читая строки своего прежняго почтеннаго наставника. Такъ, честный отецъ! я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ минутахъ дѣтства, когда не понимая

еще пользы наукъ, но зная необходимость ученія, я принималъ изъ устъ вашихъ первыя наставленія въ наукахъ. Вы замѣняли собою для меня многихъ учителей, и я никогда не сожалѣлъ о семъ, даже желалъ бы, чтобы вы еще замѣнили нѣкоторыхъ, мною слышанныхъ. Въ послѣдствіи времени разстояніе мѣстъ и разнообразіе обстоятельствъ прервали видимое между нами сношеніе: но никакое разстояніе мѣстъ и время не изгладили во мнѣ и никогда не изгладятъ тѣхъ чувствованій, которыя вы поселили во мнѣ отеческимъ попеченіемъ о моемъ дѣтствѣ. Не разъ принималъ я намѣреніе свидѣтельствовать предъ вами письменно свою признательность, но разъ бралъ въ руки перо—и всегда клалъ въ надеждѣ на будущее. Сія-то обманчивая надежда была причиною, что я три года ¹⁾ питалъ въ своемъ сердцѣ то, что готовъ былъ проповѣдовать на кровѣхъ—свою признательность къ вамъ. Наконецъ, вы сами положили конецъ молчанію, — съудовольствіемъ уступаю вамъ сіе преимущество, не предоставляя себѣ другой чести, какъ быть продолжателемъ начатаго вами. Надѣюсь, что вы не откажетесь удовлетворить сему желанію вашего, смѣю такъ назвать себя, признательнаго воспитанника. И между тѣмъ, въ сей надеждѣ, о чудо превратности человѣческихъ мыслей! я снова долженъ положить перо до благоприятѣйшаго времени: волненіе, въ которомъ находится наша Академія по причинѣ назначенія въ нее ревизора, отнимаетъ у меня возможность далѣе бесѣдовать съ вами. Черезъ двѣ недѣли, много, три, я буду совершенно свободенъ отъ всѣхъ суетъ школьныхъ, и непремѣннымъ почту долгомъ употребить часы свободы на бесѣдованіе съ вами. А теперь могу только сказать вамъ, что я емь вашъ признательный воспитанникъ ст. кiev. ак. Ив. Борисовъ.

1822 г. іюня 9 дня.

P. S. Зная ваши занятія по части французской словесности, посылаю вамъ ролленево сокращеніе древней исторіи; вполнѣдствіи, естли успѣю, постараюсь доставить Массильоновъ *Petit caheme*. Это перло французской словесности.

Ревизоромъ у насъ адѣшній митрополитъ, — извѣстный въ Европѣ любитель древностей и исторіи.

Въ московскую академію назначено два ревизора: тамошній митрополитъ — Филаретъ, и Ярославскій архіепископъ Симеонъ.

Черезъ годъ у насъ будетъ ревизоромъ—Филаретъ.

Помѣта: „Получено іюня 23 дня 1822 года“.

¹⁾ Очевидно, Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, со времени поступленія въ студенты Кіевской духовной академіи до дня написанія письма, у родныхъ въ Ельцѣ и ни разу не былъ.

II.

Достопочтеннѣйшій отецъ Василій!

Спѣшу воспользоваться представившимся случаемъ для засвидѣтельствованія вамъ того уваженія, которое я привыкъ питать еще изъ дѣтства. Воспоминаніе о васъ было однимъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ моей бесѣды съ почтенными земляками. Пріятно воспоминать о тѣхъ людяхъ, кои дѣлали намъ добро безъ всякихъ видовъ, по одному усердію къ добру. Отъ нихъ узналъ я о постигшемъ васъ искушеніи. Кресть тяжкій! но тотъ, кто послалъ его вамъ, конечно, завѣсилъ его еще прежде, знаетъ его тяжесть, видитъ наши силы и немощи, и всегда готовъ подать благовременную помощь. Ему—утѣшителю—подадимъ скорбныя сердца наши. Онъ не попуститъ искустись паче, нежели можемъ.

Въ свободное время не забывайте отзываться къ намъ въ Петербургъ. Я съ удовольствіемъ буду отвѣчать вамъ. Не нужно-ли какихъ книгъ? Я пришлю. Это одно изъ лучшихъ утѣшеній.

Прочее мирствуйте о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его возмощайте. Вашего преподобія покорный слуга архимандритъ Иннокентій.

1827 г. іюня 31 дня.

III.

Достопочтеннѣйшій о. Василій!

Отъ родныхъ моихъ узналъ я столь много о вашемъ благорасположеніи къ нашему дому и о разныхъ вашихъ одолженіяхъ, имъ оказанныхъ, что я не знаю какъ благодарить васъ за все сіе. Да наградитъ васъ самъ Богъ, единый вѣрный мадовоздатель за всѣ благія дѣла! Прошу покорно и впредь не лишать ихъ отеческаго призрѣнія, который для нихъ весьма нуженъ. Къ великому сожалѣнію, узналъ я, что между ними бываютъ иногда разногласія и распри, и другія нравственныя слабости. Примите трудъ пастырскій возстановлять въ такомъ случаѣ любовь. Дѣйствуйте всею духовною властію, даже страхомъ. Онъ иногда бываетъ спасителенъ... Будьте вмѣсто Ангела хранителя ихъ душъ, особенно не попускайте имъ предаваться не трезвости. Этотъ порокъ, кромѣ того, что вреденъ самъ по себѣ, преслѣдуется нынѣ съ великою строгостію Г. Императоромъ и Синодомъ.

Повременамъ, просилъ-бы я васъ, если это не въ тягость, извѣщать меня о положеніи родныхъ—обстоятельно—то есть не скрывая ихъ слабостей, дабы я могъ съ своей стороны принимать мѣры.

Чувствую, что обременяю васъ симъ порученіемъ. Но ваше доброе сердце не поникнетъ подъ сою тяжестію.

Желалъ бы знать, не могу-ли чѣмъ служить для васъ, или дѣтей вашихъ. Я слышалъ о нихъ и готовъ вспомошествовать во всемъ добромъ.

Получается-ли въ вашемъ городѣ Хрис. Чтеніе?

Препоручая себя вашимъ молитвамъ есмь вашъ покорный слуга арх. Иннокентій.

С.-Петербургъ, іюля 26, 1830 г.

Помѣта: „Получ. іюля 12-го 1830 г.“.

IV.

Кіевъ. 15 августа (1836 г.)

Добраго здоровья достопочтеннѣйшему о. Василію! Наконецъ я въ Кіевѣ, и спѣшу сдержать свое слово. Вотъ вамъ деньги, прошу привести въ дѣло то, о чѣмъ мы съ вами говорили, то есть, купить понадежибѣ (?) домъ и передать его потомъ (инкогнито) Адріану. О правилахъ благоразумія присемъ нѣтъ нужды упоминать вамъ; онѣ вамъ извѣстны не менѣе моего.

Что у васъ послѣ меня? Мнѣ такъ было скучно оставить васъ!

Я видѣлся съ вашимъ владыкою и упоминалъ ему о васъ. Онъ вполне непротивъ васъ.

Не нужно-ли вамъ чего въ Воронежѣ для дѣтей? Я писалъ къ тамошнему о. ректору и просилъ взять ихъ подъ свое покровительство.

Знакомить всѣмъ по поклону до новаго письменнаго свиданія! Пора въ Лавру.

Помѣта: „Получ. августа 24-го ч. 1836 г.“.

V.

Мира и благословенія Божія достопочтеннѣйшему о. Василию

Несмотря на ваши заботы собственные, я все обращаюсь къ вамъ со своими заботами. Что дѣлать? Самъ Господь далъ васъ въ попечителя нашему семейству. Это дѣло любви не забудется предъ Нимъ въ свое время.

Собираясь въ путь, не хочу оставить безъ призора домашнихъ. Теперь же наступаетъ время зимнее, время нуждъ и запасовъ. Посему покорнѣе прошу васъ употребить посылаемые деньги на ихъ нужды. Мнѣ очень хотѣлось бы, что при нихъ была какая либо служанка. Я готовъ, что угодно, платить за все это.

Если торговля у васъ не сладится, то будущею весною исправьте на торговня деньги домъ. Чего не доставить—вышлю.

Долгъ Адріановъ также уплачу. Теперь не плачу потому, что весь (?) на пути, а дорога любитъ деньги.

Не оставьте меня въ вашихъ молитвахъ. Въ Питерѣ думаю быть. если Господь велитъ, къ 15 слѣд. мѣсяца. Пора года ужасная, но надобно ѣхать.

Въ Ельцѣ опять едвали достанется быть, хотя и хотѣлось.

Знакомымъ прощу поклониться. Очень радъ, что дѣло о. прот. Горохова окончилось хорошо. Довольно потерпѣлъ!

Адрианъ не долженъ снѣшать выборомъ мѣста—чтобы не промѣнять лучшее на худшее.

Въ будущемъ году вы непременно должны быть у меня: пришлемъ бумагу о вытребованіи васъ.

А до того времени—Господь и благодать Его съ вами!

Кіевъ. Окт. 29 дня 1836 г.

Помѣта; „Получ. ноября 16-го числа 1836 г.“.

VI.

Христось воскресе! возлюбленный отче! Давно бы мнѣ надлежало отвѣтить на письмо ваше, и я давно бы отвѣчалъ, еслибы не хлопоты непрестанные. Примите, вопервыхъ, искреннюю благодарность за ваше участіе въ погребеніи матушки. Она вамъ обязана была много, очень много. Это долгъ на мнѣ. Касательно распоряженій сестрицы, хотя ихъ и нельзя вовсе одобрить, но поелику они сдѣланы уже, то хорошо, что сдѣлано. Деньги вещь неважная, а въ такомъ случаѣ—нечего и говорить о нихъ. Домъ долженъ быть отданъ Адриану Егоровичу. Впрочемъ, братецъ обѣщался побывать въ Ельцѣ, и устроить это.

Вѣсть ваша о намѣреніи вашемъ быть у насъ въ Кіевѣ весьма обрадовала меня. Пріѣзжайте прямо ко мнѣ, я буду вамъ радъ, какъ брату, и вы, надѣюсь, не погужаете, что повидите нашъ Кіевъ. Если для сего нужно, съ моей стороны, сказать что либо вашему владыкѣ, то я готовъ, только дайте мнѣ знать объ этомъ. Роднымъ всѣмъ поклонъ. Вашъ усердный слуга Иннокентій, епископъ Чиги(ринскій).

Кіевъ, мая 18, 1837 г.

Помѣта: „Получ. 26-го мая 1837 г.“.

VII.

Извините, почтеннѣйшій о. Василій, что нѣсколько поздно отвѣчаю я на письмо ваше. Чтò должно сдѣлать по нему, я однакоже давно сдѣлалъ. То есть, написалъ къ о. ректору Вор(онеж.) семинаріи, и просилъ его обратить вниманіе на сына вашего и его дѣло. Думаю, что ходатайство мое не останется безъ дѣйствія. Крайне жаль, что эта непріятность постигла васъ, но, Богъ милостивъ, пройдетъ благополучно.

Къ вамъ ѣдетъ новый о. архимандритъ. Я рекомендовалъ ему васъ. Познакомьтесь съ нимъ.

Роднымъ отъ меня благословеніе. Прошу васъ покорнѣйше надзирать за сестрою Катериною. Она, по состоянію своему, имѣетъ большую нужду въ приворѣ. Если нужны ей будутъ деньги, прошу давать, сколько нужно. Только смотрите пожалуйста, чтобы она не тратила ихъ по своей фантазіи, а на истинную свою нужду. По увѣдомленіи, я тотчасъ буду высылать вамъ съ лихвою все, что вы ей дадите.

Прошу васъ сказать Гавриилу Афонасьевичу Козьмину, что я получилъ письмо его, и весьма благодаренъ ему. Во скресное Чтеніе, я велѣлъ ему выслать немедленно. Господь и благодать Его съ вами, Иннокентій, Е. Ч. В. К. Р. А. (то есть: епископъ Чигиринскій, викарій Кіевскій, ректоръ Академіи).

Кіевъ, ноября 1, 1837 г.

Помѣта: „Получ. ноября 22-го 1837 г. чрезъ о. архим. Фловіана“.

VIII.

Благодарю сердечно за воспоминаніе! Прошу и впредь не забывать подобнымъ памятованіемъ. А я вашъ всегдашній воспоминатель и слуга.

Посылаю денегъ на нужды сестры Катерины. Купите ей, что нужно. Если нужно, еще пришлю. Но Адриану не надобно давать ни гроша. Онъ дуракъ. Поведеніе его очень смущаетъ меня. Къ кому онъ взялъ въ руки ежовня? Это ему нужно; иначе онъ сдѣлается совершеннымъ пьяницею.

На что ему деньги? у него мѣсто хорошее. Притомъ старый домъ пусть продасть; вотъ и деньги. А на пуншъ и водку для него у меня нѣтъ денегъ. Скажите ему прямо, что если онъ не исправится, то я напшшу преосв. Никодиму, чтобы онъ его проучилъ получше.

За сестрою Екатериною прошу наблюдать. Я для нея сдѣлаю все, что найдете нужнымъ.

Я писалъ уже къ вашему о. протоіерею, чтобы онъ обратилъ отеческое вниманіе на Адріана. Жаль мнѣ этого баловня; я его особенно любилъ когда-то. Господь и благодать Его съ вами!

Примѣчаніе. Рукою о. Василія полученіе этого письма помѣчено 23-мъ февраля 1839 г.

IX.

Покорнѣйше благодарю за надзоръ и контроль! Прошу и впредь не соскучить симъ трудомъ. Для расходовъ прилагается у сего сто рублей. Желалъ бы иногда знать какъ живутъ прочіе родственники. Не поставьте въ трудъ, почт. о. Василій, дать мнѣ и о нихъ понятіе. Можетъ быть, иной имѣетъ нужду въ помощи и достоинъ ея. Такимъ

я неизмѣнный помощникъ. А васъ все нѣтъ въ нашемъ Кіевѣ. Поспѣшайте. Иначе я уѣду, и вамъ здѣсь безъ меня будетъ не такъ хорошо. Если нѣтъ на дорогу денегъ, у меня возьмете.

Господь и благодать Его съ вами!

Примѣчаніе. Полученіе этого письма помѣчено 1-мъ августа 1839 г.

X.

Съ новымъ годомъ, достопочтеннѣйшій отецъ! Да даруетъ Господь уврѣтъ вамъ въ продолженіе его вся блага Іерусалима, не столько земнаго, сколько горняго, иже есть мати всѣмъ намъ (?).

Благодарю сердечно за попеченіе о сестрѣ. Изъ посылаемыхъ денегъ употребляйте на что нужно по вашему разумѣнію. И скажите ей, что Аксенушка ея здоровъ, веселъ и учится хорошо.

Знакомымъ добрымъ всѣмъ по поклову!

Съ грядущей весною не вдумаете ли посѣтить наши святыя горы? Какъ бы мы были вамъ рады!...

Примѣчаніе. Полученіе письма помѣчено 28-мъ января 1840 г.

XI.

Съ благополучнымъ возвратомъ! Вы отъ насъ, а мы къ вамъ! Просимъ покорно принять въ ваше дружеское расположеніе сего подателя письма, о. Іоанна, и поруководствовать въ исполненіи дѣла, ему ввѣреннаго. Хочется сдѣлать нужное для (?) обители; а своихъ способовъ для сего мало.

Брата досадѣ нѣту, и я отлагаю уже надежду видѣть его: нѣту и слуху и вѣстей отъ него; измѣнился совершенно. Въ письмѣ къ нему я журилъ его за себя и за васъ: будетъ съ него!

Господь и благодать Его съ вами и семействомъ вашимъ!

Кіевъ, ав. 10, 1840 г.

Помѣта: „Получ. сент. 26-го съ архим. Іоанномъ“.

XII.

Еще добраго здоровья почтеннѣйшему о. Василию!

Прилагаемое здѣсь письмецо прошу покорнѣе вручить о. іеромонаху Іоанну, который будетъ проѣзжать черезъ вашу Богоспасемый градъ.

О деньгахъ, вами взятыхъ, прошу не заботиться: мнѣ они совершенно не нужны; а въ вашемъ положеніи онѣ не излишни.

Господь и благодать Его съ вами и семействомъ вашимъ!д

Августа 22-го, 1840.

Мы 11-го обрадованы были посѣщеніемъ Государя Императора съ Наслѣдникомъ Его. Обоимъ были такъ милостивы и добры у васъ, какъ только можно было желать.

Помѣта: „Получ. сент. 8-го 1840“.

XIII.

Молчаніе мое точно могло васъ привести въ смущеніе. Но я молчалъ просто, отлагая среди разныхъ ученыхъ работъ, со дня на день, отвѣчать вамъ. Весьма благодаренъ за доставленіе рисунковъ: велите сдѣлать по тому, который дешевле. Лучше остальные противъ втораго рисунка деньги употребить на милостыню, которая лучше для покойниковъ всѣхъ памятниковъ ¹⁾.

Очень радъ, что епаркія Орловская отдыхаетъ подъ новымъ владыкою: дай Богъ ей побольше отдохнуть; ибо долго ждала успокоенія.

Увѣдомьте меня объ Адрианѣ. Если онъ исправится, то я готовъ ему помогать; ибо жаль его семейства.

Что ваше дѣло?—Я совѣтовалъ бы не медлить приведеніемъ его къ концу. По крайней мѣрѣ не откладывать далѣе будущаго гѣта. А брата Матвѣя Алек. и послѣ васъ не было, и доселѣ нѣту. За то и я отложилъ уже вовсе ожиданіе его.

Спасайтесь о Христвѣ! — И. Е. Ч. В. К. (т. е. Иннокентій епископъ Чигиринскій, викарій Кіевскій).

Кіевъ, дек. 7, 1840.

По слѣдующей почтѣ я велѣлъ отправить къ вамъ журналъ В. Чтенія. Читайте во здравіе!

Помѣта: „Получ. 22-го декабря 1840“.

XIV.

Теперь, думаю, уже вы успокоились, почтеннѣйшій о. Василій, ибо вѣрно давно получили мое письмо къ вамъ съ отвѣтомъ. Прошу и впредь не тревожиться, если случится мнѣ сдѣлать подобное замедленіе. И въ вашемъ быту оно иногда неизбежно; а въ нашемъ подавно. Прошу изъ прилагаемыхъ ветошекъ половину отдать сестрѣ Аннѣ на нужды Адрианова дома; а другую извольте употребить, какъ знаете, на нужды сестры Катерины.

Благополучнаго вступленія въ новый годъ!

Дек. 29, 1840.

Помѣта: „Получ. 13-го янв. 1841“.

XV.

Христось воскресе! Достопочтеннѣйшій о. Василій!

Назначеніе меня на паству Вологодскую открываетъ мнѣ довольно удобный случай, въ провадъ къ мѣсту назначенія, посѣтить снова

¹⁾ Это были рисунки памятника на могилу родителей Иннокентія. В. К.

свою родину, богоспасаемый градъ Елецъ, и я думаю воспользо-ваться симъ случаемъ. При семъ неизбежно приходитъ мысль: гдѣ мнѣ остановиться въ Ельцѣ?—въ монастырѣ?—Еслибы это было удобно, то я всего лучше остановился бы въ немъ уже потому, что провелъ бы побольше времени вблизи могилы родителей моихъ ¹⁾. Но не стѣсню ли я почтеннѣйшаго о. настоятеля, коего гостепримствомъ я уже пользовался нѣкогда въ Кременцѣ. Помню, что обитаніе, для него предназначенное, необширно. Для меня впрочемъ нужно не болѣе одной комнаты: прислуга моя состоитъ не болѣе какъ изъ 4 человекъ. Да и пробыть въ Ельцѣ я намѣренъ не болѣе двухъ, много трехъ дней.—По всему этому, если найдете удобнымъ, то прошу оковѣстить о. архимандрита и испросить его согласіе. Въ противномъ случаѣ, я могу остановиться у кого либо изъ своихъ, ближе всего у Адриана, если можно это сдѣлать, не стѣсняя его семьи.

Въ Ельцѣ я надѣюсь быть около 15 или 20 мая.

О намѣреніи моемъ быть у васъ прошу покорно не сказывать никому. Мнѣ хочется какъ можно болѣе безмолвія.

До радостнаго свиданія!

Кіевъ, апр. 22, 1841.

Вѣсть о благоуспѣшномъ путешествіи вашемъ въ Орелъ причиняла мнѣ истинное удовольствіе. Да даруетъ Господь благой конецъ благому началу!

Помѣта: „Получ. маія 3-го 1841 г., въ 10 ч. утра“.

XVI.

Давно бы мнѣ надлежало отвѣчать вамъ; но кстати, что не отвѣчалъ до сейдѣ: ибо теперь имѣю удовольствіе извѣстить васъ, что я скоро буду паки гостемъ у васъ. Для новаго года мнѣ выпалъ путь въ Харьковъ; а Елецъ на семъ пути почти неминуемъ. Я же думаю ѣхать черезъ Воронежъ, слѣд. и черезъ Елецъ. Прошу извѣстить о семъ моихъ родныхъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы чужимъ никому о семъ не было сказываемо. На сей разъ хотѣлось бы мнѣ пробыть не у чужихъ, а у своихъ гдѣ либо. Но гдѣ? мнѣ нужно немного—двѣ чистыя комнаты, съ воздухомъ чистымъ. Жить я долго не буду—день, два—много. И такъ—если найдете подобное пристанище—хотя ва Сосною ²⁾, то дайте мнѣ знать поскорѣе въ Москву—на имя профессора университета, Михаила Петровича Погодина, или

¹⁾ Мужской монастырь въ Ельцѣ находится противъ кладбища.

²⁾ Слобода на правомъ берегу рѣки Сосны.

В. Е.

въ Ефремовъ, на имя почтмейстера. Въ противномъ случаѣ—нечего дѣлать—надобно будетъ остановиться пока въ монастырѣ—хотя мнѣ весьма совѣстно беспокоить о. архимандрита.

Тогда, (два слова не разобр.), побесѣдуемъ о вашей будущей судьбѣ. А до тѣхъ поръ помолитесь поусерднѣе, чтобы намъ увидѣться въ добромъ здоровьѣ. Tuus et amicus I.

Вологда. Янв. 17, 1842.

Помѣта: „Получ. 27-го генв. 1842 г.“.

XVII.

Орелъ, Фев. 19, 1842.

Извините: я не буду у васъ. Съ одной стороны Москва своимъ гостепріимствомъ задержала меня около недѣли; съ другой—дорога такъ слаба и худа, что я боюсь потерять теперь одинъ лишній день, чтобы не потерять зимней дороги; а перемѣнять экипажъ зимній на лѣтній очень затруднительно,—вотъ мое оправданіе предъ вами. Теперь къ дѣлу: примите трудъ снабдить сестру Катерину необходимыми. По прїѣздѣ въ Харьковъ, мы съ братомъ немедленно займемся устройствомъ ея судьбы. На счетъ вашъ собственно—подумайте, и напишите мнѣ: я готовъ сдѣлать для васъ все, что только зависить отъ меня.

Адріанъ просить денегъ, но не подумаетъ о томъ, гдѣ взять ихъ мнѣ. Они воображаютъ, что у меня колодезь съ деньгами, а мы архіереи нерѣдко бѣднѣе васъ.

Въ Харьковъ напишите поскорѣе: дней черезъ пять, я надѣюсь, при помощи Божіей, быть тамъ.

Помѣта: „Получ. 28-го февр. 1842 г. въ Ельцѣ, въ 2 ч. по полудни“.

XVIII.

Мира, радости и благодати Божіей незабвенному о. Василю!

А онъ, кажется, привабылъ насъ; ибо никогда почти не посѣщаетъ насъ уже своими письмами. Правда, и мы молчимъ; но это не отъ забвенія, а отъ множества дѣлъ и хлопотъ. Но вмѣсто дружескихъ прекословій и счетовъ обратимся къ дѣлу. У моихъ родичей сочиняется свадьба: нужно приданое и деньги на надержки. Не знаю, кому послать. Сестра не бываетъ иногда дома; а Адріанъ хворъ и слабъ. Примите трудъ отдать изъ посылаемыхъ денегъ 500 р. жениху вмѣсто просимаго имъ приданаго, а 150 отдайте сестрѣ на свадьбу. Будетъ съ ними: они любятъ тратить лишнее. Будущему племяннику ¹⁾ я не замедлю еще прислать на ясу и прочее. Увѣрьте

¹⁾ Ошибка, слѣдовало—внуку. Это была свадьба Александры Адріановны, дочери Адріана Егоровича, сына сестры Иннокентія—Анны Александровны.

его въ семь и скажите ему, чтобы первѣе всего былъ добрый человекъ и занимался образованіемъ себя въ духѣ пастыря Христіанскаго, а прочее все приложится.

Что съ вами? какъ вы поживаете? ужали доселѣ не наскучила вамъ суета житейская? чтобы подумать, да и къ намъ, гдѣ вамъ были бы рады какъ ближайшему родному.

Господь да не оставляетъ васъ Своею благодатию!

Ахтырка. Авг. 26, 1845.

Мы уже съ мѣсяцъ, какъ странствуемъ по епархіи. Въ сентябрѣ ждемъ къ себѣ высочайшихъ гостей.

Помѣта: „Получ. сентабра 7-го 1845 г.“.

XIX.

Симферополь. Окт. 10, 1850. Секретно.

На пути не бесѣдуютъ долго: и такъ нѣсколько нужныхъ словъ въ отвѣтъ на письмо ваше! Пусть вашъ семинаристъ какъ можно скорѣе является къ намъ, вступивши въ бракъ. Иначе хорошія мѣста могутъ уйти отъ него, кои теперь празды. Бумаги о принятіи его въ Хер(сонскую) епархію уже должны быть посланы. Помните, я велѣлъ отправить даже билетъ на женитбу въ ваше духов. правленіе. Но какъ бы то ни было, вы безъ всякаго—съ нашей стороны—сомнѣнія можете перевѣнчать ихъ, и еще повторю — какъ можно скорѣе отправить его къ намъ. Это нужно для него самаго.

Мира и радости о Господѣ! И. А. Х. (то-есть: Иннокентій архіепископъ Херсонскій).

О. протоіерю вашему и прочей о Христѣ братія братское цѣлованіе о Господѣ.

Помѣта. „Получ. окт. 31-го 1850 года“.

XX.

Посылаю вамъ денегъ; извините, что запоздали немножко съ этимъ пособіемъ. Причиною множество дѣлъ и хлопотъ, среди коихъ живемъ мы теперь.

Будьте здоровы и веселы, и молитесь о насъ по усердію. Трудное время, особенно для насъ здѣсь.

Если еще нужно пособіе, увѣдомьте скорѣе: мы доставимъ.

Господь съ вами!

Апр. 9, 1855. Одесса.

Примѣчаніе. Это послѣднее письмо, какъ видно изъ его содержанія, было адресовано преосвященнымъ Инноцентіемъ непосредственно на имя его родственниковъ.

Сообщ. В. А. Кожадоловъ.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕСТУЖЕВА.

р. 1800 † 1871 г.

Въ 1860 году напечатали мы въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ книгахъ V, VI и VII, обширное собраніе писемъ Александра Александровича Бестужева къ его матери и брату Павлу Александровичу. Письма эти были подарены Павломъ Бестужевымъ Александру Николаевичу Крепицыну († 28 августа 1865 г.), а имъ предоставлены въ наше распоряженіе.

Съ этими письмами, во многомъ отношеніи весьма интересными, впервые появилось въ печати, послѣ почти полулѣтняго запрета, подлинное имя и обрисовывалась дѣйствительная личность въ свое время весьма извѣстнаго и весьма любимаго русскимъ обществомъ писателя, извѣстнаго дотошѣ подъ псевдонимомъ Марлинскаго.

Черезъ посредство друга всей фамиліи Бестужевыхъ достойнѣйшаго профессора архитектуры Ивана Ивановича Свіязева, нынѣ также уже умершаго, мы тогда же, въ 1860 г., узнали, что въ Селенгинскѣ живетъ послѣдній представитель этой фамиліи Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, еще въ 1856 году получившій обратно свои права личныя и по состоянію, утраченныя имъ по приговору верховнаго уголовного суда въ 1826 году за участіе въ декабрьской смутѣ 1825 г.

Заинтересованные всею фамиліею Бестужевыхъ и ихъ роковою судьбою, главнымъ же образомъ двумя изъ пяти этихъ братьевъ: Николаемъ и Александромъ, даровитыми отечественными писателями, пишущій эти строки предположилъ собрать матеріалъ къ характеристикѣ ихъ литературной и общественной дѣятельности, для чего и обратился съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ къ брату ихъ Михаилу. Селенгинскій изгнанникъ оказался человекомъ, исполненнымъ еще бодрости, энергіи, увлеченія; человекомъ въ высшей степени искреннимъ и откровеннымъ. Съ величайшею готовностью отвѣчалъ онъ, и весьма иногда пространно, на наши вопросы. Цѣлыя тетради посмѣались изъ

Селенгинска въ С.-Петербургъ, и заочное знакомство, не смотря на шесть тысячъ верстъ, раздѣлявшихъ новыхъ знакомыхъ, весьма прочно завязалось и обратилось въ самую искреннюю пріязнь.

16-го іюня 1869 года мы имѣли удовольствіе видѣть у себя гостемъ М. А. Бестужева въ С.-Петербургѣ, а въ 1871 году онъ почти внезапно скончался въ Москвѣ, оставивъ послѣ себя двоихъ дѣтей, сына и дочь, которые вскорѣ послѣдовали за нимъ . .

Въ 1870 году, т. е. еще при жизни М. А. Бестужева, въ „Русской Старинѣ“ явились отрывки изъ его Записокъ, (см. третье изданіе „Рус. Старини“ 1870 г. томы I и II); затѣмъ кончина его и скопленіе множества матеріаловъ въ нашемъ распоряженіи заставили насъ, изъ году въ годъ, откладывать печатаніе дальнѣйшихъ разсказовъ Михаила Александровича Бестужева. Не представляя собою стройнаго, систематическаго изложенія событій, его „Записки“, не будучи въ строгомъ смыслѣ „Записками“, суть ни что иное, какъ отвѣты на вопросы, которые мы задавали въ 1860—1861 гг. Бестужеву по мѣрѣ того, какъ вопросы эти возникали у насъ при разсмотрѣніи множества писемъ и бумагъ Бестужевыхъ, переданныхъ въ наше распоряженіе Еленою Александровною Бестужевой († 1878 г.) и И. И. Свѣязевымъ († 1875 г.)

Отвѣты на эти вопросы, иногда пространные, иногда краткіе, объемлютъ событія разныхъ періодовъ времени, часто возвращаются къ тѣмъ же подробностямъ и лицамъ, которыхъ Бестужевъ коснулся въ другомъ мѣстѣ и проч. Тѣмъ не менѣе разказы эти, полные правды, искренности, написанные человѣкомъ весьма и многосторонне образованнымъ, однимъ изъ типическихъ представителей русскаго общества 1820-хъ годовъ, человѣкомъ, связаннымъ кровнымъ родствомъ, дружбою и общностью тяжелой судьбы съ двумя замѣчательными по уму и талантамъ писателями, его братьями Николаемъ и Александромъ Бестужевыми,—разказы Михаила Александровича Бестужева представляютъ настолько важный и интересный для исторіи русскаго общества матеріалъ, что мы, не стѣсняясь отрывочною формою въ коей онъ изложенъ, представляемъ его на страницахъ „Русской Старини“¹⁾.

¹⁾ Кромѣ отрывковъ изъ Записокъ М. А. Бестужева, помѣщенныхъ, какъ уже указано нами выше, въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (изд. третье, т. I, стр. 258—279; т. II, стр. 231—250) нами помѣщено нѣсколько статей, составленныхъ на основаніи бумагъ Бестужевскаго фамильнаго архива. Таковы: «А. А. Бестужевъ-Марлинскій, 1797—1837 гг.» [Отеч. Записки 1860 г. кн. V—VII]; «Дѣтство и юность А. А. Бестужева [«Русское Слово» 1861]; «Селенгинскъ», небольшая выдержка изъ Зап. М. А. Бестужева въ газетѣ «Вѣкъ» 1862 г.; «А. А. Бестужевъ въ Якутскѣ» [«Русскій Вѣстникъ» 1867 г.]. «А. А. Бестужевъ на Кавказѣ» [«Русскій Вѣстникъ» 1869 г. августъ]; «Николай Александровичъ Бестужевъ»—

При этомъ само собою разумѣется, что мы печатаемъ изъ этихъ „Записокъ“ только тѣ отвѣты на наши вопросы, которые не были еще помѣщены въ „Русской Старинѣ“, при чемъ вопросы обращаемъ въ заголовки отвѣтовъ, которые печатаемъ въ возможно-хронологической послѣдовательности описываемыхъ въ нихъ событій. Не многія примѣчанія къ „Запискамъ“ сдѣланы уже въ С.-Петербургѣ въ 1862 г. барономъ Владиміромъ Ивановичемъ Штейнгейлемъ († 1862 г.), Еленой Александровной Бестужевой въ 1864 г. († 1873 г.) и Иваномъ Ивановичемъ Свѣзевымъ († 1875 г.). Ред.

I.

Чита и Петровскъ.

1827—1839 гг.

Въ эпоху прибытія нашего въ Читу, это была маленькая деревушка заводскаго вѣдомства, состоявшая изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ хатъ. Управителемъ былъ горный чиновникъ Смоляниновъ. Жители, по общему обычаю всѣхъ сибиряковъ-старожиловъ, были лѣнны и бѣдны. Наше почти трехлѣтнее пребываніе обогатило жителей, продававшихъ дорогою цѣною и свои скудные продукты, и свои тощія услуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ украсило Читу десяткомъ хорошихъ домовъ какъ чиновничьихъ, такъ и нашихъ дамъ: Трубецкой, Волконской, А. Г. Муравьевой, фонъ-Визинной, Анненковой и Давыдовой. У жителей появилось довольство, дома приняли болѣе благообразный видъ, костюмы—болѣе опрятныя, и, прежде оборванные, ребятишки уже въ чистыхъ рубашенкахъ не чуждались насъ, а, напротивъ, завидя издали, кричали: „Не надо-ли шпіоновъ (т. е. шампиньоновъ)?“ Изъ посланнаго уменьшеннаго плана Читы вы можете легко составить понятіе о величинѣ и мѣстоположеніи этой ничтожной деревушки. Планъ въ большомъ размѣрѣ снималъ Фаленбергъ съ братомъ (моимъ) Николаемъ. Я говорю съ братомъ не потому, чтобъ братъ занимался собственно съемкою: въ ней всѣ мы участвовали по оче-

биографическій очеркъ, 1791—1825 гг. [„Заря“, 1869 г. книга VII]. Неурологи «М. А. Бестужевъ» и «Елена Бестужева» — помѣщены нами въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. и 1873 годовъ. Необходимо также замѣтить, что нѣкоторые изъ сочиненій Н. А. Бестужева изданы въ Москвѣ, въ 1860 г. Еленою Бестужевой — особою книгою, подъ заглавіемъ: «Разказы стараго моряка Н. А. Бестужева». Ред.

реди, кому хотѣлось прогуляться подальше завѣтной черты нашихъ земляныхъ работъ, но потому, что Фаленбергъ былъ обязанъ брату въ сооруженіи необходимыхъ для сего инструментовъ. Чтобъ достигъ до возможности произвести эту серьезную работу, мы должны были пройти черезъ длинный рядъ ребяческихъ хитростей и увертокъ, чтобъ мало-по-малу завоевать право или позволеніе имѣть нѣкоторые инструменты. Но въ казаматахъ имѣть ихъ не позволялось. Для этого выстроено было особое помѣщеніе на дворѣ того казамата, который служилъ лазаретомъ, и тамъ только нѣкоторымъ лицамъ было позволено заниматься слесарнымъ, столярнымъ или токарнымъ дѣломъ. Братъ и Фаленбергъ съ цѣлю—во-первыхъ—доставить пріятную прогулку товарищамъ, во-вторыхъ—чтобъ снять планъ окрестностей, и наконецъ, чтобъ снять съ нихъ виды, уговорили Лепарскаго позволить имъ попытать свои силы въ приготовленіи необходимыхъ для сего орудій. Комендантъ, можетъ быть съ вѣрнымъ расчетомъ въ неудачѣ, далъ позволеніе,—и ошибся: инструменты сдѣланы были прекрасно; всѣ принадлежности тоже, и онъ, осматривая ихъ лично, по необходимости согласился, чтобъ они были употреблены для предполагаемой цѣли. Но черезъ какой лабиринтъ трудовъ, затрудненій и терпѣнья должны были они пройти, чтобъ достигнуть желаннаго результата. Вы сами, не ошибаясь, можете прослѣдить исторію каждой дарованной намъ льготы, если вы постоянно будете представлять въ своемъ воображеніи борьбу настойчивой воли въ неволѣ съ добротой коменданта, подчиненнаго страшной отвѣтственности за послабленія, и желавшаго всѣ нарушенныя строгости инструкціи юридически оправдать закономъ или хоть по возможности оставить для себя лазейку. Братъ составилъ очень хорошую коллекцію видовъ прекрасныхъ окрестностей Читы; но онъ почти всѣ раздарилъ разнымъ лицамъ, такъ что у него сохранились въ послѣднее время только три вида, и то въ копіи, изъ числа тѣхъ, которые остались у Лепарскаго, послѣ смерти его въ Петровскомъ заводѣ.

По отбытіи нашемъ, жители Читы, привыкшіе къ легкому приобрѣтенію денегъ, скоро впали въ бѣдность, еще болъшую прежней: лѣнь пошла объ руку съ пьянствомъ, и такъ, прогрессивно упадая, они дожили до той эпохи, когда ихъ бѣдная деревушка была переименована въ областной городъ Забайкальскаго края;

сами они переименованы въ казаковъ и выселены въ Атамановку, въ 12 верстахъ отъ Читы. Понстинѣ должно признаться въ весьма неудачномъ выборѣ мѣста для главнаго пункта областного правленія. Основная идея, увлекшая Н. Н. Муравьева въ избраніи этого мѣста, была—сдѣлать Читу складочнымъ торговымъ городомъ между Иркутскомъ и Амуромъ. Онъ тогда слѣпо вѣрилъ въ возможность воднаго сообщенія этихъ двухъ пунктовъ посредствомъ рѣкъ: Шилки, Онона, Читы, Хилки, Селенги и озера Байкала. Небольшой переволокъ отъ верховьевъ Читы до верховьевъ Хилки его не останавливалъ. Время доказало несбыточность предположенія: пароходы едва поднимаются до Срѣтенска и только ¹⁾. Въ прошлую навигацію пароходъ „Казакевичъ“ съ трудомъ поднялся до Нерчинска. Только при весеннихъ разливахъ этотъ водный путь имѣетъ достаточно воды для плаванія; но зато страшная быстрина въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ будетъ непреодолимою помѣхой. Въ первое наше свиданіе съ Н. Н. Муравьевымъ, мы трое (тогда еще живъ былъ Торсонъ) долго и безуспѣшно старались отвратить его отъ намѣренія основать въ Читѣ главный городъ области; *des idées aggrétées* восторжествовали: указъ подписанъ,—но указомъ городъ не строится. Значительныя льготы, учрежденіе ярмарки, личныя убѣжденія генераль-губернатора, обращенныя въ сибирскимъ купцамъ,—ничего не помогло. Уничтожьте указомъ въ Читѣ областное правленіе и черезъ годъ этотъ городъ представитъ картину разрушенія казенныхъ зданій и домовъ чиновничества. Ежели со временемъ торговля амурская разовьется, главнымъ складочнымъ пунктомъ сдѣлается или Шилкинскій заводъ, или (что вѣроятнѣе) Срѣтенскъ, и все таки путь торговый не пойдетъ на Читу, дороги изъ которой до Нерчинска ужасно гористы, а до Верхнеудинска—пустыни и топки. Торговый путь пойдетъ зимою по рѣкамъ вверхъ до Хилоцкаго переволока, а потомъ Хилкомъ, Селенгою, Байкаломъ до Иркутска, и вѣроятно пойдетъ помощью ледоходовъ, какъ уже это дѣлается въ Америкѣ и чему дѣлаются опыты и на Амурѣ.

О путешествіи нашемъ изъ Читы въ Петровскій заводъ можно только сказать, что оно было для насъ очень пріятно и полезно относительно нашего здоровья. Тутъ мы запаслись новыми силами на многіе годы. Погода стояла прекрасная; переходы не утоми-

¹⁾ Примѣч. на копіи: „Совершенно справедливо“.

тельны, тѣмъ болѣе, что черезъ два дни въ третій мы отдыхали на дневкахъ. Мы были раздѣлены на двѣ партіи: первая подъ начальствомъ племянника Лепарскаго, обязаннаго жизнью Вольфу, и потому признательнаго и даже до слабости снисходительнаго ко всѣмъ намъ; второю начальствовалъ самъ комендантъ. Каждая изъ партій раздѣлялась на юрты по четыре и по пяти человѣкъ, помѣщавшихся всегда вмѣстѣ и въ юртахъ—на бурятскихъ степяхъ и въ домахъ деревень, проходимыхъ нами. Напу съ братомъ юрту дополняли Розенъ, Торсонъ и Громницкій, ученикъ брата по всѣмъ возможнымъ мастерствамъ. Розенъ былъ назначенъ хозяиномъ нашей второй партіи и всегда отправлялся на подводѣ впередъ за переходъ—приготавливать обѣдъ, такъ что по прибытіи на мѣсто мы уже находили готовое назначеніе къ размѣщенію по юртамъ и приготовленный обѣдъ. Наша юрта, состоявшая почти все изъ мастеровыхъ, была въ матерьяльномъ отношеніи лучше всѣхъ снабжена всѣми удобствами путевой жизни. У насъ были сдѣланы собственными руками нашими и складныя кровати, и столъ, и стулья, и походный погребецъ, уютно вмѣщавшій необходимое для стола и чаю. Всѣ наши тяжести везлись на подводахъ, на которыя намъ позволялось садиться для отдыха, и чѣмъ рѣдко кто пользовался. На полъ-переходъ привалъ для завтрака. Этотъ походъ ознаменовался прибытіемъ двухъ нашихъ дамъ: Марьи Казимировны Юшневской и Анны Васильевны Розенъ.

Предоставляю вамъ судить о нашемъ положеніи, когда, послѣ такой привольной жизни, насъ заперли въ темныя стойла Петровскаго казамата. Не стану повторять исторію милостиваго разрѣшенія о пропускѣ нѣсколькихъ лучей въ наши конюшни, ни образа жизни нашей въ нихъ. Я уже объ этомъ писалъ вамъ. Скажу нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вопросъ вашъ о Петровскомъ заводѣ. Онъ нисколько не отличался отъ всѣхъ сибирскихъ заводовъ, назначенныхъ быть каторгою преступникамъ, и гдѣ приписные къ заводу крестьяне обречены на участь, еще горшую каторжной. Не подумайте, чтобъ я преувеличивалъ: нѣтъ, это истина. Каторжный, осужденный на извѣстное число лѣтъ работы, ежели онъ велъ себя добропорядочно, почти всегда имѣлъ возможность избѣгать работы, нанимаясь какъ мастеровой или даже какъ простой работникъ у заводскихъ чиновниковъ. По истеченіи

срока каторжной работы, его приписываютъ, какъ поселенца, къ волости, и по прошествіи пяти лѣтъ безуворизненной жизни, онъ имѣетъ право приписаться въ городъ, какъ мѣщанинъ, и потомъ, получа гильдейской билетъ, торговатъ наравнѣ со всѣми купцами. А отверженное племя крестьянъ и горно-заводскихъ служителей обречено съ колыбели до совершеннаго истощенія силъ оставаться или угольщикомъ, или дровосѣкомъ, или кузнецомъ,—и участь его тѣмъ болѣе горестна, чѣмъ онъ трудолюбивѣе и прилежнѣе на работѣ ¹⁾. Я видѣлъ собственными глазами, какъ 75-ти лѣтній сѣдой старикъ (Старченко), слесарь, умеръ, или точнѣе угасъ, работая у своихъ тисковъ. Этотъ старикъ былъ мой учитель по литейной и чернедевой работѣ, и не смотря на мое ходатайство у начальниковъ завода, съ которыми мы были дружны, они ничего не могли для него сдѣлать.

Наше присутствіе въ заводѣ имѣло благотѣльное вліяніе на укрощеніе буйнаго произвола начальствующихъ, произвола, повсемѣстно замѣнявшаго всѣ божескіе и человѣческіе законы и каравшаго заводскаго служителя наравнѣ съ вандальникомъ. Злоупотребленія, укрывавшіяся отъ Лепарскаго, доходили до насъ прямымъ путемъ или черезъ прислугу нашу, всю составленную изъ каторжныхъ. И за то какою чистосердечною привязанностью, какою безорыстною любовью платили намъ эти отверженцы общества! Впродолженіи всей нашей петровской жизни никто изъ прислуги не погрѣшилъ противъ насъ ни словомъ, ни дѣломъ. Не смотря на сотни вандальниковъ, работавшихъ въ первые годы внутри казамата, у насъ не было слуху о пропажѣ намъ принадлежавшаго, когда они имѣли къ тому тысячи случаевъ. И какою интересною психологическую исторію преступленій можно было-бы написать изъ ихъ откровенныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе, что они предъ нами не имѣли никакой надобности маскироваться и выливали свою душу. Безъ сомнѣнія, нѣтъ правила безъ исключеній; но бѣлая часть преступленій была вынуждена порочнымъ устройствомъ нашего общества: то были жертвы безчеловѣчія помѣщиковъ или начальниковъ, то отчаянія оскорбленнаго отца, мужа или жениха, то случайнаго разгула русской природы, и

¹⁾ Совершенно справедливо; къ счастью, въ настоящее время горнозаводскіе крестьяне и мастеровые уже свободны. Примѣч. на копіи. И. И. Свіазевъ (1864).

еще чаще пронавола нашего безсовѣстнаго и безтолковаго суда¹⁾. Нашъ поварь, крымской татаринъ Силикъ (возвращенный впоследствии на родину по ходатайству внягини Зинаиды Волконской лично у государя) былъ сосланъ за то, что оказался виновнымъ въ случайномъ присутствіи при убійствѣ; крестьянинъ Ивашева Малышевъ, служившій въ жандармахъ, обладавшій необычайно силою, былъ сосланъ на каторгу за то, что хмѣльной, заснувъ крѣпко, оттолкнулъ неосторожно вахмистра, который его будилъ на службу. (Онъ до самаго конца нашего пребыванія въ Петровскѣ служилъ и работалъ, какъ паровая машина въ десять лошадиныхъ силъ, у своего барина, нашего союзника Ивашева). У насъ былъ въ услуженіи кандаликъ Степанъ Жилкинъ, выпросившійся съ нами даже въ Селенгинскъ; онъ былъ сосланъ въ каторгу за то, что, встрѣтясь въ лѣсу съ попомъ, который ограбилъ его, взявъ за свадьбу послѣднія деньги, началъ его упрекать въ жадности, приведшей его къ нищетѣ, и когда тотъ отвѣчалъ ругательствами и лѣвъ драться, оттолкнулъ его такъ сильно, что попъ, ударившись о пень головою, испустилъ духъ. Онъ такъ былъ привязанъ къ намъ, что когда надо было, наконецъ, его возвратить въ Петровскій заводъ, онъ, на другой день по прибытіи на мѣсто, бѣжалъ и какъ въ воду канулъ. Черезъ два года братъ Николай, въ бытность свою въ Иркутскѣ, встрѣтился съ нимъ на улицѣ, которую равняла партія кандаликовъ. Жилкинъ узналъ брата, подбѣжалъ къ нему и поклонился ему до лица земли. Братъ исходатайствовалъ ему позволеніе вступить въ рабочій ремесленный домъ, снабдивъ его необходимыми инструментами, и онъ скоро сдѣлался прилежный и зажиточный мастеровой.

Первый изъ горныхъ инженеровъ управляющимъ Петровскимъ заводомъ былъ назначенъ А. И. Арсеньевъ, человекъ прямой, безкорыстный, честный и благонамѣренный. Мы всѣ съ нимъ очень сблизились, а особенно мы съ братомъ. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ онъ не навѣщалъ насъ въ казamatъ, или чтобъ мы не посѣщали его. Посреди насъ—онъ былъ нашъ; мы и онъ дѣлили пополамъ радость и горе. Онъ былъ истинный отецъ для служителей и кандаликовъ, ввелъ многія улучшенія, и первый доказалъ, что изъ петровскаго чугуна можно дѣлать желѣзо, не хуже лучшаго шведскаго. Въ его успѣхахъ и неудачахъ мы брали живѣйшее участіе, и ничего онъ не предпринималъ, не посовѣтовав-

¹⁾ Писано до судебной реформы.

шись съ нами, а особенно съ братомъ. Наши импровизованные обѣды, ужины, сельскіе пикники и его, какъ мы называли, лукулловскіе пиры мы проводили очень весело вмѣстѣ; а комендантъ, полюбившій его тоже, довѣрчиво и снисходительно смотрѣлъ на наши сношенія съ нимъ и позволялъ ему свободно посѣщать насъ во всякое время, даже поздно вечеромъ, и намъ посѣщать его, равно какъ и всѣ его мастерскія. Въ это время Лепарскій пристрастился къ минералогіи, раззорялся на покупку камней, и хотя увѣренный въ непогрѣбительности своего знанія, обогащалъ плутовъ покупкою рѣдкихъ минералогическихъ экземпляровъ, но всегда отдавалъ покупки свои на судъ или брата, или Арсеньева. Ни тотъ, ни другой не могли его убѣдить въ заблужденіи, и наконецъ, чтобъ не огорчать старика, должны были находить небывалыя качества минераловъ или рѣдкихъ камней.

Арсеньевъ носилъ между нами названіе „отца природы“ по поводу ужасной галиматши, въ видѣ просьбы поданной однимъ унтеръ-шехмейстеромъ на имя А. И. Арсеньева, которая начиналась этимъ титуломъ. Когда К. В. Чевкинъ, посѣтивъ заводъ, пожелалъ, чтобъ Арсеньевъ объѣхалъ всѣ Уральскіе заводы и тогда приступилъ къ предполагаемымъ преобразованіямъ, мы точно стосковались въ его отсутствіе; но, узнавъ о его возвращеніи, приготовили ему оригинальный приемъ. Былъ уже 12-й часъ вечера, когда онъ, едва успѣвъ переодѣться, прибѣжалъ къ намъ съ братомъ и бросился лобызать всѣхъ собравшихся. Но мы съ непоколебимою сурьезностью уклонились отъ его дружескихъ изліаній и запѣли хоромъ гимнъ на голосъ: „Ты возвратился, благодатный“, пѣтый нѣбогда m-me Каталани Александру I:

Ты возвратился, нашъ отецъ природы,
 Всѣхъ управляющихъ вѣнецъ,
 И облетѣвъ Уральскіе заводы,
 Въ Петровскъ пріѣхалъ наконецъ.
 Внемли-жъ веселья клики звучны (2)!
 О, сколько мы благополучны,
 Узрѣвъ природы всей отца!
 Ура, ура, ура!
 Узрѣвъ природы всей отца!

* *

Въ прекрасной сѣверной столицѣ
 Тебя лучъ славы озарилъ,
 И для ношенія въ петлицѣ
 Ты Станислава получилъ.
 Внемли-жъ и проч.

Комизмъ этой неожиданной сцены, примѣненіе къ нему импровизованныхъ стиховъ, когда онъ ихъ слышалъ пѣтыхъ другому, имѣлъ успѣшный результатъ: всѣ мы много смѣялись.

Въ другой разъ, когда мы праздновали у него день его именинъ, нашъ доморощенный хоръ пропѣлъ ему гимнъ en vers burlesques, гдѣ воспѣвались его административные и сердечные подвиги, и гдѣ каждый куплетъ заканчивался припѣвомъ на голось: „Александръ, Елизавета—восхищаете вы насъ“:

Александръ Ильичъ Арсеньевъ,
Восхищаете вы насъ.

Наше дружеское съ нимъ знакомство продолжалось и по выѣздѣ нашемъ на поселеніе въ Селенгинскъ. Онъ насъ часто посѣщалъ, и когда праздновалъ свою свадьбу съ дочерью генералъ-губернатора Руперта, то я у него гостилъ цѣлыя три недѣли.

По смерти Лепарскаго, на его мѣсто прислали жандармскаго полковника Ребиндера. Плацъ-маіора Лепарскаго замѣнилъ маіоръ Казимірскій, а адъютанта, нѣмецкаго іезуита Розенберга—штабсъ-капитанъ Барановъ. Ребиндеръ былъ острожно-хитрый человѣкъ, и съ начала своего управленія попытался перемѣнить тонъ обращенія съ нами, но ему очень чувствительно дали замѣтить неприличіе такой попытки, и онъ наладилъ свои поступки въ тонъ камертона Лепарскаго, и до конца выдержалъ свою роль, ежели это не было его душевное побужденіе. Онъ сталъ съ нами на ногу товарищества, часто посѣщалъ женатыхъ, казаческихъ, и почти каждый день приглашалъ насъ къ своему обѣду. Казимірскій былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ открыто благородный и заслужилъ всеобщую пріязнь, не смотря на свой голубой мундиръ. Братъ и я пользовались особымъ его расположеніемъ, часто бывали у него и продолжали знакомство съ нимъ и на поселеніи. Изъ нѣкоторыхъ писемъ, писанныхъ имъ къ брату Николаю и отосланныхъ мною къ вамъ, вы познакомитесь нѣсколько съ нимъ. По его усиленнымъ просьбамъ, братъ ѣздилъ въ послѣдній разъ въ Иркутскъ для свиданія съ нимъ, когда онъ, какъ окружной жандармскій генералъ, объѣзжая по обязанности службы, пытался трижды переправиться черезъ Байкаль и былъ остановленъ бурями. Эта поѣздка стоила брату жизни: онъ простудился при весеннихъ вѣтрахъ Иркутска, добавилъ простуду

на 60-ти верстномъ переѣздѣ по льду Байкала, уступивъ свою повозку бѣдному семейству Киренскаго, назначеннаго по его ходатайству намъ въ городничіи, скрывая долго уже развившуюся болѣзнь отъ насъ, и умеръ въ 1855 г., отказываясь принимать лекаря. Послѣ его стойчески-твердой борьбы съ судьбою-мачихой, онъ, казалось, утомился жизнью и жаждалъ смерти.

II.

Не помню, но, кажется, я вамъ упоминалъ выше, что въ Читѣ мы почти не читали никакихъ газетъ. Въ паровикѣ нашего казачьего общества бурлили пары, сжатые высокимъ давленіемъ; машинисты-тюремщики еще не ознакомились съ управленіемъ таковой паровой машины, которая грозила имъ каждую минуту страшнымъ взрывомъ, и потому они боялись подливать масло на огонь. Къ намъ доходили контрабандою нѣкоторые листы „Инвалида“, но и тѣ были вскорѣ запрещены послѣ гимновъ за упокой Маріи Феодоровны. Корреспонденція съ нашими родными черезъ посредство нашихъ дамъ только что завязывалась; многіе изъ насъ уже начали получать и деньги и посылки, но книгъ еще присылали мало: надо было сперва удовлетворить физическимъ потребностямъ: намъ надо было имѣть одежду, обувь; мастеровыхъ въ Читѣ совсѣмъ не было, или были, но такъ плохи, такъ лѣнливы и пьяны, что отдавши имъ скудные запасы нашихъ матерьяловъ, мы все-таки оставались безъ одежды, и потому мы составили цѣхи разныхъ мастеровыхъ, напр. портныхъ, сапожниковъ, столяровъ. Мы съ братомъ, Торсонъ и Розенъ были портными. Такимъ образомъ, большая часть времени у насъ поглощалась матерьяльными занятіями, а при скудномъ освѣщеніи вечеромъ и при постоянномъ шумѣ бряцающихъ желѣзъ отъ *perpetuum mobile* живыхъ существъ, при постоянномъ гулѣ *vivos vocos*, при утомленіи отъ дневныхъ трудовъ за игловою,—трудно было заниматься чтеніемъ, тѣмъ болѣе, что зимніе дни были коротки и съ девяти часовъ насъ запирали на замокъ до разсвѣта. Но все-таки запасъ книгъ, и книгъ очень дѣльныхъ, былъ очень великъ. Онъ составилъ и былъ пущенъ въ общее пользованіе изъ всего, что было привезено каждымъ изъ насъ и что было получено нашими дамами по назначенію ихъ мужей.

Въ Петровскомъ заводѣ мы зажили совсѣмъ другою жизнью. Сношеніе наше съ родными уже упрочилось; постоянная переписка чрезъ дамъ дала намъ возможность не только получать постоянныя пособія въ деньгахъ для матерьяльнаго существованія, но доставляла обильную пищу для ума. Мы съ общаго согласія выписывали чрезъ нашихъ родныхъ и самыя замѣчательныя современныя литературныя и политическія произведенія, и самыя лучшія періодическія журналы и газеты, какъ иностранныя, такъ и русскія. Все, что въ то время писалось и издавалось въ Россіи замѣчательнаго; все, что печаталось за границею стоющаго чтенія, какъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ періодическихъ, мы всѣ получали безъ изыятія. Петровскій заводъ многочисленностью своихъ мастеровыхъ избавилъ насъ отъ матерьяльныхъ занятій, и мы погрузились съ наслажденіемъ въ волны умственнаго океана, чуть не захлебнувшись имъ.

Не стану вамъ исчислять книгъ нашего обширнаго каталога; упомяну только о тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя сохранились въ моей памяти. Все тогдашне-ограниченное число ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ русскихъ журналовъ и газетъ мы получали. Изъ иностранныхъ: *Revue Brittanique*, *Revue de Paris*, *Revue de deux mondes*, *Revue industrielle*, *Revue du mécanicien*, *Revue technologique*, *Mécanicien anglais*, *Cabinet de lecture*, *L'illustration française*, *Journal pour rire*, *Journal des débats*, *Indépendance Belge*, etc. etc. etc.; *Times*, *Quarterly review*, *Edinburgh-review*, *Morning post*, *Punch*, *English illustration*, etc. etc. etc.; *Journal de Francfort*, *Journal de Hambourg*, *Allgemeine Zeitung*, *Preussische etc. etc. etc.*; нѣсколько польскихъ и итальянскихъ газетъ. Это только часть тѣхъ періодическихъ изданій, сохранившихся въ моей памяти, и потому вы можете судить о роскоши нашей умственной жизни касательно удовлетворенія только современныхъ событій. Чтобы всѣ безобидно и своевременно могли пользоваться чтеніемъ газетъ и журналовъ, изъ среды насъ избирался на годъ распорядитель чтенія, который, получая почту, распределялъ время, потребное для прочтенія каждаго, составлялъ списокъ читателей и присоединялъ его въ каждому № журналовъ и газетъ. Каждый изъ насъ обязанъ былъ, по прошествіи урочнаго времени, передать № товарищу, означенному въ спискѣ. Этотъ порядокъ немало служилъ къ ослабленію нашего зрѣнія.

III.

Вѣсть о гибели брата — Александра Бестужева.

Смерть брата Александра, убитого при высадкѣ на мысъ Адлеръ, на Черноморскомъ берегу, 7 іюля 1837 года, произвела не только на насъ, но и на всѣхъ нашихъ товарищей какое-то потрясающее дѣйствіе, какъ будто происшествіе, внезапно постигшее всѣхъ, тогда какъ всѣ, а особенно мы съ братомъ, были уже въ этому подготовлены и письмами его, въ которыхъ пробивалась его рѣшимость—искать смерти, и уже замѣтнымъ намѣреніемъ вывести его въ расходъ ¹⁾). Братъ страдалъ молча, но страдалъ видимо. Я плакалъ впервые въ жизни и плакалъ какъ ребенокъ до того, что сдѣлалось воспаленіе глазъ: я не могъ смотрѣть на свѣтъ и сидѣлъ въ темной комнатѣ. Добрый товарищъ Вольфъ съ медицинскою помощью пролилъ въ душу мою цѣлебное успокоеніе, и выпросивъ мнѣ у коменданта позволеніе прогуливаться, доставилъ тѣмъ возможность нѣсколько расцѣяться. Я не могъ дать отчета своимъ чувствамъ: и прежде и послѣ я испытывалъ неожиданные удары въ жизни, но никогда я не былъ такъ потрясенъ несчастіемъ, котораго мы ожидали со дня на день.

IV.

Наши учителя и руководители.

О братѣ Александрѣ я ничего не могу сообщить вамъ удовлетворительнаго. Воспитывались мы въ разныхъ корпусахъ, и потому видѣть этого я не могъ, а въ разговорахъ мы никогда не нападали на этотъ предметъ. Да и сомнительно, чтобъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ мы это могли замѣтить. О себѣ скажу, что какъ я ни старался припомнить прошедшія впечатлѣнія изъ этой толпы ничтожностей, составляющихъ тогда сословіе нашихъ образователей, нанимавшихся у Карцова за мѣдные гроши, я не припомню ни одной личности, которая-бы теперь не порождала улыбки презрѣнія ²⁾). Одинъ только мой учитель математики По-

¹⁾ См. статью мою „Александръ Бестужевъ на Кавказѣ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1869 г., августъ.

²⁾ За что же? Вотъ же самый этотъ Побреніиъ, въ мое время состоя при Сурковѣ, учитель геодезіи, казался смѣшнымъ и ничего ровно не значущимъ; а у Мишеля—уже примѣрнымъ и уважаемымъ. И какая завидная похвала!
В. III. (1862 г.).

бреиннъ имѣлъ на меня большое вліяніе своею вротостью, пунктуальностью и безграничнымъ терпѣніемъ. Правда, онъ былъ рутинеръ, не слѣдовалъ, а можетъ быть и не имѣлъ средствъ слѣдовать за наукою, какъ должно, не простиралъ взора далѣе своихъ миниатюрно исписанныхъ тетрадей, но былъ точенъ, ясенъ и терпѣливъ въ трудныхъ объясненіяхъ навигаціи и астрономіи. Я его еще больше полюбилъ, когда временная болѣзнь заставила меня усиленно догонять ушедшій впередъ классъ, и я, нанявъ его для частныхъ уроковъ, имѣлъ случай посѣщать его домъ. Видъ его бѣднаго семейства въ холодныхъ комнатахъ, эта бѣдность и нужда, бросающаяся изъ всѣхъ угловъ и закоулковъ, а между тѣмъ его покорность своему жребію, его спокойная вротость, его нѣжная обо мнѣ заботливость—съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе меня въ нему привязывали, и у него въ домѣ я научился уважать бѣдность и цѣнить жертвы ея. Высшія дифференціальныя и интегральныя вычисленія намъ преподавалъ А. И. Давыдовъ, бывшій корпусный офицеръ и впослѣдствіи управляющій штурманскимъ корпусомъ, какъ директоръ. Его метода преподаванія была совершенно противоположна Побрениновской: въ немъ отражался, какъ въ зеркалѣ, его учитель, знаменитый того времени Кузнецовъ, у котораго онъ былъ первымъ ученикомъ, и отъ того первымъ онъ вышелъ и изъ корпуса. Смѣлый, бойкій взглядъ на преподаваемые предметы, ясность изложенія, краткость и сила,—однимъ словомъ, вѣрный типъ школы кузнецовской отражался въ немъ и невольно заставлялъ отражаться и въ ученикахъ его.

Братъ Николай всю математику, начиная съ нумера ¹⁾, по кадетскому выраженію, до выпуска изъ корпуса, проходилъ у этого знаменитаго Кузнецова, имѣвшаго такой даръ влюбить своихъ учениковъ въ науку, что шалуна-лѣннивца Бестужева сдѣлалъ первымъ своимъ ученикомъ и первымъ по выпуску офицеромъ. Но братъ былъ еще счастливѣе присутствіемъ въ корпусѣ Platona Яковлевича Гамалѣя въ званіи инспектора. Это замѣчательное лицо той эпохи, знаменитъ сочиненіемъ астрономіи, навигаціи, морской практики и высшихъ морскихъ вычисленій, изданныхъ впервые на русскомъ языкѣ печатно, и пода-

¹⁾ Въ мое время говорили „съ нумераціи“.

рившихъ воспитанникамъ, вмѣстѣ съ прекрасными изложенными сочиненіями, болѣе половины теряшагося времени въ перепискѣ подъ диктовку учительскихъ записокъ, писанныхъ по произволу каждаго изъ преподавателей и переписанныхъ учениками съ ошибками и часто безъ всякаго смысла. Но сверхъ этой заслуги въ области учености, онъ заслужилъ еще большую благодарность своею любовью къ наукѣ, своею любовью къ воспитанникамъ, которымъ старался перелить въ душу свою завѣтную страсть. Когда усиленные занятія лишили его зрѣнія, онъ и тогда не оставлялъ своихъ дѣтей. „Онъ часто собиралъ лучшихъ учениковъ къ себѣ,—разсказывалъ братъ Николай,—и сидя въ темномъ уголку за ширмою, съ зонтикомъ на глазахъ, заставлялъ насъ рѣшать математическія задачи; и горе было тому, кто нелогично доказывалъ: „Не говори, братецъ,—повторялъ онъ часто,—не говори: такъ какъ, когда еще ничего не сказалъ—какъ это; не говори слѣдовательно, когда изъ того, что ты сказалъ, ничего не слѣдуетъ“.—Братъ Николай съ горячимъ чувствомъ благодарности отзывался о немъ всегда и говорилъ, что онъ ему обязанъ многимъ, что въ немъ было хорошаго „а главное—онъ научилъ меня говорить и дѣйствовать логично“.

О Василевскомъ я уже вамъ упоминалъ выше. Большаго вліянія онъ на него не имѣлъ какъ человекъ; но какъ ученый, философъ и хорошо изучившій литературу Руси, онъ благотѣльно дѣйствовалъ на брата. Впослѣдствіи и мнѣ онъ принесъ много пользы, проходя со мною риторикѣ и русскую словесность. Его взглядъ былъ вѣренъ, трезвъ отъ опьяненія привилегированныхъ знаменитостей, но нѣсколько строгъ и саркастиченъ.

Когда братъ Николай служилъ въ 14-мъ экипажѣ, онъ сблизился съ капитаномъ 2-го ранга Ѳ. Я. Тизенгаузенемъ, и эта горячая нѣмецкая личность тоже много имѣла вліянія на брата. Она заставила брата полюбить военныя науки привязанностію любовника и передала убѣжденія, что ни въ чемъ не должно видѣть окончательнаго совершенства, что все движется впередъ, и слѣдовательно, что есть—подлежитъ перемѣнамъ, а тѣмъ болѣе по военной части. Тизенгаузенъ написалъ умный или, вѣрнѣе сказать, остроумный трактатъ о защитѣ крѣпостей совершенно по новымъ началамъ, и склонилъ брата Николая къ переводу *de l'art de la guérrre par Rognat* и братъ перевелъ почти всю книгу, но почему-то она не была напечатана.

V.

Самые близкіе друзья до ссылки и въ заключеніи.

Ежели отвѣчать на этотъ вопросъ *ab ovo*, т. е. съ корпусной жизни брата Николая [Вестужева], то самый близкій, неизмѣнный другъ его былъ Константинъ Петровичъ Торсонъ. Онъ только годомъ раньше брата вышелъ изъ корпуса. Они все время прѣбыванія ихъ въ корпусѣ жили въ одной комнатѣ, спали бокъ-о-бокъ, служили въ одномъ и томъ же Кронштадтѣ, помѣщались на одной квартирѣ, и одно или два лѣта служили вмѣстѣ на бранвахтскомъ фрегатѣ. По переводѣ Торсона главнымъ адъютантомъ въ морскому министру Антону Васильевичу Моллеру, и братъ вскорѣ переведенъ былъ въ Петербургъ въ должность исторіографа и начальника морскаго музея,—слѣдовательно, жили въ одномъ городѣ, видѣлись часто, поступили почти одновременно въ тайное общество, вмѣстѣ погибли, вмѣстѣ жили въ казачьѣ, въ Селенгинскѣ, и наконецъ Торсонъ и умеръ на рукахъ брата.

Торсонъ былъ баярдъ идеальной честности и практической пользы: это былъ рыцарь безъ страха и упрека на его служебномъ и частномъ поприщѣ жизни. Обладая неимоверною силою воли въ достиженіи своихъ благородныхъ цѣлей, онъ вмѣстѣ съ симъ владѣлъ огромнымъ запасомъ терпѣнія при неудачахъ, и въ этомъ составлялъ совершенную противоположность съ пылкою и подвижною дѣятельностью брата. *Mais les extremités se touchent*—и во взаимной ихъ дружбѣ недостатки одного регулировались и пополнялись избыткомъ другаго. Голова его была постоянно занята проѣтами о разныхъ преобразованіяхъ и исключительно касающихся флота. Первый проѣтъ его о матерьяльномъ усовершенствованіи нашего флота былъ благосклонно принятъ покойнымъ императоромъ Александромъ 1-мъ, и приказано было отдать въ его распоряженіе новопостроенный корабль „Эмгейтень“ для осуществленія предполагавшихся перемѣнъ. Много онъ писалъ изъ Петропавловской крѣпости въ Николаю 1-му, и всѣ его бумаги государь приказалъ сообщить составленному по его волѣ морскому комитету, и много преобразованій, очень полезныхъ, были почерпнуты и введены въ нашъ флотъ. Въ Читѣ Торсонъ усиленно и много занимался тѣмъ-же. Мелочныя предосторожно-

сти, чтобъ скрывать отъ глазъ тюремщиковъ свои отрывочныя записки, и неумолкаемый шумъ въ тѣсномъ нашемъ помѣщеніи — держали его въ постоянномъ раздраженіи и невольно принуждали его обдумывать свои планы въ ночной тишинѣ, что причиняло ему частыя приливы крови въ головѣ и наконецъ гибельно подѣйствовало на его здоровье. За разстройствомъ желудка появилась ипохондрія: онъ сдѣлался подозрителенъ. Я былъ единственный человѣкъ, кому онъ еще довѣрялъ, и мы съ нимъ проводили большую часть дня въ лѣтнее время, уединившись въ бесѣдку, поставленную мною (какъ и многими) въ нашемъ саду, разсуждая о его планахъ, выправляя и приводя въ порядокъ черновые отрывки. Онъ ихъ хотѣлъ послать государю, мечталъ (бѣдный) о милостяхъ, которыя послѣдуютъ затѣмъ, и даже серьезно спрашивалъ насъ съ братомъ: чего мы хотимъ просить отъ государя? Въ Петровскомъ казематѣ болѣзнь еще болѣе усилилась. Правда, онъ имѣлъ особую комнату для занятій, но за то онъ и злоупотреблялъ случаемъ выше слабѣющихъ своихъ силъ и не имѣлъ уже никакого развлечения. Такъ онъ уѣхалъ въ Акшинскую крѣпость на поселеніе, такъ, или еще хуже, прибылъ въ Селенгинскъ, куда онъ перепросился, чтобъ быть по близости Петровскаго завода, для осуществленія своей любимой идеи — основать по своему проекту мукомольную мельницу, крупчатку, молотильню и вѣялку — съ одною дѣйствующею силою, и потомъ образовать механическое заведеніе для снабженія всего края механическими орудіями, для производства работъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Братъ Николай тщетно убѣждалъ его оставить химерическую идею, тщетно доказывалъ ему въ письмахъ изъ Петровска, что однѣхъ добрыхъ, благородныхъ намѣреній недостаточно, чтобъ переродить людей въ краю безлюдномъ, бѣдномъ и лѣнивомъ, гдѣ трудъ и время нипочемъ. Онъ сердился на насъ, упрекалъ насъ въ равнодушіи къ благому дѣлу, въ желаніи ему ставить препятствія медленною высылкою необходимыхъ желѣзныхъ вещей, и кончилъ тѣмъ, что устроивъ мельницу (уже повонченную при своихъ родныхъ въ нашемъ присутствіи въ Селенгинскѣ) и потративъ на нее значительную часть единственнаго капитала, необходимаго для существованія, желалъ ее впослѣдствіи сжечь, чтобъ не имѣть предъ своими глазами вѣчнаго свидѣтеля глупости и неблагодар-

ности людской. Прибытіе сестры и матери спасло его отъ вѣрной смерти физической и моральной.

Пріязнь брата Николая съ Василевскимъ началась по выходѣ его изъ корпуса. Это отнюдь не была дружба; ихъ связывали одинакія наклонности въ наукамъ, въ литературнымъ занятіямъ, нѣкоторое сходство во взглядахъ на предметы, нѣкоторое сходство въ проблескахъ живаго, беззаботнаго характера молодости, посѣщеніе почти однихъ и тѣхъ же кружковъ знакомства. Василевскій, какъ истый буршъ, былъ постоянно веселъ, шутилъ и ѣдко острилъ; братъ называлъ его сатиромъ, и точно, въ самой его наружности было такъ много сходства съ этимъ лѣснымъ полубогомъ, что когда братъ однимъ почеркомъ карандаша или мѣломъ на стѣнѣ рисовалъ его сатиромъ, — всѣ тотчасъ узнавали Василевскаго. Впослѣдствіи ихъ жизнь разошлась разными дорогами: Василевскій переѣхалъ въ Москву, потомъ уѣхалъ за границу, и мы потеряли его изъ виду. По старой пріязни онъ писалъ иногда брату письма въ Сибирь; но эта была жалкая дань прежней пріязни, приносимая подъ вліяніемъ страха предъ подозрительнымъ правительствомъ. Вы найдете нѣкоторые образчики его корреспонденціи въ портфель.

Въ бытность свою корпуснымъ офицеромъ, онъ былъ болѣе близокъ съ Ник. Алекс. Милюковымъ, Сергѣемъ Щулепниковымъ и двумя братьями Нахимовыми. Съ Щулепниковымъ онъ занимался военною исторіей, а съ Платономъ Нахимовымъ и Милюковымъ онъ жилъ вмѣстѣ на одной квартирѣ въ морскомъ корпусѣ. У меня въ памяти остался одинъ анекдотъ относительно ихъ совмѣстнаго житья. Однажды братъ пришолъ домой и засталъ ихъ за обѣдомъ. Нахимовъ сидѣлъ нахмурившись, Милюковъ молчалъ. „Что съ вами братцы?“ — спросилъ братъ. — Да чтд, Николушка, — сказалъ Нахимовъ: мы хотимъ просить тебя перебраться отъ насъ на другую квартиру. — „За что такая немилость?“ — спросилъ братъ. — Да такъ, продолжалъ Нахимовъ: можетъ быть, ты насъ будешь чаще посѣщать.... — Онъ также былъ довольно близокъ съ Маркомъ Фіелановичемъ Горковенко; но ихъ сближенію была причина служебно-ученая. Въ его время въ корпусѣ не преподавалась физика; братъ, поступивъ въ корпусные офицеры и уже преподавая въ трехъ классахъ морскую эволюцію, морскую практику и высшую теорію морскаго иску-

ства, предложилъ Горковенкъ ввести преподаваніе физики. Это дѣло было не легкое: надо было устроить какънибудь физическій кабинетъ. Директоромъ морскаго корпуса тогда былъ адмиралъ Петръ Кондратьевичъ Карцовъ, человекъ весьма ограниченнаго ума и помѣшавшійся на экономіи: кадетъ Богъ знаетъ какъ кормили, Богъ знаетъ какъ учили. Онъ и слышать не хотѣлъ о новыхъ расходахъ. Его кое-какъ уломали тѣмъ, что братъ станетъ преподавать физику даромъ, а кабинетъ они какънибудь устроить собственными средствами. Братъ принялся за устройство электрической машины и другіе несложные препараты. Горковенко, назначенный инспекторомъ, помогалъ по силамъ деньгами для покупки необходимѣйшихъ предметовъ. Когда составила довольно полная коллекція препаратовъ, они подъ веселый часокъ позабыли невиданными диковинками стараго адмирала, и онъ такъ раздобрился, что ассигновалъ постоянную сумму на ремонтъ, и съ тѣхъ поръ физическій классъ упрочился навсегда.

Въ 1814-мъ году капитанъ-лейтенантъ Макаровъ предложилъ брату участвовать въ кругосвѣтномъ войажѣ на островъ Ситху, куда онъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами американской компаніи. Братъ согласился, оставилъ корпусную службу и былъ уже готовъ пуститься въ далекія страны, какъ несогласіе Макарова съ директорами американской компаніи остановило отправку экспедиціи. Макаровъ былъ смѣненъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ офицеры, имъ выбранные. Брату, вмѣсто радужныхъ мечтаній интереснаго плаванія, остались долги, долгое время его тяготившіе. Это обстоятельство переселило его въ Кронштадтъ, перенесло его въ новый міръ жизни, въ новый кругъ знакомства, поставило въ новыя служебныя отношенія. Первоначально онъ сблизился съ Александромъ Иван. Тихменевымъ, въ которому впоследствии и переехалъ жить, и тутъ, подъ кровомъ этого зданія, судьба ему опредѣлила испытать ту привязанность, которая наложила на его жизнь роковую печать и усѣяла ее цвѣтами и терніемъ.

Кромѣ дома, столь для него близкаго, онъ былъ близко знакомъ съ семействомъ адмирала Михайловскаго, адмирала Миткова, Имберха (таможеннаго чиновника) и потомъ съ семействами нѣмцевъ: Гасельмана (консульнѣмецкихъ націй), Берловскаго (тамож. чинов.) и Мейера (тоже тамож. чинов.). Особенно онъ любилъ посѣщать перваго, гдѣ хозяинъ, русскій нѣмецъ, воз-

роспій въ Архангельскѣ и говорившій какъ истый Новгородецъ, при сурьезной фізіогноміи отпуская такія смѣшныя штучки и такъ остро и мило, что мы помирали со смѣху. Жена и свояченица его были преобразованныя и милыя дамы.

Въ 1823-мъ году братъ Николай переѣхалъ въ Петербургъ для занятій по должности исторіографа. Тутъ онъ сблизился съ Рылѣвымъ, Корниловичемъ, Сомовымъ и вообще со многими литературными собратами по „обществу соревнователей просвѣщенія“. Я не говорю о знакомствѣ его съ Гречемъ и Булгаринымъ. Знакомство съ первымъ началось въ 1817-мъ году на кораблѣ „Не тронь меня“ и поддерживалось въ продолженіи всего времени церемонно-холодно, потому что съ нимъ, какъ величайшимъ эгоистомъ, сближеніе дружеское не возможно. Мы, всѣ братья, посѣщали его домъ какъ фокусъ нашихъ литературныхъ талантовъ, любили умную болтовню хозяина, временемъ горячую полемику гостей, и при прощаніи, переступивъ порогъ, не оставляли за нимъ ничего завѣтнаго. О Булгаринѣ и говорить нечего: это былъ, въ глазахъ нашихъ, балаганный фигляръ, приманивающій людъ въ свою комедь кривляніями и площадными прибаутками. Братъ Александръ [Вестужевъ] его посѣщалъ довольно часто, но ужъ вовсе не ради его милыхъ глазокъ.

Дома Воейкова и Сперанскаго были изъ числа тѣхъ, которые братъ Николай посѣщалъ съ большимъ удовольствіемъ. Въ первомъ—милая хозяйка своею красотою и любезностью собирала вокругъ себя кружокъ поклонниковъ, бѣльшую частію изъ литературной братіи, потому что и она сама не прочь была на титулъ *ba's bleu*; во второмъ—маститый и мудрый старикъ хозяинъ и умная дочь невольно манили въ ихъ тихую бесѣду. Тутъ онъ сблизился съ Батенковымъ.

Въ тюремной жизни довольно трудно сказать, съ кѣмъ братъ Николай былъ не только друженъ, но болѣе близокъ: онъ былъ всѣмъ нуженъ, а онъ былъ со всѣми одинаково близокъ. Но предпочтительно онъ сблизился съ Трубецкимъ, изъ женатыхъ, т. е. внѣ казамата, и съ Поджіо, въ самомъ казаматѣ, къ которому онъ ходилъ по вечерамъ, когда не собирались у него, а собирались у него чаще, т. е. постоянно—Игельстромъ и Лореръ. Надо сказать, что Лореръ былъ такой искусный рассказчикъ, какого мнѣ не случалось въ жизни видѣть. Не обладая

большою образованностью, онъ между тѣмъ говорилъ на четырехъ языкахъ (французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ), а ежели включить сюда польскій и природный русскій, то на всѣхъ этихъ шести языкахъ онъ черезъ два слова въ третье дѣлалъ ошибку, а между тѣмъ какой живой рассказъ, какая теплота, какая мимика! Самый недостатокъ, т. е. неосновательное знаніе языковъ, ему помогаль какъ нельзя болѣе: ежели онъ не находилъ выраженія фразы на русскомъ, онъ ее объяснялъ на первомъ попавшемся подъ руку языкѣ, и, сверхъ того, вставляя и въ эту фразу слова и обороты изъ другихъ языковъ. Иногда въ рассказѣ онъ вдругъ остановится, не скажетъ ни слова, но сдѣлаетъ жестъ или мину—и всѣ понимаютъ. Аудиторія была всегда полна, когда присутствовалъ Лореръ или Абрамовъ, тоже прекрасный рассказчикъ, но въ другомъ родѣ: этотъ рассказываль чистымъ русскимъ, военнымъ языкомъ, и часто просто солдатскимъ, короткимъ, сильнымъ, энергическимъ. Въ повѣсти: „Русскіе въ Парижѣ“ братъ пытался передать почти буквально соединеніе этихъ двухъ рассказчиковъ, но кажется это плохо удалось, какъ всякое подражаніе, и не смотря на неудачу, повѣсть сохраняетъ колоритъ правды и теплоту чувствъ. Жаль, что ее напечатали (въ 1860 г.) не исправивъ сіи и оныя.

Мы пріѣхали въ Селенгинскъ, какъ городъ знакомый: съ такою изумительною вѣрностью были очерчены лица, составлявшія его общество, что мы часто безъ рекомендаціи узнавали ихъ. Этому предварительному знакомству мы были обязаны тоже рассказчику (о, сколько ихъ у насъ было!) въ юмористическомъ родѣ Диввенса. Это былъ нашъ казаческій докторъ Ильинскій, личность, заслуживающая того, чтобъ ей посвятить страничку, какъ сама по себѣ, такъ и потому, что черезъ нее судьба свела насъ съ семействомъ Старцева отъ самаго начала нашего читинскаго заключенія до сей минуты (1860 г.).

Ильинскій былъ изъ духовнаго званія, получившій образованіе сперва въ семинаріи, а потомъ въ медико-хирургическомъ отдѣленіи московскаго университета, слѣдовательно, весьма плохое, и самое его назначеніе въ Селенгинскъ уже довольно ясно это обозначаетъ. Онъ познакомился въ домѣ селенгинскаго купца 3-й гильдіи Старцева и женился на его 14-ти лѣтней дочери. Командантъ Лепарскій проѣздомъ черезъ Селенгинскъ пригласилъ

его на службу при государственныхъ преступникахъ,—и вотъ онъ съ женою и тещею, уже овдовѣвшею, переселился въ Читѣ. Всѣ эти три лица были въ высшей степени замѣчательны. Старуха-теща—это настоящій типъ сибирячки, т. е. человѣка, неизменно-ниваго образованія, но здравомыслящаго, проникательнаго и вѣрнаго въ сужденіяхъ даже тѣхъ предметовъ, которые выше его понятій; прибавьте къ этому необыкновенную доброту, симпатичность къ ближнему и набожность, столь рѣдкую въ Сибири ¹⁾—и вы будете имѣть ея портретъ, довольно вѣрный. Молоденькая и очень хорошенькая ея дочь (Катерина Дмитріевна), отданная за-мужъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, невинностью и неопытностью была совершенное дитя, такъ что ея супругъ, съ помощію текстовъ изъ священнаго писанія, едва добился отъ нея, уже долго послѣ сватъбы, покорности супружескимъ обязанностямъ. Наши дамы ее очень полюбили, ласкали ее и играли ею какъ игрушкой. Когда ея мужъ не ночевалъ дома (а это случалось довольно часто вначалѣ, потому что, вспоминая студентскую жизнь бурша, онъ сблизился съ гуляками нашего штаба и преимущественно съ Куломзиннымъ, племянникомъ генерала, глушцомъ и пьяницей), то она постоянно приходила ночевать къ нашимъ дамамъ, дѣтски-наивно признаваясь, „что она привыкла спать съ Митей (ея мужъ) и безъ него боится одна лечь въ постель“ ²⁾. Дамы должны были спать съ нею вмѣстѣ. Однажды, княгиня М. Н. Волконская, любуясь ею, сказала: „какъ прелестны ваши большіе, черные глаза!“ ³⁾—и этихъ немногихъ словъ было достаточно, чтобъ разобидѣть ее на многіе дни. „Господи! повторяла она: развѣ я корова, что у меня такіе глаза? развѣ я виновата, что Богъ ихъ создалъ черными?“ Но этотъ ребенокъ, со врожденнымъ умомъ, въ обществѣ дамъ нашихъ развивался не по днямъ, а по часамъ, и вскорѣ она сдѣлалась прелестною дамочкою хоть куда, завоевавшею сердца многимъ изъ заключенниковъ. Мужъ ея, вбалмошный, но добрый студентъ, невидавшій никогда хорошаго общества, получившій такое ограниченное обра-

¹⁾ Едва-ли это вѣрно: Сибирь велика и въ набожныхъ недостатка нѣтъ.

²⁾ Вообще, я сожалѣю, что Мишель это написалъ: съ одной стороны—мелочь, съ другой—оскорбленіе. Ильинскій много служилъ намъ.

³⁾ У самой княгини М. Н. Волконской глаза черны—какъ черная смоладина.
В. П. (1862 г.).

зованіе, но по влеченію молодости жаждущій познаній, былъ совершенно сбить съ толку неестественнымъ состояніемъ, въ которое его бросила судьба. Вообразите себѣ молодого человѣка со свойственнымъ молодости самолюбіемъ, съ претензіею на университетское образованіе, съ невѣдѣніемъ самыхъ простыхъ понатій о составѣ общества, съ политическимъ его устройствомъ, а главное—отсутствіемъ всякаго понятія о нашемъ намѣреніи, незнаніемъ, чего мы хотѣли, за что пострадали,—вообразите этого человѣка, брошеннаго въ водоворотъ нашей тюремной жизни въ ту эпоху, когда впечатлѣнія еще были живы, раны свѣжи, потери горьки, когда кипучая молодость, лишенная дѣятельности, изливалась въ шумныхъ диспутахъ и борьбѣ разнорѣчащихъ мнѣній, еще не складившихся шероховатостей. Его изумленіе было велико, когда, слушая знакомую ему русскую рѣчь, онъ въ ней не понималъ ничего. Изъ состраданія къ его любознательности, ему объяснили его невѣжество. Тогда, очертя голову, онъ бросился въ море учености, просилъ, вымаливалъ у насъ книги, и когда увидѣлъ, что изъ русскихъ книгъ онъ немногому научится, онъ началъ изученіе французскаго языка, заставилъ и жену учиться по французски, читалъ самъ и заставлялъ читать жену философскаго и спеціальнаго содержанія книги; не познакомившись хорошо съ языкомъ и начавъ дѣло съ середины, естественно—понималъ все вкривь и вкось, и желая намъ показать свое знаніе, пускался въ философскія и политическія пренія, и наконецъ дошолъ до такого умственнаго сумбура, что становилось жаль, когда насмѣшники нарочно вовлекали его въ диспуты и, засыпая его техническими терминами, пороли чепуху въ забаву публики. Эти диспуты сдѣлались для него хроническою болѣзнью, и онъ такъ надоѣлъ всѣмъ, что комендантъ, видя какъ онъ небрежотъ своею должностію и промѣнялъ медицину на философію, запретилъ ему (чудное дѣло!) входъ въ казamatъ и леченіе больныхъ арестантовъ, иногда позволяя въ такихъ только случаяхъ, когда больной, не желая лечиться у нашего товарища Вольфа, просилъ у коменданта позволенія лечиться у Ильинскаго ¹⁾. И такъ, медикъ, назначенный правительствомъ къ арестантамъ, котораго обязанность была ежедневно посѣщать насъ по службѣ, не иначе могъ проникнуть въ завѣтныя стѣны, какъ только съ нашего позволенія. И онъ часто

¹⁾ Не знаю подобнаго случая, развѣ послѣ.

прибѣгалъ къ намъ съ просьбой—сказаться больнымъ, и мы его выписывали и скучали съ нимъ; но все, все мы ему прощали ради его привязанности къ намъ, ради его любознательности, ради участія въ нашемъ положеніи доброй, почтенной старушки Федосьи Дмитріевны и жены его, ради доставленія всякаго рода контрабанды, начиная съ карандаша и стѣлянки вина подъ видомъ лекарства до запрещеннаго стихотворенія или брошюры. Онъ умеръ въ бытность нашу въ Селенгинскѣ, въ чахоткѣ. Молодая вдовушка, жена его, уже содѣлавшаяся порядочною *vas bleu*, по склонности къ философіи, дала уже свое согласіе отдать руку и сердце Петру Ив. Борисову, первостатейному нашему философу; но какъ родные колебались отпустить ее въ домъ Борисова, гдѣ сумасшедшій его братъ Андрей сдѣлалъ его домомъ сумасшедшихъ, то, по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ смерти мужа, она вышла за Кречковскаго, политическаго преступника изъ полявовъ, бывшаго гувернеромъ дѣтей Д. Д. Старцева. Она уже умерла, равно какъ и жена Дмитрія Дмитріевича Старцева, похороненная нами вчера (24 ноября 1860 г.). Братъ Николай очень любилъ все это семейство, крестилъ почти всѣхъ ихъ дѣтей, какъ Дмитрій Дмитріевичъ теперь (1860 г.) креститъ монаховъ, училъ своихъ крестницъ и крестниковъ французскому языку, рисованью и проч., какъ я теперь (1860 г.) занимаюсь съ двумя сыновьями его и дочерью—французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ языками, математикой, исторіей, географіей, физикою и проч. и проч. и проч.

Другой патріархъ и Несторъ нашего общества—купецъ 3-й гильдіи Мих. Мих. Лушниковъ. Его опытностью и уваженіемъ къ нему держится общество бѣдныхъ и лѣнливыхъ нашихъ мѣщанъ, какъ всѣ родовитые сибиряки. Безъ его совѣта и голоса ничто у насъ не творится. Братъ и я, мы полюбили его за патріархальную простоту, доброту и правоту. Одно изъ его сыновей братъ училъ рисовать. Онъ живъ и понынѣ (1860 г.).

Третье лицо, съ которымъ насъ сблизила судьба въ Селенгинскѣ официально, это былъ городничій Кузьма Ив. Скоряковъ, креатура Трескина, который, какъ Петръ Великій или Наполеонъ, не ошибался въ выборѣ своихъ дѣателей. Онъ былъ простой сибирскій казакъ, находившійся на постоянныхъ ординарцахъ у губернатора. Говорили изъ насмѣшки, что Трескинъ,

проѣзжая Селенгинскъ, вытряхнулъ его съ запятовъ, и не желая останавливаться, приказалъ ему городничествовать въ этомъ городѣ. И выборъ былъ также хорошъ, какъ выборъ исправника Лоскутова въ Нижне-Удинскѣ, котораго сперва проклинали, а теперь чуть не боготворятъ за его административныя мѣры ¹⁾). Нашъ Скорняковъ управлялъ городничествомъ 35 лѣтъ, и въ теченіи этого времени, не умѣя правильно подписать своего имени, умѣлъ вести дѣла такъ, что для ревизора, положимъ хоть подобнаго Петру Великому съ Галицкимъ воеводой, онъ бы не могъ предложить ни одного дѣла для ревизіи. Онъ намъ много помогъ въ нашемъ новомъ водвореніи и былъ прямой защитникъ нашего беззащитнаго положенія. Мы его уважали за его сердце и природный умъ.

Впослѣдствіи, когда мѣсто его замѣнено было превтскимъ кварталнымъ Кузнецовымъ, мы должны были испытать всѣ притѣсненія, на которыя обрекаются въ Сибири лица, заслужившія неблаговоленіе правительства. Къ счастью нашему, генераль-губернаторъ Муравьевъ не сочувствовалъ его вѣрноподданническому усердію, и не смотря на троекратное заступничество брата Николая, его смѣнили. Два городничихъ: Кларкъ и Киронскій, занимавшіе послѣ его мѣсто, были добрыя и благородныя лица. Тому и другому мы отблагодарили, доставъ, по ходатайству нашему, у генераль-губернатора спокойныя мѣста: первому—городничимъ въ Верхоленскѣ, второму—городничимъ въ Киренскѣ ²⁾).

Съ прочими гражданами мы были знакомы со всѣми безъ исключенія; но знакомство съ ними ограничивалось посѣщеніями въ торжественные праздники, въ общей компаніи всѣхъ согражданъ, какъ это велось искони и какъ теперь постепенно выходитъ изъ обычая.

О близкихъ знакомствахъ брата Александра и его дружескихъ связяхъ я, къ несчастію, не могу ничего сказать положительно; такъ какъ насъ судьба развела по различнымъ дорогамъ, наши свиданія были рѣдки и кратки. Знаю, что онъ, въ первыхъ годахъ офицерства, былъ близокъ съ Креницынымъ. Помню, что мы часто его посѣщали въ пажескомъ корпусѣ, что тамъ

¹⁾ Это и я сказалъ.

²⁾ Мишелю, благородному душою—и въ голову не пришло, что это можетъ показаться хвастовствомъ. В. И. Штейнгейль (1862 г.).

намъ читали разные стихи, написанные кадетами на разные корпусные случаи; помню, какъ братъ мнѣ говорилъ, что старухамать Креницына (кажется, такъ) была недовольна сыномъ за знакомство „съ такимъ вольнодумцемъ“. Но о житьѣ-бытьѣ въ полку, потомъ у Бетанкура адъютантомъ, потомъ у герцога Виртембергскаго—я зналъ очень мало. Когда я, уже переведенный въ Московскій полкъ, жилъ, по болѣзни, у него и Рылѣва на квартирѣ, вся наша дѣятельность священной (?) обязанности тайнаго общества—свиданія и толки были только съ членами; большая и меньшая довѣренность и сближеніе зависѣли отъ болѣшей или меньшей дѣятельности и участія члена. Часто собирались и литераторы, читались разные литературныя произведенія, были споры, сужденія, особенно въ эпоху перваго изданія „Полярной Звѣзды“. Но въ этихъ столкновеніяхъ трудно было замѣтить пріязнь или дружбу одного къ другому. Знакомство брата Александра съ домомъ Савицкихъ и Фонъ-Дезина, равно какъ сердечное участіе въ этихъ знакомствахъ, вамъ вѣроятно уже извѣстны. Вѣроятно извѣстно также и то, что Фонъ-Дезинъ, отъездивши отъ дуэли съ братомъ Александромъ, былъ прибитъ Рылѣвымъ на улицѣ хлыстомъ, и что это обстоятельство чуть не имѣло гибельныхъ результатовъ впоследствии для всѣхъ нашихъ товарищей, служившихъ на Кавказѣ, и что братъ Петръ все-таки поплатился сумасшествіемъ.

Моимъ первымъ другомъ съ перваго дня вступленія въ корпусъ былъ Александръ Никитичъ Баскаковъ; послѣднимъ въ тюремной жизни—баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгейль. О первомъ вы спросите у сестры Елены Александровны, и она вамъ расскажетъ о его неизмѣнной привязанности ко мнѣ (даже въ то время, когда судьба насъ разлучила на вѣки); какъ онъ, не имѣя возможности облегчать мою участь личнымъ участіемъ своей дружбы, во имя ея старался, по возможности, быть полезнымъ матушкѣ и сестрамъ. До самой смерти своей онъ велъ постоянно со мною переписку, присылалъ на память разные вещи и работы своей дочери, и готовъ былъ присылать деньги, если бы я на это далъ свое согласіе. Послѣдняго—84-хъ-лѣтняго старца ¹⁾, ежели пожелаете, можете узнать лично: онъ живетъ въ Пе-

¹⁾ И теперь только еще къ 78-му близусь.

Баронъ В. И. Штейнгейль (1862 г.)

тербургѣ, въ Кирочной улицѣ, въ домѣ Кольмана. Вы увидите въ немъ весь пылъ молодости ¹⁾, сохранившійся подъ убѣленною временемъ головою, какъ пламя. Этно подѣ снѣгомъ. Вы найдете въ немъ живую лѣтопись прошедшаго, которая не солжеть вамъ даже въ часѣ прошлаго событія: такъ свѣжа его память ²⁾, и слѣдовательно, кромѣ любопытныхъ подробностей о нашемъ казачьемъ бытѣ, онъ можетъ сообщить многія интересныя событія вамъ, какъ историографу.

Въ промежутокъ между этими окраинами моей жизни я имѣлъ счастье заслужить беззабѣтную привязанность отъ нѣсколькихъ изъ моихъ знакомыхъ, къ которымъ я не питалъ чувствъ дружбы, не имѣя того, что называютъ „симпатіей“. Врожденная веселость моего характера, общительность и непреодолимая откровенность, отъ которой и доселѣ не излечили меня ни горькій опытъ, ни горькія послѣдствія, сближали меня скоро съ людьми и завязывали узелъ ежели не дружбы, то пріязни, который не разрывался даже тогда, когда я приправлялъ свои сношенія порядочною дозою насмѣшливости и сарказмовъ, можетъ быть, потому, что самъ былъ не обидчивъ и не сердился, когда мнѣ платили тою-же монетою. Но мнѣ не нравилась холостая жизнь мичмановъ; мнѣ не нравилась эта разгульная, безцѣльная и безцвѣтная жизнь. Я предпочелъ ей знакомство съ семейными домами и посѣщалъ ихъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ. Я точно также, какъ и онъ, былъ близко знакомъ съ семействомъ Имберховыхъ и Михайловскихъ, куда меня влекли и сердечныя привязанности; бывалъ часто у Берловскихъ, Гасельмановыхъ, Мейеровыхъ, и проч., но чаще всего у Степовыхъ, дѣтей которыхъ я даже училъ. Одна изъ трехъ дочерей, Софья Михайловна, вышла за генер. Гогеля, воспитателя Наслѣдника теперешняго (1860 г.) государя.

Добрый К. П. Торсонъ, изъ любви къ брату и желая направить мои неопытные шаги на жизненномъ и служебномъ поприщѣ, взялъ меня подѣ свою опеку: предложилъ мнѣ жить вмѣстѣ, склонилъ къ занятіямъ сурьезнымъ и былъ моимъ дядькою и учителемъ. Мы вмѣстѣ занимались французскимъ языкомъ, чи-

¹⁾ Онъ говорить по воображенію.

²⁾ Была!

Баронъ В. И. Штейнгейдъ (1862 г.).

тали историческія сочиненія, морскія войяжи, изучали физику, механику и прочія спеціальныя науки. Онъ тогда жилъ во флигелѣ у корабельнаго мастера Ершова, и мнѣ очень памятенъ тотъ вечеръ, въ который погибъ несчастный бригъ „Фалькъ“. Мы были въ гостяхъ у нашего хозяина и въ угоду хозяйкѣ сѣли играть въ бостонъ, какъ разразилась та буря, которая сокрушила, можетъ быть, не одинъ бригъ „Фалькъ“. Мы невольно оставили карты и начали разсуждать о горькой жизни моряковъ. „Тогда какъ мы сидимъ теперь въ теплой комнатѣ и беззаботно проводимъ время,—говорилъ хозяинъ,—сколько несчастныхъ жертвъ поглощаетъ море; сколько живыхъ существъ въ предсмертныхъ мукахъ кончаютъ жизнь“. Намъ даже казалось, что слышимъ пушечныя выстрѣлы, вѣстники гибели. И точно: въ эти минуты гибли ужасною смертью цѣлые десятки людей, безъ всякой надежды на помощь... Но какъ неисповѣдимы пути жизни человѣческой: изъ троихъ насъ, сидѣвшихъ за бостономъ, были два моряка, около которыхъ влажная смерть кругомъ ходила ослабѣла, и они погибли сухопутно—въ Сибири; третій, обитатель суши, былъ одинъ изъ числа немногихъ, предъ взорами которыхъ погибли тысячи несчастныхъ жертвъ при крушеніи корабля Ингерманланда, погибли тысячею разнообразныхъ смертей и спасаются кажимъ-то особеннымъ провидѣніемъ Божиимъ ¹⁾.

Въ началѣ 1819 года я отправился въ г. Архангельскъ съ 14-мъ экипажемъ, какъ лучшимъ по фрунтовой части, для приѣма Государя, рѣшившагося посѣтить этотъ городъ первымъ со временъ Петра Великаго. Я ѣхалъ туда какъ въ ссылку. Ни родныхъ, ни знакомыхъ у меня тамъ не было. Братъ Николай, по собственной его просьбѣ, былъ оставленъ въ Кронштадтѣ, но хотѣлъ оставить меня на произволъ судьбы и снабдилъ множествомъ рекомендательныхъ писемъ какъ отъ своего лица, такъ и отъ лицъ, имѣющихъ коммерческія сношенія съ купцами Архангельска. Ѡ. В. Моллеръ, главный командиръ кронштадтскаго порта, объяснивъ мнѣ, что молодому офицеру не должно уклоняться отъ назначеній, снабдилъ своимъ ходатайствомъ перевода изъ Архангельска, ежели я буду его просить объ этомъ. Я отправился на

¹⁾ Жаль, что не означилъ о комъ рѣчь.

почтовыхъ съ нашимъ экипажнымъ командиромъ В. И. Рудневымъ. Прибывъ въ Архангельскъ на послѣднихъ недѣляхъ великаго поста, сидѣлъ запершись въ своей уединенной хатѣ, сжегъ всѣ рекомендательныя письма, твердо рѣшась просить перевода... И что-же?—Увлеченный почти силою на первый балъ въ клубъ, по наступленіи свѣтлыхъ дней праздника, и очарованный красотою К....., увы!—поступилъ рекрутомъ въ фалангу ея обожателей, дослужился до чина фельдмаршала,—и въ этой сладкой службѣ непримѣтно протекли два съ половиною года.

Не стану утомлять вашего терпѣнія описаніемъ этихъ двухъ съ половиною годовъ, на что я употребилъ-бы двѣ съ половиною дести бумаги; скажу только, что я провелъ ихъ такъ, что даже и теперь воспоминаніе о нихъ есть мое лучшее достояніе, потому что достояніе человѣка не имѣющаго ни настоящаго, ни будущаго, есть только прошедшее.

Возвратясь изъ Архангельска, я снова поступилъ подъ опеку Торсона—и не рассказавось: я много обязанъ ему. Онъ только что возвратился изъ полярныхъ странъ Южнаго моря, и его рассказы и наставленія глубоко врѣзались въ мою душу. Онъ составилъ проектъ (какъ я говорилъ выше) о матерьяльномъ усовершенствованіи русскаго флота. Ему было поручено осуществить его вооруженіемъ корабля „Эмгейтена“, и онъ пригласилъ меня и моего товарища по выпуску, Мих. Сатина, ему помогать. Цѣлая зима проведена была нами въ холодныхъ зданіяхъ адмиралтейства, чтобъ приготовить тавелажъ по новому положенію; цѣлая весна въ вооруженіи корабля и въ исчисленіи безконечныхъ таблицъ новаго штата, отъ котораго глаза наши едва не ослѣпли. Когда все было готово, чтобъ, представивъ корабль на смотръ государя, отправить его подъ начальствомъ Торсона для пракческаго изслѣдованія въ крейсерство, вдругъ Торсонъ получаетъ извѣщеніе отъ своего министра (онъ уже былъ его старшимъ адъютантомъ), что корабль назначается для отвоза великаго князя Николая Павловича съ женою въ Пруссію, такъ какъ не было не только готоваго на этотъ предметъ корабля во всемъ бронштадтскомъ порту, но даже мало-мальски годнаго. Наканунѣ прибытія великаго князя гвардейскій экипажъ былъ посаженъ на корабль. Капитанъ 2-го ранга Качаловъ принялъ надъ нимъ начальство и вытянулся на рейдъ. Государь со всѣмъ дворомъ,

великій князь, со своею путевою свитою, на утро приѣхали на корабль — и всѣ были поражены небывалымъ устройствомъ, изящною отдѣлкою и видомъ корабля, не похожаго на то, что прежде видано. Александръ I, вполне довольный, благодарилъ министра, благодарилъ Качалова, нѣсколько разъ спрашивалъ: „отъ чего онъ тутъ видитъ то, чего прежде нигдѣ не видалъ“, — и всѣ кланялись и молчали, потому что истины сказать не смѣли. И эти сцены происходили въ присутствіи Торсона! Какое-же было его положеніе?.. Узвѣленный, и такъ неделикатно, въ самое сердце, тѣмъ самымъ лицомъ, которое вызвало его для помощи на новомъ своемъ поприщѣ, всегда осторожный Торсонъ разразился предъ нимъ всѣмъ пыломъ своего благороднаго негодованія и грозился донести государю о противозаконномъ поступкѣ министра. Нѣмецкій министръ его растерялся и началъ извиняться предъ нимъ какъ школьникъ, сдѣлавшій невозвѣстную шалость, и чтобъ вознаградить Торсона, или, лучше сказать, чтобъ удалить его, потому что онъ уже начиналъ таготиться присутствіемъ этого неподкупнаго Катона, онъ предложилъ ему принять начальство надъ ученою экспедиціею. Онъ поручалъ ему выстроить два корвета подъ личнымъ его надзоромъ, позволялъ выборъ офицеровъ по волѣ Торсона¹⁾, и даже обѣщалъ утвердить инструкцію, составленную Торсономъ, и которая должна опредѣлить цѣль, продолжительность и даже мѣсто дѣйствій экспедиціи. „По вашему возвращеніи изъ войяжа, — говорилъ плачевно министръ, — я буду въ возможности наградить васъ вдвойнѣ — и за войяжь, и за то, что вы потеряли теперь; тогда и офицеры, трудившіеся при составленіи штатовъ (т. е. я и М. Сатинъ, мой корпусный товарищъ) будутъ награждены такъ, что вы останетесь довольны“. Какъ ни странна была подобная сдѣлка, до которой унижился государственный сановникъ, управляющій министерствомъ, но изъ этого обстоятельства Торсонъ ясно увидѣлъ, что отъ него ничего путнаго ожидать нельзя, и что тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше его оставить. Сверхъ того, предложеніе было такъ заманчиво, такъ хорошо соотвѣтствовало его постоянному направленію къ пользѣ наукъ и славы отчизны, что онъ согласился и далъ обѣщаніе

¹⁾ Лишнее.

молчать. Но накипѣвшее негодованіе не могло скоро уходитьсѧ. Въ частыхъ бесѣдахъ со мною Торсонъ раскрывалъ душевныя раны, и жалобы съ горечью изливались на существующія злоупотребленія, на гнетущій произволъ, на тлетворное растлѣніе всего административнаго организма. „Надо положить этому конецъ“—произносилъ онъ часто, останавливался, задумывался и пережѣнялъ разговоръ. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, онъ открылъ мнѣ существованіе тайнаго общества съ цѣлью—положить конецъ этому, и принялъ меня въ члены.

VI.

Заграничныя пѣздки и участіе Николая Бестужева въ бою 1808 г.

Изъ записокъ о Голландіи вы увидите годъ и продолжительность пребыванія брата въ этой странѣ. Братъ находился въ сводномъ экипажѣ, сформированномъ для этой цѣли и отданномъ подъ начальство капитана 2-го ранга Тизенгаузена. Въ 1817-мъ году мы плавали съ нимъ на кораблѣ „Не тронь меня“ въ Кале, въ сообществѣ Греча и семейства генерала Жоинни. Изъ записокъ: „Плаваніе фрегата Проворнаго“ вы увидите, когда и какіе порты Франціи и Англіи братъ Николай посѣщалъ. Что же касается до подробностей кампаніи 1808 г., то, къ сожалѣнію, я ничего сообщить не могу. Я и не спрашивалъ его о нихъ, зная, что онъ пишетъ повѣсть, гдѣ онъ общалъ подробно изложить всѣ подробности плаванія и участіе въ бою. Куда дѣлалась эта начатая или оконченная повѣсть—я не знаю: вѣроятно истреблена, какъ и много было подвержено той же участи записокъ и сочиненій при внезапныхъ обыскахъ.

VII.

Души и участіе въ нихъ братьевъ Бестужевыхъ.

Желая говорить съ вами только языкомъ истины, я уже прежде оговорился касательно слабѣющей моей памяти, измѣняющей мнѣ болѣе всего въ именахъ и числахъ, и потому не сѣтуйте, ежели я, приводя факты вѣрные, не могу припомнить эпохъ и именъ. Я, въ описаніи дѣтства брата Александра, вамъ упоминалъ

о его первой дуэли съ офицеромъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка за его карикатурныя рисунки, гдѣ все общество полка было представлено въ образѣ животныхъ. Вторая его дуэль была затѣяна изъ-за танцевъ. Третья съ инженернымъ штабъ-офицеромъ, находившимся при герцогѣ Виртембергскомъ, и это происходило во время поѣздки герцога, гдѣ братъ и инженеръ составляли его свиту, и братъ былъ вызванъ имъ за какое-то слово, понятое оскорбительнымъ. Въ этихъ дуэляхъ никто изъ насъ, даже Рылѣвъ, не участвовалъ. Въ дуэли Рылѣва съ женихомъ сестры его, братъ Александръ былъ секундантомъ. Дуэль была ожесточенная, на близкой дистанціи. Пуля Рылѣва ударила въ стволъ пистолета его противника и отклонила выстрѣлъ,—направленный прямо въ лобъ Рылѣва—въ пятку ноги.

VIII.

О степени участія въ Массонскихъ ложахъ и тайномъ обществѣ.

Изъ всѣхъ пяти братьевъ нашихъ братъ Николай былъ одинъ членомъ единственной въ то время существовавшей Массонской ложи въ Петербургѣ. Онъ былъ введенъ въ нее Н. И. Гречемъ и занималъ въ ней, кажется, значительную степень. Ежели Н. И. Гречь еще живъ, онъ вѣроятно не откажетъ вамъ сообщить нужныя подробности.

Что-же касается до вступленія моего въ тайное общество, выше я это объяснилъ ¹⁾. Братъ Петръ былъ принятъ гвард. экип. лейтенантомъ Арбузовымъ. Степень участія нашего въ обществѣ до 14-го числа ограничивалась распространеніемъ общества избраніемъ членовъ, достойныхъ быть членами, а главное—обязанностью распространять либеральныя понятія, основанныя на просвѣщенной свободѣ самоуправленія (self-government), для чего стараться по силамъ и возможности распространять просвѣщеніе, безъ воюго свобода можетъ обратиться въ своеволіе, худшее самаго крайняго произвола.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1870 г., третье изданіе, томъ I, стр. 264 и слѣдующія.

IX.

Литературные труды Николая Вестужева; занятія другими предметами и его изобретенія.

Всѣ напечатанныя ¹⁾ литературныя произведенія брата, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, весьма блѣдно отражаютъ литературную его личность. Всѣ оныя болѣе или менѣе были порожденіемъ случайности, требованіемъ обстоятельствъ, какъ бы hors d'oeuvre его настоящаго предназначенія. Вамъ извѣстно, что литература того времени была прихотью, а не потребностью общества: это былъ десертъ, безъ котораго обѣдъ могъ безупречно обойтись, особенно когда этотъ десертъ подавали въ видѣ пожертвованія люди, чуждые цѣха записныхъ писаеъ, люди, обязанные службою, дарившіе неприхотливой публикѣ свои кратковременныя досуги въ видѣ сластей или бонбошекъ. Да и записныя литераторы и журналисты чѣмъ подчивали публику? что дѣльнаго или сурьезнаго было написано въ то время? Ежели братъ хотѣлъ и могъ вполне высказаться и выказать свои способности, какъ писатель, то это могло осуществиться въ его серьезномъ трудѣ, предпринятомъ по порученію правительства, написать исторію русскаго флота. Но и въ этомъ святомъ дѣлѣ щепетильность и узость понятія его начальства обставили его путь такими препятствіями, что результатомъ годовыхъ усилій брата были слабыя корректурныя листки, напечатанныя только для того, чтобъ вызвать сужденія и чтобъ показать начальству, что онъ не спитъ. Онъ не могъ добиться свободнаго доступа въ другіе архивы, даже свободнаго пересмотра необходимыхъ книгъ и манускриптовъ публичной библіотеки, а архивъ морскихъ дѣлъ при адмиралтействѣ былъ въ такомъ беспорядкѣ, что было выше человѣческихъ силъ добиться или найти даже то, что тутъ находилось, а что было отыскано—часто было такъ изуродовано, что не приносило никакой пользы. Много зла нанесъ архиву вандалъ Вас. Берхъ, безцеремонно вырѣзывавшій часто изъ манускриптовъ цѣлыя части, въ которыхъ онъ имѣлъ надобность, когда издавалъ свои водянистыя труды. Сверхъ этихъ затрудненій министръ поручилъ брату завѣдываніе морскимъ музеемъ, т. е. без-

¹⁾ Собраніе ихъ вышло въ 1860 г.: „Разсказы и повѣсти стараго моряка Н. А. Вестужева“. Москва, стр. 575. — Наша рецензія этой книги напечатана въ „Спб: Вѣдомостяхъ“ 6-го окт. 1860 г.

Ред.

образною кладовою, куда свалены были всѣ морскія рѣдкости. Могъ-ли братъ равнодушно смотрѣть на этотъ хаосъ? Онъ рѣшился привести музей въ приличный видъ, пополнить богатый отдѣлъ моделей и размѣстить ихъ по эпохамъ, пополнить виды новооткрытыхъ и посѣщенныхъ нашими моряками земель, рассортировать по группамъ любопытные предметы, принадлежавшіе собственно каждой землѣ, и наконецъ составить полный и дѣльный указатель музея, съ возможно-краткимъ, но яснымъ описаніемъ земель и сгруппированныхъ предметовъ. Эти мелочныя, но кропотливыя заботы, лежавшія на немъ одномъ, безъ помощника, поглощали много времени и отвлекали его отъ главнаго предмета его занятій.

Съ самаго выпуска изъ корпуса онъ не оставлялъ по временамъ заниматься миниатюрною живописью и механическими работами. Онъ много рисовалъ портретовъ и самъ обдѣлывалъ ихъ въ изящныя рамки. Много точилъ онъ изъ кости, янтара и разноцвѣтныхъ деревъ на станкѣ, сдѣланномъ имъ самимъ. Въ тюремной его жизни я вамъ уже разсказалъ его первыя механическія занятія ¹⁾, и первый удачный плодъ его усилій—небольшіе столовые часы со стекляннымъ циферблатомъ и сквозными станинами, чтобъ открыть весь ходъ часовъ, были подарены А. Г. Муравьевой изъ благодарности за полный часовой инструментъ, выписанный ею безъ его вѣдома. Но какъ это всегда бываетъ, когда ассортиментъ выписываемыхъ инструментовъ предоставляется на произволъ мастеровъ, то они стараются сбывать то, что имъ не нужно и чего у нихъ много, забывая присоединить, что необходимо нужно,—то братъ принужденъ былъ многою необходимыми для часоваго дѣла машинки и инструменты дѣлать самъ. Такъ, онъ долженъ былъ устроить маленькій ручной токарный станокъ, дѣлительную машинку для нарѣзки зубцовъ часовыхъ колесъ и шестерней, станокъ для провѣрки присаженныхъ на оси колесъ, и другіе, не менѣе сложные и требующіе необыкновенной точности. Преобладающей идеѣ своей о упрощеніи хронометровъ было посвящено все его время, ежели исключить безпрестанныя перерывки его сурьезныхъ занятій по просьбамъ всѣхъ насъ, вольнопрактиковавшихся въ разныхъ ремеслахъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. (изд. третье), томъ II, стр. 245 и слѣдующія.

показать: какъ сдѣлать то, какъ спаять это, какую форму дать тому или другому предмету и прочія настойчивыя требованія товарищей, которыя онъ удовлетворялъ съ такимъ неизмѣннымъ терпѣньемъ, что поистинѣ всѣхъ удивляло. Часто, видя неудачу по неопытности или непонятливости доучливаго субъекта, онъ дѣлалъ всю работу при немъ самъ и отдавалъ ему готовую. За то какъ пріятно было ему получать подарки отъ своихъ учениковъ ихъ посильныхъ трудовъ! Такъ, по приѣздѣ нашемъ въ Селенгинскъ, насъ посѣтилъ буряты Убугунъ Сарампиловъ, приѣзжавшій нѣкогда въ Петровскъ, чтобъ видѣть брата и поучиться у него. Онъ привезъ намъ съ братомъ по подарку собственнаго своего произведенія: мнѣ изящно отдѣланное огниво съ тисненымъ серебрянымъ украшеніемъ, а брату зрительную трубу. Мы удивились и не вѣрили глазамъ, чтобъ это былъ тотъ самый Убугунъ, который въ казачатѣ удивлялся, какъ чуду, простому токарному станку брата, который не имѣлъ никакого понятія о теоріи увеличительныхъ стеколъ, который не имѣлъ даже хорошей стали для своихъ инструментовъ, не говоря, что его собственные свѣрляды были грубой самодѣльщины. Братъ терпѣливо удовлетворялъ его любознательности, объяснялъ дѣломъ и словомъ всѣ приемы работъ, позволилъ ему снять рисунки съ машинокъ и всѣхъ орудій часоваго и слесарнаго мастерства, снабдилъ его сталью, инструментами, осколками толстыхъ стеколъ отъ зеркалъ и стакановъ, и даже подарилъ ему табакерку съ музыкаю и съ испорченнымъ механизмомъ. Когда мы его впоследствии посѣтили въ его юртѣ, то насъ поразилъ видъ всего, что онъ видѣлъ у брата или что срисовалъ, улучшеннаго замысловатою простотою. Осколки стеколъ уже превратились въ стекла зригельныхъ трубъ и биноклей, многіе изъ нихъ уже были не только совсѣмъ готовы, но даже поступали въ продажу и отличались необыкновенною ясностью; табакерка была исправлена, играла очень удовлетворительно, и сверхъ того, къ ней былъ прилаженъ бурятскій хурдо, должность коего состояла въ непрестанномъ верченіи цилиндрика, вмѣщавшаго ламскія молитвы. Этотъ хурдо замѣняетъ у буряты изустныя молитвы, и набожные убуши (посвятившіе себя Богу) вертять его руками или заставляютъ вертѣться вѣтромъ или жаромъ отъ ихъ очага.

Въ Селенгинскѣ, располагая болѣе свободнымъ временемъ,

онъ сурьезно занялся своими хронометрами, устроилъ астрономическую обсерваторію для повѣрки часовъ по звѣздамъ. Печка, устроенная внутри, то нагрѣвала маленькую комнату обсерваторіи до высокихъ градусовъ термометра, то вдругъ комната охлаждалась зимою до 30-ти градусныхъ морозовъ, и не смотря на такіе гигантскіе скачки температуры, его хронометры шли очень хорошо, особенно послѣдній, еще не совсѣмъ устроенный предъ самою его смертью. Его ходъ былъ постоянное отставаніе на $\frac{1}{10}$ секунды. Такой точности едва-ли можно требовать отъ лучшихъ англійскихъ или французскихъ хронометровъ. Эти часы я подарилъ на память брата Петровскому заводу, и они въ богатомъ футлярѣ до сихъ поръ не измѣняютъ хода. Много разобранныхъ часовъ осталось послѣ его смерти и участь ихъ—оставаться вѣчно въ такомъ положеніи, потому что въ дѣлѣ каждаго часовъ онъ преслѣдовалъ свою мысль: одинъ и тотъ же винтикъ имѣлъ двадцать дырочекъ; гдѣ его настоящее мѣсто—про то зналъ одинъ хозяинъ. Какіхъ трудовъ, какою настойчивой воли стоило ему устройство каждаго часовъ—вы можете судить изъ того, что онъ долженъ былъ латунь, назначенную для станинъ, наклепывать ручнымъ молоткомъ: работа тяжелая, продолжавшаяся иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ,—тогда какъ такая латунь, прокатанная черезъ вальцы (плющильные), продавалась въ Россіи готовая, и онъ не могъ ее получить, многократно выписывая, и получилъ ее черезъ астронома Струве тогда, какъ уже лежалъ въ могилѣ.

Первое время моего пребыванія въ казачьихъ Читы и Петровска я посвящалъ чтенію, на которое я бросился съ жадностью голодавшаго полтора года человѣка, и въ родѣ отдыха продолжая изученіе языковъ, начатое въ Шлюссельбургѣ. Когда по смерти Плуталова назначенъ былъ добрый генералъ Фритбергъ, и когда я ему объяснилъ, что у Плуталова находились мои деньги 40 рублей, оставшіеся изъ 100 (т. е. 60 руб. израсходованные плацъ-маіоромъ въ Петропавловской крѣпости въ теченіи одного мѣсяца на три лимона и на булки въ чай), и что на эти деньги Плуталовъ обѣщалъ мнѣ купить итальянскую, латинскую и нѣмецкую библію, не запрещенныя арестантамъ, и меня обманулъ, то онъ поспѣшилъ исполнить мое желаніе и доставилъ библію черезъ нѣсколько дней. На остальные деньги онъ купилъ мнѣ грамматику и лекціоны итальянскій и латинскій. Онъ даже обѣ-

щаль мнѣ доставить нѣкоторыя классическія сочиненія на этихъ языкахъ, но не могъ исполнить обѣщанія по именному повелѣнію. „Я бы долженъ былъ у васъ взять назадъ и всѣ прочія книги, кромѣ славянской библии, но я этого не сдѣлаю и приму всю отвѣтственность на себя“.—До него у меня была только одна книга: Théâtre de Racine, положенная украдкой сестрой Еленой Александровной, и эта единственная книга, можетъ быть, спасла меня отъ потери разсудка въ этомъ гробу. Я зналъ ее наизусть отъ доски до доски, и такъ изощрилъ свою память, что по полученіи библии черезъ два мѣсяца я уже свободно читалъ и понималъ латынскую, итальянскую и частью нѣмецкую, но, по всегдашней нелюбви этого языка, я отълаживалъ ее для будущности.

У брата Николая въ Шлюссельбургѣ была книга—Стерна сантиментальное путешествіе на англійскомъ, и она на него имѣла благотворное вліяніе.

И такъ, въ казматахъ Сибири, я, продолжая изученіе этихъ языковъ, занимался еще польскимъ, англійскимъ и въ послѣдствіи испанскимъ языками. Мы учились по методъ взаимнаго обученія: такъ напр. польскому и латинскому языку я учился у поляка Рукевича, итальянскому у Поджіо, англійскому—у Чернышева, испанскому—у Завалишина (Дмитрія Иринарховича), уча ихъ въ свою очередь тѣмъ языкамъ, въ которыхъ уже сдѣлалъ успѣхи.

При постепенныхъ льготахъ, когда мы имѣли возможность съ болѣею свободою пользоваться перомъ, наступила та литературная эпоха, о которой я вамъ упоминалъ выше. Я писалъ для чтенія на общихъ собраніяхъ и переводы, и философическіе и историческіе трактаты, и оригинальныя повѣсти. Кромѣ этихъ литературныхъ собравій, человекъ шесть изъ насъ составили свой кружокъ и собирались одинъ вечеръ въ недѣлю для диспутовъ на заданную философическую тему, которую должно было изложить въ особо-написанномъ трактатѣ. Торсонъ, обрабатывая свои проекты объ измѣненіи администраціи по всѣмъ отраслямъ правленія, задавалъ мнѣ типы изъ механическаго устройства различныхъ машинъ, и сравнивая ихъ съ тѣми, которыя уже были имъ придуманы или обрабатывались въ головѣ, принималъ или отвергалъ послѣ тщательнаго обсужденія. У меня въ памяти сохранилось одно изъ моихъ предположеній—замѣнить гребныя ко-

леса и винты парашодовъ другимъ двигателемъ—двумя закрытыми цилиндрами, вставленными въ кормовую подводную часть корабля, во внутренности коихъ два глухіе пистона, попеременно дѣйствующіе, выгоняя воду изъ одного цилиндра и втягивая воду въ другой, должны неминуемо сообщить кораблю поступательное движеніе впередъ.

Кромѣ того, все, что было окончательно обработано и изложено Торсономъ въ его проѣктахъ, онъ прочитывалъ намъ съ братомъ и обсуживалось по частямъ и въ общности. Когда же наконецъ усиленное чтеніе книгъ и газетъ, при сомнительномъ полусвѣтѣ нашихъ комнатъ, когда письмо при тускломъ мерцаніи мажанныхъ свѣчъ значительно ослабили мое съ малолѣтства разстроенное зрѣніе, я принялся за ремесла, чтобъ хоть по временамъ давать отдыхъ уму и глазамъ. Я началъ съ часового, самаго сподручнаго для меня по занятіямъ брата. Вымѣненные мною стѣнные часы были превосходной работы, но изломаны; послѣ долгихъ усилій я, наконецъ, исправилъ ихъ: перемѣнилъ циферблатъ, стрѣлки и придѣлалъ къ нимъ бой. Эти часы и до сихъ поръ (1860 г.) служатъ мнѣ вѣрою и правдою. Потомъ перешолъ къ мастерству переплетному, какъ самому необходимому для сохраненія дорогихъ увражей, тающихъ въ рукахъ жадныхъ читателей. Потомъ къ золотыхъ дѣлъ мастерству, къ чернеди, къ товарному, бапшачному, картонажному и проч. и проч. Все, чему я научился, послужило много мнѣ впоследствии, когда надо было примѣромъ, а не словомъ, учить понятливыхъ, но невѣжественныхъ сыновъ природы, каковы „братскіе“ (буряты?).

X.

Что первое по времени явилось въ печати изъ сочиненій Бестужевыхъ Николая Александровича, Александра и Михаила Александровичей?

Первыми по времени литературными произведеніями брата Александра были: „Критическій разборъ комедій князя Шаховскаго“, который и былъ причиною псевдонима Марлинскаго; потомъ—„Критика на переводъ Катенина Руссо—Эсѳиръ“ чуть не вовлекло его въ дуэль съ переводчикомъ. Возвратясь однажды изъ театра, гдѣ представляли эту переводную трагедію, у него

вырвалось: „Нѣтъ! надо постегать этого литературнаго диктатора Катенина. Мочи нѣтъ быть съ нимъ вмѣстѣ въ театрѣ: судить и ридить на весь театръ все и всѣхъ, такъ что хоть бѣги вонъ“. — Начальныя сочиненія брата Николая у васъ вѣрно обозначены, но Паризину я видѣлъ у него прежде въ рукописи.

Изъ всего того, что марали мы, т. е. три младшіе ихъ брата, — а марали мы не мало, а особенно мы съ братомъ Петромъ, — не суждено было ничему явиться на свѣтъ Божій. Когда появленіе поэмъ Байрона вскружило всѣмъ головы, я много написалъ пьесъ въ подражаніе ему: тутъ были и замки, и Ливонскіе рыцари, и дѣвы, и Новгородцы. Но когда я читалъ ихъ брату Николаю, онъ мнѣ постоянно повторялъ: „Поменьше мудреватости, побольше простоты, а главное — побольше мыслей. Помни, что ни одинъ порядочный человѣкъ не одѣвается московскимъ франтомъ; побрякушки и разноцвѣтные банты на его галстукѣ никакъ не замѣняютъ отсутствіе ума“. — Хотя мои литературныя произведенія съ каждымъ разомъ ближе и ближе подходили къ требованіямъ брата, хотя нѣкоторые изъ нихъ уже заслуживали одобреніе брата Александра и благосклонно проходили его цензуру, но я всегда предпочиталъ держаться цензуры брата Николая и не рѣшался отдаваться на судъ публики. Въ 1824 году ноября 7-го я описалъ наводненіе въ Кронштадтѣ: я наблюдалъ его съ высокой обсерваторіи, и подъ горячимъ впечатлѣніемъ этого страшнаго зрѣлища сдѣлалъ простое и вмѣстѣ потрясающе-вѣрное описаніе. Оба брата нашли его стоящимъ печати; но когда показали морскому министру, чтобъ получить его разрѣшеніе для напечатанія, онъ наотрѣвъ отказалъ, потому что въ этомъ описаніи было много истины, а ее-то и хотѣли скрыть отъ государя. Въ казematѣ я на эту тему написалъ повѣсть, черновые отрывки которой у меня кое-какъ сохранились доселѣ, но бѣловая погублена Мухановымъ вмѣстѣ съ пятью другими повѣстями, изъ коихъ одна: „Случай великое дѣло“ была очень не худа. Вы ее можете взять у сестры Елены; но это все-таки черновые отрывки съ нѣкоторыми поправками брата Николая.

XI.

«Полярная Звѣзда» на 1826-й годъ.

„Полярная Звѣзда“ на 1826-й годъ предполагалась съ начала года 1825-го быть изданною въ видѣ, составѣ и объемѣ предшествующихъ годовъ. Когда же впоследствии, а въ особенности около декабря 1825 г., дѣла тайнаго общества усложнились сношеніемъ съ южнымъ обществомъ, когда остающееся отъ служебныхъ обязанностей время было посвящено болѣе священной (?) дѣятельности, — братъ Александръ и Рылѣвъ рѣшили издать уже собранные матерьялы въ небольшомъ альманахѣ, подъ названіемъ „Звѣздочка“, печатаніе которой къ 14-му декабря уже довольно по-двинулось ¹⁾).

XII.

Гдѣ рескрипты императора Александра I, данные, какъ извѣстно, Рылеву и Бестужеву за „Полярную Звѣзду“ 1823—1825 гг.?

Настоящіе рескрипты находились въ бумагахъ брата Александра и Рылѣва, и вѣроятно захвачены вмѣстѣ съ ними при опечатываніи. Копій мы съ нихъ не снимали, не находя ихъ сколько-нибудь стоящими этого труда.

XIII.

Когда написанъ Н. А. Бестужевымъ разсказъ: «Отчего я не женатъ?»

Я выше описывалъ вамъ казанскую эпоху, когда болѣе всего процвѣтала мода на литературныя произведенія, чтеніе воиныхъ, кромѣ литературныхъ собраній, по большей части происходило въ присутствіи нашихъ дамъ. Онѣ часто, видя какъ братъ Николай любитъ дѣтей, видя какъ онъ умѣетъ привязать къ себѣ каждаго ребенка и по цѣлымъ часамъ рѣзвится и забавляетъ ихъ, то подымая содомъ на весь домъ, то рисуя имъ картинки или дѣлая замысловатыя игрушки, — онѣ часто спрашивали его, почему онъ не женатъ? — „Погодите, часто отвѣчалъ онъ: я вамъ это опишу.“ — И когда онѣ приступили съ рѣшительностью и взяли съ него слово, — онъ написалъ эту повѣсть. Но такъ какъ

¹⁾ Экземпляръ этой, не оконченной печатью, книжечки находится въ нашей библіотеки.

ему не хотѣлось сказать истины вполне, не хотѣлось обнажить своей заветной любви предъ чужими взорами, онъ выставилъ подставное лицо героини повѣсти, въ описаніи которой, впрочемъ, невольно отразился колоритъ характера любимой имъ женщины. Вставленный въ эту повѣсть рассказъ о домовыхъ—истинное происшествіе.

XIV.

Когда написано Н. А. Бестужевымъ воспоминаніе о Рылѣвѣ?

Воспоминаніе брата Николая Александровича о К. Θ. Рылѣвѣ было имъ написано въ Петровскомъ казематѣ въ первое время нашего тамъ пребыванія, именно въ эпоху, когда у насъ много писалось. Многіе изъ нашихъ товарищей и нѣкоторые изъ дамъ, которымъ были извѣстны сбивчивые слухи о неразгаданной, таинственной связи Рылѣва, описанной братомъ, просили его написать истину, и онъ, исполняя ихъ желаніе, написалъ это воспоминаніе. Его намѣреніе было написать полную біографію Рылѣва, но исполненіе откладывалось со дня на день, частию потому, что чтеніе и механическія занятія поглощали почти все время, а частию изъ опасенія обысковъ, которые, уничтоживъ его труды, могли бы за собою повлечь непріятныя и стѣснительныя мѣры для всѣхъ. Равно у насъ съ нимъ было намѣреніе составить по возможности полныя біографіи всѣхъ нашихъ товарищей, и братъ имѣлъ намѣреніе приложить ихъ въ коллекціи портретовъ, нарисованныхъ имъ акварелью съ изумительнымъ сходствомъ, не смотря что нѣкоторые изъ портретовъ, за спѣшностью отправленія оригиналовъ на поселеніе, были сняты въ нѣсколько часовъ. Эта коллекція увезена сестрою Еленою Александровною ¹⁾, а предполагаемыя біографіи унесены братомъ въ гробъ. Онъ нѣсколько разъ принимался ихъ писать въ Селенгинскѣ, гдѣ было болѣе свободнаго времени и менѣе опасности; но память намъ во многомъ измѣняла: происшествія и годы путались, а для объясненія недоумѣній надо было прибѣгать къ перепискѣ, которая шла или черезъ III-е Отдѣленіе, или черезъ руки почтмейстеровъ, обладавшихъ собачьимъ чутьемъ.

¹⁾ Въ 1860-хъ годахъ Е. А. Бестужева продала эту коллекцію въ Москвѣ извѣстному ревнителю просвѣщенія и издателю множества прекрасныхъ книгъ—Козьмѣ Солдатенкову.

XV.

Рукописи сочиненій и письма Николая и Александра Бестужевыхъ.

Изъ сочиненій брата Александра я ничего имѣть не могъ, что имъ писано до 14-й конфискаціи (т. е. до 14-го декабря); а что писалъ онъ въ Якутскѣ и на Кавказѣ—было слышеомъ далеко отъ насъ. Есть нѣкоторыя его легкія стихотворенія, писанныя на случаи,—но онѣ по рукамъ якутянъ. Тутъ я прилагаю вамъ одинъ образецъ, равно какъ и нѣкоторые черновые листы его сочиненій. Изъ сочиненій брата Николая прилагаю его рукопись „О свободѣ торговли“, писанную имъ вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Петровскъ. Но согласитесь сами, что это теперь—послѣ ужина горчица. Она уже не имѣетъ никакой современной цѣны.—Не могу постичь, куда дѣвались черновыя его капитальныхъ двухъ сочиненій: Система міра и Упрощенное устройство хронометровъ. И то, и другое сочиненіе не было ни кончено, ни приведено въ порядокъ написанное; но онъ мнѣ и многимъ изъ знакомыхъ читалъ довольно большіе отрывки, имѣвшіе полноту цѣлага. Двукратная переборка изъ дому въ домъ, потомъ отъѣздъ сестеръ (изъ Сибири въ Россію),—сбили меня совершенно съ толку. Можетъ быть, и сестра Елена Александровна взяла ихъ съ собою, но только до сихъ поръ я не могъ ихъ отыскать въ морѣ-океанѣ нашего глубокаго архива. Я изъ этого моря почерпнулъ наугадъ нѣсколько разныхъ писемъ—не для того, чтобъ ихъ печатать, но, можетъ быть, вы ихъ вздумаете просмотрѣть, чтобъ вѣрнѣе знать лица, съ которыми мы были въ сношеніи и какаго рода они были, и чтобъ подробнѣе изучить наше житье-бытье какъ казаческое, такъ и поселенское. Я даже разоблачаю нашу жизнь тюремную, прилагая тутъ-же Плоды тюремной хандры, сумбуръ, особенно нравившійся Ильинскому, и почти для него написанный Давыдовымъ и Барятинскимъ.

XVI.

Селенгинскъ и его обитатели¹⁾.

Удалые казаки, подарившіе Россіи Сибирь, безъ лекцій въ военной академіи были замѣчательные стратеги, и вообще, выборъ стратегическихъ пунктовъ, обезпечивавшихъ завоеванія, гдѣ они строили остроги, былъ всегда основанъ на разумномъ военномъ соображеніи. И Селенгинскій острогъ, единственный тогда пунктъ, обезпечивавшій все занятое ими Забайкалье, былъ поставленъ въ мѣстѣ, какъ нельзя болѣе соответствующемъ этой пѣли. Какъ ближайшій пунктъ въ сосѣдству непріязненныхъ намъ Монголовъ, онъ хорошо защищенъ былъ сзади высокимъ хребтомъ горъ, съ фронта—глубокою Селенгою, слѣва—Чикоемъ, впадающимъ въ Селенгу выше только въ 5-ти верстахъ, и наконецъ справа—хребтами горъ, подходящими почти къ самому берегу Селенги. Верстахъ въ 5-ти выше, почти противъ впаденія Чикоя и тамъ, гдѣ Селенга дѣлаетъ крутой поворотъ почти на востокъ, на вершинѣ высокой скалы, на лѣвомъ берегу рѣки, былъ у казаковъ сторожевой постъ. Эта возвышенная мѣстность, сохранившая и доселѣ названіе „караульнаго камня“, позволяла имъ обозрѣвать далеко вверхъ по Чикую, вправо вверхъ по Селенгѣ и сзади открытое пространство, примыкавшее къ Юнхорской степи, откуда можно было всего болѣе ожидать нападенія²⁾. По времени Селенгинскій острогъ, какъ и всѣ сибирскіе остроги, разросся и сдѣланъ городомъ гораздо прежде существованія Верхнеудинска. Въ немъ сосредоточивалась вся административная власть Забайкальскаго края. Селенгинская ратуша завѣдывала обществомъ Селенгинскихъ мѣщанъ и мѣщанъ Троицко-Савска, Удинскаго, Баргузинскаго и Ильинскаго остроговъ. Тутъ было пограничное правленіе, духовное и таможенное правленіе, большой запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, орудій и оружія, находился Селенгинскій гарнизонъ, Селенгинскій полкъ (до 1799 года), Ева-

¹⁾ Небольшая выдержка изъ этой главы была напечатана нами въ газетѣ „Вѣкъ“ кажется въ 1862-мъ году. Ред.

²⁾ Примѣч. на копіи: Селенгинскій острогъ основанъ въ 1666 г., а получилъ названіе города съ 1686-го г. Ив. Ив. Свѣзевъ.

теринбургскій полкъ (частію), эскадронъ драгунъ (до 1769 г.), конные карабинеры (частію, а остальные квартировали въ Ильинской волости), полевая артиллерія (до 1790 г.) и гарнизонная артиллерія, остававшаяся до послѣдняго времени, равно какъ и артиллерійскій складъ снарядовъ и орудій, между коими было много большихъ чугунныхъ и мѣдныхъ шуваловскихъ единороговъ. Весь этотъ складъ, по уничтоженіи гарнизонной артиллеріи, распроданъ въ домъ съ публичныхъ торговъ за безцѣнокъ, тогда какъ Амурскія дѣла имѣли надобность и въ орудіяхъ, и въ снарядахъ. Спихватились, да поздно: и для Амура снаряды и орудія надо было вести изъ Москвы!... Чего стоилъ для народа провозъ тяжелыхъ орудій до Читы—это страшно сказать....

По прибытіи нашемъ въ Селенгинскъ на поселеніе (въ октябрѣ 1839 г.), этотъ, нѣкогда столь значительный, городъ не имѣлъ вида даже порядочной деревушки. Едва можно было насчитать около 60-ти домовъ, въ числѣ воихъ два-три главныхъ купцовъ можно еще, съ грѣхомъ пополамъ, назвать домами; остальные были полуразрушенныя, полу-засыпанныя пескомъ лачужки. Селенгинскъ отжилъ свой вѣкъ: онъ выполнилъ предназначенную ему роль и сошелъ со сцены. Торговля съ Китаемъ сосредоточилась въ Кяхтѣ, администрація перешла въ Верхнеудинскъ, войска выведены, казенныя зданія распроданы на сломъ. И самая судьба, доселѣ къ нему милостивая, отворотилась отъ него: Селенга начала подрывать его берегъ и отмыла цѣлыя улицы; горные потоки, при большихъ дождяхъ, смывали зданія, и песокъ, обнаженный отъ дерна, гдѣ прежде стояли казенныя зданія, засыпалъ дома жителей. Два страшные пожара въ 1780 году окончательно его доконали: первый, случившійся 4 апрѣля, истребилъ 278 частныхъ домовъ, 60 купеческихъ лавокъ и 2 церкви; другой, въ томъ же году въ октябрѣ, истребилъ остальное. Императрица Екатерина II ассигновала погорѣлымъ жителямъ, на возведеніе храма и постройку города, двухлѣтній сборъ съ Кяхтинской торговли, чтѣ составляло, по тогдашнему, значительную сумму, и предоставляла выборъ новаго мѣста, ежели прежнее не удобно. Старики начали разводить умомъ: переходить или не переходить на новое мѣсто,—и хотя настоятельная необходимость перевести городъ на новое мѣсто была очевидна, но они положили рѣшить этотъ казусный случай жеребьемъ—бросить рукавицу, и ежели она

упадеть пальцемъ въ землю, то переходить, ежели же вверхъ—остаться. Рукавица упала пальцемъ вверхъ—и городъ началъ снова выстраиваться на пожарницѣ, смываемый, подмываемый водою и засыпаемый пескомъ. Каменная церковь въ два этажа, существующая и теперь въ старомъ городѣ, очень прочной постройки и оригинальной архитектуры, была построена томскимъ мѣщаниномъ Мальцовымъ, который въ контрактъ выговорилъ себѣ въ вознагражденіе за постройку—16 руб. мѣдью, кусокъ синей дабы и 2 кирпичча чаю въ мѣсяцъ. Подлѣ самой церкви выстроили каменный гостинный дворъ съ 20-ю лавками, уцѣлѣвшій доселѣ, гдѣ только въ двухъ лавкахъ торгуютъ мелочники. Наконецъ ма-чиха-судьба, въ образѣ рукавички предковъ, до того насолила потомкамъ, что они вынуждены были испрашивать высочайшаго разрѣшенія перенести городъ на другую сторону Селенги, что имъ и разрѣшено 1840 г. сентября 6 числа. Но и на этотъ разъ выборъ мѣстности былъ неудаченъ. Они избрали мѣсто почти напротивъ стараго города, въ прекрасной Тайонской долинкѣ; но страшась разлива Селенги, удалились слишкомъ далеко отъ нея и тѣмъ лишились необходимаго условія для существованія города—воды. Колодцы не даютъ воды даже на 9-ти саженной глубинѣ, а для бѣдныхъ жителей вырыть такой колодець, снабдить его веревками, особенно въ зимнее время, когда онѣ обмерзшія безпрестанно ломаются, это такія издержки, которыя они не въ состояніи вынести. Сверхъ того, огороды съ табакомъ есть единственное средство существованія большей части мѣщанъ, а съ колодцемъ на такой глубинѣ не достанетъ ни силъ, ни времени для обильной поливки, потребной для табаку. Плоты, спускающіеся съ хлѣбомъ изъ нашей Забайкальской житницы, т. е. отъ раскольникововъ, поселенныхъ на Чивоѣ, плоты съ лѣсомъ и дровами, идущіе тоже оттуда, по невозможности пристать въ мелководной протокѣ, ближайшей къ городу, пристають у острова, на который надо попадать въ лодкѣ. Протока зимою промерзаетъ до дна, и потому за водою надо выѣзжать на матерую Селенгу... Однимъ словомъ, неудобствъ такъ много, что жители очень неохотно оставляютъ старый городъ, не смотря на нѣкоторыя льготы и запрещенія строиться на прежнемъ мѣстѣ. Теперь (1860 г.) нашъ городъ, т. е. новый, которому данъ гербъ, изображающій феникса, поднимающагося изъ пламени, состоитъ изъ 5-ти или

6-ти домовъ первостатейныхъ купцовъ порядочной наружности, и изъ какихъ-нибудь 20-ти маленькихъ домиковъ болѣе зажиточныхъ мѣщанъ. На площади (т. е. предполагаемой) стоятъ казенныя зданія полиціи, почтамта, домъ словеснаго суда, дома купцовъ Старцева, Мельникова и Лушниковова. Остальные дома разбросаны безъ особой симметріи. Посреди площади стоитъ часовенка на мѣстѣ сгорѣвшаго собора, только что освященнаго и не совсѣмъ отдѣланнаго. На горѣ, внѣ черты городской, стоитъ владбищенская церковь (усупенія Пресвятой Богородицы), выстроенная послѣ сгорѣвшаго собора. Зданія бригаднаго правленія 3-й конной бурятской бригады стоятъ поотдаль и не явшаются съ простолюдинами.

Вамъ теперь будетъ понятно, почему мы съ братомъ не хотѣли стронуться на новомъ городѣ и предпочли остаться, гдѣ у насъ былъ купленъ домъ. Правда, мы немного удалены отъ города (5 верстъ ниже по теченію Селенги); но за то мы наслаждаемся вполне сельскою жизнью, живемъ на самомъ берегу рѣки и прогуливаемся въ легкихъ сидѣйкахъ въ новый городъ, по прекрасной горной дорогѣ. Кругомъ насъ живутъ добрые бурята, почти всѣ народившіеся на нашихъ глазахъ. Старики насъ любятъ и уважаютъ; всѣ они больше или меньше наши должники и люди, обязанные благодарностью. Пять домовъ селенгинскихъ мѣщанъ, еще не переселившихся въ новый городъ, составляютъ все русское народонаселеніе нашей заимки. Домъ Торсона проданъ и уже свезенъ въ новый городъ.

Изъ вышписаннаго мною касательно патриархальнаго быта селенгинскихъ жителей, вы уже довольно познакомились съ образомъ ихъ жизни. Мнѣ немного остается прибавить. Изъ 700 душъ, составляющихъ мѣщанское общество города, со включеніемъ и разночинцевъ, почти всѣ хлѣбопашцы, а женское населеніе преимущественно занимается уходомъ за табакомъ, считающимся лучшимъ изъ всего Забайкалья. Нѣкоторые изъ нихъ разводятъ арбузы и сбываютъ въ Кяхтѣ особенно выгодно въ арбузный праздникъ витайцевъ. Отличительная черта ихъ нрава—это лѣнь, вошедшая въ кровь и плоть всѣмъ сибирякамъ отъ азіатцевъ. Ежели онъ, а пуще того она обладаютъ ¹/₄ кирпича чаю кирымскаго, даже безъ куска хлѣба, они не пошевельнутъ пальцемъ для работы. Голодъ—единственный stimulantъ ихъ дѣятельности.

Въ урожайный годъ вы съ трудомъ найдете работника и тѣмъ менѣе работницу. Если-бъ не было бурятъ плотниковъ, столяровъ и кузнецовъ, не возможно бы было предпринять здѣсь никакой постройки, и странно, что азіатцы, заразившіе ихъ лѣнью, теперь показываютъ имъ примѣръ трудолюбія. Кяхта, Селенгинскъ, Верхнеудинскъ и самъ Иркутскъ, наша столица Восточной Сибири, безъ бурятъ пропали бы. Я изъ этого сомнища лѣнтяевъ исключаю раскольничьи деревни, цвѣтуція довольствомъ отъ ихъ трудолюбія. Брата Николая и Торсона сначала бѣсили отзвы нѣкоторыхъ изъ нашихъ сосѣдей сибиряковъ, когда на приглашеніе ихъ — придти пособить какой-нибудь спѣшной работѣ, они отвѣчали: „Нѣтъ, батюшка, Николай Александровичъ, я занятъ по домашности“. И въ чемъ же заключались эти занятія по домашности?—Цѣлый день онъ или она сидятъ на завалинкѣ, и когда опустѣетъ горшокъ съ кирпичнымъ чаемъ, то снимаютъ дранье съ дому, чтобъ вскипятить другой горшокъ. На наличныя деньги вы ничего не сдѣлаете простымъ наймомъ; надо дать впередъ—и тогда вы уже сдѣлаетесь работъ того, кому дали. Акуратный нѣмецъ Торсонъ не могъ равнодушно переварить такой порядокъ вещей, особенно когда онъ по необходимости имѣлъ надобность въ мастеровыхъ при устройствѣ своей мельницы. Напримѣръ, дѣло стало за какой-нибудь желѣзной скобкой, заказанной сосѣду кузнецу, взявшему деньги впередъ. Два срока уже давно прошли. Торсонъ идетъ къ нему лично, чтобъ узнать причину, и застаётъ его лежащимъ на печѣѣ посреди нагихъ своихъ ребятишекъ. „Помилуй,—говоритъ Торсонъ,—что ты со мною дѣлаешь? Изъ-за твоей лѣни десять человѣкъ рабочихъ сидятъ сложа руки, потому что безъ скобъ нельзя продолжать дѣло“. — Да, вамъ хорошо говорить,—отвѣчаетъ тотъ,—вы сыты, а я другой день чаю не пилъ. Дайте остальные деньги, такъ авось сдѣлаю.—„Да вѣдь, братецъ, эта работа одного часа не возьметъ: сдѣлай—и получишь остальные“.—Нѣтъ, ужъ безъ чаю я не примусь за дѣло.—Каковъ народецъ?—Я, напримѣръ, съ производствомъ своихъ сидѣевъ тоже много терпѣлъ отъ этой вредной системы задатковъ впередъ, но все-таки я имѣлъ дѣло съ бурятами, которые вообще добросовѣстнѣе старожилловъ-сибиряковъ. Когда-же случай меня приводилъ имѣть съ ними дѣло, я почти всегда рассказывался въ намѣреніи сдѣлать добро какому-нибудь

мальчику изъ жителей. Случалось, что видя способности ребенка и охоту къ ученію, призовешь отца или мать его, и объяснивъ имъ, что беру ихъ сына, чтобъ сдѣлать изъ него трудолюбиваго ремесленника, буду одѣвать, обувать его, и въ добавокъ, въ свободное отъ работы время, учить его грамотѣ, — на вопросъ мой: согласны-ли они на это?—былъ почти постоянно одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „Какъ, батюшка, Михайлъ Александровичъ, не быть согласнымъ: вѣдь это вы намъ дѣлаете истинное благодѣаніе. Мальчишка бьетъ въ баялуши, ничего не дѣлаетъ, — а его одѣвай да корми...“—Ну, такъ ты его приведи ко мнѣ.—„Слушаюсь. А что же вы пожалуете въ годъ жалованья ему?“—И я платилъ, и потомъ приводилось расеаяваться: приводилось съ каждымъ мѣсяцемъ торговаться съ нѣжными родителями, которые увеличивали требованія по мѣрѣ моихъ хлопотъ сдѣлать ихъ дѣтище путнымъ человѣкомъ, и въ заключеніе, когда я уже безъ него не могъ обойтись, у меня его брали безъ всякаго предва-ренія или требовали такую плату, которой я не могъ дать. Рукондуютъ этимъ обществомъ два лица: Старцовъ и Лушниковъ, и надо признаться, что ихъ попеченіямъ это общество дѣятельно и обязано, что оно не распалось.

Двадцать лѣтъ въ жизни общества много значать: теперь это общество, въ которомъ мы должны были составлять звѣно, улеглось въ общечеловѣческія формы; теперь это самое общество не отдается душою и тѣломъ патріархальнымъ пирушкамъ: оно читаетъ журналы и газеты, ихъ интересуется теперь общая жизнь Руси; а въ эпоху нашего прибытія въ этотъ городъ, ихъ жизнь и развлеченія были чисто матерьяльныя. И мы участвовали во всѣхъ ихъ развлеченіяхъ по пословицѣ: съ волгами жить—поволчьи выть, утѣшая себя мыслью и видя на самомъ дѣлѣ, что въ основаніи ихъ было простодушіе, добросердечіе и патріархальное гостепримство. Мы ѣздили съ ними на Гусиное озеро купаться; ѣздили на острова, зибяки и въ очаровательную Тумурь-даричъ праздновать семейные праздники; ѣздили въ солотоваренный заводъ и на поворотъ; поѣздами въ 20 и болѣе троекъ на именины начальника завода Киргизова или И. А. Сѣдова, проводили тамъ цѣлые дни; участвовали въ дѣлежѣ ихъ общественныхъ покосовъ, гдѣ были и наши части, въ празднованіи годовыхъ праздниковъ и въ ихъ семейныхъ развлеченіяхъ. Но

время отъ времени намъ стало это надоѣдать, и мы мало-по-малу уединялись подъ свой мирный кровъ.

Время домашней нашей жизни дѣлилось между занятіями по хозяйству, чтеніемъ, поѣздками на пашню и на сѣновозъ. Кромѣ того, у меня на рукахъ было воспитаніе маленькаго сына Навасинныхъ и присмотръ за мастеровыми. Братъ Николай свободное время посвящалъ своей любимой идеѣ—хронометрамъ, и кромѣ того добивался устройства ружейнаго замка въ самомъ простѣйшемъ видѣ. Онъ наконецъ и довель простоту его до *pes plus ultra*: въ его замкѣ былъ только одинъ шурунъ. Передъ смертью своей, въ бытность его въ Иркутскѣ, генераль-губернаторъ Муравьевъ просилъ его сдѣлать такой замокъ, чтобъ представить его въ Петербургъ; братъ сдѣлалъ, Муравьевъ отослалъ—и онъ канулъ какъ въ воду. Вѣроятно, разсматриваютъ ученымъ комитетомъ его хитрую простоту. А между тѣмъ бѣдный солдатикъ будетъ еще лѣтъ десять мучиться, собирая на походъ свой многосложный штурментъ. Это послѣднее занятіе непримѣтно пристрастило брата Николая къ охотѣ; но онъ хотѣлъ непременно имѣть весь охотничій снарядъ своего издѣлія; стволы винтовыхъ, дробовиковъ, ложки къ нимъ, порошницы, натруски, екташи, патронташи, пистонницы,—все это дѣлалъ онъ собственными руками, съ различными приспособленіями и особенными устройствами. Всѣ наши заборы были изстрѣляны пулями и дробью, и наконецъ онъ дошелъ до изумительной вѣрности выстрѣла; но на дѣйствительной охотѣ онъ былъ постоянно несчастенъ. Причинами этого были: во-первыхъ то, что онъ ничего не могъ дѣлать хладнокровно, и въ мгновеніе рѣшительнаго выстрѣла волненіе до такой степени одолевало его, что онъ стрѣлялъ наугадъ; во-вторыхъ онъ былъ въ душѣ поэтъ и художникъ. Всякая живописная мѣстность, ручей, скала, дерево поглощали его вниманіе до такой степени, что дичь очень часто убѣгала изъ подъ его ногъ. Къ этому должно прибавить, что онъ не хотѣлъ никогда охотиться съ собакою; онъ не хотѣлъ, какъ онъ часто говорилъ, чтобъ собака водила его за носъ, охотилась за него, оставляя для него только трудъ выстрѣла. Онъ хотѣлъ подражать бурятамъ, которые, почти безъ преувеличенія можно сказать, едва-ли не первые охотники и первые стрѣльці. Со всѣми лучшими охотниками изъ бурятъ онъ былъ въ большой дружбѣ, уходилъ съ ними на цѣ-

ляя недѣли въ горы, устраивалъ засады и облавы. Съ цѣлью лучше сблизиться съ бурятами, онъ нѣсколько разъ, какъ и азъ грѣшныи, принимались за изученіе монгольскаго книжнаго языка, но попытки были неудачны: намъ много мѣшало то, что окружающіе насъ бурята всѣ очень хорошо говорили по русски, а изученіе языка съ ученою цѣлью было для насъ невозможно по недостатку средствъ.

Вы просите сообщить свѣденія о ссыльныхъ въ Селенгинскъ аяинскихъ, елизаветинскихъ и екатерининскихъ временъ. Но вы лучше, нежели кто, знаете, какъ въ Россіи труденъ доступъ къ архивамъ даже лицамъ, уполномоченнымъ отъ правительства. Въ Сибири-же, особенно намъ, носящимъ печать отверженія, а еще того хуже—подозрѣнія, уже потому только, что мы должны были свои письма адресовать въ III отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи. Когда же случалось намъ просить о подобныхъ справкахъ людей, намъ дружески расположенныхъ, бесполезны хлопоты всегда были результатомъ ихъ попытокъ. Они встрѣчали такъ мало сочувствія къ ихъ просьбамъ отъ хранителей этого мертваго капитала, находили его въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ и небрежномъ, жалкомъ положеніи, что не было никакой возможности найти хоть искру свѣта въ этой тьмѣ вромѣшной. Касательно-же отсутствія устныхъ преданій о замѣчательныхъ лицахъ, то его можно объяснить холоднымъ равнодушіемъ сибиряковъ, привыкшихъ денно и ночью видѣть предъ своими глазами нескончаемую вереницу ссыльныхъ секретныхъ, ссыльныхъ подъ номерами, простыхъ и государственныхъ, даже политическихъ ссыльныхъ. Современники смотрятъ на нихъ съ равнодушіемъ. а потому, ежели-бы захотѣли что-либо узнать о нихъ по подробнѣе, находятъ въ ихъ равнодушіи одно забвеніе. Такъ я ничего ни отъ кого не могъ добиться касательно кратковременнаго пребыванія сына Волынскаго. Гетманъ Дамьянъ Многогрѣшныи, жившій очень долго въ Селенгинскѣ, участвовавшій съ гражданами въ побойцѣ Монголь на горѣ, носящей до сихъ дней названіе Убиенной,—объ его пребываніи не сохранилось здѣсь никакихъ преданій, даже мѣсто, гдѣ онъ похороненъ, неизвѣстно, потому что плита съ его могилы снята при постройкѣ каменнаго собора въ Селенгинскѣ и заложена въ каменный полъ нижней церкви въ числѣ другихъ плитъ.

Въ доказательство ихъ равнодушія къ преданіямъ, даже болѣе близкимъ ихъ душѣ, по обычной склонности русскаго къ религіознымъ чудесамъ, я приведу вамъ нѣсколько примѣровъ. Еще до пожара въ 1780-мъ году, крестьянинъ Ключевскаго (на Хлякѣ) селенія, Артамонъ Клементьевъ по три ночи видѣлъ во снѣ видѣнія, нѣкоего старца, призывающаго ему отыть крестъ деревянный въ показанномъ мѣстѣ (6 верстъ ниже города). И точно, тамъ найденъ деревянный крестъ, глубоко засыпанный пескомъ, съ вырѣзанною надписью: въ (7198) 1689 году поставилъ гетманъ Гагатовъ, который съ торжествомъ и былъ перенесенъ въ соборъ. Во время пожара, когда церковь до тла сгорѣла, онъ, сохранившійся цѣлымъ, перенесенъ въ Покровскую; когда-же и та сгорѣла и онъ остался цѣлъ, его перенесли въ Казанскую и для него построили часовеньку подлѣ церкви, тоже сгорѣвшей. Въ память этихъ чудесъ установленъ крестный ходъ изъ Кяхты и Ключей въ Селенгинскъ. Но я никакъ не могъ допроситься какихъ либо преданій объ этомъ гетманѣ Гагатовѣ.

Другой предметъ ихъ наружной религіозности (истинной религіи они чужды)—это поклоненіе гробу митрополита Арсенія, похороненнаго въ деревянной часовенькѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, подлѣ Троицкой церкви въ Удинскѣ (Верхнемъ). Вамъ расскажутъ съ подробностью, какъ онъ немощной ѣхалъ изъ Нерчинскаго упраздненнаго монастыря, и при вѣздѣ въ Верхнеудинскъ лошади остановились у рѣчки Березовки и не пошли далѣе; какъ онъ, чувствуя свой послѣдній часъ, пригласилъ священника для послѣдняго напутствія; какъ этотъ священникъ, при входѣ въ избу, гдѣ лежалъ больной, остановился въ священномъ ужасѣ на порогѣ, увидя въ избѣ святителя въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, окруженнаго ослѣпительнымъ свѣтомъ; какъ пошъ упалъ къ ногамъ его и сказалъ: „Не мнѣ, а тебѣ давать благословеніе!“ какъ потомъ видѣніе исчезло, и онъ, увидавъ предъ собою умирающаго, напутствовалъ его,—все это вамъ расскажутъ съ разными прикрасами. Но спросите: кто же былъ этотъ угодникъ?—„Да угодникъ и былъ“—отвѣтатъ вамъ пренаивно.

Даже о святителѣ ихъ Иннокентіи, мощамъ котораго каждый сибирякъ считаетъ долгомъ поклониться хоть разъ въ своей жизни, даже о немъ въ народѣ не сохранилось правдиваго преданія. Я не говорю о печатной его біографіи: намъ извѣстно,

какъ онѣ составляются. Напр., у Д. Д. Старцова есть образъ, писанный рукою этого святителя. Старушка, его мать (ей 85-й годъ), при всей своей набожности и свѣтломъ умѣ, ничего не могла мнѣ сказать: гдѣ онъ былъ иконой, при какихъ обстоятельствахъ и какъ онъ попалъ въ ихъ руки?

Къ слову объ иконахъ. Когда вамъ случай доведеть быть въ Кяхтѣ, то при выѣздѣ изъ Троицко-Савска въ Кяхту по шоссе, направо, вы увидите кладбищенскую церковь, въ восточной стѣнѣ которой вставленъ образъ этого святителя, писанный масляными красками во весь ростъ. Это работа брата Николая.

Живописью масляными красками братъ Николай началъ заниматься случайно. Въ первую бытность его въ Иркутскѣ, генераль-губерн. Рупертъ, съ семейства котораго братъ снялъ портреты очень похожіе, подарилъ ему полный приборъ для письма масляными красками, съ изобильнымъ запасомъ. Онъ не принимался до тѣхъ поръ, когда для письма иконъ въ новопостроенный соборъ граждане выписали изъ Иркутска иконописца и просили насъ принять его къ намъ въ домъ для жительства для его занятій, а главное—для совѣтовъ брата. Братъ согласился, и нашъ домъ мгновенно обратился въ студию живописи. Одноглазый нашъ артистъ былъ суздальскій рутинеръ, въ полномъ смыслѣ этого слова; но за то онъ обладалъ механическими приемами въ живописи, прибрѣтенными имъ долговременнымъ навыкомъ, и потому они съ братомъ истинно были полезны другъ другу. Изъ числа всѣхъ иконъ, составлявшихъ иконостасъ старѣшняго собора, Благовѣщеніе и картина на лѣвой выходной изъ алтаря двери и два символическихъ изображеній надъ алтаремъ, были написаны братомъ; остальные или по его рисунку, или съ его совѣта. И говоря безъ прикрасъ, иконостасъ былъ изящное произведеніе, тѣмъ болѣе, что ему соответствовала изящная золоченая рѣзьба по дереву, исполненная артелью рѣзчиковъ, прибывшихъ изъ Россіи въ Иркутскъ и желавшихъ ознаменовать свой дебютъ со славою. Жаль, очень жаль, что этотъ соборъ, великолѣпно и гармонически украшенный даяніемъ 40 слишкомъ капиталистовъ, перво-степенныхъ купцовъ, составляющихъ наше купеческое сословіе и привлеченныхъ единственно только льготами, дарованными новому городу, но въ нашемъ городѣ не живущихъ и даже не имѣ-

ющихъ въ немъ своихъ домовъ,—этотъ прекрасный соборъ сгорѣлъ въ какіе-нибудь два часа, по неосторожности сторожа, оставшаго огарокъ непотушенной свѣчки.

XVII.

Поселеніе и жизнь въ Селенгинскѣ.

1840—1860 гг.

Изъ Посольска, гдѣ получено было наше новое поселеніе, въ Селенгинскъ мы прибыли въ концѣ августа 1840 года ¹⁾.

Такъ какъ Торсонъ еще не достроилъ своего дома и жилъ въ домѣ купца Наввасина (Никифора Григорьевича), и маленький флигель, предложенный намъ для жительства, занималъ самъ хозяинъ, то въ ожиданіи, когда, по окончаніи своего дома, Торсонъ переѣдетъ на новоселье, а хозяинъ нашъ очиститъ флигель переходомъ на мѣсто Торсоновыхъ,—насъ пригласилъ погостить у себя Дмитрій Дмитриевичъ Старцевъ.

Домъ Старцевыхъ всегда былъ и теперь (1861 г.) есть первымъ въ Селенгинскѣ какъ по значительности, такъ и по гостеприимству. Очень умная и необыкновенно добрая старушка и говорящая ты всѣмъ, даже губернаторамъ, поддерживааетъ и до сихъ поръ его значительность. Съ ея дочерью вы уже знакомы, а сынъ еще въ то время былъ молодъ, только что женился на дочери Сабашникова, правителя дѣлъ американской компаніи въ Кяхтѣ, и слѣдовательно, приобрѣлъ отца и покровителя своихъ комерческихъ предпріятій, только тогда начинавшихъ у него въ Кяхтѣ. Онъ отъ природы очень умный и смышленный малый, но не получивъ никакого образованія, чуть не былъ совсѣмъ сбитъ съ толку Дмитр. Захар. Ильинскимъ. Къ счастью, ему помогъ природный его смыслъ, и онъ отъ всѣхъ внушеній Ильинскаго занялъ только охоту къ чтенію и выписку книгъ, чего прежде за Селенгинскомъ не водилось. Теперь (1861 г.) въ нашемъ городѣ выписываютъ, вромѣ другихъ книгъ, однихъ журналовъ и газетъ болѣе чѣмъ на 300 руб. сер. Въ этомъ-то патриархальномъ дому мы провели болѣе мѣсяца и въ полномъ смыслѣ каталась какъ сыръ въ маслѣ, потому что въ Сибири вообще и до сихъ поръ, а у Старцевыхъ всегда угощеніе хлѣбомъ-солью считается святымъ долгомъ. Сверхъ того, Ильинскій въ насъ души

¹⁾ Выше на стр. 634 сказано: „въ октябрѣ 1839 г.“.

не слышалъ, а старуха любила безъ души своего тестюшку,— слѣдовательно, мы жили какъ одно семейство, а теперь (1861 г.) еще болѣе — когда поселились да покумились.

Городъ нашъ и до сихъ поръ носитъ печать патриархальныхъ нравовъ, а тридцать лѣтъ (22 года) назадъ еще болѣе былъ связанъ какъ-бы въ одно семейство,— слѣдовательно, мы сразу попали какъ бы въ общую семью и со всѣми сблизились скоро. Къ тому-же братъ былъ такой истошникъ (источникъ), какъ здѣсь говорятъ, былъ такъ добръ и простъ въ обращеніи со всѣми, что всѣ въ намъ обращались за совѣтами, какъ бы мы уже цѣлое столѣтіе съ ними жили. Хозяинъ нашего дома былъ уже знакомъ съ нами прежде, въ бытность его съ женою въ Петровскомъ заводѣ, и потому съ нимъ мы сошлись какъ старые знакомые и полюбили его отъ всей души за его безграничную доброту,—и это не гипербола,—и чтобъ вамъ это доказать—довольно, ежели я вамъ скажу, что будучи очень состоятельнымъ купцомъ, помогая и довѣряя своимъ милымъ братцамъ, онъ впоследствии дошолъ почти до нищеты. Домикъ, въ которомъ мы наконецъ поселились, былъ чистенькій, тепленькій флигель, нѣкогда бывший обиталищемъ Ворошилова, дѣда Старцевыхъ по матери. Тутъ былъ кожевенный заводъ; тутъ-же и Наквасинъ продолжалъ выдѣлывать кожи, пока подряды съ казною его не довели. Торсонъ построилъ свой домъ неподалеку отъ насъ, такъ что теперешній нашъ домъ отдѣлялся отъ его строенія только глубокимъ оврагомъ. Надо вамъ сказать, что городъ Селенгинскъ еще не былъ перенесенъ на новое мѣсто и былъ передъ нашими глазами какъ на ладони, потому что мы жили по другую сторону рѣки, тремя верстами ниже

Прежде нежели заводить скотъ и барановъ, надо было подумать, гдѣ прискаты хорошенькія сѣновосныя мѣста. Услужливый нашъ городничій Скорняковъ охотно вызвался показать намъ всѣ свободныя оброчныя статьи,—и вотъ начались наши *partie de plaisir*, гдѣ между бездѣльемъ мы осматривали будущія свои владѣнія. Между многими осмотрѣнными, братъ Николай, какъ поэтъ въ душѣ, выбралъ живописное мѣстоположеніе на одной съ нами сторонѣ рѣки и съ травкою, которая считается лучшею по качеству. Одна бѣда: чтобъ быть съ сѣномъ, надо смочный годъ, а ихъ-то у насъ большой недочетъ; и впоследствии мы хоть охали, но братъ говорилъ въ утѣшенъе: „За то мѣста-то какія!“

Когда единственный сынъ Навасина, мой ученикъ, въ отсутствіе мое на сѣнокосъ, утонулъ подлѣ дома, безутѣшный добрякъ Навасинъ продалъ нашъ домъ, скоть, почти все хозяйственное заведеніе, и уѣхалъ съ товарами въ Россію. Мы перешли въ большой домъ, который занимали сестры и въ которомъ теперь я живу (1861 г.), и занялись хозяйствомъ не на шутку. Вамъ извѣстно, что въ Сибири пахотныя земли не имѣютъ цѣнности: здѣсь цѣнится только городьба, обнесенная кругомъ ея. У Навасина мы такихъ земель или лучше—такой городьбы купили пропасть; прикупили сѣнокосныхъ луговъ, начали сѣять и косить,—но увя!—почти десять лѣтъ мы зарывали наши деньги безъ всякаго вознагражденія. Одинъ только годъ насъ порадовалъ—и это былъ единственный. Въ нашемъ засушливомъ краѣ нѣтъ выгоды сѣять хлѣбъ, а особливо тѣмъ хозяевамъ, которые не сами пахутъ, а все дѣлаютъ съ найма. Ежели хлѣбъ дорогъ—вась работа съѣсть; ежели хлѣбъ дешевъ, даже при урожаѣ,—вы не выручите издержекъ, продавая дешевый хлѣбъ. Мы бросили хлѣбопашество и обратились къ скотоводству.

Составивъ компанію съ Старцевымъ, Лушниковымъ и отставнымъ поручикомъ Сидовымъ, родственникомъ послѣдняго, мы купили стадо мериносовыхъ овецъ въ 500 головъ съ тѣмъ, чтобъ отъ приписанныхъ къ намъ сѣнокосныхъ земель, въ числѣ 500 десятинъ, имѣть лишнее сѣно для продажи. Но и эта хозяйственная мѣра оказалась бесплодною. Шерсть съ овецъ даже не покупали наравнѣ съ шерстью простыхъ овецъ. Приплодъ стада не покупали, чтобъ не портить простыхъ стадъ; мяса не покупали, потому что оно хуже обыкновенныхъ овецъ,—а сѣна едва хватало на ихъ содержаніе, потому что мериносовыя овцы такія барыни, что ихъ почти круглый годъ надо было держать на постоянномъ кормѣ. Стадо въ томъ же составѣ существуетъ и теперь и по прежнему не приноситъ никакой прибыли. Въ прошломъ году (1860 г.) былъ довольно удачный случай сбыть шерсть на Амуръ американцамъ. Не знаю какъ пойдетъ дѣло дальше.

Издержки на хозяйственные заведенія, различныя попытки и потери, расходы на постройки и жизненныя потребности—истощили наши средства. Нужда начала хватать насъ за бока. Я

принялся за производство мною выдуманныхъ сидѣекъ ¹⁾, и вначалѣ довольно выгодно сбывалъ ихъ въ Кяхту и Иркутскъ. Но такъ какъ я хотѣлъ, чтобъ изобрѣтеніе было полезно всему краю, то скоро производство ихъ распространилось по всему Забайкалью, и мнѣ эта отрасль оставляла только удовольствіе видѣть отъ него пользу жителямъ, иногда угождать просьбамъ хорошихъ знакомыхъ и мыслью, что я доставляю хлѣбъ 30-ти бѣднымъ бурятамъ, работавшимъ у меня и обучавшимся столярному, слесарному, кузнечному и другимъ мастерствамъ.

Братъ Николай, въ свою очередь, выпросилъ позволеніе ѣхать въ Кяхту. Съ прїѣздомъ генераль-губернатора Руперта, простаго добряка, дѣло это, хотя съ трудомъ, но уладилось кое-какъ. Въ Кяхтѣ онъ занялся рисованіемъ портретовъ. Дѣло шло вначалѣ туго: всѣ какъ-то дичились писать свое обличіе. Но когда сняты были портреты съ двухъ-трехъ модныхъ дамъ и львовъ Кяхты, когда всѣ увидѣли, что на портретахъ они изображены не только похожими, но даже лучше настоящаго,—всѣ какъ будто вздурились. Мода взяла свое, и братъ въ короткое время заработалъ порядочную сумму, потому что обладалъ даромъ рисовать скоро и очень похоже. Сперва онъ усвоилъ себѣ манеру Изибе тщательного-копотливой работы и терялъ много времени на отдѣлку; потомъ, когда получены были портреты родныхъ нѣкоторыми изъ нашихъ союзниковъ работы нашего портретиста Сокколова, онъ тотчасъ принялъ его методу и много выигралъ какъ во времени, такъ въ эффектѣ. Я прїѣхалъ къ нему въ Кяхту на праздники святоѣ, и мы провели ихъ необыкновенно весело. Мы всегда называли Кяхту—„забалуй-городокъ“—и тогда онъ заслуживалъ это названіе вполне. Звуки бальной музыки раздавались почти всякій вечеръ, а звуки оттыкающихся шампанскихъ пробоекъ раздавались чуть-ли не съ зарей и до поздней ночи. Вся Кяхта, начиная съ директора таможи, рвала наперерывъ насъ изъ одного дома въ другой, такъ что наконецъ намъ, мирнымъ жителямъ, это уже стало тяжело—и мы убрались восвояси.

Персинъ давно вызывалъ брата въ Иркутскъ для той-же цѣли, и братъ наконецъ рѣшился отправиться въ столицу Восточной Сибири, пробылъ тамъ почти годъ, принятый какъ свой въ домѣ

¹⁾ Особаго рода телѣжки.

Руперта, губернатора Пятицкаго, и ласкаемый всѣми, а особенно вышшимъ купечествомъ и чиновничествомъ; перерисовалъ почти всѣхъ, и, утомленный работою и непривычною для насъ свѣтскою жизнью, возвратился подъ мирный кровъ съ порядочнымъ запасомъ матерьяльныхъ средствъ для нашего существованія. Вскорѣ матушка получила милостивое разрѣшеніе отправиться въ намъ въ тюрьму (только огромнаго размѣра). Мы начали отдѣлывать свой домъ для ихъ приѣма, и когда, послѣ 8-ми мѣсячныхъ трудовъ, все было готово къ ихъ принятію, когда большая часть вещей ихъ уже была получена нами, когда онѣ продали деревню и истратились на путевыя приготовленія и были уже въ Москвѣ,—власть раскаялась въ своемъ неумѣстномъ великодушіи, запретила дальнѣйшее слѣдованіе въ Сибирь, и несчастная матушка съ сестрами очутилась между небомъ и землею, брошенная безъ всякихъ средствъ жизни, даже безъ необходимыхъ вещей, въ незнаемомъ ей городѣ, безъ надежды—когда либо свидѣться съ нами. Она не пережила этого удара и скоро померла ¹⁾). По смерти ея, сестра возобновила настоятельныя просьбы позволить имъ ѣхать въ тюрьму, и наконецъ выхлопотала, какъ величайшую милость, снова отправиться. По ихъ приѣздѣ, хозяйство перешло въ руки Елены Александровны; но уже это было чисто домашнее хозяйство. Я женился на сестрѣ асаула Селиванова, дѣвушкѣ-сибирячкѣ, т. е. съ природнымъ умомъ и практическою смѣтливостью, выстроилъ прекрасный домъ, убранный мебелью и украшенный затѣйливо собственными моими столярами и мастерами, и мы зажили, даже припѣваючи, потому что я, постоянно несчастливый въ лоттерейхъ, вдругъ выигралъ прекрасное фортепіано.

¹⁾ Примѣчаніе Елены Александровны Вестужевой: „Это ошибочно показано: намъ въ первый разъ было повѣщено, что государь императоръ, по нѣкоторымъ причинамъ, и для собственной нашей пользы, къ отъѣзду для жительства съ братьями не соизволяетъ. А уже послѣ трехъ лѣтъ—когда въ 1846 году скончалась матушка, послѣ тяжкой ея болѣзни, тогда нарочно поѣхала я въ Петербургъ и выхлопотала себѣ и сестрамъ позволеніе ѣхать въ братьямъ въ Сибирь на добровольно вѣчное съ ними заключеніе.

Е. В. (1862 г. Спб.).

XVIII.

Прѣздъ сестеръ въ Селенгинскъ въ 1848 году.

Вѣроятно сестра Елена Александровна вамъ разсказала довольно оригинальную встрѣчу ихъ съ нами, и желаніе узнать нѣкоторыя подробности—вызвали вашъ вопросъ на эту тему. Вотъ какъ это было. Камеръ-юнкеръ Булычевъ, бывшій одинъ изъ членовъ, составлявшихъ огромный составъ ревизіонной сенаторской ревизіи Толстаго, точно также какъ и всѣ его члены были, очень хорошо съ нами знакомы. Они всѣ насъ посѣщали, гостили у насъ по нѣсколькимъ днямъ, просили и узнавали отъ насъ все, что они ни по своей европейской образованности, ни по своему благородному стремленію быть полезными краю—не могли-бы узнать, если-бъ даже они прожили десятки годовъ. Этотъ Булычевъ, женившійся на племянницѣ миллионера-золотопромышленника Кузнецова, прельстившейся его ливреей, шитой золотомъ, въ проѣздъ свой съ новобрачной въ Кяхту, останавливался у насъ и провелъ цѣлыя сутки. Уѣзжая, онъ просилъ у насъ позволенія—на обратномъ пути отдохнуть день-другой у насъ. Мы его ждали... Между тѣмъ сестры спѣшили къ намъ и спѣшили такъ, что ихъ прибытіе, котораго мы никакъ не рассчитывали ранѣе двухъ недѣль, совпало почти въ тотъ-же день, когда мы ожидали Булычевыхъ. Пришедши отъ Торсона, гдѣ мы имѣли общій столъ, и намѣреваясь отправиться въ новый городъ къ Старцовымъ, я сидѣлъ у окна, выходящаго на дворъ, и курилъ сигару; братъ Николай пошелъ подъ навѣсъ посмотрѣть, какъ ново-нанятый нашъ кучеръ запрягаетъ лошадь въ сидѣйку. Вдругъ послышались колокольчики. Тарантасъ остановился посреди двора и изъ него вышла дама, принятая мной сперва за ш-ше Булычеву. Потомъ, когда вышла Елена Александровна, я ее тотчасъ узналъ и бросился къ нимъ. Объятія.... слезы.... Насъ окружила плотная толпа любопытныхъ—бурять и сосѣдей. Братъ, полагая, что пріѣхали Булычевы, былъ въ большомъ затрудненіи явиться къ нимъ безъ сюртука, и, поймавъ маленькую дѣвочку Катюшу, дочь нашей стряпки, разбалованную имъ, свою любимицу, приказываетъ

принести ему сюртукъ. «Вотъ вы какой... вѣдь мнѣ некогда... я и сама хочу поглядѣть на привъзжихъ» — и съ этимъ словомъ убѣжала, оставивъ брата въ самомъ критическомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не узналъ, наконецъ, что привъхали сестры, и тогда онъ, забывъ о своемъ дезабильтѣ, бросился обнимать и цаловать милыхъ привъзжихъ. Такъ какъ мы ихъ ожидали гораздо позже и не перебирались во флигель, чтобъ очистить домъ для нихъ, онѣ застали нашъ холостой бытъ на распанку и могли составить полную идею о житьѣ-бытьѣ. Галактионъ Степан. Баташевъ (кривой Апеллесъ) принялъ ихъ въ своей студіи, заставленной мольберами съ начатыми и оконченными образами, картонами эскизовъ между столовъ и скамеекъ, заваленныхъ красками, палитрами и кистями.

XIX.

Сидѣйки.

Касательно вопроса вашего объ устройствѣ сидѣекъ, то, говоря по правдѣ, все ихъ достоинство составляетъ простота, главное основаніе всякаго полезнаго изобрѣтенія, такъ тщательно избѣгаемая всѣми изобрѣтателями, и къ которой рано или поздно опытъ приводитъ cadaго. Въ нашей (т. е. за-Байкаломъ) гористой мѣстности употребленіе четырехколеснаго экипажа и тяжело для лошади, и опасно: у насъ повсемѣстно употребляется двухколесная телѣга, и эту-то телѣгу я обратилъ въ сидѣйку. Въ устройствѣ городскихъ двухколесныхъ кабриолетовъ длина и эластичность оглоблей пренебрежены, безпокойная тряска отъ неровности дороги предупреждена лежачими и разнаго рода рессорами, — тогда какъ у меня всѣ эти рессоры замѣнены эластическимъ нагибомъ самой оглобли, сматченной еще нагибомъ особенной деревянной пружины. Вы это лучше поймете на рисункѣ ¹⁾.

Въ рисункѣ № 1 вы видите сидѣйку въ самомъ простѣйшемъ ея видѣ и повсемѣстно принятой всѣмъ Забайкальемъ, потому что, кромѣ простоты и легкости, она удобна еще тѣмъ, что каждую двухколесную телѣгу въ полчаса можно обратить въ спокойный экипажъ, привязавъ къ оглоблямъ двѣ пружины и положа на концы ихъ доску для сидѣнья.

¹⁾ Два рисунка помѣщены въ концѣ статьи, на стр. 658.

Въ рисунокѣ № 2 (на стр. 658) вы уже видите городской экипажъ, имѣющій предъ первую то преимущество, что для удобнѣйшаго входа въ него онъ значительно пониженъ переносомъ деревянныхъ пружинъ внизъ оглоблей, и такъ какъ кузовокъ укрѣпленъ на нихъ, то этимъ значительно пониженъ центр тяжести и предупреждена опасность опрокидыванія экипажа. Видите, какъ просто открывается зарычкѣ.

XX.

Поѣздки изъ Селенгинска.—Посѣтителѣ Селенгинска.

Первая поѣздка брата изъ Селенгинска была въ Кяхту для приобрѣтенія средствъ существованія посредствомъ портретной живописи; съ тою-же цѣлью онъ ѣздилъ въ Иркутскъ и въ Удинскъ. Въ Кяхтѣ онъ прожилъ около пяти мѣсяцевъ, въ Иркутскѣ около года. Въ бытность свою въ Кяхтѣ онъ хотѣлъ, чтобъ и я туда прѣѣхалъ на праздникъ Рождества, чтобъ немного развлечься, и я, исполняя его желаніе, пробылъ тамъ около мѣсяца.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ городѣ мы были знакомы со всѣми безъ изъятія и вездѣ насъ принимали съ непритворнымъ радушіемъ ¹⁾. Ежели оставались какіе-либо дома, не познакомившіеся съ нами, то это было единственно отъ недостатка времени. Въ Иркутскѣ братъ былъ чаще въ домахъ генераль-губернатора Руперта и губернатора Пятницкаго, особенно въ домѣ послѣдняго. Пятницкій былъ гостепріимный русскій хлѣбосоль, но вялый и ограниченнаго ума администраторъ. Въ его управленіе чиновники, черезъ руки которыхъ шли наши письма, посылки и деньги, обрадовали насъ безстыдно, и онъ ничего не зналъ до тѣхъ поръ, когда ему пришлось платить за растроченныя деньги. Передъ правительствомъ онъ старался казаться бдительнымъ, и его донесенія въ родѣ доносовъ много зла принесли намъ. Смѣненъ онъ былъ уже по злост-

¹⁾ Ни слова не сказано о знакомствѣ Ник. Вестужева съ извѣстнымъ путешественникомъ Ад. Эрманомъ. Между тѣмъ Эрманъ, въ своемъ путешествіи много говорить о Вестушевѣ. Ив. Свѣзевъ (1864 г.).

ному доносу на Н. Н. Муравьева, на котораго онъ доносилъ, что онъ сталъ на дружескую ногу со всѣми государственными преступниками. Въ Удинскъ братъ ѣздилъ единственно по приглашенію жены Руперта, чтобъ кончить начатые портреты съ ея дѣтей и чтобъ нарисовать еще одинъ со старшей ея дочери Людмилы для жениха ея, Александра Ильича Арсеньева. Въ проѣздъ ихъ въ Кяхту, мы видѣлись снова съ ними и были приглашены на свадьбу въ Петровскій заводъ. Брату было некогда ѣхать туда и на свадьбѣ присутствовалъ одинъ я.

Когда Петровскимъ заводомъ управлялъ Оскаръ Алек. Дейхманъ (прекрасный человекъ, познакомившійся съ нами и гостившій у насъ въ Селенгинскѣ), братъ ѣздилъ туда раза три. Приставалъ онъ всегда у нашего товарища, и теперъ (1861 г.) тамъ живущаго, Ивана Ивановича Горбачевского. Другой разъ онъ ѣздилъ въ Кяхту уже съ сестрами, а въ другой и послѣдній разъ передъ смертью въ Иркутскъ—по вызову генерала Я. Д. Казимірскаго.

Когда вначалѣ нашей селенгинской жизни былъ городничимъ добрякъ казакъ Скорняковъ, хлопоты по хозяйству ограничивали его поѣздки по окрестностямъ болѣе для развлечения, нежели съ болѣе серьезною цѣлью; потомъ, когда онъ былъ замѣненъ отъявленнымъ мерзавцемъ, иркутскимъ квартальнымъ Кузнецовымъ, тогда и эти поѣздки мы должны были дѣлать съ оглядкою, опасаясь его доносовъ—не за себя, а за участвующихъ съ нами, тѣмъ болѣе, что на томъ времени, вслѣдствіе донесенія Пятницкаго, правительство предписало мѣстнымъ властямъ не дозволить намъ всѣмъ отлучку отъ мѣста жительства далѣе 15-ти верстнаго разстоянія. Земли, отведенныя намъ подъ пашни и сѣнокосъ въ Зуевской пади, отдалены были отъ города въ 15½ верстахъ; вслѣдствіе такого распоряженія, если намъ нужно было посмотреть, какъ пахутъ или косятъ работники, мы должны были писать просьбу на имя шефа жандармовъ, который долженъ былъ испросить у государя высочайшее разрѣшеніе на выѣздъ. Чтобъ выказать все неудобство подобныхъ предписаній, мы написали просьбу къ шефу жандармовъ, въ которой просили испросить у государя милостивое разрѣшеніе съѣздить на собственный нашъ покосъ для того, чтобъ выгнать табуны лошадей и стадо бурятскаго скота, вы-

травляющихъ нашъ покой. Просьба осталась безъ отвѣта, а распоряженіе все-таки осталось во всей своей силѣ и давало оружіе какому-нибудь квартальному дѣлать намъ притѣсненія на каждомъ шагѣ.

Въ доказательство тому, что можетъ дѣлать въ Россіи личный произволъ самаго мелкаго чиновника, опирающагося на распоряженія правительства, изъ многочисленныхъ неприятно-стей, дѣланныхъ намъ городничимъ, я приведу одинъ примѣръ. Ему неприятно было видѣть, какъ ежедневно насъ посѣщали почти всѣ тѣ лица, которыя были въ Забайкальи, а особенно проѣзжавшіе въ Кяхту, равно какъ всѣ наши Иркутскіе, Удинскіе, Кяхтинскіе, Петровскіе и прочіе знакомые; а особенно-же было ему не понутру являться по обязанностямъ службы или по требованію высшихъ чиновниковъ, постоянно останавливавшихся у насъ. Въ пьяно-дружескихъ бесѣдахъ съ почтмейстеромъ Каковинымъ они придумали курьезныя мѣры для прекращенія подобныхъ посѣщеній. Каковинъ, опираясь на авторитетъ городничаго, далъ отъ себя предписаніе на станціи, ведущія къ Селенгинску, такого содержанія: что «какъ извѣстно-де сдѣлалось мѣстному начальству о подозрительныхъ посѣщеніяхъ господъ государственныхъ преступниковъ Бестужевыхъ разными лицами всѣхъ сословій, что совершенно противно видамъ правительства, то строжайше предписывается станціоннымъ смотрителямъ—запретить ямщикамъ возить къ упомянутымъ гг. преступникамъ кого-бы то ни было».

Знакомый намъ жандармскій генералъ Вагануло, возвращаясь изъ Кяхты, заѣхалъ къ намъ и со смѣхомъ разсказалъ намъ, какъ ямщикъ не хотѣлъ слушать его приказаній вести его къ намъ; и тутъ-же пріѣхавшій ревизоръ почтовой части въ Восточной Сибири Неѣловъ объяснилъ этотъ казусъ, показавъ снятое имъ со стѣны почтовой станціи предписаніе его подчиненнаго. Потребовали къ отвѣту и того и другаго; оба явились въ пьяномъ видѣ. Гнѣвъ и буря—съ одной, подлость и униженіе—съ другой стороны, доходившія до такой отвратительной сцены, что они оба чуть не на колѣняхъ вымаливали у насъ прощеніе, и братъ сжалился надъ ними и упросилъ начальниковъ—помиловать ихъ. Въ благодарность—мы должны были испытать еще горшія, но болѣе осторожныя ихъ пакости.

XXI.

Переписка съ пріятелями и знакомыми.

Первое время нашей тюремной жизни въ Сибири, когда мы могли сноситься съ тѣмъ свѣтомъ только черезъ благодѣтельное посредство нашихъ дамъ, естественно, что шая и дорожа это послѣднее звѣно, связывавшее еще насъ съ жизнью, мы очень осторожно пользовались ихъ предупредительными услугами и по возможности сокращали даже переписку съ родными. Но впрочемъ, намъ тогда и не предстояла надобность увеличивать объемъ своей корреспонденціи: исключая очень немногихъ примѣровъ, всѣ друзья, всѣ пріятели оказались «до чернаго лишь дня». Страхъ-ли шпіонства, опасеніе-ли голубыхъ очей, боязнь-ли, чтобъ не заподозрили въ чувствахъ вѣрноподданничества, но только никто не рѣшался коснуться словомъ прокаженныхъ покойниковъ; а мы въ свою очередь были слишкомъ горды, чтобъ унижаться, вызывая притворное сочувствіе, а можетъ быть и обидное молчаніе на наши письма. Къ тому же, надо правду сказать: чтѣ намъ могли писать, чтѣ мы могли отвѣчать, когда наши обоюдныя письма должны были пройти черезъ горнило III отдѣленія? Даже переписка наша съ близкими родными, краткая и осторожная, гдѣ каждая фраза десять разъ обдумывалась прежде, нежели была написана, чтобъ проходя первую цензуру Лепарскаго не заставлятъ (что очень часто случалось) нашихъ добрыхъ дамъ переписывать снова наши письма, чтобъ не подвергнуть родныхъ и коменданта отвѣту (что тоже было нерѣдко); эта переписка, говорю я, была такъ блѣдна, такъ безжизненна, носила такой пошлый отпечатокъ казенной официальнойности, что меня одолевала одурь всякій разъ, когда я писалъ письма, и эту пытку брать Николай, по обычной добротѣ, постоянно бралъ на себя.

Корреспонденція наша съ поселенными нашими союзниками была еще тягостнѣе. Кромѣ того, что наши письма совершали чудовищныя путешествія въ 14000 и болѣе верстъ, чтобъ пройти черезъ III Отдѣленіе, тогда какъ мы жили чуть не о бокъ другъ друга, очень часто случалось, что послѣ полугодоваго ожиданія мы, вмѣсто отвѣта, получали запросъ на какую-либо, по ихъ

мѣвнiю, темную фразу или намекъ, а комендантъ—выговоръ. Кажется, все было придумано, чтобъ отбить охоту къ письму, и надо было родиться Лунинымъ, который находилъ неизъяснимое наслажденiе дразнить «бѣлаго медвѣдя» (какъ говорилъ онъ) (т. е. мѣстныхъ власти) не обращая вниманiя на мольбы обожавшей его сестры (графини Уваровой) и на лапы дикаго звѣря, (т. е. Сибирское начальство) въ когтяхъ котораго онъ и погибъ въ Акатуѣ.

Корреспонденцiя съ мѣстъ нашего поселенiя сдѣлалась нѣсколько польготиѣе, потому что наши родные, а за ними вслѣдъ и знакомые, попытались посылать письма прямо черезъ почту. Но и тутъ все зависѣло отъ лицъ, мѣстную власть исполнявшихъ. Передъ смертiю братъ очень часто переписывался съ адмираломъ Рейнеке и архитекторомъ Ив. Ив. Свiазевымъ. Полагаю, что въ посланной коллекцiи вы найдете ихъ письма. Онъ также писалъ къ астроному Струве, но отвѣта не получилъ¹⁾.

XXII.

Въ бытность брата Николая въ Иркутскѣ до прiѣзда сестеръ онъ видѣлся со всѣми жившими тамъ нашими товарищами. Съ Горбачевскимъ, какъ я уже вамъ упомянулъ выше, мы видались довольно часто или у насъ въ Селенгинскѣ, или у него въ Петровскомъ заводѣ. Вскорѣ по прiѣздѣ сестеръ насъ посѣтилъ Ив. Ив. Пущинъ съ Марьей Казимировной Юшневскою. Онъ, подъ предлогомъ болѣзни, выпросился изъ Ялуторовска, гдѣ онъ былъ поселенъ вмѣстѣ съ Басаргинимъ, Оболенскимъ, Якушкинымъ, Спиридовымъ, Матвѣемъ Муравьевымъ и ш-ше Янтальцевою (уже вдовою), на Забайкальскiе Туркинскiя воды—единственно съ цѣлью повидаться съ товарищами. Потомъ насъ посѣтилъ Сергѣй Григор. Волконской, его жена Марiя Николаевна, его сынъ и замужняя дочь (теперь замужемъ за Кочубеемъ). Потомъ Трубецкой, и когда дочь его Александра Сергѣевна вышла за генерала Ре-

¹⁾ Выше сказано, что Струве послалъ Бестужеву латунь, которая дошла до него послѣ смерти.

биндера, Кяхтинскаго градоначальника, то и княгиня, жена его Катерина Ивановна съ дочерьми (Зинаидою и Александрою) и сыномъ (Иваномъ). Впослѣдствіи Трубецкой и Ребиндеръ съ женою всегда бывали у насъ проѣздомъ въ Иркутскъ и обратно, точно также и Волконской съ сестрою (женою маршала двора), и Молчановъ съ женою (Еленою Серг. рожд. Волконскою).

Переписывались мы со многими изъ нашихъ товарищей. Братъ чаще—съ Трубецкимъ, Волконскимъ, Поджіо, Пуцинымъ, Горбачевскимъ, Батенковымъ и Безчасновымъ; я—со Штейнгейлемъ, Безчасновымъ, Трубецкимъ, Волконскимъ, Горбачевскимъ и Пуцинымъ.

Надо прибавить, что братъ Николай былъ очень акуратенъ въ своей корреспонденціи и поддерживалъ ее исправно, тогда какъ я, признаюсь вамъ, былъ неисправимый лѣннвецъ.

XXIII.

Вѣсть о кончинѣ Николая I.—Смерть Николая Бестужева.

Извѣстіе о смерти императора Николая Павловича пришло въ Иркутскъ во время пребыванія брата тамъ, и потому я не могу сообщить вамъ подробности перваго впечатлѣнія этого событія на моего брата. По его возвращеніи въ Селенгинскъ (въ апрѣлѣ, передъ пасхою 1855 года) въ то время, когда онъ уже носилъ въ груди зародышъ смерти, печальный и молчаливый, онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, когда рѣчь падала на критическое положеніе Россіи:

— «Что выльется изъ нашего новаго царя (Александра II)—Богу извѣстно одному; но говорятъ, онъ добръ, и слѣдовательно не захочетъ идти по слѣдамъ своего батюшки. Онъ не захочетъ окончательно погубить Россію, продолжая войну, какъ это-бы сдѣлалъ его отецъ изъ личнаго самолюбія (?!), воображая себя молотомъ европейской политики, кующимъ цѣпи по своему произволу». — Успѣхи и неудачи Севастопольской осады его интересовали въ высочайшей степени. Впродолженіи семнадцати долгихъ ночей его предсмертныхъ страданій, я самъ, истомленный усталостью, едва понимая, что онъ мнѣ говорилъ почти въ бреду,

долженъ былъ употреблять всё свои силы, чтобъ успокоить его касательно бѣдной, погибающей Россіи. Въ промежутки страшной борьбы его желѣзной, крѣпкой натуры со смертью, онъ меня спрашивалъ:

— «Скажи, нѣтъ-ли чего утѣшительнаго (о Севастополѣ)?»

XXIV.

Домъ и могила Н. А. Бестужева въ Селенгинскѣ.

Единственно изъ желанія исполнить просьбу вашу, я прилагаю оба рисунка, въ ущербъ моего самолюбія, потому что по нимъ вы можете судить о моемъ крайнемъ невѣжествѣ въ этой отрасли искусствъ. Въ родительскомъ домѣ я получилъ очень хорошія основныя начала рисованья у того-же самаго профессора живописи (Финѣва), какъ и братъ Николай и сестры, но поступивъ въ корпусъ, я не только не подвинулся впередъ ни на волосъ, но и забылъ, чему учился прежде. Вышедши изъ корпуса, я былъ разлученъ службою съ братомъ, который еще могъ бы пробудить во мнѣ охоту къ живописи, а впоследствии развлеченіе и служба сдѣлались помѣхою хотя врожденной, но не развитой склонности. Братъ, нарисовавшій акварелью такъ много прелестныхъ видовъ Читы и Петровска, не оставилъ ни одного Селенгинскаго, хотя имѣлъ твердое намѣреніе сдѣлать ихъ нѣсколько и даже часто приготавливалъ все необходимое для исполненія. Увѣренность, что это всегда можно сдѣлать, была причиною, что ничего не было сдѣлано. Одинъ изъ политическихъ преступниковъ, полякъ, человекъ очень хорошо знакомый съ нами, но имя котораго я забылъ (мы были знакомы со всѣми поляками Забайкалья), въ бытность его у насъ такъ прельстился прекрасною картиною мѣстности, открывавшейся съ утеса горы, которая высится тотчасъ за нашимъ домомъ, что снялъ видъ, въ которомъ нашъ домъ помѣщенъ на второмъ планѣ, а на первомъ очень оригинально изображена отвѣсная скала, на которой онъ сидѣлъ. Самъ братъ выбралъ удобный камень для занятія, самъ устроилъ ему складной столикъ, укрѣпилъ зонтикъ отъ палящихъ лучей солнца

(у насъ лѣтомъ невыносимые жары), наблюдалъ за ходомъ рисунка почти цѣлый день до заката солнца, и чтобъ не терять времени на ѣду, самъ носилъ ему въ судкахъ обѣдъ и чай. Художникъ далъ слово брату прислать съ него копію, но почему-то не сдержалъ слова. Это обстоятельство было тоже не послѣднею изъ причинъ, почему братъ надѣялся и безъ своихъ трудовъ имѣть превосходный видъ. Этотъ видъ, равно какъ и имя художника, вы можете увидѣть въ интересномъ альбомѣ съ текстомъ, изданномъ камергеромъ Булычевымъ. Съ разрѣшенія ген.-губернатора, польскій художникъ сопровождалъ членовъ сенаторской ревизіи на Лену, въ Якутскъ, въ Охотскъ, Камчатку и проч., снялъ множество видовъ этихъ мѣстностей и продалъ ихъ Булычеву, которымъ (вмѣстѣ съ неодолимою вѣрностью въ рисунокъ Сибирской флоры и птицъ, работы нашего товарища Петра Ив. Борисова 2-го) посланы оригиналы въ Лондонъ, гдѣ они были награвированы на стали и въ Петербургѣ изданы въ видѣ альбома.

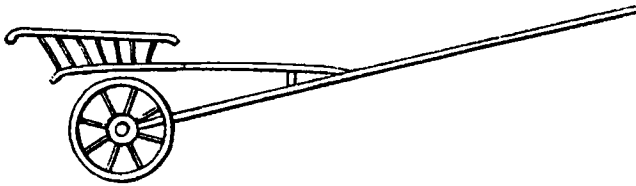
Для поясненія моего жалкаго рисунка, я долженъ увѣдомить васъ, что домъ первый слѣва (гдѣ мы теперь живемъ и гдѣ жили сестры) стоитъ на скалѣ, едва прикрытой слоемъ земли. Гдѣ нарисована бесѣдка, тутъ сдѣланъ нами деревянный срубъ и мѣсто выровнено подъ садъ. Второе зданіе—это маленькій флигель, гдѣ жилъ и умеръ братъ Николай; а третье, двухэтажное зданіе—это домъ, гдѣ я послѣ женитьбы жилъ съ семействомъ. Онъ теперь (1861 г.) проданъ, равно какъ и огромная мастерская, не помѣстившаяся на рисунокѣ справа, и будутъ свезены лѣтомъ въ новый городъ. Передъ моимъ домомъ на кручѣ берега разбитъ скверъ, а колонны и оба балкона до самой крыши лѣтомъ закрывались зеленью хмѣля, плюща и другихъ вьющихся растений. Этотъ домъ былъ построенъ и отдѣланъ прочно и изящно, выщекатуренъ снаружи, какъ и всѣ наши зданія. Глубокій оврагъ или лощина (по сибирски буеракъ) отдѣляла насъ отъ дома Торсона и его мельницы. Этотъ глубокий буеракъ мы частію засыпали и сровняли, чтобъ проѣздъ черезъ него сдѣлать удобнымъ; но эта засыпь почти каждое лѣто смывается или размывается бурливымъ потокомъ послѣ каждаго проливнаго дождя. Когда, по сибирскому выраженію, пойдетъ буеракъ—картина прекрасная, особенно ночью. Во

тьмѣ, при раскатахъ грома по окрестнымъ горамъ, при безпрестанной ослѣпительной молніи, пѣнистый буеракъ, какъ чешуйчатая змѣя, спускается, извиваясь съ кручи холмовъ и утесовъ, шипитъ и прыгаетъ, глотая песокъ и камни, и добѣжавъ до насыпи, бросается внизъ, со злобы распырнувшись въ пѣну и брызги.

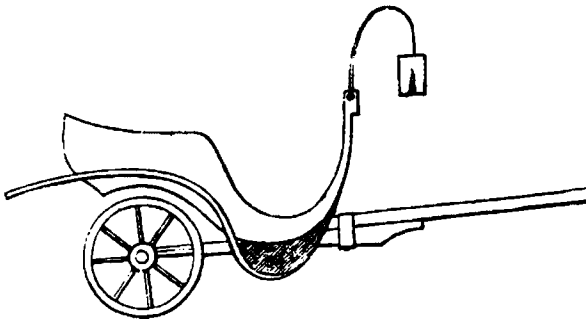
Рисунки «сидѣекъ» или «бестужевокъ».

(см. выше стр. 649—650).

№ 1.

№ 2.

Михаилъ Александровичъ Вестужевъ.

Городъ Селенгинскъ. 1860—1861 гг.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

Историческіе матеріалы, къ нему и его эпохѣ относящіеся.

1804—1820.

I.

Рескриптъ императора Александра I о прекращеніи жестокаго обращенія съ солдатами.

1804 г.

Господину генералъ-лейтенанту Брестской и Украинской инспекціи по кавалеріи инспектору Воуру.

Доходитъ до свѣдѣнія моего, что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекрутъ екзерциціи наказываютъ ихъ съ такою строгостію, какую употреблять должно въ случаѣ важныхъ только преступленій. Метода сія, бывъ столько же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введена конечно или отъ непонятія въ чемъ состоятъ должна воинская строгость, или же отъ природной нѣкоторыхъ наклонности къ жестокостямъ. Первое непростительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войскѣ отнюдь ослабляема быть не должна и взыскаіііе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающими виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ по неумышленности или отъ непривычки еще къ тому, о чемъ погрѣшающій не имѣлъ прежде никакого понятія. Преступленія моральныя какъ запрещаемыя всѣми законами: грабежъ, воровство, обманъ и проч., такъ въ особенности не терпимы въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность стоя на караулѣ, небреженіе ружья своего и аммуниціи, от-

лучка безъ позволенія, трусость противъ непріятеля и тому подобныя, требуютъ неотложнаго взысканія, сужденія по воинскимъ артикуламъ и неизбежнаго наказанія; но ошибки въ ружейныхъ приёмахъ, въ маршированіи, въ словахъ когда рапортуетъ, или является вѣстовымъ, особливо же въ новопринятомъ солдатѣ, требуютъ больше неуспѣшности офицера и способности его къ наученію нежели строгости. Она въ семъ случаѣ не только не вмѣстна, но вредна для службы и для самыхъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго назначенія; ибо кромѣ того, что чрезъ частыя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для повесенія трудовъ военныхъ, не согласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученье, имѣлъ въ намѣреніи своемъ ошибаться съ умысла, напротивъ того ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особливо въ человѣкѣ торопливомъ, разстроиваетъ вниманіе его, и при всемъ напряженіи силъ исполнять наилучшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагу и при всякомъ словѣ.

Движимъ будучи чувствованіями состраданія къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей, и желая чтобы какъ высшіе такъ и другіе офицеры при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзерциціи давали себѣ больше труда ко вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтись можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и приобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости, я рекомендую вамъ возимѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего копіи господамъ шефамъ полковъ ввѣренныхъ вамъ инспекцій на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями при случаяхъ приличныхъ эскадроннымъ командирамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ, въ одномъ своемъ только свѣдѣніи.

Въ Санктпетербургѣ. Юля 12-го дня 1804 года. Александръ.
Военный министръ Вязмитиновъ.

Примѣчаніе. Напоминаемъ вышеприведенный документъ — уже бывшій въ печать, — именно въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 г. томъ VI, стр. 283 — 284, — напоминаемъ потому, что онъ скрѣпленъ подписью военнаго министра Вязмитинова, Сергѣя Козьмича, — по поводу котораго сообщена намъ слѣдующая замѣтка:

Въ интересной статьѣ: „Императоръ Александръ Павловичъ и его дворъ, въ 1804 году“, помѣщенной въ декабрьской книгѣ „Русской Старинѣ“, изд. 1880 г. томъ XXIX, составляющей переводъ документа, хранящагося въ бумагахъ бывшаго саксонскаго посольства въ Россіи, между прочимъ, сказано:

„Военный министр, генералъ отъ инфантеріи Визмитиновъ, много лѣтъ прослужилъ въ военномъ вѣдомствѣ, служба постоянно по административной части. Онъ былъ нѣкогда правителемъ канцеляріи графа Захара Чернышева, президента военной коллегіи, затѣмъ въ царствованіе Павла I былъ комендантомъ С.-Петербургской крѣпости и управлялъ комиссаріатомъ, а затѣмъ перешелъ гражданскимъ губернаторомъ въ Черниговъ или Полтаву, гдѣ заслужилъ репутацію честнаго и дѣятельнаго человѣка, вслѣдствіе чего и былъ призванъ въ министерство. Человѣкъ этотъ, выслужившійся изъ рядовыхъ...“ и проч.

Нѣсколькимъ ошибкамъ, заключающимся въ этихъ словахъ, тѣмъ менѣе слѣдуетъ придавать значенія, что онѣ написаны иностранцемъ, пробывшимъ лишь нѣкоторое время въ Россіи и не вполне знавшимъ тогдашнее русское общество. Но исправленіе всякой ошибки, какъ бы она ни была незначительна, не можетъ быть лишнимъ.

Сергій Козьмичъ Визмитиновъ не могъ быть „выслужившимся изъ рядовыхъ“, такъ какъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамилии, которая состоитъ въ числѣ фамилій, занесенныхъ въ 6-ю дворянскую книгу, куда, какъ извѣстно, зачисляются древніе дворянскіе роды. Изъ хранящихся въ нашемъ семействѣ фамильныхъ документовъ, видно, что Сергій Козьмичъ поступилъ на службу въ 1759 году и въ 1761 произведенъ въ офицеры; затѣмъ, изъ тѣхъ же документовъ видно, что первые 9 лѣтъ своей службы онъ прослужилъ во фронтѣ, потомъ былъ адъютантомъ у графа З. Г. Чернышева, а съ 1777 по 1790 годъ снова былъ во фронтѣ и командовалъ полкомъ. Въ Высочайшей грамотѣ, данной С. К. Визмитинову 22-го апрѣля 1819 года, сказано: „Во время службы былъ въ войнѣ съ турками, начавшейся въ 1787 году и въ продолженіи оной находился въ дѣйствующихъ противу непріятеля арміяхъ, сперва въ Украинской, подъ предводительствомъ генераль-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, потомъ въ Екатеринославской, предводительствуемой генераль-фельдмаршаломъ кн. Потемкинымъ - Таврическимъ. При самомъ открытіи кампаніи въ 1787 году, команду авангардомъ въ корпусѣ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ генераль-аншефа графа Салтыкова, соединенныхъ при Днѣстрѣ, командированъ былъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ гренадерскихъ и егерскихъ батальоновъ, въ помощь къ союзной Цесарской Императорской арміи, подъ командою генерала принца Саксенъ-Кобургскаго находившейся, и переправясь черезъ Днѣстръ въ виду непріятеля, присоединился въ оной у рѣки Прута; тамъ получа въ команду свою, къ усиленію, отрядъ Императорско-Цесарскихъ войскъ и занявъ впереди арміи посты противъ Хотина, неоднократно находился въ дѣлѣ съ непріятелемъ, изъ крѣпости Хотинской покушенія дѣлавшимъ, который при всякомъ случаѣ былъ опрокинутъ и прогнанъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ ордеромъ генераль-фельдмаршала съ отрядомъ своимъ отозванъ отъ Цесарской арміи и присоединенъ къ корпусу войскъ генерала графа Салтыкова; служилъ въ ономъ при покореніи 8-го сентября оружію союзныхъ Россійскихъ и Римскихъ Императорскихъ войскъ города и крѣпости Хотинской и до окончанія кампаніи, въ 1789 году. Получа въ особую команду Екатеринославскій егерскій корпусъ, находился въ Екатеринославской арміи, при взятіи 30-го сентября крѣпости Акермана, а 4-го ноября Бендеръ“.

Документы, касающіеся службы С. К. Визмитинова и приведенныя слова Высочайшей грамоты показываютъ, что онъ не служилъ постоянно по адми-

нистративной части, какъ говоритъ авторъ вышеупомянутой статьи, а послужилъ 22 года во фронтѣ, участвуя въ бывшихъ въ теченіи этого времени кампаніяхъ.

А. Вазмигиновъ.

С. Маѣево, Курской губ.

II.

Изъ переписки Императора Александра I съ графомъ Салтыковымъ ¹⁾.

1812 года.

Императоръ Александръ—графу Николаю Ивановичу Салтыкову.

Въ Главной квартирѣ въ Вильнѣ 19-го апрѣля 1812 г.

Имѣлъ я удовольствіе получить два письма в. с. отъ 11-го и 13-го апрѣля. Искренно васъ благодарю за чувства въ нихъ изъясненныя; надѣюсь, что вы не сумнѣваетесь во всей моей привязанности къ вамъ. У насъ слава Богу все еще смирно и спокойно. Армія въ самомъ лучшемъ духѣ. Артиллерія, которую я успѣлъ осмотрѣть, въ наипрекраснѣйшемъ состояніи. Возлагая все упованіе мое на Всевышняго, спокойно ожидаю дальнѣйшихъ событій. Предлагаю при семъ выписку изъ письма Сперанскаго и пребываю навсегда вамъ искренно доброжелательнымъ Александръ.

Выписка изъ письма Сперанскаго ²⁾.

Между бумагами въ одномъ изъ трехъ пакетовъ находящихся В. И. В. изволите найти расшифрованныя перлюстраціи. Они мнѣ были доставляемы по временамъ отъ Бѣка. Въ семъ поступкѣ сознаю себя виновнымъ, и не ища оправданій предаюсь милосердію Вашего Величества и проч.

Императоръ Александръ I—гр. Н. И. Салтыкову.

Вильно. 13-го іюня 1812 г.

Война началась. Непріятель перешелъ нашу границу повнше Ковны. Сосредоточивъ всѣ силы свои за Вильно, будемъ готовы его отразить съ помощію Всевышняго. Пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ Александръ.

¹⁾ Генераль-фельдмаршалъ (съ 1796 года), бывшій воспитатель Императора Александра, 76-ти лѣтній старецъ. Въ достопамятный 1812 годъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ. Въ этомъ званіи онъ оставался четыре года, до возвращенія Государя изъ заграничныхъ походовъ. 30 августа 1814 г. возведенъ въ потомственное достоинство Россійскаго князя. Скончался 16 мая 1816 года.

²⁾ Собственной руки Александра I, также какъ и письмо Салтыкову.

Ред.

Р. S. Касательно сдѣланія новыхъ бумажекъ нельзя ли такъ учредить, чтобы ихъ надѣлать единственно для того предмета, чтобы имѣть наличныя знатныя суммы въ казначействѣ прежде поступления податей. Помѣръ же вступленія сихъ послѣднихъ исподоволь истреблять, чтобы число ихъ не умножать и не нарушить онимъ даннаго слова.

Вѣльковщина. 3-го іюля 1812 г.

Разрѣшая представленіе ваше о рассмотрѣніи мѣръ, до финансовъ относящихся, долженъ, по откровенности моеи съ вами, сказать, что мнѣ кажется въ департаментѣ экономическомъ много времени проходитъ въ пустыхъ разговорахъ, а дѣло не подвигается. Необходимо заняться дѣятельнѣе прінсканіемъ настоящихъ мѣръ. На займы иностранныя врядъ ли можно много считать, по недостатку вездѣ денегъ, даже въ самой Англии. На благоусмотрѣніе ваше предлагаю не полезно ли будетъ при сокращеніяхъ обратиться также и на слѣдующіе предметы:

- 1) на остановленіе пансіоновъ свыше 300 рублей,
 - 3) на остановленіе жалованья чиновникамъ, по выборамъ служащимъ.
 - 3) на остановленіе двойныхъ окладовъ у тѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, которые съ разныхъ мѣстъ оное получаютъ,
 - 4) на остановленіе столовыхъ денегъ, кромѣ въ арміи находящихся.
- Все сіе составитъ довольно значущія суммы. Можно представить на разсужденіе въ Совѣтъ сіи предметы.

Вѣльковщина. 4-го іюля 1812 г.

Вчерашняго числа было удачное дѣло между авангардомъ корпуса гр. Витгенштейна подъ командой ген.-маіора Кульнева и французскимъ кавалерійскимъ корпусомъ. Благодаря Бога, оной былъ разбитъ, генераль Сенъ-Женіеръ взятъ въ полонъ съ многими офицерами и болѣе 200 рядовыхъ. Непріятель насъ не атакуеть съ переди, а старается обойти съ фланговъ; сперва устремился на нашъ правой флангъ и хотѣлъ завладѣть штурмомъ Дюнабургскимъ мостовымъ укрѣпленіемъ, но онъ былъ отъ онаго отбитъ, и до сихъ поръ сіе ему не удалось. Потомъ началъ стремиться на нашъ лѣвой флангъ къ Диснѣ. Чтобы не быть обойдену, потому что Двина имѣеть въ сіе время года много бродовъ, мы сдѣлали движеніе въ лѣво къ Диснѣ и Полоцку. До сихъ поръ благодаря Всевышняго всѣ наши арміи въ совершенной цѣлости, но тѣмъ мудренѣе и деликатнѣе становятся всѣ наши шаги. Одно фальшивое движеніе можетъ испор-

тить все дѣло, противу непріятеля, силами насъ превосходяще, можно сказать смѣло на всѣхъ пунктахъ. Противу нашей 1-й арміи, составленной изъ 12-ти дивизій, у него ихъ 16 или 17, кромѣ трехъ направленныхъ въ Курляндію и на Ригу. Противу Багратіона, имѣющаго 6-ть дивизій, у непріятеля ихъ 11-ть. Противу Торماسова одной силы довольно равны. Рѣшиться на генеральное сраженіе столько же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться, въ томъ и другомъ случаѣ можно легко открыть дорогу на Петербургъ, но потерявъ сраженіе трудно будетъ исправиться для продолженія кампаніи. На негосіаціи же намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ищетъ нашей гибели и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповать, съ помощію Божіею, перебороть его. Всѣ сіи обстоятельства заставляють помислить заблаговременно о предметѣ разговора нашего незадолго передъ моимъ отъѣздомъ, то-есть о возможности непріятеля пробраться до Петербурга. Я бы желалъ, чтобы ваше сіятельство внимательно подумали о семъ предметѣ и по крайней мѣрѣ, чтобы уже рѣшено было по здравомъ размысленіи все то, что надобно будетъ увести изъ Петербурга и о способахъ сего увоза. Въ торопяхъ сіе будетъ сдѣлано, съ замѣшательствомъ и не основательно. При семъ прилагаю реестръ того, что мнѣ на первой случай на память пришло. За симъ ваше сіятельство, бывъ на мѣстѣ, болѣе имѣете способвъ сообразить сей важный предметъ, нежели я. Само собою разумѣется, что вы будете исправно извѣщены о всемъ происходящемъ здѣсь, и я уповаю на Всевышняго, что онъ отвратитъ отъ насъ сіи послѣдствія. Въ прочемъ если бы они должны случиться, то отъ пронашествія здѣсь могущаго быть, до прибытія непріятеля въ Петербургъ, дней двадцать необходимо пройдетъ. Но я считаю необходимымъ заранѣе все примыслить и приготовить, дабы не въ торопяхъ все дѣлалось. Я твердо считаю на привязанность вашего сіятельства ко мнѣ и къ отечеству, и что въ семъ важномъ случаѣ вы мнѣ докажете оную вашимъ дѣятельнымъ содѣйствіемъ.

Пребываю навсегда вамъ искренно доброжелательнымъ Александръ.

Нужно вывезти изъ Петербурга:

Совѣтъ. Сенатъ. Синодъ. Департаменты Министерскіе. Банки. Монетный дворъ. Кадетскіе корпуса. Заведенія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Императр. Маріи Феодоровны состоящія.— Арсеналь. Архивы. Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Кабинетской. Изъ прочихъ всѣ важнѣйшія бумаги. Изъ придворнаго вѣдомства: серебро и золото въ посудахъ. Лучшія картины Эрмитажа, также и камни рѣзные, хряпящіеся также въ вѣденіи придворномъ одежды прежнихъ

государей. Сестрорецкой заводъ съ мастеровыми и тѣми машинами, которыя можно будетъ забрать.

По достовѣрнымъ извѣстіямъ Наполеонъ въ предположеніи вступить въ Петербургъ намѣревается увезти изъ онаго статую Петра Великаго, подобно какъ онъ сіе учинилъ уже изъ Венеціи, вывозомъ извѣстныхъ четырехъ коней бронзовыхъ съ плаца Св. Марка, и изъ Берлина триумфальной бронзовой колесницы съ ковыми съ воротъ, называемыхъ Браденбургскими, то обѣ статуи Петра I-го большую, и ту, которая передъ Михайловскимъ замкомъ, снять и увезти на судахъ, какъ драгоценности, съ которыми не хотимъ разставаться.

Восковое изображеніе Имп. Петра I-го, въ Академіи наукъ хранящееся, и всѣ вещи къ оному принадлежащія. Изъ Монплезира также всѣ вещи сему великому Государю принадлежащія. — Я бы думалъ также разобрать бережно домъ его, возлѣ крѣпости состоящій, и равномѣрно на галіотѣ увезти — всѣ трофеи, хранящіеся въ крѣпости, въ Исакіевской церкви, въ арсеналѣ, въ Петергофской слободской церкви. Богатства Александровской лавры. Если можно то и мощи. — Направленія всему сему другаго дать нельзя какъ Казань, куды и Императорская фамилія можетъ отправиться въ нужномъ случаѣ черезъ Ярославль.

Везти можно всѣ сіи предметы водою по Маріинскому каналу и частію что можно сухимъ путемъ, на наряженныхъ подвозахъ. — Кромѣ тѣхъ судовъ, которыя можно будетъ найти въ нарядомъ, взять можно отъ маркиза Траверсе тѣ 60 судовъ плоскодонныхъ, которыя были построены олонекскимъ губернаторомъ. — Статую Суворова съ Царьцынскаго дуга. Лучшія мраморныя статуи изъ Таврическаго дворца.

III.

Князь Яшвилъ.

Всеподданнѣйшій рапортъ князя м. и. голен.-кутузова.

Отъ 26-го сентября 1812 г., гл. кв. деревня Латышевка.

Генер.-маіоръ князь Яшвилъ, жительствующій въ Калужской губерніи, не мало способствовалъ къ заведенію порядка въ разсужденіи ополченія той губерніи совѣтами и помощію г.-л. Шепелеву. Я не вѣдая никакъ, что онъ находится подъ присмотромъ правительства, не только употребилъ его, но и поручилъ ему нынѣ отрядъ ббльшею частію изъ ополченія калужскаго состоящій 4-хъ тысячной, которому приказалъ идти къ Рославию, выбить оттуда непріятеля и закрывая

Брянскъ дѣйствовать по его комуникаціи; сдѣлавъ уже все сіе, получилъ отъ калужскаго губернатора донесеніе, что онъ (Яшвилъ) находится подъ надзоромъ; но давъ уже ему столь важное направленіе, не останавливаю его впредь до воли В. И. В.; по моему же разумѣнію сей чело-вѣкъ по данной ему комиссіи можетъ быть очень полезенъ. Жена его съ 5-ю дѣтьми можетъ быть между тѣмъ подъ присмотромъ.

Рескриптъ Императора Александра Павловича князю Кутузову ¹⁾.

Отъ 3-го октября 1812 г.

Князь Михайло Ларионовичъ! Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ я изъ одного изъ рапортовъ вашихъ, что вы употребили на службу находящагося въ ссылкѣ извѣстнаго Яшвиля, не взирая даже на донесеніе, которымъ губернаторъ извѣстилъ васъ, что онъ подъ присмотромъ. Вы сами себя приписали право, которое я одинъ имѣю, что поставляя вамъ на замѣчаніе, предписываю немедленно послать Яшвиля смѣнить и отправить его въ Симбирскъ подъ строгой надзоръ къ губернатору. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Александръ.

Всеподданнѣйшій рапортъ князя Кутузова.

Отъ 31-го октября 1812 г., гл. кв. с. Лобново.

В. И. В.—ву имѣю счастье донести, что отставной генералъ-майоръ Яшвилъ въ деревню свою возвратился.

IV.

Два повелѣнія императора Александра I—графу Тормасову.

1817 и 1818 гг.

ГЕНЕР.-АДЪЮТ. КНЯЗЬ П. М. ВОЛКОНСКІЙ—ГРАФУ ТОРМАСОВУ

(Московскому воен. ген.-губернатору).

Курскъ. 20-го сентября 1817 г.

До свѣдѣнія Е. И. В. дошло, что при назначеніи квартиръ для свиты Государя Императора въ Москвѣ, обыватели вытѣсняются изъ лучшихъ покоевъ своихъ домовъ, безъ всякаго къ хозяевамъ уваженія, каковыя мѣры подають подозрѣніе въ злоупотребленіи и корысти

¹⁾ Посылая собственноручно написанный черновой отпускъ этого рескрипта графу Аракчееву, на обложкѣ Императоромъ Александромъ I написано карандашемъ: „какое канальство“.

того штабъ-офицера, коему поручено отводить квартиры. Е. И. В. приказавъ мнѣ о томъ увѣдомить в. с., весьма соболъвануеть, что высочайшее присутствіе въ Москвѣ, долженствующее произвестъ радость, наноситъ жителямъ лишь скорби.

ГЕНЕР.-АДЪЮТ. КНЯЗЬ П. М. ВОЛКОНСКІЙ—ГРАФУ ТОРМАСОВУ.

С.-Петербургъ, 11-го іюля 1818 г. № 21.

Дошло до свѣдѣнія Государя Императора, что 17-го числа прошедшаго іюня вечеромъ во время прогулки въ Москвѣ по Тверскому бульвару графини Марьи Александровны Дмитріевой-Мамоновой, дворовой челоувѣкъ г. Казначеева, Тимофей Кириловъ подошедъ къ шедшему за нею крѣпостному челоувѣку, произносилъ насчетъ помѣщиковъ и самой графини въ слухъ довольно неприличныя и даже бранныя слова, проповѣдуя ему о вольности и независимости крѣпостныхъ людей отъ помѣщиковъ, и за то наказанъ келейно розгами, почему Е. И. В. высочайше повелѣтъ соизвоилъ: сообщить в. с., что онаго Кирилова за столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало наказать настрожайшимъ образомъ и публично.

Исполняя симъ высочайшую волю, честь имѣю быть и проч. князь Петръ Волконскій.

V.

Толки и настроеніе умовъ въ Россіи по донесеніямъ высшей полиціи въ С.-Петербургѣ съ августа 1818 по 1-е мая 1819 г.

Общее обозрѣніе духа народнаго по всему государству являетъ видъ спокойный, утѣшительный: частныя злоупотребленія, мѣстные нѣкоторыя порывы неповиновенія крестьянъ, происходившіе болѣе отъ заблужденій, отъ недоразумѣній и часто ложныхъ или произвольныхъ примѣненій законовъ, показывались въ иныхъ губерніяхъ, но прекращались съ успѣхомъ и не разстраивали ни мало общаго порядка. О всѣхъ таковыхъ случаяхъ доведено до свѣдѣнія высшаго правительства опредѣленною на то дорогою.

Остается только представить здѣсь въ краткихъ чертахъ примѣчательнѣйшія наблюденія высшей полиціи относительно общихъ мнѣній и слуховъ.

О путешествіи Ихъ И—хъ Величествъ. Нельзя умолчать, что публика съ нѣкоторымъ прискорбіемъ выжидала на единовременный отъѣздъ Ихъ И—хъ В—въ, ибо наслажденіе Августѣйшаго здѣсь присутствія, по возвращеніи изъ Москвы, было весьма кратковременно.

Странномысли, кои встрѣчаются во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, распространяли разные слухи на счетъ сего путешествія; но благоговѣнное участіе всѣхъ вѣроподданныхъ и общія молитвы сопровождали постоянно Ихъ Величества. Всѣ публичныя извѣстія о семъ путешествіи принимались съ жадностію.

Объ Ахенскомъ конгресѣ и о такъ называемомъ заговорѣ противъ Государя Императора ¹⁾). Послѣ всеподданнѣйшаго донесенія Его Велич—у, касательно различныхъ толковъ и сужденій, произведенныхъ извѣстіемъ о помянутомъ якобы заговорѣ, остается только присовокупить, что сіе впечатлѣніе исчезало вмѣстѣ съ вѣроятностію, по мѣрѣ иностранныхъ увѣдомленій. Есть однакоже особы, кои непремѣнно хотятъ видѣть въ семъ прошествіи великую тайну, и кои подозрѣваютъ Австрійское министерство въ нѣкоторомъ нѣжномъ пристрастіи къ Наполеону.

Окончательныя положенія конгресса многимъ казались неудовлетворительными, не соотвѣтствующими ожиданіямъ. Политическіе пустословы, привыкшіе къ оборотамъ необычайнымъ, жаждущіе событий разительныхъ, не могутъ понять мысли о постоянномъ мирѣ, а потому сомнѣвались, чтобы деклараціи министровъ пяти державъ могли предоградить отъ новыхъ потрясеній.

О перемѣнахъ во внутреннемъ управленіи. Въ теченіи сентября мѣсяца, болѣе всего занимались въ разныхъ обществахъ предсказаніями и догадками касательно предполагаемыхъ будто бы перемѣнъ. Увѣряли, что Е. В—ство, при отбытіи своемъ, оставилъ въ рукахъ графа Аракчеева нѣкоторое число указовъ, кои вскорѣ должны были быть обнародованы. Говорили о преобразованіи сената, объ учрежденіи областныхъ начальниковъ, о распространеніи круга дѣйствій Собственной Его Величества канцеляріи, о введеніи вообще бѣльшаго единства въ управленіи. Но слухи сіи не были постоянны; общее вниманіе обращалось на возвращеніе Ихъ Велич—въ. По прибытіи Госуд. Императора, всѣ сіи догадки воскресли и усиливались нарочито до новаго года. Назначеніе областей и генераль-губернаторовъ считали несомнѣннымъ. Предрѣкали съ увѣренностію: уничтоженіе министерства полиціи, коего бѣльшая часть переходила въ завѣдываніе Собственной Е. В. Канцеляріи, а другія сливались съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго про-

¹⁾ Относительно этого неудавшагося заговора необходимо припомнить, что злоумышленники задумали захватить Императора Александра I на пути во Францію, чтобы заставить его подписать декларацію объ освобожденіи Наполеона и о возведеніи на французскій престолъ его сына, подъ опекою Маріи-Луизы. Р е д.

свѣщенія;—ограниченіе дѣйствія комитета министровъ; учрежденіе особаго верховнаго совѣта, изъ трехъ или четырехъ лицъ токмо состоящаго; назначеніе новыхъ статсъ-секретарей по отдѣленіямъ Собственной Е. В. канцеляріи, на каковыя вакансіи каждый имѣлъ своего рекрута; раздѣленіе сената на двѣ части: на правительствующую и на судную. Всѣ сіи мечты, кои большая часть публики, въ особенности должностные, считали истинами непреложными, мало по малу исчезали и оставили одни лишь призраки за собою.

Объ уничтоженіи рабства и о вольности крестьянъ. О семъ предметѣ много толковали и толкуютъ. До отъѣзда еще Ихъ Велич—въ говорили, что освобожденіе крестьянъ объявлено будетъ въ исходѣ августа мѣсяца, и что Ихъ Велич—ва для того только отъѣзжаютъ, чтобы не находиться здѣсь при обнародованіи сей важной новости. Кажется, что помѣщики внутреннихъ губерній нѣсколько были встревожены сими слухами, ибо въ письмахъ выражали свое опасеніе. Страхъ сей миновалъ и начали взирать на сію мѣру, какъ на отложенную до неизвѣстнаго времени. Хотя иные полагаютъ, что не все еще соврѣло къ исполненію, но однакоже вообще увѣрены, что она рано или поздно будетъ исполнена. Если средній классъ вообще благословляетъ Государя, не останавливающагося въ благихъ своихъ намѣреніяхъ ни силою предразсужденій, ни застарѣлыми преимуществами, не соглашающимися съ образованностію вѣка, то не всѣ прочіе классы одинаковаго съ онымъ мнѣнія.

Освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ мало дѣлаетъ впечатлѣнія въ русской публикѣ; не многіе постигаютъ положеніе того края, а еще менѣе умѣютъ судить о семъ предметѣ. Чиновники Лифляндской комиссіи, здѣсь существовавшей, терающіе пенсію ими получаемую, изъявляютъ нѣкоторое сомнѣніе и заблуждаются въ ложныхъ самопроизвольныхъ заключеніяхъ.

Приготовленія, чинимыя по сему предмету въ Динабургскомъ уѣздѣ, болѣе произвели толковъ, особливо между помѣщиками Бѣлорусскихъ губерній.

О рекрутскомъ наборѣ и слухахъ о войнѣ. Не взирая на причины, изложенныя въ самомъ указѣ, публика принимала новый рекрутскій наборъ за знакъ войны, и сіе самое было поводомъ къ нѣкоторымъ частнымъ неудовольствіямъ. Догадки, подкрѣпляемыя распоряженіями касательно заготовленій провіанта, артиллерійскихъ лошадей, движеній самыхъ войскъ къ Молдавіи, обращались то противу Турціи, то противу Австріи.

Глубные населенцы вымышляли множество вздорныхъ на сей предметъ слуховъ, но благоразумная часть публики ихъ отвергала.

Одни молодые офицеры желали исполненія симъ предрѣченіямъ, дабы имѣть случай удовлетворить свое славолюбіе.

Нынѣ сіи слухи совершенно умолкли; напротивъ говорятъ, что будто бы Его Величество изволилъ отозваться, что «войны не бывають дѣть чрезъ десять и болѣе».

О военныхъ поселеніяхъ. Многіе въ публикѣ находятъ въ семь учрежденіи: пользу общую и выгоду для хлѣбопашцевъ, улучшение духа въ войскѣ, сбереженіе выгодъ казенныхъ и частныхъ, распространеніе, наконецъ, промышленности и образованности; но между тѣмъ другіе съ симъ мнѣніемъ не соглашаются и почитаютъ сіе учрежденіе опаснымъ въ послѣдствіяхъ.

Что касается лично до графа Аракчеева, то число непріятелей и завистниковъ его не уменьшилось; но здоровая часть публики отдаетъ справедливость его заслугамъ, твердости и безпредѣльной преданности Государю Императору.

О графѣ Кочубеѣ. Графъ Кочубей ¹⁾ въ особенности обращалъ на себя вниманіе публики. Его опредѣляли то къ одному, то къ другому мѣсту. Съ начала говорили, что министерства внутреннихъ дѣлъ и полиціи соединяются подъ его управленіемъ; потомъ вѣряли ему особня Высочайшія порученія; а наконецъ жаловали даже въ государственные канцлеры.

Есть-ли многіе считаютъ графа Кочубея отличнѣйшимъ изъ государственныхъ мужей и способнѣйшимъ къ исправленію значительнѣйшихъ обязанностей правительства; то другіе однако же открываютъ въ немъ слабости уважительныя, какъ то: непостоянство въ правилахъ, страсть къ новостямъ, непрерывную переменчивость въ системахъ. «Нѣтъ великой націи, коея кафтана онъ бы не носилъ, исключая русскаго», отзывался о немъ весьма знатный государственный человѣкъ.

О Санктпетербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. Никто, конечно, не занималъ столько публику, какъ графъ Милорадовичъ. Бывъ столько же извѣстенъ со стороны прямоты и искренности, сколько со стороны хвастовства и расточительности, опредѣленіе его къ настоящему мѣсту служило поводомъ ко многоразличнымъ разговорамъ. Не сомнѣваясь ни мало въ его ревности и любви къ справедливости, опасались однако же его опрометчивости. Публикѣ казалось часто, что графъ ронялъ свое достоинство, зани-

¹⁾ Графъ Викторъ Павловичъ, впоследствии князь, племянникъ и воспитанникъ князя Безбородки. 4-го ноября 1819 г., ему было вторично вѣрено министерство внутреннихъ дѣлъ, послѣ того какъ онъ пробылъ 12 л. въ немилости.

маясь самъ собою болѣе, нежели своимъ званіемъ. Но мало по малу тяжелая скучность канцелярскаго производства охлаждала пылкость военнаго жара. Желательно только, чтобы люди, коихъ совѣтамъ онъ покоряется, были люди благонамѣренные.

О чиновникахъ, при немъ (Милорадовичѣ) служащихъ, и о дѣйствіяхъ его канцеляріи. Общее мнѣніе благопріятствовало сначала, какъ правителю его канцеляріи Геттуну, такъ и полковнику Глинкѣ (Федору Николаевичу). Но противное совершенно вниманіе обращали на себя: Фуксъ, Фогель, Наумовъ, Крыжевъ и прочіе подобнаго покроя люди, кои явно и скрытно употребляются.

Секретная полиція столицы большею частію поручена была Фогелю, которому даже подчинены Лоль-Лакси и который разстроилъ до основанія сіе учрежденіе. Извѣстность Фогеля, его развратность, превращаютъ сію полицію въ коварное ябедничество, въ притязательное отягощеніе публики, особенно иностранцевъ, и наносятъ вредъ полицейскимъ распоряженіямъ всего правительства, кои, при настоящемъ времени лишь облагородствованіемъ своимъ могутъ приносить существенную пользу. Подобнаго же рода полиція помрачаетъ славу начальствующаго,—тѣмъ болѣе, ежели презрительныя ея орудія ограждаются личною его защитою.

Впослѣдствіи времени публика начала роптать на дѣйствія Геттуна и всей канцеляріи. Военный генералъ-губернаторъ, до коего сіи слухи доходили, производилъ нѣкоторые по сему предмету изслѣдованія: способы убѣдиться въ основательности или несправедливости ихъ находятся въ его рукахъ.

О министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Различныя его распоряженія не заслуживали общаго одобренія ¹⁾. Строгость, оказанная въ дѣлѣ графини Разумовской, служила поводомъ ко многимъ крикамъ; между тѣмъ, какъ снисхожденіе къ приверженцамъ различныхъ сектъ и къ особамъ, прилѣпляющимся къ католицизму, сильно было осуждаемо православными. ;

Миссіонеры, отправленные въ польскія губерніи для превращенія евреевъ, мало успѣваютъ; а между тѣмъ сами евреи сильно ропчутъ на самоправно наложенную на народъ ихъ подать съ смертельныхъ рубашъ, вымышленную собранными въ Вильнѣ депутатами ихъ.

Укорененіе и вліяніе библейскаго общества, распространяющаго благотворительныя плоды свои, служа утѣшеніемъ свѣтской публикѣ, порождаетъ сомнѣнія въ умахъ духовенства.

¹⁾ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Правила, приѣмлемыя въ руководство народнаго просвѣщенія, по сужденіямъ занимающихся науками и словестностію, кажутся преступающими свои предѣлы. Благословія отеческія попеченія Его Величества о благѣ подданныхъ, предписывающія научать священнымъ словамъ евангелія во всей непорочности, основывая каждое познаніе на истинахъ религіи,—публикѣ кажется, что министерство народнаго просвѣщенія не постигаетъ сего благаго намѣренія, распространяя оное въ строгомъ смыслѣ христіанства на науки отвлеченныя, кои очищая понятія и обогащая умъ, не имѣютъ вліянія на вѣру. Такимъ образомъ предназначается образъ ученія, противный образованности вѣка.

О министрѣ финансовъ. Мнѣніе общее единогласно противъ министра финансовъ ¹⁾. Ропотъ на произвольныя во многихъ случаяхъ дѣйствія его весьма распространился. Говорятъ, что законъ имъ только наблюдается въ пользу казны, а толкуется всегда въ ущербъ частнаго человѣка.

Злоупотребленіе по таможнякъ переносится теперь также на часть винной продажи. Открывается и устроивается новое поприще лихоимству и новый классъ чиновниковъ посвящается развращенію. Вотъ сужденіе довольно общее на счетъ сей операціи, коей мало предпрѣкають успѣху.

О министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Сколь часто, во время наблюденія запретительной системы министръ внутреннихъ дѣлъ занималъ публику своею фабрикоманією, столь рѣдко нынѣ рассуждаютъ о его подвигахъ ²⁾. Докторъ Сальватори, пухъ тибетскихъ ковъ, фабрика кашемировъ—вотъ единственные предметы, о коихъ говорили въ нѣкоторыхъ обществахъ.

О министрѣ юстиціи. Съ начала вступленія его, много было пустаго шуму; кричали, превозносили, осуждали, но мало по малу умолкали ³⁾. Нѣсколько уже разъ его смѣняли и замѣняли то братомъ его, то дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ланскимъ.

Усиленіе штатовъ въ сенатъ напомнило публикѣ министра юстиціи и обратило на него одобрительное вниманіе.

О статскомъ совѣтникѣ Стурдзѣ. Лишь только публичныя

¹⁾ Графъ Гурьевъ. Назначеніе его послѣдовало въ 1810 г. и управленіе продолжалось до 1823 г.

²⁾ Осипъ Петровичъ Козадавлевъ. Управлялъ министерствомъ съ 1810 года до кончины своей въ 1819 г.

³⁾ Кн. Дм. Ив. Лобановъ-Ростовскій. Онъ смѣнилъ въ 1816 г. Троицкаго.
Ред.

листки начали упоминать о сочиненіи его на счетъ положенія Германіи, какъ каждый любопытствовалъ оное прочесть. Сужденія нашей публики не благопріятствовали автору. Всѣ вообще, даже саміе противники свободолюбивыхъ понятій, находили въ семъ сочиненіи сборъ тучныхъ рѣчей; картину весьма одностороннюю; одинъ тѣни безъ свѣта. Если бы умы безпристрастные и благоразсудительные находили уважительнымъ самый предметъ сего сочиненія, то не могли однако же не убѣдиться, что сущность онаго не была постигнута авторомъ, писавшимъ о вещи, которую совершенно не понималъ. Далѣе казалось несоотвѣтственнымъ цѣли, дѣйствовать орудіями зловѣчія противу заведеній, вѣками установленныхъ.

Неблаговидный образъ поведенія Стурдвы, при личномъ вызовѣ іенскихъ студентовъ, казался всѣмъ толико поворнымъ, что обратило на него общее презрѣніе и даже ненависть, порожденную тѣмъ, что священнѣйшее и любезнѣйшее имя Государя Императора было имъ замѣшено.

О смерти Коцебу. При полученіи здѣсь сего извѣстія, всѣ умы наполнились справедливымъ ожесточеніемъ какъ противу убійцы, такъ и противу того духа буевѣрія, который овладѣлъ нѣкоторою частію германскаго юношества, подстрекаемаго, кажется, въ сей запальчивости весьма малымъ числомъ извѣстныхъ бумагомарателей и профессоровъ. Сіи гнусные наставники, арлекинствами средняго вѣка и тевтоническимъ якобинизмомъ, привлекаютъ развращенное воображеніе безнузданностію вѣка зараженныхъ студентовъ, коихъ число послѣдними политическими событіями нарочито увеличилось, и превращаютъ ихъ въ Германскіе санкюлоты. А потому люди опытные, знающіе Германію, утверждаютъ, что болѣе должно обращать вниманія на таковыхъ учителей, нежели на самое юношество, которое всегда направлялось и направляться будетъ духомъ своихъ наставниковъ.

О назначеніи маркиза Паулуччи и тайнаго совѣтника Сперанскаго. Взоры были обращены на маркиза Паулуччи; ожидали, что съ распространеніемъ его власти воспослѣдуетъ также наименованіе прочихъ областныхъ начальниковъ.

Эстляндія ожидаетъ отъ его управленія много для себя выгодъ.

Назначеніе т. сов. Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ произвело общее удовольствіе, тѣмъ болѣе, что тотъ край утпалъ въ злоупотребленіяхъ, какъ увѣряютъ.

О сектѣ Татариновой въ Михайловскомъ дворцѣ. О сей сектѣ всеподданнѣйше донесено было Его Величеству, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1817 года, и чрезъ князя Голицына полученъ отвѣтъ съ изъявленіемъ Высочайшаго отзыва: «Оставить оную безъ вниманія,

какъ не заключающую въ себѣ важности». Между тѣмъ сіе скопище изувѣрія распространяется, и болѣе уже сорока человекъ считаетъ поклонниковъ. Дѣвица Пиперъ, живущая въ домѣ г-жи Загряжской, играетъ роль пиеи, а придворный музыкантъ Федоровъ и коллежскій ассесоръ Пялецкій проповѣдничаютъ въ смыслѣ сего мнимаго вдохновенія.

О масонствѣ. Обѣ директоріальныя ложи заключили между собою братскій конкордатъ, и тѣмъ прекратили всѣ существовавшіе дотогѣ споры. По донесеніямъ обоихъ великихъ мастеровъ, графовъ: Мусина-Пушкина и Вельгорскаго, тридцать двѣ ложи состоятъ нынѣ подъ ихъ управленіемъ, т. е. 24 подъ ложею Астрен, слѣдовательно 10 новыхъ по истеченіи года, и 8—подъ провинціальною ложею. Изъ сихъ 32-хъ ложъ, 14 открыты въ С.-Петербургѣ, Митавская и Симбирская закрыты по распоряженіямъ мѣстныхъ начальствъ; Томская и Каменецъ-Подольская въ началѣ дѣйствія; остальные же 14 производятъ работы внутри Имперіи. Сверхъ сего существуютъ еще двѣ ложи скрытныя, одна въ Москвѣ, подъ управленіемъ сенатора Кутузова, а другая въ Петербургѣ подъ вліяніемъ уѣхавшаго недавно дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабзина. Обѣ не находятся ни въ какихъ отношеніяхъ къ министерству полиціи, равно какъ и нѣсколько еще ложъ въ Литовскихъ губерніяхъ, кои состоятъ въ зависимости Варшавскаго востока. О подчиненіи сихъ литовскихъ ложъ здѣшнимъ директоріальнымъ ложамъ, чинимы были сими послѣдними разныя сношенія съ варшавскою великою ложею; но согласія на сіе не воспослѣдовало.

Масонство въ Россіи, не состоя подъ явнымъ вліяніемъ правительства, не можетъ имѣть выгоднаго въ публикѣ мнѣнія и всегда составляется будетъ изъ людей болѣею частію низшихъ классовъ.

Должно однако же признаться, что здѣшніе масоны, въ семъ ихъ качествѣ, не подавали ни малѣйшаго повода къ невыгоднымъ на свой счетъ замѣчаніямъ.

Частныя ихъ споры относились единственно до порочности общественныхъ учрежденій ихъ и не имѣли никакого вліянія на благоустройство и спокойствіе общія.

До сего времени, всѣ здѣшнія ложи болѣе могутъ быть уподобляемы клубамъ, нежели правственнымъ какимъ собраніямъ.

Онѣ всѣ слѣдуютъ разнымъ системамъ, а потому и не могутъ имѣть единства, что при настоящемъ отношеніи ихъ къ правительству, кажется положеніемъ приличнѣйшимъ.

Между тѣмъ въ послѣднее время происходили нѣкоторыя движенія, кои заслуживаютъ быть упомянуты. Графъ Мусинъ-Пушкинъ

нѣсколькими нотами домогался открытаго покровительства министерства полиціи и опредѣлительныхъ отвѣтовъ на существованіе или уничтоженіе общества. Министерство отвѣтствовало уклонительно и словесно. Сіе побудило графа Пушкина, направляемого другими членами, обратиться къ князю Голицыну съ просьбою принять здѣшнее масонство въ свою зависимость. Записка, по сему предмету составленная, свидѣтельствуетъ о лицемѣрїи представителей и наполнена мистическими нелѣпостями, никогда въ обществѣ семъ не существовавшими, но заимствованными изъ поученій другихъ сектъ, во время іезуитскаго вліянія, изъ масонства порожденныхъ.

Не получая отвѣта отъ князя Голицына, графъ Пушкинъ и многіе другіе изъ уважительнѣйшихъ членовъ, намѣрены оставить общество.

Относительно масонства слѣдуетъ присовокупить слѣдующее. Великая ложа Астрея получила извѣстіе изъ Полтавы, гдѣ устроивалась новая ложа подъ управленіемъ правителя канцеляріи князя Репнина, надворнаго совѣтника Новикова, что сія ложа закрыта по повелѣнію высшаго правительства. Масоны увѣряютъ, что повелѣніе сіе сообщено малороссійскому военному губернатору княземъ Волконскимъ; а потому всѣ здѣшніе братія, принимая сіе извѣщеніемъ Высочайшей воли, оставляютъ общество. Князь Лобановъ сдѣлалъ начало письменно, не утаивая причины, къ сему его побудившія. Графъ Пушкинъ завтрешній день слѣдуетъ его примѣру со многими другими. Лучшіе члены оставляютъ общество; останутся только, съ одной стороны, сволочь, которая превратитъ ложи въ сборища разврата, а съ другой стороны—закоренѣлые мечтатели, кои окружаютъ себя мнимой таинственностію и будутъ искать свѣта во тьмѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1818 года, помѣщена была въ періодическомъ изданіи, «Вѣстникъ Европы», статья подъ заглавіемъ: Наставленіе для руководства ученаго комитета, учрежденнаго при главномъ училищѣ правленіи.

Сія статья служила поводомъ ко многоразличнымъ невыгоднымъ заключеніямъ и сатирическимъ примѣчаніямъ противу распоряженій министерства народнаго просвѣщенія.

Странное раздѣленіе и противородное сцѣпленіе самихъ познаній между собою; несбыточное смѣшеніе умственнаго съ чувственнымъ, истинны съ догадкою, неопредѣлительнаго съ опредѣлительнымъ; зыблимость системы и невозможность, наконецъ, исполненія. Въ семъ заключались главныя укоряны.

Приведемъ два токмо примѣра, кои между тысячами другими подавали пишу злослычію:

«Ученый комитетъ долженъ допускать въ преподаваніи законо-

дательства тѣ токмо книги отъ вѣры, кои не противорѣчаютъ практическому христіанству». Законъ судить дѣло, а не совѣсть, осуждаетъ наравнѣ идолопоклонника и христіанина. Законы существовали до введенія христіанства и большая часть древнихъ тѣхъ законовъ и нынѣ въ общемъ уваженіи и употребленіи.

«Ученый комитетъ, разсматривая употребительныя книги по части естественной исторіи, отстраняетъ отъ системы преподаванія всѣ суетныя догадки о происхожденіи и превращеніяхъ шара земнаго».

Всѣ умствованія человѣческія вообще ни что иное какъ догадки. Неужели для того сжечь творенія Бюффона, Ньютона и пр.? Неужели уничтожить глобусы и не смѣть болѣе полагать, что земля вращается кругъ солнца, потому, что сіе противно нѣкоторымъ мѣстамъ библіи?

VI.

Полицейская идиллія 1820 года.

ГЕН.-МАЮРЪ ШУЛЬГИНЪ — ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Москва. 9-го февраля 1820 г.

В. И. Высочество! Священною обязанностию поставляю В. И. В. донести, что сырная недѣля при благопріятствовавшей погодѣ для увеселенія публики здѣшней кончилась благополучно, кромѣ одного случившагося 7-го числа сего февраля произшествія, и именно: ѣхавшими отъ Москворецкаго мосту къ лобному мѣсту лошадьми, запряженными въ каретѣ тит. сов. Кобылянскаго, спшибло съ ногъ и зашибло шедшую чрезъ улицу противъ церкви Василія Блаженнаго духовной типографіи Тередорщика жену, имѣющую отъ роду 65 лѣтъ, которая хотя сначала отъ ушибу и находилась въ худомъ положеніи, но теперь при подаваемыхъ ей пособіяхъ надежда есть къ ея выздоровленію. Впрочемъ относительно города непріятныхъ послѣдствій въ теченіи масляницы не было и все миновалось съ желаннымъ успѣхомъ.

Стеченіе веселящагося на гуляньѣ народа было необыкновенное, такъ что никто изъ здѣшнихъ старожиловъ того не запомнить. На устроенныхъ на Москвѣ рѣкѣ горахъ, у бѣгу и на набережной всѣ мѣста усѣяны были во множествѣ разнаго сословія людьми и находилось безчисленное число экипажей, изъ коихъ внизу на Москвѣ рѣкѣ происходила одна только санная прогулка, а сверху по набережной проѣзжали въ четыре ряда кареты, начиная отъ каменнаго мосту до самаго Яузскаго, отъ Москворѣцкаго же мосту на красную площадь въ охотный рядъ и потомъ продолжали ѣзду обратно на набережную.

Въ продолженіи масляницы я по долгу званія моего находился

самъ лично, и съ моей стороны употреблены были всѣ средства и надлежащія мѣры къ соблюденію по всѣмъ частямъ должнаго порядка и устройства. Какія же въ теченіи сырной недѣли случились обыкновенныя произшествія и представлены были на здѣшнемъ императорскомъ театрѣ піесы, я имѣю счастье поднести у сего на благоусмотрѣніе В. И. Высочества вѣдомость.

В. И. Высочества вѣрноподанный Александръ Шульгинъ.

Вѣдомость о произшествіяхъ въ Меснатъ.

2-го февраля 1820 г.

По мясницкой части. На домѣ надворнаго совѣтника Чиркова отъ ветхости строини обвалилась желѣзная крышка на 8 сажень.

Публичныя собранія:

Въ англійскомъ клубѣ было 120	} персонъ.
Въ маскарадѣ 136	

Въ театрѣ даны спектакли: въ дневномъ: Фараонова дочь, комедія въ одномъ дѣйствіи, за оною: Венгерская хижина, или знаменитые изгнанники, героико-комическій балетъ въ 4 дѣйствіяхъ, зрителей было 769 персонъ; въ вечернемъ: Чудныя встрѣчи или суматоха въ маскарадѣ, оригинальная комедія въ 5 дѣйствіяхъ, зрителей было 977 персонъ.

3-го февраля.

По пречистинской. По полуночи въ 9 часу, жившій въ домѣ мѣщанина Лазарева Московской вѣчно цѣховой Федотъ Михайловъ 60 лѣтъ, одержимый нервѣдко падучею болѣзнею, скоропостижно умеръ. какъ по осмотру частнаго штабъ лекаря оказалось, отъ апоплексическаго удара.

По Арбатской. По полудни въ 12 часу, пришедшій въ домъ г-жи Волынской къ навимающему въ ономъ тит. сов. Дмитріеву для разчета съ нимъ, бывшій у него въ услуженіи г-жи Нарышкиной крестьянинъ Павелъ Петровъ 45 лѣтъ, скоропостижно умеръ.

Въ англійскомъ клубѣ было 130	} персонъ.
Въ благородномъ собраніи 952	

Въ театрѣ даны спектакли: въ дневномъ: Казакъ стихотворецъ, анекдотическая опера-водевиль въ 1 дѣйствіи, за оною: Гулянье 1 мая въ Сокольникахъ, равно характерный дивертисманъ, зрителей было 348 персонъ; въ вечернемъ: Дмитрій Донской, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, за оною: дивертисманъ; зрителей было 753 персоны.....

Примѣчаніе. Въ такомъ родѣ и всѣ послѣдующія вѣдомости А. Шульгина.

Государь Цесаревичъ проводя Государыню-родительницу во внутренніе покои, и побывши тамъ нѣсколько времени, изволилъ возвратиться къ себѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ представлялъ Его Высочеству прѣхавшаго нынѣ изъ Москвы оберъ-полиціймейстера графа Толстаго.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, (полковникъ) кн. Сергій Никитичъ Трубедкой, и церемоніймейстеръ Матвѣй Федоровичъ Кашталинской. О помянутомъ графѣ Толстомъ разговорясь, сказывалъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ нѣкоторые подробности о предкѣ его Петрѣ Андреевичѣ Толстомъ, который былъ при Государѣ Петрѣ Великомъ, между прочимъ и то, что оной Толстой и при немъ Румянцовъ за Царевичемъ посланы были, и они привезли его въ Россію. При семъ случаѣ о Царевичевомъ дѣлѣ сказалъ Григорій Николаевичъ Тепловъ: „удивительно, что писатели донинѣ на этотъ случай трагедіи не сдѣлають. Нельзя къ тому смсать матерію изобильнѣе“. Я тутъ нѣчто подумалъ. Его Высочество ничего сказать не изволилъ: знать, что не вслушался: Съ великимъ апетитомъ кушалъ вареную треску съ горчицей.

Послѣ стола, Государь Цесаревичъ, попрыгавши, просилъ меня, чтобы я почиталъ ему похождения Робинзона. Сѣли мы въ учительной за столъ, и читалъ я часа съ полтора. Потомъ изволилъ Его Высочество прямо что называется шалеть: изъ песошницы вымыпалъ весь песокъ прежде въ футляръ съ перочиннаго ножичка, оттуда размснулъ его по рисовальному столику, и смачивалъ водою. Изволилъ представлять себѣ, будто это театръ, и будто онъ для того усмачаетъ пескомъ, чтобы танцовщицы не падали. Послѣ сего захотѣлось Государю Цесаревичу испугать кн. Куракина. Онъ жестоко трусливъ. Послалъ за нимъ Его Высочество, а между тѣмъ приказалъ

изъ фейерверочныхъ своихъ машинокъ фонтанную свѣчу вставить въ обыкновенную восковую свѣчу, такъ, чтобы ея было не видно. Пришелъ Куракинъ: приказалъ Великому Князю (подать) эстампы, посадилъ его смотрѣть ихъ, и самъ тутъ же сѣсть изволилъ, а оную свѣчу ту поставили подлѣ. Его Высочество Куракину никакого знаку къ подозрѣнію не подавалъ. Какъ прѣготовлялась она свѣча, то Великому Князю въ крайнихъ суетахъ былъ, изъ комнаты въ комнату перебѣгалъ, и заботился, чтобы все было сдѣлано по его распоряженію, и предпріятіе приведено бѣ было къ удачному оковчанію. Какъ догорѣло до свѣчки, то скважина залпыла воскомъ, и восковая свѣча стала гаснуть, что причинило Его Высочеству великую прискорбность. Но я, не допуская до того, чтобы умышеніе наше открылось, когда есть еще способы пронзевсть его далѣе, взялъ тотчасъ булавку и расколупалъ скважину. Тутъ загорѣлася свѣчка и вверхъ ударилъ весьма высоко огненной фонтанъ. Куракинъ завизжалъ, бросился отъ стола и на силу опаматовался. Великому Князю заиргалъ, имъ всѣ хохотали. Въ седьмомъ часу изволилъ Его Высочество пойтить на куртажъ, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Во время куртагу разговаривалъ Его Высочество по большей части съ Его Превосходительствомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, съ Ихъ Сіятельствами (тремя) графами Чернышовыми, съ графомъ Брюсомъ, съ гр. Головинимъ и съ г. Терне, il était venu pour s'engager dans notre marine (французской морской службы офицеръ, которой воажируетъ и давно уже здѣсь живетъ). Возвратясь съ куртагу, скоро Его Высочество сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

28. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Какъ сѣли мы чай пить, то сказали, что недавно Государыня изволила куда-то проѣхать въ ка-

реть: въ свѣтъ только нѣсколько дорожныхъ колясокъ съ разными должностями. Разсуждали мы, кудибъ такъ рано Ея Величество изволила проѣхать. Его Высочество изволилъ говорить, что конечно изволила отбыть въ Сарское село, и что конечно уже въ каретѣ съ Государынею сидятъ графъ Григорій Григорычъ Орловъ, Сергій Матвѣичъ Кузминъ и фрейлина Анна Васильевна Панина, c'était la bienaimée du prince Orloff dans ce tems, потому что-де для такихъ выѣздовъ обыкновенно эта компанія бываетъ. Притомъ говорилъ Государь Цесаревичъ, что онъ крайне тому удивляется, что фрейлина Панина тутъ же приглашается; (Великой Князь) изволилъ къ тому примолвить: Какое можно удовольствіе найтить съ такой простенькой дѣвкой въ разговорахъ? Изволилъ мнѣ сказать тутъ Его Высочество, что въ Екатерининъ день оной фрейлинѣ досталось во время ужину сидѣть противъ Ея Величества, и что Государыня изволила ей сказать, что на ней платье не очень хорошо, что она прикажетъ ей сдѣлать къ наступающему празднику ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. При семъ сказалъ мнѣ Государь Цесаревичъ: Посмотримъ, что-то это за платье будетъ, только пня во что ни наряди, а пень все пень. Послѣ свѣдали мы, что Государыня изволила ѣздить въ Треть-Рукамъ на чучелъ, тетеревей стрѣлять, и числомъ 23 застрѣлить ихъ изволила. Во время одѣванья, читалъ я Государю приключенія Робинзона; также изволилъ онъ твердить роль свой изъ «Зененды». Узнавъ я такожъ сегодня главную причину, по чьей милости мнѣ сіи дни отъ Его Высочества холодныя были приемы. Одѣвшись, съѣлъ Государь Великой Князь за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ читать Робинзона.

Обѣдали у насъ сегодня изъ постороннихъ только г. Салдернъ и Александръ Федоровичъ Талманичъ.

Послѣ обѣда, позабавясь, изволилъ

съестъ учиться. Пошли потомъ въ комедию. Комедія была французская «le magnifique»; балетъ «le Faune jaloux»; малая піеса «la nouvelle égrenue». Ея Величество малой піесы смотрѣть не изволила. Изволила поѣхать кушать къ графу Петру Григорьевичу Чернышову. По окончаніи зрѣлища, возвратился и Его Высочество къ себѣ. Изволилъ читать положенія Робинзона. Потомъ съѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

29. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, позабавясь, съѣлъ кушать. Послѣ обѣда изволилъ учиться. Вечеру къ Государынѣ ходить не изволилъ, и сей день ничего достопамятнаго не происходило. Опочивать изволилъ лечь въ половинѣ десятаго часу.

30. День Святаго Апостола Андрея Первозваннаго. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣлся въ орденское платье, и изволилъ пойтти къ Ея Величеству, а оттуда за Государынею-родительницею въ церковь. Послѣ обѣдни, сказывалъ Архимандритъ изъ той пустыни, что на петергофской корогѣ, проповѣдь, которая не весьма была удачна. Изъ церкви возвратился Ея Величество въ ту комнату, гдѣ стоитъ тронъ, изволила кавалеровъ нынѣшняго ордена жаловать къ ругѣ. Первой пошелъ Его Высочество, потомъ фельдмаршалъ графъ Минихъ и такъ далѣе, по старшинству кавалерства. Потомъ возвратился Его Высочество къ себѣ, отдохнуть нѣсколько. Пришли сказать, что поставлено (кушанье), и Государь Цесаревичъ изволилъ опять пойтти къ Государынѣ, а оттуда передъ Ея Величествомъ съ прочими сего ордена кавалерами въ галерею. Тамъ приготовленъ былъ столъ, и въ продолженіе онаго играла (итальянская) инструментальная и вокальная музыка.

Ея Величество изволила кушать только съ кавалерами нынѣшняго ордена: ихъ

было числомъ пятнадцать, считая тутъ и Его Высочество. Государь Цесаревичъ сидѣлъ у Ея Величества по правую сторону, а по лѣвую фельдмаршалъ графъ Минихъ. Подлѣ Его Высочества, Его Превосходительство Никита Ивановичъ, какъ его оберъ-гофмейстеръ; подлѣ фельдмаршала Миниха, графъ Ферморъ; подлѣ Никиты Ивановича фельдмаршалъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ и такъ далѣе. Самый младшій кавалеръ былъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Кушанье раскладывалъ дежурной камергеръ кн. Михайло Михайловичъ Голицынъ.

Послѣ стола, Его Высочество изволилъ итти такъ какъ и прежде предъ Ея Величествомъ съ прочими кавалерами до биллардной комнаты. Оттуда возвратясь въ себѣ, вмѣсто отдохновенія изволилъ попрыгивать. Часу въ седьмомъ пришелъ опять Его Превосходительство Никита Ивановичъ и пошли въ галерею. Тамъ Его Высочество изволилъ открыть балъ съ графиней Анной Карловной Воронцовой. Потомъ изволилъ съ фрейлинами танцовать очень много. Кромѣ минутовъ, изволилъ танцовать польской съ графиней Анной Петровной Шереметовой, и контрдансъ съ Вѣрой Николаевной Чоглоковой. Ея Величество изволила на балъ выйти часу въ осьмомъ, и побывъ нѣсколько времени въ галереѣ, изволила пойтти въ боковую комнату, и сѣсть играть въ ломберъ съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, и съ Петромъ Ивановичемъ Шанинымъ. Все кончилось въ началѣ десятаго часу. Его Высочество, возвратясь къ себѣ, скоро сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ одиннадцатомъ часу.

ДЕКАБРЬ.

1. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія изволилъ въ желтой комнатѣ попрыгивать.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г.

Салдернъ и баронъ Штакельбергъ, (саксонской камергеръ титулярной, родомъ Лифляецъ. О путешествіяхъ своихъ рассказывая, г. Штакельбергъ) говорилъ между прочимъ, будто въ бытность его въ Неаполѣ, найдена въ Иракліи Цесаря Адриана статуя на конѣ. Сей ошибки кромѣ Его Высочества никто не примѣтилъ. Государь Цесаревичъ изволилъ тотчасъ сказать ему на то: кажется, сударь, этому статья нельзя; городъ Ираклію землею засыпало въ царство Титово, а Адрианъ былъ долго спустя послѣ Тита. Сие примѣчаніе весьма справедливо и разумно. Г. Штакельбергъ слазываетъ еще, что онъ всходилъ на гору Везувію, и подходилъ на самой край той бездны, изъ коей выбрасываетъ пламя, пепель и прочее, чему кажется также нельзя статья.

Послѣ обѣда, Его Высочество, позабавясь, сѣлъ учиться. (У меня хорошо учился.) Часовъ въ шесть пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ и пошли мы въ комедію. Комедія была французская „la Métromanie“; балетъ Парадисовъ съ волинкою; малой піесы не было, для того что комедіантовъ большихъ много. Изъ комедіи возвратясь Его Высочество къ себѣ, изволилъ въ желтой комнатѣ кругомъ бѣгать, и потомъ рассказывать намъ, что бѣгая представляется ему иногда, (что онъ на баталіи, иногда) въ походѣ передъ ротой, иногда гдѣ нибудь въ партіи и тому подобное. Потомъ изволилъ сѣсть кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Сегодня комедіанта Нейвила посадили на хлѣбъ и на воду за неучтивство его передъ Зеновьевымъ, которому поручена дирекція надъ французскимъ театромъ.

2. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія изволилъ самъ разбирать купленные для него въ академической книжной лавкѣ новыя книги.

XVIII*

Обѣдали у насъ только г. Салдернъ и Его Превосходіе Отецъ Платонъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ по большей части разсуждать о состояніи дѣлъ королевства шведскаго, и разсказывать многіе анекдоты о нынѣшнемъ королѣ шведскомъ, котораго Его Превосходительство имѣлъ случай узнать весьма коротко, въ продолженіе должременнаго своего министерства въ Швеціи.

(Послѣ обѣда, Его Высочество, позавбавясь, изволилъ учиться). Ввечеру приводили въ Государю Цесаревичу ташеншпиера, которой многія штуки дѣлалъ весьма проворно, приговаривая: кара, фара, витъ маршире раккомадире и проч. Родомъ онъ Венгерець. Ему дано 50 рублей. Послѣ сего изволилъ Его Высочество скоро сѣсть кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

3. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмага часу. Когда я дежурной, то прежде нежели чай соберутъ, изволилъ онъ обменовенно самъ входить ко мнѣ и разговаривать со мною, какъ то выше на многіхъ мѣстахъ упомянуто. Сего утра того не было, и какъ я вошелъ въ Государю Цесаревичу, то онъ, принявши меня очень холодно (такъ какъ и во всѣ сіи дни съ самаго вышеозначеннаго времени), и долго бывши въ молчаніи, изволилъ наконецъ самъ перервать оное, и спросить меня: а что это значитъ, что я передъ чаемъ не вошелъ къ тебѣ? Отвѣтствовалъ я, что лучше о томъ надобно знать Его Высочеству; что я вижу, что Его Высочество на меня сердится, а за что подлинно не знаю; что очень о томъ сожалѣю, и что единственное утѣшеніе нахожу въ невинности моей передъ Его Высочествомъ. На сіе изволилъ мнѣ говорить Государь Цесаревичъ съ нѣкоторымъ жаромъ: ты это заслуживаешь: знаю я теперь, что это все значило, что ты прежде ни говоришь со мною, и я уже обо всемъ разсказалъ Никитѣ Ивано-

вичу. Долго мнѣ теперь описывать, какія я чудеса свѣдалъ отъ Его Высочества; какъ подлю и злобно слова мои ему перетолкованы, и какъ онъ побужденъ былъ сказать о томъ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу. Хотя точно мнѣ и не сказано, когда Его Высочество по злобнымъ побужденіямъ приведенъ былъ на то, чтобы Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу разсказывать обо мнѣ такіа небывающія, кои и въ голову мнѣ никогда не приходили, и изъяснить Его Превосходительству одни только сдѣланныя на слова мои толкованія, а не точныя мои рѣчи; естли бы точныя мои рѣчи пересказаны были, какъ то я послѣ самъ изъяснилъ Его Превосходительству, то онъ кромѣ апробаціи и нѣкоторой еще благодарности со стороны Его Превосходительства ничего не заслуживалъ; однако по выкладамъ моимъ выходитъ, что оное произошло 29 числа прошлаго мѣсяца; ибо я большую часть дня былъ отсутственъ. Впредь, удосужась, опишу я подробно и приложу здѣсь, что именно введено на меня, какъ я предъ Его Превосходительствомъ оправдался, и каковаго роду тѣ люди, кои по злобности и по зависти своей шильячески зачернить меня хотѣли. Всего больше меня тронуло, что довели сіе до Никиты Ивановича, потому что естлибы не удалось мнѣ представить ему своихъ изъясненій, тобъ могъ (онъ) и подлинно почестъ меня тѣмъ, что я отнюдь не есмь, и тѣмъ всегда гнушался. Естли бы только на Его Высочествѣ такіа бабы интрижки останавливались, тобъ я сожалѣлъ только, что сіе служить въ развращеніе кроткаго и человеколюбиваго праву Государя Цесаревича, а впротчемъ смѣялся бы тому и пренебрегалъ тѣмъ. Его Высочество въ дѣтскихъ еще лѣтахъ, и великодушія моего столькобъ достало, чтобы снести нѣсколько дней на безвиннаго меня обрацаемаго его гнѣвные и угрюмые взоры, потому что послѣ самъ изволилъ бы схватиться, какъ то и прежде неодно-

кратно бывало; а когда обрадуется насъ Господь совершеннымъ его возрастомъ, то вѣрно уже будетъ знать цѣну каждому. Если же бы тогда не имѣлъ сего дарованія, тобъ для его же особы и для общества было то хуже, чего не ожидаю.... Сегодня не имѣлъ я времени съ Его Превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ войти въ изъясненіе.

Ея Величество изволила поѣхать кушать на дачу къ оберъ-маршалу графу Сиверсу, и Его Высочество изволила взять съ собою. Отъ Калининскаго моста всё ѣхали на салазкахъ. (Государиня) и Его Высочество также на салазкахъ изволила ѣхать.

У Сиверса послѣ обѣда много веселились, танцовали и играли, бѣгая въ кругу, ухватясь за ленту. Назадъ до Калининскаго моста также на салазкахъ ѣхали. Его Превосходительство Никита Ивановичъ нарочно Великаго Князя изъ салазокъ вывалилъ. Возвратясь, Государь Цесаревичъ усталъ очень и дремалъ. Приѣхали назадъ часу въ шестомъ въ исходѣ. Послѣ ужина скоро легъ Его Высочество опочивать, въ началѣ девятого часу.

4. Воскресенье. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ (Отцомъ) Платономъ Священное Писаніе. Потомъ принявши отъ господъ фламановъ рапорты, изволилъ пойти въ церковь, гдѣ и Ея Величество обѣдно слушать изволила. Изъ церкви Его Высочество, проводя Государиню-родительницу до бильярдной комнаты, изволилъ возвратиться къ себѣ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у Ивана Лукьяновича Талызина.

У Его Высочества обѣдали графъ Иванъ Григорьевичъ, г. Салдернъ и саксонской камергеръ г. Штакельбергъ. За столомъ разговаривали по большей части о доходахъ разныхъ государствъ и церемоніяхъ при погребеніяхъ, при коронаціяхъ и проч.

Послѣ обѣда, графъ Иванъ Григорье-

вичъ рассказывалъ весьма многіе анекдоты о Государѣ Петрѣ Великомъ, кои доказывали его щедрость, человеколюбіе и величїость. Вечеру изволилъ Его Высочество ходить на куртагъ, гдѣ и Ея Величество присутствовала. Во время куртагу разговаривалъ Государь Цесаревичъ по большей части съ чужестранными министрами, почти со всѣми. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятого часу. Сегодня по утру, часу въ девятомъ призжалъ я нарочно къ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу, для вышеупомянутаго изъясненія. Не знаю точно и достоверно, имѣли ли успѣхъ мои рѣчи; только то вѣрно знаю, тобъ по любви Его Превосходительства къ справедливости и по моей невинности, по добрымъ моимъ намѣреніямъ и не нелѣпнымъ, какъ мнѣ кажется, отъ нихъ дѣйствіямъ, я то совершенно заслуживалъ. Базалось, что и Его Превосходительство входилъ въ мои доводы. Аудиенція моя часа съ полтора продолжалась.

5. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Послѣ ученія, позабавясь, сѣлъ кушать.

Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ жаловался, что у него голова болѣла; прошлую ночь спалъ не болѣе трехъ часовъ. Ко кѣмъ изволилъ показывать довольно благоклонности, что я принималъ за знакъ успѣшнаго окончанія вчерашняго моего дѣла. Не могу похвалиться ровнымъ поведеніемъ со стороны Его Высочества; термометръ все еще стоялъ ниже предѣла замерзанія.

Послѣ обѣда позабавясь, Государь Цесаревичъ изволилъ учиться. У меня учился изрядно. Послѣ ученія, изволилъ подписать у меня болѣе двадцати патентовъ морскимъ штабъ и оберъ-офицерамъ. Вечеру изволилъ ходить къ Государинѣ. Ея Величество изволила играть въ ломберъ съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ и съ

Его Превосходительствомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. Великою Князь изволилъ играть въ берланъ съ дежурными фрейлинами и съ нѣкоторыми изъ кавалеровъ. Дежурныя фрейлины были графиня Анна Петровна Шереметева и Анна Родионовна Вейделева. Послѣ берлану, Анна Петровна завела игру, въ коей по очереди говорить: *Je vous vend la maison du petit bon homme gris etc.* и еще: *Je vous vends la roule, qui souve, qui mène ses petits poussins etc.* Въ восемь часовъ возвратился Его Высочество въ себя; сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Комедіи сегодня ввечеру за тѣмъ не было, что завтра день Чудотворца Николая.

6. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ изволилъ пойтти къ обѣдни и слушать ее подлѣ церкви, изъ боковой комнаты, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Отъ обѣдни возвратясь въ бильярдную комнату, указала Ея Величество вынести портретъ нѣмѣшней королевы аглинской и говорить, какъ она дурна: и подлинно дурнеховля. Его Высочество, пришедъ къ себѣ, скоро сѣлъ кушать.

Обѣдали у насъ Его Превосходительство Петръ Ивановичъ, г. Саллернъ, (Григорій Николаевичъ Тендовъ,) кн. (Петръ) Хованской (и г. Бильштейнъ.) Его Превосходительство Петръ Ивановичъ разсуждалъ о дисциплинѣ военной, и о введеніи ея между протчими чинами въ государство. Сказывалъ при томъ нѣкоторые примѣры оной дисциплины, прижѣченныя Его Превосходительствомъ по Германіи, во всѣхъ правительствахъ, между гражданами и между крестьянами. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ, какія бы у насъ можно ввести штатскія учрежденія, чтобы такой же порядокъ вездѣ господствовалъ.

Послѣ обѣда, изволилъ Его Высоче-

ство долго смотрѣть планъ Каменнаго своего острова. Часу въ пятомъ пришелъ первой здѣшняго французскаго театру комедіантъ Божонъ, и показывалъ Его Высочеству, какъ декламировать ему роль свой изъ «Зенейды». Послѣ ужина, легъ Его Высочество опочивать; былъ десятой часъ въ половинѣ. Ея Величество изволила сегодня быть въ нѣмецкой комедіи. Нантъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ ужиналъ у Александра Фёдоровича Талызина.

7. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. За часомъ почти ничего не изволилъ говорить со мною. Вотъ такъ-то надуто! Во время одѣванья, не могъ я утерпѣть, чтобы Его Высочеству весьма сильно не выговорить о его несправедливости. Приводилъ ему на память всё монъ съ нимъ рѣчи и поступки, и давалъ ему судить, достойны ли онъ такого воздаянія. Наконецъ, сдѣлался Его Высочество гораздо ласковѣе и благосклоннѣе; но весьма далеко отъ прежняго. Одѣвшись, учился Государь Цесаревичъ, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, сѣлъ кушать.

Обѣдали у насъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, г. Саллернъ, г. Крузъ, г. Бильштейнъ и полковникъ Каменской, которой сегодня въ Москву отъѣзжаетъ.

Послѣ обѣда, (часу въ четвертомъ) ходилъ Его Высочество къ Государинѣ прощаться. Ея Величество изволила отбыть въ Сарское село. Возвратясь, сѣлъ Государь Цесаревичъ учиться. У меня хорошо учился. Ввечеру изволилъ сечь нѣсколько изъ своихъ фейерверочныхъ машинокъ. Потомъ сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

8. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, позабавясь, сѣлъ кушать.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ шведской министръ графъ Дибенъ, гвардіи дежурной майоръ гр. Брюсъ, г. Сал-

дернъ и саксонской камергеръ и посланникъ г. Штакельбергъ.

Послѣ обѣда Государь Цесаревичъ попрыгавши, сѣлъ учиться. У меня учился изрядно. Ввечеру пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и пошли въ комедію. Комедія была французская «les Ménechmes»; маленькая пьеса «le legs»; балетъ Нейвилевъ съ герландами. Въ балетѣ Его Высочество очень много амодировать изволилъ. Изъ комедіи возвратясь, скоро сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятого часу.

9. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился какъ обыкновенно. Послѣ ученія, жаловался онъ, что не очень здоровъ; сталъ было раздѣваться, но тотчасъ опять одѣлся; не хотѣлось лежать и быть болѣну.

Пошли за столъ. Изъ посторонникъ обѣдали у насъ только гр. Брюсъ, г. Салдернъ и камеръ-юнкеръ Вибковъ. Его Высочеству такъ тяжело стало, что принужденъ онъ былъ изъ за стола встать, и раздѣвшись лечь въ постель. Послали за лейбъ-медикомъ. У Его Высочества голова очень болѣла и овнобъ былъ. Уснулъ онъ нѣсколько времени, и послѣ сна совсѣмъ боль миновалась. Всѣ Его Высочества движенья и обращенія такъ точно мнѣ извѣстны и ясны, что я вчерась еще усматривалъ, что онъ въ себѣ что нибудь чувствуетъ и перемогается, хотя онъ ничего сказывать не изволилъ. Какъ стало полегче, то забавлялся Государь Цесаревичъ сперва въ постели, а потомъ вставши въ шафрокѣ изволилъ ходить по опочивальнѣ, также изволилъ писать списки полковникамъ и офицерамъ, воображенію только его извѣстныхъ войскъ и полковъ. Поужинавши слегка въ опочивальнѣ, опочивать легъ около половины десятого часу. Его Превосходительство Никита Ивановичъ раза четыре приходилъ къ Его Высочеству.

10. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣлся, какъ обыкновенно, и сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ пришелъ дежурной гвардіи майоръ кн. Петръ Алексѣевичъ Голицынъ. Порѣзавшися мнѣ довольно, катая по полу кн. Голицына табакерку, за которой всѣ Его Высочества собаки бѣгали. Государь Цесаревичъ между тѣмъ прыгалъ, и на сіе глядя забавлялся. Пришелъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и сѣли ми за столъ.

Изъ посторонникъ обѣдалъ у насъ только оной гвардіи майоръ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ по большей части объ игрокахъ и объ игрѣ, и о слѣдствіяхъ отъ оной игры.

Послѣ стола Его Высочество попрыгавши изволилъ сѣсть учиться. Потомъ пришелъ Бомонъ и училъ Его Высочество декламации. Былъ при томъ сегодня и Его Превосходительство Никита Ивановичъ, и поправлялъ Великаго Князя въ жестахъ и выговорахъ. Его Высочество роль своей изволилъ знать твердо, только слова не съ такою страстью и не съ такою живостию (нѣжностью) выговаривалъ, съ какою онъ говореномъ быть долженъ. Впрочемъ мнѣеть Государь Цесаревичъ видѣ весьма пріятной и веселой, и голосъ мягкой; а какъ начнетъ декламировать, то какъ будто нарочно въ самыхъ страстныхъ мѣстахъ голосъ сдѣлаетъ суровой и видѣ угрюмой. Въ семь его оговаривали и поправляли. Никита Ивановичъ приказалъ, чтобы г. Бомонъ въ будущей разѣ пришелъ съ своею женою, и чтобы при Его Высочествѣ она играла роль Зенеды, а онъ Олейнда, дабы Государю Цесаревичу къ акціи лучше можно было присмотрѣться. Послѣ декламации усталъ Его Высочество очень, повалился на канapé и дремалъ. Въ половинѣ девятаго часу сѣли мы ужинать. Послѣ ужина, въ половинѣ десятого часу, Государь Цесаревичъ легъ опочивать.

11. Воскресенье. Его Высочество проснулось изволивъ въ семь часовъ. Чай кушалъ въ постелѣ. Какъ я подошелъ къ нему, то поцѣловавшись со мною очень ласково, изволивъ сказать: здравствуй, голубчикъ! Все-ли ты въ добромъ здоровьи? Какое спалъ? Потомъ изволивъ говорить: такія словъ давно уже ты отъ меня не слыхалъ. Eh bien, je suis ravi de vous revoir; je sçais que je vous ai fait beaucoup de tort, mon cher ami; помиримся жъ, и поцѣловавшись еще, изволивъ сказать: только пожалуй ни на кого не сердись; présentement tout va rentrer dans son assiette. Отвѣчалъ я Его Высочеству, что я ни на кого не сержусь, только сожалею, что Его Высочество въ состоянн былъ сдѣлать несправедливости такому человеку, которой его искренно любить и истинно о его пользѣ усердствуетъ; и что во время его гнѣву единственное утѣшеніе находилъ я въ своей невинной и неразрывной (незазорной) совѣсти. Просилъ меня только Его Высочество, чтобы я все оное забылъ; что онъ самъ во всемъ расканваεται. Потомъ рассказывалъ мнѣ Государь Цесаревичъ, какъ ему было весело, когда изволивъ быть на датѣ у оберъ-маршала Сиверта: тамъ была любезная его Вѣра Николаевна. Изволивъ сказывать, что много танцовалъ съ нею и разговаривалъ. Говорилъ-де я ей то, что тебѣ много разъ говаривалъ, то есть, чтобы я всегда хотѣлъ быть вмѣстѣ съ нею. Какъ она сказала Его Высочеству, что ей очень хочется поцѣловать у него руку, то онъ отвѣтствовалъ, что ему еще больше хочется поцѣловать у нея руку. Какъ назадъ ѣхали, то она ѣхала въ салазкахъ передъ Его Высочествомъ. Тутъ, обращиваясь, другъ другу поцѣлуи бросали. Великому Князю говорилъ ей: je crois, que nous n'avons pas de si tôt une journée aussi favorable; et elle répondoit par un „assurément Monseigneur“. Его Высочество также говорилъ ей, что можетъ быть

ей нигдѣ было бъ, естлибы на его мѣстѣ сидѣлъ Дивіеръ. На то отвѣтствовала она, что напрасно Его Высочество въ ней сомнѣвается; что она Дивіера ненавидитъ и проч. (Въ восемь часовъ) всталъ Его Высочество съ постели, и началъ одѣваться. Разговаривали мы о сегодняшнемъ балѣ. Ея Величество, отъѣзжая въ Сарское село, изволивъ дать дозволеніе Его Высочеству сдѣлать у себя балъ въ Ея отсутствіи. Сей день для того назначенъ. Званы всѣ фрейлины и еще нѣкоторые изъ молодыхъ знатныхъ дамъ, также и изъ кавалеровъ. Сегодня у Его Высочества первой балъ; прежде никогда еще не бывало. Одѣвшись, читалъ Государь Цесаревичъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе; потомъ изволивъ пойти въ церковь. Возвратясь изъ церкви, сѣлъ кушать.

Обѣдали у насъ: графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, Михайло Михайловичъ Философовъ, г. Салдѣръ и гв. Федоръ Сергѣичъ Борятинской. Je fais faire exprès un habit de couleur bleu céleste avec une veste riche pour ce jour. (Послѣ обѣда), часу въ шестомъ, съѣхались званые на балъ. Открылъ оной Его Высочество съ фрейлиной Анной Алексѣевной Хитровой. Танцовали въ томъ покоѣ, гдѣ на часахъ стоятъ Кавалергарды, потому что на половинѣ Его Высочества нѣтъ ни одной для того довольно пространной комнаты. Въ началѣ десятого часу балъ кончился: всѣ разѣхались, и Государь Цесаревичъ сѣлъ кушать. Вечера былъ доволенъ сегодняшнимъ вечеромъ; танцовалъ и говорилъ очень много съ своей любезной. Опочивать легъ (Его Высочество) въ половинѣ одиннадцатаго часу.

12. Государь Цесаревичъ всталъ изволивъ въ началѣ осьмага часу. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно.

Обѣдали у насъ изъ постороннихъ Его

Сіятельство вице-канцлеръ и г. Салдернъ.

Послѣ обѣда упражнялся Государь Цесаревичъ въ обыкновенныхъ своихъ ученияхъ. Потомъ изволилъ пойтти въ комедію. Комедія была „les trois Sultanes“; балетъ турецкой, сочиненія г. Парадиса, и комическая опера „Annette et Lubin“. Его Высочество очень много аплодировать изволилъ. Возвратясь къ себѣ, скоро сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ исходѣ десятаго часу.

13. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Сего утра, по желанію Его Превосходительства Никиты Ивановича, отнесъ я къ нему показать нѣсколько изъ начальныхъ тетрадей сего журнала. Послѣ ученія Государь Цесаревичъ, позабавясь, сѣлъ кушать.

Обѣдали у насъ кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземской, г. Салдернъ и гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговаривалъ по большой части о послѣдней войнѣ прусской. Какъ между прочимъ зашла рѣчь о актрисѣ Лангландшѣ, и говорили, что она нынѣ очень худа стала, то Его Высочество изволилъ сказать: *c'est qu'elle a passé par plusieurs mains*, не зная вѣрно, что это значитъ, *passer par plusieurs mains*, чему Его Превосходительство Никита Ивановичъ очень (много) смѣялся.

Послѣ стола, Его Высочество долго забавлялся въ своей библиотекѣ; разставлялъ тамъ маленькіе кучки (стулья), загоразивалъ дощечками и разстилалъ сукно: представлялъ сперва турецкую церемонію, потомъ трактиръ. Послѣ сего изволилъ сѣсть учиться. Вечеру прѣѣхалъ Вомонъ съ женою, и Государь Цесаревичъ учился декламации. Его Превосходительство Никита Ивановичъ приходилъ тутъ на нѣсколько времени. Послѣ ужины легъ Его Высочество опочивать, мало десятаго часу три четверти.

14. Его Высочество встать изволилъ въ восемь часовъ. За чаемъ изволилъ меня спросить: можно ли отсюда до Москвы водою проѣхать? Рассказывалъ я Его Высочеству о водяной коммуниваціи отсюда до Москвы, и о каналѣ, которой предпринято было рыть еще при Государѣ Петрѣ Великомъ, для соединенія Москвы-рѣки съ Волгою, но не состоялось. Во время одѣванья изволилъ Его Высочество читать „Зененду“, также и трагедію Волтерову „Oedipe“. Потомъ сѣлъ учиться. Послѣ ученія, позабавясь, изволилъ сѣсть кушать.

Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ съ дѣлами поѣхалъ сего утра въ Сарское село, и ввечеру возвратился.

Послѣ обѣда, Его Высочество, попрыгавши, сѣлъ за свои ученія. Потомъ прѣѣхалъ г. Бомонъ съ женою, и Государь Цесаревичъ учился декламовать. Все еще въ словахъ его не довольно огня и страсти: какъ урокъ изволилъ пересказывать; однако полутче нѣсколько нежели прежде. Ввечеру откушавши, опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу.

15. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, позабавясь, сѣлъ кушать.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ Его Сіятельство вице-канцлеръ, братъ его камергеръ князь Михайло Михайловичъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ и г. Салдернъ.

Послѣ обѣда Государь Цесаревичъ, попрыгавши, изволилъ сѣсть за свои ученія. У меня учился хорошо. Потомъ изволилъ пойтти въ комедію. Комедія была «le raupan de qualité»; балетъ «le Faupé jaloux». вмѣсто малой пьесы, опера комическая „Ninette à la soug“. Сегодня послѣднее на театрѣ представленіе было; до Рождества болѣе уже не будетъ. Возвратясь къ себѣ, Его Высочество (ско-

ро) сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ исходѣ десятаго часу. (Въ оперѣ комической очень много аллюдровать изволилъ. Партеръ наполненъ былъ зрителями).

16. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, сѣлъ за свои ученія. По окончаніи оныхъ, изволилъ онъ смотрѣть планъ окрестностямъ Андроньева монастыря. Объ ономъ планѣ давно уже просилъ Государь Цесаревичъ кн. Хованскаго, чтобы достать, и отъ него получилъ; надобно онъ намъ былъ для расположенія нѣкотораго строенія воспитываемымъ отборнымъ обоюга пола особамъ, о конхъ упоминалъ я выше. Всѣ сн заведенія учреждаются въ воображеніи Его Высочества. Нынѣ также еще обращается въ мысляхъ какой-то *corps de chevalerie*, которой также около Андроньева монастыря Государь Цесаревичъ располагать изволилъ. Послѣ сего сѣли мы за столъ.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только г. Салдернъ и дежурной гвардіи майоръ кн. Петръ Алексѣевичъ Голицынъ. Послѣ завтра день рожденія покойной Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны. Его Превосходительство Никиты Ивановичъ, вспомна о семь, завелъ рѣчь о кончинѣ Ея Величества. Его Высочество, приводя себя на память оныя времена, вошелъ въ примѣтное собогѣзнованіе, и самъ разговаривалъ объ ономъ (о бывшемъ тогда), почти слезы на глазахъ имѣя.

Послѣ обѣда, позабавясь, учился Государь Цесаревичъ, какъ обыкновенно. Потомъ услышалъ онъ, что тотъ фигляръ, которой намъ былъ у Его Высочества, и гокусъ-покусъ дѣлалъ, будетъ сего вечера у Никиты Ивановича. Его Превосходительство приказалъ призвать его къ себѣ нарочно, чтобы показать гостямъ, конхъ онъ звалъ. Были у него Аграфена Леонтьевна Апраксина, княгиня Елена Степановна Куракина, *la mѣre du potge*, Марья Степановна Талызина, братецъ его Петръ Ивановичъ, Его Сіатель-

ство вице-канцлеръ графъ Иванъ Григорьевичъ и Александръ Федоровичъ Талызинъ. Свидѣвъ о семь, захотѣлось и Его Высочеству тудажъ пойтить и по-смотреть еще тамешнилера. Гр. Иванъ Григорьевичъ зашелъ къ намъ ввечеру, и Государь Цесаревичъ просилъ его, чтобы у Никиты Ивановича исходатайствовать ему дозволеніе туда прійтить. Пожаловалъ для того графу Ивану Григорьевичу армятъ, на которомъ своею рукою написаны изволилъ: „Давъ полную мочь“. Съ сего полномочною грамотою пошелъ графъ Иванъ Григорьевичъ къ Никитѣ Ивановичу. Нѣсколько времени спустя, возвратился съ нею назадъ. Внизу подписано было Никиты Ивановича рукою: „извольте прійтить“. Сіе чтеніе побудило Его Высочество къ превысокому скачку, и я думалъ онъ разъ пять на одной ножкѣ повернулся. У Никиты Ивановича время препроводилъ очень весело, и крайне былъ доволенъ. Къ себѣ возвратился въ половинѣ девятаго часу. Откушавши, опочивать легъ, былъ десятой часъ въ половинѣ.

17. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. За чаемъ зашелъ у насъ разговоръ о французскомъ королѣ Генрихѣ IV. Сказывалъ я Его Высочеству о нѣкоторыхъ подробностяхъ изъ житія его, и говорилъ, что нахожу въ немъ много сходство съ Прадѣдомъ Государя Цесаревича блаженныя памяти Государемъ Императоромъ Петромъ Великимъ. Во время одѣванья, забавляясь, Его Высочество изволилъ по книгѣ пѣть разныя аріи изъ итальянскихъ Метастазіевыхъ оперъ, а такъ или не такъ, это оба мы не знаемъ. Одѣвшись учился Великой Князь какъ обыкновенно. Послѣ ученія, позабавясь, сѣлъ кушать.

Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ, кн. Петръ Алексѣичъ Голицынъ, г. Бильштейнъ, и полковникъ Евгеній Петровичъ Кашкинъ, которой предъ нѣкоторымъ временемъ отъ Его Превосходительства Никиты

Ивановича употребленъ былъ въ нѣкото­рую посылку.

Послѣ обѣда попрыгавши, учился Его Высочество. Со мною ученія шли яврядно. Потомъ пріѣхалъ Бомонъ съ женою и Его Высочество декламировалъ. Въ девятомъ часу сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половину десятаго часу. Вчѣ­расъ положено было, чтобы сегодня по утру ѣхать гулять въ саниахъ; но Его Превосходительство Никита Ивановичъ отиѣнилъ, за тѣмъ что очень холодно. Сіе намъ не безъ прискорбности было.

18. Воскресенье Его Высочество встать позволилъ въ семь часовъ. Одѣв­шись, читалъ съ Его Препоходіемъ От­цемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ принявъ рапорты отъ господъ фламановъ, изволилъ пойтить въ цер­ковь. Изъ церкви возвратясь къ себѣ, скоро сѣлъ кушать.

Изъ постороннихъ обѣдали насъ графъ Иванъ Григорьевичъ, графъ Яковъ Але­ксандровичъ Брюсъ, камеръ-юнкеръ кн. Бѣлосельской, г. Саддернъ, кн. Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, гене­ралъ-маіоръ Николай Ивановичъ Сал­тыковъ, п г. Штакельбергъ.

Послѣ обѣда, Государь Цесаревичъ, попрыгавши, изволилъ играть въ юл­ку; потомъ въ игру свою подломберъ съ кн. Куракиннмъ. Отужинавши, опочивать изволилъ лечъ въ половину десятаго часу.

19. Его Высочество проснуться изво­лилъ въ исходѣ седьмаго часу. Одѣв­шись, учился, какъ обыкновенно. По­томъ изволилъ складывать разныя (раз­рѣшныя) карты, кои (ему) отъ англискаго пастора Демареска достались.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ: кромѣ дежурнаго гвардіи маіора кн. Петра Алексѣевича Голицына. Былъ еще Барль Ѳе­доровичъ Крузъ. Его Превосходитель­ство Никита Ивановичъ кушалъ сегодня у графа Михаила Ларіоновича Воронцова. Мы за столомъ разговаривали по

большой части объ Исторіи російской. Рассказывалъ я Государю Цесаревичу о Мамаевомъ побойцѣ, о Золотой Ордѣ, о походахъ Хана Батия и проч. Такожъ говорили о московской Его Высочества болѣзни, въ какой онъ тогда былъ опасности, и мы въ какомъ были страхѣ; какъ онъ началъ выздоравливать, и какъ тогда проводилъ время. Какъ изъ Кремля переѣхалъ Государь Цесаревичъ въ Головинской дворецъ, и тамъ отъ болѣзни сталъ оправляться, то дозволено ему было отъ Никиты Ивановича въ комнатахъ своихъ разными пристойными образами забавляться, и тогда-то всѣ предметы плодоноснаго Его Высочества воображенія являлися въ лицахъ, живописннмъ и скульпторннмъ художествомъ изображенныя, но большей части трудами Савелья Даниловича, с'était un pain qui avait du génie et des talents. О семъ времени вспоминая, Его Высочество называлъ его благополучнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ въ своей жизни.

Послѣ стола, позабавясь, Его Высочество изволилъ сѣсть учиться. У меня учился изрядно. Пришелъ между тѣмъ Его Превосходительство Никита Ивано­вичъ, и какъ Государь Цесаревичъ лекціи со мною окончилъ, то пошелъ на половину къ Государынѣ. Въ исходѣ пла­таго часу изволила прибыть она изъ Сарскаго села. Его Высочество встрѣтилъ Ея Величество въ бильярдной комнатѣ. Потомъ пошелъ за Государынею-роди­тельницею въ опочивальню, и спустя нѣ­сколько времени опять вышелъ за Ея Величествомъ въ бильярдную комнату. Государыня изволила сѣсть играть въ ломберъ съ графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ. Его Высочество разговаривать или лучше сказать балагурить изволилъ, по большо­й части, съ графомъ Ѳеодоромъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ камеръ-юнкеромъ кн. Барятинскимъ. Потомъ изволилъ играть съ гр. Ѳеодоромъ Григорьевичемъ въ бильярдъ. Къ себѣ воз-

вратился Государь Цесаревичъ въ исходѣ осьмаго часу. Кликнувъ Савелія Даниловича, изволилъ съ нимъ разбирать старыя свои рисунки. Потомъ сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Въ Сарскомъ селѣ, между прочими увеселеніями, какъ сказываютъ, всѣ женщины, кои тамъ были, наряжались въ мужское платье, а мужчины въ женское, и представляли нѣкоторой родъ маскараду.

20. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія забавлялся въ маленькой своей библиотекѣ; изволилъ учреждать театръ, которой тутъ по приказанію его на изготовленной для того нарочно доскѣ дѣлали Франсуа, Савелій Даниловичъ и дежурной камердинеръ. Его Высочество при сей работѣ изволилъ называться мастеромъ.

Сѣли мы за столъ. Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ, разговорясь о дѣтскихъ лѣтахъ Его Высочества, напаятовалъ ему, какъ тогда объ немъ нарочно печатали вѣдомости и давали ему для прочтенія. Тамъ обыкновенно подъ артикуломъ „изъ Петербурга“ обо всѣхъ Его Высочества поступкахъ и погрѣшностяхъ упоминалось. Увѣрили его, что оныя вѣдомости разсмѣются по всей Европѣ, хотя онѣ только что въ комнатѣ Его Высочества были. Сегодня за столомъ Никита Ивановичъ чаще обыкновеннаго оговаривалъ Государя Великаго Князя, чтобы, говоря, не такъ много дѣлалъ руками и тѣломъ движенія, и чтобы въ стороны не метался. (Его Превосходительство рассуждалъ) справедливо, что такія кривлянья и порядочному мыслей теченію не мало препятствуютъ.

Послѣ стола Его Высочество изволилъ поѣхать въ саняхъ кататься. Въ исходѣ четвертаго часу возвратились. Напившись чаю, Государь Цесаревичъ сѣлъ учиться. Послѣ ученія упражнялся въ библиотекѣ,

около театральной работы. Приѣхалъ Бомонъ съ женою, и Государь Цесаревичъ учился декламации. Сегодня изволилъ декламировать очень изрядно; и какъ у него послѣ гулянья волосы гораздо поразбились, и кафтанъ на Его Высочествѣ былъ простынькой, то изволилъ онъ сказать Бомоншѣ: „Ovide est venu en sougrier, pour être au rendez-vous“. Послѣ сего изволилъ опять забавляться около своего театру. Сѣли мы ужинать. За столомъ разговорились о началѣ російскаго театру, и какъ при покойной Императрицѣ Елисаветъ Петровнѣ господя Остервальдъ Мелесино, Бекетовъ и Свистуновъ при Дворѣ трагедій и комедій играли; прежде ихъ, русскихъ трагедій при Дворѣ никогда не бывало (не игравали). Анекдоты, бывшіе при оныхъ представленіяхъ, принадлежатъ къ придворнымъ анекдотамъ тогдашняго времени. Не время и не мѣсто было входить въ оныя подробности; для того ни г. Остервальдъ, ни я въ нихъ не входили, а говорили генерально объ одномъ только театрѣ. Послѣ ужина, Государь Цесаревичъ, попрыгавши, легъ опочивать; былъ десятой часъ въ половинѣ.

21. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. За чаемъ никакихъ примѣчанія достойныхъ разговоровъ у насъ не было: я не очень здоровъ былъ и невеселъ; спалъ очень дурно. Во время одѣванья, изволилъ Его Высочество читать комическія оперы въ Фаваровыхъ сочиненіяхъ, и пѣть оттуда ариі. Одѣвшись, сѣлъ за свои учения. По окончаніи оныхъ изволилъ упражняться около своего театру.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ и г. Блѣштейнъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ рассуждать по большей части о продуктахъ разныхъ земель.

Послѣ стола, позабавясь Его Высочество около своего театру, изволилъ

сѣсть учиться. У меня учился не весьма хорошо; мало было охоты и примѣчанія. Ввечеру изволилъ ходить къ Государынѣ. Ея Величество изволила играть въ бильярдъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Государь Цесаревичъ стоялъ тутъ; картошной игры сегодня не было. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Въ моей головѣ сегодня размышленія происходили, коимъ многое въ дѣлахъ и поступкахъ человѣческихъ уходитъ отъ человѣческаго пронпцанія, и является тогда уже, когда случай миновался, и пропущенное невозвратимо; коимъ недремлющее посему требуется вниманіе на предприемлемыя и располагаемыя вещи; что тотъ не великой еще челоувѣкъ, кто умно вымышляетъ и глубоко остроуміемъ пронпцаетъ, но что тотъ великой челоувѣкъ, которой, сверхъ оныхъ дарованій, имѣетъ столько твердости въ сердцѣ, столько бодрости и искусства, чтобы все расположенное въ свое время усильно производить въ дѣйство и проч.

22. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Сегодня при Дворѣ глубокой трауръ и панихида по Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, блаженной памяти. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ Государь Цесаревичъ пойтить въ церковь, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Оттуда проводя Государыню-родительницу во внутренне покои, возвратился къ себѣ.

Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ и г. Штапельбергъ.

Послѣ обѣда Его Высочество, позабавясь, сѣлъ за свои ученія. Потомъ прѣхалъ Бомонъ съ женою, и Государь Цесаревичъ учился декламации. Ужиналъ у насъ сегодня молодой гр. Шереметевъ. Опочивать легъ Его Высочество въ половинѣ десятаго часу.

23. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ седьмаго часу. До обѣда и послѣ обѣда учился какъ обыкновенно. Изъ постороннихъ никто у насъ не обѣдалъ. Послѣ ученія, по утру и по полудни изволилъ Государь Цесаревичъ смотрѣть планы въ Блонделевой Архитектурѣ. Ввечеру откушавши, опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Впрочемъ ничего достопамятнаго сегодня не происходило. Къ Государынѣ Его Высочество ходить не изволилъ.

24. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, учился, какъ обыкновенно. Послѣ ученія, изволилъ смотрѣть Блонделеву Архитектуру.

Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, г. Салдернъ, Бильштейнъ и оберъ-квартирмейстеръ Рогачевъ.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество пойтить въ церковь къ вечернѣ. По окончаніи вечерни, было многолѣтствіе. Ея Величество выходитъ не изволила. Какъ сказываютъ, изволила слушать службы къ дверяхъ алтарныхъ, кои изъ алтара ко внутреннимъ покоямъ сдѣланы. Изъ церкви зашедъ на весьма краткое время къ Государынѣ, возвратился Великой Князь къ себѣ. Ввечеру, какъ проходилъ Его Сіятельство вице-гандьеръ покоями Его Высочества къ Никитѣ Ивановичу, то прокрался за нимъ и Государь Цесаревичъ тудажъ. У Никиты Ивановича были братецъ его Петръ Ивановичъ, Аграфена Леонтьевна Апраксина, Книгиня Елена Степановна Куракина, гр. Иванъ Григорьевичъ и Михайло Михайловичъ Философовъ. Его Высочество пробылъ тамъ часа съ полтора. Очень былъ веселъ, и изволилъ много рѣзвиться. Возвратясь къ себѣ, скоро сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Сего вечера изволилъ раздавать старне свои кафтаны карникамъ.

25. Рождество Христово. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе. Потомъ принявши поздравленія и рапорты отъ господъ флагмановъ, изволилъ пойтти въ церковь, а послѣ обѣди за Ея Величествомъ въ биліардную. Государыня изволила говорить, что уже мѣсяцъ тому назадъ, какъ Государь Цесаревичъ давалъ знать Ея Величеству, что прошлаго году о Рождествѣ въ первой день ввечеру были у Ея Величества святошныя игры, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ и нынѣ тожъ сдѣлать, и для того изволила усмѣхаючися говорить Великому Князю, чтобъ онъ послѣ обѣда кафтанъ изволилъ надѣть полегче, и былъ ввечеру къ Ея Величеству на игрище. Притомъ изволила Государыня сказать Великому Князю: конечно этотъ день у васъ въ календарѣ записанъ, также и тотъ, какъ мы въ послѣдней разъ у Сиверса были. (См. выше.) Ея Величество о моихъ запискахъ знать не изволилъ. Его Высочество возвратился къ себѣ, и скоро потомъ опять изволилъ пойтти къ Государынѣ. Тамъ кушалъ. Въ то время, какъ къ себѣ приходитъ изволилъ, входили къ нему въ покои многіе для поздравленія. Генералъ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ пріѣхалъ нынѣ изъ Москвы, и также былъ у Его Высочества. Его Сіятельство ѣздилъ въ Москву на 28 дней.

Послѣ кушанья, возвратясь отъ Государыни-родительницы, переодѣлся Его Высочество, попрыгалъ, и смотрѣлъ Блонделеву Архитектуру. Ввечеру пришелъ отъ Ея Величества камергеръ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, звать туда Государя Цесаревича. Послали сказать о томъ Никитѣ Ивановичу. Пришелъ Его Превосходительство и пошли мы къ Ея Величеству въ шесть часовъ. Тамъ были всѣ фрейшны, да изъ постороннихъ дамъ графиня Марья Андреевна Румянцова съ дочерью Праксией Александровной Брюшей, и

множество кавалеровъ. Въ аудіенцъ-комнатѣ, гдѣ тронъ стоитъ, началась игра. Сперва взявшись за ленту, всѣ въ кругъ стали, нѣкоторые ходили въ кругу, и прочіихъ по рукамъ били. Какъ эта игра кончилась, стали опять всѣ въ кругъ, безъ ленты, уже по двое, одинъ за другомъ: гоняли третьева. Послѣ сего золото хоронили; „заплетися плетень“ гѣли; по русски плясали; польской, мнуеты и контрдансы танцовали. Ея Величество во всѣхъ оныхъ играхъ сама бытъ и по русски плясать изволила, съ Никитомъ Ивановичемъ. Съ Его Высочества потъ почти капалъ: столь искреннее принималъ онъ въ силъ забавахъ участіе! По большой части изволилъ быть подлѣ бочку у своей любезной, и очень много и страстно съ нею разговаривать. Она съ своей стороны также не очень суровой себя оказывала. *Princes et Rois vont vite en amour, pas comme nous autres particuliers.* Ея Величество изволила шпимнать надъ Великимъ Княземъ, въ какомъ онъ удовольствіи d'être si proche de son objet chéri. Въ то время какъ всѣ оныя увеселенія происходили, вышли изъ внутреннихъ Ея Величества покоевъ семь дамъ, кои всѣхъ крайне удивили. Нарядились въ женское платье: 1) Григорій Григорьевичъ Орловъ; 2) камергеръ гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ; 3) камергеръ гр. Николай Александровичъ Головинъ; 4) камергеръ Петръ Богдановичъ Пасикъ; 5) шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ; 6) камеръ-юнкеръ Михайло Егоровичъ Баскаковъ; 7) камеръ-юнкеръ кн. Андрей Михайловичъ Бѣлосельской. На всѣхъ были кофты, юбки и чепчики. У Бѣлосельскаго только на головѣ была косынка, и одѣтъ онъ былъ прочіихъ по хуже, такъ какъ боярскія боярыни одѣваются; представлялъ маму, а прочіе представляли боярышень подъ ея смотрѣніемъ. Какъ пришла, то посадили ихъ за круглой столъ, поставили закусокъ и подносили пуншу. Много тутъ шалили, и потомъ, вставши, плясали. Сидя за столомъ,

Бѣлосельской про своихъ боярииневъ сазалъ между прочимъ, что они изъ всѣхъ закусокъ лутче любить сосульки. Его Высочество къ себѣ возвратиться изволилъ въ десѣтомъ часу въ исходѣ; очень усталъ. Уживать не изволилъ: покушалъ только сухарей съ чаемъ, и легъ опочивать; былъ одиннадцатой часъ въ половинѣ.

26. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ исходѣ осьмага часу. Одѣвшись, изволилъ смотрѣть планы въ Блонделевой Архитектурѣ. Въ церковь ходить не изволилъ.

Обѣдали у насъ изъ постороннихъ оренбургской губернаторъ вн. Путятинъ, полковникъ Кошкинъ и обер-квартирмейстеръ Рогачевъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ разговоривалъ по большой части съ вн. Путятинимъ о дѣлахъ, до оренбургской губерніи касающихся.

Послѣ обѣда, Его Высочество позабавлялся, учился декламациі: пріѣзжалъ Божонъ съ женою. Потомъ изволилъ Государь Цесаревичъ смотрѣть книгу, изъ кладовой его принесенную, съ образцами разныхъ парчей и бархатовъ. Сѣли мы за столъ. Разговаривали по большой части о Исторіи російской, а особливо о временахъ Бориса Годунова. Послѣ ужина Великой Князь скоро легъ опочивать; былъ десѣтой часъ въ половинѣ.

27. Его Высочество встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, сѣлъ за свои учения. Потомъ представлялъ Его Превосходительство Никита Ивановичъ Государю Великому князю всѣхъ находящихся здѣсь Архіепископовъ. Митрополитъ Дмитрій Свѣченоеъ говорилъ при семъ Его Высочеству поздравительную рѣчь, краткую, но весьма выразительную. Я ошибся, духовные вчерась по утру были представлены.

Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только г. Салдернъ и новгородской губернаторъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. Сказывалъ онъ, что въ Новгородѣ былъ

у него маскарадъ, и что театръ тамъ заводится. Разговаривали также о гр. Андрѣѣ Алексѣичѣ Бестужевѣ, который недавно женился на княжнѣ Долгоруковой. 24 числа нынѣшняго мѣсяца обобралъ онъ ее, дѣлалъ надъ нею разныя ругательства, и сбиль ее съ двора. Вѣроятно къ нему приставить гравдіи офицера съ солдатами, и отдать его отду въ полную диспозицію.

Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество смотрѣть планы въ Блонделевой Архитектурѣ, и распредѣлять, гдѣ кому жить. Ввечеру былъ при Дворѣ балъ. Ея Величество въ боковой комнатѣ, подлѣ галлеріи, въ пикетъ играть изволила. Балъ открылъ Его Высочество съ графиней Анной Карловной Воронцовой. Потомъ много минутовъ изволилъ танцовать, также контраданс и польской. Въ половинѣ девятаго часу все кончилось. По возвращеніи, Государь Цесаревичъ пожуренъ былъ отъ Его Превосходительства Никита Ивановича, что очень много кривляется. Опочивать легъ Его Высочество въ половинѣ десѣтаго часу. Вчерась ввечеру Ея Величество изволила бытъ у гр. Григорія Григорьевича Орлова въ штегельманскомъ домѣ, что на Мойкѣ; тамъ, какъ сказываютъ, компанія была человекъ около шестидесати. Ея Величество возвратиться изволила въ часъ по полуночи. Ужинъ тамъ былъ, танци, пѣсни, пляска и святонинныя игры. Гости часа въ четыре по полуночи разъѣхались. Его Высочество очень жалѣлъ, что Никита Ивановичъ вчерась не согласился туда ѣхать.

28. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ половинѣ осьмага часу. За чаемъ особенныхъ разговоровъ никакихъ у насъ не было. Во время одѣванья изволилъ онъ читать „Etat militaire des troupes de France“. Приходилъ къ Его Высочеству гр. Григорій Григорьевичъ. Зашла у насъ между прочимъ рѣчь о разныхъ людскихъ свойствахъ и дарованіяхъ. Гр. Григорій Григорьевичъ разговаривалъ со

мною объ этой матеріи, и я имѣлъ тутъ случай порисовать съ натуры, неимянуя то есть портретовъ; ибо это не мой обычай. Сѣлъ потомъ Его Высочество учиться.

Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только г. Штакеельбергъ, (Штакеельбергъ отъ здѣшняго Двора назначенъ министромъ въ Испанію, вмѣсто гр. Петра Александровича Бутурлина, которой тамъ былъ), и Михайло Михайловичъ Измайловъ, бывшій гофмаршалъ во время Государя Петра Третьяго. Никита Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ по большей части о Москвѣ; онъ третьяго дни оттуда пріѣхалъ.

Послѣ обѣда, Его Высочество, позавбавася, сѣлъ учиться. У меня не весьма хорошо учился. Вечеру изволилъ пойти къ половину къ Ея Величеству; тамъ концертъ былъ. Государыня изволила играть въ ломберъ съ Его Превосходительствомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ и съ генераломъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Государь Великой Князь сѣлъ играть въ берлянь. Дежурныя фрейшны были Вѣра Николаевна Чоголова и Авдотья Андреевна Полянская. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ Его Высочество кушать. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго часу. Хотя и была у меня съ Его Высочествомъ эспливація, какъ я выше упомянулъ, однако послѣ оныхъ интрижекъ и наушничествъ все еще не примѣчаю я къ себѣ со стороны Его Высочества той довѣренности, той горячности и тѣхъ отличностей, кои прежде были. Отъ Его Превосходительства Никиты Ивановича поднесенныхъ ему тетрадей моихъ записокъ не получалъ я еще, и никакого объ нихъ мнѣнія, ни худаго ни добраго, не слышалъ отъ Его Превосходительства, по исамомъ дани мнѣ ангели сатанины да ми пакости дѣють. При такихъ обстоятельствахъ продолженіе сего журналу становится мнѣ скучнымъ и тягостнымъ. Если оныя не перемѣнятся, то принужденъ буду его покинуть, дабы употребить оное время на то, что

авось либо богѣ къ спокойствію моему послужить.

29. Его Высочество сего утра учиться изволилъ, какъ обыкновенно; и послѣ обѣда такожь. Вечеру изволилъ быть въ комедіи. Комедія была «l'homme à bonnes fortunes». Малая пѣса «le fât ruiné»; балетъ Гранжеевъ. Возвратясь изъ комедіи, опочивать легъ Государь Цесаревичъ въ обыкновенное время.

30. Государь Великой Князь по утру, одѣвшись изволилъ учиться, какъ обыкновенно. Послѣ обѣда, такожь. Вечеру изволилъ быть въ маскарадѣ; при Дворѣ маскарадъ былъ. Съ маскараду возвратился Его Высочество въ исходѣ десятаго часу. Кушалъ въ опочивальнѣ. Я тутъ же ужиналъ. Какъ изволилъ рѣдѣться, и я пошелъ въ маскарадъ, то, подозвавши меня, изволилъ сказать: «malgré toute notre inimitié, прошу тебя поклонись пожалуй Вѣрушкѣ. Этой комиссіи другому я бы еще и не далъ». А что за inimitié, и за что ей быть? Заслуживаю ли я это, чтобы слушать, что про меня наговариваютъ и думаютъ невѣжи и недруги? Нынѣшнія дѣла Его Высочества все оное извинить могутъ... На маскарадѣ многіе жаловались, что скучно. Всѣ жалобы мимо ушей моихъ проходили, однѣ только пронзали мое сердце. Не могу сказать, чтобы и я совсѣмъ былъ спокоенъ; только я не привлекъ жаловаться. (Tant pis pour moi!)

31. Государь Цесаревичъ встать изволилъ въ половинѣ осьмагаго часу. Одѣвшись, учиться сегодня не изволилъ.

Обѣдали у насъ Его Сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Василій Ильичъ Библиковъ. Долго споръ былъ о параболической фигурѣ.

Послѣ обѣда, Его Высочество учиться такожь не изволилъ; перебиралъ мундирныя книжки. Вечеру изволилъ ходить къ Государынѣ, для поздравленія

съ наступающимъ новымъ годомъ. Возвратясь, сѣлъ кушать. Опочивать легъ въ исходѣ десятаго часу.

Конечъ 1765 году и повсядневнымъ моимъ Запискамъ. Смотри продолженіе не по днямъ уже.

О сихъ Запискахъ знаютъ понынѣ: Его Высочество и Никита Ивановичъ, отецъ Платонъ и кадетскаго корпуса майоръ Глѣбовской, онаго жъ корпуса капитанъ Арсеній Беклешовъ и штатской совѣтникъ Рубановскіи. Всѣ оныя персоны отчасти ихъ видѣли и читали. Отъ Его Превосходительства Никиты Ивановича первыхъ тетрадей и понынѣ я не получаю еще. Также показывалъ я сіи Записки нѣкоторымъ изъ любопытныхъ купцовъ, особливо такіа въ нихъ мѣста, кои о Его Высочествѣ могутъ подать высокое мнѣніе; графамъ Захару и Ивану Григорьевичу Чернышовымъ сказывалъ я о сихъ Запискахъ. — Они просили меня, чтобъ и показавъ имъ ихъ, но донынѣ еще не случилось показывать, хотя и неоднократно о томъ я былъ прошенъ: многие изъ вышеупомянутыхъ (лицъ) свѣдавъ, что я ихъ (то-есть Записки) перерываю, наступая на меня съ сильными просьбами, чтобъ я продолжалъ ихъ, но я не согласился и нельзя теперь, о чемъ въ продолженіи изъясняюсь болѣе.

Во время оныхъ перетолкованій Его Высочеству рѣчей моихъ и разсужденій, на справедливости и усердіи основанныхъ, привели Государя Цесаревича, что и о журналѣ моемъ разсказать онъ изволилъ (хотя прежде и обѣщался, чтобъ никому объ ономъ не сказывать, и донынѣ ненарушимо хранилъ свое обѣщаніе), думая, что то будетъ служить мнѣ въ предосужденіе и въ обличеніе коварныхъ моихъ, какъ они называютъ, умысловъ. И въ самомъ дѣлѣ, и о сихъ Запискахъ увѣрили Его Высочество, что онѣ современемъ будутъ только служить къ его стыду и посрамленію, для того-де, что лѣта ваши дѣтскія, такъ какиимъ тамъ бытъ еще записаннымъ дѣламъ ве-

ликимъ, да прошлаго жъ де году вы часто плакивали. такъ уже вѣрно и это внесено туда». Просили у меня, черезъ другихъ, оныя доброты, чтобъ я показалъ сіи свои записки, дѣлая тому статья. Ah, mes pauvres sages!

Предварительное изъясненіе (къ 1766 году). Изъ повсядневныхъ моихъ записокъ, до нынѣшняго времени слишкомъ годъ продолженныхъ, нѣкоторымъ образомъ явствуетъ, и я какъ честный человекъ нелицемѣрно увѣраю, что при всѣхъ моихъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ обращеніяхъ и разговорахъ, единственно всегда предъ глазами своими имѣлъ я намѣреніе, чтобъ вкоренить въ нѣжное его сердце любовь къ российскому народу, почтеніе къ истиннымъ достоинствамъ, снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ и строгое послѣдованіе добродѣтели, отвѣтъ во многихъ случаяхъ предубѣжденія, почитаемаго отъ легкомысленныхъ за непреоборимаго истины, и, сколько можно, обогатить разумъ его разными полезными знаніями и свѣденіями. Къ сему всѣ мои силы и всѣ способности посвящены были. Былъ при Его Императорскомъ Высочествѣ почти безотлучно, дабы не упустить ни одного случая къ оному, какъ мнѣ казалось, обществу не бесполезному намѣренію. и лишалъ себя для того безчисленныхъ забавъ и увеселеній, къ коимъ зовутъ меня и лѣта мои и мои обстоятельства. Невѣжество и зависть, противъ всѣхъ добрыхъ дѣлъ искони воюющія, вооружились на меня посредъ моего теченія. И хотя слабо такое жужжаніе, дабы заглушить во мнѣ гласъ истиннаго долгу и усердія, однако благоразуміе повелѣваетъ, чтобъ противъ открытыхъ злостныхъ поушеній принять надлежащія мѣры, и не оставаться посредъ безпечности и неосмотрительности. Для сего необходимымъ усматриваю, чтобъ оградить себя нѣкоторыхъ достойныхъ особъ постоянными признаніи и покровительствомъ, бывають потому во многихъ мѣ-

стахъ, и лишать себя на тѣ времена дражайшаго присутствія Его Высочества. Безъ того существенной вредъ съ злобой стороны могу почувствовать, и сдѣлаться для него жъ совсѣмъ бесполезнымъ. Въ такихъ случаяхъ ничѣмъ пренебрегать (пренебрегать) не должно; подлость и пронырство всѣ пути за дозволенные себя почитаютъ. Для сей же притчины принужденнымъ себя нахожу и журналъ свой повигнуть. Чтобъ продолжать его порядочно, надобно по большей части безотлучное тутъ пребываніе, неослабное всего наблюденіе, расмотрительной потомъ изъ всего происшедшаго выборъ и складное расположеніе, на все сіе немалое время. Признаюсь, что и оное предпріятіе и самъ не безъ присворности оставлю; ибо со временемъ такіа записки могли бытъ весьма любопытства и чтенія достойными. Но предстоящую видя опасность, возможно-ль пребыть въ такихъ упражненіяхъ, гдѣ спокойство и удовольствіе духа и совершенная безопасность необходимо потребны? А чтобъ совсѣмъ не погребалоси въ забвеніи что со мною и у насъ происходить будетъ, то записывать буду въ слѣдующихъ, что мнѣ когда покажется изъ всего по-достоинѣе примѣчанія, для Его Высочества, для общества, или для меня собственно, потому что я и самъ къ себѣ довольно близокъ. Сверхъ того за труды мои, хотя то со временемъ, воздаяніе имѣть буду, что самолюбіе свое нѣкоторыми изъ прошедшихъ приключеній своей жизни забавлять стану.

1766 годъ.

ЯНВАРЬ.

Новой годъ былъ въ воскресенье. Во вторникъ изволилъ Его Высочество послѣ кушанья бытъ въ Академіи Художествъ. Тамъ такая же почти церемонія происходила, какъ и прошлаго году. Его Сіятельство гр. Петръ Борисовичъ Шереметевъ принять въ почетные любители Художествъ. На вечеръ изволилъ Государь Цесаревичъ поѣхать къ гр. Григорью Григорьевичу Орлову въ штегельманской домъ. Ея Величество также присутствовать изволила. Были святошныя игры и пляскы. За ужиной сидѣли по билетамъ. Его Высочеству сидѣть досталось съ Вѣрой Николаевной, ево возлюбленной, или, лучше сказать, такъ сдѣлано было, что досталось. Государь Цесаревичъ крайне былъ доволенъ. Маленькое его сердце упоено было любовной страстью. Къ себѣ возвратиться изволилъ въ одиннадцатомъ часу. Государыня въ исходѣ уже перваго часу во дворецъ прибыть изволила ¹⁾.

¹⁾ Въ Куракинской рукописи Записокъ Порошина находится слѣдующій вариантъ:

Въ новой годъ вышли доклады гвардейскіе и морскіе. Въ вечеру, при дворѣ, былъ балъ и ужины въ аванзалахъ, что на Неву. Ея Величество за столомъ присутствовать изволила. Государь Цесаревичъ съ бабу къ себѣ пройтись изволилъ; не очень здоровъ былъ. Размышленіи моему извѣстное дѣло, коимъ оно болѣе всего занято, раздѣлено у меня на три части: на вывѣдъ, изъясненіе и рѣшительную негоціацію. Первая часть совершается сегодня, приступъ сдѣланъ. Какъ всѣ три къ концу приведу, то въ рай преселенъ буду, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. Во войхъ моихъ противностяхъ, ты, Божество мое, служивши мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ!

На другой день новаго году, въ вечеру, была комедія: *Mercurie galant, mазая*

6. Т. е. въ день Богоявленія, полковъ въ парадѣ не было, за стужею. Отъ всякаго полку было только по ротѣ со знаменами у Иордани. Государыня и Его Высочество изволили смотрѣть изъ аванзаловъ.

Первую часть своего дѣла совершилъ. И былъ тамъ сегодня въ первый разъ, гдѣ обитаетъ мое благополучіе. Коль быстро проходятъ тѣ минуты, въ которыхъ сердце наипрѣятнѣйшими чувствами восхищается!

7. Сегодня ввечеру изволилъ Государь Цесаревичъ быть въ воспитательномъ училищѣ при Академіи Художествъ, и раздавать картинныя тѣмъ мальчикамъ, кои въ бывшемъ передъ тѣмъ экзаменѣ

піеса: *La soirée du boulevard*, балетъ Гравжеевъ. Государь Великой Князь былъ изволилъ.

3, 4 и 5 числа былъ я дома; не очень здоровъ былъ и разбиралъ хаосъ дѣлъ своихъ. Математическая метода и въ обществѣ таково жъ съ пользою употреблена быть можетъ какъ и въ наукахъ. Надобно только присовокуплять къ тому знаніе сердца.

себя отличили. До ѣзды въ оное училище, Государь Цесаревичъ, забавляясь у себя въ комнатахъ, одѣвалъ креслы сукномъ, представляя себѣ, будто сани покрыты полстью. Въ сіе время изволилъ онъ примѣтить, что какъ сукно съ кресель сдергивалъ, то изъ дерева, на коемъ была позолота, сыпались искры. Сіе электрическое явленіе сообщено послѣ г. Эппинусу, и онъ очень тому удивлялся, увѣряя, что еще донынѣ неизвѣстно было, что отъ тренія сукна съ шелковою матеріею толь сильное электрическое дѣйствіе произойти можетъ. И такъ Его Высочество ненарочно сдѣлался изобрѣтателемъ новыя тайны въ натурѣ.

8. Ввечеру оныя креслы и сукно носили въ Государынѣ. У Ея Величества въ покояхъ дѣлали опыты. Графъ Григорій Григорьевичъ, будучи особенно до такихъ вещей охотникъ, нашель, что когда муфтой или простой рукой по шелковымъ обоямъ тереть станешь, то электризація производится и сыплются искры.

13. Его Высочеству на мысль пришло собраніе сдѣлать, экзаминиваться съ Куракинымъ. Сіе вотъ какъ происходило.... (Здѣсь рукопись прерывается).

Примѣчанія къ изд. 1844 г.

1. Къ стран. 37. Бонневаль снискалъ себѣ знаменитость страннымъ образомъ: онъ служилъ въ жизни своей тремъ разнымъ господамъ. Claude Alexandre de Volpeval, французскій графъ, имперскій генераль-фельдцейгмейстеръ и двухбунчужный паша, — все это въ одномъ лицѣ, родился въ Парижѣ въ 1675 году. Племенемъ былъ изъ той провинціи, гдѣ главный городъ Лиможъ. Прабабка его была сестра Генриха IV. Воспитанъ Иезуитами. Началъ службу во флотѣ. Въ 1698 году поступилъ въ гвардію. Въ испанскую войну находился съ полкомъ своимъ въ Италиі. Дерзкія рѣчи и вольнодумство сдѣлали его противнымъ г-жѣ Ментенонъ, и онъ обоеденъ наградою, при повышеніи другихъ, въ 1704 году. Бѣжалъ къ имперскому полководцу принцу Евгению, и принятъ въ званіи генераль-майора въ службу Цесаря: имѣнія его во Франціи конфискованы. Поражалъ Французовъ въ Италиі, въ Провансѣ и Дофинѣ: воевалъ также противъ Папы и во Фландріи. Участвовалъ въ заключеніи Раштадтскаго мира (1714). Въ 1715 году, онъ уже стоялъ противъ Порты, въ чинѣ генераль-лейтенанта. Разилъ Янычаръ: въ достопамятной битвѣ петервардинской, слишкомъ часъ пробивалъ большой отрядъ ихъ, съ малымъ числомъ своихъ, и наконецъ упалъ за-мертво; но поднятъ за-живо изъ груди убитыхъ, и былъ послѣ того при осадѣ Бѣлграда. Живя потомъ въ Вѣнѣ, онъ помогалъ тамъ бѣднымъ своимъ едино-

земцамъ: Ж. В. Руссо между прочими пользовался его покровительствомъ. Въ 1723 году Бонневаль уже фельдцейгмейстеръ, и посланъ въ Нидерланды. Тамъ, по прежнему буйный и злоязычный, онъ не поладилъ съ принцемъ Евгениемъ, своимъ благодѣтелемъ: за строптивость преданъ суду. Гофкригератъ присудилъ заключить его на годъ въ Шпильбергъ. Высидѣвъ годъ въ заточеніи, онъ бѣжалъ въ Венецію, а оттолъ въ Константинополь, гдѣ отурчился, принявъ имя и званіе Ахмета Паши. Султанъ далъ ему слишкомъ пятьдесятъ тысячъ рублей жалованья: ему хотѣлось имѣть пашалыкъ. Получилъ корпусъ бомбардировъ въ 1732 году, и ввелъ въ немъ Европейскую дисциплину. Начерталъ искусный планъ войны Порты съ Россією, но, ненавидимый правовѣрными за нововведенія, начальства не получилъ. Съ 1738 года онъ заключился въ роскошномъ своемъ гаремѣ. Умеръ въ 1747 году. Подъ конецъ жизни хотѣлъ было уйти въ Римъ, и вступить снова во французскую службу. О своемъ ренегатствѣ говорилъ, что „только промѣнилъ кошака свой на чалму“. Въ Перѣ, предвѣстии Константинополя, ему воздвигнуть монументъ изъ бѣлаго мрамора, съ длинною эпитафією, гдѣ сказано: „Онъ былъ одинъ изъ мудрыхъ вѣка сего: узналъ на опытѣ высокое и низкое въ жизни, и перешелъ отсюда къ вѣчности въ благоприятѣйшую Богу минуту, въ самую ночь рожденія великаго Пророка (Магомета), т. е. сл.

23 на 24 Марта". Въ Голландіи вышли записки (не его), подъ заглавіемъ: Mémoires du comte de Bonneval, " la Haye, 1738. Небылицы, тамъ помѣщенные, подали поводъ къ сочиненію: „Critique ou analyse des mémoires du comte de Bonneval". Amsterdam, 1738. Слова текста, къ которымъ относится все это примѣчаніе, выражаютъ мысль очень правдоподобную. Кромѣ множества ренегатовъ, игравшихъ роль въ сношеніяхъ разнаго рода между Востокомъ и Западомъ, вспомнимъ только, что Бонапарте почти наканунѣ первой италіанской кампаніи, случая темнымъ бездѣйствіемъ въ Парижѣ, замышлялъ было ѣхать въ Турцію, и искать себѣ тамъ счастья.

2. Къ стран. 59. Сады лѣтнедворскіи, нынѣ лѣтніи, (что не мѣшаетъ быть тамъ и зимѣ), названъ такъ отъ лѣтняго дворца, въ которомъ Дворъ проводилъ часть года. Нынѣ остался одинъ лѣтній домъ Петра Перваго, въ самомъ саду стоящій. Но прежде, (какъ видно изъ Богданова „Описанія С. Петербурга," изданнаго въ свѣтъ Рубаномъ въ 1779 году), было въ тѣхъ мѣстахъ три лѣтнихъ дворца, и три сада, о которыхъ упоминается и въ этихъ запискахъ. Самый большой изъ трехъ лѣтнихъ дворцовъ, гдѣ жила Царская Фамилія въ описываемое время, стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Михайловскій замокъ, названый такъ по Высочайшему приказу Императора Павла I отъ 20 Ноября 1796 года: „Бывшій лѣтній Дворецъ называть Михайловскимъ." (Перв. Пол. Србр. Законовъ, № 17571).

3. Къ стран. 79. Позже, Императоръ воздвигъ монументъ Петру, украшающій нынѣ площадь Инженернаго зѣмля. На мраморномъ пьедесталѣ замѣчательна надпись: Прадѣду Правнуку 1800. (Объ этомъ памятникѣ, красотою своею не уступающемъ ни одному изъ тѣхъ, которыми величаются другія столицы Европы, извѣстія очень скудны. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ того вре-

мени нѣтъ ни слова объ открытіи и освященіи его. Между тѣмъ изъ словъ Богданова (стран. 126) видно, что Петръ самъ указалъ воздвигнуть это изображеніе свое на Васильевскомъ Островѣ, на площади передъ Коллегіями и предъ Соборомъ, который тамъ же назначено было построить. Форму статуи начали дѣлать (при Петрѣ?) въ анбарѣ Литейнаго Двора, который былъ на своемъ мѣстѣ въ 1719 году, (стран. 70); а отлитіе мѣдной статуи происходило съ 1744 года, художествомъ графа Растрелли, въ другомъ анбарѣ; потомъ, совсѣмъ готовая, она перевезена на В. Островъ, и долго стояла подъ деревянной покрывшей близъ Исаіевскаго моста, во все царствованіе Екатерины II. Между тѣмъ какъ на противоположномъ берегу Невы, при громѣ пушекъ, подъ согласные звуки музыки и милостиваго Манифеста, 7-го Августа 1782 года, Петръ Великій, на бронзовомъ конѣ, взлеталъ на вѣчную скалу свою, — старшій памятникъ оставался въ забвеніи, изъ котораго Государь Павелъ I наконецъ извлекъ его.

4. Къ стран. 82. Мысль о сохраненіи въ цѣлости и изданіи въ свѣтъ русскихъ лѣтописей и другихъ памятниковъ старинной письменности была у Петра Великаго и у преемниковъ его, какъ свидѣтельствуютъ о томъ данныя въ разное время указы. Еще въ 1778 году дано повелѣніе Св. Синоду о напечатаніи древнихъ російскихъ рукописныхъ книгъ „для пользы общества и къ спешѣствованію російской Исторіи" и исполненіе того, по опредѣленію Синода, поручено Пресвященному Платону, Митрополиту Московскому. а 11 августа 1791 года, оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Мусия-Пушкинъ предложилъ Синоду, „что Ея Величество изволила указать всѣ собранныя изъ Епархій и Монастырей относящіяся къ російской Исторіи лѣтописцы и другія сочиненія, кромѣ изданныхъ уже въ печать, внести къ Ея Величеству; сверхъ того предписать изъ Св-

нода всѣмъ Епархіальнымъ Архіереямъ и Настоятелямъ Монастырей, чтобы въ каждомъ мѣстѣ съ бібліотеками и архивами сдѣланы были прилежнѣйшія справки: не окажется-ли гдѣ еще подобныхъ сочиненій? и ежели сыщутся, то представить въ Синодъ, а взъ него внести къ Ея же Величеству“. Государь Павелъ Петровичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣлъ: „всѣ присланныя вслѣдствіе того указа въ Св. Синодъ лѣтописцы и другія подобныя сочиненія возвратить въ тѣ мѣста, откуда взяты“. Указъ объявленъ Синоду Преосвященнымъ Гаврииломъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, Октября 21-го дня 1797 года. Обстоятельства, обнаружившіяся при исполненіи этого повелѣнія, доказали, что оно было не бесполезно и своевременно: нѣкоторыхъ рукописей, числомъ 32, по описи присланныхъ, на лицѣ не оказалось; взяты онѣ были гр. Мусинимъ-Пушкинымъ, но въ Св. Синодъ не возвращены, а на доставленномъ отъ него реестрѣ написано его рукою, „что тѣ лѣтописцы и выписки внесены, по Высочайшему повелѣнію, покойной Государыни Императрицы въ комнату, о чемъ-де извѣстно всему Св. Синоду.“ И потому положено Синодомъ учинить справку: нѣтъ ли ихъ въ придворной бібліотекѣ? Неизвѣстно, нашлись-ли онѣ. Какъ бы то ни было, указанная Государемъ мѣра должна была другимъ путемъ вести къ одной и той же цѣли: къ сохраненію рукописей въ цѣлости. И въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ важнѣйшихъ, выразился духъ царствованія и Государя: та нелюбовь къ централизаци, которая есть отличительная черта его, и будетъ философіею его исторіи, когда будетъ исторія.

5. Къ стран. 192. Какъ знать, можетъ быть благонамѣренный рѣчи о заслугахъ Ломоносова нашли себѣ отголосокъ въ душѣ Государя позже, когда, по представленію Архангельскаго губернатора

Н. И. Ахвердова, Императоръ подписалъ слѣдующій указъ: „Во уваженіе памяти и полезныхъ знаній знаменитаго Санкт-петербургской Академіи Наукъ профессора статскаго совѣтника Ломоносова, Всемилостивѣйше повелѣваемъ: рожденнаго отъ сестры его Головиной сына, Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости крестьянина Петра съ дѣтми Василиемъ, Иваномъ и съ потомствомъ ихъ, исключая изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора“. Гатчино, 22-го Августа 1798 года. (Копія съ указа получена мною изъ Архива Правительствующаго Сената).

6. Къ стран. 217. Назначенный въ дѣтствѣ генералъ-адмираломъ, Великій Князь, какъ видно изъ этихъ Записокъ, не на-шутку занимался своею должностію. Со времени Основателя русскаго флота до него, не было такого ревнителя о морскихъ силахъ, ему исключительно порученныхъ. На третій день по вступленіи своемъ на престолъ, 9-го Ноября 1796 года, Государь объявилъ приказомъ, что „сохраняетъ званіе“ генералъ-адмирала во флотѣ“. Съ того же числа, присутствіе Его Величества въ столицѣ стали означать „флагомъ“, а не пушечными выстрѣлами по утру и ввечеру, какъ было до того дня. Указомъ 12 Ноября того же года, флоты корабельной и гребной со всѣми портами, находящимися на Черномъ морѣ, равно и Черноморское Правленіе съ корабельными верфями велѣно обратить въ вѣденіе Адмиралтействъ-Коллегіи. 11-го Декабря Государь указать соизволилъ, дабы каждый разъ, когда предполагался будетъ заложеніе новаго корабля или фрегата, представлять ему на усмотрѣніе чертежи, а не худо и модели, хотя и не совершенно отдѣланныя, и въ Петербургѣ безъ него не закладывать. 15-го Декабря, весь флотъ раздѣленъ на части, ввѣренныя тремъ адмираламъ, и указано: Сивявину быть адмираломъ благаго флага и

командовать первую дивизию флота; Чичагову — адмираломъ сняго флага, и быть авангардомъ; Крузу — адмираломъ краснаго флага, и быть арьергардомъ. Вотъ что сдѣлано въ первые пять недѣль. Въ слѣдующемъ 1797 году февраля 25-го, изданъ подробный Уставъ военнаго флота. Тогда же переведены въ столицу Морской Кадетскій Корпусъ изъ Кронштадта.

7. Къ стран. 268. Извѣстно, что вышло изъ этой игры въ послѣдствіе времени. Державный Орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, основанный Жераромъ при Св. Гробѣ, въ первые дни занятія Іерусалима Крестоносцами (1099); потомъ, по утратѣ всей Палестины (1291), перенесшій свое мѣстопробываніе на островъ Кипръ, а вскорѣ затѣмъ (1310) на островъ Родосъ, откуда, послѣ отчаянной защиты противъ несмѣтныхъ силъ Салимана II, переселился (1530) на островъ Мальту; наконецъ, сраженный мечемъ и искусствомъ генерала французской республики Бонапарте (1798 г. 11-го Іюня), — Орденъ, древнѣйшій изъ всѣхъ Орденовъ, имѣвшій семь вѣковъ славы и семьдесятъ Великихъ Магистровъ, нашелъ себѣ послѣднюю защиту въ Императорѣ Павлѣ, который, въ торжественной аудиенціи 29 Ноября 1797 года, въ воскресенье, принялъ отъ Чрезвычайнаго Посла Ордена, графа Литты, титулъ Покровителя, а потомъ, по избранію всего Ордена, провозглашенъ Великимъ Магистромъ, и 29-го Ноября 1798 года вѣнчался вѣнцемъ христіанскихъ витязей, спасшихъ Европу отъ Азіи. Предоставляя себѣ сказать другой разъ подробно, отъ чего и какъ все это произошло, замѣтимъ здѣсь только мимоходомъ слѣдующія три черты этого историческаго факта. Во-первыхъ, онъ былъ важенъ для Россіи, потому что, на основаніи тогда же заключенныхъ трактатовъ, въ помощь Ордену отпущены немалыя суммы денегъ. Во-вторыхъ, Мальтійскій Орденъ есть единственный Орденъ, который мы имѣли

обще со всею Европою. Въ-третьихъ, онъ перешелъ къ намъ въ первобытномъ значеніи Рыцарскаго Ордена, въ смыслѣ особаго независимаго Общества, дѣйствующаго для одной цѣли совокупными силами, а не какъ вышній, отвлеченный знакъ отличія бывшихъ заслугъ или добродѣтелей. Все это было не безъ послѣдствій.

В. Порошинъ.

Спб.
1844 г.

ПРИЛОЖЕНІИ КЪ ИЗД. 1844 г.

Приложенія эти помѣщены въ изд. 1844 г. Записокъ Порошина въ литографическихъ снимкахъ съ подлинниковъ. Здѣсь онѣ напечатаны—буквально.

I.

Списокъ полковникамъ, состоящимъ въ командѣ у Семена Андреевича Порошина ¹⁾.

1. Перваго гранадерскаго. Михаила Каменской.
2. Второго " " Степанъ Перфильевъ.
3. Перваго мушкетерскаго. Николай Чолоковъ.
4. Второго " " Ларивонъ Мерливъ.
5. Третьяго. " " Михайла Кречетниковъ.
6. Четвертомъ " " Александръ Суворовъ.
7. Пятомъ " " Князь Семенъ Мещерской.
8. Шестово " " Арсений Бельшовъ.
9. Перваго кирасирскаго Павелъ Романовъ.
10. Второго " " Князь Василий Долгорукой.
11. Перваго карабинерскаго Кн. Волхонской.
12. Гусарской—Подгоричанинъ.
13. Казацкой—Фатнинъ.

II.

Семень Андрѣевичъ! Милостивый Государь! Просилъ я ваше высококордіе завтра отобѣдать; но случилось тому препятствіе необходимое. Захаръ Федоровичъ Дубянской умеръ, и завтра его погребать будутъ. Мнѣ, яко ево духовнику, неотмѣнно при сей церемоніи быть надобно. И такъ прошу ваше высококордіе вмѣсто завтрава пожаловать въ воскресенье. Я надѣюсь на ваше снисхожденіе, что вы и въ настоящемъ случаѣ меня извините, и въ воскресенье посѣщеніемъ своимъ удостонте.

Вашего высококордіа усердный слуга.

I. Платонъ.

1765. Августа, 12 д.

P. S. Взятую вами русскую печатную книгу святыхъ отцевъ прошу ваше высококордіе прислать, ибо ее у меня требуютъ.

III.

Ваше высококордіе! Требуемой книжки я у себя истинно не имѣю, кромѣ одного экземпляра, однако я пошлю въ типографію Синодальную, и какъ получу сообщитъ къ вамъ непременно исполняя долгъ не токмо вашего требованія, но и моего къ вамъ усердія.

Monsieur! Votre tres-humble serviteur
Platon.

1766 Январ. 25.

P. S. О извѣстномъ человекѣ я просилъ, и сдѣлать обѣщано.

¹⁾ Списокъ писанъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ собственноручно.

Предисловіе профессора В. Порошина къ Запискамъ С. А. Порошина,
изданіе 1844 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Videtur ars artium, et scientia
scientiarum hominem regere,
animal tam varium et multi-
plex.

S. Gregor. Nazianz.

Въ государствѣ самодержавномъ, воспитаніе Государя есть первый, коренной законъ. Побужденіе пещись о воспитаніи дѣтей — нѣжная, родительская къ нимъ привязанность и желаніе имъ добра, ихъ природная даровитость, невольно вызывающая на образованіе ихъ, милосердіе къ сиротству, долгъ старшаго поколѣнія напутствовать младшему на путяхъ жизни и проч., всѣ эти побужденія, столь сильныя и святыя сами по себѣ, кажутся почти слабыми въ сравненіи съ обязанностию — образовать Государя.

Правда, всѣ равны въ колыбели, равны и немощью младенчества и удѣломъ младенца въ грядущемъ; грядущее для всѣхъ покрыто неизвѣстностью. Придетъ пора: рожденный въ низкой долѣ вознесется, быть можетъ, выше всѣхъ надъ людьми, будетъ ихъ гениемъ-благодѣтелемъ и царемъ зиждательной мысли; можетъ быть, его вліянію покорятся народы... Но Государю они покорны ужé потому, что онъ Государь ихъ, и въ колыбели ихъ будущій Вѣднелосецъ: вотъ различіе. Рука Провидѣнія поставила его на той высотѣ, куда другіе досягаютъ

иногда лишь рѣдкимъ счастіемъ и от-
мѣнными дарованіями: дарованія и за-
слуги, необходимыя имъ для того, чтобы
возвыситься на чреду сію, необходимы
Государю для того, чтобы пребыть на
ней до конца съ честію и достоинствомъ.
Все должно быть къ тому направлено.
Природа и Искусство должны соединиться,
да содѣлають его здоровымъ, цѣлымъ и
правоправяющимъ. И когда вспомнимъ о
величіи послѣдствій для всего народа,
(какъ знать?) для цѣлаго свѣта, отъ
добрыхъ свойствъ и дѣлъ его, отъ бла-
гихъ обычаевъ и самыхъ его намѣреній;
когда помыслимъ, что власть его нало-
житъ печать свою и на грядущіе вѣки,
объеметъ собою пространства необо-
зримыя, и солнце не зайдетъ въ предѣ-
лахъ его; тогда невольно убѣждаемся въ
необходимости все устроить ко благоу его
и всѣхъ тѣхъ, кто будутъ ему под-
властны; словомъ, воспитать его въ страхѣ
Божіемъ и въ любви къ человѣчеству.

Есть всему свое время: „ловите часъ!“
говоритъ Гораций. Всему свой конецъ и
начало. Когда и какъ зарождается въ
насъ мысль, и страсть, и предубѣжденіе,
мы не знаемъ. Но Аугога Musis amica.
Дѣтство, молодость — явленія неруко-
творенныя въ жизни человѣка, таинствен-
но-благодатныя, невозвратимыя, какъ
армятый мигъ. Начало жизни, — все на-
чинается тогда: несладный лепетъ, утѣ-
хи и слезы знаменуютъ въ насъ будущія
рѣчи наши и дѣла, прообразуютъ въ Го-

сударѣ миръ и войну, законы и учрежденія гражданскія, подъ сѣнію которыхъ упокоятся милліоны людей, прольются на землю благословенія, или кровь и горькія слезы...

„Невниманіе твое, Государь,“ писалъ Боссюэтъ къ Дофину, „нынѣ причиною того, что ты сбиваешься иногда въ словахъ; но если дадимъ усилиться и заматорѣть дурной привычкѣ, то со временемъ, когда будешь властенъ въ дѣлахъ своихъ, ты запутаешь и дѣла. Ты погрѣшаешь нынѣ противъ условныхъ правилъ языка; тогда преступишь законы самаго разума. Нынѣ ошибаешься въ размѣщеніи словъ; въ то время нестройны будутъ всѣ начинанія твои: карать будешь тѣхъ, кого награждать должно, и награждать того, кто достоинъ казни. Словомъ, ни въ чемъ не будетъ тебѣ благодати, ежели съ дѣтства не приобличишь во вниманіи соблюдать умъ свой, управлять неясными его порывами, и въ самомъ себѣ помышлять о томъ, что должно сдѣлать или предпринять ¹⁾“. Такъ важно въ послѣдствіи, для цѣлой жизни, все, что происходитъ въ нѣжномъ возрастѣ! особенно важно въ томъ, чье каждое слово будетъ дѣломъ, а безмолвіе подъ-часъ приговоромъ. Невниманіе — легкій, повидимому, недостатокъ; но въ вождѣ народа можетъ быть виною многихъ золъ и страданій незаслуженныхъ. Равнодушіе къ нуждѣ и немощи нашихъ ближнихъ, невниманіе къ ихъ правамъ, — вотъ что по большей части дѣлаетъ насъ несправедливыми въ отношеніи къ нимъ, суровыми, неблагонадежными, а исполненіе обязанностей нашихъ тягостнымъ и постыжнымъ. О, сколь пагубны будутъ тѣ же свойства въ Государь! когда гласъ совѣсти не позволить ему сказать о себѣ: „Я спасалъ

убогаго отъ руки сильнаго, и помогаль сиротѣ безпомощному. Благословеніе погибшаго телло на меня, и благословеніе вдовицы. Я облачался въ правду, правосудіе было мнѣ одеждою. Слѣпому я былъ очами, и хромымъ опорою. Бѣднымъ — я былъ отцемъ, и винеалъ въ дѣло человека мнѣ незнакомаго“. (Іовъ, XXIX, 12—16).

Такимъ образомъ, нравственное единство лица, отъ колыбели до могилы, не подлежитъ сомнѣнію, и сѣмяна добра и зла, вначалѣ едва замѣтныя, растутъ въ насъ вмѣстѣ съ нами, и приносятъ плодъ въ свое время, когда все, что было слабымъ, безотчетнымъ движеніемъ души, является въ ослабѣемыхъ формахъ вѣщности. Самыя игры дѣтства обличаютъ нравъ, и переходятъ позже въ дѣйствительность. Нужно-ли доказывать это? Вы знаете край, читатель, гдѣ ратныя силы безъ числа изумляютъ свѣтъ не только множествомъ, но и строемъ неподражаемымъ, дѣлами храбрости исторической; неодолимыя твердыни высаты тамъ на широко-раздвинутыхъ концахъ державы; боевые снаряды, въ страшномъ количествѣ, сулятъ гибель дерзновенію; тамъ сильныя флоты пѣнять волны юга и сѣвера: все дышитъ мощію и грозою. Что-жъ, было время, — вы сами знаете, и — недавно когда все это заключалось въ сотнѣ потѣшныхъ, да въ изломанной ладѣ; а еще прежде и того не было: была лишь игривая мечта въ душѣ семилѣтняго отрока.

Если же все сказанное нами справедливо, если таково вліяніе дѣтства на будущее, то здравый смыслъ велитъ, для блага общаго, — быть на стражѣ первыхъ впечатлѣній юваго Государя, управлять ими исподволь, наводить на доброе, и водворять гармонію въ чувствахъ и стремленіяхъ воли, умѣрять бойкость кротостію, вялость бодростію, суетность сознаніемъ высшей цѣли: все это за-благовременно. когда душа, въ усленіи страстей, еще сохраняетъ всю цѣлость свою и восприимчивость, и спасительныя

¹⁾ ... attendere animum, motus ejus vagos atque incompósitos cohibere, rerumque agendarum sedulò tecum ipso inuire rationem. (Serenissimo Delphino).

уроки, какъ сѣмя сѣятеля, падутъ на добрую землю.

Нѣкоторые сомнѣваются въ могуществѣ воспитанія: много страницъ написано о томъ; можетъ-ли воспитаніе сдѣлать насъ лучшими. Фаталисты въ этомъ отношеніи полагають, что все дѣлается само собою. „Нельзя придать уму слабоумному, говорятъ они, а кто родился умень, тотъ и безъ насъ будетъ умень и хорошъ. Въ Спартѣ, слабыхъ и уродливыхъ дѣтей лишали жизни“. Поэтому можно сказать, что тамъ сомнѣвались въ самой природѣ, которая такъ непрерывно, съ помощію времени, исправляетъ самое себя, и слабыхъ дѣлаетъ сильными въ томъ или другомъ отношеніи. Но если одной должно „дать книги въ руки“, все предоставить, — вотъ вопросъ.

Замѣтимъ только, что ни въ какомъ случаѣ природа не является намъ одна, въ неизмѣнномъ своемъ видѣ: гдѣ бы мы ни были, въ самомъ глухомъ селеніи, мы живемъ съ людьми; слѣдовательно, общеніе измѣняетъ насъ по своему, и воспитываетъ, потому что воспитаніе, въ обширномъ смыслѣ слова, есть всякое вліяніе людей на насъ, въ хорошую или худую сторону. Въ этомъ смыслѣ всякой воспитанъ какъ-нибудь; время выростило его, а то, что довелось ему случайно видѣть, слышать, испытать — воспитало: гдѣ-жъ природа? Настоящее воспитаніе есть то же вліяніе, но заботливо очищенное отъ случайности, пропущенное сознаниемъ цѣли, согласное съ идеями и лучшими преданіями человѣчества: оно должно защитить насъ отъ зла, и развить сѣмяна добра. И такъ, не нужно, кажется, доказывать, что сомнѣнія въ необходимости воспитанія падаютъ не столько на самое воспитаніе, сколько на ту или другую систему его, и имѣють цѣлю замѣнять худшую другою, лучшею, а лучшая та, которая наиболѣе согласуется съ откровеніями природы. Въ этомъ смыслѣ, тѣ сомнѣнія благотворны и ведутъ къ двумъ важнымъ заключеніямъ:

1. Искусство не должно выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ ему природою, а должно только примѣняться къ ней, ее исправляя, и развивая ее, а не прививать ей чуждое. Не все должно быть искусственно, и условными отношеніи свѣта, личина знанія, именитости, личина притворныхъ доблестей да исчезнуть предъ великимъ дѣломъ воспитанія. Богъ создалъ человѣка, люди сдѣлали остальное: воспитайте человѣка, все прочее найдется само собою. „Имущему дается“, гласитъ Писаніе.

2. Искусство не всемогуще, и въ предѣлахъ, ему назначенныхъ, не все отъ него зависитъ: оно не можетъ поручиться за вѣрный успѣхъ. Оно имѣеть предъ собою природу, за собою свѣтъ, т. е. тѣ случаи и приключенія, откуда черпается опытъ жизни. Природа, не всегда правая, и лукавый свѣтъ дѣйствуютъ совместно съ воспитаніемъ, но въ разныя стороны. Отсюда трудности неподолжныя: сѣется доброе, выходитъ иное. Притомъ же судьба играетъ замислами людей, и обращаетъ въ ничто наилучше обдуманнаы начинанія. Воспитанникъ Фенелона, свѣтлая надежда Франціи, похищенъ смертію почти въ то самое время, когда ему предстояло явить міру свои доблести, плодъ прекраснаго воспитанія, и можетъ быть снасти отечество отъ страшной тревоги; иногда смерть воспитателя незало прерываетъ начатое; иногда бываетъ и то: когда желанная цѣль достигнута, и воспитаніе окончено, тогда именно обстоятельства, невольное, слишкомъ долгое бездѣйствіе разстраиваютъ гармонію, о которой заботилось воспитаніе; силы души упруго сжимаются, вскипають пылкія страсти, лучшія обѣтованія юности измѣняются. Цесарь Юсифъ II, Государь просвѣщенный и благонамѣренный, былъ несчастливъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, потому что былъ нетерпѣливъ, а нетерпѣвіе его было слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ провель онъ четыре-пятихъ своей жизни:

онъ родился въ 1741, вступилъ на престолъ въ 1780 году. Впрочемъ, если воспитаніе имѣетъ свои тернія, то и розы разцвѣтають иногда на нивахъ его. Понеченія Аристотеля но мало участвовали въ прозваніи Великаго, которымъ Исторія украсила его питомца, охотно признававшаго это съ своей стороны. Другой философъ, Стоикъ по ученію, Панагореецъ въ душѣ, и втайнѣ, какъ кажется, Христіанинъ, Сенека воспитатель— Нерона. Такъ; но Неронъ былъ добродѣтеленъ: пять лѣтъ на престолѣ онъ сіялъ великодушіемъ и вротостію. „Какъ желалъ бы я не умѣть писать!“ сказалъ онъ съ умиленіемъ, подписывая впервые смертный приговоръ. Эти слова и пять лѣтъ добра конечно дѣлають честь тому, кто выучилъ его писать. Изреченіе Платона: „для счастья народовъ надобно, чтобъ Государи были философами или философы Государями“ требуетъ очевидно слишкомъ много; но, по крайней мѣрѣ, воспитатели Государей должны быть въ самомъ дѣлѣ философы.

Показавъ выше, какъ важно для всѣхъ воспитаніе Государя, скажемъ нѣчто и объ особенной его трудности.

Воспитаніе дается намъ высшими, равными и низшими. Въ обращеніи съ ними, почерпая мы тѣ начала нравственности и благоразумія, которыя даютъ особый характеръ каждому изъ насъ. Для дитяти, высшіе—его родители, или тѣ, которые заступаютъ ему мѣсто родителей; равные—сверстники, дѣти однихъ или близкихъ съ нимъ лѣтъ; низшіе, — позволете, кого назовемъ здѣсь низшими? Покуда, одні природныя различія возраста могутъ имѣть значеніе въ отношеніи къ нему, а кто же меньше ребенка? Или вы скажете ему, что слуга его, тотъ старичокъ, который недавно еще водилъ его на помочахъ, — ниже его, его низшій, когда все убѣждаетъ его въ противномъ? Боже васъ сохрани! нѣтъ, вы бросили-бы въ него сами первыя сѣмяна порчи и разлаганія... Однако же правда, что и для него есть, въ царствѣ

жизни и разума, приличная ему область, гдѣ онъ вмѣстѣ и повинуется и господствуетъ, а научаясь тому и другому, образуется. Нужды, съ которыми онъ родился въ свѣтъ, служить съ одной стороны мятникомъ его воли, съ другой звеномъ, связующимъ его съ міромъ вѣншимъ. „Руки, ноги, и глаза: вотъ наши первые учителя Философіи!“ говоритъ Руссо. Скажемъ еще, что нужда есть наставница этихъ учителей. Нужда дѣлаеть зоркимъ, предприимчивымъ, ко всему способнымъ, сообщаетъ намъ много полезныхъ качествъ. Нужды—„наши власти“, по ученію Эпикура; но онѣ должны быть намъ подвластны, однимъ изъ средствъ нашего воспитанія, не только въ дѣтствѣ, но и въ теченіе цѣлой жизни, по правилу: „вѣкъ живи, вѣкъ учись.“ Это средство нравственнаго развитія путемъ практическимъ гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе въ бѣдномъ состояніи, нежели въ богатомъ, а для Государя— оно вовсе не существуетъ, потому что нужда ему не знакома. И отъ того ему легче заслужить себѣ имя великаго, щедраго и могучаго, труднѣе соблюсти мѣру своихъ желаній и взвѣсить иногда трудность ихъ исполненія.

Общеніе съ равными есть также спланный рычагъ образованія, необходимый, важнѣе всѣхъ прочихъ. Совѣты, увѣщанія, наставленія старшихъ принимаются слухомъ, сохраняются памятью, но также легко забываются. Дитя, воспитанное этою пищею, подобно хартин, исписанной мудрыми словесами: оно будетъ умно и благонаравно на-единѣ, безъ усилія, безъ заслуги. Въ обществѣ равныхъ, дитя становится человекомъ. Этотъ маленькій человекъ познаетъ на дѣлѣ всѣ страсти большихъ: чувство симпатіи и антипатіи, любовь и дружбу, зависть и ненависть. Онъ сознаетъ дѣйствія воли своей на волю другихъ, и постигаетъ тайну общезжитія — взаимность. Однимъ словомъ, тамъ кругъ бытія его и познанія расширяется въ безконечность: онъ открываетъ новый міръ, и беретъ его въ свое

владѣніе, научаясь искусству жить въ немъ и съ нимъ уживаться. Всякой легко пойметъ, какъ это искусство ему необходимо, для того чтобы позже дѣйствовать успѣшно на другихъ; но оно не менѣе важно и по возвратному дѣйствию своему на него, для собственного его развитія. Безъ того, скажемъ смѣло, воспитаніе было бы неполно и несовершенно. Діодоръ повѣствуетъ, что царь Египетскій, отецъ великаго Сезостриса, велѣлъ воспитать вмѣстѣ съ сыномъ всѣхъ (до двухъ тысячъ младенцевъ), родившихся въ тотъ самый день, когда онъ родился, желая доставить ему такимъ образомъ вѣрныхъ друзей и товарищей; и въ самомъ дѣлѣ, Сезострисъ, прійдя въ возрастъ, нашелъ себя въ нихъ сподвижниковъ славы, трудовъ и великихъ дѣлъ. Примѣръ единственный, если не мечта Исторіи. Тутъ виденъ Востоку во всей его силѣ: случай, жребій, часъ рожденія назначаетъ друзей Государю и вождей народу; родись часомъ позже,—и ты не другъ: это похоже на сказку. И однакоже, что лучше жребія? Выборъ? Онъ исполненъ мрака и преткновенія: выборъ нѣкоторыхъ изъ среды народа и во главу ему; выборъ дѣтей для такихъ судебъ, дѣтей, въ которыхъ все загадочно, все измѣняется безпрестанно, и не по днямъ, а по часамъ! Страсти участвующихъ довершаютъ затѣвнѣе. Короче сказать, еслибъ не было важныхъ неудобствъ въ подобномъ выборѣ, то не искали бы мы за предѣлами государства единственнаго друга, супруги своему Повелителю. И такъ, онъ не можетъ имѣть себя равныхъ въ своей державѣ; онъ вырастаетъ одиноко, и ежели иногда обращается съ дѣтьми своихъ лѣтъ, то не иначе какъ на правилахъ строгаго этикета. Такъ и быть должно.

Ж. Ж. Руссо крѣпко стоитъ на томъ, что родители—сперва мать, потомъ отецъ, должны воспитывать дѣтей своихъ сами; но предвидитъ возраженія, на которыя, по обычаю своему, отвѣчаетъ вспышкой

негодованія. Дѣло въ томъ, что и въ правду всѣ уклоняются отъ этой обязанности, которая, какъ уставъ природы, для всѣхъ и каждого сохраняетъ свою силу. Тѣ извиняются недосугомъ и разсѣянїемъ свѣтской жизни, другіе частными дѣлами и службою... Но если таковы пренятствія для васъ, милостивые государи, то что же сказать о томъ, кто нареченъ „отцемъ великаго множества“, и весь принадлежитъ государству, болѣе нежели себя ни своему семейству? Здѣсь, по необходимости, мѣсто его, въ нѣкоторомъ отношеніи, долженъ заступить воспитатель, Менторъ.

Высоко призваніе этого лица, рѣдко явленіе его въ урочное время; еще рѣже дается ему пройти свое поприще благополучно! „Благодарю боговъ“, писалъ Филиппъ къ Аристотелю, „за то, что они даровали мнѣ сына; вдвойнѣ благодарю ихъ за то, что онъ родился въ вѣкъ Аристотеля!“ Менторъ есть душа всего; онъ всему даетъ толкъ и направленіе, какъ коричій на кораблѣ. Мы намекнули здѣсь о нѣкоторыхъ трудностяхъ, свойственныхъ воспитанію высокихъ особъ. Есть и преимущества; но надо умѣть и хотѣть ими воспользоваться. Какое обиліе средствъ умственнаго образованія! Сколько пособій! Лучшіе учителя и первые артисты приносятъ дань своего дарованія; мужи государственные, въ частномъ обращеніи съ державнымъ отрокомъ, сообщаютъ ему плоды своей опытности; въ его распоряженіи все, что является лучшаго въ самыхъ дальнихъ краяхъ, все, что могутъ привлечь къ себѣ и высокое его положеніе, и блескъ чести и золота. Что такое Исторія? Книга царствъ, наука царей: въ ней находятъ они свое общество, для нихъ она пишется почти исключительно. А науки политическія, искусство міроуправленія—не ихъ-ли прямая собственность? *Pia disideria* для другихъ, начала здравой политики—железъ Мойсейевъ для Государя. Наконецъ, кромѣ общихъ истинъ, которыми всѣ въ разной мѣрѣ могутъ

пользоваться, какъ много руководство, исключительно посвященныхъ назиданію Государей! Сочиненія этого рода составляютъ, такъ сказать, особую, цѣлую вѣтвь литературы: мы прочли ихъ немалую долю. Особливо богаты ими въ XVI и XVII вѣкѣ Испанія, Италия и отчасти Франція. Съ легкой руки Макиавела, многие покушались давать совѣты благонамѣренные, идеализируя то лице, къ которому они относились. Какую славу приобрѣла, напримѣръ, книга Испанца Сааведры, ¹⁾ не говоря о другихъ, какъ Гевѣра, Маріана и проч. Не менѣе знаменито твореніе французскаго аббата Дюгё, ²⁾ для Принца Савойскаго написанное, и многія другія древнѣйшія, съ типическимъ заглавіемъ: «Institutio Principis», «Principis Christiani Archetypum» и т. д. Замѣчательно, что всѣ они, и всего удачнѣе, изображаютъ тлетворное вліяніе льстецовъ и лесты на Государя. Впрочемъ, читая краснорѣчивыя ихъ страницы, мы находимъ въ нихъ умное правоученіе, которое въ простой основѣ своей есть слѣдующее: „должно поступать такъ-то; не дѣлать того; должно имѣть такіа-то свойства“. Этого не довольно. Умъ можетъ быть убѣжденъ; но воля..... надо чтобъ воля искусилась на самомъ дѣлѣ. Иначе будетъ по пословицѣ: „вижу лучшее, похваляю, — худшему слѣдую“. Всѣ исчисленныя нами здѣсь средства видимо совершенствуютъ, ускоряя умственное развитіе; но развитіе воли, хотя и много отъ того зависитъ, требуетъ еще другихъ пособій.

Надо, чтобъ былъ человекъ, облеченный саномъ и властію воспитателя, возлюбившій питомца своего, какъ самого себя, нераздѣльный съ нимъ мыслію, по-

стигающій ее едва зародится она въ душѣ неопытной, и какъ Ангель-хранитель напутствующій ей, храня чистоту и святость ея стремленій. „Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о тебѣ, сохранить тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. На рукахъ возьмутъ теби, да не когда преткнеши о камень ногу твою“. Нравственность есть самообладаніе: мужаетъ и святитъ воля въ борьбѣ съ собою, въ тѣхъ таинственныхъ встрѣчахъ прихоти съ чувствомъ долга и добра, изъ которыхъ она, свободная воля, выходитъ (если выходитъ) побѣдительницею. Здѣсь островъ Калипсо! здѣсь нуженъ Менторъ! Сильною рукою оныя поддержитъ нетвердаго, или, бѣжа соблазна, ринется съ нимъ въ кипящее море, и спасетъ его. Хотя и младенцу дано „разумѣть добро и лукавое“, но неясное его разумѣніе нуждается въ свѣтѣ разума болѣе просвѣщеннаго. И когда искушаетъ его лукавое, и слабая воля склонится къ злу, и любитъ свое паденіе, тогда воля крѣпкая, власть и заветы Ментора возвратятъ ее на путь истинный. Его вліяніе на питомца дѣйствуетъ благотворно на каждомъ шагу, ежечасно; оныя исправляетъ его недостатки въ самомъ ихъ зачатіи: своерывіе, высокомеріе, склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, равнодушіе къ мукамъ живыхъ существъ, немилосердія сужденія о недостаткахъ ближняго и т. д. исправляетъ невыгоды самаго положенія, котораго измѣнить невозможно. Мы замѣтили выше, что богатый не знаетъ нужды, подстрекающихъ бѣднаго къ дѣятельности и развитію: голодъ и жажда его не мучатъ. Заботливый, любимый наставникъ воскреситъ въ немъ другія, новыя нужды, любовь къ познанію, стремленіе къ совершенству, и духъ его исполнится спасительныхъ тревогъ. Такъ, жажда славы не давала спать Оемистоклу. Нѣтъ у него друзей, нѣтъ общества равныхъ! Наставникъ будетъ другомъ юнаго своего друга; чувство любви и доброжелательства, ихъ связующее, такъ смежно съ дружествомъ!

¹⁾ Don Diego Saavedra y Fajardo: *Empresas politicas que forman la idea de un principe christiano-politico*. Viena 1640. in 4.

²⁾ *Institution d'un Prince ou Traité des qualités, des vertus et des devoirs d'un Souverain*. 5 vol. Leide 1739. 8°.

Неравенство рожденія вознаграждается превосходствомъ лѣтъ и опыта, и безграничною преданностію наставника. Впрочемъ онъ и самъ, по мнѣнію Руссо, долженъ быть молодъ; примолвимъ — и не черствъ душою, какъ въ Писаніи сказано: „умомъ будьте совершенны, но злобою младенствуйте“. Такимъ образомъ ранній возрастъ Государя протечетъ въ прекрасномъ сочетаніи благъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и счастье его будетъ счастьемъ его наставника... Но ближайшій удѣлъ послѣдняго есть трудъ и печаль. Онъ долженъ всего себя посвятить великому дѣлу, примѣнить свои знанія и понятія къ одной, единственной цѣли назначенія, избрѣсти и способы къ легчайшему ихъ воспріятію; словомъ, изготovitъся, и т. с. перевоспитать себя: былъ тому примѣръ, и они достойны подражанія. За всѣмъ тѣмъ, онъ не знаетъ, какой успѣхъ будутъ имѣть всѣ его старанія: предъ собою, вокругъ себя, онъ найдетъ не много содѣйствій; подземныя силы обстоятъ его, будущее отъ него сокрыто, и — исполнивъ долгъ свой, съ желаніемъ всего лучшаго, въ высокомъ недоумѣніи, онъ можетъ только сказать съ Боссуэтомъ: „мы садимъ и поливаемъ, — да возраститъ Господь!...“

Можетъ быть, спросятъ: къ чему здѣсь эти разсужденія, слишкомъ общія, какъ говорится — отвлеченныя, для многихъ не понятны? Намъ казалось, что нѣкоторые черты нашихъ идеаловъ, свѣтлый взглядъ, прямодушіе, усердіе къ общему благу и др. найдутся въ авторѣ этихъ Записокъ. Сообщи́мъ читателямъ нѣсколько извѣстій о немъ самомъ.

Семень Андреевичъ Порошинъ, изъ московскихъ дворянъ, родился 28 Января 1741 года, въ городѣ Кунгурѣ, гдѣ отецъ его, генераль-поручикъ Андрей Ивановичъ Порошинъ, былъ въ то время начальникомъ горныхъ заводовъ, (а послѣ, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, съ 1753 до 1769 года, Главнымъ Начальникомъ и преобразователемъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ.) Семень Андреевичъ по-

лучилъ воспитаніе въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ развились природныя его способности, и умъ его обогатился многосторонними свѣденіями, которыя видны и въ его Запискахъ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, очень много читалъ, былъ свѣдущъ въ Исторіи древней и современной, и особенно въ Математикѣ и въ Военномъ Искусствѣ. Еще будучи ученикомъ, онъ занимался успѣшно литературою: нѣкоторые труды его напечатаны въ издававшемся тогда журналѣ „Ежемѣсячныя Сочиненія“. По выходѣ своемъ изъ Корпуса, былъ онъ короткое время флигель-адъютантомъ при Государѣ Петрѣ III. Личныя достоинства и познанія открыли ему путь къ воспитанію Наслѣдника Россійскаго Престола, Цесаревича Великаго Кнзя Павла Петровича. Съ 1762 года 2-го Іюня, онъ былъ Кавалеромъ при Его Высочествѣ, т. е. находился при немъ безотлучно, училъ его Математикѣ, и во всѣдневномъ обращеніи съ нимъ, старался внушить ему благоправіе и любовь къ отечеству. Записывая для памяти, каждый вечеръ, все, что происходило днемъ у Великаго Кнзя, онъ намѣренъ былъ, съ помощію этого журнала, написать современемъ полную и связную исторію своего Государя. Жертва вечерняя, это бѣглая замѣтка о томъ, что по маловажности своей налегче ускользаетъ отъ памяти: иное важнѣйшее могло быть ей поручено, безъ опасенія, или брошено здѣсь на бумагу, для себя, легкимъ намѣкомъ. Будучи самъ еще очень молодъ (23-хъ лѣтъ отроду), когда началъ вести свои Записки, онъ продолжалъ ихъ, покада могъ, съ рѣдкимъ тѣпаніемъ, постоянствомъ и любовью. Въ одномъ мѣсѣ ихъ онъ говоритъ: „признаюсь, если бы я Государя Цесаревича столь сильно не любилъ, то не знаю могъ-ли бы продолжать ихъ такъ безпрерывно“. И въ самомъ дѣлѣ, вездѣ, въ его Запискахъ, Государь есть постоянно главный предметъ вниманія; о немъ подробно, о другихъ говорится только по отношенію ихъ къ нему: односторон-

ность произвольная и суду не повинная, потому что источникъ ея есть—любовь. И взаимно, его наградою была искренняя привязанность и расположеніе къ нему Великаго Князя....

Въ 1768-мъ году, Порошинъ сдѣланъ командиромъ Старо-Оскольскаго пѣхотнаго полка. Въ 1769-мъ, на походѣ въ Турцію, онъ заболѣлъ, и умеръ на двадцатьдевятимъ году своей жизни. Печаль о томъ, что болѣзнь постигла его такъ не-встати и другія обстоятельства ускорили его кончину. Выписываемъ здѣсь извѣстіе о послѣднихъ его минутахъ изъ письма брата его Ивана Андреевича, бывшаго съ нимъ вмѣстѣ въ томъ-же полку, въ отцу, въ Петербургъ: «Нечаянная и совсѣмъ не опасная болѣзнь брата Семена Андреевича, начавшаяся въ мѣстечкѣ Вискѣ, разстояніемъ отъ крѣпости Св. Елисаветы въ 30 верстахъ, съ 8-го числа августа, весьма была сносна; но начавшійся слухъ въ исходѣ августа мѣсяца, про графа Петра Ивановича Панина, что онъ ѣдетъ во вторую армію главнымъ предводителемъ, также и отсутствіе изъ здѣшней арміи графа Петра Александровича Румянцова, сдѣлали великія размышленія въ его разумѣ; и такъ, безпокоясь сими мыслями, пришелъ онъ въ превеликую слабость, и даже до того, что какъ графъ Петръ Александровичъ, любя его, пріѣхалъ къ нему передъ отъѣздомъ прощатца, то онъ былъ тогда почти безъ памяти, и послѣ, какъ графъ отъ него уѣхалъ, то спрашивалъ онъ у меня, что графъ съ нимъ говорилъ. И такъ, послѣ того, часъ отъ часу начала болѣзнь умножатца; наконецъ ни докторъ, ни лекарь не могли болѣе помочь; и такъ возею Божією братецъ С. А. скончался 1-го числа (Сентября), по полудни въ четыре часа и пять минутъ. Передъ кончиною покойнаго брата, армія пошла изъ означеннаго мѣстечка далѣе въ походъ (къ Бендерамъ).

Прахъ его покоится въ Елисаветградской крѣпости.... Остались Записки. Доселѣ онѣ хранились у насъ, какъ дра-

гоцѣнность семейная. Издавая ихъ нмѣ въ свѣтъ, съ подлинной рукописи, безъ перемѣнъ, поручаемъ благосклонному вниманію читателей. Портретъ автора, къ счастью, также цѣлъ; на оборотѣ его значится: „портретъ пановника Семена Андреевича Порошина, писанъ въ С.-Петербургѣ, присланъ къ родителямъ его при письмѣ отъ 30 Апрѣля 1764 года; полученъ въ Барнаульскомъ заводѣ тогожъ года Августа 6-го дня». Съ него сдѣлана прилагаемая здѣсь гравюра. Въ концѣ, приложень еще автографъ десятилѣтняго Цесаревича и два письма Отца Платона, въ вѣрномъ спискѣ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ Записокъ сдѣланы легкія замѣчанія. В. Порошинъ.

Изданіе Записокъ Семена Порошина в 1844 г. цензурировано 28 апрѣля 1842 г. цензоромъ С. Куторкою. Напечатано въ С.-Петербурѣ въ типографіи Карла Крайя, съ приложениемъ гравированнаго портрета Семена Порошина.

при всей значности стиха, сбивают на подсвильные пуллеты; басни—просто плохи, а эпиграммы (въ особенности на Булавина) доходят до прозаической и неприличной браши. Спешимъ замѣтить, что крайность и теплога чувства въ микромальхъ стихотвореніяхъ выкупаютъ неостатки брашиства изъ нихъ. Врбсаютъ въ глаза ихъ особенность таланта помянутого писателя, что его стихотворенія староскихъ и преданныхъ гдѣ несравненно лучше написанныхъ въ молодости и въ годахъ зрѣлости, а стихотворенія «предертма» 1820 года (напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ) могутъ быть названы, въ всей совокупности—лебедными пѣнями; его чудный, свѣтлый закатъ послѣднихъ пережитыхъ годовъ неостатки. Если стихотворенія помянутого были подготовлены къ печати изъ замятъ—въ томъ была его вина; но если собраніе произведеній, вошедшее въ составъ III и IV томовъ, редактировалось или другимъ, то мы должны бы себя замѣтить изъ некоторыхъ недостатковъ, совершенно безпользны. Такъ тридцать, или тридцать басен и эпиграммъ статьи дважми, подъ разными годами, цѣло зачѣмъ. Таловымъ изъ басенъ, стухъ и овчѣ. Красицаго (Томъ III стр. 265 и 404); басни «Оселъ и быкъ», и стихи «къ Овчанинѣ» ничто иное, какъ переправы одной и той-же идеи (стр. 163, 171, 300 и 309). Эпиграммы въ первомъ изданіи напечатаны въ 1821 г. стр. 249 и 1823 г. стр. 204; «б. неосвоенный плодъ прокладываетъ» томъ (1821 г. стр. 217 и IV—183 г. стр. 72); томъ замѣтна: «Др. м. Архивъ» и т. д. Авторъ въ первомъ изданіи и то же стихотвореніе въ томъ, проза, но зачѣмъ-же его въ томъ разѣ и переиздавать? «Сравненіе Петербурга съ Москвою» (томъ III стр. 288) состоитъ изъ заглавія и замѣтки въ томъ, что «это стихотвореніе въ томъ изданіи не сохранилось». Зачѣмъ въ томъ изданіи и то же стихотвореніе «Видерма» (томъ III стр. 445 — подъ г.), начинающееся словами: Мой умъ—(а часть было, какъ значитъ въ вы-

носѣ, напечатано въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. стр. 122, а мы прибавимъ—что то же стихотвореніе напечатано въ изданіи «Репертуаръ и Пантеонъ» на 1843 годъ подъ именемъ «А. И. Писарева»—кому же оно принадлежитъ? Во великомъ случаѣ любители отечественной словесности скажутъ сердечное спасибо за собраніе сочиненій кн. Вяземскаго въ превосходномъ и по цѣнѣ вполне доступномъ изданіи.

Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи. Русь до Татарскаго нашествія. Выпускъ первый. Составилъ К. Елпатьяевскій. Спб. 1881. III—106 въ 8 д. л. Цѣна 50 коп. сер.

Полезное пособіе учащихся, изложенное просто и занимательно. Сборникъ г. Елпатьяевского будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ, по периодамъ отечественной исторіи. Материалами для составленія перваго выпуска автору служили труды нашихъ новѣйшихъ историковъ, а также, разумеется, и письменные памятники до-татарской эпохи. Первый выпускъ состоитъ изъ 12 отдѣловъ, обозрѣвающихъ начало бытія древней Руси, постепенное развитіе гражданственности, письменности, религіи и культуры. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ указываетъ на источники по русской исторіи—отъ Нестора-лѣтописца до послѣдняго историческаго изданія. Отдавая должную справедливость ясности и скротости изложенія, мы находимъ только не совсѣмъ умѣтливо цитату изъ Бориса Годунова (сцена Пимена и Лжедмитрія), изложенную въ формѣ прозаическаго діалога. Характеристика русскихъ лѣтописцевъ является сама собою изъ ихъ произведеній. Книга г. Елпатьяевского знакомитъ читателя съ жизнью и религіею славянъ-язичниковъ, съ начатками гражданственности, грамотности, народнымъ бытомъ и т. д. «Русская Правда» и «Слово о полку Игоревѣ» въ переводахъ на современный языкъ, поученія пастырей русской церкви—все это изложено вполне занимательно и толково. Желательно, чтобы книга эта поступила въ учебныя бібліотеки.

К. П.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ — въ отдѣльномъ конторѣ, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Бульварѣ у моста, домъ Фирсанова.

Гг. Нижегородцы обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Волкову Пятую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія. — II. Историческія и географическія статьи, обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныя, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусства и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія выдающихся русскихъ писателей и артистовъ, изъ переписка, автобиографіи, дневники. — V. Библиографическіе отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы, преданія и легенды. — VII. Характерныя, челобитныя, домашніе дневники, переписка, документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго вѣка. — VIII. Народная русская словесность. — IX. Родословныя.

Можно получить въ конторахъ редакціи следующие изданія:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами дѣятелей.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами дѣятелей.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами дѣятелей.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами дѣятелей.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами дѣятелей.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ портретами дѣятелей.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портретами дѣятелей.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый. **ДЕКАБРЬ.** 1881 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

I. О поддѣлкѣ на «Русскую Старину» 1882 г. (тринадцатый годъ изданія).	I
II. Пережитое и пережитываемое. Воспоминанія декабриста А. П. Вѣлеса. [Окончаніе]. Главы XII—XIII: сѣдѣніе и пребываніе въ Кавказѣ, 1844—1845 гг.	679
III. Война Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг.: переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ, 1829 г. іюль	705
IV. Баронъ Федоръ Клементьевичъ Гейсмаръ. 1763—1848 гг. Биографическія очерки. Состав. баронъ В. Гейсмаръ	721
V. Записки Несчастнаго, содержащія путешествіе въ Сибирь по камату въ 1826—1827 гг.	768
VI. Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій, 1805—1866 гг. Очеркъ его ученой дѣятельности. Состав. свящ. Ѳ. Хорошумовъ. [Окончаніе].	805
VII. Между строками одного формулярнаго списка, 1823—1881 гг.	817
VIII. Императоры Александръ I, Николай I и Александръ II. Историческіе матеріалы, къ нимъ и къ эпохамъ относящіеся, 1822—1855 гг.	881
IX. Замѣтки и очерки: 1. Посольство Порташина въ Берлинъ въ 1654 г. Сообщ. баронъ Б. Кёне (910). 2. Горе и нужды Россіи въ началѣ царствованія Александра I. Письмо современника въ 1807 г. Сообщ. въ 1880 г. Ѳ. Б. Олочиникъ. (906). 3. Цесаревичъ Константины Павловичъ въ декабрѣ 1825 г. (918). 4. Измантъ Срезневскій; письма его къ племяннику (916). 5. Л. А. Сѣряковъ (920).	
X. «Русская Старина» 1881 г. Обзоръ двѣнадцати книгъ	921
XI. Списокъ лицъ, сообщившихъ статьи и матеріалы «Русской Старинѣ», 1870—1881 гг.	937
XII. Статистическая вѣдомость подписчиковъ на «Русскую Старину» 1881 г.	943
XIII. Библиографическія листки русско-историческіхъ книгъ [на оборотѣ].	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки воспитателя великаго князя Петра Петровича, Сечена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. Привлеченія въ Записки [стр. 597—630]. — II. Указатель личнымъ именъ въ XXXII томѣ «Русской Старины» за 1881 г. — III. Портретъ Федора Клементьевича Гейсмара. Гравировалъ художникъ Н. И. Натановъ, ученикъ Академіи Свѣтъ. (Продолженіе Записокъ о дѣятельности. соч. Д. И. Родина. *Славное будущее Россіи* въ «Русской Старинѣ» 1880 г. № 2 г.).

Вышелъ въ свѣтъ альбомъ «Русскія дѣтства» въ гравюрахъ Академіи Свѣтъ. № 11. Цена 3 р. 75 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬ С. С. ВАРШАВСКА

П. О. Бобровский. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России. Историческое исследование. Периодъ преобразований Петра Великаго. Спб. 1881 г. VII+166+XII, въ 8 д. л. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Состояніе военного права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ XVI, XVII и начало XVIII вѣка. Спб. 1881 г. IV+III+464 стр. въ 8 д. л. Цѣна 2 руб.

Въ первой книгѣ авторъ вкратцѣ излагаетъ постепенное развитіе Аудиторской школы со времени ея основанія въ 1711 году по наше время, т. е. до основанія въ 1878 году «Военно-юридической академіи». Затѣмъ г. Бобровскийъ приступаетъ къ подробному обзорѣ періода преобразованій по военно-судной части въ царствованіе Петра Великаго. Прослѣдивъ ихъ шагъ за шагомъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что военный и морской уставы Преобразователя остаются лучшимъ памятникомъ неуспѣшной его заботливости по организаціи вооруженныхъ силъ. Петръ завѣщаль своимъ преемникамъ благоустроенную армію въ 210 тысячъ человекъ и флотъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 787 разной величины меньшихъ судовъ. Лучшія силы государства были направлены для службъ военной и не было ни одного военно-организационнаго вопроса, надъ которымъ не поработалъ бы самъ государь. Сравнивъ усовершенствованія военно-юридической части, гражданская администрація, не смотря на учрежденіе коллегій, во многихъ своихъ частяхъ еще сохранила черты старины, правитель, безъ сомнения, не могъ не обратить вниманія на то, что въ то время, когда онъ занимался устройствомъ военной организации, въ то же время въ гражданскихъ учрежденіяхъ происходила и такъ называемая «реформа» въ строительствѣ, въ промышленности, въ земледѣльчествѣ, въ торговлѣ, въ финансахъ, въ арміи и во флотѣ. Поэтому въ первоначальномъ сочиненіи, по мысли автора, быть должно было не только изложеніе, но и объясненіе духа времени, сдѣлавшаго войско-юридическую часть, такъ какъ должность аудитора въ то время была военно-юридическою институту и онъ долженъ былъ не только наблюдать за исполненіемъ, но и

стижимо явше требованій этихъ должностей. Такъ было до 2-го ноября 1862 года, когда послѣдовали коренныя преобразованія въ военномъ и морскомъ судостроительствѣ и судопроизводствѣ.

По специальности предмета, трудъ г. Бобровскаго конечно не принадлежитъ къ разряду общедоступныхъ историческихъ сочиненій, но, во всякомъ случаѣ, онъ — равно какъ и «Состояніе военного права» того же автора, принадлежитъ къ числу книгъ настоящихъ, для каждаго, основательно изучающаго военное правовѣдѣніе.

«Состояніе военного права» имѣетъ тѣсную связь съ предыдущемою книгою, такъ какъ это второе изслѣдованіе г. Бобровскаго знакомитъ съ законоположеніями Западной Европы, изъ которыхъ Петръ Великій заимствовалъ основы для русскаго военного суда. Предисловіе своему изслѣдованію общій историческій обзоръ учрежденія и состоянія постоянныхъ войскъ въ Европѣ, авторъ расматриваетъ военные суды и регламентаціи — Австріи, Швеціи, Франціи, Бранденбургско-Пруссіи, Дании, Саксоніи и Голландіи. Приложенная къ изслѣдованію схематическая таблица знакомитъ съ главнѣйшими типами военного права въ Западной Европѣ.

Ю. Я. Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Изданіе второе. Спб. 1881. XVI+166+102 стр. въ 8 д. л. Цѣна 1 р. 50 коп.

Первое изданіе этой книги, вышедшей въ свѣтъ въ 1877 году, обратило на себя вполне заслуженное вниманіе публики, какъ по прямому своему отношенію къ статистикѣ Россіи, такъ и по важности значенія матеріала для исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Матеріальное значеніе незабвеннаго государственнаго акта выражено на первыхъ же страницахъ труда г. Янсона весьма краснорѣчивыми цифрами: 52 милліона бывшихъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ сдѣлались земледѣльцами-собственниками. Великій переворотъ, произведенный реформою 19-го февраля 1861 года по его отношенію къ земледѣльцамъ 50 губерній, выражается слѣдующими данными процентнаго содержанія: До 1861 г. владѣнія казны: 64,6%, удѣльными 3,3%, помещичьи: 30,6%, мелкихъ собственниковъ 1,7%. Послѣ освобожденія: вла-

О ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ НА

„РУССКУЮ СТАРИНУ“

изд. 1882 г.

тринадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1882 г., тринадцатый годъ изданія, будетъ выходить, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ четыре тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати ¹⁾.

При книгахъ «Русской Старины» изданія 1882 года будутъ прилагаться портреты русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изд. 1882 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургъ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Большая Садовая, рядомъ съ Публичной бібліотекой, д. Вагнера, № 12); въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

(См. на оборотѣ).

¹⁾ При началѣ изданія—съ 1 янв. 1870 г.—редакція обязывалась ежемѣсячными книжки „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ издавать въ объемѣ каждую не менѣе восьми печатныхъ листовъ; съ 1874-го года—не менѣе одиннадцати листовъ; а съ 1882 года каждая книга „Русской Старины“ будетъ обязательно заключать въ себѣ не менѣе четырнадцати печатныхъ листовъ.

НАПЕЧАТАНЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академикомъ Л. А. СЪРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ граверовъ, покойнымъ Л. А. Сѣряковымъ—для изданія „РУССКАЯ СТАРИНА“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновили на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября, октября и ноябрю мѣсяцевъ 1881 года, получаютъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сѣрякова“ за одинъ рубль.

*Можно еще получить «Русскую Старину» изданіе 1881 года. Дѣнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, М. И. Голенищева-Кутузова (1775 г.), Хаджи-Мурата, барона Гейсмара, архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравера-академика Л. А. Сѣрякова, профессора Н. И. Пирогова, профессора Д. И. Ростиславова и историка-профессора С. М. Соловьева, цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.*

РУССКАЯ РОДОСЛОВНАЯ КНИГА

два тома, изд. ред. «Рус. Стар.».

Подписчики «Русской Старины», возобновившіе подписку на этотъ журналъ, могутъ получить «Русскую Родословную книгу»—два тома—вмѣсто пяти рублей за одинъ рубль.

БАРОНЪ ФЕДОРЪ КЛЕМЕНТЬЕВИЧЪ ГЕЙСМАРЪ.

род. 1783 † 1848 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», изд. 1882 г.

ДОСВОБНО ЦЕВЪГРОУ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 3 АВГУСТА 1881 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАРОТОВЪКІИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУ-

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ.

съ 1803 года.

(Окончаніе).

Глава XXII ¹⁾.

Науръ.

Въ станицѣ Наурѣ мы проводили все время, свободное отъ экспедицій. Здѣсь же я захватилъ лихорадку, которая съ перемежками продолжалась цѣлый годъ. Науръ есть для насъ мѣсто самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Тутъ мы сошлись съ нѣсколькими семействами, которыхъ доброта, радушіе и искренняя пріязнь къ намъ составляли нашу истинную отраду. Одно семейство, постоянно тутъ жившее, состояло изъ вдовы прежняго полковаго командира Настасьи Ивановны Найденовой съ дочерьми, изъ коихъ старшая была вдовой, а младшая замужемъ за маіоромъ или войсковымъ старшиной Алексѣемъ Петровичемъ Баскаковымъ. Елизавета Ивановна, жена его, была очень молодая, очень хорошенъкая, умненъкая и образованная дамочка; всегда веселая, милая она оживляла своимъ умомъ и пріятностью тѣсный кружокъ, у нихъ бывавшихъ, постоянныхъ жителей Наура. Не смотря на свой милый, веселый характеръ, она была страдалица по боевому положенію ея мужа, постоянно отправлявшагося въ экспедиціи съ казаками и часто весьма опасная. «Какая это жизнь, говорила она, когда любящая жена должна каждый день ожн-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—661; (декабрь), стр. 823—850. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 487—518; (апрѣль), стр. 799—833; томъ XXXI (іюль), стр. 327—370; томъ XXXII (сентябрь), стр. 1—46; (октябрь), стр. 251—286.

дать роковой вѣсти о мужѣ». Тогда еще не было свободнаго перехода изъ казачьяго сословія и потому никуда нельзя было перейти. Помню, какъ однажды во время горячаго дѣла подъ Внесапной, куда подступилъ Шамиль и куда былъ собранъ налегкѣ отрядъ, гдѣ былъ Алексѣй Петровичъ, ея мужъ, мы пошли съ нею и другими знакомыми гулять и, вышедши за станицу, вдругъ увидѣли повозки съ ранеными, направляющимися въ госпиталь. Помню какъ она поблѣднѣла и запаталась и тогда только успокоилась, когда мы расспросивши раненыхъ, могли передать ей, что мужъ ея живъ, здоровъ и скоро возвратится; когда же не было опасности, она считала себя совершенно счастливой и предавалась всей веселости своего милаго характера.

Старшая сестра ея была уже пожилая дама, очень умная и пріятная, но при своей милой, оживленной сестрѣ, конечно, не выдавалась. Старушка мать ея, какъ всѣ старики и старушки, жила воспоминаніями о минувшемъ. Почти каждый вечеръ собиралось наше маленькое общество или у нихъ, или у Венеровскихъ. У Найденовыхъ часто бывалъ полковой командиръ этого полка, у котораго по временамъ живалъ графъ Штейнбокъ, товарищъ его по Оранскому гусарскому полку, также бывавшій у нихъ; Дм. Петр. Фредриксъ и другіе. Часто бывалъ разговоръ очень оживленный и интересный, но вотъ подсаживается ко мнѣ старушка-мать и не обращая вниманія на то, что въ разговорѣ участвовалъ и я, начинаетъ рассказъ объ Анастѣ, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ былъ ея мужъ, о танцахъ и веселостяхъ того времени, о томъ, какъ блистала на балахъ ея Сашинька, тогда еще молодая дѣвушка, при чемъ она прибавляла: «она вѣдь тогда была очень хороша: бѣлая, полная, румяная и какъ она носилась въ вальсѣ, и какъ всѣ военные, тамъ стоявшіе, перебивали ее другъ у друга». Такимъ образомъ слухъ мой долженъ былъ двоиться: изъ вѣжливости слушаю ее, а въ разговорѣ участвовать отрывочными фразами.

Что за гостепримная и милая была эта семья Найденовыхъ! Съ какимъ пріятнымъ чувствомъ бывало идешь къ нимъ, а вечеромъ уходишь отъ нихъ всегда провожаемый сердечнымъ и привѣтливымъ «до свиданія», и это ежедневно.

Это семейство было счастливое семейство. Потомъ и оно было поражено горемъ. Другое тутъ жившее было семейство Венеровскихъ, состоявшее изъ Олимпиады Иван., молодой прелестной вдовы, только что убитаго въ экспедиціи, кавказскаго героя, командира сосѣдняго Гребенскаго полка, изъ 70-лѣтней старушки, матери его, Татьяны Афанасьевны и сестры его Вѣры Антоновны. Это было несчастное

семейство и ихъ несчастіе-то и сблизило насъ съ нимъ. Мужъ Олимы Иванъ, Левъ Антоновичъ, былъ изъ числа тѣхъ кавказскихъ героевъ и наѣдниковъ, которыхъ ничто не могло удержать, если гдѣ предстояла опасность: ни ласки, ни просьбы, ни слезы прелестной жены. Эта отвага доходила у него до безразсудства. При первомъ ударѣ набатнаго колокола, возвѣщавшемъ о появленіи непріятеля, онъ уже былъ на конѣ, всегда осѣдланномъ и готовомъ, и не дожидаясь конвойя, ни очередныхъ сотенъ, скакавшихъ за нимъ, онъ одинъ бросался въ ту сторону, гдѣ появлялся непріятель. Въ одной изъ такихъ экспедицій онъ и былъ убитъ. Ударъ для семьи былъ дѣйствительно ужасенъ. Когда получено было роковое извѣстіе, молодая вдова его упала въ обморокъ и такой обморокъ, что лежала безъ признаковъ жизни болѣе полусутокъ, такъ что думали не послѣдуетъ ли и она за нимъ. Сестра его въ своей скорби была даже страшна; она стояла какъ истуканъ при его гробѣ, съ неподвижно устремленными на покойнаго глазами, не шевеля ни однимъ членомъ, не проицая ни одного слова, въ гробовомъ молчаніи. Подобная страшная скорбь была вторая, какую мнѣ случилось видѣть во всю мою жизнь. Первая подобная скорбь безъ слезъ, безъ движенія, подобіе живой статуи, была скорбь Никиты Михайловича Муравьева (декабриста) при смерти его жены, въ Читинскомъ заключеніи, Александры Григорьевны, рожденной графини Чернышевой, умершей родами.

Старушка мать убитаго, по прежнему, обычному въ старину, изъявленію скорби, вопила, призывая къ жизни любимое дѣтище; стонъ ея проникалъ въ сердце и не было возможности удержать слезъ при видѣ этой страшной скорби.

Такъ какъ Венеровскаго похоронили въ Наурѣ, (Червленая станція, штабъ-квартира полка, которымъ онъ командовалъ, была раскольничья), то и семейство переѣхало въ Науръ. Наше сердечное участіе въ ихъ несчастіи, религиозныя утѣшенія, постоянное посѣщеніе, чтеніе духовныхъ книгъ, духовныя бесѣды, располагавшія душу къ самоотверженной покорности всесвѣтой и всегда благой волѣ Божіей, такъ связали насъ съ ними, такою святой дружбой, что мы уже были для нихъ какъ самые близкіе и самые любимые родные. Этотъ везапный ударъ тѣмъ ужаснѣе былъ для Олимпиады Ивановны, что она страстно любила своего мужа. Самый союзъ ихъ былъ романтическій. Она еще молодой дѣвочкой любила его; онъ былъ у нихъ въ домѣ какъ свой, когда служилъ приставомъ Закубанскихъ мирныхъ черкесовъ, а отецъ ея командовалъ полкомъ на Кубани. Левъ Ивановичъ былъ храбръ до безумія, твердъ, справедливъ, искренно любилъ своихъ горцевъ и дѣлалъ имъ много добра. Такіе люди для

азіатцевъ драгоцѣнны и привязанность ихъ къ нему была безгранична. Родители Олимпіады Ивановны просватали ее, по казачьему обычаю, не спросивъ ея согласія, одному высокопоставленному лицу въ кавкаской гражданской іерархіи, но дочь ихъ не могла даже видѣть своего суженаго равнодушно. Не знаю, чей былъ починъ въ рѣшимости бѣгства, такъ какъ день свадьбы съ ненавистнымъ человекомъ приближался, только въ одну изъ прекрасныхъ тихихъ кавкаскихъ ночей стройный всадникъ, на лихомъ конѣ, подъѣхалъ къ калиткѣ сада; робкая, но уже рѣшившаяся юная нарѣченная невѣста проскользнула въ калитку, могучей рукой поднята въ сѣдло и конь, которому въ быстротѣ не было подобныхъ въ этой мѣстности, умчалъ всадника и его драгоцѣнную ношу за нѣсколько десятковъ верстъ къ берегу Кубани; переѣхалъ рѣку, а тутъ уже стояла арба, запряженная буйволами, убранная коврами по душистой травѣ, куда и посадили невѣсту. Похититель зналъ, что это сокровище не будетъ ему уступлено безъ борьбы и потому не повезъ ее въ ближайшую церковь, а повезъ объѣздомъ въ дальнюю, азіатскимъ берегомъ Кубани, гдѣ уже все было готово. Сотня лихихъ и преданнѣйшихъ ему черкесовъ конвоировали влюбленную чету и на далекое разстояніе ихъ разъѣзды слѣдили за погоней.

Съ наступленіемъ утра горничная въ испугѣ извѣстила родителей объ исчезновеніи барышни, посланная постель которой не была даже помята. Сейчас же были собраны сотни казаковъ, въ карьеръ пустившихся по всѣмъ дорогамъ на розыски; объѣхали всѣ сосѣднія церкви, но, не найдя ничего, возвратились обратно. Отецъ можетъ быть и не хотѣлъ выдавать дочь противъ воли, но какъ мать, кажется, была главой мужа и къ тому же женщина гордая и честолюбивая, то этотъ побѣгъ ее крайне раздражилъ, и, не помню хорошенько, но чуть ли она ни прокліяла дочь, знаю только то, что смерть мужа своего эта кроткая и смиренная дочь приписывала этому проклятію. Молодые послѣ вѣнца просили, какъ водится, прощенія и благословенія, но имъ было въ этомъ отказано и ужъ много времени прошло, когда мать примирилась съ дочерью. У Венеровскихъ были два сына и одна дочь; старшему было, при смерти отца, восемь лѣтъ, дочери пять и послѣдному сыну Николинскѣ три года. Всѣ дѣти были прелестны, но какъ бы къ довершенію ея несчастія, двое меньшихъ умерли въ одну недѣлю отъ страшнаго крупа. Бѣдная мать была безутѣшна, но какъ истинная христіанка безропотно приняла и покорилась волѣ всемогущаго и всеблагаго Промысла.

Образъ этихъ милыхъ дѣтей долго не выходилъ изъ моихъ мыслей: мнѣ въ моей жизни еще не случалось быть свидѣтелемъ кон-

чии дѣтей, этихъ улетавшихъ ангеловъ, которыхъ очень любилъ, какъ ихъ мать и все ихъ семейство. Домъ ихъ для меня былъ однимъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ приютовъ, какіе не часто достаются земнымъ странникамъ. Я впрочемъ былъ такъ счастливъ въ моей жизни, или, вѣрнѣе сказать, такъ велика и безмѣрна была милость Божія на мнѣ, что мнѣ не разъ и не два въ моей жизни случалось, отъ юности и до старости, встрѣчать и восхищаться повстинѣ идеальными по добродѣтели, симпатичности и чудной добротѣ людьми, такъ что изъ всей моей жизни я вынесъ твердое убѣжденіе, что еще много, много людей у Бога, не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ, богомъ этого міра, а пребывающихъ вѣрными своему Творцу и Спасителю.

Во все свободное время я занимался ученіемъ сына Олимпиады Ивановны, Вани, и продолжалъ во все время нашего тамъ пребыванія. Потомъ они переѣхали на свою землю за Екатериноградомъ на р. Курѣ, гдѣ мы навѣщали ихъ иногда съ братомъ и полковникомъ Аминовымъ, а я по временамъ оставался у нихъ гостить. Тутъ скончалась и старушка мать Венеровскаго, надъ которой, за немѣнѣиѣмъ другихъ, я самъ читалъ исалтырь. Когда она прощалась съ семьей и со мной, то никогда не забуду ея послѣдняго слова любви и благодарности за мою любовь къ ней и ея семьѣ. Затѣмъ мы уже навсегда расстались съ ними и знаю только, что Олимп. Иван. скоро скончалась.

Много лѣтъ спустя, когда я жилъ въ Балашевскомъ уѣздѣ, ученикъ мой, казачій офицеръ Иванъ Львовичъ Венеровскій, проѣздомъ былъ въ Саратовѣ у брата, въ надеждѣ видѣть меня, но я въ это время былъ въ имѣніи и мнѣ очень жаль было, что я его не видѣлъ.

Въ Наурѣ же мы сошлись и подружались съ Густавъ Густавовичемъ Аминовымъ, полковымъ командиромъ Моздокскаго линейн. полка. Онъ былъ тогда холостымъ человѣкомъ, жилъ въ огромномъ полковомъ и очень старомъ домѣ, занимая половину его, состоящую изъ большой залы безъ мебели, гостиной или диванной съ однимъ около стѣны турецкимъ диваномъ: туда еще не проникала тогда мягкая мебель; третья комната была столовая, гдѣ обѣдали, пили чай и ужинали. Затѣмъ былъ буфетъ и за нимъ его спальня. Густавъ Густавовичъ былъ высокій, стройный, тонкій или скорѣе худощавый человѣкъ съ правильными чертами красиваго лица, большими усами и добрыми голубыми глазами. Онъ происходилъ отъ тѣхъ Аминовыхъ, которые отъ свирѣпости Іоанна Грознаго переселились въ Швецію, почему и въ лицѣ его былъ видѣнъ типъ шведа. Благороднѣйшій, честнѣйшій, правдивый человѣкъ, онъ при всей его иногда проявля-

шейся пылкости, былъ чрезвычайно флегматиченъ, ходилъ мѣрною и важною поступью, никогда не торопился и все дѣлалъ обдуманно.

Всѣ пріѣзжавшіе изъ Петербурга, прикомандированные къ различнымъ отрядамъ кавказскихъ войскъ, бывали у него. У него же мы познакомились со многими, въ томъ числѣ съ Беклемишевымъ, отецъ котораго служилъ однимъ изъ штабмейстеровъ подъ начальствомъ князя Долгорукова; тутъ мы возобновили знакомство съ флигель-адъютантомъ Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ, котораго знали еще въ дѣтствѣ; тутъ встрѣтились съ адмираломъ Путятинымъ, потомъ графомъ, который былъ въ одномъ выпускѣ съ моимъ братомъ и сидѣлъ съ нимъ на одной скамьѣ; онъ посланъ былъ въ Астрахань по какому то важному порученію; съ нимъ ѣхалъ также Краббе, тогда еще лейтенантъ, а потомъ уже министръ. Тутъ проѣзжалъ и обѣдалъ какой то англійскій лордъ, кажется, ѣхавшій изъ Индіи и котораго мы всѣ прогулкой провожали за станцію и который восхищался эволюціями и удачею казаковъ, назначенныхъ ему въ почетный конвой, — словомъ, гостепримствомъ А м и н о в а пользовалось пропасть лицъ, очень замѣчательныхъ внослѣдствіи. Тутъ же мы видѣлись съ Александромъ Ивановичемъ Арнольди, сыномъ безногаго генерала Арнольди, Ивана Карловича, теперь тоже генералъ-лейтенантъ и одинъ изъ выдающихся героевъ послѣдней войны. Тутъ также познакомились мы съ флигель-адъютантомъ Васильчиковымъ, потомъ героемъ Севастополя. Многихъ другихъ не припомню, но помню, что тутъ, какъ въ панорамѣ, проходило много личностей, тогда еще все молодыхъ, въ небольшихъ чинахъ, а потомъ уже знаменитыхъ дѣятелей на различныхъ высотахъ постахъ нашего отечества.

Нигдѣ такъ не выражалась флегма А м и н о в а, какъ когда въ большой церковный колоколъ ударять въ набатъ и очередная сотня казаковъ уже стоитъ у крыльца командира, и онъ начинаетъ одѣваться и ополчаться на брань. Колоколъ гудитъ, кони казаковъ нетерпѣливо фыркаютъ и роютъ землю, а онъ начинаетъ медленно, не торопясь, надѣвать черкеску, затягиваетъ поясъ, привѣшиваетъ пашку, затыкаетъ за поясъ кинжалъ, и все это съ сигарой въ зубахъ, закидываетъ за плечи ружье и тихимъ шагомъ выходитъ на крыльцо; подводятъ коня, онъ садится и на рысяхъ сотня слѣдуетъ за нимъ. Надо сказать правду, что значительная причина этой медленности была его раненая подъ Ахульго рука, не поддававшаяся нѣкоторымъ движеніямъ и много мѣшавшая одѣванію.

Въ описываемое время, въ 1840-хъ годахъ, когда мы жили въ Наурѣ, тревоги бывали очень часто: хищники отправлялись на ту-

злукѣхъ (надутѣй мѣхъ) черезъ Терекъ за какойнибудь добычей; нерѣдко случались имъ похищенія женщинъ и дѣвицъ; я разумѣю тутъ небольшія партіи въ четыре или пять человѣкъ, которыхъ иногда и ловили, если они не успѣвали ускакать. Случались иногда и геройскіе подвиги со стороны казачекъ. Рассказывали, какъ одна казачка, уже похищенная и увлекаемая черезъ рѣку, выпарала руками глаза своему похитителю и успѣла спастись вплавь. Такъ однажды мы съ братомъ вечеромъ купались въ Терекѣ, какъ услышали набатъ, зная, что показались гдѣнибудь хищники. Мы, конечно, поспѣшно выскочили изъ воды и едва успѣли одѣться, какъ показали казаки съ командиромъ во главѣ; казаки разбѣжались по берегу и увидѣли черкесовъ, засѣвшихъ въ ямѣ, поросшей густымъ кустарникомъ. Только что они увидѣли подѣзжавшихъ казаковъ, какъ открыли огонь и одинъ казачій офицеръ былъ раненъ въ руку; къ нимъ послали парламентеровъ съ требованіемъ сдаться, обѣщая пощаду, но они продолжали стрѣлять, бормоча свою боевую пѣсню и не сдались. Тогда уже казаки бросились на нихъ со всѣхъ сторонъ; но они защищались до тѣхъ поръ, пока не были всѣ изрублены, ни одинъ не сдался.

Дѣло это началось съ того, что одна молодая казачка пошла въ свой садъ,—тамъ всѣ сады на берегу Терека,—и, войдя, увидѣла казаченка, взобравшагося на яблоню и ворующаго яблоки. она приказывала ему сойти, но онъ не слушался, тогда она сама погѣзала на дерево и только что подыалась на нѣсколько аршинъ, какъ почувствовала, что кто-то ее тащитъ внизъ и когда она увидѣла, что это былъ чеченецъ, то въ ужасѣ рванулась и погѣзала выше, оставивъ въ его рукахъ оборванную часть юбки. Тутъ она закричала: «чеченцы, чеченцы!» Изъ другихъ сосѣднихъ садовъ услышавшіе этотъ крикъ бросились въ станицу, гдѣ и ударили въ набатъ.

Описывая Наурское общество, въ которомъ было столько прекраснаго, нельзя не упомянуть о многомъ смѣшномъ, какъ дополненіе къ обычной человѣческой жизни, гдѣ серьезное и важное мѣшается съ смѣшнымъ, грустное съ веселымъ.

Между обывателями Наура былъ докторъ Докучаевъ, котораго всѣ эти тревоги приводили въ отчаяніе; онъ и жена его были въ вѣчномъ страхѣ. Каждый день докторъ приходилъ утромъ къ полковому командиру и бросалъ робкіе взгляды по всей комнатѣ, не лезть ли гдѣнибудь пидула съ перомъ, извѣщающая о хищникахъ; (при спѣшной пидулѣ въ печать влагалась часть пера). При набатѣ онъ обыкновенно бралъ подъ мышку свою шкатулку и отправлялся на площадь, гдѣ по тревогѣ собирались роты пѣхоты нашего

полка. Жена его Александра Ивановна, молодая женщина прекраснаго кроткаго характера, очень умная и милая особа, вполне раздѣляла ужасъ своего мужа. При тревогѣ она совершенно терялась, не знала, что дѣлать, за что взяться, брала на руки своего маленькаго сына и бѣжала вонъ изъ дома, который находился близъ бала, такъ какъ больница была за станицей и потому домъ ихъ могъ прежде другихъ подвергнуться нападенію. Еще забавнѣе было то, что мужъ ея, при первомъ ударѣ набата, куда-то исчезалъ, а когда появлялся снова, то садился на свою лошадь со шкатулкой подъ мышкой и, увидѣвъ идущую около забора жену съ сыномъ, онъ, проѣзжая мимо, кричалъ ей: «Сашенька, за мной!» Надо не забыть, что иногда случалась непроходимая грязь по улицамъ, и по этой-то грязи она, едва не задыхаясь, добиралась до площади. Трусость Докучаева была предметомъ безконечныхъ шутокъ надъ нимъ, а когда его спрашивали: «куда же вы исчезаете, Иванъ Ивановичъ, когда ударятъ въ набатъ?» онъ обыкновенно отвѣчалъ: «извѣстно куда; вы, господа профаны, не понимаете, что при всякомъ сильномъ страхѣ кишки сильно сжимаются и тогда поневолѣ бѣжишь отъ чеченцевъ». Это тяжелое положеніе всегда быть въ страхѣ и мученіи, скоро заставило ихъ покинуть Науръ и переселиться въ Ставрополь, гдѣ я впоследствии видѣлся съ ними и уже съ общимъ смѣхомъ вспоминали мы о минувшихъ ужасахъ.

Въ Наурѣ также стояла казачья конная артиллерія, которой командовалъ подполковникъ Эрнестъ Ермслаевичъ Штемпель. Тутъ же была баталіонная штабъ-квартира сперва нашего, а потомъ Куринскаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Петръ Петровичъ Меллеръ-Закомельскій, личность очень замѣчательная какъ въ служебномъ отношеніи, такъ и по своему пріятному характеру и выдающемуся уму. Въ командованіи онъ былъ строгъ, разумно требователенъ, точенъ и не терпѣлъ выслуживанія; онъ обладалъ необыкновенною способностью всегда и вездѣ шутить: въ походахъ, дома, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ былъ всегда одинаковъ; еще другая его способность была отлично вести свое какъ домашнее, такъ и походное хозяйство. Всегда веселый, но никогда не смѣющийся громко, остроумный шутникъ и неистощимый мистификаторъ, такъ что бывало не угадаешь серьезно или въ шутку онъ проводилъ какуюнибудь мысль. Его общество было увлекательно-пріятно. Потомъ, при вступленіи въ военную службу сына Воронцова, какъ я слышалъ, ему поручилъ отецъ быть его руководителемъ въ военныхъ дѣлахъ.

Послѣ Докучаева былъ опредѣленъ докторомъ молодой человѣкъ

Дорофѣй Ивановичъ Чистяковъ, котораго слабостью, въ противность Докучаеву, было выдавать себя за храбраго человѣка. Это былъ прекрасный малый, добрякъ и чрезвычайно забавенъ своей простотой, такъ что я готовъ даже думать, что онъ напускалъ на себя эту простоту для потѣхи публики. Такъ онъ однажды съ добродушнымъ хотомъ сталъ вычислять, сколько нужно было ему прослужить, чтобы достигнуть тѣхъ чиновъ и орденовъ, какіе имѣлъ Вилье; оказалось по его расчету 110 лѣтъ. Когда онъ приходилъ куданибудь, гдѣ были дамы, то говорилъ: «здравствуйте Елиз. Иван., пришелъ васъ отвѣдать»; когда же мы, отведя его въ сторону, говорили ему, что это невѣжливо, то онъ поправлялся «ну провѣдать», а когда, въ началѣ его прѣзда, говорили ему о хищникахъ, то онъ въ азартѣ говорилъ—и это тоже въ обществѣ дамъ: «ужь извините, а я никогда не покажу зада неприятелю». Тутъ опять ему тихонько замѣчали, что невѣжливо такъ выражаться при дамахъ, тогда онъ поправлялся и добавлялъ: «ну котъ не покажу тыла».

Вспоминая Кавказскихъ знакомыхъ, останавливаюсь на одной безподобной личности, бывшей среди этого милаго общества, и такой личности, на которой также пріятно остановиться. Это былъ нашъ добрый другъ Дмитрій Петровичъ Фредриксъ. Онъ прежде былъ морскимъ офицеромъ, служилъ въ гвардейскомъ экипажѣ и адъютантомъ у князя Меншикова, морскаго министра; потомъ онъ былъ въ Черноморскомъ флотѣ, претерпѣлъ крушеніе на какомъ-то суднѣ, при чемъ нѣсколько разъ былъ выкидываемъ волною на берегъ и также нѣсколько разъ другой волной отброшенъ въ море; но наконецъ кѣмъ-то удержанъ и спасенъ. Потомъ онъ опредѣлился въ кавалерію и прикомандировался къ Моздокскому казачьему полку. Въ дѣлахъ онъ былъ такъ храбръ, что многіе истолковывали эту храбрость нежеланіемъ жить; и дѣйствительно, у него была какая-то сердечная боль, которую, хотя отчасти онъ не скрывалъ отъ насъ, но все-же, это была его тайна. По наружности высокій, стройный, съ прекрасными, правильными чертами, черными усами, вьющимися волосами и голубыми глазами—онъ былъ дѣйствительный красавецъ; ему было 25 лѣтъ. Всегда задумчивый, рѣдко веселый, скромный, кроткій и въ то же время пылкій; но всегда сдержанный и сосредоточенный. Онъ былъ такъ привлекателенъ, такъ симпатиченъ, что нельзя было не полюбить его сердцемъ. Онъ былъ очень разсѣянъ и когда бывало садился за преферансъ, то смѣшилъ всѣхъ своею разсѣянностію и всегда проигрывалъ. Жилъ онъ на одной улицѣ съ нами и противъ насъ и мы всегда почти проводили вечера вмѣстѣ или у Наиденовыхъ, или у Венеровскихъ, или у Густава Густавовича, и вмѣстѣ, часто очень

поздно, возвращались домой. При этомъ иногда разыгрывалась превабная комедія. У Дм. Петр. былъ деньщикъ Василій и отставной кавказскій солдатъ при лошадяхъ. Оба они имѣли способность такъ непробудно спать, что или приходилось ночевать на крыльцѣ, или принимать самыя энергическія мѣры. Прежде всего, онъ стучалъ обо всѣхъ силъ;—никакого отвѣта; тогда идемъ на галлерей, куда выходило окно изъ кухни, гдѣ спали люди; тутъ начинался кличъ: «Василій! Никифоръ!» и кличъ, который можно было услышать за версту;—то же молчаніе и тотъ-же храпъ. Тогда Дмитрій Петровичъ беретъ подѣла, приготовленные для кухни и начинаетъ бросать одно за другимъ и наконецъ они просыпаются. Услышавъ его голосъ, они стремглавъ вскакиваютъ; человекъ мечется, какъ угорѣлый, и, отыскавъ сапоги, начинаетъ съ ними прыгать, не попадая въ сапоги; солдатъ начинаетъ шарить по стѣнѣ, вѣроятно для отысканія оружія при тревогѣ, которую онъ должно быть видѣлъ во снѣ. Мы во всю эту продѣлку стоимъ у окна и надрываемся со смѣху; и въ одномъ только этомъ случаѣ я видѣлъ его хохотавшимъ, и еще, когда однажды у Аминова стали угадывать загадки и сочинять шарады; кто-то, обратившись къ доктору, спросилъ: «Дорофей Ивановичъ, на деревѣ сидѣло шесть галокъ; охотникъ подстрѣлилъ двухъ; сколько осталось?» Онъ тотчасъ-же отвѣчалъ: «ну, конечно, четыре; я вѣдь вычитаніе-то знаю». Тутъ поднялся общій хохотъ и насилу увѣрили его, что не осталось ни одной.

Въ 1843-мъ году, подъ начальствомъ Гурко, была экспедиція въ Дагестанъ. Передъ Темиръ-ханъ-Шурую стоялъ Шамиль съ огромнымъ полчищемъ и многочисленной кавалеріей. Командующій войсками былъ въ блокадѣ и запертъ въ Шурѣ. Когда Фрейтагъ узналъ, что Гурко запертъ въ Шурѣ, а Пассекъ въ Зырянскомъ ущельѣ, то онъ опять собралъ казаковъ и все что могъ собрать пѣхоты, какъ въ 1842-мъ году, и пошелъ въ Дагестанъ. Прийдя къ Шурѣ, онъ тотчасъ-же атаковалъ непріятеля, пославъ казаковъ, которыхъ у него было до тысячи, въ атаку. Тутъ также былъ и Фредриксъ. Атака была лихая; черкесы побѣжали; Шамиль съ пѣхотой тоже отступилъ и изъ Темиръ-ханъ-Шуры вышли войска для преслѣдованія. Затѣмъ войска пошли на помощь Пассеку и освободили его. Во время атаки подъ Шурую Фредриксъ, увидавши вдалекѣ нѣсколько человекъ, увозившихъ пушку и застрявшихъ въ канавѣ, которыя проводятся для марены, онъ тотчасъ же бросился туда съ урядникомъ и казакомъ. Черкесы бѣжали или были изрублены; только пушка была взята. Сотникъ Камковъ, другаго Гребенскаго полка, увидѣвши, что Фредриксъ понесся туда, тоже поскакалъ со своей сотней и какъ кон-

войнѣ Фредрика, по малочисленности, не могли вытащить изъ канавы пушку, то сотня казаковъ помогла; пушку вытащили и поставили, какъ трофей, передъ домомъ командующаго войсками. Онъ благодарилъ Фредрика и объявилъ, что онъ будетъ представленъ къ Георгію; но при этомъ случаѣ обнаружилась та шипящая зависть, которая въ этомъ мѣрѣ творить столько зла и она была причиной смерти этого героя. Камковъ, вѣроятно, такъ представилъ своему полковому командиру, что тотъ представилъ его къ Георгію за взытіе пушки. Я не могу ни понять, ни объяснить этого поступка командира Гребенскаго полка. Александръ Алексѣевичъ Сусловъ, замѣстившій Венеровскаго въ командованіи Гребенскимъ полкомъ, былъ прекрасный человекъ, отличный начальникъ, благороднѣйшая личность, впоследствии извѣстный геройскимъ подвигомъ, и я никакъ не считалъ его способнымъ къ какой-либо намѣренной несправедливости; но желаніе-ли прославить свой полкъ, желаніе-ли заслужить любовь и довѣріе полка; но онъ сильно поддерживалъ свое представленіе и отстаивалъ своего офицера. Генералъ Гурко, командующій войсками, и Робертъ Карловичъ Фрейтагъ разсматривали это дѣло и по долгомъ совѣщаніи, вѣроятно, чтобъ отдать справедливость Фредрику, какъ первому взявшему пушку и чтобъ не обидѣть Камкова и еще болѣе, стоявшаго за него полковаго командира, рѣшили представить ихъ обоимъ. Конечно, Фредрикъ считалъ себя обиженнымъ и, какъ онъ зналъ, что во всемъ этомъ дѣйствовалъ Сусловъ, то, по возвращеніи на линію, онъ написалъ ему вызовъ. Къ счастью, по дружбѣ къ намъ съ братомъ, онъ показалъ намъ письмо и объявилъ о своемъ рѣшеніи. Мы конечно крѣпко отсовѣтывали ему принимать такое рѣшеніе и предоставить все это кавалерской думѣ, куда было послано представленіе и ожидать справедливости. Онъ такъ и сдѣлалъ, сказавъ: «ну, я докажу имъ, что сумѣю взять и другую пушку, если представится случай».

Въ 1844-мъ году, когда мы дѣлали свою послѣднюю экспедицію въ Дагестанъ и когда, возвратившись въ Шуру, обѣдали у Петра Петровича Меллера, гдѣ обѣдалъ также Робертъ Карловичъ Фрейтагъ и многіе другіе, за столомъ зашелъ разговоръ объ этомъ дѣлѣ; въ это время уже пошло представленіе объ обоимъ. Мы съ братомъ стали защищать Фредрика, доказывая, что онъ первый увидѣлъ пушку и взялъ ее, а только вытащить изъ канавы помогъ ему Камковъ, но Робертъ Карловичъ возражалъ и, какъ теперь помню, его собственныя слова: «ну представьте себѣ, что два человека идутъ по разнымъ сторонамъ рѣки и, увидѣвъ утопающаго, оба бросаются въ воду и спасаютъ его; не одинъ ли и тотъ же подвигъ со-

вершали они?» Мы же настаивали на томъ, кто первый овладѣлъ пушкой.

Послѣ были еще экспедиціи, помнится, къ Аргунскому ущелью; Фредриксъ также былъ съ своею сотнею и мы, провожая его изъ станицы, простились съ нимъ, не думая, что это прощаніе было послѣднее. Въ этой экспедиціи Шамиль снова вывозилъ двѣ пушки и громилъ лагерь, расположившійся на островѣ въ одной обширной мѣстности, около которой протекала ручьями рѣка Аргунь; Фредриксъ нѣсколько разъ набиралъ охотниковъ и просился въ ночной набѣгъ, чтобы внезапно захватить пушки, но ему въ этомъ отказывали; когда же отрядъ двинулся, онъ опередилъ его и съ казаками ѣхалъ впереди все съ одной и той же мыслию—открыть пушки и броситься на нихъ, но роковая пуля спрятавшихся чеченцевъ поразила его, пройдя около его золотыхъ часовъ; рана его была смертельна. Положивъ на носилки, повесили его черезъ рѣчку и тутъ видѣли какъ онъ снялъ съ пальца кольцо и бросилъ въ воду, а встрѣтивъ кого то, сказалъ: «Envoyez-moi vite le gréte». Черезъ часъ онъ скончался; его перевезли въ Науръ, гдѣ и похоронили. Всѣ жители Наура и всѣ его знавшіе и любившіе провожали его въ могилу. Помню, что было пасмурно, вѣтренно и холодно и весь этотъ день и вечеръ всѣ мы, собравшіеся у Найденовыхъ, проговорили о немъ. Когда его похоронили, пришло извѣстіе, что Георгіевскій крестъ былъ присужденъ ему.

Въ юности и дѣтствѣ Фредриксъ, по своимъ родственнымъ связямъ, былъ близокъ къ царской фамиліи и онъ показывалъ намъ письмо, писанное еще тогда юнымъ наслѣдникомъ, Александромъ Николаевичемъ, которому послужить, какъ государю, ему уже не пришлось.

Кромѣ общей взаимной симпатіи насъ крѣпче всего связала религія. По своей фамиліи и по своему роду онъ былъ лютеранинъ, какъ вдругъ пожелалъ перейти въ православіе, сознавъ инстинктивно, что православная церковь есть единая истинная апостольская церковь; сознавъ это, тотчасъ же рѣшился исполнить это призваніе какъ бы по какому то вдохновенію. Это было еще въ Петербургѣ. «Сначала, говорилъ онъ, я отправился къ архіерею, который, узнавъ мою фамилію, очень удивился и представилъ какія-то затрудненія; я этимъ не удовольствовался и даже не оскорбляясь тѣмъ, что какъ-то не совсѣмъ доброжелательно отнеслись къ моему рѣшенію, упорно настаивалъ и наконецъ, послѣ многихъ затрудненій, надо мной совершили миропомазаніе». Онъ, кромѣ насъ, ни съ кѣмъ не говорилъ о религіи, хотя торжественно ее исповѣдывалъ, но чистая душа этого юнаго героя всецѣло принадлежала

Богу. У обѣдни онъ удивлялъ всѣхъ своимъ благоговѣніемъ. Ставши однажды на свое обычное мѣсто за правымъ крылосомъ, онъ стоялъ всю обѣдню ни разу не поворотивъ голову, ни въ какую сторону. Наши христіанскія бесѣды были его наслажденіемъ. Онъ старался просвѣтить свой умъ и усвоить вполне Божественное православное ученіе; о многомъ разспрашивалъ, много читалъ и какъ отраднo было намъ видѣть въ немъ эту смиренную твердую вѣру, эту пламенную любовь къ Богу и соединять въ Немъ души наши. Смиренная, самоотверженная душа его, конечно, воспарила туда, куда стремилась она еще на землѣ, въ тотъ чудный свѣтъ, который еще здѣсь озарилъ его, какъ нѣкогда іудействующаго Савла. Въ послѣднюю поѣздку въ Петербургъ, онъ привезъ намъ нѣсколько духовныхъ книгъ, въ томъ числѣ были: «Правда вселенской церкви» соч. Муравьева, Новая скрижаль, Училище благочестія, Путешествіе къ св. мѣстамъ Муравьева и другія, съ подписаніемъ его рукой, что книги эти онъ даритъ намъ въ память нашего христіанскаго общенія. Онѣ хранятся у меня, какъ драгоценный залогъ нашего братскаго соединенія во Христѣ! Когда мы уже были произведены и собирались въ Россію, братъ мой подарилъ ему свою лошадь и на ней Фредриксъ былъ убитъ, а также и лошадь.

Глава XXIII.

Наша послѣдняя экспедиція 1844 года.—Отъѣздъ въ Россію.

Объ Дагестанской экспедиціи 1843 года и о дѣйствіяхъ ген. Фрейтага я уже упоминалъ въ эпизодѣ о Фредриксѣ. Теперь перейду въ моихъ воспоминаніяхъ къ самому Роберту Карловичу Фрейтагу, этому замѣчательному дѣятелю того времени на Кавказѣ, на долю котораго выпалъ завидный жребій быть постояннымъ заботителемъ нашихъ войскъ въ самыхъ гибельныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ. Онъ былъ небольшого роста, крѣпкаго сложенія, довольно плотный, съ самыми пріятными чертами лица, живой и чрезвычайно энергичный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Простота его обращенія, доступность для каждаго, снисходительность и доброта привлекали къ нему сердца всѣхъ служившихъ подъ его командой. Его называли «нашъ маленькій Робертъ» и къ нему вполне можно было отнести старинную солдатскую пѣсню:

„Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно“.

И дѣйствительно, это былъ человѣкъ, выходявшій изъ ряда обыкновенныхъ, не смотря на то, что по простотѣ сердечной и скромности онъ, кажется, и не подозревалъ въ себѣ тѣхъ достоинствъ и великихъ качествъ, которыя всѣ сознавали и видѣли въ немъ. Полковникомъ онъ одно время командовалъ Куринскимъ полкомъ, не наживъ отъ командованія ни гроша, въ то время какъ другіе командиры наживали, и всю экономію обращалъ на полкъ и на улучшеніе положенія солдатъ. Начальникомъ лѣваго фланга, онъ изумлялъ своей энергіей, быстротою и своими всегда удачными дѣйствіями. Въ экспедиціи подъ Грозной онъ былъ равенъ въ шею, но благодаря Бога, рана была излечена. Въ 1842 году, когда Граббе отступалъ Ичкеринскимъ лѣсомъ, онъ, съ удивительною быстротою собравъ все, что могъ, явился на помощь въ ту самую минуту, когда помощь была настоятельно необходима, такъ какъ горцы съ большими силами ожесточенно преслѣдовали отрядъ, уже сильно ослабленный и потерей въ людяхъ, и въ большомъ количествѣ отряженныхъ подлеченныхъ,—и спасъ его, можетъ быть, отъ гибели.

Въ 1843-мъ году онъ съ такою-же неустанною быстротою проскакалъ по линіи за маршевыми батальонами и также, собравъ все, что могъ, пѣхоты и казаковъ, внезапно явился подъ Темиръ-ханъ-Шурумъ, разбилъ и разсѣялъ скопище Шамиля, бросился въ Зырянское ущелье и освободилъ генерала Пассека, запертаго въ ущельи и уже лошадинымъ мясомъ кормившаго людей. Наконецъ, въ 1845-мъ году, Фрейтагъ-же явился на помощь тогдашнему графу Воронцову въ томъ-же Ичкеринскомъ лѣсу послѣ ваятія Дарго. Эта экспедиція была, какъ извѣстно, предпринята противъ мѣшья Воронцова. Когда Фрейтагъ появился въ Ичкеринскомъ лѣсу и раздались его пушечные выстрѣлы, то между горцами пронеслась вѣсть, что пришелъ «счастливый генералъ» и они тотчасъ отступили, такъ какъ по ихъ фатализму, постоянную удачу его они приписывали року, съ которымъ нельзя бороться. Затѣмъ, въ томъ-же 1845 году, Шамиль бросился въ большую Кабарду, что-бы и ее поднять и, если-бы это ему удалось, то онъ много бы прибавилъ хлопотъ правительству; но Робертъ Карловичъ Фрейтагъ не дремалъ, вслѣдъ-же за нимъ пошелъ въ Кабарду и занялъ позицію противъ Кабарды. Этотъ приходъ Фрейтага остановилъ волненіе; кабардинцы оставались глухи къ увѣщаніямъ Шамиля и онъ долженъ былъ распустить свою пѣхоту, такъ какъ боялся, чтобы не очутиться между двухъ огней, а самъ съ кавалеріей, оставивъ огни на мѣстѣ своего расположенія, бросился обратно за Терекъ и такъ быстро было его бѣгство, что, какъ говорятъ, онъ въ одни сутки сдѣлалъ 150 верстъ, что способны выдер-

жать только горскія кавказскія лошади. Узнавъ о его отступленіи, Фрейтагъ далъ знать во Владикавказъ, чтобы Нестеровъ немедленно выступилъ и пересѣкъ Шамилю переправу черезъ Терекъ.

Я сидѣлъ вечеромъ у Вревскаго, когда онъ получилъ предписаніе немедленно приготовиться къ выступленію. Еще не разсвѣтало, а отрядъ уже тронулся; но въ первомъ-же переходѣ увидѣли нарочнаго, посланнаго отъ Меллера-Закомельскаго, увѣдомлявшаго, что Шамиль переправился черезъ другой бродъ и не пошелъ туда, гдѣ ждалъ его Меллеръ, съ однимъ кажется батальономъ. Хотя Меллеръ послѣдовалъ за нимъ и туда, но уже засталъ всю почти партію переправившеюся. Тутъ валялось еще нѣсколько труповъ, когда мы проѣзжали этой дорогой, возвращаясь къ Россію.

Въ 1845 году, послѣ разсѣянія Шамилева скопища, мы уѣхали въ Россію, гдѣ потомъ узнали, что Фрейтагъ былъ переведенъ въ Варшаву генераль-квартирмейстеромъ и тамъ уже умеръ. Какъ теперь смотрю на него въ его Ойсунгурской землянкѣ за преферансомъ; а тутъ въ то же время дѣлалась жженка, освѣщавшая синеватымъ пламенемъ землянку, и потомъ весело распивавшаяся; помню, какъ радушно угощали онъ своихъ всегдашнихъ гостей ужиномъ; помню также, какъ заходилъ онъ вечеромъ въ палатку къ Вревскому, гдѣ заставлялъ насъ за религиозными преніями, вставляя тутъ изрѣдка и свое мнѣніе.

Пріятно вспоминать и въ то-же время напоминать всѣмъ о высокихъ доблестяхъ такихъ людей и дѣлать это правдиво и по совѣсти.

Обращаюсь къ разсказу.

Въ 1844-мъ году была большая экспедиція въ Дагестанъ. Мы конечно не знали, что тамъ дѣлалъ Шамиль, какъ велики были его успѣхи въ этой борьбѣ, да и не помню всѣхъ названій возмущившихся мѣстностей и племенъ. Помню, что въ 1843-мъ году говорили объ опасномъ положеніи Тарковского владѣтельнаго князя и генерала нашей службы; о переходѣ къ Шамилю тоже генерала нашей службы султана Инисуйскаго и другихъ; но объ этомъ будетъ говорить исторія; мои-же воспоминанія ограничиваются видѣннымъ и мною самимъ испытаннымъ или слышаннымъ изъ устъ самыхъ вѣрныхъ свидѣтелей и участниковъ. Помню, что въ этомъ походѣ мы шли горами съ сильной перестрѣлкой и когда нашъ полкъ и другіе отражаемые отдѣльно въ сторону, брали съ бою позиціи, потомъ возвращались къ главнымъ силамъ и наконецъ пришли на пунктъ соединенія нашего отряда съ отрядомъ, приведеннымъ корпуснымъ командиромъ генераломъ Лидерсомъ, такъ что весь отрядъ

совокупно составлялъ, кажется, болѣе, нежели 20 батальоновъ пѣхоты съ артиллеріей и кавалеріей, въ которой былъ также нижегородскій драгунскій полкъ, подъ командой ген. Безобразова,—на другой сторонѣ огромнаго оврага стоялъ Шамиль съ большою партією. Прогуливаясь изъ лагеря съ нѣкоторыми офицерами, мы встрѣтили отрядъ генерала Лидерса; самъ онъ отправился съ конвоемъ кавалеріи въ нашъ лагерь. Войска эти пришли изъ Россіи и мы съ удовольствіемъ смотрѣли на пришедшихъ изъ нашей матушки Россіи земляковъ. Вечеромъ мы сидѣли въ палаткѣ у Петра Петровича Меллера, и узнали тутъ о росписаніи всѣхъ войскъ для завтрашней атаки Шамиля. Помню, что нашъ полкъ былъ назначенъ идти въ колоннѣ. По всему видно было, что предстояло дѣло жаркое, такъ какъ у Шамиля была большая масса равноплеменныхъ войскъ. Къ вечеру устроена была батарея, которая и открыла огонь, бросая гранаты въ непріятеля. Шамиль, какъ видно было, ожидалъ нашего движенія и рѣшился встрѣтить, расположившись на другой противоположной сторонѣ огромнаго дѣсистаго оврага. Генераль Безобразовъ отправленъ былъ со всей кавалеріей въ обходъ къ горѣ Ибрагимъ-Дада, гдѣ оврагъ суживался и представлялъ возможность перейти его. Многіе ложились спать, конечно думали, что съ завтрашнимъ днемъ можетъ быть наступить конецъ ихъ земной жизни. Но вотъ разсвѣтъ; барабаны молчатъ, не звучатъ трубы, въ отрядѣ все тихо, на своемъ мѣстѣ. Что это значитъ? всѣ спрашиваютъ другъ друга. Передъ нашей колонной были палатки корпуснаго командира и штаба. Изъ палатки выйдутъ корпусный командиръ г. Нейдгардтъ и штабные, посмотрятъ въ трубу долго и внимательно и возвратятся. Въ трубу хорошо была видна палатка Шамиля съ водруженнымъ передъ ней зеленымъ знаменемъ. Всѣ видѣли и его палатку, и его полчище; батарея бросала гранаты, а Шамиль не шевелился, какъ будто чего-то ждалъ и это продолжалось довольно долго. Наконецъ у него забилъ барабанъ и вся его армія потянулась отъ оврага въ степь: вѣроятно онъ узналъ, что кавалерія наша идетъ ему въ тылъ. Тутъ только увидѣли, какъ изъ дѣсистаго оврага потянулась масса черкесовъ, запряганныхъ въ трущобахъ оврага и алчно ждавшихъ нашего движенія въ оврагъ. Если-бъ это движеніе состоялось, то потеря наша была-бы огромна, потому что, проходя этотъ оврагъ, всѣ ясно видѣли, какъ трудно было переходить его и безъ боя. Безобразовъ, перейдя оврагъ, засталъ уже быстро уходящаго непріятеля, преслѣдовалъ его сколько могъ; но тотъ успѣлъ уйти въ горы, куда съ кавалеріей уже нельзя было идти. Такимъ образомъ кончился этотъ день, обѣщавшій не

сраженіе, на которое, конечно, не могъ-бы рѣшиться такой умный вождь дикарей, какъ Шамилъ, а вѣрную гибель, припоминая немовѣрную трудность перехода страшной мѣстности, загороженной завалами и множествомъ другихъ препятствій. Мудрая и человѣколюбивая осторожность главнокомандующихъ спасла тысячи геройскихъ жизней; но въ то время всѣ не понимавшіе соображеній главныхъ начальниковъ, роптали громко, что не повели ихъ захватить Шамиля, не рассчитывая, что ихъ можно было вести на явную гибель, а отсюда не на бой. Послѣ этого перехода отрядъ нашъ остановился на ночь на какой-то неровной мѣстности и уже пришли поздно на мѣсто. Лидерсъ, вѣроятно, пошелъ другой дорогой и ночью слышались пушечные выстрѣлы; но что это такое было—я не знаю и не помню, если послѣ рассказывали что-нибудь.

Затѣмъ войска возвратились въ Темиръ-ханъ-Шуру, гдѣ мы и узнали, что произведены въ офицеры и должны были для обмундировки ѣхать въ Ставрополь, а оттуда во Владикавказъ—штабъ-квартиру своего Навагинскаго полка, въ которомъ дѣлали послѣднія экспедиціи, переведенные изъ Кабардинскаго.

Изъ Шуры мы вышли съ колонной или такъ называемою оказіей. Съ нами ѣхали также генералъ Безобразовъ, Фредриксъ, Меллеръ - Закомельскій, разжалованный за дуэль и присланный на Кавказъ, бывший уланскій офицеръ, родственникъ Петру Петровичу Меллеру, и ми съ братомъ. Эта поѣздка наша была очень пріятна по спутникамъ нашимъ, которые всѣ были хороши и дружески знакомы съ нами, не исключая и Безобразова, съ которымъ я и доѣхалъ въ его коляскѣ до Ставрополя. Само-же путешествіе наше было чрезвычайно утомительно: мы шли къ Кизляру безлѣсной степью во время страшныхъ іюльскихъ жаровъ. Сперва оказію вели апшеронцы, кавказскіе ходаки, и потому переходы дѣлались скоро; а когда далѣе къ линіи ихъ замѣнили линейные батальоны, то медленность ихъ шага показалась намъ нестерпимой. Невыносимый зной, ни кустика, ни капли воды, кромѣ единственнаго болотнаго озера, поросшаго камышомъ и покрытаго болотною травой, гдѣ сдѣланъ былъ привалъ; не смотря на это, на привалѣ все бросилось въ воду, чуть не кипяченую. Ночлеги наши, при огромномъ количествѣ мошекъ и комаровъ, были истинной пыткой.

Напившись чаю на берегу какой-то рѣчки, гдѣ былъ ночлеги, подъ страшнымъ дымомъ, выѣдавшимъ глаза, безъ чего нельзя было дышать, не проглотивши массы насѣкомыхъ съ пищею, которую намъ готовили на ужинъ, мы тутъ-же располагались спать на потникѣ, снятомъ изъ подъ сѣдла лошади, и подъ шинелью, и что это былъ

за сонъ! Но несмотря на всѣ матеріальныя неудобства, мы всѣ были очень веселы. Не помню, какъ звали Безобразова: Леонидъ-ли Григорьевичъ или наоборотъ; его, какъ генерала, приглашали на ночь къ мѣстному военному начальнику, который при этомъ случаѣ, вѣроятно, самъ выходилъ куда нибудь. Онъ также съ нами раздѣлялъ и чай и ужинъ, а какъ это былъ человѣкъ веселый, пріятный и въ нашемъ странническомъ положеніи добрѣйшій товарищъ, то неудобства насъ болѣе смѣшили нежели сердили, и часто раздавался веселый смѣхъ. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, съ горемъ и весельемъ пополамъ, мы наконецъ достигли Кизляра.

Въ Кизлярѣ въ это время былъ жандармскимъ полковникомъ Праншиниковъ, родной братъ бывшаго министра почтъ. Когда онъ узналъ о прибытіи въ Кизляръ генерала Безобразова, онъ просилъ его и всѣхъ насъ, его спутниковъ, остановиться у него, отвелъ намъ особый флигель, прислалъ сейчасъ чаю, кофе, пришелъ самъ, довольно долго бесѣдовалъ съ нами, разспрашивалъ о военныхъ дѣйствіяхъ и, уходя, просилъ обѣдать и провести у нихъ весь день. День этотъ былъ для всѣхъ насъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ нашей страннической жизни. Жена его, помнится Варвара Андреевна, была одна изъ тѣхъ умныхъ, любезныхъ и интересныхъ дамъ, которыя не скоро забываются. Къ тому же мы нашли въ ней единомысліе съ нашими религіозными убѣжденіями, живую и истинную вѣру, усиленную и укрѣпленную въ ней видѣнными ею чудесными дѣйствіями Божественнаго промысла. Такъ, она рассказывала, какъ одна знакомая или родственница ея, молодая дама, умерла; надъ ней уже служили панихиды, читали псалтырь, какъ незадолго до погребенія вдругъ псаломщикъ увидѣлъ, что она откинула покровъ и въ гробѣ сѣла; онъ конечно въ суевѣрномъ страхѣ бросился вонъ изъ комнаты, а мужъ, увидѣвъ ее ожившею, въ восторгѣ поднялъ ее изъ гроба и отнесъ на постель. Подобныя обмиранія и оживленія случаются не рѣдко, но тутъ то было знаменательно, что она, какъ видно, переходила въ тотъ міръ, и видѣла Спасителя, потому что тихо приговаривала и все повторяла: «Какъ Онъ хорошъ! какъ свѣтелъ!» и еще прибавила окружающимъ ея роднымъ, конечно въ жизни нѣжно ею любимымъ: «вы не повѣрите, какъ всѣ вы мнѣ кажутся теперь гадки». Ее спрашивали, конечно изъ любопытства, о многомъ, но она не отвѣчала ни слова, и, кажется, на другой или третій день скончалась уже обычною человѣческою смертію. Этотъ рассказъ такъ врѣзался въ моей памяти, что какъ будто я вчера слышалъ его.

На другой день мы отправились въ Науръ, гдѣ Меллеръ заболѣлъ и умеръ, а мы съ братомъ въ Ставрополь и потомъ во Влади-

кавказъ. На слѣдующей станціи Безобразовъ просилъ меня сѣсть къ нему въ коляску и дорогой рассказалъ мнѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ летитъ въ Ставрополь, гдѣ ожидала его жена, съ которою онъ былъ болѣе десяти лѣтъ въ разлукѣ. При этомъ онъ также рассказывалъ мнѣ, что въ его рѣшимости примириться и вновь соединиться съ женою, съ которой такъ давно расстался, онъ много обязанъ Михаилу Александровичу Назимову, одному изъ нашихъ товарищей, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его ¹⁾. По своему уму, высокимъ качествамъ, серьезности, прямотѣ характера, правдивости Михаилъ Александровичъ Назимовъ слылъ и былъ какимъ то мудрецомъ, котораго слово для многихъ имѣло большой вѣсъ. Много разъ онъ уговаривалъ Безобразова и убѣждалъ примириться съ женою и, вѣроятно, сильны и вѣски были его доводы съ религіозной и нравственной точки зрѣнія, что «я, какъ говорилъ Безобразовъ, вполне согласился съ нимъ и тѣмъ болѣе, что доводы эти проникали въ сердце его любовью и искреннимъ благожеланіемъ мнѣ добра и я всегда буду ему сердечно благодаренъ».

По прѣздѣ въ Ставрополь, Безобразовъ меня пригласилъ придти къ нему на завтрашній день къ утреннему чаю, что я съ величайшимъ удовольствіемъ исполнилъ. Онъ познакомилъ меня съ своей женою, женщиною среднихъ лѣтъ, но уже носившею на себѣ слѣды глубокой скорби въ просѣди ея черныхъ или темныхъ волосъ и въ какомъ-то меланхолическомъ настроеніи. Черты у нея были правильны и все лицо прекрасно и симпатично; видно, что она была еще недавно красавицею. Я простился съ ними, поблагодаривъ, что они доставили мнѣ сердечное наслажденіе, дозволивъ быть свидѣтелемъ ихъ новаго счастья, прошеніе котораго также пожелалъ имъ отъ всего сердца, съ увѣренностью, что это желаніе осуществится и что они до конца дней своихъ будутъ счастливы. Потомъ уже въ Россіи мнѣ рассказывалъ о нихъ одинъ мой родственникъ, хорошо съ ними знакомый, что бывши у него въ Воронежѣ, гдѣ онъ уже командовалъ корпусомъ, онъ узналъ, что жена его умерла, что онъ сдѣлался спиритомъ и постоянно былъ въ общеніи съ ея духомъ посредствомъ переписки. Это уже показывало, что они были счастливы взаимною лю-

¹⁾ Михаилъ Александровичъ Назимовъ—нынѣ, въ 1831 г., преклонныхъ лѣтъ старецъ, живетъ уже съ 1850-хъ годовъ въ городѣ Псковѣ. Издавна всѣми уважаемый, Михаилъ Александровичъ, съ самаго начала реформъ императора Александра II Освободителя, принималъ самое дѣятельное участіе при ихъ разработкѣ и осуществленіи на мѣстѣ его жительства, во Псковѣ: М. А. Назимовъ былъ членомъ разныхъ комитетовъ, комиссій, участвовалъ потомъ въ земствѣ и проч.

Ред.

45*

бовью, если и по смерти ея онъ былъ въ общеніи съ ея духомъ и руководился ея совѣтами. Я не спирить, но заявляю здѣсь слышанное мною изъ самаго вѣрнаго источника, а насколько это была у него иллюзія или дѣйствительность — судить не рѣшаюсь ¹⁾.

Обмундировавшись въ Ставрополѣ, мы поѣхали во Владикавказъ, гдѣ и явились къ нашему полковому командиру генералу Михаилу Петровичу Полтинину. Это былъ веселый, очень оригинальный добрякъ и нѣсколько чудакъ; онъ очень любилъ поговорки и особенно въ рифмахъ, которыя слагалъ безъ разбора. Помню, какъ въ одной экспедиціи въ Ауховскія земли, онъ пошелъ высматривать цюзиціи, а какъ лагерь стоялъ на высотѣ, которая оканчивалась обрывомъ, а въ глубинѣ скрывались черкеси, стрѣлявшіе по лагерю, и когда онъ нагнулся съ кручи, чтобъ посмотреть, нельзя ли ихъ выбить оттуда, какъ пуля попала ему прямо въ животъ, что нисколько не смутило его и когда его принесли на носилкахъ въ его палатку, онъ громогласно вскрикнулъ: «Генералъ Полтининъ, Тверской дворянинъ, три раза раненъ, два раза контуженъ, но ни разу не сконфуженъ. Ура!» Онъ часто насъ приглашалъ къ себѣ обѣдать и на свои довольно частые вечера, гдѣ собиралось все Владикавказское общество и всѣ танцевали весьма усердно. Онъ самъ танцевалъ и руководилъ танцами и у него всегда было очень весело. Однажды во время танцевъ случилась тревога, необычная для баловъ.

Особенность Владикавказа въ наше время была та, что въ темныя ночи ходить по улицамъ было не безопасно. За Владикавказомъ въ нѣсколькихъ верстахъ возвышались черныя Галаховскія горы, отроги хребта, увѣнчаннаго великаномъ Казбекомъ. Тутъ жило племя Галаховцевъ, самое злое и мятежное. Конечно много разъ туда посылались отряды, какъ и въ Чечню, опустошали ихъ аулы и поля, всегда впрочемъ при горячемъ боѣ и порядочной потерѣ, но все же безъ окончательныхъ результатовъ, какъ и вся кавказская война до полнаго и совершеннаго покоренія Кавказа. Сосѣди Галаховцы, конечно, имѣли кунаковъ (друзей) и сообщниковъ въ форштатѣ, заселенномъ мирными гражданами, семействами военныхъ, торговцами армянами и разнымъ другимъ людомъ, между которымъ жили также

¹⁾ Въ 1870 году этомъ самый генер. Безобразовъ былъ у насъ передъ отъѣздомъ для леченія за границу. Хотя уже больной едва держась на ослабѣвшихъ ногахъ, онъ живо интересовался разработкой отечественной старины. Вскорѣ онъ умеръ. Интересно столкновение его съ императоромъ Николаемъ — приведшее Безобразова къ переходу на боевую службу на Кавказъ, гдѣ онъ и встрѣтился съ авторомъ этихъ Записокъ. Ред.

и горки подъ названіемъ мирныхъ. Пользуясь темнотою ночи, хищники, скрываясь у нихъ днемъ, часто ночью уводили лошадей, скотину, а иногда эти похищенія сопровождались убійствами и никогда нельзя было найти слѣдовъ, такъ какъ они мгновенно укрывались въ мѣстныхъ трупобахъ. Потому часто случалось слышать ружейные выстрѣлы, повѣстно куда направленные. Такъ однажды помню, что во время самихъ танцевъ у генерала Полтинина, раздалось нѣсколько выстрѣловъ; дамы страшно перепугались, думая, что будутъ стрѣлять въ окна, но ихъ тотчасъ же закрыли ставнями, посланы патрули и танцы продолжались съ прежнимъ оживленіемъ. Бывали случаи, что стрѣляли въ идущаго съ фонаремъ, такъ какъ въ дождливое время грязь была невылазная и необходимо было искать тропинки съ фонаремъ. Послѣ этого я уже держалъ всегда фонарь подалше отъ туловища, когда шелъ домой.

Не помню въ 1844-мъ или въ 1845-мъ году Полтининъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ и на его мѣсто поступилъ командиромъ полка полковникъ генеральнаго штаба Михаилъ Николаевичъ Бибиковъ, прекраснѣйшій и благороднѣйшій человекъ, но онъ командовалъ полкомъ очень недолго. Въ известной экспедиціи, подъ командой графа Воронцова, въ 1855 году, онъ сначала былъ просто раненъ, но переносимый на носилкахъ къ перевязочному пункту, былъ вторично пораженъ двумя пулями и умеръ. Тѣло его перевезли во Владикавказъ, гдѣ съ подобающими почестями и похоронили; его провожало все населеніе Владикавказа. Онъ былъ женатъ на прелестной молодой женщинѣ, умной, любезной и чрезвычайно талантливой. Ея умъ, красота, таланты, обращеніе были восхительны, и домъ ея былъ самымъ пріятнымъ пріютомъ въ нашей жизни во Владикавказѣ. Она рисовала на стеклѣ и можно сказать, что эти произведенія ея досуга были дѣйствительно художественны по изяществу исполненія. Уже послѣ нашего отъѣзда я узналъ, что она вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Есакова, очень умнаго и образованнаго молодого человекъ, который былъ пріателемъ ея мужа и по смерти его уже видно было по его непрерывнымъ посѣщеніямъ, что онъ ему наследуетъ. Не знаю, были ли они счастливы, но по наружности, кажется, все обѣщало, что выборъ Софьи Николаевны (сколько помню) былъ хорошъ.

Послѣ Бибикова полкъ нашъ принялъ полковникъ баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій. Знакомство наше началось съ самаго начала нашего пребыванія на Кавказѣ. Вревскій былъ друженъ съ Михаиломъ Александровичемъ Назимовымъ, который и повнакомилъ насъ съ нимъ. Съ самой первой нашей экспедиціи и до самаго

выѣзда нашего, судьба соединяла насъ съ бар. И. А. Вревскимъ вездѣ, начиная съ Ставрополя, потомъ въ Чеченскихъ и Дагестанскихъ экспедиціяхъ, въ отрядѣ подѣ Ойсь-Унгуромъ и особенно во Владикавказѣ, гдѣ уже мы служили подѣ его начальствомъ, какъ нашего полковаго командира и гдѣ сблизились съ нимъ еще болѣе. Баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій былъ, могу сказать, однимъ изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей своего времени. Помнится, что онъ кончилъ курсъ или учился въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ также курсъ медицины, зналъ многіе иностранныя языки, былъ очень любознателенъ, имѣлъ чрезвычайно многостороннія познанія и специально изучилъ военныя науки. Въ приемахъ своихъ онъ былъ очень оригиналенъ и нѣсколько застѣнчивъ, что къ нему удивительно какъ шло. Небольшаго роста, брюнетъ, съ пронзательными карими глазами, правильными, нѣсколько южными, чертами, тихой, какъ бы вкрадчивой, поступью, онъ тѣмъ не менѣе былъ очень живаго и веселаго характера. По его уму, многостороннимъ познаніямъ, по его воплѣ героическому мужеству и страсти къ военной боевой службѣ, я тогда еще предсказывалъ ему великую военную роль въ будущемъ и еслибъ не ранняя смерть его въ левгинскомъ горномъ походѣ, 1859 года, я и до сихъ поръ увѣренъ, что, проживи онъ долѣе, то безъ сомнѣнія былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ военнo-начальниковъ. Вревскій съ самаго начала не довольствовался одною штабною службою, а всегда въ дѣлахъ, по его собственному желанію, командовалъ батальономъ и всегда старался выбирать самыя почетныя позиціи по опасности. Какъ теперь смотрю на него въ дѣвой пѣни въ одной изъ горныхъ экспедицій съ Куренскимъ батальономъ, на огромной высотѣ, въ страшномъ огнѣ, прокладывавшімъ себѣ дорогу. Я восхищался его хладнокровіемъ и мужествомъ. Невозмутимо спокойный, съ коротенькимъ чубукомъ въ зубахъ, онъ шелъ впередъ, разрушая завалы и всѣ преграды самой дикой природы. Однажды также одинъ изъ батальоновъ его Навагинскаго полка велъ оказію, въ которой и онъ находился. На дорогѣ онъ былъ окруженъ огромною партіею горцевъ; бывшіе тутъ въ оказіи конечно оробѣли, ожидая дурнаго исхода, но онъ хладнокровно переѣзжалъ отъ одного фаса къ другому, распоряжался отчетливо и такъ успѣшно, что неприятель былъ отбитъ и «оказія» приведена благополучно. Какъ я упомянулъ выше, онъ слушалъ въ Дерптѣ курсъ медицины и отмѣчу, какъ особенность: онъ имѣлъ охоту Петра Великаго рвать зубы. Однажды, когда мы были у Суслова, командовавшаго Гребенскимъ полкомъ въ Червленной станицѣ, между нами былъ также уже знакомый читателю по Науру графъ Штейнбокъ, у котораго сильно

богаты зубъ; вдругъ слышимъ колокольчикъ и подѣхавшій экипажъ, а затѣмъ входитъ Ипполитъ Александровичъ; поздоровавшись со всѣми. онъ, увидѣвъ страданія графа, тотчасъ же предложилъ ему выдернуть зубъ; тотъ, хотя быть можетъ и усомнился въ его искусствѣ, однакожъ мучимый болью, согласился. Онъ немедленно досталъ инструменты, которые возилъ съ собой и операція мгновенно была совершена вполне успѣшно, и какъ благодаренъ былъ ему его пациентъ!

Принявъ полкъ, баронъ Вревскій купилъ свой домъ на большой улицѣ. Всѣ прѣзжавшіе въ Тифлисъ или изъ Тифлиса были гостями Вревскаго. Тутъ можно было видѣть цѣвъ Петербургскаго военнаго общества или, лучше сказать, цѣвъ русской арміи. У него я познакомился со многими, тогда еще молодыми людьми, которые впоследствии занимали, а нѣкоторые еще продолжаютъ занимать высокіе посты въ государствѣ. Между ними помню прославившагося во всемъ свѣтѣ знаменитаго комиссара въ освобожденной Болгаріи князя А. М. Дундукова-Корсакова, тогда еще молодаго адъютанта главнокомандующаго графа Воронцова; помню также двухъ братьевъ Глѣбовыхъ, старшій изъ коихъ былъ героемъ дня, такъ что въ Петербургѣ что-то изъ принадлежностей дамскаго туалета называлось à la Gleboff, потому убитаго въ какомъ-то дѣлѣ. О его смерти мнѣ писалъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій въ Россію, называя его «русскимъ баярдомъ». Былъ также, кажется, еще полковникомъ, флигель-адъютантомъ Николай Васильевичъ Исаковъ, графъ Штейнбокъ, который жилъ одно время въ Наурѣ у полковаго командира Аминова и съ которымъ мы были коротко знакомы и вмѣстѣ были въ нѣкоторыхъ экспедиціяхъ; опять я долженъ сказать, что это былъ очень умный, приятный и благороднѣйшій человекъ. Къ Ипполиту Александровичу онъ заѣхалъ проѣздомъ, уже на деревяшкѣ, лишившись ноги въ Воронцовскую Даргинскую экспедицію. Штейнбокъ былъ большой острякъ и шутникъ....

Во Владикавказѣ начальникомъ округа былъ генералъ Петръ Петровичъ Нестеровъ, высокій ростомъ, красавецъ въ полномъ смыслѣ и опять таки прекраснѣйшій человекъ. Мы у него иногда бывали и часто видѣлись съ нимъ у Вревскаго. Жена его была очень хороша собой, а также и ея сестры, при насъ еще дѣвѣнцы. Съ благодарностью долженъ вспомнить при этомъ, что, по моему ходатайству, Нестеровъ возвратилъ изъ Сибири одного черкесскаго князя, жившаго съ другими черкесами въ Минусинскѣ, о чемъ я упоминалъ въ своихъ сибирскихъ воспоминаніяхъ.

Случилось какъ-то, что у Ипполита Александровича Вревскаго сѣхались въ одно время многіе изъ упомянутыхъ мною молодыхъ

изящныхъ военныхъ, и онъ вздумалъ устроить импровизированный балъ.

На задуманномъ Ипол. Александровичемъ балѣ были, конечно, всѣ знакомыя семейства. Изъ дамъ были: вдова Софья Ник. Бибикова, жена начальника округа съ сестрами, Ознобишина, съ сестрой княжной Орбельяни, Мылова, Вѣра Максимовна, съ племянницей, Павленковы, сколько помню, и другія. Помню только, что всѣ дамы и дѣвицы, бывшія на вечерѣ, какъ нарочно отличались красотой и граціей. Открылся балъ очень оригинально: польскимъ; въ первой парѣ шли вдова Софья Ник. Бибикова съ безногимъ графомъ Штейнбокомъ. Другихъ танцевъ ужъ конечно они танцовать не могли: графъ, какъ на деревянной ногѣ, Софья Ник. по причинѣ траура; всѣ остальные танцовали до упаду и весь вечеръ до полной ночи былъ самый оживленный и пріятный, оставившій во всѣхъ самое пріятное воспоминаніе.

Тогда еще, въ 1845 году, Владикавказъ былъ не то, что теперь, но все же и тогда тамъ было устроено собраніе, гдѣ собиралось до 40 паръ танцующихъ. Иполитъ Александровичъ и всѣ военные принимали живое участіе въ танцахъ. Нельзя не сказать, что между танцующими только немногіе отличались граціей и ловкостью, на которыхъ я и любилъ смотрѣть, но зато были и такія пары, которыя отличались неуклюжестью и угловатостью, безъ чего впрочемъ, я думаю, не обходится ни одинъ балъ. Прекрасный оркестръ полковой музыки, которую Иполитъ Александровичъ много улучшилъ, выпиравъ хорошіе инструменты и хорошаго капельмейстера, разнообразное общество, много знакомыхъ, нѣсколько прелестныхъ женскихъ головокъ—все это доставляло очень пріятное препровожденіе времени.

Во Владикавказѣ зимы нѣтъ, но бываетъ, что вдругъ забушууетъ буря, нависнутъ тяжелыя тучи и выпадетъ снѣгъ, хотя опять скоро исчезнетъ. Въ эти дни съ палатой сараевъ снимаются сани, тотчасъ устраиваются веселыя пикники. Саней десять или пятнадцать запрягаются тройками и отправляются по дорогѣ къ ущелью даже до укр. Ларса, верстъ двѣнадцать, гдѣ иногда закусываютъ и отдыхаютъ. При мѣѣ, въ одинъ изъ такихъ пикниковъ, случилось маленькое неудовольствіе, которое могло кончиться очень печально. Иполитъ Александровичъ предложилъ свои сани племянницѣ Николаю Григорьевичу Мылова, той самой, которая весьма нравилась Вревскому. Все это было въ порядкѣ, такъ какъ всѣ кавалеры предлагали свои сани дѣвицамъ и дамамъ и сами садились съ ними. Всѣ сани ѣхали одни за другими, но какъ у Вревскаго были очень рѣзвыя лошади, то его сани далеко уѣхали впередъ. Дядя ея, бывшій

въ числѣ катающихся, погнался за ними, чтобы не оставлять племянницу одну съ глаза на глазъ съ молодымъ человѣкомъ, хотя на столько возвышенно и рыцарски благороднымъ, что ему можно было повѣрить и сестру, и дочь, и жену. Но тутъ вышло, что дядя былъ очень недоволенъ ихъ удаленіемъ отъ другихъ, разсердился на племянницу и даже хотѣлъ вызвать Ипполита Александровича на дуэль, но благодаря его умной, кроткой, чудной женѣ и моему содѣйствію дѣло обошлось безъ послѣдствій.

Жизнь наша и здѣсь во Владикавказѣ была также пріятна, какъ и въ Наурѣ. Тамъ и тутъ мы истинно были счастливы и именно потому счастливы, что любили искренно, также какъ любили и насъ. А гдѣ же и счастье, какъ не въ чувствованіяхъ сердца!

Служба моя во Владикавказѣ до полученія отпуска и потомъ отставки состояла въ завѣдываніи школой солдатскихъ дѣтей или, по тогдашнему, кантонистовъ, устроенной на полковомъ дворѣ, куда я каждый день ѣздилъ наблюдать за ходомъ ученія и экзаменовалъ учениковъ. Прогулки во Владикавказѣ верхомъ и пѣшкомъ были чрезвычайно пріятны по прелестному мѣстоположенію Владикавказа. Бульваръ былъ расположенъ на самомъ берегу Терека. Что за прелесть былъ этотъ бульваръ въ лунную ночь, когда луна всплываетъ надъ вершиной Казбека и освѣтитъ очаровательную окрестность съ черными мрачными Галаховскими горами, съ ревущимъ Тереккомъ, съ его пѣнистыми волнами, придающими по огромнымъ камнямъ его русла. Этотъ молодой, но уже тѣнистый садъ съ благоухающими бѣлыми акаціями, ароматическій воздухъ и чудная картина — все это доставляло истинное наслажденіе мнѣ, какъ страстному любителю природы. И теперь, переносясь туда въ моихъ воспоминаніяхъ, я какъ будто смотрю на всю эту чудную красоту!

Получивъ отпускъ, мы простились со всѣми любившими насъ — съ искреннимъ чувствомъ благодарности за ихъ дружбу, гостепріимство, радушіе, и отъѣзжая увезли въ душѣ всѣ тѣ чувства, которыя насъ наполняли тогда, наполняютъ теперь и которыя сохраняются навсегда.

Проѣздомъ мы остановились въ Екатериноградѣ у полковаго командира князя Эристова, Георгія Романовича, котораго гостепріимствомъ и пріязнью пользовались во все то время, когда мы жили въ Наурѣ и потомъ изъ Владикавказа по пути въ Науръ, такъ какъ это былъ сосѣдній полкъ съ Моздокскимъ и мы довольно часто ѣзжали къ нему или съ Аминовымъ, или я одинъ. Это былъ, опять же долженъ сказать, прекрасный человѣкъ, благородный, сынъ чудной Грузин. Онъ воспитывался, кажется, въ пажескомъ корпусѣ, а потомъ

служилъ въ гвардейской кавалеріи и потомъ былъ командиромъ Горскаго полка, былъ добръ, гостеприменъ, благотворителемъ, отъ него всѣ проходящіе бѣдняки или отставленные отъ службы и оставшіеся безъ средствъ къ жизни, получали всегда положенное и опредѣленное имъ пособіе. Столъ у него всегда былъ превосходный и радушіе хозяина безмѣрно. Иногда мы ѣзжали съ нимъ по станицамъ его полка, иногда проводили у него вечера, куда приходили военные стоявшаго тамъ полка, съ полковымъ командиромъ и конечно всѣ садились за карты, а иногда у полковаго командира. Всѣ проѣзжавшіе въ Тифлисъ непременно бывали у него; тогда же проѣзжалъ архіепископъ Исидоръ, назначенный экзархомъ Грузіи и помню, что въ домѣ была всеобщая.

Теперь мы проѣзжали Екатериноградъ уже въ послѣдній разъ и въ послѣдній разъ пользовались радушіемъ гостепримствомъ кн. Эристова и грустно было намъ расстаться съ нимъ навсегда. Потомъ мы остановились въ Наурѣ, который, при пріѣздѣ нашемъ на Кавказъ, былъ первой станціей изъ станицъ казачьихъ, и гдѣ теперь простились съ незабвеннымъ другомъ нашимъ Аминовымъ, со старушкой Найденовой и ея дочерью Александрой Ивановной; кумушка моя Елизавета Ивановна Баскакова жила съ мужемъ въ другой станицѣ того полка, которымъ теперь уже командовалъ ея мужъ Алексѣй Петровичъ Баскаковъ, на правомъ флангѣ. Вотъ всѣ тѣ милыя, добрыя благородныя существа, съ которыми судьба связала насъ на Кавказѣ и память о которыхъ будетъ жить во мнѣ до конца дней моихъ.

Нѣкоторыя отголоски изъ этого незабвеннаго края я получалъ еще нѣкоторое время въ Россіи....

Но теперь уже все это замолкло, многія подробности изгладились изъ моей памяти, и многіе изъ дѣствующихъ лицъ и добрыхъ друзей уже сошли въ могилу, чтобы въ той же взаимной чистой любви, съ вѣрой и любовью къ Богу, соединявшими насъ здѣсь, соединиться, безъ сомнѣнія, и въ вѣчной жизни.

А. П. Вѣлковъ.

Москва.

1881 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

ПЕРЕПИСКА 1828—1830 гг. ¹⁾.

1829 г.

Императоръ Николай—Дибичу.

Варшава, 9-го (21-го) іюня ¹⁾.

Да будетъ Господь тысячекратъ благословленъ и да вознаградитъ Онъ васъ, любовный другъ, въ будущей жизни за ту знаменитую заслугу, которую вы оказали вашему отечеству! Вамъ извѣстны чувства, какія я питаю къ вамъ, и вы знаете то довѣріе, которое я имѣю къ вашимъ чувствамъ. Я счастливъ, что вы доказали всему міру, что довѣріе мое къ вамъ было справедливо. Примите мою сердечную и душевную благодарность. Отнынѣ имя ваше начертано безсмертными строками въ лѣтописяхъ славы нашей арміи!

Но что за молодцы эти прекрасныя войска, эти дорогіе ратные товарищи, и какъ я сожалею, что болѣе не съ ними! Что за геройскіе полки: 12-й егерскій и Муромскій и храбрые Александрійскіе гусары! Вотъ подвиги, которые должны быть отмѣчены въ исторіи нашей арміи!—Радость здѣсь была большая: вся армія, подъ ружьемъ и подъ моею командою, присутствовала при молобнѣ, который мы отслужили сегодня по утру, при громѣ залповъ всей артиллеріи и въ присутствіи всей Варшавы. Я еще вчера вечеромъ послалъ Купшелева къ королю, чтобы возвѣстилъ ему новость. Для вашихъ храбрыхъ помощниковъ я сдѣлалъ все, чего вы пожелали; васъ же самихъ украсить Георгій 2-й степени. Сдѣлайте такъ, чтобы я пе-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г., томъ XXX, стр. 105—130; томъ XXXII, стр. 287—302.

²⁾ Отвѣтъ на письма Дибича отъ 31-го мая и 2-го іюня. (Переводъ съ франц.).

ремѣнилъ его на 1-ю степень,—и никто тому не будетъ радоваться болѣе меня.

Завтра же Виттъ ¹⁾ получитъ приказаніе отправить всѣ резервные баталіоны 3, 6 и 7-го корпусовъ и 10-й дивизіи, въ составѣ 600 чел. на баталіонъ, а также по 2 эскадрона на каждый полкъ дивизіи: 3-й гусарской, 4-й и 5-й уланскихъ, 1-й драгунской и 1-й конно-егерской. Резервы 2-го корпуса я самъ увижу и отправлю къ вамъ все, что въ состояніи будетъ двинуться, тотчасъ же послѣ смотра. Посылаю приказаніе 12-й дивизіи быть готовою къ посадкѣ на суда; но зная, что войска эти еще крайне молоды, я полагаю, что они могутъ лишь замѣстить тѣ части, которыя занимаютъ Сигеполь. Туда я ихъ отправлю; но это можетъ быть сдѣлано лишь мало по малу, смотря по средствамъ перевозки. Я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ переговоровъ съ визиремъ; но, во всякомъ случаѣ, вы имѣете въ своемъ распоряженіи Фрица Палена, а впоследствии я пришлю Орлова, въ качествѣ втораго уполномоченнаго,—какъ человѣка надежнаго, умнаго и истинно русскаго. Что касается возможности попытки противъ Шумлы, то я предпочитаю сомнѣваться въ ней, чѣмъ обольщать себя напрасною надеждою; впрочемъ я увѣренъ, что вы не захотите терять плодовъ побѣды, рискуя войсками безъ увѣренности въ успѣхѣ. Шумла—дѣло добавочное, полезное, но не необходимое, между тѣмъ какъ приготовленія къ переходу черезъ Балканы представляютъ цѣль, которую вы всегда должны имѣть передъ глазами и къ достиженію которой вамъ слѣдуетъ направить всѣ ваши усилія. Я сдѣлаю все, что можно, чтобы облегчить вамъ успѣхъ.

Кланяйтесь очень графу Толлю ²⁾, вашему храброму и достойному помощнику. Ваше взаимное согласіе есть ключъ къ дальнѣйшему пути и служить мнѣ порукою за ваши будущіе успѣхи. Надѣюсь, что Красовскій будетъ имѣть возможность скоро покончить съ Силистріею и, затѣмъ, присоединиться къ вамъ; но я не думаю, чтобы вы были правы, притягивая къ себѣ дивизію изъ Валахій прежде, нежели какіе либо рѣшительные успѣхи въ Сербіи обезпечатъ ваше правое крыло.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій отъ Грейга и желаю, чтобы онъ быстро и сильно отомстилъ за постыдную и напрасную потерю фрегата ³⁾. Весьма важно, чтобы онъ какъ можно скорѣе сдѣлался свободнымъ, дабы обезпечивать переходъ черезъ Балканы.

¹⁾ Графъ де-Виттъ—начальникъ вѣжныхъ военныхъ поселеній.

²⁾ Баронъ Толль возведенъ въ графское достоинство, за сраженіе при Кувевчѣ.

³⁾ Фрегатъ „Рафанлъ“, безъ боя сданный туркамъ.

Впрочемъ, любезный другъ, Богъ да поможетъ вамъ, какъ доселѣ помогалъ. Его милосердію приписывайте (какъ вы и дѣлаете) тѣ успѣхи, которые Онъ доставляетъ вамъ; я очень радъ былъ найдти это чувство въ вашемъ письмѣ и я увѣренъ—насколько знаю васъ—что вы его сохраните, и тогда Богъ намъ поможетъ.

Благодарность и дружескій привѣтъ всѣмъ моимъ товарищамъ, въ особенности—Толлю и Палену.—Вашъ навсегда, душою и сердцемъ Н.

Varsovie, le 9 (21) Juin.

Que Dieu soit mille fois béni, mon cher ami, et qu'il vous récompense dans l'autre vie pour le service signalé que vous venez de rendre à votre patrie! Vous connaissez mes sentimens pour vous et vous savez aussi la confiance que je mets dans les vôtres. Je suis heureux que vous ayez prouvé à la face du monde, que je l'avais bien placé, en la plaçant en vous. Recevez ma reconnaissance de coeur et d'âme. Voilà votre nom inscrit dans les fastes de notre armée d'une manière immortelle!

Mais quels braves, que ces excellentes troupes, ces chers compagnons d'armes, que je regrette de ne plus suivre. Quels héros, que ceux du 12 chasseurs, de Муромъ et ces braves hussards d'Alexandrie. Voilà des faits, qu'il faut souligner dans l'histoire de l'armée! La joie ici a été grande, et toute l'armée sous les armes a assistée, sous mes ordres, au Tedeum, que nous avons chantés ce matin au bruit des salves de toute l'artillerie et en présence de toute Varsovie. J'ai envoyé, encore hier soir, Кумелевъ au Roi, pour lui porter la nouvelle. J'ai fait tout ce que vous avez désiré pour vos braves aides. Le 2-me de St. Georges va vous orner; faites le moi changer en 1-r, et personne ne s'en réjouira plus que moi.

Dès demain Witt reçoit l'ordre de faire partir tous les bataillons de réserve des 3, 6 et 7-me corps et de la 10-me division, à 600 hommes par bat. et 2 escadrons par régiment de la 3-me hussards, 4 et 5 lanciers, 1 dragons et 1 chasseurs. Je verrai moi-même les réserves du 2 corps et ferai partir tout ce qui peut marcher, de suite après la revue. J'envoie l'ordre à la 12 div. d'être prête à s'embarquer, mais connaissant l'extrême jeunesse de cette troupe, je suppose qu'elle ne pourra que remplacer les troupes garnisonnées à Sizepolis. C'est là que je les expédierai; mais cela ne peut être qu'à fur et mesure, selon les moyens de transport. Je doute beaucoup de la réussite des négociations avec le Wizir; en tout cas, cependant, vous avez Fritz Pahlen à vos ordres, et j'enverrai plus tard Orlof, comme second plénipotentiaire,—comme un homme sûr, d'esprit et un vrai Russe. Quant à la possibilité d'une tentative sur Schoumla, j'aime mieux en douter que de m'en flatter d'un vain espoir; au reste je suis persuadé que vous ne voudrez pas perdre les fruits de la victoire, en compromettant les troupes sans certitude de succès. Schoumla est un accessoire utile, mais non indispensable; tandis que les préparatifs du passage des Balkans sont le but que vous devez avoir constamment devant les yeux et vers lequel vous devez tourner tous vos efforts. Je ferai ce que je puis pour vous en faciliter le succès.

Dites mille choses au Comte Toll, votre brave et digne aide; votre har-

monie est la clef de la route et le garant pour moi de vos succès à venir. J'espère que Красовскій pourra finir bientôt avec Silistrie et, alors, vous joindre; mais je ne crois pas que vous ayez raison d'attirer une division de Walachie avant que des succès décisifs en Servie assurent d'avantage votre droite.

J'attends avec impatience des nouvelles de Greig et je souhaite qu'il venge bientôt et ferme la honte d'avoir perdu pour rien une fregatte; il est essentiel qu'il soit libre le plus tôt possible, pour assurer le passage des Balkans.

Enfin, mon cher ami, que Dieu vous aide, comme il vous a aidé; et rappez, comme vous le faites, à Sa miséricorde les succès qu'il vous a fait obtenir; j'ai été charmé de retrouver ce sentiment dans votre lettre, et je suis sûr—tel que je vous connais—que vous le garderez; et alors Dieu nous aidera.

Reconnaissance et amitié à tous mes camarades, en particulier—à Toll et Pahlen. A vous pour la vie et de cœur et d'âme N.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь при с. Эжнѣюй, близъ Шумлы, 9-го іюня.

Со времени отправки курьера, 2-го числа сего мѣсяца, ничего особенно важнаго здѣсь не происходило. В. В.—мъ, конечно, уже получено мое письмо, возвѣщающее о славной экспедиціи генер. Гейсмара на Рахово ¹⁾ и отправленное съ фельдгеремъ, повезшимъ мои денешні гр. Толстому.

Такъ какъ непріятель, видя дорогу изъ Эски-Стамбула отрѣзанною, сталъ направлять все черезъ Казонъ и, судя по всѣмъ донесеніямъ, получалъ свое продовольствіе изъ Тырнова,—то я, убѣдившись, что наша полу-блокада, раскидываясь на огромное пространство, поведетъ лишь къ изнуренію кавалеріи аванпостною службою, сосредоточилъ свои силы на енибазарской дорогѣ, оставивъ казаковъ въ окрестностяхъ Морача; генерала же Крейца, съ однимъ казачьимъ полкомъ и 1-ю бригадою 4-й уланской дивизіи послалъ на Афлотаръ для того, чтобы онъ могъ поддержать Красовскаго въ томъ вѣроятномъ случаѣ, если бы Гуссейнъ-Паша двинулся къ Силистріи. вмѣстѣ съ тѣмъ я направилъ кн. Мадатова, по разградской и тырновской дорогамъ, къ Джумаѣ; но онъ нигдѣ не встрѣтилъ непріятеля, а Джумая и Разградъ оказались покинутыми ихъ обывателями.

Извѣстія изъ подѣ Силистріи удовлетворительны; хотя я желалъ бы, чтобы тамъ дѣйствовали побыстрѣе. Вѣнчаніе гласиса продолжается съ 6-го числа, равно какъ и устройство минъ подѣ контръ-

¹⁾ Этого письма не нашлось.

эскарпомъ, которыя должны были быть взорваны вчера, присоединяя свое дѣйствіе къ дѣйствію брешь-батарей, бьющихъ по эскарпу. Надо надѣяться, что удачное дѣйствіе минъ и батарей поколеблетъ гарнизонъ, который уже хотѣлъ капитулировать, но только на условіяхъ, дарованныхъ Бранлову. Условія же, которыя я разрѣшилъ Красовскому даровать, суть: сохраненіе всякаго частнаго имущества, свободный выходъ женщинъ, дѣтей и стариковъ свыше 60 лѣтъ, или же—дозволеніе имъ остаться въ городѣ; остальные должны сдаться военно-плѣнными.

По разсказамъ перебѣжчиковъ изъ крѣпости, общая нужда увеличивается въ городѣ съ каждымъ днемъ, а гарнизонъ несетъ ежедневно большія потери отъ нашего огня, особенно—отъ бомбъ.

Изъ бумагъ, посланныхъ мною вице-канцлеру, копія съ которыхъ (на случай, если бы его не было съ Вами) имѣю счастье при семъ приложить, В. В—ву сдѣлается извѣстнымъ продолженіе нашихъ переговоровъ съ турками. Не льщу себя надеждою (вопреки тому, что можетъ показаться съ перваго взгляда), чтобы это, теперь, могло повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ; но надѣюсь, что это значительно ускоритъ ходъ переговоровъ послѣ перехода черезъ Балканы,—особенно, если прибытіе резервовъ дозволитъ мнѣ двинуться къ Адрианополю.

Дѣло подъ Раховымъ тоже представляетъ собою блестящій атрактъ,—весьма полевный потому, что прерываетъ водяное сообщеніе между Виддиномъ и Никополемъ.

Насколько военныя дѣла представляются повсюду совершенно удовлетворительными; насколько, кромѣ того, я имѣю полныя основанія быть довольнымъ продовольственной частію, — настолько же, къ несчастію, извѣстія о заразительной болѣзни становятся со дня на день печальнѣе и безутѣшнѣе. Опустошенія, производимыя ею въ Валахіи и Молдавіи, продолжаются и увеличиваются; но, къ несчастію, и въ Болгаріи—особенно же въ Кистенджи и Варнѣ,—она внезапно появилась съ такими злокачественными симптомами, которые дѣлаютъ ее похожею на восточную чуму. Особенно страдаютъ отъ нея первые три полка 10-й дивизіи и 4-й піонерный баталіонъ; въ теченіи недѣли тамъ было уже около 300 умершихъ и столько же заболѣвшихъ, и пребываніе въ лагерѣ вовсе, повидимому, не улучшаетъ ихъ положенія. Я приказалъ перемѣнить лагерное мѣсто, каждый день водить людей купаться; однимъ словомъ: всѣ мѣры приняты и будутъ принимаемы; но только рука Всевышняго можетъ остановить этотъ бичъ. Черезъ Варну пройдутъ не всѣ войска, и я буду стараться, насколько возможно, чтобы всякое сообщеніе съ за-

раженными было устранено; но совершенно этого избѣжать невозможно. Всѣ войска, которыя проходятъ, и преимущественно резервныя, будутъ располагаемы внѣ зараженныхъ городовъ и получать продовольствіе съ соблюденіемъ необходимыхъ предосторожностей.

Войска осматриваются какъ можно чаще; людей приказано купать и мыть, и я велѣлъ составить особую по сему предмету, походную инструкцію, печатные экземпляры которой вышлю немедленно на встрѣчу резервнымъ баталіонамъ и эскадронамъ, которые впрочемъ буду по возможности отклонять отъ зараженной дороги. Такимъ образомъ я надѣюсь, что, при помощи Божіей, несчастная болѣзнь эта останется лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усиленію ея наиболѣе, повидимому, способствовали: нездоровый климатъ и истощеніе силъ въ людяхъ,—особенно въ тѣхъ, которые зимою и весною употреблялись для земляныхъ работъ.

В. В—ву, въ послѣднемъ письмѣ, благоугодно было снова написать, что Вы разсчитываете прислать мнѣ резервные баталіоны въ составѣ отъ 700 до 800 человекъ. Осмысливаю повторить, что прибытіе на каждый полкъ по одному баталіону въ 400—500 чел. и по одному комплектному эскадрону—но такъ, чтобы они присоединились къ арміи еще въ теченіи іюля — казалось бы мнѣ, на первый разъ, достаточнымъ и гораздо предпочтительнѣе прибытія баталіоновъ болѣе сильныхъ, но однимъ мѣсяцемъ позже, когда время года не позволитъ предпринять чего либо рѣшительнаго, а первый страхъ, произведенный на непріятеля (какъ я надѣюсь) переходомъ черезъ Балканы, успеетъ отчасти миновать.

Толль и Паленъ весьма тронуты вниманіемъ В. В—ва и повергаютъ себя къ стопамъ Вашимъ, Государь.

Деллинггаузенъ, который—не знаю, почему—кажется недовольнымъ своимъ положеніемъ, сказалъ Толлю, что видитъ себя вынужденнымъ проситься въ отставку, по случаю болѣзни. Толль объяснилъ ему всю неблаговидность этого; но онъ остался при своемъ мнѣніи. Если онъ подастъ мнѣ прошеніе, то я намѣренъ разрѣшить ему ѣхать въ Россію, ибо полагаю, что во время войны, въ особенности, не слѣдуетъ никого удерживать помимо его воли.

Благоволите, Государь, повергнуть къ стопамъ Ея В—ва Императрицы глубокую мою благодарность за то, что удостоила вспомнить обо мнѣ.

Весьма счастливъ былъ увидѣть изъ Вашего письма и узнать отъ прапорщика Иностранцева (за производство котораго приношу В. В—ву искреннѣйшую благодарность), сколь довольны были В. В. своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ. Очень счастливъ былъ бы я послѣдовать

туда за Вами, Государь; но утѣшаюсь убѣжденіемъ, что здѣсь былъ не бесполезенъ для службы Вамъ. Я былъ бы неблагодарнѣйшимъ человѣкомъ, если бы съ радостію не жертвовалъ для Васъ всѣми пріятностями моего существованія.

Благоволите, Государь... .

Лагерь при Энжикіой, близъ Шумы, 16-го іюня вечеромъ ¹⁾.

Фельдъегерь Щекинъ только что привезъ письмо и рескриптъ отъ 9-го іюня, которыми В. В. удостоили почтить меня. Они весьма очастливили меня, Государь. Осмѣливаюсь признаться, что еще болѣе радъ тому, что мнѣ удалось осуществить желанія Ваши, и что я узналъ это отъ Васъ самихъ, — нежели полученію отъ Вашей милости тѣхъ щедрыхъ наградъ, которыми В. В. насъ осыпали и которыя, относительно меня, Вамъ благоутодно было усугубить. Конечнымъ же избыткомъ счастья для меня есть полное удовольствіе, выраженное В. В.—мъ поведенію тѣхъ храбрыхъ, которыхъ Вы мнѣ вѣрили.

Благоволите, Государь, принять выраженіе глубочайшей благодарности за новые знаки Вашихъ милостей; показать себя ихъ достойнымъ повелѣвать мнѣ. одинаково, и сердце мое и чувство долга. Сегодня, послѣ богослуженія, я передалъ находящимся здѣсь войскамъ благодарность Вашу, Государь. Они приняли ее съ восторгомъ, и могу Васъ увѣрить, что мы всѣ чувствуемъ святость обязанностей, ею на насъ налагаемыхъ. Тотъ, милости Котораго мы всѣ обязаны, да подастъ мнѣ силы и да благословитъ прилагаемая доблестною Вашою арміею старанія къ исполненію августѣйшихъ намѣреній Вашихъ! Да осуществить Всевышній желанія, нами питаемая, и надежду на прочный и почетный миръ, внушаемую мнѣ, какъ положеніемъ противника, такъ и тѣми обширными, резервными средствами, которыя В. В., въ послѣднихъ депешахъ, предоставляете мнѣ!

Исполненіемъ этихъ надеждъ льщу себя, однако, не ранѣе перехода черезъ Балканы, и тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю сдачи Силистріи. Къ несчастію, упорная оборона гарнизона, а еще болѣе — постоянные дожди, (которыя, съ другой стороны, весьма намъ полезны, освѣжая траву и воздухъ) замедлили взятіе оной гораздо долѣе того срока, на который я считалъ возможнымъ надѣяться. Я думаю, что были также и кой какія неправильности въ осадныхъ

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Государя отъ 9-го іюня

работахъ: храбрый и неутомимый Шильдеръ, отъ избытка усердія, хотѣлъ подвигать ихъ впередъ слишкомъ скоро и чрезъ это самое предпринималъ иногда преждевременную работу, которую затѣмъ приходилось исправлять. Такою работою, между прочимъ, была, по-видимому, и мина, подведенная уже подъ эскарпъ, прежде нежели довершено было вѣнчаніе гласиса: вслѣдствіе вылазки гарнизона ее пришлось оставить. Теперь будутъ укрѣплять ту часть контръ-эскарпа, которая дѣйствуетъ по потернѣ, и я надѣюсь, что новая мина удастся. Я самъ отправился бы подъ Силистрію, если бы пребываніе мое не было нужно здѣсь, для подготовки перехода за Балканы, и если бы не опасался, что лица, видящія все въ черномъ цвѣтѣ, не назвали бы такое движеніе отступленіемъ.

Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что задержка эта не будетъ значительною. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, генералъ Красовскій полагалъ, что крѣпость будетъ взята около 20-го или 22-го числа.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ перебѣжчиковъ, ежедневно являющихся къ намъ изъ Шумлы, Решидъ-Паша, получивъ подкрѣпленіе въ нѣсколько тысячъ албанцевъ, и прибавивъ къ нимъ столько же делибашей, послалъ отъ 5-ти до 8-ми т. человекъ, безъ пушекъ (судя по различнымъ показаніямъ), черезъ Джумаю на Виддинъ, Тырново и Разградъ. Такъ какъ весьма вѣроятно, что онъ, изъ окрестностей Разграда двинется къ Силистріи, я отдѣлилъ туда бригаду генер. Магиновскаго, которая была назначена для очищенія лѣса между Силистрією и Разградомъ, и дивизію кн. Мадатова. Это можетъ быть и лишнее,—но движеніе не вредитъ людямъ; здѣсь же у меня войскъ остается достаточно противъ 20 т. (самое большое), которыя визирь можетъ имѣть въ Шумлѣ, присоединивъ обезкураженные остатки полковъ, бывшихъ подъ Кулевчею, къ гарнизону, сила котораго не превосходила 12 т. человекъ, считая въ томъ числѣ и вооруженныхъ жителей.

Заразительная болѣзнь продолжаетъ производить опустошенія въ болгарскихъ портахъ и въ княжествахъ; я принимаю всѣ мѣры для того, чтобы она не могла распространяться въ войскахъ и резервахъ, которые отъ Бабадага направлены по степи, гдѣ приготовлены для нихъ этапы.

Благодаря заботамъ Киселева, Журжевскій отрядъ кажется всецѣмъ освобожденъ отъ этого бѣдствія. Я отправилъ Рота въ Варну, ибо мнѣ казалось, что Головину не достаетъ энергій и хладнокровія. Морскіе транспорты я уже приказалъ направить въ Сивеполь, гдѣ продовольственные запасы помѣстятъ на островахъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ мы примемъ всевозможныя мѣры относительно припасовъ въ болгарскихъ портахъ.

Не могу достаточно благодарить В. В. за 12-ю дивизію; она будетъ составлять гарнизонъ Сизеполя и прочихъ портовъ Бургасскаго залива.

Позвольте мнѣ, Государь, еще разъ выразить передъ Вами чувства глубочайшей признательности за милости, которыя Вы излили на насъ. Толь совершенно счастливъ; онъ, равно какъ и Паленъ, приносятъ Вамъ искреннѣйшую благодарность за воспоминаніе, которымъ Вы ихъ удостоиваете. Меня же В. В. весьма изволили осчастливить, наименовавъ кн. Трубецкаго Вашимъ адъютантомъ.

Когда я уже почти совсѣмъ окончилъ это письмо, то получилъ отъ генер. Красовскаго донесеніе о вѣдѣніи люнета передъ фронтомъ 6—7-й, вмѣстѣ съ 5-ю знаменами, которыя имѣю счастье представить съ тѣмъ же фельдъегеремъ, равно какъ и планъ осадныхъ работъ, которыя В. В. найдете изрядно подвинувшимися, но вѣскольکو избыточными. Адъютантъ Красовскаго сказалъ мнѣ, что мины подъ эскарпомъ надѣются взорвать 16-го или 17-го числа. Въ окрестностяхъ Силистріи все тихо. Петери убитыми и ранеными довольно значительны: ихъ было болѣе двухсотъ, въ теченіи трехъ дней, какъ устраивали спускъ въ ровъ. Гвардейскій офицеръ Черкесовъ сильно контуженъ, а адъютантъ Его Выс—ва Вел. Князя Михаила Павловича, Философовъ—легко раненъ. Оба они служатъ съ величайшимъ отличіемъ, равно какъ Бакунинъ и всѣ гвардейскіе офицеры, которыхъ В. В. благоугодно было прислать къ намъ.

Поведеніе генерала Г. тѣмъ болѣе позорно, что оно могло быть лишь послѣдствіемъ выговора, даннаго ему генер. Ротомъ за то, что онъ опоздалъ къ дѣлу 5-го числа и за противныя дисциплинѣ выраженія, произнесенныя имъ при этомъ случаѣ. Вслѣдствіе сего.—еще до полученія приказаній В. В—ва, которыя будутъ исполнены въ точности—я уже послалъ г. Г. формальный запросъ.—Льшу себя тѣмъ, Государь, что съ каждымъ днемъ замѣчаю въ превосходныхъ войскахъ, ввѣренныхъ мнѣ милостію Вашшею, все болѣе и болѣе привязанности и довѣрія ко мнѣ, но заслужить это надѣюсь лишь строгою справедливостію, какъ къ хорошему такъ и къ дурному, и твердымъ соблюденіемъ законовъ.

Осмѣливаюсь просить Васъ, Государь, повергнуть меня къ стопамъ Ея В. Императрицы и благоволить.....

Дибичъ.

Императоръ Николай—Дибичу.

Лагерь при Тульчинѣ, 21-го іюня ¹⁾

Вашъ курьеръ, любезный другъ, прибылъ ко мнѣ сегодня вечеромъ и я очень радъ, видя, что вы и ваши храбрые ратные товарищи довольны; но ручаюсь, что вы не болѣе довольны, нежели я—всѣми вами.

Надѣюсь, что наконецъ Силистрія должна пасть; я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія, что вы уже далеко отъ Шумлы; слишкомъ долгое пребываніе передъ нею (хотя въ иныхъ отношеніяхъ и полезное), имѣетъ ту дурную сторону, въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ, что заставляетъ думать, будто мы опять долго простояли передъ этою крѣпостію, не будучи въ состояніи ничего сдѣлать. И такъ, самое лучшее, что вы можете сдѣлать, это—поскорѣе уйдти отсюда; ибо если визирь силенъ—онъ послѣдуетъ за вами; если же онъ слабъ (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то вамъ нечего опасаться. Мы распорядимся такъ, чтобы доставить вамъ всё, не позже какъ къ 20-му іюля; первые же (резервы) придутъ къ вамъ 19-го іюля. Считая съ 12-ю дивизією, вы получите подкрѣпленій 42 т. человекъ, изъ коихъ пѣхоты 36,800. Я посылаю вамъ 4 орудія конной батареи № 19-го и по одному дивизиону (людей и лошадей) изъ всей резервной, пѣшей и конной артиллеріи.

Старайтесь и торопитесь приготовленіями къ переходу черезъ горы. Лошади 12-й артиллерійской бригады и подъ необходимыя для дивизіи тяжести скоро придутъ въ Варну; примите мѣры къ посадкѣ ихъ на суда. Дивизія эта не будетъ имѣть своихъ провіантскихъ фуръ; и я думаю, что она можетъ безъ нихъ обойтись.

Кланяйтесь графамъ: Толлю и Палену. Вашъ навсегда Н.

Здѣсь я остался всѣмъ вполне доволенъ.

Au camp de Тульчинъ, le 21 Juin.

Votre courrier m'est arrivé ce soir, mon cher ami, et je suis charmé de vous voir, ainsi que vos braves compagnons d'armes, satisfaits; mais je vous défie de l'être plus que je ne l'ai été de vous tous.

J'espère qu'enfin Silistria doit tomber, et il me tarde de vous savoir loin de Шумла; un trop long séjour vis-à-vis—quoique utile sous d'autres rapports—à le mauvais, politique et moral, de faire croire que nous sommes de nouveau restés longtemps devant, sans avoir rien pu faire. Aussi vous ne sauriez mieux

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 16-го іюня 1829 г

faire que de le quitter le plus tôt possible; car si le Wизir est fort, il vous suivra; s'il est faible—ce qui est sûr—alors vous n'en avez rien à craindre.— Nous faisons en sorte de vous faire arriver tout, au plus tard, pour le 29 Juillet, et les premiers vous joindront le 19 Juillet. Vous aurez, avec la 12-me division, 42 m. hommes de renforts, dont 36,800 d'infanterie. Je vous envoie 4 pièces de la batterie à cheval № 19 et par une division,—hommes et chevaux—de toute l'artillerie, à pied et à cheval, de la reserve.

Soignez et pressez les préparatifs du passage des monts. Les chevaux de la 12-me brigade d'artillerie et ceux des bagages indispensables de la division vont vous arriver à Warna; prenez vos mesures pour leur embarquement. Cette division n'aura pas ses voitures de vivres et je crois qu'elle peut s'en passer.

Mille choses au Comtes Toll et Pahlen. A vous, mon cher ami, et pour la vie N.

J'ai été parfaitement satisfait de tout ici.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь при Эжвкюй, близъ Шумлы, 20-го іюня.

Вмѣстѣ съ симъ курьеромъ, имѣю счастье представить В. И. В—ву рапортъ генер. Красовскаго о благополучномъ овладѣніи Силистрію, по капитуляціи, заключенной 18-го числа, на тѣхъ основаніяхъ, которыя мною были даны Красовскому и копію съ коихъ при семъ прилагаю.

По этой капитуляціи, крѣпость должна была быть сдава 19-го числа. Махмудъ-Паша Адрианопольскій, твердости котораго Силистріскій Паша, Хаджи-Мегметъ, преимущественно обязанъ главною обороною, остался у насъ заложникомъ, съ тремя почетными городскими обывателями, до вступленія нашихъ войскъ. По свидѣніямъ, которыя онъ сообщилъ генер. Красовскому, мы можемъ ожидать 10 т. пѣнныхъ (въ томъ числѣ двое трехъ-бунчужныхъ пашей), около 220 орудій (со включеніемъ фальконетовъ и морскихъ пушекъ) и около 80-ти знаменъ.

Важнымъ приобрѣтеніемъ этимъ, обезпечивающимъ для насъ вторую операціонную линію и прочный базисъ на Дунаѣ, мы—за помощь Всевышняго—обязаны, преимущественно, доблести генер. Красовскаго, а затѣмъ—усиліямъ храбрыхъ войскъ В. И. В—ва, которыя, съ самаго начала обложенія и до конца осады, превзошли себя и въ отвагѣ, и въ веденіи осадныхъ работъ. Изъ нихъ Черняговскій полкъ нанесъ непріятелю первые удары штыкомъ и особенно отличался въ траншейныхъ схваткахъ и при отраженіи вылазокъ, равно какъ храбрые саперные и піонерные баталіоны и 3-й баталіонъ 3-й бригады 9-й дивизіи.

Милость Божія спасла насъ отъ страшныхъ послѣдствій приступа; я предписалъ Красовскому избѣгать этого насколько будетъ возможно, но не колебаться, если бы ходъ осады сдѣлалъ штурмъ неизбежнымъ. Въ тотъ самый день, въ который намѣревались штурмовать эскарпъ, дабы утвердиться на ономъ, турки открыли переговоры; и окончательный договоръ удалось заключить въ 11 ч. вечера.

Извѣстіе это везеть гвардейскаго конно-егерскаго полка капитанъ Врангель; онъ съ отличіемъ служилъ въ Персидскую кампанію, находясь адъютантомъ при ген. Красовскомъ, и мнѣ онъ извѣстенъ съ прапорщичьяго чина, какъ прекрасный офицеръ; на основаніи сего осмѣливаюсь просить В. В. о переводѣ его въ старую гвардію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь испрашивать для Красовскаго—если В. В. не назначаете ему другой награды — орденъ св. Владимира 1-й степени; онъ не имѣетъ еще ордена св. Александра Невскаго, но я полагаю, что важность крѣпости допускаетъ сдѣлать исключеніе въ послѣдовательности наградъ.

Официальнымъ рапортомъ испрашиваю щедрыхъ наградъ главнымъ помощникамъ Красовскаго, которыхъ поручаю милости В. И. В—ва. Изъ нихъ особенной похвалы заслуживаютъ: Горчаковъ и Бергъ.

Какъ только я получу отъ Красовскаго обстоятельное донесеніе о дняхъ, въ которые онъ можетъ выступить въ походъ, то буду имѣть счастье представить В. И. В—ву мои распоряженія къ переходу черезъ Балканы, который—какъ я надѣюсь,—при помощи Божіей—будетъ вторымъ послѣдствіемъ совершеннаго пораженія Решада-Паши.

Позвольте мнѣ, Государь, выразить передъ Вами мои лучшія желанія по случаю дня рожденія Вашего, къ которому—я надѣюсь—Врангель успѣетъ прибыть. Да благословитъ Господь Богъ труды, подъятыя Вами для счастья Вашихъ народовъ!

Императоръ Николай—Дибичу.

Козелецъ, 26-го іюня ¹⁾.

Очень любезно съ вашей стороны, милый другъ, что вы, ко дню моего рожденія, прислали мнѣ такой великодушный подарокъ, какъ Симетрія; это отличное извѣстіе я получилъ вчера утромъ, когда одѣвался. Да будетъ Господь Богъ тысячекратно благословенъ за это прекрасное приобрѣтеніе. Слава нашимъ храбрымъ войскамъ и вашимъ распоряженіямъ, которыя сразу подвинули дѣло! Въ память

¹⁾ Ответъ на письмо Дибича отъ 20 го іюня.

этого славнаго покоренія я назначилъ васъ шефомъ Черниговскаго полка; я подписалъ тоже всѣ ваши представленія о лицахъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху осады. Какое счастье, что все кончилось безъ пролитія крови! Надѣюсь, что вы уже приказали занять крѣпость 1-ю бригадою 11-й дивизіи и, въ такомъ случаѣ, вы могли бы ввѣрить начальство тамъ Кувьмину, подчинивъ, однако, крѣпость высшему вѣдѣнію Киселева. Такимъ образомъ все устроится какъ слѣдуетъ и въ предполагаемомъ боевомъ порядкѣ. Вы можете смѣло притянуть къ себѣ все, что было у Красовскаго. Не знаю еще, кого и гдѣ вы оставляете для наблюденія за вашимъ пріятелемъ, визиремъ. Такъ какъ, на первый разъ, вамъ не будетъ надобности во всей вашей кавалеріи, то я думаю, что вы хорошо сдѣлали бы, подкрѣпивъ ею и конною артиллеріею тотъ отрядъ, который назначенъ прикрывать вашъ тылъ и правое крыло. Могу дать вамъ самый удовлетворительный отчетъ о тѣхъ резервахъ, которые видѣлъ. Въ 1-й драгунской и 1-й конно-егерской дивизіяхъ было по 2 эскадрона на полкъ, по 20 рядовъ во ваводѣ; всего 16 эскадроновъ, дѣйствительно превосходныхъ.

Изъ нихъ, равно какъ и изъ остальной кавалеріи я посылаю вамъ только по одному эскадрону, потому что этого, кажется, достаточно. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы получите 4 запряженныхъ орудія 19-й конно-батарейной батарей; а также людей и лошадей еще для восьми конныхъ орудій. Въ Кіевѣ я сдѣлалъ смотръ 9-ти своднымъ баталіонамъ, т. е. 18-ти баталіонамъ 5-го корпуса; почти всѣ они въ отличномъ состояніи; по 32 ряда, и рекрута прекрасные.

Изъ числа послѣднихъ вы получите то количество, которое Толстой вамъ обозначилъ; и я приказалъ, чтобы всѣ они были отправлены въ 6-ю, 16-ю и, если пожелаете, въ 7-ю дивизію; такъ какъ 4-я и 17-я въ нихъ пока не нуждаются. Виттъ уѣхалъ въ Севастополь, гдѣ, вмѣстѣ съ Корсаковымъ, (который уже тамъ находится) онъ, насколько возможно скоро, распорядится отправленіемъ одной бригады 12-й дивизіи въ Сизеполь. Изъ писемъ Понсета Воронцову видно, что крайне необходимо послать подкрѣпленія въ этотъ пунктъ. потому что непростительно было бы потерять его. И такъ, любезный другъ, я рассчитываю, что около 25-го юля, вы будете подкрѣплены 42 т. человекъ резерва и всѣмъ Силистрійскимъ отрядомъ; если послѣдній сократился и до наименьшей численности, то я считаю, что всего будетъ 50 т. человекъ. Это огромныя средства, которыя вы—я въ томъ не сомнѣваюсь—счумѣете хорошо употребить. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю увѣдомленія о послѣдующихъ намѣреніяхъ вашихъ. Я посѣтилъ также Кіевскій арсеналъ, который со-

держанъ очень хорошо и въ комплектѣ,—кромя осадной артиллеріи, изъ которой не осталось болѣе ни одного орудія. Нельзя ли вамъ будетъ теперь приказать флотиліи подняться вверхъ по Дунаю, что бы прервать сообщенія между Рушукомъ и Журжею, и тогда послать осадную артиллерію Киселеву, чтобы попробовать атаковать, или, по крайней мѣрѣ, окончательно обложить Журжу. Я думаю, что это возможно. Сообщайте мнѣ, какъ можно скорѣе, ваше мнѣніе объ этомъ. Въ противномъ случаѣ вы могли бы отослать къ намъ Шильдера и половину гвардейскихъ офицеровъ; потому что въ Саперномъ баталіонѣ ощущается отсутствіе его командира. Адлербергъ сообщаетъ вамъ, что я нашелъ въ Кіевскомъ арсеналѣ лазаретный обозъ новаго образца, который, согласно приказанію, отданному начальнику комиссаріата, долженъ отправиться въ Яссы; полагаю, что тутъ, навѣрное, ошибка,—если только вы не пожелали отправить его теперь въ Силистрію. На всякій случай, я приказалъ, чтобы онъ дожидался въ Кишиневѣ, куда и прошу васъ послать ему ваши приказанія. Паскевичъ прислалъ ко мнѣ адъютанта, Муравьева, съ пятью знаменами; они съ Бурповымъ разбили 15-ти тысячный турецкій корпусъ около Ардагана и взяли 6 пушекъ; дѣло очень хорошее. Замѣчательно то, что состоящій на нашей службѣ 3-й мусульманскій полкъ атаковалъ и взялъ двѣ пушки! Каково!—Я даю ему за то знамя съ моимъ вензелевымъ изображеніемъ. Паскевичъ въ Карсѣ; Сераскиръ съ 40 т. находится въ 60-ти верстахъ отсюда, и Паскевичъ намѣревался идти атаковать его.

Здѣсь я остался весьма доволенъ кирасирами и гусарами; послѣдніе точно удивительны; да и весь корпусъ представляетъ самый блестящій видъ. Добрый старикъ фельдмаршалъ ¹⁾ здоровъ и все тотъ же, что и былъ. Полагаю остаться здѣсь завтра, а послѣ завтра вечеромъ выѣхать въ Бобруйскъ, гдѣ буду, вѣроятно, 30-го утромъ. Тамъ я думаю остаться 1-е и 2-е число и вечеромъ выѣхать въ Старую Русу, черезъ Витебскъ и Порховъ. Кланяйтесь Толлю и Палену. Прощайте. любезный другъ. Вашъ навсегда Н.

Koseletz, le 26 Juin.

Vous êtes bien aimable, mon cher ami, de m'avoir envoyé un aussi superbe cadeau pour ma fête, que Silistrie; j'ai reçu cette excellente nouvelle au moment où je m'habillais, hier matin. Que le bon Dieu soit mille fois béni pour cette belle acquisition; et gloire à nos braves troupes et à vos excellentes dispositions qui, dès le premier moment, ont donnés l'impulsion né-

¹⁾ Графъ Сакенъ, начальникъ 1-й арміи.

céssaire. En mémoire de votre bel investissement, je vous ai fait Chef du régiment de Tchernigof; j'ai, également, souscrit à toutes vos présentations pour les individus qui ont le plus contribué au succès du siège. Qu'il est heureux que tout aie fini sans effusion de sang!—J'espère que vous aurez déjà ordonné de faire occuper la place par la 1-re brigade de la 11-me division et en ce cas, vous pourriez en confier le commandement à Kousmin, en mettant — je crois, toute fois, — la place sous les ordres supérieurs de Кучаевъ. De cette manière tout est en règle et dans l'ordre de bataille convenu. Vous pouvez hardiment attirer à vous tout ce que Кривовскій avait avec lui. Je ne sais encore, qui vous laissez et ou, pour observer votre ami, le vizir. Comme pour le premier moment vous n'aurez pas besoin de toute votre cavallerie, vous feriez bien, je crois, d'en renforcer, ainsi que de l'artillerie à cheval, le corps destiné à couvrir votre dos et votre droite. Je puis vous donner le compte le plus satisfaisant des réserves que j'ai vu. Celle de la 1-re division de dragons et 1-re de chasseurs à cheval étaient à 2 escadrons par régiment; à 20 fils le peloton; en tout, 16 escadrons, réellement superbes.

Je ne vous en envoie, ainsi que de tout le reste de la cavallerie, que par un escadron, car cela parait suffisant. Vous aurez avec 4 pièces attelées de la 19-me batterie à cheval, de position, et les hommes et les chevaux pour huit autres pièces à cheval. A Kief j'ai passé la revue de 9 bataillons combinés, c. à d. 18 bataillons du 5-me corps, presque tous excellents, à 32 files; et des recrues superbes. Vous aurez de ceux là le nombre que Tolstoy vous a marqué et j'ai ordonné que le tout part pour les 6-me, 16-me et, si vous le voulez, pour la 7-me division; les 4-me et 17-me n'ayant pas besoin pour le moment. Witt est parti pour Sevastopol, où, avec Копцаковъ, qui s'y trouve déjà, il fera partir, le plus tôt possible, pour Sizépolis, une brigade de la 12-me. D'après des lettres de Poncette à Woronzof, il est de la plus grande urgence de renforcer ce point, car il serait impardonnable de le perdre. Je calcule donc, mon cher ami, que vers le 25 du mois de Juillet vous serez renforcé de 42 m. hommes de réserve et de tout le corps de Silistrie, et, en le réduisant au minimum, j'estime le tout à 50 m. hommes. Ce sont d'immenses moyens, que vous saurez — je n'en doute pas — bien employer. J'attends avec grandes impatience la communication de vos projets ultérieurs. J'ai visité aussi l'arsenal de Kief qui est fort bien tenu et rempli, hors l'artillerie de siège, dont il n'y a plus une seule pièce. Ne pourrez vous pas faire remonter maintenant le Danube à la flotille, pour couper communication entre Roustchouk, et Jourga, et alors envoyer à Кучаевъ l'artillerie de siège, pour tenter l'attaque ou, du moins, le blocus formel de Jourga; je crois la chose possible. Dites m'en au plus tôt votre opinion. Dans le cas contraire, vous pourriez nous renvoyer Schilder et la moitié des officiers de la garde; car le bataillon de sapeurs se ressent de l'absence de son commandant. Adlerberg vous écrit, pour vous dire que j'ai trouvé à l'arsenal de Kief un parc d'ambulance du nouveau modèle, qui, d'après l'ordre donné au Chef du Commissariat, doit partir pour Jassy; je suppose que c'est erreur, — à moins que vous ne vouliez le faire aller maintenant pour Silistrie; en tout cas j'ai ordonné qu'il attend à Киминевъ, où je vous pris de lui donner vos ordres. Paskévitch m'a envoyé l'aide de camp de Муравьевъ, avec cinq drapeaux; lui et Bourzof ont battu un corps de 15 m. Turcs, près d'Ardagan, et enlevé 6 canons; une fort jolie affaire. Ce qui est particulier est que le 3-me régiment Musulman à notre service a chargé et

enlevé 2 canons!—c'est fort! Je leur donne aussi un drapeau avec mon chiffre Paskévitch est à Kars; le Serasquier est, avec 40 m. hommes, à 60 verstes de là, et Paskévitch voulait aller l'attaquer.

J'ai été fort content ici des hussards; les derniers sont réellement étonnant, et tout le corps présente le plus bel aspect. Le bon vieux Maréchal se porte bien, et toujours le même. Je me propose de rester ici demain et de partir après demain soir pour Bobrouysk où je serai, probablement, dans le matin du 30; j'y compte rester le 1 et le 2, et partir le soir pour Staraya Roussa, par Witebsk et Порховъ.—Mille choses à Toll et Pahlen. Adieu, mon cher ami; à vous pour la vie N.

БАРОНЪ ОЕДОРЪ КЛЕМЕНТЬЕВИЧЪ ГЕЙСМАРЪ.

Биографическій очеркъ.

1783—1848.

Представляю очеркъ біографіи моего дѣда генераль-адъютанта барона Гейсмара,—я имѣлъ въ виду возстановить добрую, вполне заслуженную память покойнаго.—Все, что до сихъ поръ было извѣстно объ этой замѣчательной личности,—все это преимущественно заключалось на страницахъ специальныхъ военныхъ сочиненій, а потому,—съ одной стороны было очень односторонне и притомъ крайне не подробно, а подчасъ даже и невѣрно, съ другой,—не было общезвѣстно.

При составленіи біографическаго очерка, я пользовался слѣдующими источниками: 1) Семейнымъ архивомъ и тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ были сообщены вдовой и старшимъ сыномъ покойнаго. 2) Запиской покойнаго о его службѣ. 3) Краткой біографіей генерала Гейсмара, напечатанной въ Мюнстерѣ (на нѣмецкомъ языкѣ) въ 1860 г. по инициативѣ старшаго сына. 4) Формулярнымъ спискомъ генераль-адъютанта барона Гейсмара и, наконецъ, 5) нѣкоторыми специально-военными сочиненіями, каковы: Война съ Турціей въ 1806—1812 гг. Мих. Данилаускаго, Война 1823—1829 гг., соч. г. Лукьяновича, Польскій походъ 1830—1831 гг. Смита, Давѣстія изъ дѣйствующей арміи, помѣщенные въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1825—1826; 1823—1829; кромѣ того нѣкоторыя сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ: *Plato*, 1813, *Aster*, *Die Schlacht bei Leipzig* и друг.—Но изъ всѣхъ этихъ источниковъ семейный архивъ покойнаго далъ мнѣ возможность въ особенности привести нѣкоторыя интересные подробности, доселѣ вовсе не извѣстныя писавшимъ что либо о генераль-адъютантѣ баронѣ Гейсмарѣ.

Весьма обязательно приложенный редакціей „Русской Старины“ къ настоящей книгѣ этого изданія портретъ моего дѣда исполненъ художникомъ граверомъ И. И. Матюшинымъ съ весьма хорошей литографіи 1849-го года Визге, мною редакціи сообщенный.

Баронъ В. Гейсмаръ.

ГЛАВА I.

Время Суворовскихъ солдатъ,
Налеть за Рейномъ дерзновенный,
Герой Бойлештской вдохновенный,
Въ бояхъ прославленный булатъ ¹⁾.

Первые годы его жизни. — Походы въ Италію. — Заключение въ вѣрпость Геную — Выходъ въ отставку.

Въ Вестфалии, недалеко отъ г. Алена, расположено родовое имѣніе древнихъ германскихъ бароновъ Гейсмаръ: д. Северингаузенъ. Тутъ-то, 12 мая 1783 года, у камергера двора короля Пруссіи барона Клементія Гейсмара родился сынъ, окрещенный по католическому обряду и получившій имя Фридриха. На 16-мъ году онъ окончилъ воспитаніе въ пансіонѣ въ Мюнстерѣ, куда помѣстилъ его отецъ, послѣ того какъ мальчику минуло 9 лѣтъ и, вернувшись домой въ деревню, самъ еще нѣкоторое время съ рвеніемъ, свойственнымъ только молодости, довершалъ свое образованіе. Съ юныхъ лѣтъ Федоръ Гейсмаръ выражалъ свое особенное расположеніе къ военной службѣ, но одно обстоятельство чуть было не уклонило его отъ этого пути; онъ былъ очень слабъ здоровьемъ и весьма нѣжнаго тѣлосложенія, поэтому среди его родныхъ уворенилось мнѣніе, что онъ годится только къ тихой пастырской дѣятельности, и потому, не смотря на всѣ его просьбы и убѣжденія позволить ему вступить въ военную службу, — родные заявили ему, что черезъ 2 года послѣ возвращенія изъ пансіона его отдадутъ въ духовную коллегію. Юношу не смутили однако подобныя требованія родныхъ: въ его головѣ уже созрѣлъ планъ образа дѣйствій. Къ тому времени братъ молодого Гейсмара поступилъ въ австрійскую военную службу и находился въ пѣхотномъ полку Дейтчмейстера: туда-то и рѣшилъ поступить нашъ молодой герой. Но какъ быть?—Отецъ ни за что не позволитъ ему, слабому отъ природы, переносить всѣ лишения военной жизни, а самъ онъ дѣйствовать не осмѣлится, боясь на-

¹⁾ Это четверостишіе было сочинено офицерами 1-го пѣхотнаго корпуса въ годовщину Бойлештской побѣды.

влечь на себя гнѣвъ престарѣлаго отца. Но вотъ отецъ скоропостижно умираетъ отъ удара, а спустя 3 мѣсяца послѣ похоронъ отца, Федоръ Гейсмаръ исчезаетъ изъ дому и, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, родные не знаютъ, гдѣ скрывается юноша. Между тѣмъ 15-ти лѣтній баронъ Гейсмаръ, оставивъ родительскій кровъ и престарѣлую мать, ночью въ мартѣ 1798 г. перешелъ прусскую границу и въ Австрію, благодаря стараніямъ брата, поступилъ на службу въ Дейтчмейстера полкъ юнкеромъ. Какъ извѣстно, около того же времени состоялся походъ австрийцевъ въ Италію противъ французовъ. Полкъ Дейтчмейстера, а слѣдовательно и нашъ юноша, принялъ участіе въ этомъ походѣ: тутъ впервые оказалось то замѣчательное явленіе, что худой и съ виду болѣзненный Федоръ Гейсмаръ стойко вынесъ походъ и всѣ сопряженныя съ нимъ лишенія и невзгоды: онъ участвовалъ при осадѣ крѣпости Мантуи, подъ командой генерала Края, и въ сраженіи подъ Нови. Въ страшномъ побоищѣ подъ Нови, ²/₃ офицеровъ полка Дейтчмейстера выбили изъ строя, въ числѣ ихъ и братъ молодого барона былъ убитъ; самъ же Гейсмаръ, не смотря на все оказанное имъ мужество, даже не былъ раненъ, а здоровъ и невредимъ возвратился съ полкомъ въ Австрію. Слѣдующій 1800 годъ былъ для него очень несчастливъ: благодаря дурнымъ распоряженіямъ высшаго австрийскаго начальства, весь отрядъ, въ которомъ онъ состоялъ, былъ взятъ въ плѣнъ французами и заключенъ въ крѣпость Геную. Здѣсь ему пришлось перенести всю тяжесть дурнаго и грубаго обращенія французскихъ солдатъ, сильно тогда озлобленныхъ противъ нѣмцевъ, и испытать всякаго рода лишенія: такъ, напр., онъ самъ въ семейномъ кругу впоследствии рассказывалъ, что нигдѣ ему такъ худо не было, какъ именно въ Генуѣ, и что тамъ онъ и его товарищи жевали даже голенища своихъ сапогъ, лишь бы только чѣмъ либо спастись отъ голодной смерти, такъ какъ французы разъ въ 3 или 4 дня давали имъ пищу,—остальное же время держали ихъ подъ строгимъ надзоромъ. Наконецъ, генералъ Массена—бывшій тогда командантомъ крѣпости Генуи—отпустилъ взятыхъ въ плѣнъ австрийцевъ, взявъ съ нихъ предварительно честное слово не участвовать въ кампаніи этого года.

Послѣ битвы при Маренгò, Гейсмаръ снова появляется въ Италіи и въ рядахъ австрийцевъ сражается противъ французовъ;

надо замѣтить, что онъ уже въ этомъ походѣ участвовалъ въ чинѣ прапорщика и тутъ впервые выказалъ невозмутимое мужество и хладнокровіе, — качества, благодаря которымъ, впоследствии, стяжалъ себѣ извѣстность опытнаго воина; при д. Буззоло на р. Минчю, онъ, командуя полуротой, отбилъ у французовъ двѣ пушки, а при Валежіо лично спасъ жизнь генералу С-нъ Жюльену. За эти подвиги онъ былъ представленъ къ ордену Маріи Терезіи, но по причинѣ молодости — не получилъ его.

Отчасти недовольный нерѣшительными распоряженіями вышшаго австрійскаго начальства (Hofkriegsrath), отчасти желая попытать счастья, онъ въ 1804 г. вышелъ въ отставку, для того, чтобы перейти на службу въ англійскія войска, находившіяся въ Индіи, и, съ этою цѣлью, намѣренъ былъ отправиться черезъ остр. Корфу на островъ Цейлонъ, гдѣ и осуществить свое намѣреніе ¹⁾.

Пріѣхавъ въ г. Корфу, онъ тамъ совершенно случайно встрѣтился съ русскимъ генераломъ Анрепомъ. Послѣдній, увидавъ въ немъ способнаго и образованнаго молодаго человѣка, убѣдилъ его поступить на службу подъ знамена русскаго царя.

Въ январѣ 1805 г. Гейсмаръ зачисленъ прапорщикомъ въ сибирскій гренадерскій полкъ, который стоялъ тогда въ г. Корфу.

Глава II.

Поступленіе въ русскую службу.—Участіе въ войнахъ съ турками 1806—1811 гг.—Женитьба.—Отставка.—Поступленіе снова на службу.—Гейсмаръ-партизанъ.

Съ сибирскими гренадерами баронъ Гейсмаръ участвовалъ въ войнахъ 1805 и 1806 гг. (противъ французовъ), на судахъ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, а также и при десантѣ въ Неаполитанское королевство.

Послѣ войны съ французами сибирскіе гренадеры прибыли на мѣсто стоянки въ Подольскую губернію, когда уже была объявлена война Турціи (въ 1806 году): полкъ былъ быстро снова

¹⁾ Примѣчаніе. Въ концѣ 1804 г. онъ съ нѣсколькими венеціанскими купцами странствовалъ по Сѣверной Африкѣ и Малой Азій, гдѣ, между прочимъ, одинъ турецкій паша принялъ его за русскаго шпіона и велѣлъ повѣсить, но, къ счастью, спутники его во-время подоспѣли на помощь и освободили.

мобилизованъ, введенъ въ составъ гренадерской дивизіи Милорадовича и вмѣстѣ съ арміей генерала Михельсона, въ концѣ 1806 года, вступилъ въ Молдавію и Валахію. Въ этой кампаніи Гейсмаръ отличился при с. Турбатъ: во главѣ ста охотниковъ онъ взялъ штурмомъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Башинскій замокъ, въ виду всей арміи и генералитета—какъ объ этомъ сказано въ реляціи главнокомандующаго ¹⁾.

Три мѣсяца спустя послѣ взятія замка Турбатъ, а именно 2 іюня 1807 г., Милорадовичъ нанесъ туркамъ страшный ударъ подъ д. Обилешти.

Въ этомъ сраженіи Гейсмаръ участвовалъ въ чинѣ подпоручика и, какъ самъ впоследствии рассказывалъ, втеченіи всего боя внимательно соображалъ всѣ передвиженія турокъ,—старался уловить, такъ сказать, характеръ ихъ военныхъ дѣйствій.—Навѣрно никто тогда не могъ предполагать, что онъ 20 лѣтъ спустя, уже въ качествѣ самостоятельнаго главнокомандующаго, дастъ туркамъ Бойлештское сраженіе, цѣль и послѣдствія котораго были тѣ же, что и Обилештскаго—а потому баронъ Гейсмаръ можетъ считаться достойнымъ ученикомъ генерала Милорадовича, усвоившимъ себѣ хладнокровіе, мужество и быстроту своего „незабвеннаго учителя“.

Вскорѣ послѣ Обилештскаго сраженія было заключено перемиріе, и въ г. Рущукѣ шли переговоры о мирѣ:—баронъ Гейсмаръ, какъ человѣкъ всесторонне образованный и прекрасно знающій почти всѣ европейскіе языки, былъ отправленъ въ главную квартиру великаго визиря, съ порученіемъ убѣдить его подписать болѣе выгодныя условія мира въ пользу сербовъ; исполнивъ это порученіе и вернувшись въ русскую главную квартиру, онъ въ теченіи 1808 г. былъ нѣсколько разъ посылаемъ съ подобными дипломатическими порученіями къ Мустафѣ-Байрактару и Кара-Георгію.

Въ слѣдующемъ году въ мартѣ мѣсяцѣ, съ началомъ военныхъ дѣйствій, онъ съ охотниками, послѣ ожесточеннаго боя, взялъ ночью штурмомъ укрѣпленный замокъ Слободзею-дю-Кайрактаръ (съ 27-ми пушками и 33-ми знаменами) и взорвалъ его,

¹⁾ Подвигъ подпоручика Гейсмара описанъ въ соч. Михайловскаго-Данилевскаго въ исторіи русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В. Г.

когда увидѣлъ, что попытка къ наступленію русскихъ войскъ со стороны Журжи не удалась. За этотъ блистательный подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

Въ томъ же году Австрія объявила войну Франціи, и русская армія, союзная французской, вступила въ Галицію;—Гейсмаръ получилъ приказаніе слѣдить за передвиженіями австрійскихъ войскъ въ Трансильваніи. Послѣ мира Франціи съ Австріей, генералъ Милорадовичъ вызвалъ его къ себѣ въ Букарестъ и сдѣлалъ своимъ адъютантомъ. Когда-же генералъ Сабанеевъ осадилъ крѣпость Разградъ, Гейсмару поручено было вести переговоры съ пашей о сдачѣ крѣпости, которая, дѣйствительно, вскорѣ сдалась.

Въ ту же кампанію онъ участвовалъ подъ Шумлой въ сраженіи, данномъ графомъ Каменскимъ, гдѣ снова отличился: со 100 сибирскими гренадерами онъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, отражалъ отчаянныя атаки 6,000 турецкихъ всадниковъ, предводимыхъ лично великимъ визиремъ: онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и, сознавая всю важность занимаемой имъ позиціи, рѣшилъ лучше умереть, чѣмъ уступить ее неприятелю; къ счастью, на помощь прискакалъ храбрый Кульневъ съ двумя полками гусаръ и спасъ ему жизнь, прикрывъ своими гусарами отступление горсти храбрецовъ.

Въ концѣ кампаніи Гейсмаръ участвовалъ при совершенномъ разбитіи корпуса сераскира Кумале-Алла и при осадѣ крѣпостей Рущува и Журжи, во время которой онъ, по собственному предложенію, съ горстью охотниковъ 8-го егерскаго полка, разрушилъ между Рущукомъ и Журжей мостъ черезъ рукавъ Дуная.

Въ 1811 году война съ Турціей кончилась и баронъ Гейсмаръ вышелъ въ отставку, причина которой отчасти была та, что, по его мнѣнію, онъ за свои подвиги долженъ былъ получить больше наградъ, чѣмъ получилъ, отчасти же здоровье его требовало совершеннаго отдыха на нѣкоторое время. Кромѣ того, одно обстоятельство требовало, чтобы онъ остался въ Молдавіи, между тѣмъ какъ полкъ его уходилъ въ Россію: онъ женился въ началѣ 1811 г. на довольно богатой молдаванкѣ княжнѣ Гика, владѣвшей землею около Букареста. — Для управленія-то этимъ имѣніемъ онъ, вѣроятно все, пожелалъ остаться въ Букарестѣ и подалъ въ отставку.

Бракъ его — первый — былъ не по любви, а больше изъ расчета,

что и послужило потомъ поводомъ къ семейнымъ раздорамъ, окончившимся разводомъ по обоюдному согласію. Выйдя въ отставку въ чинѣ поручика, онъ занялся устройствомъ виноградниковъ жены, и своимъ умѣніемъ взялся за дѣло вскорѣ поправилъ разстроенныя ея дѣла. Впрочемъ недолго суждено было ему наслаждаться тихою сельскою жизнью: ровно черезъ годъ, т. е. въ апрѣлѣ 1812 года, онъ узнаеть, что Россія готовится къ войнѣ съ Франціей,—немедленно отправляется въ Петербургъ и къ началу отечественной войны поступаетъ снова на службу,—зачисляется въ кievскій гренадерскій полкъ и назначается адъютантомъ къ генералу Бахметеву. При отступленіи нашихъ войскъ къ Витебску, въ сраженіи при м. Островно, онъ былъ тяжело раненъ ядромъ въ лѣвую ногу выше колѣна, съ поврежденіемъ кости, и привезенъ въ Петербургъ. Рана была такъ опасна, что въ началѣ доктора не имѣли надежды на его выздоровленіе, а затѣмъ, когда онъ перенесъ сильную лихорадку, порѣшили, что надо отнять ногу выше колѣна. Никакія убѣжденія докторовъ на него не подѣйствовали, и онъ сказалъ, что лучше умереть, чѣмъ позволить себѣ отрѣзать ногу. Встрѣтивъ съ его стороны такое сопротивленіе, доктора начали изыскивать средства, какъ нибудь иначе помочь горю, и наконецъ объявили ему, что ногу они не отрѣжутъ, а только сдѣлають ему необходимую операцію, дабы удержать распространеніе антонова огня. „На какую угодно операцію я согласенъ,“ отвѣчалъ онъ на это, „лишь бы только нога моя осталась при мнѣ,“ и затѣмъ, судорожно жевая во рту полотенце, онъ мужественно перенесъ операцію, вскорѣ послѣ которой со всѣмъ оправился.

Тотчасъ по выздоровленіи Гейсмаръ присоединился къ арміи, преслѣдовавшей тогда отступавшихъ, въ страшномъ безпорядкѣ, французовъ, и снова занялъ мѣсто адъютанта при графѣ Милорадовичѣ, который изъ г. Калиша отправилъ его съ четырьмя эскадронами разныхъ полковъ и сотнею казаковъ партизаномъ въ Саксонію. По дорогѣ къ Дрездену онъ встрѣтилъ партизанскіе отряды извѣстныхъ полковниковъ: Орлова и Давыдова, съ которыми и соединился въ виду общей цѣли дѣйствій: преслѣдованія отступавшихъ французскихъ войскъ, которыми въ Саксоніи тогда командовалъ генераль-лейтенантъ Дюрютъ (Durutte;) полковникъ Орловъ хотѣлъ мирными предложеніями убѣдить Дюрюта

положить оружіе, и для этого вступилъ съ нимъ въ переговоры въ Дрезденъ, а между тѣмъ Гейсмаръ и Давыдовъ попробовали перейти Эльбу: между городомъ Мейсеномъ и крѣпостью Торгау Гейсмаръ нашель удобное мѣсто для переправы и 14-го марта 1813 года перешель Эльбу, такъ внезапно, что непріятель, боясь быть отрѣзаннымъ, быстро повинулъ Дрезденъ и Мейсенъ и сталъ отступать къ гор. Вильсдорфу, Носсену и далѣе къ Рохлицу и Кольдицу, энергично преслѣдуемый Гейсмаромъ и Орловымъ. Наконецъ, партизаны дошли до рѣки Мулды, черезъ которую всѣ переправы были заняты войсками Дюрюта и баварцами Рехберга; не долго думая, лихой начальникъ партизанскаго отряда рѣшилсѣ пуститься вплавь черезъ рѣку между городами Кольдицъ и Рохлицъ, а вслѣдъ затѣмъ немедленно атаковать непріятеля на занимаемой имъ позиціи, что и было имъ выполнено блистательно: непріятель былъ разбитъ и принужденъ къ быстрому отступленію. Надо замѣтить, что преслѣдуя въ Савсоніи корпусъ Дюрюта и Рехберга, онъ не имѣлъ съ собой ни артиллеріи, ни пѣхоты, а располагалъ только горстью всадниковъ, съ которыми и успѣшно боролся противъ превосходнаго въ силахъ непріятеля.

Преслѣдуя отступавшихъ баварцевъ при Рохлицѣ, Гейсмаръ былъ тяжело раненъ пулею въ правое плечо „съ раздробленіемъ лопатки“; по выздоровленіи снова нѣкоторое время находился при графѣ Милорадовичѣ. Между тѣмъ союзныя войска подходили къ Дрездену; подъ Кульмомъ было дано рѣшительное сраженіе, и Гейсмаръ, находясь тогда въ дефиле у Тенлица и услыхавъ канонаду въ сторонѣ Кульма, поспѣшилъ на поле битвы и, благодаря своему хладнокровію и рѣшимости, убѣдилъ австрійскаго генерала Колоредо обойти лѣвое крыло французовъ:—движеніе это, въ высшей степени хорошо соображенное, значительно способствовало къ побѣдѣ.

Послѣ Кульмскаго сраженія, по повелѣнію главнокомандующаго арміей, Гейсмаръ причисленъ былъ къ корпусу графа Платова, съ которымъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Альтенбергѣ, Цейцѣ и Кельницѣ; послѣ чего вскорѣ получилъ приказаніе: отправиться изъ г. Цеггау съ сотнею казаковъ для открытія сообщенія съ кронъ-принцемъ шведскимъ, находившимся въ г. Галле, что было имъ въ точности исполнено: ночью 29 августа 1813 г. онъ прошелъ сквозь непріятельскую армію и тѣмъ до-

ставилъ кронъ-принцу всѣ нужныя свѣдѣнія, а получивъ таковыя отъ него, благополучно вернулся въ Пегу. Въ памятный трехъ дневный бой подъ Лейпцигомъ онъ, во главѣ легкаго казачьяго отряда, произвелъ нѣсколько лихихъ кавалерійскихъ атакъ. Ему-то, между прочимъ, генералы: Вюртембергскій—Норманъ и Саксонскій—Риссель сообщили (въ томъ же сраженіи) свое желаніе присоединиться къ союзникамъ, для чего онъ и употребилъ зависившія отъ него мѣры.

7-го октября 1813 года, по повелѣнію императора Александра, Гейсмаръ съ двумя казачьими полками былъ отправленъ съ особыми порученіями въ г. Веймаръ, куда прибылъ 8-го вечеромъ, а получивъ на слѣдующій день извѣстіе о приближеніи спасавшихся бѣгствомъ первыхъ французскихъ колоннъ подъ командой генерала Бертрана (Bertrand) пошелъ на встрѣчу,—атаковалъ и разбилъ его, при чемъ взялъ въ плѣнъ 60 офицеровъ. Но вслѣдъ затѣмъ (10-го числа) онъ былъ атакованъ въ самомъ городѣ всею французскою гвардейскою кавалеріею подъ начальствомъ генерала Лефевра де Нуэта, отправленнаго самимъ Наполеономъ съ приказаніемъ ограбить, зажечь г. Веймаръ и взять въ плѣнъ герцога Веймарскаго. Мужественно отразивъ натискъ французовъ, Гейсмаръ спасъ Веймаръ отъ вѣрной гибели ¹⁾. Онъ задержалъ непріятельскій корпусъ до тѣхъ поръ, пока графъ Платовъ и генераль Тиллеманъ прибыли къ нему на помощь со свѣжими войсками и совершенно разбили французовъ. Дабы не дать имъ оправиться, Гейсмаръ неутомимо сталъ преслѣдовать разбитые остатки французской арміи, особенно отличился при гор. Фахъ и Ганау и наконецъ, вытѣснивъ непріятели изъ Франкфурта, первымъ вступилъ туда во главѣ небольшого отряда.

За свои партизанскіе подвиги въ Германіи Гейсмаръ былъ переведенъ л. гв. въ уланскій полкъ, вскорѣ произведенъ въ полковники и получилъ лично высочайшее повелѣніе находится при

¹⁾ Получивъ донесеніе, что французы начинаютъ занимать часть г. Веймара и сильно тѣснить наши войска, онъ немедленно поскакалъ туда съ цѣлю ободрить солдатъ и лично сдѣлать распоряженіе для удержанія натиска французовъ.—Цѣли своей онъ достигъ, но пробѣгая по улицѣ Веймара, занятой непріятельскими стрѣлками, онъ былъ раненъ въ правое плечо: выстрѣлъ раздался изъ окна и только благодаря случаю, что въ моментъ выстрѣла онъ повернулъ лошадь влѣво,—остался живъ.

особѣ императора Александра Павловича. Когда же въ январѣ 1814 года, по высочайшему повелѣнію, Гейсмаръ прибылъ въ г. Веймаръ съ приказаніемъ находиться подъ командой великаго герцога Веймарскаго, то былъ торжественно встрѣченъ жителями города, поднесшими ему золотую саблю съ надписью: „жители г. Веймара—своему спасителю, 10 октября 1813 года“, и дипломъ почетнаго гражданина г. Веймара, а отъ великаго герцога онъ получилъ орденъ Бѣлаго Сокола 1-й степени.

Вслѣдъ затѣмъ Гейсмаръ съ саксонскими войсками былъ въ походахъ черезъ Вестфалію, Голландію и Бельгію до г. Брюсселя.

Прибывъ въ г. Брюссель вмѣстѣ съ великимъ герцогомъ, онъ вскорѣ былъ посланъ, съ казачьимъ полкомъ Чернозубова и 8 эскадронами саксонскихъ гусаръ, партизаномъ въ сѣверо-восточные департаменты Франціи, съ цѣлью перейти Шельду и, проскользнувъ за линію французскихъ крѣпостей, въ тылъ отступавшему непріятелю, разсѣять между жителями этой части Франціи прокламаціи въ пользу Бурбоновъ. Это трудное порученіе, подобно всѣмъ предшествующимъ, было исполнено имъ съ обычнымъ рвеніемъ. Во главѣ маленькаго отряда, безъ пѣхоты и артиллеріи, онъ быстро перешелъ Шельду, появился у г. Куртре (въ сѣверо-восточной части Франціи), разбилъ находившіяся тамъ французскія войска и, безпрестанно двигаясь все далѣе и далѣе въ глубь Франціи, послѣдовательно занялъ съ боя города: Боль-больи, Манкассели, Сенполь, Цитадель, Дулана, Роа, Ноіонъ, Монтидіе, крѣпость Сенкантенъ и наконецъ С. Жермень, а къ концу февраля 1814 г. онъ сталъ въ тылу отступавшей французской арміи.

Захвативъ внезапно г. Сенкантенъ и укрѣпясь въ немъ, Гейсмаръ лихими кавалерійскими наѣздами страшно обезсилилъ французскія войска, и не далъ вновь образуемымъ отрядамъ вполне сформироваться. Уничтожая въ тылу отступавшей арміи телеграфы, мосты, ловя непріятельскихъ курьеровъ и проч., онъ всевозможными средствами старался задержать противника на каждомъ шагѣ, и такимъ образомъ далъ союзникамъ возможность полнѣе довершить Лейпцигскій погромъ великой арміи.

Захваченные жизненные припасы были имъ немедленно отправляемы союзнымъ войскамъ, такъ что въ какіе нибудь 1½ мѣсяца они получили отъ него болѣе 2000 повозокъ съ хлѣбомъ

и проч. продуктами. Кроме того, освобождая массу военно-пленных: англичанъ, нѣмцевъ и испанцевъ, находившихся тогда во французскихъ крѣпостяхъ, онъ ихъ наскоро вооружалъ и формировалъ изъ нихъ пѣшія части, которыя впоследствии принесли не малую пользу союзникамъ.

Вообще говоря, налетъ полковника барона Гейсмара за Рейномъ былъ, какъ дѣйствительно тогда выражались, „дерзновенный“.

Глава III.

Возвращеніе изъ похода во Францію 1814 года.—Событіе его семейной жизни.—Усмиреніе декабрьскаго возстанія въ юго-западномъ краѣ 1825 года.

Послѣ Парижскаго мира Федоръ Клементьевичъ былъ назначенъ командиромъ Чугуевскаго уланскаго полка, съ которымъ и вернулся въ 1815 году въ Россію, а вслѣдъ затѣмъ получилъ московскій драгунскій полкъ.

Проѣздомъ изъ Варшавы къ новому мѣсту служенія, онъ на одной изъ подмосковныхъ почтовыхъ станцій встрѣтился съ пожилымъ господиномъ, который тоже ѣхалъ въ Москву. Совершенно случайно они познакомились, благодаря тому, что на станціи долго не давали лошадей, а когда наконецъ лошади были готовы, молодой полковникъ предложилъ своему новому знакомому ѣхать вмѣстѣ, на что тотъ съ радостью согласился: по всему видно было, что онъ былъ человѣкъ не богатый.

Подъѣзжая къ Москвѣ, новые знакомые сообщили другъ другу свои фамиліи и Гейсмаръ узналъ въ своемъ спутникѣ брата известнаго нѣмецкаго поэта Федора Гердера.

Въ Москвѣ знакомство это продолжалось и привело къ тому, что Гейсмаръ, разведясь съ первою своею женою, вступилъ въ бракъ съ 16-ти лѣтнею дочерью Гердера.

Выборъ жены былъ какъ нельзя болѣе удаченъ: 30 лѣтъ спустя, на смертномъ одрѣ, онъ говорилъ: „я благославляю ту минуту, когда въ первый разъ встрѣтилъ дорогую сердцу моему молодую дѣвушку Гердеръ“.—Съ перваго взгляда могло бы показаться страннымъ—какимъ образомъ таковой неравный бракъ могъ бы быть счастливымъ: онъ уже пожилой человѣкъ лѣтъ подъ 40, она—молодая дѣвушка 16-ти лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось,

что онъ нашелъ въ юной Гердеръ вѣрную подругу жизни,—и насколько въ 1-мъ бракъ онъ былъ несчастливъ, настолько во 2-мъ—онъ наслаждался истиннымъ счастьемъ семейнаго человѣка.

Въ теченіи всей послѣдующей боевой жизни она безропотно, вмѣстѣ съ нимъ, переносила всѣ лишения и невзгоды походовъ, и въ то время, какъ онъ подъ Бойлештами или Гроховымъ бросался въ сильнѣйшій огонь непріятеля, она въ его походной квартирѣ, съ устремленными на образъ Спасителя глазами, горячо молилась за него.

Вскорѣ послѣ женитьбы полковникъ Гейсмаръ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ бригады.

Въ 1825 году Гейсмаръ съ кирасирской бригадой стоялъ въ Подольской губерніи. Когда послѣ смерти Александра I въ Петербургѣ вспыхнуло извѣстное декабрьское возстаніе, и въ юго-западномъ краѣ оно отразилось бунтомъ черниговскаго полка, Гейсмару предписано было съ 4-мя эскадронами гусарскихъ полковъ и 2-мя орудіями подавить мятежъ.

Баронъ Гейсмаръ получилъ это предписаніе, находясь въ Житомирѣ, и, немедленно вступивъ въ командованіе ввѣреннымъ ему отрядомъ, быстро двинулся къ г. Васильову (киевск. губ.), гдѣ тогда стоялъ черниговскій пѣхотный полкъ. На дорогѣ онъ узнаетъ, что взбунтовавшіеся черниговцы, подъ командой полковника Сергѣя Ивановича Муравьева, ушли наконецъ изъ г. Василькова и направились на г. Бѣлую Церковь; немедленно измѣняетъ онъ направленіе своего движенія, идетъ на Бѣлую Церковь съ цѣлью прибыть туда ранѣ мятежниковъ. Это ему удается: въ 15 верстахъ передъ Бѣлой Церковью онъ перерѣзываетъ мятежникамъ дорогу; размѣщаетъ 2 орудія на возвышенности, съ которой можно было обстрѣливать всю дорогу продольно и, выждавъ приближеніе непріятеля на дальность дѣйствительнаго картечнаго выстрѣла, командуетъ „пли“, но солдатъ, стоящій съ фитилемъ, не исполняетъ команды, которая впрочемъ уже была повторена; понявъ въ чемъ дѣло, другими словами—догадавшись, что прислуга при орудіяхъ держала сторону мятежниковъ, Гейсмаръ подскакиваетъ на лошади къ орудію, обнажаетъ саблю и, поднявъ ее надъ головой ослушавшагося солдата, внушительно ему говорить: „Пли, или голова твоя сію минуту слетитъ съ плечъ!“ Раздается выстрѣлъ и картечь осыпаетъ колонну наступающихъ мятежниковъ,

вслѣдъ затѣмъ 2-е—отрядъ повторить тоже, и мятежники начинаютъ сперва колебаться, а потомъ мало по малу—разсѣиваются. Замѣтя маленькое колебаніе въ рядахъ мятежниковъ, Гейсмаръ устремляетъ на нихъ въ атаку 2 эскадрона гусаръ, которые обращаютъ неповорныхъ въ бѣгство и неутомимо преслѣдуютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока главные заговорщики не были переловлены и весь полкъ сложилъ оружіе. Этою рѣшительностью дѣйствій планъ С. И. Муравьева былъ уничтоженъ, а вмѣстѣ съ нимъ подавленъ мятежъ на югѣ.

ГЛАВА IV.

Турецкая кампанія 1828—1829 гг.—Назначеніе Гейсмара начальникомъ авангарда.—Быстрый маршъ къ Букаресту и его значеніе.—Поднесеніе ему почетной сабли ¹⁾.—Ночное нападеніе подъ Бойлештами;—значеніе этого нападенія.—Награда за подвигъ.—Быстрый маршъ къ Калафату.—Истребленіе остатковъ арміи Ибрагима-паши при переправѣ его за Дунай.—Переправа черезъ Дунай и взятіе штурмомъ крѣпостей: Рахова и Турно.—Дѣйствія его въ концѣ кампаніи.—Его семейныя дѣла; поѣздка за границу.

Передъ началомъ турецкой кампаніи 1828—1829 гг. Гейсмаръ командовалъ 1-ой конно-егерской дивизіей, а съ объявленіемъ войны—сдѣланъ начальникомъ авангарда 6-го корпуса

¹⁾ Почетная сабля, поднесенная барону Гейсмару благодарнымъ населеніемъ Молдавіи и Валахіи, имѣетъ историческое значеніе,—какъ археологическая древность; а потому считаю не лишнимъ сообщить о ней интересныя подробности: по наружному виду сабля представляетъ собой образецъ обыкновеннаго холоднаго оружія восточныхъ народовъ; эфесъ и ножны—золотые, причемъ на первомъ весьма искусно изображенъ гербъ Валахіи, крестъ съ короной; то и другое усыпано алмазами, на ножнахъ же, съ одной стороны—алмазами усыпанная надпись: Фридрихъ баронъ Гейсмаръ, съ другой—изображенъ символъ вѣчности: змѣя, кусающая себѣ хвостъ—все это также изъ алмазовъ.

Клинокъ этой сабли,—тотъ самый, который, слѣшкомъ 1000 лѣтъ тому назадъ, былъ врученъ константинопольскимъ патриархомъ равноаностольному князю Константину Великому, импе, атору восточно-римской имперіи, при переходѣ его въ христіанство.—На клинкѣ золотой насѣчкой изображенъ крестъ съ слѣдующей надписью на старо-греческомъ языкѣ: *Ἐν τοῦτῳ τῷ σπαταίῳ νικῶμεν*; что означаетъ „сими побѣдиши“. Если читатель вспомнитъ, то тѣ же слова Императоръ Константинъ видѣлъ на небѣ.

одиночностію этого клинка доказывается грамотами и записями, которыя были переданы генералу Гейсмару вмѣстѣ съ саблей, уложенной въ красный бархатный футляръ.—Матеріальная стоимость сабли не велика, ибо золото и алмазы эфеса и ноженъ стоить всего нѣсколько тысячъ рублей, но древность клинка

генерала Рота, и получилъ командованіе отрядомъ, составленнымъ изъ самыхъ подвижныхъ родовъ оружія: кавалеріи (базаровъ 4 полка, 2 егерскихъ и 2 уланскихъ) и батареи донской артиллеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписаніе быстрымъ вторженіемъ въ Молдавію и Валахію спасти ихъ и въ особенности городъ Букарестъ отъ опустошенія турецкими войсками, которымъ было дано строжайшее приказаніе занять Букарестъ раньше русскихъ и не оставить въ немъ, какъ говорится, камня на камень.

25-го апрѣля 1828 г. Гейсмаръ переправляется при с. Вада-луй-Исави черезъ рѣку Прутъ, 27-го чрезъ р. Сереть и уже 30-го утромъ вступаетъ въ Букарестъ. Такимъ быстрымъ маршемъ онъ разстроилъ дальнѣйшіе планы турокъ, которые, занимая кр. Журжу, были всего только въ 60 верстахъ отъ г. Букареста, тогда какъ лихой отрядъ барона Гейсмара перешелъ границу въ 280 верстахъ отъ того города и долженъ былъ еще строить мостъ для переправы чрезъ р. Сереть. За столь важную услугу, оказанную Валахіи Гейсмаромъ, общество бояръ того княжества поднесло ему замѣчательную, (см. примѣчаніе) алмазами украшенную саблю съ надписью: „Благодарные жители Валахіи своему спасителю“. Императоръ Николай I дозволилъ эту саблю принять и носить.

При вступленіи въ Букарестъ, Оедоръ Клементьевичъ былъ торжественно встрѣченъ жителями города и депутаціей, которая на золотомъ блюдѣ поднесла ему чашу съ виномъ и хлѣбъ-соль.

дастъ ей громадную цѣну, если вспомнить, что еще Константинъ Великій обнажалъ этотъ клинокъ, для защиты и распространенія христіанства среди языческаго міра.

Въ этомъ отношеніи безъ преувеличенія можно сказать, что сабля эта должна имѣть цѣну въ глазахъ каждаго христіанна.

Послѣ смерти барона Гейсмара, сабля нѣкоторое время хранилась въ семействѣ покойнаго. Когда же, однажды, вдовѣ генерала понадобились деньги, — она отдала саблю въ залогъ одному лицу, и не взяла съ него въ томъ никакаго письменнаго удостовѣренія. — Результатомъ этого было то, что когда она, спустя нѣкоторое время, хотѣла выкупить саблю, лицо, взявшее ее, упорно утверждало, что о саблѣ ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ.

Впослѣдствіи при розыскахъ узнали, что сабля была увезена за границу, но кѣмъ и куда — остается до сихъ поръ тайной.

Подъ портретомъ Гейсмара, къ „Русской Старинѣ“ приложенномъ, помещенъ рисунокъ этой замѣчательной сабли.

В. Г.

Занявъ Буларестъ, баронъ Гейсмаръ черезъ два дня получаетъ отъ генерала Рота приказаніе обложить кр. Журжу, что немедленно и выполняетъ: стѣсняетъ гарнизонъ въ окопахъ крѣпости и 21 мая на разсвѣтѣ разбиваетъ турокъ, пришедшихъ на выручку осажденныхъ.

Въ началѣ іюня 1828 года онъ былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣльнаго отряда войскъ въ Малой Валахіи и 20 прибылъ въ свою главную квартиру въ д. Радованъ, а уже 26—онъ съ 3,500 чел. двинулся къ Калафату, который былъ занятъ 15,000 турокъ; неприятель вышелъ къ нему на встрѣчу и энергично сталъ противиться его наступленію, но былъ разбитъ и понесъ такой большой уронъ, что принужденъ былъ искать спасенія за стѣнами Калафата.

Вслѣдъ затѣмъ Гейсмаръ передвинулъ свой лагерь къ Маглавиту, чтобы удобнѣе можно было слѣдить за движеніями неприятеля и лучше прикрыть отъ турокъ Малую Валахію. Только къ 12 іюля турки оправились отъ предшествующаго пораженія и снова попробовали атаковать маленькую горсть русскихъ храбрецовъ. Эта атака была ведена 3,000 отборной кавалеріи, которой дано было приказаніе захватить русскій авангардъ, состоявшій только изъ 2 ротъ пѣхоты, эскадрона кавалеріи, 2-хъ съ половиной сотенъ казаковъ и 2-хъ орудій, но турки и въ этотъ разъ были отбиты съ урономъ и, преслѣдуемые нашей кавалеріей, укрѣпились въ крѣпости. Неприятель ежедневно усиливался въ Калафатѣ. Въ августѣ его уже тамъ было около 25,000, поэтому Гейсмаръ рѣшилъ тогда отступить верстъ на 50 отъ Калафата и, на болѣе выгодной позиціи, выждать нападенія, которое дѣйствительно и послѣдовало 14-го сентября 1828 г.

Видинскій сераскиръ Ибрагимъ (по его собственной реляціи), располагалъ 30-тью пушками и отрядомъ приблизительно въ 35,000 человекъ, изъ которыхъ 11,000 кавалеріи и 3 полка албанцевъ, считавшихся тогда храбрѣйшими изъ многочисленной турецкой арміи. Съ этой-то массой войска, онъ, на разсвѣтѣ, выходитъ изъ Калафата, чтобы атаковать Гейсмара въ его лагерьъ при Тшерой, но послѣдній уже придвинулся въ направленіи къ неприятелю до д. Бойлешти, гдѣ, расположивъ свой отрядъ (въ 4 т. чел. и 14 орудій) на позиціи, рѣшилъ, не смотря на малочисленность своихъ силъ, дать туркамъ сраженіе.

Съ перваго взгляда эта рѣшимость можетъ показаться непонятной, тѣмъ болѣе, что баронъ Гейсмаръ касательно боя при Бойлешти не получилъ отъ высшаго начальства никакихъ предначертаній: онъ могъ отступить, могъ требовать подкрѣпленій и съ точки зрѣнія, такъ сказать „юридической“, остался бы правъ.

Это бы безъ сомнѣнія и сдѣлалъ всякій менѣе способный и энергическій полководецъ. Но въ томъ-то и дѣло, что рѣшимость вступить въ бой при Бойлешти всецѣло принадлежитъ Гейсмару, — ему одному принадлежитъ и планъ этого сраженія, веденнаго съ замѣчательнымъ искусствомъ. Самая рѣшимость ¹⁾ Гейсмара дать сраженіе основывалось на томъ, что онъ твердо былъ убѣжденъ въ превосходствѣ моральнаго элемента своихъ войскъ, въ ихъ внутренней силѣ, той силѣ, которая всегда и вездѣ отличала доблестныя русскія войска отъ слабыхъ духомъ турокъ, и которая всегда давала имъ побѣду. Баронъ Гейсмаръ хорошо понималъ, что турки, разбиваемые имъ такъ часто въ предшествующихъ сраженіяхъ, уже не будутъ имѣть той стойкости, той увѣренности въ побѣдѣ, которая, въ противоположность, приобрѣтены были его маленькимъ отрядомъ въ безпрестанныхъ побѣдахъ надъ турками. Словомъ, храбрецы въ Малой Валахїи, подъ начальствомъ Гейсмара, твердо были убѣждены въ непобѣдимости своего начальника, начальникъ съ своей стороны былъ увѣренъ въ ихъ стойкости и высокоразвитомъ нравственномъ боевомъ элементѣ, безъ котораго, понятно, побѣда немыслима.

Въ теченіи дня—14-го сентября Ибрагимъ-паша двигаетъ въ атаку противъ Гейсмара, послѣдовательно, всю массу своей кавалерїи: сначала беспокоитъ его на лѣвомъ флангѣ занятой позиціи, потомъ на правомъ, но повсюду встрѣчаетъ упорное сопротивленіе и, убѣдившись въ невозможности смять нашъ отрядъ, въ вечеру прекращаетъ атаки и убираетъ свою кавалерію за линію пѣхоты, которая, надо замѣтить, къ тому времени ужъ успѣла кое-чѣмъ прикрыться, приспособивъ къ оборонѣ наружную окраину и дома деревни Бойлешти.

Наступила ночь. Сначала въ лагерѣ турокъ, у деревни, были

¹⁾ „Рѣшимость генерала Гейсмара, говоритъ Лукьяновичъ въ своемъ сочиненіи о турецкой войнѣ 1828—29 годовъ, была истинно геройская и вполне оправдала его испытанную храбрость и благоразумную предприимчивость“.

слышны пѣсни и радостныя крики, ибо Ибрагимъ-паша объявилъ отряду, что наши понесли страшныя потери, а потому вѣроятно этою же ночью будутъ спасаться бѣгствомъ, и что на завтра назначалось дальнѣйшее наступленіе въ Валахію. Однимъ словомъ, весь турецкій лагерь шумно праздновалъ мнимую побѣду, между тѣмъ какъ въ русскомъ—все было тихо: войска не двигались съ позиціи, и въ какихъ мѣстахъ были расположены части днемъ—въ бою, въ тѣхъ же мѣстахъ онѣ тихо расположились на bivуакъ,—выставивъ впередъ сильную сторожевую цѣпь. Никто, даже съ вечера, не зналъ, что предприметь храбрый начальникъ, поэтому съ наступленіемъ ночи всѣ какъ-то невольно ждали чего-то особеннаго; и дѣйствительно, произошло нѣчто особенно замѣчательное—ночное нападеніе,—примѣръ которому нельзя даже подымать въ военной исторіи (см. тактику полк. Радзишевскаго изд. 1877 г. стр. 363-я). Около 10 часовъ вечера Гейсмаръ собираетъ всѣхъ ротныхъ и баталіонныхъ командировъ и точно каждому объясняетъ цѣль предполагаемаго нападенія и планъ, по которому каждый изъ нихъ долженъ дѣйствовать.

Наконецъ раздѣляетъ свой отрядъ на 8 колоннъ, которыя въ свою очередь дѣлитъ на 2 части: одна назначается для атаки на непріятельскій лагерь съ фронта, другая—въ то же время съ фланга. Къ началу 12-го часа ночи, онъ велитъ колоннамъ собраться и лично каждой изъ нихъ напоминаетъ, что успѣхъ предполагаемаго нападенія зависитъ отъ быстроты дѣйствій и тишины, затѣмъ перестраиваетъ ихъ въ походный порядокъ и направляетъ сообразно задуманному плану. Къ тому времени непріятельскій лагерь уже погрузился въ молчаніе, и только изрѣдка слышались слабыя оклики часовыхъ. Лихія войска тихо приближаются къ врагу, подходят на дальность дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла и производятъ послѣдовательно и одновременно съ фронта и съ лѣваго фланга непріятеля нѣсколько залповъ.

Уже при первыхъ выстрѣлахъ испуганныя лошади турецкой кавалеріи понеслись въ разныя стороны и насквали на стоящую сзади пѣхоту. Сонныя кавалеристы съ перепугу не знали что имъ дѣлать и какъ догонять уносившихся лошадей—словомъ, переполохъ въ лагерѣ поднялся страшный. Порядокъ и дисциплина исчезли. Этимъ-то моментомъ воспользовался Гейсмаръ, и не давъ турецкимъ офицеромъ времени на приведеніе частей въ порядокъ,

двинулъ войска на штурмъ непріятельскаго лагеря, который быстро былъ взятъ, и все, что въ немъ сопротивлялось, опрокинуто; вслѣдъ за лагеремъ была взята деревня Бойлешти, и турки, искавшіе спасенія въ деревенскихъ хижинахъ, погибли въ пламени. Несчастные остатки разбитой арміи Ибрагима въ безпорядкѣ спасались бѣгствомъ. Только темнота ночи спасла турокъ отъ окончательнаго погрома.

Въ 2 часа пополудни генералъ Гейсмаръ собралъ своихъ воиновъ и добытыя ими трофеи на дымящихся развалинахъ Бойлешти. Потери наши оказались довольно значительными по малочисленности отряда, но ничтожными по важности одержанной побѣды. Бойлештское сраженіе, подобно Кагульскому, доказало, что порядокъ и дисциплина войскъ, соединенныя съ обдуманною смѣлостью начальнива, всегда имѣютъ преимущество передъ бѣшеными порывами храбрости полчищъ многочисленныхъ, но неустроенныхъ (Лукияновичъ, „война 1828—1829 гг.“)

Бросивъ подъ Бойлештами свой лагерь со всѣми военными припасами, снарядами, кассой и даже собственными бумагами, Ибрагимъ-паша думалъ укрыться въ Калафатъ, но когда увидѣлъ на разсвѣтѣ отрядъ, подошедшій форсированнымъ ¹⁾ маршемъ къ Калафату, то велѣлъ всѣмъ спасаться на тотъ берегъ Дуная, и самъ первый подалъ къ тому примѣръ. Увидя, что турки оставляютъ Калафатъ и начинаютъ переправляться на судахъ, Гейсмаръ ворвался въ городъ, занялъ его и при переправѣ остатковъ арміи нанесъ ей еще разъ страшное пораженіе, вслѣдствіе того, что турки, не имѣя достаточнаго количества судовъ, должны были нагружать ихъ большимъ числомъ людей, отчего многія суда и потонули.

Турки потеряли при этой переправѣ однихъ утонувшихъ—до 4,000 человекъ. Занявъ укрѣпленный Калафатъ, Гейсмаръ тѣмъ самымъ очистилъ и обезпечилъ Малую Валахію отъ набѣговъ турокъ.

Съ приближеніемъ зимы, Гейсмаръ оставилъ въ Калафатѣ полкъ пѣхоты, а самъ съ остальными силами отряда ушелъ въ Малую Валахію на зимнія квартиры.

Между бумагами Ибрагима-паши было найдено самимъ султа-

¹⁾ Между Бойлештами и Калафатомъ 50 верстъ, и это разстояніе Гейсмаръ прошелъ въ одну ночь. В. Г.

номъ написанное повелѣніе: разбить русскія войска, занимавшія Молдавію и Валахію, собрать всѣ гарнизоны Дунайскихъ крѣпостей и отрѣзать отступленіе русской арміи. За блестящее дѣло при с. Бойлешти Баронъ Гейсмаръ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ генералъ-адъютантомъ, къ Его Императорскому Величеству.

Въ январѣ 1829 года Гейсмаръ получилъ приказаніе овладѣть крѣпостью Турно, что и было имъ вскорѣ выполнено съ обычной энергіей и мужествомъ.

Въ теченіи зимы онъ сформировалъ изъ населенія Валахіи 7 баталіоновъ пѣхоты и 350 человекъ кавалеріи, которыми и занялъ важнѣйшіе пункты на Дунаѣ.

Для предполагавшейся переправы черезъ рѣку,—онъ велѣлъ построить 110 легкихъ судовъ, которые бы впослѣдствіи могли служить для сооруженія моста. Около этого времени у Гейсмара уже было подъ начальствомъ болѣе 20,000 человекъ, съ которыми онъ перешолъ Дунай 28 мая, обложилъ крѣпость Рахово и взялъ ее штурмомъ. Паша и 1,000 человекъ гарнизона были взяты въ плѣнъ, а 800 человекъ при штурмѣ убиты. 5 пушекъ, нѣсколько знаменъ и много продовольственныхъ припасовъ попали въ руки побѣдителей. Съ нашей стороны вышло изъ строя только 350 человекъ убитыми и ранеными.

Къ концу этой кампаніи у барона Гейсмара было только нѣсколько небольшихъ дѣлъ, на берегахъ Дуная.

Въ началѣ сентября, онъ окружилъ г. Врацу у подножія Балканскихъ горъ. Тутъ-то къ нему и пришло извѣстіе объ Адрианопольскомъ мирѣ 2 сентября. Въ послѣднихъ же числахъ этого мѣсяца былъ пойманъ татаринъ, несшій Виддинскому папѣ приказаніе великаго визиря, въ которомъ между прочимъ говорилось, что русскія войска дѣйствительно были въ Адрианополь, но онъ надѣется,—они найдутъ тамъ свою погибель. Паша долженъ быть готовымъ дѣйствовать по первому приказанію.

1-го октября, Гейсмаръ получаетъ донесеніе, что Скутарійскій паша отказывается принять Адрианопольскій миръ и намѣренъ выйти изъ Филипполя, чтобы напасть на стоявшую тогда въ Адрианополь русскую армію, среди которой свирѣствовала чума.

Опасность, угрожавшая русскимъ, была такъ велика, что Гейсмаръ рѣшился, безъ всякаго приказанія, перейти Бал-

каны, чтобы удержать Скутарійскаго пашу отъ выполненія его замысла.

Дѣйствительно, 7 октября, онъ встрѣчаетъ турокъ въ Балканахъ на укрѣпленной позиціи при Аратаутъ-Кале во Враческой клисурѣ (ущелии), разбиваетъ ихъ здѣсь, захватываетъ 3 пушки и разбиваетъ окончательно турецкія войска, послѣ чего переходитъ черезъ горы, приближается быстро къ Софіи и тѣмъ заставляеть этотъ большой, хорошо укрѣпленный городъ, отворить ворота ¹⁾.

Паша, увидя, что дѣла плохи, прислалъ Гейсмару свое изъявленіе покорности, самъ же удалился въ Албанію. Надо отдать должную справедливость этимъ послѣднимъ военнымъ подвигамъ Гейсмара въ Турціи въ 1829 г., благодаря только которымъ, кто знаетъ, быть можетъ и была спасена русская армія, находившаяся къ концу войны въ Адрианополѣ въ самомъ критическомъ положеніи.

Въ концѣ 1829 года войска выходятъ изъ Турціи и Гейсмаръ съ своимъ славнымъ отрядомъ приходитъ въ Бессарабію на зимнія квартиры, а вслѣдъ за расформированіемъ отряда получаетъ 2-ю драгунскую дивизію.

ГЛАВА V.

Польскій мятежъ.—Неудача Гейсмара при д. Стожекъ.—Битва при Гроховѣ.—Сраженія при Демби-Вельже и Игане.—Послѣдствія ихъ.—Удаленіе Гейсмара изъ арміи и возвращеніе его снова въ дѣйствующія войска.—Штурмъ Варшавы.

1830—1831.

Высочайшій манифестъ 1830—1831 гг. о походѣ противъ польскихъ мятежниковъ засталъ Гейсмара въ Подольской губерніи; онъ только что вернулся изъ-за границы, куда ѣздилъ въ отпускъ и принялъ 2-ую конно-егерскую дивизію, (полки переяславльскій и короля Виртембергскаго), входившую въ составъ войскъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса генерала Крейца. 24-го января

¹⁾ Турки называли Гейсмара—„хромымъ генераломъ“, потому что онъ былъ такъ подвиженъ и быстръ въ своихъ боевыхъ передвиженіяхъ. По турецки, хромой—топал. У турокъ такое обмелованіе: если надо особенно выразительно что нибудь назвать, то они называютъ это противоположностью

В. Г.

1831 года 5-ый корпус перешел через р. Бугъ при м. Влодавѣ и вступилъ въ предѣлы царства Польскаго. Гейсмару было немедленно дано самостоятельное назначеніе: онъ былъ сдѣланъ начальникомъ отряда, состоявшаго изъ 2-й конно-егерской дивизіи, 2-хъ батарей пѣшей артиллеріи и 2-хъ казачьихъ полковъ, и получилъ приказаніе прикрывать лѣвый флангъ дѣйствующей арміи, съ которой поддерживать постоянную связь при помощи легкаго кавалерійскаго отряда полковника Анрена.

Быстрымъ маршемъ шелъ Гейсмаръ отъ м. Влодава черезъ м. Рудно и г. Луковъ, по направленію къ г. Сѣдлецу; прибывъ въ г. Луковъ, онъ узнаетъ, что къ Сѣдлецу прибылъ генераль Сухоржевскій съ дивизією польскихъ уланъ и отгѣснилъ полковника Анрена. Поэтому онъ приостановилъ свое движеніе, въ надеждѣ вывѣдать силы и намѣренія противника. Нѣсколько дней простоялъ въ Луковѣ и не получилъ никакихъ свѣдѣній о движеніи польскихъ войскъ. Предполагая, что Сухоржевскій отступилъ, Гейсмаръ двинулся далѣе по дорогѣ къ Сѣдлецу и, прибывъ 1-го февраля вечеромъ въ м. Сорочинъ, получилъ извѣстіе о приближеніи польскаго корпуса.

Командовавшій тогда польскими войсками, расположенными на лѣвомъ берегу Вислы, старый генераль Клицкій получилъ предписаніе съ 10,000-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ остановить движеніе Гейсмара, для выполненія чего и послалъ помощника своего генерала Дверницкаго, человѣка рѣшительнаго и храбраго, обладавшаго кромѣ того военными талантами. Онъ далъ ему приказаніе перейти на правый берегъ Вислы, прикрывать правый флангъ польской арміи и при малѣйшей возможности напасть на отрядъ Гейсмара. 28-го января Дверницкій перешелъ Вислу по льду у Мнишева, съ 8 эскадронами уланъ, и уже 31-го соединилъ у Залехова 3 баталіона, 17 эскадроновъ и 6 орудій, всего около 6,000 человѣкъ. Тутъ онъ получилъ извѣстіе, что Гейсмаръ находится въ Луковѣ и рѣшилъ немедленно напасть на него и разбить на маршѣ. Для этого онъ сошелъ съ большой Сѣдлецкой дороги и лѣсами пробрался черезъ д. Филиповку въ д. Стожекъ, куда прибылъ 2-го февраля рано утромъ. Но Гейсмаръ узналъ уже о движеніи Дверницкаго отъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Латовичахъ, а потому и остановился, какъ упомянуто выше, въ м. Сорочинѣ.

Будучи человекомъ очень рѣшительнымъ и храбрымъ и всегда ставя въ основу всѣхъ своихъ военныхъ дѣйствій—быстроту, Гейсмаръ рѣшилъ напасть на Дверницаго у д. Стожекъ, тѣмъ болѣе, что полагалъ силы поляковъ незначительными.

Вспомнивъ свое лихое нападеніе на турокъ при Бойлешти, Гейсмаръ и въ данномъ случаѣ дѣлить свой отрядъ на три части: одну назначаетъ для атаки поляковъ съ фронта, другую съ фланга, и наконецъ третью часть держать въ резервѣ. Передъ нападеніемъ на Дверницаго Гейсмаръ съ своей стороны позаботился о томъ, чтобы всѣ шансы на успѣхъ были бы на его сторонѣ: быстрота и неожиданность нападенія; фронтальная атака, соединенная съ фланговой; наконецъ точныя и ясныя привязанія начальникамъ—все это должно было, по его мнѣнію, доставить полную побѣду. Одно только обстоятельство было имъ упущено изъ виду и сильно повліяло на результатъ этого перваго столкновенія русскихъ войскъ съ мятежниками. Обстоятельство это было слѣдующее: Гейсмаръ забылъ, что атакуетъ Дверницаго не съ томскимъ и колыванскимъ полками (полки, бывшіе подъ его командой въ ночь съ 14 на 15 сентября 1828 г. подъ Бойлештами)—этими чудобогатырями, не знавшими преградъ своему наступленію и выполнявшими всѣ возлагаемыя на нихъ приказанія,—нѣтъ, не они были съ Гейсмаромъ подъ Стожкомъ—онъ это забылъ, онъ думалъ, что всѣ безъ исключенія русскіе полки лихо появляются на поле битвы и скорѣе „лягутъ костью“, чѣмъ покажутъ свой тылъ неприятелю. Гейсмаръ впоследствии самъ рассказывалъ, что онъ вовсе не зналъ духа вѣранныхъ ему войскъ и, предполагая нравственныя качества отряда въ хорошемъ состояніи, рѣшилъ напасть на Дверницаго. Въ противномъ случаѣ онъ поступилъ бы иначе.

Рѣшивъ дать Дверницкому сраженіе у деревни Стожекъ, Гейсмаръ приказываетъ генераль-маіору Пашкову съ переяславльскимъ конно-егерскимъ полкомъ и 4-мя орудіями двинуться прямымъ путемъ отъ Сорочина къ Стожку, самъ въ то же время съ конно-егерскимъ герцога Виртембергскаго полкомъ и 6 орудіями идетъ черезъ лѣсъ, чтобы атаковать неприятеля во флангъ со стороны Точка (Tozek).

Дверницкій нѣсколько часовъ передъ тѣмъ подошелъ къ Стож-

бу и велѣлъ уланамъ покормить лошадей, а людямъ отдохнуть и сварить пищу.

Вдругъ прибѣжавшіе мужики сообщили Дверницкому, что „москали идутъ въ Стожку. И дѣйствительно, съ высоты вскорѣ можно было различить обѣ приближавшіяся колонны.

Дверницкій занимаетъ позицію за деревней, на высотѣ—располагаетъ артиллерію такимъ образомъ, чтобы она могла обстрѣливать путь наступленія обѣихъ колоннъ,—пѣхоту размѣщаетъ кареями по обѣимъ сторонамъ артиллеріи; 6 эскадроновъ уланъ развертываетъ противъ г. Пашкова и 8 эскадроновъ конно-егерей противъ самага Гейсмара.

Къ тому времени колонна Пашкова вышла изъ лѣса. Послѣдній выставилъ орудія вправо отъ дороги и развернулъ свой полкъ уступами въ три линіи.

Начался артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ и вскорѣ польская кавалерія двинулась сначала шагомъ, а потомъ маршъ маршемъ, атаковала 2-ой дивизионъ Пашкова, который велѣлъ встрѣтить поляковъ залпомъ, и въ то-же время 1-й дивизионъ послалъ для удара съ фланга. Вдругъ 1-мъ дивизиономъ овладѣваетъ паническій страхъ,—и онъ вмѣсто того, чтобы атаковать стремительно поляковъ, поворачиваетъ кругомъ и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; третій дивизионъ слѣдуетъ примѣру 1-го, а 2-й, видя себя покинутымъ товарищами, бросаетъ прикрываемыя имъ орудія и также начинаетъ быстро уходить отъ непріятели. Между тѣмъ Гейсмаръ обходной колонной выходитъ изъ лѣса въ ту минуту, когда весь Переяславльскій конно-егерскій полкъ обращается въ постыдное бѣгство, бросаетъ орудія и ихъ прислугу въ жертву непріятели и въ карьеръ уносится по дорогѣ въ Луковъ. Увидя бѣгство переяславльскаго полка, герой Бойлештъ и Веймара не смутился, но быстро выстроивъ уступами полкъ герцога Виртембергскаго (3-ій дивизионъ, за нимъ 2-й и 1-й) велѣлъ 3-му дивизиону атаковать польскихъ егерей; послѣдній не исполнилъ приказанія: устрешенный числительной силой поляковъ, онъ, не дойдя до непріятели, повернулъ кругомъ и ускакалъ по дорогѣ въ близъ лежащій лѣсъ. Что-бы возбудить мужество солдатъ собственнымъ примѣромъ, Гейсмаръ становится во главѣ втораго дивизиона и послѣ краткой воодушевляющей рѣчи командуетъ движеніе впередъ: маршъ! маршъ!.. причемъ оба дивизиона конно-еге-

рей Виртембергскаго полка обращаютъ тылъ и быстро догоняютъ своихъ бѣгущихъ товарищей. Всѣ его усилія и попытки остановить бѣгущихъ были — напрасны.

Паническій страхъ овладѣлъ конно-егерями.

Видя такое постыдное бѣгство двухъ полковъ, нравственные качества которыхъ онъ до сихъ поръ, какъ упомянуто выше, не зналъ, Гейсмаръ приостановилъ лошадь и невольно сталъ соображать послѣдствія неудачнаго нападенія. Много разъ въ предшествующихъ войнахъ съ французами, турками и при усмирении декабрьскаго восстанія въ юго-западномъ краѣ, онъ бывалъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ и вездѣ его личная храбрость воодушевляла войска и вела ихъ къ побѣдамъ. Подъ Стожкомъ-же всягя усилія Гейсмара воодушевить трусовъ — остались тщетными. И такъ, на нѣсколько мгновеній онъ погрузился въ раздуміе на Стожковой равнинѣ; его вывели изъ этого раздумія крики польскихъ уланъ, несшихся съ пиками на перевѣсъ въ погоню за убѣгавшими конно-егерями и кричавшими безъ устали бить москаля, бить его; уже многіе изъ нихъ, увлеченные преслѣдованіемъ — пронесли мимо стоявшаго въ раздуміи Гейсмара, который наконецъ также повернулъ лошадь и послѣднимъ оставилъ поле битвы.

Польскіе уланы въ пылу боя не замѣчаютъ, что рядомъ съ ними скачетъ русскій генералъ и даютъ ему возможность избѣжать плѣна и добраться до Сорочина, гдѣ имъ была расположена въ боевомъ порядкѣ другая бригада его дивизіи.

Послѣднее обстоятельство устрало поляковъ, прекратило ихъ дальнѣйшее преслѣдованіе и дало возможность Гейсмару собрать и привести въ порядокъ трусовъ вѣранныхъ ему конно-егерскихъ полковъ.

Это неудачное столкновеніе съ поляками заставило Гейсмара отступить къ главной арміи въ Сѣдлецъ. Поляки не преслѣдовали; они расположились лагеремъ подъ Стожкомъ и шумно стали праздновать побѣду ¹⁾. Вечеромъ того-же дня адъютантъ генерала

¹⁾ Особенно торжественно праздновали поляки эту побѣду въ Варшавѣ: вечеромъ 3 февраля весь городъ былъ иллюминированъ, съ невыразимой радостью поляки привѣтствовали другъ друга, восхваляли Дверницкаго и стали мечтать о будущихъ побѣдахъ. Была написана картина, изображающая тотъ моментъ, когда Дверницкій и его уланы преслѣдуютъ по дорогѣ къ Сорочину русскихъ егерей. На первомъ планѣ, изображенъ генералъ Гейсмаръ и Дверницкій,

Клицваго привезъ Дверницеому приказаніе немедленно перейти обратно на лѣвый берегъ Вислы и соединиться съ войсками Сѣ-равскаго.

Главнoкомандующій русскою арміею фельдмаршалъ Дибичъ узналъ объ этомъ столкновеніи Гейсмара съ мятежниками черезъ графа Толя. Неудача Гейсмара, лично извѣстнаго ему съ хорошей боевой стороны еще въ турецкую кампанію 1828 и 1829 гг., очень опечалила фельдмаршала и онъ требовалъ, чтобы Гейсмаръ указалъ бы ему на тѣхъ, кому главнымъ образомъ онъ приписывалъ причину пораженія. Отвѣчать фельдмаршалу на его вопросъ прямо, это значило бы, по мнѣнію Гейсмара, указать на то, что дисциплины и порядка въ вѣрренной ему бригадѣ не было; прежній командиръ мало заботился о поддержаніи нравственныхъ, боевыхъ качествъ войскъ, Гейсмаръ же принялъ бригаду передъ самымъ походомъ, а потому вовсе не имѣлъ времени ознакомиться ни съ офицерами, ни съ нижними чинами; но дабы избѣжать отвѣта, непріятнаго для него въ высшей степени, Гейсмаръ въ такой формѣ отвѣчалъ на вопросъ Дибича: „офицеры вѣрренной мнѣ бригады (въ то же время и дивизіи) добросовѣстно исполняли свои обязанности и только внезапный паническій страхъ, овладѣвшій солдатами, былъ причиной неудачи столкновенія“. Спрошенный фельдмаршаломъ о томъ-же во второй разъ, онъ повторилъ тотъ же отвѣтъ и присовокупилъ слѣдующее: „только съ 23-го января, я команду этой дивизіей, а потому не имѣлъ возможности въ этотъ короткій промежутокъ времени ближе познакомиться съ офицерами вѣрренной мнѣ дивизіи. Два эскадрона честно исполнили свой долгъ и вступили въ рукопашный бой; во время бѣгства съ поля сраженія я слышалъ голоса многихъ офицеровъ, которые убѣждали солдатъ остановиться, но всѣ ихъ усилія, такъ же какъ и мои, и генерала Пашкова оставались тщетными“.

Впрочемъ, въ письмѣ своемъ къ полковнику Анрепу, назна-

примечъ первый свачетъ позади Дверницеаго, оуруженный польскими уланами. Картина эта, превосходной работы, до сихъ поръ хранится въ семействѣ Дверницекихъ, въ ихъ имѣніи Подольской губ. ж. Гусятинѣ. Громадное значеніе эта побѣда имѣла въ глазахъ поляковъ потому, что была одержана надъ генераломъ Гейсмаромъ, имя котораго было еще такъ свѣжо въ памяти у всѣхъ послѣ турецкой кампаніи, на дальнѣйшій же ходъ военныхъ дѣйствій она не оказала ни малѣйшаго вліянія.

В. Г.

49*

ченному командиру переяславльскаго конно-егерскаго полка, онъ изложилъ свое убѣжденіе въ томъ, что вообще во всемъ составѣ этого полка замѣчалось мало дисциплины и тѣхъ качествъ, которыя онъ, Гейсмаръ, всегда замѣчалъ во всѣхъ русскихъ ротахъ, баталіонахъ и полкахъ, которыми ему приходилось командовать; эти качества, по словамъ Гейсмара, заключались въ слѣпомъ исполненіи долга и беззаветной храбрости.

Вскорѣ Гейсмаръ получилъ въ отвѣтъ на свое донесеніе о дѣлѣ подъ Стожекѣмъ собственноручное письмо графа Дибича, въ которомъ послѣдній въ очень дружескихъ выраженіяхъ увѣрялъ генерала, что вполне вѣрить въ его военные таланты, довѣряетъ всѣмъ его дѣйствіямъ и проситъ командовать войсками съ той же прежней энергіей и мужествомъ, которыя онъ постоянно выказывалъ во всѣхъ предшествующихъ войнахъ.

Надо признаться, что со стороны Гейсмара лично, въ сраженіи подъ Стожекѣмъ, было сдѣлано нѣсколько крупныхъ ошибокъ: атака была ведена не достаточными силами и отрядъ свой онъ разбросалъ на большомъ протяженіи— это дало полякамъ возможность разбить наши колонны по частямъ.

На эти-то ошибки Гейсмара (независимо отъ выказанной его войсками трусости) и напиралъ Дибичъ въ своемъ донесеніи императору Николаю 1-му о дѣлѣ подъ д. Стожекѣ.

Кстати надо замѣтить, что хотя въ иныхъ случаяхъ Дибичъ обнаруживалъ расположеніе и очень дружески относился къ Гейсмару, въ другихъ онъ явно выказывалъ къ нему свое неблаговоленіе. Самъ Гейсмаръ объяснялъ это тѣмъ, что будучи человекомъ прямымъ и откровеннымъ, онъ часто говорилъ рѣзкую правду нѣкоторымъ приближеннымъ фельдмаршала, который въ польскую кампанію особенно сильно подчинялся постороннему вліянію и поэтому часто дѣлалъ то, чего самъ по себѣ никогда бы не сдѣлалъ.

На другой день послѣ описаннаго нами столкновенія при д. Стожекѣ, Гейсмаръ, какъ упомянуто, прибылъ къ Сѣдлецу, гдѣ при с. Полянахъ принялъ начальство надъ авангардомъ корпуса цесаревича Константина Павловича и переправясь черезъ рѣку Кюстринь, 5-го февраля, имѣлъ очень удачное дѣло съ мятежниками подъ Калушинымъ и Яновымъ, слѣдствіемъ котораго было послѣднее отступленіе непріятеля за г. Минскъ; Гейсмаръ энергично сталъ преслѣдовать поляковъ, которые отходили въ полномъ

порядкѣ; наступившая темнота ночи заставила Гейсмара остано-
виться за Яновымъ. Тутъ онъ получилъ приказаніе Дибича при-
крывать лѣвый флангъ главныхъ силъ при ихъ наступленіи къ
м. Грохову, для чего ему данъ былъ отрядъ, состоявшій изъ полка
пѣхоты, 3-хъ кавалерійскихъ и одного казачьяго.

Съ этими силами онъ двинулся къ Вислѣ, съ цѣлью приго-
товить тамъ матеріалы для предполагаемой переправы. 8-го фев-
раля онъ прибылъ къ м. Карчеву и простоялъ тамъ по 13-е, т. е.
до дня извѣстной битвы подъ Гроховымъ. Въ этомъ сраженіи
онъ начальствовалъ лѣвымъ флангомъ арміи. Въ теченіи всего
боя Гейсмаръ не принималъ участія въ битвѣ, и въ то время,
когда центръ нашего боеваго расположенія дѣлалъ невѣроятныя
усилія къ овладѣнію Ольховою рощицею, а правый флангъ князя
Шеховскаго долженъ былъ отбросить польскую армію отъ Праги,—
лѣвый флангъ, подъ командой Гейсмара, не получалъ никакихъ
приказаній и только, такъ сказать, созерцалъ поле битвы. Нако-
нецъ наступаетъ вечеръ; Ольховая роща послѣ многократныхъ
атакъ взята наконецъ штурмомъ; польская армія начинаетъ отсту-
пать; тщетно генералъ Хлопицкій дѣлаетъ послѣднія усилія;
съ оставшимся резервомъ лично бросается для отраженія послѣдней
атаки гренадеръ; онъ раненъ, а армія разбита;— да, около 3-хъ
часовъ пополудни 13 февраля 1831 года, польская армія была
разбита Дибичемъ, и для нея насталъ критическій моментъ:— она
могла быть уничтожена въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Ге-
нералъ Гейсмаръ, своимъ военнымъ глазомъ-в-ромъ слѣдя за пере-
движеніемъ нашихъ и польскихъ войскъ на Гроховскомъ полѣ
битвы, замѣтилъ, что сдѣлай онъ около 4-хъ часовъ пополудни
ловкое захожденіе лѣвымъ флангомъ къ Прагскому шоссе и поль-
ская армія, разбитая фронтальной атакой, была-бы отрѣзана отъ
своего пути отступленія и принуждена была-бы или силой проры-
ваться черезъ сжимающее ее кольцо русскихъ войскъ (этого она
не могла сдѣлать, ибо, по свидѣтельству самихъ поляковъ, была
тогда въ полномъ разстройствѣ), или же вся положила-бы оружіе.
Понимая инициативу начальника въ широкомъ смыслѣ слова,
Гейсмаръ, безъ приказанія Дибича, сталъ дѣлать упомянутый флан-
говой маршъ, но еще до окончанія его получилъ двукратное при-
казаніе фельдмаршала „не двигаться съ мѣста“, вслѣдствіе чего
и остановился, а польская армія между тѣмъ благополучно отсту-

пила къ Прагѣ. Такимъ образомъ Дибичъ изъ Гроховской побѣды не сумѣлъ извлечь тѣхъ результатовъ, которые должны были быть получены.

Въ ночь послѣ Гроховской битвы Гейсмаръ принялъ начальство надъ авангардомъ всей арміи и 14-го утромъ занялъ сожженную поляками Прагу. Почти двѣ недѣли простоялъ онъ съ авангардомъ въ Прагѣ и только 25-го февраля, когда 1-й корпусъ былъ расположенъ уступами отъ Вавера къ Минску, Гейсмаръ вышелъ изъ Праги и занялъ своимъ авангардомъ корчму Ваверъ, выставивъ у Праги сильное прикрытіе изъ 2-хъ конноегерскихъ полковъ и казацкихъ. На слѣдующій день поляки, подъ командой генерала Янковскаго, произвели сильную вылазку, чтобы узнать, куда отступили русскія войска.

Янковскій выдвигалъ противъ Гейсмара отдѣльныя небольшія части, которыя всякій разъ были отбрасываемы съ большимъ урономъ. Во время одной изъ такихъ схватокъ попалъ къ намъ въ плѣнъ раненый полковникъ Блендовскій.

Послѣдній былъ русскій поданный (родомъ изъ волынской губ.), а потому его должно было ожидать строгое наказаніе. Гейсмаръ былъ знакомъ съ Блендовскимъ, но притворился, что не знаетъ его, велѣлъ заботливо перевязать его раны и, испросивъ предварительно разрѣшеніе фельдмаршала, позволилъ Блендовскому вернуться въ Варшаву для леченія ранъ. Русскіе солдаты на скрещенныхъ карабинахъ донесли его до Грохова, гдѣ и вручили полякамъ.

Вылазка Янковскаго имѣла характеръ усиленной рекогносцировки расположенія авангарда генерала Гейсмара. Главкомандующій польскихъ войскъ хотѣлъ удостовѣриться, дозволить-ли взвѣиіи грунтъ окрестностей Праги употребить въ дѣло кавалерію, а съ другой стороны хотѣлъ приучить генерала Гейсмара къ вылазкамъ поляковъ изъ Праги. Онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что русскій генералъ не намѣренъ покидать свою позицію у Вавера—этого только ему и нужно было. Генераль-квартирмейстеръ польскихъ войскъ—Прондзинскій составилъ слѣдующій планъ военныхъ дѣйствій. Всѣми силами сдѣлать вылазку изъ Праги, другими словами, обрушиться всей массой войскъ на слабый авангардъ Гейсмара, окружить его и уничтожить, затѣмъ уже броситься на кантониръ квартиры русской арміи и разбить ее по час-

тѣмъ. Изъ только что сказаннаго видно, въ какомъ критическомъ положеніи долженъ былъ стать Гейсмаръ, если-бы поляки приступили въ исполненію хорошо задуманнаго плана: онъ долженъ бы былъ со слабыми силами остановить наступленіе всей польской арміи, или по крайней мѣрѣ задержать ее до тѣхъ поръ, пока разбросанныя по квартирамъ войска 6-го и 1-го корпусовъ не приготовятся встрѣтить непріятеля. Если прибавить ко всему этому то обстоятельство, что Дибичъ положительно не допускалъ и мысли о сильномъ наступленіи польской арміи со стороны Праги и занять былъ главнымъ образомъ переправой войскъ на лѣвый берегъ Вислы съ цѣлью угрожать непосредственно Варшавѣ, для чего и армія наша должна была предпринять движеніе въ этомъ направленіи, то станетъ понятно, что Гейсмаръ съ незначительными силами, въ случаѣ вышеупомянутой вылазки изъ Праги, во что бы то ни стало долженъ былъ задержать превосходящія силы противника; говорю задержать, потому что разбить и отбросить ихъ обратно къ Прагѣ не было не малѣйшей возможности.

Что бы вполне отчетливо представить себѣ тѣ военныя операціи (происходившія въ періодъ послѣ гроховской битвы), въ которыхъ принималъ участіе Гейсмаръ, приведемъ вкратцѣ инструкцію фельдмаршала, данную имъ командиру 6-го корпуса генералу Розену отъ 11 марта, изъ главной квартиры при м. Шеницы: генераль Розенъ долженъ прикрывать сообщенія дѣйствующей арміи отъ всякихъ покушеній со стороны непріятеля; авангардъ свой, подъ начальствомъ Гейсмара, оттянуть отъ Вавра въ Дембы-Вельке, а съ остальными силами занять позицію между Минскомъ и Калушинымъ. Въ Ваврѣ оставить только казаковъ, поддержанныхъ эскадрономъ уланъ. Далѣе въ инструкціи указывалось на то, что если-бы поляки сдѣлали вылазку изъ Праги съ частію своихъ силъ, то генераль Розенъ долженъ удерживать ихъ натискъ у Минска или Калушина и ни въ какомъ случаѣ не далѣе Сѣдльца. „Предпріятіе на Варшаву обезпечиваетъ Гейсмара отъ всякаго нападенія значительныхъ силъ, и потому онъ можетъ совершенно удобно прикрывать сообщенія арміи“. Послѣднія слова инструкціи показываютъ насколько ошибочны были предположенія Дибича.

Два дня спустя послѣ отданія этой инструкціи генералу Ро-

зону, т. е. 19 марта, Дибичъ уѣхалъ въ Тырчинъ для подробнаго осмотра мостовъ, сооружаемыхъ черезъ Вислу; остался всѣмъ очень доволенъ и даже назначилъ черезъ 3 дня переправу войскъ на тотъ берегъ рѣки. Вернувшись поздно вечеромъ въ главную квартиру, онъ вдругъ получилъ краткое донесеніе генерала Розена, помѣченное тѣмъ же числомъ въ полдень; Розенъ доносилъ, что „рано утромъ форпосты Гейсмара открыли значительныя непріятельскія силы, наступающія на него двумя колоннами, почему Гейсмаръ и отступилъ на Милосинское шоссе. Въ настоящее время я собираю свои силы на позиціи у Дембы-Вельке, дабы поддержать Гейсмара и удержать натискъ непріятели“. Къ сему онъ приложилъ посѣбно написанное на клочѣхъ синей бумаги донесеніе Гейсмара: „не часть, но вся польская армія наступаетъ противъ меня; что мои войска храбро сражались, это доказываетъ ихъ значительный уронъ; но мнѣ необходимы поддержанія, потому что непріятели тѣснятъ меня превосходными силами. Я отступилъ уже за Милосну и думаю удерживать здѣсь опушку лѣса. Вся пѣхота введена уже въ дѣло, кавалерія изнурена; я еще разъ прошу о поддержаніи, въ особенности пѣхотою, дабы отступить съ меньшею потерей. Взято знамя 5-го польскаго полка“.

За этимъ все еще недостаточно опредѣленнымъ донесеніемъ послѣдовало тотчасъ второе, писанное собственной рукой Розена въ ночь 19 марта изъ Минска: „Гейсмаръ съ своимъ авангардомъ (5,300 чел. съ 700 казаковъ) удерживалъ непріятели сколько могъ. При Дембы-Вельке я принялъ Гейсмара на себя и тогда началось упорное сраженіе, продолжавшееся болѣе четырехъ часовъ. Превосходными силами непріятели принудилъ меня къ отступленію; я полагаю въ теченіи ночи отступить къ Калущину“. Наконецъ, 20 марта вечеромъ, Дибичъ получилъ третье донесеніе Розена о томъ, что онъ уже отступилъ отъ Калущина и что авангардъ его находился у Ягодной, на рѣкѣ Коостжинѣ; къ сему было приложено письмо Розена, въ которомъ онъ жалуется на свою судьбу.

Вотъ какъ произошло столкновеніе Гейсмара съ польскою арміей, наступавшей изъ Праги къ Дембы-Вельке: выполняя общій планъ (объясненный выше), 40,000 армія поляковъ обрушилась на 5,000 авангардъ Гейсмара у Вавра. Погибель его казалась неминуемою: поляки принимаютъ всѣ мѣры для того, чтобы окру-

жить его и уничтожить. Гейсмаръ не можетъ не отступать, ибо непріятель начинаетъ его окружать; онъ отступаетъ, но отступаетъ съ честью. Съ пронцательностью предугадываетъ онъ движеніе противника и сообразно этому размѣщаетъ войска для обороны сначала у Вавра, а потомъ у Милосны, гдѣ онъ оказалъ особенно упорное сопротивленіе. Такимъ образомъ непрерывно сражаясь, медленно отступая, останавливаясь и опять отступая, Гейсмаръ выигралъ 11 часовъ времени и, будучи въ дѣлѣ съ 5 часовъ утра, прибылъ только въ 4 часа пополудни на позицію при Дембы-Вельке. Этимъ онъ далъ возможность Розену собрать разбросанныя войска 6-го корпуса и изготавиться къ бою. Кто послѣ этого скажетъ, что сопротивленіе Гейсмара не достойно похвалы? Военная исторія представляетъ не много примѣровъ такого геройскаго отступленія при столь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ: начать хоть бы съ того, что литовскіе полки, бывшіе въ авангардѣ Гейсмара, сражались довольно плохо и вообще сочувствовали „Польской справѣ“. Въ сраженіи при Дембы-Вельке командовалъ Розень. Гейсмаръ съ совершенно изнуренными войсками занималъ лѣвый флангъ позиціи.

У Розена было всего около 8,000 ч. пѣхоты и 2,000 ч. кавалеріи; на него нападали около 40,000 поляковъ, почему исходъ сраженія не могъ подлежать сомнѣнію. Розену только нужно было задержать противника до тѣхъ поръ, пока 25-ая пѣхотная дивизія займетъ Калушинъ; къ концу боя, поздно вечеромъ, поляки прорываютъ центръ боеваго расположенія Розена; тщетно онъ дѣлаетъ усилія возстановить порядоки—все обращается въ бѣгство. Самъ Розень послѣ долгаго колебанія послѣдовалъ за бѣгущими и, поручивъ свой авангардъ Гейсмару (всего около 5,000 ч.), послѣшилъ въ Минскъ, что бы собрать тамъ остатки своихъ войскъ, также ваекъ и бѣгущихъ и разсѣявшихся солдатъ.

Храбрый Гейсмаръ съ авангардомъ занялъ позицію у Стоядле, въ трехъ верстахъ отъ Минска, и долженъ былъ удержаться на ней до тѣхъ поръ, пока отступавшія войска не достигнутъ Минска. Самъ Розень въ 2 часа ночи отступилъ изъ Минска далѣе къ Калушину, и ожидалъ своего спасенія единственно отъ сопротивленія, которое окажетъ Гейсмаръ. Послѣдній и въ этотъ разъ оправдалъ надежды Розена и мужественно удерживалъ наступавшаго непріятеля: до 8 часовъ утра 20-го марта онъ оставался

въ своей позиціи у Стоядле; когда уже узналъ, что отступавшія войска уже прошли г. Минскъ,—сталъ самъ отходить назадъ къ Калущину; казаки, по его приказанію, прикрывали отступление.

Подъ Калущинимъ Гейсмаръ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, снова выдерживалъ нападенія противника и только тогда началъ отступать, когда волынской и минскій полки (согласно приказанію генерала Розена) присоединились къ нему. Продолжая дальнѣйшее отступление, Гейсмаръ отошелъ къ Ягоднѣ, гдѣ занялъ позицію за болотистымъ Костржиномъ, рѣшивъ далѣе не отходить, а наблюдать за дальнѣйшими намѣреніями поляковъ.

Такъ прошло 4 дня. Въ теченіи этого времени войска стояли на мѣстѣ, обоюдно наблюдая другъ за другомъ.

Розенъ уѣхалъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а Гейсмаръ, на время его отсутствія, принялъ начальство надъ 6 пѣхотнымъ корпусомъ и всѣми войсками, находившимися въ окрестностяхъ г. Сѣдлеца. 26 марта онъ былъ атакованъ всей польской арміей при с. Игане. Генералъ Розенъ, вернувшійся отъ Дибича во время самаго боя, отказался принять команду надъ вѣренными ему войсками въ этотъ критическій моментъ,—онъ возложилъ рѣшеніе трудной задачи веденія боя на Гейсмара и чисточеречно ему признался, что на полѣ битвы онъ не имѣлъ столько хладнокровія, сколько баронъ Гейсмаръ; это дѣйствительно была весьма лестная похвала изъ устъ такого человѣка, каковъ былъ Розенъ.

Въ битвѣ при Игане Гейсмару удалось съ 10,000-мъ корпусомъ отразить нападеніе матежниковъ, удержаться на своей позиціи на берегахъ Муховца и даже заставить генерала Скрженецкаго отступить, ночью 31 марта.

Потери обѣихъ сторонъ въ этомъ дѣлѣ были громадны. Русскіе потеряли 3,500 ч. убитыми и ранеными, поляки и того болѣе.

Встрѣтивъ такое упорное сопротивленіе при Игане, поляки не могли двинуться впередъ къ Сѣдлецу и тѣмъ привести въ исполненіе свой искусно задуманный планъ—разбить русскую армію по частямъ. Короче говоря, упорный бой при Игане исторгъ изъ рукъ поляковъ тотъ успѣхъ, который они пріобрѣли удачной вылазкой изъ Праги.

Изъ нашего разсказа видно, что при усмиреніи польскаго мятежа генералъ Гейсмаръ оказалъ нашей арміи не маловажныя

услуги въ самыя критическія минуты. Между тѣмъ послѣ сраженія 30 марта, онъ былъ, по распоряженію высшаго начальства, удаленъ изъ дѣйствующей арміи, и даже ходили тогда слухи о преданіи его военному суду, будто бы за неправильность военныхъ дѣйствій. Высланный изъ арміи, онъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, гдѣ однажды ночью съ отчаянія хотѣлъ застрѣлиться, но былъ во время остановленъ женой, которая, отобравъ у него пистолеть, убѣдила его не отчаиваться и спокойно дожидаться рѣшенія своей участи.

Нѣсколько времени спустя, въ Кіевъ былъ присланъ изъ Петербурга курьеръ, привезшій Гейсмару высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы онъ немедленно отправился въ дѣйствующую армію и принялъ начальство надъ авангардомъ корпуса генераль-адъютанта Ридигера. Эта монаршая воля ясно доказала всю несостоятельность взведенныхъ на него обвиненій и дала ему возможность еще нѣсколько разъ въ концѣ кампаніи выказать свои военныя боевыя способности.

Уже 10-го іюля 1831 г., онъ принялъ начальство надъ ввѣреннымъ ему авангардомъ, съ которымъ, переправившись черезъ р. Вислу, занялъ село Павловскую Волю, а черезъ три дня разбилъ и уничтожилъ совершенно отрядъ мятежниковъ при м. Гнѣваповѣ, при чемъ взялъ въ плѣнъ полкъ № 22-й польской пѣхоты, роту вольныхъ стрѣлковъ и два орудія. Недѣлю спустя онъ устремился въ погоню за отрядомъ извѣстнаго мятежника Ружицкаго, желая захватить его въ плѣнъ; при с. Ильзы онъ настигъ отрядъ и разсѣялъ его,—впрочемъ, ему не удалось захватить въ плѣнъ главныхъ начальниковъ.

Наконецъ, когда главные русскія силы подошли къ Варшавѣ, генераль Гейсмаръ былъ сдѣланъ начальникомъ одной изъ тѣхъ трехъ колоннъ, которыя назначены были для штурма Варшавы.

Съ ввѣренной ему колонной онъ первый повелъ атаку на передовыя Варшавскія укрѣпленія, и взялъ приступомъ редуты №№ 54 и 55-й съ шестью осадными орудіями, при чемъ, при взятіи втораго редута, когда онъ обвѣзжалъ штурмуемый фасъ—былъ тяжело раненъ пулею въ лѣвую ляшку на вылетъ.

За штурмъ Варшавы Гейсмаръ получилъ Высочайшее благоволеніе и орденъ св. Александра Невскаго—это было первая и послѣдняя награда, которую онъ получилъ въ эту войну.

ГЛАВА VI.

Назначеніе командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса.—Жизнь въ Вильно.—Выходъ изъ строя.—Покупка имѣнія.—Жизнь въ деревнѣ.—Путешествіе за границу.—Гейсмаръ узнаетъ объ Венгерской кампаніи.—Его пріѣздъ въ Петербургъ.

1831—1848.

Послѣ войны съ поляками мы видимъ Гейсмара на высокомъ посту командира 1-го пѣхотнаго корпуса. Старшій сынъ его отъ первой жены умеръ, второй служилъ въ саперахъ на Кавказѣ.

Отъ горячо любимой второй жены (рожд. Гердеръ) Гейсмаръ имѣлъ 5 сыновей и 3 дочери, о которыхъ онъ нѣжно заботился до самой смерти; любя жену, онъ также любилъ и дѣтей, которыхъ она ему подарила. Двѣ старшихъ дочери Марія и Луиза въ 1836 году пріѣхали къ отцу въ Вильно, окончивши Смольный институтъ, при чемъ старшая вскорѣ была назначена фрейлиной къ Ея Императорскому Величеству. 3-я дочь умерла въ Краіовѣ въ 1829 году, во время страшнаго землетрасенія. Старшаго сына, пажа двора Его Императорскаго Величества, Александра, пріѣхавъ въ Вильно, онъ помѣстилъ въ благородный пансіонъ, который онъ и окончилъ въ 1840 г. и вышелъ въ стародубовскіе драгуны, откуда 8 лѣтъ спустя былъ переведенъ въ кавалергардскій полкъ и уже въ концѣ 1850-хъ годовъ былъ полковникомъ; 2-й сынъ, Алексѣй, изъ Вильно былъ отданъ въ морской корпусъ, а остальные трое еще были очень молоды и потому воспитывались дома.

Командуя войсками въ Вильно, Федоръ Клементьевичъ познакомился со многими знатными польскими фамиліями, каковы: Радзивиллы, Чарторыйскіе, Потоцкіе и друг. и результатомъ этого знакомства было то, что онъ измѣнилъ первоначальное свое мнѣніе о полякахъ: прежде онъ говорилъ, что поляки люди нехорошіе,—ихъ надо избѣгать; теперь, напротивъ, онъ полюбилъ этотъ народъ и даже впоследствии старшую свою дочь выдалъ за-мужъ за польскаго магната графа Грабянка. Въ Вильнѣ онъ и былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и когда увидѣлъ, что высшаго назначенія онъ не получитъ, а служить въ строю въ мирное время ему уже становилось трудно, войны же не предви-

дѣлось, то началъ придумывать, какъ-бы лучше подѣ старость лѣтъ устроить свое положеніе, и наконецъ, послѣ многихъ семейныхъ толковъ и разсужденій, рѣшилъ купить себѣ гдѣ-нибудь на югѣ Россіи имѣніе и въ немъ поселиться, для чего и хотѣлъ выйти изъ строя на время болѣе или менѣе продолжительное, ибо въ отставку ему выйти было нельзя. Но несмотря на то, что онъ уже такъ высоко стоялъ по службѣ, получалъ сравнительно большое содержаніе, высочайше пожалованную аренду ¹⁾ и много разъ по высочайшему повелѣнію ему выдавались временныя денежныя пособія, все-таки не располагалъ такими большими средствами, чтобы купить хоть сколько нибудь порядочное имѣніе. Это обстоятельство часто заставляло его задумываться надъ своимъ положеніемъ: ему ужасно хотѣлось послѣ такой бурной военной жизни вкусить всѣ прелести тихаго сельскаго одиночества. Наконецъ въ 1840-мъ году онъ совершенно случайно узнаетъ отъ одного изъ своихъ польскихъ знакомыхъ, что въ Подольской губерніи графиня Мнишекъ продаетъ свое большое имѣніе м. Грудекъ, даже очень дешево, потому что хочетъ поселиться за границей и нуждается въ деньгахъ. Сумма, которую требовала графиня за имѣніе, была столь велика, что Гейсмаръ и думать не могъ совершить эту покупку, но вдругъ къ нему на помощь является одно обстоятельство, которое и даетъ ему средства совершить давно желанную покупку; обстоятельство это слѣдующее: исполняя въ 1834 г. обязанности дежурнаго генераль-адъютанта и живя въ Петербургѣ,—у него родился меньшей сынъ Анатолій, крестнымъ отцомъ котораго былъ извѣстный русскій богачъ Демидовъ ²⁾, онъ-то и положилъ въ банкъ на имя своего крестника 300,000 руб. ассигнац. съ условіемъ, что никто не имѣетъ права ихъ взять безъ его разрѣшенія до совершеннолѣтія его крестника; затѣмъ деньги составляютъ собственность того, на чье имя положены.

Когда Гейсмару понадобились деньги на покупку м. Грудка, Демидовъ далъ ему разрѣшеніе взять деньги изъ банка, а потомъ

¹⁾ Вскорѣ послѣ усмиренія польскаго возстанія 1830—1831 гг. императоръ Николай I подарилъ генералу Гейсмару прекрасное помѣстье въ Царствѣ Польскомъ—г. Уржендовъ, и чтобы оно постоянно оставалось въ семействѣ бароновъ Гейсмаръ,—даровать права маіората.

²⁾ Гражданскій губернаторъ Курской губ. въ 1830-хъ годахъ. В. Г.

пополнить ихъ временными взносами. Такимъ образомъ у него явился требуемый капиталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и купчая крѣпость на имѣніе графини Мнишекъ. Получивъ отпускъ „до излеченія отъ болѣзни“, Гейсмаръ совсѣмъ переселяется въ свое вновь купленное имѣніе:—превращается въ мирнаго помѣщика-хозяина.

Съ 1842 г. по 1848, т. е. до самой своей смерти, онъ почти безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ, занимаясь преимущественно устройствомъ имѣнія и введеніемъ образцоваго хозяйства. Въ небольшой періодъ времени онъ построилъ два завода: пивоваренный и сахарный, исправилъ мельницы и завелъ стада тонкорунныхъ овецъ и голландскаго скота. Нивогда ни въ чемъ не полагаясь на своихъ управляющихъ, онъ всегда самъ лично за всѣмъ присматривалъ, что, очевидно, должно было дать ему весьма выгодные результаты. Заботясь о благоустройствѣ имѣнія, онъ въ то же время заботился о благосостояніи жителей своей деревни: всякій немущій всегда обращался къ нему за помощью, которая тотчасъ была оказываема ¹⁾. На свой счетъ построилъ церковь и костель, устроилъ госпиталь, (для чего выписалъ изъ заграницы доктора), нѣчто въ родѣ богадѣльни и шволу для дѣтей своихъ крѣпостныхъ,—все это не могло не расположить къ нему обитателей его деревни, которые и дѣйствительно любили его какъ отца, и когда онъ ежедневно по утрамъ объѣзжалъ верхомъ (несмотря на свои 60 лѣтъ) свое хозяйство, встрѣчающіеся ему поселяне съ почтеніемъ снимали шляпы и низко кланялись.

Счастливо и мирно, среди любящаго семейства, доживалъ славный воинъ свои годы и не могъ натѣшиться, глядя на подраставшихъ дѣтей. Такъ какъ у него были уже двѣ взрослыя дочери, то онъ и устраивалъ балы и давалъ вечера, на которыхъ присутствовала всегда вся тамошняя знать, преимущественно польская. Домъ его былъ устроенъ на широкую ногу и отличался своимъ гостеприимствомъ, а его славное имя дѣлало то, что всякій, даже гордый польскій аристократъ, считалъ за честь бывать у него въ домѣ.

¹⁾ Когда въ концѣ 1840-хъ годовъ, страшный пожаръ истребилъ большое количество еврейскихъ домовъ м. Грудка, а также очень много причинилъ убытковъ крестьянамъ, Гейсмаръ безвозмездно далъ матеріалъ на возобновленіе построекъ и роздалъ денежное пособіе погорѣвшимъ. В. Г.

Старшую дочь свою Гейсмаръ, какъ упомянуто выше, вскорѣ дѣйствительно и выдалъ замужъ, за своего сосѣда богатаго помѣщика графа Грабянва. Младшая дочь его умерла отъ чахотки, которую получила отъ простуды на балѣ у графовъ Браницкихъ, при чемъ особенно замѣчательно то обстоятельство, что въ ту же ночь, въ которую она умерла — убитъ былъ на Кавказѣ старшій братъ ея Карлъ, и на другой день курьеръ изъ Петербурга привезъ высочайшее повелѣніе о назначеніи ея фрейлиной къ Ея Императорскому Величеству. Эта потеря, сильно повлияла на старика отца, который серьезно заболѣлъ и, оправившись не много, по совѣту докторовъ, отправился на зиму и весну за границу, для пользованія минеральными водами.

Вернувшись изъ путешествія, онъ еще нѣсколько лѣтъ прожилъ тихо въ деревнѣ, и на этотъ разъ уже ничто не нарушило его покойную сельскую жизнь. Торжественно отпраздновалъ онъ свою серебряную свадьбу и изрѣдка еще все таки давалъ вечера, хотя впрочемъ уже не для кого и было ихъ давать. На этихъ вечерахъ онъ обыкновенно игралъ въ карты въ преферансъ и бывало изъ себя выходилъ, когда случалось ему проиграть нѣсколько рублей.

Уважаемый всѣми, съ кѣмъ только приходилось ему сталкиваться, окруженный нѣжными заботами любящаго семейства, онъ дѣйствительно отдыхалъ подъ конецъ своей жизни отъ тяжелыхъ лишеній предшествующихъ походовъ и наслаждался истиннымъ счастіемъ семейнаго человѣка.

Живя въ деревнѣ и занимаясь хозяйствомъ, онъ въ то же время слѣдилъ за политикой, и часто увѣрялъ своихъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, что ему еще придется побывать въ походѣ, хотя самъ онъ тогда еще точно не могъ опредѣлить, противъ кого будетъ предпринятъ этотъ походъ. Наконецъ наступаетъ 1848 годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Россія начинаетъ готовиться къ войнѣ, идетъ на помощь Австріи противъ возставшихъ венгерцевъ. Лишь только генералъ Гейсмаръ узнаетъ о томъ, что дѣйствительно предполагается походъ, какъ немедленно уѣзжаетъ изъ деревни съ цѣлью получить мѣсто въ дѣйствующей арміи.

Прощаясь въ своемъ Грудецкомъ замкѣ съ женой и дѣтьми, онъ вѣроятно не думалъ, что уже больше ихъ не увидитъ. Не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія семейства остаться и не

ѣхать въ дѣйствующую армію, Гейсмаръ поѣхалъ, потому что, по его словамъ, не могъ сидѣть дома тогда, когда русскія войска были въ походѣ.

Въ январѣ 1848 года Гейсмаръ пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно заявилъ свое желаніе о поступленіи въ дѣйствующую армію ¹⁾.

Военный министръ отвѣчалъ на его заявленіе слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь баронъ Ѳедоръ Клементьевичъ! Государь Императоръ, съ особеннымъ удовольствіемъ принявъ готовность в—го высокопревос—ва, выраженную съ письмѣмъ вашимъ отъ 15 сего марта, вступить въ составъ дѣйствующихъ войскъ, соизволилъ отозваться, что Его Величество будетъ имѣть васъ въ виду, на случай если обстоятельства востребуютъ.

¹⁾ „Прежде чѣмъ я отправлюсь къ князю Чернышеву (военному министру) и вручу ему мое письмо къ Его Величеству, напишетъ онъ женѣ; — хоча еще кое что тебѣ сообщить: моя рѣшимость поступить снова на дѣйствительную службу, повидимому, тебѣ не понравилась, но ты знаешь, что я всегда жертвую собою тогда, когда того требуютъ интересы Царя и Россіи;—въ особенности же теперь:—я чувствую въ себѣ для этого достаточно силы.

„Боже сохрани мнѣ ту энергію, которую я до сихъ поръ въ себѣ чувствую!.. Ты вѣдь по опыту знаешь, что, будучи серьезно занятъ войной, я чувствую себя какъ будто здоровѣе,—счастливѣе.

„Что мы близки къ войнѣ,—это по моему не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, не смотря на то, что наше правительство употребляетъ всѣ усилія къ устраненію причинъ столкновенія. Теперь наступилъ моментъ, когда дворянство фактически можетъ доказать свою преданность Государю, и я надѣюсь, что въ этомъ отношеніи Подолія (Подольская губернія) нисколько не уступитъ остальнымъ русскимъ областямъ. Она съ радостью принесетъ въ жертву Царю свое имущество и жизнь, если обстоятельства того потребуютъ; этимъ она докажетъ, что искренность ея вѣрноподанническихъ чувствъ даетъ ей право, подобно прочимъ старорусскимъ губерніямъ, рассчитывать на милость Государя. Всѣ молодые люди должны въ настоящее время съ охотой вступить въ военную службу.“

Эти слова лучше всякихъ коментарій характеризуютъ покойнаго, какъ чисто русскаго патриота:—и станутъ намъ вполне понятны, если мы вспомнимъ, что они относятся къ 1848-му году, т. е. ко времени большихъ революціонныхъ движеній въ Западной Европѣ, которыя легко могли нарушить тишину въ нашихъ югозападныхъ губерніяхъ, искони сочувствъ вавшихъ Польской справѣ.

Баронъ Гейсмаръ, живя въ своемъ имѣніи, въ Подольской губерніи, и пользуясь тамъ большимъ вліяніемъ на высшій слой общества, постоянно старался убѣдить польскую знать въ томъ, что единственный залогъ лхъ благоденствія—это преданность Государю и Россіи.

В. Г.

„При этомъ Его Величество поручилъ мнѣ изъяснить вамъ, Милостивый Государь, Монаршую признательность за радушное предложеніе ваше. Князь Чернышевъ.

„17 марта 1848 г. С.-Петербургъ“.

Получивъ это письмо, Гейсмаръ остался жить въ Петербургѣ и ожидать назначенія въ дѣйствующую армію.

Вотъ что писалъ онъ объ этомъ жанѣ въ деревню: „Я останусь въ Петербургѣ и буду спокойно выжидать своего назначенія. Я сдѣлалъ,—что слѣдовало; навязывать же свои услуги—не хочу. Я ихъ предложилъ и, несмотря на мои лѣта, готовъ служить съ рвеніемъ молодого человѣка, и жизнь отдать за Государя и Россію;—болѣе ничего не могу сдѣлать. Забыли ли уже какъ я служилъ во время предшествующихъ войнъ, или не хотятъ о томъ вспомнить, или же наконецъ думаютъ, что я старъ:—все возможно, однако же я убѣжденъ, что могу болѣе сдѣлать, чѣмъ большая часть молодыхъ генераловъ, ибо я опытенъ въ бояхъ, хладнокровенъ, обладаю хорошимъ глазомѣромъ и полагаю, что не уступлю никому въ стратегическихъ соображеніяхъ: все это хорошо, но не довольно того, чтобы я такъ самъ о себѣ думалъ, нужно, чтобы и Государь былъ того же мнѣнія обо мнѣ,—чего, къ несчастію, кажется, нѣтъ. Впрочемъ, какъ Богу угодно!“

Гейсмару не довелось однако получить страстно желаннаго имъ назначенія въ дѣйствующую армію, готовившуюся уже къ походу. Мысль—что онъ оставленъ, забытъ—удручала заслуженнаго воина. Онъ захворалъ и въ тоскѣ тяжкаго предчувствія близкой кончины, уже лежа на кровати, дрожащею рукою написалъ онъ, 24 апрѣля 1848 г., слѣдующее замѣчательное письмо.

[Переводъ съ нѣмецкаго]. „Неохотно умираю въ постели: я надѣялся умереть на полѣ битвы и передъ смертью доказать Государю и моимъ врагамъ, что я не простой рубака, какъ то нѣкоторымъ особамъ угодно было утверждать передъ Его Величествомъ. Я бы могъ быть полевымъ, но къ несчастію для меня и для Россіи, пошу нѣмецкое имя, которое такъ охотно хотѣли бы устранить, но никакъ не могутъ.

„Вообще (для меня) не понятно, отчего въ Россіи хотятъ узнать русскаго только по фамиліи, тогда какъ слѣдовало бы его опѣнивать только по дѣяніямъ и образу мыслей. Жаль, что Государю Императору не вздумалось повелѣть перевести *ab libitum* на рус-

свѣй языкъ всѣ иностранныя фамиліи и въ будущее время носить ихъ, ибо подобно тому, какъ изъ фамиліи „Dick“ сдѣлали „Толстой“, назвали бы и меня не „Гейсмаромъ“, а „Козаконевымъ“¹⁾, Roth'a—„Красновымъ“; сдѣлались ли бы мы оттого болѣе русскими—въ этомъ я долженъ усумниться, во мнѣніи же русскихъ фанатиковъ я поднялся бы на 100%. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мнѣ что-то не здоровится. Боюсь, чтобы со мной не случился ударъ. Я, можетъ быть, могъ бы его предупредить,—но въ чему? Судя потому какъ со мной обращаются при Дворѣ, я вижу, что мало мнѣ остается надежды. Дай Богъ, чтобы впоследствии не расказывались о томъ, что меня, какъ рѣдко кого, непонятнымъ образомъ отстранили на задній планъ.

„Никто не имѣлъ лучшихъ намѣреній, никто не былъ болѣе преданъ Россіи и Государю, чѣмъ я.

„Я могъ бы оказать важныя услуги, еслибы мною пользовались такъ, какъ я заслужилъ это своей опытностью и способностями.

„Война, которая предстоитъ Россіи, будетъ кровопролитна и будетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Отъ способа веденія войны будетъ зависѣть: сдѣлается ли Россія первою державою міра, или же упадетъ съ настоящей высоты и могущества въ полнѣйшей незначительности. Съ самаго начала войны надо стараться достигнуть нѣкоторыхъ успѣховъ надъ непріятелемъ, ибо малѣйшій успѣхъ нашего противника повлечетъ за собой важнѣйшія несчастнѣйшія послѣдствія. Я преданно и честно служилъ Государю и отечеству,—что это позабыли, это очевидно. Если Его Величеству угодно будетъ вспомнить, что, при Его вступленіи на Всероссійскій престолъ, я, и только я одинъ, разбилъ Черниговскій полкъ бывшій подъ командой Муравьева и возстановилъ спокойствіе, что въ турецкую кампанію, я своимъ безпримѣрнымъ въ исторіи маршемъ спасъ Букарестъ отъ гибели и удержалъ для русской арміи богатые склады этого большого города; что я сраженіемъ при Бойлешти поколебалъ планъ турокъ, который долженъ былъ погубить нашу армію; что это я 35 дней, спустя послѣ Адрианопольскаго мира, перешелъ Балканы, разбилъ въ ущельѣ турокъ, взялъ городъ Софію и этимъ только поддер-

¹⁾ Нѣмецкая фамилія Geismar составлена изъ двухъ словъ: „Geis“ и „Mar“—древне германское слово, не употребляемое нынѣ, означающее—„Конь“. В. Г.

жалъ миръ, который турки рѣшили нарушить; что въ польскую кампанію, въ сраженіи при Гроховѣ, я, захожденіемъ лѣваго фланга, хотѣлъ отрѣзать отступление всей польской арміи (уходившей въ беспорядкѣ), чѣмъ бы и кончился весь походъ: не достигъ же я этого результата потому только, что получилъ приказаніе „не двигаться“,—въ свидѣтели правдивости моихъ словъ я призываю графа Палена, что это я, а не генераль Розенъ, командовалъ въ сраженіи при Игане и своимъ упорнымъ сопротивленіемъ, съ ничтожными силами, удержалъ наступленіе всей соединенной польской арміи, и тѣмъ спасъ нашу армію отъ вѣрной гибели, которая повлекла бы за собой важнѣйшія для Россіи послѣдствія.

„Какую же благодарность получилъ я за все это?..

„Никогда, ни словомъ, мнѣ не упомянули о томъ, что никто иной какъ я подтвердилъ Адрианопольскій миръ,—такъ что я сомнѣваюсь, пришло ли когда либо на умъ Дибичу и Орлову донести о моихъ успѣхахъ Государю Императору.

„Послѣ сраженія при Игане я, какъ измѣнникъ, былъ немедленно удаленъ изъ арміи; за всю польскую кампанію я не получилъ никакой награды, и только за штурмъ Варшавы, гдѣ я приступомъ взялъ редуты № № 54 и 55 (причемъ былъ тяжело раненъ) получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Генералу же Крейцу дали Георгія 2-й степени, за то, что онъ долженъ былъ взять редутъ № 54, въ чемъ, однако, я его предупредилъ.

„Въ мирное время я командовалъ тремя корпусами и оставилъ послѣдній, ибо одинъ молодой офицеръ, въ то время какъ я былъ за границей, увлекся молодой, красивой полькой и измѣнилъ русскому знамени: передавая въ руки плѣнника-поляка ¹⁾ письма—большое преступленіе, постыдная измѣна, но чѣмъ же я виноватъ, я—находившійся въ то время уже 3 мѣсяца въ отпуску за границей. Вообще развѣ возможно, что бы командующій генераль отвѣчалъ бы за каждаго изъ своихъ подчиненныхъ?

„Старшіе сыновья мои погибли на службѣ Его Императорскаго Величества: одинъ умеръ въ турецкой кампаніи, другой убитъ на Кавказѣ. 3-й сынъ, 26 лѣтъ, поручикъ арміи, находится на

¹⁾ Эмисарь Канарскій, извѣстный польскій агитаторъ, составившій планъ возстанія въ Литовскихъ губерніяхъ. Онъ былъ пойманъ, преданъ суду и разстрѣлянъ въ Вильнѣ въ 1838 году.

службѣ уже 8 лѣтъ и нынѣ прикомандированъ къ кавалергардскому полку, чтобы быть переведеннымъ черезъ 6 мѣсяцевъ—корнетомъ. 4-й, морякъ, уже 5¹/₂ лѣтъ мячманомъ, совершаетъ одною кругосвѣтное плаваніе. 5-й—18 лѣтъ поступилъ юнкеромъ въ уланскій эрцъ-герцога Альбрехта полкъ. 6-й, еще только 14 лѣтъ, находится при матери въ деревнѣ. Поступить ли онъ въ военную службу, въ этомъ я сомнѣваюсь.

„Всѣхъ дѣтей моихъ и жену поручаю милости Его Императорскаго Величества Государя Императора.

„Писано это въ ту минуту, когда чувствую себя очень дурно и думаю, что скоро умру.

„С.-Петербургъ. 24-го апрѣля 1848 года. 6 часовъ утра. Баронъ Гейсмаръ“.

Рано утромъ 25-го апрѣля 1848 г. Федоръ Клементьевичъ Гейсмаръ, сраженный апоплексическимъ ударомъ, испустилъ духъ на рукахъ старшаго своего сына. Эти нѣсколько словъ ярче всего рисуютъ намъ свѣтлую личность Бойлештскаго героя, какъ человѣка, искренно преданнаго Царю и Россіи. Миръ праху твоему, славный воинъ: не мало пользы принесъ ты нашему и твоему новому отечеству!

Баронъ В. Гейсмаръ.

С.-Петербургъ. 30-го мая 1881 года.

ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНАГО,
СОДЕРЖАЩІЯ ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
СИБИРЬ ПО КАНАТУ.

1827—1828 гг.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРОВСКЪ.

. 1835.

„Записки Несчастливаго“—рукопись въ 4-ю долю, 160 стр.,—написаны со словъ нѣкоего Василя Павловича Колесникова, нынѣ умершаго, барономъ Владиміромъ Ивановичемъ Ш—емъ — въ 1835 году, въ Петровскомъ заводѣ въ Сибири, и тогда-же подарены барономъ Ш—мъ его другу Михаилу Александровичу Бестужеву ¹⁾.

М. А. Бестужевъ предоставилъ этотъ манускриптъ въ наше полное распоряженіе въ 1860 году, переславъ въ нашъ рукопись изъ Селенгинска въ Петербургъ.

Въ 1869 году Записки эти были напечатаны нами въ Петербургѣ, въ IV и V книгахъ, стр. 53—85 и стр. 1—30, литературнаго журнала „Заря“, издававшегося тогда В. Кашпиревымъ (нынѣ покойнымъ). Журналъ, по недостатку числа подписчиковъ, въ томъ же году прекратилъ свое существованіе.

Такъ какъ упомянутыя Записки весьма ярко знакомятъ съ порядками, сопровождавшими, между прочимъ, ссылку „несчастливыхъ“ въ Сибирь и слѣдованіе ихъ туда,—то мы считаемъ нелишнимъ сохранить настоящія „Записки“, какъ историческій документъ, на страницахъ „Русской Старины“. Дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что журналъ „Заря“, въ которомъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ появилось первое изданіе „Записокъ Несчастливаго“—почти вовсе неизвѣстенъ читающему обществу.

Настоящее второе изданіе „Записокъ Несчастливаго“ печатается прямо съ рукописи барона В. И. Ш—ля, съ исключеніемъ лишь двухъ страницъ изъ введенія, ему принадлежащаго и написаннаго имъ въ 1835 г. Р е д

¹⁾ Баронъ В. И. Ш—ль умеръ въ Петербургѣ въ 1862 г.

Любезный другъ, восемь мѣтъ проведя въ одной тюрьмѣ, мы могли узнать другъ друга: я узналъ тебя, полюбилъ, люблю всюю душою, и не разлюблю уже конечно, пока судьба оставитъ меня еще на этой грязной кучкѣ, на которой такъ мало добра и такъ много зла. Она скоро разлучитъ насъ, и, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ моей жизни день Ангела твоего мы проведемъ вмѣстѣ. Хотѣлось бы мнѣ подарить тебѣ въ этотъ день что нибудь на память; но мы съ тобой едва имеемъ на что подѣ холодный часъ купить омуля, и то капиталъ отрицательной. Пусть же хотя эта бѣдная рукопись напомнитъ тебѣ въ грустной часъ бѣднаго, сдѣлаю другъ—бѣднаго карманомъ, но богатаго чувствами, которой тебя не забудетъ доколѣ мозгъ не лишится способности возобновлять принятыя впечатлѣнія.

Ш ъ.

Любезному другу, товарищу несчастія, Михаилу Александровичу Бес-тужеву.

8 ноября 1835. Петровской казематъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Вмѣсто вступленія.

Глава I. Чтеніе сентаенціи, экзекуція, проводы.

Глава II. Последнее прощаніе.

Глава III. Переходъ до Уфы, встрѣчи.

Глава IV. Пребываніе въ Уфѣ.

Глава V. Переходъ до Тобольска.

Глава VI. Этаны, поду-этаны, устройство партіи, злоупотребленія.
Заключеніе.

ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНАГО,

СОДЕРЖАЩАЯ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СИБИРЬ ПО КАНАТУ.

Вмѣсто вступленія.

.....

Въ послѣднее время царствованія Екатерины II, она встрѣтилась казню французскаго короля; тотчасъ московской главнокомандующій князь Прозоровской воспользовался этимъ, чтобы обратить на себя особенное ея вниманіе и подслушаться ¹⁾. Черезъ московскаго почт-директора Пестеля, онъ имѣлъ копіи съ переписки нѣкоторыхъ масоновъ, принадлежавшихъ къ такъ называемому Новиковскому обществу ²⁾. Составивъ записку, онъ побѣжалъ въ Петербургъ, и до того умѣлъ наугадъ императрицу тайнымъ мартинизмомъ и мнимыми замыслами этого общества — возвести на престолъ Наслѣдника, что и Великая сдѣлалась слабоушною: она дала ему полную власть—арестовать Новикова и всѣхъ его сообщниковъ, учинить строгій розыскъ. Такимъ образомъ это общество, существовавшее болѣе двадцати лѣтъ, и дѣйствовавшее открыто, въ ея собственныхъ видахъ, къ просвѣщенію Россіи, было варварски ³⁾ уничтожено, какъ зловердное. Хотя

¹⁾ Изъ записокъ Храповицкаго, бывшаго докладчикомъ при императрицѣ, мы знаемъ, что Екатерина не терпѣла лично Прозоровскаго, ни его подъяческой поговорки сирѣчь; о немъ и о Суворовѣ она говорила: „Они хороши на своемъ мѣстѣ“.

В. III.

²⁾ Эти копіи находятся въ нашемъ распоряженіи и часть ихъ была напечатана въ „Русской Старинѣ“.

Ред.

³⁾ Для разсмотрѣнія бумагъ и книгъ, взятыхъ у членовъ этого общества, составленная комиссія произвела ауто-да-фе, достойное испанской инквизиціи. Замѣчательно невѣжество этихъ господъ: когда выдавшій книги въ огонь чиновникъ, удержавъ одну, доложилъ, что она духовнаго содержанія; то одинъ изъ членовъ, именно архимандритъ, вскричалъ: „кидай и ее туда-же; вмѣстѣ была, такъ и она дьявольщины наблоснилась!“ Этотъ анекдотъ рассказанъ намъ очевидцемъ, всякаго вѣроятія достойнымъ, покойнымъ профессоромъ Моск. ун. Н. А. Геймомъ.

В. III.

при всей нечаянности, ничего не найдено, почему бы можно было предать гонимых суду по законамъ; но тѣмъ не менѣе, Прозоровской, что бы не остаться въ дуракахъ предъ императрицею, умѣлъ дать этому дѣлу такой видъ, что незабвенный россиянинъ Новиковъ, съ докторомъ своимъ Багрянскимъ, вовсе не принадлежавшимъ къ его обществу, посажены были въ Петропавловскую крѣпость, и томились въ ней съ нѣсколькими другими невинными ¹⁾ до самой смерти императрицы. Одинъ изъ членовъ этого общества, сосланный тогда въ свои деревни, бывший потомъ сенаторомъ, извѣстный И. В. Лопухинъ оставилъ потомству вѣрную картину всего этого происшествія, въ своихъ запискахъ.

Императоръ Павелъ I вступилъ на престолъ съ подозрительностію и предубѣжденіемъ, которыя питалъ болѣе двадцати лѣтъ — и, не сотни, тысячи людей пострадали по тайнымъ доносеніямъ мѣстныхъ начальствъ и полиціи! — Когда онъ приказалъ докласть мраморную Исаіевскую церковь кирпичемъ, на это написана была на стѣнахъ ея извѣстная эпиграма. Велѣно было полиціи непременно отыскать виновнаго, и она нашла — флота капитанъ-лейтенанта Анжова, который имѣлъ неосторожность говорить о ней, но отнюдь не былъ ея сочинителемъ. Въ тайной канцеляріи ему отрубили языкъ, выломали правую руку и сослали подъ чужимъ именемъ въ отдаленный уголокъ Сибири. Новъ (послѣ бывший министр) Дмитріевъ взялъ былъ въ крѣпость, и чуть не подвергся той же участи за наезвилъ, написавшую подъ его руку его слугою. Одинъ лютеранскій пасторъ ²⁾, по представленію мѣстнаго начальства, за возмутительную проповѣдь, высѣченъ былъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь; невинность вскорѣ открылась, онъ возвращенъ, к доживалъ свой вѣкъ въ Гатчинѣ, въ томъ же санѣ, подъ покровительствомъ Маріи Федоровны, желавшей исправить несправедливость своего супруга. Грузиновы, за нѣсколько словъ, произнесенныхъ въ

¹⁾ Бывшій издатель журнала „Другъ юности“ — М. Н. Невзоровъ былъ посланъ отъ Новиковскаго общества путешествовать, и во время казни короля находился еще въ Парижѣ. При возвращеніи въ отечество, на самой границѣ, онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Петропавловскую же крѣпость. Послѣ многихъ тщетныхъ допросовъ о злонамѣренныхъ замыслахъ Новиковскаго общества, гнустной памяти Шинковской показалъ ему записку, будто-бы самой императрицы, въ которой было сказано: „Бить его полѣномъ, если не признается“. — Невзоровъ отвѣчалъ: „руки императрицы не знаю; но можетъ-ли быть, что бы та же рука, которая начертала божественный Наказъ, способна была написать слова, приличныя простой бабѣ: вы клевете на государыню“. Шинковской покраснѣлъ, и отступилъ отъ Невзорова; но онъ остался въ крѣпости до кончины Екатерины.

В. III.

²⁾ Пасторъ Зейдеръ. Все дѣло объ ужасной судьбѣ, его постигшей, подробно изложено въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., томъ XXI, [мартъ], стр. 461—490; томъ XXII, [май] стр. 117—156.

Ред.

чужью на пріятельской казачей пирушкѣ, потеряли головы на эшафотѣ— по ошибкѣ ¹⁾.

Въ царствованіе Александра I, Селифонтову, для личныхъ видовъ, удалось возбудить негодованіе его (т. е. государя) противъ мнимаго духа ябеды въ Сибири; тотчасъ дана генераль-губернатору неограниченная власть преслѣдовать этотъ духъ. Всѣмъ извѣстно, что претерпѣла Сибирь, пока насилу, чрезъ 15 лѣтъ, услышали ея вопли! Въ 1807 году государь прогнѣвался на провинтскій и комиссаріатскій штаты, и генераль-маіоръ Буткинъ, самымъ насильственнымъ образомъ, уморенъ подъ стражею; а онъ былъ едва-ли не честибѣйшій человекъ изъ всего провинтскаго штата. Уральскіе казаки показали свое неудовольствіе на измѣненіе своихъ правъ и одежды; тотчасъ выставили это въ видѣ ужаснаго бунта, пересѣкли сотни кнутаомъ, и разорили несчастный Черкасскъ. Наконецъ, кто не содрогался при слухахъ о томъ, что происходило въ военныхъ поселеніяхъ въ Чугуевѣ!—какъ-бы для утонченія жестокости, гоняли вдругъ съвозъ строй; матери, при видѣ варварства и насилій, убивали дѣтей своихъ... Сердце стѣсняется отъ одного воображенія!

.....Вскорѣ послѣ казни, совершившейся въ 1826 году, открытъ «ужасный злодѣйскій замыселъ» въ Оренбургѣ, умножившій число государственныхъ преступниковъ еще нѣсколькими жертвами. Истинное описаніе этого происшествія лучше всего объяснить какаго рода былъ этотъ замыселъ, что за злодѣи участвовали въ немъ, и какъ пострадали они.

Новиковское общество основано было отчасти по правиламъ масонства. Братство, равенство, искренность, взаимное вспомошествованіе другъ другу, благотвореніе, распространеніе чтенія полезныхъ книгъ, и вообще свободомысліе того времени составляли цѣль его. Оно имѣло многія отрасли въ Россіи. Одно отдѣленіе его существовало даже въ самой отдаленной Сибири, именно въ Иркутскѣ. Командиръ тогдашняго Елатеринбургскаго линейнаго баталіона, Казачковскій, послѣ бывшій генераль-лейтенантомъ, былъ основателемъ этого Сибирскаго отдѣленія. Мудрено-ли, что подобное отдѣленіе образовалось и въ Оренбургѣ, на грани обширныхъ степей, гдѣ буряны и

¹⁾ Павелъ I, получивъ донесеніе о казни, совершенной по его конфирмаціи, послалъ повелѣніе бывшему въ Ревелѣ военнымъ губернаторомъ (послѣ, при Александрѣ, сосланному въ Сибирь) князю Горчакову, захватить немедленно на Донѣ и произвестъ слѣдствіе. Князь Горчаковъ рѣшился захватить въ Гатчину для принятія изустныхъ наставленій императора. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, государь, находившійся по лѣвую сторону дверей, тотчасъ схватилъ его за руку, и, указывая на образъ, въ сильномъ душевномъ волненіи, сказалъ: „Вотъ тебѣ мать Божія свидѣтельница, я не виноватъ! — я не виноватъ: защити меня!“

В. III.

Дѣло Грузиновыхъ подробно изложено въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г. томъ XXIII, [октябрь], стр. 241—264.

Р е д.

киргизъ соперничаютъ въ наслажденіяхъ дикою разгульною свободою. Когда и бѣмъ оно основано, — не знаемъ; извѣстно только, что бывший Оренбургской таможенн директоръ Величко поддерживалъ его до самой своей кончины, случившейся въ послѣдніе годы царствованія Александра. Со смертію его общество не рухнуло.

При вступленіи на престолъ Николая I, оставался въ Оренбургѣ нѣкто Бударяшевъ, принадлежавшій къ тайному обществу Велички. Онъ былъ чиновникъ незначительный—аудиторъ; но человекъ честной, довольно образованной, любитель литературы, поэтъ—про себя и мечтатель о свободѣ.... Онъ завербовалъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, служавшихъ въ тамошнемъ гарнизонѣ, и питалъ порывы ихъ молодости подобными мечтами, не открывая ничего, кромѣ существованія какого-то тайнаго общества, съ цѣлью просвѣщаться и стремиться къ свободѣ.

Произшествіе 14 декабря 1825 г., съ его послѣдствіями, естественно напугало старшихъ и осторожныхъ членовъ этого общества, но огорчило и ожесточило пылкихъ юношей. При этомъ расположеніи участниковъ младенствующаго либерализма, привезли въ Оренбургъ Z*, изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища разжалованнаго въ солдаты. Въ то самое время, когда комитетъ о тайныхъ злоумышленникахъ производилъ слѣдствіе, этотъ молодой человекъ, имѣя отроду не болѣе 17 — 18 лѣтъ, сдѣлалъ извѣтъ на роднаго своего брата и даже на сестру свою! Настоящее несчастіе его нисколько не образумило: дорогою онъ надѣлалъ еще нѣсколько шалостей и проказъ. Изъ Москвы онъ послалъ доносъ на командира баталіона внутренней стражи Штемпеля, въ благодарность за то, что онъ его принялъ какъ благороднаго, несчастнаго юношу, и позволилъ, на свой страхъ, развѣзжать по городу. Во Владимиръ онъ успѣлъ какъ-то пріѣхать подъ именемъ комиссіонера Иванова, и увѣривъ губернатора, что потерялъ подорожную, выпросилъ другую и до самаго Оренбурга ѣхалъ съ этимъ видомъ, по крайней мѣрѣ онъ такъ послѣ рассказывалъ! Едва явился онъ въ команду, какъ и началъ увѣрять молодыхъ юнкеровъ и офицеровъ, что онъ принадлежалъ къ тайному обществу, и осужденъ вибѣстѣ съ прочими. Весьма естественно, что провинціальныя молодые либералы имъ заинтересовались, и что-бы похвастать своимъ просвѣщеніемъ и чувствами, начали съ нимъ вespromно, какъ говорится, либеральничать. Замѣтивъ это, Z* выдумалъ имъ сказку: будто-бы, прѣѣзжая чрезъ Владимиръ, онъ открылъ и тамъ тайное общество, которое его приняло и дало порученіе принимать членовъ. Портупей-прапорщикъ Колесниковъ, одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, тотчасъ рассказалъ обо всемъ Бударяшеву, который, подумавъ, совѣтовалъ быть крайне осторожнымъ въ откровенности съ нимъ; но что-бы вывѣдать у него, чтѣ это такое, онъ разрѣшалъ Колесникову, съ двумя или тремя товарищами, войти съ

нимъ въ тайное сношеніе, примолвивъ: «а тамъ увидимъ!» Такъ и сдѣлали. Колесниковъ уговорилъ прапорщика Тапикова, и оба они дали себя принять въ мнимое общество, котораго Z* выдалъ себя агентомъ. Потомъ Колесниковъ принялъ еще товарища и друга своего Дружинина, также портупей-прапорщика; а за нимъ, прапорщика Старкова, юнкера Шестакова, и служившаго въ ратушѣ, коллежскаго регистратора Дынькова. Тапиковъ же со своей стороны принялъ казачьяго сотника Вѣтошникова.

Все это происходило въ мартѣ и началѣ апрѣля 1827 года. Z* составилъ уставъ общества, и 18 апрѣля прочиталъ его въ собраніи всей этой молодежи. Они судили, редили, исправили ничто, и кончили тѣмъ, что дали обманщику подписки въ вѣрномъ сохраненіи правилъ устава и тайны. Не далѣе какъ чрезъ три дни послѣ этого происшествія, секретарь военного губернатора шепнулъ одному изъ нихъ объ осторожности, примолвивъ: «кажется вашъ новый пріятель подалъ какой то доносъ военному губернатору». Объ этомъ тотчасъ дано было знать Кудряшеву. Онъ досталъ даже списокъ поименованныхъ въ доносѣ, и успѣлъ предостеречь многихъ, присоветовавъ истребить бумаги, если есть mogućіа навлечь хотя малѣйшее подозрѣніе, и вѣроятно самъ поспѣшилъ сдѣлать тоже.

Предавъ этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, Z* не посовѣтился собрать ихъ еще 23 числа, и тутъ весьма много ораторствовалъ о будущихъ дѣйствіяхъ, видахъ и надеждахъ; о заготовленіи оружія, о возмутительныхъ бумагахъ и тому подобномъ.

Чрезъ день, т. е. 25 числа, по распоряженію военного губернатора, начались аресты. Всѣхъ, по списку, составленному Z*, взято 33 человекъ, и всѣ разсажены по разнымъ гаубтвахтамъ. Обрадованный, вѣроятно, случаемъ выказать бдительность свою и свое усердіе, генералъ Эссенъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся представителей 1796 — 1800 годовъ, не развѣдавъ порядочно, есть-ли тутъ что нибудь основательное, въ тотъ-же день поспѣшилъ отправить курьеромъ своего адъютанта Лебедева, съ донесеніемъ къ государю объ открытіи важнаго государственнаго заговора!!!

Аудиторъ Кудряшевъ былъ арестованъ на другой день, и какъ ни у него, ни у многихъ другихъ ничего подозрительнаго не нашли; то кромѣ осьми человекъ, о коихъ ниже подробно будетъ упомянуто, тотчасъ всѣхъ выпустили. Кудряшевъ, однакожь, чрезъ недѣлю, скоростипжно умеръ — и смерть его, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, подала поводъ къ тайнымъ толкамъ объ отравѣ.

26 числа, всѣ тѣ, которые спутали себя подписками, данными Z*, призваны были къ военному губернатору для снятія съ нихъ допроса. Въ собственномъ его кабинетѣ, составленъ былъ, подъ личнымъ его предѣдательствомъ, родъ комитета, въ которомъ присутствовалъ начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Веселицкій, бригадный коман-

дирь 1-й бригады, генералъ-маіоръ Стерлигъ, и для письмоводства корпусной аудиторъ.

Послѣ первыхъ разспросовъ, не трудно было увидѣть, что это просто молодые, опрометчивые люди, болѣею частію, чуть не дѣти, которые вдали въ обманъ негодяю, вознамѣрившемуся, ихъ погубить, купить себѣ прощенье. Генералъ Стерлигъ слыше всѣхъ это замѣтля, и потому вслухъ сказалъ генералу Эссену: «Вотъ, ваше высокопр—во, я вамъ говорилъ, что это все штуки самого Z*»! Военный губернаторъ на эту апострофу не отвѣчалъ ни слова; но на лицѣ его показалась багровая краска—и, въ переводѣ на языкъ частосердечія, это могло значить: Глупость сдѣлана; поправлять поздно: пусть погибнуть!

Вѣроятно, увлекаясь этою послѣднею мыслію, а, можетъ быть, и желая показать, что жертвы его не совсѣмъ же невинны, онъ обратился къ нимъ съ язвительною насмѣшкою, и спросилъ: «какое же знамя вы приготовили: красное или зеленое; гдѣ оно у васъ?»—«Мы не готовили никакого», отвѣчалъ ему.—«Какъ, сударь, изъ устава вашего видно, что вы намѣревались поднять знамя!»—«Знамя бунта, ваше высокопр—во, это такъ только говорится», объяснилъ высокопревосходительному портупей-прапорщикъ Колесниковъ, и генералъ всталъ впенъ ¹⁾.

Увѣрившись изъ допросовъ, что Z* самъ былъ зачинщикомъ всего дѣла, генералъ Эссенъ тутъ же приказалъ взять его подъ стражу; а допрошенныхъ повели изъ кабинета въ корпусное дежурство, что бы тамъ прочесть имъ снятыя съ нихъ допросы, и дать имъ подписать ихъ. Это предоставлено было одному корпусному аудитору. Когда дошла очередь до поручика Михайлова, всѣ его товарищи приступили къ аудитору, и свидѣтельствуя единогласно, что онъ съ ними ни въ чемъ не участвовалъ, просили уничтожить его допросъ, и освободить его. Аудиторъ подумалъ, спросилъ еще: «всѣ ли они на это согласны?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тутъ же разорвалъ допросъ, и вымаралъ его изъ списка. Такимъ

¹⁾ Справедливость этого факта подтверждается другимъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ листковъ „Молвы“ (при журн. „Телескопъ“) безъ означенія имени, въ видѣ анекдота. Здѣсь ксати повторить истину. Почтенный В. Ф. Тимковскій, служа въ Оренбургѣ по пограничной части, ни мало не заботился свискать благосклонность его высокопр—ва, и былъ, какъ говорится, вконтрѣ съ нимъ. Однажды въ торжественный день, при собраніи всѣхъ чиновниковъ, генералъ, по какому то случаю, вздумалъ изъяснять г. Тимковскому свое неудовольствіе Василій Федоровичъ отвѣчалъ со всею вѣжливостію, что онъ не понимаетъ, чѣмъ могъ навлечь негодование его высокопр—ва, стараясь всегда во всѣхъ отношеніяхъ къ нему сохранять должное уважаніе. „Какъ вы смѣете, сударь, сказать въ отношеніяхъ, вскричалъ генералъ, въ донесеніяхъ, сударь, въ донесеніяхъ“!

образомъ этотъ человѣкъ спасся! — Доказательство: какими глазами смотрѣли на важность этого дѣла низшіе чиновники, и что можетъ дѣлать иногда корпусный аудиторъ!

И такъ по этому важному заговору, преданы были суду только слѣдующія лица:

Прапорщики: Тапиковъ;	30	лѣтъ	1).
Старковъ	25	—	
Портупей-прапорщики: Колесниковъ	24	—	
Дружининъ	19	—	
Юнкеръ: Шестаковъ	17	—	
Казачій сотникъ: Вѣтовниковъ	23	—	
Рядовой: Z*	19	—	

и коллежскій регистраторъ Дымковъ 19 лѣтъ: этотъ послѣдній судился гражданскій судомъ.

Военный судъ, подъ предсѣдательствомъ дивизионнаго командира генералъ-лейтенанта Жемчужникова, былъ составленъ изъ слѣдующихъ членовъ:

- 1) Полковникъ Эссенъ, состоящій по особымъ порученіямъ у военнаго губернатора, своего роднаго брата,
- 2) Полковникъ святы Е. В. Тимофеевъ,
- 3) Полковникъ Покатиловъ, бригадный командиръ Оренбургской артиллеріи, — и нѣсколько оберъ-офицеровъ.

Дѣлопроизводителемъ былъ дивизионный аудиторъ Пенской.

Судъ открытъ 4 мая 1827 г. Члены всѣ принятно были озабочены гнуснымъ поступкомъ Z*, который хотѣлъ запутать еще многихъ бывшихъ Семеновскихъ солдатъ; но они отвѣтами своими усугубили только его вину. Видя, что ему плохо, Z* умѣлъ изъ подъ караула послать на самага Эссена доносъ въ Петербургъ, собравъ въ немъ всѣ злоупотребленія, о какихъ отъ частныхъ лицъ въ городѣ могъ только слышать; но этотъ доносъ присланъ былъ къ Эссему, съ повелѣніемъ судить Z* и за этотъ поступокъ; Эссенъ его и не пощадилъ. Судъ оконченъ 13 іюня. Замѣчательно, что на третій день, т. е. 15-го, полковникъ Эссенъ умеръ скорострѣжно отъ удара. Жители Оренбурга приняли это за явное наказаніе Божіе ²⁾.

¹⁾ Судьба этого человѣка довольно странна. Изъ бѣдныхъ дворянъ Орловской губерніи, онъ выросъ въ домѣ фельдмаршала Каменскаго. послѣ смерти котораго отданъ въ военную службу. За Бородинское дѣло произведенъ въ офицеры. Впослѣдствіи за пожаръ въ деревнѣ, въ которой стоялъ съ своимъ капральствомъ, разжалованъ въ рядовые. Дѣлалъ нѣсколько трудныхъ походовъ въ Вукару и Хну, и только что высужался опять въ офицеры — пошелъ въ каторжную работу!

²⁾ Кстати цѣломъ, что и въ такъ названномъ Верховномъ уголовномъ судѣ, одного члена, именно графа Г. В. Орлова, постигла подобная смерть.

По приговору военного суда присуждено: Таптыкова, Колесникова, Вѣтошниковъ и Z*, яко главныхъ злоумышленниковъ бунта, колесовать; Старкова и Дружинина—лишить живота; Шестакова—разжаловать вѣчно въ солдаты. — Генералъ Эссенъ подтверждалъ: сослать въ каторжную работу: Таптыкова на 12 лѣтъ, Колесникова на 24, Дружинина на 8, Z* вѣчно; Вѣтошниковъ же и Старкова вѣчно въ солдаты; а Шестакова на три года въ солдаты, безъ лишенія дворянства. Аудиторіатскій департаментъ положилъ: Таптыкова на 8 лѣтъ, Колесникова на 12, и Дружинина на 6 лѣтъ въ каторжную работу; а о Старковѣ, Шестаковѣ, Вѣтошниковѣ и Z* подтвердилъ конфирмацію военного губернатора.

Высочайшая конфирмація, послѣдовавшая въ 12 день августа 1827 г., состояла въ слѣдующемъ: Таптыкову, Колесникову и Дружинину сбавлены сроки вполовину; Старкову, Вѣтошникову и Z* утверждено наказаніе, положенное генераломъ Эссеномъ; а о 17-ти лѣтнемъ Шестаковѣ присоветуемо: «Вѣчно въ солдаты и лишить дворянства». Эзекуція исполнена 22 сентября.

Но теперь предоставимъ одному изъ осужденныхъ самому разсказать, какъ съ ними поступали, и что съ ними было. Замѣтимъ только, что генералъ Эссенъ переведенъ впоследствии въ С.-Петербургъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, и на этомъ поприщѣ украсился Андреевскимъ орденомъ и возведенъ въ графское достоинство... Мы, съ своей стороны, хотѣли повторить только слова Валтеръ-Скотта: «Упреки тѣхъ, у которыхъ нѣтъ другаго облегченія въ страданіяхъ, кромѣ плачевнаго о нихъ разсказа, рѣдко доходятъ до ушей вельможъ, которые были причиною этихъ страданій».

1835 г.

В. И. Ш.....ль.

Глава I.

Чтеніе сентенціи.—Эзекуція.—Проводы.

О, край родной, поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ больше не видать,
И гробы праотцевъ святыя
Изгнаннику не обнимать.

Рылѣевъ.

Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ томился я на гаубтвахтѣ, какъ важный арестантъ. У меня была мать, были друзья, какіе бывають въ двадцать лѣтъ; я не оставался безъ утѣшенія, безъ тайныхъ извѣщеній. Наконецъ, мнѣ дали знать, что объ насъ получено рѣшеніе; но въ чемъ оно состояло, этого никто не могъ сказать. По утру, 12 сентября, я перебралъ всѣ мои записки—эти свидѣтельства нѣжности матушки, участія друзей,—съ крайнимъ принужденіемъ и горестію изорвалъ большую часть изъ нихъ,

остальных не достало духа разорвать. Я их спряталъ, въ надеждѣ—послѣ экзекуціи возвратиться на гаубвахту, отыскать ихъ и взять съ собою, какъ залогъ пріятнѣйшихъ воспоминаній о тѣхъ, которые занимали мое сердце. Сдѣлавъ это, я пробрелъ на гитарѣ нѣсколько пассажей Сихры, Аксенова. Пришла новая смѣна. Нѣкоторые изъ друзей моихъ приходили навѣстить меня. Я читалъ на лицахъ ихъ сомалѣніе, смѣшанное съ нѣкоторымъ страхомъ. Они знали жестокую участь мою. Никто не имѣлъ духа сказать мнѣ о ней. Они ушли. Послѣ обѣда меня склонилъ сонъ.

Когда я проснулся послѣ часового отдыха, увидѣлъ, что у кровати моей сидитъ плацъ-адъютантъ, г. Бедринъ, а у окошка стоитъ, задумавшись, караульный офицеръ, и оба сохраняютъ глубокое молчаніе. Не трудно было отгадать причину этого посѣщенія. Я тотчасъ спросилъ плацъ-адъютанта—что ему угодно?, и онъ, съ примѣтною ужимкою, отвѣчалъ: «такъ-съ—я присланъ отъ коменданта, чтобы вы пожаловали въ Ордонансъ-гаузъ». «Зачѣмъ?—вѣрно для объявленія намъ сентенціи?»

— Не знаю-съ.

— Въ чему скрывать: вы намъ проложили добрую дорожку, прямо въ Сибирь!

— Въ Сибирь? спросилъ онъ, возвыся голосъ,—какъ это вы знаете, и отъ кого?

— Позвольте мнѣ это одному знать, сказалъ я отрывисто, и онъ, пошептавъ что-то съ караульнымъ офицеромъ, вѣжливо попросилъ меня слѣдовать за нимъ.

Въ сѣняхъ гаубвахты были готовы уже унтеръ-офицеръ и четверо рядовыхъ. Меня поставили между двухъ рядовъ и, скомандовавъ на-руку, повели въ Ордонансъ-гаузъ. Вышедъ на парадную площадь, я примѣтилъ, что около Ордонансъ-гауза толпится множество разнаго рода людей. Дорогою, кто не встрѣчался, каждый глядѣлъ на меня съ любопытствомъ или съ участіемъ, нѣкоторые проносили въ слухъ: бѣдняжка! какъ жаль! Подходя къ Ордонансъ-гаузу, я увидѣлъ, что ведутъ моего товарища Шестакова, точно за такихъ же конвоевъ, какъ и меня. Видъ его былъ веселый, поступь тверда. Мы поздоровались, и я закричалъ ему: «многихъ изъ насъ—Сибирь». Онъ отвѣчалъ: «все къ лучшему! а меня, братъ, въ солдаты—въ Грузію». Въ эту минуту плацъ-адъютантъ подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что намъ запрещено говорить. Но я успѣлъ еще закричать ему въ слѣдъ: «увидимся при чтеніи сентенціи и поговоримъ».

Дворъ Ордонансъ-гауза былъ уже наполненъ народомъ. Замѣтно было множество солдатъ въ числѣ зрителей. Царствовало глубокое молчаніе. У нѣкоторыхъ видны были слезы на глазахъ. Все это не сдѣлало на меня никакого впечатлѣнія. Во мнѣ не было ни умиленія, ни робости, ни досады, ни горести, ни отчаянія: сердце окаменѣло, всѣ чувства пришли въ

онѣмънне. Ужасная мысль о вѣчной разлукѣ со всѣми, что привязывало мое сердце, кажется—была далѣе отъ меня, нежели когда либо.

Меня ввели въ комнату, гдѣ я нашелъ всѣхъ моихъ товарищей; между ними былъ и несчастный предатель нашъ,—несчастный подлинно, потому что былъ презрителенъ. Это свиданіе оушевило насъ радостію. Не успѣвъ я обнять всѣхъ, какъ меня кликнули въ другую комнату, гдѣ плацъ-маіоръ объявлялъ мнѣ, что ему поручено обыскать меня: не имѣю-ль при себѣ какого оружія. «Вамъ извѣстно», отвѣчалъ я съ удивленіемъ, «какъ строго содержали насъ; могу ли имѣть что-нибудь при себѣ? впрочемъ поступайте—какъ вамъ приказано». Послѣ извиненій, сказанныхъ въ полголоса, плацъ-маіоръ присовокупилъ громко: «и такъ, вы ничего не имѣете; извольте идти».

Когда я возвратился къ товарищамъ, они обступили меня. Начались разспросы: кто, гдѣ, какъ содержался, какъ проводили время, какъ съ кѣмъ поступали и т. п. Но приставы развели насъ по угламъ, какъ бы съ завистію смотря на эту юношескую беззаботливость, столь для нихъ чуждую, и безжалостно лишили насъ этого невиннаго минутнаго удовольствія предъ тѣмъ роковымъ часомъ, въ который предстояло намъ выслушать свое осужденіе, столь жестокое!

Утѣшительно было для меня видѣть, что всѣ мои товарищи сохранили полное присутствіе духа. При физическомъ изнуреніи ихъ строгимъ содержаніемъ подѣ стражею, не менѣе и нравственною пыткою во время суда, они сохранили бодрость и самую природную многимъ веселость. Но мы всѣ были удивлены безчувственностью нашего предателя. Онъ не выказывалъ ни смущенія, ни угрызения совѣсти; стоялъ какъ одеревенѣлый и только грызъ ногти.

Вскорѣ насъ повели въ другую половину ордонансъ-гауза и ввели въ залу, въ которомъ находилось множество чиновниковъ разныхъ командъ, во всей формѣ, соблюдавшихъ совершенное молчаніе. Мы тотчасъ замѣтили тутъ же своего полковника г. Лукьянова, который приказалъ аудиторю Буланову прочесть полученное имъ предписаніе отъ начальника штаба, генералъ-маіора Веселичнаго, о совершеніи надъ нами приговора. Послѣ этого аудиторъ началъ читать приговоръ суда, въ которомъ изложенъ былъ весь ходъ нашего дѣла. Таптыковъ, какъ скоро это услышалъ, остановилъ аудитора, и просилъ у полковника дозволенія выйти.

— Зачѣмъ-съ? спросилъ полковникъ.

— Я вижу, отвѣчалъ Таптыковъ твердымъ голосомъ, — что хотятъ читать наше дѣло сначала, которое я уже сто разъ слышалъ, и вовсе не вижу надобности слушать еще.

Полковникъ снисходительно замѣтилъ, что этого требуетъ порядокъ, и приказалъ ему остаться. Тогда Таптыковъ отошелъ отъ него съ неудоволь-

свѣтомъ въ сторону и стала похлопывать по своей табакеркѣ. Эта выходка примѣтно изумила всѣхъ чиновниковъ; они значительно переглянулись другъ съ другомъ, и аудиторъ принялся продолжать свое чтеніе. Мы, однакожь, начали разговаривать сперва потихоньку, потомъ громче, а, наконецъ, стали смѣшвать другъ друга и смѣяться довольно неосторожно. Такъ мы были молоды! такъ много было въ насъ жизни и безпечности! Полковникъ, принявъ строгій видъ, вскричалъ: «тише господа! слушайте сентенцію!» Но мы, послѣ минутной покорности, принялись опять рассказывать другъ другу, кто чѣмъ занимался во время ареста. Отъ времени до времени я поглядывалъ на чиновниковъ. Всѣ они насъ знали, почти всѣ были знакомы, иные—очень коротко. Многіе, глядя на насъ, пожимали плечами съ видомъ состраданія, нѣкоторые утирали слезы. «Они не вѣрятъ, что мы злодѣи», думалъ я.

По прочтеніи сентенціи, въ которой четверо изъ насъ осуждены въ каторжную работу, а трое — въ солдаты, мы обратились къ полковнику, и принесли ему благодарность за хорошее съ нами обращеніе. Удовольствіе отобразилось на лицѣ его; онъ прослезился, и сказалъ съ чувствомъ: «господа! мнѣ очень жаль васъ: я потерялъ въ васъ хорошихъ офицеровъ!» Потомъ, обратясь къ Z* и грозя ему пальцемъ: «не забудь—сказалъ—что ты ихъ погубилъ!»

Насъ отвели въ прежнюю комнату, гдѣ были приготовлены сѣрые шапки и солдатскія шинели, съ которыхъ погоны и обшлага были спороты. Намъ велѣли надѣть ихъ. Тяжело было облекаться въ эту одежду позора, но мы и тутъ еще шутили. Едва успѣли кончить свой туалетъ, какъ возполъ Z*, задержанный при возвращеніи нашемъ въ сѣняхъ. Онъ былъ также въ сѣрой шинели, но уже въ желѣзахъ и съ бритою головою, поперегъ съ одного уха до другаго. «Каковъ нарядецъ!» сказалъ онъ съ язвительною улыбкою. Мы всѣ пристально взглянули на него, и я не вытерпѣлъ: «къ тебѣ особенно пристало», отвѣчалъ я ему съ полнымъ презрѣніемъ.—Желѣза и безобразіе обритаго Z* примѣтно смутили моихъ товарищей, и я старался ободрить ихъ. «Не забывайте, братьцы, сказалъ я имъ,—намъ надобно быть выше всего этого и съ гордостію переносить всякое униженіе. Надобно запасаться духомъ на первыхъ порахъ. Богъ знаетъ, что еще впереди насъ ожидаетъ». Дружескія объятія были мнѣ отвѣтомъ. Возполъ плацъ-адъютантъ и просилъ, чтобы одинъ кто нибудь изъ насъ пошелъ съ нимъ, приговаривъ, что онъ будетъ приходить, по очереди, за каждымъ. Первый пошелъ Дружининъ, потомъ наступила моя очередь.

Меня привели въ кузницу. Какъ выразить то чувство, которое овладѣло мною, когда я увидѣлъ, что, заковывая друга моего Дружинина, кузнецы обливаясь слезами. Правда, они по полку всѣ насъ знали, и любили насъ за наше ласковое съ ними обращеніе, но можно ли было ожидать, что этимъ

загорѣлымъ, сажено запачканнымъ лицамъ не чужды состраданіе и самая чувствительность. «Руки не служатъ!», говорили они, и подлинно Дружинина четыре раза перековывали. Миѣ велѣли пройти въ боковую каморку, гдѣ находился цирюльникъ къ моимъ услугамъ. Когда я съѣлъ, миѣ стянули руки назадъ. «Къ чему это?» сказалъ я смѣючися плацъ-адъютанту, «я вовсе не въ отчаяніи, не думаю посягать на свою жизнь». — «Такъ приказано-съ»; отвѣчалъ онъ тономъ, выражающимъ очень хорошо необходимость точнаго повиновенія. — «Нечего дѣлать, творите волю пославшаго», сказалъ я, стараясь шутить надъ этою унизительною операціею. Когда ее кончили, я отправился къ наковальнѣ. Добрые Вулкановы дѣти заковали одну мою ногу такъ свободно, что едва опустилъ я ее на полъ, какъ желѣза спали. «Полноте братцы!» сказалъ я имъ, «за это снисхожденіе вамъ достанется: закуйте хорошенько, какъ слѣдуетъ». — Какъ бы нехотя, они принялись перековывать снова. — «Эхъ баринъ, баринъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, срывозъ слезы, «Богъ видитъ—какъ намъ жаль васъ!»

— Что дѣлать, братцы! молитесь за насъ; Богъ милостивъ,—дастъ силы, все перенесетъ!

— Будемъ молиться! отвѣчали они какъ бы хоромъ.

Когда насъ свели опять въ ту же комнату, мы оглядывали другъ друга, и не могли держаться отъ смѣха. Намъ казалось, что насъ, за шалости, нарядили въ дурацкія шапки: такъ мы еще близки были къ невиннымъ дѣтскимъ лѣтамъ!... Взмохлъ плацъ-маіоръ и помогилъ конецъ нашему ребячеству. Меня, Тапикова, Дружинина и Z* онъ приказалъ отвести въ тюремный замокъ, а Старкова, Вѣтошниковъ и Шестакова на главную гаубтвахту.

Насъ ожидала незабвенная, торжественная минута,—одна изъ тѣхъ, которыми многое окупается въ несчастіи. Какъ описать ее! Нѣтъ, меня не достанетъ на это; скажу о ней, какъ умѣю. При выходѣ нашемъ на крыльцо ординарсь-гауза, весь дворъ наполненъ былъ тѣсно людьми всякаго состоянія, пола и возраста. Мы тотчасъ сняли шапки и поклонились; вдругъ все множество ахнуло, и глухое эхо протяжно повторилось въ пустомъ зданіи; невнятной, глухой шопотъ пробѣжалъ между народомъ, и вдругъ все затихло. Нѣкоторые крестились, иные утирали слезы, слышалось всхлипываніе женщинъ... Такъ поразило всѣхъ наше появленіе въ этомъ безобразіи и въ оковахъ! Тутъ уже недостало силъ моихъ выдержать: сердце мое спало какъ губка, и крупныя слезы потекли по лицу моему; я потупилъ глаза въ землю и шелъ въ совершенномъ забвеніи, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ застучали желѣзные запоры у воротъ темницы. Войдя въ особо приготовленную для насъ небольшую комнату, я искалъ отдыха отъ столь сильнаго душевнаго волненія. Участіе, какое принимали въ насъ, можно сказать, всѣ жители города,—гораздо способнѣе было поколебать нашу твер-

дость, нежели всё жестокости, которыми насъ обременили, безъ нужды и беззаконно!

Разчувствовавшись, я началъ тосковать по матушкѣ, по всѣмъ, отъ которыхъ сердце мое оторвалось. Я не видалъ ихъ въ толпѣ, я такъ давно не видалъ!—Добрые мои товарищи Дружининъ и Тапиковъ принялись развлекать меня,—особливо Дружининъ. Этотъ добрый, милый юноша казался мнѣ въ какомъ-то блескѣ; онъ былъ такъ веселъ, такъ шутивъ, вспоминалъ прошедшія удовольствія и казался вовсе невнимательнымъ къ предстоящимъ трудностямъ. Невинность души его вполне отражалась въ спокойствіи его духа. Я почувствовалъ сожалѣніе и упоризну, что своею дружбою, хотя неумышленно, завлекъ его съ собою въ сѣти, разставленныя обманщикомъ.—Мнѣ было душно, больно! Тапиковъ, гораздо старшій насъ, и уже знакомый съ несчастіемъ и лишениями всякаго рода, показывалъ непоколебимую твердость и равнодушіе:

— Ну что, милый!—это его обыкновенное пріятное слово,—о чемъ горевать; пословица говоритъ: «сказался груздемъ, полѣзай въ кузовъ».

Вскорѣ пришли къ нему жена его и родственники: я совершенно разсѣялся въ этой бесѣдѣ. Вслѣдъ затѣмъ мы были нѣсколько порадованы, и какъ памятна малѣйшая радость въ роковой день душевныхъ потрясеній! Начальникъ штаба прислалъ своего адъютанта Иванова—расковать насъ и объявить, что мы пробудемъ тутъ дѣлую недѣлю до отправленія въ Сибирь. Это дало намъ пріятную надежду увидѣться и провести эти дни съ родными и друзьями, и порядочно приготовиться въ трудный дальній путь. Мы продолжали еще распорядиться этими днями, какъ насъ позвали въ караульную. Тутъ мы увидѣли аудитора Буланова, съ которымъ я былъ коротко знакомъ.

— Что, не еще ли снимать какойнибудь допросъ? спросилъ я, смѣючись.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ печально,—больно мнѣ, но дѣлать нечего, надобно описать ваши примѣты.

Онъ столько былъ деликатенъ и снисходителенъ, что не захотѣлъ ни раздѣвать насъ, ни мѣрить, но записалъ примѣты и ростъ каждаго со словъ нашихъ. Z* между прочимъ объявилъ, что у него на груди родимое пятно въ видѣ короны, а на плечахъ — въ видѣ скифтра. Это возбудило общій смѣхъ.—Аудиторъ, съ презрительною усмѣшкою, замѣтилъ ему, что не совѣтуешь впередъ обнаруживать такихъ важныхъ примѣтъ.

Мы продолжали еще говорить съ добрымъ аудиторомъ, какъ вдругъ со стороны кто-то бросился ко мнѣ на шею—Боже мой! это была моя матушка! Ея стenanія, ея плачь разтерзали мое сердце; слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ. Освободившись изъ объятій ея, я старался ее утѣшить.

— Не мучьте себя и меня напрасно, милая матушка! сказалъ я, — примите съ покорностію судьбу, какую было угодно Богу назначить вашему

сыну. Огъ милостивъ! мы можемъ еще увидѣться въ этомъ мѣрѣ. Довольно для вашего утѣшенія того, что я не злодѣй, и не сдѣлалъ ничего безчестнаго: могъ заблуждаться, могъ быть обмануть,—вспомните, я молодъ и неопытенъ, за то постараюсь воспользоваться тяжкимъ урокомъ, который мнѣ заданъ.

Она нѣсколько отдохнула, пришла въ себя, пошла со мною въ нашу комнату, посадила возлѣ себя, благословила меня и сказала:

— Сынъ мой! я знаю тебя, не замѣчала никогда въ тебѣ дурныхъ наклонностей, и увѣрена, что ты побережешь мать свою впредь, и будешь жить въ теперешнемъ твоёмъ состояніи — какъ можно тише и скромнѣе. Мнѣ осталось только скорбѣть и молиться Богу, чтобы, хотя при концѣ моей жизни, далъ мнѣ еще обнять тебя и усладить мои послѣднія минуты, — и крупныя слезы омыли лице ея.

О вѣчно незабвенныя для меня слова! никогда, никогда не выйдете вы изъ моей памяти, до послѣдняго вздыханія буду носить васъ въ сердцѣ моемъ!

Я занялся слезами, бросился къ ногамъ матери, цѣловалъ ея руки и поклялся исполнить ея волю — быть достойнымъ этой нѣжности и соблюдать во всѣхъ поступкахъ осторожность.

Она положила руки мнѣ на голову, возвела глаза къ небу, помолилась сердечно, поцѣловала меня въ темя, приподняла, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что у нея на лицѣ показалось спокойствіе. Она стерла послѣднія слезинки съ глазъ своихъ и обратила разговоръ на то, что для меня нужно въ дорогѣ, — и мы вскорѣ разстались.

Добрая, милая маменька! прими здѣсь пламенную, неизгладимую сердечную благодарность нѣжнаго твоего сына за всѣ твои о немъ попеченія. Ты много перенесла въ твоей жизни, и вмѣсто утѣшенія, тобою ожидаемаго на старость, сынъ твой былъ причиною новой обременительной скорби; но ты была столь великодушна, такъ добра, что не сдѣлала ни одной укормы, не произнесла ни одной жалобы и только осыпала его благословеніями. Одна смерть заставитъ меня забыть это доказательство нѣжной любви твоей! Богъ—твой утѣшитель!

День вечерѣлъ, красное зарево горѣло на западѣ и отражалось на стѣнахъ замка. Наступила первая ночь для насъ подъ одною крышею съ злодѣями, ворами и душегубцами; но мы, по счастью, не были соединены съ ними — и оттого провели эту ночь въ разговорахъ и шуткахъ. Одинъ Дружининъ заснулъ — передъ утромъ. Такъ прошелъ незабвенный, ужасный для меня день—12 сентября 1827 г.

На другое утро, восходящее солнце уже играло на золотыхъ крестахъ собора, и лучи его, отражаясь отъ бѣлокаменной стѣны замка, освѣщали нашу темницу, когда пробило 7 часовъ. Черезъ нѣсколько минутъ взошелъ къ намъ караульный офицеръ и сказалъ:

«Господа, я получилъ изъ ордонансъ-гауза записку, чтобы сей же часъ приготовить васъ къ отправленію въ дальній путь». Мы всѣ вскочили отъ удивленія, и почти въ голосъ вскричали: «помните, какимъ это образомъ? когда начальникъ штаба самъ присылалъ увѣрить насъ, что мы останемся еще недѣлю!» Онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, но долженъ выполнить приказаніе. Мы старались увѣрить его, что тутъ вѣрно какая-либо ошибка, и просили видѣться лично съ плацъ-маіоромъ. Онъ вышелъ отъ насъ, обѣщавъ послать къ нему. Между тѣмъ мы тотчасъ успѣлима увѣдомить родныхъ о немедленномъ нашемъ отправленіи. Когда пришелъ плацъ-маіоръ, мы съ упрекомъ жаловались ему на такой жестокой обманъ. Онъ увѣрялъ насъ, что до этой поры самъ ничего не зналъ, какъ вдругъ получилъ предписание немедленно отправить насъ къ инвалидному командиру для отсылки въ Сибирь. Я началъ представлять ему о нашихъ недостаткахъ, о совершенной неготовности нашей къ такому трудному и дальнему походу, и убѣждалъ доложить генералу Весселцкому, чтобы онъ, по собственному его общанію, оставилъ насъ еще на недѣлю,—но все тщетно. Я хотѣлъ было продолжать мои убѣжденія; но Тапиковъ удержалъ меня, и, обратясь къ плацъ-маіору, сказалъ: «поблагодарите генерала, что, оставляя насъ въ однихъ рубашкахъ, доставляетъ намъ вѣрный случай замерануть на дорогѣ». Нечего было дѣлать. Напившись кое-какъ чаю, начали собираться.

Мы нарядились въ свои сѣрые шинели, и въ 8 часовъ, въ сопровожденіи четырехъ рядовыхъ и одного унтеръ-офицера, отправляясь въ полицію. Тутъ имѣли случай видѣть привязанность солдатъ, съ которыми служили. Какъ стоявшіе въ караулъ, такъ и находившіеся въ казармахъ, можно смѣло сказать, всѣ безъ исключенія, выбѣгали къ намъ проститься, окружали насъ и наперерывъ желали намъ благополучной дороги, здоровья, и даже счастья. Многіе очень неосторожно носили начальство и правитель-ство, такъ что мы принуждены были остерегаться ихъ.

Изъ полиціи квартальной офицеръ повелъ насъ на дворъ къ инвалидному командиру. Мы въ это время были отъменно веселы, много шутили и смѣялись. Между тѣмъ насъ окружила толпа народа, которая часъ отъ часу увеличивалась. Всѣ примѣтно удивлялись нашей веселости. Одинъ мнѣ знакомой, молодой купецъ сказалъ къ народу, и довольно громко: «Вотъ братцы, невнимательность вездѣ видна; она даже и въ цѣпяхъ смѣется».....

Не успѣли еще выйти на базарную площадь, какъ уже на ней все взволновалось: всѣ побѣжали къ намъ. Купцы спѣшили закрывать лавки, мелочные торгаша прибирали свой хламъ, торговки пряниками, булками, рыбою, торопились убирать свой товаръ въ будки и лари; пріѣхавшіе изъ подгородныхъ деревень для продажи муки, соли, дровъ, торопились запрягать лошадей, и тотчасъ увѣждали, чтобы дать знать своимъ о нашемъ отправленіи,—такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчали они, когда мы ихъ спросили,

куда они спѣшать. Такимъ образомъ, въ нѣсколько минутъ всё лавки были закрыты, площадь очищена, и весь народъ ринулся за нами. Многие подносили намъ яблоки, пряники, крендели; иные предлагали даже деньги; однимъ словомъ, каждый изъ согражданъ наперерывъ старался показать намъ свое участіе. О, какъ это утѣшало насъ! Мы двигались медленно: окружающая насъ толпа нѣшала чамъ идти. Полиція, на этотъ разъ, была очень скромна. Она осторожно, и какъ бы не охотно, дѣйствуетъ тогда, когда народъ, этотъ ягненокъ, въ одну минуту можетъ почувствовать львиную свою силу. Я слышалъ разговоръ гражданъ, и слова «бѣдные, невинные», ударили поминутно мнѣ въ уши. Но вдругъ раздался грубой голосъ: «постороннись, дай дорогу, прочь съ дороги!» Толпа раздалась; явился квартальный офицеръ, довольно пьяной, который, толкая всѣхъ, опередилъ насъ, и спѣшилъ къ воротамъ того дома, въ которомъ жилъ инвалидный командиръ, и къ которому мы уже подходили. Когда мы приблизились, онъ отворилъ ворота, и, пропустя насъ, тотчасъ ихъ занеръ на заперъ.

Съ какими удовольствіемъ мы обняли тутъ своихъ товарищей, отправляющихся въ Грузію солдатами! Они только что передъ нами привезены были сюда съ гаубтвахты. Едва успѣли мы сказать нѣсколько словъ, какъ услышали на улицѣ шумъ и крикъ: «отвори! отвори, говорятъ; не то высадимъ ворота!» Начальникъ инвалидной команды подпоручикъ Медвѣдевъ приказалъ усилить караулъ, и припереть ворота контрафорсомъ. Но какъ шумъ часъ-отчасу увеличивался, то онъ выслалъ конныхъ башкирцевъ, приготовленныхъ для конвоя, отогнать всѣхъ отъ воротъ. Народъ принялъ ихъ въ камень, и съ крикомъ: «ура!» ворвался на дворъ. Подпоручикъ выбѣжалъ на крыльцо, разругалъ солдатъ своихъ, какъ извожикъ, и закричалъ, чтобы гнали народъ со двора прикладами. На это нѣсколько голосовъ закричали: «тронь только, весь дворъ по бревну разнесемъ». Мы догадывались, что тутъ наши солдаты, которые отъ самыхъ казармъ скрываясь между частными обывателями, провожали насъ.

При этой отповѣди, плацъ-маіоръ подошелъ къ подпоручику и сказалъ ему что-то на ухо, а тотъ подозвалъ потомъ назначеннаго съ нами унтеръ-офицера и отдалъ ему какое-то приказаніе, также потихоньку, и этотъ ушелъ. Народъ уже не гнали, и онъ чинно остался на дворѣ зрителемъ.

Въ продолженіи всей этой суматохи, я простался съ своимъ вѣтчимомъ и со многими изъ друзей моей юности. Подошелъ ко мнѣ, со слезами на глазахъ, вѣтчимъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ и сказалъ съ необыкновенною для меня нѣжностію:

«Прощай, любезный Вася! не грусти, переноси участь свою съ твердостью, не терй надежды на Бога; я буду стараться: нельзя-ли чего-либо сдѣлать для твоего облегченія; въ тебѣ многіе берутъ участіе. Письми ко мнѣ, когда найдешь случай. Прощай!»

Онъ залился слезами; прижавъ меня къ своей груди, разцѣловалъ, благословилъ—и мы растались на вѣки!

Возвратившійся унтеръ-офицеръ принесть съ собою желѣзный пруть съ наручникомъ, вѣсомъ фунтовъ въ 30, и пристегнувъ насъ къ нему попарно, повелъ въ кузницу подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ инвалидовъ и конныхъ башкирцевъ. До кузницы было съ версту расстоянія. Народъ и туда проводилъ насъ. Когда мы пришли въ кузницу, насъ отстегнули отъ прута, и начали готовить желѣза для заковки попарно. Между тѣмъ было уже около полудня, мы проголодались. Какъ у меня болѣе было знакомыхъ, то товарищи просили меня послать къ кому нибудь за обѣдомъ. Я хотѣлъ выйти на улицу, но часовой не пустилъ.—Просилъ унтеръ-офицера послать кого-нибудь, онъ отказался. Я отошелъ съ огорченіемъ и досадою къ окну, и началъ для утоленія голода пожирать взоромъ окрестности, столь мнѣ любезныя, желая впечатлѣть ихъ неизгладимо въ моемъ воображеніи. Мысли мои перекинулись въ будущее, меня какъ варомъ обдало, сердце мое скалось, я вѣриво задумался. Вдругъ раздался плаксивый женскій голосъ:

— Ахъ, ты мой родной, Василій Павловичъ! что ты это надѣлалъ?

Я встрепенулся и увидѣлъ передъ окошкомъ плачущую знакомую старушку, у которой родители мои, по прїѣздѣ изъ Грузіи, года два занимали квартиру.

— Э, Акулина Астафьевна, сказала я ей:—о чемъ плакать; мы ничего безчестнаго не сдѣляли: въ Сибиріи есть также Богъ и добрые люди. Молись лучше за насъ!

— «Вѣстимо, миленькой! буду молиться! отвѣчала она:—но каково матушкѣ твоей: она, сердечная, плачетъ, что рѣка льется». Добрая старушка этими словами поразила меня до слезъ, но я вскорѣ оправился и, принявъ видъ веселый, сказалъ: «полно, полно, Астафьевна! принеси-ка лучше чего-нибудь поѣсть; мы смерть проголодались».

Проговоривъ: «тотчасъ родимой!», она бросилась бѣгомъ, и не прошло четверти часа, какъ она принесла намъ блюдо пельменей и графинъ воды. Я принявъ это въ окно, взглянулъ своихъ товарищей, и мы довольно исправно утомили свой голодъ, благодаря незабвенной Акулинѣ Астафьевнѣ. Между тѣмъ желѣза изготовили и насъ позвали къ наковальнѣ. Меня заковали вѣстѣ съ другомъ моимъ Дружининымъ: его за правую, а меня за лѣвую ногу.

На возвратномъ пути изъ кузницы, мы проходили домъ полковника Углицкаго. Онъ открылъ окно и всенародно прощался съ нами, изъявляя свое сожалѣніе и желая благополучной дороги. Мы поблагодарили его, не останавливаясь.

На дворѣ у инвалиднаго подпоручика, Старковъ спросилъ конвойнаго унтеръ-офицера о подводѣ подъ наши вещи. Онъ отвѣчалъ, что подпоручикъ

приказалъ, чтобы вещи мы несли на себѣ; однакожъ хотѣлъ еще доложить. Человѣкъ и дѣвка матушки принесли мнѣ два чемоданчика. Въ то самое время, какъ я хотѣлъ уже проститься съ ними, вдругъ слышу голосъ инвалиднаго командира: «какія лошади этихъ извергамъ, этимъ мошенникамъ. Они, разбойники, и дай еще мнѣ лошадей! Пусть на себѣ тащатъ все, если хотятъ. Нѣтъ злодѣямъ ничего!» И потомъ, оборотись къ Старкову, Вѣтошилкиву и Шестакову, у которыхъ головы были не выбриты, онъ какъ неистовый закричалъ: «это еще что! Почему они не выбриты, сейчасъ обрить этихъ варваровъ, и заковать всѣхъ на пруть, пусть гибнутъ мошенники!» И ушелъ въ свою комнату. Мы могли отвѣчать однимъ презрительнымъ молчаніемъ. Эта выходка намъ показалась тѣмъ гнуснѣе, что по сю пору, со всѣхъ сторонъ, кромѣ ласки, участія и сожалѣнія ничего не встрѣчали. Между тѣмъ необходимость нести вещи на себѣ огорчила насъ крайне, и какъ мы не видѣли никакого способа помочь этому, то начали уже выбирать изъ своихъ вещей что поужить. Мы согласились съ Дружининнымъ помочить наши вещи въ одинъ чемоданчикъ и нести на себѣ поочередно. Вдругъ кто-то ударилъ меня зади по плечу, со словомъ: «что притуманился?» Я обернулся и увидѣлъ почтеннаго полковника Окунева.—Можно себѣ представить, какъ я обрадовался, имѣя случай высказать настоящее наше огорченіе и варварство инвалида-фанатика, человѣку образованному, котораго участие такъ уже ясно обнаружилось самымъ его приходомъ къ намъ. — Во время моего разсказа, подошелъ другой полковникъ Целковской. Окуневъ объяснился съ нимъ по ѣмечки и, оборотись ко мнѣ, сказалъ: «мы попросимъ у этого негодяя лошадей для васъ, а если откажетъ, то мы доставимъ вамъ вещи въ цѣлости до перваго ночлега на своихъ лошадяхъ. Тамъ унтеръ-офицеръ вытребуетъ лошадей не только подъ вещи, но и подъ васъ самихъ. Успокойтесь, пожалуйста». Пожелавъ намъ счастливаго пути, они удалились. Почтенные люди! эта, повидимому, небольшая ласка ваша слишкомъ оплатила намъ оскорбленіе невѣжды, и одолженіе ваше до послѣдней минуты моей не будетъ забыто!

Только что они ушли, три наши грузинца явились также обезображенными, какъ и мы: повелѣніе инвалиднаго благородія было надъ ними вточности исполнено. Тутъ мы на себѣ убѣдились, что всякое подобное оскорбленіе въ несчастіи возвышаетъ только духъ тѣхъ, которыхъ думаютъ поругать и унижить; напротивъ клеймо безчестія и всеобщее презрѣніе падаетъ на притѣснителей.

Мы снова принялись шутить и смѣяться другъ надъ другомъ, какъ будто бы одѣлись въ смѣшныя маски для маскарада. Мы даже въ смѣшномъ видѣ представляли, какъ будешь копать руду подъ землею; а разжалованные въ солдаты шутили надъ тѣмъ, какъ станутъ вытягивать носокъ. Эти шутки продолжались до того времени, какъ позвали насъ, что-

бы прикинуть къ пруту. Я взялъ за руку своего партнера на этого длинной экосезъ, и только что хотѣлъ подойти къ пруту, какъ увидѣлъ добрую мою катушку; явдъ ея былъ разстроенъ, но постулъ тверда. Она подошла ко мнѣ и торопливо сказала: «Вася! я буду къ тебѣ на первую станцію». Я едва успѣлъ поцѣловать ея руку, она уже скрылась между народомъ; тщетно блуждающій взоръ мой искалъ ее. Это внезапное появленіе нѣжной матери въ такую минуту, и мысль—какъ тягостно должно быть ей видѣть меня въ этомъ положеніи, при вѣчной разлукѣ,—совершенно меня разстроили. Обратись въ ту сторону, куда она ушла, я закрылъ лице руками и горько зарыдалъ. Тщетно Дружинникъ порывалъ меня идти, укоряя въ малодушіи; я не могъ двинуться съ мѣста.

— «Ради Бога! дай мнѣ отдохнуть!» сказалъ я ему.

Онъ сѣлъ на чемоданъ и посадилъ меня противъ себя на другой; я прилегъ къ нему на колѣна лицомъ, и, казалось, хотѣлъ выплываться для новой твердости.

Наконецъ Дружиннику удалось уговорить меня; я всталъ, оправился, и мы подошли къ пруту, при которомъ прочіе товарищи стояли оруженныя конвоемъ. Мы только что успѣли присоединиться къ нимъ, какъ изъ дома инвалиднаго командира показалась немытая, похнѣльная фигура, въ изодранной, запачканной чернилами солдатской шинели, въ большихъ очкахъ, которые держались на засаленной веревочкѣ сзади головы завязанной, и съ бумагою въ рукахъ,—это былъ писарь его благородія. За нимъ вскорѣ вышелъ и начальникъ его. Унтеръ-офицеръ командовалъ: «въ заряду!» Когда заряданіе кончилось, писарь поднялъ обѣими руками бумагу и, закинувъ голову назадъ, началъ громко читать артикулы: какъ должно во время пути обращаться съ арестантами, и между прочимъ, что, въ случаѣ напѣренія къ побѣгу или бунту, надлежитъ немедленно стрѣлять. Это заставило насъ расхохотаться.

Послѣ такого наставленія провожатымъ, велѣли намъ прихривать наручниками, которые надѣвались на пруть. Унтеръ-офицеръ, замѣтя, что мы выбираемъ—которые пошире, сказалъ намъ потихоньку: «пожалуйста, надѣньте поуже,—видите начальника нашъ смотреть, выйдемъ за городъ, ваша будетъ воля!» Мы его послушали. И въ самомъ дѣлѣ, какъ нарочно, подпоручикъ, стоявшій на крыльцѣ, закричалъ на него: «что ты смотришь на этихъ бунтовщиковъ? надѣвай ихъ на пруть». Унтеръ-офицеръ засуетился и, показывая видъ суровости, торопливо началъ надѣвать намъ наручники; потомъ, закинувъ на пруть, разставилъ конвой (двухъ спереди, двухъ сзади, и по одному сбоковъ), командовалъ: «на руку, марш!» и мы двинулись—въ Сибирь.

По выходѣ со двора, насъ окружили конные башкиры, составя другую цѣль. Шествіе открывалъ инвалидный офицеръ Каменевъ, а сзади замы-

какъ квартальной офицеръ Максимовъ. Въ такомъ торжественномъ видѣ провели насъ чрезъ весь городъ. Народъ, смотрѣвшій на все это съ непритворнымъ участіемъ, во все время не отставалъ и тѣснился около насъ. Башкирцы начали было отгонять, а квартальной ласково упрашивалъ отойти подалѣе; но ни просьбы, ни угрозы не могли этихъ добрыхъ людей отѣснить прочь. Они какъ бы тайнымъ непреоборимымъ сочувствіемъ влеклись за нами.

Проходя по одной изъ главныхъ улицъ, я замѣтилъ г. Германа¹⁾. Онъ стоялъ у забора, закутавшись въ шинель, и плакалъ. Увидя, что мы обреты, онъ всплеснулъ руками, и сказалъ довольно громко: «Боже мой, какое варварство!» Съ этимъ словомъ, закутавъ лицо, поспѣшно удалился. Указавъ на него Дружинину, я сказалъ: «это доброй знакъ! когда уже такіе люди плачутъ, то намъ сѣбѣ можно гордиться этимъ уничтоженіемъ, и радостно влечь свои оковы. Не одна чернь, всегда, какъ говорятъ, недовольная, принимаетъ въ насъ участіе, но люди образованные, мыслящіе, достойные всякаго уваженія».—Это послужило темою къ самымъ утѣшительнымъ разсужденіямъ, и мы не приѣтно дошли до Самарскихъ воротъ. Вдругъ въ толпѣ народной послышался нѣжный женскій голосъ: «мой другъ! мой братъ!»... и, сквозь цѣнь башкирцевъ и

¹⁾ Фёдоръ Ивановичъ Германъ, сынъ извѣстнаго своею ученостію берггауфмана Германа, бывшаго начальникомъ екатеринбургскихъ заводовъ, воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, и служилъ сперва при отцѣ, но по смерти отца вышелъ изъ горной службы. Когда генералъ Эссенъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Оренбургъ, онъ взялъ его въ адъютанты. По этому случаю Германъ вступилъ въ военную службу, и вскорѣ переведенъ былъ въ лейбъ-гвардію гусарскій полкъ. Генералъ Эссенъ поручилъ ему пограничную часть въ своей канцеляріи, и онъ не замедлилъ выказать свои отличныя способности, такъ что генералъ Эссенъ по этой части совершенно на него полагался. Но какъ благородный Германъ не терпѣлъ взяточниковъ и невѣждъ, какихъ тогда въ Оренбургѣ было не мало, и неосторожно обнаруживалъ къ нимъ свое презрѣніе, то одинъ изъ нихъ, оскорбленный имъ при разводѣ, не найдя удовлетворенія у Эссена, отпросился въ Петербургъ и подалъ доносъ князю П. М. Волконскому. Слѣдствіемъ этого былъ случай почти безпримѣрный. Генералъ Эссенъ, бывший на этотъ разъ въ Петербургѣ (въ 1823 г.), получилъ отношеніе начальника штаба, чтобы приказалъ своему адъютанту Герману явиться въ главный штабъ е. и. в. Германъ оставался въ Оренбургѣ. Эссенъ велѣлъ ему пріѣхать, и когда (тотъ) пріѣхалъ, послалъ къ кн. Волконскому, не зная самъ зачѣмъ. Когда Германъ явился, кн. Волконской сказалъ ему, что онъ, Германъ, за вредное вліяніе, какое имѣетъ на начальника своего, переводится въ армию тѣмъ же чиномъ, съ тѣмъ, чтобы онъ старался службою загладить свой поступокъ. (Затѣмъ) Эссену прислали просто приказъ объ этомъ переводѣ.

солдаты, бросилась ко мнѣ, съ распростертыми объятіями, прелестная дѣвушка.—Это была моя Саша—нѣжный другъ мой, съ самыхъ нѣжныхъ юношескихъ лѣтъ. Голосъ ея глубоко проникнулъ въ мое сердце: я былъ внѣ себя и хотѣлъ оторваться отъ варварскаго желѣза; но она висѣла уже у меня на шеѣ. Я обнялъ ее свободною рукою и остановился. За мною стало все, и съ изумленіемъ смотрѣло на эту сцену. Она взаимно прижала меня къ своему трепетно бьющемуся сердцу и плакала горько. «Перестань, мой ангелъ», сказала я ей, «слезами не поможешь. Забудь меня. Ты молода, можешь еще найти себѣ друга, и будешь съ нимъ счастлива. Умѣй быть твердою въ эту роковую минуту. Можеть быть за гробомъ увидимся. Прости мой безцѣнный ангелъ»,—и мой поцѣлуй горѣлъ на устахъ ея. Невольно оттолкнула она меня и съ нѣжною упоризною произнесла: «несчастной, ты ли мнѣ говоришь—забыть тебя?—безъ тебя найти счастье?—гдѣ я его найду?—На землѣ нѣтъ уже для меня счастья. Ты останешься на вѣки въ моемъ сердцѣ. Когда я всенародно не постыдилась броситься въ твои объятія, то забуду ли тебя? Любовь къ тебѣ пойдетъ во гробъ со мною. Прости, мой братъ, прости въ послѣдній....» и она бросилась цѣловать прикованную мою руку. «Ты мнѣ теперь еще дороже», промолвила она, цѣлуя самую цѣпь и обливая ее слезами. Мы снова обнялись—еще разъ сердца наши бились одно для другаго,—и она, вырвавшись изъ моихъ объятій, исчезла—какъ прелестный метеоръ въ осеннюю ночь—и на вѣки!... Пришедъ въ себя, я замѣтилъ, что многіе утирали слезы; даже загрубѣлыя чувства стражей нашихъ смягчались: они спокойно дождались конца нашей разлуки, и не одинъ не сказалъ неласковаго слова, не выразилъ неудовольствія на промедленіе. Когда мы тронулись съ мѣста, я непрестанно озирался назадъ и, можно сказать, влекся за товарищами, едва переставляя ноги. Мы вышли за городъ.—Шлагбаумъ за нами опустился!

Добрые жители все еще слѣдовали за нами. Когда мы отошли болѣе полуверсты, унтеръ-офицеръ велѣлъ остановиться и, обратясь къ народу, началъ уговаривать, что бы возвратились домой. Мы оглянулись назадъ, и какое восхитительное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ! Весь крѣпостной валъ усыпанъ былъ пестрѣющими народомъ. Изъ воротъ выѣзжало множество экипажей, которые потомъ тихо тянулись по обѣимъ сторонамъ аллеи. Тѣсняная ими толпа, какъ будто волна мятущагося потока, клубилась въ воротахъ и разливалась по полю. Съ крѣпостныхъ стѣнъ дамы нахали платками, мужчины—шляпами. Мы также, снявъ шапки, начали махать и кричать: «прощайте, добрые граждане, прощайте!»—и тысяча голосовъ отзывались: «прощайте!» Звуки взаимнаго сочувствія слились въ воздухъ и связали этотъ узелъ, который не расторгнемъ ни разстояніемъ, ни временемъ.—Минута незабвенная въ моей жизни!

Нашъ унтеръ-офицеръ не зналъ, что дѣлать. Онъ какъ угорѣлый по-

дошелъ къ намъ и присилъ насъ идти. Мы тронулись, и послѣднее «прости!» изъ устъ народа постепенно замирало въ дали! Каждый шагъ удалялъ насъ отъ родныхъ, отъ друзей, отъ милыхъ сердцу, отъ родины. Наконецъ мы увидѣли себя однихъ посреди открытой степи. Едва назади мелькали еще позлащенные кресты церквей; впереди видѣлись одни горы. День былъ довольно жаркій, повсюду царствовала глубокая тишина, изрѣдка нарушаемая заунывнымъ гвѣемъ подорожника; оно одно сливалось со звукомъ цѣпей нашихъ! Мы шли медленно, задумчиво, молча. Дикость степи навела дикую тоску на сердце. Я началъ чувствовать ужасную пустоту въ груди моей; казалось, всѣ душевныя силы истощились; въ тѣлесныхъ—была одна усталость, изнеможеніе. Неописанно ужасное состояніе!

Здѣсь кстати посвятить еще нѣсколько, признательностію ввѣщаемыхъ, словъ своимъ почтеннымъ согражданамъ. Въ теченіи цѣлыхъ полуторыхъ сутокъ, когда насъ ковали, брили, одѣвали въ армяки, водили взадъ и впередъ по городу (то въ тюрьму, то въ кузницу, то въ полицію), расковывали и опять заковывали, намъ было явно, что мѣстное правительство думало, въ оправданіе своего суда, выставить насъ какъ злодѣевъ и гнусныхъ преступниковъ на всеобщее поруганіе и презрѣніе, но оно ошиблось. Не только простые граждане, но и чиновники, купцы, даже солдаты, подъ страхомъ военной дисциплины находящіеся, однимъ словомъ, всѣ жители принимали въ насъ живѣйшее участіе и явно показывали, что не одобряютъ жестокаго съ нами поступка. Одинъ только, и только одинъ ввалидней подпоручикъ—уволю себя отъ повторенія его имени—дѣлаетъ исключеніе (но заслуживаетъ-ли этотъ человекъ какое либо вниманіе). Смѣю могу сказать, что сожалѣніе, намъ показанное, невѣроятно! Поставить ли часового къ тюрьмѣ—у него слезы на глазахъ; взглянемъ ли на кого нибудь изъ солдатъ своихъ или простолюдиновъ—утираютъ слезы; даже высшіе чиновники... не могли скрыть своего невольнаго участія. Знакомые и незнакомые всѣ провожали насъ. По всей справедливости, самый выходъ нашъ изъ Оренбурга вовсе не походилъ на изверженіе преступныхъ гражданъ, но на печальные проводы милыхъ дѣтей, обреченныхъ на жертву. Добрые, почтённые, незабвенные сограждане! ваше участіе поселило въ сердцахъ нашихъ вѣчную благодарность. Какъ я, такъ и всѣ мои товарищи до конца дней своихъ должны воспоминать о васъ съ глубокимъ чувствомъ привязанности и уваженія. Богъ свидѣтель, какъ больно мнѣ, что у насъ нельзя передать благородной поступокъ вашъ во извѣстіе всему нашему отечеству!

Не прерывая молчанія, мы продолжали тащиться нога за ногу, погруженные каждый въ свою думу. Такое углубленіе въ самого себя сдѣлалось потребностію каждаго. Одинъ безчувственный предатель нашъ насвистывалъ арію, довольно несносно для слуха, и этимъ медленно тиранилъ насъ.

На десятой врсѣть отъ города, около озера, унтеръ-офицеръ замѣтилъ

нашу усталость, остановили конвой, отстегнули нас отъ прута, какъ со своры, и мы бросились къ водѣ: кто сталъ умываться, кто—утолять жажду. Кдва послѣ того усѣли мы прилечь на пригорокъ, какъ унтеръ-офицеръ закричалъ: «вставайте! надѣвайтесь на прутъ. Пойдемъ потихоньку, кто то ѣдетъ. Я боюсь, чтобы не выслали за нами присмотрѣть, какъ мы идемъ».—«Боже! какъ это несносно!» вскрикнули мы, встали, надѣли наручники, и пошелъ далѣе. Но какое же было наше удивленіе, когда въ подѣзжающемъ соглядатаѣ узнали жену Таптикова! Мы остановились, сбросили наручники и побѣжали къ ней. Таптиковъ, радушиишись, такъ дернулъ скованнаго съ нимъ Z*, что тотъ закричалъ: «ай, больно, дай вытащить руку!»—«Да, злодѣй! тебѣ не больно тащить насъ въ Сибирь!» отрывисто сказалъ ему Таптиковъ. Но эта аэстрофа явно проскочила мимо ушей того, и не сдѣлала никакого впечатлѣнія.

Добрая г-жа Таптикова привезла намъ обѣдъ; мы вынули все изъ повозки, посадили ее, сами сѣли вокругъ, и начался пиръ. Мы сидѣлись и шутили, какъ бы дома, не заботясь вовсе гдѣ мы, и что мы. Такова юность! Когда кончили нашу трапезу, четверо изъ насъ сѣли на повозку; а я, Дружининъ и Шестаковъ пошли за нею пѣшкомъ, и такъ очередились до самаго ночлега. Вскорѣ догнала насъ телега съ нашими вещами. Когда мы пришли къ р. Сакмарѣ—увидѣли, что на той сторонѣ дожидаются уже насъ крестьяне изъ села Баргалы. Подали паромъ, мы побѣтелились и поплыли. По желанію Дружинина и Старкова, я взялъ гитару, заигралъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; они подтановли. Г-жа Таптикова, глядя на насъ, прослезилась, и потомъ начала укорять меня въ неуиѣстной веселости.

— Не все же плакать, сказалъ я ей,—вѣдь мы мужчины!

— «Да, примолвила она,—видѣла я твою твердость, какъ ты прощался съ Сашей».—Я усмѣхнулся на это, но что произошло въ сердцѣ моемъ отъ этого напоминанія! Раскаялся я, что далъ къ нему поводъ. Радъ былъ, что пристали къ берегу, и что можно было сокрыть свое душевное волненіе. Вмѣстѣ съ крестьянами мы вошли въ ихъ селеніе. Хотя по маршруту оставалось еще идти 12 верстъ, но унтеръ-офицеръ принужденъ былъ, по совершенному истощенію нашихъ силъ, остаться здѣсь ночевать.

Это татарское селеніе имѣетъ еще другое наименованіе: Сентовская слобода, которое происходитъ отъ перваго поселившагося въ ней казанскаго купца, по имени, Сента. Прежде это селеніе было и многолюдно, и богато. Въ немъ находилось много каменныхъ домовъ и мечетей; теперь (т. е. въ 1827 году) не болѣе десяти тѣхъ и другихъ, включая и гостиниой дворъ. Видны еще многія развалины большихъ каменныхъ зданій. Жители почти всѣ татары. Они приобрѣтали свое богатство грабежемъ и разбоемъ, а даже недавно еще (до 1827 г.) разбивали почты. Этимъ навлекли судебное пре-

слѣдованіе. Небольшо семействъ сослано въ Сибирь, нѣкоторые въ конецъ разворваны; опустѣло множество домовъ, жители вообще впали въ бѣдность.

Намъ отвели квартиру въ накомъ-то подземельи стараго, развалившагося дома. По ступенямъ узкаго коридора мы спустились въ сырую, довольно темную комнату. Спросили свѣчу, велѣли разложить огонь въ чубагѣ (родъ каминна), и г-жа Тантикова принялась готовить намъ ужинъ. Между тѣмъ мы занимались разсмотрѣніемъ нашего подземелья. Оно было не болѣе 3 сажень въ длину и полторы въ ширину. Стѣны отъ сырости и древности покрылись мохомъ; на сводахъ висѣла паутина. Въ двухъ узкихъ окнахъ были толстыя кольцообразныя желѣзныя заржавѣлыя рѣшетки; на право большая желѣзная дверь, съ такими же тяжелыми задвижками, запертая внутреннимъ замкомъ. Мы любопытствовали узнать, — что хранилось за этою дверью. Татаринъ, приставленный къ намъ для услуги, не могъ намъ этого сказать, потому что недавно въ этомъ домѣ. Зналъ только, что прежде тутъ жилъ богатый купецъ, котораго сослали въ Сибирь со всѣмъ семействомъ. По его словамъ—этого купца почитали колдуномъ, и какъ онъ самъ заперъ эту дверь, то никто не осмѣливается отворить ее. «Правда, приколдовалъ онъ,—были смѣльчакъ, которые пытались ее отломать, да вишь, никакой ломъ не беретъ!» и много еще наставлялъ подобныхъ чудесъ. Послѣ-явившись надъ суевѣрнымъ татаринномъ, мы сѣли ужинать, а утоливъ голодъ, расположились тотчасъ спать попарно, какъ были скованы, кто гдѣ могъ смыснуть себѣ мѣсто. Мы не спали всю прошлую ночь, потому перенесли столько душевныхъ потрясеній, и наконецъ утомились дорогою; мудрою ли послѣ этого, что крѣпкій сонъ немедленно овладѣлъ нами.

Глава II.

Послѣднее прощаніе.

Приди мое рожденіе!

Да будетъ надъ тобою мое благословеніе! —
Озеровъ.

Азачи уже прокричали на минаретахъ свои хвалебныя пѣсни, призывая правовѣрныхъ мусульманъ въ мечети, чтобы утреннею молитвою испросить у Аллаха благословеніе на наступающій день. Мы встали довольно съ покойнымъ духомъ. Между тѣмъ какъ унтеръ-офицеръ хлопоталъ о подводахъ, а добрая г-жа Тантикова готовилась поить насъ чаемъ, мы вышли изъ нашего душнаго погреба—подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться утреннимъ солнышкомъ. Поглядѣли въ ту сторону, куда влекло насъ столько сладостныхъ воспоминаній, взглянули на небо, вѣрили себя Провидѣнію, и

возвратились къ ожидающему насъ чаю. Солнце уже было высоко, когда намъ привели подводу въ одну лошадь. Мы сложили на нее всѣ наши вещи, и отирались въ путь, уже безъ прута, и это первое облегченіе было для насъ крайне ощутительно. Когда проходили по селенію, любопытные мусульмане тѣснились около насъ; нѣкоторые нануствовали насъ добрымъ словомъ. Отойдя съ версту отъ селенія, мы поднялись на гору, и вдругъ Оренбургъ съ окрестностями своими представился нашему взору. Сквозь рѣдкій воздухъ видѣлся городъ, а за нимъ разстилалась необовримая Киргизъ-Кайсацкая степь. Съ неописаннымъ чувствомъ взглянули мы въ послѣдній разъ на это вѣсталище всего, что насъ привязывало еще къ жизни. Нѣсколько минутъ мы стояли неподвижно и не могли оторвать своихъ взоръ, отуманенныхъ слезами. Внезапно пламенный энтузіазмъ любви къ роднѣ овладѣлъ нами, мы всѣ вдругъ схватили по горсти земли и клялись хранить ее при себѣ до конца нашей жизни, вмѣстѣ съ благодарнымъ воспоминаніемъ о добрыхъ нашихъ согражданахъ. Взглянули еще разъ, перекрестились, поклонились, и, сказавъ «прости!» пошли далѣе. Здѣсь представлялась картина другаго рода. Направо къ сѣверу черной полосой тянулся хребтъ Уральскихъ горъ. На ближайшей къ намъ, съ угрюмою гордостью возвышались въковыя огромныя сосны. Въ лѣво бѣлѣлась мѣловая гора, а вдаль нѣстами мелькалъ едва желтѣющій кустарникъ. Все это озарялось ярко-горящимъ утреннимъ солнцемъ, и сливалось въ ту неподражаемую гармонію, съ какою живописуетъ одна природа. Душа наша разсѣяла, и мы пролѣли гимнъ, нѣкогда въ патріотическихъ мечтахъ сочиненный незабвеннымъ Кудряшевымъ, который въ это время, можетъ быть, съ гордаго жилища своего привиталъ намъ духомъ своимъ, и продолжалъ одушевлять насъ. Такіе люди никогда совсѣмъ не умираютъ.

Около полудня мы дошли до пригородка Сакмарска, гдѣ по маршруту назначенъ былъ первый ночлегъ.

Сакмарскъ—небольшое селеніе съ маленькою церковію, прекрасной архитектуры, недавно выстроенною изъ бѣлаго камня. Жители всѣ почти — уральскіе казаки, переселенные сюда вслѣдствіе бунта, бывшаго въ Уральскѣ, при управленіи Оренбургскимъ краемъ князя Волконскаго, или, лучше сказать, злоупотребленіи Ермолаева. Мы пообѣдали, отдохнули, и только что вышли на крыльцо, какъ нѣсколько троестъ причались къ нашимъ воротамъ. Мы терялись еще въ догадкахъ, какъ вдругъ челоувѣкъ пятнадцать солдатъ нашего полка вбѣжало на дворъ. Въ числѣ ихъ замѣтилъ я унтеръ-офицера и ефрейтора моего капральства. Они всѣ бросились обнимать насъ.

— Какими судьбами, ребята, съ чьего позволенія пріѣхали вы сюда? спросили мы торопливо.

— Что тутъ спрашивать, Василій Павловичъ! отвѣчалъ унтеръ-офицеръ

Федоровъ:—видите, отъ всего полка пріѣхали въ послѣдній разъ взглянуть на васъ и пожелать вамъ благополучной дороги.

— И! Федоровъ, не стыдно-ли? у тебя слезы на глазах! сказалъ я. Видишь, мы не плачемъ. Раскаиваться намъ не въ чемъ: безчестнаго ничего не сдѣлали; тебѣ все извѣстно.

— Знаемъ, и тѣмъ-то болѣе жаль.

— Смотрите, ребята, какъ-бы не подслушалъ васъ Z*, сказалъ имъ Дружининъ въ полголоса.

— Этого мерзавца мы по клочкамъ разорвемъ, вскричало нѣсколько голосовъ, онъ и насъ хотѣлъ припутать, за то и мы его не пожалѣли, все высказали,—прижолвали семеновскіе солдаты.

Мы стали представлять имъ, что съ нихъ могутъ строго высказать, если узнаютъ объ ихъ настоящемъ поступкѣ, который, впрочемъ, съ нашей стороны, мы во всю жизнь не забудемъ.

— Что вы говорите—отвѣчали они:— намъ теперь дана такая льгота, что мы кромѣ караула нигуда не ходимъ, и этимъ вамъ благодарны.

Однакожь мы настояли, чтобы они поспѣшили воротиться. Разставаясь съ нами, они еще болѣе доказали, какъ искренно и безкорыстно любили насъ. Они всё плакали, и увѣрили, что вѣчно не забудутъ. Мы съ трудомъ могли принудить ихъ взять отъ насъ 25 рублей, чтобы въ полку выпить за наше здоровье. Этотъ случай доставилъ намъ первое утѣшеніе, по удаленіи отъ Оренбурга, и потому я не въ состояніи умолчать о немъ.

Послѣ ихъ отъѣзда вскорѣ пріѣхало къ намъ изъ города нѣсколько знакомыхъ, съ братомъ Вѣтоняикова. Обнижанія, восклицанія, слезы и смѣхъ—нѣсколько минутъ превратили въ одно сладостное мгновеніе ¹⁾. Г-жа Тап-тикова тотчасъ распорядилась съ самоваромъ, и мы только что принялись за чашки, какъ вбѣжалъ солдатъ, крича: «ваша матушка пріѣхала!» Чашка чуть не выпала изъ рукъ моихъ; опустивъ ее на столъ, я бросился со всѣхъ ногъ, забывъ, что скованъ съ другимъ. Дружининъ что-то кричалъ, останавливая, я ничего не слыхалъ. Выскочивъ на крыльцо, я искалъ ее взоромъ. «Гдѣ она? гдѣ она? отведите меня къ ней, Ради Бога», говорилъ я солдатамъ. Они указали на квартиру, и мы съ добрымъ момѣ Дружининымъ бѣгомъ побѣжали туда. Желѣзь для насъ не существовало; наслушавъ конвойной успѣвалъ за нами.—Нѣсколько шаговъ — и я у сердца матери!

¹⁾ Въ числѣ пріѣзжихъ былъ одинъ казачій офицеръ, который отъ имени оренбургскихъ гражданъ спрашивалъ насъ: получили ли мы пять тысячъ рублей, будто бы собранные для насъ купечествомъ и чиновниками. Мы отвѣчали, что и не слышали объ этомъ.

Неоцѣненная матушка! Она была такъ спокойна! Я бросился лобызать ея руки, и слезы заструились по щекамъ ея. Съ нею была сестра моя— шестилѣтній ребенокъ. Этотъ ангелъ невинности испугалась адскихъ цѣпей и безобразнаго моего вида. Она спряталась за свою маменьку. Но чувство природы преодолѣло: она начала выглядывать, выглядывать въ меня, и наконецъ, слыша призывъ мой, бросилась ко мнѣ въ объятія.

«Братецъ, братецъ! что у тебя на ногахъ? Зачѣмъ ты повязалъ головку (я былъ повязанъ платкомъ)? болитъ? не привязать-ли укусу? Дай я полюбую, пройду». Будучи не въ состояніи держаться отъ слезъ, я разцѣловалъ ее и старался увѣрить, что насъ связали съ Дружининнымъ цѣпью за то, что мы худо учились. Она бросилась къ матери, и начала со слезами просить: «маменька! маменька! поѣдемъ домой, я у папеньки выпрошу, чтобы онъ простилъ братца, а то ему больно».

Мать могла отвѣчать одними слезами и поцѣлуями. Мало по малу мы успокоились отъ сильныхъ внутреннихъ движеній, и разговоръ нашъ склонился на предстоящія намъ трудности. Матушка объ одномъ просила, объ одномъ молила,—къ одному клонилась всѣ ея наставленія: быть осторожнымъ. Мы много плакали. Одна сестра милымъ лепетаніемъ своимъ развлекала насъ и заставляла иногда улыбаться. Я не могъ освоиться съ мыслию, что въ послѣдній разъ ихъ вижу. Мы отуживали вѣстѣ. Я пожелалъ ей спокойной ночи, она благословила меня, и мы расстались до утра, съ сокрушеннымъ сердцемъ.

По возвращеніи къ товарищамъ, мы нашли ихъ съ гостями въ довольно веселомъ расположеніи духа. Но я не могъ уже принять участія въ этомъ веселіи.

Когда все утихло, не раздвѣваясь, я легъ спать на прилавкѣ. Не смотря на душевное и тѣлесное изнеможеніе, я долго не могъ заснуть. Свинцовая грусть давила грудь мою. Всѣ свѣтлыя мечты, всѣ радостныя надежды, все, что прежде наполняло душу восторгомъ,—все это измѣнилось теперь въ какое-то непонятное мрачное предчувствіе. Она безотрадная мысль смѣняла другую. Наконецъ природа взяла верхъ, связь идей стала разрываться, въ глазахъ начали появляться легкіе, неясные призрваніи, и я заснулъ. Но и чо спѣ не было спокойствія, душа моя безпрестанно возмущалась различными сновидѣніями. Я то плакалъ, то стоналъ, то смѣялся, то вскакивалъ съ крикомъ. Такъ прошла ночь.

Только что начало свѣтать, я всталъ и отворилъ окно, чтобы освѣжиться воздухомъ. Небо было чисто, звѣзды искрились еще; но поражаемые дневнымъ свѣтомъ, одна по одной вскорѣ потухли, только аврора долѣе другихъ красовалась своею прелестію; но и та, наконецъ, скрылась при появленіи величественнаго феба. Любуясь этою великолѣпною картиною природы, я возносился мыслями къ непостижимому Творцу, и пламенная молитва из-

лялась къ Нему изъ души моей. Она меня успокоила совершенно. Я почувствовалъ въ себѣ новыя силы—и въ эту минуту матушка прислала за мною. Я разбудилъ своего Дружинина. Приходимъ, и кофе уже на столѣ. Въ послѣдній разъ я могъ забытья и подумать, что я еще принадлежу къ семейству! Два часа съ матушкой протекли какъ двѣ минуты. Унтеръ-офицеръ пришелъ сказать: «время!»

На мой отвѣтъ: «сейчасъ идемъ», онъ мнѣ сказалъ: «пожалуйста поскорѣе. Мнѣ слызвали, сейчасъ прїдетъ офицеръ свидѣтельствовать—какъ мы идемъ». «Сейчасъ, сейчасъ!» повторилъ я съ горестію. И вотъ настала роковая для меня минута. Хладной трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ, кровь стынула, сердце едва билось, слезы уже не текли, но какъ-бы ледѣли на рѣсницахъ, и я, какъ громомъ оглушенный, невольно сѣлъ на лавку, ничего не чувствовалъ, устремилъ только мутный, неподвижный взоръ свой на матушку и на сестрицу. Она не плакала, не стонала; но на лицѣ ея видна была смертная блѣдность. Она взяла свѣчи и затопила ихъ передъ образами. «Ну, Хрисанфъ Михайловичъ!» сказала она Дружинину, едва внятныиъ голосомъ, «теперь прїедемъ немного, уже мало остается времени». Потомъ сѣла у стола, и опершись обоими локтями, печально склонила голову на руки, прикрыла лице свое ладонями, и шепотомъ возсылала моленіе ко Всевышнему. Милая сестра смотрѣла на нее внимательно; двѣ крупныя слезы блистали на ея глазахъ. Мы съ Дружининимъ были погружены въ глубокое молчаніе, и также молились. Въ это время — какъ мнѣ послѣ рассказали — приходилъ унтеръ-офицеръ сказать, что офицеръ точно ѣдетъ, но онъ изъ уваженія, не смѣлъ отворить рта, перекрестился и вышелъ въ сѣни. Наконецъ матушка, опираясь рукою о столъ, поднялась и обратилась къ образамъ. Я бросился къ ея ногамъ, и она, простря руки къ небу, трепещущимъ голосомъ произнесла: «милосердый Боже! Тебѣ вручаю его!» Возложивъ потомъ обѣ руки на мою голову, сказала: «будь надъ тобою мое благословеніе!» и, поднявъ меня, заключила въ свои материнскія вѣжныя объятія. Слезы и рыданія наши соединились. Малютка сестра, также въ слезахъ, прижавшись къ матери, неотступно спрашивала: «маменька! маменька! да скажите, куда это братецъ ѣдетъ!»

Слыша это, я вырвался изъ объятій матушки, подхватилъ на руки этого милого ребенка и, разцѣловавъ, передалъ матушкѣ. «Любите ее, маменька!» сказалъ я: «умоляю васъ, дайте ей пристойное воспитаніе, напитайте ее вашими наставленіями, это нужнѣе всякаго приданого. Она, вмѣсто меня, будетъ утѣшеніемъ вашей старости, я въ этомъ увѣренъ».

— Да! она мнѣ одна теперь осталась, сказала матушка удушующимся голосомъ, прижавъ ее къ груди своей, и потомъ, опушта ея, опять обвила меня, сказавъ: «прости мой сынъ!» Сердце мое замерло. Я не слышалъ, что Дружининъ съ унтеръ-офицеромъ звали меня. Они наконецъ силою отор-

вали меня отъ матери, и подъ руки вытащили на крыльцо, и здѣсь еще мнѣ слышались ея вздохи и стоны, которые понинѣ отзываются въ душѣ моеѣ. Они повели меня подъ руки и старались разговаривать. Я почти ничего не понималъ. Когда пришли на квартиру, наши товарищи были уже готовы къ отправленію. Намъ надобно было расстаться съ тѣми, которые отправлялись въ Грузію. Я почти не видалъ и не слышалъ, какъ расставался съ своею женою Таптиковъ. Мое прощаніе съ этою доброю женщиною и съ товарищами, которыхъ такъ любилъ, едва было для меня ощутительно,—едва я примѣчалъ, что со мною дѣлалось: сердце мое потопило совершенно. Помню только, что они, обнимая меня, вѣдали не забыть до гроба. Они поѣхали, и мы тронулись съ мѣста. Поддерживаемый Дружининымъ, не помню—какъ я плелся. Когда мы отошли съ полверсты, вдругъ насъ остановили. Какъ будто испуганный, я пробудился отъ тяжкаго забвенія. Дико озираясь, я старался припоминать, что со мною случилось, и потомъ, опять забывшись, со слезами спрашивалъ: «гдѣ мы? зачѣмъ мы здѣсь?—гдѣ она? гдѣ она?» Дружининъ и Таптиковъ, поддерживая меня, старались развлечь меня. «Стыдись!» сказалъ Таптиковъ: «приди въ себя. Вонъ офицеръ пріѣхалъ насъ осматривать. Неужели хочешь показать ему свое слабуюше?»

Это замѣчаніе потрясло меня, я ободрился и тутъ же замѣтилъ, что я опять—въ наручникахъ и пристегнуть къ пруту. Офицеръ, въ самомъ дѣлѣ, подошелъ къ намъ, обошелъ кругомъ, посмотрѣлъ, сѣлъ на повозку и уѣхалъ.

Только что мы двинулись съ мѣста, я почувствовалъ чрезвычайную слабость и не могъ идти. Унтеръ-офицеръ, снявъ насъ съ прута, меня и Дружинина посадилъ на повозку. Я прилежъ къ нему на колѣна. Голова моя горѣла, я былъ въ состояніи, похожемъ на бѣлую горячку. Поминутно спрашивалъ: «гдѣ матушка? гдѣ сестра? зачѣмъ у меня отняли ихъ? куда насъ тащить?» и т. п. Добрый Таптиковъ, не отходя отъ повозки, помогъ наконецъ Дружинину успокоить меня и уложить спать. За пять верстъ до ночлега, какъ они послѣ рассказывали, я дѣйствительно заснулъ. На станціи меня разбудили, ввели въ пустую башкирскую избу (башкирцы съ весны до глубокой осени кочуютъ въ кибиткахъ), положили на солому, и я проспалъ до утра. На другой день я не чувствовалъ ни жара, ни головной боли, но все мое тѣло было въ изможденномъ и расслабленномъ состояніи.

Всякой, кто будетъ читать когда-нибудь эти записки, я увѣренъ, простить мнѣ извиненію, можетъ быть, точность въ описаніи разлуки съ матерью. Если онъ еще не расставался съ своею нѣжною родительницею, пусть представитъ близкую нѣжную разлуку съ нею и спроситъ свое сердце, каково ему при одномъ воображеніи! Если же онъ лишился ее или удаленъ отъ нея навсегда, пусть вспомнить, что чувствовалъ въ роковую минуту;

онъ согласится, что нѣжному сыну позволительно быть многорѣчивымъ, говоря о незабвенной матери. Впрочемъ мнѣ для себя хотѣлось изобразить съ полною истинною тогдашнее состояніе души моей: я пишу не для тишины.

Описавъ послѣднюю вѣчную разлуку со всѣми близкими сердцу, я долженъ здѣсь отдать справедливость моимъ товарищамъ. Они сносили свое положеніе безропотно и съ душевнымъ спокойствіемъ. Талтиковъ, какъ ни грустилъ о женѣ своей, легко однакожъ развлекался природною веселостію и беззаботливостію характера; крѣпость ему много помогали большая опытность и многолѣтнее знакомство съ несчастіемъ и трудностями похода. Дружининъ, въ первомъ еще цвѣтѣ юности, легко увлекался мечтами, и питалъ полную довѣренность къ будущности: ему все еще въ жизни улыбалось, въ самыхъ желѣзахъ онъ видѣлъ покаяніе. Тѣ товарищи, которые отправлялись въ Грузію, хотя съ горестію разстались съ нами, но были бодры духомъ и полны надеждъ.

ГЛАВА III.

Переходъ до Уфы.—Встрѣчи.

«Вездѣ есть добрые люди!»

(Народная поговорка).

Въ этотъ день (14 сентября) мы пробѣжали и прошли двѣ станицы, и остановились на почтовой дворѣ. Селеніе было всторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ четырехъ. Хозяинъ напоилъ насъ хорошимъ лумысомъ; послѣ чего мы выкупали въ рѣкѣ, и мое здоровье стало поправляться. Здѣсь Дружининъ и Талтиковъ предложили мнѣ быть у нихъ артельщикомъ. Они отдали мнѣ свои деньги, которыхъ было у перваго 175 р., у втораго 115, да у меня 105 р. Z* также предложилъ мнѣ свои деньги; я, однакоже, не взялъ, но, по настоятельной просьбѣ моихъ товарищей, долженъ былъ уступить, и взялъ отъ него 25 р., т. е. все, что онъ имѣлъ; и такъ весь нашъ капиталъ, съ которымъ мы должны были пройти 5,000 верстъ, состоялъ изъ 420 р. Отселъ я уже не буду упоминать всѣхъ станицъ и ночлеговъ, но единственно—тѣ, въ которыхъ встрѣтилось что либо примѣчательное или памятное.

Такимъ образомъ безъ дальнихъ приключеній дошли мы до послѣдняго ночлега къ городу Стерлитамаку, до деревни Алла-чуватовой. Здѣсь по разспросамъ мы узнали, что изъ этого города отправляютъ арестантовъ точно такъ же, какъ придуть изъ Оренбурга, т. е. если приведены безъ прута, то и отправятся въ однихъ ножныхъ кандалахъ. Поэтому, хотя унтеръ-офицеръ и не надѣвалъ уже насъ на пруть—съ тѣхъ поръ, какъ снялъ

съ него по случаю моего изнеможения, но чтобы обезпечить себя и на будущее время, мы упросили его оставить этотъ пруть въ какой либо деревнѣ и не говорить въ городѣ, что мы были отправлены на немъ. Онъ уступилъ нашей просьбѣ. За это снисхожденіе и вообще за доброе обращеніе съ нами, какъ его, такъ и рядовыхъ, мы дали имъ 20 р., съ придачею казенныхъ армяковъ, и они остались предовольны. Унтеръ-офицеру приказано было, сдавъ насъ въ Стерлитамакѣ, возвратиться въ Оренбургъ. Пользуясь этимъ случаемъ, мы дали ему письма. Я и Таптыковъ просили доставить лично моей матушкѣ и его женѣ, а Дружининъ и Z* желали, чтобы онъ переслалъ къ ихъ матерямъ по адресу въ мѣста ихъ жительства, если найдетъ возможнымъ. Послѣ мы узнали, что всѣ эти письма доставлены были въ исправности.

Сентября 25, въ 2 часа по-полудни, мы пришли въ Стерлитамакъ, отстоящій отъ Оренбурга на 231 версту,—и прямо въ острогъ, гдѣ встрѣтилъ насъ дежурный офицеръ во всей формѣ. Здѣсь ждали прибытія военнаго губернатора. Нимало не медля, повели насъ въ кузницу для снятія желѣзъ, которыя надобно было сдать приведенному насъ унтеръ-офицеру. По возвращеніи въ острогъ, отобрали всѣ наши вещи, и не иначе дозволили вынимать что нибудь изъ чемодановъ, какъ при караульномъ унтеръ-офицерѣ. Мы не безъ удовольствія подумали, что по крайней мѣрѣ на время пребыванія въ этомъ городѣ избавились безпокойныхъ ножныхъ гирляндъ—но ничуть не бывало: вмѣсто желѣзъ набили намъ на ноги тяжелыя деревянные колодки, которыя въ десять разъ несноснѣе первыхъ. Съ этимъ новымъ украшеніемъ отвели насъ въ особый номеръ.

Было уже 6 часовъ вечера, какъ вовсе неожиданно вошелъ къ намъ почтенный старикъ, инвалидный поручикъ г. Тюменевъ. Обнявъ меня, онъ прослезился и увѣрялъ, что чрезвычайно больно видѣть насъ въ такомъ положеніи. Мы всѣ благодарили его за участіе. Я съ нимъ познакомился три года тому назадъ, когда, проѣзжая въ Уфу и обратно, въ оба пути останавливался у него въ домѣ. Поговоривъ съ нами немного о томъ, какъ онъ и все его семейство сокрушались, когда услышали о нашемъ дѣлѣ и особливо о рѣшеніи его, онъ насъ оставилъ, давъ слово еще увидѣться. При этомъ общалъ прислать что нибудь поѣсть, примолвля: «не осудите, чѣмъ Богъ послалъ!» Доброта эта насъ умилала до слезъ.

Только что онъ ушелъ, оставя по себѣ столь пріятное впечатлѣніе, насъ позвали въ караульню, гдѣ караульный офицеръ объявилъ, что приказано обрить намъ головы, и когда мы, горько улыбувшись, замѣтили, что мы недавно обриты, офицеръ отвѣчалъ: «что дѣлать господу! сюда ждуть военнаго губернатора, а нашъ командиръ—трусъ ужасный; вы же обриты не по формѣ». Последнія слова присовокупилъ онъ смѣючись.—Какъ ни больно казалось это подновленіе нашего безобразія, дѣлать было нечего, я

первый съѣлъ подъ бритву, тѣмъ болѣе, что офицеръ отнялъ у насъ долго самую надежду избавиться этого, увѣривъ, что положено брить на каждомъ этапѣ. Цирюльникъ приступилъ съ важнымъ видомъ, намылилъ мнѣ полголовы въ другомъ уже направленіи, т. е. съ затылка на лобъ, и началъ безъ милости драть тупою бритвою. «Постой, вскретель я,—ты вѣрно въ первый разъ отъ роду брѣешь селетныхъ, обрѣй хорошенько, получишь на водку». Онъ тотчасъ вытащилъ изъ кожаной кисты другую бритву, направилъ ее на рожки, и принялся брить съ довольно спокойною ловкостію. За мною подверглись и другіе той же операціи. При всемъ огорченіи, мы не могли удержаться отъ смѣха, глядя другъ на друга. Въ Оренбургѣ брили наши головы померегъ, а здѣсь—вдоль, и такъ у насъ остались волосы только на половинѣ затылка!

Когда все это кончилось, взошелъ къ намъ слуга г. Тюменева съ узломъ, въ которомъ содержался ужинъ. Мы его тотчасъ обступили и, покормивъ товарища принимали отъ него и разбирали блюда, я закидалъ его вопросами о семействѣ его господина, и когда спросилъ:—помнить ли мени барышни? онъ отвѣчалъ: «какъ же, ваше почтеніе, крѣпко наказывали, кланяются вамъ: скажи дескать Василью Павловичу, что мы его поминимъ и сильно жальдемъ». При этомъ, почесывая голову, онъ значительно мигнулъ и дернулъ меня неприятно за полу халата; едва я успѣлъ взглянуть на его руку, какъ онъ съ отиѣннымъ проворствомъ сунулъ мнѣ маленький узелокъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы я его спряталъ. Я успѣлъ это сдѣлать такъ, что ни офицеръ, ни солдаты не примѣтили. Шепнувъ ему, чтобы онъ кланялся и благодарилъ, я тотчасъ удалился въ свой номеръ.

Какое было мое удивленіе, когда, развязавъ узелъ, я нашелъ въ немъ два бисерныхъ шнура для часовъ и бисерной же кошелекъ, нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, два карандаша, графинчикъ съ водкою, маленькую старинную серебряную чарочку, и на верху всего сложенную записку, которая и теперь у меня хранится, какъ свидѣтельство милого добредущія и простосердечія трехъ молодыхъ дѣвицъ—родныхъ сестеръ, взрослыхъ на границѣ Азіи, вдали отъ моднаго, роскошнаго свѣта, и воспитанныхъ подъ назиданіемъ родительской любви и нѣжности. Я помѣщаю эту записку здѣсь, отъ слова до слова. Вотъ она:

«Любезный Василій Павловичъ, посылаемъ мы вамъ: я—кошелекъ, Пашинька и Феничка—по шнурочку; примите вы это отъ насъ въ знакъ памяти и уваженія къ вамъ. Мы очень соболѣзуемъ объ васъ, Василій Павловичъ, какъ васъ Богъ попуталъ въ это дѣло. Мы своего пашеньку слезно просили, нельзя ли будетъ съ вами повидаться, и онъ намъ это обѣщалъ; какъ только Эсеевъ уѣдетъ, мы съ радостію къ вамъ прибѣжимъ; вы помните, какъ у насъ гостили, и писали намъ стишки; мы ихъ бережемъ, какъ драгоценность, и когда собираемся читать, то всегда васъ поминаемъ;

и просимъ мы васъ никакъше—напишите намъ что нибудь еще, мы вамъ посылаемъ карандашъ и бумагу, и будемъ ихъ хранить, какъ послѣдній для насъ памятникъ и утѣшenie, которое вы намъ оставите, и мы ихъ будемъ читать, да васъ вспоминать. Кланяемся вамъ и желаемъ быть здоровымъ для перенесенія такого труднаго пути. Остаемся любящія и утѣшающія васъ. и цѣлуемъ васъ. Авдотья, Прасковья, Ефимья Тюменовы».

Образованная дѣвица высшей сферы, еслибы какими судьбами случилось имъ прочесть эту записку, можетъ быть поимѣлись бы надъ ней съ презрѣнiемъ; но пусть вспомнить, что эти строки диктованы неподдѣльною непорочною и добротою сердца, и писаны къ молодому человеку ошеломланному..... въ желѣзахъ, въ тюрьмѣ,—тогда, можетъ быть, это легкомысленное презрѣнiе замѣнится другимъ чувствомъ, болѣе приличнымъ какъ истинному просвѣщенiю, такъ и нѣжной разборчивости прелестнаго пола. Онъ вспомнить при той, что эти добрыя созданія не виноваты, что судьба не дала ихъ родителямъ возможности бросить десятки тысячъ на ихъ воспитанiе. Я не безъ намѣренiя употребилъ этотъ глаголъ: онъ часто бываетъ ближе къ истинѣ, когда говорится о блестящемъ воспитанiи.

Когда я прочиталъ эту записку, слезы признательности вытиснулись изъ глазъ моихъ. «Благодарю васъ, милыя мои землячки!» вскрикнулъ я невольно, цѣлуя эти строки. Въ эту минуту вошли мои товарищи: они услышали мой голосъ, и съ любопытствомъ спрашивали, что это значитъ? «Ну, братъ Тапиковъ, сказалъ я, мнѣ сегодня будетъ работа; но ты у насъ—ходячій армякъ отиговъ, такъ поможешь мнѣ; на-на прочти». — Тапиковъ взялъ записку, пробѣжалъ ее глазами, возвратилъ мнѣ, открылъ табакерку, и разнюхавъ спокойно шапойку табаку, отвѣчалъ: «ну хорошо; только сперва, батъ мнѣ! выпьемъ да пойдимъ; такъ и память просвѣтлѣетъ, и работать будетъ веселѣе». Противъ такого аргумента мало найдется словъ—и такъ мы принялись за свой ужинъ, какой вовсе не ожидали имѣть въ стерлитамакскомъ острогѣ!.. Дружинникъ и Z* вскорѣ легли спать; а я съ Тапиковымъ—принялся за стихи; онъ демамировалъ, я писалъ. Такимъ образомъ у меня исписались цѣлыхъ два листа аругемъ. Въ заключенiе, нечего грѣха таить, приписалъ нѣсколько своего произведенiя. Окончивъ это, и мы вскорѣ заснули.

Поутру мы не спѣшили вставать: знали, что по маршруту намъ назначена здѣсь дневка. Часу въ 10-мъ унтеръ-офицеръ позвалъ насъ въ караульню. Мы тотчасъ одѣлись и пошли. Намъ въ голову не приходило, что насъ тутъ ожидало. Очень спокойно отворили дверь, и что же? Намъ представилась все семейство почтеннаго Тюменева въ хлопотахъ около стола, напрытаго уже скатертью: кто разставлялъ тарелки, кто придвигалъ стулья. Я хотѣлъ было броситься къ милымъ, добрымъ своимъ землячкамъ, чтобы поздороваться съ ними, но въ этой проклятой колодежѣ споткнулся и упалъ

къ ногамъ ихъ. Онѣ съ участіемъ бросились меня поднимать. Я сѣлся, покраснѣлъ, цѣловалъ руки ихъ; но онѣ просто поцѣловались со мною дружески. Я началъ было благодарить за вниманіе, за подарки; но онѣ, ничего не слушая, всё три бросились къ отцу. «Папенька, милый папенька, говорили онѣ, перерывая одна другую, съ умиленіемъ,—пожалуйста велите сбить съ нихъ эти колодки. Эссена ужъ нѣтъ здѣсь; а вы же еще и дежурнымъ; смотрите, какъ они бѣдняжки заблудись». — «Сейчасъ, мон дѣти». отвѣчалъ старикъ, и у него показались слезы. «Сейчасъ, спасибо, мон милыя, что вы меня надушили, а мнѣ—изъ ума вонъ. Вотъ и я, глядя на васъ, разнѣмился», прибавилъ онъ, протирая платкомъ глаза. «Унтеръ-офицеръ! сейчасъ сбить колодки!» — «Слушаю-съ!» отвѣчалъ тотъ, и черезъ минуту на насъ уже не было ихъ.

Мы очень были рады, избавившись этого нга. Не умѣя въ нихъ ходить, мы безпрестанно падали и ушибались. Подбзуясь теперь свободою ногою, я бѣгомъ бросился въ свой номеръ, взявъ заготовленные стиги и отдалъ потихоньку старшей изъ сестеръ Авдотѣ Ивановнѣ. Она благодарила, и просила написать изъ Уфы съ унтеръ-офицеромъ, который съ ея стороны объ этомъ уже предваренъ. Головы у насъ были обвязаны платками, и она теперь только замѣтила, какъ безобразно мы были обриты. „Боже мой!“ вскричала она, всплеснувъ руками, и начала плакать. Я сѣлъ подлѣ нея и сталъ ее утѣшать, представляя, что это унижаетъ больше нашихъ недруговъ, нежели насъ. Но тутъ добрый гостепріимный старецъ закричалъ мнѣ: «полно тебѣ возиться тутъ съ дѣвками; поди-ка лучше, братъ, да подѣвишь хорошенько на дорогу; такъ оно вѣрнѣе».

Бое-какъ успокоивъ плачущую, я повиновался призыву старика, и съ почтеннымъ его семействомъ всё сѣли за столъ. Дружинникъ, Тапчиконъ и я наперерывъ старались—сколько возможно привести въ забвеніе сущность нашего положенія. Припоминали прошедшее, шутили, сѣялись и говорили разнымъ вздоръ. Во все это время, надобно замѣтить, добрые Тюменевы не обращали никакого вниманія на нашего предателя. Хотя онъ, по безстыдству своему, нѣсколько разъ принимался заговаривать, однако же, не только дѣвцы, но и самъ почтенный старецъ отворачивался отъ него. Ему дали очень явно почувствовать, что онъ сидитъ между нами—только изъ уваженія къ несчастію, соединяющему его съ нами; и такъ онъ оставался вовсе чуждымъ нашей бесѣдѣ.

Послѣ сытнаго и вкуснаго завтрака, мы простились. Я проводилъ дѣвушекъ до воротъ, гдѣ онѣ мнѣ сказали, что примлютъ кое-чего изъ съѣстнаго на дорогу. Когда я возвратился въ караульную, старикъ Тюменевъ объявилъ, что мы должны сего же дня отправиться въ путь. На мое замѣчаніе, что намъ здѣсь назначена дневка, онъ отвѣчалъ: «знаю; но вчера, когда Эссена былъ здѣсь, нашъ начальникъ, штабсъ-капитанъ Дашковъ (изъ

татаръ) докладывалъ ему, что васъ привели сюда, и онъ на это, говорить, сказалъ: «а! они уже здѣсь; такъ завтра же ихъ отравить». Можно себѣ легко вообразить, какъ больно было намъ, что этотъ жестокосердый человѣкъ лишилъ насъ днюшки въ такомъ гостепріимномъ мѣстѣ. Мы не могли понять, какъ можно человѣку въ такомъ высшемъ санѣ преслѣдовать людей столь ничтожныхъ и никогда лично его не оскорбившихъ. Не нужно объяснять что мы къ нему чувствовали.

Добрый старецъ Тюменевъ сказалъ намъ: «повѣрьте, господа, я съ прискорбіемъ выполняю это приказаніе; мнѣ бы хотѣлось еще денегъ провезти съ вами, но мы люди подначальные». Потомъ взявъ меня за руку, сквозь слезы продолжалъ: «простите меня, не сердитесь, я долженъ васъ заковать».

Мы всё усердно благодарили почтеннаго старца за искреннее его участіе, и старались увѣрить, что отнюдь не можемъ обвинять его, понимая совершенно обязанности службы, и еслибы были на его мѣстѣ, тоже бы сдѣлали. И такъ, въ сопровожденіи унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ насъ повели въ кузницу, гдѣ меня опять заковали съ Дружининимъ, а Тантикова и Z* порознь, потому что первый никакъ не соглашался быть вмѣстѣ съ ними скованнымъ. По возвращеніи, мы уклали наши вещи на приготовленную подводу и отправились въ походъ почти въ 11 часовъ.

Тюремный острогъ отъ города шагахъ въ 300. Мы не успѣли войти въ улицу, какъ множество людей столпилось около насъ, и такъ черезъ весь городъ насъ провожали. У немногихъ примѣтны были слезы; иные даже смѣялись; прочіе съ спокойнымъ видомъ двигались машинально, зѣвая на насъ съ однимъ глупымъ любопытствомъ. «Это не то, что въ Оренбургѣ!» сказалъ я Дружинину. Нѣкто оренбургской помѣщикъ г. Борисовъ, у котораго въ проѣздъ мой въ Уфу я нѣсколько разъ бывалъ, и котораго сынъ служилъ у насъ въ полку и былъ со мною коротко знакомъ,—вышелъ къ воротамъ своего дома съ разряженнымъ семействомъ, и не удостоилъ даже подойти къ намъ, хотя насъ раздѣляло только 20 шаговъ пространства, когда мы проходили мимо. За городомъ, шаговъ въ 100 отъ заставы, мы перешли черезъ оврагъ по мосту, и когда поднялись на гору, увидѣли милое семейство Тюменева. Мы съ Дружининимъ тотчасъ побѣжали къ нимъ. Они нарочно вышли, чтобы доставить намъ нѣсколько съѣстнаго на дорогу и проститься съ нами. Желая нѣсколько проводить насъ, эти добрыя дѣвцы просили идти тише и пошамъ съ нами. Замѣтивъ, что онѣ плачутъ, мы принялись развлекать ихъ, шутя надъ своимъ положеніемъ, и увивались около ихъ, какъ бы шли для прогулки. Одинъ предатель нашъ, оставленный всѣми, шелъ по другую сторону дороги и насмѣывался. Когда дѣвцы наши успокоились, стали спрашивать о сущности нашего дѣла: какъ Z* насъ предалъ? какъ насъ арестовали, какъ судили и засудили?

все имъ хотѣлось знать. Мы удовлетворили наскоро ихъ любопытству. Одна спросила наконецъ: какъ рассталась со мною матушка?—«О, ради Бога, не напоминайте о моей милой матушкѣ», сказала я, «не могу безъ горести вспомнить о ней!»—и слезы навернулись на глазахъ моихъ. Собраннымъ съ духомъ, я убѣдительно просилъ ихъ, чтобы онѣ къ ней написали. Онѣ не только это обѣщали, но хотѣли побывать у ней, и лично пересказать, какъ меня провожали,—потому что собирались вскорѣ въ Оренбургъ въ гости къ брату своему. Пройдя такимъ образомъ версты двѣ, мы наконецъ простались на вѣки съ этими добродушными дѣвцами. Онѣ дали намъ свою повозку, чтобы довезла насъ до первой станціи; «а тамъ», прибавила Авдотья Ивановна, «вы не будете нуждаться въ подводахъ»—и просила еще унтеръ-офицера, чтобы онъ позаботился объ этомъ и не допускалъ насъ нуждаться въ чемъ либо; при этомъ наказала доставить ей въ исправности письма, какія отъ насъ ему даны будутъ. На это на все унтеръ-офицеръ отвѣчалъ непреклоннымъ: «слушаю-съ!» Однимъ словомъ, эти милыя дѣвцы приняли насъ, угостили и проводили, какъ истинно родныхъ.

Пришедъ на станцію во время сумерекъ, мы узнали, что военный губернаторъ пробылъ здѣсь часовъ пять: онъ тутъ пилъ чай, отдыхалъ и прогуливался по деревнѣ. Мы заключили изъ этого, что онъ желалъ избѣжать встрѣчи съ нами и внутренно благодарилъ его.

Во все продолженіе нашего пути до Уфы, на разстояніи 121 версты, ничего замѣчательнаго не случилось. Унтеръ-офицерамъ своимъ мы были довольны какъ нельзя болѣе. Онъ вездѣ бралъ для насъ подводы, становился съ нами на хорошія квартиры, и во всѣхъ отношеніяхъ въ точности выполнялъ приказаніе и просьбу нашихъ благотворительницъ. На послѣднемъ уже ночлегѣ къ Уфѣ, нѣкто помѣщикъ Курбцовъ пріѣзжалъ въ деревню. Сперва походилъ по ней съ своимъ малевскимъ сыномъ; а потомъ увидѣвъ, что мы вышли на улицу и сѣли на завалянку, онъ подошелъ къ намъ, и, сказавъ нѣсколько словъ о погодѣ (!), уѣхалъ. Онъ пріѣхалъ посмотрѣть на насъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ глядятъ на заморскихъ звѣрей. Вотъ другой помѣщикъ встрѣчается намъ, и костунки одинаковы!

На этомъ ночлегѣ мы дневали. Я успѣлъ написать предлинное письмо къ гостепріимному семейству Тюменевыхъ, и просилъ приложенныя письма отъ меня къ матушкѣ и отъ Тапикова къ женѣ доставить лично. Я не забылъ также присовокупить нѣсколькихъ стиховъ, до которыхъ милыя дѣвцы—такія охотницы. Вручивъ все это унтеръ-офицеру, мы поблагодарили его за попеченіе о насъ десятью рублями, и онъ былъ очень доволенъ.

Когда мы выступили изъ деревни Камышлы, утренняя заря разостлала уже румянецъ свой по обширной долигѣ; звѣзды всё потухли, одна только

свѣтло-яркая денница играла на востокѣ: она то пряталась за мимолетное облачко, то опять разсыпала свои искрометные лучи по ясному небосводу. Вдали на западѣ сквозь зыблющийся мракъ снѣжились верхи высокихъ горъ. Дорога извивалась подлѣ небольшой рѣчки; долина была усѣяна мелкими кустарничкомъ, блѣдно-желтые листья коего предвѣщали близкую осень.

Не доходя до Уфы верстъ семь, мы увидѣли человѣка, который, сидя при дорогѣ, держалъ въ поводу лошадь. При нашемъ приближеніи, когда онъ могъ насъ распознать, онъ послѣшно сѣлъ верхомъ и поспекалъ въ городъ. Послѣ мы узнали, что это былъ посланный отъ уфимскихъ гражданъ, который два дни уже насъ караулилъ.

Когда мы пришли на берегъ р. Бѣлой, омывающей стѣны города Уфы, и остановились у самаго перевоза, намъ представилась очаровательная картина, которую мы, въ ожиданіи парома, имѣли время разглядѣть до пресыщенія. По скату высокой и довольно крутой горы, раздѣленной большимъ оврагомъ, въ глубинѣ котораго струится быстрая, небольшая рѣчка Уфа, небрежно разбросано множество домовъ и церквей разнообразной архитектуры. Тамъ, подъ желѣзною, крашеною крышею, возвышается огромное каменное зданіе съ каланчемъ, по всѣмъ признакамъ принадлежащее казѣ; тутъ видите и одноэтажный съ обширнымъ дворомъ и садомъ барскій домъ; здѣсь, съ золотыми главами величественно возвышающійся древній соборный храмъ; неподалеку тянутся каменные и деревянные ряды гостиннаго двора; далѣе видѣется деревянная полуразвалившаяся церковь, отъ времени уже совершенно почернѣвшая, мѣстами покрытая мхомъ и склонившаяся къ паденію. Между всѣми этими предметами разсѣяны безъ всякаго порядка дома жилищныхъ обывателей и хижины бѣдныхъ ремесленниковъ. Но главный предметъ, обратившій наше вниманіе, выглядывалъ изъ-за стропилъ вдали на лѣвомъ концѣ города—огромное каменное зданіе съ четырьмя башнями: это губернский тюремной замокъ, въ стѣнахъ котораго мы готовились провести нѣсколько дней.

Отдыхая на берегу, мы продолжали еще передавать другъ другу свои замѣчанія, при разсматриваніи этой разнообразной картины, какъ вдругъ раздались нѣсколько голосовъ: «паромъ! паромъ!». Вслѣдъ затѣмъ услышали зовъ нашего конвойнаго унтеръ-офицера. Мы тотчасъ встали и поспѣшили войти на паромъ. На немъ насъ довольно учтиво встрѣтилъ квартальной офицеръ. Когда отвалили, онъ просилъ насъ не подходить къ периламъ. Дружинникъ, всегда сохранявшій веселое расположеніе духа, отвѣчалъ ему на это смѣючись, чтобы онъ не беспокоился напрасно: «хотя мы сами и попались въ сѣти, однакожъ не имѣемъ ни малѣйшей охоты ловить раковъ». Офицеръ послѣ этого охотно разговорился и, между прочимъ, сказалъ, что другой уже день ждалъ насъ на паромѣ, и что въ го-

родъ очеь интересуется насъ видѣть. И дѣйствительно, когда мы стали приближаться къ другому берегу, народъ со всѣхъ сторонъ спѣшилъ къ пристани. Не успѣли мы сойти на берегъ, какъ всѣ почтительно сняли шляпы и поклонились намъ. Мы со своей стороны сдѣлали тоже, и какъ насъ повели, по грязнымъ какимъ-то улицамъ, напередъ къ этанному командиру, весь народъ слѣдовалъ за нами съ примѣтнымъ любопытствомъ и въ глубокомъ молчаніи. Такимъ образомъ, я увидѣлъ себя узникомъ въ стѣнахъ того города, въ которомъ еще столь недавно былъ веселымъ гостемъ! «Какое благодѣяніе Творца», подумалъ я, «что будущее сокрытъ отъ насъ непроницаемою завѣсою».

Записки В. III.

ФИЛАРЕТЪ ГУМИЛЕВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ

род. 1805 † 1866.

[Окончаніе].

V¹⁾.

Мы обозрѣли административную дѣятельность архіепископа Филарета Гумилевскаго въ хронологическомъ порядкѣ. Теперь въ такомъ же порядкѣ постараемся представить обозрѣніе его учено-литературной дѣятельности. Преосвященный Филаретъ началъ печатать свои труды изъ Риги. Вотъ эти труды:

Въ 1842 году: 1) Максимъ Грекъ. Историческое изслѣдованіе. (Москвитянинъ 1842 г. № XI, стр. 45—96). Здѣсь же приведены въ подлинникѣ два сочиненія Максима. Въ 1843 году: 2) Откуда коренные жители Лифляндіи первоначально получили христіанство—съ Востока или Запада? (Москвитянинъ, 1843 г., № VII, стр. 85—102). Къ 1843-му же году относятся: 1) Изысканіе о проповѣдникѣ XIII столѣтія, Владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ. (Прибавленіе къ Твореніямъ св. Отцовъ, 1843 г., Ч. 1-я). 2) Свидѣтельство временъ апостольскихъ о томъ, какъ должно писать имя Іисусъ и изображать крестъ (тамъ-же, ч. 1-я). Въ 1845 году: 3) Нѣсколько словъ о книгѣ Стоглавъ. (Москвитянинъ 1845 г., № 12, стр. 136—139). Въ 1846 году: 4) Кирилъ и Меодій, славянскіе просвѣтители. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россіи при Московскомъ Университетѣ, годъ 2-й, 1846—1847, книга 4).

(Рецензія въ „Отечеств. Зап.“ 1847 г., т. 50, отд. VI, стр. 101). 5) Дополненіе къ статьѣ „Кирилъ и Меодій, славянскіе просвѣтители“ (Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, годъ 2-й, 1846—1847 г., кн. 5). Статья эта была переведена на нѣмецкій языкъ и напечатана въ Митавѣ въ 1848 году отдѣльною книгою. Вся статья перепечатана въ книгѣ: „Кирило-Меодіевскій Сборникъ“. М. 1865 г., стр. 43—80. Говорили, что эта статья напечатана по нѣмцамъ въ Лейпцигѣ 1847 г. (Справочный Энциклопедическій Словарь Старчевскаго. С.-П. 1848 г. т. XI, стр. 92). Въ 1847 году: 6) Богослуженіе рус-

¹⁾ См. „Русская Старина“. изд. 1881 г., т. XXX, (апрѣль), стр. 781—798.

свой церкви до монгольскаго времени (Чтен. въ Общ. Ист. и Древн., годъ 2-й, 1846—1847 г., кн. 7-я). Отдѣльные оттиски—М. 1847 г. 42 стр.

Рецензія г. Кавелина въ „Современникѣ“ 1847 г. т. III, въ статьѣ о 7 книгѣ „Чтеній“; перепечатана въ „сочиненіяхъ Кавелина“ М. 1839 г. т. 2, стр. 383. Кромѣ собственныхъ изслѣдованій, еп. Филаретъ сообщилъ въ редакцію „Чтеній“ нѣсколько памятниковъ древней русской письменности, снабдивъ ихъ своими примѣчаніями.

7) Содержаніе рукописи „Златая Чепь“, принадлежащей началу XIV в. (Чт. Общ. Истор., годъ 2-й, 1846—1847, книга 2-я). 8. Посланіе Геннадія Іоасафу, Архіепископу Ростовскому и Ярославскому („Чтенія“, годъ 2-й, 1846—1847, кн. 8-я).

9) Содержаніе посланія Іосифа Волоколамскаго къ Ивану Ивановичу (Челднину). („Чтенія“, годъ 2-й, 1846—1847, книга 8-я).

10) Сличеніе лютеранства съ православіемъ, разосланное священникамъ рижской епархіи. „Черниговскія Епархіальныя Извѣстія“, 1868 годъ, № 19-й, стр. 865—911. Изд. послѣ смерти преосвящ. Ф. И. Дмитревскаго.

11) Исторія русской церкви. (Исторія эта выходила не по порядку періодовъ; такъ, 4 періодъ (патріаршество) напечатанъ прежде всѣхъ (въ Рязѣ 1847 г.), потомъ вышелъ третій періодъ (въ Москвѣ, 1847 г.), второй же періодъ явился уже послѣ 4-го и 5-го; но какъ періоды ея стали выходить въ свѣтъ съ 1847 года, то мы, не желая дробить заглавія, отводимъ годъ 1847 годомъ мѣсто всей „исторіи“ въ порядкѣ періодовъ). Періодъ 1-й. Отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ, (988—1237). М. 1848 г. VIII и 175 стр. Второе изданіе, Харьковъ, 1849 г. Третье изданіе, М. 1857. Четвертое изданіе, М. 1859. 304 стр. Періодъ 2-й Монгольскій. Отъ опустошенія Россіи Монголами до раздѣленія Митрополіи (1237—1410) М. 1848 г. 127 и 111 стр. Второе изданіе, М. 1852. Періодъ 3-й. Отъ раздѣленія митрополіи до учрежденія патріаршества (1410—1588) М. 1847 г. 180 и 4 стр. Второе изданіе, М. 1851 г. Періодъ 4. Патріаршество (1588—1720) Рига. 1847 г., 117 стр. Второе изданіе, Харьковъ, 1853 г. 326 стр. Періодъ 5-й. Синодальный періодъ (1721—1826). М. 1848. Второе изданіе. М. 1859 г. 140 и VIII стр. Первые четыре періода „Исторіи Русской церкви“ вышли третьимъ изданіемъ. М. 1857; къ нимъ присоединился пятый томъ то въ изданіи 1848 г., то въ изданіи 1859 г. Всѣ пять періодовъ вышли четвертымъ изданіемъ, въ двухъ томахъ, Черниговъ, въ 1862 г. Въ первый томъ вошли періоды 1 и 2; а во второй томъ—періоды 3, 4 и 5. VIII и 175 и III; 180 и IV; 216 и IV; 140 и VI и II стр.

Рецензіи (какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, указываются въ алфавитномъ порядкѣ періодическихъ изданій, для облегченія читателя въ случаѣ поправокъ и дополненій къ этому списку): а) „Голосъ“, 1864 г. № 52. б) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1848 года, часть 57, отд. VI, стр. 96. в) Извѣстія 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, 1854 г., томъ 3, стр. 40; 1858 г., томъ 6, стр. 77—78, замѣтка г. Чистовича объ „Исторіи Русской Церкви“ Епископа Макарія, сравнительно съ Исторіей Русской Церкви Епископа Филарета;—1858 г., т. 7, стр. 321. г) Въ „Исторіи Рус. церкви“ Архiep. Макарія встрѣчается не мало замѣчаній и поправокъ къ разнымъ трудамъ Преосвящ. Филарета. Вотъ эти поправки: т. 1. стр. 22, 25, 27, 37, 38, 79, 82, 143, примѣч. 69, 77, 87, 113, 117, 207, 215, 290. Т. II, стр. 5, 7, 253, примѣч. 6, 18, 512. Т. III, стр. 6, 8, прим., 4, 11.

Т. IV, стр. 174, примѣч. 220; стр. 305—306, прилож. № 1, стр. 337. № 15. Т. V, стр. 19, примѣч. 22; стр. 20, прим. 25, стр. 92, прим. 123. д) Москвитанинъ, 1848 г. № 1; Письма къ Редактору по поводу рецензій на „Исторію Русской Церкви“, Москвит. 1849 г., часть III, стр. 89, ч. 64, отд. VI, стр. 241. е) Отечественныя Записки, 1848 г. т. 56, отд. V, стр. 59; отд. VI, стр. 132 (о періодѣ патриаршества); 1848 г. т. 59, отд. VI, стр. 49 (о третьемъ періодѣ); 1849 г., т. 62, отд. VI, стр. 77. ж) Русская Бесѣда 1859 г. т. III (книга 15). Критика, стр. 2,—краткій, но мѣткій отзывъ—Н. Гилярова. з) Русскій Вѣстникъ 1860 г., т. 25, № 4, стр. 238—245, статья А. Н. Аванасьева. и) Современникъ 1849 г., т. 14, Русская Литература, стр. 71—84; т. 15, Библиографія, стр. 1—26,—двѣ статьи А. Н. Аванасьева. і) Смыч Отеч., 1848 г. № 11, стр. 1—78, статьи Савельева-Ростиславича: „Разборъ мѣткій М. Пододина о началѣ Руси (въ защиту исторической правды и автора „Исторіи Русской Церкви“). к) Сѣверное Обзорѣніе, 1848 г. т. 1, стр. 36—60.

12) О крестномъ знаменіи (вѣроятно конфисковано).

Когда авторъ поднесъ московскому владыкѣ: „Исторію Р. Церкви. Періодъ четвертый: патриаршество въ Россіи“, тотъ письменно благодарилъ его такъ: „Благодарю за Исторію патриаршества. Мнѣ пріятно было видѣть, что ей отдали справедливость и свѣтскіи судіи“ (отъ 14 января 1848 г.).

Сочиненіе же „о крестномъ знаменіи“ подверглось осужденію московскаго владыки. Мы уже приводили отзывъ о немъ. Оно названо сто шестымъ доказательствомъ въ пользу двухъ перстнаго сложенія. Филаретъ Гумилевскій увидѣлъ изъ письма, что въ Москвѣ поднимается противъ него тревога. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту Филарету онъ извинялся, умолялъ „не обвинять его въ тщеславіи“ и объяснялъ, что имя его поставлено подъ статью безъ его согласія, потому только, что редакція знала автора—подъ рукописью же не было его имени. Филаретъ прислалъ (въ письмѣ отъ 14 января 1848 года) автору наставленіе, что въ предметахъ „сего рода“ нужна особенная осторожность. Въ томъ же году „пятый періодъ Исторіи Церкви русской (третье изданіе): Синодальное Управленіе“ обезкуражилъ составителя „Исторіи Россійской церкви“ А. Н. Муравьева. По своему обыкновенію, сей авторъ многихъ твореній религіознаго характера, писалъ о рижской исторіи ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и къ московскому митрополиту, на что послѣдній (отъ 27 декабря 1848) года) писалъ ему слѣдующее: „Преосвященнаго рижскаго, что нынѣ харьковскій, Исторія времени синодальнаго управленія можетъ быть любопытна; но за нее сдѣлано подтвержденіе цензорамъ, что бы историческихъ сочиненій относительно сего вре-

мени не пропускали безъ разрѣшенія Святѣйшаго синода. Отсюда происходитъ вопросъ: надлежало ли спѣшить одному и останавливать всѣхъ, или не спѣшна осмотрѣть свою дорогу, чтобы незагородить ее другимъ? Понятно, что на дорогѣ епископу Филарету стоялъ Муравьевъ. Но выпускъ въ свѣтъ „Синодальнаго періода“ не ограничился однимъ подтвержденіемъ цензурѣ. Пропустившій ее протоіерей Тимошей О. Никольскій долженъ былъ въ 1848 году оставить эту должность. Автору также угрожала опасность, чего онъ и боялся. Но дѣло обошлось благополучно и тревога, поднятая по этому случаю, только послужила въ распространенію книги. Такъ что въ концѣ 1848 года V томъ Истории Русской Церкви въ провинці составлялъ большую библиографическую рѣдкость. Впослѣдствіи времени стали подъ секретомъ появляться и списки съ письма митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову. Въ списокѣ, имѣющемся у насъ подъ рукою, значится слѣдующее:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Отъ 27 октября 1848 года ваше сіятельство конфиденціально требовали моего мнѣнія о V томѣ Истории Русской Церкви, въ которомъ описывается періодъ синодальнаго управленія, не нужно ли, что бы сіе сочиненіе, на случай новаго изданія, было въ чемъ либо исправлено. Отъ 25 декабря того же года ваше сіятельство уведомили меня, что объ означенной книгѣ и о сдѣланномъ мнѣ требованіи доведено до Высочайшаго свѣдѣнія. Впрочемъ не объявлено мнѣ Высочайшаго повелѣнія по сему предмету. Дѣло надлежало начать покупкою книги, дотолѣ мнѣ неизвѣстной. Ноелику болѣе необходимыя и неизбѣжныя дѣла службы обыкновенно наполняютъ малую мѣру силъ моихъ и истощаютъ время, то долго не могъ я приступить къ дѣлу, которое въ томъ только случаѣ могло пасть на мои руки, если свою необходимую и неизбѣжную обязанность недовольно внимательно исполнилъ членъ Санктъ-Петербургской духовной цензуры протоіерей Никольскій. Прошу снисходительнаго сужденія о моемъ умедленіи. Въ книгѣ епископа, проникнутой духомъ благочестія и ревности вѣрѣ и правдѣ, отмѣчать мѣста неудовлетворительныя — неприятная обязанность. Черты книги, съ которыми я не могу согласиться, большею частію произошли отъ неудержанной ревности по вѣрѣ и правдѣ, увлекшей сочинителя въ сужденіямъ и выраженіямъ въ избыткѣ строгимъ и рѣзкимъ. Препровождаемое при семъ показаніе мѣстъ сей книги,

по моему мнѣнію, требующихъ пересмотра, да не будетъ принято въ предосужденіе сочинителю, отъ котораго, какъ перваго и поспѣшнаго опыта, нельзя требовать, что бы въ немъ до послѣдняго слова все имѣло полноту и точность. Поэтому въ моихъ замѣчаніяхъ я не преслѣдовалъ всего, что можетъ оказаться неполнымъ или неточнымъ, и останавливался особенно на тѣхъ мѣстахъ, которыя подлежатъ воззрѣніямъ не съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ сочинитель, и въ семь случаевъ могутъ производить неблагопріятныя впечатлѣнія. Съ истин. почт^н. и проч. 27 декабря 1851 года.

Не смотря на такую защиту московскаго митрополита и на то, что первые четыре періода „Исторіи Церкви“ вышли уже въ 1857 году третьимъ изданіемъ, „періодъ синодальнаго управленія“ въ новомъ, а не старомъ изданіи пропущенъ С.-Петербургскою духовною цензурою только въ 1859 году, послѣ смерти императора Николая Павловича. Въ продолженіе 11-ти лѣтъ книга эта сдѣлалась такою рѣдкостію, что въ 1860 году не было уже ея у самого автора ни одного экземпляра.

Въ 1848 году: 13) Святый Великомученикъ Дмитрій Солунскій и Солунскіе Славяне (Чтенія въ Общест. Исторіи и Древностей, годъ 3-й, 1847—1848, кн. VI). 14) Блаженнаго Іоанна Моска Лугъ Духовный, въ переводѣ съ греч. языка. М. 1848. Второе изданіе, М. 1853 года. Въ 1850 году: 15) Посланіе Льва, Митрополита Россійскаго, въ Римлянамъ или Латинянамъ, объ опрѣсноккахъ, со свѣдѣніями о сочинителѣ посланія. (Временникъ, 1850 г., книга V.) 16) Слова и Бесѣды, говоренныя въ Ригѣ. Москва 1850 г. 2 части. Въ 1852 году: 17) Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи (выходило въ разное время). Отдѣленіе 1-е. Краткій обзоръ епархіи и подробное разсмотрѣніе монастырей. М. 1852 г. 266 стр. Второе изданіе, Харьковъ, 1959 г., 322 столбца. Отдѣленіе 2-е. Уѣзды Харьковскій и Валійскій. М. 1856 года, 334 столбца. Отдѣленіе 3-е. Уѣзды Ахтырскій, Богодуховскій, Сумскій и Лебединскій. М. 1865 года, 606 столбцовъ. Отдѣленіе 4-е. Чугуевскіе округа военнаго поселенія. Уѣзды Зміевскій и Волчанскій. Харьковъ, 1857 г., IV и 336 столбцовъ. Отдѣленіе 5.—Уѣзды Изюмскій, Кулянскій и Старобѣльскій. Кулянскіе и Старобѣльскіе округа военнаго поселенія. Харьковъ, 1858 г., IV и 462 столбца.

Рецензіи: а) Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества 1859 г., т. 27, № 10, отд. IV, стр. 31—43. б) Извѣстія 2-го Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ 1859 г., т. VIII, вып. 1, стр. 58—59.

Въ 1854 году, равно какъ и въ другихъ годахъ „Воскреснаго Чтенія“ встрѣчаемъ нѣсколько бесѣдъ и словъ преосвященнаго Филарета, которыя вошли въ позднѣйшее изданіе его „Словъ“. Смотр. Слово въ недѣлю 3-ю по пятидесятницѣ; Слова въ 16 день

августа, въ день Воздвиженія, въ недѣлю 24 и бесѣды на псаломъ 50 (Воскр. Чт. 1854 г. №№ 11, 19, 23, 32 и 47—50).

Въ 1856 году: 18) Житіе преподобнаго отца нашего игумена печерскаго Феодосія († 3 мая 1074), описанное преподобнымъ Несторомъ, въ переводѣ на современный русскій языкъ. (Ученныя Записки 2 отд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1856, кн. 2, вып. 2, стр. 129—192).

Рецензіи: Русскій Вѣстникъ 1856 г., т. III, № 12, іюнь, кн. 2, Современная Лѣтопись, стр. стр. 261—263, статья Н. Попова. 19) Слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ, М. 1856. Второе изданіе, съ переводомъ малорусскимъ. Черниговъ, 1850 г. 8°, 12 стр. Въ 1857 году: 20) Обзоръ русской духовной литературы, съ 862 по 1720 г. (Ученныя Зап. 2 Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1857 г. кн. 3, стр. 1—300). Отдѣльные выпуски—Спб. 1857 г. Второе изданіе. Харьковъ, 1859 г. 447 стр. Приложенія: 1) Алфавитный указатель писателей, составленный самимъ авторомъ; 2) Алфавитный указатель сочиненій, составленный Н. А. Добролюбовымъ и 3) Хронологическій указатель писателей и произведеній, составленный М. И. Сукомлиновымъ. Рецензіи: а) Духовный Вѣстн., 1862, № 7, ст. И. Сербинова. б) Извѣстія 2-го отд. Имп. Академіи. Наукъ, 1858 г., т. 6, выпускъ 1, стр. 92—96, ст. П. Саввантова; вып. III, стр. 223—247, ст. И. Чистовича; томъ 8, 1858 г., вып. III, стр. 161—185, стат. епископа Макарія о сочиненіяхъ митрополита Кіевскаго Бирилла II (перепечатана въ „Исторіи Русской Церкви“ архіеп. Макарія. Спб. 1866 года, т. V. Приложение № IV, стр. 383—408); 1859 г., томъ VIII, вып. III, стр. 226. в) Исторія Русск. Церкви, архіеп. Макарія, т. V, стр. 9, прим. 7; стр. 19, пр. 22; стр. 20, пр. 25; стр. 123—129, прим. 205; стр. 153, пр. 218;—стр. 181, пр. 248; стр. 385, пр. 2; стр. 386, пр. 5; стр. 396, пр. 21; стр. 405, 407, 419 и 421. г) Отеч. записки, 1857, т. 112, № 6, отд. 2, стр. 75—87, ст. А. Н. Пыпина. д) Русскій Вѣстникъ, 1857 г., т. X, № 15, стр. 322—392, ст. Н. И. Буслаева „о народности въ древнерусской литературѣ и искусствѣ“; перечислено въ „Историческихъ Очеркахъ“, Буслаева, т. 2, стр. 64; замѣчанія на эту статью—Русская Бесѣда, 1857. № 4 (книга 8) отд. III, стр. 79—108, ст. Ив. Кр...нева, и С. Отечества 1857, № 45 е) Странникъ, 1862, № 9, отд. III, стр. 109. 21) Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего І. Христа. 2 части, М., 1857 г. 222 и 220 стр. Второе изданіе, Спб. 1859. 2 части (съ портретомъ автора), 220 и 220 стр. Рецензіи: а) Духовная Бесѣда, 1857, № 37. б) Странникъ, 1860, № 3, отд. III, стр. 71, стат. М. Архангельскаго. 22) Гласъ Божій къ грѣшнику. Поученія. Чугуевъ. 1857 г. 165 стр. Изданіе 3-е, Черниговъ, 1860 г. II и 168 стр. Въ 1858 году. Разборъ сочиненія г. Смирнова: „Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“ (въ брошюрѣ: 25 присужденіе Демидовскихъ наградъ, 17 іюня 1857 г.) Спб. 1858, стр. 171—176). 24) Исслѣдованіе о смерти царевича Димитрія (Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей 1858 г., книга 1-я). Отдѣльные оттиски—М. 1858 г. 32 стр. Въ 1859 году: 25) Библейскія книги 1507 года (извѣстія 2-го Отдѣленія Импер. Ак. Наукъ, т. 8, вып. 2, стр. 144—149). 26) Рязанскіе іерархи, двѣ статьи (Христіанское чтеніе 1859 года, т. 1, №№ 2 и 5, стр. 178—184 и 351—393). 27) Слова и Бесѣды. Спб. 1859. Три части. III и 374, III и 425, III и 444 стр. (съ портрет. автора). Второе изданіе, 4 части, Черниговъ. 1863 г. II, 196, 225, 179 и 175 стр. Рѣчь при первомъ посѣщеніи Новозыбковскихъ единоверческихъ церквей (Христ. Чт. 1859 года, т. 2, стр. 494, переп. въ Черн. Епарх.

Изв. 1861 г. № 1-й). Пять словъ преосвященнаго архіепископа Филарета (Въ книгѣ: „Избранныя поученія 12-ти архипастырей русской церкви, съ ихъ портретами“. М. 1861 года, 444 стр.) Рецензія въ Дух. Вѣстн. 1862 г. № 3. 28) Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Спб. 1859 г. Три тома, XXX, 240 и IV, VIII и 384, VIII и 450. Рецензіи: а) Духовный Вѣстникъ, 1864 г., т. VIII, статья И. Сербинова. б) Извѣстія 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ 1860 г., 9, стр. 52—54. в) Отечественныя Записки, 1859 г. № 10, стр. 101—112, ст. П-скаго. г. С.-Петербургскія Вѣдомости 1859 г. № 242. д) Странникъ 1860 г., № 1-й, отд. III, стр. 7—13, ст. М. Архангельскаго. Въ 1860 году: 29) Исторія Русской Церкви. Спб. 1860 г. 144 и VI стр. (сокращеніе обширной исторіи его-же). Рецензіи: Христианское Чтеніе 1861 г. ч. 2, отд. III, стр. 97—109. 30) Геннадій, патріархъ Константинопольскій (XV вѣка). (Правосл. Обзорѣніе 1860 г. т. 1, № 4, стр. 511—534). 31) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви, съ примѣчаніями и снимкомъ древнихъ нотныхъ знаковъ. Спб. 1860 г. IV и 358 стр. Второе изданіе дополн., Черниговъ 1864 г. VI, II неч. 464 и II неч. стр. Рецензіи: а) Духовный Вѣстникъ, 1862, № 1, ст. Сербинова (О критикахъ г. Сербинова см. въ книгѣ А. Бухарева: „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ жизни и мысли, особенно русской“. М. 1865 г., стр. 386—407. Возраженіе на эту статью г. Сербинова въ Черниговск. Епархіальныхъ Извѣст. 1865 г. № 8, Журналистика, стр. 244—246) б) Извѣстія 2 Отд. Имп. Академіи Наукъ 1861 г. т. X, стр. 56. в) Странникъ. 1862 г. № 12, отд. III, стр. 189, ст. П. Матвѣевскаго. 32) Черниговскіе іерархи. (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1860 г. кн. 2, стр. 169—281). Это отрывокъ изъ „Общаго обзора епархіи Черниговской“, вышедшаго въ 1861 году. 33) Историческія свѣдѣнія о раскольникахъ Черниговской епархіи. (Труды Кіевск. Дух. Академіи 1860 г., кн. 3, стр. 205—235). Въ 1861 году: 34) Обзоръ русской духовной литературы, 1720—1858 г. (умершихъ писателей). Спб. 1861 года, 212 стр. Второе изданіе, дополненное, 1720—1858 г. Черниговъ. 1863 г. 310 стр. Рецензіи: а) Библиографич. Записки, 1861 года, т. 3, № 7, столбцы 203—205. б) Духовный Вѣстн., 1862 г. №№ 8, 9, 10, 11 и 12, ст. С. Пономарева. Объ нихъ Записки Имп. Акад. Наукъ, т. 4, кн. 1, Спб. 1863 года, стр. 87—91, статья академика Певарскаго. в) Извѣстія 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, т. X, вып. 1, стр. 56—57 г. Книжный Вѣстникъ, 1861 года, № 9, стр. 6, № книги 957. д) Православное Обзорѣніе, 1862 г. № 3, ст. Ф. Алексѣева (Терновскаго). е) Странникъ 1862 г. № 9 отд. 3, стр. 109, ст. А. Филонова; 1863 г. № 5, отд. III, стр. 24. 35) Общій обзоръ епархіи Черниговской. (О языческихъ обитателяхъ края и началѣ христіанства; о іерархахъ; объ округѣ епархіи и состояніи паствы; о расколѣ) Черниговъ. 1861 г. 134 стр. 36) Каендральные Черниговскіе монастыри: Ильинскій (Троицкій), Елецкій и Борисоглѣбскій (съ приложеніемъ нѣсколькихъ неизданныхъ сочиненій Св. Димитрія и многихъ грамотъ и плановъ древняго Чернигова. Ч. 1861 г., 178 стр. 37) Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. Мѣсяцы: январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, июнь, июль, августъ и сентябрь. Ч. 1861—65 г. 150, 144, 154, 138, 194, 150, 174, 152 и 208 стр. Отдѣленіе III, мѣсяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Съ хронологическимъ указателемъ святыхъ. Второе изданіе. Черниговъ 1865 г. IV неч. 612, 12 и 14 стр. Рецензіи: а) Духовный Вѣстн. 1862 г. № 5 п 9, ст. И. Сербинова. б) Отечеств. Записки, 1863 г. № 9. в) Странникъ 1863 года, № 7. Отд. III, стр. 1, ст. П. Матвѣевскаго. г) Исторія Русской

церкви, архіеп. Макарія, т. IV, стр. 141, пр. 251; стр. 194, прим. 258; стр. 255, прим. 357; стр. 318 и 319, прил. № VI; стр. 320, прил. № VII; стр. 337, прил. № XIV.

Преосвященный Филаретъ первый завелъ мѣстный епархіальный печатный органъ въ Черниговѣ, издающійся и до сихъ поръ: это „Епархіальная Извѣстія“, начавшіяся изданіемъ съ іюля 1861 года.

Такому плодovitому ученому, каковъ былъ Филаретъ, невозможно было обойтись безъ своей типографіи, и вотъ онъ открываетъ таковую въ 1862 году при Ильинскомъ монастырѣ. Съ этого времени начинается самый богатый періодъ для мѣстнаго епархіальнаго органа, выходившаго почти при исключительномъ сотрудничествѣ преосвященнаго. Вотъ перечень статей Филарета этого времени и изданій, вышедшихъ изъ мѣстнаго тисненія:

3-) Письма пресвященнаго Лазаря Барановича, архіепископа Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, переводъ многихъ писемъ съ польскаго языка и примѣчанія въ объясненіе содержанія. (Черн. Епархіальная извѣстія 1861 года и слѣд. до 1865 включительно). Изданы отдѣльно. Письма съ польскаго языка всѣ переведены, по порученію преосвященнаго, протоіереемъ Страдомскимъ; редактированы же самимъ преосвященнымъ. Подлинный переводъ писемъ у насъ подъ рукою. 39) Когда должно начинать воспитаніе чловѣка въ вѣрѣ? (Черн. Еп. изв. 1861 г. № 1, перепечатано въ Душеполезномъ Читеніи 1861 г., № 5; въ Домашней бесѣдѣ 1861 г. № 20). Есть и отдѣльные оттиски (см. Книжн. Вѣст. 1861 г., №№ 14, 15, стр. 207, № книги 1282). 40) Что стоитъ весь день праздни? (тамъ же). 41) Описаніе новгородсѣверскаго спасопреображенскаго первокласснаго мужскаго монастыря (тамъ же, №№ 1, 2, 3, 5). 42) Библиографія: а) св. Евангеліе на русскомъ языкѣ; б) книга премудрости Іисуса Сына Сирахова, в) Обзоръ четвероевангелія, Гречулевича; г) Обзорѣніе посланій св. апостола Павла къ Коринтянамъ, М. Голубева (тамъ же № 1). Рѣчь при посѣщеніи Новозыбковскихъ церквей (Черн. Еп. изв. № 1) и слова на разные дни (Черн. Еп. изв., 1861 года, № 2, 7 и 1862 года, № 15, 17—18), равно и слова о пришествіи Мессіи (1861 года, №№ 9, 10, 11, 12 и 1862 г. № 1 и 2), вошедшія въ изданіе „Словъ“ 1863 года. 43) Явленіе Господа Савлу (тамъ же № 2). 44) Объ употребленіи дара слова (тамъ же). 45) Некрологъ: архимандритъ Вenedикт Курковскій, настоятель Новгородсѣверскаго монастыря (тамъ же). 46) Новое вино въ ветхихъ мѣхахъ (тамъ же). 47) Вѣрность въ маломъ (тамъ же). 48) Св. иконы первыхъ шести вѣковъ (тамъ же). 49) Голосъ русскаго въ защиту Греческой церкви (тамъ же). 50) Событія на о. Критѣ въ 1860 году (тамъ же). 51) Библиографія: а) Исторія церкви, Чельцова; б) М. Богословскаго: Св. исторія; в) Начертаніе житія св. Филиппа, митр. московскаго; г) Сказаніе о св. князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго; д) Общежительная Саровская пустынь, Іеромонаха Авеля; е) Воспоминанія полонника св. гроба, В. Каминскаго (тамъ же). 52) Авгарь, князь Эдесскій и нерукотворенный образъ Спасителя (тамъ же, № 4). 53) Правила для монашествующихъ (Черн. Епарх. извѣстія

1861 г., № 4). 54) Постановления о церковномъ причтѣ (тамъ же. Последніа перепечатаны почти во всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, въ официальной части). 55) Содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и духовенства (тамъ же, № 5, извлеченіе изъ статей „Странника“ 1861 года, №№ 5 и 6, съ примѣчаніями Филарета). 56) Библіографія: а) Обличительное Богословіе архимандрита Иннокентія; б) О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, свящ. Венескриптова; в) Ученіе православно-католической вѣры въ бесѣдахъ; г) Премудрость и благодать Божія въ судьбахъ міра и человѣка; д) Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій, Ор. Новицкаго (тамъ же, № 6). 57) Нѣжинскій мужескій монастырь; при немъ неизданныя сочиненія Стефана Яворскаго (тамъ же, №№ 6, 7, 9, 10, 11). 58) Посланія св. Игнатія Богоносца (тамъ же, № 8). 59) Библіографія: а) Писма къ друзьямъ съ аеонской горы, инока Мелетія; б) О необходимости священства, св. Ан. Предтеченскаго; в) Истинно древняя и истинно православная церковь Христова, митроп. Григорія (тамъ же, № 8). 60) Нѣсколько вопросовъ (тамъ же). 61) Библіографія: Торжество христіан. ученія надъ Тамудомъ, (тамъ же, № 10). 62) Два сына неодинаковыя, МѠ. 21, 28—31 (тамъ же, № 11). 63) Умъные жьтѣ (тамъ же, № 12). 64) „И мы туда пойдемъ“ (тамъ же); 65) Библіографія: а) Нравственное Богословіе, костромскаго епископа Платона; б) Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ при совершеніи таинства покаянія, его же; в) Литургика, св. Д. Смолодовича; г) Литургика, А. Черняева; д) Аеонскій Патерикъ; е) Слова къ пастырь Вологодской, преосв. Иннокентія; ж) Христіанскія начала, Тирша, з) Приготовленіе къ исповѣди, протоіерея Богословскаго; и) Избранныя слова и рѣчи прот. Раевского (тамъ же).

Въ 1862 году: 66) Ложные пророки (Черниг. Епарх. извѣст. № 1, стр. 7). 67) Самовольное учительство (№ 2, стр. 57). 68) Завѣщаніе св. Евфрема, переводъ съ сирскаго текста, съ примѣчаніями (№ 5, стр. 155, № 6, стр. 179). 69) Душе моя, душе моя! востани, что спиши? (№ 5, стр. 167). 70) Се женихъ грядетъ въ полночи... Блюда убо душе моя! (№ 6, стр. 167). 71) Сельскій пастырь (№ 8, стр. 251, по поводу повѣсти въ Современникѣ 1861 года: „Грязь и золото“). 72) Не бойся, я съ тобою (№ 9, стр. 283). 73) Братства (№ 10, стр. 315). 74) Толкъ слободскихъ раскольниковъ о книгахъ (№ 10, стр. 329). 75) Къ біографіи Черниговскаго епископа Антонія Стаховскаго (№ 8, стр. 278). 76) Діакониссы (№ 10, стр. 344). 77) Не довѣрай себѣ (№ 11, стр. 363). 78) Не унижай другого (№ 11, стр. 368). 79) Къ четвертому пункту езуитской инструкціи (№ 12, стр. 424). 80) Погребенія иновѣрцевъ священникомъ (№ 12, стр. 427, по поводу Чеховъ въ Диканькѣ). Къ жизни Стефана Яворскаго (№ 12, стр. 456). 82) Замѣтки о свящ. Писаніи (№ 1, стр. 14, четыре статьи 1, 3, 4 и 5; № 3, стр. 103; № 7, стр. 217; № 10, стр. 336; № 16, стр. 511; 22 замѣтки). 83) Замѣтки современности (№ 16, стр. 516). 84) О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ. (№ 17, стр. 546). 85) Ученіе ап. Павла объ антихристѣ (№ 19, стр. 608). 86) Христіанская свобода (№ 20, стр. 647). 87) Народная мудрость. Собраніе основницъ о Божествѣ, о вѣрѣ, о спасеніи, о тѣлбахъ (№ 20, стр. 656). 88) О посланіи ап. Павла къ Галатамъ (№ 21, 695; № 22, стр. 73; № 23, стр. 775. Вышло отд., книгой, подъ заглавіемъ: „Опытъ объясненія на посланіе ап. Павла къ Галатамъ“. Ч. 1862 г. 174 стр.). 89) Акты униі 1742—1747 г. (№ 1 стр. 26; № 4, стр. 134; № 8, стр. 265; № 9, стр. 294; № 10, стр. 352 и № 11, стр. 391). 90) Объясненіе молитвы Господней (№ 3, стр. 87; № 4, стр. 193; № 5, стр. 162; № 6, стр. 190; № 7, стр. 223). 91) Думницкій Богородичный монастырь

(№ 1, стр. 36; № 3, стр. 111). 92) Глуховскій монастырь (№ 4, стр. 149 и № 5, стр. 171). 93) Рыжловскій монастырь (№ 7, стр. 234; № 13, стр. 463 и № 15, стр. 495). 94) Козелецкій Георгіевскій монастырь (№ 16, стр. 519; № 17, стр. 556 и № 18, стр. 593). Вышло отдѣльно, подъ заглавіемъ: Козелецкій Георгіевскій третьеклассный муж. монастырь, ч. 1862 года. 36 стр. 95) Крутицкій монастырь св. Николая (близъ Батурина). (№ 21, стр. 703 и № 22, стр. 748) 96) Гамалѣвскій Харалампіевъ монастырь (№ 23, стр. 795 и № 24, стр. 834). Вышло отдѣльно того-же года. 97) Нѣжинъ и его уѣздъ (№ 19, стр. 625; № 20, стр. 674. 98) Полезныя и вредныя члены въ обществѣ, переводъ изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго (№ 22, стр. 727). 99) Обученіе въ народныхъ школахъ (№ 23, стр. 783). 100) Къ вопросу о сектантахъ Тамбовской губерніи (№ 23, стр. 789 и № 24, стр. 817). 101) Библиографія: а) книга Іова въ русскомъ переводѣ, съ краткимъ объясненіемъ (№ 3); б) Историческое описаніе Тамбовской епархіи, сочин. святиц. Хитрова, в) Христіанскіе мученики, пострадавшіе на востокѣ, со времени завоеванія Константинополя турками; г) Объ измѣненіяхъ въ чинѣ литургій, указанныхъ въ „поморскихъ отвѣтахъ“ и въ „мечѣ духовномъ“, сочин. Игумена Варлаама; д) Письма о расколѣ, Мельникова (все въ № 10); е) Богослуженіе, праздники и обряды нынѣшнихъ евреевъ, соч. А. Алексѣева (№ 12); ж) Слова ректора Спб. Дух. Акад. Теофана; з) Слова къ Тамбовской паствѣ, его же (№ 18); и) Отвѣты на возраженія противъ вѣры истинной (№ 18); і) Духовнонравственная хрестоматія, А. Невскаго; к) Дѣтскій міръ, Ушинскаго (№ 18). 102) Извѣстія современныя (тамъ же, стр. 452, 491, 562, 590, 646, 665 и 825). 103) Запѣчанія на прозекъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на прозекъ общаго плана устройства народныхъ училищъ (Въ книгѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, Спб. 1862 г. ч. 1, стр. 1—5). 104) Запѣчанія на прозекъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ (Въ книгѣ подъ такимъ же заглавіемъ, Спб. 1862 года, ч. 1, стр. 21—22). Въ 1863 году: 105) Черниговъ. Ч. 1863 г. 80 стр. 106) Рѣчь къ дворянамъ, при приводѣ ихъ въ присягѣ, во время выборовъ (Черн. Еп. изв. 1863 г., № 12, стр. 385 и Страники 1863 года, № 6, отд. IV, стр. 84). 107) Дополненія къ „Обзору русской духовной литературы 862—1720“ (Черн. Еп. Извѣст. 1863 г. №№ 16, 17, 18, 20 и 21. Тамъ же, 1864 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 14, 17, 21, 23 и 24). 108) Описаніе монастырей Нѣжинскаго женскаго и Каменскаго (Черн. Епар. Извѣстія 1863 года, стр. 117 и 185); отдѣл. книга. Ч. 1863 г. 19 стр. 109) Описаніе г. Остра и его уѣзда (тамъ же, стр. 38, 55, 217, 265, 430, 472 и 495). 110) Описаніе Чернигова и его уѣзда (тамъ же, стр. 273, 305, 566, 657, 698 и 714; тамъ же, 1864 г. стр. 89, 152, 216, 246 и 271). 111) Пророкъ (тамъ же. 1863 г., стр. 1). 112) Браки между близкими родными (тамъ же, стр. 112) 113) О степеняхъ родства (тамъ же, стр. 737). 114) Запѣтки о современномъ (тамъ же, стр. 21, 49, 100, 375, 408, 457, 529, 625 и 705). 115) Библиографія: а) историческое обозрѣніе соборовъ, бывшихъ въ первые три вѣка христіанства, сочин. святиц. А. Поморжева. Орель. 1861 г. (Черн. Епарх. Извѣст. 1863 г., № 5, стр. 145). б) Дѣло патріарха Никона, соч. Н. Субботина. М. 1862 г. (тамъ же № 5, стр. 152) в) Записки по нравственному Богословію, соч. протоіерея П. Солярскаго. 2 тома. Спб. 1860—1862 г. (тамъ же, № 6, стр. 177). г) Изъ исторіи Преображенскаго владбища, М. 1862 года (тамъ же, стр. 182).

Къ 1863 году принадлежить: Слово о христіанскомъ обученіи, блаженнаго Августина, епископа Иппонійскаго (Черн. Еп. Извѣстія, 1863 г., № 24,

стр. 773). Въ 1864 году: 116) Православное Догматическое Богословіе, Ч. 1864 года, 2 ч. В. 1-й ч. 6 нел., IX, 375 и 2 кн., во 2-й 4 нел., XII, 527 и 1 стр. (съ портретомъ автора и безъ него). Второе изд., Черниговъ, 1866 г. двѣ части. Рецензія въ Православномъ Обзорѣніи 1865 г., № 1-й. 117) Историческое ученіе объ отцахъ церкви (въ сокращеніи). Ч. 1864 г. 307, VIII и 1 нел.) Рецензія: а) Книжный Вѣст. 1865 г. № 14, стр. 270. б) Правосл. Обзорѣніе 1866 г. № 6, 182 стр., ст. свещ. Н. Б.—ва. 118) Свят. Іоанна Златоустаго: Воспитаніе дѣтей, пер. съ греч. (Черн. Еп. Изв., 1864 г., 1, 33 и 65 стр.). 119) Забѣтки о священномъ писаніи (тамъ же, стр. 161, 257, 305, 529, 593, 657 и 689 и 1-65 г., стр. 1, 33). 120) Служебный прееосв. Лазаря Барановича (тамъ же, стр. 332). 121) Закрытыя монастыри въ Черниговской епархіи (тамъ же, стр. 338, 401, 445, 459 и 474 и 1865 года, стр. 99, 171, 347, 378 и 477). 122) Глуховской уѣздъ (тамъ же, стр. 577, 609, 663, 693 и 726 и 1865 стр. 81). 123) Св. Князь Михаилъ Черниговскій (тамъ же, стр. 433). 124) Максаковскій Спасскій монастырь (тамъ же, стр. 537 и 568). 125) Забѣтки о современномъ (тамъ же, стр. 13, 57, 126, 145, 492, 552, 554, 679, 716 и 750). Тамъ же, въ № 17, стр. 526—528—отзывъ объ „исторіи въ картинахъ“ Золютова. 126) Семинарское воспитаніе въ началѣ 19 столѣтія (тамъ же, стр. 170). Въ 1865 году: 127) Религія и нравственность (Черн. Еп. Извѣст. стр. 3 и 39). 128) Зыбковскій уѣздъ (тамъ же, стр. 7 и 1866 г. №№ 12, 13, 14, 15 и 16). 129) Черниговское епархіальное управленіе (тамъ же, стр. 45—50 и 51). 130) Забѣтки о современномъ (тамъ же, стр. 52, 86, 147, 445, 507, 631 и 668). 131) Киевскій соборъ 1691 года (Постановленія церковныя; тамъ же, стр. 65). 132) Дополненіе къ описанію Сѣверскаго монастыря (тамъ же, стр. 135). 133) Мглинскій уѣздъ (тамъ же, стр. 218, 232, 264, 339, 408, 426, 469, 541, 563 и 592). 134) Ученіе евангелиста Іоанна о Словѣ (тамъ же, стр. 193). 135) Объясненіе на Евангелиста Іоанна (тамъ же, стр. 291, 323, 355, 337, 451, 499 и 515 и 1866 года стр. 1, 33, 133, 193, 225, 257, 289, 321 и 353). 136) Рѣчь при открытіи Губернскаго Земскаго Собранія (тамъ же, стр. 611). 137) Стародубскій уѣздъ (тамъ же, стр. 613, 657, 691, 745, и 1866 года стр. 25, 57, 114, 153, 161, 243, 279, 306 и 346). 138) Дополненія къ „Обзору русской духовной литературы 1720—1862 года“ (тамъ же, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 13, 17 и 19, 1866 г. № 2, 6, 7 и 8). 139) Святые южныхъ славянъ. Отдѣленіе 1-е, мѣсяцы январь—июнь. Ч. 1865 г. 4 нел., V, 39, 112 и 2 нел. стр. Отд. 2-е, мѣсяцы июль—декабрь. Ч. 1866 г., 290 стр. съ указателями. 140) Письма преосвященнаго Лазаря Барановича. Переводъ съ польск. прот. Страдомскаго, а примѣчанія и дополненія въ нихъ и исправленія противъ 1-го изданія архіепископа Филарета. Изд. 2-е, въ пользу Черниговской семинаріи. Ч. 1865 г., 253, 1 нел. и VII. Рецензія въ Книжн. Вѣстникѣ 1865 г. № 15, стр. 234. 141) Воззваніе къ Черниговской паствѣ (Черниговскія Епарх. Извѣст., 1865 г. часть неоф. № 20, стр. 265).

Въ 1866 году: 142) Забѣтка о современномъ. Кое что о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ (Черн. Епарх. Извѣст. № 1, стр. 13; по поводу статьи проф. Пѣвницкаго въ Трудахъ Киевск. Дух. Академіи 1864 г.). 143) Состояніе раскола поповщины въ послѣдніе годы, (тамъ же, № 14, стр. 393). 144) Святые подвижники Восточной церкви (тамъ же, № 14). 145) Святые южныхъ славянъ (тамъ же № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10—16). 146) Завѣщаніе преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго, написанное собственноручно 1853 г. декабря 21 дня въ бытность епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ (тамъ же № 20, стр. 633). 146) Библиографія: сравнительный об-

зорь четвероевангелія, составленный протоіереемъ, нѣмъ епископомъ Гречулевичемъ (тамъ же, № 13, стр. 391).

На этомъ прерывается печатаніе произведеній преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго. Но мы положительно знаемъ, что огромная масса трудовъ его осталась неизданною. У насъ подъ рукою имѣются нѣкоторые труды покойнаго, напр. „Подробное описаніе Спасопреображенскаго Черниговскаго кафедральнаго собора“, „Епископы черниговскіе изъ малороссовъ“, „Дополненія къ обзору русской духовной литературы“, „О началѣ стародубскихъ старообрядческихъ церквей“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ семинарской мѣстной бібліотекѣ, въ которую поступила вся бібліотека покойнаго архіепископа, находится много неизданныхъ трудовъ Филарета. Какъ бы то ни было, и изъ перечисленныхъ трудовъ архіепископа можно видѣть чрезвычайное разнообразіе трудовъ, обнаруживающихъ широкую и разностороннюю литературную дѣятельность Филарета Гумилевскаго, такъ что за исключеніемъ кievскаго митрополита Евгенія († 1837 г.), въ цѣломъ длинномъ рядѣ русскихъ епископовъ найдется развѣ еще одинъ, отличающійся подобною плодovitостію. Да, Филаретъ Гумилевскій заслуживаетъ того, чтобы стать предметомъ изученія. Онъ родился въ тамбовской губерніи, учился въ тамошней семинаріи, окончилъ образованіе въ московской академіи, — служилъ въ ней и работалъ въ званіи профессора, инспектора и ректора, началъ епископствовать въ Ригѣ, затѣмъ семь лѣтъ жилъ и работалъ въ Харьковѣ и наконецъ въ Черниговѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ остались слѣды его существованія и дѣятельности, оставилъ онъ память по себѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вещественные письменные памятники своей дѣятельности. Простая обязанность памятованія о существованіи крупныхъ дѣятелей должна внушить знающимъ о покойникѣ — подѣлиться съ читающими своими свѣдѣніями. Подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ (внѣшнихъ) жизни Филарета Гумилевскаго имѣютъ важный интересъ; а такихъ свѣдѣній обнародовано о немъ еще сравнительно весьма мало. Объ изученіи духа и характера произведеній преосвященнаго, опредѣленіи значенія его замѣчательной личности для церковной науки мы и не говоримъ. Съ этой стороны болѣе капитальныя произведенія архіепископа Филарета, думаемъ, со временемъ станутъ предметомъ серьезныхъ изслѣдованій.

Въ 1866 г. знаменитый и неутомимый труженикъ преосвященный Филаретъ Гумилевскій скончался.

21 сентября 1880 года.
г. Черниговъ.

С. О. Хорошунъ.

МЕЖДУ СТРОКАМИ ОДНОГО ФОРМУЛЯРНАГО СПИСКА.

1823—1881 гг.

I.

Я сынъ небогатаго и неважнаго помѣщика одной изъ среднихъ великороссійскихъ губерній. Родился я въ 1823 году и выросъ въ деревнѣ отца. Русская деревенская дѣйствительность не поворачивалась ко мнѣ своею оффиціальною, казѳвою стороною. Дворовые люди и крестьяне открыто говорили съ ребенкомъ, а потомъ съ подростѳвающимъ на ихъ глазахъ юношею о своихъ дѣлахъ, не стѣсняясь нисколько даже въ осужденіи господъ. Отецъ былъ добрый, безпечный человекъ, любившій гостей и варты, почти не занимавшійся хозяйствомъ, которое шло кое-какъ, со старостами, прикащиками, постепенно поглощая средства и состояніе отца. Онъ проживалъ и продавалъ одно имѣніе за другимъ, проигрывая вырученныя деньги, ничего однако не жалѳя на мое воспитаніе. При всей добротѣ и безпечности своей, отецъ пользовался правами владѣльца крѣпостныхъ. Во время рекрутчины отдавали въ солдаты людей изъ семьи, члены которой попадались въ кражѣ яблокъ въ саду. Изрѣдко сѣвли кое-кого въ конюшнѣ. Не могу безъ ужаса и теперь вспомнить, какъ однажды, идя мимо конюшни, я услышалъ жалобныя и просящіе о пощадѣ крики человека, котораго сѣвли. Вся помѣщичья семья тѣмъ не менѣе жила въ самыхъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ дворовыми и крестьянами. Случались пожары въ деревнѣ, послѣдствія которыхъ одинаково чувствовались и нами, и погорѣвшими крестьянами. Ребенокъ мнѣ случалось играть съ дворовыми и крестьянскими мальчиками въ городки и въ бабки, за что иногда доставалось отъ родителей.

Мнѣ часто случалось присутствовать при передѣлахъ крестьянами полей и луговъ. Мнѣ хорошо были извѣстны всѣ обычаи и порядки общиннаго владѣнія, но гражданскій и общественный смыслъ его ускользалъ тогда отъ моего пониманія. Въ первое время моей молодости, когда шла рѣчь объ этомъ предметѣ, я осуждалъ общинное владѣние, видя въ немъ единственную помѣху для улучшенія способовъ хозяйства.

Когда пришло время серьезно приняться за ученье, меня отдали въ одно изъ популярныхъ тогда между дворянами учебныхъ заведеній въ Москвѣ. Это было царство грубой силы, испорченности между учениками и пристрастія между начальствомъ. Прострадавъ тамъ года три, я упросилъ отца взять меня оттуда. Тогда отдали меня, для приготовления въ университетъ, адъюнгу, преподававшему тамъ древнїе языки. Это былъ добрый, оригинальный человѣкъ, до старости сохранившій отличительныя черты своего происхожденія изъ духовнаго званія. У него, кромѣ древнихъ языковъ, я мало научился. Скоро я что-то накуралесилъ; меня отдали къ другому приготовителю, С. Е. Раичу, переводчику Георгіевъ и Нейстоваго Орландо. Съ нимъ зачитывался я *Виргілія* и *Овидія*, прїобрѣлъ большую склонность къ литературнымъ занятіямъ, сотрудничалъ въ какомъ-то маленькомъ имъ издаваемомъ журналѣ (кажется „Галатіея“). Это, конечно, мало способствовало моимъ приготовленіямъ, въ особенности въ математикѣ. Скоро прошли эти годы. Я выдержалъ уже вступительный экзамень въ университетъ изъ первой половины, съ отличіемъ въ древнихъ языкахъ, когда обнаружилось неожиданное препятствіе. По изданнымъ тогда покровительственнымъ распоряженіямъ въ пользу того учебнаго заведенія, которое я оставилъ, не кончивши въ немъ курса,—для меня было обязательно поступить въ университетъ не ранѣе моихъ сверстниковъ по классу. Чтобы не терять времени, я уговорилъ отца съѣздить со мною въ Кіевъ, чтобы въ тамошнемъ университетѣ мнѣ выдержать вступительный экзамень. Въ Кіевѣ тогда жилъ старый прїятель отца. Мы поѣхали на западъ. Украинская природа предстала намъ во всемъ своемъ обаяніи. Мы нашли въ Кіевѣ отцовскаго прїятеля, принявшаго меня съ распростертыми объятіями. Отецъ оставилъ меня жить у него и возвратился домой. Я выдержалъ экзамень и началъ слушать лекціи перваго курса юридическаго факультета, между прочими—Неволина. Не могу

сказать, чтобы этот период моей жизни много способствовал моему научному развитию. Я только ближе ознакомился с действительностью и больше проникался любовью к природѣ.

Прослушавши лекціи цѣлый семестръ, я началъ думать о томъ, какъ бы перейти въ Московскій университетъ, обойдя стѣснившее меня постановленіе. Получивъ позволеніе отца, я нанялъ парную подводу, принадлежащую возвращающемуся въ наши стороны крестьянину, Ивану Абакумовичу, и на ней, съ своимъ прислужкой, пустился на долги въ имѣніе отца. Тогда въ среднихъ губерніяхъ былъ неурожай; населеніе голодало, мы вездѣ встрѣчали просившихъ не денегъ, а хлѣба. Остановливаясь ночевать и кормить, мы проѣхали двѣ недѣли до имѣнія отца, гдѣ я простился съ добрымъ старикомъ, Абакумовичемъ, сдѣлавшимся нашимъ другомъ. Старикъ былъ умный, дѣльный и многое сообщилъ мнѣ въ долгихъ разговорахъ на пути, чего я до тѣхъ поръ не подозревалъ. Послѣ житія въ отцовской деревнѣ, это былъ новый случай продолжать знакомство съ народнымъ міросозерпаніемъ со словъ крестьянина, забывшаго разстояніе между бариницею и собою. Служитель мой, Евлампій Федоровичъ, недюжинный, умный, грамотный и солидный человекъ, чуждый лавейскихъ наклонностей, уже давно сблизился со мною въ теченіи многихъ лѣтъ своего, почти братскаго, житія у меня, дѣля со мною нужду, горе и радости. У насъ въ деревнѣ былъ тоже неурожай. Къ счастью, у отца остался не проданнымъ прошлогодній хлѣбъ. По свойственнымъ ему добродушію и безопасности, онъ не погнался за предлагаемыми высокими цѣнами, и много хлѣба отдалъ крестьянамъ. Не могу сказать, чтобы поступокъ этотъ вызвалъ со стороны ихъ особаго выраженія признательности. Поступокъ отца казался имъ естественнымъ. „Кто бы работалъ на васъ, если бы всё мы съ голоду перемерли“, говорили они.

Въ августѣ 1841 г. мы переехали въ Москву, гдѣ мнѣ удалось поступить на первый курсъ юридическаго факультета, какъ студенту, перешедшему изъ Кіевскаго университета въ Московскій. Это было въ началѣ 1840-хъ годовъ, когда университеты, чуждые политическихъ вопросовъ, увлекались философскими, религиозными вопросами, въ особенности Гегелемъ.

Одинъ изъ тогдашнихъ профессоровъ внушилъ намъ восторженное поклоненіе Гегелю и глубокой интересъ къ философскимъ

теоріямъ. Въ то время между выдающимися людьми въ Москвѣ и Петербургѣ былъ въ полномъ разгарѣ антагонизмъ славянофиловъ и западниковъ. Представители ихъ, Хомяковъ, Алексовы, Кошелевъ, впоследствии князь Владиміръ Черкасскій—съ одной стороны; Грановскій, Крюковъ, Герценъ—съ другой, нерѣдко встрѣчались при мнѣ въ обществѣ, въ семьяхъ моихъ товарищей, и вступали въ жаркія пренія, но глубокой смыслъ ихъ возрѣній тогда не былъ еще мнѣ вполне доступенъ. Я, помнится, болѣе сочувствовалъ западникамъ, считая ихъ представителями высшихъ человѣческихъ началъ, а славянофиловъ какими-то курьезными представителями старыхъ, отжившихъ началъ.

При господствѣ такихъ вліяній въ образованномъ московскомъ обществѣ, я кончилъ университетскій курсъ.

II.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по окончаніи курса, именно въ 1845 году, поступилъ я на службу въ Москвѣ, по одному изъ административныхъ государственныхъ вѣдомствъ. Тутъ меня охватили тѣ мудренныя, сложныя канцелярскія формы и заботы, которыя одолеваютъ поступающаго на службу, не въ качествѣ диллетанта, а человѣка, которому необходимо ею существовать. А нужда уже давала себя чувствовать. Средства отца все болѣе и болѣе истощались подъ вліяніемъ клубной и столичной жизни. Къ счастью, я попалъ на добраго и честнаго начальника; все остальное служебное товарищество мое пропитано было обычными ему свойствами, не исключая изъ нихъ даже взяточничества. Доброе семейное воспитаніе и твердо укоренившіеся во мнѣ университетскіе идеалы вызвали во мнѣ протестъ противъ этой среды. Я упорно боролся съ притѣсненіями чиновническаго начальства, поддерживаемый добрымъ начальникомъ, приблизившимъ меня къ себѣ и къ своей семьѣ. Начавъ съ писца, я прошелъ степени помощника столоначальника и столоначальника. Бумаги, которыя я писалъ, дѣла, которыя производилъ, касались самыхъ ближайшихъ интересовъ крестьянъ, но этихъ жизненныхъ интересовъ я не замѣчалъ изъ-за поглощавшихъ меня формальностей. Если бы я ихъ замѣтилъ, то возненавидѣлъ бы формальности и бумаги и сдѣлался бы ни-

куда не годнымъ, по тогдашнему, чиновникомъ. Однако этого не случилось. Случилось нѣчто другое. Сравнивая свой трудъ съ трудами сослуживцевъ и жаждою ихъ къ наживѣ, я непомѣрно возвысился въ своемъ собственномъ мнѣніи. Стыдно вспомнить, какъ, съ комичною гордостью, я отвергалъ скромныя приношенія просителей, говоря имъ, что взятокъ я не беру. Но въ то же время я заботился только о соблюденіи формъ, а не о защитѣ пригнетенныхъ, ко мнѣ прибѣгавшихъ. Правда, занятія мои ограничивались только дѣлопроизводствомъ; никакихъ порученій въ селеніяхъ мнѣ не давалось; жизнь, которую я обрабатывалъ перомъ, оставалась для меня мертвою буквою, значенія которой я даже не подозрѣвалъ.

Смерть начальника заставила меня позаботиться о перемѣнѣ службы. Съ помощью знакомыхъ, я былъ опредѣленъ къ главному начальнику губерніи. Сначала мнѣ пришлось заняться опять тѣми же докладами и бумагами, къ которымъ я въ то время не испытывалъ еще никакого отвращенія. Напротивъ, мнѣ казалось, что онѣ необходимы, что законы, установившіе всѣ эти сложныя формы, учредили этимъ дѣйствительныя гарантіи отъ злоупотребленій. Начальникъ мой былъ застарѣлый бюрократъ, властолюбивое и вліятельное лицо, но доброе и обходительное въ своими подчиненными. Онъ впрочемъ имѣлъ нѣкоторыя полезныя, по тогдашнему времени, качества. Въ самый разгаръ безправія, взяточничества и безсудія, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда въ правительственныхъ сферахъ желанія противодействовать обаянію на общество европейскихъ событій 1848 года, онъ, въ силу своихъ уполномочій, творилъ судъ и расправу и по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ, принуждая недобросовѣстныхъ удовлетворить обобранныхъ ими лицъ. Равнодушный ко взяточничеству, онъ мягко и снисходительно относился къ многочисленнымъ въ Москвѣ старообрядцамъ, подвергаясь за это нареканіямъ во взяточничествѣ. Подвергался имъ и я, къ великому моему изумленію и отчаянію, когда доходили до меня слухи о нареканіяхъ, падавшихъ на меня за снисходительность къ старообрядцамъ, въ которыхъ я не находилъ ничего преступнаго.

Среда и общество, въ которомъ я вращался, были испорчены до мозга костей. Онѣ увлекали меня въ привычки и образъ жизни, не соответствующіе моимъ средствамъ. Я увлекался, должалъ, и въ угоду одной личности, имѣвшей на меня самое вредное вліяніе,

сдѣлалъ значительный долгъ, для удовлетворенія ея нуждъ, которыя постоянно осаждали ее, несмотря на большія ея имущественныя средства.

Чтобы нагляднѣе представить характеръ окружающей меня среды, расскажу только одно обстоятельство. Когда я собирался совсѣмъ оставить Москву, мысль о моемъ долгѣ сильно тревожила меня. Прощаясь съ лицомъ, склонившимъ меня въ займу, я невольно сказалъ объ этомъ два слова.

— Неужели вамъ нечѣмъ заплатить эту сумму, спросили меня недовѣрчиво.

— Не только нечѣмъ, но у меня недостаточно денегъ, чтобы оставить, сколько нужно, на расходы семейству.

Мнѣ отвѣчали ѣдкими насмѣшками и упреками.

— Вы вполне заслуживаете это вашу непрактичность, которой я въ васъ до такой степени не предполагалъ. Какъ, у васъ въ рукахъ были золотые источники и вы не пользовались ими, чтобы составить себѣ состояніе? Если вы не умѣли этого сдѣлать, то кто же виноватъ кромѣ васъ?

Спѣшу прибавить, забѣгая впередъ, что, позже, родственники уплатили весь долгъ.

Чтобы кончить съ этимъ періодомъ моей жизни, скажу, что если въ результатѣ я не сдѣлался дурнымъ человѣкомъ, то долженъ за это благодарить опять-таки добрую и честную семью, въ которой воспитывался, и университетскіе идеалы.

Не смотря на всю горечь этихъ воспоминаній и на послѣдствія, испытанныя мною въ жизни, возвращаюсь къ разсказу о моихъ отношеніяхъ къ старообрядцамъ. Случайнымъ встрѣчамъ и сношеніямъ съ нѣкоторыми изъ нихъ я обязанъ первыми заповѣдями въ мой умъ зачатками сознанія русской мысли, жизни и вообще дѣйствительности, сознанія, которое впоследствии разрослось до яснаго пониманія ихъ.

Въ то время въ Москвѣ крѣпли слухи о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Начальникъ мой не сочувствовалъ этой „затеѣ“, какъ онъ выражался. Противъ нее кто-то даже писалъ ему записку отъ него, которую онъ посылалъ въ Петербургъ. Большинство московскаго общества раздѣляло его воззрѣнія и опасенія. Только небольшое интеллигентное меньшинство увлекалось мыслью, но увлеченіе это выражалось въ чемъ-то смутномъ, общемъ, не

опредѣленномъ. Изъ него рѣзко выдѣлялись такъ называемые славянофилы, у которыхъ въ этомъ отношеніи сложились ясныя, практическія и твердыя представленія и требованія.

Незамѣтно промчались восемь лѣтъ моей жизни среди разнообразныхъ сферъ московскаго общества. Во мнѣ началась совершаться перемѣна. Прошлое и позоръ окружающаго становились мнѣ все яснѣе и противнѣе. Я сблизился съ нѣкоторыми независимыми, достойными людьми, которые поощряли во мнѣ вознижающее желаніе убѣжать отъ окружающей меня среды, искать спасенія въ постоянномъ и строгомъ трудѣ. Старанія этихъ добрыхъ друзей обратили на меня вниманіе одного значительнаго лица, которое, въ видѣ испытанія, поручило мнѣ подробную ревизію двухъ административныхъ вѣдомствъ губерніи.

На мою долю выпало самое непосредственное прикосновеніе къ дѣйствительности, которая до того времени была мнѣ знакома только по названіямъ, бумагамъ и законамъ. Пришлось обратиться къ упорному, пристальному изученію всего на практикѣ. На это изученіе я положилъ многіе дни и ночи, проведенные въ нервныхъ инстанціяхъ и мѣстностяхъ, подлежащихъ моей ревизіи. Приходилось не только безъ посторонней помощи, но, при усердныхъ стараніяхъ писарей отвести мнѣ глаза, приходилось самому учиться каждой подробности, узнавать, какъ и почему, при помощи законовъ, книгъ и показаній крестьянъ. Послѣ такихъ стараній въ двухъ или трехъ мѣстностяхъ, я настолько овладѣлъ дѣломъ, что былъ въ состояніи раскрывать истину по предметамъ, ближе всего касающимся крестьянъ, напр. платежи податей, взносъ и храненіе хлѣбныхъ сборовъ, отправленіе крестьянами повинностей, крестьянскій судъ. По мѣрѣ того, какъ я допытывался до истины, несогласіе жизни съ официальною бумагою становилось для меня все яснѣе и поразительнѣе. Результатъ всей ревизіи я выразилъ въ дѣломъ рядъ сопоставленій фактовъ, указывающихъ какъ самыя разнообразныя функціи управленія выражались на практикѣ и какъ они же представлялись въ бумагахъ. Когда я собралъ все это и сличилъ представляемое мною въ доказательство документы, то самъ былъ пораженъ противорѣчіями, доходившими иногда до смѣшнаго. Противорѣчія эти поразили также и лицо, которому была представлена моя ревизія. Послѣд-

ствія выразились въ безчисленныхъ изслѣдованіяхъ, въ удаленіи лицъ, завѣдывавшихъ мѣстными дѣлами.

Въ Петербургѣ, куда я пріѣхалъ съ моею ревизіею, приготовленія въ освобожденію крестьянъ были въ полномъ разгарѣ. Нужно ли говорить, что я съ увлеченіемъ слѣдилъ за ними. Не могу сказать, что причины этого увлеченія объяснялись злоупотребленіями крѣпостнаго права, которыя мнѣ приходилось видѣть такъ близко. Выше этихъ воспоминаній стояла кабая-то теоретическая, распространенная тогда въ либеральномъ обществѣ, любовь къ меньшей братьѣ, отвращеніе отъ рабства и страстное желаніе освобожденія крестьянъ. Настроеніе это было такъ сильно тогда, что не многіе осмѣливающіеся высказывать робкія мысли, внушенныя практикою крѣпостнаго права, и думать о сохраненіи нѣкоторыхъ атрибутовъ его, (подобно тому, какъ кн. Черкасскій въ статьѣ о дѣтскихъ розгахъ) подвергались публичному осмѣянію. Подъемъ духа былъ великъ тогда. Имъ объясняются впослѣдствіи образъ дѣйствій меньшинства членовъ редакціонной комисіи и образъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ перваго избранія.

Посреди общаго увлеченія, въ февралѣ мѣсяцѣ, торжественно и шумно отпраздновалась въ Петербургѣ годовщина основанія Московскаго университета. Я присутствовалъ на ней, поддался общему увлеченію, упоенію надеждами и ожиданіями, охватившими большинство петербургскаго общества. Произнесены были восторженные рѣчи, привѣтствующія восходящее солнце милости и правды. На обѣдъ приглашенъ былъ чтимый столѣтними поколѣніями студентовъ и профессоровъ Московскаго университета графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ. Въ отвѣтъ на провозглашенный въ честь его тостъ, онъ поднялся и сказалъ нѣсколько словъ, чуждыхъ овладѣвшимъ тогда всѣми увлеченіемъ политическаго свойства; слова эти относились только непосредственно до университета. Онъ выражалъ желаніе, чтобы въ немъ процвѣтала историческая школа. Это трезвая, разумная рѣчь, сказанная просто, безъ увлеченія, обращенная къ людямъ, находившимся въ разгарѣ политическихъ увлеченій, чуждымъ тогда интересамъ науки, не пріятно подѣйствовала на всѣхъ, въ томъ числѣ и на меня. Только не давно, когда политическій недугъ достигъ у насъ своего апогея, понялъ я весь смыслъ и высокой разумъ сказанныхъ графомъ Строгановымъ словъ.

III.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 года я уѣхалъ изъ Петербурга въ губ. городъ П., по случаю назначенія меня начальникомъ казеннаго управленія въ этой губерніи, гдѣ числилось нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ моего вѣдомства. При первомъ приступѣ я увидѣлъ, за какое трудное дѣло взялся. Все управленіе въ губерніи держалось уже много лѣтъ старымъ человѣкомъ, проводшимъ въ него своихъ угодниковъ и даже побочныхъ дѣтей, обиравшихъ всякаго, въ томъ числѣ и его самага. Всѣ начальствующія лица, начиная съ писаря, (въ немъ-то была вся суть,) представляли крѣпко устроенную организацію, съ цѣлю обирающаго казны и крестьянъ. Крестьянамъ было неизвѣстно, сколько и куда они должны платить. Во время недавняго голода, на нихъ было записано много денежныхъ и хлѣбныхъ недоимокъ, отъ напоминанія о которыхъ они приходили въ ужасъ, увѣряя, что долги эти числились только по книгамъ и что большинство крестьянъ ни чѣмъ изъ этого не воспользовалось. Недоимки взыскивались, снова возникали и не убавлялись, такъ что крестьяне перестали и платить ихъ. А цифры были громадныя. Всѣ капиталы ссудныхъ кассъ оказались росписанными на имя умершихъ, или не существующихъ крестьянъ, за поручительствомъ другихъ, которые ничего объ этомъ не знали. Въ дѣйствительности, суммы эти были пущены въ оборотъ начальствующими лицами. Оброчныя статьи и подряды отдавались по фиктивнымъ торгамъ и оставались въ пользованіи должностныхъ лицъ, или ихъ влечетовъ. Хлѣбныя запасы, числившіеся по книгамъ, не всѣ были на лицо, а значительная часть наличнаго оказалась затхлою, или никуда негодною.—Лѣса расхищались, училища безъ учениковъ или съ никуда негодными учителями, заставляющими учениковъ работать у себя въ полѣ, огородѣ. Старообрядчество размножалось. Чтобы характеризовать отношенія къ нему духовенства, приведу слѣдующій случай.

Однажды, во время моихъ обычныхъ разговоровъ со сходомъ, мнѣ пришли сказать, что одинъ священникъ желаетъ меня видѣть. Я поспѣшилъ оставить на время сходъ и принять священника въ правленіи. Это былъ еще молодой человѣкъ приличной наруж-

ности. На вопросъ, чѣмъ могу быть ему угоднымъ, онъ объяснилъ, что назначенъ миссіонеромъ противъ раскольниковъ, предъявилъ свои документы и жаловался на встрѣченныя препятствія къ наряду для него подводы. Разговорившись съ нимъ о расколѣ и замѣтивъ, что свѣдѣнія его по этой части довольно бѣдны, въ особенности относительно мѣстности, въ которой мы находились, я не могъ удержаться отъ краткаго замѣчанія, что требованіе подвотъ не совсѣмъ удобный приступъ къ обращенію въ православіе, однако приказалъ немедленно исполнить требованіе священника.

Предстояло формальнымъ образомъ констатировать всѣ открытыя мною злоупотребленія и предать виновныхъ слѣдствію и суду (тогда еще старому.) Вмѣстѣ съ этимъ необходимо было устранить наиболѣе виновныхъ и вредныхъ должностныхъ лицъ, окружныхъ начальниковъ, волостныхъ головъ, сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей, въ особенности писарей. Число подлежащихъ устраненію было велико; три четверти мѣстъ могли остаться вакантными. Къ счастью, ревизія производилась не одновременно по всей губерніи, а по мѣрѣ того, какъ я могъ подвигаться, выяснять дѣла и знакомиться съ мѣстными обстоятельствами. Для замѣны выборныхъ приходилось назначать кандидатовъ, или назначать новые выборы, а лицъ, опредѣляемыхъ отъ правительства, предстояло отыскивать, или замѣщать частію уже намѣченными, о надежности которыхъ я удостовѣривался частными, а не официальными разспросами, а частію узналъ, производя первую мою ревизію въ другой губерніи. Я хорошо сознавалъ, что замѣна новыми лицами мало обезпечиваетъ лучшее, болѣе добросовѣстное направленіе дѣлъ. Но прежде всего нельзя было, и по закону и по справедливости, оставлять злоупотребленія безнаказанными, а совершившаго ихъ оставлять на своемъ мѣстѣ. Наконецъ я надѣялся, что силою настойчивости и непрерывнаго надзора, мнѣ все-таки удастся, съ помощію хотя бы не многихъ, надежныхъ чиновниковъ, вселить въ остальныхъ нѣкоторое уваженіе къ долгу и закону, а въ другихъ страхъ скорого и безпощаднаго взысканія. Для этого я дѣлалъ все, что только отъ меня зависѣло, не щадя себя, перенося доходившіе до меня насмѣшки и злословія провинціального общества, которое не прощало мнѣ моего отчужденія. Я предпринялъ рядъ постоянныхъ провѣрокъ на мѣстахъ

через личный осмотр и опрос на сходах и переспросъ важдаго встрѣчнаго о всѣхъ подробностяхъ управленія. Крестьянъ я старался приучить знать и помнить свои оклады и ушлоченное, самъ провѣрялъ все это при нихъ по книгамъ. Писарей держалъ я въ напряженномъ страхѣ, дозволяя начальникамъ, на которыхъ могъ полагаться, подвергать ихъ даже тѣлесному наказанію. Считаю недостойнымъ скрыть это обстоятельство теперь, когда прошло болѣе двадцати лѣтъ послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Я боролся со зломъ какъ и чѣмъ могъ и умѣлъ, полагая на это свою душу. Много труда положилъ я на училища, въ особенности на присканіе учителей, которые могли бы, улучшенными способами обученія, сократить курсъ, доводя мальчиковъ до умѣнья читать и писать между ноябремъ и апрѣлемъ, время, когда мальчики не нужны въ помощь для полевыхъ работъ. Въ этомъ я нашель сердечное содѣйствіе и помощь со стороны княжны М. М. Д. К., высоконравственной, религіозной и уважаемой личности, предпринимавшей поѣздки для присканія хорошихъ и надежныхъ учительницъ, большинство которыхъ оправдало наши ожиданія.

Добился ли я до какихъ нибудь прочныхъ результатовъ въ теченіи болѣе чѣмъ четырехъ лѣтъ?

Думаю, что нѣтъ. Все это было временное, скоропреходящее, подлежащее исчезновенію вслѣдъ за мною. Сознавая это, частію даже во время моей дѣятельности, я надѣялся по крайней мѣрѣ, что настолько испорчу свое мѣсто, что моему преемнику нельзя будетъ привыкаться за то, что я нашель, пріѣхавши въ губернію. Я не понималъ тогда, что сражаюсь съ порожденіями режима, издавна введеннаго, имѣющаго дѣйствовать и послѣ меня съ одинаковою силою. Я не сознавалъ тогда, что въ осуществленіи своихъ стремленій я былъ стѣсненъ и связанъ тѣмъ же режимомъ, противъ плодовъ котораго я сражался, какъ Донъ-Кихотъ противъ мельницъ. Еще смѣшнѣе должны представляться мои дѣйствія, если принять въ соображеніе, что онѣ вызывались одними только моими личными убѣжденіями и потребностями. Я хлопоталъ напр. объ училищахъ, не замѣчая, что большаго спроса на нихъ у самихъ крестьянъ тогда еще не было. Я хлопоталъ о введеніи между крестьянами трезвости. Они поддакивали мнѣ, по своему обыкновенію, но когда я предлагалъ постановить объ этомъ приговоры, они отвѣчали, что дадутъ, если будетъ привязаніе или

предписаніе начальства. Я хлопоталъ о защитѣ ихъ отъ злоупотребленій, не имѣя возможности обезпечить ихъ отъ преслѣдованій лицъ, на кого они, по моему приглашенію, могли мнѣ приносить жалобы. Открытія злоупотребленій обусловливались только случаемъ, тайною жалобою или доносомъ, или моимъ собственнымъ усиленнымъ докапываніемъ. Такимъ образомъ свойство моихъ усилій похоже было на улучшения, придумываемыя нашими реформаторами-благодѣтелями, не вызванныя назрѣвшими потребностями среди благодѣтельствуемыхъ массъ, а потому принимаемыя не охотно, какъ затѣи, возмущающія теченіе обычной, прочно сложившейся жизни, затѣи, отъ которыхъ имъ никакого толку нѣтъ.

Въ разгарѣ моихъ трудовъ и увлеченій пришелъ манифестъ 19-го февраля 1861 года. Хотя онъ не распространялся на подчиненныхъ мнѣ государственныхъ крестьянъ, я принялъ его съ восторгомъ, но опять-таки подъ этимъ восторгомъ была теоретическая, сладенькая любовь къ крестьянству, которая во многихъ тогдашнихъ либералахъ не выдерживала прикосновенія къ дѣйствительности, къ мужику, а еще менѣе нарушенія личнаго интереса. Дѣйствительно, хороши и полезны были тогда тѣ немногіе мировые посредники, которые проникнулись духомъ манифеста и положили на примѣненіе его свою душу. Нѣкоторые изъ нихъ были не такъ развиты и либеральны, какъ нынѣшніе интеллигентные дѣятели. Приглядываясь къ нимъ, я удивлялся, откуда у нихъ берется столько самопожертвованія? Тяжело вспомнить о томъ, во что выродилось впоследствии то же самое учрежденіе посредниковъ, когда вдохновлявшій его духъ замѣнился воздѣйствіемъ господствовавшаго чиновничьяго режима. Теперь понимаю, что мировые посредники перваго призыва дѣйствовали, увлекаемые подъемомъ духа, совершившимся въ нѣкоторыхъ общественныхъ сферахъ. Узки были тогда эти сферы. Большинство дворянъ, чиновниковъ и публики проникнуто было тогда другими, противоположными стремленіями. Это объясняетъ, почему важнѣйшія основанія положеній 19 февраля 1861 г. проведены были слабымъ меньшинствомъ. Но меньшинство это, вмѣстѣ съ мировыми посредниками, вынесло реформу на своихъ плечахъ.

При всемъ моемъ сочувствіи реформѣ, я могъ быть практически полезнымъ, въ качествѣ члена губерн. по крестьянск. дѣламъ присут-

ствія, только своимъ голосомъ, подаваемымъ въ духъ Положеній. Мнѣ однако поручено было, вмѣстѣ съ другимъ членомъ, Мор—мъ, составить обязательную форму уставныхъ грамотъ для губерніи. Думаю, что въ этой работѣ я былъ плохимъ помощникомъ М—ву. Тогда онъ былъ уже вполнѣ политически развитымъ человѣкомъ. Живя въ Петербургѣ во время разгара работъ редакціонной комисіи, близкій Н. А. Милютину, посвященный во всѣ тайнства происходившей тогда политической борьбы, М—въ уже впередъ зналъ, на какія гарантіи нужно болѣе всего налегать въ уставной грамотѣ. Форма ея была составлена въ желаемомъ направленіи, за что онъ и я (не по заслугамъ) долго прозывались врасными. Тогда прозвище это служило удобнымъ и опаснымъ оружіемъ противъ всякаго, кто, почему бы то ни было и кому бы то ни было, оказывался неприятнымъ и неудобнымъ. А я всегда былъ многимъ неприятенъ, потому что выражался отерты и рѣзко, находя какое-то особое удовольствіе задѣвать самолюбіе тѣхъ, кого я не уважалъ, а уважать доводилось не многихъ.

IV.

Въ концѣ пребыванія моего въ П. губерніи я женился. Желаніе привести въ порядокъ имѣніе жены и получить болѣе широкую дѣятельность побудило меня причислиться къ другому министерству. Съ наступленіемъ лѣта, я уѣхалъ въ имѣніе ея и моей тещи, чтобы ввести тамъ уставныя грамоты. Это повело къ продолженію моего знакомства съ русскою дѣйствительностію, начавшагося воспитаніемъ и жизнію въ деревнѣ до юности.

На этотъ разъ мнѣ пришлось видѣть народъ и жизнь при нѣсколькихъ измѣнившихся обстоятельствахъ. Крѣпостное право отжило, интересы крестьянъ и помѣщиковъ приближались къ неминуемой ликвидаціи. Я дѣйствовалъ въ качествѣ частнаго человѣка, который, ни по положенію своему, ни по состоянію, не могъ казаться вліятельнымъ. Не смотря на обнаруживаемое мною желаніе щадить крестьянскіе интересы, на простоту обращенія при толкахъ объ уставныхъ грамотахъ, крестьяне рѣдко забывали разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ барина. Разстояніе это они давали чувствовать скрытностію и затаенностію, въ которую народъ

закутывается всегда какъ въ скорлупу, изъ которой его можно выгнать только для бѣгства, или для ожесточеннаго сопротивленія. Скорлупа эта была уже мнѣ хорошо знакома по бесѣдамъ съ крестьянами на сходахъ, гдѣ мнѣ иногда удавалось хитростями вывѣдывать правду, произносимую немногими робкими голосами изъ заднихъ рядовъ, къ негодованію передовыхъ, казѣвыхъ и начальства, которое жестоко вымѣщало въ послѣдствіи на неосторожныхъ болтунахъ ихъ увлеченіе.

Я возвратился въ Петербургъ въ надеждѣ получить новую, болѣе широкую, обѣщанную мнѣ дѣятельность. Но обѣщавшее лицо отговаривалось различными невозможностями, устраненіе которыхъ отъ него будто бы не зависело. Въ утонченной обходительности и обѣщаніяхъ недостатка не было, но порученій мнѣ не давалось. Поручили однажды мнѣ работу, чисто редакціоннаго свойства, по довольно интересному вопросу, за которую я принялся усердно и скоро представилъ. Вслѣдъ затѣмъ, спѣша пополнить небольшой оставленный мною пробѣлъ въ аргументахъ, казавшійся мнѣ существеннымъ, я просилъ нѣсколькихъ минутъ вниманія, для того чтобы словесно изложить опущенные мною доводы. Выслушавъ меня съ обычною любезностію, начальство рассыпалось въ благодарностяхъ и похвалахъ, но, при этомъ, довольно наивно высказало, что тутъ дѣло не въ болѣе или меньшей основательности доводовъ. „Когда дѣло будетъ разсматриваться и рѣшаться въ высшемъ учрежденіи, говорило начальственное лицо, все будетъ зависѣть отъ числа членовъ, которые расположены держать мою сторону. Если они составятъ въ мою пользу большинство, — больше ничего не нужно. Если большинство отъ меня отклонится, никакіе доводы не помогутъ“.

Таковъ былъ первый урокъ, преподанный мнѣ изъ высшихъ петербургскихъ сферъ. За нимъ послѣдовало много другихъ. На обѣщанныя мнѣ мѣста назначались лицо за лицомъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мнѣ были хорошо извѣстны и далеко не обладали задатками и свойствами, необходимыми для полезной дѣятельности, за которую брались. Постепенно пришлось мнѣ испытать всю горечь, достигающую челоуѣку, который добивается назначенія въ Петербургъ безъ особой, сильной поддержки. Эта горечь вмѣстѣ съ бездѣйствіемъ въ самые пвѣтушіе годы (мнѣ было тогда едва 40 лѣтъ) значительно потрясли мой организмъ. Я учащалъ на-

поминанія словесно и письменно; на нихъ мнѣ какъ-то всѣользь дали почувствовать, что хорошо было бы мнѣ взять какое нибудь дѣло на западѣ Россіи. Вскорѣ послѣ такого неопредѣленнаго указанія, мнѣ случайно предложили ѣхать въ Варшаву, для организаціи одного административнаго учрежденія. Это было въ самый разгаръ польскаго мятежа; предложенія были самыя убѣдительныя и обстоятельныя. И вотъ я въ Варшавѣ. Незадолго предъ моимъ пріѣздомъ было покушеніе на генерала Трепова, который показывалъ мнѣ лежащій у него на каминѣ заостренный по концамъ молоточекъ каменныка, съ которымъ на него напалъ кинжалникъ, самимъ Треповымъ задержанный. Ежедневно происходили политическія убійства, издавались печатныя прокламаціи жонда. Скоро насъ помѣстили въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ поселились нѣсколько русскихъ молодыхъ людей приглашенныхъ для работъ подъ моимъ руководствомъ. Работы эти состояли главнѣйшимъ образомъ въ извлеченіи изъ одной правительственной комиссіи необходимыхъ дѣлъ и бумагъ, для передачи ихъ во вновь образуемое учрежденіе, въ организаціи этого учрежденія и въ сообщеніи перваго движенія его дѣламъ. Независимо отъ этого, приходилось составлять инструкціи по весьма важнымъ административнымъ дѣламъ. Предметы ихъ были по большей части мало знакомы мнѣ и моимъ сотрудникамъ. Приходилось знакомиться по источникамъ, законамъ и письменнымъ распоряженіямъ, доставленіе которыхъ затруднялось съ худо скрываемымъ намѣреніемъ; документы присылались неполные, иногда съ намѣренными ошибками, которыя открывались только случайно. Кругомъ насъ кипѣли какія-то непонятныя намъ интриги и происки. Лицо, уговорившее меня пріѣхать въ Варшаву, служило посредникомъ между мною и главнымъ начальникомъ, но мнѣнній и желаній послѣдняго я никогда отъ него не слышалъ. Посредникъ почему-то нашелъ для себя полезнымъ возстановить другъ противъ друга начальника новаго учрежденія и меня. Возникали разныя недоразумѣнія и неудовольствія. Кто и кому передавалъ труды, за которыми мы проводили иногда цѣлыя ночи?—намъ было неизвѣстно. Мы даже не знали, за чьи выдавались эти труды. Между мною и моими сотрудниками сохранялась самая дружеская связь. Всѣ ежедневно собирались у насъ къ обѣду. Отношенія были самыя пріятныя, но всѣ мы чувствовали, что кругомъ насъ творится

что-то, намъ враждебное, что-то копошится и проискивается. Такое положеніе сдѣлалось для меня невыносимо. Я рѣшился просить (гр. Берга), чтобы меня отпустили въ Петербургъ. Просьбу мою приняли благосклонно, выразили сожалѣніе, что лишаются моихъ услугъ, въ виду необходимости устранить какія-то испытываемыя мною неудобства, о которыхъ я тутъ только услышалъ въ первый разъ. Я былъ всегда плохой дипломатъ, не понялъ всей тонкости дѣлаемыхъ мнѣ внушеній и подсказываемыхъ предлоговъ, пытался разъяснить кажущееся недоразумѣніе. Это было напрасно: меня ласково прервали и, внушительно возвысивши голосъ, повторили тѣ же самыя приписываемыя мнѣ побужденія, пахота ихъ естественными. Я покорился. Мнѣ показали потомъ официальное сообщеніе въ Петербургъ, гдѣ излагались весьма лестные отзывы о моей дѣятельности. Однако, гораздо позже, въ Петербургѣ, мнѣ дали прочесть другое конфиденціальное письмо обо мнѣ отъ того же самаго лица, но въ этомъ конфиденціальному письму о моей дѣятельности отзывались уже не такъ благопріятно, хотя ни чѣмъ не чернили. И за это спасибо!

Я не пишу здѣсь и не разсуждаю о польскомъ возстаніи; это дѣло исторіи. Только для того, чтобы дать понятіе о томъ, какое впечатлѣніе произвели тогда на меня варшавскія дѣла, переписываю дословно отрывокъ изъ сохранившагося у меня черноваго письма къ одному лицу въ Петербургъ.

„Исполняя ваше желаніе и, въ этомъ откровенномъ письмѣ, сообщая мои первыя варшавскія впечатлѣнія, предостерегаю васъ противъ вѣрности моихъ заключеній. Обиліе, сложность предметовъ и краткое пребываніе здѣсь не могли дать возможности обобщить и еще менѣе правильно оцѣнить дѣла даже человѣку, который былъ бы поставленъ къ нимъ въ отношенія болѣе близкія, чѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга. Прошу васъ принять въ соображеніе, что я занятъ по 18 часовъ въ сутки самыми разнообразными работами и, по этому одному, не имѣю возможности привести въ порядокъ и облечь въ удовлетворительную форму то, что желалъ бы изложить въ этомъ письмѣ.—Польскій мятежъ, какъ вамъ извѣстно, опирается на массу землевладѣльцевъ, шляхты, духовенства, ремесленниковъ и чиновниковъ, составляющую болѣе, чѣмъ половину населенія Царства и при томъ отличающуюся значительнымъ гражданскимъ развитіемъ. Остальная часть

населенія держится нейтралитета, по мѣстамъ весьма сомнительнаго. Контингентъ возстанія только поверхностно растасованъ между русскимъ войскомъ, но въ сущности тѣсно соединенъ фанатизмомъ и общою враждою къ Москвѣ. Распоряженія лицъ, составляющихъ подземное правительство, обличаютъ въ нихъ людей выходящихъ изъ уровня дюжинныхъ дѣателей. Несмотря на явную борьбу партій, у нихъ сохраняется единство; они дѣйствуютъ неутомимо; распоряженія ихъ быстры и мѣткі, малѣйшая ошибка съ нашей стороны хватается на-лету. Они владѣютъ всѣми гражданскими учрежденіями края, наполненными польскими чиновниками, начиная съ директоровъ правительственныхъ комиссій до послѣдняго писца; они пользуются всѣми путями сообщеній, такъ что Вѣнска и Бромбергская желѣзныя дороги служатъ мятежу, по крайней мѣрѣ столько же, сколько законному правительству. Почты и другія средства сообщеній внѣ Варшавы во всемъ Царствѣ, служатъ болѣе мятежникамъ, чѣмъ намъ. Въ противоположность этому, мы опираемся покуда только на войско, разбѣянное между враждебнымъ населеніемъ. Военныя учрежденія, начальники военныхъ отдѣловъ и только теперь учреждаемые военные начальники уѣздовъ принуждены дѣйствовать черезъ посредство тѣхъ же самыхъ гражданскихъ учреждений съ враждебнымъ для насъ личнымъ составомъ. Даже вновь образуемое управленіе генераль-лицейстера набираетъ болѣе, чѣмъ половину своихъ второстепенныхъ и мелкихъ чиновниковъ изъ поляковъ. На Вѣнской и Бромбергской желѣзныхъ дорогахъ былъ одинъ только кондукторъ изъ русскихъ, но и тотъ устраненъ ударомъ ножа. Второстепенный и низшій штатъ полиціи въ Варшавѣ на двѣ трети изъ поляковъ. Неприкосновенность отъ вѣшателей, которою пользуется этотъ польскій служебный элементъ, съ трудомъ сервяющая свою вражду къ намъ, представляетъ его услуги болѣе, чѣмъ сомнительными. Это постоянно доказывается отдѣльными фактами. Тяжело указывать еще на одно явленіе, общее съ Россією и въ одинаковой степени здѣсь распространенное, на недостатокъ честности, не только въ гражданскомъ, но въ самомъ обыкновенномъ значеніи этого слова. При теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Царствѣ, зло это равняется государственной измѣнѣ. Зависть, чиновное мѣстничество и происходящія отъ нихъ гнуснѣйшія интриги парализуютъ всѣ дѣйствія. Нѣкоторые начальники полевыхъ отрядовъ не

избѣгаютъ тѣхъ же упрековъ; они смотрятъ напр. на мятежническія шайки, какъ на свою собственность, воздерживаются отъ окончательнаго ихъ разсѣянія, чтобы имѣть новый случай отличиться и получить награды по нѣскольکو разъ за одну и ту же шайку. Нѣкоторые не могли простить г. Костандѣ того, что онъ заперъ на время шайкамъ переходъ изъ Галиціи. Что касается до общихъ распоряженій, должно замѣтить, что онѣ по большей части выходятъ изъ различныхъ, независимыхъ другъ отъ друга штабовъ и управленій. Не подчиненныя одной руководящей мысли, распоряженія эти порою противорѣчатъ другъ другу и даже остаются неизвѣстными отдѣльнымъ управленіямъ. Приведеніе въ исполненіе другихъ, иногда весьма важныхъ мѣръ, производится слабо, по отсутствію контроля. Есть весьма важныя мѣры, которыя не достигаютъ своей цѣли, по поводу изыятій, выраженныхъ въ самомъ законоположеніи. Между тѣмъ мотивомъ такихъ изыятій служили соображенія, самыя мелочныя. Напримѣръ правила объ обезоруженіи освобождаютъ отъ него лицъ V класса. Отъ этого многія лица, имѣющія извѣстныя чины и положеніе въ обществѣ, имѣютъ склады оружія къ услугамъ мятежа. Наложеніе денежныхъ штрафовъ, одна изъ мѣръ, по сознанію самого подземнаго правительства, наиболѣе подавляющихъ мятежъ, въ примѣненіи своемъ, подвергается колебаніямъ, слабостямъ и противорѣчіямъ при совершенно однородныхъ случаяхъ. Противорѣчія эти остроумно осмѣяны въ юмористическомъ изданіи подземной прессы: „Коса“, переводъ котораго сообщая:

№ 1 „Косы“.

Подслушанное подъ воротами, гдѣ стоитъ казанъ.

Гаврило. Скажи, Ванька, почему конфисковали оба дома графа Замойскаго?

Ванька. Потому что они имѣли два двора.

Гаврило. Почему не конфисковали Европейскую гостиницу и сосѣдній домъ Гирлаха?

Ванька. Потому что они имѣли одинъ дворъ.

Гаврило. Почему не забрали домъ Гродзиковскаго?

Ванька. Потому что убійца ушелъ.

Гаврило. Я этого не понимаю.

Ванька. Намъ, дуракамъ, съ тобой этого нельзя понять. И я самъ не понимаю, а баринъ мой понимаетъ.

Гаврило. У твоего барина отличная шапка (халава).

Ванька. Не шапка дуракъ! У него цилиндрическая шляпа, — вотъ какая, — гораздо больше ума въ нее влезеть.

„Воздерживаюсь отъ сужденій о подготовляемой крестьянской реформѣ, по малому знакомству моему съ сельскимъ населеніемъ Царства. Скажу только, что для этого, какъ и для многого другаго, пропущено правительствомъ самое благоприятное время, когда польскіе землевладѣльцы, возвратившіеся съ послѣдняго засѣданія земледѣльческаго общества, были приняты крестьянами съ явнымъ недоверіемъ. За крестьянами теперь ухаживаютъ обѣ стороны; крестьяне понимаютъ выгоды своего положенія и весьма довольны тѣмъ, что никому ничего не платятъ. Кажется, минныхъ войтъ слѣдовало бы временно устранить, какъ выбранныхъ въ такое смутное время. Преданность избранныхъ правительству, самая свобода выборовъ едва ли возможны при теперешнемъ положеніи, когда мы не въ состояніи дать селеніямъ и городамъ полного огражденія отъ неистовствъ вѣпателей....“

Въ Петербургѣ для меня возобновилась жизнь, исполненная бездѣйствія, напрасныхъ ожиданій. Къ числу отговорокъ, которыя мнѣ пришлось выслушивать, присоединилось опасеніе раздражить варшавское начальство т. е. гр. Берга, недовольнаго моимъ отъѣздомъ. Все это вредно дѣйствовало на мое здоровье; я опасно заболѣлъ. Едва я началъ выздоравливать, врачи услали меня за границу. Хотя я поправился тамъ подъ вліяніемъ благодатнаго климата, приходилось, однако, прибѣгать къ совѣтамъ врачей. Меня забавляло ихъ недоумѣніе о причинахъ моей болѣзни и удивленіе одного изъ нихъ, когда я сказала ему, что причина въ службѣ. Ему казалось, что служба доставляетъ только покой и удобство, что служащему слѣдуетъ только съ точностію сообразоваться съ данными инструкціями. Онъ не подозрѣвалъ, что у насъ это не спокойное слѣдованіе по гладкой дорогѣ, а трудная дорога цѣликомъ, по буеракамъ и рывинамъ, какъ у насъ.

Не долго пришлось мнѣ наслаждаться покоемъ за границею. Все менѣе стали интересоваться меня чужеземные порядки, а больше и больше заботить то, что происходитъ у насъ. Русскія газеты были нерадостнѣе и загадочнѣе. Меня все сильнѣе и сильнѣе тянуло домой. Мы вернулись въ Россію, въ деревню, въ имѣніе матушки, близко отъ роднаго гнѣзда.

V.

Я вновь очутился среди крестьянъ, которые видѣли меня еще будучи мальчиками. Это было новое поколѣніе, вырастающее на „свободѣ“. Мало еще сознавали ее крестьяне. Они не были еще въ состояніи понять всей выгоды отсутствія произвола надъ ихъ имуществомъ и личностію. Выкупъ уже тяготѣлъ надъ ними. Въ своемъ соображеніи они были равнодушны, или вовсе не думали о будущемъ, когда кончится долгій срокъ выкупа и внуки ихъ получатъ свободную отъ тягостей землю, отъ которой они до сихъ поръ видѣли одиѣ только тяготы. Кромѣ податей, приходилось платить крупный, строго взыскиваемый выкупъ, довольно крупные мірскіе платежи, которые все росли, потому что сборщики, старосты, старшины, писаря оплачивались высокими окладами. Мировые посредники и земскіе сборы (тогда земскія учрежденія еще не были введены) были также не легки. Это была мѣстность черноземная, съ малымъ душевымъ надѣломъ, недостаточность котораго уже предвидѣлась крестьянами, когда увеличится число ѣдоковъ. Въ долгихъ бесѣдахъ съ крестьянами виднѣ мнѣ сталъ смыслъ общиннаго владѣнія. То не былъ предполагаемый досужими мальчиками драгоценный признакъ присущаго нашему крестьянству социализма. То былъ единственно возможный на практикѣ компромиссъ между неумолимыми требованіями фиска и необходимостію доставить каждому члену общины возможность заработать нужный его семьѣ кусокъ хлѣба, при равномерномъ для каждаго распредѣленіи земляныхъ угодій, сообразно ихъ качествамъ и недостаткамъ. При этомъ это былъ самый прочный способъ сохранить за общиною принадлежацій ей земельный капиталъ въ цѣлости и неотчуждаемости, для равномернаго, когда требуется, распредѣленія его въ пользованіе членамъ общины, по мѣрѣ ихъ потребностей и средствъ. Тутъ стала мнѣ ясна причина, по которой община, правдою и неправдою, силится удержать за собою каждый надѣлъ, каждый клочекъ земли. О многомъ мнѣ пришлось узнать тогда изъ продолжительныхъ разговоровъ съ крестьянами, которыхъ я, по своему обычаю, нанималъ въ видѣ проводниковъ, по болотамъ и лѣсамъ, для охоты.

Обычаю этому я обязанъ многими свѣдѣніями, которыя не могъ бы почерпнуть изъ разговоровъ съ равными, ни изъ книгъ и еще менѣе изъ дѣлопроизводствъ.

Привольна была мнѣ и моей семейкѣ жизнь на родинѣ. Не разъ во мнѣ возникало желаніе остаться тамъ. Но для чего? Служить по выборамъ, по отсутствію во мнѣ необходимой для этого искренности, было не мыслимо. Начать вести хозяйство въ тогдашнее переходное время было для меня едва ли возможно. Да какъ сдумѣлъ бы я взяться за него послѣ столькихъ лѣтъ, потраченныхъ на службу?

Мы возвратились въ Петербургъ. Тамъ потянулась прежняя постылая жизнь напоминаній, ожиданій съ моей стороны и увертокъ съ другой. Предлагалъ мнѣ весьма обязательно тогдашній государственный контролеръ В. А. Татариновъ мѣсто управляющаго контрольною палатою, но занятія контрольною частію мало соответствовали моимъ привычкамъ и наклонностямъ. Между тѣмъ бездѣйствіе было для меня невыносимо. Я колебался. О предложеніи и моихъ колебаніяхъ я откровенно высказался лицу, отъ котораго такъ давно ждалъ назначенія. Кажется, перспектива моей контрольной дѣятельности въ примѣненіи къ вѣдомству этого лица повліяла на него побуждающимъ образомъ. По крайней мѣрѣ изъ устъ этого оракула мнѣ удалось услышать нѣчто определенное: совѣтъ отказаться отъ контроля и что-то, походившее на обѣщаніе чего-то положительнаго въ ближайшемъ будущемъ. Черезъ нѣсколько времени, послѣ новаго рѣшительнаго напоминанія, мнѣ было предложено губернаторство въ отдаленной сѣверной губерніи.

Послѣ нѣсколькихъ дней раздумья, я рѣшился принять предложеніе. Рѣшимость моя обрадовала лицо, которому я обязался сообщить о ней въ назначенный день. Обрадовала его, конечно, оттого, что имѣлась возможность избавиться отъ моихъ надобданій. Удовольствію этому, я, вѣроятно, обязанъ щедрымъ назначеніемъ мнѣ подъемныхъ денегъ, о которыхъ и не думалъ просить. Вообще я никогда не просилъ ни о какихъ денежныхъ субсидіяхъ. Мнѣ, напротивъ, неудалось даже выхлопотать возвращенія истраченныхъ мною собственныхъ денегъ на предметы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ службѣ. Такъ, напримѣръ, я никогда не получилъ обратно денегъ, издержан-

ныхъ мною на поправку мебели въ казенномъ домѣ, оставленномъ моимъ предмѣстникомъ въ такомъ видѣ, что ею невозможно было пользоваться. Разъ мнѣ не возвратили денегъ, заплаченныхъ мною за починку рамъ въ томъ же домѣ, которыя дѣлали живущихъ беззащитными отъ трескучаго мороза. Помню еще одинъ оригинальный случай. Изъ тюрьмы убѣжалъ опасный, предприимчивый разбойникъ. Были указанія, что онъ скрывался въ Москвѣ. Вызвался полицейскій чиновникъ отыскать и поймать арестанта. Я принялъ его предложеніе, далъ ему командировку съ прогонными и суточными деньгами въ законномъ, и слѣд. самомъ незначительномъ размѣрѣ. Черезъ двѣ недѣли чиновникъ выслѣдилъ арестанта, указалъ его мѣстной полиціи, добился его задержанія и переслалъ обратно. Совершивъ такой подвигъ, онъ обратился ко мнѣ съ требованіемъ возвратитъ ему деньги, израсходованныя во время пребыванія въ Москвѣ на пищу, квартиру, розыски и другіе неизбѣжныя, впрочемъ весьма умѣренные, расходы. По немѣннѣю указаннаго въ законѣ источника, изъ котораго я могъ бы истребовать эти деньги, я представилъ объ этомъ въ Петербургъ и никогда не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта. Пришлось возвратитъ деньги чиновнику изъ моего собственнаго кармана.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1866 г. я, съ чадами и домочадцами, пустился на сѣверъ. Чѣмъ дальше подвигались на сѣверъ, тѣмъ интереснѣе становилась страна, не по климату, не по почвѣ, покрытой снѣгомъ, а по населенію. Коренное населеніе губерніи, куда я назначался, представляло собою чистый великороссійскій типъ. Мужики были рослые, здоровенные, бойкіе, смышленные, забывшіе или вовсе незнавшіе крѣпостнаго права. Иностранцы видимо уступали имъ въ развитіи и какъ будто неминуемо должны были вымереть. Постройки, при изобиліи лѣса, были большія, исправныя. Попадались двухъ-этажныя хоромы мѣстныхъ богачей, съ мебелью краснаго дерева и зеркалами. Всѣ въ этой глуши радовались случаю видѣть постороннихъ лицъ и домогались угощать ихъ. Губернскій городъ оказался изъ четырехъ линій домовъ, образующихъ улицы вдоль берега большой судоходной рѣки, за которою тянулись далеко въ даль покрытыя снѣгомъ тундры. На главной улицѣ соборъ, большой каменный, холодный губернаторскій домъ и присутственныя мѣста.

Съ напряженнымъ вниманіемъ всматриваясь во все, изучая незнаемую страну, я мало по малу узнавалъ ея особенности, насколько успѣвалъ. Прежде всего меня поразила крайняя бѣдность въ интеллигентныхъ людяхъ между дѣятелями. Интеллигенцію представляли большею частію ссыльные, утилизируемые вѣдомствами на всѣ лады. Начальствующіе выбраны были, очевидно, изъ плохихъ, слабыхъ, а потому непритязательныхъ на мѣста. Средняя и низшая администрація въ большинствѣ своемъ представляла грубые, аляповатые образцы чиновниковъ временъ фонъ Визина, даже старинныхъ привазныхъ. А край нуждался въ приложеніи лучшихъ отборныхъ силъ! Огромный, малонаселенный, прорѣзываемый двумя большими судоходными рѣками, становившимися судоходными съ конца мая по октябрь, упираясь съ двухъ сторонъ въ моря, онъ когда-то былъ мѣстомъ бойкой торговли, разработывалъ руды, имѣлъ свое судостроеніе. Новѣйшія усовершенствованія, пароходы, желѣзныя дороги быстро оттянули изъ него торговую и промышленную дѣятельность въ другія, болѣе счастливыя мѣстности. Остались рыбный, звѣриный промыслы, смолокуреніе, скудное кое-гдѣ хлѣбопашество, дающее населенію малую часть необходимаго продовольствія. Нѣсколько иностранныхъ фирмъ удерживали въ своихъ рукахъ торговлю сырьемъ, все болѣе и болѣе оттѣсня русскіе старинные торговые дома. Представители послѣднихъ взывали о помощи, о льготахъ, указывали на происки одолѣвавшихъ иностранцевъ. При самомъ внимательномъ и благосклонномъ для русскихъ разслѣдованіи, происковъ не оказывалось, обнаруживались скорѣе неблаговидныя продѣлки русскихъ съ поставщиками и рабочими, которые толкали послѣднихъ къ иностранцамъ. Сосѣднее иностранное государство поражало контрастомъ развитія разнообразныхъ своихъ ресурсовъ, промышленности, благосостояніемъ своего населенія. Въ губерніи все, повидимому, требовало поддержки и развитія. Прежде всего мнѣ необходимо было на мѣстахъ изучить обстоятельства и людей. Я предпринялъ объѣзды по уѣздамъ, всматриваясь менѣе въ бумаги, а болѣе въ мѣстныя условія и въ людей. Объѣзды заняли довольно времени; я собирался уже предпринять путешествіе моремъ въ одну значительную мѣстность. Наканунѣ отъѣзда пришла ко мнѣ телеграмма главнаго начальника, предлагающаго мнѣ одну изъ подвѣдомственныхъ ему за-

падныхъ губерній. Обаяніе климата, болѣе нормальной дѣятельности, возможность прійскать способныхъ и надежныхъ людей соблазняли меня сравнительно съ несомнѣнною перспективою быть надолго забытымъ на безпріютномъ и обездоленномъ сѣверѣ. Я пріялъ предложеніе.

VI.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1867 г., послѣ пяти мѣсячнаго пребыванія на сѣверѣ, мы очутились въ теплой, богато одаренной природою странѣ, съ привѣтливымъ небомъ и климатомъ. Губернія съ трудомъ успокоивалась послѣ недавно усмиренаго польскаго возстанія. Военное положеніе дѣйствовало во всей строгости, проводя репрессивныя, ограничительныя и обрусительныя мѣры. Вся администрація была поглощена осуществленіемъ этихъ мѣръ, оставляя въ сторонѣ обычныя административныя дѣла. Контрибуціонный сборъ съ польскихъ землевладѣльцевъ взыскивался съ неувоспитанною строгостію. Неразлучныя съ военнымъ положеніемъ правила для сохраненія безопасности и тишины тоже примѣнялись строго. Многочисленное и прежде вліятельное католическое духовенство, имѣя во главѣ замѣчательнаго по уму, энергіи и проискамъ епископа, помѣщики польскаго происхожденія и шляхта—все это какъ будто притихло. Жизнь ушла куда-то, въ непроглядную глубину, выказываясь урывками и вспышками. Прежніе предводители дворянства, ухитрившіеся сохранить свои мѣста во время погрома, точно также какъ многіе польскіе чиновники, были сомнительны, ненадежны и вредили своими іезуитскими приѣмами, къ которымъ приловчились. Жизнь, или лучше сказать, поверхностное движеніе, сообщалось только русскими чиновниками, которые вмѣстѣ съ тѣмъ представляли собою и общество. Но каково было ихъ большинство! Это были люди, командированные со всѣхъ концовъ Россіи, по кличу Муравьева о присылкѣ русскихъ людей. Въ русскихъ губерніяхъ и безъ того нуждались въ способныхъ и въ честныхъ людяхъ. Тамъ воспользовались случаемъ отдѣлаться отъ своего отребія, которое не знали куда дѣвать. Все негодное бросилось на западъ, какъ вороны на пададь. Уже предмѣстникъ мой при-

шелъ къ необходимости высылать цѣлыя кучи людей на родину, на казенный счетъ. Я скоро убѣдился въ необходимости продолжать это, принявъ только мѣры, чтобы отправляемые не растрачивали и не пропивали выданныхъ имъ на дорогу денегъ. Тѣмъ не менѣе меня осаждали настойчивыми требованіями объ опредѣленіи на должности вновь прибывающіе люди, не представлявшіе никакихъ ручательствъ въ своихъ качествахъ и способностяхъ. Уцѣлѣвшіе польскіе чиновники, своими способностями видимо превосходили ненавистный имъ „наѣздъ“, но, при каждомъ случаѣ, даже поскобливши немного, приходилось убѣждаться въ ихъ неблагонадежности и вредѣ. Тѣмъ не менѣе ихъ приходилось временно терпѣть подъ опасеніемъ остановки дѣлъ. Такимъ образомъ всѣ вѣдомства страдали инфильтраціею хитраго, враждебнаго элемента, но пренебрегающаго никакими средствами, чтобы вредить или своею инерціею, или притворною неумѣлостію парализовать движеніе въ данномъ направленіи. Недугъ этотъ сильнѣе всего вліялъ на крестьянское дѣло, бывшее тогда въ полномъ подъемѣ. Во всемъ краѣ дѣйствовали повѣрочныя комиссіи, учрежденныя съ цѣлію исправить вредныя отступленія отъ Положеній, изданныхъ для края, отступленія, которыя намѣренно допущены прежними устраненными мировыми учреждениями, образованными изъ польскаго персонала. Благодаря этимъ отступленіямъ, крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, нигдѣ не получили по уставнымъ грамотамъ земель, которыя были въ ихъ пользованіи и слѣдовательно подлежали имъ въ надѣлъ и въ собственность. Центральное завѣдываніе крестьянскими дѣлами края было тогда въ рукахъ З., человѣка умнаго, энергическаго, честнаго, всею душою преданнаго своему дѣлу и дѣйствующаго въ краѣ крестьянскому положенію. Такимъ спеціальнымъ людямъ тогдашній начальникъ края не могъ не предоставить простора и вліянія, которое З. умѣлъ проводить вездѣ. Начальникъ края была личность высоко честная и благонамѣренная, но не близко знакомая со спеціальностями управленія краемъ. Его сбивали по временамъ петербургскіе пріатели и нѣкоторыя вліятельныя лица своими космополитическими понятіями. Въ Петербургѣ господствовала тогда замѣчательная разладица мнѣній о польскомъ вопросѣ и о направленіи, которое слѣдовало сообщать. Были лица, которыя требовали точнаго примѣненія изданныхъ тогда для края

послѣ мятежа законоположеній, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Высочайше утвержденные циркуляры Муравьева. Были другія лица, которые требовали отъ своихъ подчиненныхъ противоположнаго направленія, уклончиво формулируя свои мнѣнія только словесными наставленіями. Названный мною З., стоя во главѣ крестьянскаго управленія въ краѣ, своимъ умомъ, энергією, выборомъ людей и наставленіями имѣлъ огромное вліяніе на весь персоналъ крестьянскихъ учреждений края. Мировые посредники и члены повѣрочныхъ комиссій отличались общимъ направленіемъ, выражающимся въ усердномъ приложеніи крестьянскихъ положеній къ ущербу и возбужденію польскихъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ поминутно отрѣзывались земли, подлежащія въ пользованіе крестьянъ, но оставленныя за помѣщиками по старымъ, пріостановленнымъ на время уставнымъ грамотамъ. Когда я пріѣхалъ, между начальникомъ края и Петербургомъ происходили пререканія, которыя вредно отражались на ходѣ крестьянскаго дѣла. Въ Петербургѣ не хотѣли признавать законной силы за актами повѣрочныхъ комиссій. Начальникъ края, признавая обязательность актовъ, составленныхъ учреждениями, въ законномъ порядкѣ утвержденными, ссылался на законно же утвержденный докладъ Муравьева. Въ ожиданіи развязки этихъ пререканій, прежнія, пріостановленныя уставныя грамоты, а вмѣстѣ съ ними новыя повѣрочныя акты не приводились въ исполненіе. И крестьяне, и помѣщики не знали который изъ двухъ актовъ по одному и тому же имѣнію будетъ окончательно примѣненъ. Въ такомъ положеніи нашелъ я крестьянское дѣло въ первомъ уѣздѣ, куда пріѣхалъ прежде всего, потому что землевладѣніе представляло тамъ для обѣихъ сторонъ преобладающій интересъ. Онѣ одинаково тяготились неопредѣленностію и одинаково просили о прекращеніи ея. Собравъ на мѣстѣ необходимыя данныя, я послалъ ихъ съ мѣста начальнику края при подробномъ объясненіи, заключая о необходимости безотлагательно положить конецъ недорумѣніямъ. Не успѣвъ еще объѣхать всѣ мѣстности, я заѣхалъ въ губернский городъ, гдѣ нашелъ пересланный мнѣ начальникомъ края отвѣтъ изъ Петербурга на мое представленіе. Въ немъ содержались, въ изысканно вѣжливой формѣ, только однѣ издѣвательства по поводу сообщаемыхъ мною фактовъ, но гордіева узла все-таки не разрубалось. Вскорѣ явились двѣ личности, присланныя изъ Пе-

тербурга подъ разными предлогами, долго вертѣвшіяся около крестьянскихъ дѣлъ. Они поѣхали по уѣздамъ, откуда присылали въ Петербургъ анекдотцы о допускаемыхъ повѣрочными комиссиями и посредниками преувеличеніяхъ, напр., о томъ какъ одинъ надѣлъ достался, вмѣсто крестьянина, солдату и т. п. Мнѣ было извѣстно много, болѣе серьезныхъ увлеченій, но когда онѣ допускались людьми честными и благонамѣренными, я старался только ихъ исправлять, объясняя увлекающимся ихъ ошибку и происходящій отъ того вредъ для частныхъ лицъ и общаго дѣла. Однако въ общемъ, направленіе крестьянскаго дѣла было хорошее и таковъ же былъ личный составъ, изъ котораго выдѣлялось даже нѣсколько свѣтлыхъ личностей. Къ числу ихъ принадлежалъ одинъ изъ членовъ губернскаго присутствія, Т.; трудолюбивый, умный, проникнутый чувствомъ глубокаго патріотизма, онъ былъ драгоценная находка въ учрежденіи, гдѣ тонко и умно орудовала изъ-подтишка одинъ изъ уцѣлѣвшихъ польскихъ членовъ и польскій предводитель, да еще нѣсколько безразличныхъ членовъ, для которыхъ главный интересъ составляло сохраненіе оклада, а впрочемъ — „какъ угодно“.

Пререканія между начальникомъ края и Петербургомъ продолжались долго; соглядатаи изъ Петербурга не могли доставить туда того, что отъ нихъ ждали. Впослѣдствіи начали поступать изъ Петербурга утвержденія повѣрочныхъ актовъ, но за то скоро заговорили о новомъ, готовящемся распоряженіи, которымъ предписывалось склонять крестьянъ къ добровольному соглашенію съ помѣщиками. Эти слухи, скоро оправдавшіеся, побудили помѣщиковъ замедлять всякими средствами окончательное заключеніе повѣрочныхъ актовъ и пользоваться всѣми предлогами, чтобы обжалывать ихъ. Подъ этими вліяніями ходъ крестьянскаго дѣла замедлялся и тормозился до того, что послѣ моего выхода, пришли къ необходимости упразднить засидѣвшіяся не въ мѣру повѣрочныя комиссіи и издать новыя руководства посредникамъ, для соглашенія крестьянъ съ помѣщиками. Соглашенія эти, благодаря настояніямъ новаго начальника края, новому направленію, данному всѣмъ дѣламъ, повальнымъ замѣщеніямъ служащихъ другими лицами, съ новымъ, желаемымъ направленіемъ, стали поступать все въ большемъ и большемъ количествѣ, открывая въ будущемъ мѣсто притязаніямъ и жалобамъ обезземеленныхъ

крестьянъ, коморниковъ и безчисленнымъ недоразумѣніямъ. А трудный вопросъ о чиншевикахъ и вольныхъ людяхъ остался не разрѣшеннымъ и остается такимъ до времени, въ которое я пишу эти строки.

Вся западная окраина губерніи, окаймленная пограничною чертою, принимала нѣмецкій характеръ; крестьяне, по одеждѣ и привычкамъ, похожи были на нѣмецкихъ ландсмановъ. Тутъ процвѣтали прочно и хорошо устроенныя нѣмецкія школы; въ одной мѣстности былъ даже случай перехода изъ католичества въ лютеранство. Другая часть губерніи къ сѣверу граничила съ Остзейскимъ краемъ, который видимо налагалъ на нее свой отпечатокъ, далеко вдвигаясь внутрь крупными имѣніями бароновъ, умѣвшихъ мирно уживаться съ недавнимъ возстаніемъ, играя во время его роль жертвъ одного и того же гнета. Сосѣди готовились въ ближайшемъ будущемъ овладѣть лучшими имѣніями изъ подлежащихъ обязательной продажѣ.

Внутри надъ населеніемъ безраздѣльно господствовало католическое духовенство, состоящее болѣе, чѣмъ изъ 500 ксендзовъ, съ епископомъ и его суффраганомъ во главѣ. Епископъ была личность, выходящая изъ уровня; человекъ большого ума, желѣзной воли, демократъ и врагъ русскаго правительства, онъ въ продолженіе долгаго, безконтрольнаго управления епархіею, пріобрѣлъ надъ нею неограниченное вліяніе, которому духовенство подчинялось, какъ машина, по малѣйшему его знаку. Силою крутой дисциплины онъ держалъ его въ полной зависимости, карая непослушныхъ въ силу своей, почти неограниченной власти, сажая нѣкоторыхъ на годы, подъ видомъ сумасшедшихъ, въ одну больницу. Были лица, совершенно здоровыя, которыя провели въ этой больницѣ, съ разными промежутками, около 15 лѣтъ. Епископъ игралъ важную роль во время возстанія, которому оказывалъ трудно скрываемую поддержку. Но усмиреніи мятежа, онъ не переставалъ вести болѣе или менѣе скрытую борьбу противъ муравьевскихъ репрессивныхъ мѣръ, преимущественно противъ тѣхъ, которыя парализировали или затрудняли внѣшнія выраженія католическаго вѣроисповѣданія, напр. бержмованіе (помазаніе муромъ), крестные ходы, дѣйствіе многочисленныхъ братствъ и развитіе католическихъ школъ. Сопротивленіе свое онъ объяснялъ требованіями долга, совѣсти и своей обязанности, объясненія к :

торыя должны были уважаться самыми ревностными послѣдователями карательной системы. Этимъ только можетъ быть объяснена его безнаказанность, не смотря на нѣсколько слѣдствій, его обличающихъ.

Суффраганъ уступалъ въ энергіи своему принципалу, хотя былъ таковой же непримиримый врагъ русскаго правительства; но онъ болѣе придерживался польскихъ помѣщиковъ, которымъ принадлежало въ губерніи болѣе, чѣмъ 18,000 имѣній. Оба тщательно поддерживали въ паствѣ тайну объ упраздненіи благопріятнаго для нихъ конкордата 1847 года. Подчиненныя имъ духовныя лица были почти всѣ воспитаны въ мѣстной семинаріи, подъ вліяніемъ своеобразнаго, систематическаго и строго выдерживаемаго аскетическаго начала; изолированное отъ практической жизни и науки, большинство семинаристовъ отличалось замѣчательнымъ невѣжествомъ и религіозно-политическою экальтаціею. Вліяніе такихъ пастырей на католическое населеніе, болѣе чѣмъ изъ 800,000 душъ, въ особенности на женщинъ, было громадное. Мнѣ пришлось поэтому много потрудиться надъ изученіемъ католическаго вопроса по источникамъ.

Крестьянское населеніе, болѣею частію изъ жмудинъ и латышей, стояло на низкомъ уровнѣ умственнаго развитія. Еще недавно пригнѣталось оно помѣщиками и оффиціалами, считавшими ихъ быдломъ, т. е. домашнимъ скотомъ. Такимъ же считало ихъ и теперь еврейское населеніе, состоящее номинально болѣе, чѣмъ изъ 13,000 мѣщанъ, овладѣвшее краемъ и эксплуатировавшее его всѣми средствами. Это была своего рода мѣстная интеллигенція, энергическая, упорно борющаяся противъ всѣхъ и каждаго, умѣренная до скудости въ своихъ привычкахъ и образѣ жизни, способная въ борьбѣ на великіе подвиги, а потому опутавшая и одолѣвающая весь край своими тонкими, но крѣпкими сѣтями. Она имѣла въ рукахъ участь всѣхъ жителей, начиная съ губернатора, услуги которому сдавала съ торговъ, хотя бы услуги состояли въ продажѣ ему провизіи или въ починѣ стула. Вся торговля, всѣ подряды и поставки, въ томъ числѣ постройка православныхъ церквей, были въ ея рукахъ. Самые богатые изъ ея среды, напр. банкиры, боялись ея вліянія, подчинялись ея законамъ и обычаямъ. Противъ неугодныхъ и вредныхъ евреевъ назначались особые мучители, единственною заботою и занятіемъ

которыхъ было изобрѣтеніе и причиненіе намѣченнымъ жертвамъ всевозможныхъ бѣдъ.

При развитіи такихъ могущественныхъ силъ, сопоставленіе имъ практическаго примѣненія нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ не будетъ лишено нѣкотораго интереса.

Услуги, оказанныя разбросанными въ краѣ русскими старообрядцами, во время мятежа, стойкость ихъ въ охранѣ бытовыхъ особенностей отъ чуждыхъ имъ вліяній не ускользнули отъ проницательнаго ума Муравьева. Онъ преподалъ мѣстному управленію государственными имуществами нѣсколько главныхъ и хорошо задуманныхъ общихъ правилъ для привлеченія и водворенія въ губерніи старообрядцевъ и русскихъ крестьянъ. Последнихъ онъ думалъ селить крупными деревнями. Замѣчательный опытъ такого поселенія сдѣлалъ Муравьевъ самъ, еще будучи въ краѣ. Одна шляхетская околица совершила избіеніе и предательство надъ небольшою зарвавшеюся впередъ партіею войскъ. Околица была сожжена до тла, жители ея арестованы или высланы, а земля, на которой былъ поселокъ, запахана. На ея мѣстѣ возведено русское селеніе, Александровская слобода, съ православнымъ храмомъ.

Старообрядцы, по мысли Муравьева, подлежали расселенію вразбродъ. Всѣ поселенцы должны были получить достаточныя для хозяйства земельныя угодья, лѣсъ и деньги на устройство усадебъ.

Для осуществленія этой мысли, управленіемъ государственными имуществами выданы были билеты на устройство 165 поселеній, отведено болѣе 18,000 десятинъ земли, частію изъ свободныхъ казенныхъ участковъ, оброчныхъ статей, а частію изъ конфискованныхъ имѣній, отпущены лѣсъ и денежныя пособія. Считая цѣнность отведенной земли, лѣса и денежное пособіе, вазна издержала на русскія поселенія въ губерніи болѣе 500,000 рублей.

Вскорѣ послѣ моего прибытія, до меня начали доходить слухи о несчастномъ положеніи жителей этихъ поселеній, даже о голодѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Частію при своихъ поѣздкахъ, а частію черезъ посланныхъ лицъ и мѣстныхъ посредниковъ я собралъ подробныя свѣдѣнія по этому предмету. Положеніе большинства поселенцевъ дѣйствительно было самое плачевное, а при-

чины слѣдующія. Ни одно изъ указаній Муравьева не было въ точности исполнено. Поселенцы разселены подъ вліяніемъ какихъ-то, ничѣмъ необъяснимыхъ случайностей: старообрядцы близъ православныхъ церквей, а православные такъ далеко отъ нихъ, что у нѣкоторыхъ дѣти оставались не окрещенными, а усопшіе не отпѣтыми. И тѣ и другіе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были перемѣшаны между собою. Билеты на водвореніе получила значительная часть мѣщанъ-католиковъ, батраковъ изъ Курляндіи, даже не русскаго происхожденія. Нѣкоторые поселенцы, получивъ денежное пособіе, перепродали билеты свои другимъ лицамъ. Нѣкоторые получили билеты, не будучи еще уволены изъ своихъ обществъ, которыя продолжали начислять за ними недоимки за нѣсколько лѣтъ и на этомъ основаніи отказывали въ выдачѣ увольнительныхъ свидѣтельствъ. Бѣльшей части водворяемыхъ отведено недостаточное для самостоятельнаго хозяйства количество земли. Они поэтому вынуждены были поступать работниками къ полякамъ, даже евреямъ. Нѣкоторые получили недостаточное пособіе лѣсомъ или деньгами для того, чтобы устроить усадьбы. Другіе, по прежнимъ своимъ занятіямъ, не были вовсе способны сдѣлаться самостоятельными хозяевами. Большинство голодало, просило о выдачѣ на продовольствіе хлѣба, а его можно было только выдать изъ запасныхъ магазиновъ, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ, въ образованіи которыхъ, также какъ и запасовъ, поселенцы нивакаго участія не принимали. Однако, въ виду крайняго положенія ихъ и необходимости немедленной помощи, пришлось мнѣ разрѣшить такую выдачу. Это справедливо возмущало сельскія общества, а переселенцевъ приучало рассчитывать на даровыя пособія. Наконецъ нѣкоторой части изъ получившихъ билеты на водвореніе, съ пособіемъ деньгами и лѣсомъ, вовсе не оказывалось на мѣстѣ.

При изученіи этого дѣла, обнаружилось еще новое обстоятельство, доказывающее, что заботливость правительства о поселенцахъ возбуждала противъ него недовольство среди отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ, возвратившихся на родину въ губерніи въ числѣ около 7,000 человекъ.

По 18 ст. положенія 25-го іюля 1867 года, дѣйствовавшаго въ то время, нижніе чины, поступившіе на службу послѣ 10 ре-визіи, возвратившись на родину, имѣютъ право на участіе въ

пользованіи землею, отведенной обществу въ надѣлѣ. Но участіе это въ западномъ краѣ неосуществимо; крестьянское землевладѣніе не общественное, а участковое; отдѣльный участокъ находится въ пользованіи не всѣхъ членовъ семьи, для которой отведенъ, а фактически одного только домохозяина; остальные члены идутъ на сторону, или дѣлаются батраками, коморниками.

При такомъ порядкѣ, возвратившіеся на родину отставные и безсрочные не имѣли возможности получить обѣщанной имъ по закону земли, не только полевой, но даже усадебной, и перебивались кое-какъ.

Представлялась настоятельная необходимость исполнить законъ и показать, что люди, служившіе отечеству, могутъ рассчитывать на его заботливость наравнѣ, по крайней мѣрѣ, съ поселенцами, которые никакихъ услугъ правительству не оказали. Я представилъ въ Петербургъ объ этомъ, прося разрѣшенія надѣлать отставныхъ и безсрочныхъ изъ свободныхъ казенныхъ земель, хотя бы по одной десятинѣ для усадьбы и огорода.

Что касается до неудавшихся поселеній, то дальнѣйшее развитіе ихъ пришлось пріостановить, неотступая однако передъ необходимою обезпечить уже поселившихся.

Предстояла еще болѣе важная забота объ огражденіи безопасности жителей отъ шаекъ грабителей, образованныхъ частію изъ остатковъ мятежническихъ бандъ, частію изъ старообрядцевъ, почти всегда находившихся подъ руководствомъ евреевъ, полезныхъ грабителямъ своими происками, находчивостію и хитростію. Плохая и малочисленная полиція была не въ состояніи обуздать и даже открывать злоумышленниковъ. Дореформенный судъ тянулъ дѣла о нихъ до безконечности. Пришлось утилизировать казаковъ, для усиленія полицейскихъ средствъ, хлопотать о постепенной замѣнѣ неспособныхъ и неблагонадежныхъ полицейскихъ чиновъ лучшими и о передачѣ дѣлъ о грабежахъ въ военные суды. Удалось привести въ исполненіе только мѣру о казакахъ. Замѣна худыхъ чиновниковъ лучшими была очень затруднительна и по сомнительности казенныхъ свѣдѣній, о нихъ доставляемыхъ, и по медленности въ собраніи этихъ свѣдѣній частнымъ, болѣе надежнымъ путемъ. Большинство лучшихъ людей, которымъ предлагались должности, отказывались отъ нихъ. Немногихъ принявшихъ приходилось защищать отъ непріятностей

и преслѣдованій со стороны военныхъ начальниковъ, не возлюбившихъ ихъ и губернскаго правленія.

Впереди надвигалось примѣненіе закона объ обязательной продажѣ имѣній, принадлежащихъ лицамъ, компрометированнымъ въ мятежѣ. Такихъ имѣній было въ губерніи около 170, что составляло до 9% всѣхъ помѣщичьихъ имѣній. Осуществленіе этой мѣры, затрогивающей столько интересовъ и возбуждающей столько страстныхъ вождельній, представляло много возможностей для ошибокъ, несправедливостей и злоупотребленій. Приобрѣтатели раздѣлились на нѣсколько группъ.

Была сильная своими средствами и связями группа изъ остзейскихъ владѣльцевъ. Она намѣтила для себя лучшія имѣнія. По поводу этой группы возбуждался важный вопросъ: имѣла ли она право приобретать имѣнія въ край? Другими словами: по указу 10-го декабря 1865 года, могли ли лица остзейскаго происхожденія пользоваться правами, предоставленными лицамъ русскаго происхожденія?

Была другая группа изъ подставныхъ людей, домогавшихся купить имѣнія, чтобы передать ихъ прежнимъ собственникамъ, или родственникамъ и повѣреннымъ.

Была еще группа людей, намѣревающихся довести собственниковъ имѣній до послѣдняго срока, опредѣленнаго на продажу, и, пользуясь ихъ крайностію, купить имѣнія за безцѣнокъ.

Наконецъ были люди, рассчитывающіе на оплошность и другія побужденія со стороны лицъ, служащихъ въ томъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ совершались купчія, чтобы купить имѣнія, не имѣя на то правъ и установленныхъ свидѣтельствъ.

Вопросъ о правоспособности лицъ остзейскаго происхожденія былъ нѣсколько разъ представляемъ мною начальнику края, находившемуся тогда въ Петербургѣ. Отвѣтъ замедлялся, къ моему крайнему изумленію. Это изумленіе представилось мнѣ наивнымъ, когда я впослѣдствіи узналъ, въ какія затрудненія были поставлены начальникъ края и само правительство. Пріѣхавши въ Петербургъ по дѣлу, о которомъ я расскажу вслѣдъ за этимъ, я узналъ, что остзейскій вопросъ былъ только что разъясненъ особымъ распоряженіемъ, по которому лица остзейскаго происхожденія уравниваются съ русскими.

Посреди этихъ заботъ и хлопотъ я былъ вызванъ въ Петер-

бургъ для участія въ совѣщаніяхъ комитета о католическомъ духовенствѣ въ западномъ краѣ. Я немедленно прибылъ въ Петербургъ, гдѣ былъ глубоко тронутъ милостивымъ приѣмомъ Государя, долго разспрашивавшаго меня о дѣлахъ края и въ концѣ своей аудіенціи, въ самыхъ милостивыхъ, лестныхъ для меня выраженіяхъ, благодарившаго меня за полезную и честную службу. Его словъ я не забуду никогда. Воспоминаніе о нихъ живо и болѣзненно возникло во мнѣ съ малѣйшими подробностями подъ вліяніемъ потрясеній, испытанныхъ 1-го марта 1881 года, и его кончины.

О подробностяхъ и результатѣ совѣщаній комитета считаю себя не въ правѣ сообщить здѣсь. По окончаніи засѣданій, я поспѣшилъ возвратиться, чтобы продолжать свои занятія. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я старался объяснить начальству мои затрудненія по крестьянскому дѣлу, въ виду противорѣчій между требованіями закона и негласнымъ, но очевиднымъ направленіемъ, которое стараются сообщить этому дѣлу. При неопредѣленности и отсутствіи подробныхъ указаній на каждый отдѣльный случай, одно только спасеніе въ строгой законности дѣйствій исполнителя. Я просилъ поэтому: или измѣнить законы согласно направленію, которое желаютъ дать въ Петербургѣ, или давать мнѣ по каждому дѣлу особое письменное указаніе, или перевести меня въ другую мѣстность, гдѣ была бы возможность строго держаться закона.

Кромѣ намѣченныхъ мною дѣлъ и вопросовъ, имѣвшихъ особый характеръ, остальные, обще-административныя дѣла въ губерніи, по своему неустройству, напоминали о себѣ ежедневно.

Въ особенности дурно шли дѣла о земскихъ повинностяхъ. Дѣлопроизводство о нихъ находилось въ рукахъ Б. К., человѣка опытнаго, способнаго, но не честнаго. Вредный образъ его дѣйствій не замедлил для меня выясниться. Необходимо было замѣнить его другимъ; но не было для этого ни одного человѣка. Затрудненіе увеличивалось еще и тѣмъ, что Б. К., кромѣ дѣлъ особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, завѣдывалъ еще дѣлопроизводствомъ комисіи народнаго продовольствія и тюремнаго комитета. По всѣмъ тремъ были подряды и поставки, справочныя цѣны, контракты, которые представляли Б. К. обширное поле для его корыстной, изворотливой дѣятельности. Никогда я такъ

не чувствовалъ своего безсилія и безпомощности, какъ при возобновляющихся попыткахъ замѣнить этого вреднаго человѣка другимъ, болѣе благонадежнымъ. Вообще трудно и бесполезно было бы описывать всѣ тягостныя ощущенія, разочарованія, горечь, иногда доходившія до отчаянія, которыя мнѣ пришлось испытывать въ этомъ омутѣ.

Горькая чаша, изъ которой я вкушала, переполнилась еще новыми напастями. Свѣтлая и благородная личность, занимавшая постъ начальника края, личность, въ которой я привыкъ встрѣчать во всемъ полное довѣріе и опору, оставила край. Его замѣнилъ человѣкъ съ діаметрально-противоположными свойствами и направлениемъ. Перемѣна не замедлила отозваться на мой дѣятельности. Скоро послѣдовали напады на лучшія личности, занимавшія должности въ губерніи по крестьянскимъ и другимъ дѣламъ и начали выдвигаться какіе-то темные люди, дѣйствія которыхъ не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что теперь требуются свойства и дѣйствія,—противоположныя тѣмъ, которыя настойчиво проводились прежними руководителями и дѣйствующими законоположеніями. Приходилось отстаивать, по мѣрѣ силъ и возможностей, тѣхъ благородныхъ и полезныхъ дѣятелей, которыми держалось дѣло, и отвергать вновь навязываемыя темныя личности. Приходилось мнѣ самому обороняться отъ хитро придуманныхъ и подразумѣваемыхъ обвиненій въ неустройствахъ, послѣдованныхъ мною, о которыхъ я неоднократно уже заявлялъ, безуспѣшно предлагая мѣры, вызываемыя настоятельной необходимостію. Напр., у меня спрашивали, почему допускаются и не превращаются грабежи. Приходилось повторять все, мною говоренное, писанное и предложенное по этому предмету. То же самое повторялось по многимъ дѣламъ съ очевиднымъ намѣреніемъ игнорировать то, что мною было сдѣлано и о чемъ представлялось, когда мои средства и права оказывались недостаточными. Подъ влияніемъ чувства оскорбленнаго достоинства и негодованія, ѣздилъ я для личныхъ объясненій, но всегда встрѣчаемъ былъ съ полнымъ вниманіемъ, даже почтительно, отпускался съ выраженіями довѣрія и какъ будто готовности меня успокоить, удовлетворить.

Въ довершеніе этого случилось обстоятельство, которое должно было имѣть рѣшительное влияніе на мою судьбу. Это обстоятельство, повидимому весьма не важное, вышло изъ обычной обязан-

ности представлять за каждое полугодіе вѣдомость объ успѣхѣ денежныхъ сборовъ въ губерніи. Составляется она по формѣ, приложенной къ II т. свод. зак., на основаніи свѣдѣній, присылаемыхъ изъ казенной палаты. Такая вѣдомость представлена была мною за полугодіе, а копія послана въ министерство. Получивъ ее, министерство, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, замѣтило мнѣ, что недоимка показана не вѣрно и просило на будущее время быть болѣе внимательнымъ къ такимъ отчетамъ. Оставляя въ сторонѣ рѣзкость выраженій, я прежде всего пожелалъ выяснитъ причину указываемой министерствомъ невѣрности въ цифрахъ. Завѣдующій дѣлопроизводствомъ, человѣкъ опытный и способный, объяснял и доказывалъ, что исчисленіе въ вѣдомости сдѣлано было во всемъ согласно приложенной къ закону формѣ и свѣдѣніямъ казенной палаты. Не полагаясь на это разъясненіе и мою собственную провѣрку, я обратился за разъясненіемъ къ специалисту, управляющему контрольною палатою, человѣку честному и знающему. Онъ удостовѣрилъ и доказалъ мнѣ, что представленный отчетъ былъ вѣренъ и согласенъ съ указаніями закона. Тогда, обративъ вниманіе на рѣзкій тонъ бумаги, я написалъ министру письмо, въ которомъ, объяснивъ все оказавшееся по тщательной повѣркѣ, я обращалъ его вниманіе на рѣзкость выраженій, допущенную въ редакціи министерства, прибавлялъ, что никогда не занимаясь бухгалтеріею, я могъ въ такихъ сложныхъ и запутанныхъ исчисленіяхъ впасть въ ошибку, что, въ подобныхъ случаяхъ, по счетоводству возлагается ответственность на спеціальныхъ чиновниковъ, занимающихся бухгалтеріею, а не на административныхъ распорядителей, которымъ важно не счетоводство, а итоги. Въ заключеніе я просилъ оградить меня отъ оскорбленій. Эта переписка за первую половину года происходила при прежнемъ начальникѣ края, которому я послалъ ее въ Петербургъ съ просьбою, если при разговорѣ объ этомъ съ министромъ, онъ замѣтитъ въ немъ нежеланіе удовлетворить меня, передать ему мою просьбу объ увольненіи меня отъ должности. Результатъ объясненій съ начальникомъ края выразился въ присылкѣ мнѣ изъ министерства официальной просьбы возвратитъ мнѣ бумагу, какъ присланную ошибочно. Мнѣ казалось, что я долженъ былъ удовлетвориться этимъ и не позволять въ себѣ развиваться щекотливости въ ущербъ

службѣ и дѣлу. Когда наступило время представлять новый отчетъ о поступленіи денежныхъ сборовъ съ губерніи за слѣдующую половину года, дѣлопроизводитель спросилъ меня, дѣлать ли исчисленія согласно неправильному толкованію министерства? Я могъ только сказать ему, что одно уже взятіе министерствомъ бумаги обратно означаетъ, что оно признало свою ошибку и вѣрность нашихъ счетовъ, что поэтому отчетъ долженъ быть присланъ съ исчисленіями, согласными съ закономъ и нашими мнѣніями. Такъ было исполнено; отчетъ былъ посланъ по принадлежности, а копія съ него въ министерство. Не успѣла она тамъ пролежать трехъ или четырехъ дней, какъ изъ министерства прислана бумага, въ которой выражалось, что „я не воспользовался указаніями, данными мнѣ въ такой то бумагѣ (№ и число соотвѣтствовали тѣмъ, которые были на бумагѣ, вытребованной въ Петербургъ обратно), почему я снова приглашался быть болѣе внимательнымъ къ такимъ отчетамъ. Что касается моего довода, въ письмѣ къ министру о незнакомствѣ моемъ съ бухгалтерією, что ошибки должны быть вѣрныя счетчикамъ, то министерство полагало, что въ такомъ дѣлѣ мнѣ слѣдовало самому имѣть бухгалтерское вниманіе“.

Такой оскорбительный отзывъ, присылаемый съ необычною министерству послѣдностію и намѣренною рѣзкостію, переполнилъ чашу испытываемыхъ мною горечей. Я пришелъ къ убѣжденію, что меня считаютъ неудобнымъ и, не находя благовидныхъ предлоговъ, хотять вынудить удалиться. Въ тотъ же день я телеграфировалъ въ Петербургъ о необходимости немедленно прибѣгнуть къ помощи петербургскихъ врачей и просилъ о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ затруднить подъ разными предлогами удовлетвореніе моей просьбы и обмѣна телеграмъ, я получилъ наконецъ дозволеніе и пріѣхалъ въ Петербургъ. При первыхъ словахъ объясненія съ новымъ министромъ, на вопросъ его о томъ, какого рода удовлетворенія я желаю, я отвѣчалъ, что ни о какомъ удовлетвореніи не говорю, а прошу объ увольненіи меня отъ должности и тутъ же вручилъ ему прошеніе. Это былъ, какъ я уже сказалъ, новый министръ, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть въ первый разъ личное объясненіе. Не знаю, изъ вѣжливости ли, приличія или другихъ побужденій, онъ нашелъ нужнымъ просить меня обду-

мать нѣсколько дней мое рѣшеніе. Когда я возразилъ, что оно уже обдуманно, онъ предупредилъ меня, что ранѣе нѣсколькихъ дней не дастъ хода моему прошенію. Мы разстались безъ взаимнаго неудовольствія. Къ новому начальнику края, бывшему также въ Петербургѣ, я поѣхалъ изъ приличія, выслушалъ отъ него много любезныхъ сожалѣній, которыя не могли имѣть никакого вліянія на мое рѣшеніе. Въ продолженіи промежуточныхъ дней, определенныхъ министромъ, мнѣ дано было испытать горькое и тяжкое впечатлѣніе отъ краткаго, но вкратце произнесеннаго свыше упрека, что я кругомъ виноватъ въ столкновеніи моемъ съ министерствомъ. Возражать, излагать подробности мелкаго, спеціальнаго дѣла, которое было даже недоступно министру, я не могъ, да если бы и могъ, то не былъ бы въ состояніи. Удручающее чувство, испытываемое мною тогда, послѣ выслушанной едва четыре мѣсяца тому назадъ благодарности, цѣна которой превышала мои слабыя заслуги, было невыразимо тяжело.

VII.

Пережитыя во все это время заботы, непосильные труды въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду и, наконецъ, горе сильно повліяли на мое здоровье; врачи требовали продолжительнаго отсутствія за границую, усиленно противясь моему стремленію уѣхать на родину. Я долженъ былъ уступить ихъ совѣтамъ и просьбамъ жены, и, признаюсь, рѣшался не возвращаться болѣе въ отечество. По любезному настоянію министра, я согласился причислиться къ его вѣдомству и получилъ продолжительный отпускъ за границу, безъ всякаго оклада, разумѣется, и денежнаго пособія. Остатка полученной за выкупъ женинаго имѣнія суммы было достаточно, чтобы прожить за границею, при нашихъ умѣренныхъ вкусахъ и образѣ жизни.

Погода, климатъ, переходъ отъ недавнихъ заботъ и горечей къ полному ихъ отсутствію, постепенно успокоили во мнѣ негодованіе и печаль. Я зажилъ новою, безмятежною жизнію. Но скоро отсутствіе дѣятельности послѣ той, которой я предавался, начало тяготить меня. Я принялся присматриваться въ административнымъ порядкамъ и приѣмамъ въ мѣстахъ, гдѣ приходилось

останавливаться на довольно продолжительное время. Скоро однако я пришелъ къ убѣжденію, что все это, хотя безспорно хорошее и тамъ пригодное, не годится для насъ, воспитанныхъ подъ другими историческими вліяніями и мѣстными обстоятельствами. Могли годиться только развѣ нѣкоторыя формы, но тогда я уже сознавала всю ихъ тщету.

Такъ прожили мы довольно продолжительное время до тѣхъ поръ, когда я сталъ чувствовать, что меня начало неудержимо тянуть домой. Тутъ я въ первый разъ понялъ и созналъ отечество, его притягательную силу и глубокое значеніе. Тутъ я понималъ пустоту ребяческихъ бравадъ, до которыхъ доходилъ иногда самъ подъ космополитическимъ вліяніемъ нашего общества, нашего слабого гражданскаго воспитанія, или отсутствія его въ нашей безпочвенной цивилизаціи.

Родная страна все сильнѣе и сильнѣе тянула меня къ себѣ. Побуждаемый этою притягательною силою, я снова очутился въ Петербургѣ. Тамъ я не могъ оставаться празднымъ. Опираясь на любезное приглашеніе министра остаться въ его вѣдомствѣ, я обратился къ нему и скоро, къ моему крайнему изумленію, получилъ предложеніе ѣхать въ одну изъ центральныхъ великороссійскихъ губерній. Этотъ неожиданный благопріятный оборотъ моихъ дѣлъ объясняется, какъ я узналъ впоследствии, настояніемъ одного вліятельнаго тогда лица. Было ли оно возмущено способами, употребленными, чтобы отдѣлаться отъ меня, или считало справедливымъ и полезнымъ возстановить мое положеніе, — я до сихъ поръ не могъ выяснить.

Характеръ губерніи, куда я прибылъ, сообщался ей жившимъ въ ней дворянствомъ. Оно имѣло большое вліяніе на устраненіе губернатора, который примѣнялъ тамъ въ свое время положеніе о крестьянахъ. Это былъ человекъ умный, энергическій, понимавшій духъ положенія такъ, какъ понимало его тогда меньшинство дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Ему удалось привлечь на должность мировыхъ посредниковъ лучшихъ изъ мѣстныхъ дворянъ, на которыхъ онъ имѣлъ большое вліяніе. Посредники устраняли корыстныя попытки помѣщиковъ, старавшихся обойти положеніе. Оброки въ нѣкоторыхъ уѣздахъ далеко не соотвѣтствовали качеству и доходности земли; губернаторъ пытался провести мысль о пониженіи ихъ. Это усилило вражду и происки противъ

него. Они увѣнчались его удаленіемъ. Преемникъ его и мой предѣстникъ, поставилъ себѣ задачею примирить, (какъ выражался онъ и нѣкоторые въ Петербургѣ), дворянство съ правительствомъ. Лучшіе мировые посредники принуждены были удалиться, уступая мѣсто людямъ съ меньшими качествами и способностями. Но полиція произошло то же самое. Уровень способностей и честности въ губерніи понизился. Въ такомъ положеніи я нашелъ ее. Болѣе 280,000 бывшихъ вѣрнопостныхъ крестьянъ обременены были непосильными платежами и неоплатыми недоимками, достигавшими по однимъ выкупнымъ платежамъ до цифры болѣе, чѣмъ 700,000 р. Сборы усиливались крупными окладами, назначенными старшинамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, угоднымъ мировымъ посредникамъ, вновь введенными земскими сборами, частыми растратами собранныхъ денегъ съ крестьянъ, которымъ приходилось платить ихъ вторично. Мировые посредники бездѣйствовали во всемъ: они такъ дурно исполняли обязанности членовъ училищнаго совѣта, что, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, я принужденъ былъ поручить эту должность исправникамъ! Грустно было видѣть упадокъ учрежденія посредниковъ, вынесшихъ въ свое время на своихъ плечахъ крестьянскую реформу, а теперь смѣшавшихся съ чиновничествомъ, которое они иногда превосходили въ крупныхъ, общихъ имъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ. Крестьяне все ниже и ниже опускались подъ бременемъ непосильныхъ платежей.

Полиція посвящала почти все свое время на взысканія, распоряжаясь при этомъ всѣми крестьянскими властями, занятыми исключительно этимъ предметомъ. Наклонность къ пьянству между крестьянами возрастала. Въ одинъ годъ случаевъ смерти отъ излишняго употребленія вина было въ губерніи 144.

Разумѣется, все это открывалось мнѣ не съ перваго времени моего пребыванія въ губерніи, а постепенно, по мѣрѣ объѣздовъ, знакомства съ людьми и обстоятельствами. Въ особенности трудно давалось изученіе народа сквозь призраки, наводимые официальными бумагами и всякаго рода ложью. Легче узнавалась истина изъ словесныхъ жалобъ и разговоровъ, а болѣе всего изъ разговоровъ съ крестьянами на охотѣ, вонедѣльных въ мои привычки.

Крестьяне мало цѣнили свободу и права, за которыя имъ

приходилось такъ дорого платить. До училищъ большинство ихъ не были охотники. Они не сочувствовали учителямъ, которые не хотѣли примѣняться къ ихъ быту. Дѣтей надолго отрывали отъ работъ, на которыхъ они служили подспорьемъ: Крестьяне предпочитали имѣть у себя въ деревняхъ, хотя бы поочередно, учителя, который не брезгалъ ихъ жизнію и ими самими. Но такіе учителя были плохи и дѣти съ ними долго не одолѣвали грамоты. Я старался убѣдить земскихъ дѣятелей въ необходимости этимъ способомъ удовлетворять нараждающійся между крестьянами запросъ на грамотность, но мои убѣжденія разбивались объ училищный уставъ и избытныя понятія земцевъ о народныхъ школахъ.

Вновь введенныя земскія учрежденія вліяли на крестьянство только однимъ значительнымъ увеличеніемъ платежей и отягощеніемъ его новою повинностію, состоящею въ избраніи, для засѣданій въ земствѣ, требуемаго числа гласныхъ и обязанности послѣднихъ сидѣть въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ ихъ мнѣній рѣдко спрашивали и гдѣ они мало понимали провозносимыя рѣчи. Не могу по этому поводу не выразить сожалѣнія объ укоренившемся между нашею интеллигенціею способѣ выражаться въ публичныхъ рѣчахъ.

Выраженія эти изысканны, мудрены, вычурны и потому рѣдко понимаются простолюдинами. Напр., вмѣсто того, чтобы сказать, что крестьяне не любятъ школу, ораторъ говоритъ, что крестьяне относятся къ школамъ отрицательно. По поводу упомянутыхъ выше неудобствъ, крестьяне рѣдко выбираютъ гласныхъ въ земскія собранія, а выбираютъ изъ другихъ сословій, напр. священниковъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, лицъ, на которыхъ указываетъ начальство, иногда старшинъ, или виноватыхъ крестьянъ, — такъ называютъ они тѣхъ, которымъ удалось избѣжать отбытія какихъ либо повинностей; такихъ они назначаютъ въ сотскіе, десятскіе. Эти обстоятельства еще болѣе уяснились для меня впоследствии, о чемъ я расскажу въ свое время. Пока я видѣлъ земство въ первоначальныхъ его проявленіяхъ и получалъ о немъ свое первое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это не было вполнѣ благоприятно. Недавніе чиновники, или люди однихъ и тѣхъ же понятій и привычекъ, воспитанные подъ вліяніемъ долговременно дѣйствовавшаго тогда режима, земскіе дѣятели цѣнили въ своей дѣятельности прежде всего независимость отъ начальства, кото-

рое не могло ихъ удалить, перевести, предать суду или отвѣтственности, ничего не могло имъ приказывать. Они халатно относились къ исполненію своихъ обязанностей; каждый считалъ себя вольнымъ дѣлать или не дѣлать свое дѣло. Отъ этого замедлялось приведеніе въ порядокъ и устройство мостовъ, перевозовъ и дорогъ, не существовало никакого надзора за хлѣбозапасными магазинами; земству не было даже извѣстно количество наличныхъ запасовъ. Оно собирало съ населенія около 350,000 р. въ годъ. Изъ нихъ 59,000 шло на содержаніе управъ; 48,000 на крестьянскія учрежденія; на врачебную часть 17,000 и только 19,000 на училища. Врачебная часть пропадала въ пространствахъ, обнаруживая свое присутствіе только въ немногихъ пунктахъ; остальныя мѣстности и громадная часть населенія не могли пользоваться ею. Всѣхъ врачей въ губерніи было 36; ветеринаровъ 19. Число заболѣвавшихъ инфекціонными болѣзнями не могло быть приводимо въ извѣстность вполнѣ. Официально имѣлись только свѣдѣнія о заболѣвшихъ въ годъ 189 тифозною горячкою, 149 диссентеріею и 109 человекъ оспою. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горячка держалась цѣлый годъ. О числѣ сифилитиковъ не было свѣдѣній, хотя всѣ знали, что ихъ можно найти въ каждомъ селеніи.

Послѣ нѣ котораго наблюденія, меня поразило (и поражаетъ до сихъ поръ) въ организаціи земства тотъ важный недостатокъ, что малое число гласныхъ, положенныхъ, по закону, на уѣздъ, становится прежде всего раздавателемъ наиболѣе искомымъ должностей, которыя достаются на долю половины излюбленныхъ гласныхъ же. Эта раздача становится для гласныхъ первою задачею, за которую всѣ остальныя обязанности становятся не интересными и выполняются кое-какъ. Она дѣлается сильнымъ орудіемъ воздѣйствія на избирателей и поглощаетъ собою главнѣйшіе интересы земства. Такимъ образомъ оно представляется созданнымъ, какъ будто, для личныхъ пользъ гласныхъ, а не для населенія уѣзда. Другое обстоятельство обратило мое вниманіе неудовлетворительностію дѣятельности земства въ той именно части ея, которую оно приняло отъ правительства съ довольно значительными денежными средствами. Я говорю объ общественномъ призрѣніи. Кромѣ лицъ, болѣе или менѣе призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и больницахъ, есть въ рабочемъ классѣ люди,

которые отстраняются от работъ по безопасности, лѣности или пьянству. Число такихъ людей бываетъ значительно; они составляютъ главный контингентъ нищенства, воровъ и другихъ преступниковъ. Устройство хорошаго рабочаго дома, который давалъ бы пристанище и обязательный заработокъ людямъ, лишившимся мѣста, не могущимъ найти занятіе, распущеннымъ, лѣнивымъ и ведущимъ нетрезвую жизнь, былъ бы значительнымъ общественнымъ подвигомъ. Напрасно старался я обратить на это вниманіе лучшихъ изъ земскихъ дѣятелей. Обычное отвращеніе отъ труда и почина примѣшивалось въ отговоркамъ, указаніямъ на недостатокъ земскихъ средствъ, трудность устроить рабочій домъ и удовлетворительное управленіе имъ.

Новыя городскія учрежденія обнаруживали одинаковую халатность и беспечность. Нѣкоторые ихъ дѣятели были не безъ грѣха въ поставкахъ, закупкахъ и надзорѣ за работами. И земскія и городскія учрежденія приходилось расталкивать, побуждать, возобновляя требованія при каждомъ случаѣ обнаруживающихся неудобствъ и вреда, причиняемыхъ населенію отъ неисполненія этими учрежденіями своихъ обязанностей. Напр., цѣлыя недѣли не возобновлялась прерванная переправа въ городъ отъ прилегающихъ къ нему путей, на которыхъ бѣдствовали толпы пріѣхавшихъ и пришедшихъ. Во время холерной эпидеміи городская управа долго не отводила мѣста для свалки нечистотъ и не дезинфектировала прежде свезенныхъ, усиливавшихъ эпидемію. Дума не могла собрать для рѣшенія этого дѣла полного числа гласныхъ. Напрасно администрація повторяла требованія и угрожала все исполнить наймомъ на счетъ города. Чтобы исполнить эту угрозу, надобно было писать въ Петербургъ, испрашивать о разрѣшеніи и ассигновки денежныхъ средствъ, которыхъ на лицо не имѣлось. Понятно, что въ администраціи укоренялось убѣжденіе, что, безъ ея почина и понужденій, земство и города не поднимутъ и не разрѣшатъ ни одного практическаго дѣла, когда разрѣшеніе его представляется настоятельно необходимымъ. Такое убѣжденіе старательно поддерживается мелкимъ административнымъ чиновничествомъ, вытѣсненнымъ новыми учрежденіями изъ насиженныхъ и теплыхъ мѣстъ.

Полиція, по своимъ способностямъ, направленію и образу дѣйствій, обнаруживала во всемъ непризнаніе дѣйствительной

жизни и пригнетала ее формами. Оплачиваемая не достаточно сравнительно съ новыми учрежденіями, заваленная дѣлами, отписвою, а болѣе всего соблюденіемъ никого не гарантирующихъ формальностей, она преимущественно заботилась о нихъ, какъ о лучшемъ средствѣ обезпечить себѣ безотвѣтственность. Требованія дѣйствительной жизни не имѣли для нея никакого значенія, а когда она назойливо напоминала о себѣ, полиція принимала эти напоминанія, какъ посягательство на ея покой, какъ обстоятельство, отвлекающее чиновниковъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей (читай дѣлопроизводство) и карала какъ за неблагонадежность и неподчиненіе законнымъ властямъ. Подъ всѣмъ этимъ жизнь населенія затиралась; на мѣсто ея выставлялись какія-то условныя понятія, оффиціальныя миражи. Въ массѣ дѣлъ, которыхъ, по огромному числу ихъ, не возможно было своевременно исполнять, полиція теряла способность отличать важныя отъ неважныхъ. Важными представлялись ей тѣ, за которыя чиновники могли быть преданы отвѣтственности. Между ними первое мѣсто занимало взысканіе казенныхъ сборовъ. Во всѣхъ дѣлахъ первымъ вопросомъ представлялся, какъ бы отстранить дѣло или ходатайство подъ предлогомъ отсутствія какой-либо требуемой закономъ формальности? Когда уклониться отъ дѣла оказывалось невозможнымъ, оно представлялось въ какомъ-то условномъ, казовомъ видѣ, съ которымъ дѣйствительность имѣла мало сходства. Во всемъ стараніе угодить начальству, вліятельнымъ и нужнымъ лицамъ. Въ пользу послѣднихъ допускались отступленія отъ формальностей, для всѣхъ другихъ непреодолимыхъ. Не говорю уже о распространенномъ повсюду взяточничествѣ, казнокрадствѣ и карьеризмѣ. Послѣдній въ высшихъ, такъ сказать, мажорныхъ, даже интеллигентныхъ представителяхъ чиновничества процвѣталъ. Объ обязанностяхъ, долгахъ и общественной пользѣ никто не заботился. Слова эти произносились въ извѣстныхъ случаяхъ, подобныхъ тѣмъ, когда приходится надѣвать мундиры. Встрѣчались большія затрудненія въ замѣщеніи должностей, даже высшихъ чиновъ, людьми способными, а вмѣстѣ съ тѣмъ честными и образованными. Двухъ или трехъ изъ такихъ, которыхъ мнѣ удалось убѣдить къ принятію должности исправниковъ, я скоро долженъ былъ защищать отъ нападеній и нареканій то дворянства, то купечества, то земства и отъ придирокъ губернскаго правленія.

Конечно, прежде защиты, старательно провѣрялись обвиненія. Средства для этого я съ большими трудами добывалъ, пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, проживающихъ въ уѣздахъ. Непринужденныя бесѣды съ пріѣзжающими и обращающимися ко мнѣ по дѣламъ служили мнѣ большимъ подспорьемъ. Многое узнавалъ я въ безцеремонныхъ бесѣдахъ за чашкою чая, или за неприхотливымъ моимъ семейнымъ обѣдомъ. Нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ признавались, что предпочитаютъ чиновниковъ, принимающихъ отъ нихъ благодарности и подарки, тѣмъ, которые ничего не берутъ. Получивши или ожидая награду, говорили они, чиновникъ избавитъ ихъ отъ формальностей, затрудненій и всякаго рода мытарствъ, черезъ которыя принужденъ проходить каждый, имѣющій какое нибудь дѣло.

Мнѣ даже не всегда удавалось защитить добросовѣстнаго чиновника. Своро послѣ оставленія мною губерніи, я долженъ былъ оставаться безсильнымъ зрителемъ того, какъ раскольники и одно вѣдомство заѣли одного изъ приглашенныхъ мною исправниковъ, человѣка безукоризненнаго, открывшаго одну крупную продѣлку и злоупотребленіе. Я также имѣлъ прискорбные случаи убѣдиться, что едва я оставлялъ губернію, какъ люди, не позволявшіе себѣ ни одного предосудительнаго проступка, обнаруживали необычайную способность ко всякаго рода злоупотребленіямъ. Между тѣмъ въ безупречности ихъ, во время службы со мною, я убѣждался по удостовѣреніямъ постороннихъ и безпристрастныхъ лицъ.

Губернское правленіе представлялось фабрикою, вырабатывающею множество бумагъ, на просмотръ которыхъ должно было употреблять много времени, потому что только внимательнымъ просмотромъ можно было оберегать населеніе отъ удручающихъ и вредныхъ дѣйствій этого учрежденія. Для того, чтобы нагляднѣе представить мое тогдашнее о немъ мнѣніе, привожу выдержки изъ моего заключенія въ Петербургъ, посланнаго туда по требованію министерства, предполагавшаго тогда упадокъ значенія административной власти подъ вліяніемъ реформъ и новыхъ учреждений. Это было, кажется, въ 1870 году. Посылая въ подлинникъ требуемыя мнѣнія „опытнѣйшихъ дѣлопроизводителей“, я, независимо и отдѣльно отъ нихъ, излагалъ слѣдующее: „Новыя условія общественной жизни, вызванныя совершившимися преобразованіями, ежедневно обнаруживаютъ недостатки нашей администра-

ціи и требуютъ ея преобразованія, чтобы сдѣлать приемы ея болѣе удобными для населенія. Далѣе, объяснивъ, что губернское правленіе стоитъ казнь около 30,000 р. въ годъ, наполнено 80 чиновниками, производящими до 1,500 дѣлъ въ годъ, я исчислялъ 14 ступеней, черезъ которыя должна пройти каждая бумага въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, указывая на низкую степень грамотности, способностей и честности орудій этой многосложной машины. Совѣтники не совѣтуютъ ничего, не читаютъ бумагъ чужихъ отдѣленій, подписывая ихъ на вѣру, и понятно послѣ этого, заключалъ я, что губернское правленіе заглушаетъ жизнь, отжило свой вѣкъ и выводитъ изъ терпѣнія своимъ бесплоднымъ, старческимъ лепетомъ. Административныя дѣла, которыя подлежатъ коллегіальному обсужденію, должны быть вносимы въ совѣтъ, образуемый подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ предводителя дворянства, предсѣдателя земской управы, казенной и контрольной палаты, прокурора суда, воинскаго начальника и другихъ специальныхъ вѣдомствъ. смотря по тому, въ какую особенность входятъ обсуждаемыя дѣла“.

Таково было мое мнѣніе въ то время объ администраціи и губернскомъ правленіи. Впослѣдствіи, съ перемѣною обстоятельствъ, событий и по мѣрѣ знакомства съ русскою дѣйствительностію, мнѣніе это нѣсколько видоизмѣнялось.

Новыя судебныя учрежденія нашель я въ полномъ ходу. Онѣ оказались не только не помѣхою администраціи, а желаемымъ регуляторомъ ея дѣйствій. Такимъ и были онѣ при искреннемъ и взаимномъ сочувствіи и содѣйствіи между мною и судомъ. Случались нѣкоторыя ошибки, увлеченія или недоразумѣнія, но онѣ скорѣе подтверждали общее правило.

Мировые суды были неудовлетворительны вслѣдствіе недостатка лицъ, изъ которыхъ они могли быть выбраны. Дворянская губернія, считавшая въ числѣ своихъ землевладѣльцевъ людей богатыхъ и носящихъ знатныя имена, не находила ихъ ни въ числѣ избирателей, ни между избираемыми. На дворянскихъ выборахъ нѣкоторые уѣзды, по отсутствію дворянъ, прикомандировывались къ другимъ. Земскія собранія по временамъ не могли состояться по неприбытію требуемаго закономъ числа гласныхъ. Въ мировые суды принуждены были иногда соглашаться на единоголосный выборъ людей, не имѣющихъ имущественнаго или

образовательнаго ценза. Распредѣленіе участвоу между мировыми судьями представляло неудобства даже для людей зажиточныхъ, имѣющихъ надобность въ нихъ. Большинство крестьянъ не имѣло никакой возможности обращаться къ нимъ.

Тюрьмы были въ самомъ ужасномъ положеніи. Постоянно переполненныя большимъ числомъ арестантовъ противъ того, на которое выстроены, онѣ находились въ самыхъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ, и, по устройству своему, допускали возможность побѣговъ, а по личному составу наблюдающаго персонала, были ниже всякой критики. Улучшенія по этимъ частямъ требовали разрѣшеній и средствъ, которыя не были въ моей власти. Старинная организація тюремныхъ комитетовъ была въ примѣненіи своемъ очень неудовлетворительна. Дай Богъ, чтобы вновь образованное теперь управленіе тюрьмами достигло улучшеній, которыхъ можно ожидать отъ него, судя по качествамъ его персонала, средствамъ и лучшимъ приѣмамъ. Сомнѣваюсь однако, что бы оно было въ состояніи создать на мѣстахъ удовлетворительный персоналъ изъ начальствующихъ и наблюдающихъ въ тюрьмахъ, потому что это возможно только тогда, когда лица, могущія получать эти мѣста, окажутся въ состояніи возвыситься до внутренняго, нравственнаго призванія къ своему дѣлу.

Въ то время было еще одно дѣло, которое очень затрудняло и смущало меня. Это было распредѣленіе приходскихъ церквей между прихожанами, при чемъ приходилось упразднять нѣкоторыя церкви, для того чтобы, увеличеніемъ прихода, представить церковнослужителямъ болѣе средствъ къ существованію. Упраздненіе нѣкоторыхъ церквей, указываемыхъ духовнымъ вѣдомствомъ, смущало прихожанъ, которые всѣми мѣрами старались отстаивать свои церкви. Происки и подтасовки со стороны духовнаго вѣдомства преслѣдовали въ дѣлѣ, оставляя нравственное убѣжденіе въ ихъ существованіи. Все дѣло велось подъ предсѣдательствомъ высшаго духовнаго лица; я не имѣлъ никакой возможности открывать и устранять злоупотребленія; дѣлопроизводство облегалось сугубою, чисто внѣшнею формальностію, не дозволявшею проникать въ сущность дѣла. Эта формальность, къ счастью, затягивала дѣло, которое не привело, кажется, ни къ какому практическому результату.

Дѣйствія нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства и духовныя учреж-

денія допускали вопіюція злоупотребленія. Я настаивалъ, чтобы онѣ не оставались безнаказанными, сообщалъ всѣ факты и доказательства; по требованіямъ моимъ, наряжались отъ духовенства слѣдователи; слѣдствіе представлялось по принадлежности въ учрежденіе, которое по большей части прекращало дѣла за отсутствіемъ ясныхъ доказательствъ и уликъ.

Въ такой обстановкѣ пробылъ я около трехъ лѣтъ, поддерживаемый и на мѣстѣ, и въ Петербургѣ только слабымъ меньшинствомъ; самъ я и небольшое число моихъ сотрудниковъ представляли собою небольшую группу меньшинства, давимую со всѣхъ сторонъ большинствомъ.

Я охотно воспользовался указаніемъ одного петербургскаго лица на возможность назначенія меня въ одно изъ центральныхъ учреждений. Лицо это имѣло случай коротко узнать мою дѣятельность по казенному управленію въ губерніи, куда оно пріѣхало на службу скоро послѣ моего отъѣзда оттуда.

Роль вапелмейстера, управляющаго плохимъ оркестромъ, играющимъ частію для несочувствующей, или ничего непонимающей, частію враждебной ему публики, начинала утомлять меня. Надежда повести свою ноту въ орестрѣ, болѣе совершенномъ, заманчиво улыбнулась мнѣ. Мое желаніе скоро осуществилось. Я перѣѣхалъ съ семьєю въ Петербургъ, гдѣ счастливъ былъ снова услышать благодарность за мою честную и вѣрную службу.

VIII.

Въ центральномъ учрежденіи я попалъ сначала въ отдѣлъ гражданскихъ дѣлъ. Не смотря на то, что я кончилъ курсъ въ университетѣ по юридическому факультету, я не могъ сдѣлаться хорошимъ цивилистомъ. Изъ гражданскихъ дѣлъ мнѣ были знакомы по практикѣ только тѣ, которыя прикасались къ моей административной дѣятельности и которыя мнѣ приходилось вести по своимъ собственнымъ и женинымъ имѣніямъ. Тѣмъ не менѣе годъ, проведенный въ гражданскомъ отдѣлѣ, принесъ мнѣ нѣкоторую пользу. На слѣдующій годъ я переведенъ былъ въ отдѣлъ административный, въ которомъ всѣ дѣла были мнѣ хорошо извѣстны по долготѣтней административной практикѣ въ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Жизнь и служба въ Петербургѣ раскрыли передо мною новый, доселѣ неизвѣданный мною міръ. Постепенно, незамѣтно сталъ я испытывать на себѣ вліяніе этого новаго міра. Воздѣйствіе его становилось мнѣ съ каждымъ днемъ тяжелѣе. Сначала я недоувѣрчиво провѣрялъ свои впечатлѣнія, пока дѣйствительность не представилась мнѣ во всей своей очевидности и грубости. Это совершилось тѣмъ легче и скорѣе, что маскироваться передо мною никому не было никакой надобности и выгоды. По занимаемому мною положенію, по состоянію, по связямъ, по мягкости характера и врожденной застѣнчивости, я почти никому въ Петербургѣ не могъ быть полезенъ и нуженъ. Я не могъ удовлетворить никакого искаателя мѣстъ, не могъ кормить завтраками, обѣдами и ужинами, давать деньги въ займы, способствовать къ удовлетворенію чужаго тщеславія, пугать своими рѣзкими выраженіями, поступками, не умѣлъ даже бойко и краснорѣчиво защищать свои мнѣнія. И прежде у меня не было обширнаго круга знакомыхъ въ Петербургѣ; были служебныя и родственныя отношенія; было нѣсколько человѣкъ, которые въ свое время заискивали во мнѣ, съ цѣлію получить себѣ, или для другихъ, одно изъ мѣстъ, которыми я могъ располагать. Люди эти выражали ко мнѣ когда-то дружбу и уваженіе. Въ наивности своей, я думалъ, что и теперь они поспѣшатъ возобновить со мной отношенія. Никакой поспѣшности ими оказано не было; нѣкоторые изъ нихъ даже не поторопились отдать мнѣ визитъ.

Такъ опредѣлилось мое положеніе въ обществѣ и на службѣ въ этой дурно скрываемой, ожесточенной безпощадной скачкѣ съ препятствіями, въ виду почета, карьеры или наживы.

Были люди, привлекающіе меня умомъ или дарованіями, къ которымъ я охотно бы примкнулъ, но на что я имъ былъ! И я не только не примыкалъ, а понемногу, незамѣтно отдалялся; около меня образовалась пустота, которая сначала огорчала, а потомъ слюбилась и показалась удобною. Ни я, ни жена не обладали способностями и средствами завлечь въ свой домъ, какъ это дѣлается въ Петербургѣ. Не завелись мы молодыми и пріятными лицами, привлекающими въ домъ. Притомъ же я страдалъ неизлечимою склонностію высказывать правду даже тогда, когда видѣлъ ея неумѣстность.

Ликвидировавъ свою карьеру, свободный отъ всякихъ ожида-

ній и стремлений въ этомъ отношеніи, я усердно принялся за служебныя дѣла, которыя, во всемъ своемъ разнообразіи, были мнѣ знакомы по практической моей дѣятельности. Но вотъ на практической почвѣ скоро и обнаружилось, въ чемъ я расхожусь съ моими сослуживцами. Впрочемъ никакихъ причинъ и поводовъ къ сближенію и не было. Мы сходились въ одно мѣсто, въ опредѣленные дни и часы и этимъ только ограничивалось наше случайное сближеніе. Никакихъ направленій не чувствовалось; въ этихъ сферахъ господствовали какія-то особыя соображенія, имѣвшія для большинства преобладающее значеніе. Соображеній этихъ я не имѣлъ, ихъ не сознавалъ и еще менѣе руководствовался ихъ вліяніемъ, а потому никто даже не замѣчалъ меня. Большинство моихъ сослуживцевъ образовалось и сложилось въ Петербургскихъ служебныхъ сферахъ, подъ вліяніемъ обобщеній. Русская дѣйствительность представлялась имъ въ условныхъ отвлеченныхъ формахъ, а въ сущности своей была имъ мало извѣстна. Что и какъ дѣлалось на мѣстахъ, какъ примѣнялись тамъ опредѣленія и законы, какое они тамъ производили дѣйствіе, объ этомъ имъ мало было извѣстно. Во время ихъ службы, принимая участіе въ разныхъ комитетахъ, акціонерныхъ и промышленныхъ компаніяхъ, въ которыхъ многіе участвовали, они приобрѣли особую діалектическую практику, ловкость и бойкость въ преніяхъ. Споръ съ ними походилъ на фехтованіе человѣка, стоящаго внизу, съ другимъ, стоящимъ на крышѣ. И фехтовали они превосходно! Между ними были люди высоко даровитые, способные выбить у противника рапиру съ перваго пасса, и мнѣ приходилось не разъ подвергаться таковой участи. Изъ такихъ случаевъ я выносилъ тяжелое чувство сознанія своего безсилія, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердое убѣжденіе въ основательности своего мнѣнія; только въ защиту его, я въ жару спора, не находилъ пригодныхъ и ловкихъ возраженій. Впослѣдствіи они приходили мнѣ на умъ, но тогда было уже поздно и бесполезно. По характеру и во время моей служебной дѣятельности, мнѣ не приходилось и не было надобности упражнять, развивать въ себѣ діалектическую способность. Въ новой моей дѣятельности возраженія съ моей стороны вызывались преимущественно соображеніями объ удобствахъ или неудобствахъ практическаго примѣненія рѣшенія, въ особенности когда, по приобретенному мною на-

выку, примѣненіе это угрожало вредомъ. Я силился увлечь моихъ противниковъ въ область, имъ невѣдомую, и потому вовсе не признаваемую. Примѣровъ подобныхъ преній я могъ бы привести много.

Но рѣдкія удачи въ преніяхъ не удерживали меня отъ возобновленія ихъ въ необходимыхъ, по моему убѣжденію, случаяхъ. Нѣсколько разъ я письменно излагалъ свои отдѣльныя мнѣнія, но это рѣдко приводило къ желаемымъ результатамъ. Врожденная застѣнчивость моя усиливалась; я понемногу разучивался говорить, иногда даже смущался, когда мнѣ предоставлялось слово. Я впадалъ въ настроеніе Гамлета Щигровскаго уѣзда, которымъ въ шутку иногда называлъ себя. Я возмущался самъ противъ такого состоянія, которое считалъ упадкомъ воли, сравнивая его съ прежнею энергіею и настойчивостію въ моей практической дѣятельности. Я часто спрашивалъ себя: на своемъ ли я тутъ мѣстѣ? Способенъ ли я къ умственнымъ элукубраціямъ? Не пригоднѣ ли я скорѣе для того, чтобы стоять лицомъ къ лицу передъ ежедневно мѣняющимся калейдоскопомъ событий, чтобы, соображаясь съ ними, направлять административную машину? Не слѣдуетъ ли мнѣ выступить на арену, и вмѣшаться въ безпощадную скачку съ препятствіями, которая несется передо мною, равнодушнымъ и негодующимъ зрителемъ? Меня удерживало отвращеніе отъ искательства, отъ официальныхъ положеній, а болѣе всего происходящая во мнѣ внутренняя работа, подъ вліяніемъ которой начинало измѣняться мое міросозерцаніе.

Каждое лѣто меня тянуло въ деревню. Мы избѣгали Петербургскихъ дачъ; всякій годъ я испрашивалъ отпускъ; мы поселялись на лѣто въ какой-нибудь усадьбѣ одной изъ внутреннихъ губерній. Тутъ, живя человекомъ, неимѣющимъ никакого официального значенія, игнорируемый даже мѣстной полиціею, я отдавался своей привычкѣ къ раннимъ, продолжительнымъ прогулкамъ и хожденію на охоту. Я сходилъ съ разнаго рода людьми, въ томъ числѣ крестьянами, нища между ними словоохотливыхъ, откровенныхъ и дѣльныхъ.

Крестьяне и сельское сословіе преимущественно интересовали меня, потому что они составляютъ болѣе двухъ третей всего русскаго населенія, и поэтому имѣютъ до сихъ поръ и будутъ

имѣть преобладающее вліяніе на все наше историческое развитіе, не въ силу только своей численности, а въ силу особыхъ, присущихъ имъ свойствъ.

Въ разговорахъ съ ними постепенно раскрывалась мнѣ безыскусственная русская и народная дѣйствительность, старательно закрываемая официальными казовыми сторонами и миражами. Мнѣ приходилось убѣждаться, что многое изъ того, что прежде казалось мнѣ неоспоримою истиною, есть ни что иное какъ миражъ. Съ каждымъ новымъ лѣтомъ приходила новая эра разубѣжденій и неожиданныхъ открытій.

IX.

Посреди этого періода произошли важныя и прискорбныя событія нашей исторіи, вызванныя такъ называемыми нигилистами. Покушеніе Соловьева, взрывъ подлѣ Москвы и въ зимнемъ дворцѣ возбуждали важные вопросы, и между прочимъ о направленіи нашей внутренней политикѣ. Очень понятно, что вопросы эти и способы ихъ разрѣшенія глубоко занимали меня. Мое убѣжденіе состояло тогда въ томъ, что возвращеніе назадъ было невысказано и невозможно; оно только увеличило бы массу недовольныхъ, на которыхъ расчитывали подпольныя шайки. Слѣдовало предоставить общественнымъ силамъ возможность развиваться, въ томъ числѣ и видимо увеличивающейся интеллигенціи, законныя потребности которой оставались безъ удовлетворенія. Слѣдовало также примирить населеніе съ администраціею, направить ее къ признанію жизни, а не подавленію ея. Слѣдовало наконецъ предоставить учрежденію, предназначенному по закону для регулированія администраціи, болѣе для этого возможностей. Мысли эти изложены были въ двухъ запискахъ, которыя передалъ я кому считалъ возможнымъ. Обѣимъ этимъ запискамъ, въ особенности о способахъ регулировать администрацію, суждено было въ скоромъ времени возбудить тяжкія обрушившіяся на меня преслѣдованія.

Вскорѣ послѣ подачи ихъ, я уѣхалъ въ деревню, гдѣ я окончательно убѣдился въ томъ, что я до того времени начиналъ только подозрѣвать. Я убѣдился, напр., что, кромѣ освобожденія

крестьянъ, не всѣ новѣйшія реформы проникли въ народъ и распространили въ немъ тѣ улучшения, которыми эти реформы надѣлили общество. Я убѣдился, что изъ мѣръ, предписанныхъ великимъ актомъ 19 февраля 1861 года, волостной судъ не соответствовалъ потребностямъ народа. Въ каждой деревнѣ существовалъ прежде мирской судъ, которому хорошо были извѣстны всѣ обстоятельства и поступки тяжущихся. Приговоръ этого суда достигалъ той степени справедливости, какая могла быть достигнута у крестьянъ. Новый волостной судъ оказывался болѣе отдаленнымъ отъ тяжущихся, не могъ о нихъ знать того, что было извѣстно деревенскому суду. Такимъ образомъ судъ сдѣлался мало доступнымъ, тяжелымъ, зависящимъ отъ разныхъ формальностей, случайностей, часто исключаящихъ справедливость. Мировой судъ былъ доступенъ только самымъ зажиточнымъ людямъ изъ сельскаго сословія, обуславливался знаніемъ формъ и законовъ, недоступныхъ простолюдину, обычныхъ только для адвокатовъ. Еще менѣе доступны были общіе суды. Если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія ихъ воспитательнаго дѣйствія на народъ, то изъ разсказовъ тѣхъ, которымъ случалось участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, можно было сдѣлать слѣдующія заключенія. Прежде всего обязанность присяжнаго засѣдателя была стѣснительна для простолюдина, въ особенности, когда ему приходилось отбывать ее во время полевыхъ работъ. Но и во всякое время передвиженіе въ городъ, иногда отдаленный, жизнь въ немъ, хотя бы въ теченіи нѣсколькихъ дней, едва оплачиваемая вознагражденіемъ, скупо назначаемымъ сходомъ, тяжела и дорога крестьянину, который въ это время не имѣетъ возможности проивезть, или заработать ни на одну копейку. Хорошо еще, когда судятся дѣла, доступныя понятію крестьянъ, но и въ нихъ судьи, прокуроры и адвокаты говорятъ таинмъ языкомъ, задаютъ такіе вопросы, которые не по силамъ простолюдину. Наконецъ крестьяне возмущаются тѣмъ, что ихъ больше другихъ тянутъ въ присяжные, въ то время, когда другіе, грамотные, умные и достаточные люди, рѣдко, а то и вовсе не назначаются присяжными засѣдателями.

Изъ разговоровъ простолюдиновъ я выносилъ убѣжденіе въ разумности и основательности выработанныхъ народомъ учрежденій, каковы сходъ и общинное пользованіе землею. Последнее

служило лучшимъ средствомъ сохранить за міромъ земельный капиталъ, который, безъ этого средства, отпадалъ бы отъ него по кусочкамъ, и какъ единственное средство устранить пролетаріатъ. Конечно, такихъ громкихъ словъ и выраженій не произносили и даже не подозрѣвали разговаривавшіе со мною простолюдины.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время стремленіе въ заработкамъ на сторонѣ, относительная легкость ихъ, жизнь близъ городовъ и фабрикъ, семейные раздѣлы начинаютъ вносить въ сельскую общину стремленіе освободиться отъ нея. Даже для солидныхъ крестьянъ общественная раскладка представляется тяжелою, вынуждая ихъ доплачивать не изъ прибылей съ общинной земли, а съ наемной, или съ заработковъ. Плохихъ хозяевъ, разгульныхъ, испорченныхъ на фабрикахъ міръ старается отдалять отъ себя; они охотно уходятъ въ города и на фабрики, представляющіе имъ способы и возможность къ разгулу. Изъ такихъ людей образуется контингентъ пролетаріевъ и бунтарей.

Не разъ приходилось мнѣ хорошо знакомиться съ политическими идеалами народа, о которыхъ онъ не стѣсняется разговаривать; для нѣкоторыхъ это представляетъ даже любимую тему разговоровъ. Переходя къ этому предмету, я долженъ признаться, что испытываю нѣкоторую неловкость, даже робость. Мнѣ приходятъ на память столько заявленій по этому предмету, произносимыхъ и печатанныхъ съ корыстными цѣлями. Я боюсь, что и читатель мой, и редакторъ, который рискнетъ оказать мнѣ гостепрѣимство, введутъ на меня подозрѣніе въ такихъ же корыстныхъ цѣляхъ, не зная даже, что мнѣ не для чего ихъ имѣть. Но, по привычкѣ своей высказывать, несмотря ни на что, все, что считаю правдою, я кратко замѣчу, что для простолюдина верховная власть представляется единственно силою, могущею устранять отъ него зло, исправлять немедленно неудобства и вредъ формальностей, мытарствъ, одолѣть необъятныя пространства, безчисленныя инстанціи, и сопротивленіе чиновничества, отдаляющаго власть отъ народа. Въ государѣ народъ видитъ единственное лицо, непосредственно заинтересованное въ осуществленіи правды и порядка. Я твердо убѣжденъ, что еслибы эти, дорогіе въ глазахъ народа, атрибуты власти, или часть ихъ были отъ нея отчуждены и переданы другимъ лицамъ или сословіямъ,

отчужденіе это представится народу, какъ измѣна, угроза и какъ страшная для него опасность. Онъ будетъ способенъ тогда рѣшиться на самыя отчаянныя средства, чтобы устранить эту опасность. Такое соображеніе представляется мнѣ всякій разъ, когда я слышу, или читаю мысли о „вѣнци зданія“. Меня поражаетъ слѣпота, или невѣдѣніе тѣхъ, кто выражаетъ желаніе о такой революціи безъ народа, (какъ выразился разъ подпольный органъ Народной Воли), послѣдствія которой повлекутъ за собою величайшія опасности, даже гибель для тѣхъ, которые такъ легкомысленно мечтаютъ объ этомъ.

Въ бесѣдахъ моихъ съ простолюдинами, приходилось часто говорить объ ухудшеніи урожаевъ и, по поводу этого, о старыхъ приемахъ и привычкахъ крестьянскаго хлѣбопашества. Большинство крестьянъ не приписывало имъ уменьшенія плодородности земли. Крестьяне сознавали, что количество скота, а съ нимъ и удобренія, уменьшается, что времена наступаютъ плохія, но единственную возможность поправиться видѣли въ промыслахъ, а больше всего въ переселеніи на лучшія, свободныя мѣста. Однако при этомъ было много разказовъ объ ошибкахъ переселенцевъ и о претерпѣваемыхъ ими бѣдствіяхъ, о препятствіяхъ, возникнувшихъ отъ незнакомства съ указанными въ законахъ правилами. Пользу улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ признавали всѣ, но, при этомъ, указывалось на множество практическихъ невозможностей, встрѣчаемыхъ къ осуществленію этихъ улучшеній. Когда я указывалъ на близкіе крестьянамъ, извѣстные имъ по сосѣдству, примѣры улучшенныхъ господскихъ хозяйствъ, или на образцовыя фермы вѣдомства государственныхъ имуществъ, крестьяне лукаво замѣчали, что у господъ и у казны на эти затѣи много лишнихъ денегъ. Все сводилось къ заявленіямъ, напоминающимъ мнѣ отзывы сходовъ на прежнія убѣжденія мои уменьшить пьянство, что лучше, если придетъ какое нибудь приказаніе, или бумага отъ начальства, тогда увидимъ что будетъ. Мнѣ помнится интересный разказъ одного крестьянина, видѣвшаго порядки крѣпостнаго права, когда я говорилъ ему, что рожь и овесъ косятъ выгодноѣе, чѣмъ жать. Крестьянинъ разказалъ мнѣ, какъ въ то время, когда они принадлежали одному богатому помѣщику, управляющій его принуждалъ косить рожь и овесъ. Для этого выписали косаря изъ мѣстъ, гдѣ не жали, а косили хлѣбъ;

косарь привезъ съ собою косы съ длинными деревянными крочьями, придръланными къ ручкѣ косы съ боку, выше лезвія; крочья эти, при косьбѣ, захватывали и укладывали рядами колосья. Косецъ дѣйствовалъ хорошо и бойко. Однако старики говорили, что при косьбѣ будетъ высыпаться много зеренъ изъ колосьевъ; крестьяне заключили, что пусть баринъ косить свой хлѣбъ, что пожалуй, они выучатся косить на его хлѣбахъ, но свой хлѣбъ косить не станутъ. Управляющій возражалъ, что баринъ этого требуетъ непремѣнно, а ослушниковъ велѣлъ пороть.

— Ладно, говорили между собой крестьяне, рассказывалъ мой собесѣдникъ. За каждымъ ты не усмотришь, мы сожнемъ и увеземъ хлѣбъ; всѣхъ не перепорешь, устанешь.

При этой сценѣ присутствовалъ пришедшій изъ любопытства родственникъ одного помѣщика, живущій по сосѣдству, „добрый, простой таковой; мы говорили съ нимъ по душѣ“. Когда мы спорили съ управляющимъ, онъ ухмылялся и моталъ головою. Когда мы отошли, мы накинулись на него.

— Чего, молъ, баринъ, смѣешься, радъ что ли, что насъ пороть будутъ?

— Эхъ, братцы, братцы, отвѣтилъ баринъ; вы многого не смеяете; косить - то нужно, когда зерно въ колосѣ не успѣетъ еще засохнуть; послѣ дойдетъ, а овесъ косить по росамъ, когда моча въ колосьяхъ зерна держать.

Мы все спорили. А онъ говорить старикамъ:

— Вотъ вы, чай, пилите теперь доски, а прежде, ровняли ихъ топорами?

— Помнимъ, ровняли.

— Ну а теперь, тоже ровняете топоромъ?

— Зачѣмъ топоромъ; нынче на то пилы подѣланы.

— Ну, какъ прежде хлѣбъ серпами жали, такъ и доски топорами гладили. А теперь пилете; попробуйте косить, можетъ полюбится.

Это запало въ умы крестьянъ; они начали пробовать косить у себя, сначала нѣкоторые, потомъ всѣ, а года черезъ два всѣ стали косить хлѣбъ.

Разсказываю объ этомъ подробно, въ видѣ примѣра разныхъ способовъ убѣжденій, какими можно вліять на крестьянъ, побуждая ихъ къ трудному, но настоятельно теперь для нихъ необходимому переходу въ лучшимъ способамъ сельскаго хозяй-

ства. Только при сближеніи съ крестьянствомъ, внушеніемъ ему довѣрія, продолжительными благожелательными отношеніями мѣстная интеллигенція можетъ пріобрѣсти на него благодѣтельное вліяніе, которое непременно отразится не менѣе благодѣтельными послѣдствіями для той же самой мѣстной интеллигенціи. Къ сожалѣнію, самое удобное для такого сближенія время, 1861 годъ, было упущено въ разгарѣ столкновенія личныхъ, близорукихъ интересовъ. Обѣ стороны отдалялись другъ отъ друга все болѣе и болѣе. При крѣпостномъ правѣ еще существовали между ними общіе интересы; необходимость соблюденія ихъ рѣзво напоминалась обѣимъ сторонамъ дѣйствительностію. Теперь выгоды стали противоположны; сближеніе происходитъ только случайно, подобно сближенію покупателя съ продавцемъ; оба сословія видятъ только свои отрицательныя стороны, отталкивающія ихъ другъ отъ друга. Такое видимое разобщеніе поддерживалось невозможностію обѣихъ сторонъ понять другъ друга, объяснить причины своего отчужденія и слѣдовательно устранить ихъ. Непониманіе менѣе извинительно для интеллигенціи, обладающей у насъ дарованіями и духовными силами, которымъ позавидовала бы любая европейская нація. Интеллигенція какъ будто не сознавала своего незнакомства со стремленіями, нуждами и установившимися понятіями народа. Немногія данныя по этимъ предметамъ пропадали въ печати, разсѣяныя между нѣкоторыми статьями немногихъ журналовъ, написанными немногими людьми, только съ недавняго времени принявшимися серьезно изучать народъ. Но и эти свѣдѣнія мало интересовали большинство публики и мало обобщались въ ней. Разрозненность представляется огромною. Самые интеллигентные люди не подозрѣваютъ, что большая часть реформъ не проникла въ народъ, т. е. въ значительную часть всего русскаго населенія, которое не только не пользуется ихъ плодами, но терпитъ отъ нихъ, будучи принуждена нести непосильную тяготу для осуществленія ихъ. Интеллигенція такъ мало догадывается объ этомъ, что домогается облагодѣтельствовать народъ еще бѣльшимъ развитіемъ этихъ реформъ, новыми мѣропріятіями, начиная отъ урядниковъ, преобразованія полиціи, до вѣнца зданія и коммуны, потому что идея о ней привилась все-таки въ нѣкоторой, хотя не большой, части интеллигенціи. Ненасытная жажда реформъ объясняется предположеніемъ реформаторовъ,

что осуществленіе ихъ будетъ легко и полезно народу. Не сближаясь съ нимъ, не углубляясь въ него, интеллигенція не подорываетъ, что предлагаемыя мѣры останутся только на поверхности, на верхнемъ слоѣ общества, но не проникнуть въ народъ. Такая судьба постигала и прежнія давнишнія реформы, напр. улучшеніе городскихъ учреждений, задуманное Екатериною; она постигаетъ теперь новѣйшее,—земское учрежденіе. Неизвѣстно еще какой результатъ получится на практикѣ для большинства населенія отъ недавней, такъ желаемой, рекомендуемой, по теоріи гуманной мѣры,—отмѣны солянаго налога? Подобные вопросы мало тревожатъ большинство нашей интеллигенціи, давно потерявшее историческую и народную почву. Не смотря на это, нельзя не признать, что наша интеллигенція исполнена хорошихъ, гуманныхъ намѣреній. Вся бѣда въ томъ, что она высокомерно не сознаетъ своего отчужденія отъ большинства населенія, что чувства ея къ нему имѣютъ какой-то искусственный, абстрактный характеръ любви, не исключаящей самонадѣяннаго стремленія облагодѣтельствовать меньшую братію, даже помимо ея желанія, хотя бы насильно.

Разоблаченія, идущія изъ народныхъ сферъ, относительно земскихъ учреждений подтвердили мои прежнія догадки, возникавшія въ тѣ годы, когда мнѣ приводилось видѣть примѣненіе этихъ учреждений на дѣлѣ и на мѣстѣ.

Крестьяне не давали себѣ яснаго отчета о предметахъ, подвѣдомственныхъ земству и еще менѣе о своихъ правахъ на участіе въ его примѣненіи. Прежде всего на участіе это они смотрѣли, какъ на обременительную и дорого стоющую имъ повинность. Далѣе они чувствовали тягость земскихъ платежей, значительно увеличившихъ ихъ, и безъ того непомѣрные, денежные сборы. Отъ засѣданія въ земскихъ собраніяхъ своихъ собратьевъ, попавшихъ туда только по случайностямъ и обстоятельствамъ, для нихъ несчастнымъ, крестьяне не видѣли и не ждали никакой пользы. Поэтому на избирательныхъ сѣздахъ, куда ихъ гоняютъ, они старались сами уклониться отъ избранія. Выбираютъ тѣхъ, на кого указываетъ начальство, непремѣнный членъ, или старшина, выбираютъ тѣхъ, кто самъ просится и угощаетъ. Отъ такихъ избранныхъ они не только не ждутъ для себя никакой защиты и пользы, но знаютъ впередъ, который изъ нихъ будетъ

способствовать ихъ отягощенію. Когда кто нибудь изъ крестьянъ попадалъ случайно въ гласные и, сидя въ собраніи, понявъ о чемъ идетъ рѣчь, пробовалъ заговорить своею рѣчью, желая доказать бесполезность и тягость для крестьянъ предлагаемой мѣры, его скоро усмиряли насмѣшками, или угрозами, которыя потомъ осуществлялись. Воротилы, заправлявшіе дѣлами въ собраніяхъ, говорили больше всѣхъ и все рѣшали; это были или помѣщики, или фабриканты, заводчики, торгаши, кулаки, священники. Интересы этихъ людей не имѣли ничего общаго съ интересами крестьянства. Напротивъ, тяготы и темнота крестьянъ были для нихъ выгоднѣе, чѣмъ ихъ благосостояніе и развитіе: чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ дешевле требуетъ онъ за свою работу, а крестьянскій трудъ только и былъ нуженъ этимъ сильнымъ заправителямъ земства. Ни врачами, ни больницами, ни училищами, ни мостами большинству крестьянства не приходилось пользоваться вовсе или по ихъ недоступности, или по отдаленности, между тѣмъ налоги на поддержаніе и устройство этого отнимали у крестьянина возможность купить необходимое и уплатить казенные сборы, взыскиваемые безпощадно, подъ угрозой продать имущество, угрозой, не рѣдко осуществляемою. Гдѣ тутъ крестьянину думать о роскоши, въ видѣ моста, по которому ему пришлось проѣхать только разъ, или два въ жизни, врача или фельдшера, у которыхъ онъ прождалъ въ городѣ цѣлый день, съ трудомъ добившись нѣсколькихъ разсѣянныхъ вопросовъ и лекарствъ, которое не принесло ему никакой пользы. Въ училище можно посылать дѣтей только тогда, когда школа въ той же деревнѣ, или очень близко. Иначе приходилось бы платить за жилье и пищу учениковъ, чтобы не гонять его каждый день по нѣскольку верстъ въ училище. Дѣти не скоро и плохо выучивались грамотѣ; отрывались отъ работъ въ полѣ; учителя не внушали имъ ни уваженія, ни довѣрія къ родителямъ и сами не скрывали своего пренебреженія къ нимъ. Когда въ земскомъ собраніи идетъ рѣчь о предметѣ, близкомъ крестьянству, компетентныхъ представителей отъ него тамъ или нѣтъ, а если есть случайно, то ихъ рѣдко спрашиваютъ. При этомъ въ собраніи выражаются такъ мудрено, что мужику мало можно что нибудь понять при всемъ стараніи вникнуть. Да онъ и не старается. Исключеній изъ этого мнѣ приходилось узнавать мало.

Было еще во мнѣ ошибочное понятіе, которое пришлось исправить. Читая много о вредѣ кулаковъ, разоряющихъ крестьянъ, я полагалъ, что ихъ слѣдуетъ немедленно устранять, что население можно одарить учрежденіемъ, снабжающимъ крестьянъ доступнымъ и дешевымъ кредитомъ. Правда, крестьяне сами высказывали часто, какъ обируютъ ихъ кулаки; но всякій разъ, когда я говорилъ, что кулаковъ хорошо бы совсѣмъ вытѣснить изъ деревень, они говорили, что безъ этихъ кулаковъ они бы совсѣмъ пропали. Крестьянину постоянно встрѣчается необходимость немедленно получить какую нибудь сумму наличныхъ денегъ, въ особенности, когда выбиваютъ подати; продать для этого лошадь или корову, если есть лишнія, можно развѣ почти даромъ; въ закладъ ихъ никто не беретъ, потому что не знаетъ, останутся ли они живы и цѣлы; другаго ничего нѣтъ; остается только занять деньги подъ обязательство отдать хлѣбомъ изъ будущаго урожая, или отработать. Такое обезпеченіе все-таки не надежно для закладчика, потому что неизвѣстно еще, каковъ будетъ урожай, останется ли отъ него что нибудь крестьянину, захочетъ ли, сможетъ ли онъ во-время исполнить обѣщанную работу. Рискъ для закладчика, очевидно, большой, въ виду разныхъ случайностей и возможности для заемщика сдѣлаться несостоятельнымъ. Послѣ этого, какъ не радоваться, что находится человекъ, который рѣшается на такой рискъ, хотя бы изъ-за огромной лихвы. Если бы онъ не рѣшался, то къ кому и куда было бы обратиться крестьянину? Такимъ образомъ выходило, что крестьяне, проклиная кулаковъ и заемщиковъ за ихъ жадность, считали бы себя безпомощными безъ нихъ.

Послѣ покушенія Соловьева приходилось не разъ говорить объ этомъ съ крестьянами, которые при этомъ не были такъ скрытны и лукавы, какъ въ разговорахъ о другихъ предметахъ. Они затруднялись только высказывать свое подозрѣніе, что злодѣйскія попытки дѣлаются въ отомщеніе за освобожденіе крестьянъ. Не стану распространяться объ этомъ предметѣ, потому что онъ выяснился несомнѣнно въ послѣднія тяжелыя времена. Въ разговорахъ объ этомъ для меня все больше и больше выяснялся политическій идеалъ русскаго народа и то значеніе, которое имѣла въ его глазахъ верховная власть. Прежде, когда что нибудь подобное выражалось при мнѣ, это казалось мнѣ фетишизмомъ, гру-

бымъ преклоненіемъ силѣ, свойственнымъ всѣмъ грубымъ, народнымъ массамъ. Теперь такое заблужденіе для меня сдѣлалось невозможнымъ; я, какъ невѣрующій Ома, оцупывалъ своими пальцами историческій народный продуктъ.

Къ такимъ выводамъ приходилъ я постепенно, изъ года въ годъ, по мѣрѣ знакомства съ русскою дѣйствительностію.

X.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1880 года прочелъ я рѣчь Достоевскаго на пушкинскомъ юбилеѣ. Особое вниманіе мое обратили слова оратора о свойственномъ русскому человѣку недовольствѣ окружающею его средою и объ отшельничествѣ. Меня поразили слова: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего потрудись на народной почвѣ. Не виѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ. Правда прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою“.

До того времени я былъ знакомъ только съ тѣми произведеніями Достоевскаго, которыя печатались нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Послѣ возвращенія его изъ ссылки появилось много другихъ его произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыхъ я, въ стыду моему, не удосужился прочесть. Слова его московской рѣчи были метки, въ особенности тѣ, которыя указывали на нигилистовъ. Цѣня ихъ по глубинѣ мысли, я мало обратилъ тогда вниманіе на оттѣнокъ мистицизма, который, какъ мнѣ тогда казалось, объяснялся личными наклонностями автора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычной каждому человѣку наклонности, я примѣнялъ къ себѣ слова объ обязанности работать на народной нивѣ. Не отвлекался ли я отъ этой обязанности высокомѣрнымъ желаніемъ облагодѣтельствовать народъ по своей мѣрѣ? Я спрашивалъ себя также, одобрительно ли мое отшельничество отъ людей, съ которыми приходится встрѣчаться? Не объясняется ли оно гордостію, сознаниемъ моей безупречности и отсутствіемъ смиренія, безъ котораго невозможно никакое общеніе съ людьми? О христіанской любви я здѣсь не говорю, чтобы не выходить изъ круга мыслей, общихъ нашимъ интеллигентнымъ людямъ, независимо отъ ихъ религіозныхъ, или философскихъ убѣжденій. Для работы на народной нивѣ время и случай уже миновали. Совсѣмъ другое дѣло,—мое разобщеніе съ окружающими людьми. Я сознавалъ, что въ немъ было много добровольнаго съ моей стороны, что я не старался излечить въ

себѣ нетерпимость и жесткость. Надобно было устранить въ себѣ эти пороки. Я усердно принялся за работу надъ самимъ собою. Порою она нѣсколько смягчала меня, но, при всякомъ удобномъ случаѣ, упрямая натура снова брала верхъ и выбивала меня изъ колен, по которой я терпѣливо принялся было слѣдовать. Это меня огорчало. Я понялъ, какъ много Некрасовъ долженъ былъ страдать, говоря: „То сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть“.

Во время этой внутренней работы меня постигли преслѣдованія, повода которымъ я ничѣмъ не подавалъ, побужденія которыхъ оставались для меня тайною. Не считаю удобнымъ рассказывать подробности этого дѣла, отравившаго мою, и безъ того не веселую, жизнь; а подробности эти могли бы быть весьма характеристичны и поучительны. Къ счастью, нравственное настроеніе, въ которомъ я находился, помогло мнѣ легче перенести эту напасть. Тѣмъ не менѣе она нанесла мнѣ сильное потрясеніе, отъ котораго снова поколебалось мое здоровье. Я долго боролся съ уныніемъ и болѣзнію, но онѣ скоро одолѣли меня. Въ февралѣ мѣсяцѣ я уже лежалъ въ постелѣ. Едва начиналъ я оправляться, какъ грянуло событіе 1-го марта. Внезапность его, ужасъ, опасенія за будущность Россіи, сознаніе павшаго на нее позора овладѣли мною. Трудно передать, какъ пережилъ я это тяжелое не для меня одного время. Кажется, большинство общества раздѣляло мои чувства. О народѣ нечего и говорить; я только боялся за форму, въ которой выразится въ началѣ и впоследствии его тревога и подозрительность. Опасенія эти продолжаютъ тревожить меня, даже теперь, когда я пишу эти строки.

Послѣ первыхъ дней, проведенныхъ въ смятеніи, посреди извѣстій объ увеличивающемся числѣ изобличенныхъ и пойманныхъ злодѣевъ, наступилъ уголовный процессъ и за нимъ судъ. Едва оправляясь отъ болѣзни, но уже со свѣжею головою, я внимательно и скорбно слѣдилъ за всѣми фазисами и подробностями процесса, сообщаемыми частію въ газетахъ, частію очевидцами. Въ немъ прежде всего тревожили меня вредъ и опасность для всего общества, которыми угрожали намѣренія преступной группы, намѣренія, не только ею не скрываема, но даже старательно разглашаема и разъясняема на судѣ. Угрожали всему, чѣмъ привыкло дорожить общество. Это было равносильно

смерти, даже для тѣхъ, которые способны были вѣровать въ возможность воскресенія, проповѣдываемаго недоучившимися фанатиками. Я не могъ удержаться отъ чувства недовольства, читая въ отчетѣ эпилогъ, когда Желябову, этому Хлестакову революціи и притворнаго народничества, не дозволялось подробно изложить свои теоріи. Было комично и наивно обвиненіе правительства въ томъ, что оно само столкнуло его партію на путь насилія посредствомъ преслѣдованія избранныхъ ею средствъ мирной пропаганды социализма въ средѣ народа и рабочихъ. Такимъ образомъ Желябовъ и его партія наивно воображали, что правительство дозволить имъ беспрепятственно распространять въ народѣ несбыточные теоріи, приложеніе и польза коихъ нигдѣ не обнаружались и не вызываются русскою дѣйствительностію, потребностію и стремленіями народа. Они воображали, что правительство не помѣшаетъ имъ направлять наши лучшія молодыя силы на безтолковую, безобразную и чудовищную дѣятельность. Когда же правительство обнаружило естественное каждому организму чувство самохраненія и самообороны, Желябовъ и К^о начали дресировать Михайловыхъ, Рысаковыхъ и Перовскихъ, предоставляя слѣпому случаю устроить Россію, если имъ удастся. Послѣ таковой наивности и вычливости, мнѣ жаль было, — что Желябову не дозволяли развить свое заявленіе о томъ, что именно удостоилось его одобренія въ народѣ, чему именно и почему партія предполагала держаться изъ народныхъ сознаній и какія именно были эти сознанья народомъ интересы, одобряемые партіею? Какія средства были возможны народу, чтобы воспользоваться благоволеніемъ и руководствомъ партіи для развитія въ себѣ комуну и социалистическихъ началъ? Подробное разъясненіе всего этого Желябовымъ послужило бы къ большому разоблаченію путаницы, одолѣвшей эти незрѣлые, хотя не лишеныя дарованій, умы, которые могли бы пригодиться Россіи, если бы имъ дано было разумное направленіе.

За смятеніемъ, послѣдовавшимъ послѣ катастрофы, обнаружился въ обществѣ, какъ мнѣ казалось, подъемъ духа, готовность на самопожертвованія и гражданскія усилія. Къ сожалѣнію, подъемъ этотъ постепенно укладывался, находя исходъ только въ тѣхъ же безбрежныхъ чаяніяхъ, которыми отличалось общество, чаяніяхъ, не обусловленныхъ ни пространствомъ, ни временемъ.

Повторились опять изобличенія и обвиненія другъ друга; въ печати высказывались безчисленныя желанія и больше ничего. Винить за это нашу печать было бы безразсудно: она только отражала, сколько было возможно, общественныя явленія, воспроизводила современное его состояніе, предоставляя келейнымъ разговорамъ пополнять свои невольныя пробѣлы. А пополненіе это вредное, по своей неуволности, оставалось безъ поправокъ и отпора. Все таки отъ общества и печати я почему-то ждалъ откровеннаго великодушнаго сознанія глубокой бездны, раздѣлявшей оба фактора русской жизни, не допускающей ихъ соединиться въ одинъ организмъ, чтобы пронизнуть другъ друга присущими обоимъ дарованіями и этимъ придать недостающую организму силу и можетъ быть невиданное доселѣ могущество. Я ждалъ, что общество пойметъ, наконецъ, свое незнаніе народа, вызовется внимать въ его особенности, нужды и идеалы, признаетъ необходимость удалить отъ себя недобѣріе и недовольствіе, сдѣлаться органомъ народа, котораго ему недостаетъ. Ничего этого не случилось.

.....

 Наступаетъ весна, когда я оживаю, снова погружаюсь въ привычную мнѣ русскую дѣйствительность, оставляя далеко чудовищный центръ чиновничества, миражей, всякихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ болѣзней, для деревни, и поэтому прерываю свой правдивый, безыскусственный разговоръ.

24-го апрѣля 1881 года.
 С.-Петербургъ.

А. Б.

АЛЕКСАНДРЪ I, НИКОЛАЙ I И АЛЕКСАНДРЪ II.

Историческіе матеріалы, къ нимъ и ихъ эпохамъ относящіеся.

1822—1855.

VII ¹⁾.

Вспомогательное письмо графа В. П. Кочубея Императору Александру.

С.-Петербургъ. 10-го ноября 1822 г.

(Переводъ съ французскаго). Графъ Милорадовичъ передалъ мнѣ повелѣніе В. И. В., чтобы какой либо уѣздный городъ одной изъ отдаленныхъ губерній былъ бы назначенъ для постояннаго жительства, подъ присмотромъ, дѣйств. ст. совѣтника Лабзина.

Во исполненіе Вашихъ намѣреній, Государь, я избралъ городъ Сенгилей, Симбирской губерніи, преимущественно окруженный татарскимъ населеніемъ и коего полиціймейстеръ (бывшій уланъ, по имени Дзичканецъ) пользуется репутаціей очень строгаго человѣка. Г. Лабзинъ отправится, какъ передалъ мнѣ военный губернаторъ, тотчасъ же, какъ только онъ будетъ снабженъ экипажемъ.

Высылка этого человѣка составляетъ теперь предметъ всѣхъ разговоровъ и можно сказать, что никто этимъ не удивленъ.

В—у В—у можетъ быть уже извѣстно то, о чемъ здѣсь говорили двѣ 10 тому назадъ, какъ будто нашли приклеенными на Исакиевскомъ Сборѣ стихи, которые читались и все еще повторяются; стихи слѣдующаго содержанія:

„Се памятникъ, трехъ царствій изображеніе:

„Гранитъ, кирпичъ и разрушеніе“.

¹⁾ См., Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXII (ноябрь), стр. 659—677.

Я хотѣлъ удостовѣриться, дѣйствительно ли нашли что либо подобное на стѣнахъ этого собора. Генераль Гладковъ положительно увѣрялъ меня въ противномъ, и я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ этого послѣдняго увѣренія, такъ какъ наша внѣшняя полиція не оставляетъ желать ничего лучшаго, равно какъ и въ томъ, что этотъ яко бы пасквиль просто не болѣе какъ сказка (*conte à souhait*). Генераль Гладковъ, въ то же время, сказалъ мнѣ, что около трѣхъ недѣль тому назадъ ему донесли, что какіе-то стихи ходятъ по городу. Я полагаю, Государь, что это произведеніе какого нибудь повѣсы, въ которыхъ нѣтъ недостатка, и оно могло быть даже не написано. Заключаясь только въ двухъ стихахъ, они могли быть прочитаны самимъ авторомъ, и выданы за чужое произведеніе, и этимъ способомъ переходить изъ устъ въ уста, безъ того, чтобы оставались письменные слѣды. Можетъ быть полиція будетъ настолько счастлива, что отыщеть автора.

Генераль Балашовъ, пробывши до пятнадцати дней здѣсь, возвратился въ Рязань. Онъ писалъ мнѣ и самъ говорилъ, что частныя дѣла вызвали его въ столицу. Онъ настоятельно просилъ меня объ удаленіи Тамбовскаго губернатора Крюкова и графа Васильева. Я предложилъ ему повременить до возвращенія В. В., такъ какъ къ этому времени онъ долженъ быть опять въ Петербургѣ и можетъ доложить объ этомъ лично В—му В—ству.

Удостоите, Государь, принять увѣреніе моего уваженія и моей безграничной преданности. Графъ Кочубей.

Примѣчаніе. Заключительныя слова письма: «*Daignez, Sire, agréer l'hommage de mon respect et de mon dévouement sans bornes*», отличаются простотою и рѣзко отличаются отъ обычныхъ припаданій къ стопамъ и пр. риторическихъ украшеній, встрѣчающихся обыкновенно въ этого рода посланіяхъ. Стоитъ пропомнить, напр., заключительныя слова многихъ писемъ одного изъ придворныхъ къ цесаревичу Константину Павловичу: „богоподобный благодѣтель мой, по гробъ преданный вамъ и проч.“ Ред.

VIII.

Резолюція Императора Александра I по случаю похоронъ княгини Кутузовой.

Всеподданнѣйшая записка г.-адъют. барона Дибича.

24-го іюля 1824 г.

Княгиня Кутузова скончалась вчерашняго числа вечеромъ.

Родственники ея графъ Толстой, адъютантъ ген.-ад. Бенкендорфа, былъ у меня дабы узнать о возможности исполненія желанія ея быть похороненною въ Казанской церкви.—Не имѣя повелѣнія о

объявленіи Высочайшей воли, я предварилъ его однакожь о неприличіи такого желанія—онъ спрашивалъ можно ли по крайней мѣрѣ отпѣть покойницу въ Казанскомъ соборѣ?

Я осмѣливаюсь представить о семъ на Высочайшее разрѣшеніе.

Высочайшая революція:

— «Ни хоронить, ни отпѣвать въ Казанской церквѣ я не дозволяю».

IX.

Изъ исторіи русскаго просвѣщенія.

ГЕН.-МАЮРЪ АЛЕКС. АЛЕКС. ПИСАРЕВЪ—ГЕН.-АДЪЮТ. БАРОНУ ДИВИЧУ.

Москва, 13-го марта 1825 г.

Милос. гос. бар. Иванъ Ивановичъ. Получаю обратню отъ В. Пр. прошеніе мое въ военную службу, обратился я уже къ службѣ гражданской, тѣмъ болѣе, что въ оной желалъ бы избрать родъ постоянной службы, по моимъ склонностямъ и всегдашнему занятію, т. е. — поприще ученое.—Одинъ сей родъ службы могъ бы, такъ сказать, оторвать меня отъ военного ремесла, въ которомъ я выросъ и образовался; къ тому же несовмѣстность моихъ семейныхъ обстоятельствъ, разстроеннаго состоянія и самаго здоровья съ военною службою, нынѣ принуждаютъ меня предпочесть оной службу гражданскую, въ которую бы, однакоже, на память военной, принесть съ собою ту строгость къ порядку и подчиненности, чѣмъ усовершенствуется военная служба, и что казалось бы новымъ въ республикѣ ученыхъ!...

По сему самому и обращаюсь къ вашему пр., съ покорнѣйшею моею просьбою, объ исходатайствованіи мнѣ всемілостивѣйшаго назначенія въ попечители Московскаго Университета, если возможно съ военнымъ чиномъ и мундиромъ, по примѣру кадетскихъ корпусовъ; если же сего не возможно, то съ переименованіемъ въ тайные совѣтники, ибо я ровно 10 лѣтъ прослужилъ въ чинѣ генеральскомъ, 25 въ оберъ-офицерскомъ, былъ раненъ — и словомъ: вся жизнь моя была военнымъ формуляромъ!...

Да въ покровительствѣ вашемъ найду себѣ одобреніе и — награду.

Съ истиннымъ и пр.

ГЕНЕР.-АДЪЮТ. ДИВИЧЪ ОТВѢЧАЛЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ПИСЬМОМЪ:

М. г. Александръ Александровичъ. Письмо ко мнѣ в. пр. отъ 13-го сего марта я почелъ долгомъ моимъ представить на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Гос. Императоръ, выслушавъ оное, повелѣть имѣ изволилъ отвѣчать в. пр—ству, что Е. В. находятъ въ семь писемъ неприличнымъ, первое: что вы предлагаете опредѣлить попечителю московскаго университета военный чинъ и мундиръ, по примѣру кадетскихъ корпусовъ: каковыхъ предложеній правительство не можетъ принимать отъ частнаго лица; а второе: что вы сами себѣ назначаете чинъ тайнаго совѣтника: ибо награжденіе чинами принадлежитъ только Высочайшей власти.

Исполняя симъ Монаршую волю, имѣю честь и пр.

Х.

два всеподд. письма С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЕННАГО ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА, ГЕНЕР.-АД. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА, О ПРАЗДНОВАНІИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ КРОНОВАНІА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

С.-Петербургъ, 25-го августа 1826 года.

Вс. государь. Сегодня въ 6 часовъ пополудни прибылъ ген.-ад. графъ Комаровскій съ радостнымъ извѣстіемъ вождѣннаго совершенія священнѣйшаго коронованія В. И. В. и Супруги Вашей Августѣйшей Государыни Императрицы. Съ благоговѣннымъ чувствомъ вѣрноподданнѣйшаго усердія, поспѣшаю принести В. И. В. всеподданнѣйшее мое поздравленіе.

Событіе сіе увѣнчало сердечныя желанія Вашихъ вѣрноподданныхъ; да будетъ благословенное Богомъ царствованіе В. В., подобно царствованію бессмертнаго Вашего прадѣда и предшественника въ подвигахъ правды и добра, Петра Великаго, залогомъ славѣ Отечества, благоденствія подданныхъ, источникомъ чистыхъ наслажденій для великой Вашей души и предметомъ удивленія и благодарности позднѣйшаго потомства. Сіи чувствованія усердія и любви раздѣляютъ со мною всѣ вѣрноподданные жители столицы, свидѣтели Вашихъ царственныхъ доблестей и трудовъ для блага отечества; но я вмѣняю себѣ въ особенное счастье, что по неоцѣненной милости В. И. В. имѣю возможность излить сіи чувствованія предъ лицомъ Вашимъ. Нелицемерно доношу В. В., что восторгъ жителей столицы при полученіи радостнаго извѣстія былъ немовѣрный. Лишь только услышали стрѣльбу, всѣ находящіеся на улицахъ снимали шляпы, крестились и обнимали другъ друга. Завтрашній день въ Казанскомъ соборѣ принесено будетъ торжественное молебствіе, а потомъ начнемъ и веселиться. Въ заключеніе осмѣливаюсь повергнуть къ сто-

вамъ В. И. В. всеподданнѣйшую мою благодарность за всемилостивѣйшее пожалованіе меня чиномъ. Государы! милости Ваши принимаю я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и счастливымъ почту себя, если служба моя, основанная на чистой и нелицемѣрной преданности къ В. В., столько же будетъ полезна, сколь усердіе мое безпредѣльно.

В. И. В. вѣрноподданнѣйшій Голенищевъ-Кутузовъ.

29-го августа 1826 г.

Въ особомъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ моемъ В. И. В. извѣстилъ я, съ какимъ радостнымъ восторгомъ въ здѣшней столицѣ вѣрноподданніе Ваши приняли возвѣщеніе о совершившемся священномъ коронованіи В. В. и Е. И. В. Всем. Гос. Императрицы Александры Θεодоровны.

Движимые симъ сердечнымъ чувствомъ, здѣшніе обыватели въ трехъ истекшихъ дняхъ, когда былъ иллюминированъ городъ, старались ознаменовать оныя не однимъ извѣщеніемъ одушевлявшаго ихъ восторга, но и нарочитымъ тщаніемъ въ украшеніи освѣщенія у домовъ въ разныхъ видахъ. Въ сіи три дня, начиная съ 26-го числа, почти съ 7 часовъ пополудни и за полночь, стеченіе народа по всѣмъ улицамъ столь было многочисленно, что съ величайшею трудностію могли проѣзжать экипажи; къ чему благопріятствовала хорошая теплая погода. Казалось, что всѣ жители на улицахъ; но нѣтъ сомнѣнія, что въ домахъ не многіе оставались. Таково было движеніе вѣрноподданныхъ В. И. В. послѣ благодарственнаго молебствія Господу Богу, въ Казанскомъ соборѣ принесеннаго.

При всемъ многолюдствѣ, наполнявшемъ стеченіемъ своимъ улицы, не произошло никакого приключенія болѣе и менѣе непріятнаго.—Къ удивленію—даже и пьяныхъ тутъ изъ простаго народа не встрѣчалось.

Устройство иллюминаціи, по собственному желанію обывателей, оставляется въ настоящемъ онаго видѣ до вождѣльнаго возвращенія сюда В. И. В., безъ всякаго о томъ со стороны полиціи внушенія.

Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ клубахъ, члены оныхъ съ такимъ же движеніемъ празднуютъ совершеніе сего столь радостнаго событія.

Городъ, въ ознаменованіе признательности своей графу Комаровскому, какъ первому вѣстнику о благополучно совершившемся свя-

ценномъ коронованіи В. В., подносить подарокъ, табакерку съ приличною надписью.

Во вторникъ, т. е. 31-го сего августа, имѣеть быть данъ маскарадъ въ Таврическомъ дворцѣ, на который приглашены первые шесть классовъ и именитое купечество адѣйшее, иногородное и иностранное. Затѣмъ будетъ маскарадъ, предназначенный купечествомъ, о которомъ имѣлъ я счастье доносить уже В. И. В.

Генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ.

XI.

Письмо Александра Бестужева—графу Дибичу.

1829 г.

Послѣ отъѣзда графа Дибича изъ С.-Петербурга во вторую армию въ 1829 г., получено было на его имя открытое письмо отъ „государственного преступника“ Александра Бестужева.

Копія съ этого письма послана была дежурнымъ генераломъ генераль-адъютантомъ Потаповымъ въ армию къ графу Дибичу: „По чувствамъ моимъ, писалъ ген.-адъютантъ Потаповъ, письмо Бестужева достойно прочтенія вашего“.

«Ваше Сіятельство, Милостивый Государь. Великодушная снисходительность В. С., которую имѣлъ я счастье испытать, осмѣливаетъ меня вознести до взора Вашего просьбу равно покорную и пламенную: о предствательствѣ Вашимъ Сіятельствомъ предъ особою милостивѣйшаго Монарха о дозволениі вступить мнѣ рядовымъ подъ знамена, коимъ Вы указываете слѣдъ къ побѣдамъ. Высокой душѣ, воспитанной въ битвахъ, понятны страданія военнаго, осужденнаго тлѣть въ праздности, когда слава русскаго оружія гремитъ надъ колыбелью древняго міра и надъ гробомъ Магометовымъ. Но испрашивая сію милость, нищу не выгоды и отличій—нищу только случая пролить кровь мою за славу Государя и съ честью кончить жизнь, имъ дарованную, чтобы на прахѣ моемъ не тяготѣло имя преступника. Помилованный Великодушнѣйшимъ изъ Монарховъ, я еще болѣе чувствую великость вины моей, еще болѣе спѣдаюсь раскаяніемъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ это сознаніе открываетъ мнѣ безпредѣльность Его благодати, — и я умоляю В. С., довести до свѣдѣнія Е. И. В. сію всеподданнѣйшую просьбу мою, если онъ—рѣшитель судьбы сраженій и Государствъ—имѣеть свободную минуту отъ гражданскихъ подвиговъ и побѣдныхъ трудовъ, обратить вниманіе на несчастливца.

«Въ одной благодати Государевой моя надежда, только въ предствательствѣ Вашемъ единственное мое заступленіе. Кромѣ в. с. я не имѣю никакихъ покровительствъ, ни путей, послужить словомъ и

дѣломъ Великому Государю, къ престолу коего Вы приближены по непоколебимой правотѣ Вашей.

«Съ трепетомъ ожидая приговора судьбы моей и проникнутый глубочайшимъ уваженіемъ и ревностною преданностію, имѣю честь пребыть в. с., милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Александръ Вестужевъ ¹⁾».

г. Якутскъ.

Февраля 10-го дня 1829 г

Примѣчаніе: Вслѣдствіе доклада этого письма Императору Николаю Павловичъ, Высочайше повелѣно было 13-го апрѣля 1829 г.: „Александра Вестужева опредѣлить рядовымъ въ дѣйствующіе полки Кавказскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы и за отличіе не представлять къ повышенію, но доносить только—какое именно отличіе имъ сдѣлано“.

XII.

МАТЕРИАЛЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА, ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Вспомогательное письмо графа Аракчеева Императору Николаю.

Грузино. 4-го сентября 1831 г.

Батюшка В. И. В. Всем. Государь.

Покойный Г. И. Благодѣтель мой Александръ Павловичъ въ теченіи тяжкаго 1812 года, изволилъ отдавать мнѣ всѣ такія бумаги, о которыхъ угодно ему было, дабы онѣ нигдѣ не находились ни въ какихъ дѣлахъ, окромѣ какъ въ одномъ моемъ собственномъ вѣдѣніи, ибо онѣ извѣстны были только Г. И. и мнѣ.

По окончаніи сей отечественной войны, разбирая въ своемъ кабинетѣ дѣла, изволилъ отдать еще нѣкоторые меморіалы того же времени для подобнаго же содержанія въ собственномъ моемъ вѣдѣніи.

Спустя нѣсколько лѣтъ я докладывалъ Е. В. о сихъ бумагахъ, и онъ изволилъ приказать переплестъ всѣ оныя въ одну книгу у меня въ комнатахъ въ моемъ присутствіи и представить оную Е. В.

По исполненіи онаго Его Величество, осмотря оную книгу, изволилъ мнѣ сказать слѣдующее:

— «Дѣла сіи такого роду, что по прошествіи времени нынѣ нѣтъ въ нихъ надобности, а притомъ я желаю, дабы многія изъ оныхъ не

¹⁾ Письмо это имѣется въ нашихъ бумагахъ въ черновомъ—руки А. А. Вестужева—спискѣ, но здѣсь напечатали мы его въ томъ видѣ, какъ оно было отправлено по назначенію обывателемъ города Якутска, знаменитымъ впоследствии русскимъ писателемъ „Марлинскимъ“.

Ред.

были никому и извѣстны окромѣ насъ съ тобою. — Личная же твоя собственная служба моему лицу въ оное тяжкое время ни чѣмъ не награждена (по нежеланію твоему онаго), то и даетъ мнѣ право всѣми оными переплетеными бумагами наградить тебя, за твою ко мнѣ привязанность, для храненія оныхъ въ Грузинѣ, дабы потомство видѣло мою къ тебѣ довѣренность, а твое ко мнѣ личное усердіе».

Нынѣ генералъ графъ Чернышевъ пишетъ ко мнѣ и упоминаетъ о нѣкоторыхъ оныхъ дѣлахъ, то я подношу всю оную книгу В. И. В. какъ драгоценность мою, заслуженную во время отечественной войны!

Упоминаемые же въ его письмѣ князя Зубова бумаги дѣйствительно были нѣкоторыя посланы съ господиномъ Чернышевымъ къ фельдмаршалу князю Кутузову Смоленскому, но оныхъ у меня нѣтъ, ибо оныя бумаги были извѣстны многимъ, то и не вошли въ вышеозначенныя дѣла.—О сихъ бумагахъ я пространно увѣдомляю генерала графа Чернышева.

Послѣ 1816 году всѣ важныя бумаги оставались въ Собственной Канцеляріи запечатанныя въ пакетахъ моею печатью, съ выставкою моей руки номера на запечатанныхъ конвертахъ, и заносимы были въ журналы, собственною же моею рукою, означеніемъ только номера съ объясненіемъ, что оное дѣло находится запечатанное (о чемъ я имѣлъ счастье докладывать въ 1826 году Вашему Импер. Величеству).

Оныя дѣла можно повѣрить по описямъ, сдѣланнымъ моею рукою, въ которой скобленаго ничего не было, и не одно не было распечатано.

Съ чистымъ душевнымъ почитаніемъ и благодарностію за Ваши ко мнѣ милости, пробуду до конца жизни В. И. В! вѣрный вѣрно-подданный слуга г. Аракчеевъ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Аракчеева Императору Николаю.

Грузино. 24-го сентября 1831 г.

Батюшка Ваше Императорское Величество!

Даръ покойнаго моего благодѣтеля Благословеннаго Александра Павловича, вновь пожалованный мнѣ В. И. В., и присланный по судьбѣ Всевышняго, въ самый день моего рожденія, въ который исполнилось мнѣ 63 года моей жизни,—я получилъ.

Какую же я могу воздать вамъ Батюшка, В. И. В., благодарность съ моей стороны, какъ не сію, что прошу Васъ Всем. Г-рь, принять нынѣ же оную книгу, приносимую лицу Вашего Величества.

Старинное воспитаніе, данное мнѣ покойнымъ августѣйшимъ Ва-

шимъ родителемъ, образовало меня такъ: что ничего для меня нѣтъ въ семь свѣтѣ пріятнѣе какъ исполнять волю моего Государя! и ни какое во всю мою службу обо мнѣ общее мнѣніе публики, для меня не было пріятно и дорого, кромѣ мнѣнія моего обо мнѣ Государя!—Слѣдовательно я награжденъ уже вполне на всю мою остальную жизнь, когда мой Государь Императоръ,—Ваше Императорское Величество, призвали бывшую довѣренность ко мнѣ покойнаго Императора. — А потому я утѣшаю себя пріятнѣйшимъ удовольствіемъ, что изволите заключать во мнѣніи своемъ, что я ее былъ достоинъ.

В. И. В. на всю мою жизнь вѣрнѣйшій вѣрноподанный графъ Аракчеевъ.

Въ Сборникѣ графа Аракчеева имѣются нижеслѣдующіе драгоценныя матеріалы, относящіеся до войны 1812 г., далеко еще не вполне исчерпанные историками этой достославной эпохи русской исторіи.

Считаемъ не излишнимъ указать здѣсь на опись главнѣйшихъ матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ этого сборника.

1) Записка графа Аракчеева о наступленіи рѣшительной минуты и необходимости сразиться съ непріателемъ, о диспозиціи нашихъ войскъ, о усиленіи и продовольствованіи, которыми онѣ должны получить.

2) Донесенія и письма генерала Барклая де-Толли.

3) Оправданія генерала Барклая де-Толли, въ концѣ онѣ выводятъ, что отступление Россійской арміи въ нѣдра Россіи сдѣлано для завлеченія непріятеля и есть плодъ обдуманной предусмотрительности и вѣрнаго соображенія всѣхъ впередъ обстоятельствъ.

4) Письма князя Багратиона къ графу Аракчееву¹⁾.

5) Бумаги генераль-фельдмаршала князя Салтыкова.

6) Бумаги ген.-ад. маркиза Паулуччи.

7) Письма Е. И. В. цесаревича Константина Павловича.

8) Переписка съ г.-л. Эссенемъ.

9) Журналъ чрезвычайной комисіи 1812 года о соединеніи командованія всѣхъ армій подъ одну власть и о порученіи сего генералу князю Кутузову.

10) Донесенія графа С. При.

11) Бумаги, до г.-м князя Яшвиля относящіяся.

12) Рапортъ генераль-фельдмаршала князя Кутузова изъ Тарутина о свиданіи и разговорѣ съ генераломъ Лористономъ.

13) Письма генерала В. Беннгсена на Высочайшее имя.

14) Перехваченныя у непріятеля письма.

15) Донесенія адмирала Чичагова.

16) Донесенія генераль-фельдмаршала князя Кутузова

17) Переписка съ генераломъ графомъ Витгенштейномъ.

18) Донесенія графа Ростопчина на Высочайшее имя.

19) Росписаніе армій.

20) Бумаги относительно предложеній по военной части и пр.

¹⁾ Напечатаны въ «Исторіи отечественной войны 1812 года», М. И. Богдановича.

XIII.

Бюрократическая война 1839 г.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ ГР. А. Г. СТРОГОНОВЪ—КНЯЗЮ П. Д. ГОРЧАКОВУ.

С.-Петербургъ, 8-го юля 1839 г. № 4231.

Милостивый государь князь Петръ Дмитріевичъ. Въ отношеніи отъ 3 минуваго марта ваше сіятельство довели до свѣденія министерства внутреннѣхъ дѣлъ объ открывшемся въ то время запущеніи въ дѣлахъ Тобольскаго губернскаго управленія, особенно во 2 отдѣленіи онаго, и относя вину въ семь главнѣйше къ слабости надзора со стороны состоявшаго въ должности Тобольскаго гражданскаго губернатора статскаго совѣтника Повало-Швыйковскаго, извѣстнаго, что онъ допустилъ безотчетность и самовольное распоряженіе въ расходованіи суммъ, и дабы запутать всякую повѣрку, уволилъ казначея отъ должности, который вслѣдствіе того немедленно тайнымъ образомъ выѣхалъ изъ Тобольска. При семь доставлено вами свѣденіе, что въ канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія по 4 февраля 1839 г. состояло: по 1-му отдѣленію дѣлъ нерѣшенныхъ 318 и бумагъ 154, по 2-му—дѣлъ 273, бумагъ 432 и по 3-му—дѣлъ 404 и бумагъ 458, а всего 978 дѣлъ и 1044 бумаги.

Хотя на сіе я отозвался вамъ, милостивый государь, отъ 12 апрѣля, что статскій совѣтникъ Повало-Швыйковскій, въ то время, когда получено вышеозначенное отношеніе ваше, былъ уже уволенъ отъ должности Тобольскаго губернатора по Высочайшему указу 17 февраля 1839 г., что при семь случаѣ доведено было до Высочайшаго свѣденія о нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ вашихъ на счетъ упущеній сего чиновника, и что засимъ я не призналъ удобнымъ дать какой либо дальнѣйшій ходъ извѣстному отношенію вашему тѣмъ болѣе, что въ случаѣ если бы оказались явныя со стороны его злоупотребленія, принятіе въ отношеніи къ нему, какъ и ко всякому другому чиновнику, законныхъ мѣръ, зависитъ отъ усмотрѣнія вашего; но отъ 3 минуваго мая ваше сіятельство вновь изволите относиться ко мнѣ о усилившихся при Повало-Швыйковскомъ безпорядкахъ въ Тобольскомъ общемъ губернскомъ управленіи, съ давняго впрочемъ времени, по извѣстному вашему, существовавшихъ, и для отвращенія оныхъ, по мнѣнію Вашему, необходимо учредить при II и III отдѣленіяхъ канцеляріи сего управленія по одному временному столу въ каждомъ, съ жалованьемъ по штату 17 декабря 1837 г., о чемъ и просите меня довести до Высочайшаго свѣденія.

Въ удовлетвореніе такового требованія вашего сіятельства, по приказанію моему изготовленъ уже былъ и всеподданнѣйшій докладъ мой Государю Императору, но по ближайшему разсмотрѣнію обстоятельствъ сего дѣла, я встрѣтилъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя долгомъ считаю сообщить предварительно на уваженіе ваше.

Свѣдѣнія, сообщенныя вами, милостивый государь, министерству внутреннихъ дѣлъ отъ 3 марта сего года о числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ и бумагъ въ канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія, показываютъ большее накопленіе ихъ по III, нежели по II отдѣленію, но и число таковыхъ не столь значительно, чтобы для окончанія ихъ нужно было учреждать при двухъ отдѣленіяхъ канцеляріи временнаго стола: ибо всѣхъ нерѣшенныхъ дѣлъ по тремъ отдѣленіямъ къ 4 февраля 1839 г. состояло только 978 и бумагъ 1044, а по штату 17 декабря 1837 г. въ канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія положено 32 челоуѣка, въ томъ числѣ: 3 начальника отдѣленій, 6 столоначальниковъ, 2 чиновника особыхъ порученій и 18 писцовъ; слѣдовательно при надлежащей дѣятельности и распредѣленіи занятій между сими чиновниками, показанія дѣла и бумаги могли уже быть отчасти разрѣшены по настоящее время, а отчасти безъ промедленія получить установленнымъ порядкомъ движеніе, не прибѣгая къ учрежденію для того временныхъ столовъ, каковую мѣру, по мнѣнію моему, едва ли удобно допустить уже и потому, что при гораздо большемъ накопленіи въ нѣкоторыхъ губернскихъ правленіяхъ дѣлъ и бумагъ, оной допускаемо не было, а предоставлялось приводить ихъ къ окончанію данными уже каждому правленію способами. Въ семъ мнѣніи я убѣждаюсь еще тѣмъ болѣе, что хотя замѣченное въ дѣлахъ канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія запущеніе ваше сіятельство изволите относить главнѣйше къ слабому надзору бывшаго въ должности губернатора Пovalo-Швинковскаго, но какъ въ то же время вы изъяснили, что безпорядки въ семъ управленіи вкрались съ давняго времени, то они столько же могутъ относиться къ предмѣстникамъ его, какъ и къ главнымъ мѣстнымъ начальникамъ, коимъ ст. 1195, 1197 и 1198-ю II тома св. зак. постановлено въ обязанность предотвращать безпорядки сего рода ежегодною ревизіею и обзорнѣемъ мѣстныхъ управленій.

По симъ соображеніямъ я полагаю бы, что вмѣсто учрежденія при канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія двухъ временныхъ столовъ, можно бы для окончанія накопившихся въ оной дѣлъ и бумагъ и вообще къ успѣшнѣйшему теченію дѣлопроизводства

назначить лишь нѣсколько чиновниковъ изъ другихъ мѣстъ, въ конхъ дѣлопроизводство находится въ лучшемъ порядкѣ, или же чиновниковъ особыхъ порученій.

Сообщая сія мысли мои на ближайшее усмотрѣніе вашего сіятельства, я покорнѣйше прошу увѣдомить меня, угодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, согласиться съ мнѣніемъ моимъ, или же признаете нужнымъ, чтобы о изъясненномъ ходатайствѣ вашемъ я довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства генераль-адъютантъ А. Строгоновъ.

Князь П. Д. Горчаковъ—ген.-ад. А. Г. Строгонову.

Омскъ, 12-го августа 1839 г.

Милостивый государь графъ Александръ Григорьевичъ! Ваше сіятельство отношеніемъ отъ 8 минувшаго іюня № 4231, дѣлая разныя возраженія на ходатайство мое у Его Императорскаго Величества объ учрежденіи двухъ временныхъ столовъ въ Тобольскомъ общемъ губернскомъ управленіи, изчислили способы въ немъ дѣлопроизводства и предложивъ усилить ихъ изъ другихъ мѣстъ и чиновниками особыхъ порученій, приглашаете меня сообщить вамъ, не признаю ли я возможнымъ обойтись безъ испрашиваемаго вспомоцествованія, или же и затѣмъ почту необходимымъ возобновить мою просьбу.

На это приѣмлю честь объяснить вамъ, милостивый государь, что во второмъ и третьемъ отдѣленіяхъ запущенныя дѣла, по большей части, относятся къ части судной и хозяйственной, требующія значительныхъ справокъ или соображеній, почему и невозможно возложить ихъ окончанія на служащихъ въ означенномъ управленіи, безъ возрожденія новаго разстройства въ текуществѣ крайне обширномъ ¹⁾. Удѣлять же дѣлопроизводителей изъ другихъ мѣстъ, или занять въ канцеляріи чиновниковъ особыхъ порученій, нахожу мѣрою недостаточной и неудобной, по ближайшей мнѣ извѣстности, сколь ограничено всюду число способныхъ людей, и по нахожденію чиновниковъ особыхъ порученій въ безпрестанныхъ разъѣздахъ.

По симъ уваженіямъ остается мнѣ вновь просить ваше сіятельство, о доведеніи всеподданнѣйшаго моего ходатайства до Высочай-

¹⁾ Тобольскій гражданскій губернаторъ въ представленіи отъ 14 минувшаго апрѣля за № 2544-мъ между прочимъ изъяснилъ, что по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ выходитъ въ теченіе года по крайней мѣрѣ до 35 т. номеровъ.

шаго свѣдѣнія, присовокупляя, что безъ испрашиваемаго пособія не имѣю я надежды привести эту часть въ надлежащее устройство.

Далѣе перейду къ сужденію вашему, что разстройство Тобольскаго общаго губернскаго управленія, можетъ столько же быть отнесено къ предмѣстникамъ г. Повало-Швыйковскаго, какъ и самимъ главнымъ Начальникамъ здѣшняго края, по мнѣнію вашему, долженствовавшимъ предотвратить оказывающійся безпорядокъ ежегодной ревизіей. Не знаю какъ принять это заключеніе ваше: угрозой въ случаѣ несогласія моего, или прямымъ обвиненіемъ, только увѣрять, что вы, милостивый государь, не позволили бы себѣ этикъ словъ, еслибъ, приводя мнѣ на видъ 1195, 1197 и 1198 ст. II-го тома св. зак., угодно было вамъ поближе вникнуть въ обстоятельства дѣла, въ предписываемое законами о порядкѣ взаимныхъ между нами отношеній и собственно въ обязанности «Сибирскихъ генералъ-губернаторовъ». Одно примѣчаніе къ 1677 ст. т. II св. зак. достаточно указало бы вамъ, что тамъ, гдѣ гражданскимъ губернаторамъ, по обширности края, разрѣшается обозрѣвать присутственныя мѣста одинъ только разъ въ два года, нельзя неудобноисполнимымъ требованіемъ, ни на чемъ не основанномъ, обременить главнаго начальника, управляющаго тремя пространными областями и командующаго отдѣльнымъ корпусомъ, и ваше сіятельство вѣроятно убѣдились бы сами, что судя по однимъ только срочнымъ вѣдомостямъ, въ которыхъ, какъ я уже имѣлъ честь объяснять вамъ въ отношеніи моемъ отъ 3 мая съ № 894-мъ, что г. Повало-Швыйковскій скрывалъ число верѣшенныхъ дѣлъ, (показывая ихъ только 219, вмѣсто 1043), главное управленіе не могло предполагать особеннаго запущенія и побуждаться къ принятію экстренныхъ мѣръ исправленія. Впрочемъ еслибъ со стороны моей и было что упущено (въ чемъ я ни сколько не сознаюсь), то позвольте привести вамъ, милостивый государь, на память, что вы ни мнѣ, ни моимъ предмѣстникамъ не начальникъ и не судья, что нѣтъ закона, подчиняющаго генералъ губернаторовъ вашему сіятельству, между тѣмъ какъ (788 ст. 1-го т.) положительно признаются они лицами равностепенными съ министрами, что самое главное управленіе по составу и кругу своего дѣйствія, объемлющему всѣ части администраціи совокупно и составляя изъ себя часть министерскаго постановленія, дѣйствующаго на мѣстѣ (1775 ст. 2 том.) подчинено одному только правительствующему сенату (1338 ст. 2 том.); точно также какъ и самыя министерства (1776 ст. 2 том.); наконецъ, что я чиномъ выше васъ, а потому покорнѣйше прошу васъ милостивый государь, на будущее время, предоставить сужденіе о моей службѣ Его Импера-

торскому Величеству, коему я имѣю счастье ежегодно непосредственно подносить отчетъ объ моихъ дѣйствіяхъ, Государю слишкомъ справедливному, чтобъ выскать съ меня за то, что устроивъ уже многое, при ничтожныхъ средствахъ въ моемъ распоряженіи находящихся, не успѣлъ я довести до совершенства всѣхъ отраслей вѣрннаго мнѣ многосложнаго управленія.

Если ваше сіятельство разсудите довести содержаніе этого отношенія до Высочайшаго свѣдѣнія, то покорнѣйше прошу поднесть его оригиналомъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга князь Петръ Горчаковъ.

№ 1634. 12 августа 1839 г. Омскѣ.

Его сіятельству графу А. Г. Строгонову.

Примѣчаніе. Письмо это было представлено гр. А. Г. Строгоновымъ Императору Николаю Павловичу. Государь собственноручно написалъ на немъ карандашомъ:

„Пришлите мнѣ копи съ вашего отношенія къ к. Горчакову, о которомъ здѣсь рѣчь, и возвратите мнѣ и сію бумагу“.

Графъ А. И. Чернышевъ— князю П. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ 3-го октября 1839 г.

Собственной рукой Его Величества написано карандашомъ: „секретно“
„очень хорошо“.

Милостивый государь князь Петръ Дмитріевичъ. Г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, согласно съ требованіемъ вашего сіятельства, представилъ Государю Императору въ подлинникъ ваше къ нему отношеніе отъ 12-го минувшаго августа за № 1634-мъ. Его Императорское Величество при прочтеніи этой бумаги, недоумѣвая о причинѣ, побудившей ваше сіятельство къ объясненіямъ столь не обыкновеннымъ, Высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту графу Строгонову представить къ усмотрѣнію своему написанную имъ къ вамъ бумагу, на которую настоящее отношеніе ваше служить отвѣтомъ.

Прочитавъ внимательно бумагу эту, содержащую единственно мнѣніе графа Строгонова по предмету до дѣлъ службы относящемуся и изложенное при томъ въ выраженіяхъ самыхъ приличныхъ и уважительныхъ, Государь Императоръ не могъ не признать съ тѣмъ бѣльшимъ и съ самымъ крайнимъ неудовольствіемъ отношенія Вашего выходящимъ изъ круга всякихъ приличій, оскорбительнымъ и со-

вершенно неумѣстнымъ въ отношеніи къ лицу, занимающему столь важную въ государствѣ должность и облеченному особенною Высочайшею довѣренностію. Ограничиваясь на сей разъ объявленіемъ вашему сіятельству строжайшаго за сей несообразный поступокъ вамъ выговора, Его Величество изволить ожидать, что на будущее время вы не выйдете изъ границъ обязанностями и достоинствомъ службы и самимъ приличіемъ предписываемыхъ, въ противномъ случаѣ, вы не минуемо подвергнитесь справедливому гнѣву Его Величества и возсканію по всей строгости законовъ.

Сообщая вашему сіятельству Высочайшую волю сію, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства.

№ 477, 3-го октября 1839 г.

Его сіятельству князю П. Д. Горчакову.

XIV.

Предсмертное письмо Императора Николая—князю М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ, 2-го февраля 1855 г.

Сегодня въ обѣдъ, получилъ твое письмо, любезный Горчаковъ, отъ 27-го января. Отправивъ еще 12-ть баталіоновъ къ кн. Меншикову, ты вновь доказалъ, что ничего не щадишь для общей пользы. Это значительное усиленіе, весьма кстати, пополнить часть 6-го корпуса въ самую рѣшительную минуту, которой весьма скоро должно ожидать. Еще болѣе кстати оно будетъ, ежели сбудется повѣщенный десантъ двухъ новыхъ французскихъ дивизій, подъ командою Пелисье у Евпаторіи, въ соединеніи съ турками и сардинцевъ съ англичанами у Феодосіи. Такъ у Меншикова ничего лишняго не будетъ. Какъ бы желательно было, чтобъ нашлась возможность отбиться подъ Севастополемъ до прихода сихъ новыхъ частей! Но не вижу къ сему никакой вѣроятности. Думаю, съ тобою, что прибытіе кадровъ 10-й и 12-й дивизій въ Николаевъ и Херсонъ, гдѣ они весьма скоро должны укомплектоваться, будетъ тамъ съ ними и съ моряками довольно войскъ для мѣстной защиты. Согласенъ съ тобою, что въ случаѣ неудачи въ Крыму, ближе всего будетъ поручить оборону Николаева кн. Меншикову съ остаткомъ его арміи. Дай Богъ чтобъ до сего не дошло.

Изложенное въ запискѣ твоей общее предположеніе твоихъ дѣйствій совершенно правильно и теперь ты знаешь уже вѣроятно, что 3-й резервный корпусъ уже выступаетъ 15-го февраля, и кромѣ ма-

лой задержки въ Киевѣ, для приѣма людей на приведеніе баталіоновъ въ 800 челов., будетъ безостановочно слѣдовать на назначенное ему мѣсто въ Браиловъ. Сосредоточеніе остальной всей арміи вокругъ Кишинева, нахожу совершенно правильнымъ, лишь бы потомъ переправы на Днѣстръ намъ не измѣнили. Казачій полкъ въ Ровно считай своимъ, тотъ что въ Луцкѣ—у князя Варшавскаго. Сегодня вечеромъ по телеграфу узнали, что Джонъ-Россель посланъ вторымъ полномочнымъ въ Вѣну и ѣдетъ чрезъ Парижъ и Берлинъ и будто Решидъ-Паша тоже туда назначается. И такъ, кажется будутъ переговоры; но толку не ожидаю, развѣ турки со скуки отъ своихъ теперешнихъ покровителей, не обратятся къ намъ, убѣдись, что ихъ мнимые враги, имъ болѣе добра хотятъ, чѣмъ друзья.

Послѣ многихъ споровъ, мы съ кн. Варшавскимъ покончили наконецъ; я вотъ копія съ послѣдней моей записки ему. Онъ хотѣлъ, чтобъ я согласился: ему оставаться у Новогеоргиевска съ двумя корпусами, гвардію хотѣлъ поставить въ Вильнѣ, а Ридигера съ двумя дивизіями отослать въ Бобруйскъ. Не мудро было доказать ему всю несообразность подобнаго расположенія войскъ. Теперь эта мысль миновалась. Если дѣла склонятся къ разрыву, я намѣренъ отправиться самъ къ арміи, вѣроятно въ Брестъ; думаю, что присутствіе мое можетъ тамъ быть не бесполезно.

Новыхъ начертаній тебѣ нечего давать. Главное условлено; ходъ дѣлъ укажетъ, что измѣнить нужно будетъ.

Надѣюсь, что къ маю у насъ за Киевомъ будутъ готовы новыя 24 баталіона 4-го корпуса. Позднѣе, т. е. къ концу іюля, готовы быть могутъ еще 24 баталіона 5-го корпуса. Увидимъ позднѣе куда нужнѣе ихъ придвинуть будетъ. Наконецъ подвижное ополченіе къ концу мая можетъ получить уже свое первоначальное образованіе и придвинуться по прилагаемому росписанію. Вотъ все, чѣмъ мы располагать можемъ.

Прощай, душевно обнимаю. Навсегда твой искренно доброжелательный Николай.

Приложеніе къ письму отъ 2-го февраля 1855 г.

Собственноручная записка Императора Николая о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ отъ 1-го февраля 1855 г. для князя Варшавскаго.

Необходимость защитить, на огромныхъ разстояніяхъ, важнѣйшія точки государства, принудила насъ ограничиться не только выбо-

ромъ весьма немногихъ мѣсть, но и удѣлить для сего ту только часть силъ, которою располагать можемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что центръ сухопутной нашей границы, прикрывая путь въ сердце Россіи, требовалъ особеннаго вниманія; по сей причинѣ, въ составъ арміи, въ Царствѣ расположенной, назначены отборнѣйшія войска: гренадеры и за ними гвардія, дабы качествомъ войскъ возмѣститъ нѣсколько недостатковъ числительности. Такимъ образомъ обязанность прикрывать центръ государства лежитъ на 8-ми пѣхотныхъ и 4-хъ кавалерійскихъ дивизіяхъ, кромѣ соотвѣтствующаго числа казаковъ. Армія сія расположена на правомъ берегу Вислы, на которой мы имѣемъ 3 крѣпости, на лѣвомъ флангѣ находится еще одна, а въ тылу другая Брестъ, чрезъ которую пролегаетъ главный путь во внутрь сѣверной части государства. Болота и дефиле Припечи отдѣляютъ отъ южной части, совершенно открытой до Днѣстра, вторженію непріятеля, угрожающаго намъ изъ Галиціи. Оборона южной части имперіи, ближе къ Черному морю, возлежитъ на обязанности южной арміи. Пространство между расположеніемъ ея по обѣимъ берегамъ Днѣстра до мѣсть, занимаемыхъ центральною арміею, весьма велико и, какъ выше сказано, ничѣмъ не прикрыто.

По всѣмъ вѣроятіямъ, въ случаѣ войны съ Австріею, первымъ предметомъ непріятеля будетъ вторгнуться въ себѣ промежутокъ, дабы пресѣчь всякое сообщеніе между нашими двумя арміями и воспользоваться огромными способами богатаго края, который мы оставимъ ему безъ сопротивленія.

Кажется, что намъ предстоитъ взять такое расположеніе, съ центральною арміею, чтобъ нѣсколько вознаградить невыгоду, въ которую ставитъ насъ неизбѣжная необходимость.

Ожидая врага за Вепржемъ, мы полагать можемъ, что непріятель принужденъ будетъ необходимо оставить противъ насъ не менѣе 150,000. Можно предвидѣть, что войдя въ Польшу, часть его силъ пойдетъ лѣвымъ берегомъ Вислы, чтобъ угрожать Варшавѣ и наблюдать за переправами тамъ у Ивангорода и Новогеоргиевска; остальная же часть стараться будетъ обходить нашъ лѣвый флангъ, чрезъ Волинь.

Сосредоточивъ главныя наши силы за Вепржемъ, мы вѣроятно можемъ дать сраженіе. Въ случаѣ успѣха съ нашей стороны, мы пойдемъ впередъ. Въ случаѣ неудачи нашей мы подойдемъ къ Бресту-Литовскому.

Движеніемъ этимъ мы принудимъ непріятеля избрать одно изъ двухъ: 1) или слѣдовать за нами туда же, чтобъ насъ вытѣснить изъ Польши, или 2) онъ будетъ только за нами наблюдать, и обратитъ

всѣ свои усилія овладѣть Варшавой, дабы утвердиться въ Царствѣ и приступить къ образованію возстанія.

Придя въ Брестъ, мы должны расположиться за онымъ на Бобруйскомъ шоссе, и здѣсь оправиться и пополнить снаряды и пр.

Здѣсь можемъ мы выждать безопасно на что рѣшится непріятель. Не могу думать, чтобъ онъ отважился перейти Бугъ, чтобъ насъ атаковать подъ стѣнами крѣпости, ибо столь дерзкое предпріятіе могло бы дорого ему стоить, и неудача—повлечь изгнаніе его изъ царства, съ опасностью имѣть насъ въ своемъ флангѣ и быть прижатъ къ Вислѣ ранѣе, чѣмъ достигнетъ своей границы.

Но ежели непріятель, остановясь, обратится къ Варшавѣ, мы можемъ быстро перейти въ наступленіе прямо по шоссе, или опять угрожать флангу и тылу его, по направленію къ Ивангороду.

Изъ сего, кажется мнѣ, ясно вывести можно, что во всякомъ случаѣ Брестъ для насъ единственный и важнѣйшій пунктъ сбора. Отсюда мы можемъ со всѣмъ удобствомъ дѣйствовать какъ укажутъ обстоятельства.

Прямой путь во внутрь Россіи намъ остается свободнымъ, и потому все, что оттуда мы получать должны: продовольствіе, снаряды и даже резервы, могутъ достигать до арміи вполнѣ свободно.

Полагать, что непріятель могъ рѣшиться, отбросивъ насъ за Брестъ, обходить нашъ правый флангъ, съ цѣлью прижать насъ къ болотамъ Припечи и не допустить до Бобруйска—было бы возможно только тогда, ежелибъ Пруссія тоже обратилась противъ насъ. Но доколь сего не будетъ, подобное предпріятіе австрійцевъ, было бы для насъ даже выгодно, ибо слѣдовало бы только дать сему движенію исполниться марша на два или на три, и тогда вдругъ выступить изъ подъ Бреста на Варшаву; чѣмъ бы вся часть австрійцевъ, обратившаяся въ обходъ нашего праваго фланга, и была отрѣзана отъ своихъ главныхъ силъ и вѣроятно приперта къ Нареву, лишась возможности возстановить свое сообщеніе съ своей арміей, развѣ огромнымъ кругомъ, и то сомнительно.

Все, что доселѣ я старался выразить, говорю я въ предположеніи войны съ одними австрійцами, при неучастіи Пруссіи.

Ежелибъ осуществилось, что кромѣ австрійцевъ явилась бы дѣйствительно на границахъ нашихъ и французская армія, нѣтъ сомнѣнія, что оборотъ дѣлъ былъ бы для насъ тяжелѣе, ибо съ этимъ появленіемъ сопряжено было бы, полагать надо, возстаніе края, тамъ вездѣ, гдѣ не будетъ присутствія нашихъ силъ. Но столь же вѣрно можно ожидать, что будутъ возстанія въ Галиціи, а еще болѣе въ Познани. Ежели и предположимъ, что Австрія обѣщаніями иныхъ

возмездій приведена будетъ къ согласію не препятствовать такому движенію въ своихъ владѣніяхъ, то столь же утвердительно можно отвергнуть, чтобъ Пруссія допустила сіе въ Познани. Потому, одно опасеніе подобнаго, заставитъ Пруссію, можетъ быть и не хотя, всѣми силами противиться появленію французовъ у границъ ея владѣній; такимъ образомъ она будетъ дѣйствовать почти за одно съ нами, хотя и не сознательно. Послѣдствіе же будетъ одинаково, т. е. тогда оборонительное положеніе Пруссіи, для собственныхъ выгодъ, должно удержать прибывшія французскія силы, обратиться противъ однихъ насъ. Этимъ опять нѣсколько уравниваются условія, подъ которыми произойдутъ военныя дѣйствія.

Съ этимъ однако свяжется другое соображеніе, т. е.: появленіе значительныхъ французскихъ силъ въ Германіи, кромѣ находящихся уже и еще назначаемыхъ на Востокъ—дѣлаетъ важное покушеніе въ Балтикѣ на наши берега, менѣе вѣроятнымъ, или по крайней мѣрѣ нельзя его ожидать въ такой силѣ, какъ предполагалось. Тогда и мы будемъ въ возможности обратить часть нашихъ силъ отъ прибрежья къ центру нашего расположенія, что до сего убѣжденія было бы крайне опасно разрѣшить.

И такъ остаюсь при мнѣніи, что нашъ первоначальный планъ не требуетъ измѣненія, ибо онъ согласенъ съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, представляя наименѣе невыгодъ и обѣщая во многихъ случаяхъ неоспоримыя условія успѣха.

Во главѣ ихъ ставлю соединеніе силъ, а не разъединеніе, тогда особенно, когда мы должны ограничаться крайне умѣренною численностью того, что покуда собрать можемъ.

Прочее Богъ устроитъ.

XV.

Императоръ Александръ II въ Восточную войну.

Переписка съ княземъ Ѡ. И. Паскевичемъ и кн. М. Д. Горчаковымъ.

1855 г.

Письмо Е. В. Наслѣдника Цесаревича им. Горчакову отъ 16-го февраля 1855 года.

Изъ С.-Петербурга.

„Высочайше утверждено“.

Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, поручаетъ мнѣ, любезный князь, чрезъ отправляемаго вмѣстѣ съ симъ ф.-ад. Герштенцвейга, передать вамъ слѣдующія Высочайшія повелѣнія:

1) Получая неоднократно извѣстія о болѣзненномъ состояніи

кн. Меншикова, словесно доведенныя, по желанію самаго князя до Высочайшаго свѣдѣнія чрезъ прѣзжавшихъ изъ Севастополя флигель-адъютантовъ, Е. В. рѣшился уволить князя отъ командованія ввѣренною ему арміею.

2) Е. В., зная всегдашнюю вашу готовность и рвеніе, съ которыми вы постоянно исполняли всѣ возлагаемыя Выс. довѣріемъ на васъ порученія, назначаетъ васъ главнокомандующимъ крымскою арміею, съ сохраненіемъ и прежняго званія главнок. южною арміею.

3) На время вашего отсутствія въ Крымъ, Е. В. назначаетъ г.-а. Лидерса командующимъ войсками, остающимися на южной нашей границѣ, изъ ввѣренной вамъ арміи, съ правами отдѣльнаго корпуснаго командира въ военное время.

4) Е. В. разрѣшаетъ вамъ, по вашему собственному усмотрѣнію, усилить крымскую армію всѣми войсками, которыя вы сочтете возможнымъ, и немедленно туда направить. Е. В. имѣетъ при этомъ въ виду, что сохраненіе Севастополя есть вопросъ первѣйшей важности и потому рѣшается, въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятели, жертвовать временно Бессарабіею и частию даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова.

Кончивъ съ Божіею помощію благополучно дѣло въ Крыму, всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на австрійцевъ и дорого заставить ихъ заплатить за временный успѣхъ.

5) Е. В. угодно, чтобы вы снабдили г.-а. Лидерса общою инструкціею какъ ему дѣйствовать въ случаѣ наступленія непріятели въ превосходныхъ силахъ, предоставляя совершенно ему всѣ дальнѣйшія распоряженія.

6) Е. В. разрѣшаетъ вамъ взять съ собою въ Крымъ, какъ г.-а. Коцебу, такъ и всѣхъ прочихъ чиновъ вашего штаба, которыхъ вы сочтете нужными,

и 7) Е. В., зная вашу опытность и примѣрную распорядительность, возлагаетъ на особое попеченіе ваше, обезпеченіе продовольствія Крымской арміи и снабженіе ея всѣми нужными припасами по всѣмъ частямъ управленія. Е. В. остается вполне увѣренъ, что съ помощію г.-а. Анненкова, вслѣдствіе вновь возложеннаго на него порученія, важная часть придетъ въ должное устройство.

Въ заключеніе Е. В. поручаетъ мнѣ васъ объять, любезный князь, и сказать, что онъ крайне сожалѣетъ, что въ столь важную минуту не въ состояніи самъ писать. Е. В. не сомнѣвается, что съ Божіею помощію вы оправдаете ожиданія его къ славѣ имени русскаго.

Пробываю къ вамъ навсегда искренно доброжелательный Александръ.

Письмо Императора Александра II-го—ген.-ад. кн. М. Д. Горчакову отъ 23-го и 24-го февраля 1855 года.

Изъ С.-Петербурга.

Вчера прибылъ сюда фл.-ад. Волковъ съ донесеніями кн. Меншикова отъ 14-го февраля, о молодецкомъ отбитіи ген.-м. Хрущевымъ атаки на вновь устроенный редутъ на Сапунъ-Горѣ. Кромѣ того мы уже знаемъ по телеграфу изъ Кіева о второмъ редутѣ, удачно также устроенномъ на той горѣ.

Все это совершенно сходно съ мыслями нашего незабвеннаго Государя и вѣрно его бы порадовало.

Скажите, любезный князь, отъ меня нашимъ молодцамъ, что я ихъ отъ души благодарю именовъ нашего покойнаго Благодѣтеля и вполне увѣренъ, что они всегда будутъ достойны его отеческаго о нихъ попеченія.

По телеграфу знаемъ мы тоже, что кн. Меншиковъ, по усилившейся болѣзни, сдалъ команду ген.-ад. Сакену. И такъ, прїѣздъ вашъ въ Крымъ болѣе чѣмъ когда либо кстати. Да благословитъ васъ Богъ славно кончить дѣло—уповаю на Его милость.

Между тѣмъ, кн. Меншиковъ, отвѣчая на сдѣланные ему покойнымъ Государемъ вопросы, пишетъ: 1) что по прежнему считаетъ наступательныя дѣйствія невозможными; 2) отсылку кавалеріи съ острова ненужною, такъ какъ она находится въ удовлетворительномъ положеніи и въ продовольствіи не нуждается и въ 3) находить усиленіе отряда ген.-ад. Хомутова невозможнымъ. Прошу васъ обратить особенное наше вниманіе на 3-й пунктъ, ибо потеря Керчи и явленіе непріятельскаго флота въ Азовскомъ морѣ могутъ имѣть весьма важныя послѣдствія.

Надѣюсь, что съ усиленіемъ Крымской арміи, по данному вамъ разрѣшенію, изъ войскъ Южной арміи, вы найдете возможнымъ удѣлить какую либо часть на Восточную половину Крыма, дабы въ случаѣ десанта Сардинцевъ, не дать углубиться въ край и нанести рѣшительный имъ ударъ.

Военный министръ вамъ уже писалъ о желаніи моемъ поручить весь бывший отрядъ г.-а. Хомутова, съ могущими прибыть къ нему подкрѣпленіями, г.-л. Врангелю Ваязетскому, дабы Хомутовъ могъ по прежнему завѣдывать всѣми войсками въ Черноморіи и на Черноморской береговой линіи, гдѣ также необходимъ общій начальникъ. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ что вы рѣшите.

Изъ Германіи ничего новаго нѣтъ. Императоръ Австрійскій,

какъ бы почувствовавъ угрызение совѣсти, объявилъ въ приказѣ по арміи, что въ память помощи, оказанной Австріи въ трудную годину Императоромъ Николаемъ, онъ повелѣваетъ кирасирскому полку, носившему его имя, сохранить оное на вѣчныя времена; при этомъ онъ приказалъ сказать мнѣ, что сожалѣетъ до крайности, что не могъ доказать на дѣлѣ другу своему «*qu'une des plus fortes douleurs de son ame est de s'être vu enlever la chance de le convaincre qu'il se replacerait sur l'ancienne voie*» ¹⁾. Дай Богъ, чтобы это были не одни слова; признаюсь, я не имѣю къ нему, послѣ всего, что происходило, никакого довѣрія.

Здѣсь мы молимся всякій день у гроба нашего незабвеннаго благодѣтеля, да будетъ благословеніе его постоянно на Россіи, которой посвящена была вся его жизнь! Въ воскресенье, 27-го февраля, перевозимъ бранные останки его въ крѣпость, а въ будущую субботу, 5-го марта, будутъ похороны.

24-го февраля, (1855 г.).

Сегодня вечеромъ прибылъ фл.-ад. Левашевъ, съ подтвержденіемъ того, что мы уже знали по телеграфу. Кн. Меншиковъ самъ пишетъ объ усилжившейся своей болѣзни, принудившей сдать команду ген.-ад. Сакену. Изъ писемъ братьевъ я усмотрѣлъ, что они рѣшились потому сами къ вамъ обратиться, чтобы просить васъ прибыть въ Крымъ. Они дѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣсти и для пользы службы и потому незабвенный нашъ благодѣтель вѣрно не поставилъ бы постунокъ ихъ имъ въ укоръ ²⁾.

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ встрѣчаются нижеслѣдующія указанія въ сочиненіи „Описаніе обороны Севастополя“, изданномъ подъ руководствомъ г.-а. Тотлебана. (Ч. II).

„Что касается императора австрійскаго, то онъ лично прибылъ къ князю А. М. Горчакову и, въ теплыхъ выраженіяхъ, заявилъ ему свое глубокое прискорбіе о потерѣ испытаннаго друга, именно въ то время, когда онъ надѣялся доказать ему свою готовность возвратиться къ прежнимъ дружескимъ отношеніямъ“.

²⁾ Для поясненія этихъ словъ приведемъ нижеслѣдующую выдержку изъ письма кн. Меншикова—кн. Долгорукову (военному министру) отъ 17-го февраля 1855 года.

«Ихъ И. В. Великіе князья, видя необходимость мою отлучиться отсюда въ Симферополь, для пользованія отъ тяжкаго недуга, предложили мнѣ выразить г.-а князю Горчакову, что если онъ сочтетъ возможнымъ отлучиться въ Крымъ, то прибытіе его сюда было бы весьма полезно. Мысль эту я передалъ князю Горчакову частно отъ имени Ихъ Высочествъ».

«Поставляя в. с. объ этомъ въ извѣстность, считаю долгомъ присовоку-

Ко всему прежде писанному, мнѣ не остается ничего болѣе прибавить. Севастополь несомнѣнно вамъ обязанъ, что доселѣ въ состояніи держаться противъ всѣхъ усилій союзниковъ; если бы не ваше благородное самоотверженіе, съ которымъ вы усиливали крымскую армію и войсками, и всѣми военными потребностями, можетъ быть онъ былъ бы уже въ рукахъ непріятеля.

Молю Бога, чтобы Онъ сподобилъ васъ окончательно освободить Крымъ отъ враговъ.

Обнимаю васъ, любезный князь. Отъ души искренно любящій Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя И. Ѳ. Паскевича Императору Александру II-му.

Отъ ^{30 февраля}
3 марта 1855 года

Изъ Варшавы.

Всемиловѣйшій государь. Не нахожу словъ выразить неизмѣримую скорбь, въ которую повергло меня извѣстіе о великой потерѣ, намъ ниспосланной. В. И. В. ближе всѣхъ была извѣстна глубочайшая преданность моя въ Божѣ почивающему Государю Императору. Не дерзаю присовокуплять даже, что та же безграничная преданность къ В. И. В. будетъ одушевлять меня до конца моей жизни. Въ сихъ тяжкихъ минутахъ я бы не осмѣлился безпокоить В. И. В., если бы не почиталъ обязанностью всеподданнѣйше донести о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ неожиданный ударъ на армію, на всѣхъ русскихъ, а также и на жителей Царства Польскаго. Армія потеряла въ покойномъ Государѣ отца, который непрерывнымъ попеченіемъ одушевлялъ ее. Поэтому нельзя выразить грусть арміи. Поляки, не смотря на безпокойный характеръ, не могли, сравнивая свое положеніе съ Галиціею и съ Цовнанію, не чувствовать признательности къ Государю, милосердію котораго Польша обязана своимъ вторымъ существованіемъ и спокойствіемъ. Смѣю сказать, что горестъ между русскими общая и искренняя, а между поляками такова, что не выдавъ, я бы не повѣрилъ ей. Въ Царствѣ Польскомъ все спокойно.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и съ таковою преданностію имѣю счастье быть В. И. В. всемилост. государя вѣрноподанный. Кн. В. гр. П. Эр.

Помѣта: Государь Императоръ изволилъ читать 24-го февраля 1855 года.

пить, что, сдавая между тѣмъ начальство надъ войсками г.-а. бар. Остенъ-Сакену, я передалъ ему къ исполненію образъ дѣйствій, изложенный въ докладной всеподданнѣйшей запискѣ моей.

Всеподданнѣйшее письмо князя Паскевича.

Отъ ^{25 февраля}
_{9 марта} 1855 года.

Изъ Варшавы.

Всемилоостивѣйшій государь. Священные для меня слова покойнаго Государя благодѣтеля запечатлѣлись, конечно, навсегда въ моемъ сердцѣ. И тѣмъ сильнѣе, что слова сіи переданы въ столь несказанно милостивомъ письмѣ В. И. В. Какъ выразить мнѣ лучше чувство глубочайшей признательности, наполнившей мою душу, какъ посвятить остальные дни моей жизни вашей, всемилоостивѣйшій государь, службѣ.

Третьяго дня прибылъ сюда ген.-ад. Яфимовичъ; вчера и сегодня всѣ чины военно-гражданскаго управленія въ Варшавѣ находящіеся, равно войска, гарнизонъ варшавскій составляющія, принесли присягу на вѣрноподданство В. И. В. и Государю Наслѣднику.

Припадая къ стопамъ В. И. В., съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и съ таковою преданностію имѣю счастье быть В. И. В. всем. государя вѣрноподданный Кн. В. Гр. Паскевичъ-Эриванскій.

Письмо Императора Александра II-го—князю Варшавскому.

25-го марта 1855 года.

Изъ С.-Петербурга.

Я не имѣлъ еще случая благодарить васъ, любезный князь Иванъ Федоровичъ, за письмо ваше, врученное мнѣ ген.-ад. Яфимовичемъ. Въ чувствахъ вашихъ я никогда не сомнѣвался и увѣренъ, что всегда найду въ васъ того же дѣятельнаго и усерднаго помощника, котораго незабвенный мой родитель умѣлъ цѣнить и любить какъ друга, и къ которому, какъ вы сами знаете, и я питаю искреннее уваженіе и привязанность.

Теперь обращусь къ весьма важному предмету.

Вамъ извѣстно, что по волѣ незабвеннаго нашего благодѣтеля, князь Горчаковъ съ назначеніемъ въ Крымъ, получилъ разрѣшеніе двинуть туда не медля всѣ тѣ части Южной арміи, которая онъ сочтетъ нужнымъ, дабы съ помощію Божіею спасти Севастополь и нанести союзникамъ рѣшительный ударъ.

Въ слѣдствіе сего, войска, оставшіяся подъ начальствомъ ген.-ад. Лидерса, ослаблены до крайности, и все огромное пространство Западной нашей границы, отъ Днѣстра до самаго Царства Польскаго, совершенно открыто

вторженію австрійцевъ, которые могутъ почти безпрепятственно овладѣть всѣмъ этимъ обильнымъ краемъ, оставя лишь наблюдательный корпусъ противъ арміи, сосредоточенной въ Царствѣ. Выгодное выдающееся положеніе сей послѣдней парализировано заключеннымъ между Австрією и Пруссією трактатомъ.

Поэтому признавая необходимымъ прикрыть пространство между Полѣсьемъ и Днѣстромъ, а равно важнѣйшія пути изъ Галиціи къ Кіеву, я рѣшилъ составить на Волыни среднюю самостоятельную армію; остающимся же войскамъ въ Царствѣ присвоить наименованіе Западной арміи.

Подробности состава сихъ армій и ихъ предварительнаго расположенія, вы усмотрите изъ рапорта военного министра. Желаю, чтобы обѣ арміи состояли подъ вашимъ главнымъ начальствомъ, на томъ же основаніи, какъ положено было въ прошломъ году, по случаю подчиненія вамъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Западной границѣ, но съ тѣмъ выѣстъ каждой изъ двухъ армій имѣть особаго командующаго. Для Средней—назначаю генералъ-адъютанта графа Ридигера, а для Западной—генералъ-адъютанта Сумарокова, такъ какъ вся гвардія будетъ находиться въ ея составѣ.

Южная армія остается по прежнему въ вѣдѣніи ген.-ад. князя Горчакова, но во время пребыванія его въ Крыму, ген.-ад. Лидерсъ долженъ входить въ прямыя сношенія съ командующимъ Среднею армією.

Западная армія въ Польшѣ будетъ довольно самостоятельна, съ присоединеніемъ части гарнизоновъ крѣпостей, чтобы дѣйствовать согласно указаніямъ покойнаго Государя, т. е. маневрировать между крѣпостями, а въ крайнемъ случаѣ отступить на Брестъ.

Въ случаѣ наступленія главныхъ силъ непріятельскихъ въ Царство, или со стороны Прута въ Новороссійскій край,—Средняя армія должна перейти сама въ наступленіе и дѣйствовать во флангъ и тылъ наступающаго; если же главные силы австрійцевъ вторгнутся на Волынь, то средняя армія должна стараться ихъ отбросить, а въ худшемъ случаѣ задерживать наступленіе ихъ, опираясь на Кіевъ.

Приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ будетъ зависѣть отъ хода вѣнскихъ переговоровъ, которые вамъ въ подробности извѣстны, и изъ которыхъ я ничего хорошаго не предвижу, и потому готовлюсь къ худшему. Поэтому я желаю, чтобы всѣ предварительныя распоряженія, безъ всякой огласки, были сдѣланы теперь же, дабы по первому прика-

занію всѣ войска могли немедленно выступить на вновь предназначенныя имъ мѣста.

Погодина я приказалъ выписать сюда съ тѣмъ, чтобы устроить съ нимъ всю продовольственную часть и надѣюсь на его испытанную распорядительность.

Самъ я предполагаю прибыть въ Варшаву, если обстоятельства политическія того потребуютъ, дабы быть ближе къ театру дѣйствій, на счетъ же вашего мѣстопребыванія предоставляю совершенно на ваше усмотрѣніе; но во всякомъ случаѣ желалъ бы съ вами видѣться еще въ Варшавѣ, откуда вамъ весьма легко будетъ перенестись къ средней арміи.

Долженъ еще обратить ваше вниманіе на выборъ начальника главнаго вашего штаба; считаю это необходимымъ и буду ожидать кого вы представите.

Обнимая васъ, любезный князь, мысленно отъ всего сердца, остаюсь увѣренъ, что вы исполните волю мою съ тѣмъ же усердіемъ и съ тою же опытностью въ военномъ дѣлѣ, которыя стяжали Россіи столько славы.

Да подкрѣпитъ васъ Богъ. Васъ искренно любящій Александръ.

Нужды и горе Россіи

въ 1807 г.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщаемъ сообщенное намъ Ѡ. К. Опочининимъ, нынѣ покойнымъ, письмо—составляющее отвѣтъ гр. Ѡ. В. Ростовичу на извѣстныя его возванія къ народу, писанныя подъ псевдонимомъ „Сила Андреевича Богатырева“. Печатаемъ этотъ документъ буквально; онъ въ свое время — былъ довольно распространенъ, вообще-же не безинтересенъ для обрисовки внутренняго положенія Россіи въ первые годы царствованія Александра I.

Р е д.

Вашѣ Высокоблагородіе Батюшка Сила Андрѣевичъ.

Далеко ты живѣшь отъ нашей Палестины но я полюбилъ тебя всѣмъ сердцемъ за то, что ты любишь баять правду. Земской нашъ Меркуль привѣзъ съ Москвы грамотку на двухъ листахъ, намнясь въ Воскресенья, послѣ обѣдн позвалъ меня старика къ старонкѣ и на погосте селъ на дедушкину могилу, вынулъ ту грамотку изъ за пазухи, и по дружбѣ и по хлѣбу соли, прочиталъ мнѣ. Куда хороши батюшка, ажно я ротъ равнулъ, и слезы та какъ градъ посыпались. Дай Богъ тебѣ здоровья, что ты помнишь Господа Бога и часъ смертный, учишь людей доброму, просто въ ротъ кладіошь, а всякой поймѣтъ. О! какъ бы у насъ то были вѣздѣ такіа умныя го-

ловы, у насъ было бы житье то царство небѣсное, тебѣ бы кормилецъ не грѣхъ и генераломъ быть, по уму твоему, по твоей выслугѣ, по твоему старанію о святой Руси и всехъ насъ грѣшныхъ.

Прогнѣвали Господа Бога, не даромъ насъ Владыка наказываетъ! не стало правды кормилецъ, а безъ правды и въ малой деревушки гдѣ начальники плуты, то наша братья охаютъ, да несмѣй жалится, спину выпишутъ; а это не легкая ли махина; бають Царство то наше широко и далѣко, что и конца нѣтъ, хороша вотчина! на добрую управу глаза, да и глаза гроза да и гроза! Я смѣкаю можно бы было родимой добрыхъ людѣй выбрать такихъ какъ ты, охъ правда кормилецъ, что добрые то люди при дѣлѣ не долго насидятъ: они плутамъ то какъ бѣльмо на глазу, и пуще горькой рѣдьки, такъ они стакнувшись, хоть ково доканають и обійсуть, да облають и нехотя здѣлають мученикомъ, плохо безъ правды! Я те родимой о себѣ скажу, нагдись я перекладывалъ скирдъ старой ржи, да худо вижу на старости та криво перекладъ, а онъ и рухнулся, чуть было меня не задавилъ. Вишь ты умная голова, что кривится то, то и падаетъ, прогнѣвали мы Царя небеснаго. Пожилъ на свѣтѣ, осьмой десятокъ доживаю. потолкался, вездѣ Богъ привелъ всего насмотрется: былъ въ Питери, былъ въ Москвѣ зевалъ на все, теперь смотрю въ могилу, а больно нехудое смотреть, ажно сердцѣ замираетъ, всево жаль. А о Питерѣ и Москвѣ нечего баять, тамъ есть умныя головы и безъ моей башки. да грѣшатъ передъ Богомъ. Что все видятъ худое да молчатъ, дадутъ на страшномъ судѣ отвѣтъ; а меня хоть повѣсь скажу правду, куда не кинь такъ клинъ.

И въ большихъ городахъ и въ малыхъ вездѣ вселился нечистой духъ кривды. А отъ чего? отъ того что большія головы сами или близорукія нежонки, такъ что и въ очкахъ зги не видятъ, не учась въ поны стали или бездушныя медомщики готовы все священное продать; давай лишь деньги, они проклятыя, по примѣру Іуды, все продадутъ! не дрогнуть рука, мы и въ захопусѣ живѣмъ, а слышимъ что худо, а при такомъ урядѣ, гдѣ искать правды?

Я лѣтъ пять держалъ мельницу и знаю, что коль скоро воловые колеса испортятся, шестерня и жорнова разладятся и все пойдетъ плохо; такъ то и тутъ на большихъ глядя и всѣ хоть брось, а батюшкѣ Государю гдѣ за всѣмъ приглядѣть, ему худова та не покажутъ, все мыто (шито?) да крыто, прогнѣвали Господа Бога. По широкимъ та крыльцамъ, гдѣ большія та суды, бають саноговъ трое да послѣ изъ саноговъ та лаптей десятка два изъшаркаешь, а только коль машна пуста не скоро добьешься. Сосѣди наши экономическіе мужики збородами та пытали тягаться, дѣло хоть право и нашъ братъ мужикъ въ

часъ разобралъ бы, а подъячіе накопиютъ такую кучу, что и на добромъ мѣренѣ не увезѣшь да и послѣ выбираютъ что складнѣй и дѣлаютъ правду хуже кривды; а коли ужъ тутъ нельзя сплутовать, такъ отказъ какъ шесть за то что срокъ пропустили на нихъ жалится; да послѣ съ нихъ же здираютъ на ярбовую бумагу, да на пошлину, чтобъ и другія нешумаркали. Господи твоя воля! что дѣлать, пришло терпѣть. Ужъ когда кормилецъ въ большихъ судахъ, такъ чегожъ спрашивать по губерніямъ и уѣзднымъ городамъ, всѣ за одно рука руку моетъ, а обѣ бѣлы бѣчаютъ; хотъ тѣ обѣрутъ до нага хотъ обругаютъ хуже собаки, хотъ прибьютъ до полу смерти коли сила чья, вздумай просить коли есть какія крохи, такъ послѣднія растеряешь на ярбовую бумагу, да по бездоннымъ подъяческимъ карманамъ; они будутъ кормить завтраками, а коли видятъ, что взять съ тебя нечего, такъ скажутъ о пустомъ просишь, лутче помирится; а коли сталъ въ правдѣ спорить, такъ и въ вернуть щетинку, такъ и пошоль нисчемъ, плачяся Богу, а слезы вода.

Я, родимой мой, послѣдняя спица въ колесницѣ, благодарю Господа Бога, не бывалъ въ большихъ судахъ и въ губѣрнскихъ то, какъ былъ старостою отдавалъ некрутъ что бантъ грѣха много! Самъ ты вѣдаешь умная голова пересказывать тебѣ нечего. Еще таки у боярскихъ то защита лучшѣ, а казенныхъ то со всѣхъ сторонъ пинлутъ, много висосутъ пока дадутъ фитанѣцъ, а теперь какъ батюшка нашъ Царь велѣлъ собрать милицію то, то кабы онъ отецъ нашъ посмотрелъ на наши сиротскія слезы, наплакался бы и самъ вдоволь, а отъ чего? кабы правда то была въ наборѣ, кабы бѣдныхъ то не давили исправники да заседатели, ни кто бы слезки не уронилъ, охотно бы всѣ готовы за батюшку Царя, за домъ пресвятыя Богородицы и за святую Русь, давно бы управились бы съ французскою сарапчею и духу бы ихъ не стало; а то кормилецъ эти грабитѣли вмѣсто того чтобы помочь намъ втакой суматохѣ, они въ мутной то водѣ рыбу ловятъ да наживаются и больше худа дѣлаютъ, чѣмъ басурманѣ; французы сами говорятъ, что и отцы ихъ воровъ такого доходнаго года отродясь не помнятъ, сводяжъ домокъ въ орехову скорлупу, да и полно.

Я уже, старъ глухъ и слѣпъ и вижу что мало добра. Послушай батюшка какой это порядокъ: идутъ полки, заседатели выгоняютъ подводы и наша братья на станціяхъ дожидаются дней по 10 и по 15 и винуны то прозакладовали на постоянныхъ дворахъ, чтобъ лошадей не поморить съ голоду; да опослѣ прогоны оставляютъ въ своихъ карманахъ; нетъ внихъ ни страху Божьяго, ни чести ни совѣсти; охъ тошнехонко приходитъ. А кто же виновать родимой, какъ не сами бая, я тѣ всю правду скажу, непокрывлю души: вишь ты богатымъ то

служить не хочется, впору зайцовъ да волковъ гонять, да вкарты играть, да заводы заводять, чтобъ послѣ намъ по миру ходить, чтожь они дѣлають? на мѣсто себя выбираютъ бѣзпомѣстныхъ бѣдущниковъ, записываютъ за нихъ душъ по 5, да земли сколько нибудь, что будто тутопшія дворянѣ; а они какъ сядутъ за красное сукно только что ломаются, ни дѣла, ни законовъ не знаютъ, и съ нуждою только подписываютъ то, что Секретарь имъ подложитъ. Какъ ихъ милость въ уѣздъ поѣдутъ, то не помня присяги и учрежденья Царскаго, всѣ харчи берутъ даромъ, и съ того селенья гдѣ побываютъ здѣрутъ овчинку добрую... небось отъ боярскихъ то носъ воротятъ, потому что нечего сорвать; тамъ есть заступа, а насъ бѣдныхъ совсѣмъ разоряють, согрѣшила предъ Богомъ, некому за насъ вступится, какъ ихъ милость разгуляются; но бываетъ по часту то не стыдятся нашей братьи баять: «вить ми не ваши, дворянѣ нанятые какъ потуже карманы набьемъ, такъ и прощайте». Глузятъ ли правду ли баятъ, только видно что не шутятъ. Посуди родимой мой, жалованье не большое, своихъ нѣтъ доходовъ а въ городахъ лошадей по пяти дѣржать, одѣты, обуты, какъ столбовыя бояра, кареты, дрошки, коляски, дуракъ только не догадается что у нихъ все хапоное! тотъ и хорошъ изъ нихъ, кто помогаетъ ворами, что умѣить запутать правду; да и не глѣдель бы кормилецъ знаютъ! только дѣлешку съ своими начальниками что бѣ смѣста не спихнули, да и полно.

Кабы я, батюшка Сила Андрѣевичъ, былъ на твоємъ мѣстѣ, я бы предъ надеждою Государемъ все вывѣлъ на свѣжую воду; написалъ бы ему такую граматку, чтобъ онъ погодилъ на время управлется съ некрещенными басурманами, а поуправилса бы съ крещенными: онѣ внутри больше дѣлають зла, чемъ французы, отъ техъ хоть оборонится можно, а на этихъ и разинуть рта не смѣи; вить и мы люди, терпя терпя и камѣнь треснѣтъ. Мы больше всѣхъ трудимся, всѣхъ помимъ и кормимъ, насъ же считаютъ хуже собакъ. Умилосердись кормилецъ, заставь за сѣбя Бсгу молить, вступишь за насъ грѣшныхъ, ужъ намъ отъ худыхъ судѣй приходитъ не змоготу, отъ худой управы хоть домишки побросать. Доложи обнасъ Батюшкѣ Государю, что коль ми раззорены будѣмъ вконѣцъ, то и матушкѣ Руси не видать добра. И дѣти наши и внучата и правнучеты всѣ будутъ за тѣбя Господа Бога молить.

Села Терпигорѣва, дѣревни Слабосидовки, Крестьянинъ Патрикіи Филатовъ Сынъ Чистоправдинъ земно кланѣюсъ.

Сообщ. 2 окт. 1880 г. Е. К. Опочининъ.

ПОСОЛЬСТВО Ө. ПОРОШИНА ВЪ БЕРЛИНЪ

въ 1654 г.

Натянутыя отношенія съ Польшею заставили въ 1654 году царя Алексѣя Михайловича обратиться съ особеннымъ посланіемъ къ курфюрсту Фридриху-Вильгельму Великому.

Порученіе это было возложено на подъячача Өedora Өедоровича Порошина. По происхожденію Порошинъ былъ знатнаго рода. Въ боярскихъ спискахъ упоминается о 17-ти Порошинныхъ; всѣ они изъ Московскихъ дворянъ и занимали должности придворныхъ чиновъ.

Посланіе Порошина можно сравнить съ посланіемъ кабинетнаго курьера; официально онъ именуется «гонцомъ». Вслѣдствіе недоразумѣнія онъ былъ принятъ при Бранденбургскомъ дворѣ какъ посланникъ (Klein-Gesandter) и поэтому ему оказаны большія почести.

Объ отправкѣ его ко двору курфюрста заранѣе было увѣдомлено. Приказъ курфюрста, отъ 25-го іюня 1654 года, предписываетъ совѣтникамъ — управителямъ провинціи Пруссія, «хорошо» встрѣтить и угостить чрезвычайнаго посла.

6-го іюля 1654 года, посланникъ или, какъ его называли въ Бранденбургско-пруссикскихъ земляхъ (Klein-Gesandter), прибылъ въ Шпандау. Онъ былъ помѣщенъ на курфюрстскій счетъ, въ гостинницѣ. Курфюрстъ заранѣе распорядился о присылкѣ ему «вѣнотораго количества водки и вина». Воздержный по природѣ, Порошинъ ограничился крайнимъ: весь расходъ его пребыванія въ Шпандау не превысилъ отъ 4-хъ до 5-ти талеровъ.

На слѣдующій день Порошинъ пріѣхалъ въ Берлинъ и былъ помѣщенъ въ приготовленныхъ для него комнатахъ, въ зданіи придворныхъ конюшенъ, (Marstall) расположенныхъ на «Широкой» улицѣ (Breite Strasse).

Роскошное зданіе придворныхъ конюшенъ неоднократно служило мѣстомъ жительства курфюрстамъ. Кромѣ фасада, выходящаго на Широкою улицу, другая сторона зданія, украшенная высокими окнами, была обращена на Дворцовую площадь (Schloss-Platz). Сторона эта была впоследствии застроена домами, находящимися между Широкою улицею и «длиннымъ мостомъ» (Lange-Brücke).

По заранѣе съ курфюрстскими совѣтниками установленному уговору, царскій посланный былъ отвезенъ въ воскресенье, 9-го іюля, въ курфюрстскій замокъ, въ запряженной шестью бѣлыми лошадьми

каретѣ, къ торжественной аудіенціи. Въ каретѣ Порошинъ сидѣлъ одинъ; впередѣ кареты шли, въ большомъ числѣ, курфюретскіе совѣтники верховнаго трибунала, (Kammergerichts-Räthe) и совѣтники правленій (Amts-Räthe); за ними шелъ переводчикъ, несшій завернутую въ шелковую матерію царскую грамоту. Подъ воротами и во дворѣ замка войска стояли подъ ружьемъ. У подножія «Витой гѣстницы» (Schnecke), царскій гонецъ былъ привѣтствованъ (beneventirt) курфюретскими совѣтниками и препровожденъ ими въ такъ называемый «длинный залъ», гдѣ его встрѣтилъ съ привѣтствіемъ отъ курфюрета, маршалъ фонъ-Роховъ. Длинный залъ былъ роскошно отдѣланъ тканями обоями (Tapetzergeueu).

Маршалъ фонъ-Роховъ провелъ гонца въ тронное сало; при этомъ упоминается, что Порошинъ былъ съ обнаженной головой и безъ оружія. Рядомъ съ нимъ шелъ переводчикъ, который несъ надъ головою царскую грамоту.

Въ тронномъ залѣ воссѣдалъ курфюретъ на красномъ бархатномъ креслѣ, надъ которымъ возвышался изъ такого-же бархата балдахинъ. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ въ шляпѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ обер-каммергеръ фонъ-Шутлицъ, тайный совѣтникъ фонъ-Говербекъ ¹⁾, а за нимъ, ближе къ стѣнѣ, два брата Юліусъ-Генрихъ и Францъ-Карлъ, герцоги Саксенъ-Лауенбургскіе и другіе курфюретскіе совѣтники.

Въ дверяхъ зала царскій гонецъ и сопровождавшій его маршалъ совершили первый поклонъ, на который курфюретъ приподнялъ шляпу. Дойдя до середины зала, маршалъ, опуская жезлъ, поклонился вторично; поклонъ этотъ ускользнулъ отъ вниманія гонца. Въ трехъ шагахъ отъ курфюрета маршалъ остановился и отдалъ третій поклонъ. Порошинъ-же и переводчикъ, незнакомые съ установленнымъ на сей предметъ при курфюретскомъ дворѣ церемональнымъ, хотѣли податься впередъ, дабы, какъ нужно полагать, приложиться, по царствующему въ Москвѣ обычаю, къ рукѣ; вслѣдствіе этого, маршалъ слегка притянулъ къ себѣ переводчика, почему онъ и посланникъ остановились и отдали по низкому поклону, касаясь руками земли.

По нетерпѣливому движенію рукъ и пальцевъ курфюрета можно было замѣтить, что ему незнаніе придворнаго этикета не понравилось; онъ далъ знакъ тайному совѣтнику фонъ-Говербеку обратиться съ рѣчью къ посланному. Говербекъ выразилъ на нѣмецкомъ языкѣ, что его курфюретская свѣтлость, обрадованный вѣстью о благополучномъ

¹⁾ Іоаннъ баронъ фонъ-Говербекъ—отецъ министра Іоанна-Дидериха.

прибытіи посланника, былъ-бы очень доволенъ, еслибъ Порошинъ и его спутникъ пользовались, во время пути въ Бранденбургско-прусскихъ земляхъ, всѣми возможными удобствами. Вышеизложенныя слова были вызваны тѣмъ, что Порошинъ, во время пути, даже за деньги, не могъ приобрести жизненныхъ припасовъ и поэтому принесъ жалобу, вслѣдствіе которой ему было предложено указать мѣстности, гдѣ онъ испыталъ такое непочтительное съ нимъ обращеніе, для примѣрнаго наказанія виновныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ему было выражено извиненіе и выставленъ тотъ доводъ, что увѣдомленіе о его пріѣздѣ достигло своего назначенія слишкомъ поздно и поэтому надлежащія распоряженія не могли быть приведены въ исполненіе во-время.

Въ продолженіе аудіенціи курфюрстъ каждый разъ, какъ упоминалось имя царя Алексѣя Михайловича, снималъ шляпу. Порошинъ прочиталъ свою рѣчь на русскомъ языкѣ; при чемъ онъ, для правильного произношенія полнаго титула царя, пользовался спрятанной въ ладони запискою; затѣмъ онъ передалъ, сильно отъ волненія трясущеюся правою рукою, курфюрсту царскую грамоту. Курфюрстъ всталъ, снявъ шляпу, и передалъ посланіе тайному совѣтнику фонъ-Говербеку, который, взявъ ножикъ, переданный ему оберъ-каммергеромъ, раскрылъ таковое и передалъ содержаніе его въ переводѣ курфюрсту. Передача и слѣдующее за ней совѣщаніе происходили въ полъ-голоса. По окончаніи послѣдняго, Говербекъ, по порученію курфюрста, отвѣтилъ слѣдующее: его свѣтлость курфюрстъ, получивъ посланіе и принявъ въ соображеніе недоразумѣнія, происшедшія между монархами (царемъ и королемъ польскимъ), преисполненъ желаніемъ объ устраненіи таковыхъ, при чемъ на сей предметъ будутъ даны посланнику (въ Польшѣ) надлежащія указанія

Снявши шляпу, курфюрстъ всталъ и обратился къ Порошину съ вопросомъ о здоровьи царя. Отвѣтивъ на вопросъ и отдавъ почтительный поклонъ, посланникъ, не поворачиваясь спиною, дошелъ до дверей, въ которыхъ еще разъ низко поклонился, доставъ рукою до полу.

По приводѣ Порошина въ нижній этажъ онъ былъ приглашенъ къ столу, уставленному отъ 18 до 20-ти блюдами сухенныхъ сластей. Его помѣстили у верхняго конца стола, рядомъ съ нимъ стоялъ переводчикъ. Угощеніемъ распорядился гофъ-юнкеръ Верницкій, полякъ, выбранный на этотъ случай, какъ умѣвшій объясниться съ Порошинымъ. Переводчику также было предложено блюдо со сластями. Угощеніе, — до котораго Порошинъ почти не дотрогивался, и во время котораго было выпито за здравіе царя и курфюрста, при чемъ Порошинъ вставалъ — длилось около трехъ четвертей часа. По оконча-

нѣя угощенія, Порошинъ съ тою-же церемонією былъ отвезенъ обратно въ занимаемыя имъ комнаты, куда вслѣдъ затѣмъ были доставлены восемь блюдъ отъ стола курфюрста.

Послѣ обѣда было получено извѣстіе о кончинѣ короля Фердинанда (IV) Германскаго, Венгерскаго и Богемскаго; вслѣдствіи сего, назначенная на послѣ-обѣда музыка, была отмѣнена ¹⁾.

Грамота царя къ курфюрсту писана изъ Москвы 11-го мая 1654 (21-го мая 1654 г.). Въ началѣ царь упоминаетъ о посланіи курфюрстскаго комиссара и судьи Гейнриха Рейффа (Reiff), который былъ посланъ въ Россію для пожеланія государю счастья и здоровья, а также ему поручалась закупка хлѣба. Царь сообщаетъ, что онъ приказалъ сдѣлать распоряженіе объ отпускѣ хлѣба изъ Архангельскихъ государственныхъ запасовъ, по дешевой цѣнѣ. Далѣе слѣдуютъ причины неудовольствій и пререканій съ Польшею; причины эти приводятся по одиночкѣ и въ заключеніе выражается просьба не оказывать королю Яну Казимиру помощи во вредъ Россіи. «Мы съ этою грамотою (пишетъ царь) присылаемъ къ вамъ нашего гонца, Федора Порошина, котораго и просимъ вернуть къ намъ немедленно».

Печать, приложенная къ грамотѣ, изъ краснаго воска, обложена бумагою и изображаетъ большой государственный гербъ, съ полнымъ царскимъ титуломъ. На персяхъ двуглаваго орла щитъ, въ которомъ царь на ковшѣ. Орелъ окруженъ шестью «градами», соотвѣствующими титуламъ Великой, Малой, Бѣлой, Восточной, Западной и Сѣверной Россіи, а внизу «люди», изображающіе дѣдичей и отчичей царя.

Подобная же грамота была написана въ тотъ же день и вручена Ивану Старому для доставки ея въ Митаву герцогу курляндскому.

На слѣдующій послѣ приѣма день (10-го іюля) Порошинъ былъ приглашенъ къ тайной аудіенціи, въ главный судъ, (Kammergericht), собранія котораго были въ комнатѣ не далеко отъ длинной залы; при чемъ ему представился случай поднести курфюрсту и его супругѣ, Луизѣ (урожд. принцессѣ Оранской), собольи шубы. По окончаніи этой аудіенціи ему былъ показанъ тайнымъ совѣтникомъ фонъ-Говербекомъ курфюрстскій замокъ.

Прощальный приѣмъ 15-го іюля совершился съ тѣми же церемоніями какъ и первый; за нимъ слѣдовало такое же угощеніе, какъ и въ первый разъ.

На другой день послѣ прощальнаго приѣма курфюрстъ препрово-

¹⁾ Фердинандъ IV, старшій сынъ Фердинанда III-го, род. 8-го сентября 1633 г.; король Богемскій съ 1646 г., Венгерскій—1647 г., король Римскій—24-го мая 1653 г.; скончался—9-го іюля 1654 г. Ж.

диль Порошину въ подарокъ большой кубокъ съ золотыми и серебряными медалями, оцѣненный въ 150 талеровъ. Переводчикъ получилъ такой же кубокъ, но вдвое меньше.

На прощальномъ обѣдѣ у Порошина присутствовали тайный совѣтникъ фонъ-Говербекъ, въ должности великаго канцлера, и докторъ Торно (Tornow) въ званіи государственнаго казначея.

Послѣ обѣда вышеупомянутыя лица въ каретахъ проводили отъѣзжавшаго обратно въ Россію посланника и вскорѣ вернулись съ проводовъ. Въ отвѣтъ на царскую грамоту, написанномъ въ замкѣ Кельнѣ, на рѣкѣ Шпрее, и помѣченномъ отъ 10-го іюля 1654 г., который былъ врученъ Порошину, Фридрихъ-Вильгельмъ общается царю Алексію Михайловичу предложить свои услуги королю и республикѣ польской, для устраненія недоразумѣній съ Россією; при чемъ присовокупляетъ, что Порошинъ былъ имъ привѣтъ съ почестями, должными его царскому величеству и возлюбленному высочеству, основанными на предшествующей дружбѣ и уваженіи.

Черезъ четыре дня по отъѣздѣ Порошина, курфюрстъ обращается къ королю польскому Яну Казимиру съ посланіемъ, въ которомъ, называя его своимъ любезнымъ дядей и братомъ, проситъ его разрѣшенія сдѣлаться посредникомъ между Россією и Польшею.

Относительно обратнаго путешествія царскаго гонца были сдѣланы разныя распоряженія. Въ письмѣ отъ 15-го іюля курфюрстъ поручаетъ совѣтникамъ кюстринскаго правленія и губернатору полковнику Георгію Эрнтрауту фонъ-Бургсдорфъ, (оберъ-штаймейстеру и камергеру) помѣстить царскаго посланника въ замкѣ, предусмотрѣть его надобности, встрѣтить его тремя пушечными салютами и все войско, находящееся въ крѣпости, разставить въ «батальномъ порядкѣ» (in batagle), но безъ знаменъ. Тоже повторить при его отъѣздѣ и, если посланнику угодно будетъ осмотрѣть арсеналъ и крѣпость, то показать ему таковыя безпренятственно.

Тѣмъ-же числомъ, какъ и вышеописанное предписаніе, помѣчено также другое, данное Ново-Маркскому (Neu-Mark) правленію, озаботиться о всѣхъ удобствахъ путешествія посланника отъ Кюстрина и до границы. Приѣздъ и пребываніе Порошина въ Берлинѣ были для жителей важнымъ событіемъ. Красивый и статный мужчина въ богатомъ чужестранномъ нарядѣ нравился всѣмъ и поэтому неудивительно, что воспользовались его краткимъ десятидневнымъ пребываніемъ для снятія съ него портрета.

Портретъ этотъ до сихъ поръ находился въ королевскомъ дворцѣ и только недавно переданъ въ Гогенцоллернскій музей замка Монбжу¹⁾.

¹⁾ Гдѣ въ 1717 г. жили Петръ Великій и Екатерина Алексѣевна.

Порошинъ снятъ по поясъ. Слегка румяное лицо его имѣеть привѣтливое, добродушное выраженіе; прекрасныя голубыя глаза и густая русая борода усиливають, производимое на зрителя, пріятное впечатлѣніе. Кафтанъ, изъ розоваго атласа съ высокимъ мѣховымъ воротникомъ, украшенъ спереди двумя собольими полосками. Двѣ, украшенныя алмазами, золотыя застѣжки, соединенныя золотымъ снуромъ, придерживають накинутый на плечи кафтанъ. Поддевка изъ бѣлаго атласа, пуговицы золотыя. Головной уборъ состоитъ изъ низенькой отороченной мѣхомъ и убранной двойнымъ жемчужнымъ снуромъ, бархатной черной шапки. Лѣвая рука опирается на доску, на которой находится слѣдующая надпись «Des Moscovitischen Czaren an Se. Churf. Durchlt. zu Brandenburg Abgesandter Fiedor Fedrowitz Poroschnin (sic!) ist allhier zu Berlin ankommen den 7 Iuli 1654, hat die erste Audienz gehalt den 8 und die andere den 15; ist abgereist den 16». (Московского царя къ его свѣтлости, курфюрсту Бранденбургскому, посланникъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Порошинъ прибылъ сюда, въ Берлинъ, 7-го іюля 1654 года, имѣлъ первую аудіенцію 8-го, другую 15-го и уѣхалъ обратно 16-го).

На заднемъ планѣ неоконченной картины изображенъ ландшафтъ.

Картина эта, по всей вѣроятности, произведеніе одного изъ выдающихся голландскихъ художниковъ, имѣвшихъ пребываніе при дворѣ великаго курфюрста ¹⁾. Она писана на холстѣ. Высота 84 сантиметра, ширина 63¹/₄ ²⁾.

Свѣдѣнія о посылкѣ Порошина въ 1654 г. въ Бранденбургъ съ посланіемъ, въ которомъ была изложена просьба, не поддерживать короля польскаго деньгами и войскомъ, сохраняются въ Московскомъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ слѣдующемъ году, Порошинъ былъ назначенъ дьякомъ и былъ посланъ, въ качествѣ помощника посланника Жидовинова, въ Грузію, къ царямъ Теймурасу и Александру; объ этомъ посланіи также имѣются въ Московскомъ Архивѣ подробныя свѣдѣнія ³⁾.

Позднѣйшая судьба Ѳеодора Порошина намъ неизвѣстна.

Баронъ В. Кёне.

¹⁾ По всей вѣроятности это работа Якова Вальяна, (Jacob Vaillant) род. въ Лиллѣ 1628 г., умеръ въ Берлинѣ 1670 г.

²⁾ Баронъ Кёне доставилъ намъ прекрасный фотографич. снимокъ съ этого портрета.

Р е д.

³⁾ См. Erdmannsdörffer: Urkunden und Actenfüre zur Geschichte des Kurfürsten Fridrich-Wilhelm, VI, 702 Мартенсъ Сборникъ договоровъ и пр. V, 2.

О Порошинѣ упоминается тоже въ кредитивѣ Бранденбургскаго посланника секретаря Лазаря Киттельмана (Kittelmann) и въ реляціи объ аудіенціи его при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, 10 (20) и 11 (21) сент. 1653 г., въ лагерѣ предъ городомъ Вильною.

Баронъ Кёне.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

АКАДЕМИКЪ И ПРОФЕССОРЪ.

Въ виду святей могилы этого знаменитаго ученаго, многолѣтняго труженническая жизнь котораго — вся посвященная служенію наукъ — еще ждетъ своего описателя, предлагаемъ два документа какъ матеріалъ для его біографіи. Это два письма Измаила Ивановича къ его племяннику, священнику Запольскому, относящіяся къ 1856 г.; сообщены онѣ намъ А. И. Марквичемъ въ подлинникахъ.

Ред.

I.

Любезный племянникъ! Письмо твое я получилъ, и по желанію твоего дѣдушки, моего дяди, Николая Евсеевича, отвѣчаю на твой вопросъ. Я дѣйствительно сынъ бывшаго профессора Харьковскаго университета, Ивана Евсеевича Срезневскаго, скончавшагося еще въ 1819 году. Изъ дядей своихъ я зналъ только троихъ: Ѳедота Ев., который былъ у насъ еще при жизни папеньки, и ласкалъ меня, что я помню до сихъ поръ, равно какъ и его солдатскую шинель. — Иосифа Ев., бывшаго профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, потомъ въ артиллерійскомъ училищѣ, и скончавшагося въ монашествѣ, и Акима, бывшаго священникомъ въ селѣ Срезневѣ и принимавшаго у себя мамевку вмѣстѣ со мною, когда она по дорогѣ изъ Ярославля въ Харьковъ заѣзжала въ Срезнево. О другихъ родныхъ моихъ я слышалъ только мелькомъ, и съ нѣкоторыми знакомился черезъ письмо или и лично только случайно, такъ что теперь остаюсь въ связи только съ однимъ, живущимъ здѣсь въ Петербургѣ, отцомъ Игнатіемъ Спасскимъ, и не могъ не порадоваться, что и Никита Никол., миссіонеръ Якутскій — мой двоюродный братъ, равно что и ты, мой племянникъ, на доброй дорогѣ.

Добрая дорога, мой другъ, у тебя впрочемъ не потому, что ты, по окончаніи курса ученія, можешь выйдти въ люди, а что, если захочешь употребить усилія душевныя, будешь человекомъ, какимъ всякій долженъ желать быть, образованнымъ и понимающимъ легчайшія средства упредить за собою добрый, честный нравъ. Съ умомъ развитымъ, отдѣляющимъ добро отъ худа, легче избѣгать худа. Выгоды жизни — второе дѣло, и тогда только хороши, когда не переплелись съ упреками совѣсти и съ пороками испорченной души. Учись, мой другъ, усердно, еще усерднѣе сохраняя чистоту души; слушайся наставниковъ, стараясь оцѣнять ихъ достоинства и свиско-

дѣть къ недостаткамъ; гнушайся легкомысленныхъ и, еще болѣе, порочныхъ товарищей; будь скромнѣе съ тѣми и другими, а званія, которое тебя ожидаетъ, не считай ремесломъ, средствомъ для жизни большихъ или малыхъ денегъ, особенно званія духовнаго, если его выберешь: оно самое важное и священное и требуетъ всего болѣе чистоты души; впрочемъ и всѣ другія званія—также важны и, какъ служенія отечеству, священны, нуждаются въ чистотѣ душевной. На то, что иные служатъ пачкаясь въ равной грязи, смотрѣть нечего: они—не примѣръ для подражанія.

Повторяю тебѣ тѣ совѣты, которые внушали мнѣ отецъ и мать, а равно, въ письмахъ, и дядя Іосифъ Евсеевичъ. Оба брата Срезневскіе оставили по себѣ память добрыхъ, честныхъ, благородныхъ людей, — и эта память была единственнымъ моимъ вожакомъ въ жизни, открывая мнѣ помощи руку тамъ, гдѣ я и не воображалъ — съ самаго дѣтства. Не могу думать, что они сдѣлали бы для меня столько же добра, еслибы оставили мнѣ по себѣ не добрую память въ людяхъ, а какіянибудь деньги. вмѣсто добра могло быть и зло. Дай Богъ и мнѣ оставить моимъ дѣтямъ такое же наслѣдство.

Кстати о дѣтяхъ: я женатъ, и у меня уже пятеро дѣтей, изъ которыхъ трое уже начали учиться. Мы живемъ, благодаря Бога, счастливо. Маменька моя живетъ съ нами. Она впрочемъ уже слаба и очень больна. Братъ мой тоже женатъ; онъ уже подполковникъ, а можетъ быть теперь произведенъ въ полковники, и живетъ въ Кіевѣ.

Когда будешь писать домой, то передай мои поклоны всѣмъ нашимъ роднымъ, а если напишешь мнѣ, то увѣдомь о нихъ обстоятельно, не забывая и о томъ, какъ ты учишься, чѣмъ утѣшаешь отцоднявъ ли ты у него, и скоро ли кончишь курсъ въ семинаріи.

Прощай, мой милый племянникъ. Да будетъ на тебѣ благословеніе молитвы твоего отца и матери.

Твой дядя Измаиль Срезневскій.

14-е сент. 1856. Спб.

II.

Любезный племянникъ! Я замедлилъ отвѣтомъ на твое послѣднее письмо, потому что насъ посѣтило горе: маменька моя скончалась 27 октября. Нѣкоторые изъ родныхъ нашихъ, можетъ быть, еще помнятъ ее, когда она за 44 года пріѣзжала въ Срезнево со мною двухмѣсячнымъ. Прошу ихъ черезъ тебя да помянуть они о душѣ усопшей Елены, доброй супругѣ Іоанна Срезневскаго, доброй, заботливой матери его дѣтей. Мы предположили послать въ церковь села Срезнева потиръ съ молитвою объ успокоеніи душъ усопшихъ рабъ Іоанна и

Елены; а какъ это исполнимъ, потрудись сдѣлать милость попросить о поминаніи усопшихъ.

Что касается до твоего желанія продолжать ученіе въ Глав. Педаг. Институтѣ, то оно очень похвально, и я съ своей стороны очень радъ тебѣ способствовать; впрочемъ съ однимъ условіемъ — чтобы ты, мой другъ, кончилъ полный курсъ въ семинаріи, подобно Окунькову. Напрасная поспѣшность ни къ чему доброму не доведетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу тебя основательно обдумать все, что произойдетъ изъ твоей рѣшимости: лучше ли тебѣ перейти сюда, отказавшись отъ своего званія, или же продолжать курсъ въ академіи духовной? Духовное образованіе прочнѣе свѣтскаго; а слѣдствія того и другаго для жизни — одинаково различны. Изъ духовной академіи ты перейдешь профессоромъ въ семинарію, изъ института — учителемъ гимназій: подумай что лучше. Подумай и самъ, посоветуйся и съ своими наставниками. Но какъ бы ты не рѣшился, заботься постоянно и усердно о своемъ образованіи, объ укрѣпленіи въ себѣ честныхъ убѣжденій, объ обогащеніи ума полезными познаніями, считая полезнымъ все, что можно изучить, не разбирая самъ, а слѣдуя совѣтамъ людей болѣе опытныхъ, наставниковъ. Придетъ еще время рѣшать и самому, что нужнѣе. Это мнѣ повторять въ письмахъ мой дядя, Іосифъ; долгомъ считаю и я повторить это тебѣ, узнавъ на опытѣ, отчасти и горькомъ, всю справедливость этихъ правдъ.

Цѣлую тебя любезный мой другъ, прошу передать поклоны всѣмъ роднымъ.

Твой любящій дядя И. Срезневскій.

1-е дек. 1856.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ

въ 1825 г.

По принесеніи присяги всѣми чинами и сословіями въ С.-Петербургѣ — „Императору“ Константину Павловичу, въ декабрѣ 1825 г., генералъ Потаповъ обратился къ новому государю съ нижеслѣдующимъ письмомъ:

Всемилюстивѣйшій Государь! Простите, всемилюстивѣйшій Государь, что осмѣливаюсь беспокоить Васъ сими строками. Ихъ внушила мнѣ безиредѣльная къ Вамъ преданность.

Ваше Императорское Величество уже изволите быть извѣстны, что вся здѣшняя столица, войска и вся Имперія, съ самаго полученія горестнаго извѣстія о кончинѣ блаженной памяти Государя, учинили единодушно присягу на вѣрность подданства Вашему Величеству.

Государь! я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ усердіемъ всѣ сословія—воины и граждане—исполняли сей священной долгъ. Ручаюсь жизнью, — сколь ни болѣзненна потеря покойнаго Императора, но нѣтъ ни единаго изъ Вашихъ подданныхъ, который бы по внутреннему своему убѣжденію не радовался искренно, что Провидѣніе ввѣрило судьбу Россіи Вашему Величеству и который бы не признавалъ восшествія Вашего на престолъ залогомъ своего частнаго и общаго благополучія.

Одушевляясь симъ общимъ чувствомъ, всѣ находящіеся здѣсь войска, Государственные чины и всѣ вообще жители, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали скораго Вашего прибытія. Доколѣ не прошло время, необходимое для отправленія Вамъ донесенія объ учиненіи здѣсь присяги и для получения отзыва Вашего Величества, каждый оставался спокоенъ, ожидая со дня на день радостнаго о прибытіи Вашемъ извѣстія. Послѣдовавшія за тѣмъ объявленія въ вѣдомостяхъ о вождельнномъ здравіи Вашего Величества еще болѣе оживляли всѣ надежды.

Но когда возвратившіеся сюда курьеры, — коихъ донесенія сохраняются втайнѣ, — не оправдали нашего ожиданія, то недоумѣніе о причинахъ, по коимъ изволите медлить пріѣздомъ Вашимъ въ здѣшнюю столицу, стали поселять во всѣхъ невольное опасеніе, которое съ каждымъ днемъ возрастаетъ и производить во всѣхъ классахъ народа различныя сужденія. Каждый дѣлаетъ предположенія по своему понятію и горестное, жестокое чувство неизвѣстности о собственной судьбѣ переходитъ отъ одного къ другому. Таковое смущеніе умовъ въ столицѣ, безъ сомнѣнія, перелетѣетъ скоро и въ другія мѣста Имперіи; толки увеличатся, и отчаяніе можетъ даже возродить неблагонамѣренныхъ, болѣе или менѣе для общей тишины опасныхъ. Словомъ: дальнѣйшее медленіе Ваше, Государь, пріѣздомъ сюда, обниметъ ужасомъ всѣхъ, питающихъ чистое усердіе къ Вамъ и Россіи. При такомъ положеніи вещей должны ли молчать предъ Вашимъ Величествомъ тѣ, которымъ ближе другихъ извѣстны свойства Ваши, Государь! — не говорить Вамъ о благѣ и спокойствіи Государства, когда они знаютъ твердо, что счастье подданныхъ Вашихъ для Васъ драгоцѣнно! — Всѣ преданные Вашему Величеству, видя непреложные знаки общей къ Вамъ любви, рѣшились вмѣстѣ со мною довести до свѣдѣнія Вашего все изложенное здѣсь и избрали меня исполнителемъ предъ Вами единодушнаго нашего чувствованія. Изъ глубины горящихъ къ Вамъ искреннею приверженностію сердецъ нашихъ, мы взываемъ къ Вамъ, Государь: поспѣшите пріѣздомъ Вашимъ въ здѣшнюю столицу; явитесь передъ Гвардією; оживите народъ! всѣ съ

восторгомъ встрѣтятъ Васъ, Всемилоствѣйшій Государь. Положите предѣлъ тягостному нашему состоянію.

Всемилоствѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный Алексѣй Потаповъ.

10 декабря 1825 г. С.-Петербургъ.

Письмо это Цесаревичъ Константинъ Павловичъ разорвалъ и возвратилъ автору при слѣдующемъ отвѣтѣ:

— «Изъ одного уваженія къ вамъ, Алексѣй Николаевичъ, распечаталъ я письмо, которое вы мнѣ прислали съ неподлежащею надписью. Я чуждъ всѣхъ дѣйствій противозаконовыхъ. Явленіе передъ гвардією, народъ и тому подобное суть дѣйствія, которыя я воздерживаюсь назвать истиннымъ словомъ, сему роду поступковъ принадлежащимъ. Жалѣю весьма, что вы, зная меня столь съ давняго времени, думали найти во мнѣ готовность сему образу дѣйствій поддаться. Умалчивая, сколь мнѣ больно лично, что досель меня не знали, одно мнѣ остается сдѣлать изъ уваженія къ вамъ, то есть напомнить долгъ вашей присяги къ покойному Государю и возвратитъ къ вамъ ваше письмо разорванное, дабы тѣмъ очистить совѣсть вашу, ибо писано въ духѣ заблужденія и подъ личиною усердія, оказующаго духъ неповиновенія и отступленіе отъ долга обязанностей вашихъ. Долгъ вѣрноподданнаго есть слѣпое и безмолвное повиновеніе къ высшей и священнои власти.

Константинъ».

Варшава.

16 (28) декабря 1825 г.

по полуночи въ 10^{1/2} часовъ.

Л. А. Сѣряковъ.

Въ июньской книгѣ „Русской Старинѣ“, изд. 1881 г. въ приложеніи къ статьѣ Н. П. Собоко: „Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сѣрякова“, помѣщенъ списокъ работъ этого даровитаго гравера. По прочтеніи этого списка, я замѣтилъ, что въ немъ не упомянута одна изъ гравюръ академика Л. А. Сѣрякова, именно портретъ почившаго Императора Александра Николаевича, помѣщенный въ русской иллюстраціи „Пчела“ (изд. М. О. Микѣшина,) за 1876 г. № 2, стр. 1. Въ помѣщенной по этому поводу въ томъ же № „Пчелы“ замѣткѣ сказано, что портретъ этотъ въ главнѣйшихъ частяхъ гравированъ Сѣряковымъ, а въ остальномъ исполненъ бывшимъ его ученикомъ М. Н. Рашевскимъ и что это — второй портретъ Царя-Освободителя, исполненный въ Россіи въ гравюрѣ на деревѣ.

Кромѣ того въ томъ же журналѣ „Пчела“, въ № 32 за 1877 г., на стр. 497, помѣщенъ портретъ Абдурахмана-Хана, помѣченный буквами „С. п. Е.“ и который былъ перепечатанъ во „Всемирной Иллюстраціи“ г. Голице за 1880 г., № 3, стр. 53.

М. Городецкій.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1881 году.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

I.

„Русская Старина“ въ изданіи 1881 года, въ ряду прочихъ органовъ печати, была выразительницею чувства скорби, въ которую ввергнуть былъ русскій народъ мученическою кончиною Царя-Освободителя.—Независимо отъ статьи, стихотворенія, рѣчи и замѣтокъ, явившихся на ея страницахъ подъ гнетомъ этого чувства, въ „Русской Старинѣ“ помѣщенъ былъ въ 1881 году рядъ Записокъ, Воспоминаній, рассказовъ и проч. документовъ, живо воскрешающихъ многія событія эпохи Александра II или характеризующихъ его и его сподвижниковъ.

Такъ упомянемъ, между прочимъ, объ обширныхъ „Запискахъ сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ“, имѣющихъ столь серьезное значеніе въ ряду источниковъ къ исторіи крестьянской реформы, въ которой онъ былъ столь виднымъ, столь неутомимымъ и высокочестнымъ дѣятелемъ.—„Замѣтки императора Александра II на Записки Я. А. Соловьева“, первая глава каковыхъ записокъ покойный государь прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ. Замѣтки эти, — имѣющіе историческое значеніе, — не всѣ еще нами напечатаны. — Рескриптъ императора Александра II — великому князю Константину Николаевичу отъ 19 (31) октября 1863 г., замѣчательный прежде всего тѣмъ, — что онъ отъ первой до послѣдней строки написанъ самимъ государемъ и, заключая въ себѣ его взглядъ на польскій вопросъ, въ

самыхъ сердечныхъ выраженійхъ являетъ чувство признательности за самоотверженную службу в. к. Константина Николаевича, этого ближайшаго сподвижника и совѣтника Александра II въ славѣйшемъ дѣлѣ его царствованія—освобожденіи крестьянъ.—Двѣ записки кн. Н. А. Орлова: о расколѣ и отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Разсказъ изъ записокъ войска донскаго генерала А. Е. Попова объ императорѣ Александрѣ II, въ бытность его еще цесаревичемъ, въ моментъ замѣны кн. Меншикова кн. М. Д. Горчаковымъ въ Севастополѣ.—Историко-біографическіе очерки нѣкоторыхъ дѣятелей эпохи Александра II, таковы: „Генераль-фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій“, — „Николай Ивановичъ Пироговъ“, — „Иванъ Петровичъ Голевъ“ (одинъ изъ Севастопольскихъ ветерановъ), — „Филаретъ Гумилевскій—епископъ черниговскій“ и проч.

Затѣмъ, кромѣ поименованныхъ статей, — „Русская Старина“ въ обозрѣваемомъ, двѣнадцатомъ, — году ея изданія (1881 г.) представила сообщенія по всѣмъ ея составнымъ частямъ. А именно: Записки и Воспоминанія, — Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки, — и прочіе матеріалы къ отечественной исторіи (каковы письма государей, донесенія и письма разныхъ общественныхъ дѣятелей — полководцевъ, министровъ и т. п.). — Очерки и статьи по исторіи Русской Литературы. — Автобіографіи, очерки и замѣтки по исторіи художествъ, — наконецъ бібліографическій листокъ о всѣхъ новѣйшихъ историческихъ трудахъ.

Слѣдуя издавна принятому нами обычаю, укажемъ нынѣ, въ концѣ 1881-го года, на болѣе выдающіяся сообщенія, явившіяся въ „Русской Старинѣ“ сего года.

II.

Записки Семена Порошина — воспитателя великаго князя Павла Петровича — хотя и были извѣстны изслѣдователямъ отечественной исторіи по изданію 1844 г., по громаднѣе большинство нашихъ читателей, конечно, прочитали этотъ дневникъ — впервые. Притомъ записки эти изданы нами значительно полнѣе, безъ тѣхъ пропусковъ и урѣзковъ, какія сдѣланы были цензурою въ первомъ изданіи, — и тщательно вывѣрены съ рукописями.

нѣкогда принадлежавшими великому князю Павлу Петровичу (впослѣдствіи императору), а нынѣ хранящимися въ библиотекѣ Великаго Князя Константина Николаевича, благосклонному вниманію котораго „Русская Старина“ обязана столь многими матеріалами—первѣйшаго значенія, появившимися въ ней въ послѣднія восемь лѣтъ. — Дневникъ Порошина навсегда пребудетъ драгоценнымъ источникомъ свѣдѣній—не только для знакомства съ воспитаніемъ преемника великой Екатерины, но и для характеристики главнѣйшихъ ея сподвижниковъ и сотрудниковъ въ первые годы ея царствованія.

Записки Михаила Александровича Бестужева, Александра Петровича Бѣляева, барона В. И. Ш—ля („Записки Несчастнаго, содержація въ себѣ путешествіе въ Сибирь по канату“), наконецъ записки Дмитрія Иринарховича Завалипина—принадлежатъ современникамъ Александра I, представителямъ русскаго общества 1820-хъ годовъ и участникамъ въ печальныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ восшествіе на престолъ Николая I.—Люди ума, энергіи, талантовъ,—искупившіе увлеченія молодости многолѣтнимъ заключеніемъ и ссылкой, — поименованныя лица, какъ и весьма многіе изъ ихъ товарищей, — пребудутъ навсегда примѣромъ того, какъ не должно падать духомъ въ самыхъ тяжчайшихъ условіяхъ жизни, но въ непрестанномъ трудѣ и усиліяхъ къ самообразованію и нравственному совершенству—искать улады отъ преслѣдованій судьбы. — Многіе изъ декабристовъ въ томъ числѣ и поименованные четыре, — дожили до лучшихъ дней и не только видѣли осуществленіе своихъ завѣтнѣйшихъ мечтаній—какъ напр. освобожденіе крестьянъ, новый судъ, — но и сами приняли участіе въ осуществленіи реформъ Александра II...

Бестужевъ и Бѣляевъ — подлинныя декабристы. Смута 14-го декабря прямо захватила ихъ своею мутною волною. Но сколь рѣзковъ, живъ—въ изложеніи своихъ воспоминаній первый, настолько мягковъ, вротовъ, но столь же искренень — второй. Тотъ и другой очерчиваютъ цѣлую вереницу лицъ, встрѣчавшихся имъ на жизненномъ пути, при чемъ лица, входившія въ кругъ знакомыхъ Бѣляева, являются подъ перомъ его преимущественно съ ихъ добрыми качествами. Въ этомъ отношеніи особенно симпатичны его друзья и знакомые на Кавказѣ.

„Записки Несчастливаго“ — любопытны какъ потому, что онѣ выносятъ на свѣтъ одну изъ самыхъ грубыхъ ошибокъ зарвавшихся въ своемъ усердіи администраторовъ, ошибокъ—довольно обычныхъ въ старину, ошибокъ — губившихъ однако нѣсколько существованій;—интересны и потому, что онѣ написаны въ стилѣ литературныхъ произведеній начала XIX вѣка, чуть ни временъ „Бѣдной Лизы“ Карамзина. Записки эти — были читаны на литературныхъ вечерахъ, которые устраивались обитателями Петровскаго острога — декабристами, для которыхъ было написано ими нѣсколько произведеній въ стихахъ и прозѣ.

Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ, — о необыкновенныхъ способностяхъ котораго, обширномъ образованіи и трудолюбіи такъ много встрѣчается извѣстій въ запискахъ декабристовъ, — не былъ собственно декабристомъ и дошелъ до соузничества съ ними другимъ путемъ, о которомъ обширный и весьма интересный разсказъ его самаго находится въ нашемъ распоряженіи и мы имъ подѣлимся съ читателями нашего изданія въ 1882 году.

Въ Запискахъ же его — напечатанныхъ въ обозрѣваемомъ году — есть нѣсколько новыхъ подробностей о бытѣ этой интересной артели-декабристовъ, которая столь своеобразно сложилась въ мѣстахъ, населенныхъ отщепенцами рода человѣческаго.

„Главные черты моей жизни“ — записки Павла Алексѣевича Тучкова, и новыя главы изъ Записокъ извѣстнаго военнаго писателя генераль-отъ-инфантеріи кн. Н. С. Голицына — относятся преимущественно къ эпохѣ конца 1820-хъ годовъ, и, между прочимъ, останавливаютъ вниманіе читателя на войнѣ Россіи съ Турціей 1828—1829 гг.

Появленіе въ нашемъ изданіи обширныхъ Записокъ сенатора Якова Александровича Соловьева — намъ представляется вполне своевременнымъ. Теперь, когда вниманіе правительства и общества направлено на изслѣдованіе нуждъ и потребностей народа и прежде всего — сельскаго населенія, а затѣмъ на довершеніе реформъ Александра II, конечно драгоцѣнны малѣйшія подробности, относящіяся до исторіи великаго акта 19-го февраля 1861 г., исторіи, въ которой столь видную и столь высоко-плодотворную

роль игралъ Я. А. Соловьевъ. — Окончаніе его Записокъ мы надѣмся представить въ „Русской Старинѣ“ будущаго года (книги февраль и слѣдующія).

Злобѣ дня могутъ сослужить службу воспоминанія другаго сенатора А. К—ва, помѣщаемыя въ настоящей книгѣ обзорѣ-ваемаго года, подъ заглавіемъ: „Между строками одного формулярнаго списка“. — Усердный, энергическій администраторъ, — служака прошлаго царствованія, — управлявшій государственными крестьянами въ одной губерніи, а затѣмъ — въ званіи губернатора — правившій послѣдовательно тремя губерніями, — А. Г. К., въ оригинальной формѣ междустрочія послужнаго своего списка, съ прямою и благороднымъ увлеченіемъ излагаетъ свои взгляды на многіе животрепещущіе вопросы нашей внутренней политики. Можно соглашаться или не соглашаться съ этими взглядами, но нельзя не остановиться предъ ними, какъ вынесенными изъ многолѣтняго опыта и знанія дѣла со стороны администратора, всюду оставившаго по себѣ память человѣка честнаго, доброжелательнаго и преданнаго слуги Государю и Отечеству.

Въ обзорѣваемомъ году окончены нами печатаніемъ — „Записки Сельскаго Священника“. — Талантливый авторъ, одинъ изъ заслуженныхъ протоіереевъ и благочинныхъ въ одной изъ приволжскихъ губерній.¹⁾ — формулировалъ, въ заключеніи своихъ записокъ, свои выводы въ цѣломъ рядѣ пожеланій, логически вытекающихъ изъ его обширнаго труда о современномъ русскомъ духовенствѣ. Въ этихъ пожеланіяхъ слышится голосъ всего сословія. Будетъ ли онъ услышанъ? — обновится ли къ лучшему матеріальный и нравственный бытъ русскаго, преимущественно сельскаго, духовенства — благодѣтельными реформами? Вотъ вопросъ, на который само духовенство нетерпѣливо ждетъ отвѣта. Мы однако продолжаемъ надѣяться, что голосъ, столь искренній, столь горячо любящаго свое Отечество пастыря, — какимъ является составитель „Записокъ Сельскаго Священника“, — будетъ услышанъ и принесетъ свою пользу.

¹⁾ Въ августѣ сего года мы имѣли удовольствіе лично съ нимъ познакомиться.
Ред.

„Воспоминанія В. В. Стасова“—переносятъ читателя къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ и вводятъ въ Училище Правовѣднія—этотъ разсадникъ нашихъ гражданскихъ заправителей, губернаторовъ, сенаторовъ, даже—членовъ Государственнаго Совѣта.—Принадлежа перу одного изъ талантливѣйшихъ питомцевъ этого училища,—„Воспоминанія“ знакомятъ съ свѣтлыми и темными сторонами внутренняго его быта въ эпоху наиболее интересную — именно въ первые годы по учрежденіи Училища Правовѣднія.

На ряду съ Записками и Воспоминаніями лицъ высокостоящихъ и по своему общественному положенію, и по своему образованію, и по своимъ заслугамъ—въ различныхъ сферахъ общественной дѣятельности, — мы издавна съ большою готовностью даемъ мѣсто автобіографіямъ и безыскусственнымъ рассказамъ людей изъ сѣрой толпы. Такъ и нынѣ долго тянулась и закончена въ обозрѣваемомъ году „Русской Старина“ — „Исторія жизни“—бывшаго крѣпостнаго крестьянина Шипова [1802 — 1862], обширный трудъ, увѣнчанный отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества бронзовою медалью. — Нельзя сказать, чтобы нравственный обликъ составивша „Исторію“—заключалъ въ себѣ симпатичныя черты. Напротивъ. — Самъ того не замѣчая, Шиповъ въ своемъ повѣствованіи представилъ много такихъ фактовъ, которые обрисовываютъ его въ непривлекательномъ свѣтѣ.—Но мы не того и искали въ этихъ объемистыхъ запискахъ, предавая ихъ тисненію. Мы искали и нашли въ нихъ русскаго мужичка, въ которомъ духъ смѣлой предприимчивости энергіи, смѣтливости—оказался не задавленнымъ всеѣмъ ужаснымъ ярмомъ крѣпостнаго ига, острога и вопіюще иногда нуждою.— Въ особенности интересны шатанія Шипова по окраинамъ Россіи и за ея рубежемъ (въ Молдавіи);—какъ бы вымоленное имъ плѣненіе у черкесовъ — съ цѣлью рабствомъ у нихъ освободиться отъ тягчайшаго рабства у своего господина;—паломничество во Святую Землю и проч. Диковинно только у насъ одно: слышатся иногда укоризны, что историческія изданія черпаютъ для себя матеріалъ изъ жизни двора, живописуютъ войны, витаютъ въ бытѣ высшихъ сферъ и не ведутъ читателя въ народъ. А лишь только дашь мѣсто хроникѣ, подобной „Исторіи крѣпостнаго крестьянина Ши-

пова“—слышишь сѣтованія на однообразіе и малосодержательность таковыхъ записокъ. — Мы однако будемъ продолжать неуклонно наше изданіе такъ, какъ вели его до сихъ поръ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ: страницы „Русской Старины“—съ одинаковою готовностью предоставляются нами представителямъ всѣхъ классовъ русскаго общества, безъ малѣйшаго различія или предпочтенія тѣмъ или другимъ. Пусть обрисовывается наше Отечество, въ его давней и недавней старинѣ, всецѣло и всесторонне.

III.

Изъ числа историческихъ изслѣдованій, статей и историко-біографическихъ очерковъ — явившихся въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года — можно упомянуть о слѣдующихъ:

„Канцелярія Конфискаціи въ 1729—1760 гг.“—профессора И. Е. Андреевскаго.—„Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ и дѣятельность его на пользу русской исторіи и археологіи“—обширная монографія профессора В. С. Иконникова. Герой этого труда—Румянцовъ—личнымъ починомъ въ изысканіи историческихъ и историко-литературныхъ памятниковъ и ихъ изданіи,—умѣнемъ соединить вокругъ себя всѣхъ современныхъ ему труженниковъ—русскихъ изыскателей сѣдой старины, наконецъ обширными матеріальными пожертвованіями на пользу наукъ и просвѣщенія—стяжалъ себѣ неувыдаемую славу и признательность потомства. В. С. Иконниковъ, на основаніи печатныхъ и многихъ неизданныхъ матеріаловъ,—представилъ полный обзоръ заслугъ гр. Н. П. Румянцова отечественной исторіографіи.

„Очеркъ Турецкой войны 1829 г.“—есть отрывокъ изъ обширнаго и многолѣтняго труда военнаго писателя Н. К. Шиллера. Этотъ трудъ—весь основанный на самыхъ первичныхъ источникахъ,—до сихъ поръ хранившихся въ архивахъ, а равнымъ образомъ заключаая въ себѣ результаты, полученные историкомъ по изученіи иностранныхъ сочиненій о томъ же предметѣ,—конечно возмѣститъ тотъ пробѣлъ, который издавна существуетъ въ нашей историко-критической военной литературѣ; мы наконецъ получимъ превосходное изслѣдованіе о русско-турецкой кампаніи 1828—

1829 гг., уроки и опытъ которой, вслѣдствіе немѣня до сихъ поръ такового труда,—почти совершенно пропали для Дунайскаго похода 1854 г. и войны 1877—1878 гг.

Обширные историко-біографическіе очерки посвящены нами въ „Русской Старинѣ“ 1881 года двумъ замѣчательнымъ лицамъ, это: „Генераль-фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Бяратинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.“—предсмертный трудъ генеральнаго штаба генераль-лейтенанта Д. И. Романовскаго, а другой—очеркъ, составленный профессоромъ І. В. Бертенсономъ—и заключающій въ себѣ біографію и обзоръ ученой и общественной дѣятельности Николая Ивановича Пирогова.

Первый трудъ, при нѣкоторой односторонности и увлеченіи автора, пылкаго почитателя кн. Бяратинскаго, имѣетъ однако немаловажное значеніе—какъ первая, по времени, біографія фельдмаршала-покорителя Кавказа и въ особенности какъ трудъ писателя, весьма близко знавшаго Кавказскую войну и всю ея исторію, а потому сумѣвшаго—въ блистательномъ изложеніи писателя опытнаго и даровитаго—соединить множество весьма драгоценныхъ замѣтокъ и выводовъ для послѣдующихъ писателей объ эпопее Кавказскихъ войнъ.

Что касается до труда І. В. Бертенсона, то онъ явился крайне благовременно въ „Русской Старинѣ“—напомнивъ русскому обществу о громадныхъ заслугахъ Николая Ивановича Пирогова. Заслуги эти вслѣдъ затѣмъ были почтены въ Москвѣ,—мѣсторожденіи славнаго ученаго, хирурга и профессора, — торжественно отпразднованнымъ юбилеемъ.

Изъ прочихъ біографическихъ очерковъ, явившихся въ нашемъ изданіи къ настоящемъ году, упомянемъ: о біографіи и обзорѣ ученой дѣятельности Филарета Гумилевскаго—епископа Черниговскаго;—о біографіи генерала барона Гейсмара—стяжавшаго себѣ славу въ войнахъ 1828—1829 и 1831 гг., вполне обрусѣлаго нѣмецкаго рыцаря безъ страха и упрека, пролившаго не разъ свою кровь за новое свое отечество—Россію; о воспо-

минаніи, въ формѣ біографическаго очерка, объ Осипѣ Ивановичѣ Гладкомъ, кошевомъ атаманѣ Запорожской Сѣчи [1789—1866], сообщенномъ его сыномъ—отставнымъ полковникомъ Василиемъ Гладкимъ,—воспоминаніи, полномъ весьма интересныхъ подробностей о судьбѣ—почти сказочной—этого богатыря-атамана, сослужившаго столь славную службу съ некрасовцами своими—Русскому воинству и его Державному вождю въ 1828 году.

Очеркъ жизни императрицы Маріи Александровны—напечатанный нами къ первой годовщинѣ дня ея кончины—составляетъ первый опытъ въ довольно полномъ изложеніи оживить нравственный обликъ этой Государыни, оставившей по себѣ чувство признательности въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, признательности за ея благотворительную дѣятельность: „Красный Крестъ“,—сотни женскихъ училищъ, прогимназій и гимназій,—подъ ея высокимъ покровомъ учрежденныхъ,—пребудутъ памятниками императрицы Маріи Александровны.

Н. И. Костомаровъ—въ „Русской Старинѣ“ обзорѣваемаго года помѣстилъ статью—„Украинофильство“—трактующую по одному изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ, который еще долго и долго будетъ вызывать въ русской литературѣ горячую полемику. Не становясь ни за, ни противъ мнѣній, высказанныхъ нашимъ талантливымъ историкомъ,—мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ помѣстили его статью, что она заключаетъ въ себѣ критическій разборъ одного, увы, тайнаго извѣта, поданнаго въ административныхъ сферахъ—на малороссійскій языкъ и малорусскія книги, извѣтъ, имѣвшій однако полный успѣхъ и уже поэтому заслуживающій хотя запоздалаго разбора.

Еще большее значеніе имѣетъ монографія объ „Амурскомъ дѣлѣ и вліяніи его на Восточную Сибирь и государство“,—которой мы дали мѣсто на страницахъ нашего изданія въ обзорѣваемомъ году.—Монографія эта принадлежитъ перу Д. И. Завалишина,—въ теченіе многихъ лѣтъ весьма близко стоявшаго къ этому вопросу и съ стѣсненнымъ сердцемъ наблюдавшаго за ошибками администраціи Николая Николаевича Муравьева, его сподвижниковъ и его преемника. Многія, весьма многія пред-

видѣнія и указанія Д. И. Завалишина оправдались, и полное безкорыстія и самоотверженія его служеніе дѣйствительнымъ интересамъ Россіи—было оцѣнено весьма многими почтенными изъ разныхъ сферъ русскаго общества людьми. Это видно изъ обширнаго собранія документовъ, которымъ мы сопровождаемъ его монографію объ „Амурскомъ дѣлѣ“. Затѣмъ весь этотъ трудъ есть вкладъ въ литературу о Сибири, данный „Русской Стариной“ въ трехъ сотъ-лѣтнюю годовщину покоренія Сибири, каковое торжество праздновалось въ 1881 году.

IV.

Собраніе сырого матеріала къ отечественной исторіи, сообщеннаго „Русской Стариной“ въ 1881 году, едва-ли ни обширнѣе, чѣмъ въ какомъ либо изъ предъидущихъ годовъ.—Въ особенноти много дано нами подлинныхъ документовъ императора Александра I, еще болѣе—императора Николая I и нѣсколько первостепенной важности писемъ Александра II и документовъ его эпохи.

Александръ I — является въ нѣсколькихъ его резолюціяхъ, либо въ отношеніяхъ его къ Сперанскому—два весьма важныхъ письма котораго мы впервые напечатали въ обзорѣваемомъ году;—также къ Аракчееву, графу (впослѣдствіи князю) Ник. Ив. Салтыкову и проч.;—заботы Александра I о спасеніи различныхъ учрежденій въ Санктпетербургѣ въ 1812 г.;—ссылка Сперанскаго;—ссылка Лабзина;—донесенія высшей полиціи о еостояніи умовъ въ русскомъ обществѣ и проч. и проч., таковы документы, данные нами въ 1881 г. по отношенію къ Александру I и его времени.

Несравненно обширнѣе собраніе документовъ — представленныхъ „Русской Стариной“ этого же года для характеристики непосредственно личности императора Николая Павловича. Таковы собранія его писемъ къ Дибичу, гр. П. А. Толстому и къ разнымъ другимъ лицамъ — по поводу войнъ съ Турціей,—съ Польшей,—бунта военныхъ поселенъ,—холеры,—и что особенно и совершенно ново—это по отношенію къ Франціи 1830-го года. Эти

послѣдніе документы соединены у насъ въ особую монографію, озаглавленную: „Между двумя войнами“—1829 и 1831 годовъ. Весь эпизодъ имѣлъ мѣсто въ 1830 г. и только неожиданно, негаданно вспыхнувшее возстаніе на берегахъ Вислы отвратило императора Николая I отъ намѣренія двинуть свои легіоны на борьбу съ Франціей, изгнавшей въ это время Карла X.

Независимо отъ множества писемъ самаго Николая I—преимущественно касавшихся внѣшней его политики,—читатели конечно не пропустили документы, ярко рисующіе внутреннюю политику того же государя и его сотрудниковъ. Мы говоримъ о длинномъ рядѣ писемъ-донесеній Михаила Максимовича Фока, донесеній его шефу графу Бенкендорфу. — Фокъ былъ главою „агентовъ тайнаго надзора“. Въ этихъ донесеніяхъ, при тогдашней придавленности общественнаго сознанія и полной безгласности печати,—правительство искало откликовъ общественнаго мнѣнія—по поводу совершаемыхъ мѣропріятій.

Изъ документовъ крупной важности — послѣдующей эпохи должно упомянуть о письмахъ наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича, затѣмъ и императора, къ главнокомандующему Крымской арміей въ 1855 году. Письма эти впервые явились у насъ, въ „Русской Старинѣ“—безъ тѣхъ пропусковъ весьма существенныхъ мѣстъ, съ которыми документы эти являлись до сихъ поръ въ печати.

Двѣ замѣчательныя записки князя Николая Алексѣевича Орлова: „Мысли о расколѣ“ и „Объ отиѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ“—оба документа, представленные императору Александру II и имѣвшіе всѣмъ извѣстныя благотворныя послѣдствія,—воскрешаютъ въ памяти читателя годы реформъ, лучшіе годы минувшаго царствованія, въ то время какъ нами же напечатанная „Записка Псковскаго губернатора Б. П. Обухова“—(весьма мало, впрочемъ, въ ней повиннаго)—съ сокрушающими ее замѣчаніями нашихъ знаменитыхъ земскихъ людей Ю. Э. Самарина и кн. А. И. Васильчикова,—переносятъ насъ въ годы мрачной реакціи правительства семидесятихъ годовъ.

„Оренбургскіе пожары“—разсказъ свидѣтеля страшнаго бѣдствія, поразившаго этотъ городъ въ 1879 году. Читатели конечно замѣтили, что вѣрные издавна принятому правилу,—мы дали мѣсто и объясненію, вызванному этимъ разсказомъ со стороны мѣстной администраціи.

V.

По отношенію къ исторіи Русской литературы—„Русская Старина“ представила на своихъ страницахъ въ 1881 году:

Сатирическія вирши—временъ Екваторныи II—по поводу отнятія у монастырей имѣній,—вирши, живо рисующія темныя стороны тогдашняго монашества.

Превосходный переводъ съ еврейскаго: „Пѣснь пѣсней“, принадлежащій знаменитому нашему ученому протоіерею Герасиму Петровичу Павскому, съ біографіей котораго мы познакомили нашихъ читателей въ 1880-мъ году.

Исслѣдованіе Н. О. Крузе о баснѣ „Конь“—несомнѣнно принадлежащей, какъ оказывается нынѣ, баснописцу нашему Ивану Андреевичу Крылову и направленной противъ императора Николая Павловича по поводу удаленія имъ съ Кавказа Алексѣя Петровича Ермолова.

Характерные разсказы А. А. Краевскаго и Н. И. Куликова—о великомъ поэтѣ нашемъ А. С. Пушкинѣ и отношеніи къ нему современнаго общества и представителей власти.—Воспоминанія Куликова заключаютъ въ себѣ при этомъ нѣсколько совершенно новыхъ чертъ для обрисовки нравственной личности поэта.

Федоръ Михайловичъ Достоевскій—въ воспоминаніяхъ одного изъ ближайшихъ его друзей А. П. Мплюкова. Эти

воспоминанія относятся къ эпохѣ заточенія, ссылки и возврата изъ нея автора „Мертваго Дома“,— „Преступленія и наказанія“,— и, конечно, послужать полезнымъ матеріаломъ для его біографіи.

VI.

Каждый годъ—имѣемъ мы случай и возможность представлять нашимъ читателямъ рядъ сообщеній по отношенію къ исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи, и, конечно, никогда не опускаемъ этого случая.

Въ нынѣшнемъ году—мы имѣли счастье напечатать первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“ [1835 г.],—въ томъ видѣ, какъ онъ сложился у самаго Михаила Ивановича Глинки; говоримъ „счастіе“,—такъ какъ все, что относится къ творческой дѣятельности этого великаго композитора, имѣетъ громадный интересъ и значеніе для каждаго русскаго. Кстати, напомнимъ, что въ теченіе двѣнадцати лѣтъ—„Русская Старина“ соединила на своихъ страницахъ цѣлую бібліотеку драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для біографіи М. И. Глинки:—его записки, множество его писемъ, воспоминаній и разсказовъ его современниковъ, друзей и его сестры—Людмилы Ивановны Шестаковой, планы и замѣтки М. И. Глинки, относящіяся къ его музыкальнымъ произведеніямъ и проч. проч.

Очеркъ художника Ѳ. Ѳ. Львова—„Общество поощренія художниковъ“—знакомитъ насъ съ исторіей этого въ высшей степени полезнаго учрежденія въ первый періодъ его существованія и въ 1850—1862 гг., когда Общество вступило въ эру своей наиболее блестящей дѣятельности. Очеркъ этотъ тѣмъ болѣе получаетъ значеніе, что онъ принадлежитъ перу—бывшаго конференцъ-секретаря Императорской Академіи Художествъ, весьма много способствовавшаго къ ея возрожденію.

Профессоръ археологической живописи Ѳедоръ Григорьевичъ Солнце въ, — профессоръ - маринистъ Иванъ Константиновичъ

Айвазовскій и академикъ-граверъ на деревѣ Л. А. Сѣряковъ—три наши знаменитые художника, на которыхъ мы оставили вниманіе читателей „Русской Старины“ въ изданіи 1881-го года, представивъ статьи объ ихъ произведеніяхъ и ихъ трудовой жизни, а по отношенію къ Айвазовскому напечатать продолженіе извѣстныхъ уже автобіографическихъ его Воспоминаній.

„Моя жизнь и художественные труды“ — гравера на мѣди, академика и почетнаго вольнаго общника академіи Ивана Петровича Пожалостина — одна изъ тѣхъ автобіографій русскаго самородка-таланта, изданіе каковыхъ мы считали всегда наиболее полезнымъ и поучительнымъ, что и выяснено нами достаточно полно въ предисловіи именно къ этой автобіографіи.

VII.

Читатели наши конечно замѣтили, что изъ году въ годъ печатаемъ мы, вслѣдъ за обзоромъ двѣнадцати книгъ годоваго нашего изданія „Русской Старины“, — длинный списокъ нашихъ сотрудниковъ. Въ этомъ списокѣ особое мѣсто отводится именамъ уже усопшихъ вкладчиковъ и сотрудниковъ „Русской Старины“, таковыя имена повторяются нами съ чувствомъ глубокой признательности къ ихъ памяти и грусти при воспоминаніи о преждевременной кончинѣ этихъ людей.

Нынѣшній годъ вырвалъ изъ среды русскаго общества нѣсколько достойныхъ согражданъ, въ числѣ которыхъ были наши сотрудники: — князь Александръ Илларионовичъ Васильчиковъ, — Дмитрій Ильичъ Романовскій, — Адамъ Петровичъ Чеботаревъ и угасшій во цвѣтѣ лѣтъ и молодости Федоръ Константиновичъ Опочининъ.

Съ чувствомъ безпредѣльной скорби о кончинѣ этихъ людей и признательности къ нимъ присоединяемъ имена эти къ списку все болѣе и болѣе удлиняющемуся, — списку уже опочившихъ сномъ вѣчности нашихъ сотрудниковъ. Къ воспоминанію о Ф. К. Опочининѣ, — съ перваго же года бывшаго нашимъ усерднѣйшимъ сотрудникомъ, мы еще надѣемся возвратиться.

О другой весьма тяжелой утратѣ—нами понесенной—мы много говорили въ обозрѣваемомъ году: это смерть академика-гравера на деревѣ, нашего друга Л. А. Сѣрякова.

Въ ряду художественныхъ приложений къ книгамъ „Русской Старины“ этого года читатели наши получили еще однако портреты, исполненные художественнымъ рѣзцомъ Сѣрякова. Таковы, кромѣ заглавной виньетки,—неизмѣнно повторяющейся при каждомъ новомъ томѣ „Русской Старины“, — портреты императора Александра II, — Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова—до знаменитой раны, лишившей этого доблестнаго вождя одного глаза, — и историка Сергѣя Михайловича Соловьева.

Утрата Сѣрякова вынудила насъ обратиться къ его ученикамъ-граверамъ и мы пока не имѣемъ повода расквяться.—Гравюры художниковъ И. И. Матюшина—портреты: его учителя Л. А. Сѣрякова и генерала Гейсмара; затѣмъ гравюры художника Г. И. Грачева:—архіепископъ Филаретъ Гумилевскій, профессоръ Дмитрій Ивановичъ Ростиславовъ, профессоръ Николай Ивановичъ Пироговъ и другіе исполнены, смѣемъ думать, весьма старательно и вполне воспроизводить сходство съ оригиналами.

Въ текущемъ году, какъ и въ предъидущемъ, мы представили гелиографическіе снимки, весьма дорого стоящіе, но за то поразительно хорошо воспроизводящіе гравюры прежняго времени. Такъ мы помѣстили въ этомъ году портреты императора Павла Петровича (1797 г.)—и цесаревны, вполнѣдствіи императрицы, Маріи Александровны [1841 г.].

VIII.

Библиографическій листокъ—въ настоящемъ году—представилъ до тридцати рецензій-замѣтокъ объ историческихъ сочиненіяхъ и сборникахъ матеріаловъ къ отечественной исторіи. Почти всѣ эти отзывы—составлены В. С. Иконниковымъ, нашимъ постояннымъ сотрудникомъ, уважаемымъ профессоромъ русской исторіи въ Университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ.

Р е д.

Ницца.

12-го (24-го) ноября 1881 г.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческія
или историко-литературныя статьи и матеріалы.

1870—1881 гг.

К. К. Абаза, — В. П. Авенариусъ, — Д. В. Аверкиевъ, — И. П. Аврамовъ, —
П. Агапьевъ, — Н. Агафоновъ, — А. К. Адинцовъ, — М. П. Азанчевскій, — И.
К. Айвазовскій, — Аксаковъ, — И. И. Акутнй, — П. В. Алабинъ, — К. Алма-
зовъ, — В. А. Альфонскій, — пгумень Амвросій, — И. Амелицкій, — А. И. Ана-
стасіевъ, — И. Андожскій, — профес. И. Е. Андреевскій, — Анненковъ, — Г. В.
Антоновъ, — М. А. Антоновъ, — Г. Н. Антроповъ, — А. Апраксинъ, — графъ С.
А. Апраксинъ, — Н. А. Аргилландеръ, — И. А. Аренсъ, — проф. Н. Я. Арис-
товъ, — Арнольдъ, — О. А. Арсеньевъ, — Ш. Я. Аршеневскій, — Асташевъ, —
Астракова, — Н. П. Ахвердовъ, — А. Ю. Ашебергъ.

Баландовичъ, — В. С. Балашевъ, — О. С. Балкъ, — А. Д. и Е. Д. Баятшъ-
Каменскіе, — Н. П. Бараніусъ, — профес. С. И. Барановскій, — И. И. Барановъ, —
А. А. Баранцевъ, — А. И. Барзцовскій, — проф. Н. И. Барсовъ, — Н. П. Бар-
суковъ, — З. А. Баршъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барышиковъ, — кн. В. И.
Баритинскій, — Д. Д. Баскаловъ, — А. И. Басовъ, — Батюшковъ, — Е. П. Бах-
таловскій, — А. В. Башкатовъ, — Б. Башловскій, — кн. В. И. Башшевъ, — А. Без-
соновъ, — В. Безсоновъ, — А. Безукладинъ, — Бенуа, — Н. В. Бергъ, — П. В.
Березинъ, — Я. О. Березинъ-Шпрлевъ, — Ад. П. Берже, — Г. Берманъ, — Беръ, —
Г. В. Бертенсонъ, — Ю. В. Бертенсонъ, — М. Бестужева, — О. Бестужева, — В.
Н. Бестужевъ-Рюминъ, — проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — Р. И. Бжостовская
— Н. Влибинъ, — А. А. Бильдерлингъ, — баронъ Бистромъ, — Д. Благово, — Бо-
бровскій, — Е. Л. Богданова, — С. Богонскій, — профес. М. И. Богдановичъ, —
Н. К. Богушевскій, — И. Н. Божеяновъ, — В. А. Болотовъ, — М. П. Боло-
товъ, — А. Бораенко, — Я. И. Борзцовскій, — В. А. Борисовъ, — Боричевскій, —
С. М. Бороднй, — А. А. Бородулинъ, — М. О. Бороздинъ, — А. К. Бошнякъ; —
П. О. Брандъ, — проф. А. Г. Брикнеръ, — А. Бруннеръ, — А. П. Брянцевъ, —
В. О. и В. О. Булгарины, — А. Булыгинъ, — Е. О. Буринскій, — Н. О. Бурцовъ, —
Бутаковъ, — баронъ Буфлеръ, — гр. М. Д. Бутурлинъ, — М. Быковъ, — Н. Д. Бы-
ковъ, — акад. А. О. Бычковъ, — О. Бычковъ, — А. Бѣлаго, — К. Бѣлевичъ, — Н.
А. Бѣлозерская, — А. П. Бѣляевъ, — баронъ О. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель, — М. С. Валевскій, — В. В. фонъ-Валь, — А. Варакомскій, —
Н. П. Васильева, — К. И. Васильевъ, — И. И. Васильевъ, — А. П. Васильевъ, —
П. П. Васильевъ, — А. А. Васильчиковъ, — Н. Васьковъ, — Н. В. Вахтинъ, —
Веденянинъ, — В. Н. Ведерниковъ, — П. Вейль, — П. И. Великопольскій, — Ве-
личковскій, — А. Величковъ, — Вельминъ, — М. А. Веневитиновъ, — А. А. Всно-

цанова,—М. И. Венюковъ,—А. И. Веригинъ,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весипъ,—Н. И. Викинскій,—Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—Ф. А. Витбергъ.—Н. П. Вишняковъ,—Владимірова,—М. Владыкинъ,—И. Влодзиміръ,—П. П. Возницинъ,—А. Ф. Волковъ,—кн. Волколскій,—И. И. Володгинъ,—И. В. Володгинъ,—П. П. Волховской,—Волыарлярская,—Н. А. Воронихинъ,—П. А. Вороновъ,—Вороновъ,—Н. Я. Воскобойниковъ,—П. М. Востоковъ,—Н. Н. Рохинъ.—баронесса Вревская.—баронъ В. А. Вревскій,—Вудъ,—И. В. Вунчъ,—А. Н. Вульфъ,—А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—М. Н. Галкинъ-Врасскій,—К. И. Гамаринъ,—А. Гакъ,—А. Д. Галаховъ,—Е. А. Ганъ,—Гвоздиковъ,—В. И. Гейсмаръ,—К. Гелпигъ,—Н. В. Гербель,—А. А. Герке,—Герцыкъ,—П. П. фонъ-Гець,—Гилюсъ,—В. О. Гладкій,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Ф. Н. Глинка.—П. Гловацкій,—Глуховъ,—Гнѣдичъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—Н. И. Головачъ,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—А. В. Головинъ,—К. Д. Головшиковъ,—К. М. Голодниковъ,—И. А. Голышевъ,—Голубевъ,—В. В. Голубовъ,—А. Н. Гончаровъ,—И. Ф. Горбуновъ,—А. Гордопъ,—М. Горплещкій,—М. П. Горловъ,—М. Городецкій,—проф. А. Д. Градовскій,—А. Е. Гревъ,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—Н. В. Гурбери,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свещ. В. Гурьевъ,—А. Н. Гусевъ.

В. Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Данильченко,—Г. Е. Дахновичъ,—П. Я. Дашковъ,—П. П. Девп,—Н. Д. Де-ла-Флисъ,—А. П. Демидовъ,—В. Ф. Де-Пуле,—Фонъ-Дерфельденъ.—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—В. А. Дзюбенко,—Дятроптовъ,—Дмитріевъ,—Н. Г. Дмоховскій, Ф. Н. Добрянскій,—Довголевскій,—В. Док-ій,—кн. В. Долгоруковъ,—А. Долгоруковъ,—П. П. Должиковъ,—Домонтовичъ,—Живко Драговичъ,—А. М. Дреникинъ,—кн. С. В. Друцвой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій,—Н. Ф. Дубровинъ,—М. Л. Духонинъ.

К. Евментьевъ,—Еврепновъ,—А. Е. Егоровъ,—от. П. П. Еланскій,—кн. Енгальчевъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—А. Ерошенинъ,—А. П. Есповъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—Н. Ф. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—В. И. Жмаинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—Журавскій.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—И. Е. Забѣлинъ,—Д. И. Завалишинъ,—Л. А. Загоскинъ,—В. Заенчиковскій,—Т. М. Заишевичъ,—Д. Н. Замитинъ,—А. Зандрокъ,—Заржецкій,—Я. И. Заринъ,—А. Г. Затлеръ,—И. Захарьянъ,—профес. Н. Ф. Здекауеръ,—А. К. Зейдеръ,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Зиссерманъ,—М. З. Зиоровъ,—І. Э. Змунчила, рожд. Стогова,—А. Змѣевъ,—В. А. Золотовъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. В. Зубова,—В. А. Зыбинъ,—А. Н. Зырповъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иваннина,—Н. И. Ивановъ,—А. В. Ивановъ,—И. Ивановъ,—Л. Б. Ивановскій,—от. И. Иващенко, —Ю. В. Иверсенъ,—А. Игнатовичъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—К. В. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—М. А. Имбергъ,—В. А. Инсарскій,—Л. С. Исарловъ,—Н. О. Истинской,—Г. Θ. Исѣевъ.

Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казипа,—Казинъ,—А. Г. Казначеевъ.—П. С. Калачевскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—Θ. А. Каменскій,—А. Канаринъ,—вн-ня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнисть,—П. А. Карабинъ,—А. А. Карасевъ—М. В. Карасевъ,—П. П. Каратыгинъ,—Н. Н. Каргопольцевъ,—М. А. Карлинъ,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ,—С. Д. Карповъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. Карцевъ,—Н. С. Кашеняъ,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—М. Кельдышъ,—проф. И. П. Келеръ,—Н. П. Кельшъ,—баронъ Кене,—Т. Кибальчичъ,—А. Н. Кириллчъ.—Кирилловъ,—Киселевъ,—П. А. Китицнъ,—Θ. Н. Кишенскій.—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—А. С. Клеваповъ,—П. Клениковъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Θ. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Г. А. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коведаевъ,—М. М. Ковязинъ,—Козадаевъ.—Д. И. Козелнинъ,—А. Козловскій,—С. Козловскій,—И. Козминскій,—Н. И. Коленскій,—А. Кокосовъ,—Колачевскій,—А. Коленковскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—бар. М. Колмчевъ,—В. А. Комаровъ,—гр-ня Н. М. Коновницна,—Д. А. Копьева,—И. П. Корнйловъ,—Г. А. Корозо,—Корчевскій,—Ю. В. Косова, рожденная Кухельбекеръ,—Я. И. Костенецкй,—профес. Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ,—Н. П. Косаровскй,— гр. П. Е. Коцебу,—А. А. Краевскй,—А. А. Красильниковъ,—В. А. Краснокутскй,—И. И. Красовскй,—А. Я. Креминской,—В. В. Крестовскй,—Н. Θ. Крузе,—М. Круповичъ,—П. А. Крыжановскй,—А. Крыловъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—В. В. Кузминъ,—Г. Кузминъ,—А. Кузнецовъ,—С. Е. Кулеша,—Н. И. Кудиковъ.—П. А. Кулишъ,—акад. А. А. Купиъ,—М. А. Куплетскй,—И. К. Куприяновъ,—вн. Куракинъ,—М. Куроптевъ,—М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскй,—А. М. Лазаревскй,—Д. Н. Лазаревъ,—Г. А. Лазовъ,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларионова, рожден. Соловьева,—С. Лашваревъ,—А. С. Лашкевичъ.—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ.—Н. А. Лебедевъ,—П. П. Лебе.—О. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—С. Л. Левпцкй,—О. И. Левпцкй,—А. А. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ,—Леончъ,—А. Ф. Леопольдовъ.—В. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ,—Д. Д. Лисенко,—К. Ф. Де-Ливронъ,—М. И. Лилеевъ,—В. И. Лихачевъ,—А. В. п А. Н. Линины,—вн. А. Б. Лобановъ—Ростовскй,—П. В. Лобановъ,—А. Ломачевскй.—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ,—С. Ц. Лопаткая.—Е. А. Лопушинскй,—Г. В. Лохвицкй,—Лузинскй,—В. К. Лудкй,—А. Львова,—Л. Θ. Львовъ,—Θ. Θ. Львовъ,—В. И. Лѣтвицнъ,—Любарскй.—И. Людмиловъ,—И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскй,—О. Маевскй,—Л. Н. Майковъ,—В. Н. Майновъ,—И. В. Майновъ,—С. М. Макарова,—от. П. Макаровъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—И. П. Малаховскй,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—К. А. Маньковскй,—А. Н. Марграфской,—А. Маринъ,—П. И.

Мартосъ, — А. А. Мартыновъ, — П. Мартыновъ, — кн. Н. Масальскій, — Н. В. Масловичъ, — Е. П. Масловъ, — А. Н. Матвѣевъ, — Н. Е. Матвѣевъ, — У. П. Матвѣевъ, — В. В. Матте, — И. И. Матюшинъ, — Ив. Матченковъ, — П. И. Мацѣевичъ, — Д. С. Мацѣевичъ, — И. А. Мачинскій, — К. Медоксъ, — бар. Мейендорфъ, — Н. К. Меллеръ, — П. И. Мельниковъ, — П. Н. Меншиковъ, — А. Е. Мерцаловъ, — А. Мечинскій, — Н. Мечъ, — Мешетичъ, — А. А. Мизеровъ, — Н. Д. Мизко, — М. О. Микѣшинъ, — проф. О. Θ. Миллеръ, — Θ. Б. Миллеръ, — гр. Г. А. Милорадовичъ, — А. П. Милуковъ, — Милуковъ, — М. А. Милютина, — Ю. Н. Милютинъ, — Г. Мипъ, — С. Мипропольскій, — М. П. Митковъ, — В. Мпхайловъ, — Д. Л. Михайловскій, — от. М. И. Мпхайловскій, — Г. Мпхельсонъ, — Г. О. Мпшинъ, — А. Θ. Можаровскій, — А. А. Морганъ, — гр. А. А. Мордвиновъ, — Д. Л. Мордовцевъ, — А. Л. Морпновъ, — А. И. Моржевичъ, — П. Морозовъ, — Д. К. Морозъ, — Е. Т. Морошкина, — И. Л. Морошкинъ, — Я. Морошениа. — А. П. Мулковскій, — Н. Н. Мурзакевичъ, — Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ, — Надеждинъ, — от. А. Накропинъ, — П. Θ. Нарбутъ, — Н. Нарохиинцѣй, — А. С. Наставинъ, — П. И. Неболсннъ, — Н. К. Невзоровъ, — Я. М. Невѣровъ, — Е. С. Некрасова, — И. Некрасовъ, — Нелпдовъ, — Несвѣтаевъ, — А. Н. Неустроевъ, — О. Ф. Нечаевъ, — Неѣловъ, — С. А. Никитенко, — М. Г. Николаевъ, — баронъ А. П. Николаи, — А. А. Пикольскій, — проф. В. В. Никольскій, — Нпкулнъ, — М. Д. Нпловъ, — Д. Нпловъ, — графъ Нпродъ, — Л. Л. Нпчпаевскій, — Н. Новнцѣй, — А. Г. Новоселовъ, — С. Д. Носъ.

Кн. А. А. Оболенскій, — кн. Д. А. Оболенскій, — С. Оболенскій, — кн. Ю. Оболенскій, — Огаревъ, — П. Огивскій, — С. Ф. Огородниковъ, — Озеровъ, — Ю. А. Ознобишинъ, — Мъ. Я. Ольшевскій, — П. О. Омельяненко, — И. И. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. В. Орловъ, — Г. А. Орловъ, — Н. М. Орловъ, — П. А. Орловъ, — И. Т. Осипинъ, — проф. М. А. Осокинъ, — гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ, — П. Осѣдкѣй, — М. Очкинъ.

Л. Н. Павлпщевъ, — П. Д. Павловскій, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ, — В. Θ. Павловъ, — Н. Палибинъ, — С. М. Палицинъ, — А. В. Пальчиковъ, — А. А. п В. А. Панаевы, — Н. И. Пановъ, — П. А. Панчулдзевъ, — С. Θ. Папроцкѣй, — Θ. Θ. Пардалоцкѣй, — П. Д. Паренцовъ, — И. В. Паскачинъ, — В. Пассекъ, — Т. П. Пассекъ, — Пафнутьевъ, — В. К. Пашковъ, — В. Пашенко, — И. Пеньковскій, — Г. Г. Перетъ, — профес. I. Перволюфъ, — Перфильева, — Н. А. Перфильевъ, — Э. П. Перповъ, — Г. П. Петерсонъ, — С. Петровскій, — Ал. П. Петровъ, — Ал. П. Петровъ, — Андр. Н. Петровъ, — П. Н. Петровъ, — П. Н. Петровъ, — от. Пирлингъ, — Н. В. Пирожковъ, — С. П. Писаревъ, — В. В. Плакннъ, — А. А. Плансонъ, — Платонова, — А. А. Пovalo-Швейковскій, — А. Θ. Подвысоцкѣй, — И. П. Поддубный, — И. Е. Подтягинъ, — Θ. Подтягинъ, — Подушннъ, — Подшиваловъ, — акад. И. П. Пожалостннъ, — Е. Ц. Поздѣевъ, — А. П. Покровскій, — В. Θ. Покровскій, — П. Н. Полевой, — Н. А. Поливановъ, — В. Н. Поливановъ, — А. С. Полонскій, — Я. П. Полонскій, — В. Поляковъ, — И. В. Помяловскій, — А. Пономаревъ, — Θ. Пономаревъ, — А. Е. Поповъ, — Анд. Н. Поповъ, — Василій Петр. Поповъ, — И. С. Поповъ, — Михаилъ И. Поповъ, — Николай Поповъ, — Нпль А. Поповъ, — Порошина, — В. О. Португаловъ, — Н. В. Потокской, — М. Н. Поквисневъ, — Н. Н. Правиковъ, — П. Я. Прейвъ, — А. Преображенскій, — Н. М. Пржевальскій, — А. О. Пржецлавскій, — П. Г. Пржецлавскій, — Д. И. Прозоровскій, — М. С. Прокудннъ-Горскій, — Н. Н. Прота-

совъ,—С. В. Протопоповъ,—С. Д. Пташицкій,—Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ,—П. А. Пущкаревъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—А. П. Пятковскій.

М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—А. Распоповъ,—Н. А. Ратынскій,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Регменскій,—Н. Б. Реутскій,—графъ Ржевускій,—Людмила Ив. Рикордъ,—А. Θ. Ряттихъ,—Д. А. Ровянскій,—П. Роговъ,—Д. П. Родіоновъ,—А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розень.—Д. А. Рокотовъ,—Г. Θ. Романенко-Щирый,—А. Н. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—А. Роспоповъ,—Н. И. Ростиславовъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубавинъ,—С. А. Рудакова,—Рудаковъ,—К. Рудницкій,—Н. Рудиковскій,—баронъ В. Р. Румель,—Руничъ,—Н. Рымдовскій,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

П. И. Саввантовъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ,—И. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Д. Садовниковъ,—Садовскій,—Н. Θ. Сазоновъ,—В. Саитовъ,—В. Самаринъ,—Н. Θ. Самаринъ,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамоцкинъ,—Свистуновъ,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ.—Селливановъ,—Н. Н. Селлифонтовъ.—А. Селлиховъ,—В. И. Семеновскій,—П. Семеновъ,—К. К. Сентъ-Илеръ,—Сергѣевъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—Л. М. Сердюкова,—Серно-Соловьевичъ,—Сеславина,—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Сняльничковъ.—А. Н. Сиротининъ,—Р. П. Ситовскій,—Сквальковскій,—Г. Н. Скакони,—А. И. Скандеръ,—В. Скнилскій,—В. Скоробогатый,—Θ. М. Скородумовъ,—В. Смирновъ.—Д. И. Смышляевъ,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—В. Соколовскій,—акад. Θ. Г. Солнцева,—О. А. Соловьева,—от. П. Соловьевъ,—А. И. Сомовъ,—Р. Сорочкинъ,—Т. А. Сосновскій,—П. Т. Софienко-Сухомлиновъ,—проф. П. Д. Спасовичъ,—А. Л. Спасскій,—И. Спреогинъ.—А. Старъ,—Н. И. Стародубскій.—Старостинъ.—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—С. В. Стебницкинъ,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Стороженко,—П. Строевъ,—Стронинъ,—В. Я. Стоунинъ,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—А. И. Стригонскій,—Р. Строгановъ,—Н. С. Стромилъ.—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступининъ,—А. А. Суворовъ, князь Италійскій графъ Рымнискій,—С. Судаковъ,—І. М. Суденко,—С. Н. Сулима,—от. А. И. Сулоцкій,—Н. А. Султанъ-Брымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Судинскій,—С. П. Сусоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татаринъ,—Темниновъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Т. Тимановскій.—Тимофѣевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимошукъ,—В. П. Титовъ,—Н. Н. Титовъ,—И. Тихомировъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня А. И. Толстая,—П. С. Толстой,—Томашевъ,—Н. Е. Топчиевъ.—Л. Н. Трефолевъ,—В. Г. Трироговъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Д. А. Троцинскій,—А. Н. Труворовъ,—Туранъ-Мирза-Барановскій,—Турау,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Тучковъ,—И. И. Тѣльновъ.

М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—А. И. Фелькнеръ,—А. Фехнеръ,—М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ—А. П. Филоsofoва,—В. С. Флѣринъ.—К. Н. Фляге,—О. Е. Франкъ,—баронъ А. А. Фредериксъ,—бар. В. А. Фредериксъ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—Фрезе,—А. Г. Фрикентъ.

А. Ханъ-Аговъ,—Хмѣльницкій,—П. Г. Хоменко,—П. Ф. Хомутовъ,—от. О. Хорошунувъ,—А. Н. Хребтовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Цвилевъ,—С. О. Цвѣтковъ.

Чайковскій.—графъ Э. К. Чапскій,—А. И. Чарторижскій,—И. А. Чернавскій,—Чешихинъ,—В. Н. Чеховъ,—Г. С. Чириковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,—проф. Я. А. Чистовичъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. и П. А. Чумиковы,—Н. К. Чупинъ,—А. Экземпларскій.

И. И. Шамшевъ,—кн. Ив. Шаховской.—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—Б. С. Швыревъ,—П. В. Шейнъ,—А. В. Шереметевъ,—Л. И. Шестакова,—Н. И. Шигановъ,—Н. К. Шильдеръ,—Шимановъ,—О. О. Шиманъ,—Н. Ширяевъ,—А. Д. Шишковъ,—А. Шеляревскій.—А. О. Шляйснеръ, Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шамаковъ,—М. О. Шогуровъ,—Н. К. Штрандманъ—Б. Б. Шульцъ,—Б. В. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ.

П. К. Щебальскій.—М. П. Щербининъ—Н. Н. Шукинъ.

Н. Юнгъ,—П. И. Юркевичъ.

А. И. Языковъ.—Д. Языковъ,—С. М. Якимакъ,—В. А. Яковлевъ.—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Е. И. Якушкинъ.—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Янковскій,—П. Ясницкий,—Ястржембскій,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвилъ, рожденная Орлова.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать съ признательностію ниже-слѣдующихъ покойныхъ лицъ: А. П. Арбузовъ,—А. И. Артемьевъ,—А. Н. Афанасьевъ,—Я. П. Баулановъ,—князь А. И. Барятинскій,—Е. А. Бестужева,—М. А. Бестужевъ,—профес. О. М. Бодянский,—профес. И. Д. Бѣляевъ.—И. Д. Варпаховскій,—Кн. А. И. Васильчиковъ,—Н. В. Веригинъ,—А. С. Вороновъ,—Г. Н. Геннади.—А. О. Гильфердингъ,—А. К. Гриббе,—В. И. Даль.—П. М. Дараганъ,—Н. Н. де-Прерадовичъ,—Н. П. Дуровъ.—И. И. Европеусъ,—К. К. Злобинъ,—И. О. Золотаревъ,—К. А. Зыбинъ.—Ф. В. Каразинъ.—В. Н. Карамзинъ,—А. М. Каратыгина, рожденная Колосова,—П. А. Каратыгинъ,—Г. И. Кузьминскій,—от. К. Кустодіевъ,—А. М. Княжевичъ,—М. В. Кюхельбекеръ—П. П. Ламбинъ,—профес. П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ,—Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—кн-ня С. А. Мадатова,—М. А. Марковъ,—П. К. Менковъ,—Г. И. Мигринъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—О. Н. Муратовъ,—П. А. Мухановъ,—О. К. Опочининъ,—акад. П. П. Некадскій,—А. Н. Поповъ,—О. А. Пржедавскій,—М. М. Рангъ,—В. О. Ратчъ.—Д. И. Романовскій,—А. И. Рыжовъ,—И. И. Свѣзевъ,—Д. И. Скобелевъ,—проф. С. М. Соловьевъ,—Э. И. Стоговъ,—акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ,—К. Н. Тихонравовъ,—В. И. Фелькнеръ,—И. Р. фонъ-деръ Ховень,—А. В. Фрейгангъ.—М. Д. Хмыровъ,—В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чеботаревъ и К. В. Чевкинъ,—сообщенныя имъ Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамильные архивы (напр., К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старинѣ“ и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1881 году.

Въ 1881 г. экземпляры «Русской Старины» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Акмолинской обл.	25	23. Забайкальскомъ окр	40
2. Амурской обл.	9	24. Закаспійскомъ отд.	4
3. Архангельской губ	15	25. Заравшанскомъ окр	6
4. Астраханской	31	26. Иркутской губ	43
5. Бакинской	24	27. Казанской	77
6. Батумской обл.	10	28. Калишской	17
7. Бессарабской губ.	64	29. Калужской	57
8. Варшавской	61	30. Карской обл.	10
9. Виленской	40	31. Кіевской губ	150
10. Витебской	27	32. Ковенской	23
11. Владимірской	95	33. Костромской	48
12. Вологодской	31	34. Кубанской обл.	34
13. Волинской	58	35. Кульджинскомъ районѣ	6
14. Воронежской	76	36. Курляндской губ.	15
15. Выборгской	6	37. Курской	120
16. Вятской	62	38. Кутанскаго	8
17. Гродненской	32	39. Кѣлецкой	6
18. Дагестанской обл.	20	40. Лифляндской	36
19. Донской обл.	72	41. Ломжинской	16
20. Екатеринославской обл	138	42. Люблинской	26
21. Елисаветпольской губ	14	43. Минской	32
22. Енисейской	27	44. Михельской	1

45. Могилевской губ.	26	73. Смиръ-Дарьинской обл.	33
46. Московской	66	74. Тавастгуской губ.	1
47. Нижегородской	33	75. Таврической.	87
48. Новгородской	54	76. Тамбовской	87
49. Нюландской.	5	77. Тверской	72
50. Олонедкой	14	78. Терской обл.	20
51. Оренбургской	43	79. Тифлисской губ.	73
52. Орловской	94	80. Тобольской	24
53. Пензенской	50	81. Томской	35
54. Пермской	86	82. Тульской	69
55. Петровской	12	83. Уральской обл.	8
56. Плоцкой	11	84. Уфимской губ.	21
57. Подольской.	53	85. Ферганской обл.	14
58. Полтавской	121	86. Харьковской губ.	124
59. Приморской обл.	8	87. Херсонской	190
60. Псковской губ.	43	88. Черниговской	64
61. Радомской.	12	89. Черноморскомъ окр.	2
62. Рязанской	59	90. Эриванской губ.	12
63. Самарской	46	91. Эстляндской.	13
64. С.-Петербургской	81	92. Якутской обл.	12
65. Саратовской	66	93. Ярославской губ.	68
66. Семипалатинской обл.	12		
67. Семирѣченской обл.	15		Итого 3326
68. Симбирской губ.	95	II. Въ Москвѣ.	714
69. Смоленской.	53	III. Въ С.-Петербургѣ (съ до- ставкою и безъ доставки)	1135
70. Ставропольской	32	IV. За границу	68
71. Сувалкской.	7		Всего 5803
72. Сѣдлецкой	18		

Завѣдывающая экспедиціей журн. „Русск. Старина“. К. Ѡ Кармалина.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XXXII ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1881 г.

ОКТАБРЬ, СЕНТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Абакумовъ, сенат., генер.-интендантъ арміи, 1829 г., 298, 564, 565.
Абдерахманъ-паша, 1829 г., 574.
Абрамовъ, Ив. Борисов., поруч. генеральн. штаба, декабр., † 1856 г., 611.
Авдѣевъ, 1826 г., 524.
Аврамовъ, И. П., ссылка на доставлен. имъ письма гр. Н. П. Румянцева, 227.
Ага-Мамедъ-ханъ, персидс. шахъ, 1786 г. † 1796 г., 450—452.
Аделунгъ, Ф., ученый, 1816 г., 59, 237.
Адлербергъ, гр., Влад. Фодор., генер.-адъют., ин-ръ двора и удѣловъ, 289, 301, 718.
Айвазовскій, Ив. Конст., художн.-ма-ринистъ, р. 1817 г., 127.
Акимовъ, капит.-лейтен., 1800 г., 768.
Алабинъ, Петръ Вас. Сообщ. замѣтку по поводу „Отрывка изъ Записокъ кн. В. П. Васильчикова“, 209—217.
Александра Феодоровна, имп-ца, р. 1798 † 1860 г., 289, 293—297, 301, 569, 619, 710, 713, 884, 885.
Александровскій, 1826 г., 230.
Александровъ, граверъ, † 1863 г., 361, 362.

Александръ I, импер., р. 1777 † 1825 г.
Рескриптъ о прекращеніи жестокаго обращенія съ солдатами, 12 іюня 1804 г., 659—660; письма гр. Н. И. Салтыкову, 19 апр., 13 іюня и 4 іюля 1812 г., 662—665; всеподдан. рапортъ кн. М. И. Голенщикова-Кутузова 1812 г., 665—666; рескриптъ кн. М. И. Голенщику-Кутузову, 3 окт. 1812 г., 666; слова, обращенныя къ гр. А. А. Аракчееву, по окончаніи отечественной войны, 887—888; два повелѣнія гр. Тормасову 1817 и 1818 г., 666—667; толки и настроеніе умовъ въ Россіи, по донесеніямъ высшей полиціи въ С.-Петербургѣ съ авг. 1818 по 1 мая 1819 г., 667—676; вѣдомость о происшествіяхъ въ Москвѣ 2 февр. 1820 г., 677; всеподдан. письмо гр. В. П. Кочубея, 10 нояб. 1822 г., 881—882; резолюція по случаю похоронъ княгини Кутузовой, 24 іюля 1824 г., 882—883. Упом. 53, 55, 78, 104, 163—187, 207, 220, 312, 319, 454—465, 514, 529, 530, 599, 606, 618—630, 729—731, 769, 884, 903, 919, 920.

- Александръ II**, Императоръ, р. 1818
† 1 марта 1881 г. Слова, обращенныя
къ наказному атаману, 1853 г., 85;
всеподдан. письма кн. Паскевича, 20 и
25 февр. 1855 г., 903—904; переписка
съ кн. Паскевичемъ и кн. Горчако-
вымъ 1855 г., 899—906; отрывокъ изъ
посвятительнаго письма кн. М. А. Обо-
ленскаго, 1856 г., 347; приездъ въ Ниж-
ній-Новгородъ, 18 авг. 1858 г., 139—
140. Упом. 142, 223, 345, 375, 417, 516,
517, 533, 559, 587, 690, 697.
- Александръ III**, Императ., р. 1845 г., 904.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, р. 1629
† 1676 г., 910—915.
- Алихъ-паша**, турецк. военачальн., 1829 г.,
562, 573.
- д'Алонвиль**, графъ, 1826 г., 172.
- Аминовъ**, Густавъ Густавов., полковн.,
1843 г., 683—688, 701, 703.
- Анастасевичъ**, Вас. Григор., служащ.
въ Комм. Законовъ, р. 1775 † 1845 г.,
59, 345, 348.
- Андреевъ**, Андрей Осипов., управл. ря-
занск. палатою госуд. имущ. и попеч.
сиротнтельнаго учил., 1856 г., 112,
125—134, 355—357.
- Анненкова**, Прасковья Ни., жена дека-
бриста, 1827 г., 593.
- Анненковъ**, Ив. Александр., поруч. ка-
валергард. пол., декабр., 423—424.
- Анненковъ**, ген.-адъют., 1855 г., 900.
- Анрепъ**, генер., 1804 г., 724.
- Анрепъ**, полковн., 1830 г., 741, 745.
- Аполдошь**, архимандр., 1785 г., 68.
- Араччеевъ**, гр., Алексѣй Андр., р. 1769
† 1834 г., 163, 182, 201—208, 307, 359,
514, 522, 534, 666—670, 887, 888.
- Арбузовъ**, Антонъ Петр., лейт. гвард.
экипажа, декабр., † 1866 г., 622.
- Ариольди**, Алексд. Ив., нмѣ генер.-
лейт., 684.
- Ариольди**, Ив. Карл., генер., 684.
- Арсеній**, митропол., 641.
- Арсеньевъ**, Алексд. Ильичъ, горн. вѣж.,
управл. Петровскимъ заводомъ, 1827 г.,
598—600, 651.
- Артемовъ**, подполковн., 1855 г., 211.
- Архатовъ**, Дмитрій, сотскій, 114.
- Арцыбашевъ**, Никол. Серг., ученый,
1824 г., 232, 245.
- Астафьевъ**, Владим. Вас., капнт., ротн.
команд., 1840 г., 254, 263—272
- Ахмедъ-Бей**, турецк. военачальникъ,
1829 г., 573.
- Баграціонъ**, кн., Петръ Ив., ген.-паф.,
р. 1756 † 1812 г., 664, 889.
- Баграцскій**, докторъ, 768.
- Базилевскій-Браневичъ**, об.-секрет.
московск. сената, 1826 г., 520, 540.
- Бажункиъ**, Мих. Алсд., адъют. вел. кн.
Михаила Павловича, 1831 г., 500,
501, 713.
- Балашевъ**, Алсд. Дмитр., ген.-адъют.,
ми-ръ полиціи, 1812 г., р. 1770 † 1837 г.,
185, 219, 220, 881.
- Бантышъ-Каменскій**, Никол. Никол.,
управл. московск. архив. ми-ва иностр.
дѣлъ, † 1814 г., 48, 55—59.
- Барановъ**, штб.-капнт., 600.
- Барклай-де-Толли**, кн., Мих. Богданов.,
ген.-фельдм., р. 1761 † 1818 г., 457, 889.
- Барсуковъ**, Никл. Платонов. Сообщ. При-
мѣчанія къ письмамъ А. И. Турген-
ева, 1827—1845 гг., 337—350.
- Бартековъ**, Пт. А., редакт. журнала
«Русскій Архивъ», 375, 424—426.
- Баршъ**, Захаръ Александр. Сообщ. Раз-
сказъ: «Облорскій возмутитель въ
1840-хъ гг.», 377—386.
- Барышниковъ**, Вас. Петр., адъют.,
1823 г., 103.
- Варятинскій**, кн., Алсд. Ив., намѣстн.
Кавказск., вполнѣд. ген.-фельдмарш.,
р. 1815 † 1879 г., 217, 218.
- Варятинскій**, кн., Алсд. Ив., ротмист.
лб.-гв. гусарск. пол., декабр., † 1814 г.,
427, 632.
- Васаргикъ**, Никл. Вас., поруч. лб.-гв.
егерск. пол., декабр., † 1861 г., 425,
426, 654.
- Васикъ**, В. В., художн., 1868 г., 369.
- Васнакова**, Елисавет. Ив., рожд. Наюде-
нова, 679, 680, 704.
- Васнаковъ**, Александръ Никитичъ, 616.
- Васнаковъ**, Алексѣй Петров., войско-
вой старшина, 679, 680, 704.

- Ваташевъ**, Галактионъ Степ., 649.
- Ватенковъ**, Гавр. Степ., подполкв. корн. инженер. пут. сообщ., декабр., † 1863 г., 610, 655.
- Вахметьевъ**, генер., 1812 г., 727.
- Вахметьевъ**, ген.-губернат. Казанск., 1826 г., 178.
- Вачишваревъ**, 1826 г., 536.
- Вашидовъ**, ген.-майоръ, 1828 г., 106.
- Ведринъ**, оренб. плацъ-адют., 1827 г., 775—778.
- Веноскиновъ**, Конст. Степан., генер., 1840 г., 387.
- Везобразовъ**, генер., 1844 г., 694—698.
- Вевродный**, сенаторъ, 1829 г., 298, 564, 565.
- Вечасный**, Влад. Александр., прапорщ., декабр., † 1859 г., 655.
- Везлемшелеъ**, 1843 г., 684.
- Везовичъ**, кн., 1840 г., 26.
- Велингъ**, проф. музыки, 1826 г., 330.
- Веллинггаузенъ**, 1823 г., 560.
- Венкендорфъ**, гр., Александр. Христоф., генер.-адют., шефъ корн. жандарм. р. 1788 † 1844 г., 163—194, 303—336, 519—560, 882.
- Венкендорфъ**, конкеръ, 266.
- Веннингсенъ**, гр., Леонтій Леонтьев., генер. отъ кавалер., главноком., р. 1745 † 1826 г., 889.
- Вергъ**, гр., Фед. Фед., генер., 1829 г., вполсѣд. ген.-фельдм., намѣстн. Царства Польск., р. 1794 † 1874 г., 477, 478, 716.
- Бередииковъ**, Я. И., 1837 г., 346, 350.
- Верже**, Адольфъ Петр., дс. ст. совѣт., предсѣд. Кавказск. Археографич. комисіи. Критическій обзоръ VIII Т. «Агтовъ кавказск. Археографич. Коммисія», издан. подъ его редакціей, 445—449; перечень главнѣйшихъ трудовъ его, 449. Сообщ. замѣтку: «Графъ Войновичъ въ Персіи въ 1781 г., 450.—Два отрывка пзъ исторіи Персіи, 450—452; Молитва для мусульманъ, составленная А. П. Ермоловымъ въ 1820 г., 454.
- Вердяковій**, М. О., инспект. Кіевск. гимназіи, 1815 г., 226—230, 250.
- Верловскій**, таможен. чиновн., 1815 г., 609, 617.
- Версековъ**, граверъ, 135.
- Вертексонъ**, Іосифъ Васил., докт. медицинны. Ссылка на его статью: «Никл. Иванов. Пироговъ и его профессорская, ученая и общественная дѣятельность», 221.
- Вертракъ** (Bertrand), генер. франц. служ., 1813 г., 729.
- Верхъ**, Вас. Н., собиратель матеріал. въ Пермск. краѣ, 225, 242, 244, 623.
- Вестушева**, рожд. Селиванова, 647.
- Вестушева**, Елена Александр., † 1873 г., 394, 426, 592—657.
- Вестушевъ**, Александр. Александр. (Марлинскій), штб.-капит. лб.-гв. драгунс. пол., писатель-декабр., † 1837 г., 426, 591—632, 886, 887.
- Вестушевъ**, Мих. Александр., штб.-кап. лб.-гв. московск. пол., декабр., р. 1800 † 1871 г. Записки его: 591—658; упом. 95, 97, 394—412, 423—426, 763—765.
- Вестушевъ**, Никл. Алсд., капит.-лейт. 8 флотск. экип., декабр., † 1855 г., 390, 394, 423—427, 591—658.
- Вестушевъ**, Пав. Александр., 591.
- Вестушевъ**, Петръ Александр., мичманъ, † 1840 г., 616, 622, 628.
- Вибинова**, Екат. Ив., рожд. Муравьева-Апостола, жена саратовск. губернат., 1840 г., 8, 9, 20.
- Вибинова**, Софья Никл., во втор. замуж. Шоanova, 699, 702.
- Вибиновъ**, адют., 1828 г., 482.
- Вибиновъ**, Мих. Никл., полковн. генералъ., штаба, † 1845 г., 699.
- Вибиновъ**, саратовск. губерни., 1840 г., 8.
- Вистромъ**, генер., 1831 г., 498—501.
- Владовъ**, колл. сов., чиновн. ми-ва финанс., 1826 г., 171.
- Вледовскій**, полковн. польск. службы, 1831 г., 748.
- Вобриковскій**, офиц. кавалергардс. полка, 1826 г., 319.
- Вобрищевъ-Пушкинъ**, Пав. Сергѣев., поруч. генералън. штаба, декабрьскъ † 1865 г., 3.

- Богдановичъ, Модестъ Ив., военн. писатель, 104.
 Божъ, адмиралъ, 417.
 Бойльш, камергеръ, 1826 г., 319.
 Борксова, Анна Алексѣевна, въ замуж. Жданова, 576, 587, 589.
 Борисова, Екат. Алексѣевна, въ замуж. Тебенъкова, 576, 585—589.
 Борисовъ, о. Алексѣй, священ. Успенской цер. въ гор. Ельць, 1800 г., 575, 576.
 Борисовъ, Андр. Ив., поруч., декабр., † 1854 г., 614.
 Борисовъ, Ив. Алексѣев., см. Иннокентій, архіеп. херсонск. и таврич.
 Борисовъ, Матвѣй Алексѣев., 1800 г., 576, 584—589.
 Борисовъ, Петръ Ив., подпоруч., декабр., † 1854 г., 614, 657.
 Боровиковскій, худ., проф. акад., 365.
 Боровиковъ, Алсд. Алсд., чинов. мн-на госуд. имущ., 126.
 Бородавскій, Серг. Осипов., помѣщ. Курск. губ., 123, 129.
 Воронинъ, К. М., помечт. слб. учебн. окр., 1809 г., 48, 323.
 Воронинъ, ген.-лейт., 1820 г., 458.
 Воуръ, ген.-лейт., инспект. Брестской и Украинской инспекціи, 1804 г., 659, 660.
 Вроггаузенъ, чиновн., 1826 г., 169.
 Вронскій, ген.-губернат. Сибири, 430.
 Вронниковъ, сотникъ, 1852 г., 391.
 Вруни, Ф. А., рект. акад. худож., 131.
 Врюдловъ, Карлъ Пам., проф. акад. худож., † 1852 г., 127, 374.
 Врюммеръ, полковн., 1831 г., 510.
 Вудалосовскій, генер., 1864 г., 415—417.
 Вудбергъ, генер., 1829 г., 568.
 Вудбергъ, бар-са, Марія Николаевна, 1853 г., 393.
 Вулановъ, аудиторъ, 1827 г., 776—779.
 Булгаковъ, Конст. Яковл., слб. почтъ-директ., 1826 г., 169.
 Вудлаковъ, майоръ, 1829 г., 562.
 Булгаринъ, Фаддей Венедиктов., писат. р. 1789 † 1859 г., 610.
 Булычева, рожд. Кузнецова, 648.
 Булычевъ, камеръ-юнкеръ, 1848 г., 648, 657.
 Вурцевъ, полковн., 1828 г., 718.
 Буссе, И., бывш. секретарь гр. Н. П. Румянцова, 226.
 Буссе, генер., начальн. штаба въ Восточ. Сибири, 1857 г., 96, 398, 399, 412.
 Бутинъ, Мих. Дмитр., золотопромышлен., 1859 г., 403.
 Бутковъ, Ив. Петр., хс. ст. сов., корп. штабъ-докт., 1823 г., 103.
 Буторинъ, А. М., пятидесяти., начальн. казакъ, 1844 г., вынѣ есаулъ въ отставкѣ, 382.
 Бутурлинъ, ген.-майоръ, ген.-квартирмейст., 1824 г., воен. писат., 459.
 Вызовъ, об.-кругъ-комписаръ, 1823 г., 103, 104.
 Вѣликовъ, ротн. команд., 1840 г., 270.
 Вѣликовскій, Виссарионъ Григор., писат., р. 1810 † 1848 г., 375.
 Вѣлюевъ, кнж., Зинаида Александр., въ зам. кн. Волконская, † 1862 г., 598.
 Вѣлева, въ замуж. Паулеръ, 6.
 Вѣлевъ, Алсд. Петр., р. 1803 г. Сообщ. свои «Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.» Гл. XVI—XXIII (Окончаніе) 1—46; 251—286, 679—704.
 Вѣлевъ, Петръ Петр., мичманъ гвард. экпн., декабристъ, † 1865 г., 1—4, 256—281, 683—696.
 Вюлеръ, бар., Ф. А., 55.
 Вагануло, жандармс. генер., 652.
 Вадковскій, Фед. Федор., прапорщ., декабр., † 1844 г., 20.
 Валькиъ, Яковъ, голландс. художн., 1654 г., р. 1628 † 1670 г., 915.
 Василевскій, учнт. русс. словесности, 606, 608.
 Васильчиковъ, кн., Викт. Илар., начальн. штаба Севастопольс. гарнизона, 1855 г., вносн. товарищъ военн. мн-ра, ген.-адъют. Ссылка на «Отрывки изъ его Записокъ», 209—217, упом. 684.
 Васильчиковъ, кн., Иларіонъ Васил., ген.-адъют., р. 1776 † 1847 г., 553.
 Вауль-Шеттоминъ, арестантъ-самоубѣ, 1844 г., 381—386.
 Вахтенъ, ген.-майоръ, начальн. штаба 6-го пѣх. корп., 1829 г., 295, 296.

- Веберъ, Гиларій (Ф. Антоновъ), ссыльво-
каторжный, 408, 409.
- Вегелинъ, Александръ Ив., декабр., 45,
254—273.
- Веймаркъ, Ив. Ѳедор., офиц. генер.
штаба, 1828 г., 483, 487.
- Веймаркъ, П. Ѳ., генер., начальн. штаба
гвард. корп., 1831 г., 498, 499, 503, 508.
- Велекиусъ, офиц., † 1840 г., 269, 270.
- Величю, директ. оренбургс. таможни,
1827 г., 770.
- Вельтманъ, Алсд. Ѳомичъ, писат., р.
1800 † 1870 г., 342.
- Вельяминовъ, Алексѣй Александровъ,
ген-лейт., нач. Кавказс. обл., 1835 г.,
† 1838 г., 217, 218, 279, 447.
- Венеровская, Вѣра Антоновна, 1844 г.,
680, 681.
- Венеровская, Олимпіада Ив., 1844 г.,
680—687.
- Венеровская, Татьяна Аванас., 1844 г.,
680—683.
- Венеровскій, Ив. Львов, казачій офиц.,
1843 г., 682, 683.
- Венеровскій, Левъ Антонов., полковн.,
1844 г., 680—689.
- Венцель, И. И., исправл. должн. ген-
губернат. Восточн. Сибири, 1856 г.,
410, 412.
- Венцель, юнкеръ-куррьеръ, 1859 г., 400.
- Венюковъ, Мих. Ив. Сообщ. замѣтку
къ историческому очерку Д. И. Рома-
новскаго: «Князь А. И. Барятинскій и
Кавказская война», 217, 218.
- Верезкинъ, Ѳедоръ Никол., оеиц., 284.
- Верещагина, г-жа, 1826 г., 312.
- Веригина, Елисавет. Ив., въ замуж. Туч-
кова, 516.
- Веригинъ, Александръ прап., 1827 г.,
476, 477, 483, 510.
- Веринскій, гофъ-юнкеръ, 1654 г., 912.
- Веселюкскій, генер. - лейт., начальн.
штаб. оренбургс. корпуса, 1827 г., 771,
776, 779, 781.
- Вестелиусъ, проф. Акад. Худож., 132.
- Видемальдъ, проф. Акад. Худож., 132.
- Видліе, баронетъ, Яковъ Вас., дс. тв.
сов., лб.-медикъ, 687.
- Вильчювскій, верчинскій исправн.,
1851 г., 369.
- Виноградовъ, Евгений Николаев., казна-
чей рязанс. палаты государ. имущ.,
1852 г., 119.
- Висковатовъ, чинов., 1826 г., 172, 314.
- Витгенштейнъ, гр., Петръ Христ., ген.
фельдм., р. 1768 † 1843 г., 101, 663, 889.
- Витте, докторъ, 1829 г., 288, 291.
- Виттъ, гр., корпусн. команд., 1829 г.,
566, 567, 706, 717.
- Вишневскій, Ѳ. Г., лейтен. гвардейс.
экип., декабр., † 1856 г., 423.
- Виельгоровскій, гр., камеръ-юнкеръ,
1819 г., масовъ, 674.
- Воейковъ, Алсд. Ѳед., писат., р. 1773
† 1839 г., 610.
- Войновичъ, гр., контръ-адмир., 1781 г.,
450, 451.
- Войновъ, генер., начальн. гвардейс. кор-
пуса, 1825 г., 458, 487.
- Волковъ, флэг.-адъют., 1855 г., 901.
- Волжонская, княгиня, 1826 г., 191.
- Волжонская, кнг., Зинаида Александр.,
рожд. внж. Бѣлосельская, † 1862 г., 598.
- Волжонская, кнг., Марія Никл., рожд.
Раевская, жена декабриста, 1827 г.,
593, 612, 654.
- Волжонскій, кн., Петръ Мих., мн-ръ
двора и фельдм., р. 1776 † 1852 г.,
423, 524, 655, 666, 667, 675, 786.
- Волжонскій, кн., Серг. Григор., ген-
маіоръ, декабр., † 1865 г., 423, 427,
654, 656.
- Вольскій, худож., † 1868 г., 369.
- Вольфъ, Фердинандъ Богданов., штабъ
лекаръ при главной кварт. 2-й арміи,
1825 г., декабр., † 1854 г., 430, 433,
596, 603, 613.
- Ворожцовъ, кн., Мих. Семенов., ген-
фельдмарш., намѣстн. кавказс., р.
1781 † 1856 г., 33, 687, 692, 699, 717.
- Ворожцовъ, гр., Сем. Романов., русс.
посоль въ Лондонъ, р. 1744 † 1832 г.,
235, 465.
- Ворошиловъ, селевгинс. купецъ, 644.
- Востоновъ, Алсд. Х., акад., 1841 г.,
59—72, 240—247, 349.
- Востоновъ, Никл. Мих., ссылка на со-

- ставленное имъ изложеніе автобіографіи Н. Н. Шинова, 162.
- Врангель, бар., капит., 1829 г., 716.
- Врангель, ген.-лейт., 1855 г., 901.
- Вревскій, бар., Ипполитъ Александр., капит. генер. штаба, 1840 г., вполгвд. ген.-лейт., † 1859 г., 6, 283, 693, 699—703.
- Вревскій, бар., Н. А., штаб.-капит., 266.
- Вронченко, гр., Фед. Пав., дс. тн. сов., мн-рь фин., † 1852 г., 82.
- Вуколовъ, о. Іоаннъ Іосифов., свящ. 1841 г., ссылка на доставленныя имъ письма Инокентія, архіеп. херсон. и таврич. къ свящ. Вас. Фед. Климентову, 1822—1835 г., 575—590.
- Вуль-Караджичъ, сербс. ученый, 232.
- Вульффертъ, секрет. лютеранс. епископа, 1826 г., 330.
- Вяземская, княж., Екатерина Андр., въ замуж. Карамзина, р. 1780 † 1851 г., 337, 338, 342.
- Вяземскій, кн., Петр. Андр., писат., р. 1792 † 1878 г., 337, 342.
- Вязмитиновъ, Серг. Козьмичъ, ген.-инф., военн. мн-рь, 1804 г., 660, 661.
- Гагаринъ, кн., 1826 г., 319.**
- Гагаринъ, кн., вице-презид. акад. худож. 1859—1864 г., 366, 369.
- Газе, ученый, библиотек. королев. парижс. библиотекы, 1819 г., 59, 61, 64, 232, 234.
- Галафѣевъ, дивизионн. ген., 1840 г., 268.
- Галашинъ, полковн., 1828 г., 483.
- Гамалѣй, Платонъ Яковл., инспект. морс. корпуса, 604, 605.
- Ганнибалъ, 1826 г., 322, 323, 551.
- Ганъ, полковникъ, 1840 г., 274, 275.
- Гаргилъ, Мартынъ Никл., ген.-майоръ, ген.-квартирмейст., 1817 г., † 1824 г., 457, 459.
- Гассельманъ, консулъ нѣмец. націй, 1815 г., 609, 610, 617.
- Гаотфортъ, бывш. ген.-губернат. Сибирн., 377, 378.
- Ге, худож., проф. акад., 1863 г., 364.
- Гемелинскій, 1826 г., 540.
- Геймъ, Н. А., бывш. проф. моск. ун-в., 767.
- Гейсмаръ, бар., Алексд. Фед., полковн., 1858 г., 754.
- Гейсмаръ, бар., Алексій Фед., 754.
- Гейсмаръ, бар., Анатолій Фед., 756.
- Гейсмаръ, В. И. Сообщ. біографическій очеркъ «Баронъ Ф. К. Гейсмаръ» 721—762.
- Гейсмаръ, бар., Клементій, камергеръ двора кор. Пруссіи, 1783 г., 722.
- Гейсмаръ, бар., Федоръ Клементьевичъ, ген.-адъют., р. 1783 † 1848 г. Біографическій о немъ очеркъ, 721—762; ушом. 570, 706.
- Гейсмаръ, бар—са, рожд. Гердеръ, 730—734, 753—762.
- Гейсмаръ, бар—са, рожд. княж. Гика, 726.
- Гейсмаръ, бар—са, въ замуж. гр-ня Грабянка, 754, 756.
- Гезеренъ, см. Дантесъ-Гезеренъ.
- Гердеръ, Федоръ, 1815 г., 731.
- Гердеръ, въ замуж. бар—са Гейсмаръ, 730—734, 753—762.
- Гермакъ, Фед. Ив., адъют., 1827 г., 786.
- Герцель, (Искандеръ), Алсд. Ив., писатель, 820.
- Герштейнцвейгъ, флиг.-адъют., 1855 г., 899.
- Геттухъ, правит. канцел. спб. военн. ген.-губернатора, 1819 г., 671.
- Гика, княж., въ замуж. бар—са Гейсмаръ, 726.
- Гладкій, Осипъ Мих., ген.-майоръ, кошевой атаманъ Запорож. Сѣчи, 1823 г., р. 1789 † 1866 г., 101, 482.
- Глазенапъ, г-жа, 1828 г., 494.
- Гладковъ, генер., 1822 г., 881.
- Глазуновъ, Ив. Ил., вниѣ спб. городс. голова, 376.
- Глинке, Фед. Никл., полковн., 1819 г., 671.
- Глѣбовъ, офиц., 1845 г., 701.
- фонъ-Говербежъ, тн. сов., вел. канцл. при Бранденбургс. дворѣ, 1654 г., 911—914.
- Гоголь, генералъ, воспитатель вел. кн. наследника-цесаревича, 1860 г., 617.
- Гоголь, Софья Мих., рожд. Степанова, 617.
- Гоголь, Никл. Васил., писат., р. 1809 † 1852 г., 127.
- Голенищова - Кутузова - Смоленская,

- вѣт., Екат. Ильинична, рожд. Бибикова, р. 1754 † 1824 г., 882.
- Голенкищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, кн., Мих. Иларіонов., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., 665, 666, 886.
- Голенкищевъ-Кутузовъ, Пав. Вас., ген.-адъют., слѣб. военн. губернат., 1827 г., р. 1772 † 1849 г., 553, 884—886.
- Голицынъ, кн., Алсд. Никл., об.-прокур. слюда, р. 1773 † 1844 г., 220, 312, 338—349, 551, 671—675.
- Голицынъ, кн., Алексд. Серг., офиц. 16-гв. конн. артлл., 1823 г., 109.
- Голицынъ, Алексд. Ѳеодор., фл.-адъют., 1843 г., 684.
- Голицынъ, кн. Андрей Мих., полковн., об.-квартирьерейст., 1828 г., 106.
- Голицынъ, кн., Никл. Серг. Сообщ. свон «Записки 1825—1855 гг.», гл. VIII, 101—110; упом. 461.
- Голицынъ, кн., Серг. Серг., офиц., 1828 г., 109.
- Головиновъ, Пав. Ив., полковой докт., 1841 г., 278, 285, 286.
- Головинъ, ген.-адъют., нач. отряда, 1828 г., 102, 107, 295, 712.
- Головинъ, Аполлонъ Серг., докт., 1863 г., 361—363.
- Головинъ, Евгеній Алексдр., ген.-инф., главноуправл. Закавказ. крѣмь, 1840 г. 42, 46, 278.
- Гоморопуло, офиц. генеральн. штаба, 1828 г., 488.
- Гончаровъ, И. А., писат.-роман., 375.
- Горбачевскій, Ив. Ив., подпор., декабр., † 1869 г., 423, 651—655.
- Горещій, 1826 г., 192.
- Горюхино, Марія Ѳеодоровичъ, инсп. морс. корпуса, 1814 г., 608, 609.
- Городецкій, Митрофанъ. Сообщ. по правку къ «Запискамъ» И. В. Селяванова, 678; замѣтку къ статьѣ Н. П. Собко: «Л. А. Сяряковъ», 920.
- Горюхино, 1829 г., 495.
- Горчаковъ, кн., Алсд. Мих., янцл., 902.
- Горчаковъ, кн., Андр. Ив., генер., 1824 г., 468.
- Горчаковъ, кн., Мих. Дит., главнокоманд. крымс. арміей, 1855 г., впо- слѣд. намѣств. Царс. Польск., 1851 г., р. 1792 † 1861 г., 209—216, 895—905.
- Горчаковъ, кн., Петръ Дмит., ген.-квартирмст. армін, 1829 г., впослѣд. ген.-губернат. Запад. Сибири, 1839 г., р. 1789 † 1868 г., 479, 481, 716, 890—895.
- Горчаковъ, кн., бывш. ревельск. военн. губернат., 769.
- Госманъ, 1826 г., 184.
- Граббе, Пав. Христофоров., ген., команд. войсками на Кавказѣ, 1840 г., 6, 262—283, 692.
- Грабиква, гр., польск. помѣщ., 756.
- Грабинна, гр.-ня, рожд. бар-са Гейсмаръ, 754, 756.
- Граховскій, Тимофей Никл., проф. московс. унив., 47, 339, 820.
- Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмир. черноморс. флота, 1829 г. 289—301, 566—568, 706.
- Гречъ, Никл. Ив., писатель, р. 1787 † 1867 г., 610, 621, 622.
- Григоровичъ, Д. В., секрет. общ.-ва поощр. художн., 374.
- Григоровичъ, И., протоіерей, 1821 г., 59, 62, 69, 225—245.
- Григорьевъ, Вас. Васил., проф. слѣб. унив., 389.
- Гриммъ, бар., 1773 г., 50, 51.
- Громкицкій, Петръ Ѳеодор., поруч., декабр., † 1851 г., 596.
- Грозъ, Яковъ Карл., янцл., 51, 346, 365, 367, 376.
- Гульневичъ, корпусн. докт., † 1831 г., 505.
- Гуржо, генер.-лейт., команд., войсками на кавказ. линіи, 1843 г., 33, 688, 689.
- Гурьевъ, гр. Дмитрій Алексдр., мн-ръ финансовъ, съ 1810—1823 г., р. 1751 † 1825 г., 172, 190, 672.
- Гуссейнъ-паша, турецк. военачальн., 1829 г., 294, 708.
- Густавъ III, король шведскій, 1783 г., † 1792 г., 346.
- Давидова, Александра Ив., жена декабриста, 1840 г., 3, 593.
- Давыдовъ, А. И., директ. вѣтурманс. корпуса, 604.

Давыдовъ, Вас. Львов., отставн. полковн., декабристъ, † 1855 г., 2, 632.
 Давыдовъ, Денисъ Васил., ген.-лейт., партизанъ, 1812 г., поэтъ, р. 1784 † 1839 г., 727, 728.
 Давыдовъ, кн., 1839 г., 347.
 Дадіани, кн., фл.-адъют., полковн., 447.
 Даниловичъ, Игнатій Никл., проф. моск. унив., 1840 г., р. 1789 † 1843 г., 244, 345, 347.
 Дантиесъ-Гемеренъ, Георгъ-Карлъ, поруч. кавалергардс. полка, 1837 г., 337.
 Дашкова, кн., Екат. Романовна, рожд. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 51.
 Дашковъ, штаб.-капит., 1827 г., 800.
 Дверницкій, генер., 1830 г., 741—745.
 Дейеръ, поручикъ, 265.
 Дейхманъ, Оскаръ Алексд., управл. петровскимъ заводомъ, 651.
 Деллингогаузенъ, бар., ген., 1829 г., 710.
 Демидовъ, курс. гражд. губерн., 1836 г., 755, 756.
 Деморъ, Н. Ф., капит., 1833 г., ссылка на его рассказъ о гр. А. А. Аракчевѣ, 201.
 Депрерадовичъ, ген.-адъют., 1828 г., 102—105.
 Дершавинъ, Гавр. Романов., писат., мн-ръ юстиціи, р. 1743 † 1816 г., 363, 365, 376.
 Дершау, 1826 г., 193.
 Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдм., р. 1785 † 1831 г., 287—302, 307, 324, 457—504, 561—574, 705—720, 745—761, 882, 883, 886, 887.
 Дивовъ, мичманъ гвардейс. экпн., декабр., † 1839 г., 264—268.
 Дитмаръ, подпоруч. генеральн. штаба, 1828 г., 488.
 Димитріева-Мамокова, гр-ня Марія Александровна, 1818 г., 667.
 Дмитриевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., мн-ръ юст., писатель, р. 1760 † 1837 г., 49, 53, 54, 190, 248, 250, 768.
 Докучаева, Александра Ив., 1844 г., 686.
 Докучаевъ, Ив. Ив., докторъ, 1844 г., 685—687.
 Долгорукій, кн., Илья, адъют., 1828 г., 482.
 Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., ген.-

адъют., военн. мн-ръ, 1855 г., в послѣд. шефъ жандарм., 1858—1863 г., 516, 517, 901, 902.
 Долгоруковъ, кн., Вас. Васил., шталмейст., 1813 г., 5, 684.
 Долгоруковъ, поруч. артил., 1833 г., в послѣд. подполковн., 201—207.
 Донской, Петръ Павл., рязанс. окружн. начальн., 1855 г., 114—123.
 Дорагаля, П. М. Сообщ. въ 1875 г.: «Письма-донесенія М. М. Фока къ гр. А. X. Бенкендорфу, 1826 г.», 163—194, 303—336, 519—560.
 Достоевскій, Федоръ Мих., писатель, † 1881 г., 877.
 Дружининъ, Яковъ Алексдр., чиновн. мн-ва финан., 1826 г., 171.
 Дружининъ, Хрисанфъ Мих., португей-бранорш., 1827 г., 773—803.
 Дубовскій, 1826 г., 209.
 Дубровский, ученый, 63, 70, 71, 244.
 Дундузовъ-Корсаковъ, кн., А. М., адъютантъ, 1845 г., 701.
 Дурново, ген.-майоръ, 1828 г., 488.
 Дылевъ, худож.-скульпт., 1868 г., 369.
 Дюгамель, офиц. гвард. ген. штаба, † 1829 г., 299.
 Дюрютъ (Durutte), ген.-лейт. франц. служ., 1812 г., 727, 728.
 Дятловскій, помощн. рязанс. окружн. начальн., 115.
 Евгеній, (Болховитиновъ) митрополитъ Киевск., р. 1809 † 1837 г., 48—73, 226—246, 345—348, 816.
 Евгений Викрембергскій, принцъ, ком. 7 корп. русск. арміи, 1828 г., р. 1788 † 1857 г., 487, 616.
 Ефимовъ, Никл. Ив., в послѣд. графъ, ген.-лейт., начальн. лѣваго крыла кавказской линіи, 1856 г., 218.
 Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г., 48—54, 77, 78, 319, 331, 341—346, 513, 514, 634, 767, 768.
 Елизавета Алексеевна, имп-ца, р. 1779 † 1826 г., 463, 667, 669.
 Ермолаевъ, А. И., худ.-археологъ, конферентъ-секрет. Акад. Худ., 1809 г., 48—63, 245.

Ермоловъ, Алексій Петр., ген.-лейт., р. 1777 † 1861 г., 40, 217, 280, 323, 332, 333, 375, 406, 445—449, 454, 532—539, 552.

Ершовъ, Никл. Ив., майоръ, 1840 г., 42.

Ершовъ, корабельн. мастеръ, 618.

Есаковъ, артвд. офиц., 1845 г., 699.

Ефимовъ, Николай Ефимов., помощн. волостн. писара, 1857 г., вполгд. уч-къ Акад. худож., 117—134, 360—369.

Ефремовъ, Петръ Алексдр., 375.

Жадовскій, полковн., 1831 г., 501.

Жандръ, 1826 г., 191.

Жданова, Анна Алексѣевна, рожд. Борисова, 576, 587, 599.

Ждановъ, Адрианъ Егоровичъ, диаконъ Воскресенск. собора въ гор. Ельцѣ, 1837 г., 576, 583—590.

Жемчужниковъ, ген.-лейт., 1827 г., 773.

Жерве, Карлъ, секрет. русск. миссiи въ Константинополь, 1826 г., 470—476.

Жоиник, генер., 1817 г., 621.

Жуковская, 1826 г., 539.

Жуковский, Вас. Андр., писат., р. 1788 † 1852 г., 337, 344.

Жуковский, Е. М., губернат. Читы, 1862 г., 411.

Журалевъ, 1826 г., 540.

Жадовскій, гр. Александръ, 1826 г., 319.

Завалишина, Елена Иринарховна, 395—410, 426.

Завалишинъ, Дмитрій Иринарх., лейт., 1825 г., быв. декабр. Сообщ. очеркъ: «Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и Государство», 75—100; письма къ нему разныхъ лицъ по дѣламъ Сибири и Амурскаго края, съ 1839—1863 г., 387—418; изъ своихъ «Записокъ».—Пребываніе декабристовъ въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ, 1827—1840 гг., 419—434. Упом.: 3, 627, 643.

Загорѣцкій, Никл. Александр., поруч. генеральн. штаба, декабр., 273—274.

Загрязскій, поруч., 1828 г., 103, 104.

Захревскій, генер., 1828 г., 533.

Захревскій, гр., Арсеній Андр., ген.-адъют., московск. генер.-губернаторъ, 1856 г., 115, 116.

Забѣоскій, майоръ, 1829 г., 295.

Замятинъ, 1826 г., 189.

Замятинъ, Н. А. рязанск. губернат., 1857 г., 117—132, 351—358.

Запольскій, Пав. Ив., губернат. Забайкальской обл. и наказной атаманъ забайкальск. казачьяго войска, 1853 г., 392—410.

Запольскій, свящ., 1856 г., 916—918.

Заравъ, Деметій, засѣдатель, 111, 115, 116.

Засоз, генер., началън. закубанск. отряда, 1840 г., 45, 46, 253—271, 447.

Звенигородскій, Яковъ Ив., полковн., 1828 г., 103.

Зейдеръ, Фридрихъ, пасторъ, докт. философіи, р. 1771 † 1834 г., 768.

Зиновичева, г-жа, 1831 г., 510.

Ибрагимъ-паша, Виддинскій сераскиръ, 1828 г., 735—739.

Ивановъ, 1809 г., 48.

Ивановъ, адъют., 1826 г., 540, 779.

Ивановъ, ген.-лейт., † 1828 г., 486, 492.

Ивановъ, П. И., 1840 г., 347.

Ивашева, Камилла Петр., рожден. леданткю, жена декабриста, 5.

Ивашева, въ замуж. кнг. Жованомая, 5.

Ивашева, въ замуж. Язымова, 5.

Ивашевъ, Вас. Петр., ротмстр., декабр., † 1840 г., 5, 598.

Игельстромъ, Конст. Евстаф., декабр., 255—261, 610.

Игельстромъ, генер., 256.

Игнатьевъ, Никл. Павл., ген.-адъют., бывш. русск. посолъ въ Константинополь, имѣя мн-ръ внутреннхъ дѣлъ, 95, 412.

Измайловъ, К. А. Сообщ. изъ своихъ воспоминаній рассказъ о гр. А. А. Аракчеевѣ, 201—208.

Ишониновъ, Влад. Степ., проф. кіевск. унив. Статья его: «Очеркъ изъ русской исторіографіи: Графъ Никл. Петр. Руманцевъ. Дѣятельность его на пользу разработкы русской исторіи и археоло-

ги», 47—74, 225—250. Сообщ. Библиографическій листокъ: отзывы о новыхъ книгахъ (на оберткѣ книгъ IX—XII).

Ильинская, Екат. Дпт., рожд. Остарцева, 612—614, 643.

Ильинскій, Дпт. Захаров., докт. въ Читѣ, 611—614, 632, 643.

Имбергъ, таможен. чиновн., 1815 г., 609, 617.

Инокентій, архіеи. пркучс., 641, 642.

Инокентій, (Ив. Алексѣев. Ворисовъ) архіеи. херсонск. и таврич., р. 1800 † 1857 г. Письма его къ священ. Василию Климентову, 1822—1855 гг., 575—590; упом.: 123, 141, 142, 346, 347.

Иностранцевъ, прапорщ., 1829 г., 710.

Исаковъ, Никл. Вас., фл.-адъют., полк., 1845 г., 701.

Исидоръ, архіеишк., вполсгд. экзархъ Грузіи, 1844 г., нывѣ спб. митрополитъ съ 1856 г., р. 1799 г., 704.

Искрицкій, подпоруч. генеральн. штаба, 1828 г., 483, 488.

Иенссенъ, проф. скульпт., 1868 г., 369.

Иоанитъ, архиманд., 1840 г., 586.

Иорданъ, Фед. Ив., проф. акад. худож., грав. на мѣдѣ, 123—136, 351—374.

Ивадаевъ, офицеръ генеральн. штаба, 1828 г., 483, 492—495.

Ивацковский, ген.-лейт., масонъ, 769.

Ивакирскій, Я. Д., жандармск. майоръ, пладъ-майоръ, вполс. генер., 600, 651.

Ивакинъ, ссылка на перевод. имъ письма М. А. Фока къ гр. А. Х. Бенкендорфу, 1826 г., 560.

Иванчевъ, помѣщикъ, 1818 г., 667.

Иваиаровъ, Михаилъ, чиновн. мн-ва фивнавс., 1826 г., 172.

Иваовинъ, селенгивскій почтмейст., 652.

Иваидовичъ, Конст. Фед., проф. моск. унверс., писатель, р. 1792 г., 49—73, 235—250.

Иваичевъ, Н. В., ссылка на доставлен. имъ письмо кв. Фед. Вас. Ростопчина къ А. Д. Балашеву, 1814 г., 219—220.

Ивалугина, Ларисса, 1868 г., 394.

Иваиеневъ, офиц., 1827 г., 785.

Иваиелскій, гр., Никл. Мих., ген.-инф., главнокоманд. дунайской арміей, 1809 г., р. 1776 † 1811 г., 726, 773.

Иваиенскій, гр., Серг. Мих., ген.-инфант., р. 1772 † 1834 г., 486.

Иваиовъ, сотникъ, 1843 г., 688, 689.

Иваиарскій, польск. агитаторъ, 1838 г., 761.

Иваидиискій, Петръ, порчаниск. купецъ, 1852 г., 391.

Иваиеринъ, гр., Егоръ Франц., ген.-инф., министръ фивнавс. съ 1823—1844 г., † 1845 г., 171, 172, 309—334, 523—548.

Иваи-Георгій (Георгій-Черный), Сербскій князь, 1808 г., 725.

Иваиановна, Софья Львовна, 5, 6.

Иваиавина, Екат. Авдр., рожд. княж. Ваземская, р. 1780 † 1851 г., 337, 338, 342.

Иваиавина, Софья Никл., р. 1802 г., † 1856 г., 338, 342.

Иваиавинъ, Вас. Мих., 339.

Иваиавинъ, Никл. Мих., историографъ, р. 1766 † 1826 г., 48—69, 239—248, 338, 348.

Иваиаревъ 2-й, штб.-капит., 1840 г., 269, 275—277.

Иваиаргофъ, Вильгельмъ Иван., адъют., 1828 г., 103.

Иваиарцовъ, Петръ Кондрат., адмир., директоръ морск. корпуса, 1814 г., 609.

Иваиасперова, помѣщица, 1846 г., 141.

Иваиачаловъ, капит. 2-го ранга, 619, 620.

Иваиаченовскій, Мих. Трофимов., проф., рект. моск. унв., 1839 г., р. 1775 † 1842 г., 55, 241.

Иваиаширевъ, В., издат. журн. «Заря», 1869 г., 764.

Иваиане, В., баронъ. Сообщ. историческую замѣтку: «Посольство Порошина въ Берлинъ, 1654 г.», 910—915.

Иваиашевъ, П. И., ученый, 63, 70—72, 232, 235.

Иваиригивовъ, заводск. начальн., 688.

Иваириновскій, городничій, 601.

Иваирилъ, патриархъ Иерусалимскій, 1861 г., 152.

Иваириева, Ольга Алексѣевна, въ замуж. Новикова, 1868 г., 370—371.

- Екряевъ, Ив. Вас.**, праворицк., лекабристъ, 423.
- Екряевъ, Никл. Алексѣев.**, 1869 г., 363, 370—374.
- Екселевъ, гр., Пав. Дмит.**, ген.-адъют., мн-рь госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., 119, 288, 298, 516, 570, 712, 717, 718.
- Еладищева, г-жа**, 1828 г., 494.
- Елеймихель, гр., Петръ Андр.**, ген.-адъют., главноуправл. пут. сообщенія, 204—206, 552.
- Елментовъ, о. Насилій Ѳед.**, свящ. Введенской цер. въ гор. Ельцѣ, 1822 г., † 1857 г. Письма къ нему Инокентія, архіеп. херсон. и таврич., 1822—1855 г., 575—590.
- Елциій, гевер.**, нач. польскихъ войскъ, 1830 г., 741, 748.
- Елоссе, штабный лекарь**, 1828 г., впоследствии бывш. старшій врачъ лб.-га. преображенск. пол., 106.
- Елуге-фонъ-Елугенау, бар.**, Францъ Карл., ген.-лейт., р. 1791 † 1851 г., 281.
- Емелинновъ, коммерціи сов.**, 1826 г., 535, 536.
- Емкинъ, офиц. лейбъ-гусарскаго полка**, 1826 г., 172.
- Емелиничъ, бывш. ген.-адъют.**, адмир. и военн. губернат. Кронштадта, 891.
- Емеловскій, полковн.**, 216.
- Емелинновъ, полковн., помощн. начальн. штаба гарнизона**, 1855 г., 215.
- Еводавлевъ, Осипъ Петр.**, мн-рь внутр. дѣлъ, съ 1810—1819 г., рол. 1754 † 1819 г., 672.
- Евѣминъ, Гавр. Аванасьев.**, 1837 г., 585.
- Евелевичевъ, Вас. Павлов.**, португей-прапорщ., 1827 г., 763—804.
- Евелевичевъ, Алексд. Петр.**, золотопромышленникъ, 1840 г., 1—8.
- Евлеродо, генер. австрійск. службы**, 1812 г., 728.
- Евлюсовскій, А.** Сообщ., чрезъ посредство Н. В. Калачева, письмо кн. Ѳед. Вас. Ростовчина къ А. Д. Балашеву, 1814 г., 219—220.
- Евлюшинъ**, 1826 г., 319.
- Евмаровскій, гр., Евграфъ Ѳедотов.**, ген.-адъют., команд. отдѣльн. корп. внутр. стражи, 1826 г., † 1843 г., 325, 884—886.
- Евндашовъ, В. А.** Сообщ. Письма Инокентія, архіеп. херсонск. и таврич. къ Вас. Ѳед. Климентову, свящ. Введенской цер. въ гор. Ельцѣ, 1822—1855 г., 575—590.
- Евновкицына, графиня**, 1826 г., 173, 191.
- Евостантиновъ, полиц. чиновн.**, 1826 г., 309, 310.
- Евостантиновъ, П. К.**, грав.-академ., 1868 г., 369.
- Евостантинъ Павловичъ, вел. кн. цесарев.**, р. 1779 † 1831 г. Донесеніе ген.-маіора Шульгина, 9 февр. 1820 г., 676—677, письмо генерала Потанова, 10 дек. 1826 г. и отвѣтъ на него цесаревича, 918—920. Упом. 177, 188, 319, 320, 332, 496—504, 528, 746, 882, 889.
- Евриловичъ, Алсд. Основ.**, штабс-капит. гвард. генеральн. штаба, декабр., † 1835 г., 610.
- Евриловъ, Владим. Александр.**, адмиралъ, † 1854 г., 209.
- Еврсавовъ, маіоръ**, 1829 г., 562, 717.
- Еврсавовъ, Мих. Семенов.**, воен. губернат. Забайкальск. Обл., 1857 г., 90, 96, 97, 395—418.
- Евर्फъ, баронъ**, корпусн. командиръ, 1823 г., 458.
- Евर्फъ, гр., Модестъ Андр.**, чл. госуд. сов., р. 1800 † 1876 г., 375.
- Евотанда, ген.-лейт.**, 1863 г., 834.
- Евцебу, Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ**, писат., р. 1781 † 1819 г., 53, 673.
- Евцебу, гр., Пав. Евстаф.**, ген.-адъют., начальн. главн. штаба на Кавказѣ, 1851 г., 45, 209, 210, 900.
- Евчубей, гр., Викт. Пав.**, мн-рь внутр. дѣлъ, вносл. госуд. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., 177, 560, 670, 880, 881.
- Евчелевъ, Алексд. Иванов.**, писатель, 1842 г., 820.
- Евраббе, лейтен.**, впоследствии морской мн-истръ, 684.
- Еврасноутовскій, Семенъ Григор.**, дс. ст. сов., об.-прокур. сената, декабрьск., † 1841 г., 259, 560.

Красноутешій, поруч., 1840 г., впо-
слѣд. ген.-адъют., 260.
Красовскій, Асанацій Ив., ген.-лейт.,
1829 г., † 1843 г., 287—300, 570, 574,
706—717.
Брейцъ, генер.-лейт., 1829 г., 300, 563,
708, 740, 761.
Кремповскій, 1826 г., 326.
Крепичкинъ, Алд. Никл., † 1865 г.,
ссылка на доставленные имъ письма
Алд. Алд. Бестужева, 591, 615, 616.
Кругъ, Ф., академ., 1814 г., 58—78, 245,
338, 340.
Крузе, 1826 г., 178.
Брузовецкій, генер. польской службы,
1831 г., 509.
Брюксовой, отставной полковникъ,
1826 г., 307.
Брюзовъ, танбовс. губерн., 1822 г., 881.
Брюзовъ, Д. А., проф. классической ли-
тературы, 1842 г., 820.
Брюзовъ, Мих. Григор., золотопро-
мышлен., 1840 г., 4.
Будрашевъ, оренбур. аудиторъ, 1827 г.,
770, 771, 791.
Бузнецова, въ замуж. Булычева, 648.
Бузнецовъ, золотопромыш., 1848 г., 648.
Бузнецовъ, крутск. кварталн., вполс.
селенгивскій городничій, 651, 652.
Бузыкинъ, генер., 1829 г., 717.
Бузалъ, губернаторъ Читы, 1862 г., 97,
410, 411, 414.
Буломанъ, 612.
Будневъ, ген.-маіоръ, 1812 г., 663, 726.
Бупреановъ, генераль, 1829 г., 295,
571, 572.
Бутайсовъ, гр., сенат., 1831 г., 445.
Буткинъ, ген.-маіоръ, 1807 г., 769.
Бутузовъ, сенат., 1819 г., масонъ, 674.
Бутузовъ, чиновн. мн-ва финансовъ,
1826 г., 168, 188, 315.
Бутузовъ, Илья Васил., смотрит. посе-
леній, 1840 г., 1, 2.
Бушелевъ, гр., капит., адъют. гр. Дя-
бича, 1828 г., 705.
Бюхельбергеръ 1-й, Вильгельмъ Карлов.,
колл. асс., бывшій воспит-ель царско-
сельск. лицея, ппсат., декабр., р. 1797
† 1846 г., 388, 395, 423, 426.

Бюхельбергеръ 2-й, Михаилъ Карлов.,
лейт. гвардейск. экпн., декабрь,
† 1859 г., 395, 423.

Лабзинъ, Алд. Фед., дс. ст. сов., вице-
презид. Акад. Худож., 1819 г., масонъ,
674, 881.

Лабунцевъ, Ив. Мих., полковн., 1840 г.,
254, 269, 271.

Лабунцевъ, Мих., ген.-адъют., 1840 г.,
266, 268, 278.

Лаваревъ, Мих. Петровичъ, адмир.
† 1854 г., 405.

Ланской, Вас. Серг., дс. тн. сов., управл.
мн-вомъ внутреннихъ дѣлъ, р. 1762
† 1831 г., 672.

Ларионовъ, регистраторъ, 1814 г., 220.

Лебедевъ, граверъ, 135.

Левашевъ, гр., флиг.-адъют., 1855 г., 902.

Лелель, Иоаннъ, проф. виленс. унив.,
польск. историкъ, р. 1786 † 1861 г.,
59, 226.

Лелли, русскій консулъ въ Яссахъ,
1826 г., 465.

Лепарскій, Осипъ Адамов., ген.-лейт.,
плацъ-маіоръ, † 1876 г., 596, 600, 626.

Лепарскій, Степ. Романов., ген.-маіоръ,
комендантъ Черчинскихъ рудниковъ
съ 1826—1837 г., р. 1754 † 1837 г.,
419—433, 594—618, 653, 654.

Лербергъ, А. Х., ученый, † 1813 г., 59,
63, 236.

Лефевръ, чиновн., 1826 г., 310.

Ливенъ, графиня, 1826 г., 188.

Ливенъ, бар., 1828 г., 480.

Лидеръ, генер., корпус. команд., 1845 г.,
693—695, 900, 904, 905.

Линде, генераль, 265.

Литта, графъ, 1826 г., 313.

Лихаревъ, Владк. Никол., подпоруч. ге-
неральн. штаба, декабр., † 1840 г.,
273, 274.

Лишкинъ, полковн., 1829 г., 299.

Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй
Борисов., бывш. русск. посолъ въ Кон-
стантинополѣ, вынѣ посолъ въ Лондонѣ,
42, 233, 284, 356.

Лобановъ-Ростовскій, кн., Дмит. Ив.,

- ген.-инф., мн-ръ юстиціи, 1816 г., р. 1758
† 1888 г., 672, 675.
- Лобанова**, княгиня, 1826 г., 319.
- Лобановъ**, кн., 1826 г., 551.
- Лобойко**, Ив. Никл., профессоръ виленс. унив., 240.
- Ложкосовъ**, Мих. Вас., акад. писат., р. 1711 † 1765 г., 342, 343.
- Лопухинъ**, Ив. Владимр., бригадиръ, масонъ, † 1816 г., 768.
- Лопухинъ**, офиц. преображенскаго пол., 1826 г., 172.
- Лореръ**, г-жа, 1826 г., 320.
- Лореръ**, Николай Ив., майоръ, декабр., 610, 611.
- Лорстонъ**, генер., 1812 г., 889.
- Лосевъ**, о. Петръ Леонт., свящ. рязанс. синодальн. учил., 1859 г., нмѣѣ рект. вологодс. семинаріи, 351—357.
- Лосутовъ**, Иркутск. исправникъ, 615.
- Лужановъ**, полковн., 1827 г., 776, 777.
- Лужина**, въ замуж. гр-ня Уварова, 654.
- Лукинъ**, Мих. Серг., подполк., декабр., † 1845 г., 433, 654.
- Лушкинъ**, Мих. Мих., селенгинскій купецъ, 1860 г., 614, 636, 638, 645.
- Львовъ**, Анд. Мих., адъют., 1831 г., 505.
- Львовъ**, Фед. Никл., чиновн. въ Иркутскѣ, 1861 г., вносѣѣд. секрет. сб. техническаго общ-ва, 404.
- Ляшневичъ**, ген.-майоръ, 1829 г., 295, 296.
- Магницкій**, Мих. Леонт., дс. ст. сов., попечит. казанс. унив., р. 1778 † 1844 г. 70, 71, 172, 177.
- Мадаловъ**, кн., Валеріанъ Григор., ген.-лейт., р. 1782 † 1829 г., 332, 333, 562, 570, 573, 708, 712.
- Майковъ**, Аполлонъ Никл., поэтъ, 1869 г., 371, 372.
- Мавалинскій**, подпоруч., 1828 г., 492.
- Маваровъ**, капит.-лейтен., 1814 г., 609.
- Мамедовъ**, нач. коммерчес. канцел. въ Константинополѣ, 1826 г., 468.
- Маковский**, художн.-портрет., 364.
- Мамонтовъ**, (Мих. А.), писатель-проф., 1834 г., 346, 347.
- Мамонтовъ**, офиц., 1827 г., 786.
- Мамонтовъ**, С. В., 393, 424, 430, 432.
- Малиновскій**, А. Ѳ., 1813 г., 50—71, 239—250.
- Малиновскій**, курьеръ, 1826 г., 465—478.
- Малиновскій**, генер., 1829 г., 712.
- Мальцевъ**, томскій мѣщ., 1782 г., 635.
- Малюткина**, г-жа, 1826 г., 191.
- Малюткинъ**, Алексд. Кузьм., отст. подполковн., 1840 г., 1.
- Марини**, гр., началн. ватиканскаго тайнаго архива, 1837 г., 339, 343.
- Марія Александровна**, Имп-ца (Максимиліана - Вильгельмина - Августа - Софія-Марія, принцесса Дармштатская) р. 1824 † 1880 г., 139, 140, 513.
- Марія Θεодоровна**, Имп-ца (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса Виртембергская) р. 1759 † 1828 г., 101, 109, 110, 601, 768.
- Марія Θεодоровна**, Имп-ца (Марія-Софія - Фредерика - Дагмара, принцесса Датская) р. 1847 г., 375.
- Маршавичъ**, А. И. Сообщ.: Два письма акад. проф. И. И. Срезнева къ свящ. Запольскому, 1856 г., 916—918.
- Маршовъ**, проф. акад. худож., 134.
- Мартоузъ**, Ив. Петр., дс. ст. сов., рект. акад. худ., скульпт., р. 1753 † 1835 г., 64.
- Марченко**, 1826 г., 182.
- Масловъ**, Сергѣѣ, волостной писарь, 1855 г., 114.
- Матюшкинъ**, Ив. Ив., художн.-граверъ, учен. акад. Л. А. Стрякова, гравиров. портр. барона Ѳ. К. Гейсмара, 676, упом. 721.
- Матюшкинъ**, Ф., адмир. и сенат., 1860 г., 407, 408, 417.
- Махмудъ**, турец. султанъ, 1826 г. 469, 471.
- Махмудъ-паша**, коменд. адрианопольскій, 1829 г., 715.
- Медвѣдевъ**, подпоруч., нач. оренб. нивалид. команды, 1827 г., 782.
- Мезенцевъ**, Петръ Павл., 1840 г., 230.
- Мезенцевъ**, Серг. Павл., 260.
- Мейеръ**, тамож. чиновн., 1815 г., 609, 617.
- Меллеръ-Заможеловскій**, Петръ Петр., —полковн., 1844 г., 686, 693—696.
- Меллеръ-Заможеловскій**, юнкеръ, 1842 г. 283, 284. |

Медвѣдиновъ, селянск. куп., 1860 г., 636.
 Меклинцовъ, кн., Алд. Серг., адмир.,
 р. 1787 † 1869 г., 209, 637, 896,
 899—902.
 Мельниковъ, Петръ К., ген.-лейт., главный
 редак. журн. «Военный Сборщикъ» и
 «Русс. Инвалидъ», 1861 г., 413—417.
 Мерзляковъ, тѣхвннс. сведен., 1826 г., 206.
 Метлицкй, адмир., 1857 г., 188.
 Мечниковъ, сенат., об.-берггауптманъ,
 1831 г., 445.
 Мещеряковъ, кн., 1826 г., 184.
 Мѣклашова, г.-жа, 1826 г., 191.
 Микѣшинъ, Мих. Осипов., художн., ссылка
 за его паданіе «Цада» 1876 г., 920.
 Милорадовичъ, гр., Мих. Анд., слб.
 воен. губернаторъ, † 1826 г., 312, 670, 671,
 725—728, 881.
 Миллеръ, историографъ, 54—56.
 Миллеръ, Петръ Петр., офиц., 1844 г.,
 689, 694.
 Мидонъ, 1829 г., 568.
 Миланова, Елена Дмитр., рожд. Якуш-
 кина, 406.
 Милославскій, Маргарій Васил., полечит.
 орловск. гимназій, 1861 г., 406, 406.
 Милославскій, Никл. Адакс., морс. офиц.,
 1814 г., 608.
 Милютинъ, Дмит. Мих., ген.-адъют.
 военн. мин-ръ, 1861 г., 414—417.
 Милютинъ, Никл. Алексѣев., чл. гражд.
 сов., р. 1818 † 1872 г., 829.
 Мингаши, повѣренный въ дѣлахъ въ
 Константинополь, 1826 г., 470, 475.
 Мирниковъ, 1840 г., 341, 342.
 Митковъ, Мих. Платонов., 2.
 Митковъ, Мих. Фотіев., полковн. 16. нр.
 фвнл. пол., декабр., † 1849 г., 2, 3, 427.
 Митковъ, адмир., 1815 г., 609.
 Михайловскій, адмир., 1815 г., 609, 617.
 Михайлъ Николаевичъ, вел. князь,
 р. 1832 г., 447.
 Михайлъ Падковичъ, вел. кн., р. 1798
 † 1849 г., 103—107, 188, 264, 460, 479,
 482, 497—510, 713.
 Михайлъ Федоровичъ, царь, р. 1596
 † 1645 г., 347, 512.
 Михельсонъ, Ив. Ив., генер. поруч.,
 р. 1740 † 1807 г., 725.

Могилановскій, 230.
 Моллеръ, Антоновъ Васил., адмир., на-
 чальн. штаба морск. вѣдомства, 1826 г.,
 189, 190, 606, 629.
 Моллеръ, Ф. В., главн. команд. кро-
 штаттского порта, 1819 г., 618, 620.
 Моргенштернъ, проф. дерптскаго уни-
 верситета, 59.
 Мордвиновъ, 1826 г., 189, 192, 322,
 323, 325.
 Мордвиновъ, Алдкс. Алдкс., учитель
 Чернисс. уѣздн. учил., 1839 г., впослед-
 ствѣ-губернаторъ Забайкальск. Области,
 387, 388.
 Мордвиновъ, Никл. Семенов., адмир.,
 ст.-секрет., р. 1755 † 1845 г., 53.
 Моравъ, магистръ дух. акад., 1868 г., 267.
 Мосоловъ, Н. С., граверъ, 1867 г.,
 367—370.
 Муравьева-Апостола, Екат. Иван., въ
 замуж. Вибикова, 8, 9, 20.
 Муравьевъ-Апостола, Ипполитъ Им., 8.
 Муравьевъ-Апостола, Екат. Ив., под-
 полковн., декабр., 3—9, 654.
 Муравьевъ-Апостола, Серг. Ив., под-
 полковн., декабр., † 1826 г., 8.
 Муравьевъ-Карошій, Никл. Никл., ген.-
 адъют., наместн. наместн., ген.-губ.
 Восточн. Сибири, 1857—1858 г., р. 1793
 † 1866 г., 82—88, 260, 399—412, 449,
 595, 615, 689, 661.
 Муравьева, Александра Григор., рожд.
 гр-ня Чернышова, жена декабриста,
 1827 г., 593, 624, 681.
 Муравьева, Екатерина Никл., 412.
 Муравьевъ, ст.-секрет., 1826 г., 188.
 Муравьева, Алдкс. Захар., полковникъ,
 1828 г., 487, 508, 573, 718.
 Муравьевъ, Артамомъ Захар., полковн.,
 декабр., † 1845 г., 423.
 Муравьевъ, А. Н., составитель «Исто-
 рій Россійской Церкви»—ссылка на его
 книгу, 807—808.
 Муравьевъ, М. Н., бывш. кураторъ
 московск. ун-ва., 48.
 Муравьевъ, гр., Мих. Никл., на-р-ъ
 госуд. имущ., впослед. вѣленск. ген.-
 губернаторъ, р. 1796 † 1866 г., 118—134,
 840—847.

Муравьевъ, Никита Мих., капит. гвард. генералъ, штаба, декабр., † 1843 г., 423, 681.

Муравьевъ, Никл. Никл., ген.-майоръ, основатель училища колодезноводящихъ, † 1840 г., 455, 456, 514.

Муравьевъ, Семевъ Ив., полк., команд. черниговск. пѣхотн. пол., 1825 г., 731, 732, 760.

Мушинъ-Пушкинъ-Брюсовъ, гр. Вас. Валентинов., тв.-сов., об. почет., ма-сонъ, р. 1775 † 1836 г., 674, 675.

Мушинъ-Пушкинъ, гр. Алексѣй Ив., дс. тв. сов. и сенат., об.-прод. синода, презид. Акад. Худож., р. 1744 † 1817 г., 48.

Мухановъ, Пав. Алсд., чл. горуд. сов. и предсѣдат. археографич. ком., р. 1798 † 1871 г., 347.

Мухомовъ, Петръ Алсдр., штб.-капит. 16-гв. немаян. пол., декабр. † 1854 г., 389, 423—429, 629.

Мухинъ, Павелъ, корнетъ, 1856 г., 137—142.

Миллова, Вѣра Максим., 1849 г., 702.

Милковъ, Никл. Григорьевичъ, 1845 г., 702, 703.

Мисюковъ, об.-секрет. московск. се-ната, 1826 г., 520, 540.

Михинъ, полковн., 252.

Набель, генер., 1829 г., 294.

Назимовъ, Мих. Алсдр., штб.-нап., декабр., 3, 45, 255—275, 697, 699.

Найденкова, Александра Ив., 1844 г., 704.

Найденкова, Елисаб. Ив., въ замуж. Васкалова, 679, 680, 704.

Найденкова, Настасья Ив., 1844 г., 679, 680, 690, 704.

Найденковъ, Иванъ, полковой команд., 679, 687.

Наказантъ, Никиф. Григор., солзегинс. кузнецъ, 1840 г., 643—645.

Наполеонъ I, импер. французск., 52, 53, 664—668, 729.

Нарышкинъ, Елисаб. Петр., рожден. гр.-ня Кововницина, жена декабр., 261, 273—275.

Нарышкинъ, Мих. Мих., полковникъ, декабр., † 1863 г., 7, 45, 253—275.

Науковъ, чиновн. канцел. свб. воен. ген.-губернат., 1819 г., 671.

Нахимовъ, Платовъ, морск. офицеръ, 1814 г., 608.

Невельской, адмиралъ, 96, 397, 411, 412.

Невзоровъ, М. Н., вадатель журнала «Другъ Юношества», 769.

Неволкинъ, Клеот. Алексѣев., профес. кievск. ун-в., 818.

Нейдгардтъ, ген.-адъют. нач. штаба гвард. корп., 1828 г., 104—109, 464, 503, 694.

Неклюдовъ, † 1861 г., 404, 405.

Некрасовъ, Никол. Алексѣев., поэтъ, писат., р. 1821 † 1877 г., 375.

Неофитъ, еписк. архангельск., 62.

Нессельроде, гр. Карлъ Васил., канцл., р. 1780 † 1862 г., 338, 570.

Нестерова, 1845 г., 701, 702.

Нестеровъ, Петръ Петр., генер., нач. Владикавказск. округа, 1845 г., 693, 701, 702.

Нефедьевъ, ст. сов., 1826 г., 163, 169.

Нефъ, проф. Акад. Худож., 134.

Нечаевскій, Николай, обдорскій житель, 1844 г., 382—386.

Нейдовъ, цовтовій репизоръ, 652.

Никодинъ, архимандр., 1839 г., 565.

Николаи, бар. Алсд. Павл., начальник. управл. въ Тифлисъ, 1868 г., 448.

Николай I, императ., р. 1796 † 1855 г. Русское общество и толки его въ 1826 г., 163—194; 303—336; 519—560; два всепод. письма свб. воен. ген.-губернатора Голенничева-Кутузова, 25 и 29 авг. 1826 г., 884 — 886; пребываніе подъ Варной 1829 г., 106—110; переписка съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, 1829 г., 287—302; 561—574; 706—720; всепод. письма гр. Аракчеева 4 и 24 сентября 1831 г., 887—889; собственноручная резолюція на письмо кн. П. Д. Горчакова 1839 г., 894; собственноручная записка о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ къ кн. Варнавскаго отъ 1 фев. 1855 г., 896—899; предсмертное письмо кн. М. Д. Горчакову, 2 фев. 1855 г.,

895—896. Упом.: 101, 125, 181, 207, 217, 220, 256, 281, 345, 347, 384, 446, 447, 458—494, 513—515, 582—619, 647, 652, 655, 734—762, 809, 886—894.

Николай Александровичъ, Наслѣдникъ-цесаревичъ и вел. кн., р. 1843 † 1865 г., 375.

Никольскій, о. Тимоѳей, протоіерей, членъ спб. духовн. цензуры, 1848 г., 808.

Новикова, Ольга Алексѳевна, рожден. Кирѳева, 1868 г., 370, 371.

Новиковъ, Никл. Ив., надворн. сов., глава московск. мартинистовъ, р. 1744 † 1818 г., 675, 767—769.

Норденстремъ, полковникъ, 1856 г., 214, 215.

Норманъ, генер. виртембергск. служ., 1812 г., 729.

Оболенскій, кн., Евгеній Петр., поруч., декабр., † 1865 г., 423, 654.

Оболенскій, кн. М. А., 1840 г., 847.

Образцовъ, чл. окружн. суда, 1861 г., 405.

Одоевскій, вл., Алексд. Ив., корнетъ лб.-гв. конн. пол., декабристъ-поэтъ, † 1839 г., 7, 253.

Озерскій, об.-секр. сената, 1826 г., 314.

Ознобихина, 1845 г., 702.

Окрошкнъ, царев. грузинск., 1831 г., 446.

Окуновъ, полковн., 1827 г., 784.

Олеиникъ, Алексѳій Никл., презид. Акад. Худ. и археологъ, † 1842 г., 48, 49, 57, 245, 247, 375.

Олсуфьевъ, В. Д., 1840 г., 347.

Омеръ-Врѳоже, турецк. военачальникъ, 1828 г., 107, 109.

Опочинскій, Фед. Конст., † 1881 г. Сообщ. въ 1880 г. „Горе и нужды Россіи въ началѣ царствованія Александра I. Письмо современника въ 1807 г.“, 906—908.

Орбелакнн, княжна, 1845 г., 702.

Органовъ, Егоръ Никл., помощн. рязан. окружн. начальн., 1855 г., 114, 117.

Орлова, рожд. Раевская., 842.

Орловскій, художн.-пейзаж., 1868 г., 369.

Орловъ, гр., Алексѳій Ѳеодор., ген.-адъют., † 1861 г., 706.

Орловъ, гр., Григорій Владмир., членъ Верховн. Уголовн. Суда, † 1823 г., 773.

Орловъ, Мих. Ѳеодор., фл.-адъют., полковн., 1812 г., † 1842 г., 727, 728.

Остенъ-Самонъ, гр., Дмитр. Ерофѳев., начальн. Севастопольскаго гарнизона, 1854 г., † 3 марта 1881 г., 209, 216, 497, 498, 901, 902.

Остенъ-Самонъ, кн., Фабіанъ Вильгельмовичъ, фельдмарш., р. 1762 † 1837 г., 459, 497, 718.

Острожколенскій, Ефимъ, студ. кіевск. дух. акад., 1830 г., 239.

Острожецко, ген.-м., 1829 г., 293, 295.

Павелъ I, императ., р. 1754 † 1801 г., 51, 53, 78, 106, 179, 307, 465, 518, 514, 768, 769, 889.

Павловскій, поручикъ, 1829 г., 288.

Паленъ, см. Фомъ-дѣръ Паленъ.

Палахристо, капитанъ 1-го ранга, 1828 г., 110.

Парж, (Paris) библіотекаръ Реймскій, 1838 г., 339, 340.

Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Ѳеодор., фельдмарш., р. 1781 † 1856 г., 42, 106, 445, 446, 504—509, 534, 718, 896—906.

Пассоветъ, Вадиимъ Васильев., писатель, † 1843 г., 343.

Пассоветъ, Діонидъ Васил., ген.-маіоръ, р. 1807 † 1845 г., 688, 692.

Паулеръ, Францъ ;Петровичъ, докторъ, 1840 г., 6.

Паулеръ, г-жа, рожд. Вѳлаева, 6.

Паулуччи, маркизъ, ген.-адъют., 1819 г. 673, 889.

Пашковъ, ген.-маіоръ, 1830 г., 742—745.

Пекарскій, П. П., акад., 51.

Пелкозе, начальн. франц. дивизіи, 1855 г., 895.

Пестель, Ив. Борисов., московск. почтъ-дирек., 1790 г., влослѣдст. сибирск. ген.-губернат., 767.

Петръ, митропол., намѳстн. патріарха Іерусалимск., 1861 г., 152—160.

Печерникъ, В. С., 1840 г., ссылка на его Записки, 348.

Пещуровъ, об.-секрет. сената, 1826 г., 536, 540.

Пилецкій, колл. ассес., 1819 г., 674.
Пироговъ, Никл. Ив., проф. медико-хирургическ. акад., р. 1810 г. «Пятидесятилѣтіе его дѣятельности, 1831—1831 г.», 221—224.
Писаревъ, Алсд. Алсд., ген.-маіоръ, 1825 г., 883—884.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказн. атаманъ войскъ донскаго, 1812 г., р. 1767 † 1818 г., 728, 729.
Плаутикъ, флиг.-адъют., полковникъ, 1828 г., 488.
Плотниковъ, уч.-къ акад. худ., 1859 г., вполс. худож., 856.
Плуталовъ, 626.
Побрежнъ, учит. математики, 603, 604.
Повало-Швейковский, ст. сов., тобольск. гражд. губернат., 1838 г., 890, 891, 893.
Погодинъ, Мих. Петр., авад., историкъ, р. 1800 † 1875 г., 69, 238, 239, 347, 348, 588.
Погодинъ, ген., 1855 г., 906.
Поджіо, Іосифъ Алексдр., подполк., декабр., † 1848 г., 404, 619, 627, 655.
Помалосткина, Евфросинія Алексѣевна, 351—374.
Пожалостинъ, Ив. Петр., акад., граверъ на мѣди, р. 1837 г., Сообщ. свои «Воспоминанія», 111—136; 351—376; Поправка къ «Запискамъ», 678.
Поматиковъ, полковн., 1827 г., 773.
Полововъ, генер., 1826 г., 311, 312.
Полтинникъ, Мих. Петр., генер., 1845 г., 698, 699.
Помсетъ, генер., 1829 г., 296, 717.
Поплавскій, совѣтн., 1865 г., 396.
Поповъ, проф. слб. унив., 1820 г., 234.
Поповъ, священн., 1840 г., 378.
Поповъ, Мих. Макс., секрет., 1826 г., вполслѣд. тн. сов., старшій чиновн. III отдѣл., 169.
Порошинъ, Фед. Фед., русс. посоль при Бранденбургскомъ дворѣ, 1854 г., 910—915.
Поссовинъ, Антоній, палскій посоль при русск. дворѣ, 1581—1592 г., р. 1534 † 1611 г., 343.
Потаповъ, Алсд. Никл., ген.-адъют., 1829 г., 886, 918—920.

Потемкинъ-Таврическій, кн., Грив. Алсд., ген.-фельд., р. 1738 † 1791 г., 194—200, 450, 661.
Потоцкій, гр., Александръ, 1826 г., 535.
Прозоровскій, кн., Алсд. Алсд., ген.-фельдм., московск. главноком., р. 1732 † 1809 г., 767, 768.
Прозоровскій, кн., ген.-маіоръ, † 1829 г., 300, 301.
Пропоповичъ-Антоновъ, Никл. Дмит., адъют., 1828 г., 103.
Прондвинскій, ген.-квартирмейстеръ польск. войскъ, 1831 г., 748.
Протасовъ, гр., Никл. Алсд., об.-прокуроръ синода, 1848 г., † 1855 г., 808.
Прушакинъ, Михайлъ, родоначальн. фамиліи Тучковыхъ въ XIII в., 512.
Прынцкинова, Варвара Андреевна, 1844 г., 696.
Прынцкиновъ, жандарм. полковн., 1844 г., 696.
Пукаловъ, 1826 г., 182.
Пуверевъ, худож., профессоръ акад., 1863 г., 364.
Фонъ-Путлицъ, об.-камергеръ, 1654 г., 911, 912.
Путатинъ, гр., Е. В., адмир., вполслѣд. русск. посланн. въ Китаѣ, 1857 г., 684.
Пушкинъ, Алсд. Серг., поэтъ, писат., р. 1798 † 1837 г., 127, 337, 388, 395.
Пушкинъ, Левъ Серг., 259, 260.
Пушкинъ, бывш. ген.-интендеантъ флота, 189, 190.
Пушкинъ, Ив. Ив., колл. асс., декабр., † 1859 г., 396, 399, 423—429, 654, 655.
Пѣтуховъ, чиновникъ главнаго штаба, 1826 г., 326.
Пятицкій, Иркутск. губернат., 647, 650, 651.
Рагузинъ, главноуправляющій нѣмѣиетъ гр. Сагтыкова, 1828 г., 139.
Раезова, Софья Никол., фрейлина, 423.
Раичъ, С. И., переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима», 812.
Рауменовна, гр-ня, 1819 г., 671.
Раузовичъ, художн., 131.
Радъ, флиг.-адъют., † 1828 г., 484.
Рабиндеръ, полковн. жандарм., комен-

- дантъ Нерчинскихъ заводовъ, 1838 г., 422, 600.
- Ребиндеръ, кяхтинск. градоначальникъ, 1853 г., вполѣдствіи сенат., 393, 425, 654, 655.
- Ребиндеръ, г-жа, 1826 г., 312.
- Ребиндеръ, Александра Серг., рожд. Трубецкая, 1853 г., 393, 423.
- Рейнеке, адмиралъ, 654.
- Рехбергъ, ген.-лейт., 1812 г., 798.
- Решидъ-паша, 1829 г., 712, 716, 896.
- Рибоншерь, гр., русск. посолъ вт. Константинополѣ, 1826 г., 485, 474, 475.
- Ридигеръ, генер.-лейтен., 1829 г., 296, 485—492, 516, 763.
- Ридигеръ, гр., Фел. Вас., ген.-адъют., 1855 г., † 1856 г., 896, 905.
- Ришмакъ, первый секрет. русск. посольства въ Константинополѣ, 1826 г., 470, 476.
- Ришордъ, ген.-майоръ, 1828 г., 490, 492.
- Риссель, ген. саковс. служ., 1812 г., 799.
- Риттеръ, команд. казачьяго пѣх. батал. въ Читѣ, 1851 г., 389.
- Рицconi, проф.-худож., 1868 г., 869.
- Ровинскій, Дмитрій Александр., сенат., составитель собранія гравированн. портретовъ русск. дѣятелей; ссылка на его портр., гравированный акад. И. П. Пожалостиничъ, 876.
- Родионовъ, сибирскій домоладѣлецъ, 1840 г., 4.
- Розенбергъ, адъютантъ, 1837 г., 600.
- Розеншампфъ, бар., ссылка на вѣд. «Коричная книга», 845—848; упом.: 59, 244.
- Розенъ, генер., команд. 6-го корпуса, 1831 г., 749—752, 761.
- Розенъ, бар. Андрей Евгеніев., поруч. 16-гв. финл. пол., бывшій декабристъ, р. 1799 г., 3, 424, 596, 601.
- Розенъ, Анна Васил., жена декабр., 596.
- Розенъ, бар., Григорій Владим., ген.-адъют., главноуцраин. Закавказск. краемъ, 1831—1837 г., † 1841 г., 177, 445—447, 498.
- Романовскій, Дмит. Ильичъ, ген.-лейт., † 1881 г. Ссылка на его историческій очеркъ: «Блязъ А. И. Баратинскій и Кавказская война», 271, 218.
- Романовъ, 1859 г., 408, 409.
- Ростопчинъ, гр., Фел. Вас., московскій главнокоманд., 1812 г., р. 1765 † 1826 г., 55, 219, 220, 889, 906—909.
- Ротъ, генер., команд. 6-го корп. русск. арміи, 1829 г., 288—301, 562, 570, 573, 712, 713, 734, 735.
- Фонъ-Роховъ, маршалъ бранденбургск., 1654 г., 911.
- Рудзевичъ, генер., команд. 3-го корп. русск. арміи, † 1828 г., 481, 484.
- Руднева, Александра Адриановна, жена діакона Воскресенск. собора въ гор. Ельцѣ, 575, 579, 589.
- Рудневъ, В. Я., команд. 14-го экипажа, 1819 г., 619.
- Рудневъ, Дмит. Наумов., діаконъ Воскресен. соб. въ гор. Ельцѣ, 576, 589.
- Румицкій, началн. польскаго отряда, 1831 г., 763.
- Румянцевъ - Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдм., р. 1725 † 1796 г., 51, 661.
- Румянцевъ, гр., Мих. Петр., 50.
- Румянцевъ, гр., Никл. Петр., госуд. канцл., р. 1754 † 1826 г. Дѣятельность его на пользу разработкн русской исторіи и археологіи, 47—74, 225—250, 348.
- Румянцевъ, гр., Серг. Петр., до. тн. сов., послан. при русск. дворѣ, р. 1755 † 1838 г., 50—54, 229, 246.
- Румичъ, Дмит. Павл., до. ст. сов., повеч. спб. учебн. окр., 1828 г., 323.
- Рупертъ, генер. - губернат. Восточной Сибири, 600, 642—647, 650, 651, 657.
- Румяловъ, 1826 г., 525.
- Рылѣва, г-жа, 1828 г., 191.
- Рылѣвъ, Кондр. Федор., декабристъ, поэтъ-писатель, р. 1795 † 1828 г., 812, 610, 616, 622—631, 774.
- Рылдинъ, генер., † 1829 г., 299.
- Рюмикъ, директ. питейныхъ сборовъ, 1814 г., 219.
- Рязановъ, золотопромышлен., 1840 г., 1.
- Сабансеевъ, генералъ, 1809 г., 726.
- Сабашниковъ, правит. дѣль америванск. компаніи въ Кяхтѣ, 1840 г., 643.
- Савицкій, 616.

- Савицъ, Евгеній Алексд., артил. полк., 1859 г., впоследствии исправл. должн. военн. губернат. Амурск. Обл., 1861 г., 399—401, 417.
- Савановичъ, подпоруч. генеральн. штаба, 1828 г., 488.
- Сазимовъ, фабрикантъ серебрян. издѣлій, 367.
- Сажентъ—си. Остенъ-Сажентъ.
- Салтыковъ, гр., Никл. Ив., гофмейст., послѣд. ген.-фельдм., съ 1796 г., и бывший воспит. имп. Александра I, р. 1736 † 1816 г., 661—665, 889.
- Сальватори, докторъ, 1819 г., 672.
- Самаринъ, Юрій Федор., чл. самарск. комит. по крест. дѣламъ, 1859 г., 406.
- Сапожниковъ, Алексѣй Петр., домо-владѣл., 1840 г., 7.
- Салтъкъ, Михаилъ, морской офицеръ, 619, 620.
- Сафоновъ, 1826 г., 465.
- Сахаровъ, ссылка на его «Записки», 348.
- Свинъкинъ, Пав. Петр., издатель «Отечественныхъ Записокъ», 70.
- Святотуновъ, Петръ Никл., корн. кавалергард. пол., декабр., 3, 423, 424, 432.
- Связевъ, Ив. Ив., проф. архит., † 1875 г., 591—597, 633, 650, 654.
- Сгибневъ, Алексд. Степ., команд. первого Амурскаго парохода «Аргунь», † 1881 г., 89, 391.
- Селиванова, въ замуж. Вестузьева, 647.
- Селиванова, есаулъ, 647.
- Селиванова, Ильн Вас., ссылка на его «Записки», 678.
- Селифонтовъ, 1807 г., 769.
- Селитъ, капит. купческаго корабля, 1827 г., 478.
- Семевскій, Мих. Ив., гласный свѣ. гор. Думы, редакт. журн. «Русск. Старина». Адресъ, поданный Н. И. Пярогову отъ Ред. Историческаго журнала «Русская Старина», 24 мая 1861 г., 224, 226. Упом.: 375, 426.
- Секъ-Жеміеръ, генер. франц. службы, 1812 г., 663.
- Сель-Мартенъ, ориенталистъ, 60, 66, 234.
- Семизинъ, адмиралъ, 1826 г., 552, 559.
- Серапионъ, митропол., 230.
- Сербиновичъ, Конст. Степ., тн. сов. Сообщ. въ 1871 г. письма къ нему А. И. Тургенева, 1827—1845 гг., 337—350.
- Сербинъ, мясникъ, 1854 г., впослед. подполковн., † 1877 г., 209, 210.
- Сиверозъ, гр., Алсд., Кара., камеръ-юнкеръ, чиновн. особ. поруч., 1840 г., 388.
- Сидовъ, отставн. поруч., 1840 г., 645.
- Сидоровъ, Фед. Дорофѣевъ, новгородск. мѣщан., 1826 г., 304, 305.
- Сивостель, ген., началн. артил. 4-го корпуса, 1855 г., 211.
- Силъвестръ, епископъ, 1785 г., 68.
- Симеонъ, архіел. яросл., 1822 г., 561.
- Синельниковъ, Н. П., ген. губернат. Восточн. Сибири, 1861 г., 414, 418.
- Смолюковъ, ген.-адъют., 1870 г., 417, 418.
- Сморинковъ, обдорскій исправн., 1844 г., 381, 382, 386.
- Сморляковъ, Кузьма Ив., селенгивскій городничій, 614, 615, 644, 651.
- Смородумовъ, протоіер., 226.
- Смотинковъ, 1840 г., 345.
- Славяносій, ссылка на книгу: «Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ», 65.
- Смолянковъ, чиновн. горнаго вѣдомства, 1827 г., 593.
- Снегиревъ, Ив. Мих., проф. и цензоръ, 70, 238, 347.
- Снегиревскій, художникъ-скульпторъ, 1868 г., 369.
- Собою, Никл. Петр., ссылка на его статью: «Жизнь и произведенія грав. Л. А. Сѣрягова», 920.
- Солоховскій, капит., 1829 г., 566.
- Солоховъ, корабельн. смотр., 1826 г., 316.
- Солдогоубъ, гр., Левъ, 1826 г., 168, 169.
- Солдцевъ, Фед. Григор., археол., акад., проф. живописи, 370, 374.
- Соловьевъ, проф. Гельсингфорск. ун-въ, 1837 г., 344—346.
- Солодовниковъ, 1826 г., 540.
- Солоновичъ, 1826 г., 540.
- Сомовъ, Орестъ, писат., 1823 г., 610.
- Сорочинскій, полковн., 1855 г., 214.
- Спасоскій, об.-секрет. московск. сената, 1826 г., 520—558.

Спасский, докторъ, 1828 г., 494.
 Спасскій, о. Игнатій, свящ., 916.
 Сперанскій, гр., Мих. Мих., бывшій сибирск. ген.-губернат. въ 1819 г., впоследствии чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., 376, 610, 622, 673.
 Спиридоновъ, Ив. Матв., майоръ, декабр., † 1854 г., 2, 3, 654.
 Срезневская, Елена, † 1856 г., 916—918.
 Срезневскій, Акимъ Евсеѣвичъ, свящ., 916, 917.
 Срезневскій, Ив. Евсеѣв., бывш. проф. харьковск. унив., † 1819 г., 916—918.
 Срезневскій, Измаиль Иванович., акад. и проф., † 1880 г., 60, 63, 916—918.
 Срезневскій, Иосифъ Евсеѣв., бывшій проф. казанск. унив., 916—918.
 Срезневскій, Никл. Евсеѣвичъ, 916.
 Срезневскій, Феоdorfъ Евсеѣвичъ, 916.
 Стадлеръ, С., ст. сов., 1848 г., 389.
 Старцева, Екат. Дмт., въ замуж. Ильинская, 612—614, 643.
 Старцева, Федосья Дмт., † 1860 г., 613, 614, 643—648.
 Старцевъ, Дмт. Дмт., селенгинскій купецъ, 1860 г., 611, 614, 636—648.
 Степанова, Софья Мих., въ замуж. Готель, 617.
 Стрелингъ, ген.-майоръ, 1827 г., 772.
 Стрелгнеръ, ученый, 64, 66.
 Строгановъ, гр., Алсд. Григор., ген.-адъют., ин-ръ внутр. дѣлъ, 1839 г., 890—895.
 Строгановъ, гр., Серг. Григор., бывш. попеч. москов. учебн. окр., 1837 г., 824.
 Строевъ, Пав. Мих., писатель-археогр., р. 1796 г., 55—74, 225—247, 338, 346, 350.
 Строевъ, Серг. Мих., чл. археогр. комисіи, 1837 г., 333—340.
 Струве, акад.-астрономъ, 626, 654.
 Стружовъ, Ив. Никол., штаб.-капит., 255, 269.
 Стурдза, Алесд. Скарлатов., ст. сов., 1819 г., 673.
 Сумароковъ, ген.-адъют., 1855 г., 905.
 Суслевъ, Алесд. Алесѣев., капитанъ, 1841 г., 279, 280, 689, 700.
 Сутгофъ, колл. асс., 1826 г., 191.

Суховаветъ, ген.-адъют., нач. артилл., 1828 г., 106, 108, 109.
 Сухоржевскій, генер., 1830 г., 741.
 Сухтеленъ, гр., ген.-квартирмейстеръ, 1828 г., 481, 493, 494.
 Схельтемаъ, голландск. ученый, 235.
 Сѣдовъ, Н. А., заводскій начальн., 638.
 Сѣряковъ, Лаврентій Авксент., акад., грав. на деревѣ, р. 1824 † 1881 г., 920.
 Тарбеевъ, генер., 1828 г., 486, 487.
 Татарниковъ, 1837 г., 338.
 Татарниковъ, Василій Алесѣев., государств. контролеръ, 1863 г., 887.
 Татищевъ, генер., 1826 г., 551.
 Тебенькова, Екат. Алесѣевна, рожд. Борисова, 576, 585—589.
 Тизенгаузенъ, Вас. Карлов., полковн., декабр., † 1858 г., 8.
 Тизенгаузенъ, Ф. Я., капит. 2-го ранга, 1808 г., 605, 621.
 Тиллеманъ, генер., 1813 г., 729.
 Тиль, В. Л., ст. сов., 1840 г., 388.
 Тимирязева, рожденная Вадковская, 1840 г., 20.
 Тимирязевъ, генер., астраханск. военн. губернат., 1840 г., 20.
 Тимковский, Вас. Феоdorf., 1827 г., 772.
 Тимковский, Р. Ф., проф. моск. унив., 49, 55, 56.
 Тимофеевъ, полковн., 1827 г., 773.
 Тихменевъ, Алесд. Ив., 1815 г., 609.
 Тихоцкій, об.-аудиторъ, 1828 г., 103, 104.
 Тихоневъ, О. Г., ориентал., 1815 г., 236.
 Токаревъ, худож.-архит., 1868 г., 369.
 Толль, бар., Карлъ Феоdorf., ген.-адъют., начальн. штаба арміи, 1829 г., р. 1777 † 1842 г., 288—301, 459, 507, 565—574, 706—718, 745.
 Толстой, гр., Алсд. Петр., офиц. генералъ-штаба, 1828 г., 495.
 Толстой, гр., Алесѣевъ, флиг.-адъют., 1828 г., 483.
 Толстой, Владим. Серг., прапорщ. московск. пол., декабр., † 1856 г., 3.
 Толстой, гр., Ив. Никл., севат., 1840 г., впоследствии харьковск. и московск. губернат., 82, 388, 396, 648, 657.

Толстой, гр. Петръ Алсдр., ген.-инф., 1829 г., 290, 569, 708, 717, 882.

Толстой, гр., Фед. Петр., тн. сов., вице-презид. акад. худ., медалирь, р. 1788 † 1873 г., 341.

Тонский, подполковн., 1842 г., 284.

Тормацовъ, гр., ген.-инф., моск. военн. ген.-губерн., 1817 и 1818 г., 664—667.

Торно, (Торнов) докт., бранденб. государст. канц., 1664 г., 914.

Торокъ, Конст. Петр., старшій адъют. вач. морск. штаба, декабр., † 1851 г., 390, 427, 595—657.

Тотлебенъ, Эдуардъ Ив., подполковн. 1854 г., нинѣ графъ, ген.-адъют., р. 1818 г., 902.

де-Траверсе, маркизь, И. И., морской ин-ръ 1812 г., р. 1754 † 1830 г., 665.

Траевинъ, подпоруч., 1826 г., 103.

Трачевскій, проф., ссылка на его монографію: «Союзъ князей и вѣмская политика Екатерины II, Фридриха II и Юсифа II, 1780—1786 г.,» 51, 52.

Треповъ, Фед. Фед., ген.-адъют., бывш. варшавск. генер.-полицмейст., 1863 г., вполсѣд. сиб-ій градоначальн., 831.

Трескинъ, Алсд. Семенов., полковн., 1840 г., 254.

Трескинъ, Констан. Семен., батальон. командиръ, 1841 г., † 1842 г., 270, 281—283.

Трескинъ, Никл. Ив., вркутс. гражданс. губернат., 1818 г., 614, 615.

Троцкийскій, Дмт. Прокоф., дс. тн. сов., сен., † 1829 г., 672.

Трубецкая, Алсандра Серг., въ замуж. Ребиндъръ, 1853 г., 393, 423, 654, 655.

Трубецкая, кнг., Екат. Ив., 655.

Трубецкая, княгиня, жена декабриста, 1827 г., 593.

Трубецкой, кн., адъют., 1829 г., 572, 713.

Трубецкой, кн., Серг. Петр., полковн. лб. гв. преображенскаго пол., декабр., † 1860 г., 311, 393, 423, 610, 654, 655.

Труворовъ, А. Н., членъ сотрудин. императ. русс. географич. общ-ва. Сообщ. въ 1877 г. автобіографію бывш. крѣпости. крестьянина, нинѣ Херсонскаго мѣщанина, Н. Н. Шинова: «Исторія

моей жизни и моихъ отравствій», 137—162.

Тупицкинъ, секретарь, 1826 г., 169.

Тургеневъ, Алсд. Ив., дс. со. сов., писат., 59, 283, 337—350.

Тургеневъ, Никл. Ив., дс. ст. сов., декабристь, писат., † 1872 г., 52, 312.

Турчаниновъ, А. А., 1815 г., 229.

Турчаниновъ, Н., учитель гимназій, 1829 г., 238.

Тучко-Морововъ, Мих. Васил., намѣстн. новгородск., 1521 г., 512.

Тучкова, Елис. Ив., рожд. Веригина, 516.

Тучкова, Маргарита Мих., рожд. Нарышкина, основательница и первая игуменья Спасобородинс. монастыря, 513.

Тучковъ, Алсд. Алсксѣв., 1811 г., 456, 513.

Тучковъ, Алсксѣй Алсксѣв., ген.-маіоръ, 1796 г., † 1853 г., 456—459, 465, 495, 514.

Тучковъ, Алсксѣй Вас., вичен. генер.-поруч., начальн. инженерн. корпуса, вполсѣд. сенат., † 1799 г., 513.

Тучковъ, Алсксѣй Пав., р. 1831 г., 498.

Тучковъ, Мих. Пав.; ген.-маіоръ, 503, 512, 513.

Тучковъ, Никл. Алсксѣв., корпусн. команд., 1811 г., † 1812 г., 456, 457, 497, 513, 514.

Тучковъ, Никл. Пав., адъют. Сообщ. «Записки Павла Алсксѣевича Тучкова», 455—511; Родосл. Тучковыхъ, 512—513.

Тучковъ, Пав. Алсксѣв., ген.-адъют., бывшій московск. военн. ген.-губернат., 1858 г., р. 1803 † 1864 г. Записки его: «Главныя черты моей жизни», 455—511.—Родословная его, 512—513.

Тучковъ, Серг. Алсксѣв., Изманловскій градоначальн., 1829 г., † 1829 г., 481, 482, 494, 513, 514.

Тюменевъ, поруч. инвалидн. команды, 1827 г., 797—802.

Уварова, гр-на, рожд. Лунина, 654.

Уваровъ, гр., Серг. Сем., ин-ръ народн. просвѣщ., 338.

Углицкій, полковн., 1827 г., 783.

Угрюмовъ, генер., 1826 г., 522.

Угрюмовъ, проф. живописи, 376.

Устряловъ, Никл. Герасимов., проф.-историкъ, † 1870 г., 365.

Уткинъ, Никл. Ив., проф. гравир., † 1863 г., 126, 135, 355—365.

Фаленбергъ, Петръ Ив., подполк., декабр., 3, 593, 594.

Феве, генералъ, 1841 г., 279.

Фердинандъ IV, кор. германскій, вѣнгерскій и богемскій, р. 1683 † 1684 г., 913, 914.

Фетхъ - Али - ханъ, персидс. шахъ † 1834 г., 450, 451. |

Филаретъ (Гумилевскій—въ мирѣ Дмитрій Григор.) епископъ рижскій съ 1841—1858 г., впослѣд. архіеп. Черниговскій, р. 1805 † 1866 г. Биографическій о немъ очеркъ, 805—816.

Филаретъ (Дроздовъ), митропол. москвс. съ 1826—1867 г., 1782 † 1867 г., 366—369, 418, 581, 807, 809.

Философовъ, адъютантъ, 1829 г., 718.

Финкельъ, проф. живописи, 656.

Фитингофъ, полковн., 1840 г., 274.

Фловіанъ, архимандр., 1837 г., 585.

Фогель, начальн. тайной канцел., 1826 г., 172, 193, 671.

Фомъ, Мих. Максимов., директ. канцел. III Отдѣленія Собств. его вел-ва канцеляріи, 1826 г. Письма-донесенія его къ гр. А. Х. Бенкендорфу 1826 г., 168—194, 303—336, 519—560.

Фонъ-Визина, жена декабр., 1827 г., 593.

Фонъ-Дезинъ, 616.

Фонъ-дёръ-Паленъ, гр., Николай, 1826 г. 318, 319.

Фонъ-дёръ-Паленъ, гр., Францъ, командиръ 2-го корн. русс. арміи, 1829 г., впослѣд. рижс. военн. ген.-губернат., 1830 г., 288—297, 510, 565—572, 706—718, 761.

Фонъ-дёръ-Паленъ, офиц. гвард. артилл., 1842 г., 284.

Фонтокъ, Антонъ, 1826 г., 465.

Фонтокъ, Юсифъ, русс. консулъ въ Адрианополь, 1826 г., 475, 573.

Фредерикъ, Дмит. Петров., казач. сотникъ, † 1844 г., 279, 280, 680—695.

Фрейтагъ, Робертъ Карлов., генер., начальн. лѣваго фланга Кавказс. арміи, 1842 г., 233, 295, 688—696.

Фрексъ, Х. М., 65.

Фридрихъ, 1826 г., 465.

Фридрихъ-Вильгельмъ-Великій, курфюрстъ Бранденбург., 1654 г., 910—915.

Фритбергъ, генер., 626, 627.

Фуксъ, чиновн. канцел. сиб. военн. ген.-губернат., 1819 г., 671.

Халибъ-паша, турец. военачальникъ, 1829 г., 294, 573.

Харламова, художн., 1868 г., 269.

Хатовъ, русс. консулъ въ Бухарестъ, 1826 г., 466.

Хвощинская, Надежда Дмит. (псевдонимъ В. Крестовскій), писательница, 1868 г., 370, 371.

Хлопцинь, генералъ польск. службы, 1831 г., 747.

Хованская, кнж., рожд., Ивашева, 5.

Хованскій, вл., Юрій Серг., 1840 г., 5, 6.

Хомутовъ, Мих. Григор., ген.-адъют., ваятельной атаманъ войска донскаго, 1855 г., 901.

Хомяковъ, Алексій Степ., писат., 1839 г., 342—347, 375, 820.

Хорошунко, Ѳ., священн. Статья его: „Филаретъ Гумилевскій, архіеп. черниговскій, 1805—1866 г.“, 805—816.

Храповицкій, Алкс. Вас., ст.-секрет. имп-цы Екатерины II, † 1801 г., ссылка на его «Записки», 767.

Хрулевъ, Степ. Александр., ген.-лейт., 1855 г., 211.

Хрущовъ, ген.-майоръ, 1855 г., 211, 301.

Цебриковъ, Никл. Романов., поруч. лѣ. вв. финл. полка, декабр., † 1866 г., 252, 253.

Целковской, полковн., 1827 г., 784.

Часовникова, бывш. секретарь М. Л. Магницкаго, 178.

Чезинъ, Конст. Владим., ген.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 298, 599.

- Чембулатовъ, докторъ, 1869 г., 372.
 Черкасскій, кн., Влدم. Алексд., пред-
 сѣдат. варшавс. комм. для упраздненія
 монастырей, 1863 г., 820, 824.
 Чересовъ, офицеръ гвард., 1829 г., 713.
 Чернецовы — братья, худож.-пейзажи-
 сты, 372.
 Черновъ, юнкеръ, 260.
 Черновубовъ, казач. полк., 1813 г., 730.
 Чернышева, гр-ня, Александра Гри-
 горьевна, въ замуж. Муравьева, 1827 г.,
 593, 624, 631.
 Чернышевъ, кн., Алсд. Ив., ген.-адъют.,
 военн. мн-рь, р. 1786 † 1852 г., 758,
 759, 888, 894.
 Чернышевъ, гр., Зах. Григор., ген.-
 фельдмарш., р. 1722 † 1784 г., 661.
 Чернышевъ, гр., Зах. Григор., ротмс.
 кавалергардс. пол., декабр., † 1862 г., 627.
 Черниковъ, Мих. Григор., капит. ге-
 неральн. штаба, 1855 г., вполсѣд. генер.,
 покоритель Ташкента, главнокомандую-
 щій въ Сербіи, 210—215.
 Чижовъ, Фед. Вас., издат. и редак-
 журн. «Вѣстникъ Промышленности»,
 1861 г., 407.
 Чистяковъ, Дорочей Ив., докт., 1845 г.,
 687, 688.
 Чихачевъ, 1826 г., 309.
 Чичаговъ, адмиралъ, 1812 г., 513, 889.
Шамилъ, имамъ Чечни и Дагестана, †
 1871 г., 24, 36, 261—281, 446, 680—694.
 Шамшинъ, проф. акад. худож., 131—134.
 Шарлемань, А., проф. акад. худож., 367.
 Шахововой, кн., генер., 1831 г., 747.
 Шаховъ, урядникъ обдорскій, 1844 г., 386.
 Шейдеманъ, генер., 1855 г., 211—214.
 Шенкигъ, офиц. генеральн. штаба, 1825 г.,
 462, 483.
 Шеншикъ, Васил. Никаноров., генер.,
 † 1831 г., 498—508.
 Шепелевъ, ген.-лейт., 1812 г., 665.
 Шервудъ, гвард. поруч., 1828 г.,
 103, 104.
 Шереметьевъ, гр., офиц. кавалергард.
 полка, 1826 г., 319, 330.
 Шехтель, Алонзій Осипов., саратовс.
 фабрикантъ, 1840 г., 7—9.
 Шехтель, Анна Ив., 1840 г., 7—9.
 Шехтель, Елизавета Ив., 1840 г., 7—9.
 Шехтель, Марія Кондрат., 1840 г., 8, 9.
 Шехтель, Францъ Осипов., саратовс.
 фабрикантъ, 1840 г., 7—9.
 Шиллингъ, Фед. Ив., директ. рязанс.
 гимназій, 1853 г., 118.
 Шилдберъ, Карлъ Андр., ген.-адъют.,
 1829 г., р. 1786 † 1854 г., 291, 292,
 300, 712, 718.
 Шимановскій, капит. польск. гвардейск.
 генеральн. штаба, 1828 г., 488.
 Шиповъ, Никл. Никл., бывшій крѣ-
 постной крестьянинъ, нынѣ херсонс.
 мѣщанинъ. Сообщ.: «Исторія моея жизни,
 1802—1862 гг.» (Окончаніе) 137—162.
 Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ
 Алсд., управл. ми-вомъ народн. прѣ-
 свѣщ., 338, 341, 344.
 Шипшовъ, Алсд. Сем., адмир., мн-рь
 народн. просв., презид. акад. и чл.
 госуд. сов., р. 1754 † 1841 г., 70, 178,
 189, 342, 551.
 Шипшовъ, Владимиръ, 1826 г., 189.
 Шлегель, докторъ, 1831 г., 503.
 Шлецеръ, проф., историкъ и ученый,
 55, 58, 63, 65, 74, 345.
 Штейнбокъ, гр., офиц. 1843 г., 680
 700—702.
 Штейнгейль, бар., Владим. Ив., отставн.
 подполковн., декабр., р. 1784 † 1862 г.;
 примѣчанія его къ запискамъ М. А.
 Вестулева 616—655; упом. 593.
 Штемпель, команд. батал. внутр. стражи,
 1827 г., 770.
 Штемпель, Эрнестъ Ермолаев., полковн.,
 1844 г., 686.
 Штутлицъ, банкиръ, 1826 г., 315, 523.
 фонъ-Штрэндманъ, Мятнусъ, 1820 г.
 232—234.
 Шульгинъ, Александръ, ген.-майоръ,
 1820 г., 676, 677.
 Шульцъ, К., 1820 г., 232.
 Шумскій, флиг.-адъют., 1826 г., 534.
Щаповъ, совѣтн. областн. правленія;
 1852 г., 391.
 Щегинъ, фельдтегеръ, 1829 г., 711.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1881 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

- СТР.
- I. Записки Павла Алексѣевича Тучкова: Главныя черты моей жизни. Сообщ. Никл. и Михаил. Тучковы 455—510 — Замѣтки о фамиліи Тучковыхъ 511—518
 - II. Воспоминанія Александра Петровича Бѣляева: пережитое и перечувствованное съ 1803 года. Главы XVI—XXIII (Окончаніе) 1—46; 251—286 и 679—704.
 - III. Записки князя Николая Сергѣевича Голицына, 1825—1855 гг. Гл. VIII. Сатуново на Дунаѣ 1828 г.—Три недѣли подъ Варной.—Вылазка 2-го сентября 1828 г.—Кончина императрицы Маріи Θεодоровны.—Императоръ Николай Павловичъ на Черномъ Морѣ, 1828 г. 101—110
 - IV. Записки декабриста Михайла Александровича Бестужева, р. 1800 † 1871 г. Главы I—XXIV: въ Читѣ и въ Петровскѣ.—Друзья и союзники.—Техническіе, научные и литературные труды братьевъ Бестужевыхъ.—Воспоминаніе о Рылѣевѣ.—Жизнь на поселеніи.—Смерть Николая Бестужева, 1800—1855 гг. 591—658
 - V. Декабристы въ Читѣ и въ Петровскѣ, 1827—1840 гг. Воспоминанія Д. И. Завалишина. 419—434

- VI. Баронъ Владиміръ Ивановичъ Ш ль—декабристъ.
Рукопись его: „Записки Несчастливаго“ написаны имъ
со словъ Василя Павловича Колесникова, въ Петров-
скомъ заводѣ, въ Сибири, въ 1835 г.; посвящено и пода-
рено имъ Михаилу Александр. Бестужеву . . . 763—804
- VII. Исторія моей жизни. Разсказъ бывшаго крѣпостнаго
крестьянина Никол. Никол. Шипова, 1802—1862 гг.
(Окончаніе). 137—162

Ислѣдованія и историко-біографическіе очерки.

- I. Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ. Дѣятельность
его на пользу разработки русской исторіи и археоло-
гии. Очеркъ изъ русской исторіографіи. Статья проф.
В. С. Иконникова. 47—74; 225—250
- II. Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій,
р. 1805 † 1866 г. Глава V. Историко-біографическій
очеркъ. (Окончаніе). Состав. и сообщ. свящ. Ѳ. Хо-
рошунувъ. 805—816
- III. Баронъ Федоръ Клементьевичъ Гейсмаръ, 1783—
1848. Біографическій очеркъ. Составилъ и сообщ. ба-
ронъ В. Гейсмаръ. 721—762
- IV. Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и
государство, 1850—1863 гг. Очеркъ по документамъ
и свидѣтельствамъ очевидцевъ. Составилъ Д. И. Зава-
лишинъ. 75—100
— Документы, относящіеся къ Сибири, 1840—1864 гг. Выдержки
изъ писемъ различныхъ лицъ въ Д. И. Завалишину, 1840—1864 гг.
Сообщ. Д. И. Завалишинъ 387—418
- V. Между строками одного формулярнаго списка. Очеркъ
изъ Записокъ одного сенатора, 1823—1881 гг. Сообщ.
А. К. 817—880

Переписка, рассказы, очерки, замѣтки, поправки.

Время до Петра I.

- I. Посольство Федора Федоровича Порошина въ Берлинъ въ 1654 г. Сообщ. баронъ Б. Кене 910—916

Царствование Петра I.

- I. Завоеванія Россіи въ Гилянѣ, 1722 г. Перев. съ персидскаго и сообщ. Ад. П. Берже стр. 452—453

Царствование Екатерины II.

- I. Языкъ любви сто лѣтъ назадъ. Выдержки изъ писемъ неизвѣстной дамы къ кн. Г. А. Потемкину-Таврическому, 1774 и слѣдующихъ годовъ 195—200
- II. Плачъ кievскихъ монаховъ. Сатира въ виршахъ XVIII-го столѣтія. Рукопись 1792 г. 435—444
- III. Графъ Войновичъ въ Персіи въ 1781 г. Рассказъ. Перев. съ персидскаго и сообщ. Ад. П. Берже 450

Царствование Александра I.

- I. Рескриптъ императора Александра Павловича о прекращеніи жестокаго обращенія съ солдатами, 12-го іюня 1804 г. 659—660
— I. Замѣтка о бывшемъ военномъ министрѣ С. К. Вязмитиновѣ, 1804 г. Сообщ. А. Вязмитиновъ 660—662
- II. Нужды и горе Россіи въ началѣ царствованія Александра I,—отвѣтъ Федору Васильевичу Ростопчину, на одно изъ его писемъ, 1807 г. Сообщ. въ 1880 г. Ѳ. К. Опочининъ 906—909
- III. Письма императора Александра Павловича гр. Никл. Ив. Салтыкову, 1812 г. 662—665
- IV. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. М. П. Голенцова-Кутузова, 26-го сентября 1812 г. о службѣ кн. Яшвиля. 665—666

	СТР.
V. Рескриптъ императора Александра Павловича кн. М. И. Голенищеву-Кутузову о высылкѣ изъ арміи кн. Яшвиля, 3-го октября 1812 г.	666
VI. Всеподданѣйшее донесеніе кн. Кутузова о кн. Яшвилѣ	—
VII. Москва въ 1814 г. Письмо Ѳ. В. Ростопчина къ А. Д. Балашову. Сообщ. А. Колосовскій.	219—220
VIII. Два повелѣнія императора Александра Павловича гр. Тор-масову, 1817 и 1818 гг.	666—667
IX. Толки и настроеніе умовъ въ Россіи по донесеніямъ высшей полиціи въ С.-Петербургѣ съ августа 1818 по 1-ое мая 1819 г.	667—676
X. Вѣдомость о происшествіяхъ въ Москвѣ 2-го и 3-го февр. 1820 года.	677
XI. Донесенія ген.-маіора Шульгина цесаревичу Константину Павловичу, 9-го февр. 1820 г.	676—677
XII. Молитва для мусульманъ на Кавказѣ. Составилъ въ 1820 г. А. П. Ермоловъ. Сообщ. Ад. П. Берже	454
XIII. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Разсказъ къ его характеристикамъ. Сообщ. К. А. Измайлдовъ	201—208
XIV. Всеподданѣйшее письмо гр. В. П. Кочубея императору Александру Павловичу 10-го ноября 1822 г. о ссылкѣ Лабзина	881—882
XV. Резолюція императора Александра Павловича по случаю похоронъ княгини Кутузовой, 24-го іюля 1824 г.	882—883
XVI. Письмо ген.-маіора А. А. Писарева барону Дибичу, 13-го марта 1825 г., и отвѣтъ на оное Дибича.	883—884

Царствованіе Николая I.

I. Письмо генерала А. Н. Потапова къ цесаревичу Константину Павловичу, 10-го декаб. 1825 г.	918—920
II. Отвѣтъ на оное письмо цесаревича Константина Павловича, 16-го декабря 1825 г.	920
III. Петербургское общество въ началѣ царствованія императора Николая. Письма и донесенія М. М. Фока къ гр. А. Х. Бенкендорфу о толкахъ и настроеніи умовъ въ Петербургѣ. Сообщ. въ 1875 г. П. М. Дораганъ. Перев. съ французскаго въ 1876 г. г. Казинъ. 163—194; 303—336; 519—560	519—560
IV. Два всеподдани. письма С.-Петерб. военн. генер.-губерна-	

- стр.
- тора Голенищева-Кутузова о празднованіи въ С.-Петербургѣ коронаванія ихъ имп—хъ вел—ствъ, 25-го и 29-го августа 1826 г. 884—886
- V. Просьба ген.-маіора Писарева о назначеніи его попечителемъ Москов. учебнаго округа, 1826 г., и отвѣтъ Дибича. 883
- VI. Императоръ Николай Павловичъ и графъ Дибичъ-Забалканскій. Переписка во время Русско-Турецкой войны, 1829 г. 287—302, 561—574; 705—720
- VII. Письмо А. А. Бестужева гр. Дибичу, 10-го февр. 1829 г. 886—887
- VIII. Всеподд. письма гр. А. А. Аракчеева Императору Николаю Павловичу, 4-го и 24-го сент. 1831 г. 887—889
- IX. Князь А. И. Барятинскій въ 1835 году. Замятка къ статьѣ Д. И. Романовскаго: «Генераль-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война». Сообщ. М. И. Венюковъ. 217—218
- X. Бюрократическая война, 1839 г. Переписка гр. А. Г. Строгонова съ кн. П. Горчаковымъ и революція императора Николая. 890—894
- XI. Обдорскій возмутитель, 1844 или 1845 гг. Разсказъ. Сообщ. Зах. Александр. Баршъ. 377—386
- XII. Собственноручная записка Императора Николая Павловича о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ 1-го февраля 1855 г. для кн. И. Ѳ. Варшавскаго 896—899
- XIII. Предсмертное письмо Императора Николая Павловича къ М. Д. Горчакову, 2-го февраля 1855 г. 895—896

Царствованіе Александра II.

- I. Переписка Императора Александра Николаевича съ княземъ И. Ѳ. Паскевичемъ и кн. М. Д. Горчаковымъ, 1855 г. 899—906
- II. Въ Севастополѣ въ 1855 г. Извъ Записокъ очевидца. Сообщ. П. В. Алабинъ. 209—217
- III. Поправка къ «Запискамъ И. В. Селivanова» о польскомъ восстаніи 1864 г. Сообщ. Митрофанъ Городецкій. . 678

Исторія русской литературы.

- I. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій).
1. Письмо его изъ Якутска къ гр. Дибичу, 1829 г., о дозволеніи ему вступить рядовымъ на Кавказъ.
(См. выше, стр. 886—887).
 2. Воспоминанія о немъ въ «Запискахъ М. А. Бестужева».
(См. выше, стр. 591—658).
- II. Александръ Ивановичъ Тургеневъ: стр.
- Письма его къ К. С. Сербиновичу 1827—1845 гг. Сообщ. въ 1871 г. Конст. Степ. Сербиновичъ. 337—350
- Примѣчанія къ письмамъ А. И. Тургенева 1827—1845 г. Состав. и сообщ. Н. П. Барсуковъ. 337—350
- III. Иннокентій Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.
- Письма его къ наставнику и руководителю его въ дѣтствѣ, свящ. Василю Климентову, 1822—1855 гг. Сообщ. съ предисловіемъ В. А. Кондаковъ. 575—590
- IV. Измаиль Ивановичъ Срезневскій, акад. и профессоръ.
- Два письма его къ племяннику, свящ. Запольскому, 1856 г. Сообщ. А. И. Маркевичъ. 916—918
- V. Николай Ивановичъ Широковъ.
- Празднованіе пятидесятилѣтія его ученой и общественной дѣятельности, 24-го мая 1881 г. 221—224
- VI. Адольфъ Петровичъ Берже, д. стат. сов., предсѣдатель Кавказской Археографической комисіи, ученый и ориенталистъ.
- I. Изданые подъ его редакціей: Акты Кавказской археографической комисіи. Т. II: баронъ Розенъ и время его управленія Кавказомъ, 1831—1837 гг. 445—449
 - II. Перечень главныхъ трудовъ Ад. П. Берже 449

Русскіе художники.

- I. Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ, граверъ на деревѣ, академикъ, р. 1824 † 2-го янв. 1881 г.
Замѣтка къ очерку Н. П. Собко: «Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сѣрякова». Сообщ. М. Городецкій. 920—921
- II. Иванъ Петровичъ Пожалостинъ, Почетный вольный общникъ императорской академіи художествъ, академикъ, граверъ на мѣди, 1837—1881 гг.
- I. Моя жизнь и художественные труды. Главы V—XII.
111—136; 351—376
- 1) Поправки къ «Запискамъ». Сообщ. П. П. Пожалостинъ. 678

Портреты и рисунки.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ проф. А. Шарлеманъ, рисоваль К. О. Брожь, гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавную вѣзетку).
- II. Портретъ архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравировалъ Г. И. Грачевъ, ученикъ Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 225).
- III. Портретъ историка-профессора Сергѣя Михайловича Соловьева. Предсмертная гравюра академика Л. А. Сѣрякова, окончилъ ученикъ его И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 1).
- IV. Портретъ ген.-адъютанта барона Ѳедора Клементьевича Гейсмара, 1783—1848. Гравировалъ художникъ-граверъ И. И. Матюшинъ, ученикъ акад.-грав. Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 679).
- V. Два рисунка „сидѣекъ“ или „бестужевокъ“.
(См. стр. 658).
-

Приложенія.

- I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. (См. въ приложеніи къ книгамъ IX—XII. Окончаніе Записокъ и приложенія къ нимъ, стр. 407—636).
-
- I. „Русская Старина“ въ изд. 1881 года. Обзоръ двѣнадцати книгъ 921
- II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, рассказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1881 гг. 937
- III. Матеріалы журнальной статистики: „Русская Старина“ въ 1881 году 943
- IV. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXXII томѣ „Русской Старины“ изд. 1881 года . . . стр. 1—48
- V. Систематическое оглавленіе XXXII-го тома „Русской Старины“ изд. 1881 года I—IX
- VI. Поправки и опечатки. X
-

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Т. I. 387+III. г. II, 389—852+III—186. 1880 года. (На оберткѣ 9-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
2. Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края. Приложение ко II тому 1881 г. 245+XXVI. (Тамъ-же).
3. Архивъ князя Воронцова. Т. XXI. М. 1881. 477. (Тамъ-же).
4. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881. 127. (Тамъ-же).
5. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митрополита, подъ ред. Н. Субботина. Т. VI. М. 1881. 334+XXVIII. (Тамъ-же).
6. Родъ Шереметевыхъ Александра Барсукова. Кн. I. Спб. 1881. 545* (Тамъ-же).
7. Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. XXIX. Спб. 1881. 736. (На оберткѣ 10-й книги «Русской Старины» 1881 г.).

8. Родъ дворянъ Демидовыхъ, К. Д. Головщикова. Ярославль. 1881. 268+105. (Тамъ-же).
9. Нравственнос состояніе русскаго общества въ XVI в. по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ ему памятникамъ, Ивана Преображенскаго. М. 1881. 249. (На оберткѣ 11-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
10. Переселеніе крестьянъ Вятской губерніи. Изслѣд. Вятск. губ. статистика Н. Романова. Изд. Вятскаго губерн. земства. Вятка, 1881. 336+132. (Тамъ-же).
11. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. III (1808—1827). Изд. графа С. Д. Шереметева. Спб. 1880. XV+453+VIII. Т. IV. Стихотворенія (1828—1852) VIII+374+XII. Т. V. (1818) «Фонъ-Визнъ» XVI+351. (Тамъ-же).
12. Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи. Русь до Татарскаго нашествія. Выпускъ первый. Составилъ К. Елпатовскій. Спб. 1881 г. III+106 въ 8 д. л. (Тамъ-же).
13. П. О. Бобровскій. Развитие способовъ и средствъ для образованія юристовъ военнаго и морскаго вѣдомствъ въ Россіи. Историческое изслѣдованіе. Періодъ преобразованій Петра Великаго. Спб. 1881. VII+166+XII, въ 8 д. л. Цѣна 1 р. 25 коп.
- Состояніе военнаго права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ XVI, XVII и начало XVIII вѣка. Спб. 1881 г. IV+III+464 стр. въ 8 д. л. Ц. 2 р. (На оберткѣ 12-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
14. Ю. Я. Явсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Изданіе второе. Спб. 1881. XVI+166+102 стр. въ 8 д. л. Ц. 1 р. 50 коп. (Тамъ-же).
15. Викторъ Рагозянъ. Нолга. Томъ первый. Спб. 1880. III+387+VIII стр. въ 8 д. л. Ц. съ атласомъ 3 р. 50 коп. (Тамъ-же).

Примѣч. Всѣ замѣтки въ библ. листкѣ, кромя 11—15, сообщ. профес. В. С. Иконниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

XII-й томъ сего Записокъ содержитъ слѣдующее:

Псифисмъ древняго города Херсониса о назначеніи почестей и наградъ Диафанту полководцу Мирадата-Евнатора, за покореніе крима и освобожденіе Херсонисцевъ отъ владычества Скивовъ. Д. Ч. Юргевича

Февраля 14-го. Преставленіе и похвала святому отцу Константину, нареченнаго Киріла, учителя словеску язъку и Болгарску философа. Створено Климентомъ. Сообщеніе Д. Ч. Викторова. Прологъ, въ 15-й день юля. Память святаго князя Владиміра, крестившаго всю русскую землю. Сообщ. Ч. О. Мурзакевича.

Путешествіе по Крыму въ 1793 и 1794 годахъ академикомъ П. С. Палласа. Первая половина. Переводъ съ нѣмецкаго М. Славичъ, съ примѣчаніями.

Древнія греческія надписи, найденныя въ Керчи, Аванѣ и Херсонисѣ въ 1880 году; Д. Ч. Юргевича — Опытъ соглашенія открытой въ Херсонисѣ надписи съ природою мѣстности и сохранившимися у древнихъ писателей свидѣніями, относящимися ко времени войнъ Діофанта, полководца Мирадата, съ Скивами; Д. Ч. Бурачкова — Распоряженія свѣтѣйшаго князя Григорія Александровича Погеммина Таврическаго (208 ордеровъ) касательно устройства Таврической области, съ 1781 по 1786 годъ. Сообщ. Ч. О. Мурзакевичъ. — Письма Екатеринославскаго губернатора В. В. Коховскаго состоявшему при дѣлахъ ея величества Екатерины II, тайн. сов. В. С. Попову, для доклада князю П. А. Зубову, съ 20-го января 1782 по 24-е юня 1791 г. Сообщ. Ч. О. Мурзакевичъ — Астрономическое положеніе городовъ въ Крыму, сдѣланное въ 1780 году. Сообщ. Д. Ч. Курпсъ.

Лѣтопись Общества съ 14-го ноября 1879 по 14-е ноября 1881 года. Некрологи Армяно-Григоріанскаго архіепископа Гавріила Айвазовскаго; Д. Ч. Караулова; Профессора Ф. К. Бруна; Ч. О. Мурзакевича; Профессора Ш. В. Беккера; Ч. О. Мурзакевича — Надписи, найденныя въ мѣстности древняго города Тѳми. вынѣ Кюстенджи; Д. Ч. Юргевича — Старинная церковь въ мѣстечкѣ Каушанакъ, Бессарабской губерніи; священника І. Няги. — Одесскій гражданинъ Ларіонъ Федоровичъ Портновъ; Ч. О. Мурзакевича — Аванасій Федоровичъ Колпакъ, новороссійскій колонизаторъ; Ч. О. Мурзакевича. Село Вязозерга, Ивановское тожъ; Вязозерская церковная надпись; Д. Ч. Чиркова. Топографическое описаніе Корсунскаго монастыря; Д. Ч. Чиркова. Топографическое описаніе Самарскаго Николаевскаго монастыря, находящагося Екатеринославской губерніи въ 2-хъ верстахъ отъ города Новомосковска; Д. Ч. Чиркова. Описаніе строеній бывшихъ: Херсонской крѣпости и Адмиралтейска, при состояніи ихъ съ 1808 по 1825-й годъ, къ топографическимъ планамъ оныхъ; Д. Ч. Чиркова. Вознесенскій соборный храмъ въ Ново-Нѣмецкомъ монастырѣ, Кишиневской епархіи. Сообщ. Д. Ч. Накко. Два письма генераль-маю, а М. И. Голенщикова-Кутузова 1790 и 1791 годъ въ Сообщ. Ч. О. Мурзакевича.

Къ тому приложено пять литографированныхъ листовъ: I и II Чертежи Ханскаго Бахчисарайскаго дворца въ 1836 г. нижній и верхній этажи. III. Планъ и фасадъ Екатерининскаго дворца въ Севастополѣ, 1787 г. IV. Планъ городища близъ Евпаторіи. V. Обелискъ въ память М. И. Голенщикова-Кутузова.

Цѣна XII тому **четыре рубля**, безъ пересылки. Желающіе имѣть оный обращаются въ Одесскій Музей Общества.

Этотъ томъ вообще содержитъ важныя и малоизвѣстныя обстоятельства относительно Крыма и Очаковской земли, что тепе въ Таврической и Херсонской губерніи.

Поступилъ въ продажу портретъ Государыни Императрицы

МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

Большая гравюра на мѣди, исполненная академикомъ И. П. Пожалостиннымъ и отпечатанная на отличной бѣлой бумагѣ въ Парижѣ.

Цѣна портрета въ магазинѣ Фельтена въ Петербургѣ **ШЕСТЬ** руб.

Подписчики историческаго журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“ могутъ получить этотъ портретъ за **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкою и доставкою. Требования благоволятъ обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВОЕ ОБЩЕСТВО.

Попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей.

Въ С.-Петербургѣ, Кабинетская улица, домъ № 2-й, квартира № 10.

Попечительство для сбора пожертвованій имѣетъ честь заявить, что оно принимаетъ всякаго рода пожертвованія, какъ то: битое стекло, старыя тряпки, коробки, пробки, клочки бумаги, исписанныя тетради, катушки, старое, хотя совершенно поношенное, бѣлье и платье, старыя книги и карты, старую мебель, битую посуду и вообще вещи не нужныя, которыя въ отдѣльности не имѣютъ не только никакой цѣны, но часто въ семействѣ стѣсняютъ—образуютъ пыль и грязь и занимаютъ мѣсто; между тѣмъ эти то вещи, повидному, ничего не стоящія, дають въ массѣ почтенныя цѣфы, на которыя Попечительство имѣетъ возможность одѣвать и воспитывать круглыхъ сиротъ или дѣтей бѣднѣйшихъ родителей.

Во второе полугодіе дѣятельности Попечительства помощію его пользовались 76 дѣтей.

Для удобства жертвователей, которые не могутъ сами послать вещи, Попечительство предлагаетъ заявить о своемъ намѣреніи по почтѣ и назначить день и часъ, въ какой оно можетъ прислать своего артельщика принять жертвуемыя вещи и выдать установленную расписку.

Попечительство приглашаетъ къ пожертвованію также гг. иногородныхъ жителей.

Подробныя разъясненія, а также и отчеты дѣятельности Попечительства выдаются въ помѣщеніи Попечительства, а также высылаются гг. иногороднымъ жертвовательцамъ.

Письма просятъ адресовать въ С.-Петербургѣ. Въ Попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей. Кабинетская ул., д. № 2, кв. № 10.

Попечительство обращается въ Редакціи газетъ и журналовъ съ просьбой перепечатать это объявленіе.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ, ОТЪ 2-хъ ДО 4-хъ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ
ВЪ НОМЕРѢ)

II

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(ДВУХМѢСЯЧНОЕ—ОТЪ 18 ДО 24-хъ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ ВЪ КАЖДОЙ
КНИЖКѢ)

будутъ излаваться при с.-петербургской духовной академіи въ 1882 году на
прежнихъ основаніяхъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіи года напечатается бо-
льше 260 листовъ убористаго шрифта. При «Христіанскомъ Чтеніи» въ слѣ-
дующемъ году будетъ продолжаться начатое съ 1879 г. печатаніе

ТОЛКОВАНІЙ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ,

съ особымъ счетомъ страницъ, такъ что къ концу 1882 года составитя че-
твертый выпускъ «Толкованій» (въ четвертомъ выпускѣ будетъ продолжаться
печатаніе «Толкованія на книгу Псалмовъ»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Вѣтхій заветъ»—СЕМЬ
РУБ. съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»—ПЯТЬ РУБ., за «Христіан-
ское Чтеніе» съ «Толкованіями»—ПЯТЬ РУБ. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба
журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. Номера «Церковнаго Вѣстника» по 15 коп.

Иногородные надписываютъ свои требованія прямо: Въ Редакцію «Церков-
наго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ.

Адресъ отдѣленія конторы, гдѣ принимаются: объявленія для напечатанія
и для разсылки при журналахъ, а также подписка на журналы отъ петер-
бургскихъ подписчиковъ и гдѣ можно получать отдѣльными изданіями редакціи:
Солдатскій переулокъ, между Знаменской и Преображенской ул., домъ Ива-
нова № 5, кв. № 3-й.

Кромѣ того можно подписываться у комиссіонеровъ Редакціи: въ Петер-
бургѣ при книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (бывшемъ Кораблева,) въ Мо-
сквѣ—ц, и книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова.

**XIII ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ**

„НИВА“

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО Т. Е. 52 НОМЕРА ВЪ ГОДЪ.

(болѣе 2000 рисунковъ и чертежей, 2000 столбцовъ текста)
съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 выкроекъ чертежей въ натуральную величину и 300 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ)

Премія на 1882 г. большая новая картина: профессора В. И. ЯКОБЯ подъ заглавіемъ

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

печатанная маслянными красками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПО БОЛЬШОЙ
МОРСКОЙ, Д. № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“

съ правомъ на получение всѣхъ безплатныхъ Премій въ теченіе 1882 года

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . 4 р.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Отд. Конт.

„Нивы“ у Н. Петковой 5 р.

Съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . . 5 „ 50 к.

Съ доставкой въ Москвѣ и другякъ гор.

и хѣсточкахъ Имперіи 6 „

„НИВА“ даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ русской исторіи, рассказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію (особенно зоологін) гігіенѣ (ученія о здоровьѣ) географіи, этнографіи, путешествіяхъ, технологіи, астрономіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣдѣнія изъ внутренней жизни страны, еженедѣльное политическое обозрѣніе, сѣтсь, хозяйственные сѣтсь, шашечныя, шахматныя и математическія задачи и загадки и проч.

ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ ВЪ „НИВѢ“ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1882 ГОДУ мы имѣли кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ поименуемъ только слѣдующія: большой романъ „ВОЛТЕРЬЯНЕЦЪ“ Вс. С. Соловьева, служащій продолженіемъ романа „СЪРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“, помѣщенного въ 1881 г.; рядъ рассказовъ А. Я. Максимова „изъ жизни на крайнемъ Востокѣ“; рассказъ В. Г. Австенко „Испанскій дворянинъ“; рассказъ Вс. В. Крестовскаго „изъ впечатлѣній его кругосвѣтнаго плаванія“; Н. И. Случевского рассказъ „Мамьякъ“; рассказъ Н. Бова „На озерѣ“; рассказъ С. В. Максимова „Барышники“; повѣсть П. П. Гнѣдича въ 2 частяхъ „Въ южной глуши“; рассказы Н. Успенскаго. Какъ ПРЕМІЮ на будущій 1882 годъ мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія, когда бы они ни представили свои подписки—кромѣ большаго стѣннаго календаря 1882 года, очень большую роскошную олеографію съ новой картины вѣзвѣснаго русскаго художника Профессора В. И. ЯКОБЯ

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Картина написана по заказу „НИВЫ“; сюжетъ заимствованъ изъ извѣстнаго романа „Князь Серебряный“ Графа А. К. Толстаго. Блестящія копіи-олеографіи будутъ имѣть именно величину оригинала, т. е. 62 сант. ширины и 82 1/2 сант. высоты—словомъ большой форматъ.

Желающій подписаться на будущій 1882 г. „НИВЫ“ просятъ заблаговременно обращаться въ главную Контору Редакціи „НИВА“, (помѣщается въ С.-Петербургѣ, Больш. Морск. ул. д. № 9).

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. Марковъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Журналъ для Дѣтей выходитъ ежемѣсячно двумя книжками, для старшаго и младшаго возрастовъ, украшенными отдѣльными картинками и иллюстраціями въ текстѣ. Въ журналѣ помѣщаются повѣсти и рассказы, историческіе очерки, путешествія, біографіи замѣчательныхъ людей, популярныя статьи по естественной исторіи, стихотворенія, анекдоты, задачи, объявленія и проч.

При существующей дороговизнѣ дѣтскихъ книгъ въ Россіи, редакція задалась мыслью издавать журналъ, по цѣнѣ доступный родителямъ всѣхъ состояній и по внутреннему содержанію способный удовлетворить дѣтей всѣхъ возрастовъ. Въ этомъ направленіи редакція будетъ продолжать трудиться и въ будущемъ 1882 году, совершенствуя изданіе и содѣйствуя воспитателямъ посредствомъ пріятнаго и полезнаго чтенія въ исполненіи ихъ трудныхъ задачъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: гг. А. Величковъ, Д. Васильевъ, Н. Илискій, П. Падучевъ, Д. Стангинскій, Н. Спекторскій, О. Савенко; г-жи Е. Тихомирова, О. Добровольская, Е. Фувель, Ю. Глики, Е. Шелеметьева, В. Петровская, А. Яковлева и мног. друг.

ПРЕМИИ:

Каждому двадцать пятому подписчику по порядку поступления въ редакцію подписки (т. е. №№ 25, 50, 75, 100, 125, 150 и т. д.) будетъ бесплатно выслано годовое изданіе „Журналъ для Дѣтей“ за 1881 г. или, по желанію подписчика, роскошно изданная книга или картина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

12 книжекъ младшаго возраста (отъ 8—12 лѣтъ) 4р.

12 книжекъ старшаго возраста (отъ 12—15 лѣтъ) 4р.

Полное изданіе въ 24 книжки. 8р.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи „Журнала для Дѣтей“ (Спасская Садовая, Докучаевъ переулокъ, домъ Шорина), у книгопродавцевъ Мамонтова, В. Готье и Тихомировой (магазинъ Начальная Школа) на Кузнецкомъ мосту и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору Редакціи.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ НА
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“
 БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ
 СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го Января 1882 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ XIV годъ (т. е. томы XXVII и XXVIII) своего существованія. Извѣстность, пріобрѣтенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы еженедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа, самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

По случаю предстоящей въ 1882 г. Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, особенное вниманіе Редакціи будетъ обращено на изготовленіе цѣлой серіи рисунковъ относящихся къ этому высокаторжественному празднеству.

Кромѣ того, къ «Всемирной Иллюстраціи» 1882 г. будетъ приложенъ бесплатно отдѣльный роскошный «Альбомъ Всероссийской Промышленно-Художественной выставки», имѣющей состояться въ будущемъ году въ Москвѣ. Въ Альбомѣ этомъ будетъ заключаться множество рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній выставки.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1882 г.:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 13 р. — к. || Съ дост. въ С.-Петербургѣ 14 р. 50 к.
 Безъ доставки въ Москвѣ . 14 » — » || Съ перес. въ другіе города. 16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, науку, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ **ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача «Всемирной Иллюстраціи» — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событий во всѣхъ сферахъ полит. и обществ. жизни.

Каждый годъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА,

каждый до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

«ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»

изъ англ. каленкора, съ золотыми тиснен. по рис. художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. 50 коп.

Цѣна первыхъ 24 томовъ «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес.; въ англ. каленкоромъ перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ., тисненн. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоить по 12 р. безъ перес. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложевій), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложевій) и 1879 г. (т. XXI и XXII) и 1880 г. (т. XXIII и XXIV) — по 9 р. безъ перес., кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку cadaго года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Главная контора Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., д. № 16.

Для удобства свѣтъ помпичковъ. Контора Германа Гинне принимаетъ посылку в на всѣ русскіе и иностраннныя журналы и газеты.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста, въ С. Петербургѣ.

МАГАЗИНЪ

ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ПРОДАЖИ.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ

ДЛЯ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

Большой сборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доставка книгъ на домъ.—Новости по мелкому на просмотръ. Пріемъ книгъ на комиссію цѣлыми изданиями, для быстраго распространенія въ столицѣ и черезъ специальныхъ корреспондентовъ склада, во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи, при безплатныхъ публикаціяхъ въ «Российской Библиографіи», въ «Ежемесячной каталогѣ вами. нов. русскихъ и иностранныхъ книгъ», въ «Годовомъ каталогѣ», а также, по соглашенію, въ болѣе распространенныхъ газетахъ.

Остро аккуратное копированіе Гр. иностранныхъ.—Пріемъ подписки на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.—Ежегодное полученіе иностранныхъ изданій.

Для удобства иностранной публики издаваніе Эмиля Гартъе имѣются постоянно на лицо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальнахъ книгопродавцевъ.

Постоянный покупательный капиталъ БВНПЛАТНО «Ежегодн. каталогъ вами. новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ», (Подписная цѣна за 12 №№ въ годъ 1 руб. С.).

На всѣ относящіяся до книжн. дѣла запросы, къ которымъ для отвѣта приложена почт. марка, —складъ отвѣчаетъ немедленно.

ПРИ СКЛАДѢ
КОМПАНИИ:

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА

„РОССИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ“
(ВСТУПИТЕЛИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ)

24 №№ въ годъ, цѣна съ доставкой и
пересылкою 5 руб.

КОНТОРА ЖУРНАЛОВЪ:

Библиотекъ для чтенія,
Электротеченъ,
Сборникъ Видювъ, Ламат-
Иньоль и т. п.
Ремесло.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА

ПОДПИСКИ

на всѣ русскіе и иностранные
ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

СКЛАДЪ

ГЛОБУСОВЪ, ТЕДУРІЙ

и

ПЛАНЕТАРІЙ

изд. Эмиля Гартъе.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. Рунча о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго бриллианщика Лозье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Шикара;—Записки Михаила Александровича Вестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Вахланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтовъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ, ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки П. Ф. Карабанова. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣва, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Волотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковичъ рисунками.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.]

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1876 г.

второе изданіе, съ портретами: Лжедмитрія I, полководца Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостиннымъ. Портреты Екатерины II и графа Араччова — гелиографическіе снимки. Портреты—Емельяна Пугачева, кавказ. генерала Клугенау и В. Г. Вѣлиноскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гартновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, рассказъ профес. Ѳодора Григорьевича Солнцева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кievскихъ соборахъ; посѣщенія кievскихъ святыхъ императоромъ Николаемъ I; рассказы о вѣкоторыхъ іерархахъ; рассказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Маѣевичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семеновскаго.—Бунтъ Беневскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буляскій, его біографія, составленная профес. Л. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., рассказъ очевидца.—Артемій Вольтинскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьена монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ рассказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Вѣлиноскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами,
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1877 г.

съ портретами: Кн. Е. Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, М. Ѳ. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ—супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевинъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галерея императрицы Екатерины II и памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Турецкая невола—историческій очеркъ.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II.—Сельскій священникъ въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика Тьebo о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1786 гг.—Герцогиня Мингтонъ въ Россіи.—Бракоразводное дѣло Евдокии Гамбаль.—Екатерина II и Густавъ III.—Невѣсты цесаревича Павла Петровича.—Русское войско въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-биографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шуазель-Гуфье—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи—по вновь открытымъ материаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движенія 1848—1849 гг.—Записки П. А. Каратыгина.—Воспоминанія Т. П. Пассеиъ.—Дневникъ барона Л. П. Николая: война Россіи съ Венгеріей въ 1849 г.—Кн. Меншиковъ въ Крымскую войну, по рассказамъ его адъютанта А. А. Паниова.—Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.—Федоръ Карловичъ Зитлеръ, биографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1855 гг., доктора А. Генрици.—Шамиль и его семья въ Калугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго.—И. В. Чевинъ: первыя главы его биографіи и проч. Вообще въ двѣнадцати книгахъ изданія «Русской Старины» 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, Ад. П. Берне, М. И. Богдановича, проф. М. И. Горчачова, акад. Я. Н. Грота, И. Е. Забѣлича, профес. В. С. Иконникова, Д. И. Млоайскаго, Е. П. Карновича, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, П. С. Лебедева, И. И. Ореуса, А. Н. Попова, Д. Д. Рабинича, В. И. Семевскаго, проф. В. И. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Строва, И. И. Шамшова, Н. К. Шильдера и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами, —
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; па-сторъ Зейдеръ; казненные въ 1739 г. князя Долгорукіе—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ; Г. В. Новицкій. Хромолитографи-рованный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Гоголя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ива-новымъ). Снимокъ съ автографа И. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1878-й годъ, девятый годъ изда-нія, между многими другими статьями, напечатаны: Журналъ В. М. Зинькова.— Записки акад. Гьбе.— Записки пастора Зейдера: его страданія, казни и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Тео-доровны—Записки ин. З. А. Волконской и Н. Чернышевой.—Им. Ксаверій Друцкой-Лю-бецкій—очеркъ его государственной дѣятельности.—Записки артистки А. П. Ни-кулиной-Косицкой.— Записки доктора Генрици: война 1853—1855 гг.— Записки А. Е. Попова—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е де-кабря 1854 г.—Воспоминанія Т. П. Пассенъ.— Шамилъ въ Калугѣ.— Записки при-стана.— Жизнь п сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность И. И. Айва-зовскаго (автобіографія).— Записки солдата-монаха Назарова, 1792—1839 гг.— Запи-ски протоіерея І. Виноградова, 1800—1836 гг.—Дневникъ пастора Губера: холера въ 1830 г.—Воспоминанія ксендза прелата Буткевича: возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.— Записки М. С. Жиркевича: въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и рассказы Э. И. Стегова: ссыльно-каторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жандармскаго штабъ-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ,—борьба дворянства съ губернато-рами,—провинціальныя романы,—пріѣздъ императора Николая и проч.—Изъ дневника Варнагена фонъ-Энзе, 1845—1849 гг.—Имчочентій, архіепископъ Хер-сонскій и Таврическій.—И. В. Чевинъ и управленіе имъ путями сообщеній.— Братья Грузиновы: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—Венеціановъ— первый бытовой живописецъ, его біографія и труды.—Рассказы лейбъ-казака М. И. Шамшова.— «Вѣчный Жидъ»—поэма въ стихахъ В. И. Мюхельбергера (декабриста).—Родословная царствующаго дома Романовыхъ.—Валзедское славное сдѣланіе съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.—рассказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасону за помощію.—Царь-горохъ—шутка-сатира.—«Митюха Валдайскій», зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Тропарь на день Пре-ображенія Господня, соч. Филарета, митрополита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами—
8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1879 Г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (съ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Ириней Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1879-й, десятый годъ издавія,— между другими статьями, напечатаны: Журналь путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. М. Юранина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. Л. Варуль-Сенрета, Л. И. Рмордъ, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшаго вѣрховаго крестьянина, нынѣ археолога И. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертура русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Наратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько педѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варнгагена фонъ-Энзе (1850—1851 гг.);—Мои свѣденія съ Я. И. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассекъ;—Воспоминанія М. И. Венюкова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Иловайскаго;—В. И. Семевскаго;—И. Мизно;—Г. Тальберга;—Г. Лисенко;—Г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Иконникова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—но вновь открытымъ матеріаламъ;—И. М. Востонова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голлицы: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахій и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ потомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берге;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшескаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Быть архіепископа Ириней въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы,— всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересыкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1880 Г.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублей съ пересылкой.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II;—императрицъ Екатерины I и Елисаветы Петровны;—императора Петра II;—А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея Г. П. Павскаго, —И. С. Тургенева;—И. А. Гончарова;—гр. Л. Н. Толстаго;—А. Н. Островскаго;—Д. В. Григоровича;—А. В. Дружинина;—поэта Тараса Шевченко;—графа П. Д. Киселева, —фельдмаршала вв. А. И. Барятинскаго, —С. Р. Лепарскаго и А. Н. Сѣрова.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880-го года, [одинадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. И. Ростиславова (одиннадцать главъ).—Записки Толчеева: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки А. П. Бѣлева (декабриста, восемь главъ)—Записки принца Евгенія Виртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ.—Записки М. В. Семиланова: губернаторъ Панчулидзевъ и ссылка въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки Сельскаго Священника;—Записки Я. М. Невѣрова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки М. Я. Ольшескаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго и Е. Н. Львовой († 1864 г.).—Воспоминанія артистки А. Я. Петровой, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ А. М. Пузыревскаго.—Великій Новгородъ—статья Н. И. Костомарова.—Герасимъ Петровичъ-Павскій: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Рѣчь Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Александра II.—Очеркъ профессора М. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1860 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіяся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отныни питейныхъ откуповъ въ Россіи,—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Ѳ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова),—М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богушевскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ «Русской Старинѣ» 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ «Слова о полку Игоревѣ»);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. Н. Грановскій (воспоминаніе о немъ Л. М. Невѣрова),—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.),

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЖУРНАЛЬ

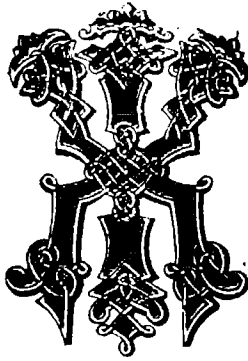
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1881 ГОДА.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублей съ пересылкой.
 При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича;—императора Александра Николаевича;—императрицы Маріи Александровны;—профессора Н. И. Пирогова;—академика Л. А. Сѣрякова;—Хаджи-Мурата;—М. И. Голенищев-Кутузова (1775 г.);—историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростиславова (писателя о черноѣ и бѣл. духовенствѣ); барона—Гейсшара;—архіепископа Филарета Гумилевскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между дружными статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственноручныя отмѣтки императора Александра II на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фонъ-Визина (1807 г.).—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлаева.—Записки Д. М. Завалишина.—Записки князя Н. С. Голицына.—Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣднія въ 1838—1843 гг.).—Записки Сельскаго Священника.—Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ Александр II († 1-го марта 1881 г.).—Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бертенсона.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. М. Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.,—историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ.—И. П. Гелль 1805—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ гдѣтъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій—бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. М. Шилова (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семона Андреевича Порошина, 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала А. Е. Попова (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академич. гравюры: Л. А. Стрѣновъ—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—И. П. Помалостинъ—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи И. К. Айвазовскаго.—А. С. Пушкинъ и П. В. Пашковъ, очерки и воспоминанія Н. И. Муликова.—И. А. Крыловъ и его басня „Ковъ“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки И. В. Селманова (1859 и 1864—1867 гг.).—Графъ Н. П. Румяновъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова.—Орловбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.).—Историческіе матеріалы: акты, указы, предавія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измайлѣвъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшескій, И. П. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

О исторіи литературы и искусства помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Нѣсныя сѣней“).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

ЖЕНЩИНА

ЕЯ ЖИЗНЬ, ПРАВЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

у

ВСѢХЪ НАРОДОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

Соч. А. Ф. ШВЕЙГЕРЪ — ДЕРЖИНСКІЙ.

Перев. съ нѣмецкаго М. И. МЕРЦАЛОВОЙ.

Съ 200-ми рисунками А. Ванюра.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ

О РУССКИХЪ ЖЕНЩИНАХЪ.

Состав. В. И. Нежировичъ-Данченко.

Съ картиною С. Ф. Александровскаго.

Роскошное изданіе въ одномъ объемистомъ томѣ, около 700 страницъ пѣзничной печати съ 180-ю позитивными въ текстѣ и 20-ю отдѣльными гравюрами. Цѣна въ иллюстрированной обложкѣ — 5 руб. (и съ 4 фунта), въ роскошномъ переплетѣ съ тисненіями спеціально гравированными для сего изданія и съ красивымъ обрѣзомъ — 6 руб.

Складъ изданія у Книгопродавца-Издателя А. Ф. Девриена.—Васильевскій Островъ, Большой просп., № 8, въ С.-Петербургѣ.

Гг. многородные, требующіе эту книгу прямо отъ издателя, за пересылку не платятъ.

Вопросъ о женщинѣ и ея положеніи въ государствѣ, обществѣ и семьѣ — почти не существовалъ въ древности. Въ средніе вѣка онъ былъ подавленъ суровостью нравовъ; даже еще недавно о немъ иначе не разсуждали, какъ шутя и подсмѣиваясь. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время онъ становился характернѣйшимъ моментомъ умственнаго движенія. Европейскіе писатели отмѣтили одну замѣчательную особенность этого движенія: инициатива его принадлежитъ не старому культурному центру, но сравнительно новымъ странамъ: Россіи и Америкѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ историческое изслѣдованіе, не ограничиваясь сопоставленіемъ и критическимъ обзоромъ политическихъ событій, захватываетъ самую жизнь, культуру народа, одинаково интересуясь всѣми его слоями, оно должно было обратиться и на остававшуюся въ тѣни половину человѣческаго рода — на женщину и ея судьбу. Поэтому уже теперь можно насчитать много болѣе или менѣе научныхъ изслѣдованій, описывающихъ жизнь и положеніе женщинъ въ древнія времена у первобытныхъ народовъ, давая драгоценный матеріалъ для обсужденія женскаго вопроса. Но картина, представляемая этимъ историческимъ изслѣдованіемъ, изображаетъ, если можно прибѣгнуть къ сравненію, только продольный разрѣзъ предмета, его же необходимо представить одновременно и въ поперечномъ, т. е. топографическомъ разрѣзѣ; описаніе того, какъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ женщина теперь, въ наше время, какое положеніе занимаетъ она относительно мужа, семьи, государства и его

законовъ, какъ въ культурныхъ странахъ Европы и Америки, такъ и у дикихъ сыновья близняго и дальняго Востока и у варварскихъ первобытныхъ народовъ Африки и Австрали. Эти описанія и составляютъ цѣль сего труда, который главнымъ образомъ

Курдинки (образецъ иллюстраціи).

жиздется на эт графическомъ осваніи. Правда, не да намъ приходи касаться историч кихъ воспомина и именно у тѣхъ на довъ, которые когда пользовал блестящею кулурой. Но вообще цѣломъ задача к ги — изобразить демъ яркихъ в тинъ тѣ явленія. торья связаны средствеино или посредствеино женской полови населенія земли.

Кромъ жизни ж

щины отъ колыбели до могилы, включая сюда замужество, социальное положеніе домашнія занятія и т. п.; въ книгѣ об щено большое вниманіе на то, чтобы общить описаніямъ больше живости и интереса. Съ этой цѣлю въ нихъ вошли и родныя пѣсни и поэтическія произведе всѣхъ временъ, гдѣ только содержаніе и подходитъ въ рамки описываемаго предмета.

Индіанка прерій (образецъ иллюстраціи).

Странствованіе наше начинается съ в когда культурнаго центра. Прежде всего посѣщаемъ Кавказъ, именно Тифлисъ, р Грузіи, такъ очаровательно описанной Пу кинымъ. Оттуда всходимъ на крутизны К каза, отчину столь прославленныхъ сво красотою черкешеновъ. Затѣмъ переходимъ въ татарскіе дома, заглядываемъ въ доми ній бытъ армянской семьи, гдѣ находи совершенно особенные нравы и услов Жизнь въ турецкомъ гаремѣ, въ ста кочевниковъ-курдовъ и подъ аравійски патромъ, сообщаетъ яркій колоритъ и гѣ.... Невольно она, такимъ образомъ, за ствуетъ теплоту южнаго солнца и ярко красокъ далекаго юга. Жизнь аравитян даетъ намъ поводъ вспомнить о блестящ эпохѣ, которой жены халифовъ сообща такое сказачное очарованіе. Кромъ этой гатой типами галлерей историческихъ ж щинъ, передъ глазами читателя разверт ваются яркія картины изъ жизни бед

новъ, пѣсни любви, свадебные обычаи и т. п. Слѣдующія страны, которыхъ воснул наши описанія — это Персія, Средняя Азія и Индія: современная персіянка, съ воси

шнѣ ея прелести „поэтомъ розъ Гафизомъ“, туркиенка съ ея свободой, киргизки, югазныя калмыцкія красавицы, проходить передъ читателемъ въ длинной и яркой коронѣ иллюстрацій малозвѣстнаго міра. Съ другой стороны, разумѣется, область интересная въ этнографическомъ отношеніи, въ древняя страна культуры между Индомъ и Ингомъ, даетъ намъ много интереснаго относительно жизни женщины. Тоже самое можно сказать группѣ народовъ Индокитаю, о самомъ Китаѣ Японіи, еще до сихъ поръ кажущихся намъ явочнымъ царствомъ, выхваченнымъ поэтической мезой изъ какого-то фантастическаго міра.

Оставляя Азію, мы обращаемся къ первобытнымъ народамъ австралійскаго міра, посѣщаемъ мнезійскій рай женщинъ—каначекъ, Таити, хианы Папуасовъ и поселенія европейскіхъ колонистовъ Океаніи. Въ Америкѣ встрѣчаемъ мы цѣлый рядъ социальныхъ явленій, прямо касающихся нашего предмета.

Страна противорѣчій, гдѣ почти одновременно имъ былъ первый толчокъ эмансипаціи женщинъ явилась полигамія — продуктъ чисто-восточной жизни—являетъ глубокой интересъ. Тамъ семейная жизнь и воспитаніе приняли особый отпечатокъ; имъ цѣлый рядъ превосходныхъ писательницъ, имена: Брандтритъ, Гевиттъ, Эмбюри, Савіеръ, Гринвудъ, Юкесь-Смитъ, Осгудъ и герне краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ умственной дѣятельности американокъ; удобная страна, конечно, не можетъ не представлять большаго разнообразія относительно описываемой темы. Совершенно другія картины даетъ бытъ жительницъ южной

Китайская прическа (образецъ иллюстраціи).

Америци, начиная отъ освобожденной изъ раба негритянки.

Послѣднѣе изъ красавицъ или Перу. Подобное же разнообразіе представляютъ этнографическія условія Африки. Что касается до отдѣла „Европа“, то немъ мы видимъ рядъ европейскихъ типовъ женщинъ, которыя сообщаютъ своей части свѣдѣній о древней культурѣ оснѣнного цивилизаціоннаго отпечатка.

Вернувшись до конца изъ кругообразнаго странствованія, читатель прощается съ нѣмецкимъ ученымъ. Дома мы любимъ читать свое и для описанія русской женщины у насъ явились и родное перо и род-

Танецъ женщинъ Асиабы, центральная Африка (образецъ иллюстраціи).

ная кисть. В. И. Немировичъ-Данченко и С. Ф. Александровскій пришли на помощь нашему труду. Первый—талантливый беллетристъ и этнографъ—остановился въ своемъ трудѣ на типахъ не складывающей рукъ русской женщины; на тяжелой борьбѣ ея за существованіе; отдѣливъ значительное мѣсто тому тяжелому процессу историческаго развитія, который едва-ли въ какой-нибудь другой странѣ

Японская спальня (образецъ иллюстраціи).

Александровскій, извѣстный любителямъ искусства нѣсколькими типическими картинами, прибавляетъ къ нимъ новую, которая увеличитъ кругъ почитателей его изящнаго карандаша.

Стоитъ ли упоминать, что нашъ трудъ предназначенъ въ даръ образованной части женской публики? Число популярныхъ географическихъ и этнографическихъ сочиненій умножилось за послѣднее время. Однако при незначительномъ объемѣ этихъ описаній и руководствъ этнографіи, немислимо подробное изложеніе входящихъ туда предметовъ.

Женская часть публики, которую систематическое землеописаніе, какъ бы оно ни было живо и остроумно изложено, рѣдко можетъ удовлетворить вполне, осо-

бенно относительно столь желанныхъ свѣдѣній о ней самой, найдеть въ сочиненіи „Женщина, ея нравы, обычаи и общественное положеніе у всѣхъ народовъ земн. шара“ все достойное вниманія и интересное, собраннымъ въ одну обширную картину.

Танду, японскіе носилки (образецъ иллюстраціи).

Изданіе книги во всякомъ случаѣ соответствуетъ богатому и въ высшей степени интересному матеріалу. Оно содержитъ 200 рисунковъ, которые, кромѣ богатаго собранія типовъ, представляютъ различнаго рода сцены изъ семейной жизни женщинъ всѣхъ народовъ земли. Исполнитель этихъ рисунковъ, А. Ванюра собралъ большую часть относящагося сюда матеріала изъ собственнаго кругосвѣтнаго путешествія, вслѣдствіе чего книга носитъ на себѣ отпечатокъ оригинальности и въ иллюстративномъ отношеніи.

Описаніе торжества, бывшаго при дворѣ по случаю рожденія и крещенія великаго князя Павла Петровича.

1754 года, Сентября 20-го дня, предъ полуднемъ въ 10-мъ часу, всемогущая Божія благодать обрадовала Ея Императорское Величество, нашу всеилостивѣйшую Государыню и всю здѣшнюю имперію младымъ Великимъ Княземъ, которымъ Всевышній супружество Ихъ Императорскихъ Высочествъ благословилъ, и которому наречено имя Павелъ.

Сія всеобщая радость объявлена была того-же дня двѣсти однимъ пушечнымъ выстрѣломъ съ обѣихъ здѣшнихъ крѣпостей и въ вечеру приносимы были Ея Императорскому Величеству отъ собравшихся ко двору обоего пола знатныхъ персонъ всеподданнѣйшія поздравленія о томъ благополучномъ и желанномъ происшествіи.

На другой день по утру отправляемо было всемъ духовенствомъ торжественное благодарное молебствіе, а въ вечеру пакы приносимы были отъ всѣхъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю нижайшія поздравленія и того же дня обрѣтающемуся здѣсь римско-императорскому послу графу Эстергазію сдѣлано о семъ формальное увѣдомленіе чрезъ оберъ-церемоніймейстера графа Сантіа, съ такимъ присовокупленіемъ, что Ея Императорское Величество, наша августѣйшая Самодержица, всевысочайше намѣрена обонхъ Римско-императорскихъ Величествъ пригласить быть

обще съ Ея Величествомъ воспріемниками новорожденноу Великому Князю.

Слѣдующаго потомъ 22-го дня учинено равномѣрно же о семъ благополучномъ происшествіи увѣдомленіе чрезъ церемоніймейстера Олсуфьева и прочимъ обрѣтающимся здѣсь иностраннымъ министрамъ.

А третьяго дня предъ полуднемъ, т. е. 25-го числа сего мѣсяца, и дѣйствительно совершилось крещеніе высокопомянутаго новорожденнаго Великаго Князя, который въ большую придворную церковь изъ комнатъ Ея Императорскаго Величества слѣдующимъ порядкомъ несенъ былъ:

- 1) Гофъ-камерфурьеръ.
- 2) Камеръ-юнкеры и камергеры Ихъ Императорскихъ Высочествъ по два въ рядъ.
- 3) Гофмаршалъ Ея Императорскаго Высочества Великія Княгини.
- 4) Камеръ-юнкеры Ея Императорскаго Величества по два въ рядъ.
- 5) Камергеры Ея Императорскаго Величества по два въ рядъ.
- 6) Оберъ-шталмейстеръ и шталмейстеръ.
- 7) Канцлеръ и съ нимъ въ рядъ шли оберъ-егермейстеръ съ правую сторону, а по лѣвую вице-канцлеръ.
- 8) Оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ, а за ними оберъ-гофмар-

паль и гофмаршалъ съ знаками пхъ чинъ.

9) Ея Императорское Величество; нежного по одалъ по сторонамъ шли Ея Императорскаго Величества два генераль-адъютанта.

10) Его Императорское Высочество Великій Князь.

11) Княгиня Гессенгомбургская, которая несла на подушкѣ Его Императорское Высочество новорожденнаго Великаго Князя Павла Петровича, а по сторонамъ при ея свѣтлости шли и какъ подушку, такъ и покрывало поддерживали, съ правую обергофмейстеръ, а съ лѣвую генераль аншефъ, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ.

12) Гофмейстерина, а потомъ штатскыя дамы по двѣ въ рядъ.

13) Фрейлины Ея Императорскаго Величества, а за ними фрейлины Ея Императорскаго Высочества по двѣ въ рядъ.

Прочія четырехъ классовъ особы обоего пола предъ выходомъ Ея Императорскаго Величества пошли въ галерею, что передъ церковью; такожъ бабушка, кормилица и мама напередъ въ церковь введены, гдѣ у праваго крылоса поставлены были ширмы, ванаше и столъ. Въ галереѣ, предъ дверьми церкви поставлены были въ два ряда Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ камернажи и нажи съ ихъ гофмейстеромъ.

Священнодѣйствіе святаго крещенія отправлялъ Ея Императорскаго Величества духовникъ Протопресвитеръ Дубенскій, а высочайшею воспреимницею Ея Императорское Величество быть изводила, представляя при томъ же и Ихъ Величества Римскаго императора и императрицу-королеву; причемъ всѣ тѣ особы находились, кои въ семь вортажѣ шли.

Потомъ слѣдовало пѣніе: Тебѣ Бога хвалимъ, и въ тоже время произвонилась съ здѣшнихъ однихъ крѣпостей пушечная пальба тремястами однимъ выстрѣломъ и при всѣхъ церквахъ былъ колокольный звонъ.

По окончаніи сего пѣнія, началась божественная литургія и Его Императорское Высочество Великаго Князя Павла Петровича къ общему святыхъ тайнъ Ея Императорское Величество сама подносить изволила.

Послѣ литургіи было соборное молебное пѣніе, отправленное членами святѣйшаго синода и прочими бывшими знатнымъ духовенствомъ.

Между тѣмъ, какъ молебное пѣніе продолжалось, четырехъ классовъ особы обоего пола пошли напередъ въ залу.

По окончаніи молебна, Преосвященный Сильверстъ, архіепископъ С. Петербургскій и Шлюссельбургскій держалъ къ Ея Императорскому Величеству краткую поздравительную рѣчь и потомъ какъ оны и члены святѣйшаго синода, такъ и прочее духовенство приносили всеподданнѣйшія поздравленія Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству.

Ея Императорское Величество возложила потомъ на Его Императорское Высочество новорожденнаго Великаго Князя Павла Петровича орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго; прежнимъ же порядкомъ изъ церкви въ первую залу комнату возвратиться и тамъ отъ ожидавшихъ какъ отъ посла, чужестранныхъ министровъ, такъ и отъ здѣшнихъ четырехъ классовъ персонъ поздравленія принимать и къ рукѣ всемплюстивѣйше жаловать изволила.

Его же Императорское Высочество, Великій Князь Павелъ Петровичъ пронесенъ былъ во внутренніе Ея Императорскаго Величества покои.

По выходѣ Ея Императорскаго Величества, въ той же комнатѣ и Его Императорскому Высочеству отъ посла, чужестранныхъ министровъ и отъ здѣшнихъ четырехъ классовъ особы принесены были всенижайшія поздравленія.

При столѣ Ея Императорскаго Величества удержаны были кушать Его Императорское Высочество Великій Князь, княгиня Гессенгомбургская, гофмейсте-

рина, штатсъ-дамы и всѣ первыхъ двухъ классовъ персоны съ ихъ супругамп.

Во время стола Ея Императорское Величество изволила зачать пить показомъ за здоровье Его Высочества Великаго Князя Павла Петровича, при чемъ тотчасъ выпалено изъ пятидесяти одной пушки.

Потомъ Его Императорское Высочество Великій Князь, испрося позволеніе отъ Ея Императорскаго Величества, зачалъ пить за Ея Высочайшее здравіе, при стрѣляніи изъ ста одной пушки.

Ея Императорское Величество пакн изволила пить за здоровья обонхъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, при стрѣляніи изъ сорока одной пушки и заключить оное изволила пятіемъ за здоровье всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, при чемъ также изъ тридцати одной пушки выпалено.

Того же дня всемиловѣйше соизволила Ея Императорское Величество пожаловать Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Великому Князю сто тысячъ рублей, а великой княгинѣ сто же тысячъ рублей, да бриліантовый богатый уборъ на шею и серьги; а при томъ еще повелѣтъ изволила, чтобы всѣмъ лейбъ гвардіи полковъ солдатамъ, матросамъ и другимъ имъ подобнымъ, по рублю на человека роздано было. Дамы того дня были всѣ въ самарахъ, а кавалеры въ богатомъ платьѣ.

Въ вечеру всѣ дома въ городѣ illumинованы были.

Воспоминанія Великаго Князя Павла Петровича о жизни его съ 1755 по 1761 годъ, записанныя съ его словъ С. А. Порошинимъ въ 1764—65 гг.

„Бабушка Фандершаръ Голандка; Фусадіе мама; Татьяна Аванасьевна Скороходова няня; Матрена Константиновна, дочь ея, кормилица; Матрена Дмитріевна, жена Оконнишкова, въ Сарскомъ Селѣ мастера, Матвѣя Федорова; Пульхерія и Кристина камеръ-юнгферы Короткія; гоффуриерская жена Бергманша; взятая изъ московскаго Вознесенскаго монастыря дѣвушка Мавра Ивановна; дворянка Дарья Воюдимеровна Маслова; Ирина, камеръ-медхенъ, Татарка.

„1755 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, опредѣленъ Савелій Даниловичъ Титовъ. До опредѣленія присылыванъ былъ для забавы, и какъ Великою Князь въ первой разъ, во все лѣто, обрадованъ былъ, что увидѣлъ человека такого жъ малого, какъ и самъ былъ, изъявлялъ радость свою знаками и поставилъ его съ собою у окошка на стулъ.

„Въ томъ же году (Великою Князь) ходилъ въ гости къ Матренѣ Константиновнѣ и увидѣлъ въ окно, что одинъ истопникъ въ водѣ, оборвавшись съ плоту, утонулъ было; на глазахъ Его Высочества изъ воды его вытащили, что ему весьма чудно показалось.

„Въ томъ же годѣ, ходя по маленькому верхнему садуку, увидѣлъ вырѣзанные на рѣшеткахъ, около фонтана, разные ордены. Между прочимъ, увидѣлъ шведской и, вспомнивши, что такой орденъ на бывшемъ тогда шведскомъ посланникѣ видѣлъ, показывалъ то знаками. На помочахъ водила тогда Матрена Константиновна, такъ какъ и обыкновенно она важивала. Ножка выскочила.

„Въ томъ же году церемоніальной былъ переѣздъ изъ Лѣтнаго дворца въ Зимней. Покойная государыня (Елисавета Пе-

ХХ*

тровна) держала Великаго Князя на рукахъ. Кто-то (?) въ трубку глядѣлъ.

„1756 году, въ день Воеявленія, увидѣлъ Великой Князь нищаго; испугался, легъ въ постель и приказалъ закрыть окна, и послѣ того боялся нищихъ; однако скоро прошло. Въ тотъ же день покойная Государыня Императрица пожаловала столовые фарфоровые часы, у которыхъ внизу представлена была кухня; Его Высочество весьма забавлялся ими. Определенъ былъ Иванъ Ивановичъ Ахлебнинъ. Послѣ того недѣли двѣ спустя опредѣлена Савелія Даниловна родная сестра, Анна Даниловна, которую Великой Князь называлъ Аня, прежде ея не называлъ никого. Ивана Ивановича называлъ Жанъ. Солдатъ всѣхъ также называлъ жанъ.

„Весьма любилъ всякихъ тварей: собачекъ, кошечекъ и тому подобныхъ, особливо кошечъ.

„Подали въ первой разъ особливо приготовленную молшнюю кашу, которая чрезвычайно понравилась.

„Лѣтомъ поѣхали въ Сарское Село, гдѣ Его Высочество водили на помочахъ по покоямъ. Шли вверхъ по бывшей тогда, съ низу до самой Китайской залы, дубовой лѣстницѣ, которой нынѣ нѣтъ. Покои показывалъ лакей Волгодав (?).

„Тогда въ Сарскомъ Селѣ спозналъ Великой Князь сына нынѣшняго г. генерала Хомутова и еще двухъ артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ, копѣ въ нему приводили.

„Въ Сарскомъ Селѣ въ саду, у прудовъ, былъ фонтанъ, къ коему весьма захотѣлось побѣжать: однако на помочахъ удержали.

„Поминтъ, что планъ баталіи при Ловозницѣ показывалъ ему Савелій Даниловичъ.

„1757 годъ. При взятіи Мемеля, на модели, Пруссаковъ шомполомъ билъ на вылазкахъ. Какъ Петръ Ивановичъ Панинъ, съ извѣстіемъ о Эрнсдорфской

баталіи, съ трубачиши почталіонами, въ Сарское Село пріѣхалъ, то Великой Князь испугался. Тотъ день былъ ужасной громъ.

„Какъ Великая Княжна (Анна Петровна) родилась, то вскорѣ послѣ рожденія ея ходилъ къ ней, и весьма любилъ ее цѣловать.

„Писалъ Ротари (портретъ съ великаго князя) и держалъ во рту эстампы, чтобъ Его Высочество, глядя на нихъ, сидѣлъ смиреннѣе.

„Червей лѣтомъ по садамъ было много. Жаръ былъ ужасной. Государь Великой Князь опочивалъ много цѣлую недѣлю.

„1758 годъ. Въ январѣ, мимо Зимняго дворца, провели команды отъ Астраханскаго, Ингерманландскаго и Великолуцкаго полковъ въ армію; въ окно глядѣли съ Матреной Константиновной. Въ февралѣ или въ мартѣ вели новой корпусъ: одинъ унтеръ-офицеръ поскользнулся, чему весьма хохоталъ Великой Князь. Въ этомъ году трусость напала. Какъ Катерина Константиновна, une femme de chambre de feu l'Imp., вошла и двери хлопнула, то Великой Князь испугался и бросился подъ столъ, и ухватился за ножку.

„Въ семь году пріѣхалъ Федоръ Дмитриевичъ Бехтѣевъ. Великой Князь до его пріѣзда очень боялся, думалъ, что наказывать будетъ. Тотъ же день (Бехтѣевъ), и посадилъ (Великаго Князя) учиться грамотѣ; съ нимъ виѣсть (посадилъ) Ивана Ивановича (Ахлебинина), Савелія Даниловича и Анну Даниловну (Титовыхъ), кои притворились, что не умѣютъ грамотѣ. Черезъ полчаса самъ Великой Князь вскочилъ.

„Федоръ Дмитриевичъ спустя нѣсколько (времени) подарилъ Его Высочеству карту россійскую, на пергаментѣ. На оной картѣ означены (были) только границы Россіи; такожъ главные города и рѣки, дабы явственнѣе въ глаза металась надпись на ней слѣдующая:

„Его Императорскому Высочеству Го-

сударю Великому Князю Павлу Петровичу.

„Здѣсь видишь Государь наслѣдство, что славные твои дѣды побѣдами распро- странили. Иванъ и Алексѣй, Петръ и Елисаветъ изъ многихъ областей одинъ содвинули свѣтъ, гдѣ и рѣкъ великихъ такъ и морей безмѣрныхъ воды безчисленны; къ тебѣ усердствуютъ народы; все- частно они о тебѣ и мыслятъ и твердятъ: ты радость, ты любовь, надежда всѣхъ отрады!“

„Потомъ сдѣлали для Его Высочества костяныхъ гренадеровъ и мушкетеровъ, у конхъ на бантахъ и на шапкахъ французскія литеры были. Также сдѣлали деревянныхъ драгунъ, у конхъ на бантахъ русскія литеры были. Складамъ по тому Великому Князю учился.

„Какъ Великая Княжна (Анна) представлялась, то скрывали отъ него; объ этомъ однакожъ догадался и весьма сожалѣлъ и плакалъ.

„Нынѣшней архимавдритъ Лаврентій поднесъ духовные концерты.

„Хаживалъ какой-то кофешенъ Осипъ Матѣевичъ, съ конемъ Великой Князь пріятно проводилъ вечера.

„Была раздвигная крѣпость съ нумерами до осьмнадцати: по ней цифры показывалъ Его Высочеству Ѳеодоръ Дмитриевичъ.

„Помнить, что Иванъ Ивановичъ Ахлебининъ въ это время много игралъ въ карты. Хаживалъ играть въ кофишенскую. Въ исходѣ сего году въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ много рѣзвился мячами, валяясь по полу, шутилъ съ Савеліемъ Даниловичемъ и Иваномъ Ивановичемъ. Мавра Ивановна и Анна Даниловна съ Иваномъ Ивановичемъ и Савеліемъ Даниловичемъ въ трикетъ играли. А Его Высочество въ то время съ стулками и съ столиками своими возился.

„Пришелъ Дюфуръ снимать на парикъ мѣрку. Онъ снималъ съ головы Великаго Князя, а Савелій Даниловичъ съ болвана, чѣмъ Его Высочество гѣшился;

въ вечеру и Фовантенъ портной пришелъ, для кафтана мѣрку снимать въ первой разъ. До того (Великой Князь) носилъ дѣтское платье. Плакалъ; какъ парикъ и платье поспѣли, то няня кропила святою водою. И послѣ всякой день въ парикѣ ходилъ.

„1759 годъ. Она же игра и рѣзвости зимою продолжались. Весною ложился или очень рано, часовъ въ 8-мъ вечеру, или уже часу въ первомъ пополуночи, но прихотамъ.

„Хаживали пѣвчіе четыре человѣка и пѣвали.

„1760 годъ. Опредѣлили шестерыхъ лакеевъ, а бывшихъ съ самаго рожденія при Великомъ Князѣ лакеевъ, Березовскаго и Пѣтягина, пожаловали въ камеръ-лакеи. Они шестеро были: Тешъ, Игнатъевъ, Брежинской, Померанцовъ, Сидоровъ и Трепольской. Великому Князю представляли ихъ Сиверсъ, и онъ ихъ всѣхъ поименно перекликала. Помнить Его Высочество какъ польской курьеръ пріѣхалъ послѣ франкфуртской баталии. Великой Князь былъ тогда въ Mon plaisir.

„Въ комнатахъ оные лакеи катали Его Высочество, сего году, часто въ каретѣ, которая была сдѣлана двухмѣстная и обита внутри зеленымъ бархатомъ. Великой Князь въ карету и самъ лазилъ и рѣзвился. Пока въ каретѣ хаживали, то иногда и засыпалъ Его Высочество.

„Гренадеры преобразенскіе любили (Великаго Князя); одинъ разъ любилъ (Великой Князь) спрятался за гренадера.

„Учился изрядно писать и по букварю; училъ заповѣди, въ конхъ былъ экзаменъ.

„Въ саду верхнемъ, Петергофскомъ, гуливалъ и около редутовъ рѣзвился. Бывшей у Его Высочества съ оными же шестерыми лакеями опредѣленной тафельдекеръ Ѳеодоръ Панкратъевичъ Карташевъ представлялъ иногда комедіанта.

„Училъ ружьемъ оныхъ всѣхъ лакеевъ. Его Высочество, Иванъ Ивановичъ и

Савелій Даниловичъ были офицеры; Тешъ барабанщикомъ, Березовской съ алебардой, протчіе (были) съ ружьями въ гренадерскихъ шапкахъ. Всякой день до Никиты Ивановича, а при Никитѣ Ивановичѣ раза два только училъ ружьемъ и потомъ никогда.

„Вступленіе Никиты Ивановича (Панина въ званіе оберъ-гофмейстера къ Его Высочеству).

„Плаивалъ прежде за мѣсяцъ еще до опредѣленія его, по рассказамъ мамъ. Потомъ, какъ у Государыни Никита Ивановичъ обѣдалъ, (Его Высочество) подсылалъ подсмотреть его; сказалъ, что парикъ съ узлами и старикъ угрюмой. Поѣхали въ Петергофъ. 2-го іюня Великой Князь былъ у покойной Государыни и самъ-другъ съ нею стоялъ на галлерей, что въ Петергофѣ, между дворцомъ и церковью. Вдругъ увидѣлъ (Великой Князь), что идетъ старикъ въ парикѣ, въ голубомъ кафтанѣ, съ обшлагами желтыми, бархатными, и заключилъ, что это Никита Ивановичъ, и неописанно струсилъ, для того, что уже рассказано было, что какъ скоро онъ опредѣлится, то не будетъ допускать ни Матрону Константиновну, ни другихъ женщинъ, и всѣ веселости отпнуть. Стрѣльба была потомъ для праздника.

„Въ саду гуляя вѣскогда, говорилъ Никита Ивановичъ: „Для чего Его Высочество ничего не говорить, нѣтъ ли чего новенькаго, извольте намъ сказать?“ Великой Князь тотчасъ сорвалъ травку и, показывая ему, говорилъ: „Вотъ вамъ новенькое, Никита Ивановичъ“. „Это старое, Великой Князь, прошлаго году“.

„Великой Князь все въ воображеніяхъ о предстоящей реформѣ упражненъ былъ; со страхомъ и сожалѣніемъ пошелъ потомъ къ себѣ. Сѣлъ за столъ, и съ нимъ, по обыкновенію, Матрена Константиновна, Анна Даниловна, Савелій Даниловичъ, Иванъ Ивановичъ и пр. Вдругъ растворились двери. Вошелъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, за нимъ графъ Михайло Ларионовичъ Воронцовъ, а

за Михайломъ Ларионовичемъ — Никита Ивановичъ. Иванъ Ивановичъ и Михайло Ларионовичъ объявили, что Никита Ивановичъ пожалованъ къ Его Высочеству оберъ-гофмейстеромъ. C'était un coup de foudre pour Son Altesse. Покатились въ три ручья слезы и ничего не кушала. Иванъ Ивановичъ, Михайло Ларионовичъ и Никита Ивановичъ тотчасъ потомъ вышли. Отрапортовался Его Высочество больнымъ, попросилъ молока и покушалъ тюрьенъ; черезъ полчаса опять всталъ. Объявлялъ въ комнаты, что бы его всѣ слушались. Унылся на нѣсколько слезы у Его Высочества. Потомъ вошелъ опять Никита Ивановичъ и заставилъ играть его въ воланъ. Сколько волей, вдвое того неволей игралъ; (утѣшился) Его Высочество, когда увидѣлъ, что Матрена Константиновна и проч. (еще) при немъ. Поутру повелъ его Никита Ивановичъ гулять. На другой день сѣли обѣдать опять съ Матреной Константиновной. Никита Ивановичъ и Павелъ Захарьевичъ Condoedi, médecin, стояли у окошка и тихонько разговаривали. Великой Князь все косился и похныкивалъ. Какъ всталъ, то въ первой разъ сегодня Никита Ивановичъ приказалъ, чтобы Его Высочество во рту полоскалъ у себя: взявши воды въ ротъ, проглотилъ Великой Князь, потомъ кой-какъ научился и полоскалъ. Ушелъ Никита Ивановичъ въ первой день (?), потомъ смотрѣлъ (?) планы, поднесенные граф. Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Взшелъ Никита Ивановичъ и опять появились у (Великаго Князя) слезы. Приказалъ повести Никита Ивановичъ линею и поѣхалъ съ Великимъ Княземъ по саду гулять. Тутъ (?) посадилъ было Никита Ивановичъ Великаго Князя писать: но тотъ опять новыми слезы, стоя, вылилъ. Потомъ пріѣхавши (Никита Ивановичъ), велѣлъ на столъ накрыть. Ужнать сѣли съ Его Высочествомъ Никита Ивановичъ, подлѣ Никиты Ивановича Павелъ Захарьевичъ, подлѣ Павла Захарьевича Фузадье, подлѣ Фузадье Федоръ Дми-

тріевичъ Бехтѣевъ. Вотъ уже другая компанія. Его Высочество полюбъ опять горькія слезы; перешлаившись, спросилъ Его Высочество у Никиты Ивановича: „Для чего Ивана Ивановича и Савелія Даниловича нѣтъ тутъ за столомъ, по-прежнему?“ Никита Ивановичъ отвѣтствовалъ только, что „не должно“. Опять Его Высочество заплакалъ. Иванъ Ивановичъ и Савелій Даниловичъ за стуломъ у него стояли. На третій день Иванъ Ивановичъ заплакалъ (?); Никита Ивановичъ выслалъ его (?), Савелій Даниловичъ только стоя утѣшалъ (?). Великой Князь, увидя въ дверь Мавру Ивановну, приказалъ было для нея подать приборъ, но Никита Ивановичъ запретилъ. Слезы пошли; со слезами изъ-за стола всталъ, со слезами и въ постелю легъ. На третій день было (тоже); пришедши изъ сада, смотрѣлъ Его Высочество модели, воднесенныя отъ графа Петра Ивановича и всѣ оными чертежи. Но ничто не утѣшало; повелъ Никита Ивановичъ гулять (Великаго Князя) по саду. Тамъ встрѣтилъ Его Высочество многихъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ и гулялъ долго; поразвеселился было нѣсколько. Но какъ пришелъ домой, увидѣлъ, что большой столъ накрытъ, и многіе изъ гулявшихъ съ нимъ по саду кавалеровъ у стола поставлены, то взвылъ почти во весь голосъ; не привмыъ (онъ) въ таковой компаніи кушать. Послѣ стола гулялъ съ оными кавалерами, не могли они развеселить его.

„Черезъ нѣсколько дней, въ одну пору, подъ вечеръ, къ ужину (ужиналъ тогда Его Высочество часовъ въ шесть), какъ примѣтилъ, что Его Высочеству скучно было, то сказали: „Не изволить ли онъ призвать призвать лакеевъ и не велить ли по комнатамъ маршировать имъ?“ Кликнули лакеевъ, и водилъ ихъ маленькой Иванъ Ильичъ Мироновъ, сынъ помощничей (?), которой взять былъ въ комнату Его Высочества. Его Высочество былъ зрителемъ, потомъ повода ихъ, оной Ильичъ повелъ ихъ строемъ

въ кухню, за кушаньемъ для Его Высочества.

„Еще черезъ нѣсколько дней училъ лакеевъ Его Высочество самъ, и это послѣднее было ученъе.

„Въ Сарское поѣхали Село. Приѣхали Леклеръ и Штарцеръ, l'un jouait de la flutte et l'autre un violon. Сдѣлали у Ивана Ивановича (Шувалова) концертъ. Великой Князь тамъ слушавъ, сказалъ про Леклера: „О, братъ, Нѣмецъ-то хорошо играетъ!“ Потомъ случилось въ тотъ же день быть куртагу. Великой Князь только лишь у Гильфердинга выучился поклонамъ; (ему) велѣно такъ кланяться, какъ придетъ Императрица; вошла Государыня, зачалъ Великой Князь ломаться, и насилу могли унять, такое пошло шарканье.

„Во время бытности въ Сарскомъ Селѣ опредѣленъ былъ Тимошей Ивановичъ Остервальдъ. Не любилъ его Великой Князь; онъ учился у него исторіи, кою онъ напоследокъ до Никова сына (прошелъ) и выучилъ, что изъ 30 государей (того времени) ни одного не было хорошаго; въ сіе время отъ Государыни принесли пять арбузовъ. Стали ихъ разрѣзывать; четыре были негодны, одинъ только годенъ. Великой Князь сказалъ: „Вотъ изъ тридцати государей не было ни одного хорошаго, а изъ четырехъ арбузовъ хотя одинъ смыкался хорошей“.

„20-го сентября, въ день рожденія Его Высочества, кушалъ онъ въ Сарскомъ Селѣ, въ картинной залѣ, съ Государыней. Спросилъ про напей: для чего ихъ нѣтъ? Про здоровье еще (спрашивалъ?). Великой Князь разговаривалъ, по большей части, съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ; послѣ стола изволилъ пойдти къ Государынѣ, дожидался тамъ близко часа. Напоследокъ вышла Государыня, поговорила что-то съ Его Высочествомъ, и потомъ пошелъ Его Высочество къ себѣ; тамъ откланивался (ему) Александръ Борисовичъ (Бутурлинъ); онъ ѣхалъ къ арміи. Великой Князь сказалъ: „Петръ Семеновичъ

(Салтыковъ) поѣхалъ миръ сдѣлать и миру не сдѣлалъ; а этотъ теперь конечно ни миру, ни войны не сдѣлаетъ“. Потомъ у Великаго князя былъ балъ; онъ (то есть Павелъ Петровичъ) не танцовалъ, потому что только лишь па умѣлъ дѣлать, не болѣе. Между прочими, была (на балѣ) княгиня Юсупова съ дочерьми и въ большую, Елизавету, Великой Князь влюбился. Пошелъ (потомъ) къ себѣ, во внутренне покои, и сѣлъ ужинать. Приходилъ въ свое время къ Никитѣ Ивановичу Алексѣй Григорьевичъ Жеребцовъ.

„Въ оной же день рожденія принятии Монсе и Шиллинга доктора.

„Поѣхали изъ Сарскаго Села. Великая сумятица и смятка была; тотъ день, какъ изъ Сарскаго Села пріѣхали сюда въ старой Зимней деревянной дворецъ, выходилъ (Великой Князь) съ Никитою Ивановичемъ на крыльцо. Государыня нынѣшняя (къ Великому Князю) хаживала. Какъ послѣ взятія Берлина молебень (былъ), то Великой Князь ходилъ къ молебню. Пришелъ архіерей новгородской и сталъ на амвонъ; надобно знать, что Его Высочество монаховъ и всѣхъ духовныхъ боялся и весьма струсилъ, увидя архіерея на амвонѣ. Однакоже, какъ скоро повели къ благословенію и архіерей съ амвона благословилъ (его), то нѣсколько поотдало (у Великога Князя) отъ сердца и ободрился онъ. Полюбился тутъ Великому Князю подъякъ Его Пресвященства, маленькой Катмочокъ.

„1760 году 24-го ноября, въ Екатерининъ день, въ вечеру, былъ балъ. Его Высочество, танцуючи, сбился съ кадансу и танцовалъ дурно; влюбленъ тогда былъ въ Екатерину Николаевну Чоглакову, что нынѣ за Рославлевымъ. Просилъ потомъ Никиту Ивановича, чтобы заставилъ танцовать контрдансы. „Стали танцовать контрдансы, и я тутъ зѣвалъ“, говорилъ Его Высочество.

„30-го ноября, Андреевъ день. Наканунѣ Великой Князь убралъ былъ въ пашпюты; ночью всѣ онѣ сбились. По

утру убирался. Убравшись въ орденское платье изволилъ славать: „Хотѣлъ бы я узнать, каковъ-то я теперь“? Его Высочество въ первой разъ сегодня одѣлся въ орденское платье. Пошелъ съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ изъ опочивальни въ другую комнату. Иванъ Ивановичъ поставилъ его передъ зеркало на стулѣ. Великой князь смотрѣлъ на себя и удивлялся. Убираючись, то и дѣло что съ стула прыгивалъ. Пошли къ обѣднѣ. Ея Величество покойная Императрица выходить въ тотъ день такожь изволила. Послѣ обѣдни пошелъ Великой Князь къ себѣ и тамъ завтракалъ; барабанщики передъ окнами были въ барабаны. Никита Ивановичъ велѣлъ имъ раздать денегъ. Какъ убирался, то мамы тутъ были и его крестами осыпали. Позавтрававши (Великой Князь), за большой столъ идти изволилъ. Сѣлъ уже въ пятомъ часу, въ исходѣ. Государыня была въ орденскомъ платьѣ. Подлѣ нея, по правую сторону, сидѣлъ покойной Государь, а по лѣвую, Великой Князь Павелъ Петровичъ. Далѣе прочіе того ордена кавалеры. За стульями стояли Никита Ивановичъ (Панинъ), Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и многіе придворные кавалеры. Я (т.-е. Порошинъ) былъ кадетской прапорщикъ и тутъ же былъ въ старомъ деревянномъ дворцѣ, въ галлерей, гдѣ столъ оной былъ. Великой Князь просилъ арбуза, и ему не дали. Здоровье какъ зачали пить Государыню, какъ гроеъ-майстера (ордена), лишь пушка выпала, тотчасъ (Великой Князь) вскопчилъ. Государыня говорить съ нимъ изволила и шутить; Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, подходя за стулъ, шутилъ съ нимъ и послѣ его рѣчи Государинѣ пересказывалъ.

„Я, пришедъ домой, располагалъ какъ бы со временемъ попасть къ Его Высочеству? Великой Князь, пришедъ домой, сдѣлалъ изъ стульевъ оркестръ и игралъ, бѣгая кругомъ съ Иваномъ Ивановичемъ и съ Ерменевымъ, которой послѣдней нынѣшнему году зачалъ ходить еще въ

комнату отъ Ришара; c'était un maître d'... ¹⁾ Покравши (Великой Князь), легъ опочивать.

„Въ протчіе будничные дни учился только не много и дѣнвенець былъ. Какъ волосы уберуть поутру, то долженъ былъ идти учиться, а потому бывало лишь буклю сдѣлають (а онъ) то рукою испортить, и Дюфуръ принужденъ бывало ему (прическу) передѣлывать, наконецъ до того дошло, что во время убиранія волосъ и по-французски учить приказалъ Никита Ивановичъ. Послѣ обѣда учился, но мало. Впрочемъ, игралъ съ Ерменевымъ и съ Иваномъ Ильичемъ (Мироновымъ); по доскамъ, изъ библіотеки взятымъ, ходили какъ по мосту, и разославъ сукно красное по-полу, конемъ учительной столъ покрывался, валялся по оному. Въ одинъ праздникъ былъ балъ. Ея Величество, покойная Императрица, изволила присутствовать. Тутъ танцовалъ Великой Князь. Потомъ какъ Ея Величество изволила выйдти въ комнату, что подлѣ галлерей, въ деревянномъ Зимнемъ дворцѣ, и сѣсть тамъ, то и Его Высочество туда жъ вышелъ, сталъ подлѣ ея. Государыня изволила разговаривать съ нимъ съ четверть часа, что Его Высочество за особливую почесть милость и очень радъ тому былъ, для того, что сіе рѣдко случалось; къ Великому Князю Ея Величество въ годъ разъ или два ходить изволила, не болѣе. Великой Князь во внутренніе ея покои никогда почти не ходилъ. Нынѣшняя Государыня ѣзжать къ нему изволила довольно часто.

„Какъ нѣкогда въ Петергофѣ Его Высочество гулялъ въ Монплезирѣ, зашелъ онъ къ Ивану Ивановичу (Шувалову) и тамъ никого за нимъ не было. Камердинеры не опредѣлены еще были, то за ширмы пошелъ съ нимъ камердинеръ Ивана Ивановича, застегнуть было нелому. Камердинеръ не зналъ того; на-

последокъ сказалъ уже ему Великой Князь: „Что жъ, братецъ, застегай“. Пришедъ домой (Его Высочество), говорилъ: „Какой это дуракъ.... сталъ да на меня смотреть“. Извинили (лакея), что онъ не зналъ.

„1761 годъ. Въ новой годъ обѣдалъ (Великой Князь) у Государыни; поздно встали. Великой Князь спрашивалъ: „доторой часть?“ Говорили, что дурно при Государыни спрашивать, однако сказали, что шестой. Пришедъ, Его Высочество рѣзвился въ своемъ будуарѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ и съ Иваномъ Ильичемъ. Въ вечеру просился на фейерверкъ, но не пустили.

„25-го апрѣля, день коронаціи, въ первой разъ формально танцовалъ Его Высочество на балѣ (см. выше).

„Когда Никита Ивановичъ не выѣзжалъ, то Великой Князь обыкновенно плакалъ, едва успокоить было можно.

„Сего жъ году, весною, поѣхали на краткое время въ Сарское Село. Три дни проживши тамъ, Государыня, въ скорости, отправила Великаго Князя въ Петербургъ затѣмъ, что въ Селѣ воспа была.

„Сама тамъ изволила остаться. Возвратясь потомъ изъ Сарскаго Села, Государыня, въ Троицннъ день, переѣхала по утру въ Лѣтній дворецъ. Великой Князь послѣ обѣда переѣхалъ.

„Великой Князь Петергофъ всегда лучше любилъ нежели Сарское Село.

„Изъ Лѣтняго дворца, черезъ нѣсколько времени, поѣхали въ Петергофъ. Его Высочество жилъ кннѣ подѣ орломъ (?). радовался и прыгалъ, что жилъ на новой квартирѣ. Увеселялся, между протчимъ, вотъ какъ: смскалъ гдѣ-то палочку и обручъ; связалъ ихъ вмѣстѣ, что представляло у него волторну. Оную привязавши на долгую веревку, сбрасывалъ съ балкону внизъ; внизу ходъ полѣстницѣ въ сѣни и когда проходящимъ волторною и въ голову попадало, Его Высочество забавлялся тѣмъ“.

¹⁾ Пропускъ въ рукописи.

Замѣтки С. А. Порошина въ дневникѣ съ 17 по 25-ое Марта 1765 г.

[слѣдчи выше стр. 287—295]

17. Четвергъ. Фейерверкъ.
 18. Пятница. Пастуховъ.
 19. Суббота
 20. Воскресенье.
 21. Понедѣльникъ я } Къ Государынѣ,
 дежурной } Чернышева, Што-
 22. Вторникъ—Пер- } фельнъ, Голо-
 фельевъ. } цынъ, кн. Вязем-
 23. Среда Пастуховъ. } ской, Мельгуновъ,
 Салдернъ.

Марта 19. Обѣдали Гагаринъ и Салдернъ. Ходили портреты смотреть. Учился. Къ Государынѣ идтить было хотѣли, однако Ржеутской и Малаховской у Никиты Иваныча засидѣлись. Въ берланъ играли. Ужинать и спать.

20. Воскресенье. Одѣвшись съ Платономъ. Въ церковь. Послѣ обѣдни аудіенція Малаховскому. Обѣдали: Салдернъ, Кутузовъ, Бибииковъ, Филозофовъ. Послѣ обѣда у электрической машини и попрыгивалъ. На куртагъ. Государыня въ пижеты. Послали Малаховскаго смотреть внутреннихъ लोकоевъ. На куртагъ Бибиикова послать. Съ куртага до ужина о первомъ Колбергскомъ походѣ по Демидовѣ. За ужиномъ о взятіи Колберга. Какъ Вернера казакъ Канфиоровъ въ полонъ взялъ. О капитанѣ Цоповѣ. О зеленой батарее. Характеръ Чернышева и Румянцева. Спать десятого въ исходѣ.

21. Послѣ ученья à la guerre. Обѣдали г. Салдернъ и Крузъ. Грамотѣ про себя. О нѣмецкомъ языкѣ. Никита Ивановичъ о своей небогатости. Государь Петръ Великой по разсужденію больше храбръ былъ О нашемъ к: онопущаніи. Послѣ обѣда учился у меня очень хорошо. Въ берланъ. Къ Государынѣ. Ломберъ. Чернышева и Вяземская. Мало людей. Орловъ въ цнвкѣ съ Бибииковымъ билисъ. Пришедъ ужинать и спать.

22. Послѣ ученья Таубертъ статуйку прислалъ. Въ биллиардъ. Обѣдали Салдернъ, Мельгуновъ, Штофельнъ и Головцынъ. Послѣ обѣда учился. Въ берланъ. Къ Государынѣ. Ломберъ. Орловъ и Голицынъ. Великой Князь въ биллиардъ съ Талызинымъ. Въ половинѣ девятого назадъ. За столъ, спать въ исходѣ десятого.

23. Среда. До обѣда не знаю что. Послѣ обѣда учиться. Послѣ того къ Государынѣ ходилъ. Тамъ глѣвче маленькіе пѣли. Государыня въ биллиардной въ карты играла, а Великой Князь въ берланъ и въ посильные короли игралъ съ Шереметьевой и Сасъ. Возвратился, ужиналъ и спать легъ.

24. Послѣ ученья въ биллиардъ игралъ. Бѣгалъ. Рѣзовъ и своеравенъ сталъ. Рѣзвился. Сѣли за столъ. Никого постороннихъ не было. Говорилъ Никита Иванычъ по большой части со мною. Потому о астрономіи. Съ Великимъ Княземъ о паралаксисѣ. На чемъ земля стоитъ. О Фонтенелѣ, о Даламбертѣ, о Лейбницѣ, потому о нашихъ дамахъ. Объ Алонѣ Михайловнѣ. Поѣхали гулять по набережной и по Мойкѣ, оборота назадъ. Крпкъ. Камеръ-лакея разжаловалъ. Учился Великой Князь. Берланъ, бранъ со мною. Къ Государынѣ, не выходила. Въ биллиардной съ нами только дежурные кавалеры. Пришли назадъ, отужинавши спать.

25 Марта. Сегодня Пятница, Благовѣщеніе. Конной гвардіи праздникъ. Одѣвшись читалъ Его Высочество съ отцемъ Платономъ. Потому пошелъ въ церковь, прошелъ биллиардную. Государыня finement острися выговаривала, и говорила, что во всемъ любить порядокъ. j'aime que toutes les choses soient dans leurs formes. Ретировалася, но Государь къ себѣ пошелъ. Простилъ Игнатъева. Полянскому велѣни написать челобитную. Представляли Суворова. Госуда-

рыня пошла за столъ. Въ галереѣ кушали съ конно-гвардіи штабъ и оберъ офицерами. Мы сѣли за столъ. Передъ обѣдомъ Никита Ивановичъ игралъ въ шахматы съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ. Обѣдали у насъ Захаръ, Строгоновъ, Суворовъ, Гетманъ, Панинъ, Юшковъ.—О Каменскова поварахъ, о Нерчинскихъ рудахъ, объ отцѣ моемъ и проч. Послѣ обѣда электризація, шашки. Просилъ я о ливреѣ, но не сдѣлалось. Въ берланъ играли Великой Князь, Остервальдъ, Талызинъ, Савенъ, Куракинъ; пошши къ Государынѣ. Въ послыные корони и фрейлны Шафирова и Вейделя Марья. Пришедъ сѣли ужинать. За столомъ по большей части тихо. Спать легъ въ полдесятаго.

Удаленіе отъ двора С. А. Порошина и его письма къ гр. Г. Г. Орлову, 1766.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ читаемъ слѣдующую замѣтку издателя этого сборника по поводу удаленія С. А. Порошина въ 1766 году отъ двора и его дальнѣйшей судьбѣ:

Никита Ивановичъ Панинъ, оберъ-гофмейстеръ, главный воспитатель и, такъ сказать, опекунъ одиннадцатилѣтняго Великаго Князя, прослышавъ о Запискахъ Порошина, ввѣлъ у него просмотрѣть ихъ (нѣкоторыя тетради) и не возвратилъ. При всемъ простосердечіи своемъ, Порошинъ почувалъ бѣду. „Отъ Его Превосходительства поднесенныхъ ему тетрадей моихъ Записокъ не получилъ я еще, и никакого объ нихъ мнѣнія, ни худаго, ни добраго не слыжалъ отъ Его Превосходительства. При такихъ обстоятельствахъ продолженіе сего журналу становится мнѣ скучнымъ и тягостнымъ. Если онъ не перемѣнится, то принужденъ буду его покинуть“, пишетъ онъ 28 декабря 1765 года.

Порошину было въ это время всего 24 года. Сибирякъ по рожденію, воспитанный Сухопутнаго кадетскаго корпуса, честною душою и открытымъ сердцемъ преданный наукамъ и своей должности, одушевленный возвышенными мыслями о благѣ отечества и своего возлюбленнаго питомца, въ добавокъ занимающійся стихотворствомъ, — онъ не имѣлъ и не успѣлъ приобрѣсти опытности житейской. Не вѣдалось человѣка, который бы ценнулъ этому достойному юношѣ, что избытокъ усердія можетъ повести иногда къ послѣдствіямъ пагубнымъ. Онъ не чаялъ души въ своемъ Великомъ Князѣ, и не задумывался показывать свои Записки о немъ не только ближайшимъ пріятелямъ, но и „нѣкоторымъ изъ любопытныхъ купцовъ“, особливо такіа въ нихъ мѣста, кои о Его Высочествѣ могутъ подать высокое мнѣніе“.

(Статья о Порошинѣ М. П. Семейскаго)

въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1866 г. книга VIII-я, стр. 429). Порошинъ не сообщалъ, что эта откровенность могла быть крайне неприятна не только начальнику его Панину, но и всѣмъ приближеннымъ Великаго Князя, на взглядъ которыхъ таковое ежедневное записываніе всего случавшагося, всякаго разговора и мелочнаго случая могло казаться нѣкотораго рода соглядатайствомъ. Въ усердіи своемъ Порошинъ забывалъ, что особеннымъ, едва ли не безпримѣрнымъ въ исторіи политическимъ положеніемъ Великаго Князя предписывалась крайняя осторожность во всей его общественной обстановкѣ. Панинъ потребовалъ у Порошина его Записки вѣроятно по приказанію самой Государыни; ибо не можетъ быть, чтобы Екатерина, недреманное око которой проникло повсюду, и которая такъ хорошо знала силу печатнаго, письменнаго и устнаго слова, не провѣдала о непрошеномъ придворномъ лѣтописцѣ. Порошинъ былъ увѣренъ, что Государыня не знаетъ о существованіи его Записокъ; а она между тѣмъ не только знала, а кажется, даже и намекала о томъ Порошину. Въ день Рождества Христова 1765 г. (когда тетради Записокъ уже были у Панина) „Государыня изволила говорить, что уже мѣсяцъ тому назадъ, какъ Государь Цесаревичъ давалъ знать Ея Величеству, что прошлаго году о Рождествѣ въ первый день ввечеру были у Ея Величества святошныя игры, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы и мыѣ тоже сдѣлать, и для того изволила, усмѣхнувшись, говорить Великому Князю, чтобы онъ послѣ обѣда кафтанъ изволилъ надѣть полегче, и былъ ввечеру къ Ея Величеству на прѣще. При томъ изволила Государыня сказать Великому Князю: Конечно этотъ день у васъ въ календарѣ записанъ, также и тотъ, какъ мы въ послѣдній разъ у Сиверса были“ (тамъ каталась на салазкахъ). Порошинъ былъ тутъ и слышалъ эти слова, по всему вѣроятію для него и сказанныя.

Дальнѣйшихъ объясненій, кажется, не было. Друзья убѣждали Порошина не оставлять Записокъ; онъ продолжалъ ихъ, но уже изрѣдка. Между тѣмъ товарищи его—Нѣмцы (которымъ давно онъ приходился солонъ, завладевъ исключительно довѣріемъ и послушаніемъ Великаго Князя) воспользовались неловкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ очутился относительно Панина. Порошинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которыхъ стоить только разъ поставить въ замѣшательство, сбить, что называется, съ толку, чтобы они сами подали на себя врагамъ своимъ орудіе каинимъ нибудь неосторожнымъ словомъ или поступкомъ. Панинъ (хотя ему тогда было уже 47 лѣтъ) не утратилъ еще намѣренія жениться и имѣлъ въ виду богатѣйшую въ Россіи невѣсту, старшую дочь графа Шереметева, фрейлину графиню Анну Петровну (впоследствии она и была невѣстою Панина, но не успѣла выдти замужъ, скончавшись отъ оспы въ 1768 г.). Ея-то несчастный Порошинъ оказалъ какую-то невѣжливость, какъ сообщаетъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ своимъ родителямъ въ Москву (Соч. Фонъ-Визина, изд. 1866, стр. 386), что и послужило предлогомъ къ удаленію его отъ двора. Такъ какъ онъ состоялъ въ военной службѣ, то его перечислили въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, находившіяся въ Малороссіи, въ городѣ Ахтырѣ. Тщетно обращался онъ къ заступничеству графа Григорія Орлова. Ему велѣно немедленно ѣхать въ полкъ. Въ день отъѣзда изъ Петербурга, 15 Апрѣля 1766 года, онъ написалъ гр. Орлову стѣдующее письмо, въ черновомъ подлинникѣ сохранившееся у С. П. Амбразанцева:

„Къ гр. Григорію Григорьевичу.

„Милостивый Государь. Хотя по великодушному и милостивому Вашему Сіятельства за меня заступленію желаемаго вынѣ и не послѣдовалъ; но благодарность моя за Ваши ко мнѣ благодѣянія столько велика, какъ бы я и получилъ все, о

чемъ Ваше Сіятельство предстательствовали. Я боже утруждать Ея Императорское Величество уже не осмѣиваюсь. Конечно я прежними повторительными за меня великодушныхъ людей прошеніями, къ крайнему моему соболѣзнованію и отягченію, еще большій гнѣвъ на себя обратилъ. Я Вамъ, милостивый государь, чистосердечно признаюсь и клянуся Вашему Сіятельству Сердцевѣдцемъ Богомъ и честію, кромя моего поступка, о коемъ Ваше Сіятельство вѣдать позволите, ни малѣйшаго преступленія за собой не знаю; а видно, что по какимъ либо внушеніямъ донесено Ея Величеству что нибудь болѣе. Мнѣ болѣе не остается, какъ сносить въ терпѣніи свою судьбину, чтобъ она хотя со временемъ перемѣнилась, чтобъ я былъ въ прежнемъ своемъ состояніи или по крайней мѣрѣ въ такомъ, въ коемъ бы больше былъ доволенъ и которое бы желаніямъ и намѣреніямъ моимъ, пзвѣстнымъ Вашему Сіятельству, болѣе соответствовало. Во всемъ томъ, милостивый государь, кромя Васъ никакой надежды не имѣю. Вы великодушнымъ своимъ предстательствомъ, хотя нѣсколько времени спустя, доставить можете возмущенноному моему духу спокойство. Не предайте мнѣ, милостив. государь, забвенію: умножайте паче власъ главы моея некаждидни мя туне. Приндохъ во глубини морскія, и буря потопила мя. Отъ Вашего Сіятельства ружья ожидаю себя единыя помощи. Я по особливому повелѣнію долженъ сего мѣся бѣжать неотчетливо. И такъ теперь еду, увозя въ сердце своемъ и на чувствительнѣйшую къ Вамъ благодарности, за Ваши ко мнѣ отеческія милости. Пребываю по гробъ съ отличными почтеніемъ и чистосердечною преданностію и пр.

15 Апр.
1766 году.

Въ проѣздѣ черезъ Москву, Порошинъ напередъ случай переслать графу Орлову слѣдующее письмо отъ 3 Мая 1766 года:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь Григорій Григорьевичъ.

„Имѣя нынѣ вѣрный случай писать, не могъ я преминуть, чтобъ не писать къ вашему сіятельству. Переимѣна моего состоянія, будучи мнѣ столь тягостна и чувствительна, безпрестанно побуждаетъ меня озираться на прошлыя дѣла свои и разбирать, какія бѣ между ними могли быть причиною сего несчастнаго въ жизни моей проишествія. Вижу, милостивый государь, и слышу, что о поступкахъ моихъ при Государѣ Цесаревнѣ сдѣлано такое описаніе, отъ коего теперь я стражду. Размышляя о нихъ, сужу себя безъ всякаго самолюбія и потворства и повторяя стократно грустное таковое упражненіе, не нахожу ничего, чтобъ могло служить къ моему предосудженію. Съ самаго моего вступленія во дворъ его Императорскаго Высочества обратилъ и посвятивъ я на то все свои силы, чтобъ быть Государю Великому Князю полезнымъ, и тѣмъ бы, сколько отъ меня зависѣло, способствовать высокоамтернымъ намѣреніямъ Ея Императорскаго Величества и сладчайшему упованію всего Россійскаго общества. При Его Высочествѣ служилъ я, милостивый государь, около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ почти безотлучно и съ ущербомъ собственнымъ своимъ забавъ удовольствій, на которыя влечетъ меня и эта моя и безчисленные случаи, ставши не упустивъ изъ виду оногo своего. По сему побужденію попросилъ я самъ для себя должность, чтобъ предлагать Государю Великому Князю нужныя для военнаго искусства математическія науки, писалъ для Его Высочества особый курсъ, въ которомъ заключались: арифметика, геометрія, начальныя основанія механики и гидравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правлыя тактики. Арифметику Государь Великой Князь всю почти съ доказательствомъ у меня окончилъ и въ геометріи сдѣлалъ начало. Оной курсъ намѣренъ я былъ вмѣстѣ съ учебными

математическими тетрадами руки Его Высочества поднести Ея Императорскому Величеству. Кроме сего приготовилъ я, милостивый государь, сочиненіе, названное Государственной механикой. Въ ономъ хотѣлось мнѣ для Его Высочества вывести и показать разныя части, кои движутся государство, изяснить на примѣръ, сколько надобно солдатъ, сколько земледѣльцевъ, сколько купцовъ Р проч. и какъ кто доле поспѣшествуетъ всеобщему благоденствію; что не можетъ государство быть никакимъ образомъ благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ небреженіи. наположеніе сего сочиненія было уже у меня и сдѣлано. Онымъ же главнымъ своимъ на брѣнемъ упражняясь, началъ я съ нѣкоторымъ челоѣкомъ, почтеннымъ отъ всѣхъ за его ученіе и прензичныя дарованія, переписку о разныхъ правоучительныхъ и историческихъ матеріяхъ, которую собирались мы напечатать и поднести Его Высочеству. Сверхъ всего сего, вѣдая, что въ дѣтскихъ Его Высочества лѣтахъ не всегда пріятно и весело слушать формально предложенныя истины и знанія, старался вътѣшивать и доводить до него оныя, сколько смислилъ, во всѣхъ моихъ повседневныхъ съ нимъ обращеніяхъ и разговорахъ иногда такъ, чтобъ и самому Его Высочеству то непріятно было, дабы не навелъ скуку и отвращенія. Въ таковыхъ случаяхъ, кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ прѣдѣловъ красоты Россійскаго языка, которыхъ почувствительно тщился я подавать Государю Цесаревичу, наблюдалъ, чтобъ въ Его Высочествѣ осталось за законъ и основаніе, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностью; чтобъ любить народъ Россійской, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ; чтобъ твердо и непоколебимо быть въ глубокомъ почтеніи туды, куда онымъ Его Высочество долженъ. Во всѣхъ та-

ковыхъ своихъ упражненіяхъ, то, милостивый государь, имѣлъ за единственное себѣ одобреніе и утѣшеніе, чтобъ заслужить себѣ со временемъ Высочайшее благоволеніе всемилостивѣйшей и премудрой Самодержицы. Теперь истинно не могу удержать слезъ своихъ, что посредѣ такого тихаго и какъ бы казалось не непохвального течения вверженъ въ напугѣйшее безпокойство, приведеиъ подъ гнѣвъ у Ея Императорскаго Величества. Ударъ сей тѣмъ мнѣ несноснѣе, что пораженъ имъ незапно и нечаянно. И по оному своему поведенію могъ ли ожидать того, примите, милостивый государь, въ разсужденіе. Правда, что и прежде сего по онымъ всегдашнимъ моимъ съ Государемъ Цесаревичемъ обращеніямъ, будучи я отъ Его Высочества почтенъ особливою склонностью и милостью, видѣлъ, что то завистливому невѣжеству непріятно было и принужденъ былъ сносить иногда отъ онаго нѣкоторые прѣтѣсенія, кои однакожъ пресиралъ я и ни во что ставилъ. Случилось на примѣръ нѣкогда, что Его Высочество, увѣряя меня съ откровенно горячностью, что онъ меня жалуетъ, услышалъ, что я ему говорю, что тому не вѣрю, потому что изволитъ говорить, что жалуетъ, а когда въ дальности его увеселенія или въ невниманіи при ученьи углубивать ставишь, такъ иногда и не изволитъ слушать. Оныи Государь Великой Князь такъ былъ тронутъ, что изволилъ дать мнѣ слово, чтобъ всегда меня слушатица. И подлинно долге время отъ сего уснѣхъ и видѣлъ: какъ скоро съ ономъ нашимъ договоръ напомяну ему, то вѣрно изволитъ послушатица и отстать отъ той несправдливости, въ коей его оговаривалъ. Сіе безвннное и почти шуточное, для Его же Высочества пользы положительное, условіе было перетолковано такъ, что будто я хочу, чтобъ только Великой Князь меня одиного слушатица и мнѣ бѣ только слѣдовало, и однимъ словомъ, чтобъ гдѣгаль все, что только, чего я ни захочу; были тѣмъ прѣдѣлены въ другіе дому подобныя

перетолки и низости, какіе только маленькой и темной духъ-накостникъ вымыслить можетъ. Но о всемъ томъ тогда жъ изъяснился я съ Его Высочайшескимъ повелѣніемъ нашимъ главнокомандующимъ, и онъ изволилъ мнѣ тогда дать знать, что входитъ въ мои изъясненія. А вынѣ что такое на меня введено, ей, ей, милостивый государь, обстоятельно ни отъ кого не слыхалъ, и клянусь Вашему Сіятельству честью и всѣмъ, что есть святаго на свѣтѣ, что ничего не знаю. Защитите меня, милостивой государь, многомогущимъ ходатайствомъ вашимъ. Лишенному всего Ваше Сіятельство можете все доставить, и тѣмъ обязать меня на вѣки. Невинность моя за меня будетъ вамъ поборствовать: на васъ милостивой государь, единственная моя несомнѣнная надежда. Несчастіемъ своимъ гублю я своихъ родителей, гублю сестеръ своихъ и брата, конь отъ меня только всей себѣ помощи ожидать. Войдите, милостивый государь, въ мое настоящее мое состояніе. На сихъ дняхъ выду я въ Ахтырку, но откудабы не могла достать меня помощная рука и вырвать изъ рукъ моихъ по гробъ мой съ отчаянною ревностью и совершеннымъ потугамъ. Милостивый государь, Ваше Сіятельство вѣрнѣйшій слуга С. Порошинъ.
Москва, Мая 3 дня 1766 года.

Дальнѣйшая судьба Порошина мало известна. По свидѣтельству издателя его письма и вѣроятно благодаря заступничеству графа Орлова, черезъ два года изъ военной службы, онъ сдѣланъ былъ командиромъ Старооскольскаго полка. Но, конечно, не красна была его обстановка въ Малороссійскихъ стѣнахъ послѣ разнороднаго и высокаго интереса Петербургской дѣятельности. Началась Турецкая война 1769 года, и Старооскольскій полкъ посланъ въ походъ. Графъ Румянцевъ, цѣлѣушій примерженностью Порошина въ в. к. Петровичу, принялъ его подъ свое покровительство. Но вотъ процессъ

слухъ, что, вмѣсто Румянцева, главноначальствующимъ будетъ графъ Петръ Ивановичъ Паппинъ, тотъ самый Панинъ, который четыре года такъ дружелюбно разбѣжжалъ съ Порошинымъ по Красносельскому лагерю. Это такъ поразило Порошина, что случайная болѣзнь его перешла въ смертельную. Онъ скончался 12 сент. 1769 г. и похороненъ въ Елизаветградской крѣпости.

Кромѣ вышеприведеннаго, въ бумагахъ Порошина, открытыхъ С. Н. Амбразанцевымъ, сохранились еще слѣдующія:

СЛОВЕСНЫЯ УПРАЖНЕНИЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗИ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

(Собственноручная его тетрадь, сохранившаяся въ бумагахъ Порошина).

1.

Se rendre tellement maitre de sa langue et de son visage, qu'ils ne trahissent jamais les secrets du cœur, est un art qu'il ne faut pas ignorer. Paul.

Ce 8 Avril 1763.

Овладѣть своею рѣчью и выраженіемъ лица своего, такъ чтобы они никогда не выдавали тайнъ сердца—есть искусство, коимъ не слѣдуетъ пренебрегать.
Павель.

8 Апрель 1763.

и диктованъ въ

2.

La gloire d'un Roi est la prospérité de ses peuples: son pouvoir et son autorité resident dans les cœurs de ses sujets. Paul.

Ce 18 Septembre 1763.

Слава Государя есть благоденствіе его народовъ: его сила и значеніе утверждаются на сердцахъ его подданныхъ.
Павель.

18 Сентября 1763.

3.

Soyés juste et impartial, et agissés avec les hommes comme vous voudriés qu'ils fissent avec Vous. La meilleure défense d'un Prince est sa bonté et sa vertu. Paul.

Ce 25 Septembre 1763.

Будьте справедливы и безпристрастны, и поступайте съ людьми такъ, какъ хотите, чтобъ они съ Вами поступали. Лучшая оборона Государю есть его доброты и доблесть. Павелъ.

25 Сентября 1763.

Celui qui néglige sa réputation est bien disposé à compter pour peu la vertu. Il ne faut jamais chagriner personne. Paul.

Ce XX Octobre MDCCLXIII.

Кто небрежетъ о томъ, кака я про него молва, тотъ склоненъ пренебрегать добродѣтелью. Не слѣдуетъ никогда оторчать кого либо. Павелъ.

20 Октября 1763.

Изъ записокъ Порошина извѣстно, что иногда о состоянн Великаго Кнзя составлялись особенныя Вѣдомости, которыя даже и печатались и были ему показываемы. Въ бумагахъ его воспитателя С. А. Порошина сохранились слѣдующіе рукописные листки подобнаго содержания:

Вѣдомости о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ.

I.

Письмо г-на Правомыслова, отставнаго капитана, изъ С.-Петербурга отъ Марта 1760 года къ г-ну Люборусову, отставному капитану въ Москвѣ.

Конечно, другъ мой, опечалились вы прежнимъ моимъ письмомъ о Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ. И подлинно было чему намъ тогда печалиться, слыша, что вравнувъ Петра

Великаго вѣдетъ себя не¹⁾ Ахъ! не токмо языкъ мой не можетъ выговорить, но и мыслить ужасаюсь, столько то было для насъ печально.

Но теперь я васъ, друга, моего, обрадую: Его Высочество сталъ съ нѣкотораго времени отмѣнять свой нравъ: учится хотя не долго, но охотно; не изволить отказывать, когда ему о томъ напоминаютъ; когда же у него времянемъ охоты нѣтъ учиться, то Его Высочество нмнѣ очень учтиво изволить говорить такими словами: Пожалуйте погодите или пожалуйте до завтра, не такъ какъ прежде бывало, всплхнеть и головушкою закинуть съ досадою и съ сердцемъ отвѣчать изволить: вотъ ужъ не легкая я! Какія то неприличныя слова въ устахъ Великаго Кнзя Россійскаго!

Вы знаете, кто мнѣ всё сн вѣсти приносилъ; тѣ же гранадеры лейб-компанн и гранадеры гвардн: самнмъ смншать, для того что гранадеры стоятъ на бекетѣ у дверей поивальни, а подъ окнами кавальери жъ ставятъ часовой пистолетъ для гранадеръ.

Кромѣ того нельзя сказать, чтобъ Его Высочество не учился; можно смело сказать, что Его Высочество столько же знаетъ о людяхъ въ Петербургѣ, сколько и о всѣхъ образъ вѣдетъ, что Великаго Кнзя дѣлаетъ, чтобъ по тому разсудить могли, каково стъ нравъ.

Я вамъ объявилъ нѣсколько, можно разными образомъ сказать, что Высочество изволить дѣлать. Напримеръ, какъ вамъ оказали, когда стъ лейб-компанн и гвардн гранадеръ; когда стъ истонника; нной стъ кавальери мальчикъ; а нной примѣтитъ въ кончатнхъ Его Высочества, въ которые совсѣдливо при немъ бывали, а именно, когда Великаго Кнзя хорошо вѣдетъ, тогда стъ нмнѣ стъ о томъ разсказывать всѣмъ стъ

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

когда же не такъ идетъ, какъ надобно, тогда они печальны, и лица ихъ такъ пасмурны, какъ осенняя погода.

Дни съ три тому назадъ пришѣтили, слава Богу, что всѣ комнатные Великаго Князя веселы стали. Мнѣ о томъ тотчасъ дали знать на Приморской дворѣ, куда я ѣздилъ прокатываться съ друзьями. Можете себѣ представить, сколь жадно мнѣ хотѣлось вѣдать, что было причиною веселости комнатныхъ Его Высочества. Подумайте, гдѣ и отъ кого и то свѣдаль? Прежде прїѣзда моего въ Петербургъ у Матисовой деревни отъ Красносельскаго крестьянина. Тутъ опустился у нашей кареты пасъ. Мы принуждены были вытнѣ изъ кареты, а тѣмъ временемъ наѣхалъ на насъ оной крестьянинъ, возвращаясь изъ Петербурга, куда онъ на придворную поварню отвозилъ уголья. Какъ людей у насъ было немного, то я попросилъ крестьянина, чтобъ намъ пособилъ хотя бы лошадей поддержать. Онъ безъ всякихъ отговорокъ, выскочилъ изъ саней, сказалъ мнѣ обыкновенною крестьянскою своею рѣчью: Заразъ, доброй господинъ. Между тѣмъ какъ онъ лошадей держалъ, а люди вѣдали насъ, а вступилъ съ нимъ въ разговоръ, спрашивалъ у него откуда онъ и зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ крестьянинъ изъ Краснаго Села, возилъ уголья на дворцовую поварню и ѣдетъ назадъ домой. Вида, что крестьянинъ мужикъ веселый, не дулъ и орывалъ порядочно, спросилъ я у него еще, не слыхалъ ли онъ какихъ новыиъ вѣстей? Какъ бабюшка не слышать! (отвѣчалъ мнѣ съ веселымъ лицомъ) Павелъ Петровичъ уже по толкамъ читаетъ и пишетъ. Еще бають, что будетъ разумень какъ Петръ Алексѣевичъ: уже теперь понимаетъ все.

Знаете ли, мой другъ, отъ кого онъ все сіе слышалъ? Отъ повареннаго мальчика, которому сказалъ обобщикъ или портной работникъ, а сей самъ все слышалъ въ комнатѣ Великаго Князя, будучи тутъ призванъ зашивать сукно на полу.

Я съ радости хотѣлъ было обнять и разцѣловать крестьянина, дакъ ему рубль за добрыя вѣсти и приказалъ ему, чтобъ о томъ всему своему селу рассказалъ. Я теперь увѣренъ, что сіи вѣсти скоро до Риги, оттуда въ Пруссію, а изъ Пруссіи дакъ въ чужіе края дойдутъ, потому что Красное Село лежитъ на большой дорогѣ къ Ригѣ.

Я прошу такъ же и васъ, моего друга, къ приятелямъ нашимъ въ городахъ о томъ описать, чтобъ и они съ нами порадовались. А я, впредь что будетъ, о всемъ порядочно буду васъ увѣдомлять.

II.

Изъ Санктъ-Петербурга въ 7 день октября 1760 года.

Къ совершенной радости нашей Его Императорское Высочество Государь Великой Князь, слава Богу, совсѣмъ выздоровѣлъ отъ приключившагося ему припадка. Сему скорому облегченію не мало помогло стараніе господина оберъ гофъ-мейстера; такъ же и послушаніе, которое Его Высочество во время своей болѣзни изволилъ ему во всемъ оказывать, особливо въ купаньи и въ приниманіи лекарствъ. Больше всего надобно удивляться, а при томъ радоваться тому, что Его Высочество дѣлалъ оное не съ принужденія, но по разсудку, когда предсавлено было, что для здоровья его то необходимо нужно было, хотя иногда лекарства ему и очень претительны были.

Во время болѣзни науками Его Высочество не утруждали; потому думали, что Его Высочество или нѣсколько запомнитъ, что уже изволилъ выучить, или по меньшей мѣрѣ неотменно за ученье опять примется. Напротивъ того, къ неизреченному удовольствію нашему, Великой Князь ни мало ничего не запоминать, и вчера зачалъ продолжать ученіе свое съ охотою; оное примѣчено потому что въ первые вечера дѣланы были ему вопросы въ Географію по глобусу: Его Высочество на ономъ показывалъ безъ осязавен, правильно и изрядно все, что онъ до сихъ поръ зналъ

по однимъ только картамъ; все сіе насъ нескызанно веселитъ, особливо разумныя разсужденія Государя Великаго Князя, какъ самъ нынѣ удовольствіе находить, когда что знаетъ.

Письма С. А. Порошина къ академику Миллеру.

I.

Милостивый Государь,

Поселившася въ домѣ вашемъ, восна принуждаетъ меня теперь противъ моея воли сдѣлаться неучтивымъ, и послать переписанное, по повелѣнію вашему, письмо съ челобѣкомъ, да и въ прочемъ возбраняетъ на нѣкоторое время входить въ домъ вашъ, что всегда почитаю за важную часть моего счастья. Но что касается до перваго, то вѣдая, что положенная о васи повѣдь вамъ довольно известна, думаю, что сія моя неучтивость отъ васъ мнѣ милостиво упушена будетъ, а помышляя о последнемъ, льщу себя пріятною надеждою дожидаться пакн радостныхъ тѣхъ дней, увѣряя васъ при томъ, что я всегда пребуду съ почтеніемъ вашъ, Милостиваго Государя, покорѣнншій слуга Семень Порошинъ.

17^{IX}_{is}55.

II.

Monsieur,

Je vous prie très humblement, de m'envoyer par ce porteur de ce billet quelque dictionnaire de mythologie, Almand ou François. Je vous le rendrai au bout de quelques jours avec beaucoup de reconnaissance. Quant aux mémoires géographiques, que je tiens de vous, je vous les présenterai moi-même dès que je serai en état de sortir l'indisposition, où je me trouve presentement, m'oblige à garder la chambre.

Je suis avec un attachement le plus respectueux, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur S. Poroschin.

26 Octob. 1759.

M. Г. Покорѣннше прошу васъ прислать мнѣ съ подателемъ сей записки какой либо мнѣологическій лексиконъ, нѣмецкій или французскій. Съ великою благодарностью возвращаю вамъ сію че-

резъ нѣсколько дней. Что касается до географическихъ записокъ, которыя взяты у васъ мною, то я представлю ихъ лично, какъ только мнѣ можно будетъ выйти изъ дому: въ настоящее время я не такъ здоровъ и долженъ оставаться въ своей комнатѣ. Съ почтительною преданностью есмь и пр. 26 окт. 1759.

III.

Monsieur,

Il y a un livre, intitulé: Histoire de la maison de Stuart, qui vous est certainement connu. Je suis presentement dans le cas, qu'il faut necessairement que je l'aye pour quelques jours. Si vous l'avez dans votre bibliothèque, ou que vous le pouvez procurer de quelqu'un de vos amis, faites moi, Monsieur, je vous prie très humblement, ce plaisir infini et envoyez moi ce livre là par le porteur de ce billet. Je n'ai pu le trouver dans la librairie de l'Academie. Il ne me reste donc de moyen dans cette occasion, de m'adresser à vous. Je vous le rendrai la semaine prochaine avec une reconnaissance, proportionnée au besoin que j'en ai: et ce besoin est extrême et pressant.

Je suis avec un attachement le plus respectueux, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur S. Poroschin le 2 Novembre 1761.

Есть книга, которую вы конечно знаете, подъ названіемъ: Исторія дома Стюартовъ. Въ настоящемъ случаѣ мнѣ необходимо имѣть ее на нѣсколько дней. Если она имѣется въ вашей библиотекѣ или вы можете достать ее отъ кого либо изъ вашихъ друзей, покорѣннше прошу васъ, м. г., оказать мнѣ безконечное удовольствіе и пришлите эту книгу съ подателемъ этой записки. Я не могъ найти ее въ академическомъ книжной лавкѣ, и мнѣ неостается другаго средства какъ обратиться за нею къ вамъ. Возвращаю вамъ ее на той недѣли съ благодарностью, соотвѣтственно той нуждѣ, каковую имѣю въ этой книгѣ, а нужда эта настоятельна и чрезвычайна. Съ почтительною преданностью и пр. 2 ноября 1761.

IV.

Monsieur,

C'est justement m. Hume, qui est l'auteur du livre en question. Je vous ré-pète encore ma très humble prière, de me le procurer pour quelques jours, s'il est possible, et de me le faire tenir par le porteur de ce billet. Vous obligerez infiniment, Monsieur, votre très avoué et très obéissant serviteur S. Poroschin.

le 3 Novembre 1761.

М. г. Сочинитель книги, о которой идетъ рѣчь, есть навѣрное г. Гюмъ. Повторяю вамъ покорную мою просьбу достать мнѣ ее на нѣсколько дней, если возможно, и прислать съ подателемъ этой записки. Беззаконно одолжите, м. г., вашего предавнаго и покорнѣйшаго слугу. 3 ноября 1761.

Примѣчаніе. Словесныя выраженія въ кн. Павла Петровича, вѣдомости о немъ же и письма С. А. Порошина къ Миллеру были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ и здѣсь помѣщены, вмѣстѣ съ записками С. А. Порошина, дабы дать точной обрисовки какъ нравственнаго, такъ воспитателя Цесаревича, а также заботъ объ нѣжно любимомъ имъ августѣйшемъ его питомцѣ.

Профессоръ Викторъ Порошинъ — издатель Записокъ Семѣя Андреевича Порошина.

Порошинъ, Викторъ Степановичъ, родился въ 1811 г. и обучался первоначально въ Цесарбургскомъ Высшемъ Западнѣмъ университетскомъ образованіи, а послѣднее же образованіе получилъ въ Дерптѣ, гдѣ, въ 1832 году, и окончилъ курсъ по Камеральному Отдѣленію со степенью кандидата. Почувствовавъ призваніе къ учено-педагогической дѣятельности, вступилъ онъ затѣмъ въ профессорскій Институтъ, и, для дальнѣйшаго усовершенствованія, отправленъ былъ, въ февралѣ 1833 года, за границу, откуда возвратился въ май 1835 г. Степень доктора Философій по-

лучилъ онъ въ 1839 году, защитивъ диссертацию подъ заглавіемъ: „Критическія изслѣдованія объ основаніяхъ Статистики“ (Сиб. 1838). Эстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ Политической экономіи и статистики Порошинъ утвержденъ въ 1842 году. Лекціи его весьма высоко цѣнились студентами, и вскорѣ, благодаря разнообразію своей образованности и гуманистическимъ тенденціямъ, при благородствѣ характера, сдѣлался онъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ профессоромъ въ Университетѣ, въ которомъ приобрѣлъ почти такое же значеніе какъ Грановскій въ Московскомъ. „Слушатели — отзываясь о немъ Плетневъ — привыкли приходить въ аудиторію его съ пріятнѣйшими ожиданіями, и выходить оттуда съ новыми каждой разъ идеями, глубоко обдуманвыми и полными многообразнаго приложенія къ общественной жизни“. О направленіи и духѣ его преподаванія даетъ понятіе рѣчь, произнесенная имъ на Университетскомъ актѣ 1846 года: „Земледѣліе въ политико-экономическомъ отношеніи“. Осенью 1847 года домашнія обстоятельства и заботы принудили Порошина оставить, какъ Университетъ, такъ и вообще службу. Въ 1844 году издалъ онъ любимыя „Записки Семѣя Порошина“, дѣда своего, находившагося въ числѣ лицъ, обучавшихъ Императора Павла Петровича въ его дѣтствѣ; а въ 1847-мъ напечаталъ въ „Запискахъ“ И. Р. Географическаго Общества статью „О средствахъ въ опредѣленіи климата“. По части же Политической экономіи оставилъ онъ переводъ популярнаго изложенія этой науки, сдѣланнаго французомъ Менье, подъ заглавіемъ: „Всѣмъ дѣдамъ съ племянникомъ о Политической экономіи“ (Сиб. 1842). Кромѣ того, въ повременныхъ изданіяхъ помѣщены имъ „Біографія Женнера“ и нѣсколько статей о разныхъ современныхъ тогда вопросахъ, которыя привлекли къ нему симпатію читающей публики [Имп. Сиб. Университетъ въ 1820—1870 гг. Соч. В. В. Григорьева, стр. 163—170].

XXI*

Рукописи Записокъ С. А. Порошина.

Намъ извѣстны три рукописи этихъ Записокъ: первая—въ листъ, три тома, писанная крупнымъ почеркомъ, въ XVIII столѣтїи, на толстой бумагѣ, для ближайшаго друга великаго князя, впоследствии императора, Павла, князя А. Б. Куракина и сохранившаяся въ его бумагахъ. Эта рукопись была подробно нами сличена съ изданіемъ 1844-го года и результатъ этого сличенія изложенъ въ статьѣ нашей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1866-го года, книга 8-я.

Вторая и третья рукописи принадлежатъ дворцовой библиотеки въ городѣ Павловскѣ. Съ благосклоннаго разрѣшенія августѣйшаго владѣтеля Павловска, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, рукописи эти были въ нашемъ распоряженіи при печатаніи настоящаго изданія записокъ С. А. Порошина. Одна изъ этихъ рукописей, очевидно по времени старѣйшій, едва ли не современный Порошину, заключается въ трехъ томахъ, переплетенныхъ каждый отдѣльно въ толстый красный сафьянъ, съ выбитыми золотомъ, на доскахъ переплета, вензелями государя Павла Петровича. Текстъ писанъ на сильей бумагѣ, съ большими полями, какъ бы для вставки или дополненій. Въ одной изъ страницъ именно противъ слѣдующихъ строкъ: „потому что-де въ такому-то часу можно поспѣвать еще въ Стокгольмъ“ (см. Записки Порошина въ „Рус. Ст.“ изд. 1881 г., т. XXII, стр. 213), мы нашли карандашомъ написанную, несомнѣнно рукою Павла Петровича, замѣтку: *Je me dout nos ancetres se servoient en guise de Stokholm*“.

Другая рукопись Павловскаго дворца Записокъ Порошина въ двухъ томахъ, весьма тщательно переписанная, почеркомъ уже значительно позднѣйшаго време-

ни и переплетенная въ зеленый сафьянъ. Эта рукопись, почти тождественная съ печатнымъ изданіемъ 1844-го года, очевидно подносный экземпляръ, но кому и въ какое время—намъ не извѣстно.

За основную рукопись для нашего изданія мы избрали ту, которая очевидно принадлежала Павлу Петровичу, т. е. первую изъ двухъ хранящихся въ Павловскѣ, при чемъ, однако, варианты вставили въ скобкахъ изъ прочихъ двухъ рукописей. Мы нигдѣ не отмѣчали добавленія и разночтенія въ нашемъ изданіи съ первымъ, т. е. 1844-го года—главнымъ образомъ потому, что въ статьѣ нашей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ было уже сдѣлано такое сличеніе изданія 1844-го года Записокъ Порошина съ Куракинскимъ спискомъ. Добавленія эти—иногда довольно значительны; во множествѣ же случаевъ онѣ состоятъ только изъ нѣсколькихъ словъ, или въ раскритіи фамилій, скрытыхъ въ надписяхъ, но независимо отъ нихъ мы не могли воспроизвести въ совершенной точности слогъ Порошина, подполковника, владѣльцемъ его записокъ въ 1844 году, и многія слова устарѣвшія, и тщательно изгонялъ изъ текста „сей“, „онид“ и проч., и отбрасывалъ отъ глоссы.

Записокъ, гвардіи полковника Порошина брата покойнаго профессора В. Порошина, право на настоящее изданіе Записокъ его чреда Семе́на Амбразевича, вмѣстѣ съ тремя тетрадами, которые были найдены въ архивѣ Порошина, Амбразевича, и которыя, не находясь въ изданіи 1844 года, были въ появившееся время вставлены въ „Русскомъ Архивѣ“, мы считали эти тетради въ своемъ изданіи лишними и въ тожъ видѣ, въ которыхъ они были, вписаны въ „Русскомъ Архивѣ“.

М. Семевъ

Изданъ 7 (19) октября 1881 г.

двѣи казны: 39,8%, удѣловъ: 2,0%, помещиковъ 26,4%, крестьянъ 31,8%. Тѣсны рамки нашего библіографическаго листа не позволяютъ намъ приводить дальнѣйшихъ выдержекъ изъ «Обыча» г. Янона и потому ограничимся замѣткою, что всесторонняя разработка политико-экономическихъ вопросовъ, возбужденныхъ реформою и изложенная въ его книгѣ, будетъ долго вызывать полемику, крайне полезную для самого дѣла, и во всякомъ случаѣ книга Янона заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія каждаго просвѣщенного читателя, интересующагося статистикою и исторіею Россіи за послѣдніе двадцать шесть лѣтъ ея обновленнаго бытія.

Викторъ Рагозинъ. Волга. Томъ первый. Спб. 1880. III+387+VIII стр. въ 8 д. л. Цѣна съ атласомъ 3 р. 50 коп.

Изъ предисловія составителя труда видно, что онъ будетъ состоять изъ девяти томовъ. Первые три предполагается посвятить географическому описанію Волги отъ ея истока до впаденія въ составъ слѣдующихъ придетъ обзоръ промышленной жизни волжскаго бассейна. «Какъ ни велико было мое желаніе», говоритъ г. Рагозинъ, «привести къ концу краткое описаніе Волги, но обстоятельства дѣла, какъ и прежде, не позволяютъ мнѣ успѣвать въ этомъ дѣлѣ».

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія растеній и животныхъ, живущихъ по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія населенныхъ пунктовъ по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія промышленности по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія торговли по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія судоходства по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія рыболовства по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія охотничьихъ промысловъ по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія рыболовства по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

тасть значенія. Первый томъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ, авторъ описываетъ теченіе и притоки Волги отъ ея истока до Мологи (стр. 1—187); во второмъ—отъ Мологи до Оки (стр. 188—309). Остальныя страницы посвящены разработкѣ вопроса объ истока Волги, таблицѣ ея притоковъ и алеватичныхъ устьевъ населенныхъ приволжскихъ пунктовъ губерній Тверской, Ярославской и Костромской. Живымъ языкомъ авторъ повѣствуетъ о геологич., географич., естественной исторіи, археологич. и этнографич. Россіи, о гидравлическихъ сооруженіяхъ, о движеніи торговыхъ и промышленныхъ и т. п., и съ первыми же страницъ привлекаетъ вниманіе читателя къ своему труду. Отдавая почтенному автору должную справедливость, укажемъ на одинъ недостатокъ, требующій исправленія. Повествуя о поволжской флорѣ (стр. 264—291) авторъ приводитъ каталогъ растеній лишь на латинскомъ языкѣ, безъ русскаго перевода. Совершенно согласны, что нашимъ богатымъ извѣстна народная номенклатура, но было-бы не лишнее, если бы авторъ въ своемъ каталогѣ растеній, привелъ ихъ русскія названія — вѣтвямъ и областямъ.

Точно такъ-же, было бы желательно видѣть упомянутыя названія рыбъ и птицъ Девоніи. Это конечно такъ болѣе не лишнее, что въ описаніи томата, картофеля, бѣлыхъ грибовъ, дынь, вошедшихъ въ Волгу, русскими, а не одними латинскими именами.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія населенныхъ пунктовъ по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія промышленности по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія торговли по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія судоходства по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія рыболовства по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія охотничьихъ промысловъ по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія рыболовства по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія охотничьихъ промысловъ по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

Въ предисловіи авторъ упоминаетъ о необходимости описанія рыболовства по берегамъ Волги, но въ настоящемъ томографіи нѣтъ ни одного слова объ этомъ предметѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цена за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложения, украшенными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Большая Садовая, противъ Публичной Библиотеки, при книжномъ магазинѣ Николая Ивановича Мамонтова, д. № 12. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Изгородние обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, бывш. Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

- I. Записки (мемуары) и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, статьи, обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ выдающихся русскихъ дѣятелей, людей государственнаго, военныхъ, духовныхъ и сѣcularнаго характера. — IV. Очерки и статьи объ исторіи русской культуры, искусства, литературы, науки, промышленности, торговли, общественной жизни писателей и артистовъ, мѣстности, этнографіи, религіи, философіи. — V. Библиографическія статьи о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки. — VII. Характерныя челобитныя, доносныя дѣятели, переписки, прошенія, документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VIII. Народная русская словесность. — IX. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1872 г., двѣнадцатилѣтнее собраніе, 6 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцатилѣтнее собраніе, 6 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцатилѣтнее собраніе, 6 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 172 портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ 172 портретами, 8 руб.

